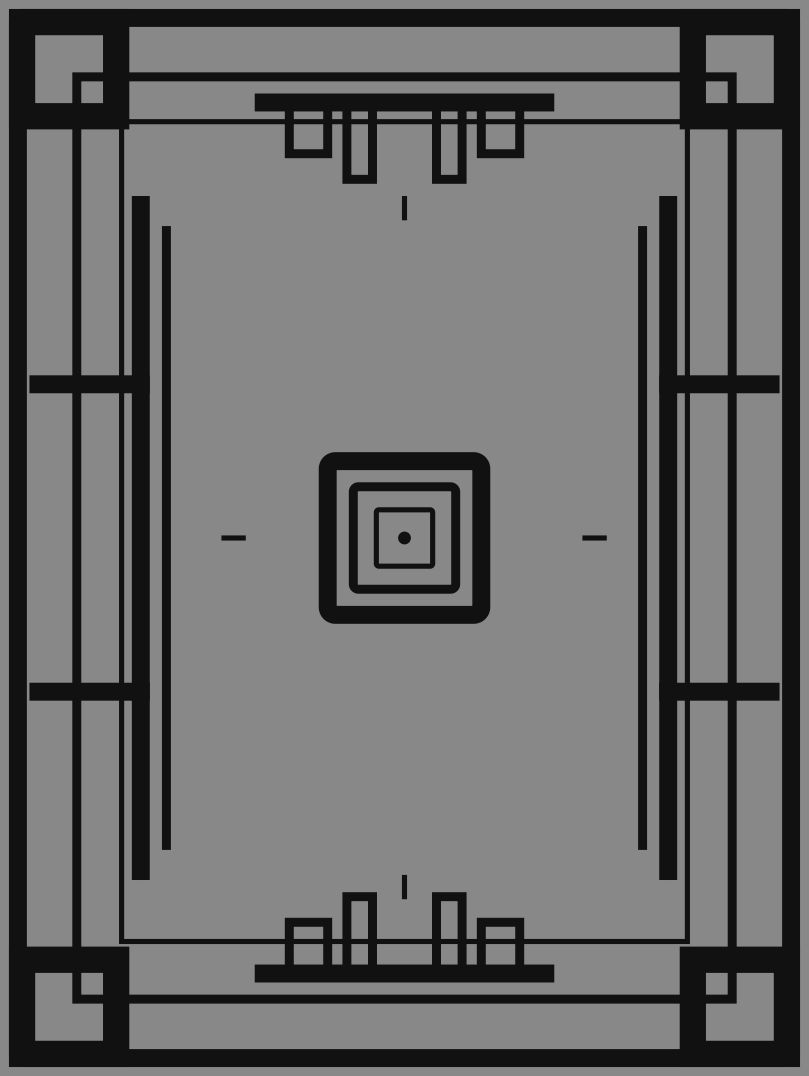

Angels & Demons	АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ
by Dan Brown	Дэн Браун
For Blythe...	Блайз посвящается...
Fact	Факты
The world's largest scientific research facility-Switzerland's Conseil Europ?en pour la Recherche Nucl?aire (CERN)- recently succeeded in producing the first particles of antimatter.	Крупнейшему международному научно-исследовательскому учреждению -Европейскому центру ядерных исследований (ЦЕРН) - недавно удалось получить первые образцы антивещества.

Antimatter is identical to physical matter except that it is composed of particles whose electric charges are opposite to those found in normal matter.	Антивещество идентично обычному веществу, за исключением того, что его частицы имеют электрические заряды, противоположные зарядам знакомой нам материи.
Antimatter is the most powerful energy source known to man.	Антивещество представляет собой самый мощный из известных человечеству источников энергии.
It releases energy with 100 percent efficiency (nuclear fission is 1.5 percent efficient).	Оно высвобождает ее со 100-процентной эффективностью (коэффициент полезного действия ядерной цепной реакции составляет 1,5 процента).

Antimatter creates no pollution or radiation, and a droplet could power New York City for a full day.	При этом не происходит ни загрязнения окружающей среды, ни заражения ее радиоактивным излучением. Крошечная капля антивещества могла бы в течение целого дня обеспечивать энергией такой город, как Нью-Йорк.
There is, however, one catch...	Здесь есть, однако, одно обстоятельство...
Antimatter is highly unstable.	Антивещество крайне нестабильно.
It ignites when it comes in contact with absolutely anything... even air.	Оно высвобождает энергию при любом малейшем контакте... даже с воздухом.

A single gram of antimatter contains the energy of a 20 kiloton nuclear bomb-the size of the bomb dropped on Hiroshima.	Один грамм антивещества заключает в себе энергию 20-килотонной атомной бомбы - такой, какая была сброшена на Хиросиму.
Until recently antimatter has been created only in very small amounts (a few atoms at a time).	До недавнего времени антивещество получали лишь в мизерных количествах (несколько атомов за один раз).
But CERN has now broken ground on its new Antiproton Decelerator-an advanced antimatter production facility that promises to create antimatter in much larger quantities.	Однако сейчас ЦЕРН запустил свой новый замедлитель антипротонов - усовершенствованное устройство для производства антивещества, которое позволит значительно увеличить получаемые объемы.

One question looms: Will this highly volatile substance save the world, or will it be used to create the most deadly weapon ever made?	Остается один вопрос. Спасет ли эта крайне неустойчивая и капризная, но взрывоопасная субстанция мир или она будет использована для создания самого смертоносного оружия, которое когда-либо попадало в руки человека?
Author's Note	От автора

References to all works of art, tombs, tunnels, and architecture in Rome are entirely factual (as are their exact locations).	В книге упоминаются реальные гробницы, склепы, подземные ходы, произведения искусства и архитектурные памятники Рима, местоположение которых точно соответствует действительному.
They can still be seen today.	Их и сегодня можно видеть в этом древнем городе.

The brotherhood of the Illuminati is also factual.	Братство "Иллюминати" также существует по сию пору.
Prologue	Пролог
Physicist Leonardo Vetra smelled burning flesh, and he knew it was his own.	Физик Леонардо Ветра почувствовал смрадный запах горелого мяса и понял, что это прижигают его собственную плоть.
He stared up in terror at the dark figure looming over him.	Он в ужасе вскинул глаза на нависшую над ним темную фигуру.
"What do you want!"	- Что вам от меня нужно?
"La chiave," the raspy voice replied.	- La chiave, - проскрипел в ответ резкий злой голос.
"The password."	- Пароль.
"But... I don't-"	- Но... Я не...

The intruder pressed down again, grinding the white hot object deeper into Vetra's chest.	Мучитель склонился ниже, раскаленное добела железо еще глубже проникло в грудь Леонардо Ветра.
There was the hiss of broiling flesh.	Зашипела лопающаяся от жара кожа.
Vetra cried out in agony. "There is no password!" He felt himself drifting toward unconsciousness.	- Нет никакого пароля! - вскрикнул от нестерпимой боли ученый, чувствуя, что начинает проваливаться в беспамятство.
The figure glared. "Ne avevo paura.	- Ne avero paura, - проскрежетал его истязатель.
I was afraid of that."	- Этого я и боялся.

Vetra fought to keep his senses, but the darkness was closing in.	Леонардо Ветра изо всех сил старался не потерять сознание, но непроглядный мрак стремительно надвигался на него со всех сторон.
His only solace was in knowing his attacker would never obtain what he had come for.	Единственным утешением ему служила мысль, что безжалостному палачу никогда не получить того, чего он так добивался.
A moment later, however, the figure produced a blade and brought it to Vetra's face.	Однако через мгновение в руке у того появился кинжал, и остро отточенный металл блеснул у самого лица Ветра.

The blade hovered. Carefully. Surgically.	Лезвие опускалось медленно и неотвратимо, с хирургической точностью и расчетливостью.
"For the love of God!" Vetra screamed.	- О Господи! - взмолился Ветра. - Ради всего святого...
But it was too late.	Слишком поздно.

1	Глава 1
High atop the steps of the Pyramid of Giza a young woman laughed and called down to him.	Молодая женщина на самом верху лестницы, ведущей к пирамидам Г изы звонко расхохоталась.

"Robert, hurry up! I knew I should have married a younger man!" Her smile was magic.	- Пошевеливайся, Роберт! - крикнула она с кокетливой улыбкой. - Так и знала, что мне следовало искать мужа помоложе!
He struggled to keep up, but his legs felt like stone.	Он заторопился, но его ноги будто налились свинцом.
"Wait," he begged.	- Подожди меня, - окликнул он ее.
"Please..."	- Прошу, пожалуйста...
As he climbed, his vision began to blur. There was a thundering in his ears.	Он из последних сил одолевал ступеньку за ступенькой, перед глазами у него плыли кровавые круги, а в ушах звучал заунывный звон.
I must reach her!	"Я должен до нее добраться!"

But when he looked up again, the woman had disappeared.	Однако когда он вновь поднял глаза, женщина уже исчезла.
In her place stood an old man with rotting teeth. The man stared down, curling his lips into a lonely grimace.	На ее месте стоял старик, смотревший на него сверху вниз с кривой ухмылкой, обнажавшей редкие гнилые зубы.
Then he let out a scream of anguish that resounded across the desert.	Из груди потерявшего жену страдальца вырвался вопль муки и отчаяния, эхом прокатившийся по бескрайней пустыне.
Robert Langdon awoke with a start from his nightmare.	Роберт Лэнгдон вздрогнул и вынырнул из ночного кошмара.
The phone beside his bed was ringing.	У его кровати пронзительно звонил телефон.

Dazed, he picked up the receiver.	Еще не стряхнув остатки сна, он поднял трубку.
"Hello?"	- Алло!
"I'm looking for Robert Langdon," a man's voice said.	- Мне нужен Роберт Лэнгдон, - ответил мужской голос.
Langdon sat up in his empty bed and tried to clear his mind. "This... is Robert Langdon." He squinted at his digital clock.	Лэнгдон, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли, спустил ноги с кровати и скосил глаза на дисплей электронных часов.
It was 5:18 A.M.	5:18 утра.
"I must see you immediately."	- Слушаю. - Я должен немедленно с вами встретиться.
"Who is this?"	- Кто говорит?

"My name is Maximilian Kohler. I'm a discrete particle physicist."	- Максимилиан Колер - физик, изучающий элементарные частицы.
"A what?" Langdon could barely focus.	- Кто? - изумился Лэнгдон.
"Are you sure you've got the right Langdon?"	- А вы уверены, что вам нужен именно я?

"You're a professor of religious iconology at Harvard University.	- Уверен. Вы профессор Гарвардского университета, специализируетесь в области религиозной символики.
You've written three books on symbology and-"	Написали три книги и...
"Do you know what time it is?"	- А вы знаете, который час? - возмущенно перебил его Лэнгдон.

"I apologize.	- Прошу меня извинить.
I have something you need to see.	Мне необходимо вам кое-что показать.
I can't discuss it on the phone."	По телефону объяснить не могу.
A knowing groan escaped Langdon's lips.	Из груди Лэнгдона вырвался стон.
This had happened before.	Еще один... Такое уже бывало не раз.
One of the perils of writing books about religious symbology was the calls from religious zealots who wanted him to confirm their latest sign from God.	Неизбежное зло - звонки от свихнувшихся фанатиков, требующих, чтобы он толковал знамения, которые явил им сам Господь.

Last month a stripper from Oklahoma had promised Langdon the best sex of his life if he would fly down and verify the authenticity of a cruciform that had magically appeared on her bed sheets.	Только в прошлом месяце какая-то стриптизерша из Оклахомы обещала Лэнгдону секс, которого он в жизни еще не имел, за то, чтобы он прилетел к ней в гости и подтвердил подлинность отпечатка креста, чудесным образом появившегося на ее простынях.
The Shroud of Tulsa, Langdon had called it.	Плащаница из Талсы, посмеялся тогда Лэнгдон.
"How did you get my number?"	- Как вы узнали номер моего телефона?
Langdon tried to be polite, despite the hour.	- Несмотря на ранний час, Лэнгдон пытался говорить вежливо.
"On the Worldwide Web.	- Во Всемирной паутине.

The site for your book."	На сайте о ваших книгах.
Langdon frowned.	Лэнгдон недоуменно сдвинул брови.
He was damn sure his book's site did not include his home phone number.	Он был абсолютно уверен, что на этом сайте не указан номер его домашнего телефона.
The man was obviously lying.	Его собеседник явно лжет.
"I need to see you," the caller insisted.	- Мне необходимо вас видеть, - настаивал тот.
"I'll pay you well."	- Я вам хорошо заплачу.
Now Langdon was getting mad.	Вот теперь Лэнгдон разозлился по-настоящему.
"I'm sorry, but I really-"	- Простите, однако я действительно...

"If you leave immediately, you can be here by- "	- Если не станете тратить время на пререкания, то сможете быть у меня к...
"I'm not going anywhere!	- И с места не тронусь!
It's five o'clock in the morning!"	Пять часов утра!
Langdon hung up and collapsed back in bed. He closed his eyes and tried to fall back asleep.	- Лэнгдон бросил трубку и, рухнув в постель, закрыл глаза и попытался заснуть.

It was no use.	Бесполезно.
The dream was emblazoned in his mind.	Память все подсовывала увиденную в кошмарном сне картину.

Reluctantly, he put on his robe and went downstairs.	Поворочавшись на сбитых простынях, он нехотя влез в халат и спустился вниз.
Robert Langdon wandered barefoot through his deserted Massachusetts Victorian home and nursed his ritual insomnia remedy- a mug of steaming Nestl?'s Quik.	Роберт Лэнгдон босиком бродил по своему пустому викторианскому дому в Массачусетсе, бережно сжимая в ладонях дымящуюся кружку с неизменным снадобьем от бессонницы -волшебным напитком "Нестле".
The April moon filtered through the bay windows and played on the oriental carpets.	Апрельская луна лила через окна призрачный свет, который затейливыми пятнами играл на восточных коврах.

Langdon's colleagues often joked that his place looked more like an anthropology museum than a home.	Коллеги Лэнгдона постоянно подтрунивали над тем, что его жилище больше смахивает на антропологический музей, нежели на домашний очаг.
His shelves were packed with religious artifacts from around the world-an ekuaba from Ghana, a gold cross from Spain, a cycladic idol from the Aegean, and even a rare woven boccus from Borneo, a young warrior's symbol of perpetual youth.	Полки в комнатах заставлены занятными вещицами со всего мира. Жутковатая маска из Ганы, золотой крест из Испании, фигурка облаченного в тунику божества из Эгеи, символ неувядаемой силы юного воина с Борнео.

As Langdon sat on his brass Maharishi's chest and savored the warmth of the chocolate, the bay window caught his reflection.	Лэнгдон, присев на окованный медью сундук из Бомбея, наслаждался живительным теплом ароматного шоколада. Боковым зрением он видел в оконном стекле свое отражение.
The image was distorted and pale... like a ghost.	Искореженное, бледное... настоящее привидение.
An aging ghost, he thought, cruelly reminded that his youthful spirit was living in a mortal shell.	К тому же стареющее привидение, подумал он, -беспощадное напоминание о том, что его по-прежнему молодая душа заключена в бренную оболочку.

Although not overly handsome in a classical sense, the forty five year old Langdon had what his female colleagues referred to as an "erudite" appeal-wisps of gray in his thick brown hair, probing blue eyes, an arrestingly deep voice, and the strong, carefree smile of a collegiate athlete.	Хотя сорокапятилетний Лэнгдон и не был красив в классическом понимании этого слова, у него, как выражались его сотрудницы, была внешность "эрудита": седые пряди в густых каштановых волосах, пытливые проницательные голубые глаза, обворожительно сочный низкий голос, уверенная беззаботная улыбка спортсмена из университетской команды.

A varsity diver in prep school and college, Langdon still had the body of a swimmer, a toned, six foot physique that he vigilantly maintained with fifty laps a day in the university pool.	Занимавшийся прыжками в воду в школе и колледже, Лэнгдон сохранил телосложение пловца - шесть футов тренированных мышц. Он тщательно поддерживал физическую форму, ежедневно по пятьдесят раз покрывая дорожку в университетском бассейне.
Langdon's friends had always viewed him as a bit of an enigma-a man caught between centuries.	Друзья Лэнгдона всегда считали его некой загадкой, человеком, заблудившимся где-то между столетиями.

On weekends he could be seen lounging on the quad in blue jeans, discussing computer graphics or religious history with students; other times he could be spotted in his Harris tweed and paisley vest, photographed in the pages of upscale art magazines at museum openings where he had been asked to lecture.	В выходные его можно было увидеть в окружении студентов, когда он, примостившись в вытертых джинсах прямо на каком-нибудь камне, обсуждал с ними головоломные вопросы компьютерной графики или не менее сложные проблемы истории религии. Однако он выглядел столь же естественно, когда в твидовом пиджаке от Харриса читал лекцию на открытии какой-нибудь музейной выставки, где его весьма охотно фотографировали для элитарных иллюстрированных журналов.

Although a tough teacher and strict disciplinarian, Langdon was the first to embrace what he hailed as the "lost art of good clean fun."	Хотя как преподаватель Лэнгдон и был приверженцем строгих правил и жесткой дисциплины, он первым среди профессуры ввел в практику то, что сам называл "забытым искусством доброй невинной забавы".
He relished recreation with an infectious fanaticism that had earned him a fraternal acceptance among his students.	Он с заразительным фанатизмом исповедовал и проповедовал внедрение в учебный процесс необходимых для восстановления способности к умственной деятельности развлечений, чем заслужил братское отношение со стороны студентов.

His campus nickname- "The Dolphin"-was a reference both to his affable nature and his legendary ability to dive into a pool and outmaneuver the entire opposing squad in a water polo match.	Они прозвали его Дельфином, имея в виду и его легкий дружелюбный характер, и легендарную способность во время игры в водное поло внезапно глубоко нырнуть и с помощью хитрых маневров чуть ли не у самого дна бассейна оставить в дураках всю команду противника.
As Langdon sat alone, absently gazing into the darkness, the silence of his home was shattered again, this time by the ring of his fax machine.	Лэнгдон одиноко сидел в пустом доме, уставившись в темноту невидящим взглядом. Вдруг тишину вновь разорвал звонок, на этот раз факса.
Too exhausted to be annoyed, Langdon forced a tired chuckle.	Разозлиться как следует сил у него не хватило, и он лишь хохотнул, устало и совсем не весело.

God's people, he thought.	"Ох уж эти мне Божьи твари! - подумал он.
Two thousand years of waiting for their Messiah, and they're still persistent as hell.	- Вот уже две тысячи лет ждут своего мессию и все никак не уймутся".
Wearily, he returned his empty mug to the kitchen and walked slowly to his oak paneled study.	Он отнес пустую кружку на кухню и неторопливо прошлепал босыми ступнями в обшитый дубовыми панелями кабинет.
The incoming fax lay in the tray.	На поддоне факса лежал лист бумаги.
Sighing, he scooped up the paper and looked at it. Instantly, a wave of nausea hit him.	С горестным вздохом он взял его в руки, и в тот же миг на него стремительно накатил приступ тошноты.

The image on the page was that of a human corpse.	Ученый не мог оторвать взгляда от изображения трупа.
The body had been stripped naked, and its head had been twisted, facing completely backward.	Шея у совершенно обнаженного человека была свернута так, что виден был только затылок.

On the victim's chest was a terrible burn.	На груди чернел страшный ожог.
The man had been branded... imprinted with a single word.	Кто-то заклеймил свою жертву... выжег одно-единственное слово.
It was a word Langdon knew well.	Слово, которое Лэнгдон знал.

Very well.	Знал наизусть.
He stared at the ornate lettering in disbelief.	Не веря своим глазам, он всматривался в витиеватую вязь букв.
"Illuminati," he stammered, his heart pounding.	- Иллюминати... - запинаясь произнес он вслух, чувствуя, как сердце гулко забилось о ребра.
It can't be...	Не может быть...
In slow motion, afraid of what he was about to witness, Langdon rotated the fax 180 degrees.	Медленным-медленным движением, уже заранее зная, что он увидит, Лэнгдон перевернул текст факса вверх ногами.

He looked at the word upside down. Instantly, the breath went out of him. It was like he had been hit by a truck.	И, беззвучно шевеля губами, прочитал напечатанное там слово.
Barely able to believe his eyes, he rotated the fax again, reading the brand right side up and then upside down.	Противясь очевидному, не веря своим глазам, он вновь и вновь вертел в руках лист бумаги...
"Illuminati," he whispered.	- Иллюминати, - почему-то прошептал он наконец.
Stunned, Langdon collapsed in a chair.	Совершенно ошеломленный, Лэнгдон упал в кресло.

He sat a moment in utter bewilderment.	Посидел некоторое время, приходя в себя и пытаясь собраться с мыслями.
Gradually, his eyes were drawn to the blinking red light on his fax machine.	И только потом заметил мигающий красный индикатор факса.
Whoever had sent this fax was still on the line... waiting to talk.	Тот, кто отправил ему факс, все еще оставался на линии... хотел, видимо, с ним поговорить.
Langdon gazed at the blinking light a long time.	Лэнгдон в нерешительности долго смотрел на дразняще подмигивающий огонек.
Then, trembling, he picked up the receiver.	Затем, дрожа словно в ознобе, поднял трубку.

2	Глава 2
"Do I have your attention now?" the man's voice said when Langdon finally answered the line.	- Надеюсь, теперь вы уделите мне немного внимания? - услышал он мужской голос.
"Yes, sir, you damn well do.	- Да, сэр, не сомневайтесь.
You want to explain yourself?"	Может быть, вы все же объясните, что происходит?
"I tried to tell you before."	- Я уже пытался это сделать.
The voice was rigid, mechanical.	- Г олос звучал механически, без всяких интонаций.

"I'm a physicist. I run a research facility.	- Я физик, руковожу исследовательским центром.

We've had a murder.	У нас произошло убийство.
You saw the body."	Труп вы видели сами.
"How did you find me?" Langdon could barely focus. His mind was racing from the image on the fax.	- Как вы меня нашли? - Перед глазами у Лэнгдона стояла полученная по факсу фотография, он никак не мог сосредоточиться и задал первый пришедший в голову вопрос.
"I already told you.	- Я уже говорил.
The Worldwide Web.	Через Всемирную паутину.

The site for your book, The Art of the Illuminati."	На сайте о вашей книге "Искусство иллюминатов".
Langdon tried to gather his thoughts.	Лэнгдон попытался привести мысли в порядок.
His book was virtually unknown in mainstream literary circles, but it had developed quite a following on line.	Его книга была абсолютно неизвестна в широких литературных кругах, однако получила множество откликов в Интернете.
Nonetheless, the caller's claim still made no sense.	Тем не менее заявление его собеседника звучало совершенно неправдоподобно.
"That page has no contact information," Langdon challenged.	- На той странице не указаны мои контактные телефоны, - твердо сказал он.

"I'm certain of it."	- Я в этом совершенно уверен.
"I have people here at the lab very adept at extracting user information from the Web."	- У меня в лаборатории есть умельцы, которые способны получить любую информацию о пользователях Интернета.
Langdon was skeptical. "Sounds like your lab knows a lot about the Web."	- Похоже, ваша лаборатория неплохо ориентируется в Сети, - все еще недоверчиво протянул Лэнгдон.
"We should," the man fired back. "We invented it."	- А как же иначе, ведь это мы ее изобрели!
Something in the man's voice told Langdon he was not joking.	Что-то в голосе собеседника убедило Лэнгдона в том, что он не шутит.

"I must see you," the caller insisted.	- Мне необходимо с вами встретиться, -настойчиво продолжал тот.
"This is not a matter we can discuss on the phone.	- По телефону такие вещи не обсуждают.
My lab is only an hour's flight from Boston."	Из Бостона до моей лаборатории всего час лёта.
Langdon stood in the dim light of his study and analyzed the fax in his hand.	Лэнгдон стоял в густом полумраке кабинета, рассматривая факс, который он все еще судорожно сжимал подрагивающими пальцами.

The image was overpowering, possibly representing the epigraphical find of the century, a decade of his research confirmed in a single symbol.	Он не мог отвести взгляд от изображения, возможно, представлявшего собой эпиграфическую находку века, один-единственный символ, вобравший в себя десять лет кропотливого труда.
"It's urgent," the voice pressured.	- Дело не терпит отлагательства, - настаивал его собеседник.
Langdon's eyes were locked on the brand.	Лэнгдон впился глазами в надпись.

Illuminati, he read over and over.	"Иллюминати", - читал и перечитывал он.

His work had always been based on the symbolic equivalent of fossils-ancient documents and historical hearsay-but this image before him was today.	Его работа была связана с древними документами и преданиями, своего рода эквивалентами ископаемых останков, но эта символика относилась и к сегодняшнему дню.
Present tense.	К настоящему времени.
He felt like a paleontologist coming face to face with a living dinosaur.	Он чувствовал себя палеонтологом, который нос к ногу столкнулся с живым динозавром.
"I've taken the liberty of sending a plane for you," the voice said.	- Я взял на себя смелость послать за вами самолет,- сообщил ему собеседник.
"It will be in Boston in twenty minutes."	- Он будет в Бостоне через двадцать минут.

Langdon felt his mouth go dry.	В горле у Лэнгдона пересохло.
An hour's flight...	Всего час лёта...
"Please forgive my presumption," the voice said. "I need you here."	- Простите мне самонадеянность, но вы мне крайне нужны здесь, - произнес голос.
Langdon looked again at the fax-an ancient myth confirmed in black and white.	Лэнгдон вновь взглянул на факс, на отпечатанное на нем подтверждение древнего мифа.
The implications were frightening.	Его пугали возможные последствия произошедшего.
He gazed absently through the bay window.	Он рассеянно посмотрел в окно.

The first hint of dawn was sifting through the birch trees in his backyard, but the view looked somehow different this morning.	Сквозь кроны берез на заднем дворе робко пробивались первые лучи солнца, но этим утром давно ставшая привычной картина выглядела как-то по-другому.
As an odd combination of fear and exhilaration settled over him, Langdon knew he had no choice.	Лэнгдона охватило странное смешанное чувство безоглядного восторга и гнетущего ужаса, и он понял, что выбора у него нет.
"You win," he said.	- Ваша взяла, - сдался он.
"Tell me where to meet the plane."	- Объясните, как мне найти ваш самолет.
3	Глава 3

Thousands of miles away, two men were meeting.	В двух тысячах миль от дома Лэнгдона происходила другая беседа.
The chamber was dark. Medieval. Stone.	Г оворившие сидели в полутемной каморе с каменными стенами и потолком, как в мрачное Средневековье.
"Benvenuto," the man in charge said. He was seated in the shadows, out of sight. "Were you successful?"	- Тебе все удалось, Бенвенуто? - властным тоном поинтересовался один из собеседников, почти невидимый в густой тени.
"Si," the dark figure replied. "Perfectamente." His words were as hard as the rock walls.	- Si, perfettamente , - отозвался другой.

"And there will be no doubt who is responsible?"	- И ни у кого не возникнет сомнений в том, кто именно несет ответственность за происшедшее?
"None."	- Никаких.

"Superb.	- Превосходно.
Do you have what I asked for?"	Ты принес то, что я просил?
The killer's eyes glistened, black like oil.	Темные, как мазут, глаза убийцы сверкнули.
He produced a heavy electronic device and set it on the table.	Он поставил на стол тяжелый электронный прибор.

The man in the shadows seemed pleased. "You have done well."	- Молодец, - довольным голосом произнес первый.
"Serving the brotherhood is an honor," the killer said.	- Служить братству для меня высокая честь, -ответил убийца.
"Phase two begins shortly.	- Скоро начнется второй этап.
Get some rest.	Тебе нужно немного отдохнуть.
Tonight we change the world."	Сегодня вечером мы изменим этот мир.
4	Глава 4

Robert Langdon's Saab 900S tore out of the Callahan Tunnel and emerged on the east side of Boston Harbor near the entrance to Logan Airport.	"Сааб" Роберта Лэнгдона вырвался из тоннеля Каллахэн и оказался в восточной части Бостонского порта неподалеку от въезда в аэропорт Логана.
Checking his directions Langdon found Aviation Road and turned left past the old Eastern Airlines Building.	Следуя полученным указаниям, Лэнгдон отыскал Авиэйшн-роуд и за старым зданием компании "Истерн эйрлайнс" свернул налево.

Three hundred yards down the access road a hangar loomed in the darkness. A large number 4 was painted on it.	В трехстах ярдах от дороги он разглядел едва заметные в темноте очертания ангара, на стене которого была выведена гигантская цифра "4".
He pulled into the parking lot and got out of his car.	Лэнгдон зарулил на стоянку и выбрался из автомобиля.
A round faced man in a blue flight suit emerged from behind the building.	Из-за ангара появился круглолицый субъект в голубом комбинезоне.
"Robert Langdon?" he called. The man's voice was friendly. He had an accent Langdon couldn't place.	- Роберт Лэнгдон? - приветливо окликнул он его с незнакомым акцентом.

"That's me," Langdon said, locking his car.	- Он самый, - отозвался Лэнгдон, запирая машину.
"Perfect timing," the man said.	- А вы чертовски пунктуальны.
"I've just landed.	Я только что приземлился.
Follow me, please."	Прошу за мной, пожалуйста.
As they circled the building, Langdon felt tense.	Идя вокруг ангара, Лэнгдон вдруг ощутил, как напряжены его нервы.
He was not accustomed to cryptic phone calls and secret rendezvous with strangers.	Ученый не привык к таинственным телефонным звонкам и секретным встречам с незнакомцами.

Not knowing what to expect he had donned his usual classroom attire- a pair of chinos, a turtleneck, and a Harris tweed suit jacket.	Не зная, что его ждет, он выбрал одежду, которую обычно надевал на занятия, - прочные хлопчатобумажные брюки, свитер и пиджак из мягкого твида.

As they walked, he thought about the fax in his jacket pocket, still unable to believe the image it depicted.	Лэнгдон вспомнил о лежащем во внутреннем кармане пиджака факсе. Он все еще не мог заставить себя до конца поверить в реальность того, что на нем было изображено.
The pilot seemed to sense Langdon's anxiety.	Пилот, похоже, уловил владевшее Лэнгдоном напряженное беспокойство и спросил:
"Flying's not a problem for you, is it, sir?"	- А как вы переносите перелеты, сэр? Без проблем, надеюсь?

"Not at all," Langdon replied.	- Нормально, - ответил он и подумал:
Branded corpses are a problem for me. Flying I can handle.	"Перелет я как-нибудь переживу, а вот клейменые трупы для меня действительно проблема".
The man led Langdon the length of the hangar. They rounded the corner onto the runway.	Они прошли вдоль длинной стены ангара и очутились на взлетной полосе.
Langdon stopped dead in his tracks and gaped at the aircraft parked on the tarmac.	Лэнгдон застыл как вкопанный, уставившись на приникший к бетону самолет.
"We're riding in that?"	- Мы что, полетим вот на этой штуке?

The man grinned. "Like it?"	- Нравится? - расплылся в широкой улыбке пилот.
Langdon stared a long moment. "Like it? What the hell is it?"	- А что это вообще такое?
The craft before them was enormous. It was vaguely reminiscent of the space shuttle except that the top had been shaved off, leaving it perfectly flat.	Перед ними громоздился самолет гигантских, чудовищных размеров, отдаленно напоминавший космический "челнок", за исключением того, что верхняя часть его фюзеляжа была абсолютно плоской.
Parked there on the runway, it resembled a colossal wedge.	Создавалось впечатление, что сверху она срезана. Более всего летательный аппарат походил на клин колоссальных размеров.

Langdon's first impression was that he must be dreaming.	Лэнгдону на мгновение даже показалось, что он видит сон.
The vehicle looked as airworthy as a Buick.	С виду диковинная машина была столь же пригодна для полетов, как гусеничный трактор.
The wings were practically nonexistent- just two stubby fins on the rear of the fuselage.	Крылья практически отсутствовали. Вместо них из задней части фюзеляжа торчали какие-то коротенькие обрубки.
A pair of dorsal guiders rose out of the aft section.	Над обрубками возвышались два киля.

The rest of the plane was hull-about 200 feet from front to back-no windows, nothing but hull.	Все остальное - сплошной фюзеляж. Длиной около 200 футов и без единого иллюминатора.
"Two hundred fifty thousand kilos fully fueled," the pilot offered, like a father bragging about his newborn.	- Двести пятьдесят тысяч килограммов с полной заправкой! - хвастливо проинформировал Лэнгдона пилот - так молодой папаша горделиво сообщает данные о весе своего первенца.
"Runs on slush hydrogen.	- Работает на жидком водороде.
The shell's a titanium matrix with silicon carbide fibers.	Корпус из титана, армированного кремниево-карбидным волокном.

She packs a 20:1 thrust/ weight ratio; most jets run at 7:1.	Соотношение тяги к весу - двадцать к одному, а у большинства реактивных самолетов оно не превышает семи к одному.
The director must be in one helluva a hurry to see you.	Нашему директору, видно, и вправду не терпится с вами повидаться.
He doesn't usually send the big boy."	Обычно он этого великана за своими гостями не высылает.
"This thing flies?" Langdon said.	- И эта... этот... оно летает? - не без сарказма вскинул брови Лэнгдон.
The pilot smiled. "Oh yeah." He led Langdon across the tarmac toward the plane.	- Еще как! - снисходительно усмехнулся пилот.

"Looks kind of startling, I know, but you better get used to it.	- Выглядит, конечно, немного необычно, может, даже страшновато, но советую привыкать.
In five years, all you'll see are these babies-HSCT's-High Speed Civil Transports.	Уже через пять лет в воздухе ничего, кроме этих милашек, не останется. Высокоскоростное гражданское средство передвижения.
Our lab's one of the first to own one."	Наша лаборатория одна из первых приобрела такой самолет.
Must be one hell of a lab, Langdon thought.	"Да, ничего себе лаборатория, не из бедных", -мелькнуло в голове у Лэнгдона.

"This one's a prototype of the Boeing X 33," the pilot continued, "but there are dozens of others-the National Aero Space Plane, the Russians have Scramjet, the Brits have HOTOL.	- Перед вами прототип "Боинга Х-33", -продолжал пилот. - Однако уже сегодня существуют десятки других моделей. У американцев, русских, британцев.
The future's here, it's just taking some time to get to the public sector.	Будущее за ними, нужно только некоторое время, чтобы внедрить их в сферу общественного транспорта.
You can kiss conventional jets good bye."	Так что можете прощаться с обычными реактивными самолетами.
Langdon looked up warily at the craft. "I think I'd prefer a conventional jet."	- Лично я предпочел бы обычный, - искренне признался Лэнгдон, с опаской поглядывая на титанового монстра.

The pilot motioned up the gangplank.	Пилот подвел его к трапу.
"This way, please, Mr. Langdon.	- Сюда, пожалуйста, мистер Лэнгдон.
Watch your step."	Смотрите не споткнитесь.
Minutes later, Langdon was seated inside the empty cabin.	Через несколько минут Лэнгдон уже сидел в пустом салоне.
The pilot buckled him into the front row and disappeared toward the front of the aircraft.	Пилот усадил его в первом ряду, заботливо застегнул на нем ремень безопасности и скрылся в носовой части самолета.

The cabin itself looked surprisingly like a wide body commercial airliner.	К его удивлению, салон напоминал те, к которым уже привыкли пассажиры широкофюзеляжных лайнеров.

The only exception was that it had no windows, which made Langdon uneasy.	Единственное отличие состояло в том, что здесь не было ни одного иллюминатора. Лэнгдону это обстоятельство пришлось не по душе.
He had been haunted his whole life by a mild case of claustrophobia-the vestige of a childhood incident he had never quite overcome.	Всю жизнь его преследовала умеренной тяжести клаустрофобия - следствие одного инцидента в раннем детстве, избавиться от которой до конца он так и не сумел.

Langdon's aversion to closed spaces was by no means debilitating, but it had always frustrated him.	Эта боязнь замкнутого пространства никоим образом не сказывалась на здоровье Лэнгдона, но причиняла ему массу неудобств и потому всегда его раздражала.
It manifested itself in subtle ways.	Проявляла она себя в скрытой форме.

He avoided enclosed sports like racquetball or squash, and he had gladly paid a small fortune for his airy, high ceilinged Victorian home even though economical faculty housing was readily available.	Он, например, избегал спортивных игр в закрытых помещениях, таких как ракетбол и сквош. Он охотно, даже с радостью выложил круглую сумму за свой просторный викторианский дом с высоченными потолками, хотя университет был готов предоставить ему куда более дешевое жилье.
Langdon had often suspected his attraction to the art world as a young boy sprang from his love of museums' wide open spaces.	Лэнгдона частенько навещали подозрения, что вспыхнувшая в нем в юности тяга к миру искусства была порождена любовью к огромным музейным залам.

The engines roared to life beneath him, sending a deep shudder through the hull.	Где-то под ногами ожили двигатели, корпус самолета отозвался мелкой дрожью.
Langdon swallowed hard and waited.	Лэнгдон судорожно сглотнул и замер в ожидании.
He felt the plane start taxiing.	Он почувствовал, как самолет вырулил на взлетную полосу.
Piped in country music began playing quietly overhead.	Над его головой негромко зазвучала музыка "кантри".
A phone on the wall beside him beeped twice.	Дважды пискнул висящий на стене телефон.
Langdon lifted the receiver.	Лэнгдон снял трубку.

"Hello?"	- Алло!
"Comfortable, Mr. Langdon?"	- Как самочувствие, мистер Лэнгдон?
"Not at all."	- Не очень.
"Just relax.	- Расслабьтесь.
We'll be there in an hour."	Через час будем на месте.
"And where exactly is there?"	- Где именно, нельзя ли поточнее?
Langdon asked, realizing he had no idea where he was headed.	- Только сейчас до него дошло, что он так и не знает, куда они направляются.
"Geneva," the pilot replied, revving the engines.	- В Женеве, - ответил пилот, и двигатели взревели.
"The lab's in Geneva."	- Наша лаборатория находится в Женеве.

"Geneva," Langdon repeated, feeling a little better.	- Ага, значит, Женева, - повторил Лэнгдон.

"Upstate New York.	- На севере штата Нью-Йорк.
I've actually got family near Seneca Lake.	Кстати, моя семья живет там, неподалеку от озера Сенека.
I wasn't aware Geneva had a physics lab."	А я и не знал, что в Женеве есть физическая лаборатория.
The pilot laughed. "Not Geneva, New York, Mr. Langdon.	- Не та Женева, что в штате Нью-Йорк, мистер Лэнгдон, - рассмеялся пилот.
Geneva, Switzerland."	- А та, что в Швейцарии!

The word took a long moment to register.	Потребовалось некоторое время, чтобы до Лэнгдона дошел весь смысл услышанного.
"Switzerland?"	- Ах вот как? В Швейцарии?
Langdon felt his pulse surge.	- Пульс у Лэнгдона лихорадочно зачастил.
"I thought you said the lab was only an hour away!"	- Но мне показалось, вы говорили, что нам лететь не больше часа...
"It is, Mr. Langdon." The pilot chuckled.	- Так оно и есть, мистер Лэнгдон! - коротко хохотнул пилот.
"This plane goes Mach fifteen."	- Эта малышка развивает скорость 15 М .
5	Глава 5

On a busy European street, the killer serpentined through a crowd.	Убийца ловко лавировал в толпе, заполнившей шумную улицу большого европейского города.
He was a powerful man. Dark and potent. Deceptively agile. His muscles still felt hard from the thrill of his meeting.	Смуглый, подвижный, могучего телосложения и все еще взбудораженный после недавней встречи.
It went well, he told himself.	Все прошло хорошо, убеждал он себя.
Although his employer had never revealed his face, the killer felt honored to be in his presence.	Хотя его работодатель никогда не показывал ему своего лица, само общение с ним было большой честью.

Had it really been only fifteen days since his employer had first made contact?	Неужели после их первого контакта прошло всего лишь пятнадцать дней?
The killer still remembered every word of that call...	Убийца помнил каждое слово из того телефонного разговора.
"My name is Janus," the caller had said.	- Меня зовут Янус, - представился его собеседник.
"We are kinsmen of a sort.	- Нас с вами связывают почти кровные узы.
We share an enemy.	У нас общий враг.
I hear your skills are for hire."	Говорят, вы предлагаете желающим свои услуги?

"It depends whom you represent," the killer replied.	- Все зависит от того, кого вы представляете, -уклончиво ответил убийца.
The caller told him.	Собеседник сказал ему и это.
"Is this your idea of a joke?"	- Вы шутите?
"You have heard our name, I see," the caller replied.	- Так, значит, вы о нас слышали?

"Of course.	- Конечно.
The brotherhood is legendary."	О братстве ходят легенды.
"And yet you find yourself doubting I am genuine."	- Ну вот, а вы сомневаетесь.

"Everyone knows the brothers have faded to dust."	- Так ведь все знают, что братья давно превратились в прах.
"A devious ploy.	- Всего лишь блестящая тактическая уловка с нашей стороны.
The most dangerous enemy is that which no one fears."	Согласитесь, самый опасный противник тот, кого все перестали опасаться.
The killer was skeptical. "The brotherhood endures?"	- Значит, если я вас правильно понял, братство выжило? - по-прежнему недоверчиво произнес убийца.
"Deeper underground than ever before.	- Именно так, только оно ушло в еще более глубокое подполье.

Our roots infiltrate everything you see... even the sacred fortress of our most sworn enemy."	Мы проникаем повсюду... даже в святая святых нашего самого заклятого врага.
"Impossible.	- Но это же невозможно.
They are invulnerable."	Эти враги неприступны и неуязвимы.
"Our reach is far."	- У нас очень длинные руки.
"No one's reach is that far."	- Но не настолько же!
"Very soon, you will believe.	- Очень скоро вы в этом сами убедитесь.

An irrefutable demonstration of the brotherhood's power has already transpired.	Уже получено неопровержимое доказательство всемогущества братства.
A single act of treachery and proof."	Один-единственный акт измены - и...
"What have you done?"	- И как вы поступили?
The caller told him.	Собеседник посвятил его в подробности.
The killer's eyes went wide.	- Невероятно.
"An impossible task."	Просто немыслимо! - воскликнул убийца.

The next day, newspapers around the globe carried the same headline.	На следующий день газеты разнесли эту сенсацию по всему миру.
The killer became a believer.	Убийца обрел веру.
Now, fifteen days later, the killer's faith had solidified beyond the shadow of a doubt.	И вот сейчас, пятнадцать дней спустя, он уже настолько укрепился в этой своей вере, что не испытывал более ни тени сомнений.
The brotherhood endures, he thought.	Братство живет, ликовал он.
Tonight they will surface to reveal their power.	Сегодня они явятся белому свету, чтобы показать всем свою неодолимую силу.

As he made his way through the streets, his black eyes gleamed with foreboding.	Убийца пробирался хитросплетениями улиц, его темные глаза зловеще и в то же время радостно мерцали от предвкушения предстоящих событий.

One of the most covert and feared fraternities ever to walk the earth had called on him for service.	Его призвало служить себе одно из самых тайных и самых страшных сообществ среди тех, которые когда-либо существовали на этой земле.
They have chosen wisely, he thought.	Они сделали правильный выбор, подумал он.
His reputation for secrecy was exceeded only by that of his deadliness.	Его умение хранить секреты уступало только его умению убивать.

So far, he had served them nobly.	Он служил братству верой и правдой.
He had made his kill and delivered the item to Janus as requested.	Расправился с указанной жертвой и доставил требуемый Янусу предмет.
Now, it was up to Janus to use his power to ensure the item's placement.	Теперь Янусу предстоит применить все свои силы и влияние, чтобы переправить предмет в намеченное место.
The placement... The killer wondered how Janus could possibly handle such a staggering task.	Интересно, размышлял убийца, как Янусу удастся справиться с подобной, практически невыполнимой задачей?
The man obviously had connections on the inside.	У него туда явно внедрены свои люди.

The brotherhood's dominion seemed limitless.	Власть братства, похоже, действительно безгранична.
Janus, the killer thought. A code name, obviously.	Янус, Янус... Несомненно, псевдоним, подпольная кличка, решил убийца.
Was it a reference, he wondered, to the Roman two faced god... or to the moon of Saturn?	Только вот что здесь имеется в виду - двуликое божество Древнего Рима... или спутник Сатурна?
Not that it made any difference.	Хотя какая разница!
Janus wielded unfathomable power.	Янус обладает непостижимой и неизмеримой властью.
He had proven that beyond a doubt.	Он доказал это наглядно и убедительно.

As the killer walked, he imagined his ancestors smiling down on him.	Убийца представил себе, как одобрительно улыбнулись бы ему его предки.
Today he was fighting their battle, he was fighting the same enemy they had fought for ages, as far back as the eleventh century... when the enemy's crusading armies had first pillaged his land, raping and killing his people, declaring them unclean, defiling their temples and gods.	Сегодня он продолжает их благородное дело, бьется с тем же врагом, против которого они сражались столетиями, с одиннадцатого века... с того черного дня, когда полчища крестоносцев впервые хлынули на его землю, оскверняя священные для нее реликвии и храмы, грабя, насилуя и убивая его сородичей, которых объявляли нечестивцами.

His ancestors had formed a small but deadly army to defend themselves. The army became famous across the land as protectors- skilled executioners who wandered the countryside slaughtering any of the enemy they could find.	Для отпора захватчикам его предки собрали небольшую, но грозную армию, и очень скоро ее бойцы получили славное имя "защитников". Эти искусные и бесстрашные воины скрытно передвигались по всей стране и беспощадно уничтожали любого попавшегося на глаза врага.
They were renowned not only for their brutal killings, but also for celebrating their slayings by plunging themselves into drug induced stupors.	Они завоевали известность не только благодаря жестоким казням, но и тому, что каждую победу отмечали обильным приемом наркотиков.

Their drug of choice was a potent intoxicant they called hashish.	Излюбленным у них стало весьма сильнодействующее средство, которое они называли гашишем.
As their notoriety spread, these lethal men became known by a single word-Hassassin-literally "the followers of hashish."	По мере того как росла их слава, за этими сеющими вокруг себя смерть мстителями закрепилось прозвище "гашишин", что в буквальном переводе означает "приверженный гашишу".
The name Hassassin became synonymous with death in almost every language on earth.	Почти в каждый язык мира это слово вошло синонимом смерти.

The word was still used today, even in modern English... but like the craft of killing, the word had evolved.	Оно употребляется и в современном английском... однако, подобно самому искусству убивать, претерпело некоторые изменения.
It was now pronounced assassin.	Теперь оно произносится "ассасин" .
6	Глава 6
Sixty four minutes had passed when an incredulous and slightly air sick Robert Langdon stepped down the gangplank onto the sun drenched runway.	Через шестьдесят четыре минуты Роберт Лэнгдон, которого все-таки слегка укачало во время полета, сошел с трапа самолета на залитую солнцем посадочную полосу, недоверчиво и подозрительно глядя по сторонам.

A crisp breeze rustled the lapels of his tweed jacket.	Прохладный ветерок шаловливо играл лацканами его пиджака.
The open space felt wonderful.	От представшего перед его глазами зрелища на душе у Лэнгдона сразу полегчало.
He squinted out at the lush green valley rising to snowcapped peaks all around them.	Прищурившись, он с наслаждением рассматривал покрытые роскошной зеленью склоны долины, взмывающие к увенчанным белоснежными шапками вершинам.
I'm dreaming, he told himself.	Чудесный сон, подумал он про себя.
Any minute now I'll be waking up.	Жаль будет просыпаться.

"Welcome to Switzerland," the pilot said, yelling over the roar of the X 33's misted fuel HEDM engines winding down behind them.	- Добро пожаловать в Швейцарию! - улыбнулся ему пилот, стараясь перекричать рев все еще работающих двигателей "X-33".
Langdon checked his watch.	Лэнгдон взглянул на часы.
It read 7:07 A.M.	Семь минут восьмого утра.
"You just crossed six time zones," the pilot offered.	- Вы пересекли шесть часовых поясов, - сообщил ему пилот.
"It's a little past 1 P.M. here."	- Здесь уже начало второго.
Langdon reset his watch.	Лэнгдон перевел часы.
"How do you feel?"	- Как самочувствие?

He rubbed his stomach.	Лэнгдон, поморщившись, потер живот.
"Like I've been eating Styrofoam."	- Как будто пенопласта наелся.
The pilot nodded. "Altitude sickness.	- Высотная болезнь, - понимающе кивнул пилот.

We were at sixty thousand feet.	- Шестьдесят тысяч футов как-никак.
You're thirty percent lighter up there.	На такой высоте вы весите на треть меньше.
Lucky we only did a puddle jump.	Вам еще повезло с коротким подскоком.
If we'd gone to Tokyo I'd have taken her all the way up-a hundred miles.	Вот если бы мы летели в Токио, мне пришлось бы поднять мою детку куда выше - на сотни и сотни миль.

Now that'll get your insides rolling."	Ну уж тогда бы у вас кишки и поплясали!
Langdon gave a wan nod and counted himself lucky.	Лэнгдон кивнул и вымучено улыбнулся, согласившись считать себя счастливчиком.
All things considered, the flight had been remarkably ordinary.	Вообще говоря, с учетом всех обстоятельств полет оказался вполне заурядным.

Aside from a bone crushing acceleration during take off, the plane's motion had been fairly typical-occasional minor turbulence, a few pressure changes as they'd climbed, but nothing at all to suggest they had been hurtling through space at the mind numbing speed of 11,000 miles per hour.	Если не считать зубодробительного эффекта от ускорения во время взлета, остальные ощущения были весьма обычными: время от времени незначительная болтанка, изменение давления по мере набора высоты... И больше ничего, что позволило бы предположить, что они несутся в пространстве с не поддающейся воображению скоростью 11 тысяч миль в час.
A handful of technicians scurried onto the runway to tend to the X 33.	"X-33" со всех сторон облепили техники наземного обслуживания.

The pilot escorted Langdon to a black Peugeot sedan in a parking area beside the control tower.	Пилот повел Лэнгдона к черному "пежо" на стоянке возле диспетчерской вышки.
Moments later they were speeding down a paved road that stretched out across the valley floor.	Через несколько секунд они уже мчались по гладкому асфальту дороги, тянущейся по дну долины.
A faint cluster of buildings rose in the distance. Outside, the grassy plains tore by in a blur.	В отдалении, прямо у них на глазах, вырастала кучка прилепившихся друг к другу зданий.
Langdon watched in disbelief as the pilot pushed the speedometer up around 170 kilometers an hour-over 100 miles per hour.	Лэнгдон в смятении заметил, как стрелка спидометра метнулась к отметке 170 километров в час. Это же больше 100 миль, вдруг осознал он.

What is it with this guy and speed? he wondered.	Господи, да этот парень просто помешан на скорости, мелькнуло у него в голове.
"Five kilometers to the lab," the pilot said.	- До лаборатории пять километров, - обронил пилот.
"I'll have you there in two minutes."	- Доедем за две минуты.
Langdon searched in vain for a seat belt. Why not make it three and get us there alive? The car raced on.	"Давай доедем за три, но живыми", - мысленно взмолился Лэнгдон, тщетно пытаясь нащупать ремень безопасности.
"Do you like Reba?" the pilot asked, jamming a cassette into the tape deck.	- Любите Рибу? - спросил пилот, придерживая руль одним пальцем левой руки, а правой вставляя кассету в магнитолу.

A woman started singing. It's just the fear of being alone...	"Как страшно остаться одной..." - печально запел женский голос.

No fear here, Langdon thought absently.	Да чего там страшного, рассеянно возразил про себя Лэнгдон.

His female colleagues often ribbed him that his collection of museum quality artifacts was nothing more than a transparent attempt to fill an empty home, a home they insisted would benefit greatly from the presence of a woman.	Его сотрудницы частень- ко упрекали его в том, что собранная им коллекция диковинных вещей, до- стойная любого музея, есть не что иное, как откровен- ная попытка заполнить унылую пустоту, царящую в его доме. В доме, кото- рый только выиграет от присутствия женщины.

Langdon always laughed it off, reminding them he already had three loves in his life-symbology, water polo, and bachelorhood- the latter being a freedom that enabled him to travel the world, sleep as late as he wanted, and enjoy quiet nights at home with a brandy and a good book.	Лэнгдон же всегда отшучивался, напоминая им, что в его жизни уже есть три предмета самозабвенной любви - наука о символах, водное поло и холостяцкое существование. Последнее означало свободу, которая позволяла по утрам валяться в постели, сколько душа пожелает, а вечера проводить в блаженном уюте за бокалом бренди и умной книгой.
"We're like a small city," the pilot said, pulling Langdon from his daydream. "Not just labs.	- Вообще-то у нас не просто лаборатория, - отвлек пилот Лэнгдона от его размышлений, - а целый городок.

We've got supermarkets, a hospital, even a cinema."	Есть супермаркет, больница и даже своя собственная киношка.
Langdon nodded blankly and looked out at the sprawling expanse of buildings rising before them.	Лэнгдон безучастно кивнул и посмотрел на стремительно надвигающиеся на них здания.
"In fact," the pilot added, "we possess the largest machine on earth."	- К тому же у нас самая большая в мире Машина, -добавил пилот.
"Really?"	- Вот как?
Langdon scanned the countryside.	- Лэнгдон осмотрел окрестности.
"You won't see it out there, sir." The pilot smiled.	- Так вам ее не увидеть, сэр, - усмехнулся пилот.

"It's buried six stories below the earth."	- Она спрятана под землей на глубине шести этажей.
Langdon didn't have time to ask.	Времени на то, чтобы выяснить подробности, у Лэнгдона не оказалось.
Without warning the pilot jammed on the brakes. The car skidded to a stop outside a reinforced sentry booth.	Без всяких предупреждений пилот ударил по тормозам, и автомобиль под протестующий визг покрышек замер у будки контрольно-пропускного пункта.
Langdon read the sign before them. Securite. Arretez He suddenly felt a wave of panic, realizing where he was.	Лэнгдон в панике принялся шарить по карманам.
"My God!	- О Господи!

I didn't bring my passport!"	Я же не взял паспорт!
"Passports are unnecessary," the driver assured.	- А на кой он вам? - небрежно бросил пилот.
"We have a standing arrangement with the Swiss government."	- У нас есть постоянная договоренность с правительством Швейцарии.

Langdon watched dumbfounded as his driver gave the guard an ID.	Ошеломленный Лэнгдон в полном недоумении наблюдал, как пилот протянул охраннику свое удостоверение личности.

The sentry ran it through an electronic authentication device. The machine flashed green.	Тот вставил пластиковую карточку в щель электронного идентификатора, и тут же мигнул зеленый огонек.
"Passenger name?"	- Имя вашего пассажира?
"Robert Langdon," the driver replied.	- Роберт Лэнгдон, - ответил пилот.
"Guest of?"	- К кому?
"The director."	- К директору.
The sentry arched his eyebrows.	Охранник приподнял брови.
He turned and checked a computer printout, verifying it against the data on his computer screen.	Отвернулся к компьютеру, несколько секунд вглядывался в экран монитора.

Then he returned to the window.	Затем вновь высунулся в окошко.
"Enjoy your stay, Mr. Langdon."	- Желаю вам всего наилучшего, мистер Лэнгдон, -почти ласково проговорил он.
The car shot off again, accelerating another 200 yards around a sweeping rotary that led to the facility's main entrance.	Машина вновь рванулась вперед, набирая сумасшедшую скорость на 200-ярдовой дорожке, круто сворачивающей к главному входу лаборатории.
Looming before them was a rectangular, ultramodern structure of glass and steel.	Перед ними возвышалось прямоугольное ультрасовременное сооружение из стекла и стали.

Langdon was amazed by the building's striking transparent design.	Дизайн, придававший такой громаде поразительную легкость и прозрачность, привел Лэнгдона в восхищение.
He had always had a fond love of architecture.	Он всегда питал слабость к архитектуре.
"The Glass Cathedral," the escort offered.	- Стеклянный собор, - пояснил пилот.
"A church?"	- Церковь? - решил уточнить Лэнгдон.
"Hell, no.	- Отнюдь.
A church is the one thing we don't have.	Вот как раз церкви у нас нет.
Physics is the religion around here.	Единственная религия здесь - это физика.

Use the Lord's name in vain all you like," he laughed, "just don't slander any quarks or mesons."	Так что можете сколько угодно поминать имя Божье всуе, но если вы обидите какой-нибудь кварк или мезон - тогда вам уж точно несдобровать.
Langdon sat bewildered as the driver swung the car around and brought it to a stop in front of the glass building.	Лэнгдон в полном смятении заерзал на пассажирском сиденье, когда автомобиль, завершив, как ему показалось, вираж на двух колесах, остановился перед стеклянным зданием.
Quarks and mesons?	Кварки и мезоны?
No border control?	Никакого пограничного контроля?
Mach 15 jets?	Самолет, развивающий скорость 15 М?

Who the hell are these guys?	Да кто же они такие, черт побери, эти ребята?
The engraved granite slab in front of the building bore the answer:	Полированная гранитная плита, установленная у входа, дала ему ответ на этот вопрос.
CERN Conseil Europ?en pour la Recherche Nucl?aire	Conseil Europeen pour la Recherche Nucleaire
"Nuclear Research?" Langdon asked, fairly certain his translation was correct.	- Ядерных исследований? - на всякий случай переспросил Лэнгдон, абсолютно уверенный в правильности своего перевода названия с французского.

The driver did not answer. He was leaning forward, busily adjusting the car's cassette player.	Водитель не ответил: склонившись чуть ли не до пола, он увлеченно крутил ручки автомагнитолы.
"This is your stop.	- Вот мы и приехали, - покряхтывая, распрямил он спину.
The director will meet you at this entrance."	- Здесь вас должен встречать директор.
Langdon noted a man in a wheelchair exiting the building.	Лэнгдон увидел, как из дверей здания выкатывается инвалидное кресло-коляска.
He looked to be in his early sixties.	Сидящему в ней человеку на вид можно было дать лет шестьдесят.

Gaunt and totally bald with a sternly set jaw, he wore a white lab coat and dress shoes propped firmly on the wheelchair's footrest.	Костлявый, ни единого волоска на поблескивающем черепе, вызывающе выпяченный подбородок. Человек был одет в белый халат, а на подножке кресла неподвижно покоились ноги в сверкающих лаком вечерних туфлях.
Even at a distance his eyes looked lifeless-like two gray stones.	Даже на расстоянии его глаза казались совершенно безжизненными - точь-в-точь два тускло-серых камешка.
"Is that him?" Langdon asked.	- Это он? - спросил Лэнгдон.
The driver looked up.	Пилот вскинул голову.
"Well, I'll be."	- Ох, чтоб тебя...

He turned and gave Langdon an ominous smile.	- Он с мрачной ухмылкой обернулся к Лэнгдону.
"Speak of the devil."	- Легок на помине!
Uncertain what to expect, Langdon stepped from the vehicle.	Не имея никакого представления о том, что его ждет, Лэнгдон нерешительно вылез из автомобиля.
The man in the wheelchair accelerated toward Langdon and offered a clammy hand.	Приблизившись, человек в кресле-коляске протянул ему холодную влажную ладонь.
"Mr. Langdon?	- Мистер Лэнгдон?
We spoke on the phone.	Мы с вами говорили по телефону.

My name is Maximilian Kohler."	Я - Максимилиан Колер.
7	Глава 7
Maximilian Kohler, director general of CERN, was known behind his back as K?nig-King.	Генерального директора ЦЕРНа Максимилиана Колера за глаза называли кайзером.

It was a title more of fear than reverence for the figure who ruled over his dominion from a wheelchair throne.	Титул этот ему присвоили больше из благоговейного ужаса, который он внушал, нежели из почтения к владыке, правившему своей вотчиной с трона на колесиках.

Although few knew him personally, the horrific story of how he had been crippled was lore at CERN, and there were few there who blamed him for his bitterness... nor for his sworn dedication to pure science.	Хотя мало кто в центре знал его лично, там рассказывали множество ужасных историй о том, как он стал калекой. Некоторые недолюбливали его за черствость и язвительность, однако не признавать его безграничную преданность чистой науке не мог никто.
Langdon had only been in Kohler's presence a few moments and already sensed the director was a man who kept his distance.	Пробыв в компании Колера всего несколько минут, Лэнгдон успел ощутить, что директор - человек, застегнутый на все пуговицы и никого близко к себе не подпускающий.

Langdon found himself practically jogging to keep up with Kohler's electric wheelchair as it sped silently toward the main entrance.	Чтобы успеть за инвалидным креслом с электромотором, быстро катившимся к главному входу, ему приходилось то и дело переходить на трусцу.
The wheelchair was like none Langdon had ever seen-equipped with a bank of electronics including a multiline phone, a paging system, computer screen, even a small, detachable video camera.	Такого кресла Лэнгдон еще никогда в жизни не видел - оно было буквально напичкано электронными устройствами, включая многоканальный телефон, пейджинговую систему, компьютер и даже миниатюрную съемную видеокамеру.
King Kohler's mobile command center.	Этакий мобильный командный пункт кайзера Колера.

Langdon followed through a mechanical door into CERN's voluminous main lobby.	Вслед за креслом Лэнгдон через автоматически открывающиеся двери вошел в просторный вестибюль центра.
The Glass Cathedral, Langdon mused, gazing upward toward heaven.	Стеклянный собор, хмыкнул про себя американец, поднимая глаза к потолку и увидев вместо него небо.

Overhead, the bluish glass roof shimmered in the afternoon sun, casting rays of geometric patterns in the air and giving the room a sense of grandeur. Angular shadows fell like veins across the white tiled walls and down to the marble floors.	Над его головой голубовато отсвечивала стеклянная крыша, сквозь которую послеполуденное солнце щедро лило свои лучи, разбрасывая по облицованным белой плиткой стенам и мраморному полу геометрически правильные узоры и придавая интерьеру вестибюля вид пышного великолепия.
The air smelled clean, sterile.	Воздух здесь был настолько чист, что у Лэнгдона с непривычки даже защекотало в носу.
A handful of scientists moved briskly about, their footsteps echoing in the resonant space.	Гулкое эхо разносило звук шагов редких ученых, с озабоченным видом направлявшихся через вестибюль по своим делам.

"This way, please, Mr. Langdon."	- Сюда, пожалуйста, мистер Лэнгдон.
His voice sounded almost computerized.	Г олос Колера звучал механически, словно прошел обработку в компьютере.

His accent was rigid and precise, like his stern features.	Дикция точная и жесткая, под стать резким чертам его лица.
Kohler coughed and wiped his mouth on a white handkerchief as he fixed his dead gray eyes on Langdon.	Колер закашлялся, вытер губы белоснежным платком и бросил на Лэнгдона пронзительный взгляд своих мертвенно-серых глаз.
"Please hurry."	- Вас не затруднит поторопиться?

His wheelchair seemed to leap across the tiled floor.	Кресло рванулось по мраморному полу.
Langdon followed past what seemed to be countless hallways branching off the main atrium. Every hallway was alive with activity.	Лэнгдон поспешил за ним мимо бесчисленных коридоров, в каждом из которых кипела бурная деятельность.
The scientists who saw Kohler seemed to stare in surprise, eyeing Langdon as if wondering who he must be to command such company.	При их появлении ученые с изумлением и бесцеремонным любопытством разглядывали Лэнгдона, стараясь угадать, кто он такой, чтобы заслужить честь находиться в обществе их директора.

"I'm embarrassed to admit," Langdon ventured, trying to make conversation, "that I've never heard of CERN."	- К своему стыду, должен признаться, что никогда не слышал о вашем центре, - предпринял Лэнгдон попытку завязать беседу.
"Not surprising," Kohler replied, his clipped response sounding harshly efficient.	- Ничего удивительного, - с нескрываемой холодностью ответил Колер.
"Most Americans do not see Europe as the world leader in scientific research.	- Большинство американцев отказываются признавать мировое лидерство Европы в научных исследованиях и считают ее большой лавкой...

They see us as nothing but a quaint shopping district- an odd perception if you consider the nationalities of men like Einstein, Galileo, and Newton."	Весьма странное суждение, если вспомнить национальную принадлежность таких личностей, как Эйнштейн, Галилей и Ньютон.
Langdon was unsure how to respond.	Лэнгдон растерялся, не зная, как ему реагировать.
He pulled the fax from his pocket.	Он вытащил из кармана пиджака факс.
"This man in the photograph, can you-"	- А этот человек на фотографии, не могли бы вы...

Kohler cut him off with a wave of his hand. "Please. Not here. I am taking you to him now." He held out his hand.	- Не здесь, пожалуйста! - гневным взмахом руки остановил его Колер.
"Perhaps I should take that."	- Дайте-ка это мне.
Langdon handed over the fax and fell silently into step.	Лэнгдон безропотно протянул ему факс и молча пошел рядом с креслом-коляской.
Kohler took a sharp left and entered a wide hallway adorned with awards and commendations.	Колер свернул влево, и они оказались в широком коридоре, стены которого были увешаны почетными грамотами и дипломами.

A particularly large plaque dominated the entry. Langdon slowed to read the engraved bronze as they passed.	Среди них сразу бросалась в глаза бронзовая доска необычайно больших размеров. Лэнгдон замедлил шаг и прочитал выгравированную на металле надпись:
ARS ELECTRONICA AWARD	ПРЕМИЯ АРС ЭЛЕКТРОНИКИ

For Cultural Innovation in the Digital Age Awarded to Tim Berners Lee and CERN for the invention of the WORLDWIDE WEB	"За инновации в сфере культуры в эру цифровой техники" присуждена Тиму Бернерсу-Ли и Европейскому центру ядерных исследований за изобретение Всемирной паутины
Well I'll be damned, Langdon thought, reading the text. This guy wasn't kidding.	"Черт побери, - подумал Лэнгдон, - а ведь этот парень меня не обманывал".

Langdon had always thought of the Web as an American invention.	Сам он был убежден, что Паутину изобрели американцы.
Then again, his knowledge was limited to the site for his own book and the occasional on line exploration of the Louvre or El Prado on his old Macintosh.	С другой стороны, его познания в данной области ограничивались нечастыми интернет-сеансами за видавшим виды "Макинтошем", когда он заходил на сайт собственной книги либо осматривал экспозиции Лувра или музея Прадо.
"The Web," Kohler said, coughing again and wiping his mouth, "began here as a network of in house computer sites.	- Всемирная паутина родилась здесь как локальная сеть... - Колер вновь закашлялся и приложил к губам платок.

It enabled scientists from different departments to share daily findings with one another.	- Она давала возможность ученым из разных отделов обмениваться друг с другом результатами своей повседневной работы.
Of course, the entire world is under the impression the Web is U.S. technology."	Ну а весь мир, как водится, воспринимает Интернет как очередное величайшее изобретение Соединенных Штатов.
Langdon followed down the hall. "Why not set the record straight?"	- Так почему же вы не восстановите справедливость? - поинтересовался Лэнгдон.

Kohler shrugged, apparently disinterested. "A petty misconception over a petty technology. CERN is far greater than a global connection of computers.	- Стоит ли беспокоиться из-за пустячного заблуждения по столь мелкому поводу? -равнодушно пожал плечами Колер. - ЦЕРН - это куда больше, нежели какая-то глобальная компьютерная сеть.
Our scientists produce miracles almost daily."	Наши ученые чуть ли не каждый день творят здесь настоящие чудеса.
Langdon gave Kohler a questioning look. "Miracles?"	- Чудеса? - Лэнгдон с сомнением взглянул на Колера.

The word "miracle" was certainly not part of the vocabulary around Harvard's Fairchild Science Building.	Слово "чудо" определенно не входило в словарный запас ученых Гарварда.
Miracles were left for the School of Divinity.	Чудеса они оставляли ребятам с факультета богословия.
"You sound skeptical," Kohler said.	- Вижу, вы настроены весьма скептически, -заметил Колер.
"I thought you were a religious symbologist.	- Я полагал, что вы занимаетесь религиозной символикой.
Do you not believe in miracles?"	И вы не верите в чудеса?
"I'm undecided on miracles," Langdon said.	- У меня пока нет сложившегося мнения по поводу чудес, - ответил Лэнгдон.

Particularly those that take place in science labs.	- Особенно по поводу тех, что происходят в научных лабораториях.
"Perhaps miracle is the wrong word.	- Возможно, я употребил не совсем подходящее слово.
I was simply trying to speak your language."	Просто старался говорить на понятном вам языке.
"My language?"	- Ах вот как!
Langdon was suddenly uncomfortable.	- Лэнгдон вдруг почувствовал себя уязвленным.
"Not to disappoint you, sir, but I study religious symbology- I'm an academic, not a priest."	- Боюсь разочаровать вас, сэр, однако я исследую религиозную символику, так что я, к вашему сведению, ученый, а не священник.

Kohler slowed suddenly and turned, his gaze softening a bit. "Of course.	- Разумеется. Как же я не подумал! - Колер резко притормозил, взгляд его несколько смягчился.
How simple of me. One does not need to have cancer to analyze its symptoms."	- Действительно, ведь чтобы изучать симптомы рака, совсем не обязательно самому им болеть.
Langdon had never heard it put quite that way.	Лэнгдону в своей научной практике еще не доводилось сталкиваться с подобным тезисом.
As they moved down the hallway, Kohler gave an accepting nod.	Колер одобрительно кивнул.

"I suspect you and I will understand each other perfectly, Mr. Langdon."	- Подозреваю, что мы с вами прекрасно поймем друг друга, - с удовлетворением в голосе констатировал он.
Somehow Langdon doubted it.	Лэнгдон же в этом почему-то сильно сомневался.
As the pair hurried on, Langdon began to sense a deep rumbling up ahead.	По мере того как они продвигались по коридору все дальше, Лэнгдон начал скорее ощущать, чем слышать непонятный низкий гул.
The noise got more and more pronounced with every step, reverberating through the walls.	Однако с каждым шагом он становился все сильнее и сильнее, создавалось впечатление, что вибрируют даже стены.

It seemed to be coming from the end of the hallway in front of them.	Гул, похоже, доносился из того конца коридора, куда они направлялись.
"What's that?" Langdon finally asked, having to yell.	- Что это за шум? - не выдержал наконец Лэнгдон, вынужденный повысить голос чуть ли не до крика.
He felt like they were approaching an active volcano.	Ему казалось, что они приближаются к действующему вулкану.
"Free Fall Tube," Kohler replied, his hollow voice cutting the air effortlessly. He offered no other explanation.	- Ствол свободного падения, - не вдаваясь ни в какие подробности, коротко ответил Колер; его сухой безжизненный голос каким-то невероятным образом перекрыл басовитое гудение.

Langdon didn't ask.	Лэнгдон же ничего уточнять не стал.
He was exhausted, and Maximilian Kohler seemed disinterested in winning any hospitality awards.	Его одолевала усталость, а Максимилиан Колер, судя по всему, на призы, премии и награды за радушие и гостеприимство не рассчитывал.

Langdon reminded himself why he was here.	Лэнгдон приказал себе держаться, напомнив, с какой целью он сюда прибыл.
Illuminati.	"Иллюминати".

He assumed somewhere in this colossal facility was a body... a body branded with a symbol he had just flown 3,000 miles to see.	Где-то в этом гигантском здании находился труп... труп с выжженным на груди клеймом, и чтобы увидеть этот символ собственными глазами, Лэнгдон только что пролетел три тысячи миль.
As they approached the end of the hall, the rumble became almost deafening, vibrating up through Langdon's soles.	В конце коридора гул превратился в громоподобный рев. Лэнгдон в буквальном смысле ощутил, как вибрация через подошвы пронизывает все его тело и раздирает барабанные перепонки.
They rounded the bend, and a viewing gallery appeared on the right.	Они завернули за угол, и перед ними открылась смотровая площадка.

Four thick paned portals were embedded in a curved wall, like windows in a submarine.	В округлой стене были четыре окна в толстых массивных рамах, что придавало им неуместное здесь сходство с иллюминаторами подводной лодки.
Langdon stopped and looked through one of the holes.	Лэнгдон остановился и заглянул в одно из них.
Professor Robert Langdon had seen some strange things in his life, but this was the strangest.	Профессор Лэнгдон много чего повидал на своем веку, но столь странное зрелище наблюдал впервые в жизни.
He blinked a few times, wondering if he was hallucinating.	Он даже поморгал, на миг испугавшись, что его преследуют галлюцинации.
He was staring into an enormous circular chamber.	Он смотрел в колоссальных размеров круглую шахту.

Inside the chamber, floating as though weightless, were people.	Там, словно в невесомости, парили в воздухе люди.
Three of them.	Трое.
One waved and did a somersault in midair.	Один из них помахал ему рукой и продемонстрировал безукоризненно изящное сальто.
My God, he thought. I'm in the land of Oz.	"О Господи, - промелькнула мысль у Лэнгдона, - я попал в страну Оз".
The floor of the room was a mesh grid, like a giant sheet of chicken wire.	Дно шахты было затянуто металлической сеткой, весьма напоминающей ту, что используют в курятниках.

Visible beneath the grid was the metallic blur of a huge propeller.	Сквозь ее ячейки виднелся бешено вращающийся гигантский пропеллер.
"Free fall tube," Kohler said, stopping to wait for him.	- Ствол свободного падения, - нетерпеливо повторил Колер.
"Indoor skydiving.	- Парашютный спорт в зале.
For stress relief.	Для снятия стресса.

It's a vertical wind tunnel."	Простая аэродинамическая труба, только вертикальная.
Langdon looked on in amazement.	Лэнгдон, вне себя от изумления, не мог оторвать глаз от парившей в воздухе троицы.

One of the free fallers, an obese woman, maneuvered toward the window.	Одна из летунов, тучная до неприличия дама, судорожно подергивая пухлыми конечностями, приблизилась к окошку.
She was being buffeted by the air currents but grinned and flashed Langdon the thumbs up sign.	Мощный воздушный поток ощутимо потряхивал ее, однако дама блаженно улыбалась и даже показала Лэнгдону поднятые большие пальцы, сильно смахивающие на сардельки.
Langdon smiled weakly and returned the gesture, wondering if she knew it was the ancient phallic symbol for masculine virility.	Лэнгдон натянуто улыбнулся в ответ и повторил ее жест, подумав про себя, знает ли дама о том, что в древности он употреблялся как фаллический символ неисчерпаемой мужской силы.

The heavyset woman, Langdon noticed, was the only one wearing what appeared to be a miniature parachute.	Только сейчас Лэнгдон заметил, что толстушка была единственной, кто пользовался своего рода миниатюрным парашю-том.
The swathe of fabric billowed over her like a toy.	Трепетавший над ее груз-ными формами лоскуток ткани казался просто иг-рушечным.
"What's her little chute for?" Langdon asked Kohler.	- А для чего ей эта штука? - не утерпел Лэнгдон.
"It can't be more than a yard in diameter."	- Она же в диаметре не больше ярда.
"Friction," Kohler said.	- Сопротивление.

"Decreases her aerodynamics so the fan can lift her." He started down the the corridor again.	Ухудшает ее аэродинамические качества, иначе бы воздушному потоку эту даму не поднять, - объяснил Колер и вновь привел свое кресло-коляску в движение.
"One square yard of drag will slow a falling body almost twenty percent."	- Один квадратный ярд поверхности создает такое лобовое сопротивление, что падение тела замедляется на двадцать процентов.
Langdon nodded blankly.	Лэнгдон рассеянно кивнул.
He never suspected that later that night, in a country hundreds of miles away, the information would save his life.	Он еще не знал, что в тот же вечер эта информация спасет ему жизнь в находящейся за сотни миль от Швейцарии стране.

8	Глава 8
When Kohler and Langdon emerged from the rear of CERN's main complex into the stark Swiss sunlight, Langdon felt as if he'd been transported home.	Когда Колер и Лэнгдон, покинув главное здание ЦЕРНа, оказались под яркими лучами щедрого швейцарского солнца, Лэнгдона охватило ощущение, что он перенесся на родную землю.
The scene before him looked like an Ivy League campus.	Во всяком случае, окрестности ничем не отличались от университетского городка где-нибудь в Новой Англии.

A grassy slope cascaded downward onto an expansive lowlands where clusters of sugar maples dotted quadrangles bordered by brick dormitories and footpaths.	Поросший пышной травой склон сбегал к просторной равнине, где среди кленов располагались правильные кирпичные прямоугольники студенческих общежитий.

Scholarly looking individuals with stacks of books hustled in and out of buildings.	По мощеным дорожкам сновали ученого вида индивиды, прижимающие к груди стопки книг.

As if to accentuate the collegiate atmosphere, two longhaired hippies hurled a Frisbee back and forth while enjoying Mahler's Fourth Symphony blaring from a dorm window.	И словно для того, чтобы подчеркнуть привычность атмосферы, двое заросших грязными волосами хиппи под льющиеся из открытого окна общежития звуки Четвертой симфонии Малера азартно перебрасывали друг другу пластиковое кольцо.
"These are our residential dorms," Kohler explained as he accelerated his wheelchair down the path toward the buildings.	- Это наш жилой блок, - сообщил Колер, направляя кресло-коляску к зданиям.

"We have over three thousand physicists here. CERN single handedly employs more than half of the world's particle physicists- the brightest minds on earth-Germans, Japanese, Italians, Dutch, you name it.	- Здесь у нас работают свыше трех тысяч физиков. ЦЕРН собрал более половины специалистов по элементарным частицам со всего мира - лучшие умы планеты. Немцы, японцы, итальянцы, голландцы - всех не перечислить.
Our physicists represent over five hundred universities and sixty nationalities."	Наши физики представляют пятьсот университетов и шестьдесят национальностей.
Langdon was amazed. "How do they all communicate?"	- Как же они общаются друг с другом? -потрясенно спросил Лэнгдон.
"English, of course.	- На английском, естественно.

The universal language of science."	Универсальный язык науки.
Langdon had always heard math was the universal language of science, but he was too tired to argue.	Лэнгдон всегда полагал, что универсальным средством общения в науке служит язык математики, однако затевать диспут на эту тему у него уже не было сил.
He dutifully followed Kohler down the path.	Он молча плелся вслед за Колером по дорожке.
Halfway to the bottom, a young man jogged by.	Где-то на полпути им навстречу трусцой пробежал озабоченного вида юноша.
His T shirt proclaimed the message: NO GUT, NO GLORY!	На груди его футболки красовалась надпись "ВСУНТЕ - ВОТ ПУТЬ К ПОБЕДЕ!".

Langdon looked after him, mystified. "Gut?"	- Всуньте? - со всем сарказмом, на который был способен, хмыкнул Лэнгдон.
"General Unified Theory." Kohler quipped.	- Решили, что он малограмотный озорник? - вроде бы даже оживился Колер. - ВСУНТЕ расшифровывается как всеобщая унифицированная теория.
"The theory of everything."	Теория всего.
"I see," Langdon said, not seeing at all.	- Понятно, - смутился Лэнгдон, абсолютно ничего не понимая.
"Are you familiar with particle physics, Mr. Langdon?"	- Вы вообще-то знакомы с физикой элементарных частиц, мистер Лэнгдон? - поинтересовался Колер.

Langdon shrugged. "I'm familiar with general physics-falling bodies, that sort of thing."	- Я знаком с общей физикой... падение тел и все такое...

His years of high diving experience had given him a profound respect for the awesome power of gravitational acceleration.	- Занятия прыжками в воду внушили Лэнгдону глубочайшее уважение к могучей силе гравитационного ускорения.
"Particle physics is the study of atoms, isn't it?"	- Физика элементарных частиц изучает атомы, если не ошибаюсь...
Kohler shook his head.	- Ошибаетесь, - сокрушенно покачал головой Колер и снова закашлялся, а лицо его болезненно сморщилось.

"Atoms look like planets compared to what we deal with.	- По сравнению с тем, чем мы занимаемся, атомы выглядят настоящими планетами.
Our interests lie with an atom's nucleus-a mere ten thousandth the size of the whole."	Нас интересует ядро атома, которое в десять тысяч раз меньше его самого.
He coughed again, sounding sick. "The men and women of CERN are here to find answers to the same questions man has been asking since the beginning of time.	Сотрудники ЦЕРНа собрались здесь, чтобы найти ответы на извечные вопросы, которыми задается человечество с самых первых своих дней.
Where did we come from?	Откуда мы появились?
What are we made of?"	Из чего созданы?

"And these answers are in a physics lab?"	- И ответы на них вы ищете в научных лабораториях?
"You sound surprised."	- Вы, кажется, удивлены?
"I am.	- Удивлен.
The questions seem spiritual."	Эти вопросы, по-моему, относятся к духовной, даже религиозной, а не материальной сфере.
"Mr. Langdon, all questions were once spiritual.	- Мистер Лэнгдон, все вопросы когда-то относились к духовной, или, как вы выражаетесь, религиозной сфере.

Since the beginning of time, spirituality and religion have been called on to fill in the gaps that science did not understand.	С самого начала религия призывалась на выручку в тех случаях, когда наука оказывалась неспособной объяснить те или иные явления.
The rising and setting of the sun was once attributed to Helios and a flaming chariot.	Восход и заход солнца некогда приписывали передвижениям Г елиоса и его пылающей колесницы.
Earthquakes and tidal waves were the wrath of Poseidon.	Землетрясения и приливные волны считали проявлениями гнева Посейдона.
Science has now proven those gods to be false idols.	Наука доказала, что эти божества были ложными идолами.
Soon all Gods will be proven to be false idols.	И скоро докажет, что таковыми являются все боги.

Science has now provided answers to almost every question man can ask.	Сейчас наука дала ответы почти на все вопросы, которые могут прийти человеку в голову.
There are only a few questions left, and they are the esoteric ones.	Осталось, правда, несколько самых сложных...
Where do we come from?	Откуда мы появились?

What are we doing here?	С какой целью?
What is the meaning of life and the universe?"	В чем смысл жизни? Что есть вселенная?
Langdon was amazed. "And these are questions CERN is trying to answer?"	- И на такие вопросы ЦЕРН пытается искать ответы? - недоверчиво взглянул на него Лэнгдон.

"Correction.	- Вынужден вас поправить.
These are questions we are answering."	Мы отвечаем на такие вопросы.
Langdon fell silent as the two men wound through the residential quadrangles.	Лэнгдон вновь замолчал в некотором смятении.
As they walked, a Frisbee sailed overhead and skidded to a stop directly in front of them.	Над их головами пролетело пластиковое кольцо и, попрыгав по дорожке, замерло прямо перед ними.
Kohler ignored it and kept going.	Колер, будто не заметив этого, продолжал катить дальше.
A voice called out from across the quad. "S'il vous plaot!"	- S'il vous plait! - раздался у них за спиной голос.
Langdon looked over.	Лэнгдон оглянулся.

An elderly white haired man in a College Paris sweatshirt waved to him.	Седовласый старичок в свитере с надписью "ПАРИЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ" призывно махал руками.
Langdon picked up the Frisbee and expertly threw it back.	Лэнгдон подобрал кольцо и искусно метнул его обратно.
The old man caught it on one finger and bounced it a few times before whipping it over his shoulder to his partner.	Старичок поймал снаряд на палец, крутнул несколько раз и, не глядя, столь же ловко перебросил его через плечо своему партнеру.
"Merci!" he called to Langdon.	- Merci! - крикнул он Лэнгдону.
"Congratulations," Kohler said when Langdon finally caught up.	- Поздравляю, - усмехнулся Колер, когда Лэнгдон вприпрыжку нагнал его.

"You just played toss with a Noble prize winner, Georges Charpak, inventor of the multiwire proportional chamber."	- Вот и поиграли с нобелевским лауреатом Жоржем Шарпаком - знаменитым изобретателем.
Langdon nodded.	Лэнгдон согласно кивнул.
My lucky day.	Действительно, вот счастье-то привалило.
It took Langdon and Kohler three more minutes to reach their destination-a large, well kept dormitory sitting in a grove of aspens.	Через три минуты Лэнгдон и Колер достигли цели. Это было просторное ухоженное жилое здание, уютно расположенное в осиновой роще.
Compared to the other dorms, this structure seemed luxurious.	По сравнению с общежитиями выглядело оно просто роскошно.

The carved stone sign in front read Building C.	На установленной перед фасадом каменной плите было высечено весьма прозаическое название -"Корпус Си".
Imaginative title, Langdon thought.	Какой полет фантазии, издевательски ухмыльнулся про себя Лэнгдон.

But despite its sterile name, Building C appealed to Langdon's sense of architectural style-conservative and solid.	Тем не менее архитектурное решение корпуса "Си" полностью соответствовало утонченному вкусу Лэнгдона - оно несло на себе печать консервативности, солидной прочности и надежности.

It had a red brick facade, an ornate balustrade, and sat framed by sculpted symmetrical hedges.	Фасад из красного кирпича, нарядная балюстрада, состоящая из симметрично расположенных изваяний.
As the two men ascended the stone path toward the entry, they passed under a gateway formed by a pair of marble columns.	Направляясь по дорожке ко входу, они прошли через ворота, образованные двумя мраморными колоннами.
Someone had put a sticky note on one of them. This column is Ionic	Одну из них кто-то украсил жирной надписью "ДА ЗДРАВСТВУЮТ ИОНИКИ!".
Physicist graffiti?	Граффити в Центре ядерных исследований?

Langdon mused, eyeing the column and chuckling to himself.	Лэнгдон оглядел колонну и не смог сдержать иронического смешка.
"I'm relieved to see that even brilliant physicists make mistakes."	- Вижу, даже самые блестящие физики иногда ошибаются, - не без удовольствия констатировал он.
Kohler looked over. "What do you mean?"	- Что вы имеете в виду? - вскинул голову Колер.
"Whoever wrote that note made a mistake.	- Автор этой здравицы допустил ошибку.
That column isn't Ionic.	Данная колонна к ионической архитектуре не имеет никакого отношения .
Ionic columns are uniform in width.	Диаметр ионических колонн одинаков по всей длине.

That one's tapered.	Эта же кверху сужается.
It's Doric-the Greek counterpart.	Это дорический ордер , вот что я вам скажу.
A common mistake."	Впрочем, подобное заблуждение весьма типично, к сожалению.
Kohler did not smile. "The author meant it as a joke, Mr. Langdon.	- Автор не хотел демонстрировать свои познания в архитектуре, мистер Лэнгдон, - с сожалением посмотрел на него Колер.
Ionic means containing ions-electrically charged particles.	- Он подразумевал ионы, электрически заряженные частицы, к которым, как видите, он испытывает самые нежные чувства.

Most objects contain them."	Ионы обнаруживаются в подавляющем большинстве предметов.
Langdon looked back at the column and groaned.	Лэнгдон еще раз обвел взглядом колонну, и с его губ непроизвольно сорвался тягостный стон.
Langdon was still feeling stupid when he stepped from the elevator on the top floor of Building C. He followed Kohler down a well appointed corridor.	Все еще досадуя на себя за глупый промах, Лэнгдон вышел из лифта на верхнем этаже корпуса "Си" и двинулся вслед за Колером по тщательно прибранному коридору.

The decor was unexpected-traditional colonial French-a cherry divan, porcelain floor vase, and scrolled woodwork.	К его удивлению, интерьер был выдержан в традиционном французском колониальном стиле: диван красного дерева, фарфоровая напольная ваза, стены обшиты украшенными искусной резьбой деревянными панелями.
"We like to keep our tenured scientists comfortable," Kohler explained.	- Мы стараемся сделать пребывание наших ученых в центре максимально комфортабельным,- заметил Колер.
Evidently, Langdon thought.	Оно и видно, подумал Лэнгдон.
"So the man in the fax lived up here?	- Так, значит, тот человек с фотографии как раз здесь и жил?

One of your upper level employees?"	Один из ваших высокопоставленных сотрудников?
"Quite," Kohler said.	- Совершенно верно, - ответил Колер.
"He missed a meeting with me this morning and did not answer his page.	- Сегодня утром он не явился ко мне на совещание, на вызовы по пейджеру не отвечал.
I came up here to locate him and found him dead in his living room."	Я отправился к нему сам и обнаружил его мертвым в гостиной.
Langdon felt a sudden chill realizing that he was about to see a dead body.	Лэнгдон поежился от внезапно охватившего его озноба, только в эту минуту осознав, что сейчас увидит покойника.

His stomach had never been particularly stalwart.	Он не отличался крепким желудком, каковую слабость открыл в себе еще студентом на лекциях по искусствоведению.
It was a weakness he'd discovered as an art student when the teacher informed the class that Leonardo da Vinci had gained his expertise in the human form by exhuming corpses and dissecting their musculature.	Это обнаружилось, когда профессор рассказал им, что Леонардо да Винчи достиг совершенства в изображении человеческого тела, выкапывая трупы из могил и препарируя их мускулы.
Kohler led the way to the far end of the hallway.	Колер покатил в дальний конец коридора.
There was a single door.	Там оказалась единственная дверь.

"The Penthouse, as you would say," Kohler announced, dabbing a bead of perspiration from his forehead.	- Пентхаус, как говорят у вас в Америке. - Он промокнул платком покрытый капельками пота лоб.
Langdon eyed the lone oak door before them. The name plate read: Leonardo Vetra "Leonardo Vetra," Kohler said, "would have been fifty eight next week.	Табличка на дубовой створке гласила: "Леонардо Ветра". - Леонардо Ветра, - прочитал вслух Колер. - На следующей неделе ему бы исполнилось пятьдесят восемь.
He was one of the most brilliant scientists of our time.	Один из талантливейших ученых нашего времени.
His death is a profound loss for science."	Его смерть стала тяжелой утратой для науки.

For an instant Langdon thought he sensed emotion in Kohler's hardened face. But as quickly as it had come, it was gone.	На какое-то мгновение Лэнгдону почудилось, что на жесткое лицо Колера легла тень присущих нормальным людям эмоций, однако она исчезла столь же молниеносно, как и появилась.

Kohler reached in his pocket and began sifting through a large key ring.	Колер достал из кармана внушительную связку ключей и принялся перебирать их в поисках нужного.
An odd thought suddenly occurred to Langdon.	В голову Лэнгдону пришла неожиданная мысль.
The building seemed deserted.	Здание казалось абсолютно безлюдным.

"Where is everyone?" he asked. The lack of activity was hardly what he expected considering they were about to enter a murder scene.	Это обстоятельство представлялось тем более странным, что через какую-то секунду они окажутся на месте убийства. - А где же все? -спросил он.
"The residents are in their labs," Kohler replied, finding the key.	- В лабораториях, конечно, - объяснил Колер.
"I mean the police," Langdon clarified.	- Да нет, а полиция где?
"Have they left already?"	Они что, уже здесь закончили?
Kohler paused, his key halfway into the lock. "Police?" Langdon's eyes met the director's.	- Полиция? - Протянутая к замочной скважине рука Колера с зажатым в ней ключом повисла в воздухе, их взгляды встретились.

"Police.	- Да, полиция.
You sent me a fax of a homicide.	Вы сообщили мне по факсу, что у вас произошло убийство.
You must have called the police."	Вы, безусловно, обязаны были вызвать полицию!
"I most certainly have not."	- Отнюдь.
"What?"	- Что?
Kohler's gray eyes sharpened. "The situation is complex, Mr. Langdon."	- Мы оказались в крайне сложной и запутанной ситуации, мистер Лэнгдон. - Взгляд безжизненных серых глаз Колера ожесточился.

Langdon felt a wave of apprehension. "But... certainly someone else knows about this!"	- Но... ведь наверняка об этом уже еще кто-нибудь знает! - Лэнгдона охватила безотчетная тревога.
"Yes.	- Да, вы правы.
Leonardo's adopted daughter.	Приемная дочь Леонардо.
She is also a physicist here at CERN.	Она тоже физик, работает у нас в центре.
She and her father share a lab.	В одной лаборатории с отцом.
They are partners.	Они, если можно так сказать, компаньоны.
Ms. Vetra has been away this week doing field research.	Всю эту неделю мисс Ветра отсутствовала по своим служебным делам.

I have notified her of her father's death, and she is returning as we speak."	Я уведомил ее о гибели отца, и в данный момент, думаю, она спешит в Женеву.
"But a man has been murd-"	- Но ведь совершено убий...
"A formal investigation," Kohler said, his voice firm, "will take place.	- Формальное расследование, несомненно, будет проведено, - резко перебил его Колер.
However, it will most certainly involve a search of Vetra's lab, a space he and his daughter hold most private.	- Однако в ходе его придется проводить обыск в лаборатории мистера Ветра, а они с дочерью посторонних туда не допускали.

Therefore, it will wait until Ms. Vetra has arrived.	Поэтому с расследованием придется подождать до возвращения мисс Ветра.

I feel I owe her at least that modicum of discretion."	Я убежден, что она заслуживает хотя бы такого ничтожного проявления уважения к их привычкам.
Kohler turned the key.	Колер повернул ключ в замке.
As the door swung open, a blast of icy air hissed into the hall and hit Langdon in the face.	Дверь распахнулась, лицо Лэнгдона обжег поток ледяного воздуха, стремительно рванувшегося из нее в коридор.
He fell back in bewilderment.	Он испуганно отпрянул.
He was gazing across the threshold of an alien world.	За порогом его ждал чужой неведомый мир.

The flat before him was immersed in a thick, white fog.	Комната была окутана густым белым туманом.
The mist swirled in smoky vortexes around the furniture and shrouded the room in opaque haze.	Его тугие завитки носились среди мебели, застилая гостиную плотной тусклой пеленой.
"What the...?" Langdon stammered.	- Что... это? - запинаясь спросил Лэнгдон.
"Freon cooling system," Kohler replied.	- Фреон, - ответил Колер.
"I chilled the flat to preserve the body."	- Я включил систему охлаждения, чтобы сохранить тело.

Langdon buttoned his tweed jacket against the cold.	Лэнгдон машинально поднял воротник пиджака.
I'm in Oz, he thought.	"Я попал в страну Оз, - вновь подумал он.
And I forgot my magic slippers.	- И как назло забыл свои волшебные шлепанцы".
9	Глава 9
The corpse on the floor before Langdon was hideous.	Лежащий перед Лэнгдоном на полу труп являл собой отталкивающее зрелище.
The late Leonardo Vetra lay on his back, stripped naked, his skin bluish gray.	Покойный Леонардо Ветра, совершенно обнаженный, распростерся на спине, а его кожа приобрела синевато-серый оттенок.

His neck bones were jutting out where they had been broken, and his head was twisted completely backward, pointing the wrong way.	Шейные позвонки в месте перелома торчали наружу, а голова была свернута затылком вперед.
His face was out of view, pressed against the floor.	Прижатого к полу лица не было видно.
The man lay in a frozen puddle of his own urine, the hair around his shriveled genitals spidered with frost.	Убитый лежал в замерзшей луже собственной мочи, жесткие завитки волос вокруг съежившихся гениталий были покрыты инеем.
Fighting a wave of nausea, Langdon let his eyes fall to the victim's chest.	Изо всех сил борясь с приступом тошноты, Лэнгдон перевел взгляд на грудь мертвеца.

Although Langdon had stared at the symmetrical wound a dozen times on the fax, the burn was infinitely more commanding in real life.	И хотя он уже десятки раз рассматривал симметричную рану на присланной ему по факсу фотографии, в действительности ожог производил куда более сильное впечатление.

The raised, broiled flesh was perfectly delineated... the symbol flawlessly formed.	Вспухшая, прожженная чуть ли не до костей кожа безукоризненно точно воспроизводила причудливые очертания букв, складывающихся в страшный символ.

Langdon wondered if the intense chill now raking through his body was the air conditioning or his utter amazement with the significance of what he was now staring at.	Лэнгдон не мог разобраться, колотит ли его крупная дрожь от стоящей в гостиной лютой стужи или от осознания всей важности того, что он видит собственными глазами.
His heart pounded as he circled the body, reading the word upside down, reaffirming the genius of the symmetry.	С бешено бьющимся сердцем Лэнгдон обошел вокруг трупа, чтобы убедиться в симметричности клейма.
The symbol seemed even less conceivable now that he was staring at it.	Сейчас, когда он видел его так близко и отчетливо, сам этот факт казался еще более непостижимым... невероятным.

"Mr. Langdon?"	- Мистер Лэнгдон, - окликнул его Колер.
Langdon did not hear.	Лэнгдон его не слышал.
He was in another world... his world, his element, a world where history, myth, and fact collided, flooding his senses.	Он пребывал в другом мире... в своем собственном мире, в своей стихии, в мире, где сталкивались история, мифы и факты.
The gears turned.	Все его чувства обострились, и мысль заработала.
"Mr. Langdon?" Kohler's eyes probed expectantly.	- Мистер Лэнгдон! - не унимался Колер.

Langdon did not look up. His disposition now intensified, his focus total.	Лэнгдон не отрывал глаз от клейма - его мышцы напряглись, а нервы натянулись, как перед ответственным стартом.
"How much do you already know?"	- Что вы уже успели узнать? - отрывисто спросил он у Колера.
"Only what I had time to read on your website.	- Лишь то, что смог прочитать на вашем сайте.
The word Illuminati means 'the enlightened ones.'	"Иллюминати" значит "Просвещенные".
It is the name of some sort of ancient brotherhood." Langdon nodded.	Какое-то древнее братство.
"Had you heard the name before?"	- Раньше это название вам встречалось?

"Not until I saw it branded on Mr. Vetra."	- Никогда. До той минуты, пока не увидел клеймо на груди мистера Ветра.
"So you ran a web search for it?"	- Тогда вы занялись поисками в Паутине?
"Yes."	- Да
"And the word returned hundreds of references, no doubt."	- И обнаружили сотни упоминаний.
"Thousands," Kohler said.	- Тысячи, - поправил его Колер.
"Yours, however, contained references to Harvard, Oxford, a reputable publisher, as well as a list of related publications.	- Ваши материалы содержат ссылки на Гарвард, Оксфорд, на серьезных издателей, а также список публикаций по этой теме.

As a scientist I have come to learn that information is only as valuable as its source.	Види- те ли, как ученый я пришел к убеждению, что ценность информации определяется ее источником.
Your credentials seemed authentic."	А ваша репутация показалась мне достойной доверия.
Langdon's eyes were still riveted on the body.	Лэнгдон все еще не мог оторвать глаз от изуродованного трупа.
Kohler said nothing more.	Колер смолк.
He simply stared, apparently waiting for Langdon to shed some light on the scene before them.	Он просто смотрел на Лэнгдона в ожидании, когда тот прольет свет на возникшую перед ними загадку.

Langdon looked up, glancing around the frozen flat.	Лэнгдон вскинул голову и спросил, оглядывая заиндевевшую гостиную:
"Perhaps we should discuss this in a warmer place?"	- А не могли бы мы перейти в более теплое помещение?
"This room is fine." Kohler seemed oblivious to the cold.	- А чем вам тут плохо? - возразил Колер, который, похоже, лютого холода даже не замечал.
"We'll talk here."	- Останемся здесь.
Langdon frowned.	Лэнгдон поморщился.
The Illuminati history was by no means a simple one.	История братства "Иллюминати" была не из простых.

I'll freeze to death trying to explain it.	"Я окоченею до смерти, не рассказав и половины", - подумал ученый.
He gazed again at the brand, feeling a renewed sense of awe.	Он вновь посмотрел на клеймо и опять испытал прилив почти благоговейного трепета... и страха.
Although accounts of the Illuminati emblem were legendary in modern symbology, no academic had ever actually seen it.	Хотя в современной науке о символах имеется множество упоминаний об эмблеме "Иллюминати", ни один ученый еще никогда не видел ее собственными глазами.

Ancient documents described the symbol as an ambigram- ambi meaning "both"- signifying it was legible both ways.	В старинных документах этот символ называют амбиграммой - от латинского ambi, что означает "кругом", "вокруг", "оба". Подразумевается, что амбиграммы читаются одинаково, даже если их повернуть вверх ногами.
And although ambigrams were common in symbology- swastikas, yin yang, Jewish stars, simple crosses-the idea that a word could be crafted into an ambigram seemed utterly impossible.	Симметричные знаки достаточно широко распространены в символике - свастика , инь и ян , иудейская звезда , первые кресты у христиан. Тем не менее идея превратить в амбиграмму слово представлялась немыслимой.

Modern symbologists had tried for years to forge the word	Современные ученые потратили многие годы, пытаясь придать слову
"Illuminati" into a perfectly symmetrical style, but they had failed miserably.	"Иллюминати" абсолютно симметричное написание, однако все их усилия оказались тщетными.

Most academics had now decided the symbol's existence was a myth.	В итоге большинство исследователей пришли к выводу, что символ этот представляет собой очередной миф.
"So who are the Illuminati?" Kohler demanded.	- Так кто же они такие, эти ваши иллюминаты? -требовательно спросил Колер.

Yes, Langdon thought, who indeed?	"А действительно, кто?" - задумался Лэнгдон.
He began his tale.	И приступил к повествованию.
"Since the beginning of history," Langdon explained, "a deep rift has existed between science and religion.	- С незапамятных времен наука и религия враждовали друг с другом, - начал Лэнгдон.
Outspoken scientists like Copernicus-"	- Подлинных ученых, не скрывавших своих воззрений, таких как Коперник...
"Were murdered," Kohler interjected.	- Убивали, - перебил его Колер.
"Murdered by the church for revealing scientific truths.	- За обнародование научных открытий их убивала церковь.

Religion has always persecuted science."	Религия всегда преследовала и притесняла науку.
"Yes.	- Совершенно верно.
But in the 1500s, a group of men in Rome fought back against the church.	Однако примерно в 1500-е годы группа жителей Рима восстала против церкви.
Some of Italy's most enlightened men-physicists, mathematicians, astronomers- began meeting secretly to share their concerns about the church's inaccurate teachings.	Некоторые из самых просвещенных людей Италии - физики, математики, астрономы - стали собираться на тайные встречи, чтобы поделиться друг с другом беспокойством по поводу ошибочных, как они считали, учений церкви.

They feared that the church's monopoly on 'truth' threatened academic enlightenment around the world.	Они опасались, что монополия церкви на "истину" подорвет благородное дело научного просвещения по всему миру.
They founded the world's first scientific think tank, calling themselves 'the enlightened ones.' "	Эти ученые мужи образовали первый на земле банк научной мысли и назвали себя "Просвещенные".
"The Illuminati."	- Иллюминаты!
"Yes," Langdon said.	- Да, - подтвердил Лэнгдон.
"Europe's most learned minds... dedicated to the quest for scientific truth."	- Самые пытливые и великие умы Европы... искренне преданные поиску научных истин.
Kohler fell silent.	Колер погрузился в задумчивое молчание.

"Of course, the Illuminati were hunted ruthlessly by the Catholic Church.	- Католическая церковь, конечно, подвергла орден "Иллюминати" беспощадным гонениям.
Only through rites of extreme secrecy did the scientists remain safe.	И лишь соблюдение строжайшей секретности могло обеспечить ученым безопасность.
Word spread through the academic underground, and the Illuminati brotherhood grew to include academics from all over Europe.	Тем не менее, слухи об иллюминатах распространялись в академических кругах, и в братство стали вступать лучшие ученые со всех концов Европы.

The scientists met regularly in Rome at an ultrasecret lair they called the Church of Illumination."	Они регулярно встречались в Риме в тайном убежище, которое называлось "Храм Света".
Kohler coughed and shifted in his chair.	Колер шевельнулся в кресле и зашелся в новом приступе кашля.
"Many of the Illuminati," Langdon continued, "wanted to combat the church's tyranny with acts of violence, but their most revered member persuaded them against it.	- Многие иллюминаты предлагали бороться с тиранией церкви насильственными методами, однако наиболее уважаемый и авторитетный из них выступал против такой тактики.
He was a pacifist, as well as one of history's most famous scientists."	Он был пацифистом и одним из самых знаменитых ученых в истории человечества.

Langdon was certain Kohler would recognize the name.	Лэнгдон был уверен, что Колер догадается, о ком идет речь.
Even nonscientists were familiar with the ill fated astronomer who had been arrested and almost executed by the church for proclaiming that the sun, and not the earth, was the center of the solar system.	Даже далекие от науки люди прекрасно знают, какая печальная участь постигла астронома, который дерзнул объявить, что центром Солнечной системы является вовсе не Земля, а Солнце.

Although his data were incontrovertible, the astronomer was severely punished for implying that God had placed mankind somewhere other than at the center of His universe.	Инквизиторы схватили его и едва не подвергли казни... Несмотря на то, что его доказательства были неопровержимы, церковь самым жестоким образом наказала астронома, посмевшего утверждать, что Бог поместил человечество далеко от центра своей вселенной.
"His name was Galileo Galilei," Langdon said.	- Этого астронома звали Галилео Галилей.
Kohler looked up. "Galileo?"	- Неужели и Галилей... - вскинул брови Колер.
"Yes. Galileo was an Illuminatus.	- Да, Галилей был иллюминатом.
And he was also a devout Catholic.	И одновременно истовым католиком.

He tried to soften the church's position on science by proclaiming that science did not undermine the existence of God, but rather reinforced it.	Он пытался смягчить отношение церкви к науке, заявляя, что последняя не только не подрывает, а даже, напротив, укрепляет веру в существование Бога.
He wrote once that when he looked through his telescope at the spinning planets, he could hear God's voice in the music of the spheres.	Он как-то писал, что, наблюдая в телескоп движение планет, слышит в музыке сфер голос Бога.

He held that science and religion were not enemies, but rather allies-two different languages telling the same story, a story of symmetry and balance... heaven and hell, night and day, hot and cold, God and Satan.	Галилей настаивал на том, что наука и религия отнюдь не враги, но союзники, говорящие на двух разных языках об одном и том же - о симметрии и равновесии... аде и рае, ночи и дне, жаре и холоде, Боге и сатане.
Both science and religion rejoiced in God's symmetry... the endless contest of light and dark."	Наука и религия также есть часть мудро поддерживаемой Богом симметрии... никогда не прекращающегося состязания между светом и тьмой...
Langdon paused, stamping his feet to stay warm.	- Лэнгдон запнулся и принялся энергично приплясывать на месте, чтобы хоть как-то согреть окоченевшие ноги.

Kohler simply sat in his wheelchair and stared.	Колер безучастно наблюдал за его упражнениями, ожидая продолжения.
"Unfortunately," Langdon added, "the unification of science and religion was not what the church wanted."	- К несчастью, - возобновил свой рассказ Лэнгдон,- церковь вовсе не стремилась к объединению с наукой...
"Of course not," Kohler interrupted.	- Еще бы! - вновь перебил его Колер.
"The union would have nullified the church's claim as the sole vessel through which man could understand God.	- Подобный союз свел бы на нет притязания церкви на то, что только она способна помочь человеку понять Божьи заповеди.

So the church tried Galileo as a heretic, found him guilty, and put him under permanent house arrest.	Церковники устроили над Галилеем судилище, признали его виновным в ереси и приговорили к пожизненному домашнему аресту.
I am quite aware of scientific history, Mr. Langdon.	Я неплохо знаю историю науки, мистер Лэнгдон.
But this was all centuries ago.	Однако все эти события происходили многие столетия назад.
What does it have to do with Leonardo Vetra?"	Какое отношение могут они иметь к Леонардо Ветра?
The million dollar question.	Вопрос на миллион долларов.
Langdon cut to the chase.	Лэнгдон решил перейти ближе к делу:

"Galileo's arrest threw the Illuminati into upheaval.	- Арест Галилея всколыхнул сообщество "Иллюминати".
Mistakes were made, and the church discovered the identities of four members, whom they captured and interrogated.	Братство допустило ряд ошибок, и церкви удалось установить личности четырех его членов. Их схватили и подвергли допросу.
But the four scientists revealed nothing... even under torture."	Однако ученые своим мучителям ничего не открыли... даже под пытками.
"Torture?"	- Их пытали?
Langdon nodded.	- Каленым железом.
"They were branded alive.	Заживо.
On the chest.	Выжгли на груди клеймо.

With the symbol of a cross."	Крест.
Kohler's eyes widened, and he shot an uneasy glance at Vetra's body.	Зрачки Колера расширились, и он непроизвольно перевел взгляд на безжизненное тело коллеги.
"Then the scientists were brutally murdered, their dead bodies dropped in the streets of Rome as a warning to others thinking of joining the Illuminati.	- Ученых казнили с изощренной жестокостью, а их трупы бросили на улицах Рима как предупреждение всем, кто захочет присоединиться к ордену.
With the church closing in, the remaining Illuminati fled Italy."	Церковь подбиралась к братству "Иллюминати" все ближе, и его члены были вынуждены бежать из Италии.

Langdon paused to make his point. He looked directly into Kohler's dead eyes.	- Лэнгдон сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность этих слов.

"The Illuminati went deep underground, where they began mixing with other refugee groups fleeing the Catholic purges-mystics, alchemists, occultists, Muslims, Jews.	- Они ушли в глубокое подполье. Там неизбежно происходило их смешение с другими изгоями, спасавшимися от католических чисток, -мистиками, алхимиками, оккультистами, мусульманами, евреями.
Over the years, the Illuminati began absorbing new members.	С течением времени ряды иллюминатов начали пополняться новыми членами.
A new Illuminati emerged. A darker Illuminati.	Стали появляться "просвещенные", лелеющие куда более темные замыслы и цели.

A deeply anti Christian Illuminati.	Это были яростные противники христианства.
They grew very powerful, employing mysterious rites, deadly secrecy, vowing someday to rise again and take revenge on the Catholic Church.	Постепенно они набрали огромную силу, выработали тайные обряды и поклялись когда-нибудь отомстить, католической церкви.
Their power grew to the point where the church considered them the single most dangerous anti Christian force on earth.	Их могущество достигло такой степени, что церковники стали считать их единственной в мире по-настоящему опасной антихристианской силой.
The Vatican denounced the brotherhood as Shaitan."	Ватикан назвал братство "Шайтаном".

"Shaitan?"	- "Шайтаном"?
"It's Islamic.	- Это из исламской мифологии.
It means 'adversary'... God's adversary.	Означает "злой дух" или "враг"... враг Бога.
The church chose Islam for the name because it was a language they considered dirty."	Церковь выбрала ислам по той причине, что считала язык его последователей грязным.
Langdon hesitated. "Shaitan is the root of an English word...Satan."	От арабского "шайтан" произошло и наше английское слово... сатана.
An uneasiness crossed Kohler's face.	Теперь лицо Колера выражало нескрываемую тревогу.

Langdon's voice was grim. "Mr. Kohler, I do not know how this marking appeared on this man's chest... or why... but you are looking at the long lost symbol of the world's oldest and most powerful satanic cult."	- Мистер Колер, - мрачно обратился к нему Лэнгдон, - я не знаю, как это клеймо появилось на груди вашего сотрудника... и почему... но перед вашими глазами давно утраченная эмблема старейшего и самого могущественного в мире общества поклонников сатаны.
10	Глава 10
The alley was narrow and deserted.	Переулок был узким и безлюдным.
The Hassassin strode quickly now, his black eyes filling with anticipation.	Ассасин шел быстрым размашистым шагом, его темные глаза горели предвкушением.

As he approached his destination, Janus's parting words echoed in his mind.	Приближаясь к своей цели, он вспомнил прощальные слова Януса:
Phase two begins shortly.	"Скоро начнется второй этап.
Get some rest.	Тебе нужно немного отдохнуть".
The Hassassin smirked.	Ассасин презрительно фыркнул.
He had been awake all night, but sleep was the last thing on his mind.	Он не спал всю ночь, однако об отдыхе не помышлял.

Sleep was for the weak.	Сон - для слабых телом и духом.

He was a warrior like his ancestors before him, and his people never slept once a battle had begun.	Он же, как и его предки, воин, а воины с началом сражения глаз не смыкают.
This battle had most definitely begun, and he had been given the honor of spilling first blood.	Его битва началась, ему была предоставлена высокая честь пролить первую кровь.
Now he had two hours to celebrate his glory before going back to work.	И сейчас у него есть два часа, чтобы, перед тем как вернуться к работе, отпраздновать свою победу.
Sleep?	Спать?
There are far better ways to relax...	Есть куда лучшие способы отдохнуть...

An appetite for hedonistic pleasure was something bred into him by his ancestors.	Страсть к земным утехам он унаследовал от своих предков.
His ascendants had indulged in hashish, but he preferred a different kind of gratification.	Они, правда, увлекались гашишем, однако он предпочитает другие пути к наслаждению.
He took pride in his body-a well tuned, lethal machine, which, despite his heritage, he refused to pollute with narcotics.	Он гордился свои телом, безукоризненно отлаженным, не дающим сбоев смертоносным механизмом. И вопреки обычаям и традициям своих прародителей отказывался травить его наркотиками.

He had developed a more nourishing addiction than drugs... a far more healthy and satisfying reward.	Он нашел гораздо более эффективное средство, нежели дурман...
Feeling a familiar anticipation swelling within him, the Hassassin moved faster down the alley.	Чувствуя, как в нем растет знакомое предвкушение, он заторопился к неприметной двери в конце переулка.
He arrived at the nondescript door and rang the bell.	Позвонил.
A view slit in the door opened, and two soft brown eyes studied him appraisingly.	Сквозь приоткрывшуюся в створке щель его пытливо оглядели два карих глаза.
Then the door swung open.	Потом дверь гостеприимно распахнулась.

"Welcome," the well dressed woman said.	- Добро пожаловать, - с радушной улыбкой приветствовала его со вкусом одетая дама.
She ushered him into an impeccably furnished sitting room where the lights were low.	Она провела его в изысканно обставленную гостиную, неярко освещенную слабо горящими светильниками.
The air was laced with expensive perfume and musk.	Воздух здесь был пропитан ароматом драгоценных духов и пряным запахом мускуса.
"Whenever you are ready." She handed him a book of photographs. "Ring me when you have made your choice." Then she disappeared.	- Позовите меня, как только сделаете свой выбор.- Дама протянула ему альбом с фотографиями и удалилась.

The Hassassin smiled.	Ассасин расплылся в довольной улыбке.
As he sat on the plush divan and positioned the photo album on his lap, he felt a carnal hunger stir.	Удобно устроившись на обтянутом плюшем мягком диване, он уложил альбом на коленях и ощутил, как его охватывает похотливое нетерпение.

Although his people did not celebrate Christmas, he imagined that this is what it must feel like to be a Christian child, sitting before a stack of Christmas presents, about to discover the miracles inside.	Хотя его соплеменники не праздновали Рождество, он подумал, что подобные чувства должен испытывать христианский мальчик, собирающийся заглянуть в чулок с рождественскими подарками.

He opened the album and examined the photos.	Ассасин открыл альбом и принялся рассматривать фотографии.
A lifetime of sexual fantasies stared back at him.	Эти снимки могли пробудить самые немыслимые сексуальные фантазии.
Marisa.	Марта.
An Italian goddess.	Итальянская богиня.
Fiery.	Вулкан страсти.
A young Sophia Loren.	Вылитая Софи Лорен в молодости.
Sachiko.	Сашико.
A Japanese geisha.	Японская гейша.
Lithe.	Гибкая и податливая.
No doubt skilled.	Несомненно, весьма опытная и умелая.
Kanara.	Канара.

A stunning black vision.	Сногсшибательная чернокожая мечта.
Muscular.	С развитой мускулатурой.
Exotic.	Сплошная экзотика.
He examined the entire album twice and made his choice. He pressed a button on the table beside him.	Дважды изучив альбом от корки до корки, он наконец сделал выбор и нажал кнопку звонка, встроенную в журнальный столик.
A minute later the woman who had greeted him reappeared.	Через минуту появилась встречавшая его дама.
He indicated his selection.	Он показал ей фотографию.
She smiled.	Дама цепко глянула на него и понимающе улыбнулась:

"Follow me."	- Пойдемте.
After handling the financial arrangements, the woman made a hushed phone call. She waited a few minutes and then led him up a winding marble staircase to a luxurious hallway.	Покончив с финансовыми расчетами, хозяйка заведения позвонила по телефону и, выждав несколько минут, пригласила его подняться по винтовой лестнице в роскошный холл.
"It's the gold door on the end," she said. "You have expensive taste."	- Золотая дверь в самом конце, - сказала она и добавила: - У вас прекрасный вкус.
I should, he thought. I am a connoisseur.	"Еще бы, - мысленно согласился он с ней, - я ведь большой знаток".

The Hassassin padded the length of the hallway like a panther anticipating a long overdue meal.	Ассасин крался к двери, как пантера, предвкушающая вкус крови долгожданной добычи.

When he reached the doorway he smiled to himself. It was already ajar... welcoming him in.	Подойдя к ней, он расплылся в торжествующей ухмылке: створка уже приоткрыта... его ждут с нетерпением.
He pushed, and the door swung noiselessly open.	Вошел.
When he saw his selection, he knew he had chosen well.	Увидел свою избранницу и понял, что не ошибся.

She was exactly as he had requested... nude, lying on her back, her arms tied to the bedposts with thick velvet cords.	В точности как он хотел... Обнаженная, она лежит на спине, руки привязаны к спинке кровати толстыми бархатными шнурами.
He crossed the room and ran a dark finger across her ivory abdomen.	В два шага он пересек комнату и провел пальцами по атласно-гладкой и нежной впадине ее живота, и его жесткая ладонь показалась особенно смуглой на фоне как будто светящейся изнутри кожи цвета слоновой кости.
I killed last night, he thought. You are my reward.	"Вчера я убил врага, - подумал он, - и ты мой трофей".
11	Глава 11
"Satanic?"	- Что вы сказали?

Kohler wiped his mouth and shifted uncomfortably.	- Колер приложил к губам платок, борясь с приступом кашля.
"This is the symbol of a satanic cult?"	- Это эмблема сатанистского культа?
Langdon paced the frozen room to keep warm.	Лэнгдон забегал по гостиной, чтобы согреться.
"The Illuminati were satanic.	- Иллюминаты были сатанистами.
But not in the modern sense."	Правда, не в нынешнем смысле этого слова.

Langdon quickly explained how most people pictured satanic cults as devil worshiping fiends, and yet Satanists historically were educated men who stood as adversaries to the church.	Лэнгдон кратко пояснил, что, хотя большинство обывателей считают последователей сатанистских культов злодеями, сатанисты исторически были весьма образованными людьми, выступающими против церкви.
Shaitan.	"Шайтанами".
The rumors of satanic black magic animal sacrifices and the pentagram ritual were nothing but lies spread by the church as a smear campaign against their adversaries.	Байки о приношениях в жертву животных и пентаграммах, о черной магии и кошмарных ритуалах сатанистов есть не что иное, как ложь, старательно распространяемая церковниками, чтобы очернить своих врагов.

Over time, opponents of the church, wanting to emulate the Illuminati, began believing the lies and acting them out.	С течением времени противники церкви, соперничавшие с братством и стремившиеся не просто подражать ему, но превзойти и вытеснить его, начали верить в эти выдумки и воспроизводить их на практике.
Thus, modern Satanism was born.	Так родился современный сатанизм.
Kohler grunted abruptly. "This is all ancient history.	- Все это быльем поросло! - неожиданно резко воскликнул Колер.
I want to know how this symbol got here."	- Мне нужно выяснить, как этот символ появился здесь и сейчас!

Langdon took a deep breath.	Лэнгдон, успокаивая себя, сделал глубокий вдох.
"The symbol itself was created by an anonymous sixteenth century Illuminati artist as a tribute to Galileo's love of symmetry-a kind of sacred Illuminati logo.	- Сам этот символ был создан неизвестным художником из числа иллюминатов в шестнадцатом веке. Как дань приверженности Галилея симметрии. Он стал своего рода священной эмблемой братства.
The brotherhood kept the design secret, allegedly planning to reveal it only when they had amassed enough power to resurface and carry out their final goal."	Оно хранило его в тайне, намереваясь, как утверждают, открыть людским взорам лишь после того, как обретет достаточную силу и власть для достижения своей конечной цели.

Kohler looked unsettled. "So this symbol means the Illuminati brotherhood is resurfacing?"	- Следовательно, наш случай означает, что братство выходит из подполья?
Langdon frowned.	Лэнгдон задумался.
"That would be impossible.	- Это невозможно, - ответил он наконец.
There is one chapter of Illuminati history that I have not yet explained."	- В истории братства "Иллюминати" есть глава, о которой я еще не упомянул.
Kohler's voice intensified. "Enlighten me."	- Ну так просветите меня! - повысив голос, потребовал Колер.

Langdon rubbed his palms together, mentally sorting through the hundreds of documents he'd read or written on the Illuminati.	Лэнгдон неторопливо потер руки, мысленно перебирая сотни документов и статей, которые он прочитал или написал сам.
"The Illuminati were survivors," he explained.	- Видите ли, иллюминаты боролись за выживание,- объяснил он.
"When they fled Rome, they traveled across Europe looking for a safe place to regroup.	- После бегства из Рима они прошли всю Европу в поисках безопасного места для восстановления своих рядов.

They were taken in by another secret society... a brotherhood of wealthy Bavarian stone craftsmen called the Freemasons."	Их приютило другое тайное общество... братство состоятельных баварских каменщиков, которые называли себя масонами.
Kohler looked startled. "The Masons?"	- Масонами, говорите? - вздрогнул Колер. - Не хотите ли вы сказать, что масоны принадлежат к сатанистам?
Langdon nodded, not at all surprised that Kohler had heard of the group.	Лэнгдон совсем не удивился тому, что Колер слышал об этой организации.

The brotherhood of the Masons currently had over five million members worldwide, half of them residing in the United States, and over one million of them in Europe. "Certainly the Masons are not satanic," Kohler declared, sounding suddenly skeptical.	На сегодняшний день масонское общество насчитывает свыше пяти миллионов членов по всему миру, половина из них проживают в Соединенных Штатах, а более миллиона обосновались в Европе.
"Absolutely not.	- Конечно, нет.
The Masons fell victim of their own benevolence.	Масоны пали жертвой собственной благожелательности и добросердечия.

After harboring the fleeing scientists in the 1700s, the Masons unknowingly became a front for the Illuminati.	Предоставляя убежище беглым ученым в восемнадцатом веке, они, сами того не подозревая, стали ширмой для братства "Иллюминати".
The Illuminati grew within their ranks, gradually taking over positions of power within the lodges.	Члены последнего набирались сил, постепенно прибирая к рукам власть в масонских ложах.
They quietly reestablished their scientific brotherhood deep within the Masons-a kind of secret society within a secret society.	Они негласно восстановили свое братство - так появилось тайное общество внутри тайного общества.

Then the Illuminati used the worldwide connection of Masonic lodges to spread their influence."	А затем иллюминаты стали использовать хорошо налаженные и весьма широкие связи масонов для распространения своего влияния по всему миру.
Langdon drew a cold breath before racing on.	- Лэнгдон перевел дух, набрав полные легкие ледяного тумана.
"Obliteration of Catholicism was the Illuminati's central covenant.	- Основной идеей братства "Иллюминати" была ликвидация католицизма.
The brotherhood held that the superstitious dogma spewed forth by the church was mankind's greatest enemy.	Братство утверждало, что церковь с навязываемыми ею суевериями и предрассудками является злейшим врагом человечества.

They feared that if religion continued to promote pious myth as absolute fact, scientific progress would halt, and mankind would be doomed to an ignorant future of senseless holy wars."	Иллюминаты опасались, что если религии позволить и дальше распространять ложные мифы в качестве непреложных фактов, то научный прогресс прекратится и человечество, став заложником невежества, будет обречено на бессмысленные и кровавые священные войны.
"Much like we see today."	- Что мы и имеем сегодня, - ворчливо вставил Колер.
Langdon frowned. Kohler was right.	Он прав, подумал Лэнгдон.
Holy wars were still making headlines.	Священные войны все еще не сходят с первых страниц газет.

My God is better than your God.	Мой Бог лучше твоего.
It seemed there was always close correlation between true believers and high body counts.	И сдается, ряды таких правоверных все ширятся, что ведет к колоссальным человеческим жертвам.
"Go on," Kohler said.	- Продолжайте, - попросил Колер.
Langdon gathered his thoughts and continued.	Лэнгдон помолчал, собираясь с мыслями.

"The Illuminati grew more powerful in Europe and set their sights on America, a fledgling government many of whose leaders were Masons- George Washington, Ben Franklin-honest, God fearing men who were unaware of the Illuminati stronghold on the Masons.	- Братство "Иллюминати", окрепнув в Европе, обратило свои взоры на Америку, где многие лидеры были масонами - Джордж Вашингтон, например, или Бенджамин Франклин... Честные и богобоязненные люди, они даже не подозревали, что братство держит масонов за горло мертвой хваткой.
The Illuminati took advantage of the infiltration and helped found banks, universities, and industry to finance their ultimate quest."	Иллюминаты же проникали повсюду и участвовали в учреждении банков, основании университетов, развитии промышленности, чтобы добывать средства на финансирование своего последнего похода...

Langdon paused.	- Лэнгдон вновь сделал паузу.
"The creation of a single unified world state-a kind of secular New World Order."	- А его целью было образование единого мирового порядка - создание своего рода светского всемирного государства.
Kohler did not move.	Колер замер в своем кресле, внимая каждому слову Лэнгдона.
"A New World Order," Langdon repeated, "based on scientific enlightenment.	- Да, в их планы входило установить новый мировой порядок, основанный на научном просвещении, - повторил тот.
They called it their Luciferian Doctrine.	- Сами они называли эту концепцию "доктриной Люцифера".

The church claimed Lucifer was a reference to the devil, but the brotherhood insisted Lucifer was intended in its literal Latin meaning-bringer of light.	Церковники ухватились за этот факт и обвинили иллюминатов в связях с сатаной, однако братство настаивало на том, что имеет в виду Люцифера в его подлинной ипостаси светоча .
Or Illuminator."	Или "Иллюминатора".
Kohler sighed, and his voice grew suddenly solemn. "Mr. Langdon, please sit down."	- Присядьте, пожалуйста, мистер Лэнгдон, -внезапно предложил Колер.
Langdon sat tentatively on a frost covered chair.	Лэнгдон не без страха примостился на краешке заиндевевшего кресла.
Kohler moved his wheelchair closer.	Колер подкатил кресло-коляску чуть ли не вплотную к его коленям.

"I am not sure I understand everything you have just told me, but I do understand this.	- Не уверен, что понял все из того, что вы мне только что рассказали.
Leonardo Vetra was one of CERN's greatest assets.	Но одно у меня не вызывает сомнений: Леонардо Ветра был одним из наших ценнейших сотрудников.
He was also a friend.	И моим другом.
I need you to help me locate the Illuminati."	Я прошу вас помочь мне найти братство "Иллюминати".
Langdon didn't know how to respond.	Лэнгдон растерялся. А он, оказывается, шутник!
"Locate the Illuminati?"	- Найти братство

He's kidding, right?	"Иллюминати"? - переспросил он.
"I'm afraid, sir, that will be utterly impossible."	- Боюсь, сэр, это совершенно невозможно.
Kohler's brow creased. "What do you mean?	- Это почему же?
You won't-"	Вы что...
"Mr. Kohler." Langdon leaned toward his host, uncertain how to make him understand what he was about to say.	- Мистер Колер! - остановил его Лэнгдон, не зная, как заставить этого человека понять то, что он собирался сказать.
"I did not finish my story.	- Я еще не закончил.
Despite appearances, it is extremely unlikely that this brand was put here by the Illuminati.	Абсолютно невероятно, чтобы этот знак был оставлен здесь одним из иллюминатов.

There has been no evidence of their existence for over half a century, and most scholars agree the Illuminati have been defunct for many years."	За последние полвека не появлялось никаких свидетельств их существования, и большинство исследователей сходятся во мнении, что орден давным-давно почил в бозе.
The words hit silence.	Воцарилось тягостное молчание.
Kohler stared through the fog with a look somewhere between stupefaction and anger.	Колер, словно в оцепенении, отрешенно смотрел прямо перед собой в белесый туман.

"How the hell can you tell me this group is extinct when their name is seared into this man!"	- Какого черта вы мне рассказываете, что братство исчезло когда их эмблема выжжена на груди лежащего перед вами человека! - вдруг очнувшись, вспылил он.
Langdon had been asking himself that question all morning.	Лэнгдон и сам ломал голову над этой загадкой все утро.
The appearance of the Illuminati ambigram was astonishing.	Появление амбиграммы сообщества "Иллюминати" было фактом поразительным и необъяснимым.
Symbologists worldwide would be dazzled.	Исследователи символов по всему миру будут ошеломлены и озадачены.

And yet, the academic in Langdon understood that the brand's reemergence proved absolutely nothing about the Illuminati.	И все же ученый в Лэнгдоне был твердо уверен, что это событие никоим образом не может служить доказательством возрождения братства.
"Symbols," Langdon said, "in no way confirm the presence of their original creators."	- Символы не есть подтверждение жизнедеятельности их первоначальных авторов, -с непреклонной уверенностью произнес он.
"What is that supposed to mean?"	- Что вы хотите этим сказать?

"It means that when organized philosophies like the Illuminati go out of existence, their symbols remain... available for adoption by other groups.	- Только то, что, когда высокоорганизованные идеологические системы, такие как братство "Иллюминати", прекращают существование, их символы... продолжают использовать другие группировки.
It's called transference. It's very common in symbology.	Такое встречается сплошь и рядом.
The Nazis took the swastika from the Hindus, the Christians adopted the cruciform from the Egyptians, the-"	Нацисты заимствовали свастику у индусов, крест христианам достался от египтян...

"This morning," Kohler challenged, "when I typed the word	- Когда сегодня утром я ввел в компьютер слово
'Illuminati' into the computer, it returned thousands of current references.	"Иллюминати", - бесцеремонно оборвал тираду ученого Колер, - он выдал мне тысячи ссылок, относящихся к нашему времени.
Apparently a lot of people think this group is still active."	Совершенно очевидно, что множество людей считают братство активно действующим и по сей день.
"Conspiracy buffs," Langdon replied.	- Пропагандистский вздор! - резко возразил Лэнгдон.

He had always been annoyed by the plethora of conspiracy theories that circulated in modern pop culture.	Его всегда раздражали всевозможные теории заговоров, в изобилии распространяемые современной массовой культурой.
The media craved apocalyptic headlines, and self proclaimed "cult specialists" were still cashing in on millennium hype with fabricated stories that the Illuminati were alive and well and organizing their New World Order.	Средства массовой информации наперегонки пророчат близкий конец света, самозваные "эксперты" наживаются на искусственно раздуваемой шумихе вокруг наступления 2000 года, выступая с измышлениями о том, что братство "Иллюминати" не только здравствует и процветает, но исподволь ведет работу по установлению нового мирового порядка.

Recently the New York Times had reported the eerie Masonic ties of countless famous men-Sir Arthur Conan Doyle, the Duke of Kent, Peter Sellers, Irving Berlin, Prince Philip, Louis Armstrong, as well as a pantheon of well known modern day industrialists and banking magnates.	Не так давно газета "Нью-Йорк таймс" сообщила о зловещих масонских связях огромного числа известнейших личностей - сэра Артура Конан Дойла, герцога Кента, Питера Селлерса , Ирвинга Берлина , принца Филиппа , Луи Армстронга, а также целого сонма нынешних промышленных и финансовых магнатов.
Kohler pointed angrily at Vetra's body. "Considering the evidence, I would say perhaps the conspiracy buffs are correct."	- А это вам не доказательство? - Колер возмущенным жестом указал на труп Ветра. -Тоже пропагандистский вздор, скажете?

"I realize how it appears," Langdon said as diplomatically as he could.	- Я осознаю, как это может восприниматься на первый взгляд, - призывая на помощь все свои дипломатические способности, осторожно ответил Лэнгдон.
"And yet a far more plausible explanation is that some other organization has taken control of the Illuminati brand and is using it for their own purposes."	- Однако на деле мне представляется куда более правдоподобным то объяснение, что какая-то иная организация завладела эмблемой иллюминатов и использует ее в своих собственных целях.
"What purposes?	- В каких там еще целях!
What does this murder prove?"	Чего они добились этим убийством?

Good question, Langdon thought.	Еще один хороший вопрос, хмыкнул про себя Лэнгдон.
He also was having trouble imagining where anyone could have turned up the Illuminati brand after 400 years.	Он, сколько ни напрягал свое недюжинное воображение, не мог себе представить, где после четырехсот лет небытия могла отыскаться амбиграмма "Иллюминати".
"All I can tell you is that even if the Illuminati were still active today, which I am virtually positive they are not, they would never be involved in Leonardo Vetra's death."	- Скажу только одно, - решительно тряхнул головой Лэнгдон. - Даже если допустить факт возрождения "Иллюминати", каковую возможность я отвергаю напрочь, братство все равно не могло быть причастно к смерти Леонардо Ветра.
"No?"	- Неужели?
"No.	- Никоим образом.

The Illuminati may have believed in the abolition of Christianity, but they wielded their power through political and financial means, not through terrorists acts.	Иллюминаты могли ставить своей целью искоренение христианства, однако для ее достижения они бы использовали свои политические и финансовые ресурсы и никогда не стали бы прибегать к террористическим актам.
Furthermore, the Illuminati had a strict code of morality regarding who they saw as enemies.	Более того, у братства существовал строгий моральный кодекс, четко обозначавший круг их врагов.
They held men of science in the highest regard.	К ученым они относились с необыкновенным пиететом.

There is no way they would have murdered a fellow scientist like Leonardo Vetra."	Убийство коллеги, в данном случае Леонардо Ветра, для них было бы просто немыслимо.
Kohler's eyes turned to ice.	- Возможно, вы так уверены потому, что не знаете одного важного обстоятельства, - поднял на него холодный взгляд Колер.
"Perhaps I failed to mention that Leonardo Vetra was anything but an ordinary scientist."	- Леонардо Ветра был отнюдь не обычным ученым.
Langdon exhaled patiently. "Mr. Kohler, I'm sure Leonardo Vetra was brilliant in many ways, but the fact remains-"	- Мистер Колер, - досадливо поморщился Лэнгдон, - у меня нет сомнений в том, что Леонардо Ветра был разносторонне талантливым человеком, но факт остается фактом...

Without warning, Kohler spun in his wheelchair and accelerated out of the living room, leaving a wake of swirling mist as he disappeared down a hallway.	Колер вдруг развернул свое кресло-коляску и помчался прочь из гостиной, оставляя за собой взвихрившиеся клубы студеного тумана.
For the love of God, Langdon groaned.	"Господи, да что же он вытворяет?" - мысленно простонал Лэнгдон.
He followed. Kohler was waiting for him in a small alcove at the end of the hallway.	Он последовал за сумасбродным директором и увидел, что Колер поджидает его у небольшой ниши в дальнем конце коридора.
"This is Leonardo's study," Kohler said, motioning to the sliding door.	- Это кабинет Леонардо... - Колер указал на дверь.

"Perhaps when you see it you'll understand things differently."	- Думаю, после его осмотра вы несколько измените свое мнение.
With an awkward grunt, Kohler heaved, and the door slid open.	Он неловко изогнулся в кресле и, покряхтывая, принялся возиться с дверной ручкой. Наконец створка плавно скользнула в сторону.
Langdon peered into the study and immediately felt his skin crawl.	Лэнгдон с любопытством заглянул в кабинет, и в ту же секунду по коже у него побежали мурашки.
Holy mother of Jesus, he said to himself.	"Боже, спаси и помилуй!.." - сами собой беззвучно прошептали его губы.
12	Глава 12

In another country, a young guard sat patiently before an expansive bank of video monitors.	Совсем в другой стране молодой охранник сидел перед множеством видеомониторов.

He watched as images flashed before him-live feeds from hundreds of wireless video cameras that surveyed the sprawling complex. The images went by in an endless procession.	Он внимательно наблюдал за беспрерывной чередой сменяющих друг друга изображений, передаваемых в реальном времени сотнями беспроводных видеокамер, установленных по всему гигантскому комплексу.
An ornate hallway.	Нарядный вестибюль.
A private office.	Кабинет.
An industrial size kitchen.	Кухня огромных размеров.

As the pictures went by, the guard fought off a daydream.	Картинки следовали одна за другой, охранник изо всех сил боролся с одолевавшей его дремотой.
He was nearing the end of his shift, and yet he was still vigilant.	Смена подходила к концу, однако бдительности он не терял.
Service was an honor. Someday he would be granted his ultimate reward.	Служба его почетна, и в свое время он будет за нее достойно вознагражден.
As his thoughts drifted, an image before him registered alarm.	Внезапно на одном из мониторов появился сигнал тревоги.

Suddenly, with a reflexive jerk that startled even himself, his hand shot out and hit a button on the control panel. The picture before him froze.	Охранник инстинктивно нажал кнопку на панели управления, Изображение застыло.
His nerves tingling, he leaned toward the screen for a closer look.	Он приник к экрану, всматриваясь в незнакомую картинку.
The reading on the monitor told him the image was being transmitted from camera #86-a camera that was supposed to be overlooking a hallway.	Титры внизу экрана сообщали, что она передается камерой №86, ведущей наблюдение за вестибюлем.

But the image before him was most definitely not a hallway.	Однако на мониторе он видел отнюдь не вести-бюль.
13	Глава 13
Langdon stared in bewilderment at the study before him.	Лэнгдон, словно завороженный, в смятении разглядывал обстановку кабинета.
"What is this place?"	- Что это? - не в силах сдержаться, воскликнул он.
Despite the welcome blast of warm air on his face, he stepped through the door with trepidation.	Даже не обрадовавшись уютному теплу, ласково повеявшему из открытой двери, он не без страха перешагнул порог.
Kohler said nothing as he followed Langdon inside.	Колер оставил его вопрос без ответа.

Langdon scanned the room, not having the slightest idea what to make of it.	Лэнгдон же, не зная, что и подумать, переводил изумленный взгляд с одного предмета на другой.
It contained the most peculiar mix of artifacts he had ever seen.	В кабинете была собрана самая странная коллекция вещей, какую он мог себе представить.
On the far wall, dominating the decor, was an enormous wooden crucifix, which Langdon placed as fourteenth century Spanish.	На дальней стене висело огромных размеров деревянное распятие. Испания, четырнадцатый век, тут же определил Лэнгдон.

Above the cruciform, suspended from the ceiling, was a metallic mobile of the orbiting planets.	Над распятием к потолку была подвешена металлическая модель вращающихся на своих орбитах планет.

To the left was an oil painting of the Virgin Mary, and beside that was a laminated periodic table of elements.	Слева находились написанная маслом Дева Мария и закатанная в пластик Периодическая таблица химических элементов.
On the side wall, two additional brass cruciforms flanked a poster of Albert Einstein, his famous quote reading:	Справа, между двумя бронзовыми распятиями, был помещен плакат со знаменитым высказыванием Альберта Эйнштейна:
God Does Not Play Dice With the Universe	"БОГ НЕ ИГРАЕТ В КОСТИ СО ВСЕЛЕННОЙ".

Langdon moved into the room, looking around in astonishment. A leather bound Bible sat on Vetra's desk beside a plastic Bohr model of an atom and a miniature replica of Michelangelo's Moses.	На рабочем столе Ветра он заметил Библию в кожаном переплете, созданную Бором пластиковую модель атома и миниатюрную копию статуи Моисея работы Микеланджело.
Talk about eclectic, Langdon thought.	Ну и мешанина! Классический образчик эклектики, мелькнуло в голове у Лэнгдона.
The warmth felt good, but something about the decor sent a new set of chills through his body.	Несмотря на то что в тепле кабинета он должен был вроде бы согреться, его била неудержимая дрожь.

He felt like he was witnessing the clash of two philosophical titans... an unsettling blur of opposing forces.	Ученый чувствовал себя так, будто стал очевидцем битвы двух титанов философии... сокрушительного столкновения противостоящих сил.
He scanned the titles on the bookshelf:	Лэнгдон обежал взглядом названия стоящих на полках томов.
The God Particle	"Частица Бога".
The Tao of Physics	"Дао физики".
God: The Evidence	"Бог: только факты".
One of the bookends was etched with a quote:	На корешок одного из фолиантов была наклеена полоска бумаги с рукописной цитатой:
True science discovers God waiting behind every door. Pope Pius XII	"Подлинная наука обнаруживает Бога за каждой открытой ею дверью", - папа Пий XII.

"Leonardo was a Catholic priest," Kohler said.	- Леонардо был католическим священником, -где-то за спиной Лэнгдона глухо произнес Колер.
Langdon turned. "A priest?	- Священником? - удивленно обернулся к нему Лэнгдон.
I thought you said he was a physicist."	- Мне казалось, будто вы говорили, что он физик.
"He was both.	- Он был и тем, и другим.
Men of science and religion are not unprecedented in history.	История знает такие примеры, когда люди умели совместить в своем сознании науку и религию.
Leonardo was one of them.	Одним из них был Леонардо.

He considered physics	Он считал физику
'God's natural law.'	"Божьим законом всего сущего".
He claimed God's handwriting was visible in the natural order all around us.	Утверждал, что повсюду в устройстве окружающей нас природы видна рука Бога.

Through science he hoped to prove God's existence to the doubting masses.	И через науку надеялся доказать всем сомневающимся существование Бога.
He considered himself a theo physicist."	Он называл себя теофизиком .
Theo physicist?	- Теофизиком? - не веря своим ушам, переспросил Лэнгдон.

Langdon thought it sounded impossibly oxymoronic.	Для него подобное словосочетание казалось парадоксальным.
"The field of particle physics," Kohler said, "has made some shocking discoveries lately-discoveries quite spiritual in implication.	- Физика элементарных частиц в последнее время сделала ряд шокирующих, не укладывающихся в голове открытий... Открытий по своей сути спиритуалистических, или, если вам угодно, духовных.
Leonardo was responsible for many of them."	Многие из них принадлежали Леонардо.
Langdon studied CERN's director, still trying to process the bizarre surroundings.	Лэнгдон недоверчиво посмотрел на директора центра.

"Spirituality and physics?"	- Духовность и физика?
Langdon had spent his career studying religious history, and if there was one recurring theme, it was that science and religion had been oil and water since day one... archenemies... unmixable.	Лэнгдон посвятил свою карьеру изучению истории религии, и если в этой сфере и существовала неопровержимая аксиома, так это та, что наука и религия - это вода и пламя... заклятые и непримиримые враги.
"Vetra was on the cutting edge of particle physics," Kohler said.	- Ветра работал в пограничной области физики элементарных частиц, - объяснил Колер.

"He was starting to fuse science and religion... showing that they complement each other in most unanticipated ways.	- Это он начал соединять науку и религию... демонстрируя, что они дополняют друг друга самым неожиданным образом.
He called the field New Physics."	Область своих исследований он назвал "новой физикой".
Kohler pulled a book from the shelf and handed it to Langdon.	Колер достал с полки книгу и протянул ее Лэнгдону.
Langdon studied the cover.	Тот прочитал на обложке:
God, Miracles, and the New Physics-by Leonardo Vetra.	"Леонардо Ветра. Бог, чудеса и новая физика".

"The field is small," Kohler said, "but it's bringing fresh answers to some old questions-questions about the origin of the universe and the forces that bind us all.	- Эта весьма узкая область, - добавил Колер. -Однако она находит новые ответы на старые вопросы - о происхождении Вселенной, о силах, которые соединяют и связывают всех нас.
Leonardo believed his research had the potential to convert millions to a more spiritual life.	Леонардо верил, что его исследования способны обратить миллионы людей к более духовной жизни.
Last year he categorically proved the existence of an energy force that unites us all.	В прошлом году он привел неопровержимые доказательства существования некой энергии, которая объединяет всех нас.

He actually demonstrated that we are all physically connected... that the molecules in your body are intertwined with the molecules in mine... that there is a single force moving within all of us."	Он продемонстрировал, что в физическом смысле все мы взаимосвязаны... что молекулы вашего тела переплетены с молекулами моего... что внутри каждого из нас действует одна и та же сила.
Langdon felt disconcerted.	Лэнгдон был абсолютно обескуражен.
And the power of God shall unite us all.	"И власть Бога нас всех объединит".

"Mr. Vetra actually found a way to demonstrate that particles are connected?"	- Неужели мистер Ветра и вправду нашел способ продемонстрировать взаимосвязь частиц? -изумился он.
"Conclusive evidence.	- Самым наглядным и неопровержимым образом.
A recent Scientific American article hailed New Physics as a surer path to God than religion itself." The comment hit home.	Недавно журнал "Сайентифик американ" поместил восторженную статью, в которой подчеркивается, что "новая физика" есть куда более верный и прямой путь к Богу, нежели сама религия.
Langdon suddenly found himself thinking of the antireligious Illuminati.	Лэнгдона наконец осенило. Он вспомнил об антирелигиозной направленности братства

Reluctantly, he forced himself to permit a momentary intellectual foray into the impossible.	"Иллюминати" и заставил себя на миг подумать о немыслимом.
If the Illuminati were indeed still active, would they have killed Leonardo to stop him from bringing his religious message to the masses?	Если допустить, что братство существует и действует, то оно, возможно, приговорило Леонардо к смерти, чтобы предотвратить массовое распространение его религиозных воззрений.
Langdon shook off the thought. Absurd!	Абсурд, вздор полнейший!
The Illuminati are ancient history!	"Иллюминати" давным-давно кануло в прошлое!

All academics know that!	Это известно каждому ученому!
"Vetra had plenty of enemies in the scientific world," Kohler went on.	- В научных кругах у Ветра было множество врагов, - продолжал Колер.
"Many scientific purists despised him. Even here at CERN.	- Даже в нашем центре. Его ненавидели ревнители чистоты науки.
They felt that using analytical physics to support religious principles was a treason against science."	Они утверждали, что использование аналитической физики для утверждения религиозных принципов есть вероломное предательство науки.
"But aren't scientists today a bit less defensive about the church?"	- Но разве ученые сегодня не смягчили свое отношение к церкви?

Kohler grunted in disgust. "Why should we be?	- С чего бы это? - с презрительным высокомерием хмыкнул Колер.
The church may not be burning scientists at the stake anymore, but if you think they've released their reign over science, ask yourself why half the schools in your country are not allowed to teach evolution.	- Церковь, может быть, и не сжигает больше ученых на кострах, однако если вы думаете, что она перестала душить науку, то задайте себе вопрос: почему в половине школ в вашей стране запрещено преподавать теорию эволюции?

Ask yourself why the U.S. Christian Coalition is the most influential lobby against scientific progress in the world.	Спросите себя, почему Американский совет христианских церквей выступает самым ярым противником научного прогресса...
The battle between science and religion is still raging, Mr. Langdon.	Ожесточенная битва между наукой и религией продолжается, мистер Лэнгдон.
It has moved from the battlefields to the boardrooms, but it is still raging."	Она всего лишь перенеслась с полей сражений в залы заседаний, но отнюдь не прекратилась.
Langdon realized Kohler was right.	Колер прав, признался сам себе Лэнгдон.

Just last week the Harvard School of Divinity had marched on the Biology Building, protesting the genetic engineering taking place in the graduate program.	Только на прошлой неделе в Гарварде студенты факультета богословия провели демонстрацию у здания биологического факультета, протестуя против включения в учебную программу курса генной инженерии.

The chairman of the Bio Department, famed ornithologist Richard Aaronian, defended his curriculum by hanging a huge banner from his office window. The banner depicted the Christian "fish" modified with four little feet-a tribute, Aaronian claimed, to the African lungfishes' evolution onto dry land.	В защиту своего учебного плана декан биофака, известнейший орнитолог Ричард Аарониэн, вывесил из окна собственного кабинета огромный плакат с изображением христианского символа -рыбы, но с пририсованными четырьмя лапками в качестве свидетельства эволюции выходящей на сушу африканской дышащей рыбы.
Beneath the fish, instead of the word	Под ней вместо слова

"Jesus," was the proclamation "Darwin!"	"Иисус" красовалась крупная подпись "ДАРВИН!".
A sharp beeping sound cut the air, and Langdon looked up.	Внезапно раздались резкие гудки, Лэнгдон вздрогнул.
Kohler reached down into the array of electronics on his wheelchair. He slipped a beeper out of its holder and read the incoming message.	Колер достал пейджер и взглянул на дисплей.
"Good.	- Отлично!
That is Leonardo's daughter. Ms. Vetra is arriving at the helipad right now.	Дочь Леонардо с минуты на минуту прибудет на вертолетную площадку.

We will meet her there.	Там мы ее и встретим.
I think it best she not come up here and see her father this way."	Ей, по-моему, совсем ни к чему видеть эту кошмарную картину.
Langdon agreed.	Лэнгдон не мог с ним не согласиться.
It would be a shock no child deserved.	Подвергать детей столь жестокому удару, конечно, нельзя.
"I will ask Ms. Vetra to explain the project she and her father have been working on... perhaps shedding light on why he was murdered."	- Я собираюсь просить мисс Ветра рассказать нам о проекте, над которым они работали вместе с отцом... Возможно, это прольет некоторый свет на мотивы его убийства.
"You think Vetra's work is why he was killed?"	- Вы полагаете, что причиной гибели стала его работа?

"Quite possibly.	- Вполне вероятно.

Leonardo told me he was working on something groundbreaking. That is all he said.	Леонардо говорил мне, что стоит на пороге грандиозного научного прорыва, но ни слова больше.
He had become very secretive about the project.	Подробности проекта он держал в строжайшей тайне.
He had a private lab and demanded seclusion, which I gladly afforded him on account of his brilliance.	У него была собственная лаборатория, и он потребовал обеспечить ему там полнейшее уединение, что я, с учетом его таланта и важности проводимых исследований, охотно сделал.

His work had been consuming huge amounts of electric power lately, but I refrained from questioning him."	В последнее время его эксперименты привели к резкому увеличению потребления электроэнергии, однако никаких вопросов по этому поводу я ему предпочел не задавать...
Kohler rotated toward the study door.	- Колер направил кресло-коляску к двери, но вдруг притормозил.
"There is, however, one more thing you need to know before we leave this flat."	- Есть еще одна вещь, о которой я должен вам сообщить прежде, чем мы покинем этот кабинет.
Langdon was not sure he wanted to hear it.	Лэнгдон поежился от неприятного предчувствия.

"An item was stolen from Vetra by his murderer."	- Убийца кое-что у Ветра похитил.
"An item?"	- Что именно?
"Follow me."	- Пожалуйте за мной.
The director propelled his wheelchair back into the fog filled living room.	- Колер двинулся в глубь окутанной мглистой пеленой гостиной.
Langdon followed, not knowing what to expect.	Лэнгдон, теряясь в догадках, пошел следом.
Kohler maneuvered to within inches of Vetra's body and stopped. He ushered Langdon to join him.	Колер остановил кресло в нескольких дюймах от тела Ветра и жестом поманил Лэнгдона.

Reluctantly, Langdon came close, bile rising in his throat at the smell of the victim's frozen urine.	Тот нехотя подошел, чувствуя, как к горлу вновь соленым комом подкатывает приступ тошноты.
"Look at his face," Kohler said.	- Посмотрите на его лицо.
Look at his face? Langdon frowned.	"И зачем мне смотреть на его лицо? - мысленно возмутился Лэнгдон.
I thought you said something was stolen.	- Мы же здесь потому, что у него что-то украли..."
Hesitantly, Langdon knelt down.	Поколебавшись, Лэнгдон все-таки опустился на колени.

He tried to see Vetra's face, but the head was twisted 180 degrees backward, his face pressed into the carpet.	Увидеть тем не менее он ничего не смог, поскольку голова жертвы была повернута на 180 градусов.
Struggling against his handicap Kohler reached down and carefully twisted Vetra's frozen head.	Колер, кряхтя и задыхаясь, все же как-то ухитрился, оставаясь в кресле, склониться и осторожно повернуть прижатую к ковру голову Ветра.
Cracking loudly, the corpse's face rotated into view, contorted in agony. Kohler held it there a moment.	Раздался громкий хруст, показалось искаженное гримасой муки лицо убитого.

"Sweet Jesus!"	- Боже милостивый!

Langdon cried, stumbling back in horror.	- Лэнгдон отпрянул и чуть не упал.
Vetra's face was covered in blood.	Лицо Ветра было залито кровью.
A single hazel eye stared lifelessly back at him.	С него на Колера и Лэнгдона невидяще уставился единственный уцелевший глаз.
The other socket was tattered and empty.	Вторая изуродованная глазница была пуста.
"They stole his eye?"	- Они украли его глаз?!
14	Глава 14
Langdon stepped out of Building C into the open air, grateful to be outside Vetra's flat.	Лэнгдон, немало радуясь тому, что покинул наконец квартиру Ветра, с удовольствием шагнул из корпуса "Си" на свежий воздух.

The sun helped dissolve the image of the empty eye socket emblazoned into his mind.	Приветливое солнце помогло хоть как-то сгладить жуткое впечатление от оставшейся в памяти картины: пустая глазница на обезображенном лице, покрытом замерзшими потеками крови.
"This way, please," Kohler said, veering up a steep path. The electric wheelchair seemed to accelerate effortlessly.	- Сюда, пожалуйста, - окликнул его Колер, въезжая на довольно крутой подъем, который его электрифицированное кресло-коляска преодолело безо всяких усилий.
"Ms. Vetra will be arriving any moment."	- Мисс Ветра прибудет с минуты на минуту.
Langdon hurried to keep up.	Лэнгдон поспешил вслед за ним.

"So," Kohler asked.	- Итак, вы все еще сомневаетесь, что это дело рук ордена
"Do you still doubt the Illuminati's involvement?"	"Иллюминати"? - спросил его Колер.
Langdon had no idea what to think anymore.	Лэнгдон уже и сам не знал, что ему думать.
Vetra's religious affiliations were definitely troubling, and yet Langdon could not bring himself to abandon every shred of academic evidence he had ever researched.	Тяга Ветра к религии, безусловно, его насторожила, однако не настолько, чтобы он смог заставить себя тут же отвергнуть все научно подтвержденные сведения, которые собрал за годы исследований.
Besides, there was the eye...	Еще к тому же и похищенный глаз...

"I still maintain," Langdon said, more forcefully than he intended. "that the Illuminati are not responsible for this murder.	- Я по-прежнему утверждаю, что иллюминаты не причастны к этому убийству, - заявил он более резким тоном, нежели намеревался.
The missing eye is proof."	- И пропавший глаз тому доказательство.
"What?"	- Что?
"Random mutilation," Langdon explained, "is very... un-Illuminati.	- Подобная бессмысленная жестокость совершенно... не в духе братства, - объяснил Лэнгдон.

Cult specialists see desultory defacement from inexperienced fringe sects-zealots who commit random acts of terrorism-but the Illuminati have always been more deliberate."	- Специалисты по культам считают, что нанесение увечий характерно для маргинальных сект -экстремистов-фанатиков и изуверов, которые склонны к стихийным террористическим актам. Что касается иллюминатов, то они всегда отличались продуманностью и подготовленностью своих действий.
"Deliberate? Surgically removing someone's eyeball is not deliberate?"	- А хирургическое удаление глаза вы к таковым не относите?
"It sends no clear message.	- Но какой в этом смысл?
It serves no higher purpose."	Обезображивание жертвы не преследует никакой цели.

Kohler's wheelchair stopped short at the top of the hill. He turned.	Колер остановил кресло на вершине холма и обернулся к Лэнгдону.
"Mr. Langdon, believe me, that missing eye does indeed serve a higher purpose... a much higher purpose."	- Ошибаетесь, мистер Лэнгдон, похищение глаза Ветра преследует иную, весьма серьезную цель.
As the two men crossed the grassy rise, the beating of helicopter blades became audible to the west.	С неба до них донесся стрекот вертолета.

A chopper appeared, arching across the open valley toward them. It banked sharply, then slowed to a hover over a helipad painted on the grass.	Через секунду появился и он сам, заложил крутой вираж и завис над отме- ченным на траве белой краской посадочным кру- гом.
Langdon watched, detached, his mind churning circles like the blades, wondering if a full night's sleep would make his current disorientation any clearer.	Лэнгдон отстранено на- блюдал за этими маневра- ми, раздумывая, поможет ли крепкий сон привести наутро в порядок его разбе- гающиеся мысли.
Somehow, he doubted it.	Он почему-то в этом сомне- вался.

As the skids touched down, a pilot jumped out and started unloading gear. There was a lot of it-duffels, vinyl wet bags, scuba tanks, and crates of what appeared to be high tech diving equipment.	Посадив вертолет, пилот спрыгнул на землю и без промедления принялся его разгружать, аккуратно складывая в ряд рюкзаки, непромокаемые пластиковые мешки, баллоны со сжатым воздухом и ящики с высококлассным оборудованием для подводного плавания.
Langdon was confused. "Is that Ms. Vetra's gear?" he yelled to Kohler over the roar of the engines.	- Это все снаряжение мисс Ветра? - недоуменно выкрикнул Лэнгдон, стараясь перекричать рев двигателей.
Kohler nodded and yelled back,	Колер кивнул.

"She was doing biological research in the Balearic Sea."	- Она проводила биологические исследования у Балеарских островов! - также напрягая голос, ответил он.
"I thought you said she was a physicist!"	- Но вы же говорили, что она физик!
"She is.	- Так и есть.
She's a Bio Entanglement Physicist.	Точнее, биофизик.
She studies the interconnectivity of life systems.	Изучает взаимосвязь различных биологических систем.

Her work ties closely with her father's work in particle physics.	Ее работа тесно соприкасается с исследованиями отца в области физики элементарных частиц.
Recently she disproved one of Einstein's fundamental theories by using atomically synchronized cameras to observe a school of tuna fish."	Недавно, наблюдая за косяком тунцов с помощью синхронизированных на уровне атомов камер, она опровергла одну из фундаментальных теорий Эйнштейна.
Langdon searched his host's face for any glint of humor.	Лэнгдон впился взглядом в лицо собеседника, пытаясь понять, не стал ли он жертвой розыгрыша.
Einstein and tuna fish?	Эйнштейн и тунцы?

He was starting to wonder if the X 33 space plane had mistakenly dropped him off on the wrong planet.	А может, "Х-33" по ошибке забросил его не на ту планету?
A moment later, Vittoria Vetra emerged from the fuselage.	Через минуту из кабины выбралась Виттория Ветра.
Robert Langdon realized today was going to be a day of endless surprises.	Взглянув на нее, Роберт Лэнгдон понял, что сегодня для него выдался день нескончаемых сюрпризов.

Descending from the chopper in her khaki shorts and white sleeveless top, Vittoria Vetra looked nothing like the bookish physicist he had expected.	Виттория Ветра, в шортах цвета хаки и в белом топике, вопреки его предположениям книжным червем отнюдь не выглядела.
Lithe and graceful, she was tall with chestnut skin and long black hair that swirled in the backwind of the rotors.	Высокого роста, стройная и грациозная, с красивым глубоким загаром и длинными черными волосами.

Her face was unmistakably Italian-not overly beautiful, but possessing full, earthy features that even at twenty yards seemed to exude a raw sensuality.	Черты лица безошибочно выдавали в ней итальянку. Девушка не поражала зрителя божественной красотой, но даже с расстояния двадцати ярдов была заметна переполнявшая ее вполне земная плотская чувственность.
As the air currents buffeted her body, her clothes clung, accentuating her slender torso and small breasts.	Потоки воздуха от работающего винта вертолета разметали ее смоляные локоны, легкая одежда облепила тело, подчеркивая тонкую талию и маленькие крепкие груди.

"Ms. Vetra is a woman of tremendous personal strength," Kohler said, seeming to sense Langdon's captivation.	- Мисс Ветра очень сильная личность, - заметил Колер, от которого, похоже, не укрылось то, с какой почти бесцеремонной жадностью разглядывал ее Лэнгдон.
"She spends months at a time working in dangerous ecological systems.	- Она по нескольку месяцев подряд работает в крайне опасных экологических условиях.
She is a strict vegetarian and CERN's resident guru of Hatha yoga."	Девица убежденная вегетарианка и, кроме того, является местным гуру во всем, что касается хатха-йоги.
Hatha yoga? Langdon mused.	Хатха-йога - это забавно, мысленно усмехнулся Лэнгдон.

The ancient Buddhist art of meditative stretching seemed an odd proficiency for the physicist daughter of a Catholic priest.	Древнее буддийское искусство медитации для расслабления мышц - более чем странная специализация для физика и дочери католического священника.

Langdon watched Vittoria approach. She had obviously been crying, her deep sable eyes filled with emotions Langdon could not place.	Виттория торопливо шла к ним, и Лэнгдон заметил, что она недавно плакала, вот только определить выражение ее темных глаз под соболиными бровями он так и не смог.
Still, she moved toward them with fire and command.	Походка у нее тем не менее была энергичной и уверенной.

Her limbs were strong and toned, radiating the healthy luminescence of Mediterranean flesh that had enjoyed long hours in the sun.	Длинные сильные загорелые ноги, да и все тело уроженки Средиземноморья, привыкшей долгие часы проводить на солнце, говорили о крепком здоровье их обладательницы.
"Vittoria," Kohler said as she approached. "My deepest condolences.	- Виттория, - обратился к ней Колер, - примите мои глубочайшие соболезнования.
It's a terrible loss for science... for all of us here at CERN."	Это страшная потеря для науки... для всех нас.
Vittoria nodded gratefully.	Виттория вежливо кивнула.

When she spoke, her voice was smooth- a throaty, accented English. "Do you know who is responsible yet?"	- Уже известно, кто это сделал? - сразу спросила она. Приятный глубокий голос, отметил про себя Лэнгдон, по-английски говорит с едва улови-мым акцентом.
"We're still working on it."	- Пока нет. Работаем.
She turned to Langdon, holding out a slender hand.	Она повернулась к Лэн-гдону, протягивая ему изящную тонкую руку.
"My name is Vittoria Vetra.	- Виттория Ветра.
You're from Interpol, I assume?"	А вы, наверное, из Ин-терпола?

Langdon took her hand, momentarily spellbound by the depth of her watery gaze.	Лэнгдон осторожно пожал узкую теплую ладонь, нырнув на миг в бездонную глубину ее наполненных слезами глаз.
"Robert Langdon." He was unsure what else to say.	- Роберт Лэнгдон, - представился он, не зная, что еще добавить.
"Mr. Langdon is not with the authorities," Kohler explained.	- К официальным властям мистер Лэнгдон не имеет никакого отношения, - вмешался Колер.
"He is a specialist from the U.S.	- Он крупный специалист из Соединенных Штатов.
He's here to help us locate who is responsible for this situation."	Прибыл сюда, чтобы помочь нам найти тех, кто несет ответственность за это преступление.

Vittoria looked uncertain. "And the police?"	- Разве это не работа полиции? - нерешительно возразила она.
Kohler exhaled but said nothing.	Колер шумно выдохнул, демонстрируя свое отношение к блюстителям порядка, однако отвечать не стал.
"Where is his body?" she demanded.	- Где его тело? - поинтересовалась Виттория.
"Being attended to."	- Не волнуйтесь, мы обо всем позаботились, - слишком поспешно ответил Колер.
The white lie surprised Langdon.	Эта явная ложь удивила Лэнгдона.

"I want to see him," Vittoria said.	- Я хочу его видеть, - решительно заявила она.

"Vittoria," Kohler urged, "your father was brutally murdered.	- Виттория, прошу вас... Вашего отца убили, убили изуверски.
You would be better to remember him as he was."	- Колер решительно посмотрел ей в глаза. - Вам лучше запомнить его таким, каким он был при жизни.
Vittoria began to speak but was interrupted.	Она собиралась что-то сказать, но в этот момент неподалеку от них раздались громкие голоса:
"Hey, Vittoria!" voices called from the distance.	- Виттория, ау, Виттория!
"Welcome home!"	С приездом! С возвращением домой!
She turned.	Она обернулась.

A group of scientists passing near the helipad waved happily.	Небольшая компания проходящих мимо вертолетной площадки ученых дружно махала ей руками.
"Disprove any more of Einstein's theories?" one shouted.	- Ну как, опять обидела старика Эйнштейна? - выкрикнул один из них, и все разразились хохотом.
Another added, "Your dad must be proud!"	- Отец должен тобой гордиться! - добавил другой.
Vittoria gave the men an awkward wave as they passed. Then she turned to Kohler, her face now clouded with confusion. "Nobody knows yet?"	- Они что, еще ничего не знают? - бросила она на Колера недоумевающий взгляд.

"I decided discretion was paramount."	- Я счел крайне важным сохранить это трагическое событие в тайне.
"You haven't told the staff my father was murdered?"	- Вы утаили от сотрудников, что мой отец убит?
Her mystified tone was now laced with anger.	- Недоумение в ее голосе уступило место гневу.
Kohler's tone hardened instantly.	Лицо Колера окаменело.
"Perhaps you forget, Ms. Vetra, as soon as I report your father's murder, there will be an investigation of CERN.	- Мисс Ветра, вы, вероятно, забываете, что, как только я сообщу об убийстве вашего отца, начнется официальное расследование.

Including a thorough examination of his lab.	И оно неизбежно повлечет за собой тщательный обыск в его лаборатории.
I have always tried to respect your father's privacy.	Я всегда старался уважать стремление вашего отца к уединению.
Your father has told me only two things about your current project.	О том, чем вы занимаетесь в настоящее время, мне от него известно лишь следующее.
One, that it has the potential to bring CERN millions of francs in licensing contracts in the next decade.	Во-первых, то, что ваш проект может в течение следующего десятилетия обеспечить центру лицензионные контракты на миллионы франков.

And two, that it is not ready for public disclosure because it is still hazardous technology.	И во-вторых, что к обнародованию он еще не готов, поскольку технология несовершенна и может представлять угрозу для здоровья и жизни человека.

Considering these two facts, I would prefer strangers not poke around inside his lab and either steal his work or kill themselves in the process and hold CERN liable.	С учетом этих двух фактов я бы не хотел, чтобы посторонние шарили у него в лаборатории и либо выкрали ваши работы, либо пострадали в ходе обыска и в связи с этим привлекли ЦЕРН к судебной ответственности.
Do I make myself clear?"	Я достаточно ясно излагаю?
Vittoria stared, saying nothing.	Виттория молча смотрела на него.

Langdon sensed in her a reluctant respect and acceptance of Kohler's logic.	Лэнгдон почувствовал, что она вынуждена была признать доводы Колера разумными и логичными.
"Before we report anything to the authorities," Kohler said, "I need to know what you two were working on.	- Прежде чем информировать власти, - заключил Колер, - мне необходимо знать, над чем именно вы работали.
I need you to take us to your lab."	Я хочу, чтобы вы провели нас в вашу лабораторию.
"The lab is irrelevant," Vittoria said.	- Да при чем тут лаборатория?
"Nobody knew what my father and I were doing.	Никто не знал, чем мы с отцом там занимались, -ответила Виттория.

The experiment could not possibly have anything to do with my father's murder."	- Убийство никоим образом не может быть связано с нашим экспериментом.
Kohler exhaled a raspy, ailing breath. "Evidence suggests otherwise."	- Некоторые данные свидетельствуют об обратном... - Колер болезненно сморщился и приложил к губам платок.
"Evidence? What evidence?"	- Какие еще данные?
Langdon was wondering the same thing.	Лэнгдону тоже очень хотелось услышать ответ на этот вопрос.
Kohler was dabbing his mouth again. "You'll just have to trust me."	- Вам придется поверить мне на слово! - отрезал Колер.

It was clear, from Vittoria's smoldering gaze, that she did not.	Виттория обожгла его испепеляющим взглядом, и Лэнгдон понял, что как раз этого она делать и не намерена.
15	Глава 15
Langdon strode silently behind Vittoria and Kohler as they moved back into the main atrium where Langdon's bizarre visit had begun.	Лэнгдон молча шел за Витторией и Колером к главному зданию, откуда начался его полный неожиданностей визит в Швейцарию.

Vittoria's legs drove in fluid efficiency-like an Olympic diver-a potency, Langdon figured, no doubt born from the flexibility and control of yoga.	Походка девушки поражала легкостью, плавностью и уверенностью. Виттория двигалась, как бегунья олимпийского класса. Вне всяких сомнений, заключил Лэнгдон, дают о себе знать регулярные занятия йогой.
He could hear her breathing slowly and deliberately, as if somehow trying to filter her grief.	Он слышал ее медленное размеренное дыхание, и у него сложилось впечатление, что, считая про себя вдохи и выдохи, она пытается справиться с обрушившимся на нее горем.

Langdon wanted to say something to her, offer his sympathy.	Лэнгдону очень хотелось сказать ей какие-то слова утешения, выразить свое сочувствие.

He too had once felt the abrupt hollowness of unexpectedly losing a parent.	Он тоже пережил момент внезапно возникшей пустоты, когда скоропостижно умер его отец.
He remembered the funeral mostly, rainy and gray.	Больше всего ему запомнились похороны и стоявшая тогда ненастная погода.
Two days after his twelfth birthday.	И это случилось спустя всего лишь два дня после того, как ему исполнилось двенадцать.
The house was filled with gray suited men from the office, men who squeezed his hand too hard when they shook it.	В доме толпились одетые в серые костюмы сослуживцы отца, слишком крепко пожимавшие в знак соболезнования его детскую ладошку.

They were all mumbling words like cardiac and stress.	Все они мямлили какие-то непонятные ему слова вроде "стресс", "инфаркт", "миокард"...
His mother joked through teary eyes that she'd always been able to follow the stock market simply by holding her husband's hand... his pulse her own private ticker tape.	Его мать пыталась шутить сквозь слезы, что она всегда могла безошибочно определить состояние дел на бирже, просто пощупав у отца пульс.
Once, when his father was alive, Langdon had heard his mom begging his father to "stop and smell the roses."	Однажды, когда отец еще был жив, Лэнгдон подслушал, как мать умоляла его "хотя бы на миг забыть о делах и позволить себе понюхать розу".

That year, Langdon bought his father a tiny blown glass rose for Christmas.	И он в тот год подарил отцу на Рождество стеклянную розочку.
It was the most beautiful thing Langdon had ever seen... the way the sun caught it, throwing a rainbow of colors on the wall.	Это была самая красивая вещица, какую Лэнгдон видел в своей жизни... Когда на нее падал солнечный луч, она расцветала целой радугой красок.
"It's lovely," his father had said when he opened it, kissing Robert on the forehead.	- Какая прелесть! - сказал отец, развернув подарок и целуя сына в лоб.
"Let's find a safe spot for it."	- Надо подыскать ей подходящее место.

Then his father had carefully placed the rose on a high dusty shelf in the darkest corner of the living room.	После чего он поставил розочку на поросшую пылью полку в самом темном углу гостиной.
A few days later, Langdon got a stool, retrieved the rose, and took it back to the store.	Через несколько дней Лэнгдон подтащил табуретку, достал с полки стеклянное сокровище и отнес его обратно в лавку, где купил.
His father never noticed it was gone.	Отец пропажи так и не заметил.
The ping of an elevator pulled Langdon back to the present.	Негромкий мелодичный звон, возвестивший о прибытии лифта, вернул Лэнгдона из прошлого в настоящее.

Vittoria and Kohler were in front of him, boarding the lift. Langdon hesitated outside the open doors.	Виттория и Колер вошли в кабину, Лэнгдон в нерешительности топтался у открытых дверей.
"Is something wrong?" Kohler asked, sounding more impatient than concerned.	- В чем дело? - спросил Колер, проявляя не столько интерес, сколько нетерпение.
"Not at all," Langdon said, forcing himself toward the cramped carriage.	- Нет, ничего, - тряхнул головой Лэнгдон, принуждая себя войти в тесноватую кабину.

He only used elevators when absolutely necessary.	Лифтами он пользовался лишь в случае крайней необходимости, когда избежать этого было невозможно.

He preferred the more open spaces of stairwells.	Обычно же он предпочитал им куда более просторные лестничные пролеты.
"Dr. Vetra's lab is subterranean," Kohler said.	- Лаборатория мистера Ветра находится под землей, - сообщил Колер.
Wonderful, Langdon thought as he stepped across the cleft, feeling an icy wind churn up from the depths of the shaft.	Замечательно, просто чудесно, мелькнуло в голове у Лэнгдона, и он заставил себя шагнуть в лифт, ощутив, как из глубины шахты потянуло ледяным сквозняком.
The doors closed, and the car began to descend.	Двери закрылись, и кабина скользнула вниз.

"Six stories," Kohler said blankly, like an analytical engine.	- Шесть этажей, - ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Колер.
Langdon pictured the darkness of the empty shaft below them.	Перед глазами у Лэнгдона моментально возникла картина непроглядно черной бездны под ногами.
He tried to block it out by staring at the numbered display of changing floors.	Он пытался отогнать видение, обратив все внимание на панель управления лифтом.
Oddly, the elevator showed only two stops. Ground Level and LHC.	К его изумлению, на ней было всего две кнопки: "ПЕРВЫЙ ЭТАЖ" и "БАК".

"What's LHC stand for?" Langdon asked, trying not to sound nervous.	- А что у вас означает "бак"? - осторожно поинтересовался Лэнгдон, помня, как уже не раз попадал впросак со своими предположениями.
"Large Hadron Collider," Kohler said.	- Большой адроновый коллайдер, - небрежно бросил Колер.
"A particle accelerator."	- Ускоритель частиц на встречных пучках.
Particle accelerator?	Ускоритель частиц?
Langdon was vaguely familiar with the term.	Лэнгдону этот термин был знаком.
He had first heard it over dinner with some colleagues at Dunster House in Cambridge.	Впервые он услышал его на званом обеде в Кембридже.

A physicist friend of theirs, Bob Brownell, had arrived for dinner one night in a rage.	Один из его приятелей, физик Боб Браунелл, в тот вечер был вне себя от ярости.
"The bastards canceled it!"	- Эти мерзавцы его провалили!
Brownell cursed.	- Физик без всякого стеснения разразился грубой бранью.
"Canceled what?" they all asked.	- Кого? - чуть ли не в один голос воскликнули все сидевшие за столом.
"The SSC!"	- Да не кого, а ССК!
"The what?" "The Superconducting Super Collider!"	Закрыли строительство сверхпроводящего суперколлайдера!

Someone shrugged. "I didn't know Harvard was building one."	- А я и не знал, что в Гарварде такой строят, -удивился кто-то из присутствующих.
"Not Harvard!" he exclaimed.	- Да при чем тут Гарвард?

"The U.S.!	Речь идет о Соединенных Штатах! - вспылил Браунелл.
It was going to be the world's most powerful particle accelerator!	- Там хотели создать самый мощный в мире ускоритель.
One of the most important scientific projects of the century!	Один из важнейших научных проектов века!
Two billion dollars into it and the Senate sacks the project!	Собирались вложить два миллиарда долларов. А сенат отказал.

Damn Bible Belt lobbyists!"	Черт бы побрал всех этих лоббистов в сутанах!
When Brownell finally calmed down, he explained that a particle accelerator was a large, circular tube through which subatomic particles were accelerated.	Когда Браунелл наконец несколько утихомирился, то объяснил, что ускоритель представляет собой подобие гигантской трубы, в которой разгоняют частицы атомов.
Magnets in the tube turned on and off in rapid succession to "push" particles around and around until they reached tremendous velocities.	Она оснащена магнитами, которые, включаясь и выключаясь с не поддающейся воображению быстротой, заставляют частицы двигаться по кругу, пока те не наберут совершенно немыслимую скорость.

Fully accelerated particles circled the tube at over 180,000 miles per second.	У полностью разогнанных частиц она достигает 180 000 миль в секунду.
"But that's almost the speed of light," one of the professors exclaimed.	- Но это же почти скорость света! - запротестовал один из профессоров.
"Damn right," Brownell said.	- Именно! - ликующе подтвердил Браунелл.

He went on to say that by accelerating two particles in opposite directions around the tube and then colliding them, scientists could shatter the particles into their constituent parts and get a glimpse of nature's most fundamental components.	Далее он рассказал, что, разогнав по трубе две частицы в противоположных направлениях и столкнув их затем друг с другом, ученым удается разбить их на составные элементы и "увидеть" основные, фундаментальные ингредиенты вселенной.
"Particle accelerators," Brownell declared, "are critical to the future of science. Colliding particles is the key to understanding the building blocks of the universe."	Иными словами, в столкновении частиц обнаруживается ключ к пониманию строения мира.

Harvard's Poet in Residence, a quiet man named Charles Pratt, did not look impressed.	Некто по имени Чарльз Пратт, местная знаменитость, олицетворяющая в Гарварде духовное поэтическое начало, не преминул выразить свое весьма скептическое отношение к этому методу.
"It sounds to me," he said, "like a rather Neanderthal approach to science... akin to smashing clocks together to discern their internal workings."	- А по-моему, это какой-то неандертальский подход к научным исследованиям, - язвительно заметил он. - Все равно что взять пару карманных часов и колотить их друг о друга, чтобы разобраться, как они устроены.
Brownell dropped his fork and stormed out of the room.	Браунелл швырнул в него вилкой и пулей вылетел из-за стола.

So CERN has a particle accelerator?	Значит, у центра есть ускоритель частиц?

Langdon thought, as the elevator dropped. A circular tube for smashing particles.	Замкнутая в кольцо труба, где они сталкиваются друг с другом?
He wondered why they had buried it underground.	Но почему же они запрятали ее под землю?
When the elevator thumped to a stop, Langdon was relieved to feel terra firma beneath his feet.	Лэнгдон задумался, ожидая, когда лифт доставит их к цели. Кабина остановилась, и он страшно обрадовался тому, что сейчас вновь почувствует под ногами твердую землю.

But when the doors slid open, his relief evaporated.	Двери открылись, и испытываемое им чувство облегчения сменилось унынием.
Robert Langdon found himself standing once again in a totally alien world.	Он вновь очутился в совершенно чуждом и враждебном мире.
The passageway stretched out indefinitely in both directions, left and right.	В обе стороны, насколько видел глаз, уходил бесконечный коридор.
It was a smooth cement tunnel, wide enough to allow passage of an eighteen wheeler.	По существу, это был тускло отсвечивающий голыми бетонными стенами тоннель, достаточно просторный, чтобы по нему мог проехать многотонный грузовик.

Brightly lit where they stood, the corridor turned pitch black farther down. A damp wind rustled out of the darkness-an unsettling reminder that they were now deep in the earth.	Ярко освещенный там, где они стояли, тоннель по правую и левую руку исчезал в непроницаемой тьме - неуютное напоминание о том, что они находятся глубоко под землей.
Langdon could almost sense the weight of the dirt and stone now hanging above his head.	Лэнгдон почти физически ощущал невыносимую тяжесть нависшей над их головами породы.
For an instant he was nine years old... the darkness forcing him back... back to the five hours of crushing blackness that haunted him still.	На мгновение он снова стал девятилетним мальчишкой... тьма неодолимо засасывает его обратно... обратно в жуткий черный мрак, страх перед которым преследует его до сих пор...

Clenching his fists, he fought it off.	Сжав кулаки, Лэнгдон изо всех сил старался взять себя в руки.
Vittoria remained hushed as she exited the elevator and strode off without hesitation into the darkness without them.	Притихшая Виттория вышла из лифта и без колебаний устремилась в темный конец тоннеля, оставив мужчин далеко позади.
Overhead the flourescents flickered on to light her path.	По мере продвижения над ее головой, неприятно дребезжа и помаргивая, автоматически зажигались лампы дневного света, освещавшие ей дальнейший путь.
The effect was unsettling, Langdon thought, as if the tunnel were alive... anticipating her every move.	Лэнгдону стало не по себе, тоннель представлялся ему живым существом... карауливший и предвосхищавшим каждый шаг Виттории.

Langdon and Kohler followed, trailing a distance behind.	Они следовали за ней, сохраняя дистанцию.
The lights extinguished automatically behind them.	Светильники, пропустив людей, гасли за их спинами словно по команде.
"This particle accelerator," Langdon said quietly. "It's down this tunnel someplace?"	- А ваш ускоритель находится где-то здесь, в тоннеле? - вполголоса поинтересовался Лэнгдон.
"That's it there."	- Да вот он, у вас перед глазами...

Kohler motioned to his left where a polished, chrome tube ran along the tunnel's inner wall.	- Колер кивнул на стену слева от них, по которой тянулась сверкающая полированным хромом труба.

Langdon eyed the tube, confused. "That's the accelerator?"	- Вот это? - в изумлении рассматривая ее, переспросил Лэнгдон.
The device looked nothing like he had imagined.	Ускоритель он представлял себе совсем другим.
It was perfectly straight, about three feet in diameter, and extended horizontally the visible length of the tunnel before disappearing into the darkness.	Эта же труба диаметром около трех футов казалась совершенно прямой и шла по всей видимой длине тоннеля.
Looks more like a high tech sewer, Langdon thought.	Больше похоже на дорогостоящую канализацию, подумал Лэнгдон.

"I thought particle accelerators were circular."	- А я-то думал, что ускорители должны иметь форму кольца, - вслух заметил он.
"This accelerator is a circle," Kohler said.	- Правильно думали, - согласился Колер.
"It appears straight, but that is an optical illusion.	- Он только кажется прямым. Оптический обман.
The circumference of this tunnel is so large that the curve is imperceptible-like that of the earth."	Длина окружности этого тоннеля столь велика, что глазу из-гиб незаметен - ну вроде поверхности земного шара...
Langdon was flabbergasted. This is a circle?	- И вот это - кольцо?!

"But... it must be enormous!"	Но тогда... каких же оно тогда размеров? -ошеломленно пролепетал Лэнгдон.
"The LHC is the largest machine in the world."	- Наш ускоритель самый большой в мире, - с гордостью пояснил Колер.
Langdon did a double take. He remembered the CERN driver saying something about a huge machine buried in the earth.	Тут Лэнгдон вспомнил, что доставивший его в Женеву пилот упомянул о какой-то спрятанной под землей гигантской машине.
But- "It is over eight kilometers in diameter... and twenty seven kilometers long."	- Его диаметр превышает восемь километров, а длина составляет двадцать семь, - невозмутимо продолжал Колер.

Langdon's head whipped around.	Голова у Лэнгдона шла кругом.
"Twenty seven kilometers?"	- Двадцать семь километров?
He stared at the director and then turned and looked into the darkened tunnel before him.	- Он недоверчиво посмотрел на директора, потом перевел взгляд на дальний конец тоннеля.
"This tunnel is twenty seven kilometers long? That's... that's over sixteen miles!"	- Но это же... это же более шестнадцати миль!
Kohler nodded.	Колер кивнул:

"Bored in a perfect circle. It extends all the way into France before curving back here to this spot.	- Да частично тунель проходит под территорией Франции Прорыт он в форме правильного, я бы даже сказал, идеального круга.
Fully accelerated particles will circle the tube more than ten thousand times in a single second before they collide."	Прежде чем столкнуться друг с другом, полностью ускоренные частицы должны за секунду пронестись по нему десять тысяч раз.

Langdon's legs felt rubbery as he stared down the gaping tunnel. "You're telling me that CERN dug out millions of tons of earth just to smash tiny particles?"	- Хотите сказать, что вы перелопатили миллионы тонн земли только для того, чтобы столкнуть между собой какие-то крошечные частички? -чувствуя, что едва держится на ставших ватными ногах, медленно проговорил Лэнгдон.
Kohler shrugged.	Колер пожал плечами:
"Sometimes to find truth, one must move mountains."	- Иногда, чтобы докопаться до истины, приходится передвигать горы.
16	Глава 16
Hundreds of miles from CERN, a voice crackled through a walkie talkie.	В сотнях миль от Женевы из потрескивающей портативной рации раздался хриплый голос:

"Okay, I'm in the hallway."	- Я в вестибюле.
The technician monitoring the video screens pressed the button on his transmitter.	Сидящий перед видеомониторами охранник нажал кнопку и переключил рацию на передачу.
"You're looking for camera #86.	- Тебе нужна камера номер 86.
It's supposed to be at the far end."	Она находится в самом конце.
There was a long silence on the radio.	Воцарилось долгое молчание.
The waiting technician broke a light sweat.	От напряжения по лицу охранника потекли струйки пота.
Finally his radio clicked.	Наконец рация вновь ожила.

"The camera isn't here," the voice said.	- Ее здесь нет.
"I can see where it was mounted, though. Somebody must have removed it."	Кронштейн, на котором она была установлена, вижу, а саму камеру кто-то снял.
The technician exhaled heavily. "Thanks.	- Так, понятно... - Охранник с трудом перевел дыхание.
Hold on a second, will you?"	- Не уходи пока, подожди там минутку, ладно?
Sighing, he redirected his attention to the bank of video screens in front of him.	Он перевел взгляд на экраны мониторов.

Huge portions of the complex were open to the public, and wireless cameras had gone missing before, usually stolen by visiting pranksters looking for souvenirs.	Большая часть комплекса была открыта для публики, так что беспроводные видеокамеры пропадали у них и раньше. Как правило, их крали наглые и бесстрашные любители сувениров.
But as soon as a camera left the facility and was out of range, the signal was lost, and the screen went blank.	Правда, когда камеру уносили на расстояние, превышающее дальность ее действия, сигнал пропадал и экран начинал рябить серыми полосами.
Perplexed, the technician gazed up at the monitor.	Озадаченный охранник с надеждой взглянул на монитор.

A crystal clear image was still coming from camera #86.	Нет, камера №86 по-прежнему передавала на редкость четкое изображение.
If the camera was stolen, he wondered, why are we still getting a signal?	Если камера украдена, рассуждал про себя охранник, почему мы все же получаем от нее сигнал?

He knew, of course, there was only one explanation.	Он, конечно, знал, что этому есть только одно объяснение.
The camera was still inside the complex, and someone had simply moved it.	Камера осталась внутри комплекса, просто ее кто-то снял и перенес в другое место.
But who?	Но кто?
And why?	И зачем?

He studied the monitor a long moment.	Охранник в тяжком раздумье уставился на экран, будто надеясь найти там ответы на эти вопросы.
Finally he picked up his walkie talkie.	Помолчав некоторое время, он поднес рацию ко рту и произнес:
"Are there any closets in that stairwell?	- Слушай, рядом с тобой есть лестничный проем.
Any cupboards or dark alcoves?"	Посмотри, нет ли там каких шкафов, ниш или кладовок?
The voice replying sounded confused. "No. Why?" The technician frowned.	- Нет тут ни хрена, - ответил через некоторое время сердитый голос. - А что такое?

"Never mind.	- Ладно, не бери в голову.
Thanks for your help."	Спасибо за помощь.
He turned off his walkie talkie and pursed his lips.	- Охранник выключил рацию и нахмурился.
Considering the small size of the video camera and the fact that it was wireless, the technician knew that camera #86 could be transmitting from just about anywhere within the heavily guarded compound-a densely packed collection of thirty two separate buildings covering a half mile radius.	Он знал, что крошечная беспроводная видеокамера может вести передачу практически из любой точки тщательно охраняемого комплекса, состоящего из тридцати двух отдельных зданий, тесно лепящихся друг к другу в радиусе полумили.

The only clue was that the camera seemed to have been placed somewhere dark.	Единственной зацепкой служило то, что камера находилась в каком-то темном помещении.
Of course, that wasn't much help.	Хотя легче от этого не было.
The complex contained endless dark locations- maintenance closets, heating ducts, gardening sheds, bedroom wardrobes, even a labyrinth of underground tunnels.	Таких мест в комплексе уйма: подсобки, воздуховоды, сараи садовников, да те же гардеробные при спальнях... не говоря уже о лабиринте подземных тоннелей.
Camera #86 could take weeks to locate.	Так что камеру №86 можно искать и искать неделями.

But that's the least of my problems, he thought.	Но это еще не самое страшное, мелькнуло у него в голове.
Despite the dilemma posed by the camera's relocation, there was another far more unsettling matter at hand.	Его беспокоила даже не столько проблема, возникшая в связи с непонятным перемещением видеокамеры.
The technician gazed up at the image the lost camera was transmitting.	Охранник вновь уставился на изображение, которое она передавала.
It was a stationary object. A modern looking device like nothing the technician had ever seen.	Незнакомое и с виду весьма сложное электронное устройство, какого ему, несмотря на серьезную техническую подготовку, встречать еще не приходилось.

He studied the blinking electronic display at its base.	Особое беспокойство вызывали индикаторы, подмигивающие с лицевой панели прибора.
Although the guard had undergone rigorous training preparing him for tense situations, he still sensed his pulse rising.	Хотя охранник прошел специальный курс поведения в чрезвычайных ситуациях, сейчас он растерялся. Его пульс участился, а ладони вспотели.
He told himself not to panic.	Он приказал себе не паниковать.
There had to be an explanation.	Должно же быть какое-то объяснение.
The object appeared too small to be of significant danger.	Подозрительный предмет был слишком мал, чтобы представлять серьезную опасность.

Then again, its presence inside the complex was troubling.	И все же его появление в комплексе вызывало тревогу.
Very troubling, indeed.	А если начистоту, то и страх.
Today of all days, he thought.	И надо же было этому случиться именно сегодня, с досадой подумал охранник.
Security was always a top priority for his employer, but today, more than any other day in the past twelve years, security was of the utmost importance.	Его работодатель всегда уделял повышенное внимание вопросам безопасности, однако именно сегодня им придавалось особое значение. Такого не было уже двенадцать лет.

The technician stared at the object for a long time and sensed the rumblings of a distant gathering storm.	Охранник пристально посмотрел на экран и вздрогнул, услышав далекие раскаты надвигающейся грозы.
Then, sweating, he dialed his superior.	Обливаясь потом, он набрал номер своего непосредственного начальника.
17	Глава 17
Not many children could say they remembered the day they met their father, but Vittoria Vetra could.	Мало кто из детей может похвастать тем, что точно помнит день, когда впервые увидел своего отца.

She was eight years old, living where she always had, Orfanotrofio di Siena, a Catholic orphanage near Florence, deserted by parents she never knew.	Виттория Ветра была именно таким исключением из общего правила. Ей было восемь лет. Брошенная родителями, которых она не знала, девчушка жила в "Орфанотрофио ди Сьена" -католическом сиротском приюте близ Флоренции.
It was raining that day.	В тот день шел дождь.
The nuns had called for her twice to come to dinner, but as always she pretended not to hear.	Монахини уже дважды приглашали ее обедать, но девочка притворялась, что не слышит.

She lay outside in the courtyard, staring up at the raindrops... feeling them hit her body... trying to guess where one would land next.	Она лежала во дворе, наблюдая, как падают дождевые капли, ощущая, как они небольно ударяются о ее тело, и пыталась угадать, куда упадет следующая.
The nuns called again, threatening that pneumonia might make an insufferably headstrong child a lot less curious about nature.	Монахини опять принялись ее звать, пугая тем, что воспаление легких быстро отучит строптивую девчонку от чрезмерного пристрастия к наблюдению за природой.

I can't hear you, Vittoria thought.	"Да не слышу я вас!" - мысленно огрызнулась Виттория.

She was soaked to the bone when the young priest came out to get her.	Она уже промокла до нитки, когда из дома вышел молодой священник.
She didn't know him. He was new there.	Она его не знала, в приюте он был новеньким.
Vittoria waited for him to grab her and drag her back inside.	Виттория съежилась в ожидании, что он схватит ее за шиворот и потащит под крышу.
But he didn't.	Однако священник, к ее изумлению, не сделал ничего подобного.

Instead, to her wonder, he lay down beside her, soaking his robes in a puddle.	Вместо этого он растянулся рядом с ней прямо в большущей луже.
"They say you ask a lot of questions," the young man said.	- Говорят, ты всех замучила своими вопросами, -обратился к ней священник.
Vittoria scowled. "Are questions bad?"	- А что в этом плохого? - тут же спросила Виттория.
He laughed. "Guess they were right."	- Выходит, это правда, - рассмеялся он.
"What are you doing out here?"	- А чего вы сюда пришли? - грубовато поинтересовалась дерзкая девчонка.

"Same thing you're doing... wondering why raindrops fall."	- Так ведь не одной тебе интересно, почему с неба падают капли.
"I'm not wondering why they fall!	- Мне-то как раз неинтересно, почему они падают.
I already know!"	Это я уже знаю!
The priest gave her an astonished look.	- Да что ты говоришь! - удивленно взглянул на нее священник.
"You do?"	- Конечно!

"Sister Francisca says raindrops are angels' tears coming down to wash away our sins."	Сестра Франциска рассказывала, что дождевые капли - это слезы ангелов, которые они льют с небес, чтобы смыть с нас наши грехи.
"Wow!" he said, sounding amazed.	- Ого!
"So that explains it."	Теперь все понятно! - восхитился он.
"No it doesn't!" the girl fired back.	- А вот и нет! - возразила юная естествоиспытательница.
"Raindrops fall because everything falls!	- Они падают потому, что все падает.

Everything falls!	Падает все!
Not just rain!"	Не одни только дождевые капли.
The priest scratched his head, looking perplexed. "You know, young lady, you're right.	- Знаешь, а ведь ты права, - озадаченно почесал в затылке священник.
Everything does fall.	- Действительно, все падает.
It must be gravity."	Должно быть, гравитация действует.
"It must be what?"	- Чего-чего?

He gave her an astonished look. "You haven't heard of gravity?"	- Ты что, не слышала о гравитации? - недоверчиво посмотрел на нее священник.
"No."	- Нет, - смутилась Виттория.
The priest shrugged sadly. "Too bad.	- Плохо дело, - сокрушенно покачал головой он.
Gravity answers a lot of questions."	- Гравитация может дать ответы на множество вопросов.
Vittoria sat up.	- Так что за штука эта ваша гравитация?
"What's gravity?" she demanded. "Tell me!"	- Сгорая от любопытства, Виттория даже приподнялась на локте и решительно потребовала: - Рассказывайте!

The priest gave her a wink. "What do you say I tell you over dinner."	- Не возражаешь, если мы обсудим это за обедом?- хитро подмигнул ей священник.
The young priest was Leonardo Vetra.	Молодым священником был Леонардо Ветра.
Although he had been an award winning physics student while in university, he'd heard another call and gone into the seminary.	Хотя в университете его неоднократно отмечали за успехи в изучении физики, он подчинился зову сердца и поступил в духовную семинарию.
Leonardo and Vittoria became unlikely best friends in the lonely world of nuns and regulations.	Леонардо и Виттория стали неразлучными друзьями в пронизанном одиночеством мире монахинь и жестких правил.

Vittoria made Leonardo laugh, and he took her under his wing, teaching her that beautiful things like rainbows and the rivers had many explanations.	Виттория частенько смешила Леонардо, помогая ему разогнать тоску, и он взял ее под свое крыло. Он рассказал ей о таких восхитительных явлениях природы, как радуга и реки.
He told her about light, planets, stars, and all of nature through the eyes of both God and science.	От него она узнала о световом излучении, планетах, звездах... обо всем окружающем мире, каким его видят Бог и наука.
Vittoria's innate intellect and curiosity made her a captivating student.	Обладавшая врожденным интеллектом и неуемной любознательностью, Виттория оказалась на редкость способной ученицей.
Leonardo protected her like a daughter.	Леонардо опекал ее как родную дочь.

Vittoria was happy too.	Девочка же была просто счастлива.
She had never known the joy of having a father.	Ей было неведомо тепло отцовской заботы.
When every other adult answered her questions with a slap on the wrist, Leonardo spent hours showing her books.	В то время как другие взрослые шлепком, порой весьма увесистым, обрывали ее приставания с вопросами, Леонардо часами терпеливо растолковывал Виттории всякие премудрости, знакомил ее с интереснейшими, умнейшими книгами.
He even asked what her ideas were.	Более того, он даже искренне интересовался, что она сама думает по тому или иному поводу.

Vittoria prayed Leonardo would stay with her forever.	Виттория молила Бога, чтобы Леонардо оставался рядом с ней вечно.
Then one day, her worst nightmare came true.	Однако настал день, когда мучившие ее кошмарные предчувствия оправдались.

Father Leonardo told her he was leaving the orphanage.	Отец Леонардо сообщил, что покидает приют.
"I'm moving to Switzerland," Leonardo said.	- Уезжаю в Швейцарию, - сообщил он ей.
"I have a grant to study physics at the University of Geneva."	- Мне предоставили стипендию для изучения физики в Женевском университете.

"Physics?" Vittoria cried.	- Физики? - не поверила своим ушам Виттория.
"I thought you loved God!"	- Я думала, вы отдали свое сердце Богу!
"I do, very much.	- Бога я люблю всей душой, - подтвердил Леонардо.
Which is why I want to study his divine rules.	- Именно поэтому и решил изучать его Божественные заповеди.
The laws of physics are the canvas God laid down on which to paint his masterpiece."	А законы физики - это холсты, на которых Бог творит свои шедевры.
Vittoria was devastated.	Виттория была сражена.
But Father Leonardo had some other news.	Но у него была для нее еще одна новость.

He told Vittoria he had spoken to his superiors, and they said it was okay if Father Leonardo adopted her.	Оказывается, он переговорил с вышестоящими инстанциями, и там дали согласие на то, чтобы отец Леонардо удочерил сироту Витторию.
"Would you like me to adopt you?" Leonardo asked.	- А ты сама хочешь, чтобы я тебя удочерил? - с замирающим сердцем спросил Леонардо.
"What's adopt mean?" Vittoria said.	- А как это? - не поняла Виттория.
Father Leonardo told her. Vittoria hugged him for five minutes, crying tears of joy.	Когда он ей все объяснил, она бросилась ему на шею и минут пять заливала сутану слезами радости.
"Oh yes!	- Да! Хочу!

Yes!"	Да! Да! Хочу! - всхлипывая, вскрикивала она, вне себя от нежданного счастья.
Leonardo told her he had to leave for a while and get their new home settled in Switzerland, but he promised to send for her in six months.	Леонардо предупредил, что они будут вынуждены ненадолго расстаться, пока он не устроится в Швейцарии, однако пообещал, что разлука продлится не более полугода.
It was the longest wait of Vittoria's life, but Leonardo kept his word.	Для Виттории это были самые долгие в жизни шесть месяцев, но слово свое Леонардо сдержал.
Five days before her ninth birthday, Vittoria moved to Geneva.	За пять дней до того, как ей исполнилось девять лет, Виттория переехала в Женеву.

She attended Geneva International School during the day and learned from her father at night.	Днем она ходила в Женевскую международную школу, а по вечерам ее образованием занимался приемный отец.
Three years later Leonardo Vetra was hired by CERN.	Спустя три года Леонардо Ветра пригласили на работу в ЦЕРН.
Vittoria and Leonardo relocated to a wonderland the likes of which the young Vittoria had never imagined.	Отец и дочь попали в страну чудес, какой Виттория не могла вообразить даже в самых дерзких мечтах.

Vittoria Vetra's body felt numb as she strode down the LHC tunnel.	Виттория Ветра, словно в оцепенении, шагала по туннелю.

She saw her muted reflection in the LHC and sensed her father's absence.	Поглядывая на свое искаженное отражение в хромированной поверхности трубы ускорителя, она остро ощущала отсутствие отца.
Normally she existed in a state of deep calm, in harmony with the world around her.	Обычно Виттория пребывала в состоянии незыблемого мира с самой собой и полной гармонии со всем, что ее окружало.
But now, very suddenly, nothing made sense.	Однако сейчас все внезапно потеряло смысл.
The last three hours had been a blur.	В последние три часа она просто не осознавала, что происходит с ней и вокруг нее.

It had been 10 A.M. in the Balearic Islands when Kohler's call came through.	Звонок Колера раздался, когда на Балеарах было десять часов утра.
Your father has been murdered.	"Твой отец убит.
Come home immediately.	Возвращайся домой немедленно!"
Despite the sweltering heat on the deck of the dive boat, the words had chilled her to the bone, Kohler's emotionless tone hurting as much as the news.	Несмотря на то что на раскаленной палубе катера было удушающе жарко, ледяной озноб пробрал ее до самых костей. Бездушный механический тон, которым Колер произнес эти страшные слова, был еще больнее, нежели сам их смысл.
Now she had returned home.	И вот она дома.

But home to what? CERN, her world since she was twelve, seemed suddenly foreign.	Да какой же теперь это дом? ЦЕРН, ее единственный мир с того дня, как ей исполнилось двенадцать лет, стал вдруг чужим.
Her father, the man who had made it magical, was gone.	Ее отца, который превращал центр в страну чудес, больше нет.
Deep breaths, she told herself, but she couldn't calm her mind. The questions circled faster and faster.	Дыши ровнее и глубже, приказала себе Виттория, но это не помогло привести в порядок мечущиеся в голове мысли.
Who killed her father?	Кто убил отца?
And why?	За что?

Who was this American "specialist"?	Откуда взялся этот американский "специалист"?
Why was Kohler insisting on seeing the lab?	Почему Колер так рвется к ним в лабораторию?
Kohler had said there was evidence that her father's murder was related to the current project.	Вопросы один за другим все быстрее вспыхивали у нее в мозгу. Колер говорил о возможной связи убийства с их нынешним проектом.
What evidence?	Какая может быть здесь связь?
Nobody knew what we were working on!	Никто не знал, над чем они работают!
And even if someone found out, why would they kill him?	Но даже если кому-то и удалось что-то разнюхать, зачем убивать отца?

As she moved down the LHC tunnel toward her father's lab, Vittoria realized she was about to unveil her father's greatest achievement without him there.	Приближаясь к лаборатории, Виттория вдруг подумала, что сейчас обнародует величайшее достижение его жизни, а отец при этом присутствовать не будет.
She had pictured this moment much differently.	Этот торжественный момент виделся ей совсем по-другому.
She had imagined her father calling CERN's top scientists to his lab, showing them his discovery, watching their awestruck faces.	Она представляла себе, что отец соберет в своей лаборатории ведущих ученых центра и продемонстрирует им свое открытие, с потаенным ликованием глядя на их ошеломленные, растерянные, потрясенные лица.

Then he would beam with fatherly pride as he explained to them how it had been one of Vittoria's ideas that had helped him make the project a reality... that his daughter had been integral in his breakthrough.	Затем, сияя отцовской гордостью, объяснит присутствующим, что, если бы не одна из идей Виттории, осуществить этот проект он бы не смог... что его дочь прямо и непосредственно участвовала в осуществлении такого выдающегося научного прорыва.
Vittoria felt a lump in her throat.	Виттория почувствовала, как к горлу подкатил горький комок.
My father and I were supposed to share this moment together.	В этот момент триумфа они с отцом должны были быть вместе.
But here she was alone.	Но она осталась одна.

No colleagues.	Вокруг нее не толпятся взбудораженные коллеги.
No happy faces.	Не видно восторженных лиц.
Just an American stranger and Maximilian Kohler.	Рядом только какой-то незнакомец из Америки и Максимилиан Колер.
Maximilian Kohler.	Максимилиан Колер.
Der K?nig.	Der Konig. Кайзер.
Even as a child, Vittoria had disliked the man.	Еще с самого детства Виттория испытывала к этому человеку глубокую неприязнь.

Although she eventually came to respect his potent intellect, his icy demeanor always seemed inhuman, the exact antithesis of her father's warmth. Kohler pursued science for its immaculate logic... her father for its spiritual wonder.	Нет, с течением времени она стала уважать могучий интеллект директора, однако его ледяную холодность и неприступность по-прежнему считала бесчеловечными... Этот человек являл собой прямую противоположность ее отцу, который был воплощением сердечного тепла и доброты.
And yet oddly there had always seemed to be an unspoken respect between the two men.	И все же в глубине души эти двое относились друг к другу с молчаливым, но величайшим уважением.
Genius, someone had once explained to her, accepts genius unconditionally.	Г ений, сказал ей однажды кто-то, всегда признает другого гения без всяких оговорок.

Genius, she thought.	"Гений, - тоскливо подумала она, - отец...
My father... Dad.	Папа, папочка.
Dead.	Убит..."

The entry to Leonardo Vetra's lab was a long sterile hallway paved entirely in white tile.	В лабораторию Леонардо Ветра вел длинный, стерильной чистоты коридор, от пола до потолка облицованный белым кафелем.
Langdon felt like he was entering some kind of underground insane asylum.	У Лэнгдона почему-то появилось ощущение, что он попал в подземную психушку.
Lining the corridor were dozens of framed, black and white images.	По стенам коридора тянулись дюжины непонятно что запечатлевших черно-белых фотографий в рамках.

Although Langdon had made a career of studying images, these were entirely alien to him.	И хотя Лэнгдон посвятил свою карьеру изучению символов, эти изображения не говорили ему ничего.
They looked like chaotic negatives of random streaks and spirals.	Они выглядели как беспорядочная коллекция негативов, вкривь и вкось исчерченных какими-то хаотическими полосами и спиралями.
Modern art? he mused.	Современная живопись?
Jackson Pollock on amphetamines?	Накушавшийся амфетамина Джексон Поллок ? Лэнгдон терялся в догадках.
"Scatter plots," Vittoria said, apparently noting Langdon's interest.	- Разброс осколков.

"Computer representations of particle collisions.	Зафиксированный компьютером момент столкновения частиц, - заметив, видимо, его недоумение, пояснила Виттория и указала на едва видимый на снимке след.
That's the Z particle," she said, pointing to a faint track that was almost invisible in the confusion.	- В данном случае наблюдаются Z-частицы.
"My father discovered it five years ago.	Отец открыл их пять лет назад.
Pure energy-no mass at all.	Одна энергия - никакой массы.
It may well be the smallest building block in nature.	Возможно, это и есть самый мелкий, если можно так выразиться, строительный элемент природы.

Matter is nothing but trapped energy."	Ведь материя есть не что иное, как пойманная в ловушку энергия.
Matter is energy?	Неужели? Материя есть энергия?
Langdon cocked his head.	Лэнгдон насторожился.
Sounds pretty Zen.	Это уже скорее смахивает на дзен .
He gazed at the tiny streak in the photograph and wondered what his buddies in the Harvard physics department would say when he told them he'd spent the weekend hanging out in a Large Hadron Collider admiring Z particles.	Он еще раз посмотрел на тонюсенькие черточки на фотографии. Интересно, что скажут его приятели с физфака в Гарварде, когда он признается им, что провел выходные в большом адроновом коллайдере , наслаждаясь видом Z-частиц?

"Vittoria," Kohler said, as they approached the lab's imposing steel door, "I should mention that I came down here this morning looking for your father."	- Виттория, - сказал Колер, когда они подошли к стальным дверям весьма внушительного вида, -должен признаться, что сегодня утром я уже спускался вниз в поисках вашего отца.

Vittoria flushed slightly. "You did?"	- Неужели? - слегка покраснев, произнесла девушка.
"Yes.	- Именно.
And imagine my surprise when I discovered he had replaced CERN's standard keypad security with something else."	И представьте мое изумление, когда вместо нашего стандартного цифрового замка я обнаружил нечто совершенно иное...

Kohler motioned to an intricate electronic device mounted beside the door.	- С этими словами Колер показал на сложный электронный прибор, вмонтированный в стену рядом с дверью.
"I apologize," she said.	- Прошу прощения, - сказала Виттория.
"You know how he was about privacy.	- Вы же знаете, насколько серьезно он относился к вопросам секретности.
He didn't want anyone but the two of us to have access."	Отец хотел, чтобы в лабораторию имели доступ лишь он и я.
Kohler said, "Fine.	- Понимаю, - ответил Колер.
Open the door."	- А теперь откройте дверь.

Vittoria stood a long moment. Then, pulling a deep breath, she walked to the mechanism on the wall.	Виттория не сразу отреагировала на слова шефа, но затем, глубоко вздохнув, все же направилась к прибору в стене.
Langdon was in no way prepared for what happened next.	К тому, что произошло после, Лэнгдон оказался совершенно не готов.
Vittoria stepped up to the device and carefully aligned her right eye with a protruding lens that looked like a telescope.	Виттория подошла к аппарату и, склонившись, приблизила правый глаз к выпуклой, чем-то похожей на окуляр телескопа линзе.
Then she pressed a button.	После этого она надавила на кнопку.
Inside the machine, something clicked.	В недрах машины раздался щелчок, и из линзы вырвался лучик света.

A shaft of light oscillated back and forth, scanning her eyeball like a copy machine.	Лучик двигался, сканируя глазное яблоко так, как сканирует лист бумаги копировальная машина.
"It's a retina scan," she said.	- Это - сканер сетчатки, - пояснила она.
"Infallible security.	- Безупречный механизм.
Authorized for two retina patterns only. Mine and my father's."	Распознает строение лишь двух сетчаток - моей и моего отца.
Robert Langdon stood in horrified revelation.	Роберт Лэнгдон замер.

The image of Leonardo Vetra came back in grisly detail-the bloody face, the solitary hazel eye staring back, and the empty eye socket.	Перед его мысленным взором во всех ужасающих деталях предстал мертвый Леонардо Ветра. Лэнгдон снова увидел окровавленное лицо, одинокий, смотрящий в пространство карий глаз и пустую, залитую кровью глазницу.
He tried to reject the obvious truth, but then he saw it... beneath the scanner on the white tile floor... faint droplets of crimson.	Он попытался не думать об ужасающем открытии... но спрятаться от правды было невозможно. На белом полу прямо под сканером виднелись коричневатые точки.

Dried blood.	Капли запекшейся крови.
Vittoria, thankfully, did not notice.	Виттория, к счастью, их не заметила.

The steel door slid open and she walked through.	Стальные двери заскользили в пазах, и девушка вошла в помещение.
Kohler fixed Langdon with an adamant stare.	Колер мрачно посмотрел на Лэнгдона, и тот без труда понял значение этого взгляда:
His message was clear: As I told you... the missing eye serves a higher purpose.	"Я же говорил вам, что похищение глаза преследует иную... гораздо более важную цель".
18	Глава 18
The woman's hands were tied, her wrists now purple and swollen from chafing.	Руки женщины были связаны. Перетянутые шнуром кисти опухли и покраснели.

The mahogany skinned Hassassin lay beside her, spent, admiring his naked prize.	Совершенно опустошенный, ассасин лежал с ней рядом, любуясь своим обнаженным трофеем.
He wondered if her current slumber was just a deception, a pathetic attempt to avoid further service to him.	Смуглого убийцу занимал вопрос, не было ли ее временное забытье лишь попыткой обмануть его, чтобы избежать дальнейшей работы.
He did not care. He had reaped sufficient reward.	Впрочем, на самом деле это его не очень волновало, так как он получил более чем достаточное вознаграждение.
Sated, he sat up in bed.	Испытывая некоторое пресыщение, ассасин отвернулся от своей добычи и сел на кровати.

In his country women were possessions.	На его родине женщины являются собственностью.
Weak.	Слабыми созданиями.
Tools of pleasure.	Инструментом наслаждения.
Chattel to be traded like livestock.	Товаром, который обменивают на скот.
And they understood their place.	И там они знают свое место.
But here, in Europe, women feigned a strength and independence that both amused and excited him.	Здесь же, в Европе, женщины прикидываются сильными и независимыми. Эти их жалкие потуги одновременно смешили его и возбуждали.

Forcing them into physical submission was a gratification he always enjoyed.	Убийца получал особое наслаждение в те моменты, когда гордячки оказывались в полной физической зависимости от него.
Now, despite the contentment in his loins, the Hassassin sensed another appetite growing within him.	Несмотря на ощущение полного физического удовлетворения, ассасин начал испытывать другое желание.
He had killed last night, killed and mutilated, and for him killing was like heroin... each encounter satisfying only temporarily before increasing his longing for more.	Прошлой ночью он убил человека. Не только убил, но и изуродовал труп. Убийство действовало на него так, как на других действует героин... Каждая новая порция приносит лишь временное облегчение, порождая тягу к очередной, все увеличивающейся дозе.

The exhilaration had worn off. The craving had returned.	Чувство приятного удовлетворения исчезло, и на смену ему снова пришло желание.

He studied the sleeping woman beside him.	Он внимательно посмотрел на спящую рядом с ним женщину и провел ладонью по светлой шее.
Running his palm across her neck, he felt aroused with the knowledge that he could end her life in an instant.	Сознание того, что он в один миг может лишить ее жизни, приводило его в состояние возбуждения.
What would it matter?	Кому нужна жизнь этого ничтожного существа?
She was subhuman, a vehicle only of pleasure and service.	Кто она такая? Недочеловек. Инструмент наслаждения.

His strong fingers encircled her throat, savoring her delicate pulse.	Мощные пальцы убийцы сжали нежное горло, и он уловил биение ее пульса.
Then, fighting desire, he removed his hand.	Однако тут же, подавив желание, убрал руку.
There was work to do.	Дело прежде всего.
Service to a higher cause than his own desire.	Личные желания должны уступать место служению более высоким целям.
As he got out of bed, he reveled in the honor of the job before him.	Встав с постели, ассасин еще раз восхитился величием того дела, которое ему предстояло свершить.

He still could not fathom the influence of this man named Janus and the ancient brotherhood he commanded.	Он все еще не мог до конца осознать степень влияния человека, скрывающегося под именем Янус, и могущества древнего братства, которое тот возглавлял.
Wondrously, the brotherhood had chosen him. Somehow they had learned of his loathing... and of his skills.	Каким-то непостижимым образом им удалось узнать о его ненависти и... его непревзойденном искусстве.
How, he would never know.	Как именно это стало им известно, для него навсегда останется тайной.
Their roots reach wide.	Их корни проросли через весь земной шар.

Now they had bestowed on him the ultimate honor.	И вот теперь они удосто- или его высшей чести.
He would be their hands and their voice.	Он станет их руками и их голосом.
Their assassin and their messenger. The one his people knew as Malak al haq-the Angel of Truth.	Их мстителем и их по- сланником - тем, кого его соплеменники имену- ют Малик-аль-Хак. Ангел Истины.
19	Глава 19
Vetra's lab was wildly futuristic.	Войдя в лабораторию Ветра, Лэнгдон перенесся из нашего времени в да- лекое будущее.

Stark white and bounded on all sides by computers and specialized electronic equipment, it looked like some sort of operating room.	Абсолютно белое внутри помещение, заставленное компьютерами и специальным электронным оборудованием, походило на операционную какого-нибудь футуристического госпиталя.
Langdon wondered what secrets this place could possibly hold to justify cutting out someone's eye to gain entrance.	Интересно, какие тайны хранила эта лаборатория, думал американец, если для их сохранности пришлось создавать запоры, открыть которые можно лишь с помощью глаза?..

Kohler looked uneasy as they entered, his eyes seeming to dart about for signs of an intruder. But the lab was deserted.	Колер первым делом внимательно оглядел помещение, но в нем, естественно, никого не оказалось.

Vittoria moved slowly too... as if the lab felt unknown without her father there.	Что касалось Виттории, то та двигалась как-то неуверенно... Так, словно лаборатория в отсутствие отца стала для нее чужой.
Langdon's gaze landed immediately in the center of the room, where a series of short pillars rose from the floor.	Лэнгдон сразу обратил внимание на невысокие массивные колонны, чем-то напоминающие Стонхендж в миниатюре.
Like a miniature Stonehenge, a dozen or so columns of polished steel stood in a circle in the middle of the room.	Этих колонн из полированной стали было около десятка, и они образовывали в центре комнаты небольшой круг.

The pillars were about three feet tall, reminding Langdon of museum displays for valuable gems.	Но еще больше эти трехфутовые сооружения напоминали постаменты, на которых в музеях выкладывают драгоценные камни.
These pillars, however, were clearly not for precious stones.	Однако сейчас на них лежали отнюдь не драгоценности.
Each supported a thick, transparent canister about the size of a tennis ball can.	На каждой из колонн покоился толстостенный прозрачный сосуд, формой и размером напоминающий теннисный мяч.
They appeared empty.	Судя по их виду, сосуды были пусты.

Kohler eyed the canisters, looking puzzled. He apparently decided to ignore them for the time being. He turned to Vittoria.	Колер с удивлением посмотрел на них и, видимо, решив поговорить об этом потом, сказал, обращаясь к Виттории:
"Has anything been stolen?"	- Взгляните хорошенько. Ничего не украдено?
"Stolen?	- Украдено?
How?" she argued.	Каким образом?
"The retina scan only allows entry to us."	Сканер сетчатки может впустить только нас.
"Just look around."	- Все-таки посмотрите.
Vittoria sighed and surveyed the room for a few moments.	Виттория вздохнула и некоторое время разглядывала комнату.
She shrugged.	Затем пожала плечами и сказала:

"Everything looks as my father always leaves it.	- Лаборатория в том состоянии, в котором ее обычно оставляет отец.
Ordered chaos."	В состоянии упорядоченного хаоса.
Langdon sensed Kohler weighing his options, as if wondering how far to push Vittoria... how much to tell her.	Лэнгдон понимал, что Колер взвешивает все возможные варианты своего дальнейшего поведения, размышляя о том, в какой степени можно оказывать давление на Витторию и... как много следует ей сказать.

Apparently he decided to leave it for the moment. Moving his wheelchair toward the center of the room, he surveyed the mysterious cluster of seemingly empty canisters.	Видимо, решив оставить девушку на время в покое, он выехал в центр комнаты, обозрел скопление таинственных пустых сосудов и после продолжительной паузы произнес:

"Secrets," Kohler finally said, "are a luxury we can no longer afford."	- Секреты... это та роскошь, которую мы себе больше позволить не можем.

Vittoria nodded in acquiescence, looking suddenly emotional, as if being here brought with it a torrent of memories.	Виттория неохотно кивнула, выражая свое согласие, и на ее лице отразилась та буря эмоций, которые она испытывала. Эмоций и воспоминаний.
Give her a minute, Langdon thought.	"Дай ей хотя бы минуту!.." - подумал Лэнгдон.
As though preparing for what she was about to reveal, Vittoria closed her eyes and breathed.	Как бы набираясь сил для того, чтобы открыть страшную тайну, Виттория опустила ресницы и вздохнула полной грудью.
Then she breathed again. And again.	Затем, не открывая глаз, она сделала еще один глубокий вздох.
And again...	И еще...

Langdon watched her, suddenly concerned.	Лэнгдона охватило беспокойство.
Is she okay?	С ней все в порядке?
He glanced at Kohler, who appeared unfazed, apparently having seen this ritual before.	Он покосился на Колера. Тот сидел совершенно спокойно, поскольку ему, очевидно, не раз приходилось бывать свидетелем этого ритуала.
Ten seconds passed before Vittoria opened her eyes.	Прежде чем Виттория открыла глаза, прошло не менее десяти секунд.
Langdon could not believe the metamorphosis.	С ней произошла такая метаморфоза, что Лэнгдон просто не поверил своим глазам.
Vittoria Vetra had been transformed.	Виттория Ветра совершенно преобразилась.

Her full lips were lax, her shoulders down, and her eyes soft and assenting.	Уголки ее пухлых губ опустились, плечи обвисли, взгляд стал мягким.
It was as though she had realigned every muscle in her body to accept the situation.	Казалось, девушка настроила свой организм на то, чтобы смириться со сложившимся положением.
The resentful fire and personal anguish had been quelled somehow beneath a deeper, watery cool.	Страдания и личную боль ей каким-то образом удалось спрятать в глубине сердца.
"Where to begin..." she said, her accent unruffled.	- С чего начать? - спросила она совершенно спокойно.
"At the beginning," Kohler said.	- Начните с самого начала, - сказал Колер.

"Tell us about your father's experiment."	- Расскажите нам об эксперименте своего отца.
"Rectifying science with religion has been my father's life dream," Vittoria said.	- Отец всю свою жизнь мечтал о том, чтобы примирить науку и религию, - начала Виттория.
"He hoped to prove that science and religion are two totally compatible fields-two different approaches to finding the same truth."	- Он хотел доказать, что наука и религия вполне совместимы и являют собой всего лишь два различных пути познания единой истины...
She paused as if unable to believe what she was about to say. "And recently... he conceived of a way to do that."	- Девушка замолчала, как бы не веря тому, что собиралась сказать в следующий момент: - И вот недавно... он нашел способ это сделать.

Kohler said nothing.	Колер молчал.

"He devised an experiment, one he hoped would settle one of the most bitter conflicts in the history of science and religion."	- Отец задумал провести эксперимент, который, как он надеялся, сможет разрешить одно из самых острых противоречий между наукой и религией.
Langdon wondered which conflict she could mean.	Интересно, какое противоречие она имеет в виду, подумал Лэнгдон.
There were so many.	Истории известно огромное их множество.
"Creationism," Vittoria declared. "The battle over how the universe came to be."	- Отец имел в виду проблему креационизма -проблему вечного спора о том, как возникла наша Вселенная.

Oh, Langdon thought.	Вот это да, подумал Лэнгдон.
The debate.	Значит, речь идет ни много ни мало о том самом споре!
"The Bible, of course, states that God created the universe," she explained.	- В Библии, естественно, сказано, что наш мир был сотворен Богом, - продолжала Виттория. -
"God said,	"И сказал Бог: да будет свет.
'Let there be light,' and everything we see appeared out of a vast emptiness.	И стал свет". Итак, все, что мы видим перед собой, возникло из бесконечной пустоты и тьмы.

Unfortunately, one of the fundamental laws of physics states that matter cannot be created out of nothing."	Но к сожалению, один из фундаментальных законов физики гласит, что материя не может быть создана из ничего.
Langdon had read about this stalemate.	Лэнгдону доводилось читать об этом тупике.
The idea that God allegedly created "something from nothing" was totally contrary to accepted laws of modern physics and therefore, scientists claimed, Genesis was scientifically absurd.	Идея о том, что Бог смог создать "нечто из ничего", полностью противоречила общепризнанным законам современной физики и потому отвергалась ученым миром. Акт Творения с точки зрения науки представлялся полнейшим абсурдом.

"Mr. Langdon," Vittoria said, turning, "I assume you are familiar with the Big Bang Theory?"	- Мистер Лэнгдон, - сказала Виттория, повернувшись к американцу, - полагаю, что вы знакомы с теорией Большого взрыва?
Langdon shrugged. "More or less."	- Более или менее, - пожал плечами Лэнгдон.
The Big Bang, he knew, was the scientifically accepted model for the creation of the universe.	Так называемый Большой взрыв, насколько ему было известно, являлся признанной наукой моделью возникновения Вселенной.

He didn't really understand it, but according to the theory, a single point of intensely focused energy erupted in a cataclysmic explosion, expanding outward to form the universe.	До конца он этого не понимал, но знал, что, согласно теории, находившееся в сверхплотном состоянии и сконцентрированное в одной точке вещество в результате гигантского взрыва начало расширяться, формируя Вселенную.
Or something like that.	Или что-то в этом роде.
Vittoria continued. "When the Catholic Church first proposed the Big Bang Theory in 1927, the-"	- Когда в 1927 году католическая церковь впервые предложила теорию Большого взрыва...

"I'm sorry?" Langdon interrupted, before he could stop himself. "You say the Big Bang was a Catholic idea?"	- Простите, - прервал ее Лэнгдон, - неужели вы хотите сказать, что идея Большого взрыва первоначально принадлежала церкви?

Vittoria looked surprised by his question	Витторию его вопрос, казалось, несказанно изумил.
"Of course.	- Ну конечно, - ответила она.
Proposed by a Catholic monk, Georges Lemaotre in 1927."	- Ее в 1927 году выдвинул католический монах по имени Жорж Лемэтр.

"But, I thought..." he hesitated. "Wasn't the Big Bang proposed by Harvard astronomer Edwin Hubble?"	- Но я всегда считал, - неуверенно произнес Лэнгдон, - что эту теорию разработал гарвардский астроном Эдвин Хаббл ...
Kohler glowered. "Again, American scientific arrogance.	- Еще один пример американского научного высокомерия, - бросив на Лэнгдона суровый взгляд, вмешался Колер.
Hubble published in 1929, two years after Lemaotre."	- Хаббл опубликовал свои рассуждения в 1929 году, то есть на два года позже Лемэтра.
Langdon scowled. It's called the Hubble Telescope, sir- I've never heard of any Lemaotre Telescope!	"Я читал о телескопе Хаббла, сэр, а о телескопе Лемэтра почему-то никто не пишет", - подумал Лэнгдон, но вслух этого не сказал.

"Mr. Kohler is right," Vittoria said, "the idea belonged to Lemaotre.	- Мистер Колер прав, - продолжала Виттория. -Первоначально идея принадлежала Лемэтру.
Hubble only confirmed it by gathering the hard evidence that proved the Big Bang was scientifically probable."	Хаббл всего лишь подтвердил ее, собрав доказательства того, что Большой взрыв теоретически возможен.

"Oh," Langdon said, wondering if the Hubble fanatics in the Harvard Astronomy Department ever mentioned Lemaotre in their lectures.	Интересно, упоминают ли этого Лемэтра фанатичные поклонники Хаббла с факультета астрономии Гарвардского университета, когда читают лекции своим студентам, подумал Лэнгдон. Вслух он этот вопрос, правда, задавать не стал, ограничившись неопределенным: -О...
"When Lemaotre first proposed the Big Bang Theory," Vittoria continued, "scientists claimed it was utterly ridiculous.	- Когда Лемэтр впервые предложил свою теорию,- продолжала Виттория, - ученые мужи объявили ее полной нелепицей.
Matter, science said, could not be created out of nothing.	Материя, сказали они, не может возникнуть из ничего.

So, when Hubble shocked the world by scientifically proving the Big Bang was accurate, the church claimed victory, heralding this as proof that the Bible was scientifically accurate. The divine truth."	Поэтому, когда Хаббл потряс мир, научно доказав возможность Большого взрыва, церковь возвестила о своей победе и о том, что это является свидетельством истинности Священного Писания.
Langdon nodded, focusing intently now.	Лэнгдон кивнул. Теперь он очень внимательно слушал рассуждения девушки.

"Of course scientists did not appreciate having their discoveries used by the church to promote religion, so they immediately mathematicized the Big Bang Theory, removed all religious overtones, and claimed it as their own.	- Ученым, естественно, пришлось не по вкусу то, что церковь использовала их открытия для пропаганды религии, и они тут же облекли теорию Большого взрыва в математическую форму, устранив из нее тем самым все религиозное звучание. Это позволило объявить им Большой взрыв своей собственностью.

Unfortunately for science, however, their equations, even today, have one serious deficiency that the church likes to point out."	Но к несчастью для науки, все их уравнения даже в наше время страдают одним пороком, на который не устает указывать церковь.

Kohler grunted. "The singularity."	- Так называемая сингулярность, - проворчал Колер.
He spoke the word as if it were the bane of his existence.	Он произнес это слово так, словно оно отравляло все его существование.
"Yes, the singularity," Vittoria said.	- Вот именно - сингулярность! - подхватила Виттория.
"The exact moment of creation.	- Точный момент творения.
Time zero."	Нулевое время.
She looked at Langdon.	Даже сейчас... - Виттория взглянула на Лэнгдона.
"Even today, science cannot grasp the initial moment of creation.	- Даже сейчас наука не способна сказать что-либо внятное в связи с первым моментом возникновения Вселенной.

Our equations explain the early universe quite effectively, but as we move back in time, approaching time zero, suddenly our mathematics disintegrates, and everything becomes meaningless."	Наши уравнения весьма убедительно объясняют ранние фазы ее развития, но по мере удаления во времени и приближения к "нулевой точке" математические построения вдруг рассыпаются и теряют всякий смысл.
"Correct," Kohler said, his voice edgy, "and the church holds up this deficiency as proof of God's miraculous involvement.	- Верно, - раздраженно произнес Колер. - И церковь • использует эти недостатки как аргумент в пользу чудесного Божественного вмешательства.
Come to your point."	Впрочем, мы несколько отошли от темы.
Vittoria's expression became distant.	Продолжайте...

"My point is that my father had always believed in God's involvement in the Big Bang.	- Я хочу сказать, - с отрешенным выражением лица произнесла Виттория, - что отец всегда верил в Божественную природу Большого взрыва.
Even though science was unable to comprehend the divine moment of creation, he believed someday it would."	Несмотря на то что наука пока не способна определить точный момент Божественного акта, отец был убежден, что когда-нибудь она его установит.
She motioned sadly to a laser printed memo tacked over her father's work area. "My dad used to wave that in my face every time I had doubts."	- Печально показав на напечатанные на лазерном принтере слова, висевшие над рабочим столом Леонардо Ветра, девушка добавила: - Когда я начинала сомневаться, папа всегда тыкал меня носом в это высказывание.

Langdon read the message:	Лэнгдон прочитал текст:
Science and religion are not at odds. Science is simply too young to understand.	НАУКА И РЕЛИГИЯ НИКОГДА НЕ ПРОТИВОСТОЯЛИ ДРУГ ДРУГУ. ПРОСТО НАУКА ОЧЕНЬ МОЛОДА, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ ЭТО

"My dad wanted to bring science to a higher level," Vittoria said, "where science supported the concept of God."	- Папа хотел поднять науку на более высокий уровень, - сказала Виттория. - На тот уровень, когда научные знания подтверждали бы существование Бога.

She ran a hand through her long hair, looking melancholy. "He set out to do something no scientist had ever thought to do.	- Она меланхолично пригладила ладонью свои длинные волосы и добавила: - Отец затеял то, до чего пока не додумался ни один ученый.
Something that no one has ever had the technology to do."	Он решил сделать нечто такое, для чего до настоящего времени даже не существовало технических решений.
She paused, as though uncertain how to speak the next words.	- Виттория замолчала, видимо, не зная, как произнести следующие слова.

"He designed an experiment to prove Genesis was possible."	Наконец, после продолжительной паузы, девушка сказала: - Папа задумал эксперимент, призванный доказать возможность акта Творения.
Prove Genesis? Langdon wondered.	Доказать акт Творения?
Let there be light?	Да будет свет?
Matter from nothing?	Материя из ничего? Лэнгдон не мог представить себе ничего подобного.
Kohler's dead gaze bore across the room. "I beg your pardon?"	- Прости, но я тебя не понял, - произнес Колер, сверля девушку взглядом.

"My father created a universe... from nothing at all."	- Отец создал Вселенную... буквально из ничего.
Kohler snapped his head around. "What!"	- Что?! - вскинул голову Колер.
"Better said, he recreated the Big Bang."	- Пожалуй, правильнее будет сказать - он воссоздал Большой взрыв.
Kohler looked ready to jump to his feet.	Колер едва не вскочил на ноги из своего инвалидного кресла.
Langdon was officially lost.	А Лэнгдон запутался окончательно.
Creating a universe?	Создал Вселенную?
Recreating the Big Bang?	Воссоздал Большой взрыв?

"It was done on a much smaller scale, of course," Vittoria said, talking faster now.	- Все это, естественно, сделано не в столь грандиозном масштабе, - сказала Виттория (теперь она говорила гораздо быстрее).
"The process was remarkably simple.	- Процесс оказался на удивление простым.
He accelerated two ultrathin particle beams in opposite directions around the accelerator tube.	Папа разогнал в ускорителе два тончайших луча частиц. Разгон осуществлялся в противоположных направлениях.

The two beams collided head on at enormous speeds, driving into one another and compressing all their energy into a single pinpoint.	Когда два луча с невообразимой скоростью столкнулись, произошло их взаимопроникновение, и вся энергия сконцентрировалась в одной точке.
He achieved extreme energy densities."	Папе удалось получить чрезвычайно высокие показатели плотности энергии.

She started rattling off a stream of units, and the director's eyes grew wider.	Девушка начала рассказывать о физическом характере потоков, и с каждым ее словом глаза директора округлялись все больше и больше.
Langdon tried to keep up.	Лэнгдон изо всех сил пытался не потерять нить рассказа.

So Leonardo Vetra was simulating the compressed point of energy from which the universe supposedly sprang.	Итак, думал он, Леонардо Ветра смог создать модель энергетической точки, которая дала начало нашей Вселенной.
"The result," Vittoria said, "was nothing short of wondrous.	- Результат эксперимента без преувеличения можно назвать чудом, - продолжала Виттория.
When it is published, it will shake the very foundation of modern physics."	- Его опубликование буквально потрясет основы основ современной физической науки...
She spoke slowly now, as though savoring the immensity of her news.	- Теперь она говорила медленно, словно желая подчеркнуть грандиозное значение открытия.

"Without warning, inside the accelerator tube, at this point of highly focused energy, particles of matter began appearing out of nowhere."	- И в этой энергетической точке внутри ускорителя буквально из ничего начали возникать частицы материи.
Kohler made no reaction.	Колер никак не отреагировал на это сообщение.
He simply stared.	Он просто молча смотрел на девушку.
"Matter," Vittoria repeated.	- Материи, - повторила Виттория.
"Blossoming out of nothing.	- Вещества, родившегося из ниоткуда.
An incredible display of subatomic fireworks.	Мы стали свидетелями невероятного фейерверка на субатомном уровне.

A miniature universe springing to life.	На наших глазах рождалась миниатюрная Вселенная.
He proved not only that matter can be created from nothing, but that the Big Bang and Genesis can be explained simply by accepting the presence of an enormous source of energy."	Папа доказал, что материя может быть создана из ничего. Но это не все! Его эксперимент продемонстрировал, что Большой взрыв и акт Творения объясняются присутствием колоссального источника энергии.
"You mean God?" Kohler demanded.	- Или, иными словами, Бога?
"God, Buddha, The Force, Yahweh, the singularity, the unicity point-call it whatever you like-the result is the same.	- Бога, Будды, Силы, Иеговы, сингулярности, единичной точки... Называйте это как угодно, но результат останется тем же.

Science and religion support the same truth- pure energy is the father of creation."	Наука и религия утверждают одну и ту же истину: источником творения является чистая энергия.
When Kohler finally spoke, his voice was somber.	Колер наконец заговорил, и голос его звучал печально:
"Vittoria, you have me at a loss.	- Виттория, твой рассказ оставил меня в полной растерянности.
It sounds like you're telling me your father created matter... out of nothing?"	Неужели ты и вправду хочешь сказать, что Леонардо смог создать вещество... из ничего?
"Yes."	- Да

Vittoria motioned to the canisters. "And there is the proof.	И вот доказательство, - ответила Виттория, указывая на пустые сосуды.
In those canisters are specimens of the matter he created."	- В каждом из этих шаров находится образчик сотворенной им материи.
Kohler coughed and moved toward the canisters like a wary animal circling something he instinctively sensed was wrong.	Колер откашлялся и покатился к сосудам. Он двигался осторожно, так, как двигаются инстинктивно ощущающие опасность дикие животные.
"I've obviously missed something," he said.	- Видимо, я что-то недопонял, - сказал директор.

"How do you expect anyone to believe these canisters contain particles of matter your father actually created?	- Почему я должен верить тому, что сосуды содержат частицы материи, созданные твоим отцом?
They could be particles from anywhere at all."	Это вещество могло быть взято откуда угодно.
"Actually," Vittoria said, sounding confident, "they couldn't.	- Нет, - уверенно ответила Виттория. - Откуда угодно взять это вещество невозможно.
These particles are unique.	Данные частицы уникальны.

They are a type of matter that does not exist anywhere on earth... hence they had to be created."	Подобного вида материи на Земле не существует... Отсюда следует вывод, что она была создана искусственно.
Kohler's expression darkened. "Vittoria, what do you mean a certain type of matter?	- Как прикажешь понимать твои слова? - с суровым видом произнес Колер.
There is only one type of matter, and it-" Kohler stopped short.	- Во Вселенной существует лишь один вид материи... - начал было руководитель ЦЕРНа, но тут же остановился.
Vittoria's expression was triumphant.	- А вот и нет! - с победоносным видом объявила Виттория.

"You've lectured on it yourself, director. The universe contains two kinds of matter.	- Вы же сами на своих лекциях говорили нам, что существует два вида материи.
Scientific fact."	И это - научный факт.
Vittoria turned to Langdon. "Mr. Langdon, what does the Bible say about the Creation?	Мистер Лэнгдон, - произнесла девушка, - что говорит Библия об акте Творения?
What did God create?"	Что создал Бог?
Langdon felt awkward, not sure what this had to do with anything.	Лэнгдон не понимал, какое отношение этот вопрос имеет к происходящему, но все же, ощущая некоторую неловкость, ответил:

"Um, God created... light and dark, heaven and hell-"	- Хм... Бог создал свет и тьму... небо и землю... рай и ад...
"Exactly," Vittoria said.	- Именно, - прервала его Виттория.
"He created everything in opposites.	- Он создал противополож-ности.
Symmetry.	Полную симметрию.
Perfect balance."	Абсолютное равновесие.

She turned back to Kohler. "Director, science claims the same thing as religion, that the Big Bang created everything in the universe with an opposite."	- Вновь повернувшись к Ко-леру, девушка сказала:- Ди-ректор, наука утверждает то же, что и религия: все, что создал Большой взрыв, он создавал в виде двух про-тивоположностей. И я хочу подчеркнуть слово "все".

"Including matter itself," Kohler whispered, as if to himself.	- Все, включая саму материю, - прошептал, словно самому себе, Колер.
Vittoria nodded.	- Именно, - кивнула Виттория.
"And when my father ran his experiment, sure enough, two kinds of matter appeared."	- И в ходе эксперимента моего отца возникли два вида материи.
Langdon wondered what this meant.	Лэнгдон вообще перестал понимать то, о чем говорили Колер и Виттория.
Leonardo Vetra created matter's opposite?	Неужели, думал он, Леонардо Ветра изобрел нечто противоположное материи?

Kohler looked angry. "The substance you're referring to only exists elsewhere in the universe.	- Субстанция, о которой ты говоришь, существует лишь в иных областях Вселенной, - сердито сказал директор.
Certainly not on earth.	- На Земле ее определенно нет.
And possibly not even in our galaxy!"	Возможно, ее нет и во всей нашей галактике!
"Exactly," Vittoria replied, "which is proof that the particles in these canisters had to be created."	- Верно, - согласилась Виттория. - И это доказывает, что находящиеся в сосудах частицы были созданы в ходе эксперимента.

Kohler's face hardened. "Vittoria, surely you can't be saying those canisters contain actual specimens?"	- Не хочешь ли ты сказать, что эти шары содержат в себе образцы антивещества? - спросил Колер, и лицо его стало похоже на каменную маску.
"I am."	- Да
She gazed proudly at the canisters.	Я хочу сказать именно это, - ответила Виттория, бросив торжествующий взгляд на пустые с виду сосуды.
"Director, you are looking at the world's first specimens of antimatter."	- Директор, перед вами первые в мире образцы антиматерии. Или антивещества, если хотите.
20	Глава 20

Phase two, the Hassassin thought, striding into the darkened tunnel.	Второй этап, думал ассасин, шагая по темному тонне- лю.
The torch in his hand was overkill.	Убийца понимал, что факел в его руке - вещь в принци- пе излишняя.
He knew that. But it was for effect.	Он был нужен лишь для того, чтобы произвести впе- чатление.
Effect was everything.	Во всем нужен эффект.
Fear, he had learned, was his ally.	Страх, как хорошо знал ас- сасин, был его союзником.
Fear cripples faster than any implement of war.	Страх калечит сильнее, чем любое оружие.

There was no mirror in the passage to admire his disguise, but he could sense from the shadow of his billowing robe that he was perfect.	В тоннеле не было зеркала, чтобы полюбоваться собой. Но судя по сгорбленной тени, которую отбрасывала его скрытая широким одеянием фигура, мимикрия была полной.
Blending in was part of the plan... part of the depravity of the plot.	Маскировка являлась важнейшей частью плана... Кроме того, она еще раз подчеркивала всю безнравственность заговора.
In his wildest dreams he had never imagined playing this part.	Даже в самых дерзких своих мечтах он не представлял, что сыграет в нем столь важную роль.

Two weeks ago, he would have considered the task awaiting him at the far end of this tunnel impossible.	Еще две недели назад он посчитал бы, что выполнить ожидающую его в конце пути задачу невозможно.
A suicide mission.	Она показалась бы ему самоубийственной.
Walking naked into a lion's lair.	Это было почти то же самое, что войти обнаженным в клетку со львом.
But Janus had changed the definition of impossible.	Но Янус сумел лишить смысла само понятие невозможного.
The secrets Janus had shared with the Hassassin in the last two weeks had been numerous... this very tunnel being one of them.	За последние две недели Янус посвятил его во множество тайн...

Ancient, and yet still perfectly passable.	Тоннель, кстати, был одной из них - древний, но вполне пригодный для прохода подземный коридор.
As he drew closer to his enemy, the Hassassin wondered if what awaited him inside would be as easy as Janus had promised.	С каждым шагом приближаясь к врагам, ассасин не переставал думать о том, насколько трудной может оказаться его задача.
Janus had assured him someone on the inside would make the necessary arrangements.	Янус обещал, что сделать все будет проще простого, поскольку некто, находящийся в здании, проведет всю подготовительную работу.
Someone on the inside.	Некто, находящийся в здании.
Incredible.	Невероятно!

The more he considered it, the more he realized it was child's play.	Чем больше он думал о своей миссии, тем сильнее становилась его вера в то, что она окажется простой, как детская забава.
Wahad... tintain... thalatha... arbaa, he said to himself in Arabic as he neared the end.	Wahad... tintain... thalatha... arbaa, думал он и мысленно произносил эти слова по-арабски, приближаясь к концу тоннеля.
One... two... three... four...	Один... два... три... четыре.
21	Глава 21
"I sense you've heard of antimatter, Mr. Langdon?"	- Думаю, вы слышали об антивеществе, мистер Лэнгдон? - спросила Виттория.

Vittoria was studying him, her dark skin in stark contrast to the white lab.	Ее смуглая кожа резко контрастировала с белизной лаборатории.
Langdon looked up.	Лэнгдон поднял на нее глаза.

He felt suddenly dumb.	Он вдруг ощутил себя полным тупицей.
"Yes.	- Да--
Well... sort of."	В некотором роде.
A faint smile crossed her lips. "You watch Star Trek."	- Вы, видимо, смотрите по телевизору сериал "Звездный путь", - с едва заметной усмешкой сказала девушка.

Langdon flushed. "Well, my students enjoy..." He frowned. "Isn't antimatter what fuels the U.S.S.	- Моим студентами он очень нравится... - начал он, покраснев, однако тут же взял себя в руки и серьезно продолжил: - Антивещество служит главным топливом для двигателей звездного крейсера
Enterprise?"	"Энтерпрайз". Не так ли?
She nodded. "Good science fiction has its roots in good science."	- Хорошая научная фантастика уходит корнями в настоящую науку, - утвердительно кивнув, ответила Виттория.
"So antimatter is real?"	- Значит, антивещество действительно существует?!
"A fact of nature.	- Да, как природное явление.

Everything has an opposite.	Все имеет свою противоположность.
Protons have electrons. Up quarks have down quarks.	Протоны и электроны, кварки и антикварки.
There is a cosmic symmetry at the subatomic level.	На субатомном уровне существует своего рода космическая симметрия.
Antimatter is yin to matter's yang.	Антивещество по отношению к веществу то же самое, что инь и ян в китайской философии. Женское и мужское начало.
It balances the physical equation."	Они поддерживают состояние физического равновесия, и это можно выразить математическим уравнением.

Langdon thought of Galileo's belief of duality.	Лэнгдон сразу вспомнил о дуализме Галилея.
"Scientists have known since 1918," Vittoria said, "that two kinds of matter were created in the Big Bang.	- Ученым еще с 1918 года известно, что Большой взрыв породил два вида вещества, - сказала Виттория.
One matter is the kind we see here on earth, making up rocks, trees, people.	- Один - тот, который мы имеем здесь, на Земле. Из него состоят скалы, деревья, люди.
The other is its inverse-identical to matter in all respects except that the charges of its particles are reversed."	Другой вид вещества находится где-то в иных частях Вселенной. Это вещество полностью идентично нашему, за исключением того, что все частицы в нем имеют противоположный заряд.

Kohler spoke as though emerging from a fog.	- Но хранить частицы антивещества невозможно, -сказал, возникнув словно из тумана, Колер.
His voice sounded suddenly precarious.	Теперь в его голосе звучало сомнение.
"But there are enormous technological barriers to actually storing antimatter.	- Технологий для этого не существует.

What about neutralization?"	Как насчет нейтрализации?

"My father built a reverse polarity vacuum to pull the antimatter positrons out of the accelerator before they could decay."	- Отцу удалось создать вакуум с обратной поляризацией, что, в свою очередь, позволило извлечь частицы вещества из ускорителя до того, как они успели исчезнуть.
Kohler scowled. "But a vacuum would pull out the matter also.	- Но вакуум одновременно с антивеществом извлечет и обычную материю.
There would be no way to separate the particles."	Я лично не вижу способа разделить частицы, - с недовольным видом возразил Колер.
"He applied a magnetic field.	- Для этой цели папа использовал сильное магнитное поле.

Matter arced right, and antimatter arced left.	Частицы вещества ушли по дуге вправо, а антивещества - влево.
They are polar opposites."	У них, как известно, противоположная полярность.
At that instant, Kohler's wall of doubt seemed to crack.	И в этот момент стена скептицизма, которой окружил себя Колер, похоже, дала первую трещину.
He looked up at Vittoria in clear astonishment and then without warning was overcome by a fit of coughing.	Он с изумлением посмотрел на Витторию и зашелся в приступе кашля.

"Incred... ible..." he said, wiping his mouth, "and yet..." It seemed his logic was still resisting.	- Неверо... ятно, - выдавил он, вытирая губы.
"Yet even if the vacuum worked, these canisters are made of matter.	- Но пусть даже... - у Лэнгдона сложилось впечатление, что разум директора продолжал сопротивляться, - ...вакуум и магниты возымели действие, все равно эти сферические сосуды изготовлены из вещества.
Antimatter cannot be stored inside canisters made out of matter.	А ведь антивещество невозможно хранить в сосудах из нашей обычной материи.
The antimatter would instantly react with-"	Вещество и антивещество мгновенно вступят в реакцию...

"The specimen is not touching the canister," Vittoria said, apparently expecting the question.	- Образцы антиматерии не касаются стенок сосудов, - ответила, явно ожидавшая этого вопроса Виттория.
"The antimatter is suspended.	- Они находятся в подвешенном состоянии.
The canisters are called 'antimatter traps' because they literally trap the antimatter in the center of the canister, suspending it at a safe distance from the sides and bottom."	Эти сосуды называются "ловушками антивещества", поскольку они буквально затягивают его в центр сферы и удерживают на безопасном расстоянии от стенок.
"Suspended?	- В подвешенном состоянии?
But... how?"	Но... каким образом?

"Between two intersecting magnetic fields.	- В точке пересечения двух магнитных полей.
Here, have a look."	Можете взглянуть.

Vittoria walked across the room and retrieved a large electronic apparatus.	Виттория прошла через всю комнату и взяла какой-то большой электронный прибор.
The contraption reminded Langdon of some sort of cartoon ray gun- a wide cannonlike barrel with a sighting scope on top and a tangle of electronics dangling below.	Эта хитроумная штуковина больше всего походила на лучевое ружье из детских комиксов. Широкий, похожий на пушечный ствол, лазерный прицел сверху и масса электронных приспособлений в нижней части.

Vittoria aligned the scope with one of the canisters, peered into the eyepiece, and calibrated some knobs.	Девушка соединила прицел с одним из сосудов, взглянула в окуляр и произвела тонкую калибровку.
Then she stepped away, offering Kohler a look.	Затем отступила в сторону и жестом пригласила Колера приблизиться.
Kohler looked nonplussed.	Директор, казалось, пребывал в полном замешательстве.
"You collected visible amounts?"	- Неужели вам удалось добыть видимое количество?
"Five thousand nanograms," Vittoria said.	- Пятьсот нанограммов .

"A liquid plasma containing millions of positrons."	В виде жидкой плазмы, состоящей из миллионов позитронов.
"Millions?	- Миллионов?!
But a few particles is all anyone has ever detected... anywhere."	Но до сих пор во всех лабораториях мира удалось выделить лишь несколько частиц антивещества...
"Xenon," Vittoria said flatly.	- Ксенон, - быстро ответила Виттория.
"He accelerated the particle beam through a jet of xenon, stripping away the electrons.	- Папа пропустил луч через поток ксенона, который отнял у частиц все электроны.

He insisted on keeping the exact procedure a secret, but it involved simultaneously injecting raw electrons into the accelerator."	Детали эксперимента он держал в тайне, но мне известно, что отец одновременно впрыскивал в ускоритель струю чистых электронов.
Langdon felt lost, wondering if their conversation was still in English.	Лэнгдон уже и не пытался что-либо понять. "Неужели они говорят по-английски?" - думал он.
Kohler paused, the lines in his brow deepening.	Колер замолчал, сдвинув брови.
Suddenly he drew a short breath. He slumped like he'd been hit with a bullet.	Затем он судорожно вздохнул и откинулся на спинку кресла - так, словно его сразила пуля.

"Technically that would leave..."	- Но это означает, что технически мы...
Vittoria nodded.	- Именно.
"Yes. Lots of it."	Мы имеем возможность получить большое количество антивещества.
Kohler returned his gaze to the canister before him. With a look of uncertainty, he hoisted himself in his chair and placed his eye to the viewer, peering inside.	Колер посмотрел на металлические стержни, поддерживающие сферические сосуды, неуверенно подкатил к тому, на котором был закреплен зрительный прибор, и приложил глаз к окуляру.
He stared a long time without saying anything.	Он долго смотрел, не говоря ни слова.

When he finally sat down, his forehead was covered with sweat.	Затем оторвался от визира, обессилено откинулся на спинку кресла и вытер покрытый потом лоб.
The lines on his face had disappeared.	Морщины на его лице разгладились.
His voice was a whisper. "My God... you really did it."	- Боже мой... вы действительно это сделали, - прошептал он.
Vittoria nodded. "My father did it."	- Это сделал мой отец, - уточнила Виттория.
"I... I don't know what to say."	- У меня просто нет слов...
Vittoria turned to Langdon. "Would you like a look?"	- А вы не хотите взглянуть? - спросила девушка, обращаясь к Лэнгдону.

She motioned to the viewing device. Uncertain what to expect, Langdon moved forward.	Совершенно не представляя, что он может увидеть, Лэнгдон подошел к стержням.
From two feet away, the canister appeared empty.	С расстояния в один фут сосуд по-прежнему казался пустым.
Whatever was inside was infinitesimal.	То, что находилось внутри, имело, по-видимому, бесконечно крошечные размеры.
Langdon placed his eye to the viewer. It took a moment for the image before him to come into focus.	Американец посмотрел в окуляр, но для того, чтобы сфокусировать взгляд на содержимом прозрачной сферы, ему потребовалось некоторое время.
Then he saw it.	И наконец он увидел это.

The object was not on the bottom of the container as he expected, but rather it was floating in the center-suspended in midair-a shimmering globule of mercurylike liquid.	Объект находился не на дне сосуда, как можно было ожидать, а плавал в самом центре сферы. Это был мерцающий, чем-то похожий на капельку ртути шарик.
Hovering as if by magic, the liquid tumbled in space.	Поддерживаемый неведомыми магическими силами, шарик висел в пространстве.
Metallic wavelets rippled across the droplet's surface.	По его поверхности пробегал муар отливающих металлом волн.

The suspended fluid reminded Langdon of a video he had once seen of a water droplet in zero G.	Шарик антивещества напомнил Лэнгдону о научно-популярном фильме, в котором демонстрировалось поведение в невесомости капли воды.
Although he knew the globule was microscopic, he could see every changing gorge and undulation as the ball of plasma rolled slowly in suspension.	Несмотря на то что шарик был микроскопическим, Лэнгдон видел все углубления и выпуклости, возникающие на поверхности витающей в замкнутом пространстве плазмы.
"It's... floating," he said.	- Оно... плавает, - произнес специалист по религиозной символике.
"It had better be," Vittoria replied.	- И слава Богу, - ответила Виттория.

"Antimatter is highly unstable.	- Антивещество отличается крайней нестабильностью.

Energetically speaking, antimatter is the mirror image of matter, so the two instantly cancel each other out if they come in contact.	По своей энергетической сущности оно является полной противоположностью обычного вещества, и при соприкосновении субстанций происходит их взаимное уничтожение.
Keeping antimatter isolated from matter is a challenge, of course, because everything on earth is made of matter.	Удерживать антивещество от контакта с веществом очень сложно, потому что все -буквально все! - что имеется на Земле, состоит из обычного вещества.

The samples have to be stored without ever touching anything at all-even air."	Образцы при хранении не должны ничего касаться - даже воздуха.
Langdon was amazed.	Лэнгдон был потрясен.
Talk about working in a vacuum.	Неужели можно работать в полном вакууме?
"These antimatter traps?" Kohler interrupted, looking amazed as he ran a pallid finger around one's base. "They are your father's design?"	- Скажи, - вмешался Колер, - а эти, как их там... "ловушки антивещества" тоже изобрел твой отец?
"Actually," she said, "they are mine."	- Вообще-то их придумала я, - несколько смущенно ответила она.

Kohler looked up.	Колер поднял на нее вопросительный взгляд, ожидая продолжения.
Vittoria's voice was unassuming. "My father produced the first particles of antimatter but was stymied by how to store them.	- Когда папа получил первые частицы антивещества, он никак не мог их сохранить, -скромно потупившись, сказала Виттория.
I suggested these.	- Я предложила ему эту схему.
Airtight nanocomposite shells with opposing electromagnets at each end."	Воздухонепроницаемая оболочка из композитных материалов и разнополюсные магниты с двух сторон.

"It seems your father's genius has rubbed off."	- Похоже, что гениальность твоего отца оказалась заразительной.
"Not really.	- Боюсь, что нет.
I borrowed the idea from nature.	Я просто позаимствовала идею у природы.
Portuguese man o' wars trap fish between their tentacles using nematocystic charges.	Аргонавты удерживают рыбу в своих щупальцах при помощи электрических зарядов.
Same principle here.	Тот же принцип использован и здесь.
Each canister has two electromagnets, one at each end.	К каждой сфере прикреплена пара электромагнитов.

Their opposing magnetic fields intersect in the center of the canister and hold the antimatter there, suspended in midvacuum."	Противоположные магнитные поля пересекаются в центре сосуда и удерживают антивещество в удалении от стен. Все это происходит в абсолютном вакууме.
Langdon looked again at the canister.	Лэнгдон с уважением посмотрел на шарообразный сосуд.
Antimatter floating in a vacuum, not touching anything at all.	Антивещество, свободно подвешенное в вакууме.
Kohler was right.	Колер был прав.

It was genius.	Этого мог добиться лишь гений.

"Where's the power source for the magnets?" Kohler asked.	- Где размещены источники питания электромагнитов? - поинтересовался Колер.
Vittoria pointed. "In the pillar beneath the trap.	- В стержне под ловушкой.
The canisters are screwed into a docking port that continuously recharges them so the magnets never fail."	Основания сфер имеют контакт с источником питания, и подзарядка идет постоянно.
"And if the field fails?"	- А что произойдет, если поле вдруг исчезнет?

"The obvious. The antimatter falls out of suspension, hits the bottom of the trap, and we see an annihilation."	- В этом случае антивещество, лишившись поддержки, опустится на дно сосуда, и тогда произойдет его аннигиляция, или уничтожение, если хотите.
Langdon's ears pricked up. "Annihilation?"	- Уничтожение? - навострил уши Лэнгдон.
He didn't like the sound of it.	Последнее слово ему явно не понравилось.
Vittoria looked unconcerned. "Yes.	- Да, - спокойно ответила Виттория.
If antimatter and matter make contact, both are destroyed instantly.	- Вещество и антивещество при соприкосновении мгновенно уничтожаются.

Physicists call the process 'annihilation.' "	Физики называют этот процесс аннигиляцией.
Langdon nodded. "Oh."	- Понятно, - кивнул Лэнгдон.
"It is nature's simplest reaction.	- Реакция с физической точки зрения очень проста.
A particle of matter and a particle of antimatter combine to release two new particles-called photons.	Частицы материи и антиматерии, объединившись, дают жизнь двум новым частицам, именуемым фотонами.
A photon is effectively a tiny puff of light."	А фотон - не что иное, как микроскопическая вспышка света.

Langdon had read about photons-light particles-the purest form of energy.	О световых частицах - фотонах Лэнгдон где-то читал. В той статье их называли самой чистой формой энергии.
He decided to refrain from asking about Captain Kirk's use of photon torpedoes against the Klingons.	Немного поразмыслив, он решил не спрашивать о фотонных ракетах, которые капитан Кёрк использовал против злобных клинганов.
"So if the antimatter falls, we see a tiny puff of light?"	- Итак, если электромагниты откажут, произойдет крошечная вспышка света? - решил уточнить он.
Vittoria shrugged. "Depends what you call tiny.	- Все зависит от того, что считать крошечным, - пожала плечами Виттория.
Here, let me demonstrate."	- Сейчас я вам это продемонстрирую.

She reached for the canister and started to unscrew it from its charging podium.	Она подошла к одному из стержней и принялась отвинчивать сосуд.
Without warning, Kohler let out a cry of terror and lunged forward, knocking her hands away.	Колер неожиданно издал вопль ужаса и, подкатившись к Виттории, оттолкнул ее руки от прозрачной сферы.
"Vittoria! Are you insane?"	- Виттория, ты сошла с ума!

22	Глава 22
Kohler, incredibly, was standing for a moment, teetering on two withered legs. His face was white with fear.	Это было невероятно. Колер вдруг поднялся с кресла и несколько секунд стоял на своих давно усохших ногах.
"Vittoria!	- Виттория!

You can't remove that trap!"	Не смей снимать ловушку!
Langdon watched, bewildered by the director's sudden panic.	Лэнгдон, которого внезапная паника директора повергла в изумление, молча взирал на разыгрывающуюся перед ним сцену.
"Five hundred nanograms!" Kohler said.	- Пятьсот нанограммов!
"If you break the magnetic field-"	Если ты разрушишь магнитное поле...
"Director," Vittoria assured, "it's perfectly safe.	- Директор, - невозмутимо произнесла девушка, -операция не представляет никакой опасности.

Every trap has a failsafe- a back up battery in case it is removed from its recharger.	Каждая ловушка снабжена предохранителем в виде аккумуляторной батареи.
The specimen remains suspended even if I remove the canister."	Специально для того, чтобы ее можно было снять с подставки.
Kohler looked uncertain. Then, hesitantly, he settled back into his chair.	Колер, судя по его неуверенному виду, не до конца поверил словам Виттории, но тем не менее уселся в свое кресло.
"The batteries activate automatically," Vittoria said, "when the trap is moved from the recharger.	- Аккумуляторы включаются автоматически, как только ловушка лишается питания, - продолжала девушка.
They work for twenty four hours.	- И работают двадцать четыре часа.

Like a reserve tank of gas."	Если провести сравнение с автомобилем, то аккумуляторы функционируют, как резервный бак с горючим.
She turned to Langdon, as if sensing his discomfort. "Antimatter has some astonishing characteristics, Mr. Langdon, which make it quite dangerous.	- Словно почувствовав беспокойство Лэнгдона, она повернулась к нему и сказала: - Антивещество обладает некоторыми необычными свойствами, мистер Лэнгдон, которые делают его весьма опасным.
A ten milligram sample-the volume of a grain of sand-is hypothesized to hold as much energy as about two hundred metric tons of conventional rocket fuel."	В частице антиматерии массой десять миллиграммов - а это размер песчинки -гипотетически содержится столько же энергии, сколько в двухстах тоннах обычного ракетного топлива.

Langdon's head was spinning again.	Голова Лэнгдона снова пошла кругом.
"It is the energy source of tomorrow.	- Это энергия будущего, - сказала Виттория.
A thousand times more powerful than nuclear energy. One hundred percent efficient.	- Энергия в тысячу раз более мощная, чем ядерная, и с коэффициентом полезного действия сто процентов.
No byproducts.	Никаких отходов.
No radiation.	Никакой радиации.

No pollution.	Никакого ущерба окружающей среде.
A few grams could power a major city for a week."	Нескольких граммов антивещества достаточно, чтобы в течение недели снабжать энергией крупный город.

Grams?	- Граммов?
Langdon stepped uneasily back from the podium.	Лэнгдон на всякий случай отступил подальше от сосудов с антивеществом.
"Don't worry," Vittoria said. "These samples are minuscule fractions of a gram-millionths. Relatively harmless."	- Не волнуйтесь, - успокоила его Виттория, - в этих сферах содержатся всего лишь миллионные доли грамма, а такое количество относительно безопасно.
She reached for the canister again and twisted it from its docking platform.	Она подошла к одному из стержней и сняла сферический сосуд с платформы.
Kohler twitched but did not interfere.	Колер слегка поежился, но вмешиваться на этот раз не стал.

As the trap came free, there was a sharp beep, and a small LED display activated near the base of the trap.	Как только ловушка освободилась, раздался резкий звуковой сигнал, и в нижней части сферы загорелся крошечный экран.
The red digits blinked, counting down from twenty four hours.	На экране тут же замигали красные цифры. Начался обратный отсчет времени.
24:00:00...	24:00:00...
23:59:59...	23:59:59...
23:59:58...	23:59:58...
Langdon studied the descending counter and decided it looked unsettlingly like a time bomb.	Лэнгдон проследил за меняющимися цифрами и пришел к выводу, что это устройство очень смахивает на бомбу замедленного действия.

"The battery," Vittoria explained, "will run for the full twenty four hours before dying.	- Аккумулятор будет действовать ровно двадцать четыре часа.
It can be recharged by placing the trap back on the podium.	Его можно подзарядить, вернув ловушку на место.
It's designed as a safety measure, but it's also convenient for transport."	Аккумулятор создан в качестве меры предосторожности и для удобства транспортировки.
"Transport?" Kohler looked thunderstruck.	- Транспортировки?! - прогремел Колер.
"You take this stuff out of the lab?"	- Ты хочешь сказать, что выносила образцы из лаборатории?
"Of course not," Vittoria said.	- Нет, не выносила, - ответила Виттория.

"But the mobility allows us to study it."	- Но мобильность образцов позволит лучше изучить их поведение.
Vittoria led Langdon and Kohler to the far end of the room.	Девушка пригласила Лэнгдона и Колера проследовать за ней в дальнюю часть лаборатории.

She pulled a curtain aside to reveal a window, beyond which was a large room.	Когда она отдернула штору, перед ними открылось большое окно в соседнее помещение.
The walls, floors, and ceiling were entirely plated in steel.	Стены, полы и потолки обширной комнаты были обшиты стальными листами.

The room reminded Langdon of the holding tank of an oil freighter he had once taken to Papua New Guinea to study Hanta body graffiti.	Больше всего комната была похожа на цистерну нефтяного танкера, на котором Лэнгдон однажды плавал в Папуа - Новую Гвинею, чтобы изучить татуировки аборигенов.
"It's an annihilation tank," Vittoria declared.	- Это помещение мы называем аннигиляционной камерой, - пояснила Виттория.
Kohler looked up. "You actually observe annihilations?"	- И вы действительно наблюдали аннигиляцию? -посмотрел на нее Колер.

"My father was fascinated with the physics of the Big Bang-large amounts of energy from minuscule kernels of matter."	- Отец просто восторгался этим физическим явлением, - ответила Виттория. - Огромное количество энергии из крошечного образца антивещества.
Vittoria pulled open a steel drawer beneath the window. She placed the trap inside the drawer and closed it.	Девушка выдвинула из стены под окном стальной с загнутыми краями и потому похожий на противень лист, положила на него сосуд с антивеществом и задвинула этот необычный поднос обратно.
Then she pulled a lever beside the drawer.	Затем она потянула за находящийся рядом рычаг.

A moment later, the trap appeared on the other side of the glass, rolling smoothly in a wide arc across the metal floor until it came to a stop near the center of the room.	Не прошло и секунды, как за стеклом они увидели ловушку. Сфера покатилась по широкой дуге и остановилась на металлическом полу почти в самом центре помещения.
Vittoria gave a tight smile. "You're about to witness your first antimatter matter annihilation.	- Сейчас вы впервые в жизни сможете наблюдать процесс аннигиляции вещества и антивещества, -с легкой улыбкой объявила девушка.
A few millionths of a gram.	- В процессе участвуют миллионные доли грамма антиматерии.
A relatively minuscule specimen."	Мы имеем дело с относительно небольшим образцом.

Langdon looked out at the antimatter trap sitting alone on the floor of the enormous tank.	Лэнгдон взглянул на одиноко стоящую на полу огромного бака ловушку антивещества.
Kohler also turned toward the window, looking uncertain.	Колер же просто прильнул к окну. Вид у директора, надо сказать, был довольно растерянный.
"Normally," Vittoria explained, "we'd have to wait the full twenty four hours until the batteries died, but this chamber contains magnets beneath the floor that can override the trap, pulling the antimatter out of suspension.	- В обычных условиях аккумулятор прекращает действовать через сутки. Однако в этом помещении в пол вмонтированы сильные магниты, способные нейтрализовать магнитное поле ловушки.

And when the matter and antimatter touch..."	В тот момент, когда вещество и антивещество соприкоснутся, произойдет...
"Annihilation," Kohler whispered.	- Аннигиляция, - прошептал Колер.

"One more thing," Vittoria said.	- Да, и еще кое-что, - сказала Виттория.
"Antimatter releases pure energy.	- Антивещество порождает чистую энергию.
A one hundred percent conversion of mass to photons.	Вся его масса полностью превращается в фотоны.
So don't look directly at the sample.	Поэтому не смотрите на образец.
Shield your eyes."	Прикройте чем-нибудь глаза.

Langdon was wary, but he now sensed Vittoria was being overly dramatic.	Лэнгдон немного волновался, но ему казалось, что девица переигрывает, чересчур драматизируя ситуацию.
Don't look directly at the canister?	Не смотреть на этот сосуд?
The device was more than thirty yards away, behind an ultrathick wall of tinted Plexiglas.	Похожая на прозрачный теннисный мяч ловушка находилась от него в добрых тридцати ярдах. Зрителей от нее защищало толстенное и вдобавок затемненное органическое стекло.
Moreover, the speck in the canister was invisible, microscopic.	А образец в ловушке был просто микроскопическим.
Shield my eyes? Langdon thought.	Прикрыть глаза?

How much energy could that speck possibly-	Сколько энергии способна выделить подобная... Но додумать до конца Лэнгдон не успел.
Vittoria pressed the button. Instantly, Langdon was blinded.	Девушка нажалакнопку, и он мгновенно ослеп.
A brilliant point of light shone in the canister and then exploded outward in a shock wave of light that radiated in all directions, erupting against the window before him with thunderous force.	В сосуде возникла сияющая точка, которая вдруг взорвалась ослепительной вспышкой, и волна света, по аналогии с воздушной волной от обычного взрыва, со страшной силой ударила в затененное стекло прямо перед ним.
He stumbled back as the detonation rocked the vault.	Лэнгдон непроизвольно отступил назад.

The light burned bright for a moment, searing, and then, after an instant, it rushed back inward, absorbing in on itself, and collapsing into a tiny speck that disappeared to nothing.	Стены помещения завибрировали, а свет, вначале заполнивший всю стальную комнату, снова стал стягиваться в одну точку, чтобы через мгновение превратиться в ничто.
Langdon blinked in pain, slowly recovering his eyesight. He squinted into the smoldering chamber.	Лэнгдон беспомощно моргал. Глаза у него болели, и зрение возвращаться не спешило.
The canister on the floor had entirely disappeared.	Когда оно все же вернулось, американец увидел, что шарообразный сосуд исчез без следа.

Vaporized. Not a trace.	Испарился.
He stared in wonder. "G... God."	- Б... Боже мой! - прошептал изумленный Лэнгдон.
Vittoria nodded sadly. "That's precisely what my father said."	- Именно это и сказал мой папа, - печально произнесла Виттория.
23	Глава 23

Kohler was staring into the annihilation chamber with a look of utter amazement at the spectacle he had just seen.	Колер молча смотрел через затененное стекло в аннигиляционную камеру. То, что он увидел, его потрясло.

Robert Langdon was beside him, looking even more dazed.	Рядом с ним стоял Роберт Лэнгдон, которого этот спектакль поразил еще больше.
"I want to see my father," Vittoria demanded.	- Я хочу видеть отца, - потребовала Виттория.
"I showed you the lab. Now I want to see my father."	- Я показала вам лабораторию, а теперь желаю взглянуть на папу.
Kohler turned slowly, apparently not hearing her.	Колер медленно отвернулся от окна. Слов девушки директор, судя по всему, просто не слышал.
"Why did you wait so long, Vittoria?	- Почему вы с отцом так долго ждали, Виттория?
You and your father should have told me about this discovery immediately."	Об этом открытии вам следовало немедленно сообщить мне.

Vittoria stared at him. How many reasons do you want?	На это имеются десятки причин, подумала девушка, а вслух произнесла:
"Director, we can argue about this later.	- Если не возражаете, директор, мы все это обсудим позже.
Right now, I want to see my father."	А сейчас я хочу увидеть папу.
"Do you know what this technology implies?"	- Ты представляешь, к каким последствиям может привести это открытие?
"Sure," Vittoria shot back.	- Естественно! - резко бросила Виттория.
"Revenue for CERN. A lot of it.	- К росту доходов ЦЕРНа! Значительному росту.
Now I want-"	А сейчас я настаиваю...

"Is that why you kept it secret?" Kohler demanded, clearly baiting her.	- Теперь я понимаю, почему вы все держали в тайне, - гнул свое Колер, явно стараясь уязвить собеседницу.
"Because you feared the board and I would vote to license it out?"	- Ты и твой отец опасались, что совет директоров потребует запатентовать вашу технологию.
"It should be licensed," Vittoria fired back, feeling herself dragged into the argument.	- Она должна быть запатентована, - сердито ответила Виттория, понимая, что директору все же удалось втянуть ее в спор.
"Antimatter is important technology. But it's also dangerous.	- Технология производства антивещества - дело слишком серьезное и весьма опасное.

My father and I wanted time to refine the procedures and make it safe."	Мы с отцом не спешили с сообщением, чтобы усовершенствовать процесс и сделать его более безопасным.
"In other words, you didn't trust the board of directors to place prudent science before financial greed."	- Иными словами, вы не доверяли совету, опасаясь, что он пожертвует наукой во имя своей алчности?
Vittoria was surprised with the indifference in Kohler's tone.	Виттория была поражена тем, с каким равнодушием директор произнес эти слова.
"There were other issues as well," she said.	- Имелись и другие мотивы, - сказала она.

"My father wanted time to present antimatter in the appropriate light."	- Папа не торопился, желая представить свое открытие в самом лучшем свете.
"Meaning?"	- И что же это должно означать?
What do you think I mean?	"Ты еще спрашиваешь, что это должно означать?" - подумала она, а вслух сказала:
"Matter from energy? Something from nothing?	- Вещество из энергии, нечто из ничего...
It's practically proof that Genesis is a scientific possibility."	Но ведь это, по существу, научно доказывает возможность акта Творения. Разве не так?

"So he didn't want the religious implications of his discovery lost in an onslaught of commercialism?"	- Значит, он не хотел, чтобы религиозные последствия его открытия погибли под натиском коммерциализации?
"In a manner of speaking."	- В некотором роде - да.
"And you?"	- А ты?
Vittoria's concerns, ironically, were somewhat the opposite.	Виттория, как ни странно, придерживалась диаметрально противоположных взглядов.
Commercialism was critical for the success of any new energy source.	Коммерческая сторона вопроса имела решающее значение для успешного внедрения любого нового источника энергии.

Although antimatter technology had staggering potential as an efficient and nonpolluting energy source-if unveiled prematurely, antimatter ran the risk of being vilified by the politics and PR fiascoes that had killed nuclear and solar power.	Хотя антивещество, как источник чистой энергии, обладало неограниченным потенциалом, преждевременное разглашение тайны грозило тем, что новый вид экологически чистой энергии пострадает от политики и враждебного пиара так, как до него ядерная и солнечная энергия.
Nuclear had proliferated before it was safe, and there were accidents.	Ядерная энергия получила распространение до того, как стала безопасной, и в результате произошло несколько катастроф.

Solar had proliferated before it was efficient, and people lost money.	Солнечная энергия начала использоваться, еще не став экономически выгодной, и инвесторы потеряли большие деньги.
Both technologies got bad reputations and withered on the vine.	В результате оба вида энергии имели скверную репутацию, и перспективы их применения были туманны.
"My interests," Vittoria said, "were a bit less lofty than uniting science and religion."	- Мои задачи не столь грандиозны. Я вовсе не стремилась примирить науку и религию.
"The environment," Kohler ventured assuredly.	- Тобой больше двигала забота об окружающей среде? - высказал предположение Колер.
"Limitless energy.	- Неисчерпаемый источник энергии.

No strip mining.	Никаких открытых выработок.
No pollution. No radiation.	Полное отсутствие радиации и иных видов загрязнения.
Antimatter technology could save the planet."	Использование энергии антивещества могло бы спасти нашу планету...

"Or destroy it," Kohler quipped.	- Или уничтожить, - саркастически фыркнул Колер.
"Depending on who uses it for what."	- Все зависит о того, кто станет ее использовать и с какой целью.

Vittoria felt a chill emanating from Kohler's crippled form. "Who else knew about this?" he asked.	Кто еще знает о вашем открытии? - спросил директор. От его слов, как и от всей его сгорбленной фигуры, вдруг повеяло леденящим холодом.
"No one," Vittoria said.	- Никто, - ответила Виттория.
"I told you that."	- Я вам это уже говорила.
"Then why do you think your father was killed?"	- В таком случае... почему ты полагаешь, что твой отец убит?
Vittoria's muscles tightened. "I have no idea.	- Понятия не имею, - сказала девушка, напрягшись всем телом.

He had enemies here at CERN, you know that, but it couldn't have had anything to do with antimatter.	- У него были враги здесь, в ЦЕРНе, и вы об этом знаете. Но это никак не было связано с антивеществом.
We swore to each other to keep it between us for another few months, until we were ready."	Мы поклялись друг другу хранить открытие в тайне еще несколько месяцев. До тех пор, пока не будем готовы.
"And you're certain your father kept his vow of silence?"	- И ты уверена, что твой отец хранил молчание?
Now Vittoria was getting mad.	Этот вопрос вывел Витторию из себя.
"My father has kept tougher vows than that!"	- Папа всегда хранил даже более суровые обеты, чем этот!
"And you told no one?"	- А ты сама никому не проговорилась?

"Of course not!"	- Конечно, нет!
Kohler exhaled. He paused, as though choosing his next words carefully.	Колер вздохнул и замолчал, словно для того, чтобы хорошенько продумать то, что собирался сказать.
"Suppose someone did find out.	- Допустим, что кто-то каким-то образом смог об этом узнать, - после довольно продолжительной паузы произнес он.
And suppose someone gained access to this lab.	- Допустим также, что этот неизвестный получил доступ в лабораторию.
What do you imagine they would be after?	За чем, по твоему мнению, этот гипотетический взломщик мог охотиться?

Did your father have notes down here? Documentation of his processes?"	Не хранил ли твой отец здесь свои рабочие тетради или иные документы?
"Director, I've been patient. I need some answers now.	- Директор, я терпеливо отвечала на ваши вопросы и теперь хочу получить ответ на свои.
You keep talking about a break in, but you saw the retina scan.	Вы продолжаете твердить о возможном взломе, хотя сами видели наш сканер глазного дна.

My father has been vigilant about secrecy and security."	Мой отец чрезвычайно серьезно относился к вопросам безопасности и проявлял исключительную бдительность.

"Humor me," Kohler snapped, startling her.	- Умоляю тебя, успокой мое сердце, - умоляющим голосом произнес Колер, ввергнув девушку в замешательство.
"What would be missing?"	- Что здесь могло пропасть?
"I have no idea." Vittoria angrily scanned the lab.	- Представления не имею, - сердито ответила она, оглядывая лабораторию.
All the antimatter specimens were accounted for.	Все образцы антивещества находились на своих местах.
Her father's work area looked in order.	Рабочее место ее отца тоже не претерпело никаких изменений.
"Nobody came in here," she declared.	- Сюда никто не входил, - наконец объявила Виттория.

"Everything up here looks fine."	- Здесь, наверху, все находится в полном порядке.
Kohler looked surprised. "Up here?"	- Наверху? - удивленно переспросил Колер.
Vittoria had said it instinctively. "Yes, here in the upper lab."	- Да, в верхней лаборатории, - машинально произнесла девушка.
"You're using the lower lab too?"	- Значит, вы пользовались и нижней лабораторией?!
"For storage."	- Да, но только как хранилищем.
Kohler rolled toward her, coughing again.	Колер снова зашелся в кашле.

"You're using the Haz Mat chamber for storage?	Откашлявшись, он подкатился ближе к Виттории и просипел: - Вы использовали камеру "Оп-Мат" для хранения?
Storage of what?"	Хранения чего?
Hazardous material, what else!	"Опасных материалов!
Vittoria was losing her patience.	Чего же еще?" - возмущенно подумала Виттория и ответила:
"Antimatter."	- Для хранения антивещества.
Kohler lifted himself on the arms of his chair.	Колер от изумления даже приподнялся на подлокотниках кресла.
"There are other specimens?	- Неужели существуют и другие образцы?
Why the hell didn't you tell me!"	Какого дьявола ты мне об этом не сказала?!

"I just did," Vittoria fired back. "And you've barely given me a chance!"	- Я собиралась сказать, но вы не дали мне этого сделать.
"We need to check those specimens," Kohler said.	- Необходимо проверить эти образцы, - бросил Колер.
"Now."	- И немедленно!
"Specimen," Vittoria corrected.	- Образец, - поправила его Виттория.

"Singular.	- В единственном экземпляре.
And it's fine.	И он, как я полагаю, в полном порядке.
Nobody could ever-"	Никто не мог...

"Only one?" Kohler hesitated.	-Только один? - спросил директор.
"Why isn't it up here?"	- А почему он не здесь?
"My father wanted it below the bedrock as a precaution.	- Отец хотел, чтобы этот образец на всякий случай хранился в скальных породах.
It's larger than the others."	Просто он больше, чем все остальные...
The look of alarm that shot between Kohler and Langdon was not lost on Vittoria.	Тревожные взгляды, которыми обменялись Колер и Лэнгдон, не ускользнули от внимания девушки.
Kohler rolled toward her again. "You created a specimen larger than five hundred nanograms?"	- Вы создали образец, масса которого больше пятисот нанограммов? - наезжая на Витторию креслом, спросил директор ЦЕРНа.

"A necessity," Vittoria defended.	- Это было необходимо, - сказала она.
"We had to prove the input/yield threshold could be safely crossed."	- Требовалось доказать, что экономический порог затраты/выпуск может быть успешно преодолен.
The question with new fuel sources, she knew, was always one of input vs. yield-how much money one had to expend to harvest the fuel.	Она знала, что соотношение финансовых затрат и объема полученной новой энергии является важнейшим фактором, влияющим на ее внедрение.
Building an oil rig to yield a single barrel of oil was a losing endeavor.	Никто не станет возводить вышку ради добычи одного барреля нефти.

However, if that same rig, with minimal added expense, could deliver millions of barrels, then you were in business.	Но если та же вышка при минимальных дополнительных затратах сможет выдать миллионы баррелей, за дело стоит взяться.
Antimatter was the same way.	Точно так же и с антивеществом.
Firing up sixteen miles of electromagnets to create a tiny specimen of antimatter expended more energy than the resulting antimatter contained.	Работа шестнадцатимильного ускорителя для создания крошечного образца антиматерии требовала гораздо большей энергии, чем та, которую можно было получить от него.

In order to prove antimatter efficient and viable, one had to create specimens of a larger magnitude.	Для того чтобы доказать экономическую целесообразность производства и использования антивещества, требовалось создать образец с гораздо большей массой.
Although Vittoria's father had been hesitant to create a large specimen, Vittoria had pushed him hard.	Отец вначале не решался создать большой образец, но потом все же уступил давлению дочери.
She argued that in order for antimatter to be taken seriously, she and her father had to prove two things.	Для того чтобы антивещество было воспринято серьезно, говорила она, необходимо доказать кое-что.

First, that cost effective amounts could be produced. And second, that the specimens could be safely stored.	Во-первых, возможность производства достаточного количества материала по умеренной цене, и, во-вторых, то, что этот материал можно безопасно хранить.

In the end she had won, and her father had acquiesced against his better judgment.	В конце концов дочь победила, и отец неохотно поменял свою первоначальную, достаточно обоснованную точку зрения.
Not, however, without some firm guidelines regarding secrecy and access.	Но одновременно он выдвинул весьма жесткие условия безопасности.

The antimatter, her father had insisted, would be stored in Haz Mat-a small granite hollow, an additional seventy five feet below ground.	Леонардо Ветра настоял на том, чтобы антивещество хранилось в камере для опасных материалов - в небольшом, вырубленном в коренном граните помещении на глубине семидесяти пяти футов от поверхности земли.
The specimen would be their secret. And only the two of them would have access.	Помимо этого, отец потребовал, чтобы об этом образце, кроме них двоих, не знал никто.
"Vittoria?" Kohler insisted, his voice tense. "How large a specimen did you and your father create?"	- Виттория, - напряженным голосом произнес Колер, - какого размера образец вам удалось создать?
Vittoria felt a wry pleasure inside.	Виттория помимо воли ощутила внутреннее удовлетворение.

She knew the amount would stun even the great Maximilian Kohler.	Она знала, что упоминание о массе полученного отцом и ею вещества способно сразить наповал даже самого великого Максимилиана Колера.
She pictured the antimatter below.	Перед ее мысленным взором предстал хранящийся в недрах земли образец.
An incredible sight.	Захватывающее зрелище!
Suspended inside the trap, perfectly visible to the naked eye, danced a tiny sphere of antimatter.	Свободно парящее внутри ловушки антивещество можно было увидеть невооруженным глазом.

This was no microscopic speck. This was a droplet the size of a BB.	Капелька материи размером с дробинку, переливаясь муаром, танцевала в полном вакууме.
Vittoria took a deep breath.	Виттория набрала полную грудь воздуха и выпалила:
"A full quarter of a gram."	- Ровно четверть грамма!
The blood drained from Kohler's face. "What!" He broke into a fit of coughing.	- Что?! - Кровь отлила от лица Колера, и у него снова начался приступ кашля.
"A quarter of a gram?	- Чет... Чет... Четверть грамма?!
That converts to... almost five kilotons!"	Это же эквивалентно почти... пяти килотоннам!

Kilotons.	Килотонна!
Vittoria hated the word.	Виттория ненавидела это слово.
It was one she and her father never used.	Ни она, ни ее отец никогда им не пользовались.
A kiloton was equal to 1,000 metric tons of TNT.	Килотонна была мерой энергии, которая выделялась при взрыве тысячи тонн тринитротолуола.
Kilotons were for weaponry. Payload. Destructive power.	Килотоннами измеряется мощность ядерного оружия.

She and her father spoke in electron volts and joules-constructive energy output.	Отец и она измеряли энергию в электронвольтах и джоулях, и энергия, которую они создавали, была направлена на созидание.

"That much antimatter could literally liquidate everything in a half mile radius!" Kohler exclaimed.	- Но антивещество такой массы способно уничтожить буквально все в радиусе полумили! -воскликнул Колер.
"Yes, if annihilated all at once," Vittoria shot back, "which nobody would ever do!"	- Да, если произойдет мгновенная аннигиляция, -согласилась Виттория. - Но этого никто не допустит.
"Except someone who didn't know better.	- За исключением тех, у кого есть иные намерения.
Or if your power source failed!" Kohler was already heading for the elevator.	Или в том случае, если ваш источник питания даст сбой, - произнес Колер, направляя колеса своего кресла к лифту.

"Which is why my father kept it in Haz Mat under a fail safe power and a redundant security system."	- Именно поэтому папа держал его в хранилище "Оп-Мат" с надежнейшей системой электропитания и более чем достаточной защитой.
Kohler turned, looking hopeful. "You have additional security on Haz Mat?"	- И вы поставили в "Оп-Мат" дополнительный запор? - с надеждой спросил Колер.
"Yes.	- Да
A second retina scan."	Еще одну систему сканирования сетчатки.
Kohler spoke only two words. "Downstairs.	В ответ директор бросил всего лишь два слова: - Вниз.
Now."	Немедленно!
The freight elevator dropped like a rock.	Грузовой лифт камнем падал в бездну.

Another seventy five feet into the earth.	Еще на семьдесят пять футов ближе к центру Земли.
Vittoria was certain she sensed fear in both men as the elevator fell deeper.	Виттории казалось, что она физически ощущает страх, который испытывали оба мужчины.
Kohler's usually emotionless face was taut.	Лицо Колера, обычно лишенное всяких эмоций, на сей раз искажала гримаса ужаса.
I know, Vittoria thought, the sample is enormous, but the precautions we've taken are-	"Я знаю, - думала Виттория, - что образец очень велик, но те меры предосторожности, которые мы..." Довести мысль до конца девушка не успела.
They reached the bottom.	Лифт замер на дне шахты.

The elevator opened, and Vittoria led the way down the dimly lit corridor. Up ahead the corridor dead ended at a huge steel door. HAZ MAT.	Двери кабины открылись, и Лэнгдон увидел перед собой вырубленный в камне коридор, заканчивающийся тяжелым стальным щитом. "Оп-Мат".
The retina scan device beside the door was identical to the one upstairs.	В стене рядом со стальным щитом, оказавшимся при ближайшем рассмотрении дверью, располагался сканер сетчатки, идентичный тому, который Лэнгдон видел наверху.

She approached. Carefully, she aligned her eye with the lens. She pulled back.	Виттория подошла к сканеру, приблизила глаз к выпуклой линзе, но тут же отпрянула.

Something was wrong.	С прибором что-то случилось.
The usually spotless lens was spattered... smeared with something that looked like... blood?	Всегда безукоризненно чистый окуляр был чем-то забрызган... Мелкие пятна были похожи на... Запекшуюся кровь?
Confused she turned to the two men, but her gaze met waxen faces.	Она в замешательстве повернулась к мужчинам и увидела их восковые лица.
Both Kohler and Langdon were white, their eyes fixed on the floor at her feet.	Колер и Лэнгдон были бледны как смерть, а их взгляды были устремлены вниз, ей под ноги.
Vittoria followed their line of sight... down.	Виттория проследила за ними...

"No!" Langdon yelled, reaching for her.	- Не смотрите! - выкрикнул Лэнгдон и протянул к девушке руки.
But it was too late.	Слишком поздно.
Vittoria's vision locked on the object on the floor.	Она уже увидела валяющийся на полу предмет.
It was both utterly foreign and intimately familiar to her.	Этот предмет был для нее совершенно незнакомым и в то же время очень близким.
It took only an instant. Then, with a reeling horror, she knew.	Уже через миг Виттория с ужасом поняла, что это такое.
Staring up at her from the floor, discarded like a piece of trash, was an eyeball.	На нее с пола таращилось, выброшенное, словно ненужный мусор, глазное яблоко.

She would have recognized that shade of hazel anywhere.	Эту карюю радужную оболочку она узнала бы при любых обстоятельствах.
24	Глава 24
The security technician held his breath as his commander leaned over his shoulder, studying the bank of security monitors before them.	Технический сотрудник службы безопасности старался не дышать, пока начальник, склонившись через его плечо, изучал изображения на мониторах.
A minute passed.	Прошла минута. За ней еще одна.
The commander's silence was to be expected, the technician told himself.	В молчании начальника нет ничего удивительного, думал про себя техник.

The commander was a man of rigid protocol.	Командир всегда строго придерживается инструкции.
He had not risen to command one of the world's most elite security forces by talking first and thinking second.	Он ни за что не смог бы стать руководителем одной из лучших в мире служб безопасности, если бы говорил, предварительно не подумав.
But what is he thinking?	Вот только интересно, о чем он сейчас думает?
The object they were pondering on the monitor was a canister of some sort-a canister with transparent sides.	Объект, который они рассматривали, был каким-то сосудом с прозрачными стенками.
That much was easy.	Определить это не составило никакого труда.
It was the rest that was difficult.	Все остальное оказалось намного сложнее.

Inside the container, as if by some special effect, a small droplet of metallic liquid seemed to be floating in midair.	Внутри сосуда в воздухе парила капелька жидкого металла.
The droplet appeared and disappeared in the robotic red blinking of a digital LED descending resolutely, making the technician's skin crawl.	Капля то возникала, то исчезала в мигающем свете дисплея, ведущего обратный отсчет секунд. При виде этих красных, неумолимо меняющихся цифр технику почему-то стало жутко.
"Can you lighten the contrast?" the commander asked, startling the technician. The technician heeded the instruction, and the image lightened somewhat.	Следуя указанию, молодой человек усилил яркость изображения.

The commander leaned forward, squinting closer at something that had just come visible on the base of the container.	Командир сунул нос в экран, пытаясь рассмотреть нечто такое, что теперь стало видимым.
The technician followed his commander's gaze. Ever so faintly, printed next to the LED was an acronym. Four capital letters gleaming in the intermittent spurts of light.	Техник проследил за взглядом начальника и тоже заметил на основании сосуда, совсем рядом с дисплеем, четыре буквы. Это было какое-то сокращение.
"Stay here," the commander said.	- Оставайтесь здесь, - сказал командир.
"Say nothing.	- И никому ни слова.
I'll handle this."	Я сам займусь этим делом.

25	Глава 25
Haz Mat.	Хранилище "Оп-Мат".
Fifty meters below ground.	Пятьдесят метров от поверхности земли.
Vittoria Vetra stumbled forward, almost falling into the retina scan.	Виттория Ветра пошатнулась и едва не упала на сканер сетчатки.
She sensed the American rushing to help her, holding her, supporting her weight.	Она не увидела, а скорее почувствовала, как американец бросился к ней и подхватил ее обмякшее тело, удержав от падения.
On the floor at her feet, her father's eyeball stared up.	А с пола на нее смотрел глаз отца.

She felt the air crushed from her lungs.	Девушке казалось, что воздух разрывает легкие.
They cut out his eye!	Они вырезали его глаз.
Her world twisted.	Ее мир рухнул.
Kohler pressed close behind, speaking. Langdon guided her.	За спиной что-то говорил Колер, а Лэнгдон куда-то ее вел.
As if in a dream, she found herself gazing into the retina scan.	Вскоре она с удивлением обнаружила, что смотрит в глазок сканера. Все происходящее казалось ей дурным сном.
The mechanism beeped. The door slid open.	Аппарат подал сигнал, и стальная дверь бесшумно скользнула в стену.

Even with the terror of her father's eye boring into her soul, Vittoria sensed an additional horror awaited inside.	Несмотря на весь ужас, который уже испытала Виттория при виде неотрывно смотревшего на нее глаза отца, она знала, что в камере ее ждет нечто еще более страшное.

When she leveled her blurry gaze into the room, she confirmed the next chapter of the nightmare.	Взгляд, брошенный в глубину комнаты, подтвердил, что открывается новая глава этого кошмара.
Before her, the solitary recharging podium was empty.	Одинокое зарядное устройство, на котором раньше покоилась ловушка, опустело.
The canister was gone.	Образец антивещества исчез.
They had cut out her father's eye to steal it.	Они вырезали глаз папы, чтобы украсть его.

The implications came too fast for her to fully comprehend.	Катастрофа разразилась слишком быстро и слишком неожиданно, чтобы оценить ее возможные последствия.
Everything had backfired.	Все пошло совсем не так, как рассчитывали они с отцом.
The specimen that was supposed to prove antimatter was a safe and viable energy source had been stolen.	Образец, призванный доказать, что антивещество совершенно безопасно и что его можно использовать как надежный источник дешевой энергии, исчез.
But nobody knew this specimen even existed!	Но ведь никто даже не знал о его существовании!
The truth, however, was undeniable.	Однако факт исчезновения отрицать было невозможно.

Someone had found out.	Выходит, об их эксперименте кто-то все же знал.
Vittoria could not imagine who.	Но кто? Виттория не имела об этом ни малейшего представления.
Even Kohler, whom they said knew everything at CERN, clearly had no idea about the project.	Даже директор Колер (а он знал обо всем, что творится в ЦЕРНе) был в полном неведении относительно их проекта.
Her father was dead.	Папа погиб.
Murdered for his genius.	Пал жертвой своей гениальности.
As the grief strafed her heart, a new emotion surged into Vittoria's conscious.	Смерть отца повергла девушку в отчаяние, но в ее сердце постепенно начало закрадываться новое чувство.

This one was far worse.	Как ни странно, но оно оказалось даже сильнее естественной печали, вызванной гибелью любимого человека.
Crushing.	Это новое чувство многотонной тяжестью легло на ее плечи и придавило к земле.
Stabbing at her.	Виттории казалось, что в ее сердце всадили кинжал.
The emotion was guilt. Uncontrollable, relentless guilt.	Она испытывала всепоглощающее чувство вины.
Vittoria knew it had been she who convinced her father to create the specimen. Against his better judgment.	Ведь это она убедила отца вопреки его первоначальному желанию создать образец с большой массой.

And he had been killed for it.	И из-за этого образца его убили!

A quarter of a gram...	Четверть грамма...
Like any technology- fire, gunpowder, the combustion engine- in the wrong hands, antimatter could be deadly.	Всякое новое техническое достижение, будь то появление огня, изобретение пороха или двигателя внутреннего сгорания, могло служить как делу добра, так и делу зла. Все зависит от того, в чьи руки оно попадет. Все новые изобретения, оказавшись в плохих руках, могут сеять смерть.
Very deadly. Antimatter was a lethal weapon.	А антивещество способно превратиться в самое смертоносное оружие в человеческом арсенале.

Potent, and unstoppable.	От этого оружия нет защиты.
Once removed from its recharging platform at CERN, the canister would count down inexorably.	Похищенная в ЦЕРНе ловушка начала отсчет времени в тот момент, когда ее сняли с зарядной консоли.
A runaway train.	Перед мысленным взором Виттории возник образ катящегося под гору поезда, у которого отказали тормоза...
And when time ran out...	А когда время истечет...
A blinding light.	Ослепительная вспышка.
The roar of thunder.	Громовой раскат.
Spontaneous incineration.	Многочисленные спонтанные возгорания.

Just the flash... and an empty crater.	Вспышка... и кратер.
A big empty crater.	Пустой, лишенный всякой жизни кратер.
The image of her father's quiet genius being used as a tool of destruction was like poison in her blood.	Мысль о том, что гений ее отца может быть использован как инструмент разрушения, вызывала боль.
Antimatter was the ultimate terrorist weapon.	Антивещество - абсолютное оружие террора.

It had no metallic parts to trip metal detectors, no chemical signature for dogs to trace, no fuse to deactivate if the authorities located the canister.	В похищенной ловушке нет металлических частей, и металлодетектор против нее бессилен. В ней нет химических элементов, запах которых мог бы привлечь внимание разыскных собак. У нее нет запала, который можно было бы обезвредить в том случае, если правоохранительные органы обнаружат ловушку.
The countdown had begun...	Итак, время пошло...
Langdon didn't know what else to do.	Лэнгдон не знал, что еще можно сделать.

He took his handkerchief and lay it on the floor over Leonardo Vetra's eyeball.	Он извлек из кармана носовой платок и прикрыл им валяющееся на полу глазное яблоко Леонардо Ветра.
Vittoria was standing now in the doorway of the empty Haz Mat chamber, her expression wrought with grief and panic.	Виттория стояла у дверей камеры "Оп-Мат" с выражением горя и растерянности на лице.
Langdon moved toward her again, instinctively, but Kohler intervened.	Лэнгдон инстинктивно направился к девушке, но его опередил Колер.

"Mr. Langdon?"	- Мистер Лэнгдон...

Kohler's face was expressionless. He motioned Langdon out of earshot.	- Директор знаком подозвал его к себе.
Langdon reluctantly followed, leaving Vittoria to fend for herself.	Лэнгдон неохотно повиновался, оставив находившуюся на грани паники Витторию в дверях.
"You're the specialist," Kohler said, his whisper intense.	- Вы - эксперт, - прошептал Колер, как только американец подошел к нему достаточно близко.
"I want to know what these Illuminati bastards intend to do with this antimatter."	- Мне необходимо знать, как эти мерзавцы иллюминаты намерены использовать антивещество.

Langdon tried to focus.	Лэнгдон попытался сосредоточиться.
Despite the madness around him, his first reaction was logical.	Несмотря на творившееся вокруг него безумие, он все же старался мыслить логично.
Academic rejection.	Ученый в нем не мог согласиться с допущением Колера.
Kohler was still making assumptions. Impossible assumptions.	Допущением ненаучным и потому совершенно неприемлемым.
"The Illuminati are defunct, Mr. Kohler. I stand by that.	- Братство "Иллюминати" прекратило существование, мистер Колер, и я продолжаю придерживаться этой точки зрения.

This crime could be anything- maybe even another CERN employee who found out about Mr. Vetra's breakthrough and thought the project was too dangerous to continue."	Преступление мог совершить кто угодно. Убить мистера Ветра мог даже сотрудник ЦЕРНа, который, узнав об открытии, счел его слишком опасным для человечества.
Kohler looked stunned.	Слова американца потрясли Колера.
"You think this is a crime of conscience, Mr. Langdon?	- Неужели вы действительно верите в то, что это убийство, если можно так выразиться, -преступление совести?
Absurd.	Полнейший абсурд!

Whoever killed Leonardo wanted one thing-the antimatter specimen.	Тот, кто убил Леонардо, сделал это, чтобы заполучить антивещество.
And no doubt they have plans for it."	И у меня нет сомнений в том, что антиматерия понадобилась преступникам для осуществления каких-то планов.
"You mean terrorism."	- Терроризм?
"Plainly."	- Вне всякого сомнения.
"But the Illuminati were not terrorists."	- Но иллюминаты никогда не были террористами.
"Tell that to Leonardo Vetra."	- Расскажите об этом Леонардо Ветра.

Langdon felt a pang of truth in the statement.	Как ни больно было Лэнгдону это слышать, но Колер был прав.
Leonardo Vetra had indeed been branded with the Illuminati symbol.	Ветра действительно был заклеймен символом братства "Иллюминати".

Where had it come from?	Как вообще могло появиться здесь это священное клеймо?
The sacred brand seemed too difficult a hoax for someone trying to cover his tracks by casting suspicion elsewhere.	Предположение о том, что его специально подделали, чтобы пустить следствие по ложному следу, было совершенно абсурдным и не выдерживало ни малейшей критики.
There had to be another explanation.	Следовало искать иное объяснение.

Again, Langdon forced himself to consider the implausible.	Лэнгдон еще раз обдумал невозможное.
If the Illuminati were still active, and if they stole the antimatter, what would be their intention?	Если иллюминаты до сих пор существуют и если антивещество похищено ими, то что они могут замышлять?
What would be their target?	Что или кто может послужить мишенью для террористического акта?
The answer furnished by his brain was instantaneous.	Мозг ученого выдал ответ мгновенно.
Langdon dismissed it just as fast.	Но сам Лэнгдон так же быстро отмел подобную возможность.

True, the Illuminati had an obvious enemy, but a wide scale terrorist attack against that enemy was inconceivable.	Да, братство "Иллюминати" имело смертельного врага, но сколько-нибудь масштабный террористический акт против него со стороны иллюминатов был невозможен.
It was entirely out of character.	Это было совершенно не в духе братства.
Yes, the Illuminati had killed people, but individuals, carefully conscripted targets.	Да, иллюминаты, случалось, убивали людей. Но их целью становились отдельные личности, и каждый раз жертва тщательно выбиралась.
Mass destruction was somehow heavy handed.	Массовое убийство представлялось им невозможным.
Langdon paused.	Но с другой стороны... Лэнгдон задумался.

Then again, he thought, there would be a rather majestic eloquence to it-antimatter, the ultimate scientific achievement, being used to vaporize-	Но с другой стороны, что может убедительнее доказать величие науки, чем превращение буквально в ничто ее извечного врага с помощью новейшего научного достижения...
He refused to accept the preposterous thought.	Разум Лэнгдона отказывался принять эту нелепую идею.
"There is," he said suddenly, "a logical explanation other than terrorism."	Но тут его осенило. - Помимо терроризма, имеется еще одно логическое объяснение этого поступка... - сказал он.
Kohler stared, obviously waiting.	Колер, ожидая ответа, поднял на него вопросительный взгляд.

Langdon tried to sort out the thought.	Лэнгдон попытался до конца осмыслить пришедшую ему в голову идею.
The Illuminati had always wielded tremendous power through financial means.	Братство "Иллюминати" для достижения своих целей постоянно пользовалось имеющимися в его распоряжении огромными финансовыми средствами.

They controlled banks. They owned gold bullion.	Иллюминаты контролировали банки, хранили несметные сокровища в золотых слитках и драгоценных камнях.

They were even rumored to possess the single most valuable gem on earth- the Illuminati Diamond, a flawless diamond of enormous proportions.	Ходили слухи, что они владеют самым большим алмазом на Земле - так называемым "Ромбом Иллюминати". Камня никто не видел, но считалось, что это безукоризненной чистоты бриллиант гигантских размеров.
"Money," Langdon said.	- Деньги, - сказал Лэнгдон.
"The antimatter could have been stolen for financial gain."	- Антивещество могло быть похищено исключительно из финансовых соображений.

Kohler looked incredulous. "Financial gain?	- Финансовых соображений? - недоуменно переспросил Колер.
Where does one sell a droplet of antimatter?"	- Кому, черт побери, можно с выгодой загнать каплю антивещества?
"Not the specimen," Langdon countered.	- Речь идет не об образце, - пояснил свою мысль Лэнгдон - Похитителей интересует технология.
"The technology. Antimatter technology must be worth a mint.	Технология производства антиматерии может стоить баснословных денег.
Maybe someone stole the specimen to do analysis and R and D."	Может быть, ловушку похитили для того, чтобы провести анализы и наладить опытно-конструкторские работы?

"Industrial espionage?	- Если вы хотите сказать, что мы столкнулись со случаем обычного промышленного шпионажа, то я не могу с вами согласиться.
But that canister has twenty four hours before the batteries die. The researchers would blow themselves up before they learned anything at all."	Аккумуляторы за двадцать четыре часа полностью сядут, и исследователи взлетят на воздух или испарятся, если хотите, прежде чем успеют что-либо выяснить.

"They could recharge it before it explodes. They could build a compatible recharging podium like the ones here at CERN."	- До взрыва они смогут подзарядить ловушку, соорудив устройство наподобие тех, что имеются в ЦЕРНе.
"In twenty four hours?" Kohler challenged.	- За двадцать четыре часа?! - изумился Колер.
"Even if they stole the schematics, a recharger like that would take months to engineer, not hours!"	- На создание такого аппарата им потребовались бы не часы, а месяцы, даже в том случае, если бы они получили в свои руки все рабочие чертежи!

"He's right." Vittoria's voice was frail.	- Директор прав, - едва слышно произнесла Виттория.
Both men turned.	Услышав ее голос, оба мужчины повернулись.
Vittoria was moving toward them, her gait as tremulous as her words.	Девушка шла к ним, и ее походка сказала им даже больше, чем ее слова.
"He's right.	- Он прав.
Nobody could reverse engineer a recharger in time.	Никто не успеет за сутки воссоздать зарядное устройство.

The interface alone would take weeks.	Лишь на компьютерные расчеты у них уйдет не одна неделя.

Flux filters, servo coils, power conditioning alloys, all calibrated to the specific energy grade of the locale."	Параметры фильтров, сервоприводов, составление специальных сплавов, калибровка... За двадцать четыре часа сделать это невозможно.
Langdon frowned. The point was taken.	Лэнгдон нахмурился, поняв, что оба ученых правы.
An antimatter trap was not something one could simply plug into a wall socket.	Ловушка антивещества - вовсе не тот прибор, который можно подзарядить, воткнув вилку в электрическую розетку.

Once removed from CERN, the canister was on a one way, twenty four hour trip to oblivion.	Покинув стены ЦЕРНа, ловушка попала на улицу с односторонним движением. И она будет двигаться по ней, чтобы ровно через двадцать четыре часа превратиться в море огненной энергии.
Which left only one, very disturbing, conclusion.	Из этого можно было сделать единственный и весьма неутешительный вывод.
"We need to call Interpol," Vittoria said. Even to herself, her voice sounded distant.	- Надо позвонить в Интерпол, - сказала Виттория и услышала свои собственные слова как бы издалека.
"We need to call the proper authorities. Immediately."	- Нам следует немедленно поставить в известность власти.

Kohler shook his head. "Absolutely not."	- Ни в коем случае! - решительно качнув головой, бросил Колер.
The words stunned her.	Слова директора озадачили девушку.
"No?	- Нет?
What do you mean?"	Но почему?
"You and your father have put me in a very difficult position here."	- Из-за тебя и твоего отца я оказался в весьма сложном положении.
"Director, we need help.	- Директор, нам требуется помощь.
We need to find that trap and get it back here before someone gets hurt.	Необходимо найти и вернуть на место ловушку, пока никто не пострадал.
We have a responsibility!"	На нас лежит огромная ответственность.

"We have a responsibility to think," Kohler said, his tone hardening.	- Прежде всего нам следует хорошенько подумать, - жестко произнес Колер.
"This situation could have very, very serious repercussions for CERN."	- Все это может иметь весьма и весьма серьезные последствия для ЦЕРНа, ответственность за который целиком лежит на моих плечах.
"You're worried about CERN's reputation?	- Вас тревожит репутация ЦЕРНа?
Do you know what that canister could do to an urban area?	Вы представляете, какой ущерб может причинить антивещество, взорвавшись в густонаселенных городских кварталах?
It has a blast radius of a half mile!	Все будет уничтожено в радиусе примерно половины мили!

Nine city blocks!"	Девять городских кварталов!
"Perhaps you and your father should have considered that before you created the specimen."	- Видимо, тебе и твоему отцу, прежде чем затевать эксперимент с крупным образцом, следовало принять это во внимание.
Vittoria felt like she'd been stabbed.	Виттории показалось, что ее ударили в солнечное сплетение.
"But... we took every precaution."	- Но... но... Но мы приняли все меры предосторожности.
"Apparently, it was not enough."	- Похоже, этого оказалось недостаточно.

"But nobody knew about the antimatter." She realized, of course, it was an absurd argument.	- Но никто не знал о существовании антивещества, - сказала она, тут же поняв, что сморозила глупость.
Of course somebody knew. Someone had found out.	Конечно, кто-то о нем знал, каким-то образом сумел пронюхать.
Vittoria had told no one.	Сама она об эксперименте никому не рассказывала.
That left only two explanations.	Это оставляло лишь две возможности.

Either her father had taken someone into his confidence without telling her, which made no sense because it was her father who had sworn them both to secrecy, or she and her father had been monitored.	Либо отец проговорился об антивеществе, либо за ними велась слежка. Первое вряд ли было возможно, поскольку именно отец заставил ее дать клятву хранить тайну. Оставалось второе.
The cell phone maybe?	Может быть, прослушивались их мобильные телефоны?
She knew they had spoken a few times while Vittoria was traveling.	Находясь в путешествии, она несколько раз беседовала с отцом по сотовому...
Had they said too much?	Неужели они тогда сказали что-то лишнее?
It was possible.	Вполне возможно.

There was also their E mail.	Оставалась еще и электронная почта.
But they had been discreet, hadn't they? CERN's security system?	Но они старались не писать ничего такого, что могло бы раскрыть суть эксперимента.
Had they been monitored somehow without their knowledge?	Может быть, тайное наблюдение за ними организовала служба безопасности ЦЕРНа?
She knew none of that mattered anymore.	Впрочем, это уже не имело никакого значения.
What was done, was done.	Что сделано, то сделано.
My father is dead.	И отец умер.

The thought spurred her to action. She pulled her cell phone from her shorts pocket.	Эта мысль заставила девушку вернуться к активным действиям, и она достала из кармана шортов сотовый телефон.
Kohler accelerated toward her, coughing violently, eyes flashing anger.	Колер, закашлявшись, покатил к ней. Глаза директора пылали гневом.
"Who... are you calling?"	- Кому... кому ты звонишь?
"CERN's switchboard.	- Пока на коммутатор ЦЕРНа.

They can connect us to Interpol."	Они соединят меня с Интерполом.
"Think!" Kohler choked, screeching to a halt in front of her.	- Думай, прежде чем делать!!! - взвизгнул Колер, задыхаясь от приступа кашля.

"Are you really so naive?	- Откуда у тебя такая наивность?
That canister could be anywhere in the world by now.	Ловушка может находиться в любой части земного шара.
No intelligence agency on earth could possibly mobilize to find it in time."	Никакая разведывательная организация в мире не сможет мобилизовать достаточно сил, чтобы вовремя ее обнаружить.
"So we do nothing?"	- И мы, следовательно, не должны ничего предпринимать? - спросила Виттория.

Vittoria felt compunction challenging a man in such frail health, but the director was so far out of line she didn't even know him anymore.	Ей не хотелось возражать человеку со столь хрупким здоровьем, но директор вел себя настолько неадекватно, что она просто перестала его понимать.
"We do what is smart," Kohler said.	- Мы должны предпринять то, что имеет смысл, -ответил Колер.
"We don't risk CERN's reputation by involving authorities who cannot help anyway.	- Мы не можем ставить под удар репутацию ЦЕРНа, привлекая к нему внимание властей, которые ничем не могут помочь.
Not yet.	Время для этого еще не настало.
Not without thinking."	Прежде надо все хорошенько обдумать.

Vittoria knew there was logic somewhere in Kohler's argument, but she also knew that logic, by definition, was bereft of moral responsibility.	Виттория понимала, что в словах директора имеется определенная логика, но она также знала, что в этой логике, по определению, отсутствует малейший намек на моральную ответственность.
Her father had lived for moral responsibility-careful science, accountability, faith in man's inherent goodness.	Ее отец всегда жил с чувством моральной ответственности. Он стремился к безопасности науки, ее открытости и свято верил в добрые намерения других людей.
Vittoria believed in those things too, but she saw them in terms of karma.	Виттория разделяла убеждения отца, но судила о людях с точки зрения учения о карме.

Turning away from Kohler, she snapped open her phone.	Отвернувшись от Колера, она открыла свой телефон.
"You can't do that," he said.	- Тебе не удастся это сделать, - спокойно констатировал директор.
"Just try and stop me."	- Попробуйте мне помешать.
Kohler did not move.	Колер продолжал неподвижно сидеть в своем инвалидном кресле.
An instant later, Vittoria realized why.	Лишь через несколько секунд Виттория поняла, чем объясняется невозмутимость директора.

This far underground, her cell phone had no dial tone.	Из глубокого подземелья звонить по сотовому телефону было невозможно.

Fuming, she headed for the elevator.	Девушка залилась краской и, задыхаясь от негодования, направилась к лифту.
26	Глава 26
The Hassassin stood at the end of the stone tunnel.	Ассасин стоял в конце каменного тоннеля.
His torch still burned bright, the smoke mixing with the smell of moss and stale air.	В его руке все еще ярко пылал факел, и запах дыма смешивался с запахами плесени и застоялого воздуха.
Silence surrounded him.	Вокруг него царила полная тишина.

The iron door blocking his way looked as old as the tunnel itself, rusted but still holding strong.	Находившаяся на его пути железная дверь казалась такой же древней, как и сам тоннель. Ржавая, но по-прежнему крепкая.
He waited in the darkness, trusting.	Ассасин ждал, зная, что его не обманут.
It was almost time.	Назначенное время неумолимо приближалось.
Janus had promised someone on the inside would open the door.	Янус обещал, что некто, находящийся внутри, откроет ему дверь.
The Hassassin marveled at the betrayal.	Ассасина восхищало это предательство.

He would have waited all night at that door to carry out his task, but he sensed it would not be necessary.	Для того чтобы выполнить свою задачу, убийца готов был ждать хоть до утра, но чувствовал, что этого не потребуется.
He was working for determined men.	Он работал на людей решительных и с железными нервами.
Minutes later, exactly at the appointed hour, there was a loud clank of heavy keys on the other side of the door.	Через несколько минут, в точно оговоренное время, за дверями послышался звон тяжелых ключей.
Metal scraped on metal as multiple locks disengaged.	Старинные замки открывались с металлическим скрежетом.
One by one, three huge deadbolts ground open.	Три огромные щеколды одна за другой со скрипом отодвинулись в сторону.

The locks creaked as if they had not been used in centuries.	Создавалось впечатление, что до замков не дотрагивались уже несколько столетий.
Finally all three were open. Then there was silence.	После этого наступила тишина.
The Hassassin waited patiently, five minutes, exactly as he had been told. Then, with electricity in his blood, he pushed. The great door swung open.	Ассасин, как ему было сказано, выждал пять минут, а затем, ощущая наэлектризованность во всем теле, распахнул огромную дверь.
27	Глава 27
"Vittoria, I will not allow it!"	- Виттория, я запрещаю тебе! - задыхаясь, произнес Колер.

Kohler's breath was labored and getting worse as the Haz Mat elevator ascended.	По мере того как лифт поднимался, состояние директора становилось все хуже.
Vittoria blocked him out.	Виттория заставила себя не думать о нем.
She craved sanctuary, something familiar in this place that no longer felt like home. She knew it was not to be.	Девушка искала убежища, искала чего-то родного в этом месте, которое, она знала, уже никогда не будет для нее домом.

Right now, she had to swallow the pain and act.	Она понимала, что не имеет права возводить барьер между собой и действительностью. Сейчас она должна сделать все, чтобы подавить свою боль и начать действовать.
Get to a phone.	Звонить по телефону.
Robert Langdon was beside her, silent as usual.	Роберт Лэнгдон стоял рядом с ней и, как обычно, молчал.
Vittoria had given up wondering who the man was.	Виттории надоело гадать о том, кто такой этот человек.
A specialist?	Крупный специалист из Соединенных Штатов.
Could Kohler be any less specific?	Она запомнила слова Колера:

Mr. Langdon can help us find your father's killer.	"Мистер Лэнгдон поможет нам найти убийц твоего отца".
Langdon was being no help at all.	Пока Лэнгдон ничем им не помог.
His warmth and kindness seemed genuine, but he was clearly hiding something.	Этот специалист из США, без сомнения, человек добрый и заботливый, но в то же время он что-то скрывает.
They both were.	Они оба что-то от нее скрывают.
Kohler was at her again.	Виттория сняла ментальную блокировку и снова услышала слова Колера:
"As director of CERN, I have a responsibility to the future of science.	- На мне как на директоре ЦЕРНа лежит ответственность за будущее науки.

If you amplify this into an international incident and CERN suffers-"	Если это событие твоими стараниями разрастется в международный скандал и ЦЕРН понесет урон...
"Future of science?" Vittoria turned on him.	- Будущее науки? - прервала речь директора Виттория.
"Do you really plan to escape accountability by never admitting this antimatter came from CERN?	- Неужели вы и вправду надеетесь избежать ответственности, отказавшись признать, что антивещество родилось в ЦЕРНе?
Do you plan to ignore the people's lives we've put in danger?"	Неужели вам безразлична судьба людей, жизнь которых мы поставили под угрозу?!
"Not we," Kohler countered. "You.	- Не мы... - в свою очередь, оборвал ее Колер, - ...а вы.

You and your father."	Ты и твой отец.
Vittoria looked away.	Виттория отвернулась, не зная, что на это ответить.
"And as far as endangering lives," Kohler said, "life is exactly what this is about.	- Что же касается твоих слов о жизни людей, то я тебе вот что скажу, - продолжал Колер. - Я как раз и забочусь об их жизни.
You know antimatter technology has enormous implications for life on this planet.	Тебе лучше, чем кому-либо, известно, что производство антивещества может радикально изменить жизнь на нашей планете.

If CERN goes bankrupt, destroyed by scandal, everybody loses.	Если ЦЕРН рухнет, раздавленный этим скандалом, пострадают все.

Man's future is in the hands of places like CERN, scientists like you and your father, working to solve tomorrow's problems."	Будущее человечества находится в руках учреждений, подобных ЦЕРНу, ученых вроде тебя и твоего отца. В руках всех тех, кто посвятил свою жизнь решению проблем будущего.
Vittoria had heard Kohler's Science as God lecture before, and she never bought it.	Виттории и раньше доводилось слышать лекции Колера, в которых тот обожествлял науку.
Science itself caused half the problems it was trying to solve.	Однако она никогда не соглашалась с их главным тезисом, полагая, что наука сама породила половину тех проблем, которые ей приходится решать.

"Progress" was Mother Earth's ultimate malignancy.	"Прогресс", по ее мнению, был той раковой опухолью, ко- торая угрожала самому существованию матери Земли.
"Scientific advancement carries risk," Kohler argued.	- Каждое научное от- крытие таит в себе определенный риск, - не умолкал Колер.
"It always has.	- Так было всегда, так будет и впредь.
Space programs, genetic research, medicine-they all make mistakes.	Исследование космоса, генетика, медицина... Во всех областях зна- ний ученые совершали ошибки.
Science needs to survive its own blunders, at any cost.	Наука должна уметь любой ценой справ- ляться с постигшими ее неудачами.

For everyone's sake."	Во имя всеобщего блага.
Vittoria was amazed at Kohler's ability to weigh moral issues with scientific detachment.	Витторию всегда поражала способность Колера жертвовать этическими принципами ради успехов науки.
His intellect seemed to be the product of an icy divorce from his inner spirit.	Создавалось впечатление, что его интеллект и душа отделены друг от друга бескрайним ледяным простором...
"You think CERN is so critical to the earth's future that we should be immune from moral responsibility?"	- Если верить вашим словам, то ЦЕРН настолько необходим человечеству, что никогда и ни при каких обстоятельствах не должен нести моральной ответственности за свои ошибки.

"Do not argue morals with me.	- Я бы на твоем месте прикусил язык. Не надо толковать мне о морали.
You crossed a line when you made that specimen, and you have put this entire facility at risk.	У тебя на это нет морального права. Разве не ты с отцом нарушила все этические нормы, создав этот образец и тем самым поставив под угрозу существование ЦЕРНа?
I'm trying to protect not only the jobs of the three thousand scientists who work here, but also your father's reputation.	Я же пытаюсь спасти не только место работы трех тысяч ученых, включая тебя, но и репутацию твоего отца.
Think about him.	Подумай о нем.

A man like your father does not deserve to be remembered as the creator of a weapon of mass destruction."	Человек, подобный твоему отцу, не заслуживает того, чтобы его запомнили только как создателя оружия массового уничтожения.

Vittoria felt his spear hit home.	Последние слова достигли цели.
I am the one who convinced my father to create that specimen.	"Это я убедила папу получить образец, - подумала она.
This is my fault!	- И только я во всем виновата".
When the door opened, Kohler was still talking.	Когда дверь лифта открылась, Колер все еще продолжал говорить.

Vittoria stepped out of the elevator, pulled out her phone, and tried again.	Виттория вышла из кабины, достала телефон и попыталась позвонить.
Still no dial tone.	Аппарат молчал.
Damn! She headed for the door.	Она направилась к дверям.
"Vittoria, stop."	- Виттория, стой!
The director sounded asthmatic now, as he accelerated after her.	- Астматик едва успевал за девушкой.
"Slow down.	- Подожди.
We need to talk."	Нам надо поговорить.
"Basta di parlare!"	- Basta di parlare!

"Think of your father," Kohler urged.	- Вспомни об отце!
"What would he do?"	Что бы он сделал на твоем месте?
She kept going.	Она продолжала идти, не замедляя шага.
"Vittoria, I haven't been totally honest with you."	- Виттория, я был не до конца искренен с тобой.
Vittoria felt her legs slow.	Ее ноги самопроизвольно замедлили движение.
"I don't know what I was thinking," Kohler said.	- Не знаю, почему я так поступил, - продолжал, задыхаясь, директор.
"I was just trying to protect you.	- Видимо, чтобы не травмировать тебя еще сильнее.

Just tell me what you want. We need to work together here."	Скажи мне, чего ты хочешь, и мы будем работать вместе.
Vittoria came to a full stop halfway across the lab, but she did not turn.	Виттория остановилась в центре лаборатории и, не поворачивая головы, бросила:
"I want to find the antimatter.	- Я хочу вернуть антивещество.
And I want to know who killed my father." She waited.	И хочу узнать, кто убил папу.
Kohler sighed. "Vittoria, we already know who killed your father.	- Прости, Виттория, - вздохнул Колер, - нам уже известно, кто убил твоего отца.
I'm sorry."	- Что?

Now Vittoria turned. "You what?"	Что? - спросила она, повернувшись к нему лицом.
"I didn't know how to tell you.	- Я не знал, как тебе это сказать...
It's a difficult-"	Это так трудно...
"You know who killed my father?"	- Вы знаете, кто убил папу?

"We have a very good idea, yes.	- Да, у нас имеются достаточно обоснованные предположения на сей счет.
The killer left somewhat of a calling card.	Убийца оставил своего рода визитную карточку.
That's the reason I called Mr. Langdon.	Именно поэтому я и пригласил мистера Лэнгдона.

The group claiming responsibility is his specialty."	Он специализируется на организации, которая взяла на себя ответственность за это преступление.
"The group?	- Организация?
A terrorist group?"	Группа террористов?
"Vittoria, they stole a quarter gram of antimatter."	- Виттория, они похитили четверть грамма антивещества.
Vittoria looked at Robert Langdon standing there across the room. Everything began falling into place.	Виттория посмотрела на стоящего в дверях Лэнгдона, и все встало на свои места.
That explains some of the secrecy.	Это частично объясняло повышенную секретность.

She was amazed it hadn't occurred to her earlier.	Удивительно, что она не сообразила этого раньше!
Kohler had called the authorities after all.	Колер все-таки обратился к властям.
The authorities.	И при этом к наиболее компетентным из них.
Now it seemed obvious.	Теперь это стало для нее совершенно очевидным.
Robert Langdon was American, clean cut, conservative, obviously very sharp.	Роберт Лэнгдон был типичным американцем -подтянутым, судя по одежде, консервативным во вкусах и привычках и, без сомнения, обладавшим острым умом.
Who else could it be?	Конечно, он работает в спецслужбах. Где же еще?

Vittoria should have guessed from the start.	Об этом следовало бы догадаться с самого начала.
She felt a newfound hope as she turned to him.	У Виттории снова появилась надежда, и, обратившись к секретному агенту, девушка сказала:
"Mr. Langdon, I want to know who killed my father.	- Мистер Лэнгдон, я хочу знать, кто убил моего отца.
And I want to know if your agency can find the antimatter."	Кроме того, мне хотелось бы услышать, как ваше агентство намерено найти антивещество.
Langdon looked flustered. "My agency?"	- Мое агентство? - несколько растерянно переспросил американец.
"You're with U.S. Intelligence, I assume."	- Ведь вы же, как я полагаю, служите в разведке Соединенных Штатов?

"Actually... no."	- Вообще-то... не совсем...
Kohler intervened. "Mr. Langdon is a professor of art history at Harvard University."	- Мистер Лэнгдон, - вмешался Колер, - преподает историю искусств в Гарвардском университете.
Vittoria felt like she had been doused with ice water.	Виттории показалось, что на нее вылили ведро ледяной воды.

"An art teacher?"	- Так, значит, вы преподаватель изящных искусств?
"He is a specialist in cult symbology." Kohler sighed.	- Он специалист в области религиозной символики, - со вздохом произнес Колер.

"Vittoria, we believe your father was killed by a satanic cult."	- Мы полагаем, что твой отец, Виттория, был убит адептами сатанинского культа.
Vittoria heard the words in her mind, but she was unable to process them.	Виттория услышала эти слова, но воспринять их умом она не смогла.
A satanic cult.	Что еще за "сатанинский культ"?!
"The group claiming responsibility calls themselves the Illuminati."	- Г руппа лиц, принявших на себя ответственность за убийство твоего отца, именует себя иллюминатами.
Vittoria looked at Kohler and then at Langdon, wondering if this was some kind of perverse joke.	Виттория посмотрела на Колера, затем перевела взгляд на Лэнгдона. Ей казалось, что слова директора - какая-то извращенная шутка.

"The Illuminati?" she demanded.	- Иллюминаты? - не веря своим ушам, спросила она.
"As in the Bavarian Illuminati?"	- Совсем как в "Баварских иллюминатах"?!
Kohler looked stunned. "You've heard of them?"	- Так ты знаешь о них? - спросил потрясенный ее словами Колер.
Vittoria felt the tears of frustration welling right below the surface.	Виттория почувствовала, что из ее глаз вот-вот хлынут слезы отчаяния.
"Bavarian Illuminati: New World Order. Steve Jackson computer games.	- "Баварские иллюминаты и Новый мировой порядок", - произнесла она упавшим голосом и пояснила: - Компьютерная игра, придуманная Стивом Джексоном.

Half the techies here play it on the Internet."	Половина наших технарей играют в нее по Интернету.
Her voice cracked.	- Голос ее снова дрогнул.
"But I don't understand..."	- Но я не понимаю...
Kohler shot Langdon a confused look.	Колер бросил на Лэнгдона растерянный взгляд.
Langdon nodded. "Popular game.	- Весьма популярная забава, - кивая, сказал тот.
Ancient brotherhood takes over the world.	- Древнее сообщество пытается покорить мир.
Semihistorical. I didn't know it was in Europe too."	Я не знал, что эта имеющая некоторое отношение к реальной истории игра уже добралась до Европы.

Vittoria was bewildered.	Виттория не могла поверить своим ушам.
"What are you talking about?	- О чем вы говорите?
The Illuminati?	Какие иллюминаты?
It's a computer game!"	Ведь это же всего-навсего компьютерная игра! -повторила девушка.

"Vittoria," Kohler said, "the Illuminati is the group claiming responsibility for your father's death."	- Виттория, - сказал Колер, - сообщество, именующее себя "Иллюминати", взяло на себя ответственность за убийство твоего отца.
Vittoria mustered every bit of courage she could find to fight the tears.	Виттории потребовались все ее мужество и воля, чтобы не дать слезам вырваться наружу.

She forced herself to hold on and assess the situation logically.	Она взяла себя в руки и попыталась мыслить логично, чтобы лучше оценить ситуацию.
But the harder she focused, the less she understood.	Но чем больше Виттория думала, тем меньше понимала.
Her father had been murdered. CERN had suffered a major breach of security.	Ее отца убили. Существование ЦЕРНа поставлено под угрозу.
There was a bomb counting down somewhere that she was responsible for.	Секундомер мощнейшей бомбы замедленного действия уже ведет обратный отсчет. И вся ответственность за создание этой неизвестно где находящейся бомбы лежит на ней.

And the director had nominated an art teacher to help them find a mythical fraternity of Satanists.	А директор приглашает специалиста по изящным искусствам, чтобы разыскать с его помощью каких-то мифических сатанистов.
Vittoria felt suddenly all alone.	Виттория вдруг ощутила себя страшно одинокой.
She turned to go, but Kohler cut her off.	Она повернулась, чтобы уйти, но на ее пути оказалось инвалидное кресло с сидевшим в нем Колером.
He reached for something in his pocket. He produced a crumpled piece of fax paper and handed it to her.	Директор полез в карман, извлек из него смятый листок бумаги и протянул его Виттории.

Vittoria swayed in horror as her eyes hit the image.	При взгляде на него девушку охватил ужас.
"They branded him," Kohler said.	- Они заклеймили его, - прошептал Колер.
"They branded his goddamn chest."	- Они выжгли клеймо на груди твоего отца.
28	Глава 28
Secretary Sylvie Baudeloque was now in a panic. She paced outside the director's empty office.	Секретарь Колера Сильвия Боделок, пребывая в полнейшей панике, мерила шагами приемную перед пустым кабинетом шефа.
Where the hell is he?	Куда, к дьяволу, он подевался?
What do I do?	И что, спрашивается, ей делать?!

It had been a bizarre day.	День выдался на удивление нелепым и суматошным.
Of course, any day working for Maximilian Kohler had the potential to be strange, but Kohler had been in rare form today.	Впрочем, давно работая с Максимилианом Колером, Сильвия знала, что каждый новый день может стать странным и полным неожиданностей. Однако сегодня директор превзошел самого себя.
"Find me Leonardo Vetra!" he had demanded when Sylvie arrived this morning.	- Отыщите для меня Леонардо Ветра! -потребовал Колер утром, как только она появилась на работе.

Dutifully, Sylvie paged, phoned, and E mailed Leonardo Vetra.	Повинуясь приказу, Сильвия звонила по телефону, слала сообщения на пейджер и даже отправила письмо по электронной почте.
Nothing.	Бесполезно.
So Kohler had left in a huff, apparently to go find Vetra himself.	Поэтому Колер покинул кабинет и, видимо, лично отправился на поиски неуловимого физика.
When he rolled back in a few hours later, Kohler looked decidedly not well... not that he ever actually looked well, but he looked worse than usual.	Когда директор вернулся-а это произошло через несколько часов, - он выглядел довольно скверно. Вообще-то Колер никогда хорошо не выглядел, но на сей раз он был совсем плох.

He locked himself in his office, and she could hear him on his modem, his phone, faxing, talking.	Директор уединился в своем кабинете, и она слышала, как он включал модем, факс и говорил по телефону.
Then Kohler rolled out again. He hadn't been back since.	Затем босс снова укатил куда-то и с тех пор не появлялся.

Sylvie had decided to ignore the antics as yet another Kohlerian melodrama, but she began to get concerned when Kohler failed to return at the proper time for his daily injections; the director's physical condition required regular treatment, and when he decided to push his luck, the results were never pretty-respiratory shock, coughing fits, and a mad dash by the infirmary personnel.	Поначалу Сильвия решила не обращать внимания на выкрутасы шефа, посчитав их очередным спектаклем, но когда Колер не появился, чтобы сделать ежедневную инъекцию, она начала беспокоиться по-настоящему. Физическое состояние директора требовало постоянного внимания, а когда он решал испытать судьбу, все заканчивалось спазмами дыхательных путей, приступами кашля и безумной суетой медицинского персонала.

Sometimes Sylvie thought Maximilian Kohler had a death wish. She considered paging him to remind him, but she'd learned charity was something Kohlers's pride despised.	Она хотела послать ему напоминание на пейджер, но, вспомнив, что самолюбие босса не выносит никаких проявлений милосердия, отказалась от этой идеи.
Last week, he had become so enraged with a visiting scientist who had shown him undue pity that Kohler clambered to his feet and threw a clipboard at the man's head.	Когда на прошлой неделе какой-то ученый из числа гостей ЦЕРНа выразил директору неуместное сочувствие, тот поднялся на ноги и запустил в беднягу тяжелым пюпитром для блокнота.
King Kohler could be surprisingly agile when he was piss?.	"Кайзер" Колер становился необычайно оживленным, когда был pisse .

At the moment, however, Sylvie's concern for the director's health was taking a back burner... replaced by a much more pressing dilemma.	Однако состояние здоровья директора отошло на второй план, так как перед Сильвией неожиданно возникла новая требующая немедленного решения проблема.
The CERN switchboard had phoned five minutes ago in a frenzy to say they had an urgent call for the director.	Пять минут назад ей позвонили с телефонного коммутатора ЦЕРНа и, заикаясь от волнения, сообщили, что ее босса срочно просят к телефону.
"He's not available," Sylvie had said.	- В данный момент его нет на месте, - ответила Сильвия.
Then the CERN operator told her who was calling.	После этого телефонистка сообщила ей, кто звонит.

Sylvie half laughed aloud. "You're kidding, right?" She listened, and her face clouded with disbelief.	- Вы, наверное, издеваетесь? - громко расхохоталась Сильвия, однако, услышав ответ, сразу стала серьезной, хотя на ее лице осталось выражение некоторого недоверия.
"And your caller ID confirms-" Sylvie was frowning.	- Вы получили подтверждение, что это именно тот человек?
"I see.	Понятно.
Okay.	О'кей.
Can you ask what the-" She sighed.	Не могли бы спросить, в чем...
"No. That's fine.	Впрочем, не надо, - тут же добавила она со вздохом.
Tell him to hold.	- Лучше попросите его подождать у телефона.

I'll locate the director right away.	Постараюсь немедленно найти директора.
Yes, I understand.	Да, понимаю.
I'll hurry."	Буду действовать как можно оперативнее.
But Sylvie had not been able to find the director.	Но Сильвия не смогла напасть на след директора.
She had called his cell line three times and each time gotten the same message:	Она трижды вызывала его по сотовому телефону, но каждый раз слышала один и тот же ответ:
"The mobile customer you are trying to reach is out of range."	"Абонент, с которым вы пытаетесь связаться, находится вне зоны досягаемости".
Out of range?	Вне зоны досягаемости?
How far could he go?	Как далеко он мог укатить?

So Sylvie had dialed Kohler's beeper. Twice.	Сильвия дважды обращалась к пейджеру.
No response.	Безрезультатно.
Most unlike him.	Совсем на него не похоже.
She'd even E mailed his mobile computer. Nothing.	Она даже послала на его мобильный компьютер сообщение по электронной почте, но никакой реакции не последовало.
It was like the man had disappeared off the face of the earth.	Создавалось впечатление, что этот человек вообще исчез с лица земли.
So what do I do? she now wondered.	"Итак, что же мне теперь делать?" - спрашивала она себя.

Short of searching CERN's entire complex herself, Sylvie knew there was only one other way to get the director's attention.	В распоряжении Сильвии оставался еще один способ привлечь внимание директора, а если и он не сработает, то придется, видимо, обыскивать весь комплекс зданий ЦЕРНа.
He would not be pleased, but the man on the phone was not someone the director should keep waiting.	Наверное, ее действия не понравятся директору, но человека на линии нельзя заставлять ждать.
Nor did it sound like the caller was in any mood to be told the director was unavailable.	Кроме того, у нее сложилось впечатление, что звонивший был вовсе не в том настроении, чтобы выслушивать сообщения о пропаже главы ЦЕРНа.

Startled with her own boldness, Sylvie made her decision.	Наконец секретарша приняла решение.
She walked into Kohler's office and went to the metal box on his wall behind his desk.	Подивившись собственной смелости, она открыла дверь в кабинет Колера, подошла к металлической коробке, укрепленной на стене за его письменным столом, и подняла крышку.
She opened the cover, stared at the controls, and found the correct button. Then she took a deep breath and grabbed the microphone.	Внимательно изучив содержимое коробки, Сильвия выбрала нужную кнопку, глубоко вздохнула и взяла в руки микрофон.
29	Глава 29

Vittoria did not remember how they had gotten to the main elevator, but they were there.	Виттория не помнила, как они подошли к главному лифту.
Ascending.	Как бы то ни было, но лифт уже поднимал их наверх.
Kohler was behind her, his breathing labored now.	За спиной она слышала тяжелое, прерывистое дыхание Колера.
Langdon's concerned gaze passed through her like a ghost.	Девушка поймала на себе сочувственный взгляд Лэнгдона.
He had taken the fax from her hand and slipped it in his jacket pocket away from her sight, but the image was still burned into her memory.	За пару минут до этого он взял у нее листок, сложил его и сунул в карман пиджака. Несмотря на это, образ мертвого отца огнем жег ее сердце.

As the elevator climbed, Vittoria's world swirled into darkness.	Мир вокруг Виттории вращался в каком-то черном водовороте.
Papa!	Папа!
In her mind she reached for him.	Усилием воли она заставила себя увидеть его живым и здоровым.
For just a moment, in the oasis of her memory, Vittoria was with him.	Через какую-то долю секунды она оказалась вместе с ним в оазисе своей памяти.
She was nine years old, rolling down hills of edelweiss flowers, the Swiss sky spinning overhead.	Она видела себя девятилетней девочкой. Эта девочка скатывалась по поросшему эдельвейсами склону холма, и голубое швейцарское небо вращалось у нее над головой.

Papa! Papa!	Папа!Папа!
Leonardo Vetra was laughing beside her, beaming.	Лучащийся счастьем Леонардо Ветра был, как всегда, рядом.
"What is it, angel?"	- Что, мой ангел? - с улыбкой спросил он.
"Papa!" she giggled, nuzzling close to him.	- Папа! - хихикнула девочка, уткнувшись в отца носом.
"Ask me what's the matter!"	- Спроси меня, что такое материя?
"But you look happy, sweetie.	- Но тебе и без этого хорошо, дорогая.
Why would I ask you what's the matter?"	Зачем мне спрашивать у тебя о какой-то материи?
"Just ask me."	- Ну спроси, пожалуйста.

He shrugged. "What's the matter?"	- Что такое материя? - спросил отец, пожимая плечами.
She immediately started laughing.	Услышав вопрос, она звонко расхохоталась.
"What's the matter? Everything is the matter!	- Все на свете! Вот что такое материя!
Rocks!	Скалы!
Trees!	Деревья!
Atoms!	Атомы!
Even anteaters!	Даже муравьеды!
Everything is the matter!"	Все, что есть на свете, - материя!
He laughed. "Did you make that up?"	- Ты сама это придумала? - рассмеялся он.

"Pretty smart, huh?"	- А что, разве не правда?
"My little Einstein."	- Мой маленький Эйнштейн.
She frowned. "He has stupid hair.	- У него глупая прическа, - очень серьезно произнесла девочка.
I saw his picture."	- Я видела на картинке.
"He's got a smart head, though.	- Зато голова умная.
I told you what he proved, right?"	Я, кажется, рассказывал тебе, что ему удалось доказать?
Her eyes widened with dread. "Dad! No!	- Нет, пап, нет! - Ее глаза округлились от священного трепета, который она в тот момент испытывала.
You promised!"	- Ты только обещал!

"E=MC2!" He tickled her playfully.	- Эйнштейн доказал, что энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света, - сказал Леонардо и, пощекотав дочку, произнес:
"E=MC2!"	- E = mC2.
"No math!	- Только без математики!
I told you! I hate it!"	Я же говорила тебе, что ненавижу ее!
"I'm glad you hate it.	- Я страшно рад, что ты ее так ненавидишь.
Because girls aren't even allowed to do math."	Дело в том, что девочкам запрещено заниматься математикой.
Vittoria stopped short. "They aren't?"	- Запрещено?! - замерла Виттория.
"Of course not.	- Ну конечно.

Everyone knows that.	Все об этом знают.
Girls play with dollies. Boys do math.	Девочкам положено играть в куклы, а математикой разрешено заниматься только мальчикам.
No math for girls.	Никакой математики для девчонок!

I'm not even permitted to talk to little girls about math."	Я даже не имею права разговаривать с маленькими девочками о математике.
"What!	- Что?!
But that's not fair!"	Но это же несправедливо!
"Rules are rules.	- Порядок есть порядок.
Absolutely no math for little girls."	Математика не для девочек!

Vittoria looked horrified. "But dolls are boring!"	- Но куклы - это же такая скука! - с ужасом прошептала Виттория.
"I'm sorry," her father said. "I could tell you about math, but if I got caught..." He looked nervously around the deserted hills.	- Очень жаль, но ничего не поделаешь, - сказал отец и после паузы добавил: - Я, конечно, мог бы рассказать тебе кое-что о математике, но если меня схватят...
Vittoria followed his gaze.	- Леонардо испуганно огляделся по сторонам.
"Okay," she whispered, "just tell me quietly."	Проследив за его взглядом, Виттория прошептала: - Ты будешь рассказывать мне о математике совсем потихоньку.
The motion of the elevator startled her.	Движение лифта вернуло ее к действительности.

Vittoria opened her eyes.	Виттория открыла глаза.
He was gone.	Отец ушел.
Reality rushed in, wrapping a frosty grip around her.	Реальный мир снова схватил ее за горло ледяной рукой.
She looked to Langdon.	Девушка посмотрела на Лэнгдона.
The earnest concern in his gaze felt like the warmth of a guardian angel, especially in the aura of Kohler's chill.	Взгляд американца излучал тепло и неподдельное сочувствие, что делало его похожим на ангела-хранителя.
A single sentient thought began pounding at Vittoria with unrelenting force.	Его присутствие согревало, в отличие от того поистине арктического холода, которое исходило от Колера.

Where is the antimatter?	В голове у Виттории бился всего один вопрос: где антивещество!
The horrifying answer was only a moment away.	Она не знала, что от страшного ответа ее отделяет всего лишь несколько секунд.
30	Глава 30
"Maximilian Kohler. Kindly call your office immediately."	- Максимилиан Колер, вас убедительно просят немедленно позвонить в свой кабинет.
Blazing sunbeams flooded Langdon's eyes as the elevator doors opened into the main atrium.	Когда двери кабины лифта открылись, в глаза Лэнгдона брызнули яркие солнечные лучи. Лифт доставил их в атрий главного здания.

Before the echo of the announcement on the intercom overhead faded, every electronic device on Kohler's wheelchair started beeping and buzzing simultaneously.	Еще не успело смолкнуть эхо объявления по внутренней связи, как все электронные приборы, вмонтированные в кресло Колера, дружно запищали, зазвенели и зачирикали.
His pager.	Пейджер.

His phone.	Телефон.
His E mail.	Электронная почта.
Kohler glanced down at the blinking lights in apparent bewilderment.	Колер опустил изумленный взгляд на россыпь мигающих огоньков на пульте управления кресла.

The director had resurfaced, and he was back in range.	Поднявшись на поверхность, он снова оказался в зоне действия всех приборов связи.
"Director Kohler. Please call your office."	- Директор Колер, немедленно позвоните в свой кабинет!
The sound of his name on the PA seemed to startle Kohler.	Его собственное имя, произнесенное по системе общей связи, звучало для уха директора крайне непривычно.
He glanced up, looking angered and then almost immediately concerned.	Он злобно осмотрелся по сторонам, но уже через мгновение выражение ярости сменилось озабоченностью.
Langdon's eyes met his, and Vittoria's too.	Лэнгдон, Колер и Виттория встретились взглядами и замерли.

The three of them were motionless a moment, as if all the tension between them had been erased and replaced by a single, unifying foreboding.	Им показалось, что все противоречия разом исчезли, а на смену им явилось объединяющее их предчувствие неизбежной катастрофы.
Kohler took his cell phone from the armrest. He dialed an extension and fought off another coughing fit.	Колер снял с подлокотника кресла телефонную трубку и, борясь с очередным приступом кашля, набрал номер.
Vittoria and Langdon waited.	Виттория и Лэнгдон ждали, что произойдет дальше.
"This is... Director Kohler," he said, wheezing.	- Говорит... директор Колер, - задыхаясь, прошептал он.

"Yes?	- Да?
I was subterranean, out of range."	Я находился под землей, вне зоны действия приборов связи.
He listened, his gray eyes widening.	Директор слушал собеседника, и его глаза все больше и больше округлялись от изумления.
"Who?	- Кто?!
Yes, patch it through." There was a pause. "Hello?	Да, немедленно соедините его со мной, -распорядился он и после недолгой паузы продолжил: - Алло?
This is Maximilian Kohler.	Да, это Максимилиан Колер.
I am the director of CERN.	Да, я - директор ЦЕРНа.
With whom am I speaking?"	С кем имею честь говорить?

Vittoria and Langdon watched in silence as Kohler listened.	Директор слушал, а Лэнгдон и Виттория молча смотрели на него, томясь в неведении.
"It would be unwise," Kohler finally said, "to speak of this by phone.	- Полагаю, что неразумно обсуждать этот вопрос по телефону, - наконец произнес Колер.
I will be there immediately."	- Я прибуду к вам незамедлительно...

He was coughing again.	- Он снова закашлялся.
"Meet me... at Leonardo da Vinci Airport. Forty minutes."	- Встречайте меня... в аэропорту Леонардо да Винчи через... сорок минут.

Kohler's breath seemed to be failing him now.	Лэнгдону показалось, что директор совсем перестал дышать.
He descended into a fit of coughing and barely managed to choke out the words,	Зайдясь в приступе кашля, он, задыхаясь и заливаясь слезами, выдавил:
"Locate the canister immediately... I am coming."	- Немедленно найдите сосуд... я лечу к вам.
Then he clicked off his phone.	С этими словами он выронил трубку.
Vittoria ran to Kohler's side, but Kohler could no longer speak.	Девушка подбежала к Колеру, но тот уже не мог говорить.

Langdon watched as Vittoria pulled out her cell phone and paged CERN's infirmary.	Лэнгдон наблюдал за тем, как Виттория, достав свой мобильный телефон, звонила в медицинскую службу ЦЕРНа.
Langdon felt like a ship on the periphery of a storm... tossed but detached.	Лэнгдон ощущал себя кораблем, находящимся на периферии урагана. Корабль качало, но настоящий шквал еще не налетел.
Meet me at Leonardo da Vinci Airport. Kohler's words echoed.	"Встречайте меня в аэропорту Леонардо да Винчи", - неумолчным эхом звучали в его ушах слова Колера.

The uncertain shadows that had fogged Langdon's mind all morning, in a single instant, solidified into a vivid image.	Бесформенные тени, все утро витавшие в голове Лэнгдона, в одно мгновение приобрели осязаемые формы.
As he stood there in the swirl of confusion, he felt a door inside him open... as if some mystic threshold had just been breached.	Ему показалось, что в душе его распахнулась какая-то незримая дверь, а сам он только что переступил через таинственный порог.
The ambigram.	Ам-биграмма.
The murdered priest/ scientist.	Убийство священника-ученого.
The antimatter.	Антивещество.

And now... the target.	И теперь... цель.
Leonardo da Vinci Airport could only mean one thing.	Упоминание аэропорта Леонардо да Винчи могло означать лишь одно...
In a moment of stark realization, Langdon knew he had just crossed over.	В этот момент просветления Лэнгдон понял, что перешел через Рубикон.
He had become a believer.	Он поверил.
Five kilotons.	Пять килотонн.
Let there be light.	Да будет свет.
Two paramedics materialized, racing across the atrium in white smocks.	В атрии появились двое медиков в белых халатах.

They knelt by Kohler, putting an oxygen mask on his face.	Эскулапы подбежали к Колеру, и один из них надел на директора кислородную маску.

Scientists in the hall stopped and stood back.	Толпившиеся вокруг кресла ученые отошли на почтительное расстояние.
Kohler took two long pulls, pushed the mask aside, and still gasping for air, looked up at Vittoria and Langdon.	Колер сделал два длинных, глубоких вздоха, сдвинул маску в сторону, посмотрел на Лэнгдона и, все еще хватая воздух широко открытым ртом, прошептал:
"Rome."	- Рим...
"Rome?" Vittoria demanded.	- Рим? - спросила Виттория.

"The antimatter is in Rome?	- Значит, антивещество в Риме?
Who called?"	Кто звонил?
Kohler's face was twisted, his gray eyes watering.	Лицо Колера исказила гримаса боли, из серых глаз покатились слезы.
"The Swiss..." He choked on the words, and the paramedics put the mask back over his face.	- Швейцарск... - выдавил он, задыхаясь, и закатился в страшном приступе кашля. Медики вернули кислородную маску на место.
As they prepared to take him away, Kohler reached up and grabbed Langdon's arm.	Когда они уже готовились увозить директора, тот схватил Лэнгдона за рукав.
Langdon nodded.	Лэнгдон утвердительно кивнул.

He knew.	Он знал, что хочет сказать больной.
"Go..." Kohler wheezed beneath his mask.	- Летите... - глухо прозвучало из-под маски.
"Go... call me..." Then the paramedics were rolling him away.	- Летите... Сообщите мне... Медики бегом покатили коляску.
Vittoria stood riveted to the floor, watching him go.	Виттория стояла как вкопанная, не сводя глаз с удаляющегося директора.
Then she turned to Langdon.	Затем, повернувшись к Лэнгдону, она спросила:
"Rome?	- Рим?
But... what was that about the Swiss?"	Но... почему он упомянул Швейцарию?

Langdon put a hand on her shoulder, barely whispering the words.	Лэнгдон положил руку ей на плечо и едва слышно прошептал:
"The Swiss Guard," he said.	- Швейцарская гвардия.
"The sworn sentinels of Vatican City."	Верная стража Ватикана.
31	Глава 31
The X 33 space plane roared into the sky and arched south toward Rome.	Стратоплан "Х-33" с ревом взмыл в небо и, описав высокую дугу, помчался на юг в направлении Рима.
On board, Langdon sat in silence.	Лэнгдон сидел в полном молчании.
The last fifteen minutes had been a blur.	Последние пятнадцать минут он находился словно в тумане.

Now that he had finished briefing Vittoria on the Illuminati and their covenant against the Vatican, the scope of this situation was starting to sink in.	Лишь сейчас, закончив рассказывать Виттории об иллюминатах и их заговоре против Ватикана, он до конца понял масштаб и значение происходящих событий.

What the hell am I doing? Langdon wondered.	"Что я делаю, дьявол меня побери?! - спрашивал себя Лэнгдон.
I should have gone home when I had the chance!	- Следовало сбежать, пока у меня имелась такая возможность!"
Deep down, though, he knew he'd never had the chance.	Впрочем, в глубине души он прекрасно понимал, что такой возможности у него никогда не было.

Langdon's better judgment had screamed at him to return to Boston.	Его здравый смысл громко протестовал, требуя немедленно вернуться в Бостон.
Nonetheless, academic astonishment had somehow vetoed prudence.	Однако любопытство ученого оказалось сильнее, чем призы- вы к благоразумию.
Everything he had ever believed about the demise of the Illuminati was suddenly looking like a brilliant sham.	Его многолетнее убеж- дение в том, что де- ятельность братства "Иллюминати" сошла на нет, похоже, в од- но мгновение обрати- лось в прах.
Part of him craved proof.	Но какая-то часть его разума требовала подтверждения.
Confirmation.	Требовала доказа- тельств.

There was also a question of conscience.	Кроме того, в нем говорила и элементарная совесть.
With Kohler ailing and Vittoria on her own, Langdon knew that if his knowledge of the Illuminati could assist in any way, he had a moral obligation to be here.	Колер тяжело болен, и Виттория осталась в одиночестве. Если накопленные им за многие годы познания способны помочь, то моральный долг требует, чтобы он летел в Рим.
There was more, though.	В Рим его звало еще и нечто иное, то, в чем Лэнгдон стыдился признаться самому себе.

Although Langdon was ashamed to admit it, his initial horror on hearing about the antimatter's location was not only the danger to human life in Vatican City, but for something else as well.	Ужас, который он испытал, узнав о местонахождении антивещества, объяснялся беспокойством даже не столько за жизнь многих людей, сколько за судьбу сокровищ искусства, хранившихся в Ватикане.
Art. The world's largest art collection was now sitting on a time bomb.	Крупнейшая коллекция мировых шедевров в буквальном смысле слова находилась на бочке с порохом.

The Vatican Museum housed over 60,000 priceless pieces in 1,407 rooms-Michelangelo, da Vinci, Bernini, Botticelli.	1400 залов и 20 двориков-музеев Ватикана хранили более 60 000 произведений искусства. Среди них творения древних мастеров, работы Джованни Беллини, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Боттичелли, скульптуры Бернини.

Langdon wondered if all of the art could possibly be evacuated if necessary. He knew it was impossible. Many of the pieces were sculptures weighing tons. Not to mention, the greatest treasures were architectural-the Sistine Chapel, St. Peter's Basilica, Michelangelo's famed spiral staircase leading to the Mus?o Vaticano-priceless testaments to man's creative genius.	В Ватикане находятся такие памятники архитектуры, как собор Святого Петра и Сикстинская капелла. А во что можно оценить созданную гением Микеланджело знаменитую спиральную лестницу, ведущую в музеи Ватикана?
Langdon wondered how much time was left on the canister.	Интересно, сколько еще продержится магнитное поле в ловушке?

"Thanks for coming," Vittoria said, her voice quiet.	- Благодарю вас за то, что вы согласились прилететь в Европу, - негромко произнесла Виттория.
Langdon emerged from his daydream and looked up.	Лэнгдон покинул мир видений.
Vittoria was sitting across the aisle.	Виттория сидела на другой стороне прохода, разделяющего ряды кресел.
Even in the stark fluorescent light of the cabin, there was an aura of composure about her-an almost magnetic radiance of wholeness.	Даже в холодном свете неоновых ламп нельзя было не заметить окружавшую ее ауру спокойствия и притягательность ее натуры.

Her breathing seemed deeper now, as if a spark of self preservation had ignited within her... a craving for justice and retribution, fueled by a daughter's love.	Девушка дышала глубоко и ровно, к ней полностью вернулось самообладание, и, движимая дочерней любовью, она теперь стремилась лишь к возмездию и восстановлению справедливости.
Vittoria had not had time to change from her shorts and sleeveless top, and her tawny legs were now goose bumped in the cold of the plane.	У Виттории не было времени сменить шорты и топик на что-то более солидное, и в прохладном воздухе кабины ее загорелые ноги покрылись гусиной кожей.
Instinctively Langdon removed his jacket and offered it to her.	Лэнгдон, не раздумывая, снял пиджак и предложил его девушке.

"American chivalry?" She accepted, her eyes thanking him silently.	- Американское рыцарство? - произнесла она, ответив на его заботу благодарной улыбкой.
The plane jostled across some turbulence, and Langdon felt a surge of danger.	Самолет попал в зону турбулентности, и его настолько сильно тряхнуло, что Лэнгдон даже испугался.
The windowless cabin felt cramped again, and he tried to imagine himself in an open field.	Лишенная окон кабина снова показалась ему слишком тесной, и он попытался представить себя гуляющим по широкому полю.
The notion, he realized, was ironic.	Какая ирония, подумал он.

He had been in an open field when it had happened.	Ведь когда все это произошло, он как раз находился на открытом пространстве.
Crushing darkness.	Всепоглощающая тьма.
He pushed the memory from his mind.	Он прогнал нахлынувшие было воспоминания.
Ancient history.	Все это ушло в прошлое.
Vittoria was watching him.	Стало достоянием истории.
"Do you believe in God, Mr. Langdon?"	- Вы верите в Бога, мистер Лэнгдон? -внимательно глядя на него, спросила Виттория.
The question startled him.	Этот вопрос поверг его в изумление.

The earnestness in Vittoria's voice was even more disarming than the inquiry.	Или, если быть более точным, даже не сам вопрос, а тот серьезный тон, которым он был задан.
Do I believe in God?	"Верю ли я в Бога?"
He had hoped for a lighter topic of conversation to pass the trip.	А ведь в глубине души он надеялся, что проведет полет, обсуждая не столь серьезные темы.

A spiritual conundrum, Langdon thought.	"Духовная загадка",- подумал Лэнгдон.
That's what my friends call me.	Именно так говорили о нем его друзья.
Although he studied religion for years, Langdon was not a religious man.	Несмотря на многолетнее изучение религии, сам он религиозным человеком так и не стал.

He respected the power of faith, the benevolence of churches, the strength religion gave to many people... and yet, for him, the intellectual suspension of disbelief that was imperative if one were truly going to "believe" had always proved too big an obstacle for his academic mind.	Он с почтением относился к могуществу веры, благотворительным делам церкви и той силе, которую придавали многим людям их религиозные убеждения... Однако полный отказ от всяких сомнений, неизбежный для истинно верующего, являлся непосильным для его разума ученого.
"I want to believe," he heard himself say.	- Я хочу верить, - услышал он свои слова.
Vittoria's reply carried no judgment or challenge. "So why don't you?"	- И что же вам мешает? - без тени вызова или осуждения произнесла Виттория.
He chuckled. "Well, it's not that easy.	- Все это не так просто, - фыркнул он.

Having faith requires leaps of faith, cerebral acceptance of miracles-immaculate conceptions and divine interventions.	- Вера требует, если так можно выразиться, "актов веры". Верующий должен серьезно относиться к чудесам, не сомневаться в беспорочном зачатии и божественном вмешательстве.
And then there are the codes of conduct.	Кроме того, вера предписывает определенный кодекс поведения.
The Bible, the Koran, Buddhist scripture... they all carry similar requirements-and similar penalties.	Библия, Коран, буддийские рукописи... все они содержат практически идентичные требования, за нарушение коих установлены одинаковые наказания.

They claim that if I don't live by a specific code I will go to hell.	В них говорится, что меня ждет ад, если я не стану следовать этому поведенческому кодексу.
I can't imagine a God who would rule that way."	Мне трудно представить себе Бога, который управляет миром подобным образом.
"I hope you don't let your students dodge questions that shamelessly."	- Остается лишь надеяться, что вы не позволяете своим студентам так бессовестно уходить от поставленных вами вопросов.
The comment caught him off guard.	Это замечание застало его врасплох.
"What?"	- Что?

"Mr. Langdon, I did not ask if you believe what man says about God.	- Мистер Лэнгдон, я не спрашивала вас, верите ли вы тому, что люди говорят о Боге.
I asked if you believed in God.	Я спросила: "Верите ли вы в Бога?"
There is a difference.	Это два совершенно разных вопроса.
Holy scripture is stories... legends and history of man's quest to understand his own need for meaning.	Священное Писание - это... собрание рассказов, легенд. Это история того, как человек пытался удовлетворить свою потребность в познании самого себя и всего сущего.
I am not asking you to pass judgment on literature.	Меня не интересуют ваши суждения о литературных произведениях.

I am asking if you believe in God.	Я спрашиваю: верите ли вы в Бога?
When you lie out under the stars, do you sense the divine?	Ощущаете ли присутствие высшей силы, когда вглядываетесь в звезды?
Do you feel in your gut that you are staring up at the work of God's hand?"	Верите ли вы всем своим существом, что темный свод над вами - творение руки Божьей?
Langdon took a long moment to consider it.	Лэнгдон задумался.
"I'm prying," Vittoria apologized.	- Может быть, я слишком бесцеремонна?
"No, I just..."	- Нет. Просто я...

"Certainly you must debate issues of faith with your classes."	- Не сомневаюсь, что вы обсуждаете вопросы веры со своими учениками.
"Endlessly."	- Постоянно.
"And you play devil's advocate, I imagine.	- И вы, как мне кажется, выступаете в роли адвоката дьявола.
Always fueling the debate."	Все время подливаете масло в огонь дискуссии.
Langdon smiled. "You must be a teacher too."	- Вам, видимо, тоже не чужда преподавательская деятельность? - улыбнулся Лэнгдон.
"No, but I learned from a master.	- Нет, но я многому научилась у папы.

My father could argue two sides of a M?bius Strip."	Леонардо Ветра мог с одинаковым успехом представлять обе стороны петли Мёбиуса.
Langdon laughed, picturing the artful crafting of a M?bius Strip-a twisted ring of paper, which technically possessed only one side.	Лэнгдон рассмеялся, представив себе так называемую петлю Мёбиуса - поверхность, получаемую при склеивании двух перевернутых относительно друг друга концов прямоугольной полоски. Строго говоря, петля Мёбиуса имеет всего лишь одну сторону.
Langdon had first seen the single sided shape in the artwork of M. C. Escher.	Впервые эту петлю Лэнгдон увидел в творениях Эшера .
"May I ask you a question, Ms. Vetra?"	- Могу я задать вам один вопрос, мисс Ветра?

"Call me Vittoria.	- Зовите меня Виттория.
Ms. Vetra makes me feel old."	Когда я слышу "мисс Ветра", то сразу начинаю чувствовать себя ужасно старой.
He sighed inwardly, suddenly sensing his own age.	Он подавил вздох, вдруг ощутив свой преклонный возраст, и произнес:
"Vittoria, I'm Robert."	- В таком случае я - Роберт.
"You had a question."	- У вас был ко мне вопрос.
"Yes.	- Да.
As a scientist and the daughter of a Catholic priest, what do you think of religion?"	Что вы, будучи дочерью католического священника и одновременно ученым, думаете о религии?

Vittoria paused, brushing a lock of hair from her eyes.	Виттория помолчала немного, отбросила упавшую на лоб прядь волос и сказала:
"Religion is like language or dress.	- Религия подобна языку или манере одеваться.

We gravitate toward the practices with which we were raised.	Мы всегда тяготеем к тому, с чем выросли.
In the end, though, we are all proclaiming the same thing.	Но в конечном итоге все мы заявляем одно и то же.
That life has meaning. That we are grateful for the power that created us."	Мы говорим, что в жизни имеется скрытый смысл, и мы благодарны силе, нас создавшей.

Langdon was intrigued.	Слова девушки заинтриговали Лэнгдона.
"So you're saying that whether you are a Christian or a Muslim simply depends on where you were born?"	- Следовательно, вы утверждаете, что религия -будь то христианство, мусульманство или буддизм - зависит только от того, где мы родились?
"Isn't it obvious?	- Но разве это не очевидно?
Look at the diffusion of religion around the globe." "So faith is random?"	- В таком случае вера вообще случайное явление?
"Hardly.	- Ничего подобного.
Faith is universal.	Вера - явление универсальное.

Our specific methods for understanding it are arbitrary.	Но методы ее познания, к которым мы прибегаем, целиком зависят от нашего выбора.
Some of us pray to Jesus, some of us go to Mecca, some of us study subatomic particles.	Одни возносят молитвы Иисусу, другие отправляются в Мекку, а третьи изучают поведение элементарных частиц.
In the end we are all just searching for truth, that which is greater than ourselves."	В конечном итоге все мы заняты поиском истины, гораздо более грандиозной, чем мы сами.
Langdon wished his students could express themselves so clearly.	Лэнгдон пожалел, что его студенты не умеют выражать свои мысли с такой точностью.

Hell, he wished he could express himself so clearly.	Да что там студенты! Он сам вряд ли смог бы высказать это столь же ясно.
"And God?" he asked.	- А как же Бог? - спросил он.
"Do you believe in God?"	- Вы в Бога веруете?
Vittoria was silent for a long time.	На сей раз Виттория молчала довольно долго.
"Science tells me God must exist.	- Наука говорит мне, - наконец сказала она, - что Бог должен существовать.
My mind tells me I will never understand God.	Но мой разум утверждает, что я никогда не смогу понять Бога.

And my heart tells me I am not meant to."	А сердце тем временем подсказывает, что я для этого вовсе и не предназначена.
How's that for concise, he thought.	Четко изложено, подумал он и спросил:
"So you believe God is fact, but we will never understand Him."	- Итак, вы полагаете, что Бог существует, но понять Его мы никогда не сможем?
"Her," she said with a smile.	- Не Его, а Ее, - улыбнулась Виттория.
"Your Native Americans had it right."	- Я считаю, что аборигены Северной Америки были правы.

Langdon chuckled. "Mother Earth."	- Мать Земля? - улыбнулся Лэнгдон.
"Gaea.	- Гея .

The planet is an organism. All of us are cells with different purposes.	Наша планета является организмом, а каждый из нас - его клеткой с только ей присущими функциями.
And yet we are intertwined.	И в то же время мы все взаимосвязаны.
Serving each other. Serving the whole."	Мы служим друг другу, и одновременно мы служим целому.
Looking at her, Langdon felt something stir within him that he had not felt in a long time.	Глядя на нее, Лэнгдон вдруг почувствовал, что в нем шевельнулись чувства, которых он не испытывал уже много лет.
There was a bewitching clarity in her eyes... a purity in her voice.	В ее глазах таилось какое-то очарование... А голос звучал так чисто...

He felt drawn.	Он ощутил, что его тянет к этой девушке.
"Mr. Langdon, let me ask you another question."	- Мистер Лэнгдон, разрешите мне задать вам еще один вопрос.
"Robert," he said.	- Роберт, - поправил он ее.
Mr. Langdon makes me feel old.	- Когда я слышу "мистер Лэнгдон", я ощущаю себя стариком.
I am old!	Впрочем, я и есть старик...
"If you don't mind my asking, Robert, how did you get involved with the Illuminati?"	- Скажите, Роберт, если можно, как вы начали заниматься орденом "Иллюминати"?
Langdon thought back. "Actually, it was money."	- Вообще-то в основе всего были деньги, - ответил он, немного подумав.

Vittoria looked disappointed. "Money?	- Деньги? - разочарованно протянула девушка.
Consulting, you mean?"	- Вы оказывали какие-то платные услуги? Давали консультации?
Langdon laughed, realizing how it must have sounded.	Лэнгдон рассмеялся, осознав, как прозвучали его слова.
"No.	- Нет.
Money as in currency."	Я говорю не о заработке. Я говорю о деньгах как о банкнотах.
He reached in his pants pocket and pulled out some money. He found a one dollar bill.	С этими словами он достал из кармана брюк несколько купюр и выбрал из них бумажку достоинством в один доллар.

"I became fascinated with the cult when I first learned that U.S. currency is covered with Illuminati symbology."	- Я увлекся изучением этого культа после того, как обнаружил, что американская валюта просто усыпана символами иллюминатов.
Vittoria's eyes narrowed, apparently not knowing whether or not to take him seriously.	Виттория взглянула на него из-под полуопущенных ресниц. Она, видимо, не до конца понимала, насколько серьезно следует воспринимать эти слова.

Langdon handed her the bill. "Look at the back.	- Посмотрите на оборотную сторону, - сказал он, протягивая ей банкноту.
See the Great Seal on the left?"	- Видите большую печать слева?

Vittoria turned the one dollar bill over. "You mean the pyramid?"	- Вы имеете в виду пирамиду? - перевернув долларовую бумажку, спросила Виттория.
"The pyramid.	- Именно.
Do you know what pyramids have to do with U.S. history?"	Какое значение, по вашему мнению, могла иметь пирамида для истории США?
Vittoria shrugged.	Девушка в ответ пожала плечами.
"Exactly," Langdon said.	- Вот именно, - продолжил Лэнгдон.
"Absolutely nothing."	- Абсолютно никакого.

Vittoria frowned. "So why is it the central symbol of your Great Seal?"	- Тогда почему же она смогла стать центральным символом Большой государственной печати? -нахмурившись, спросила Виттория.
"An eerie bit of history," Langdon said.	- Мрачный зигзаг истории, - ответил Лэнгдон.
"The pyramid is an occult symbol representing a convergence upward, toward the ultimate source of Illumination.	- Пирамида - оккультный символ, представляющий слияние сил, устремленных вверх, к источнику абсолютного Света.
See what's above it?"	Теперь внимательно посмотрите на то, что изображено чуть выше пирамиды.

Vittoria studied the bill. "An eye inside a triangle."	- Глаз в треугольнике, - ответила Виттория, изучив банкноту.
"It's called the trinacria.	- Этот символ называется trinacria.
Have you ever seen that eye in a triangle anywhere else?"	Вам доводилось раньше видеть глаз в треугольнике?
Vittoria was silent a moment.	- Да, - немного помолчав, сказала девушка.
"Actually, yes, but I'm not sure..."	- Но я не помню...
"It's emblazoned on Masonic lodges around the world."	- Он изображен на эмблемах масонских лож во всем мире.
"The symbol is Masonic?"	- Значит, это масонский символ?
"Actually, no.	- Нет.

It's Illuminati.	Это символ иллюминатов.
They called it their 'shining delta.'	Члены братства называют его "сияющая дельта".
A call for enlightened change.	Призыв к постоянным изменениям и просвещению.
The eye signifies the Illuminati's ability to infiltrate and watch all things. The shining triangle represents enlightenment. And the triangle is also the Greek letter delta, which is the mathematical symbol for-"	Глаз означает способность иллюминатов проникать в суть вещей, а треугольником также обозначается буква греческого алфавита "дельта", которая является математическим символом...
"Change. Transition."	- Изменения, эволюции, перехода к...

Langdon smiled. "I forgot I was talking to a scientist."	- Я совсем забыл, что беседую с ученым, -улыбнулся Лэнгдон.
"So you're saying the U.S. Great Seal is a call for enlightened, all seeing change?"	- Итак, вы хотите сказать, что большая печать Соединенных Штатов призывает к переменам и проникновению в суть вещей?
"Some would call it a New World Order."	- Или, как сказали бы некоторые, к Новому мировому порядку.
Vittoria seemed startled. She glanced down at the bill again.	Витторию эти слова Лэнгдона несколько удивили, но, вглядевшись в банкноту, она протянула:
"The writing under the pyramid says Novus... Ordo..."	- Под пирамидой написано: "Novus... Ordo..."

"Novus Ordo Seculorum," Langdon said.	- "Novus Ordo Seculorum", - подхватил американец.
"It means New Secular Order."	- Что означает "Новый секулярный порядок".
"Secular as in non religious?"	- Секулярный в смысле "нерелигиозный"?
"Nonreligious.	- Да. Именно нерелигиозный.
The phrase not only clearly states the Illuminati objective, but it also blatantly contradicts the phrase beside it.	В этой фразе ясно выражены цели ордена "Иллюминати", и в то же время она кардинально противоречит напечатанным рядом с ней словам:
In God We Trust."	"Мы веруем в Бога".

Vittoria seemed troubled. "But how could all this symbology end up on the most powerful currency in the world?"	- Но каким образом вся эта символика смогла появиться на самой могущественной валюте мира? - обеспокоено спросила Виттория.
"Most academics believe it was through Vice President Henry Wallace.	- Большинство исследователей считают, что за этим стоял вице-президент Соединенных Штатов Генри Уоллес.
He was an upper echelon Mason and certainly had ties to the Illuminati.	Он занимал место на верхних ступенях иерархической лестницы масонов и, вне всякого сомнения, имел контакты с иллюминатами.

Whether it was as a member or innocently under their influence, nobody knows.	Был ли он членом сообщества или просто находился под его влиянием, никто не знает.
But it was Wallace who sold the design of the Great Seal to the president."	Но именно Уоллес предложил президенту этот вариант большой печати.
"How?	- Но каким образом?
Why would the president have agreed to-"	И почему президент с этим согласился?
"The president was Franklin D. Roosevelt.	- Президентом в то время был Франклин Делано Рузвельт, и Уоллес сказал ему, что слова

Wallace simply told him Novus Ordo Seculorum meant New Deal."	"Novus Ordo Seculorum" означают не что иное, как "Новый курс" .
Vittoria seemed skeptical. "And Roosevelt didn't have anyone else look at the symbol before telling the Treasury to print it?"	- И вы хотите сказать, что Рузвельт дал команду казначейству печатать деньги, не обратившись за советом к другим экспертам? - с сомнением спросила Виттория.
"No need.	- В этом не было нужды.

He and Wallace were like brothers."	Они с Уоллесом были словно родные братья.
"Brothers?"	- Братья?
"Check your history books," Langdon said with a smile.	- Загляните в свои книги по истории, - с улыбкой произнес Лэнгдон.

"Franklin D. Roosevelt was a well known Mason."	- Франклин Делано Рузвельт был известнейшим масоном.
32	Глава 32
Langdon held his breath as the X 33 spiraled into Rome's Leonardo da Vinci International Airport.	Лэнгдон затаил дыхание, когда "X-33" широкой спиралью пошел на снижение в международном аэропорту Рима, носящем имя Леонардо да Винчи.
Vittoria sat across from him, eyes closed as if trying to will the situation into control.	Виттория сидела с закрытыми глазами. Создавалось впечатление, что она усилием воли пытается держать себя в руках.
The craft touched down and taxied to a private hangar.	Летательный аппарат коснулся посадочной полосы и покатил к какому-то частному ангару.

"Sorry for the slow flight," the pilot apologized, emerging from the cockpit.	- Прошу извинить за долгое путешествие, - сказал появившийся из кабины пилот.
"Had to trim her back. Noise regulations over populated areas."	- Мне пришлось сдерживать бедняжку, чтобы снизить шум двигателя при полете над населенными районами.
Langdon checked his watch.	Лэнгдон взглянул на часы.
They had been airborne thirty seven minutes.	Оказалось, что полет продолжался тридцать семь минут.
The pilot popped the outer door.	Открыв внешний люк, пилот спросил:
"Anybody want to tell me what's going on?"	- Кто-нибудь может мне сказать, что происходит?

Neither Vittoria nor Langdon responded.	Виттория и Лэнгдон предпочли промолчать.
"Fine," he said, stretching.	- Ну и ладно, - безо всякой обиды произнес пилот.
"I'll be in the cockpit with the air conditioning and my music. Just me and Garth."	- В таком случае я останусь в кабине и буду в одиночестве наслаждаться музыкой.
The late afternoon sun blazed outside the hangar. Langdon carried his tweed jacket over his shoulder.	При выходе из ангара им в глаза брызнули яркие лучи предвечернего солнца, и Лэнгдон перебросил свой твидовый пиджак через плечо.

Vittoria turned her face skyward and inhaled deeply, as if the sun's rays somehow transferred to her some mystical replenishing energy.	Виттория подняла лицо к небу и глубоко вздохнула, словно солнечные лучи заряжали ее какой-то таинственной телепатической энергией.
Mediterraneans, Langdon mused, already sweating.	Средиземноморье, подумал уже начинающий потеть Лэнгдон.
"Little old for cartoons, aren't you?" Vittoria asked, without opening her eyes.	- Не кажется ли вам, что для комиксов вы немного староваты? - не поворачиваясь, неожиданно спросила Виттория.
"I'm sorry?"	- Простите, не понимаю...
"Your wristwatch.	- Ваши часы.

I saw it on the plane."	Я обратила на них внимание еще в самолете.
Langdon flushed slightly.	Лэнгдон слегка покраснел.
He was accustomed to having to defend his timepiece.	Ему уже не раз приходилось вставать на защиту своих ручных часов.
The collector's edition Mickey Mouse watch had been a childhood gift from his parents.	Эти коллекционные часы с изображением Микки-Мауса на циферблате еще в детстве подарили ему родители.

Despite the contorted foolishness of Mickey's outstretched arms designating the hour, it was the only watch Langdon had ever worn.	Несмотря на глупый вид мышонка, ручонки которого служили стрелками, Лэнгдон никогда не расставался с этими часами.
Waterproof and glow in the dark, it was perfect for swimming laps or walking unlit college paths at night.	Часы были водонепроницаемыми, а цифры светились в темноте, что было очень удобно при плавании в бассейне и во время поздних прогулок по неосвещенным дорожкам университетского кампуса.

When Langdon's students questioned his fashion sense, he told them he wore Mickey as a daily reminder to stay young at heart.	Когда студенты говорили о некоторой экстравагантности эстетических пристрастий своего профессора, тот неизменно отвечал, что носит Микки как символ своей душевной молодости.
"It's six o'clock," he said.	- Шесть часов вечера, - сказал он.
Vittoria nodded, eyes still closed. "I think our ride's here."	- Думаю, что экипаж для нас уже подан, -продолжая смотреть в небо, заметила Виттория.
Langdon heard the distant whine, looked up, and felt a sinking feeling.	Лэнгдон услышал в отдалении шум двигателя. Когда он поднял глаза, сердце у него упало.

Approaching from the north was a helicopter, slicing low across the runway.	С севера на небольшой высоте, почти над самой взлетной полосой, к ним приближался вертолет.
Langdon had been on a helicopter once in the Andean Palpa Valley looking at the Nazca sand drawings and had not enjoyed it one bit.	Во время экспедиции в Андах, когда он занимался поисками линий Наска в южном Перу, ему пришлось летать на вертолете, и никакого удовольствия от этих полетов он, надо сказать, не получил.
A flying shoebox.	Летающая обувная коробка.
After a morning of space plane rides, Langdon had hoped the Vatican would send a car.	Пресытившись впечатлениями от двух полетов в стратоплане, Лэнгдон очень надеялся на то, что Ватикан пришлет за ними автомобиль.

Apparently not.	Но его надежды не сбылись.
The chopper slowed overhead, hovered a moment, and dropped toward the runway in front of them.	Вертушка снизила скорость, повисела несколько мгновений над их головами и начала спуск на посадочную полосу.
The craft was white and carried a coat of arms emblazoned on the side-two skeleton keys crossing a shield and papal crown.	Машина была окрашена в белый цвет, а на ее борту был изображен герб: два скрещенных ключа на фоне папской тиары.
He knew the symbol well.	Лэнгдон прекрасно знал этот священный символ святого престола.

It was the traditional seal of the Vatican- the sacred symbol of the Holy See or "holy seat" of government, the seat being literally the ancient throne of St. Peter.	Сейчас это была правительственная печать, а престолом в буквальном смысле слова являлся древний трон Святого Петра.
The Holy Chopper, Langdon groaned, watching the craft land.	"Святая вертушка", - подумал Лэнгдон, наблюдая за приземляющимся вертолетом.
He'd forgotten the Vatican owned one of these things, used for transporting the Pope to the airport, to meetings, or to his summer palace in Gandolfo.	Он совсем забыл, что Ватикан имеет в своем распоряжении несколько подобных аппаратов: для доставки папы в аэропорт, на встречи с паствой и для полетов в летнюю резиденцию святейшего в Гандольфо.

Langdon definitely would have preferred a car.	Окажись он на месте папы, Лэнгдон определенно предпочел бы путешествовать на автомобиле.
The pilot jumped from the cockpit and strode toward them across the tarmac.	Пилот выпрыгнул из кабины и быстрым шагом направился к ним по бетону аэродрома.
Now it was Vittoria who looked uneasy.	Пришло время волноваться Виттории.
"That's our pilot?"	- Неужели нам придется с ним лететь? - тревожно спросила она.
Langdon shared her concern. "To fly, or not to fly. That is the question."	- Лететь иль не лететь - вот в чем вопрос, -продекламировал Лэнгдон, целиком разделяя тревогу девушки.

The pilot looked like he was festooned for a Shakespearean melodrama.	Пилот выглядел так, словно готовился выйти на сцену в одной из шекспировских пьес.
His puffy tunic was vertically striped in brilliant blue and gold.	Его камзол с пышными рукавами был разрисован широкими вертикальными ярко-синими и золотыми полосами.
He wore matching pantaloons and spats.	Цвета панталон и гетр полностью повторяли раскраску верхней части одеяния.
On his feet were black flats that looked like slippers.	На ногах у него были черные туфли, чем-то напоминающие домашние тапочки.
On top of it all, he wore a black felt beret.	На голове пилота красовался черный фетровый берет.

"Traditional Swiss Guard uniforms," Langdon explained.	- Традиционная униформа швейцарских гвардейцев, - пояснил Лэнгдон.
"Designed by Michelangelo himself."	- Этот фасон придумал сам Микеланджело.
As the man drew closer, Langdon winced. "I admit, not one of Michelangelo's better efforts."	- Когда пилот приблизился, американец поморщился и добавил: - Не самое лучшее из его творений, надо сказать.
Despite the man's garish attire, Langdon could tell the pilot meant business.	Несмотря на столь ослепительный наряд, пилот всем своим видом демонстрировал, что дело знает.
He moved toward them with all the rigidity and dignity of a U.S. Marine.	Он двигался к ним решительным шагом и имел выправку американского морского пехотинца.

Langdon had read many times about the rigorous requirements for becoming one of the elite Swiss Guard.	Лэнгдон читал о том, насколько строго проходит отбор в швейцарскую гвардию.

Recruited from one of Switzerland's four Catholic cantons, applicants had to be Swiss males between nineteen and thirty years old, at least 5 feet 6 inches, trained by the Swiss Army, and unmarried.	Гвардейцы набирались в четырех католических кантонах Швейцарии. Каждый из претендентов должен был быть холостяком 19-30 лет, ростом не менее 180 см, уже отслужившим в швейцарской армии.
This imperial corps was envied by world governments as the most allegiant and deadly security force in the world.	Папская гвардия считалась самой верной и надежной охраной в мире и вызывала зависть у глав многих правительств.

"You are from CERN?" the guard asked, arriving before them. His voice was steely.	- Вы из ЦЕРНа? - стальным голосом спросил, застыв в шаге от них, швейцарец.
"Yes, sir," Langdon replied.	- Так точно, сэр, - ответил Лэнгдон.
"You made remarkable time," he said, giving the X 33 a mystified stare.	- Вам удалось долететь на удивление быстро, - заметил гвардеец и бросил на "Х-33" удивленный взгляд.
He turned to Vittoria. "Ma'am, do you have any other clothing?"	- Мадам, - продолжил он, обращаясь к Виттории, -у вас имеется какая-нибудь иная одежда?
"I beg your pardon?"	- Простите, но... боюсь, я не совсем вас понимаю...

He motioned to her legs. "Short pants are not permitted inside Vatican City."	- Лица в шортах в Ватикан не допускаются, -сказал швейцарец, показав на нижние конечности девушки.
Langdon glanced down at Vittoria's legs and frowned.	Лэнгдон бросил взгляд на обнаженные ноги Виттории и вконец расстроился.
He had forgotten. Vatican City had a strict ban on visible legs above the knee-both male and female.	Как он мог забыть, что в Ватикане нельзя обнажать ноги выше колена? Ни мужчинам, ни женщинам.
The regulation was a way of showing respect for the sanctity of God's city.	Этот запрет был призван демонстрировать уважение посетителей к Городу Бога.
"This is all I have," she said.	- Это все, что у меня есть, - ответила Виттория.

"We came in a hurry."	- Мы очень спешили.
The guard nodded, clearly displeased.	Гвардеец понимающе кивнул, хотя и был явно недоволен.
He turned next to Langdon.	Обратившись к Лэнгдону, он спросил:
"Are you carrying any weapons?"	- Есть ли у вас какое-нибудь оружие, сэр?
Weapons?	"Какое оружие?
Langdon thought. I'm not even carrying a change of underwear! He shook his head.	У меня с собой нет даже смены чистого белья", -подумал Лэнгдон и отрицательно покачал головой.
The officer crouched at Langdon's feet and began patting him down, starting at his socks.	Швейцарец присел у ног американца и принялся его досматривать, начиная с носков.

Trusting guy, Langdon thought. The guard's strong hands moved up Langdon's legs, coming uncomfortably close to his groin.	Не очень доверчивый парень, подумал Лэнгдон и недовольно поморщился, когда крепкие руки гвардейца подобрались слишком близко к промежности.

Finally they moved up to his chest and shoulders. Apparently content Langdon was clean, the guard turned to Vittoria. He ran his eyes up her legs and torso.	Обследовав грудь, плечи и спину Лэнгдона и, видимо, убедившись, что у того ничего нет, гвардеец обратил свой взор на Витторию.
Vittoria glared. "Don't even think about it."	- Не смейте даже и думать! - бросила она.

The guard fixed Vittoria with a gaze clearly intended to intimidate.	Гвардеец вперился в девушку суровым взглядом, видимо, рассчитывая ее запугать.
Vittoria did not flinch.	Но Виттория не дрогнула.
"What's that?" the guard said, pointing to a faint square bulge in the front pocket of her shorts.	- Что это? - спросил страж Ватикана, показывая на небольшую выпуклость на кармане ее шортов.
Vittoria removed an ultrathin cell phone.	Виттория достала сверхплоский сотовый телефон.

The guard took it, clicked it on, waited for a dial tone, and then, apparently satisfied that it was indeed nothing more than a phone, returned it to her.	Г вардеец открыл его, дождался гудка и, удостоверившись, что это действительно всего лишь переговорное устройство, вернул аппарат девушке.
Vittoria slid it back into her pocket.	Виттория сунула мобильник в карман.
"Turn around, please," the guard said.	- А теперь повернитесь, пожалуйста, - сказал гвардеец.
Vittoria obliged, holding her arms out and rotating a full 360 degrees.	Виттория широко расставила руки и совершила поворот на 360 градусов.

The guard carefully studied her. Langdon had already decided that Vittoria's form fitting shorts and blouse were not bulging anywhere they shouldn't have been.	Пока швейцарец внимательно разглядывал девушку, Лэнгдон успел заметить, что ни топик, ни облегающие шорты совсем не выпячиваются там, где им выпячиваться не положено.
Apparently the guard came to the same conclusion.	Г вардеец, видимо, пришел к такому же заключению.
"Thank you.	- Благодарю вас, - сказал он.
This way please."	- Сюда, пожалуйста.
The Swiss Guard chopper churned in neutral as Langdon and Vittoria approached.	Лопасти вертолета швейцарской гвардии лениво крутились на холостом ходу.

Vittoria boarded first, like a seasoned pro, barely even stooping as she passed beneath the whirling rotors.	Виттория поднялась на борт первой. С видом профессионала, лишь чуть-чуть пригнувшись, она прошла под лопастями винта.
Langdon held back a moment.	Лэнгдон же чувствовал себя гораздо менее уверенно.
"No chance of a car?" he yelled, half joking to the Swiss Guard, who was climbing in the pilot's seat.	- А на машине никак было нельзя? - полушутливо прокричал он на ухо поднимающемуся на свое место пилоту.
The man did not answer.	Швейцарец не удостоил его ответом.

Langdon knew that with Rome's maniacal drivers, flying was probably safer anyway.	Лэнгдон слышал о римских водителях-маньяках и понимал, что полет в этом городе был, видимо, наиболее безопасным способом передвижения.

He took a deep breath and boarded, stooping cautiously as he passed beneath the spinning rotors.	Он глубоко вздохнул, низко пригнулся, чтобы избежать удара вращающихся лопастей, и забрался в кабину.
As the guard fired up the engines, Vittoria called out,	Гвардеец прибавил газа, и Виттория, пытаясь перекричать шум двигателя, спросила:
"Have you located the canister?"	- Вам удалось обнаружить сосуд?!
The guard glanced over his shoulder, looking confused.	Пилот обернулся и недоуменно посмотрел на девушку.

"The what?"	- Что?
"The canister.	- Я говорю о сосуде.
You called CERN about a canister?"	Разве вы не звонили в ЦЕРН в связи с этим?
The man shrugged. "No idea what you're talking about.	- Не понимаю, о чем вы, - пожал плечами гвардеец.
We've been very busy today. My commander told me to pick you up.	- Я получил приказ забрать вас на аэродроме.
That's all I know."	Это все, что мне известно.
Vittoria gave Langdon an unsettled look.	Виттория бросила на Лэнгдона тревожный взгляд.
"Buckle up, please," the pilot said as the engine revved.	- Пристегните, пожалуйста, ремни, - напомнил пилот.

Langdon reached for his seat belt and strapped himself in.	Лэнгдон вытянул ремень безопасности и застегнул на животе пряжку.
The tiny fuselage seemed to shrink around him.	Ему показалось, что стены крошечного фюзеляжа сдвинулись еще сильнее, не оставляя возможности дышать.
Then with a roar, the craft shot up and banked sharply north toward Rome.	Летательный аппарат с ревом взмыл в воздух и резво взял курс на север в направлении Рима.
Rome... the caput mundi, where Caesar once ruled, where St. Peter was crucified.	Рим... столица мира. Город, в котором когда-то правил Цезарь и где был распят святой Петр.
The cradle of modern civilization.	Колыбель современной цивилизации.

And at its core... a ticking bomb.	И сейчас в его сердце... тикает механизм бомбы замедленного действия.
33	Глава 33
Rome from the air is a labyrinth-an indecipherable maze of ancient roadways winding around buildings, fountains, and crumbling ruins.	С высоты птичьего полета Рим казался беспорядочным переплетением улиц - сложный лабиринт старинных дорог, огибающих огромные здания храмов, искрящиеся фонтаны и многочисленные древние руины.
The Vatican chopper stayed low in the sky as it sliced northwest through the permanent smog layer coughed up by the congestion below.	Вертолет Ватикана летел довольно низко, разрубая лопастями смог, постоянно висящий над Вечным городом и заставляющий давиться в кашле несчастных горожан.

Langdon gazed down at the mopeds, sight seeing buses, and armies of miniature Fiat sedans buzzing around rotaries in all directions.	Лэнгдон с интересом наблюдал за снующими в разные стороны мопедами, туристическими автобусами и крошечными "фиатами".
Koyaanisqatsi, he thought, recalling the Hopi term for "life out of balance."	"Койаанискатси", - подумал он, припомнив слово, употребляемое индейцами племени хопи для обозначения суматошной, сумбурной жизни.
Vittoria sat in silent determination in the seat beside him.	Молча сидевшая на соседнем кресле Виттория всем своим видом выражала готовность действовать.

The chopper banked hard. His stomach dropping, Langdon gazed farther into the distance.	Вертолет резко взмыл вверх, а сердце Лэнгдона, напротив, провалилось куда-то в желудок.
His eyes found the crumbling ruins of the Roman Coliseum.	Он посмотрел вперед и увидел вдали поднимающиеся к небу развалины римского Колизея.
The Coliseum, Langdon had always thought, was one of history's greatest ironies.	Лэнгдон всегда считал это величественное сооружение одним из парадоксов истории.

Now a dignified symbol for the rise of human culture and civilization, the stadium had been built to host centuries of barbaric events-hungry lions shredding prisoners, armies of slaves battling to the death, gang rapes of exotic women captured from far off lands, as well as public beheadings and castrations.	Огромный амфитеатр, в наше время символизирующий достижение древней культуры, в течение многих столетий служил сценой, на которой разыгрывались самые варварские представления в истории человечества. Здесь голодные львы рвали на части беспомощных людей, а армии рабов сражались, истребляя друг друга. Здесь на глазах тысяч зрителей насиловали экзотических, захваченных в далеких странах женщин. Здесь рубили головы и публично кастрировали.

It was ironic, Langdon thought, or perhaps fitting, that the Coliseum had served as the architectural blueprint for Harvard's Soldier Field-the football stadium where the ancient traditions of savagery were reenacted every fall... crazed fans screaming for bloodshed as Harvard battled Yale.	Особенно Лэнгдона забавляло то, что знаменитое Солдатское поле Гарварда было сооружено по образу и подобию Колизея. Видимо, не случайно, думал он, на этом стадионе каждую осень пробуждаются кровожадные древние инстинкты и обезумевшие футбольные фанаты Гарвардского университета требуют крови ненавистных противников из Йеля.

As the chopper headed north, Langdon spied the Roman Forum-the heart of pre Christian Rome.	Чуть дальше к северу Лэнгдон увидел Форум - сердце дохристианского Рима.
The decaying columns looked like toppled gravestones in a cemetery that had somehow avoided being swallowed by the metropolis surrounding it.	Полуразрушенные колонны напоминали поваленные надгробия на кладбище, которое по какой-то странной иронии судьбы не было поглощено огромным мегаполисом.
To the west the wide basin of the Tiber River wound enormous arcs across the city.	На западе город рассекала огромная дуга Тибра.

Even from the air Langdon could tell the water was deep.	Даже с воздуха Лэнгдон видел, насколько глубока эта река.
The churning currents were brown, filled with silt and foam from heavy rains.	На ее блестящей поверхности там и тут виднелись пенистые воронки водоворотов, затягивающих в себя разнообразный мусор.

"Straight ahead," the pilot said, climbing higher.	- Прямо по курсу, - произнес пилот, поднимая машину еще выше.
Langdon and Vittoria looked out and saw it.	Лэнгдон и Виттория посмотрели в указанном направлении.

Like a mountain parting the morning fog, the colossal dome rose out of the haze before them: St. Peter's Basilica.	Прямо перед ними над голубоватой дымкой смога возвышался гигантский купол собора Святого Петра.
"Now that," Langdon said to Vittoria, "is something Michelangelo got right."	- А вот это творение, - сказал Лэнгдон, обращаясь к Виттории, - Микеланджело явно удалось.
Langdon had never seen St. Peter's from the air.	Лэнгдону никогда не доводилось видеть собор с высоты птичьего полета.

The marble fa?ade blazed like fire in the afternoon sun. Adorned with 140 statues of saints, martyrs, and angels, the Herculean edifice stretched two football fields wide and a staggering six long.	В лучах предвечернего южного солнца мраморный, украшенный многочисленными статуями фронтон здания полыхал розовым огнем.
The cavernous interior of the basilica had room for over 60,000 worshipers... over one hundred times the population of Vatican City, the smallest country in the world.	Напоминающее огромный грот помещение собора могло одновременно вместить 60 000 молящихся, что более чем в сто раз превышало все население Ватикана - самого маленького государства на планете.

Incredibly, though, not even a citadel of this magnitude could dwarf the piazza before it.	Но и сооружение таких невероятных размеров не могло подавить величия раскинувшейся перед ним площади.
A sprawling expanse of granite, St. Peter's Square was a staggering open space in the congestion of Rome, like a classical Central Park.	Вымощенная гранитом просторная пьяцца, расположенная в самом сердце Рима, являла собой подобие Центрального парка в классическом стиле.

In front of the basilica, bordering the vast oval common, 284 columns swept outward in four concentric arcs of diminishing size... an architectural trompe de l'oiel used to heighten the piazza's sense of grandeur.	Овал шириной 240 метров двумя полукружиями обрамляла крытая колоннада из 284 стоящих в четыре ряда дорических колонн, над которыми высились 140 скульптурных изображений святых и мучеников. Высота колонн в каждом ряду по мере приближения к площади немного уменьшалась, что создавало своего рода trompe l'oeil призванный подчеркнуть величие этого места.

As he stared at the magnificent shrine before him, Langdon wondered what St. Peter would think if he were here now.	По обеим сторонам площади располагались два прекрасных фонтана, а в самом ее центре возвышался привезенный Калигулой египетский обелиск. Император украсил обелиском цирк, и лишь в 1586 году камень нашел свое место на площади перед главным собором католического мира. Теперь на его вершине сверкал крест -символ христианства. Интересно, что подумал бы святой Петр, окажись он сейчас здесь, размышлял Лэнгдон, глядя на святыню.

The Saint had died a gruesome death, crucified upside down on this very spot. Now he rested in the most sacred of tombs, buried five stories down, directly beneath the central cupola of the basilica.	Петр умер, распятый вниз головой на этом самом месте, и теперь его прах покоился в гробнице, расположенной в глубоком подземелье под куполом базилики. Это была самая почитаемая из всех гробниц христианского мира.
"Vatican City," the pilot said, sounding anything but welcoming.	- Ватикан, - произнес пилот без тени гостеприимства.

Langdon looked out at the towering stone bastions that loomed ahead-impenetrable fortifications surrounding the complex... a strangely earthly defense for a spiritual world of secrets, power, and mystery.	Лэнгдон посмотрел на маячившие впереди стены и бастионы, окружающие здания Ватикана. Очень неподходящая... какая-то слишком земная защита для мира духа, власти и старинных тайн, подумал он.
"Look!" Vittoria said suddenly, grabbing Langdon's arm. She motioned frantically downward toward St. Peter's Square directly beneath them.	- Смотрите! - крикнула Виттория, потянув американца за рукав и приникнув к иллюминатору.
Langdon put his face to the window and looked.	Лэнгдон вытянул шею и посмотрел на площадь Святого Петра.

"Over there," she said, pointing.	- Смотрите туда...
Langdon looked. The rear of the piazza looked like a parking lot crowded with a dozen or so trailer trucks.	Лэнгдон взглянул в указанном направлении, и ему показалось, что он увидел автомобильную парковку.
Huge satellite dishes pointed skyward from the roof of every truck.	Дальняя часть площади была заполнена огромными автобусами и фургонами, с крыш которых в небо смотрели тарелки телевизионных антенн.
The dishes were emblazoned with familiar names:	На тарелках можно было прочесть хорошо знакомые надписи:
Televisor Europea	ЕВРОПЕЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Video Italia BBC United Press International	ВИДЕО-ИТАЛИЯ БИ-БИ-СИ ЮНАЙТЕД ПРЕСС ИНТЕРНЭШНЛ
Langdon felt suddenly confused, wondering if the news of the antimatter had already leaked out.	Неужели сведения об антиматерии уже просочились в прессу? Этого не может быть, несколько растерянно подумал Лэнгдон.
Vittoria seemed suddenly tense. "Why is the press here?	- Почему здесь так много представителей прессы?- напряженным голосом поинтересовалась Виттория.
What's going on?"	- Что у вас происходит?

The pilot turned and gave her an odd look over his shoulder. "What's going on? You don't know?"	- Что происходит? Неужели вы не знаете? -бросив на нее через плечо недоуменный взгляд, спросил, в свою очередь, пилот.
"No," she fired back, her accent husky and strong.	- Нет! - резко и чуть хрипло ответила она.
"Il Conclavo," he said.	- II Conclavo, - ответил пилот.
"It is to be sealed in about an hour.	- Двери будут опечатаны примерно через час.
The whole world is watching."	Весь мир следит за этим событием.
Il Conclavo.	II Conclavo.

The word rang a long moment in Langdon's ears before dropping like a brick to the pit of his stomach. Il Conclavo.	Это слово долгим эхом отозвалось в мозгу Лэнгдона и тяжелым камнем обрушилось куда-то вниз, в область сердца. II Conclavo.
The Vatican Conclave.	Ватиканский конклав.
How could he have forgotten?	Как он мог забыть?
It had been in the news recently.	Совсем недавно об этом сообщалось во всех сводках новостей.
Fifteen days ago, the Pope, after a tremendously popular twelve year reign, had passed away.	Пятнадцать дней на-зад, после двенадцати-летнего пребывания на Святом престоле, ушел из жизни всеми любимый папа.

Every paper in the world had carried the story about the Pope's fatal stroke while sleeping-a sudden and unexpected death many whispered was suspicious.	Во всех газетах мира появились статьи о случившемся во время сна кровоизлиянии в мозг. Эта смерть стала настолько неожиданной, что у многих возникли подозрения относительно ее действительной причины. Однако об этом предпочитали говорить шепотом.

But now, in keeping with the sacred tradition, fifteen days after the death of a Pope, the Vatican was holding Il Conclavo-the sacred ceremony in which the 165 cardinals of the world-the most powerful men in Christendom-gathered in Vatican City to elect the new Pope.	И вот теперь, следуя традиции, ровно через пятнадцать дней после кончины папы, Ватикан созвал конклав. 165 кардиналов съехались в Рим со всех концов христианского мира. Эти наиболее могущественные священнослужители собрались сегодня в Ватикане для того, чтобы избрать нового папу.
Every cardinal on the planet is here today, Langdon thought as the chopper passed over St. Peter's Basilica.	Все кардиналы планеты под одной крышей, думал Лэнгдон, когда вертолет пролетал над собором Святого Петра.
The expansive inner world of Vatican City spread out beneath him.	За собором его взору открылись знаменитые сады Ватикана и здание правительства.

The entire power structure of the Roman Catholic Church is sitting on a time bomb.	Вся властная структура римско-католической церкви оказалась - в самом буквальном смысле этого слова - на пороховой бочке.
34	Глава 34
Cardinal Mortati gazed up at the lavish ceiling of the Sistine Chapel and tried to find a moment of quiet reflection.	Кардинал Мортати, безуспешно пытаясь сосредоточиться, смотрел в роскошный потолок Сикстинской капеллы.

The frescoed walls echoed with the voices of cardinals from nations around the globe. The men jostled in the candlelit tabernacle, whispering excitedly and consulting with one another in numerous languages, the universal tongues being English, Italian, and Spanish.	Покрытые фресками стены отражали голоса собравшихся в капелле кардиналов. Съехавшиеся со всего мира священнослужители толпились в освещаемой свечами часовне, оживленно обмениваясь впечатлениями и задавая вопросы. Разговаривали взволнованным шепотом на многих языках, универсальными же средствами общения оставались английский, итальянский и испанский.

The light in the chapel was usually sublime-long rays of tinted sun slicing through the darkness like rays from heaven-but not today.	Традиционный способ освещения Сикстинской капеллы был весьма эффектным. Солнечный свет попадал в помещение через цветные стекла под потолком, создавая впечатление, что эти яркие, рассекающие тьму лучи нисходят прямо с небес. Так было всегда, но только не сегодня.
As was the custom, all of the chapel's windows had been covered in black velvet in the name of secrecy.	Согласно традиции, все окна капеллы были затянуты черным бархатом. Это делалось для сохранения тайны.
This ensured that no one on the inside could send signals or communicate in any way with the outside world.	Для того, чтобы никто из находящихся в помещении людей никак не мог связаться с внешним миром.

The result was a profound darkness lit only by candles... a shimmering radiance that seemed to purify everyone it touched, making them all ghostly... like saints.	Глубокую тьму Сикстинской капеллы слегка разгонял лишь свет от горящих свечей... Создавалось впечатление, что это мерцающее сияние очищало каждого, кто с ним соприкасался. Кардиналы в этом свете казались бестелесными духами... становились похожими на святых.
What privilege, Mortati thought, that I am to oversee this sanctified event.	Какая честь, думал Мортати, наблюдать за этим священнодействием.

Cardinals over eighty years of age were too old to be eligible for election and did not attend conclave, but at seventy nine years old, Mortati was the most senior cardinal here and had been appointed to oversee the proceedings.	Кардиналы старше восьмидесяти лет папой быть избраны не могли и на конклав не приглашались. В свои семьдесят девять лет Мортати оказался старшим по возрасту, и ему доверили следить за процедурой выборов.
Following tradition, the cardinals gathered here two hours before conclave to catch up with friends and engage in last minute discussion.	Следуя древней традиции, кардиналы собрались в капелле за два часа до открытия конклава, чтобы поговорить со старыми друзьями и провести последние консультации.

At 7 P.M., the late Pope's chamberlain would arrive, give opening prayer, and then leave.	Ровно в семь часов вечера в капелле должен был появиться камерарий покойного папы, чтобы прочитать молитву и тут же удалиться.
Then the Swiss Guard would seal the doors and lock all the cardinals inside.	Затем швейцарские гвардейцы опечатают двери, заперев кардиналов в капелле.
It was then that the oldest and most secretive political ritual in the world would begin.	Лишь после этого можно будет приступить к древнейшему и самому таинственному политическому ритуалу.
The cardinals would not be released until they decided who among them would be the next Pope.	Кардиналов не выпустят на свободу до тех пор, пока они не решат между собой, кому быть новым папой.

Conclave.	Конклав.
Even the name was secretive.	Даже само это слово подразумевало тайну.
"Con clave" literally meant "locked with a key."	"Con clave" - в буквальном переводе "закрытый на ключ".
The cardinals were permitted no contact whatsoever with the outside world.	Кардиналам категорически запрещалось в это время вступать в какие-либо контакты с внешним миром.

No phone calls.	Никаких телефонных звонков.
No messages.	Никаких посланий.
No whispers through doorways.	Никаких перешептываний через замочную скважину.

Conclave was a vacuum, not to be influenced by anything in the outside world.	Конклав являл собой вакуум, не подверженный воздействию внешней среды.
This would ensure that the cardinals kept Solum Dum prae oculis... only God before their eyes.	Ничто не должно было повлиять на решение кардиналов, поскольку "solum Dum prae okulis" -"лишь Бог был перед их глазами".
Outside the walls of the chapel, of course, the media watched and waited, speculating as to which of the cardinals would become the ruler of one billion Catholics worldwide.	За стенами капеллы, или, вернее, Ватикана, томились в ожидании представители прессы, строя различные предположения о том, кто станет будущим главой целого миллиарда населяющих земной шар католиков.

Conclaves created an intense, politically charged atmosphere, and over the centuries they had turned deadly: poisonings, fist fights, and even murder had erupted within the sacred walls.	Атмосфера на конклавах иногда накалялась до предела, и истории были известны случаи, когда возникающее на них политическое противостояние приводило к человеческим жертвам. Священные стены капеллы были свидетелями жестоких драк, загадочных отравлений и даже явных убийств.
Ancient history, Mortati thought.	Все это - древняя история, думал Мортати.
Tonight's conclave will be unified, blissful, and above all... brief.	Сегодня все кардиналы выступят единым фронтом, конклав пройдет в благостной атмосфере и... даст Бог, окажется коротким.

Or at least that had been his speculation.	Во всяком случае, он так предполагал.
Now, however, an unexpected development had emerged.	Но случилось то, чего никто не ожидал.
Mystifyingly, four cardinals were absent from the chapel.	По какой-то таинственной причине в капелле отсутствовали четыре кардинала.

Mortati knew that all the exits to Vatican City were guarded, and the missing cardinals could not have gone far, but still, with less than an hour before opening prayer, he was feeling disconcerted.	Мортати знал, что все входы и выходы в Ватикане тщательно охраняются и кардиналы не могли уйти далеко. Но тем не менее старик начал беспокоиться, поскольку до молитвы открытия оставалось чуть менее часа.
After all, the four missing men were no ordinary cardinals.	Ведь четыре пропавших священнослужителя не были обычными кардиналами.
They were the cardinals.	Они были теми самыми кардиналами.
The chosen four.	Четырьмя избранниками.

As overseer of the conclave, Mortati had already sent word through the proper channels to the Swiss Guard alerting them to the cardinals' absence.	Как лицо, ответственное за проведение выборов, Мортати по соответствующим каналам известил командование швейцарской гвардии об исчезновении кардиналов.
He had yet to hear back.	Ответа от гвардейцев пока не поступило.

Other cardinals had now noticed the puzzling absence. The anxious whispers had begun.	Другие кардиналы, заметив необъяснимое отсутствие своих коллег, начали тревожно перешептываться.
Of all cardinals, these four should be on time!	Эти четверо просто обязаны были находиться в Сикстинской капелле!

Cardinal Mortati was starting to fear it might be a long evening after all.	Кардинал Мортати начал подумывать, что конклав может оказаться продолжительнее, чем он рассчитывал.
He had no idea.	Если бы он знал, чем закончится этот вечер!
35	Глава 35
The Vatican's helipad, for reasons of safety and noise control, is located in the northwest tip of Vatican City, as far from St. Peter's Basilica as possible.	Посадочная площадка вертолетов из соображений безопасности и во избежание излишнего шума находилась в северо-западном углу Ватикана, на максимальном удалении от собора Святого Петра.
"Terra firma," the pilot announced as they touched down.	- Твердь земная, - объявил пилот, как только шасси вертолета коснулись бетонной площадки.

He exited and opened the sliding door for Langdon and Vittoria.	После этого он вышел из кабины и открыл дверь пассажирского отсека для Виттории и Лэнгдона.
Langdon descended from the craft and turned to help Vittoria, but she had already dropped effortlessly to the ground.	Лэнгдон, выйдя из машины первым, повернулся, чтобы помочь спуститься Виттории, но та без его помощи легко спрыгнула на землю.
Every muscle in her body seemed tuned to one objective- finding the antimatter before it left a horrific legacy.	Было видно, что девушка всем своим существом стремится к одной цели - найти антивещество, до того как случится непоправимое.

After stretching a reflective sun tarp across the cockpit window, the pilot ushered them to an oversized electric golf cart waiting near the helipad.	Пилот прикрыл стекло кабины солнцезащитным чехлом и провел их к транспортному средству, очень напоминающему электрокар, который игроки в гольф используют для перемещения по полю.
The cart whisked them silently alongside the country's western border-a fifty foot tall cement bulwark thick enough to ward off attacks even by tanks.	От обычного электрокара этот механизм отличался лишь большими размерами. Кар-переросток бесшумно повез их вдоль западной границы города-государства -высоченной бетонной стены, вполне способной противостоять танковой атаке противника.

Lining the interior of the wall, posted at fifty meter intervals, Swiss Guards stood at attention, surveying the interior of the grounds.	Вдоль стены через каждые пятьдесят метров стояли по стойке "смирно" швейцарские гвардейцы, внимательно наблюдая за тем, что происходит на территории страны.
The cart turned sharply right onto Via della Osservatorio. Signs pointed in all directions:	Кар резко свернул на виа делла Оссерваторио, и Лэнгдон увидел несколько смотрящих в разные стороны дорожных указателей:
Palazzio Governatorio	ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДВОРЕЦ
Collegio Ethiopiana	КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ЭФИОПИИ
Basilica San Pietro	СОБОР СВ. ПЕТРА
Capella Sistina	СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА

They accelerated up the manicured road past a squat building marked Radio Vaticana.	Водитель прибавил скорость, и они понеслись по ухоженной до блеска дороге. Через пару секунд мимо них проплыло приземистое здание, на котором значилось "Радио Ватикана".
This, Langdon realized to his amazement, was the hub of the world's most listened to radio programming-Radio Vaticana-spreading the word of God to millions of listeners around the globe.	Так вот как, оказывается, выглядит сердце знаменитого "Radio Vaticana", сеющего слово Божие среди миллионов слушателей во всех частях света.
"Attenzione," the pilot said, turning sharply into a rotary.	- Attenzione! - бросил водитель, резко вращая баранку.

As the cart wound round, Langdon could barely believe the sight now coming into view.	Кар свернул за угол, и Лэнгдон не поверил своим глазам, настолько прекрасным оказался открывшийся перед ним вид.
Giardini Vaticani, he thought.	Giardini Vaticani.
The heart of Vatican City.	Знаменитые сады Ватикана - подлинное сердце этого города-государства, подумал он.

Directly ahead rose the rear of St. Peter's Basilica, a view, Langdon realized, most people never saw. To the right loomed the Palace of the Tribunal, the lush papal residence rivaled only by Versailles in its baroque embellishment.	Мало кому из простых смертных доводилось видеть Ватикан с этой точки. Прямо перед ними высилась громада собора Святого Петра, а чуть справа располагалась папская резиденция в стиле барокко, ничуть не уступающая в своем великолепии пышному барокко Версаля.
The severe looking Governatorato building was now behind them, housing Vatican City's administration.	Строгое здание, приютившее правительство города-государства, теперь находилось у них за спиной.

And up ahead on the left, the massive rectangular edifice of the Vatican Museum.	А впереди слева возвышался массивный многоугольник музея Ватикана.
Langdon knew there would be no time for a museum visit this trip.	Лэнгдон осознавал, что в этот раз времени для посещения музея у него не будет.
"Where is everyone?" Vittoria asked, surveying the deserted lawns and walkways.	- Где все? - спросила Виттория, обозревая пустынные лужайки и тротуары.
The guard checked his black, military style chronograph-an odd anachronism beneath his puffy sleeve.	Гвардеец взглянул на свои черные, выглядевшие совершенно неуместно под пышным рукавом униформы армейские часы и сказал:

"The cardinals are convened in the Sistine Chapel.	- Все кардиналы уже собрались в Сикстинской капелле.
Conclave begins in a little under an hour."	Конклав открывается меньше чем через час.
Langdon nodded, vaguely recalling that before conclave the cardinals spent two hours inside the Sistine Chapel in quiet reflection and visitations with their fellow cardinals from around the globe.	Лэнгдон кивнул, припомнив, что кардиналы приходят в капеллу за два часа до начала, чтобы предаться тихим размышлениям и обменяться любезностями со своими прибывшими с разных концов земли коллегами.
The time was meant to renew old friendships among the cardinals and facilitate a less heated election process.	Эти два часа предназначались для того, чтобы восстановить старую дружбу и сделать предстоящие дебаты не столь жаркими.

"And the rest of the residents and staff?"	- А куда подевались остальные обитатели и персонал? - полюбопытствовала Виттория.

"Banned from the city for secrecy and security until the conclave concludes."	- Удалены до завершения конклава в целях безопасности и для сохранения тайны, - сообщил швейцарец.
"And when does it conclude?"	- Когда он завершится?
The guard shrugged. "God only knows." The words sounded oddly literal.	- А вот это известно лишь одному Богу, - пожал плечами гвардеец, и по этому жесту и тону его голоса можно было понять, что молодой человек вкладывает в свои слова буквальный смысл.

After parking the cart on the wide lawn directly behind St. Peter's Basilica, the guard escorted Langdon and Vittoria up a stone escarpment to a marble plaza off the back of the basilica.	Оставив машину на зеленой лужайке прямо за собором Святого Петра, швейцарец провел Лэнгдона и Витторию вдоль каменной стены до мощенной мраморными плитами площади, расположенной с тыльной стороны собора.
Crossing the plaza, they approached the rear wall of the basilica and followed it through a triangular courtyard, across Via Belvedere, and into a series of buildings closely huddled together.	Перейдя через площадь, они снова подошли к базилике и двинулись по виа Бельведер мимо стоящих вплотную друг к другу зданий.

Langdon's art history had taught him enough Italian to pick out signs for the Vatican Printing Office, the Tapestry Restoration Lab, Post Office Management, and the Church of St. Ann.	Поскольку Лэнгдону приходилось заниматься историей искусства, он обладал достаточными познаниями в итальянском языке, чтобы понять из надписей, что их путь лежит мимо типографии, лаборатории по реставрации гобеленов, почтового управления и церкви Святой Анны.
They crossed another small square and arrived at their destination.	Затем, миновав еще одну площадь, они прибыли к месту назначения.

The Office of the Swiss Guard is housed adjacent to Il Corpo di Vigilanza, directly northeast of St. Peter's Basilica. The office is a squat, stone building.	Приземистое здание, служившее штаб-квартирой швейцарской гвардии, располагалось на северо-восточном краю Ватикана, рядом с помещением кордегардии.
On either side of the entrance, like two stone statues, stood a pair of guards.	По обе стороны от входных дверей штаба, подобно каменным изваяниям, замерли два швейцарских гвардейца.
Langdon had to admit, these guards did not look quite so comical.	На сей раз Лэнгдон был вынужден признать, что эти парни выглядели вовсе не комично.

Although they also wore the blue and gold uniform, each wielded the traditional "Vatican long sword"-an eight foot spear with a razor sharp scythe-rumored to have decapitated countless Muslims while defending the Christian crusaders in the fifteenth century.	Стражи так же, как и их проводник, были облачены в голубую с золотом форму, но в руках у них были традиционные "длинные мечи Ватикана" - восьмифутовые копья с острыми как бритва наконечниками в форме полумесяца. Если верить легендам, во время крестовых походов эти полумесяцы снесли бесчисленное множество мусульманских голов.
As Langdon and Vittoria approached, the two guards stepped forward, crossing their long swords, blocking the entrance.	Как только Лэнгдон и Виттория приблизились к дверям, оба гвардейца, как по команде, сделали шаг вперед и скрестили копья, загородив проход.

One looked up at the pilot in confusion. "I pantaloni," he said, motioning to Vittoria's shorts.	- I pantaloni, - в замешательстве произнес один из них, обращаясь к пилоту и свободной рукой указывая на шорты Виттории.

The pilot waved them off. "Il comandante vuole vederli subito."	- II comandante voule vederli subito , - отмахнулся от сверхбдительного стража пилот.
The guards frowned. Reluctantly they stepped aside.	Часовые с недовольной миной неохотно отступили в сторону.
Inside, the air was cool. It looked nothing like the administrative security offices Langdon would have imagined.	Внутри здания царила прохлада, и оно совсем не походило на помещение службы безопасности, каким его представлял себе Лэнгдон.

Ornate and impeccably furnished, the hallways contained paintings Langdon was certain any museum worldwide would gladly have featured in its main gallery.	На стенах изысканно украшенных и безупречно обставленных холлов висели картины, которые любой музей мира поместил бы на самом почетном месте.
The pilot pointed down a steep set of stairs. "Down, please."	- Вниз, пожалуйста, - пригласил пилот, показывая на довольно крутые ступени.
Langdon and Vittoria followed the white marble treads as they descended between a gauntlet of nude male sculptures.	Лэнгдон и Виттория шагали по беломраморным ступеням сквозь строй скульптур.

Each statue wore a fig leaf that was lighter in color than the rest of the body.	Это были статуи обнаженных мужчин, и на каждой из них имелся фиговый листок, который был чуть светлее остального тела.
The Great Castration, Langdon thought.	Великая кастрация, подумал Лэнгдон.
It was one of the most horrific tragedies in Renaissance art.	Это была одна из самых величайших потерь, которые понесло искусство Возрождения.
In 1857, Pope Pius IX decided that the accurate representation of the male form might incite lust inside the Vatican.	В 1857 году папа Пий IX решил, что чрезмерно точное воспроизведение мужского тела может пробудить похоть у обитателей Ватикана.

So he got a chisel and mallet and hacked off the genitalia of every single male statue inside Vatican City.	Поэтому, вооружившись резцом и киянкой, он собственноручно срубил гениталии у всех мужских скульптур.
He defaced works by Michelangelo, Bramante, and Bernini.	Папа изувечил шедевры Микеланджело, Браманте и Бернини.
Plaster fig leaves were used to patch the damage. Hundreds of sculptures had been emasculated.	Нанесенные скульптурам повреждения были стыдливо прикрыты алебастровыми фиговыми листками.
Langdon had often wondered if there was a huge crate of stone penises someplace.	Лэнгдона всегда занимал вопрос, не стоит ли где-нибудь в Ватикане громадный, заполненный мраморными пенисами сундук?..
"Here," the guard announced.	- Сюда, - провозгласил проводник.

They reached the bottom of the stairs and dead ended at a heavy, steel door.	Они уже спустились с лестницы и теперь стояли перед тяжелыми стальными дверями.
The guard typed an entry code, and the door slid open.	Швейцарец набрал цифровой код, и дверь бесшумно скользнула в стену.
Langdon and Vittoria entered. Beyond the threshold was absolute mayhem.	В помещении за порогом было настоящее столпотворение.
36	Глава 36
The Office of the Swiss Guard.	Штаб швейцарской гвардии.

Langdon stood in the doorway, surveying the collision of centuries before them.	Лэнгдон стоял в дверях и смотрел на смешение разных эпох, открывшееся перед его глазами.
Mixed media.	Встреча времен, думал он.

The room was a lushly adorned Renaissance library complete with inlaid bookshelves, oriental carpets, and colorful tapestries... and yet the room bristled with high tech gear-banks of computers, faxes, electronic maps of the Vatican complex, and televisions tuned to CNN.	Помещение являло собой великолепно декорированную библиотеку эпохи Ренессанса. Книжные полки, роскошные восточные ковры и яркие гобелены... и в то же время блоки новейших компьютеров и факсов, электронные карты Ватикана и телевизоры, настроенные на прием Си-эн-эн.

Men in colorful pantaloons typed feverishly on computers and listened intently in futuristic headphones.	Мужчины в живописных панталонах и футуристического вида наушниках яростно стучали по клавишам, внимательно вглядываясь в экраны мониторов.
"Wait here," the guard said. Langdon and Vittoria waited as the guard crossed the room to an exceptionally tall, wiry man in a dark blue military uniform.	- Подождите здесь, - сказал их провожатый и направился через весь зал к необычайно высокому жилистому человеку, облаченному в темно-синий мундир.
He was talking on a cellular phone and stood so straight he was almost bent backward.	Человек разговаривал по сотовому телефону и держался так прямо, что создавалось впечатление, будто он даже прогибался назад.

The guard said something to him, and the man shot a glance over at Langdon and Vittoria. He nodded, then turned his back on them and continued his phone call.	Швейцарец что-то ему сказал, человек в синем бросил быстрый взгляд в сторону Лэнгдона и Виттории, кивнул и вернулся к телефонной беседе.
The guard returned. "Commander Olivetti will be with you in a moment."	- Коммандер Оливетти примет вас через минуту, -сказал гвардеец, вернувшись.
"Thank you."	- Благодарю.
The guard left and headed back up the stairs.	Гвардеец кивнул и направился назад, к лестнице.

Langdon studied Commander Olivetti across the room, realizing he was actually the Commander in Chief of the armed forces of an entire country.	Лэнгдон внимательно посмотрел на коммандера Оливетти, понимая, что перед ним Верховный главнокомандующий армией суверенной державы.
Vittoria and Langdon waited, observing the action before them.	Виттория и Лэнгдон ждали, наблюдая за происходящим.
Brightly dressed guards bustled about yelling orders in Italian.	Г вардейцы в ярких униформах проявляли поистине бурную деятельность. Со всех сторон доносились команды на итальянском языке.

"Continua cercando!" one yelled into a telephone.	- Continua cercando! - кричал в микрофон один из них.
"Probasti il mus?o?" another asked.	- Probasti il museo! - вторил ему другой.
Langdon did not need fluent Italian to discern that the security center was currently in intense search mode.	Лэнгдону не надо было хорошо знать итальянский язык, чтобы понять - служба безопасности Ватикана ведет интенсивные поиски.
This was the good news.	Это, безусловно, была хорошая новость.

The bad news was that they obviously had not yet found the antimatter.	Плохая же новость заключалась в том, что антивещество они пока не обнаружили.

"You okay?" Langdon asked Vittoria.	- С вами все в порядке? - спросил он Витторию.
She shrugged, offering a tired smile.	Девушка в ответ лишь устало улыбнулась и пожала плечами.
When the commander finally clicked off his phone and approached across the room, he seemed to grow with each step.	Коммандер тем временем закончил разговор, решительным движением захлопнул мобильник и направился к ним. С каждым шагом офицер, казалось, становился все выше и выше.
Langdon was tall himself and not accustomed to looking up at many people, but Commander Olivetti demanded it.	Лэнгдон и сам был достаточно высок, и ему редко доводилось смотреть на кого-нибудь снизу вверх, но в данном случае избежать этого было просто невозможно.

Langdon sensed immediately that the commander was a man who had weathered tempests, his face hale and steeled.	Весь вид коммандера требовал подчинения, и Лэнгдон сразу понял, что этот человек прошел через многое. Его моложавое не по возрасту лицо было словно выковано из закаленной стали.
His dark hair was cropped in a military buzz cut, and his eyes burned with the kind of hardened determination only attainable through years of intense training.	Темные волосы были острижены коротким ежиком на военный манер, а глаза исполнены той непреклонной решимости, которая достигается лишь годами упорной муштры.

He moved with ramrod exactness, the earpiece hidden discreetly behind one ear making him look more like U.S. Secret Service than Swiss Guard.	Он надвигался на них неумолимо, как танк. За ухом у него был крошечный наушник, и это делало его похожим на агента американской секретной службы из плохого фильма.
The commander addressed them in accented English.	Офицер обратился к ним на английском языке с довольно сильным итальянским акцентом.
His voice was startlingly quiet for such a large man, barely a whisper. It bit with a tight, military efficiency.	Его голос для столь внушительной фигуры оказался на редкость тихим, но, несмотря на это, звучал по-военному уверенно и напористо.
"Good afternoon," he said.	- Добрый день, - сказал он.

"I am Commander Olivetti-Comandante Principale of the Swiss Guard. I'm the one who called your director."	- Я - коммандер Оливетти, главнокомандующий швейцарской гвардией, и это я звонил вашему директору.
Vittoria gazed upward. "Thank you for seeing us, sir."	- Примите нашу благодарность, сэр, за то, что согласились нас принять, - подняла на него глаза Виттория.
The commander did not respond.	Коммандер, ничего не ответив, жестом пригласил их следовать за ним.
He motioned for them to follow and led them through the tangle of electronics to a door in the side wall of the chamber.	Лавируя в лабиринте электронных приборов, они добрались до двери в боковой стене зала.

"Enter," he said, holding the door for them.	- Входите, - пригласил офицер, придерживая дверь.

Langdon and Vittoria walked through and found themselves in a darkened control room where a wall of video monitors was cycling lazily through a series of black and white images of the complex.	Переступив через порог, Лэнгдон и Виттория оказались в затемненной комнате, одна из стен которой светилась экранами множества мониторов. На этих экранах, сменяя друг друга, лениво двигались изображения различных уголков Ватикана.
A young guard sat watching the images intently.	За картинками внимательно следил молодой гвардеец.
"Fuori," Olivetti said.	- Fuori , - сказал Оливетти.

The guard packed up and left.	Солдат поднялся со стула и вышел из комнаты.
Olivetti walked over to one of the screens and pointed to it. Then he turned toward his guests.	Оливетти подошел к одному из мониторов и произнес, указывая на экран:
"This image is from a remote camera hidden somewhere inside Vatican City.	- Это изображение идет с одной из камер дистанционного контроля, спрятанной где-то в недрах Ватикана.
I'd like an explanation."	Не могли бы вы объяснить, что это такое?
Langdon and Vittoria looked at the screen and inhaled in unison.	Лэнгдон и Виттория бросили взгляд на дисплей и не удержались от вздоха.

The image was absolute. No doubt.	Места для сомнений не осталось.
It was CERN's antimatter canister.	Это была ловушка антиматерии, доставленная сюда из ЦЕРНа.
Inside, a shimmering droplet of metallic liquid hung ominously in the air, lit by the rhythmic blinking of the LED digital clock.	Внутри прозрачной сферы мерцала парившая в воздухе металлическая капля. Единственным источником света в том месте, где находился сосуд, служил дисплей электронного секундомера с ритмично меняющимися на нем цифрами.

Eerily, the area around the canister was almost entirely dark, as if the antimatter were in a closet or darkened room.	Вокруг ловушки царила полная темнота, словно ее поместили куда-то под землю или в полностью закрытое помещение.
At the top of the monitor flashed superimposed text: Live Feed-Camera #86.	В верхнем левом углу монитора виднелась надпись: "Прямая передача - камера наблюдения №86".
Vittoria looked at the time remaining on the flashing indicator on the canister. "Under six hours," she whispered to Langdon, her face tense.	Виттория взглянула на меняющиеся цифры электронного счетчика времени и прошептала Лэнгдону: - Менее шести часов...

Langdon checked his watch. "So we have until..." He stopped, a knot tightening in his stomach.	- Итак, мы располагаем временем до... - произнес Лэнгдон, поднося к глазам руку с часами. Закончить фразу ему помешал сильный спазм где-то в районе желудка.
"Midnight," Vittoria said, with a withering look.	- ...до полуночи, - с безнадежным видом сказала вместо него Виттория.
Midnight, Langdon thought.	"Полночь, - подумал Лэнгдон.
A flair for the dramatic.	- Очередное проявление театральности".
Apparently whoever stole the canister last night had timed it perfectly.	Тот, кто прошлой ночью похитил ловушку, очевидно, точно рассчитал время.

A stark foreboding set in as he realized he was currently sitting at ground zero.	Мощнейший, грозящий катастрофой заряд уже был установлен на месте будущего взрыва, или в "точке зеро", как говорят специалисты.
Olivetti's whisper now sounded more like a hiss. "Does this object belong to your facility?"	- Вы подтверждаете, что данный объект принадлежит вашему учреждению? - Шепот Оливетти теперь больше походил на шипение.
Vittoria nodded. "Yes, sir.	- Да, сэр, - кивнула Виттория.
It was stolen from us. It contains an extremely combustible substance called antimatter."	- Этот сосуд был похищен из нашей лаборатории, и он содержит чрезвычайно взрывоопасную субстанцию, называемую антивеществом.

Olivetti looked unmoved.	Слова Виттории ничуть не встревожили Оливетти.
"I am quite familiar with incendiaries, Ms. Vetra. I have not heard of antimatter."	- Я очень хорошо знаком со взрывным делом, мисс Ветра, но о взрывчатке, именуемой "антивещество", ничего не слышал.
"It's new technology.	- Это продукт новых технологий.
We need to locate it immediately or evacuate Vatican City."	Сосуд надо найти немедленно. В противном случае придется эвакуировать весь Ватикан.
Olivetti closed his eyes slowly and reopened them, as if refocusing on Vittoria might change what he just heard.	Оливетти закрыл глаза, а затем медленно открыл их, словно надеясь на то, что это способно изменить смысл слов, произнесенных девушкой.

"Evacuate?	- Эвакуировать? - переспросил он.
Are you aware what is going on here this evening?"	- Вам, надеюсь, известно, что в данный момент происходит в Ватикане?
"Yes, sir.	- Да, сэр.
And the lives of your cardinals are in danger.	И жизнь ваших кардиналов находится в опасности.
We have about six hours.	В нашем распоряжении примерно шесть часов.
Have you made any headway locating the canister?"	Вам удалось хоть сколько-нибудь продвинуться в поисках ловушки?

Olivetti shook his head. "We haven't started looking."	- Так вы называете эту штуку "ловушкой"? - спросил он и, величественно наклонив голову, добавил: - Мы даже и не приступали к ее поискам.
Vittoria choked. "What?	- Что? - спросила, едва не задохнувшись от изумления, Виттория.
But we expressly heard your guards talking about searching the-"	- Но мы своими ушами слышали, как ваши подчиненные говорили о поисках...
"Searching, yes," Olivetti said, "but not for your canister.	- Поисках, да... - сказал Оливетти. - Но мы ищем вовсе не эту игрушку.
My men are looking for something else that does not concern you."	Мои люди заняты поисками, которые не имеют никакого отношения к вашему делу.

Vittoria's voice cracked. "You haven't even begun looking for this canister?"	- Следовательно, вы не начали искать ловушку? -срывающимся от волнения голосом повторила Виттория. - Я вас правильно поняла?

Olivetti's pupils seemed to recede into his head. He had the passionless look of an insect.	Зрачки Оливетти сузились так сильно, что создавалось впечатление, будто они просто втянулись в глазные яблоки, и это сделало его похожим на насекомого.
"Ms. Vetra, is it?	- Послушайте, как вас там? Мисс Ветра, кажется?- спросил он с бесстрастностью все того же насекомого.
Let me explain something to you.	- Позвольте мне высказаться откровенно.

The director of your facility refused to share any details about this object with me over the phone except to say that I needed to find it immediately.	Директор вашего заведения отказался поделиться со мной подробностями относительно характера объекта, заявив лишь, что я должен немедленно его найти.
We are exceptionally busy, and I do not have the luxury of dedicating manpower to a situation until I get some facts."	В данный момент мы чрезвычайно заняты, и я не могу позволить себе роскоши задействовать людские ресурсы, пока мне не станут известны все обстоятельства.

"There is only one relevant fact at this moment, sir," Vittoria said, "that being that in six hours that device is going to vaporize this entire complex."	- В данный момент, сэр, лишь одно обстоятельство имеет значение, - жестким тоном произнесла Виттория. - Если вы не найдете прибора, то не позже чем через шесть часов ваш Ватикан взлетит на воздух. Или испарится, если вас это больше устраивает.
Olivetti stood motionless.	На лице Оливетти не дрогнул ни один мускул.
"Ms. Vetra, there is something you need to know." His tone hinted at patronizing.	- Мисс Ветра, - начал он, и теперь в его голосе можно было уловить снисходительные нотки.

"Despite the archaic appearance of Vatican City, every single entrance, both public and private, is equipped with the most advanced sensing equipment known to man.	- Несмотря на несколько архаичный внешний вид Ватикана, каждая его дверь, как служебная, так и предназначенная для публики, снабжена новейшими, самыми чувствительными приборами защиты из всех известных человечеству.
If someone tried to enter with any sort of incendiary device it would be detected instantly.	Если кто-то вдруг пожелает проникнуть к нам с взрывчатым веществом, оно немедленно будет обнаружено.

We have radioactive isotope scanners, olfactory filters designed by the American DEA to detect the faintest chemical signatures of combustibles and toxins.	В нашем распоряжении имеются сканеры радиоактивных изотопов, приборы, которые по тончайшему запаху могут мгновенно расшифровывать химический состав любых веществ, включая токсины.
We also use the most advanced metal detectors and X ray scanners available."	Повсюду установлены новейшие металлодетекторы и рентгеновские аппараты...
"Very impressive," Vittoria said, matching Olivetti's cool.	- Весьма впечатляюще, - прервала его речь Виттория. Слова девушки звучали столь же холодно, как и слова комманд дера.

"Unfortunately, antimatter is nonradioactive, its chemical signature is that of pure hydrogen, and the canister is plastic.	- К моему величайшему сожалению, антивещество не обладает радиоактивностью. Оно не имеет запаха, а по своему химическому составу является чистейшим водородом. Сам сосуд изготовлен из нейтрального пластика.

None of those devices would have detected it."	Боюсь, что все ваши новейшие приборы окажутся в данном случае бессильны.
"But the device has an energy source," Olivetti said, motioning to the blinking LED.	- Но ваша ловушка имеет источник питания, -сказал Оливетти, показывая на мелькающие цифры хронометра.

"Even the smallest trace of nickel cadmium would register as-"	- Даже малейший след никель-кадмиевого...
"The batteries are also plastic."	- Аккумулятор тоже изготовлен из пластика.
Olivetti's patience was clearly starting to wane.	- Пластмассовый аккумулятор?!
"Plastic batteries?"	- Судя по тону, каким был задан этот вопрос, терпение Оливетти подходило к концу.
"Polymer gel electrolyte with Teflon."	- Да. Электролит из полимерного геля и тефлона.
Olivetti leaned toward her, as if to accentuate his height advantage.	Оливетти наклонился вперед, словно подчеркивая свое превосходство в росте, и раздельно произнес:

"Signorina, the Vatican is the target of dozens of bomb threats a month.	- Синьорина, в Ватикан каждый месяц поступают десятки сообщений с угрозой взрыва.
I personally train every Swiss Guard in modern explosive technology.	Я персонально инструктирую свой персонал по всем новейшим проблемам взрывной техники.
I am well aware that there is no substance on earth powerful enough to do what you are describing unless you are talking about a nuclear warhead with a fuel core the size of a baseball."	И мне прекрасно известно, что в мире не существует взрывчатого вещества, способного, по вашим словам, уничтожить Ватикан. Если вы, конечно, не имеете в виду ядерное устройство. Если вы все-таки говорите о ядерном оружии, то оно должно иметь боеголовку размером как минимум с бейсбольный мяч.

Vittoria framed him with a fervent stare. "Nature has many mysteries yet to unveil."	- Природа таит в себе массу пока еще не раскрытых тайн, - ответила Виттория, испепеляя офицера взглядом.
Olivetti leaned closer. "Might I ask exactly who you are? What is your position at CERN?"	- Могу я поинтересоваться, - сказал Оливетти, наклоняясь еще ниже, - какой пост вы занимаете в ЦЕРНе?
"I am a senior member of the research staff and appointed liaison to the Vatican for this crisis."	- Я старший исследователь, и на период данного кризиса мне поручено осуществлять связь между моей организацией и Ватиканом.

"Excuse me for being rude, but if this is indeed a crisis, why am I dealing with you and not your director?	- Прошу прощения за грубость, но если мы действительно имеем дело с кризисом, почему я имею дело с вами, а не с вашим директором?
And what disrespect do you intend by coming into Vatican City in short pants?"	И почему вы позволяете себе проявлять неуважение к Ватикану, являясь в это святое место в шортах?
Langdon groaned.	Лэнгдон издал тихий стон.
He couldn't believe that under the circumstances the man was being a stickler for dress code.	Ученый не мог поверить, что в подобных обстоятельствах Верховный главнокомандующий будет думать о стиле одежды.

Then again, he realized, if stone penises could induce lustful thoughts in Vatican residents, Vittoria Vetra in shorts could certainly be a threat to national security.	Однако он вспомнил о каменных пенисах, которые, по мнению здешнего начальства, могли пробудить похоть у подчиненных, и решил, что появление девицы в обтягивающих шортах вполне способно произвести в Ватикане сексуальную революцию. Так что поведение коммандера было отчасти оправданно. Виттория Ветра являла собой угрозу безопасности Ватикана.
"Commander Olivetti," Langdon intervened, trying to diffuse what looked like a second bomb about to explode.	- Коммандер Оливетти, - сказал Лэнгдон, выступая вперед (ему не хотелось, чтобы на его глазах взорвалась еще одна бомба), - позвольте представиться.

"My name is Robert Langdon.	Меня зовут Роберт Лэнгдон.
I'm a professor of religious studies in the U.S. and unaffiliated with CERN.	Я преподаю историю религии в Гарвардском университете и к ЦЕРНу не имею ни малейшего отношения.
I have seen an antimatter demonstration and will vouch for Ms. Vetra's claim that it is exceptionally dangerous.	Я видел, на что способно антивещество, и целиком разделяю точку зрения мисс Ветра о его чрезвычайной опасности.
We have reason to believe it was placed inside your complex by an antireligious cult hoping to disrupt your conclave."	У нас есть все основания полагать, что антивещество доставлено в ваш комплекс членами антирелигиозного сообщества с целью сорвать конклав.

Olivetti turned, peering down at Langdon. "I have a woman in shorts telling me that a droplet of liquid is going to blow up Vatican City, and I have an American professor telling me we are being targeted by some antireligious cult.	- Итак, - начал офицер, сверля глазами Лэнгдона, -теперь, помимо женщины в шортах, уверяющей, что капля какого-то таинственного антивещества способна взорвать Ватикан, я имею американского профессора, заявляющего, что нам угрожает некое антирелигиозное сообщество.
What exactly is it you expect me to do?"	Чего же именно вы от меня хотите?
"Find the canister," Vittoria said.	- Найдите ловушку, - сказала Виттория.
"Right away."	- И немедленно.
"Impossible.	- Это невозможно.

That device could be anywhere.	Прибор может находиться где угодно.
Vatican City is enormous."	Ватикан достаточно велик.
"Your cameras don't have GPS locators on them?"	- Неужели ваши камеры слежения не снабжены сигнализаторами, указывающими их местонахождение?
"They are not generally stolen.	- Как правило, их у нас не воруют.
This missing camera will take days to locate."	Чтобы найти пропавшую камеру, потребуется несколько дней.
"We don't have days," Vittoria said adamantly.	- О днях не может быть и речи, - с вызовом бросила Виттория.
"We have six hours."	- В нашем распоряжении лишь шесть часов.

"Six hours until what, Ms. Vetra?" Olivetti's voice grew louder suddenly.	- Шесть часов до чего, мисс Ветра? - спросил Оливетти, и голос его на сей раз прозвучал неожиданно громко.
He pointed to the image on the screen. "Until these numbers count down?	Махнув рукой в сторону экрана, коммандер продолжил: - До тех пор, пока эта штука не закончит счет?
Until Vatican City disappears?	До тех пор, пока не испарится Ватикан?
Believe me, I do not take kindly to people tampering with my security system.	Поверьте, я терпеть не могу людей, которые наносят ущерб моей системе безопасности, воруя камеры.

Nor do I like mechanical contraptions appearing mysteriously inside my walls.	Точно так же я не люблю и механических приспособлений, которые таинственным образом появляются в стенах города.
I am concerned. It is my job to be concerned. But what you have told me here is unacceptable."	Моя работа требует постоянной подозрительности, но то, что говорите вы, мисс Ветра, лежит за пределами возможного.
Langdon spoke before he could stop himself. "Have you heard of the Illuminati?" The commander's icy exterior cracked. His eyes went white, like a shark about to attack.	- Вам когда-нибудь приходилось слышать о братстве "Иллюминати"? - вдруг выпалил Лэнгдон. Ледяная маска вдруг дала трещину. Глаза командера побелели, как у готовящейся напасть акулы, и он прогремел:

"I am warning you. I do not have time for this."	- Я вас предупреждал, что у меня нет времени выслушивать всякие глупости!
"So you have heard of the Illuminati?"	- Следовательно, о сообществе "Иллюминати" вы слышали?
Olivetti's eyes stabbed like bayonets. "I am a sworn defendant of the Catholic Church.	- Я дал клятву охранять католическую церковь, -ответил Оливетти; теперь его взгляд стал походить на острие штыка.
Of course I have heard of the Illuminati.	- И об этом сообществе, естественно, слышал.
They have been dead for decades."	Мне также известно, что это, с позволения сказать, братство не существует вот уже несколько десятков лет.

Langdon reached in his pocket and pulled out the fax image of Leonardo Vetra's branded body. He handed it to Olivetti.	Лэнгдон запустил руку в карман, извлек листок с изображением заклейменного тела Леонардо Ветра и вручил его Оливетти.
"I am an Illuminati scholar," Langdon said as Olivetti studied the picture.	- Я давно занимаюсь изучением истории братства
"I am having a difficult time accepting that the Illuminati are still active, and yet the appearance of this brand combined with the fact that the Illuminati have a well known covenant against Vatican City has changed my mind."	"Иллюминати", и признать его существование в наши дни мне труднее, чем вам. Однако появление клейма и понимание того, что это сообщество давно предъявило счет Ватикану, вынудили меня изменить свою точку зрения.

"A computer generated hoax." Olivetti handed the fax back to Langdon.	- Компьютерная фальшивка, - небрежно бросил Оливетти, возвращая факс Лэнгдону.
Langdon stared, incredulous.	Лэнгдон не верил своим ушам.
"Hoax?	- Фальшивка?!

Look at the symmetry!	Да вы только взгляните на симметрию!
You of all people should realize the authenticity of-"	Из всех людей вы первый должны понять, что это аутентичное...
"Authenticity is precisely what you lack.	- Если на то пошло, то именно вам в первую очередь не хватает аутентичного понимания характера событий.

Perhaps Ms. Vetra has not informed you, but CERN scientists have been criticizing Vatican policies for decades.	Мисс Ветра, видимо, не удосужилась проинформировать вас о том, что ученые ЦЕРНа в течение нескольких десятилетий жестоко критикуют Ватикан.
They regularly petition us for retraction of Creationist theory, formal apologies for Galileo and Copernicus, repeal of our criticism against dangerous or immoral research.	Они регулярно клеймят нас за возрождение идей креационизма, требуют формальных извинений за Галилея и Коперника, настаивают на том, чтобы мы прекратили осуждение аморальных или опасных исследований.

What scenario seems more likely to you-that a four hundred year old satanic cult has resurfaced with an advanced weapon of mass destruction, or that some prankster at CERN is trying to disrupt a sacred Vatican event with a well executed fraud?"	Какой из двух сценариев для вас более приемлем, мистер Лэнгдон? Неужели вы предпочтете вариант, согласно которому из небытия вдруг возникнет вооруженный ядерной бомбой орден сатанистов с многовековой историей, чтобы уничтожить Ватикан? Если так, то для меня более приемлем второй. По моему мнению, какой-то идиот-шутник из ЦЕРНа решил сорвать важное для Ватикана событие с помощью тонко задуманной и отлично исполненной фальшивки.
"That photo," Vittoria said, her voice like boiling lava, "is of my father.	- На этом снимке изображен мой отец, - сказала Виттория, и в ее голосе можно было услышать клокот кипящей лавы.

Murdered.	- Он был убит.
You think this is my idea of a joke?"	Неужели вы хотите сказать, что я способна на подобные шутки?
"I don't know, Ms. Vetra.	- Не знаю, мисс Ветра.
But I do know until I get some answers that make sense, there is no way I will raise any sort of alarm.	Но до тех пор, пока я не получу от вас ответов, в которых будет хоть какой-то смысл, тревоги я поднимать не стану.
Vigilance and discretion are my duty... such that spiritual matters can take place here with clarity of mind.	Моя служба требует как бдительности, так и сдержанности... для того чтобы все духовные отправления вершились в Ватикане при просветленном сознании их участников.
Today of all days."	И в первую очередь сегодня.

Langdon said, "At least postpone the event."	- Но тогда по крайней мере отложите мероприятие, - сказал Лэнгдон.
"Postpone?" Olivetti's jaw dropped.	- Отложить?! - опешил от столь еретической идеи Оливетти.
"Such arrogance!	- Какая наглость!

A conclave is not some American baseball game you call on account of rain.	Конклав, к вашему сведению, - это не бейсбольный матч в Америке, начало которого переносится из-за дождя.
This is a sacred event with a strict code and process.	Это священнодействие со строгими правилами и процедурой.

Never mind that one billion Catholics in the world are waiting for a leader.	Вам, конечно, безразлично, что миллиард католиков по всему земному шару, затаив дыхание, ждут избрания своего нового лидера.
Never mind that the world media is outside.	Вам плевать на многочисленных представителей прессы, собравшихся у стен Ватикана.
The protocols for this event are holy-not subject to modification.	Протокол, согласно которому проходят выборы папы, священен.
Since 1179, conclaves have survived earthquakes, famines, and even the plague.	Начиная с 1179 года конклавы проводились, невзирая на землетрясения, голод и даже эпидемии чумы.

Believe me, it is not about to be canceled on account of a murdered scientist and a droplet of God knows what."	И он не будет отменен из-за убийства какого-то ученого и появления одной капли Бог знает какого вещества.
"Take me to the person in charge," Vittoria demanded.	- Отведите меня к вашему главному начальнику, -потребовала Виттория.
Olivetti glared. "You've got him."	- Он перед вами! - сверкнул глазами Оливетти.
"No," she said.	- Нет.
"Someone in the clergy."	Мне нужен кто-нибудь из клира.

The veins on Olivetti's brow began to show.	От возмущения на лбу офицера вздулись жилы, но, сумев сдержаться, он ответил почти спокойно:
"The clergy has gone.	- Все лица, имеющие отношение к клиру, ушли.
With the exception of the Swiss Guard, the only ones present in Vatican City at this time are the College of Cardinals.	Во всем Ватикане остались лишь швейцарские гвардейцы и члены коллегии кардиналов.
And they are inside the Sistine Chapel."	Кардиналы собрались в Сикстинской капелле.
"How about the chamberlain?" Langdon stated flatly.	- А как насчет камерария? - небрежно бросил Лэнгдон.
"Who?"	- Кого?

"The late Pope's chamberlain." Langdon repeated the word self assuredly, praying his memory served him.	- Камерария покойного папы, - повторил Лэнгдон, надеясь на то, что память его не подвела.
He recalled reading once about the curious arrangement of Vatican authority following the death of a Pope.	Он припомнил, что читал где-то об одном довольно забавном обычае Ватикана, связанном с передачей власти после кончины папы.

If Langdon was correct, during the interim between Popes, complete autonomous power shifted temporarily to the late Pope's personal assistant-his chamberlain-a secretarial underling who oversaw conclave until the cardinals chose the new Holy Father.	Если память его не обманывает, то на период между смертью прежнего святого отца и выборами нового понтифика вся власть временно переходила в руки личного помощника покойного папы - так называемого камерария. Именно он должен был заниматься организацией и проведением конклава вплоть до того момента, как кардиналы назовут имя нового хозяина Святого престола.
"I believe the chamberlain is the man in charge at the moment."	- Насколько я понимаю, в данный момент всеми делами Ватикана заправляет камерарий, -закончил американец.
"Il camerlegno?" Olivetti scowled.	- И camerlengo? - недовольно скривившись, переспросил Оливетти.

"The camerlegno is only a priest here.	- Но наш камерарий - простой священнослужитель.
He is not even canonized.	Он не был рукоположен в кардиналы.
He is the late Pope's hand servant."	Всего лишь личный слуга папы.
"But he is here.	- Тем не менее он здесь.
And you answer to him."	И вы подчиняетесь ему.
Olivetti crossed his arms.	- Мистер Лэнгдон, - произнес Оливетти, скрестив на груди руки, - да, это так.

"Mr. Langdon, it is true that Vatican rule dictates the camerlegno assume chief executive office during conclave, but it is only because his lack of eligibility for the papacy ensures an unbiased election.	Согласно существующим правилам, камерарий на время проведения конклава является высшей исполнительной властью Ватикана. Но это сделано только потому, что камерарий, сам не имея права стать папой, может обеспечить независимость выборов.
It is as if your president died, and one of his aides temporarily sat in the oval office.	Это примерно то же самое, как если бы один из помощников вашего президента временно занял Овальный кабинет после смерти своего босса.

The camerlegno is young, and his understanding of security, or anything else for that matter, is extremely limited.	Камерарий молод, и его понимание проблем безопасности, так же как и иных важных вопросов, весьма ограниченно.
For all intents and purposes, I am in charge here."	И по существу, в данный момент я являюсь первым лицом Ватикана.
"Take us to him," Vittoria said.	- Отведите нас к нему, - сказала Виттория.
"Impossible.	- Это невозможно.
Conclave begins in forty minutes.	Конклав открывается через сорок минут.

The camerlegno is in the Office of the Pope preparing. I have no intention of disturbing him with matters of security."	Камерарий готовится к этому событию в кабинете папы, и я не намерен беспокоить его проблемами, связанными с безопасностью. Все эти вопросы входят в сферу моей компетенции.
Vittoria opened her mouth to respond but was interrupted by a knocking at the door. Olivetti opened it.	Виттория приготовилась дать достойный ответ, но в этот момент раздался стук в дверь, и на пороге возник швейцарский гвардеец при всех регалиях.

A guard in full regalia stood outside, pointing to his watch. "?? l'ora, comandante."	- E l'ora, comandante , - произнес он, постукивая пальцем по циферблату наручных часов.
Olivetti checked his own watch and nodded.	Оливетти взглянул на свои часы и кивнул.

He turned back to Langdon and Vittoria like a judge pondering their fate.	Затем он посмотрел на Лэнгдона и Витторию с видом судьи, определяющего их судьбу.
"Follow me." He led them out of the monitoring room across the security center to a small clear cubicle against the rear wall.	- Следуйте за мной, - сказал он и, выйдя из комнаты наблюдения, направился к крошечному кабинетику со стеклянными стенами в дальнем конце зала.
"My office." Olivetti ushered them inside.	- Мой кабинет, - сказал Оливетти, приглашая их войти.

The room was unspecial- a cluttered desk, file cabinets, folding chairs, a water cooler.	Помещение было обставлено более чем скромно. Стол, беспорядочно заваленный бумагами, складные стулья, несколько канцелярских шкафов и прибор для охлаждения воды. Ничего лишнего.
"I will be back in ten minutes.	- Я вернусь через десять минут, - сказал хозяин кабинета.
I suggest you use the time to decide how you would like to proceed."	- А вы пока подумайте о том, как нам быть дальше.
Vittoria wheeled. "You can't just leave!	- Вы не можете просто взять и уйти! - взвилась Виттория.
That canister is-"	- Ловушка...

"I do not have time for this," Olivetti seethed.	- У меня нет времени на пустые разговоры! - ощетинился Оливетти.
"Perhaps I should detain you until after the conclave when I do have time."	- Видимо, мне придется задержать вас до завершения конклава, после чего, как я полагаю, время у меня появится.
"Signore," the guard urged, pointing to his watch again. "Spazzare di capella."	- Синьор, - сказал гвардеец, снова показывая на часы, - Spazzare di Capella .
Olivetti nodded and started to leave.	Оливетти кивнул и направился к двери.
"Spazzare di capella?" Vittoria demanded.	- Spazzare di Capella? - переспросила Виттория.
"You're leaving to sweep the chapel?"	- Неужели вы намерены заняться уборкой Сикстинской капеллы?

Olivetti turned, his eyes boring through her.	Оливетти обернулся и, сверля девушку взглядом, ответил:
"We sweep for electronic bugs, Miss Vetra-a matter of discretion."	- Мы намерены провести поиск разного рода электронных "жучков", мисс Ветра, дабы нескромные уши не прослушивали ход дебатов.
He motioned to her legs. "Not something I would expect you to understand."	Впрочем, вопросы скромности вам, по-видимому, чужды, - закончил он, взглянув на обнаженные ноги девушки.
With that he slammed the door, rattling the heavy glass.	С этими словами командер захлопнул дверь с такой силой, что толстое стекло панели задребезжало.

In one fluid motion he produced a key, inserted it, and twisted.	Затем одним неуловимым движением он извлек из кармана ключ, вставил его в замочную скважину и повернул.
A heavy deadbolt slid into place.	Тяжелая щеколда со стуком встала на место.
"Idi?ta!" Vittoria yelled.	- Idiota! - завопила Виттория.
"You can't keep us in here!"	- Ты не имеешь права нас здесь задерживать!
Through the glass, Langdon could see Olivetti say something to the guard.	Через стекло Лэнгдон увидел, как Оливетти что-то сказал одному из гвардейцев.
The sentinel nodded.	Швейцарец понимающе кивнул.

As Olivetti strode out of the room, the guard spun and faced them on the other side of the glass, arms crossed, a large sidearm visible on his hip.	Главнокомандующий армией города-государства Ватикан направился к выходу, а подчиненный, с которым он только что говорил, развернулся и, скрестив руки на груди, стал за стеклом прямо напротив пленников. У его бедра висел довольно больших размеров револьвер.
Perfect, Langdon thought.	"Замечательно, - подумал Лэнгдон.
Just bloody perfect.	- Лучше, дьявол бы их побрал, просто быть не может".
37	Глава 37
Vittoria glared at the Swiss Guard standing outside Olivetti's locked door.	Виттория испепеляла взглядом стоящего за стеклом двери стража.

The sentinel glared back, his colorful costume belying his decidedly ominous air.	Тот отвечал ей тем же. Живописное одеяние часового совершенно не соответствовало его зловещему виду.
"Che fiasco," Vittoria thought.	"Полный провал, - думала Виттория.
Held hostage by an armed man in pajamas.	- Никогда не предполагала, что могу оказаться пленницей клоуна в пижаме".
Langdon had fallen silent, and Vittoria hoped he was using that Harvard brain of his to think them out of this.	Лэнгдон молчал, и Виттория надеялась, что он напрягает свои гарвардские мозги в поисках выхода из этой нелепой ситуации.

She sensed, however, from the look on his face, that he was more in shock than in thought.	Однако, глядя на его лицо, она чувствовала, что профессор скорее пребывает не в раздумьях, а в шоке.
She regretted getting him so involved. Vittoria's first instinct was to pull out her cell phone and call Kohler, but she knew it was foolish.	Вначале Виттория хотела достать сотовый телефон и позвонить Колеру, но сразу отказалась от этой глупой идеи.

First, the guard would probably walk in and take her phone. Second, if Kohler's episode ran its usual course, he was probably still incapacitated.	Во-первых, страж мог войти в кабинет и отнять аппарат, а во-вторых, и это было самое главное, директор к этому времени вряд ли оправился от приступа.
Not that it mattered... Olivetti seemed unlikely to take anybody's word on anything at the moment.	Впрочем, и это не имело значения... Оливетти был явно не в настроении вообще кого-нибудь слушать.
Remember! she told herself.	"Вспомни! - сказала она себе.

Remember the solution to this test!	- Вспомни, как решается эта задача!"

Remembrance was a Buddhist philosopher's trick.	Идея воспоминания была одним из методов философии буддизма.
Rather than asking her mind to search for a solution to a potentially impossible challenge, Vittoria asked her mind simply to remember it.	Согласно ему, человек, вместо того чтобы искать в уме пути решения сложной проблемы, должен был заставить свой мозг просто вспомнить его.
The presupposition that one once knew the answer created the mindset that the answer must exist... thus eliminating the crippling conception of hopelessness.	Допущение того, что это решение уже было когда-то принято, заставляет разум настроиться на то, что оно действительно должно существовать... и подрывающее волю чувство безнадежности исчезает.

Vittoria often used the process to solve scientific quandaries... those that most people thought had no solution.	Виттория часто использовала этот метод, когда во время своих научных изысканий попадала в, казалось бы, безвыходную ситуацию.
At the moment, however, her remembrance trick was drawing a major blank. So she measured her options... her needs.	Однако на сей раз фокус с "воспоминанием" дал осечку, и ей пришлось пуститься в размышления о том, что необходимо сделать и как этого добиться.
She needed to warn someone.	Конечно, следовало кого-то предупредить.
Someone at the Vatican needed to take her seriously.	Человека, который мог бы со всей серьезностью воспринять ее слова.
But who?	Но кто этот человек?

The camerlegno?	Видимо, все-таки камерарий...
How?	Но как до него добраться?
She was in a glass box with one exit.	Ведь они находятся в стеклянном, не имеющем выхода ящике.
Tools, she told herself.	Надо найти средство, внушала она себе.
There are always tools.	Средства для достижения цели всегда имеются.
Reevaluate your environment.	Их надо только увидеть в том, что тебя окружает.

Instinctively she lowered her shoulders, relaxed her eyes, and took three deep breaths into her lungs.	Она инстинктивно опустила плечи, закрыла глаза и сделала три глубоких вдоха.
She sensed her heart rate slow and her muscles soften.	Сердце сразу стало биться медленнее, а все мышцы расслабились.
The chaotic panic in her mind dissolved.	Паническое настроение исчезло, и хаотический круговорот мыслей стих.
Okay, she thought, let your mind be free.	"О'кей, - думала она. - Надо раскрепостить разум и думать позитивно.
What makes this situation positive? What are my assets?	Что в данной ситуации может пойти мне на пользу?"

The analytical mind of Vittoria Vetra, once calmed, was a powerful force.	Аналитический ум Виттории Ветра в тех случаях, когда она использовала его в спокойном состоянии, был могущественным оружием.

Within seconds she realized their incarceration was actually their key to escape.	Буквально через несколько секунд она осознала, что именно их заточение в кабинете Оливетти как раз и открывает путь к спасению.
"I'm making a phone call," she said suddenly.	- Надо позвонить по телефону, - неожиданно сказала девушка.
Langdon looked up. "I was about to suggest you call Kohler, but-"	- Я как раз хотел предложить вам позвонить Колеру, но...

"Not Kohler. Someone else."	- Нет, не Колеру, а кое-кому еще.
"Who?"	- Кому же?
"The camerlegno."	- Камерарию.
Langdon looked totally lost. "You're calling the chamberlain?	- Вы хотите позвонить камерарию? - недоуменно переспросил Лэнгдон.
How?"	- Но каким образом?
"Olivetti said the camerlegno was in the Pope's office."	- Оливетти сказал, что этот человек находится в личном кабинете папы.
"Okay.	- Пусть так.
You know the Pope's private number?"	Но вы же не знаете номера телефона!
"No.	- Не знаю, - согласилась Виттория.

But I'm not calling on my phone."	- Но я и не собираюсь звонить по своему сотовому.
She nodded to a high tech phone system on Olivetti's desk. It was riddled with speed dial buttons.	- Она показала на наисовременнейший, утыканный кнопками быстрого набора аппарат связи на столе Оливетти.
"The head of security must have a direct line to the Pope's office."	- Я позвоню отсюда. Глава службы безопасности наверняка имеет прямой выход на кабинет папы.
"He also has a weight lifter with a gun planted six feet away."	- Не знаю, имеет ли он выход на папу, но тяжеловеса с большим револьвером у дверей главнокомандующий поместить не забыл.
"And we're locked in."	- Но мы заперты.

"I was actually aware of that."	- Как ни странно, я об этом уже догадался.
"I mean the guard is locked out.	- Это означает, что часовой заперт снаружи!
This is Olivetti's private office.	Этот кабинет принадлежит Оливетти.
I doubt anyone else has a key."	Сомневаюсь, чтобы ключи были еще у кого-нибудь.
Langdon looked out at the guard.	Лэнгдон с сомнением взглянул на стража и сказал:
"This is pretty thin glass, and that's a pretty big gun."	- Стекло очень тонкое, а револьвер, напротив, очень большой.
"What's he going to do, shoot me for using the phone?"	- Неужели вы думаете, что он будет стрелять в меня за то, что я говорю по телефону?

"Who the hell knows!	- Кто, дьявол их побери, знает?!

This is a pretty strange place, and the way things are going-"	Все это заведение производит довольно странное впечатление, а если судить по тому, как развиваются события...
"Either that," Vittoria said, "or we can spend the next five hours and forty eight minutes in Vatican Prison.	- Или мы звоним, - заявила Виттория, - или нам не останется ничего иного, кроме как провести пять часов сорок восемь минут в застенках Ватикана.
At least we'll have a front row seat when the antimatter goes off."	В последнем случае утешает только то, что мы окажемся в первых рядах зрителей, наблюдающих за концом света.

Langdon paled. "But the guard will get Olivetti the second you pick up that phone.	- Но страж известит Оливетти, как только вы прикоснетесь к трубке, - слегка побледнев, возразил Лэнгдон.
Besides, there are twenty buttons on there.	- Кроме того, я вижу там по меньшей мере два десятка кнопок.
And I don't see any identification.	И на них нет никаких обозначений.
You going to try them all and hope to get lucky?"	Неужели вы хотите наудачу потыкать во все?
"Nope," she said, striding to the phone.	- Нет, - ответила она, решительно направляясь к телефону.
"Just one."	- Я нажму лишь одну.
Vittoria picked up the phone and pressed the top button.	- С этими словами Виттория сняла трубку и надавила на кнопку.

"Number one.	- Это будет кнопка номер один.
I bet you one of those Illuminati U.S. dollars you have in your pocket that this is the Pope's office.	Готова поставить хранящийся в вашем кармане доллар с символами иллюминатов на то, что попаду прямо к папе.
What else would take primary importance for a Swiss Guard commander?"	Какой другой абонент может быть более важным на телефонной подстанции командира швейцарской гвардии?
Langdon did not have time to respond.	Времени на ответ у Лэнгдона не было.
The guard outside the door started rapping on the glass with the butt of his gun. He motioned for her to set down the phone.	Часовой принялся стучать в стекло рукояткой револьвера, одновременно жестом требуя вернуть трубку на место.

Vittoria winked at him. The guard seemed to inflate with rage.	Виттория игриво ему подмигнула, и страж едва не задымился от ярости.
Langdon moved away from the door and turned back to Vittoria.	Лэнгдон отошел от двери и, повернувшись спиной к девушке, произнес:
"You damn well better be right, 'cause this guy does not look amused!"	- Надеюсь, вы правы. Парень за стеклом, похоже, не очень доволен.
"Damn!" she said, listening to the receiver.	- Проклятие! - бросила Виттория, прислушиваясь к голосу в трубке.
"A recording."	- Запись...
"Recording?" Langdon demanded.	- Запись? - в очередной раз изумился Лэнгдон.
"The Pope has an answering machine?"	- Неужели папа обзавелся автоответчиком?

"It wasn't the Pope's office," Vittoria said, hanging up.	- Это был вовсе не кабинет папы, - ответила девушка, кладя трубку.
"It was the damn weekly menu for the Vatican commissary."	- Мне только что сообщили полное недельное меню обедов достойнейшего командира швейцарской гвардии.
Langdon offered a weak smile to the guard outside who was now glaring angrily though the glass while he hailed Olivetti on his walkie talkie.	Лэнгдон послал слабую улыбку часовому, который, сердито глядя на пленников, что-то тараторил в микрофон портативной рации.
38	Глава 38

The Vatican switchboard is located in the Ufficio di Communicazione behind the Vatican post office.	Телефонный узел Ватикана расположен в Бюро ди коммуникационе, прямо за почтой.
It is a relatively small room containing an eight line Corelco 141 switchboard. The office handles over 2,000 calls a day, most routed automatically to the recording information system.	В сравнительно небольшом помещении стоит коммутатор "Корелко-141", и телефонисту приходится иметь дело примерно с двумя тысячами вызовов в день. Большая часть звонков автоматически направляется для записи в информационную систему.

Tonight, the sole communications operator on duty sat quietly sipping a cup of caffeinated tea.	Единственный оставшийся на службе оператор лениво потягивал крепкий чай.
He felt proud to be one of only a handful of employees still allowed inside Vatican City tonight.	Он был страшно горд тем, что из всех служащих лишь ему одному доверили сегодня остаться в Ватикане.
Of course the honor was tainted somewhat by the presence of the Swiss Guards hovering outside his door.	Его радость несколько омрачало присутствие расхаживающего за дверями швейцарского гвардейца.
An escort to the bathroom, the operator thought.	Для эскорта в туалет, думал телефонист.

Ah, the indignities we endure in the name of Holy Conclave.	На какие только унижения не приходится идти ради Святого конклава!
Fortunately, the calls this evening had been light.	Звонков в этот вечер, по счастью, было очень мало.
Or maybe it was not so fortunate, he thought.	А может быть, наоборот, к несчастью.
World interest in Vatican events seemed to have dwindled in the last few years.	Похоже, за последние годы интерес к Ватикану в мире сошел на нет.
The number of press calls had thinned, and even the crazies weren't calling as often.	Поток звонков от прессы превратился в тоненький ручеек, и даже психи стали звонить не так часто, как раньше.

The press office had hoped tonight's event would have more of a festive buzz about it.	Пресс-офис Ватикана надеялся на то, что сегодняшнее событие вызовет гораздо больше радостной шумихи.
Sadly, though, despite St. Peter's Square being filled with press trucks, the vans looked to be mostly standard Italian and Euro press.	Печально, что на площадь Святого Петра прибыли в основном самые заурядные представители итальянских и европейских средств массовой информации.

Only a handful of global cover all networks were there... no doubt having sent their giornalisti secundari.	Из множества стоящих на площади телевизионных автобусов лишь малая горстка принадлежала глобальным сетям... да и те, видимо, направили сюда не самых лучших своих журналистов.

The operator gripped his mug and wondered how long tonight would last.	Оператор, держа кружку в обеих руках, думал, как долго продлится конклав.
Midnight or so, he guessed.	Скорее всего до полуночи.
Nowadays, most insiders already knew who was favored to become Pope well before conclave convened, so the process was more of a three- or four hour ritual than an actual election.	Большинство близких к Ватикану наблюдателей еще до начала великого события знали, кто лидирует в гонке за Святой престол. Так что собрание, видимо, сведется к трех-четырехчасовому ритуалу.

Of course, last minute dissension in the ranks could prolong the ceremony through dawn... or beyond.	Нельзя, конечно, исключать и того, что возникшие в последний момент разногласия затянут церемонию до рассвета... а может быть, даже и более того.
The conclave of 1831 had lasted fifty four days.	В 1831 году конклав продолжался пятьдесят четыре дня.
Not tonight, he told himself; rumor was this conclave would be a "smoke watch."	Сегодня подобного не случится, сказал себе телефонист. Ходили слухи, что это собрание сведется всего-навсего к наблюдению за дымом.
The operator's thoughts evaporated with the buzz of an inside line on his switchboard.	Размышления телефониста прервал сигнал на внутренней линии связи.

He looked at the blinking red light and scratched his head.	Он взглянул на мигающий красный огонек и поскреб в затылке.
That's odd, he thought.	Странно, подумал телефонист.
The zero line.	Нулевая линия.
Who on the inside would be calling operator information tonight?	Кто мог обращаться к дежурному телефонисту за информацией?
Who is even inside?	Более того, кто вообще мог находиться сейчас в стенах Ватикана?
"Citt? del Vaticano, prego?" he said, picking up the phone.	- Citta del Vaticana? Prego? - сказал он, подняв трубку.

The voice on the line spoke in rapid Italian.	Человек на другом конце провода говорил по-итальянски очень быстро, но с легким акцентом.
The operator vaguely recognized the accent as that common to Swiss Guards-fluent Italian tainted by the Franco Swiss influence.	Телефонисту этот акцент был знаком - с таким налетом швейцарского французского говорили по-итальянски гвардейцы из службы охраны.
This caller, however, was most definitely not Swiss Guard.	Но звонил совершенно определенно не гвардеец...
On hearing the woman's voice, the operator stood suddenly, almost spilling his tea.	Услышав женский голос, телефонист вскочил со стула, расплескав свой чай.

He shot a look back down at the line. He had not been mistaken.	Он бросил взгляд на красный огонек коммутатора и убедился, что не ошибся.
An internal extension.	Внутренняя связь.
The call was from the inside.	Звонившая была в Ватикане.
There must be some mistake! he thought.	Нет, это, видимо, какая-то ошибка, подумал он.
A woman inside Vatican City?	Женщина в этих стенах?
Tonight?	Да еще в такой вечер?
The woman was speaking fast and furiously.	Дама говорила быстро и напористо.

The operator had spent enough years on the phones to know when he was dealing with a pazzo.	Телефонист достаточно много лет провел за пультом, чтобы сразу распознать pazzo .
This woman did not sound crazy.	Нет, эта женщина не была сумасшедшей.
She was urgent but rational. Calm and efficient.	Она была взволнована, но говорила вполне логично.
He listened to her request, bewildered. "Il camerlegno?" the operator said, still trying to figure out where the hell the call was coming from.	- Il camerlengo? - изумленно переспросил телефонист, лихорадочно размышляя о том, откуда, черт побери, мог поступить этот странный звонок.

"I cannot possibly connect... yes, I am aware he is in the Pope's office but... who are you again?... and you want to warn him of..." He listened, more and more unnerved.	- Боюсь, что я не могу вас с ним соединить... Да, я знаю, что он в кабинете папы... Вас не затруднит назвать себя еще раз? И вы хотите предупредить его о том, что...
Everyone is in danger?	- Он выслушал пояснение и повторил услышанное: - Мы все в опасности?
How?	Каким образом?
And where are you calling from?	Откуда вы звоните?
"Perhaps I should contact the Swiss..." The operator stopped short. "You say you're where? Where?"	Может быть, мне стоит связаться со службой... Что? - снова изумился телефонист. - Не может быть! Вы утверждаете, что звоните из...

He listened in shock, then made a decision.	Выслушав ответ, он принял решение.
"Hold, please," he said, putting the woman on hold before she could respond.	- Не вешайте трубку, - сказал оператор и перевел женщину в режим ожидания, прежде чем та успела сказать что-то еще.
Then he called Commander Olivetti's direct line.	Затем он позвонил по прямому номеру командера Оливетти.
There is no way that woman is really-	Но может быть, эта женщина оказалась...
The line picked up instantly.	Ответ последовал мгновенно.
"Per l'amore di Dio!" a familiar woman's voice shouted at him.	- Per l'amore di Dio! - прозвучал уже знакомый женский голос.

"Place the damn call!"	- Вы меня соедините наконец, дьявол вас побери, или нет?!

The door of the Swiss Guards' security center hissed open. The guards parted as Commander Olivetti entered the room like a rocket.	*** Дверь в помещение штаба швейцарской гвардии с шипением уползла в стену, и гвардейцы поспешно расступились, освобождая путь мчащемуся словно ракета Оливетти.
Turning the corner to his office, Olivetti confirmed what his guard on the walkie talkie had just told him; Vittoria Vetra was standing at his desk talking on the commander's private telephone.	Свернув за угол к своему кабинету, он убедился в том, что часовой его не обманул. Виттория Ветра стояла у его стола и что-то говорила по его личному телефону.

Che coglioni che ha questa! he thought. The balls on this one!	"Che coglione che ha questa! - подумал он. - Чтоб ты сдохла, паршивая дрянь!"
Livid, he strode to the door and rammed the key into the lock.	Коммандер подбежал к двери и сунул ключ в замочную скважину.
He pulled open the door and demanded,	Едва распахнув дверь, он крикнул:
"What are you doing?"	- Что вы делаете?
Vittoria ignored him. "Yes," she was saying into the phone.	- Да, - продолжала Виттория в трубку, не обращая внимания на Оливетти.
"And I must warn-"	- Должна предупредить, что...
Olivetti ripped the receiver from her hand, and raised it to his ear.	Коммандер вырвал трубку из рук девушки и поднес к уху.

"Who the hell is this?"	- Кто, дьявол вас побери, на проводе?
For the tiniest of an instant, Olivetti's inelastic posture slumped.	Через мгновение прямая как столб фигура офицера как-то обмякла, а голос зазвучал по-иному.
"Yes, camerlegno..." he said.	- Да, камерарий... - сказал он.
"Correct, signore... but questions of security demand... of course not... I am holding her here for... certainly, but..." He listened.	- Совершенно верно, синьор... Требования безопасности... конечно, нет...
"Yes, sir," he said finally.	Да, я ее задержал здесь, но...
"I will bring them up immediately."	Нет, нет... - повторил он и добавил: - Я немедленно доставлю их к вам.

39	Глава 39
The Apostolic Palace is a conglomeration of buildings located near the Sistine Chapel in the northeast corner of Vatican City.	Апостольский дворец является не чем иным, как конгломератом зданий, расположенных в северо-восточном углу Ватикана рядом с Сикстинской капеллой.
With a commanding view of St. Peter's Square, the palace houses both the Papal Apartments and the Office of the Pope.	Окна дворца выходят на площадь Святого Петра, и во дворце находятся как личные покои папы, так и его рабочий кабинет.

Vittoria and Langdon followed in silence as Commander Olivetti led them down a long rococo corridor, the muscles in his neck pulsing with rage.	Лэнгдон и Виттория молча следовали за коммандером по длинному коридору в стиле рококо. Вены на шее командира швейцарской гвардии вздулись и пульсировали от ярости.
After climbing three sets of stairs, they entered a wide, dimly lit hallway.	Поднявшись по лестнице на три пролета, они оказались в просторном, слабо освещенном зале.

Langdon could not believe the artwork on the walls-mint condition busts, tapestries, friezes-works worth hundreds of thousands of dollars.	Лэнгдон не мог поверить своим глазам. Украшающие помещение предметы искусства -картины, скульптуры, гобелены и золотое шитье (все в прекрасном состоянии) - стоили, видимо, сотни тысяч долларов.
Two thirds of the way down the hall they passed an alabaster fountain.	Чуть ближе к дальней стене зала в фонтане из белого мрамора журчала вода.
Olivetti turned left into an alcove and strode to one of the largest doors Langdon had ever seen.	Оливетти свернул налево, в глубокую нишу, и подошел к одной из расположенных там дверей. Такой гигантской двери Лэнгдону видеть еще не доводилось.

"Ufficio di Papa," the commander declared, giving Vittoria an acrimonious scowl.	- Ufficio di Papa, - объявил Оливетти, сердито покосившись на Витторию.
Vittoria didn't flinch.	На девушку взгляд командера не произвел ни малейшего впечатления.
She reached over Olivetti and knocked loudly on the door.	Она подошла к двери и решительно постучала.
Office of the Pope, Langdon thought, having difficulty fathoming that he was standing outside one of the most sacred rooms in all of world religion.	"Папский кабинет",- подумал Лэнгдон. Он с трудом мог поверить, что стоит у входа в одну из самых священных комнат всего католического мира.
"Avanti!" someone called from within.	- Avanti, - донеслось из-за дверей.

When the door opened, Langdon had to shield his eyes. The sunlight was blinding.	Когда дверь открылась, Лэнгдону пришлось прикрыть глаза рукой, настолько слепящим оказался солнечный свет.
Slowly, the image before him came into focus.	Прежде чем он снова смог увидеть окружающий мир, прошло довольно много времени.
The Office of the Pope seemed more of a ballroom than an office.	Кабинет папы напоминал бальный зал, а вовсе не деловой офис.
Red marble floors sprawled out in all directions to walls adorned with vivid frescoes.	Полы в помещении были из красного мрамора, на стенах красовались яркие фрески.

A colossal chandelier hung overhead, beyond which a bank of arched windows offered a stunning panorama of the sun drenched St. Peter's Square.	С высокого потолка свисала колоссальных размеров люстра, а из окон открывалась потрясающая панорама залитой солнечным светом площади Святого Петра.
My God, Langdon thought.	Великий Боже, подумал Лэнгдон.
This is a room with a view.	Вот это действительно то, что в объявлениях называется "прекрасная комната с великолепным видом из окон".
At the far end of the hall, at a carved desk, a man sat writing furiously.	В дальнем конце зала за огромным резным столом сидел человек и что-то быстро писал.

"Avanti," he called out again, setting down his pen and waving them over.	- Avanti, - повторил он, отложил в сторону перо и знаком пригласил их подойти ближе.
Olivetti led the way, his gait military.	Первым, чуть ли не строевым шагом, двинулся Оливетти.

"Signore," he said apologetically.	- Signore, - произнес он извиняющимся тоном.
"No ho potuto-"	- No ho potato ...
The man cut him off. He stood and studied his two visitors.	Человек, жестом оборвав шефа гвардейцев, поднялся из-за стола и внимательно посмотрел на посетителей.

The camerlegno was nothing like the images of frail, beatific old men Langdon usually imagined roaming the Vatican.	Камерарий совершенно не походил на одного из хрупких, слегка блаженного вида старичков, которые, как всегда казалось Лэнгдону, населяли Ватикан.
He wore no rosary beads or pendants. No heavy robes.	В руках он не держал молитвенных четок, и на груди у него не было ни креста, ни панагии.
He was dressed instead in a simple black cassock that seemed to amplify the solidity of his substantial frame.	Облачен камерарий был не в тяжелое одеяние, как можно было ожидать, а в простую сутану, которая подчеркивала атлетизм его фигуры.
He looked to be in his late thirties, indeed a child by Vatican standards.	На вид ему было под сорок - возраст по стандартам Ватикана почти юношеский.

He had a surprisingly handsome face, a swirl of coarse brown hair, and almost radiant green eyes that shone as if they were somehow fueled by the mysteries of the universe.	У камерария было на удивление привлекательное лицо, голову украшала копна каштановых волос, а зеленые глаза лучились внутренним светом. Создавалось впечатление, что в их бездонной глубине горит огонь какого-то таинственного знания.
As the man drew nearer, though, Langdon saw in his eyes a profound exhaustion-like a soul who had been through the toughest fifteen days of his life.	Однако, приблизившись к камерарию, Лэнгдон увидел в его глазах и безмерную усталость. Видимо, за последние пятнадцать дней душе этого человека пришлось страдать больше, чем за всю предшествующую жизнь.

"I am Carlo Ventresca," he said, his English perfect.	- Меня зовут Карло Вентреска, - сказал он на прекрасном английском языке.
"The late Pope's camerlegno."	- Я - камерарий покойного папы.
His voice was unpretentious and kind, with only the slightest hint of Italian inflection.	Камерарий говорил негромко и без всякого пафоса, а в его произношении лишь с большим трудом можно было уловить легкий итальянский акцент.
"Vittoria Vetra," she said, stepping forward and offering her hand. "Thank you for seeing us."	- Виттория Ветра, - сказала девушка, протянула руку и добавила: - Благодарим вас за то, что согласились нас принять.

Olivetti twitched as the camerlegno shook Vittoria's hand.	Оливетти недовольно скривился, видя, как камерарий пожимает руку девице в шортах.
"This is Robert Langdon," Vittoria said.	- А это - Роберт Лэнгдон.
"A religious historian from Harvard University."	Он преподает историю религии в Гарвардском университете.
"Padre," Langdon said, in his best Italian accent. He bowed his head as he extended his hand.	- Padre, - сказал Лэнгдон, пытаясь придать благозвучие своему итальянскому языку, а затем, низко склонив голову, протянул руку.

"No, no," the camerlegno insisted, lifting Langdon back up.	- Нет, нет! - рассмеялся камерарий, предлагая американцу выпрямиться.

"His Holiness's office does not make me holy.	- Пребывание в кабинете Святого отца меня святым не делает.
I am merely a priest-a chamberlain serving in a time of need."	Я простой священник, оказывавший, в случае необходимости, посильную помощь покойному папе.
Langdon stood upright.	Лэнгдон выпрямился.
"Please," the camerlegno said, "everyone sit." He arranged some chairs around his desk.	- Прошу вас, садитесь, - сказал камерарий и сам придвинул три стула к своему столу.
Langdon and Vittoria sat. Olivetti apparently preferred to stand.	Лэнгдон и Виттория сели, Оливетти остался стоять.

The camerlegno seated himself at the desk, folded his hands, sighed, and eyed his visitors.	Камерарий занял свое место за столом и, скрестив руки на груди, вопросительно взглянул на визитеров.
"Signore," Olivetti said. "The woman's attire is my fault. I-"	- Синьор, - сказал Оливетти, - это я виноват в том, что женщина явилась к вам в подобном наряде...
"Her attire is not what concerns me," the camerlegno replied, sounding too exhausted to be bothered.	- Ее одежда меня нисколько не беспокоит, -ответил камерарий устало.

"When the Vatican operator calls me a half hour before I begin conclave to tell me a woman is calling from your private office to warn me of some sort of major security threat of which I have not been informed, that concerns me."	- Меня тревожит то, что за полчаса до того, как я должен открыть конклав, мне звонит дежурный телефонист и сообщает, что в вашем кабинете находится женщина, желающая предупредить меня о серьезной угрозе. Служба безопасности не удосужилась мне ничего сообщить, и это действительно меня обеспокоило.
Olivetti stood rigid, his back arched like a soldier under intense inspection.	Оливетти вытянулся по стойке "смирно", как солдат на поверке.
Langdon felt hypnotized by the camerlegno's presence.	Камерарий всем своим видом оказывал на Лэнгдона какое-то гипнотическое воздействие.

Young and wearied as he was, the priest had the air of some mythical hero-radiating charisma and authority.	Этот человек, видимо, обладал незаурядной харизмой и, несмотря на молодость и очевидную усталость, излучал властность.
"Signore," Olivetti said, his tone apologetic but still unyielding. "You should not concern yourself with matters of security. You have other responsibilities."	- Синьор, - сказал Оливетти извиняющимся и в то же время непреклонным тоном, - вам не следует тратить свое время на проблемы безопасности, на вас и без того возложена огромная ответственность.

"I am well aware of my other responsibilities. I am also aware that as direttore intermediario, I have a responsibility for the safety and well being of everyone at this conclave.	- Мне прекрасно известно о моей ответственности, и мне известно также, что в качестве direttore intermediario я отвечаю за безопасность и благополучие всех участников конклава.
What is going on here?"	Итак, что же происходит?
"I have the situation under control."	- Я держу ситуацию под контролем.
"Apparently not."	- Видимо, это не совсем так.

"Father," Langdon interrupted, taking out the crumpled fax and handing it to the camerlegno, "please."	- Взгляните, отче, вот на это, - сказал Лэнгдон, достал из кармана помятый факс и вручил листок камерарию.

Commander Olivetti stepped forward, trying to intervene.	Коммандер Оливетти предпринял очередную попытку взять дело в свои руки.
"Father, please do not trouble your thoughts with-"	- Отче, - сказал он, сделав шаг вперед, - прошу вас, не утруждайте себя мыслями о...
The camerlegno took the fax, ignoring Olivetti for a long moment.	Камерарий, не обращая никакого внимания на Оливетти, взял факс.
He looked at the image of the murdered Leonardo Vetra and drew a startled breath.	Бросив взгляд на тело убитого Леонардо Ветра, он судорожно вздохнул и спросил:
"What is this?"	- Что это?

"That is my father," Vittoria said, her voice wavering.	- Это - мой отец, - ответила дрожащим голосом Виттория.
"He was a priest and a man of science.	- Он был священником и в то же время ученым.
He was murdered last night."	Его убили прошлой ночью.
The camerlegno's face softened instantly. He looked up at her.	На лице камерария появилось выражение неподдельного участия, и он мягко произнес:
"My dear child.	- Бедное дитя.
I'm so sorry."	Примите мои соболезнования.
He crossed himself and looked again at the fax, his eyes seeming to pool with waves of abhorrence.	- Священник осенил себя крестом, с отвращением взглянул на листок и спросил: - Кто мог... и откуда этот ожог на его...

"Who would... and this burn on his..." The camerlegno paused, squinting closer at the image.	- Он умолк, внимательно вглядываясь в изображение.
"It says Illuminati," Langdon said. "No doubt you are familiar with the name."	- Там выжжено слово "Иллюминати", и вам оно, без сомнения, знакомо, - сказал Лэнгдон.
An odd look came across the camerlegno's face. "I have heard the name, yes, but..."	- Я слышал это слово, - с каким-то странным выражением на лице ответил камерарий. - Но...
"The Illuminati murdered Leonardo Vetra so they could steal a new technology he was-"	- Иллюминаты убили Леонардо Ветра, чтобы похитить новый...

"Signore," Olivetti interjected. "This is absurd.	- Синьор, - вмешался Оливетти, - но это же полный абсурд.
The Illuminati? This is clearly some sort of elaborate hoax."	О каком сообществе "Иллюминати" может идти речь?! Братство давно прекратило свое существование, и мы сейчас имеем дело с какой-то весьма сложной фальсификацией.
The camerlegno seemed to ponder Olivetti's words.	На камерария слова командера, видимо, произвели впечатление.
Then he turned and contemplated Langdon so fully that Langdon felt the air leave his lungs.	Он надолго задумался, а потом взглянул на Лэнгдона так, что у того невольно захватило дух.

"Mr. Langdon, I have spent my life in the Catholic Church. I am familiar with the Illuminati lore... and the legend of the brandings.	- Мистер Лэнгдон, - наконец сказал священнослужитель, - всю свою жизнь я провел в лоне католической церкви и хорошо знаком как с легендой об иллюминатах, так и с мифами о... клеймении.
And yet I must warn you, I am a man of the present tense.	Однако должен вас предупредить, что я принадлежу современности.
Christianity has enough real enemies without resurrecting ghosts."	У христианства достаточно подлинных недругов, и мы не можем тратить силы на борьбу с восставшими из небытия призраками.

"The symbol is authentic," Langdon said, a little too defensively he thought.	- Символ абсолютно аутентичен! - ответил Лэнгдон, как ему самому показалось, чересчур вызывающе.
He reached over and rotated the fax for the camerlegno.	Он протянул руку и, взяв у камерария факс, развернул его на сто восемьдесят градусов.
The camerlegno fell silent when he saw the symmetry.	Заметив необычайную симметрию, священник замолчал.
"Even modern computers," Langdon added, "have been unable to forge a symmetrical ambigram of this word."	- Самые современные компьютеры оказались неспособными создать столь симметричную амбиграмму этого слова, - продолжил Лэнгдон.

The camerlegno folded his hands and said nothing for a long time.	Камерарий сложил руки на груди и долго хранил молчание.
"The Illuminati are dead," he finally said.	- Братство "Иллюминати" мертво, - наконец произнес он.
"Long ago. That is historical fact."	- И это - исторический факт.
Langdon nodded. "Yesterday, I would have agreed with you."	- Еще вчера я мог бы полностью с вами согласиться, - сказал Лэнгдон.
"Yesterday?"	- Вчера?
"Before today's chain of events.	- Да. До того как произошел целый ряд необычных событий.

I believe the Illuminati have resurfaced to make good on an ancient pact."	Я считаю, что организация снова вынырнула на поверхность, чтобы исполнить древнее обязательство.
"Forgive me. My history is rusty.	- Боюсь, что мои познания в истории успели несколько заржаветь, - произнес камерарий.
What ancient pact is this?"	- О каком обязательстве идет речь?
Langdon took a deep breath.	Лэнгдон сделал глубокий вздох и выпалил:
"The destruction of Vatican City."	- Уничтожить Ватикан!

"Destroy Vatican City?" The camerlegno looked less frightened than confused.	- Уничтожить Ватикан? - переспросил камерарий таким тоном, из которого следовало, что он не столько напуган, сколько смущен.
"But that would be impossible."	- Но это же невозможно.
Vittoria shook her head. "I'm afraid we have some more bad news."	- Боюсь, что у нас для вас есть и другие скверные новости, - сказала Виттория.

40	Глава 40
"Is this true?" the camerlegno demanded, looking amazed as he turned from Vittoria to Olivetti.	- Это действительно так? - спросил камерарий, поворачиваясь к Оливетти.

"Signore," Olivetti assured, "I'll admit there is some sort of device here.	- Синьор, - без тени смущения начал командер, -вынужден признать, что на вверенной мне территории имеется какой-то неопознанный прибор.
It is visible on one of our security monitors, but as for Ms.	Его изображение выводит на экран одна из наших камер наблюдения.
Vetra's claims as to the power of this substance, I cannot possibly-"	Как уверяет мисс Ветра, содержащаяся в нем субстанция обладает громадной взрывной мощью. Однако я не могу...
"Wait a minute," the camerlegno said.	- Минуточку, - остановил его камерарий.
"You can see this thing?"	- Вы говорите, что эту вещь можно увидеть?
"Yes, signore.	- Да, синьор.

On wireless camera #86."	Изображение поступает с беспроводной камеры №86.
"Then why haven't you recovered it?"	- В таком случае почему вы ее не изъяли?
The camerlegno's voice echoed anger now.	- Теперь в голосе священника слышались гневные нотки.
"Very difficult, signore."	- Это очень трудно сделать, синьор.
Olivetti stood straight as he explained the situation.	- И, встав по стойке "смирно", офицер пустился в объяснения.
The camerlegno listened, and Vittoria sensed his growing concern.	Камерарий внимательно слушал, и Виттория чувствовала, как постепенно нарастает его тревога.

"Are you certain it is inside Vatican City?" the camerlegno asked.	- Вы уверены, что таинственный прибор находится в Ватикане? - спросил священнослужитель.
"Maybe someone took the camera out and is transmitting from somewhere else."	- Может быть, кто-нибудь вынес камеру за границу города и передача идет извне?
"Impossible," Olivetti said.	- Это невозможно, - ответил Оливетти.
"Our external walls are shielded electronically to protect our internal communications.	- На наших внешних стенах установлена электронная аппаратура, защищающая систему внутренней связи.

This signal can only be coming from the inside or we would not be receiving it."	Сигнал может поступать только изнутри. В противном случае мы бы его не получали.
"And I assume," he said, "that you are now looking for this missing camera with all available resources?"	- И я полагаю, - сказал камерарий, - что в настоящее время вы используете все свои ресурсы для обнаружения пропавшей камеры и таинственного прибора?
Olivetti shook his head. "No, signore.	- Нет, синьор, - покачал головой Оливетти.

Locating that camera could take hundreds of man hours.	- Для обнаружения камеры придется затратить несколько сотен человеко-часов.

We have a number of other security concerns at the moment, and with all due respect to Ms. Vetra, this droplet she talks about is very small. It could not possibly be as explosive as she claims."	В настоящее время у нас возникли иные проблемы, связанные с вопросами безопасности, и при всем моем уважении к мисс Ветра я сомневаюсь, что крошечная капля вещества может оказаться столь взрывоопасной, как она утверждает.
Vittoria's patience evaporated. "That droplet is enough to level Vatican City!	- Этой капли достаточно, чтобы сровнять Ватикан с землей! - не выдержала Виттория, окончательно потеряв терпение.
Did you even listen to a word I told you?"	- Неужели вы не слышали того, что я вам говорила?

"Ma'am," Olivetti said, his voice like steel, "my experience with explosives is extensive."	- Мадам, - произнес Оливетти, и в голосе его прозвучали стальные ноты, - мои познания в области взрывчатых веществ весьма обширны.
"Your experience is obsolete," she fired back, equally tough.	- Ваши познания устарели, - таким же твердым тоном парировала Виттория.
"Despite my attire, which I realize you find troublesome, I am a senior level physicist at the world's most advanced subatomic research facility.	- Несмотря на мою одежду, которая, как я успела заметить, вас чрезмерно тревожит, я являюсь одним из ведущих ученых-физиков в знаменитом центре изучения элементарных частиц.

I personally designed the antimatter trap that is keeping that sample from annihilating right now.	Я лично сконструировала ловушку, которая предохраняет антивещество от аннигиляции.
And I am warning you that unless you find that canister in the next six hours, your guards will have nothing to protect for the next century but a big hole in the ground."	И я вас предупреждаю, что если вы за шесть часов не найдете сосуд, то вашим гвардейцам в течение следующего столетия нечего будет охранять, кроме огромной воронки в земле.
Olivetti wheeled to the camerlegno, his insect eyes flashing rage.	Оливетти резко повернулся к камерарию и, не скрывая ярости, бросил:
"Signore, I cannot in good conscience allow this to go any further.	- Синьор, совесть не позволяет мне продолжать эту бессмысленную дискуссию!

Your time is being wasted by pranksters.	Вы не можете тратить свое драгоценное время на каких-то, извините, проходимцев!
The Illuminati?	Какое братство "Иллюминати"?!
A droplet that will destroy us all?"	Что это за капля, способная всех нас уничтожить?! Чушь!
"Basta," the camerlegno declared.	- Basta, - произнес камерарий.
He spoke the word quietly and yet it seemed to echo across the chamber.	Это было произнесено очень спокойно, но всем показалось, что звук его голоса громом прокатился по комнате.
Then there was silence.	В кабинете папы повисла мертвая тишина.

He continued in a whisper. "Dangerous or not, Illuminati or no Illuminati, whatever this thing is, it most certainly should not be inside Vatican City... no less on the eve of the conclave.	- Грозит ли нам опасность или нет? - свистящим шепотом продолжил священник. - "Иллюминати" или не "Иллюминати", но этот предмет, чем бы он ни был, не должен находиться в стенах Ватикана... особенно во время конклава.
I want it found and removed.	Я хочу, чтобы его нашли и обезвредили.
Organize a search immediately."	Немедленно организуйте поиски!

Olivetti persisted. "Signore, even if we used all the guards to search the complex, it could take days to find this camera.	- Синьор, даже в том случае, если мы отправим на поиски всех гвардейцев, осмотр комплекса зданий Ватикана займет несколько дней.
Also, after speaking to Ms. Vetra, I had one of my guards consult our most advanced ballistics guide for any mention of this substance called antimatter.	Кроме того, после разговора с мисс Ветра я поручил одному из моих подчиненных просмотреть новейший справочник по баллистике.
I found no mention of it anywhere. Nothing."	Никаких упоминаний о субстанции, именуемой антивеществом, он там не обнаружил.
Pompous ass, Vittoria thought.	Самодовольный осел, думала Виттория.

A ballistics guide?	Справочник по баллистике!
Did you try an encyclopedia?	Не проще было бы поискать в энциклопедии?
Under A!	На букву "А".
Olivetti was still talking. "Signore, if you are suggesting we make a naked eye search of the entirety of Vatican City then I must object."	- Синьор, - продолжал Оливетти, - если вы настаиваете на осмотре всего комплекса зданий, то я решительно возражаю.
"Commander." The camerlegno's voice simmered with rage. "May I remind you that when you address me, you are addressing this office.	- Коммандер, - голос камерария дрожал от ярости,- позвольте вам напомнить, что, обращаясь ко мне, вы обращаетесь к Святому престолу.

I realize you do not take my position seriously-nonetheless, by law, I am in charge.	Я понимаю, что мое теперешнее положение вы не воспринимаете всерьез, но по закону первым лицом в Ватикане являюсь я.
If I am not mistaken, the cardinals are now safely within the Sistine Chapel, and your security concerns are at a minimum until the conclave breaks.	Если я не ошибаюсь, то все кардиналы в целости и сохранности собрались в Сикстинской капелле, и до завершения конклава вам не надо тревожиться за их безопасность.
I do not understand why you are hesitant to look for this device.	Я не понимаю, почему вы не желаете начать поиски прибора.

If I did not know better it would appear that you are causing this conclave intentional danger."	Если бы я не знал вас так хорошо, то мог бы подумать, что вы сознательно подвергаете конклав опасности.
Olivetti looked scornful. "How dare you!	- Как вы смеете?! - с видом оскорбленной невинности воскликнул Оливетти.
I have served your Pope for twelve years! And the Pope before that for fourteen years!	- Я двенадцать лет служил покойному папе, и еще четырнадцать - его предшественнику!
Since 1438 the Swiss Guard have-"	С 1438 года швейцарская гвардия...
The walkie talkie on Olivetti's belt squawked loudly, cutting him off.	Закончить фразу ему не удалось, его портативная рация издала писк, и громкий голос произнес:

"Comandante?"	- Коммандante?
Olivetti snatched it up and pressed the transmitter.	Оливетти схватил радио и, нажав кнопку передатчика, прорычал:
"Sto ocupato! Cosa voi!"	- Sono occuppato !
"Scusi," the Swiss Guard on the radio said. "Communications here. I thought you would want to be informed that we have received a bomb threat."	- Scusi, - принес извинение швейцарец и продолжил: - Нам позвонили по телефону с угрозой взрыва, и я решил сообщить вам об этом.
Olivetti could not have looked less interested.	На Оливетти слова подчиненного не произвели ни малейшего впечатления.
"So handle it!	- Ну так и займитесь этим сообщением.

Run the usual trace, and write it up."	Попытайтесь установить источник и дальше действуйте по уставу.
"We did, sir, but the caller..." The guard paused.	- Мы так бы и поступили, сэр, если бы...
"I would not trouble you, commander, except that he mentioned the substance you just asked me to research.	- Гвардеец выдержал паузу и продолжил: - Если бы этот человек не упомянул о субстанции, существование которой вы поручили мне проверить.
Antimatter."	Человек упомянул об "антивеществе".
Everyone in the room exchanged stunned looks. "He mentioned what?" Olivetti stammered.	- Упомянул о чем? - чуть ли не дымясь от злости, переспросил Оливетти.

"Antimatter, sir.	- Об антивеществе, сэр.
While we were trying to run a trace, I did some additional research on his claim.	Пока мы пытались установить источник звонка, я провел дополнительное расследование.
The information on antimatter is... well, frankly, it's quite troubling."	Обнаруженная мной информация об антивеществе оказалась... хм... весьма тревожной.
"I thought you said the ballistics guide showed no mention of it."	- Но вы мне сказали, что в руководстве по баллистике эта субстанция не упоминается.
"I found it on line."	- Я нашел сведения о ней в Сети.
Alleluia, Vittoria thought.	Аллилуйя, подумала Виттория.

"The substance appears to be quite explosive," the guard said.	- Эта субстанция, судя по всему, крайне взрывоопасна, - сказал гвардеец.
"It's hard to imagine this information is accurate but it says here that pound for pound antimatter carries about a hundred times more payload than a nuclear warhead."	- Согласно источнику, мощность взрыва антивещества в сотни раз превышает мощность взрыва ядерного заряда аналогичного веса.
Olivetti slumped. It was like watching a mountain crumble.	Оливетти вдруг обмяк, и это очень походило на мгновенное оседание огромной горы.

Vittoria's feeling of triumph was erased by the look of horror on the camerlegno's face.	Торжество, которое начала было испытывать Виттория, исчезло, как только она увидела выражение ужаса на лице камерария.
"Did you trace the call?" Olivetti stammered.	- Вам удалось установить происхождение звонка?- заикаясь, спросил Оливетти.
"No luck.	- Нет.

Cellular with heavy encryption.	Выход на сотовый телефон оказался невозможным.
The SAT lines are interfused, so triangulation is out.	Спутниковые линии связи сходились, что не позволило произвести триангуляционное вычисление.

The IF signature suggests he's somewhere in Rome, but there's really no way to trace him."	Звонок, судя по всему, был сделан из Рима, но определить точное место мне не удалось.
"Did he make demands?" Olivetti said, his voice quiet.	- Какие требования выдвинул этот тип?
"No, sir.	- Никаких, сэр.
Just warned us that there is antimatter hidden inside the complex.	Человек просто предупредил нас, что антивещество спрятано в границах комплекса.
He seemed surprised I didn't know.	Он, казалось, был удивлен тем, что мне еще ничего не известно.
Asked me if I'd seen it yet.	Спросил, видел ли я его.

You'd asked me about antimatter, so I decided to advise you."	Вы интересовались антивеществом, и я счел своим долгом поставить вас в известность.
"You did the right thing," Olivetti said.	- Вы поступили правильно, - ответил Оливетти.
"I'll be down in a minute.	- Я немедленно спускаюсь.
Alert me immediately if he calls back."	Поставьте меня в известность, если он позвонит снова.
There was a moment of silence on the walkie talkie.	Рация на несколько мгновений умолкла, а затем из динамика донеслись слова:
"The caller is still on the line, sir."	- Этот человек все еще на линии, сэр.

Olivetti looked like he'd just been electrocuted. "The line is open?"	- На линии? - переспросил Оливетти с таким видом, словно через него пропустили сильный электрический разряд.
"Yes, sir.	- Так точно, сэр.
We've been trying to trace him for ten minutes, getting nothing but splayed ferreting.	Мы в течение десяти минут старались определить его местонахождение и поэтому продолжали поддерживать связь.
He must know we can't touch him because he refuses to hang up until he speaks to the camerlegno."	Этот человек, видимо, понимает, что выйти на него мы не сможем, и теперь отказывается вешать трубку до тех пор, пока не поговорит с камерарием.
"Patch him through," the camerlegno commanded. "Now!"	- Немедленно соедините меня с ним, - сказал временный хозяин папского кабинета.

Olivetti wheeled. "Father, no.	- Нет, отче! - снова взвился Оливетти.
A trained Swiss Guard negotiator is much better suited to handle this."	- Специально подготовленный швейцарский гвардеец лучше подходит для ведения подобных переговоров, чем...

"Now!" Olivetti gave the order.	- Я сказал, немедленно! - с угрозой произнес камерарий, и главнокомандующему армией Ватикана не осталось ничего, кроме как отдать нужный приказ.
A moment later, the phone on Camerlegno Ventresca's desk began to ring.	Аппарат на письменном столе начал звонить уже через секунду.

The camerlegno rammed his finger down on the speaker phone button.	Камерарий Вентреска нажал на кнопку громкой связи и произнес в микрофон:
"Who in the name of God do you think you are?"	- Кто вы такой, ради всего святого?
41	Глава 41
The voice emanating from the camerlegno's speaker phone was metallic and cold, laced with arrogance.	Раздавшийся из динамика голос звучал холодно и высокомерно.
Everyone in the room listened.	Все находящиеся в кабинете обратились в слух.

Langdon tried to place the accent.	Лэнгдон пытался определить акцент человека на другом конце линии.
Middle Eastern, perhaps?	"Скорее всего - Средний Восток", - подумал он.
"I am a messenger of an ancient brotherhood," the voice announced in an alien cadence.	- Я посланник древнего братства, - произнес голос с совершенно чуждой для них мелодикой.
"A brotherhood you have wronged for centuries.	Того братства, которому вы много столетий чинили зло.
I am a messenger of the Illuminati."	Я - посланник "Иллюминати".

Langdon felt his muscles tighten, the last shreds of doubt withering away.	Лэнгдон почувствовал, как напряглись его мышцы. Исчезла даже последняя тень сомнения.
For an instant he felt the familiar collision of thrill, privilege, and dead fear that he had experienced when he first saw the ambigram this morning.	На какое-то мгновение он снова испытал тот священный трепет и тот ужас, которые ощутил сегодня утром, увидев в первый раз амбиграмму.
"What do you want?" the camerlegno demanded.	- Чего вы хотите? - спросил камерарий.
"I represent men of science. Men who like yourselves are searching for the answers.	- Я представляю людей науки, тех, кто, подобно вам, заняты поисками высшей истины.

Answers to man's destiny, his purpose, his creator."	Тех, кто желает познать судьбу человечества, его предназначение и его творца.
"Whoever you are," the camerlegno said, "I-"	- Кем бы вы ни были, я...
"Silenzio.	- Silenzio!
You will do better to listen.	Молчите и слушайте!
For two millennia your church has dominated the quest for truth.	В течение двух тысячелетий в этих поисках доминировала церковь.
You have crushed your opposition with lies and prophesies of doom.	Вы подавляли любую оппозицию с помощью лжи и пророчеств о грядущем дне Страшного суда.

You have manipulated the truth to serve your needs, murdering those whose discoveries did not serve your politics.	Во имя своих целей вы манипулировали истиной и убивали тех, чьи открытия не отвечали вашим интересам.

Are you surprised you are the target of enlightened men from around the globe?"	Почему же вы теперь удивляетесь тому, что стали объектом ненависти во всех уголках Земли?
"Enlightened men do not resort to blackmail to further their causes."	- Просвещенные люди не прибегают к шантажу для достижения своих целей.
"Blackmail?" The caller laughed.	- Шантажу? - рассмеялся человек на другом конце линии.

"This is not blackmail.	- Здесь нет никакого шантажа!
We have no demands.	Мы не выдвигаем никаких требований.
The abolition of the Vatican is nonnegotiable.	Вопрос уничтожения Ватикана не может служить предметом торга.
We have waited four hundred years for this day.	Мы ждали этого дня четыреста долгих лет.
At midnight, your city will be destroyed.	В полночь ваш город-государство будет стерт с лица планеты.
There is nothing you can do."	И вы ничего не можете сделать.
Olivetti stormed toward the speaker phone.	К микрофону рванулся Оливетти.
"Access to this city is impossible!	- Доступ в город невозможен! - выкрикнул он.

You could not possibly have planted explosives in here!"	- Вы просто не могли разместить здесь взрывчатку!
"You speak with the ignorant devotion of a Swiss Guard.	- Вы смотрите на мир с позиций, возможно, и преданного делу, но глубоко невежественного швейцарского гвардейца, - с издевкой произнес голос.
Perhaps even an officer?	- Не исключено, что вы - офицер.
Surely you are aware that for centuries the Illuminati have infiltrated elitist organizations across the globe.	А если так, то вы не могли не знать, что иллюминаты умели внедряться в самые элитные организации.

Do you really believe the Vatican is immune?"	Почему вы полагаете, что швейцарская гвардия является в этом отношении исключением?
Jesus, Langdon thought, they've got someone on the inside.	"Боже, - подумал Лэнгдон. - У них здесь свой человек".
It was no secret that infiltration was the Illuminati trademark of power.	Ученый прекрасно знал, что способность внедриться в любую среду являлась у братства "Иллюминати" главным ключом к достижению власти.
They had infiltrated the Masons, major banking networks, government bodies.	Иллюминаты свили себе гнезда среди масонов, в крупнейших банковских системах, в правительственных организациях.

In fact, Churchill had once told reporters that if English spies had infiltrated the Nazis to the degree the Illuminati had infiltrated English Parliament, the war would have been over in one month.	Черчилль, обращаясь к английским журналистам, однажды сказал, что если бы английские шпионы наводнили Германию так, как иллюминаты -английский парламент, война закончилась бы не позднее чем через месяц.
"A transparent bluff," Olivetti snapped.	- Откровенный блеф! - выпалил Оливетти.

"Your influence cannot possibly extend so far."	- Вы не настолько влиятельны, чтобы проникнуть за стены Ватикана.
"Why?	- Но почему?

Because your Swiss Guards are vigilant?	Неужели только потому, что швейцарские гвардейцы славятся своей бдительностью?
Because they watch every corner of your private world?	Или потому, что они торчат на каждом углу, охраняя покой вашего замкнутого мирка?
How about the Swiss Guards themselves? Are they not men?	Но разве гвардейцы не люди?
Do you truly believe they stake their lives on a fable about a man who walks on water?	Неужели вы верите в то, что все они готовы пожертвовать жизнью ради сказок о человеке, способном ходить по воде аки посуху?
Ask yourself how else the canister could have entered your city.	Ответьте честно на простой вопрос: как ловушка с антивеществом могла оказаться в Ватикане?

Or how four of your most precious assets could have disappeared this afternoon."	Или как исчезло из Ватикана ваше самое ценное достояние? Я имею в виду столь необходимую вам четверку...
"Our assets?"	- Наше достояние?
Olivetti scowled.	Четверка?
"What do you mean?"	Что вы хотите этим сказать? - спросил Оливетти.
"One, two, three, four.	- Раз, два, три, четыре.
You haven't missed them by now?"	Неужели вы их до сих пор не хватились?
"What the hell are you talk-" Olivetti stopped short, his eyes rocketing wide as though he'd just been punched in the gut.	- О чем вы... - начал было Оливетти и тут же умолк. Глаза коммандера вылезли из орбит, словно он получил сильнейший удар под ложечку.

"Light dawns," the caller said.	- Горизонт, похоже, проясняется, - с издевкой произнес посланец иллюминатов.
"Shall I read their names?"	- Может быть, вы хотите, чтобы я произнес их имена?
"What's going on?" the camerlegno said, looking bewildered.	- Что происходит? - отказываясь что-либо понимать, спросил камерарий.
The caller laughed. "Your officer has not yet informed you?	- Неужели ваш офицер еще не удосужился вас проинформировать? - рассмеялся говорящий.
How sinful.	- Но это же граничит со смертным грехом.
No surprise.	Впрочем, неудивительно.
Such pride.	С такой гордыней...

I imagine the disgrace of telling you the truth... that four cardinals he had sworn to protect seem to have disappeared..."	Представляю, какой позор обрушился бы на его голову, скажи он вам правду... скажи он, что четыре кардинала, которых он поклялся охранять, исчезли.
Olivetti erupted. "Where did you get this information!"	- Откуда у вас эти сведения?! - завопил Оливетти.

"Camerlegno," the caller gloated, "ask your commander if all your cardinals are present in the Sistine Chapel."	- Камерарий, - человек, судя по его тону, явно наслаждался ситуацией, - спросите у своего командера, все ли кардиналы находятся в данный момент в Сикстинской капелле?

The camerlegno turned to Olivetti, his green eyes demanding an explanation.	Камерарий повернулся к Оливетти, и взгляд его зеленых глаз говорил, что временный правитель Ватикана ждет объяснений.
"Signore," Olivetti whispered in the camerlegno's ear, "it is true that four of our cardinals have not yet reported to the Sistine Chapel, but there is no need for alarm.	- Синьор, - зашептал ему на ухо Оливетти, - это правда, что четыре кардинала еще не явились в Сикстинскую капеллу. Но для тревоги нет никаких оснований.
Every one of them checked into the residence hall this morning, so we know they are safely inside Vatican City.	Все они утром находились в своих резиденциях в Ватикане.

You yourself had tea with them only hours ago.	Час назад вы лично пили с ними чай.
They are simply late for the fellowship preceding conclave.	Четыре кардинала просто не явились на предшествующую конклаву дружескую встречу.
We are searching, but I'm sure they just lost track of time and are still out enjoying the grounds."	Я уверен, что они настолько увлеклись лицезрением наших садов, что потеряли счет времени.
"Enjoying the grounds?"	- Увлеклись лицезрением садов?
The calm departed from the camerlegno's voice.	- В голосе камерария не осталось и следа его прежнего спокойствия.
"They were due in the chapel over an hour ago!"	- Они должны были появиться в капелле еще час назад!

Langdon shot Vittoria a look of amazement.	Лэнгдон бросил изумленный взгляд на Витторию.
Missing cardinals?	Исчезли кардиналы?
So that's what they were looking for downstairs?	Так вот, значит, что они там разыскивают!
"Our inventory," the caller said, "you will find quite convincing.	- Перечень имен выглядит весьма внушительно, и он должен убедить вас в серьезности наших намерений.
There is Cardinal Lamass? from Paris, Cardinal Guidera from Barcelona, Cardinal Ebner from Frankfurt..."	Это кардинал Ламассэ из Парижа, кардинал Гуидера из Барселоны, кардинал Эбнер из Франкфурта...

Olivetti seemed to shrink smaller and smaller after each name was read. The caller paused, as though taking special pleasure in the final name.	После каждого произнесенного имени комманде Оливетти на глазах становился все меньше и меньше ростом.
"And from Italy... Cardinal Baggia."	- ...и наконец, кардинал Баджиа из Италии.
The camerlegno loosened like a tall ship that had just run sheets first into a dead calm.	Камерарий весь как-то обмяк и обвис. Так обвисают паруса корабля, неожиданно попавшего в мертвый штиль.
His frock billowed, and he collapsed in his chair. "I preferiti," he whispered.	На его сутане вдруг появились глубокие складки, и он рухнул в кресло, шепча: - I preferiti...

"The four favorites... including Baggia... the most likely successor as Supreme Pontiff... how is it possible?"	Все четыре фаворита, включая Баджиа... наиболее вероятного наследника Святого престола... как это могло случиться?
Langdon had read enough about modern papal elections to understand the look of desperation on the camerlegno's face.	Лэнгдон достаточно много знал о процедуре избрания папы, и отчаяние камерария было ему вполне понятно.

Although technically any cardinal under eighty years old could become Pope, only a very few had the respect necessary to command a two thirds majority in the ferociously partisan balloting procedure.	Если теоретически каждый из кардиналов не старше восьмидесяти лет мог стать понтификом, то на практике лишь немногие из них пользовались авторитетом, который позволял им рассчитывать на две трети голосов, необходимых для избрания.
They were known as the preferiti.	Этих кардиналов называли preferiti.
And they were all gone.	И все они исчезли.
Sweat dripped from the camerlegno's brow.	На лбу камерария выступил пот.
"What do you intend with these men?"	- Что вы намерены с ними сделать? - спросил он.

"What do you think I intend?	- Как вы думаете, что я с ними намерен сделать?
I am a descendant of the Hassassin."	Я - потомок ассасинов.
Langdon felt a shiver.	Лэнгдон вздрогнул.
He knew the name well.	Он хорошо знал это слово.
The church had made some deadly enemies through the years-the Hassassin, the Knights Templar, armies that had been either hunted by the Vatican or betrayed by them.	В течение столетий церковь имела немало смертельных врагов, среди которых были ассасины и тамплиеры . Это были люди, которых Ватикан либо истреблял, либо предавал.
"Let the cardinals go," the camerlegno said.	- Освободите кардиналов, - сказал камерарий.

"Isn't threatening to destroy the City of God enough?"	- Разве вам не достаточно уничтожить Град Божий?
"Forget your four cardinals.	- Забудьте о своих кардиналах.
They are lost to you.	Они для вас потеряны навсегда.
Be assured their deaths will be remembered though... by millions.	Однако можете не сомневаться, что об их смерти будут помнить долгие годы... миллионы людей.
Every martyr's dream.	Мечта каждого мученика.
I will make them media luminaries.	Я сделаю их звездами прессы и телевидения.
One by one.	Не всех сразу, а одного за другим.

By midnight the Illuminati will have everyone's attention.	К полуночи братство "Иллюминати" станет центром всеобщего внимания.
Why change the world if the world is not watching?	Какой смысл менять мир, если мир этого не видит?
Public killings have an intoxicating horror about them, don't they?	В публичном убийстве есть нечто завораживающее. Разве не так?

You proved that long ago... the inquisition, the torture of the Knights Templar, the Crusades." He paused. "And of course, la purga."	Церковь доказала это много лет назад... инквизиция, мучения, которым вы подвергли тамплиеров, крестовые походы... и, конечно, La purga, - закончил он после недолгой паузы.

The camerlegno was silent.	Камерарий не проронил ни слова.
"Do you not recall la purga?" the caller asked. "Of course not, you are a child.	- Неужели вы не знаете, что такое La purga? -спросил потомок ассасинов и тут же сам ответил:- Впрочем, откуда вам знать, ведь вы еще дитя.
Priests are poor historians, anyway.	Служители Бога, как правило, никудышные историки.
Perhaps because their history shames them?"	Возможно, потому, что их прошлые деяния вызывают у них стыд.
"La purga," Langdon heard himself say.	- La purga, - неожиданно для самого себя произнес Лэнгдон.
"Sixteen sixty eight.	- 1668 год.

The church branded four Illuminati scientists with the symbol of the cross.	В этом году церковь заклеймила четырех ученых-иллюминатов. Выжгла на их телах каленым железом знак креста.
To purge their sins."	Якобы для того, чтобы очистить их от грехов.
"Who is speaking?" the voice demanded, sounding more intrigued than concerned.	- Кто это сказал? - поинтересовался невидимый собеседник. В его голосе было больше любопытства, чем озабоченности.
"Who else is there?" Langdon felt shaky. "My name is not important," he said, trying to keep his voice from wavering.	- Мое имя не имеет значения, - ответил Лэнгдон, пытаясь унять предательскую дрожь в голосе.

Speaking to a living Illuminatus was disorienting for him... like speaking to George Washington.	Ученый был несколько растерян, оскольку ему впервые в жизни приходилось беседовать с живым иллюминатом. Наверное, он испытал бы то же чувство, если бы с ним вдруг заговорил сам... Джордж Вашингтон.
"I am an academic who has studied the history of your brotherhood."	- Я ученый, который занимался исследованием истории вашего братства.
"Superb," the voice replied.	- Великолепно! - ответил голос.
"I am pleased there are still those alive who remember the crimes against us."	- Я польщен тем, что в мире еще сохранились люди, которые помнят о совершенных против нас преступлениях.

"Most of us think you are dead."	- Однако большинство из этих людей полагают, что вас на земле уже не осталось.
"A misconception the brotherhood has worked hard to promote.	- Заблуждение, распространению которого мы сами способствовали.
What else do you know of la purga?"	Что еще вам известно о La purga?
Langdon hesitated.	Лэнгдон не знал, что ответить.
What else do I know?	"Что еще мне известно?

That this whole situation is insanity, that's what I know!	Мне известно лишь то, что все, свидетелем чего я являюсь, - чистое безумие!"

"After the brandings, the scientists were murdered, and their bodies were dropped in public locations around Rome as a warning to other scientists not to join the Illuminati."	Вслух же он произнес: - После клеймения ученых убили, а их тела были брошены на самых людных площадях Рима в назидание другим ученым, чтобы те не вступали в братство "Иллюминати".
"Yes.	- Именно.
So we shall do the same.	Поэтому мы поступим точно так же.
Quid pro quo.	Quid pro quo.
Consider it symbolic retribution for our slain brothers.	Можете считать это символическим возмездием за мученическую смерть наших братьев.
Your four cardinals will die, one every hour starting at eight.	Ваши кардиналы будут умирать каждый час, начиная с восьми вечера.

By midnight the whole world will be enthralled."	К полуночи весь мир замрет в ожидании.
Langdon moved toward the phone. "You actually intend to brand and kill these four men?"	- Вы действительно хотите заклеймить и убить этих людей? - машинально приблизившись к телефону, спросил американец.
"History repeats itself, does it not?	- История повторяется. Не так ли?
Of course, we will be more elegant and bold than the church was.	Конечно, мы сделаем это более элегантно и более смело, чем когда-то церковь.
They killed privately, dropping bodies when no one was looking.	Она умертвила наших братьев тайком и выбросила их тела тогда, когда этого никто не мог увидеть.

It seems so cowardly."	Я квалифицирую это как трусость.
"What are you saying?" Langdon asked. "That you are going to brand and kill these men in public?"	- Вы хотите сказать, - не веря своим ушам, спросил Лэнгдон, - что заклеймите и убьете этих людей публично?!
"Very good.	- Конечно.
Although it depends what you consider public.	Хотя все зависит от того, что понимать под словом "публично".
I realize not many people go to church anymore."	Кажется, в церковь в наше время ходят не очень много людей?
Langdon did a double take. "You're going to kill them in churches?"	- Вы намерены убить их под сводами церкви? - спросил Лэнгдон.

"A gesture of kindness.	- Да, как проявление милосердия с нашей стороны.
Enabling God to command their souls to heaven more expeditiously.	Это позволит Богу забрать их души к себе на небо быстро и без хлопот.
It seems only right.	Думаю, мы поступаем правильно.
Of course the press will enjoy it too, I imagine."	Ну и пресса, конечно, будет от этого в восторге.
"You're bluffing," Olivetti said, the cool back in his voice.	- Откровенный блеф, - произнес Оливетти, к которому вернулось ледяное спокойствие.

"You cannot kill a man in a church and expect to get away with it."	- Невозможно убить человека в помещении церкви и безнаказанно оттуда скрыться.

"Bluffing?	- Блеф? - несказанно удивился ассасин.
We move among your Swiss Guard like ghosts, remove four of your cardinals from within your walls, plant a deadly explosive at the heart of your most sacred shrine, and you think this is a bluff?	- Мы словно призраки бродим среди ваших швейцарских гвардейцев, похищаем из-под вашего носа кардиналов, помещаем мощный заряд в самом сердце вашего главного святилища, и вы называете все это блефом?
As the killings occur and the victims are found, the media will swarm.	Как только начнутся убийства и тело первой жертвы будет обнаружено, журналисты слетятся роем.

By midnight the world will know the Illuminati cause."	К полуночи весь мир узнает о правом деле братства "Иллюминати".
"And if we stake guards in every church?" Olivetti said.	- А что будет, если мы выставим часовых в каждой церкви? - спросил Оливетти.
The caller laughed. "I fear the prolific nature of your religion will make that a trying task.	- Боюсь, что чрезмерное распространение вашей религии делает подобную задачу невыполнимой, -со смехом сказал иллюминат.
Have you not counted lately?	- Когда вы в последний раз проводили перепись церквей?
There are over four hundred Catholic churches in Rome.	По моим прикидкам, в Риме насчитывается более четырех сотен католических храмов и церквей.

Cathedrals, chapels, tabernacles, abbeys, monasteries, convents, parochial schools..."	Соборы, часовни, молитвенные дома, аббатства, монастыри, женские монастыри, церковно-приходские школы, наконец... Вам придется выставить охрану во всех этих заведениях.
Olivetti's face remained hard.	Выслушав сказанное, Оливетти и глазом не моргнул.
"In ninety minutes it begins," the caller said with a note of finality.	- Спектакль начнется через девяносто минут, -решительно произнес голос.
"One an hour.	- Один кардинал каждый час.
A mathematical progression of death.	Математическая прогрессия смерти.
Now I must go."	А теперь мне пора.

"Wait!" Langdon demanded.	- Подождите! - воскликнул Лэнгдон.
"Tell me about the brands you intend to use on these men."	- Скажите, какие клейма вы намерены использовать?
The killer sounded amused. "I suspect you know what the brands will be already.	- Думаю, вам известно, какое клеймо мы используем.
Or perhaps you are a skeptic?	- Судя по тону, которым были произнесены эти слова, вопрос Лэнгдона сильно позабавил иллюмината.
You will see them soon enough.	- В любом случае вы скоро об этом узнаете.

Proof the ancient legends are true."	И это явится доказательством того, что древние легенды не лгут.

Langdon felt light headed.	Лэнгдон начал испытывать легкое головокружение.
He knew exactly what the man was claiming. Langdon pictured the brand on Leonardo Vetra's chest.	Перед его мысленным взором снова возникло клеймо на груди мертвого Леонардо Ветра.
Illuminati folklore spoke of five brands in all.	Ученый прекрасно понимал, на что намекает ассасин. Согласно легендам, у братства "Иллюминати" было пять клейм.
Four brands are left, Langdon thought, and four missing cardinals.	Одно уже было использовано. Осталось еще четыре, подумал американец. И четыре кардинала исчезли.

"I am sworn," the camerlegno said, "to bring a new Pope tonight.	- Я поклялся, что сегодня начнутся выборы нового папы, - сказал камерарий.
Sworn by God."	- Поклялся именем Божьим.
"Camerlegno," the caller said, "the world does not need a new Pope.	- Святой отец, - с издевкой произнес голос, - миру ваш новый папа вовсе не нужен.
After midnight he will have nothing to rule over but a pile of rubble.	После полуночи править ему будет нечем, если, конечно, не считать груды развалин.
The Catholic Church is finished.	С католической церковью покончено.
Your run on earth is done."	Ваше пребывание на земле завершилось.

Silence hung.	После этих слов на некоторое время воцарилось молчание.
The camerlegno looked sincerely sad.	Первым заговорил камерарий, и в голосе его звучала печаль:
"You are misguided.	- Вы заблуждаетесь.
A church is more than mortar and stone.	Церковь - нечто большее, чем скрепленные известью камни.
You cannot simply erase two thousand years of faith... any faith.	Вы не сможете так просто стереть с лица земли веру, за которой стоят два тысячелетия... я имею в виду любую веру, а не только католичество.

You cannot crush faith simply by removing its earthly manifestations.	Вера не исчезнет, если вы уничтожите ее земное проявление.
The Catholic Church will continue with or without Vatican City."	Католическая церковь останется жить и без города-государства Ватикана.
"A noble lie.	- Благородная ложь, - последовал ответ.
But a lie all the same.	- Но ключевым здесь тем не менее является слово "ложь".
We both know the truth.	А истина известна нам обоим.
Tell me, why is Vatican City a walled citadel?"	Скажите, почему, по вашему мнению, Ватикан являет собой обнесенную стенами крепость?

"Men of God live in a dangerous world," the camerlegno said.	- Служителям Божьим приходится обитать в опасном мире, - сказал камерарий.
"How young are you?	- Скажите, сколько вам лет? Вы, видимо, слишком молоды для того, чтобы усвоить простую истину.
The Vatican is a fortress because the Catholic Church holds half of its equity inside its walls-rare paintings, sculpture, devalued jewels, priceless books... then there is the gold bullion and the real estate deeds inside the Vatican Bank vaults.	Ватикан является неприступной крепостью потому, что за его стенами католическая церковь хранит половину своих несметных сокровищ. Я говорю о редкостных картинах, скульптурах, драгоценных камнях и бесценных книгах... а в сейфах Банка Ватикана спрятаны золотые слитки и документы сделок с недвижимостью.

Inside estimates put the raw value of Vatican City at 48.5 billion dollars.	По самой приблизительной оценке, Ватикан "стоит" 48,5 миллиарда долларов.
Quite a nest egg you're sitting on.	Вы сидите на поистине золотом яйце.
Tomorrow it will be ash.	Но завтра все это превратится в прах, а вы станете банкротами.
Liquidated assets as it were. You will be bankrupt.	Все ваши активы испарятся, и вам придет конец.
Not even men of cloth can work for nothing."	Никто, включая ваших сановных коллег, не станет работать бесплатно.

The accuracy of the statement seemed to be reflected in Olivetti's and the camerlegno's shell shocked looks. Langdon wasn't sure what was more amazing, that the Catholic Church had that kind of money, or that the Illuminati somehow knew about it.	Оливетти и камерарий обменялись взглядами, которые лишь подтверждали вывод иллюмината.
The camerlegno sighed heavily. "Faith, not money, is the backbone of this church."	- Вера, а не деньги, служит становым хребтом церкви, - с тяжелым вздохом заметил камерарий.
"More lies," the caller said.	- Очередная ложь.

"Last year you spent 183 million dollars trying to support your struggling dioceses worldwide.	В прошлом году вы выложили 183 миллиона долларов на поддержку влачащих жалкое существование епархий.
Church attendance is at an all time low-down forty six percent in the last decade.	Как никогда мало людей ходит сегодня в церковь. По сравнению с последним десятилетием их число сократилось на 43 процента.
Donations are half what they were only seven years ago.	Пожертвования за семь лет сократились почти вдвое.
Fewer and fewer men are entering the seminary.	Все меньше и меньше людей поступают в семинарии.
Although you will not admit it, your church is dying.	Церковь умирает, хотя вы и отказываетесь это признать.

Consider this a chance to go out with a bang."	Ей несказанно повезло, что она теперь уходит с громким шумом.
Olivetti stepped forward.	В разговор вступил Оливетти.
He seemed less combative now, as if he now sensed the reality facing him.	Коммандер уже не казался столь воинственным, каким был всего несколько минут назад.

He looked like a man searching for an out. Any out.	Теперь он больше походил на человека, пытающегося найти выход из безвыходного положения.
"And what if some of that bullion went to fund your cause?"	- А что, если часть этих золотых слитков пойдет на поддержку вашего благородного дела? Вы откажетесь от взрыва?

"Do not insult us both."	- Не оскорбляйте подобными предложениями ни нас, ни себя.
"We have money."	- У нас много денег.
"As do we.	- Так же, как и у нас.
More than you can fathom."	Мы обладаем богатством гораздо большим, чем вы можете себе представить.
Langdon flashed on the alleged Illuminati fortunes, the ancient wealth of the Bavarian stone masons, the Rothschilds, the Bilderbergers, the legendary Illuminati Diamond.	Лэнгдон припомнил, что слышал о легендарном богатстве ордена. О несметных сокровищах баварских масонов, о гигантских состояниях Ротшильдов и Бильдербергеров, об их огромном алмазе.

"I preferiti," the camerlegno said, changing the subject.	- I preferiti, - сказал камерарий, меняя тему.
His voice was pleading. "Spare them.	- Пощадите хоть их.
They are old.	Это старые люди.
They-"	Они...
"They are virgin sacrifices." The caller laughed.	- Считайте их невинными жертвенными агнцами,- рассмеялся ассасин.
"Tell me, do you think they are really virgins?	- Скажите, а они действительно сумели сохранить невинность?
Will the little lambs squeal when they die?	Как вы считаете, ягнята блеют, когда их приносят в жертву?

Sacrifici vergini nell' altare di scienza."	Sacrifici vergini nell' altare di scienza .
The camerlegno was silent for a long time. "They are men of faith," he finally said.	- Это люди веры, - после продолжительного молчания, произнес камерарий.
"They do not fear death."	- И смерти они не страшатся.
The caller sneered. "Leonardo Vetra was a man of faith, and yet I saw fear in his eyes last night.	- Леонардо Ветра тоже был человеком веры, - презрительно фыркнул иллюминат. - А я в ту ночь читал в его глазах ужас.
A fear I removed."	Я избавил его от этого страха.

Vittoria, who had been silent, was suddenly airborne, her body taut with hatred. "Asino!	- Asino ! - крикнула молчавшая до этого момента Виттория.
He was my father!"	- Это был мой отец!
A cackle echoed from the speaker. "Your father?	- Ваш отец? - донеслось из динамика.
What is this?	- Как это прикажете понимать?
Vetra has a daughter?	У преподобного Леонардо Ветра была дочь?

You should know your father whimpered like a child at the end.	Однако как бы то ни было, но перед смертью ваш папа рыдал, как ребенок.

Pitiful really.	Весьма печальная картина.
A pathetic man."	Даже у меня она вызвала сострадание.
Vittoria reeled as if knocked backward by the words.	Виттория пошатнулась от этих слов.
Langdon reached for her, but she regained her balance and fixed her dark eyes on the phone.	Лэнгдон протянул к ней руки, но девушка удержалась на ногах и, устремив взгляд в аппарат на столе, произнесла:
"I swear on my life, before this night is over, I will find you."	- Клянусь жизнью, что найду тебя еще до того, как кончится эта ночь.
Her voice sharpened like a laser. "And when I do..."	А затем... - Ее голос звенел сталью.

The caller laughed coarsely. "A woman of spirit.	- Сильная духом женщина! - хрипло рассмеялся ассасин.
I am aroused.	- Такие меня всегда возбуждали.
Perhaps before this night is over, I will find you.	Не исключено, что я найду тебя еще до того, как кончится эта ночь.
And when I do..."	А уж когда найду, то...
The words hung like a blade.	Слова иллюмината прозвучали как удар кинжала.
Then he was gone.	После этого он отключил связь.
42 Cardinal Mortati was sweating now in his black robe.	Г лава 42 Кардинал Мортати истекал потом в своей черной мантии.

Not only was the Sistine Chapel starting to feel like a sauna, but conclave was scheduled to begin in twenty minutes, and there was still no word on the four missing cardinals.	И не только потому, что в Сикстинской капелле было жарко, как в сауне. Конклав должен был открыться через двадцать минут, а он не имел никаких сведений о четырех исчезнувших кардиналах.
In their absence, the initial whispers of confusion among the other cardinals had turned to outspoken anxiety.	Собравшиеся в капелле отцы церкви давно заметили их отсутствие, и первоначальное негромкое перешептывание постепенно переходило в недоуменный ропот.
Mortati could not imagine where the truant men could be.	Мортати не мог предположить, куда подевались эти прогульщики.
With the camerlegno perhaps?	Может быть, они у камерария?

He knew the camerlegno had held the traditional private tea for the four preferiti earlier that afternoon, but that had been hours ago.	Он знал, что последний по традиции пил чай с preferiti, но чаепитие должно было закончиться еще час назад.
Were they ill?	Может быть, они заболели?
Something they ate?	Съели что-нибудь не то?
Mortati doubted it.	В подобное Мортати поверить не мог.

Even on the verge of death the preferiti would be here. It was once in a lifetime, usually never, that a cardinal had the chance to be elected Supreme Pontiff, and by Vatican Law the cardinal had to be inside the Sistine Chapel when the vote took place.	Лишь раз в жизни кардинал получал шанс стать Верховным понтификом (иным такой возможности вообще не представлялось), а согласно законам Ватикана, чтобы стать папой, во время голосования нужно было находиться в Сикстинской капелле.
Otherwise, he was ineligible.	В противном случае кардинал выбывал из числа кандидатов.
Although there were four preferiti, few cardinals had any doubt who the next Pope would be.	Хотя число preferiti достигало четырех человек, мало кто сомневался, который из них станет папой.

The past fifteen days had seen a blizzard of faxes and phone calls discussing potential candidates.	Последние пятнадцать дней они провели в бесконечных переговорах и консультациях, используя все новейшие средства связи -электронную почту, факсы и, естественно, телефон.
As was the custom, four names had been chosen as preferiti, each of them fulfilling the unspoken requisites for becoming Pope:	Согласно традиции, в качестве preferiti были названы четыре имени, и каждый из избранников отвечал всем предъявляемым к претенденту на Святой престол негласным требованиям.
Multilingual in Italian, Spanish, and English.	Владение несколькими языками, итальянским, испанским и английским - обязательно.

No skeletons in his closet.	Никаких порочащих секретов. Или, как говорят англичане, "никаких скелетов в шкафу".
Between sixty five and eighty years old.	Возраст от шестидесяти пяти до восьмидесяти.
As usual, one of the preferiti had risen above the others as the man the college proposed to elect.	Один из четверки имел преимущество. Это был тот, кого коллегия кардиналов рекомендовала для избрания.
Tonight that man was Cardinal Aldo Baggia from Milan.	В этот вечер таким человеком стал кардинал Альдо Баджиа из Милана.

Baggia's untainted record of service, combined with unparalleled language skills and the ability to communicate the essence of spirituality, had made him the clear favorite.	Многолетнее, ничем не запятнанное служение церкви, изумительная способность к языкам и непревзойденное умение донести до слушателей суть веры делали его основным кандидатом.
So where the devil is he? Mortati wondered.	"И куда, дьявол его побери, он мог деться?" - изумлялся про себя Мортати.
Mortati was particularly unnerved by the missing cardinals because the task of supervising this conclave had fallen to him.	Отсутствие кардиналов волновало Мортати потому, что на него была возложена обязанность следить за ходом конклава.

A week ago, the College of Cardinals had unanimously chosen Mortati for the office known as The Great Elector-the conclave's internal master of ceremonies.	Неделю назад коллегия кардиналов единогласно провозгласила его так называемым великим выборщиком, или, говоря по-простому, руководителем всей церемонии.
Even though the camerlegno was the church's ranking official, the camerlegno was only a priest and had little familiarity with the complex election process, so one cardinal was selected to oversee the ceremony from within the Sistine Chapel.	Лишь камерарий был лучше других осведомлен о процедуре выборов, но он, временно возглавляя церковь, оставался простым священником и в Сикстинскую капеллу доступа не имел.

Cardinals often joked that being appointed The Great Elector was the cruelest honor in Christendom.	Поэтому для наблюдения за ходом церемонии выбирали специального кардинала. Кардиналы частенько шутили по поводу избрания на эту роль. Назначение на пост великого выборщика - самая жестокая милость во всем христианском мире, говорили они.

The appointment made one ineligible as a candidate during the election, and it also required one spend many days prior to conclave poring over the pages of the Universi Dominici Gregis reviewing the subtleties of conclave's arcane rituals to ensure the election was properly administered.	Великий выборщик исключался из числа претендентов на Святой престол, и, кроме того, ему в течение нескольких дней приходилось продираться сквозь дебри Universi Dominici Gregis, усваивая мельчайшие тонкости освященного веками ритуала, чтобы провести выборы на должном уровне.
Mortati held no grudge, though. He knew he was the logical choice.	Мортати, однако, не жаловался, понимая, что его избрание является вполне логичным.

Not only was he the senior cardinal, but he had also been a confidant of the late Pope, a fact that elevated his esteem.	Он был не только самым старым кардиналом, но и долгие годы оставался доверенным лицом покойного папы, чего остальные отцы церкви не могли не ценить.
Although Mortati was technically still within the legal age window for election, he was getting a bit old to be a serious candidate.	Хотя по возрасту Мортати еще мог претендовать на Святой престол, все же он был слишком стар для того, чтобы иметь серьезные шансы быть избранным.

At seventy nine years old he had crossed the unspoken threshold beyond which the college no longer trusted one's health to withstand the rigorous schedule of the papacy.	Достигнув семидесяти девяти лет, Мортати переступил через невидимый порог, который давал основание коллегии кардиналов усомниться в том, что здоровье позволит ему справиться с весьма изнурительными обязанностями главы католической церкви.
A Pope usually worked fourteen hour days, seven days a week, and died of exhaustion in an average of 6.3 years.	Папы, как правило, трудились четырнадцать часов в сутки семь дней в неделю и умирали от истощения через 6,3 года (в среднем, естественно) пребывания на Святом престоле.

The inside joke was that accepting the papacy was a cardinal's "fastest route to heaven."	В церковных кругах шутливо говорили, что избрание на пост папы является для кардинала "кратчайшим путем на небо".
Mortati, many believed, could have been Pope in his younger days had he not been so broad minded.	Мортати, как полагали многие, мог стать папой в более раннем возрасте, если бы не обладал одним весьма серьезным недостатком. Кардинала Мортати отличала широта взглядов, что противоречило условиям Святой триады, соблюдение которых требовалось для избрания на пост папы.

When it came to pursuing the papacy, there was a Holy Trinity-Conservative. Conservative. Conservative.	Эти триада заключалась в трех словах -консерватизм, консерватизм и консерватизм.
Mortati had always found it pleasantly ironic that the late Pope, God rest his soul, had revealed himself as surprisingly liberal once he had taken office.	Мортати усматривал иронию истории в том, что покойный папа, упокой Г осподи душу его, взойдя на Святой престол, к всеобщему удивлению, проявил себя большим либералом.

Perhaps sensing the modern world progressing away from the church, the Pope had made overtures, softening the church's position on the sciences, even donating money to selective scientific causes.	Видимо, чувствуя, что современный мир постепенно отходит от церкви, папа предпринял несколько смелых шагов. В частности, он не только смягчил позицию католицизма по отношению к науке, но даже финансировал некоторые исследования.
Sadly, it had been political suicide.	К несчастью, этим он совершил политическое самоубийство.

Conservative Catholics declared the Pope "senile," while scientific purists accused him of trying to spread the church's influence where it did not belong.	Консервативные католики объявили его "дебилом", а пуристы от науки заявили, что церковь пытается оказать влияние на то, на что ей влиять не положено.
"So where are they?"	- Итак, где же они?
Mortati turned.	Мортати обернулся.
One of the cardinals was tapping him nervously on the shoulder.	Один из кардиналов, нервно дотронувшись рукой до его плеча, повторил вопрос:
"You know where they are, don't you?"	- Ведь вам известно, где они, не так ли?
Mortati tried not to show too much concern.	Мортати, пытаясь скрыть беспокойство, произнес:

"Perhaps still with the camerlegno."	- Видимо, у камерария.
"At this hour?	- В такое время?
That would be highly unorthodox!"	Если это так, то их поведение, мягко говоря, несколько неортодоксально, а камерарий, судя по всему, полностью утратил чувство времени.
The cardinal frowned mistrustingly. "Perhaps the camerlegno lost track of time?"	Кардинал явно усомнился в словах "великого выборщика".
Mortati sincerely doubted it, but he said nothing.	Мортати не верил в то, что камерарий не следит за временем, но тем не менее ничего не сказал.

He was well aware that most cardinals did not much care for the camerlegno, feeling he was too young to serve the Pope so closely.	Он знал, что многие кардиналы не испытывают особых симпатий к помощнику папы, считая его мальчишкой, слишком неопытным, чтобы быть доверенным лицом понтифика.
Mortati suspected much of the cardinals' dislike was jealousy, and Mortati actually admired the young man, secretly applauding the late Pope's selection for chamberlain.	Мортати полагал, что в основе этой неприязни лежат обыкновенные зависть и ревность. Сам же он восхищался этим еще довольно молодым человеком и тайно аплодировал папе за сделанный им выбор.

Mortati saw only conviction when he looked in the camerlegno's eyes, and unlike many of the cardinals, the camerlegno put church and faith before petty politics.	Глядя в глаза ближайшего помощника главы церкви, он видел в них убежденность и веру. Камерарий был далек от того мелкого политиканства, которое, увы, столь присуще многим служителям церкви.
He was truly a man of God.	Он был поистине человеком Божьим.
Throughout his tenure, the camerlegno's steadfast devotion had become legendary.	Со временем преданность камерария вере и Святому престолу стали обрастать легендами.

Many attributed it to the miraculous event in his childhood... an event that would have left a permanent impression on any man's heart.	Многие объясняли это чудом, объектом которого тот был в детстве. Такое событие навсегда запало бы в душу любого человека, окажись он его свидетелем.
The miracle and wonder of it, Mortati thought, often wishing his own childhood had presented an event that fostered that kind of doubtless faith.	Чудны дела Твои, Господи, думал Мортати, сожалея о том, что в его юности не произошло события, которое позволило бы ему, оставив все сомнения, бесконечно укрепиться в вере.

Unfortunately for the church, Mortati knew, the camerlegno would never become Pope in his elder years.	При этом Мортати знал, что, к несчастью для церкви, камерарию даже в зрелом возрасте не суждено стать папой.
Attaining the papacy required a certain amount of political ambition, something the young camerlegno apparently lacked; he had refused his Pope's offers for higher clerical stations many times, saying he preferred to serve the church as a simple man.	Для достижения этого поста священнослужитель должен обладать политическим честолюбием, а этот камерарий был, увы, начисто лишен всяких политических амбиций. Он несколько раз отказывался от очень выгодных церковных постов, которые предлагал ему покойный папа, заявляя, что желает служить церкви как простой человек.

"What next?" The cardinal tapped Mortati, waiting.	- Ну и что теперь? - спросил настойчивый кардинал.
Mortati looked up. "I'm sorry?"	- Что, простите? - поднимая на него глаза, переспросил Мортати.
"They're late!	Он настолько погрузился в собственные мысли, что не слышал вопроса. - Они опаздывают!
What shall we do?"	Что мы будем делать?
"What can we do?" Mortati replied.	- А что мы можем сделать? - вопросом на вопрос ответил Мортати.
"We wait.	- Нам остается только ждать.
And have faith."	И верить.

Looking entirely unsatisfied with Mortati's response, the cardinal shrunk back into the shadows.	Кардиналу, которого ответ "великого выборщика" совершенно не устроил, оставалось лишь молча отступить в тень. Мортати некоторое время стоял молча, потирая пальцем висок.
Mortati stood a moment, dabbing his temples and trying to clear his mind.	Он понимал, что прежде всего следовало привести в порядок мысли.
Indeed, what shall we do? He gazed past the altar up to Michelangelo's renowned fresco,	"Итак, что же нам действительно делать?" -подумал он, бросив взгляд на недавно обновленные фрески Микеланджело на стене над алтарем.

"The Last Judgment." The painting did nothing to soothe his anxiety.	Вид Страшного суда в изображении гениального художника его вовсе не успокоил.
It was a horrifying, fifty foot tall depiction of Jesus Christ separating mankind into the righteous and sinners, casting the sinners into hell.	На огромной, высотой в пятьдесят футов, картине Иисус отделял праведников от грешников, отправляя последних в ад.

There was flayed flesh, burning bodies, and even one of Michelangelo's rivals sitting in hell wearing ass's ears.	На фреске были изображены освежеванная плоть и охваченные пламенем тела. Микеланджело отправил в ад даже одного из своих врагов, украсив его при этом огромными ослиными ушами.
Guy de Maupassant had once written that the painting looked like something painted for a carnival wrestling booth by an ignorant coal heaver.	Мопассан однажды заметил, что фреска выглядит так, словно ее написал какой-то невежественный истопник для карнавального павильона, в котором демонстрируют греко-римскую борьбу.
Cardinal Mortati had to agree.	И Мортати в глубине души соглашался с великим писателем.
43	Глава 43

Langdon stood motionless at the Pope's bulletproof window and gazed down at the bustle of media trailers in St. Peter's Square.	Лэнгдон неподвижно стоял у пуленепробиваемого окна папского кабинета и смотрел на скопище принадлежащих прессе транспортных средств.
The eerie phone conversation had left him feeling turgid... distended somehow. Not himself.	Жутковатая телефонная беседа вызвала у него странное ощущение.
The Illuminati, like a serpent from the forgotten depths of history, had risen and wrapped themselves around an ancient foe.	Братство "Иллюминати" казалось ему какой-то гигантской змеей, вырвавшейся из бездны истории, чтобы задушить в тисках своих колец древнего врага.

No demands.	Никаких условий. Никаких требований.
No negotiation.	Никаких переговоров.
Just retribution.	Всего лишь возмездие.
Demonically simple.	Все очень просто.
Squeezing.	Смертельный захват становится все сильнее и сильнее.
A revenge 400 years in the making.	Месть, которая готовилась четыреста лет.
It seemed that after centuries of persecution, science had bitten back.	Создавалось впечатление, что наука, несколько веков бывшая жертвой преследований, наносит наконец ответный удар.
The camerlegno stood at his desk, staring blankly at the phone.	Камерарий стоял у своего стола, устремив невидящий взгляд на телефонный аппарат.

Olivetti was the first to break the silence.	Первым молчание нарушил Оливетти.
"Carlo," he said, using the camerlegno's first name and sounding more like a weary friend than an officer.	- Карло... - сказал он, впервые обращаясь к камерарию по имени, и его голос звучал совсем не по-военному; так, как говорил коммандер, мог говорить только близкий друг.
"For twenty six years, I have sworn my life to the protection of this office.	- Двадцать четыре года назад я поклялся защищать этот кабинет и его обитателей.
It seems tonight I am dishonored."	И вот теперь я обесчещен.
The camerlegno shook his head. "You and I serve God in different capacities, but service always brings honor."	- Вы и я, - покачав головой, произнес камерарий, -служим Богу, пусть и поразному.

"These events... I can't imagine how... this situation..." Olivetti looked overwhelmed.	И если человек служит Ему верно, то никакие обстоятельства не могут его обесчестить. - Но как? Я не могу представить... как это могло случиться... Сложившееся положение... -Оливетти выглядел совершенно подавленным.
"You realize we have only one possible course of action.	- Вы понимаете, что у нас нет выбора?..
I have a responsibility for the safety of the College of Cardinals."	Я несу ответственность за безопасность коллегии кардиналов.
"I fear that responsibility was mine, signore."	- Боюсь, что ответственность за это лежит только на мне, синьор.

"Then your men will oversee the immediate evacuation."	- В таком случае поручите своим людям немедленно приступить к эвакуации.
"Signore?"	- Но, синьор...
"Other options can be exercised later-a search for this device, a manhunt for the missing cardinals and their captors.	- План дальнейших действий мы продумаем позднее. Он должен включать поиск взрывного устройства и исчезнувших клириков. Следует также организовать облаву на того, кто их похитил.
But first the cardinals must be taken to safety.	Но первым делом необходимо перевести в безопасное место кардиналов.

The sanctity of human life weighs above all. Those men are the foundation of this church."	Эти люди - фундамент нашей церкви.
"You suggest we cancel conclave right now?"	- Вы хотите немедленно отменить конклав?
"Do I have a choice?"	- Разве у меня есть выбор?
"What about your charge to bring a new Pope?"	- Но как быть с вашим священным долгом - обеспечить избрание нового папы?
The young chamberlain sighed and turned to the window, his eyes drifting out onto the sprawl of Rome below.	Молодой камерарий вздохнул, повернулся к окну и окинул взглядом открывшуюся перед ним панораму Рима.

"His Holiness once told me that a Pope is a man torn between two worlds... the real world and the divine.	- Его святейшество както сказал мне, что папа -человек, вынужденный разрываться между двумя мирами... миром реальным и миром божественным.
He warned that any church that ignored reality would not survive to enjoy the divine."	Он высказал парадоксальную мысль, заявив, что если церковь начнет игнорировать реальность, то не доживет до того момента, когда сможет насладиться божественным.
His voice sounded suddenly wise for its years.	- Голос камерария звучал не по годам мудро.
"The real world is upon us tonight.	- В данный момент мы имеем дело с реальным миром.

We would be vain to ignore it.	И, игнорируя его, мы впадем в грех гордыни.
Pride and precedent cannot overshadow reason."	Гордыня и традиции не должны возобладать над здравым смыслом.

Olivetti nodded, looking impressed.	Слова молодого клирика, видимо, произвели впечатление на Оливетти.
"I have underestimated you, signore."	Коммандер кивнул и сказал: - Я понимаю вас, синьор.
The camerlegno did not seem to hear.	Казалось, что камерарий не слышал командира гвардейцев.
His gaze was distant on the window.	Он стоял у окна, глядя куда-то за линию горизонта.

"I will speak openly, signore.	- Позвольте мне быть откровенным, синьор.
The real world is my world.	Реальный мир - это мой мир.
I immerse myself in its ugliness every day such that others are unencumbered to seek something more pure.	Я ежедневно погружаюсь в его ужасы, в то время как другие имеют дело с чем-то возвышенным и чистым.
Let me advise you on the present situation. It is what I am trained for.	Сейчас мы столкнулись с серьезным кризисом. Поскольку я постоянно готовился к возникновению подобной ситуации, разрешите мне дать вам совет.
Your instincts, though worthy... could be disastrous."	Ваши вполне достойные намерения... могут обернуться катастрофой.

The camerlegno turned.	Камерарий вопросительно взглянул на Оливетти.
Olivetti sighed. "The evacuation of the College of Cardinals from the Sistine Chapel is the worst possible thing you could do right now."	- Эвакуация коллегии кардиналов из Сикстинской капеллы является, на мой взгляд, наихудшим из всех возможных в данный момент способов действия.
The camerlegno did not look indignant, only at a loss.	Камерарий не выразил ни малейшего возмущения. Казалось, он пребывал в растерянности.
"What do you suggest?"	- Так что же вы предлагаете?
"Say nothing to the cardinals.	- Ничего не говорите кардиналам.

Seal conclave.	Опечатайте Сикстинскую капеллу.
It will buy us time to try other options."	Так мы выиграем время для проведения других мероприятий.
The camerlegno looked troubled. "Are you suggesting I lock the entire College of Cardinals on top of a time bomb?"	- Вы хотите, чтобы я оставил всю коллегию кардиналов сидеть взаперти на бомбе замедленного действия? - не скрывая изумления, спросил камерарий.
"Yes, signore.	- Да, синьор.
For now.	Но только временно.
Later, if need be, we can arrange evacuation."	Если возникнет необходимость, мы проведем эвакуацию позже.

The camerlegno shook his head. "Postponing the ceremony before it starts is grounds alone for an inquiry, but after the doors are sealed nothing intervenes.	- Отмена церемонии до того, как она началась, станет достаточным основанием для проведения расследования, - покачал головой камерарий. - Но после того как двери будут опечатаны, всякое вмешательство полностью исключается.

Conclave procedure obligates-"	Регламент проведения конклава четко...
"Real world, signore.	- Таковы требования реального мира, синьор.
You're in it tonight.	Сегодня мы живем в нем.
Listen closely."	Выслушайте меня...

Olivetti spoke now with the efficient rattle of a field officer.	- Оливетти говорил теперь с четкостью боевого офицера.
"Marching one hundred sixty five cardinals unprepared and unprotected into Rome would be reckless.	- Вывод в город ста шестидесяти ничего не подозревающих беззащитных кардиналов представляется мне весьма опрометчивым шагом.
It would cause confusion and panic in some very old men, and frankly, one fatal stroke this month is enough."	Среди весьма пожилых людей это вызовет замешательство и панику. И, честно говоря, одного инсульта со смертельным исходом для нас более чем достаточно.
One fatal stroke.	Инсульт со смертельным исходом.

The commander's words recalled the headlines Langdon had read over dinner with some students in the Harvard Commons:	Эти слова снова напомнили Лэнгдону о заголовках газет, которые он увидел в клубе Гарварда, где ужинал со своими студентами:
Pope suffers stroke. Dies in sleep.	"У ПАПЫ СЛУЧИЛСЯ УДАР. ОН УМЕР ВО СНЕ".
"In addition," Olivetti said, "the Sistine Chapel is a fortress.	- Кроме того, - продолжал Оливетти, -Сикстинская капелла сама по себе является крепостью.
Although we don't advertise the fact, the structure is heavily reinforced and can repel any attack short of missiles.	Хотя мы никогда об этом не говорили, строение укреплено и способно выдержать ракетный удар.

As preparation we searched every inch of the chapel this afternoon, scanning for bugs and other surveillance equipment.	Готовясь к конклаву, мы в поисках "жучков" внимательно, дюйм за дюймом, осмотрели все помещения и ничего не обнаружили.
The chapel is clean, a safe haven, and I am confident the antimatter is not inside.	Здание капеллы является надежным убежищем, поскольку я уверен, что внутри ее антивещества нет.
There is no safer place those men can be right now.	Более безопасного места для кардиналов в данный момент не существует.
We can always discuss emergency evacuation later if it comes to that."	Позже, если потребуется, мы сможем обсудить все связанные со срочной эвакуацией вопросы.

Langdon was impressed.	Слова Оливетти произвели на Лэнгдона сильное впечатление.
Olivetti's cold, smart logic reminded him of Kohler.	Холодной логикой своих рассуждений командер напоминал Колера.
"Commander," Vittoria said, her voice tense, "there are other concerns.	- Сэр, - вступила в разговор молчавшая до этого Виттория, - есть еще один весьма тревожный момент.
Nobody has ever created this much antimatter. The blast radius, I can only estimate.	Никому пока не удавалось создать такое количество антивещества, и радиус действия взрыва я могу оценить весьма приблизительно.

Some of surrounding Rome may be in danger.	Но у меня нет сомнения, что прилегающие к Ватикану кварталы Рима окажутся в опасности.
If the canister is in one of your central buildings or underground, the effect outside these walls may be minimal, but if the canister is near the perimeter... in this building for example..." She glanced warily out the window at the crowd in St. Peter's Square.	Если ловушка находится в одном из ваших центральных зданий или под землей, действие на внешний мир может оказаться минимальным, но если антивещество спрятано ближе к периметру... в этом здании, например... - Девушка умолкла, бросив взгляд на площадь Святого Петра.

"I am well aware of my responsibilities to the outside world," Olivetti replied, "and it makes this situation no more grave.	- Я прекрасно осведомлен о своих обязанностях перед внешним миром, - ответил Оливетти, - но все-таки вы не правы. Никакой дополнительной опасности не возникает.
The protection of this sanctuary has been my sole charge for over two decades.	Защита этой священной обители была моей главной обязанностью в течение последних двадцати лет.
I have no intention of allowing this weapon to detonate."	И я не намерен допустить взрыв.
Camerlegno Ventresca looked up. "You think you can find it?"	- Вы полагаете, что сможете найти взрывное устройство? - быстро взглянул на него камерарий.

"Let me discuss our options with some of my surveillance specialists.	- Позвольте мне обсудить возможные варианты действий с моими специалистами по безопасности.
There is a possibility, if we kill power to Vatican City, that we can eliminate the background RF and create a clean enough environment to get a reading on that canister's magnetic field."	Один из вариантов может предусматривать прекращение подачи электроэнергии в Ватикан. Таким образом мы сможем устранить наведенные поля и создать возможность для выявления магнитного поля взрывного устройства.
Vittoria looked surprised, and then impressed. "You want to black out Vatican City?"	- Вы хотите вырубить все освещение Ватикана? -изумленно спросила Виттория.

"Possibly. I don't yet know if it's possible, but it is one option I want to explore."	Слова Оливетти ее поразили. - Я не знаю, возможно ли это, но испробовать такой вариант в любом случае необходимо.
"The cardinals would certainly wonder what happened," Vittoria remarked.	- Кардиналы наверняка попытаются узнать, что произошло, - заметила Виттория.
Olivetti shook his head. "Conclaves are held by candlelight.	- Конклав проходит при свечах, - ответил Оливетти.
The cardinals would never know.	- Кардиналы об отключении электричества даже не узнают.

After conclave is sealed, I could pull all except a few of my perimeter guards and begin a search.	Как только Сикстинская капелла будет опечатана, я брошу всех своих людей, за исключением тех, кто охраняет стены, на поиски антивещества.
A hundred men could cover a lot of ground in five hours."	За оставшиеся пять часов сотня человек сможет сделать многое.
"Four hours," Vittoria corrected.	- Четыре часа, - поправила его Виттория.
"I need to fly the canister back to CERN.	- Я должна буду успеть доставить ловушку в ЦЕРН.

Detonation is unavoidable without recharging the batteries."	Если мы не сумеем зарядить аккумуляторы, взрыва избежать не удастся.

"There's no way to recharge here?"	- Но почему не зарядить их здесь?
Vittoria shook her head. "The interface is complex.	- Штекер зарядного устройства имеет весьма сложную конфигурацию.
I'd have brought it if I could."	Если бы я могла предвидеть ситуацию, то привезла бы его с собой.
"Four hours then," Olivetti said, frowning.	- Что же, четыре так четыре, - хмуро произнес Оливетти.
"Still time enough. Panic serves no one.	- Времени у нас, так или иначе, достаточно.
Signore, you have ten minutes.	Синьор, в вашем распоряжении десять минут.

Go to the chapel, seal conclave.	Отправляйтесь в капеллу и опечатывайте двери.
Give my men some time to do their job.	Дайте моим людям возможность спокойно работать.
As we get closer to the critical hour, we will make the critical decisions."	Когда приблизится критический час, тогда и будем принимать критические решения.
Langdon wondered how close to "the critical hour" Olivetti would let things get.	"Интересно, насколько должен приблизиться этот "критический час", чтобы Оливетти приступил к эвакуации?" - подумал Лэнгдон.

The camerlegno looked troubled. "But the college will ask about the preferiti... especially about Baggia... where they are."	- Но кардиналы обязательно спросят меня о preferiti... - смущенно произнес камерарий, -особенно о Баджиа. Коллегия захочет узнать, где они.
"Then you will have to think of something, signore.	- В таком случае, синьор, вам придется придумать какое-нибудь объяснение.
Tell them you served the four cardinals something at tea that disagreed with them."	Скажите, например, что вы подали к чаю пирожные, которые не восприняли их желудки.
The camerlegno looked riled.	Подобное предложение привело камерария в состояние, близкое к шоковому.

"Stand on the altar of the Sistine Chapel and lie to the College of Cardinals?"	- Вы хотите, чтобы я, стоя у алтаря Сикстинской капеллы, лгал коллегии кардиналов?!
"For their own safety.	- Для их же блага.
Una bugia veniale.	Una bugia veniale.
A white lie.	Белая ложь.
Your job will be to keep the peace."	Ваша главная задача - сохранить их покой.
Olivetti headed for the door. "Now if you will excuse me, I need to get started."	А теперь позвольте мне удалиться, чтобы приступить к действиям, - закончил Оливетти, показывая на дверь.

"Comandante," the camerlegno urged, "we cannot simply turn our backs on missing cardinals."	- Коммандante, - сказал камерарий, - мы не имеем права забывать об исчезнувших кардиналах.
Olivetti stopped in the doorway. "Baggia and the others are currently outside our sphere of influence.	- Баджиа и остальные трое в данный момент находятся вне досягаемости, - сказал, задержавшись у порога, Оливетти.

We must let them go... for the good of the whole.	- Мы должны забыть о них... ради спасения всех остальных.
The military calls it triage."	Военные называют подобную ситуацию triage.
"Don't you mean abandonment?"	- Что в переводе на обычный язык, видимо, означает "бросить на произвол судьбы"?

His voice hardened. "If there were any way, signore... any way in heaven to locate those four cardinals, I would lay down my life to do it.	- Если бы мы имели возможность установить местонахождение четырех кардиналов, синьор, -твердым голосом произнес Оливетти, - то ради их спасения я без колебания принес бы в жертву свою жизнь.
And yet..." He pointed across the room at the window where the early evening sun glinted off an endless sea of Roman rooftops.	Но... - Он указал на окно, за которым лучи предвечернего солнца освещали городские крыши.
"Searching a city of five million is not within my power.	- Розыск в пятимиллионном городе выходит далеко за пределы моих возможностей.

I will not waste precious time to appease my conscience in a futile exercise.	Я не могу тратить время на то, чтобы успокаивать свою совесть участием в бесполезных затеях.
I'm sorry."	Извините.
Vittoria spoke suddenly. "But if we caught the killer, couldn't you make him talk?"	- Но если мы схватим убийцу, неужели мы не сможем заставить его заговорить? - неожиданно вмешалась Виттория.
Olivetti frowned at her. "Soldiers cannot afford to be saints, Ms. Vetra.	- Солдаты, мисс Ветра, не могут позволить себе быть святыми, - мрачно глядя на девушку, произнес коммандер.

Believe me, I empathize with your personal incentive to catch this man."	- Поверьте, я прекрасно понимаю ваше личное желание поймать этого человека.
"It's not only personal," she said.	- Это не только мое личное желание, - возразила она.
"The killer knows where the antimatter is... and the missing cardinals.	- Убийца знает, где спрятано антивещество и где находятся кардиналы.
If we could somehow find him..."	И если мы начнем его поиски, то...
"Play into their hands?" Olivetti said.	- Сыграем на руку врагам, - закончил за нее Оливетти.

"Believe me, removing all protection from Vatican City in order to stake out hundreds of churches is what the Illuminati hope we will do... wasting precious time and manpower when we should be searching... or worse yet, leaving the Vatican Bank totally unprotected.	- Попытайтесь, мисс, объектив-но оценить ситуацию. Иллюминаты как раз рассчитывают на то, что мы начнем поис-ки в нескольких сотнях римских церквей, вме-сто того чтобы искать взрывное устройство в Ватикане. Кроме того... мы в этом случае оста-вим без охраны Банк Ватикана.
Not to mention the remaining cardinals."	Об остальных кардина-лах я даже и не говорю. Нет, на все это у нас нет ни сил, ни времени.
The point hit home.	Аргументы коммандe-ра, видимо, достигли цели. Во всяком случае, никаких возражений они не вызвали.

"How about the Roman Police?" the camerlegno asked.	- А как насчет римской полиции? - спросил камерарий.
"We could alert citywide enforcement of the crisis.	- Мы могли бы, объяснив ситуацию, обратиться к ней за помощью. В таком случае операцию можно было бы развернуть по всему городу.
Enlist their help in finding the cardinals' captor."	Попросите их начать поиски человека, захватившего кардиналов.
"Another mistake," Olivetti said.	- Это будет еще одна ошибка, - сказал Оливетти.
"You know how the Roman Carbonieri feel about us.	- Вам прекрасно известно, как относятся к нам римские карабинеры.

We'd get a half hearted effort of a few men in exchange for their selling our crisis to the global media.	Они сделают вид, что ведут розыск, незамедлительно сообщив о разразившемся в Ватикане кризисе всем мировым средствам массовой информации.
Exactly what our enemies want. We'll have to deal with the media soon enough as it is."	У нас слишком много важных дел для того, чтобы тратить время на возню с журналистами.
I will make your cardinals media luminaries, Langdon thought, recalling the killer's words.	"Я сделаю их звездами прессы и телевидения, - вспомнил Лэнгдон слова убийцы.
The first cardinal's body appears at eight o'clock.	- Первое тело появится в восемь часов.

Then one every hour.	И так каждый час до полуночи.
The press will love it.	Прессе это понравится".
The camerlegno was talking again, a trace of anger in his voice.	Камерарий снова заговорил, и теперь в его словах звучал гнев:
"Commander, we cannot in good conscience do nothing about the missing cardinals!"	- Коммандante, мы окажемся людьми без чести и совести, если не попытаемся спасти похищенных кардиналов!
Olivetti looked the camerlegno dead in the eye.	Оливетти взглянул прямо в глаза клирика и произнес ледяным тоном:
"The prayer of St. Francis, signore.	- Молитва святого Франциска...
Do you recall it?"	Припомните ее, синьор!

The young priest spoke the single line with pain in his voice. "God, grant me strength to accept those things I cannot change." "Trust me," Olivetti said. "This is one of those things." Then he was gone.	- Боже, - с болью в голосе произнес камерарий, -дай мне силы выдержать все то, что я не в силах изменить.
44	Глава 44
The central office of the British Broadcast Corporation (BBC) is in London just west of Piccadilly Circus.	Центральный офис Британской вещательной корпорации, известной во всем мире как Би-би-си, расположен в Лондоне к западу от Пиккадилли.

The switchboard phone rang, and a junior content editor picked up.	В ее помещении раздался телефонный звонок, и трубку сняла младший редактор отдела новостей.
"BBC," she said, stubbing out her Dunhill cigarette.	- Би-би-си, - сказала она, гася сигарету марки "Данхилл" о дно пепельницы.

The voice on the line was raspy, with a Mid East accent.	Человек на противоположном конце провода говорил чуть хрипло и с легким ближневосточным акцентом.
"I have a breaking story your network might be interested in."	- Я располагаю сенсационной информацией, которая может представлять интерес для вашей компании.

The editor took out a pen and a standard Lead Sheet.	Редактор взяла ручку и стандартный бланк.
"Regarding?"	- О чем?
"The papal election."	- О выборах папы.
She frowned wearily.	Девушка сразу поскучнела.
The BBC had run a preliminary story yesterday to mediocre response.	Би-би-си еще вчера дала предварительный материал на эту тему, и реакция публики на него оказалась довольно сдержанной.
The public, it seemed, had little interest in Vatican City.	Простых людей проблемы Ватикана, похоже, не очень занимали.
"What's the angle?"	- Под каким углом?

"Do you have a TV reporter in Rome covering the election?"	- Вы направили репортера в Рим для освещения этого события?
"I believe so."	- Полагаю, что направили.
"I need to speak to him directly."	- Мне надо поговорить с ним напрямую.
"I'm sorry, but I cannot give you that number without some idea-"	- Простите, но я не могу сообщить вам его номер, не имея представления, о чем...
"There is a threat to the conclave.	- Речь идет о прямой угрозе конклаву.
That is all I can tell you."	Это все, что я могу вам сказать.
The editor took notes.	Младший редактор сделала пометку на листке и спросила:
"Your name?"	- Ваше имя?

"My name is immaterial."	- Мое имя не имеет значения.
The editor was not surprised.	Девушка не удивилась.
"And you have proof of this claim?"	- И вы можете доказать свои слова?
"I do."	- Да, я располагаю нужными доказательствами.
"I would be happy to take the information, but it is not our policy to give out our reporters' numbers unless-"	- Я была бы рада вам помочь, но мы принципиально не сообщаем телефонов наших репортеров, если не...
"I understand.	- Понимаю.
I will call another network.	Попробую связаться с другой сетью.

Thank you for your time.	Благодарю за то, что потратили на меня время.
Good b-"	Проща...
"Just a moment," she said.	- Постойте!
"Can you hold?"	Вы не могли бы немного подождать у телефона?

The editor put the caller on hold and stretched her neck.	Девушка нажала кнопку паузы и потянулась.
The art of screening out potential crank calls was by no means a perfect science, but this caller had just passed the BBC's two tacit tests for authenticity of a phone source.	Умение распознавать звонки психов еще, конечно, не достигло научных высот, но человек, который звонил, успешно прошел двойной негласный тест на подлинность своей информации.

He had refused to give his name, and he was eager to get off the phone.	Во-первых, он отказался назвать свое имя и, во-вторых, был готов немедленно прекратить разговор.
Hacks and glory hounds usually whined and pleaded.	Психи или искатели славы обычно продолжают требовать или умолять о том, чтобы их выслушали.
Fortunately for her, reporters lived in eternal fear of missing the big story, so they seldom chastised her for passing along the occasional delusional psychotic.	К счастью для редакторов, репортеры пребывали в вечном страхе упустить сенсационный материал и редко ругали центр, когда тот иногда напускал на них галлюцинирующих психов.

Wasting five minutes of a reporter's time was forgivable. Missing a headline was not.	Потерю пяти минут времени репортера можно простить, потеря же важной информации непростительна.
Yawning, she looked at her computer and typed in the keywords	Девушка зевнула, бросила взгляд на монитор и напечатала ключевое слово -
"Vatican City."	"Ватикан".
When she saw the name of the field reporter covering the papal election, she chuckled to herself.	Увидев имя корреспондента, отправленного освещать папские выборы, она весело фыркнула.

He was a new guy the BBC had just brought up from some trashy London tabloid to handle some of the BBC's more mundane coverage.	Это был новый человек, появившийся на Би-би-си из какого-то вонючего лондонского таблоида. Ему давались лишь самые незначительные задания.
Editorial had obviously started him at the bottom rung.	Парень начинал свою карьеру в компании с самой нижней ступени.
He was probably bored out of his mind, waiting all night to record his live ten second video spot.	Он наверняка ошалеет - если уже не ошалел - от тоски, ожидая всю ночь событие, которое займет в передачах новостей не более десяти секунд.
He would most likely be grateful for a break in the monotony.	Не исключено, что парень будет благодарен за то, что получил возможность развеяться.

The BBC content editor copied down the reporter's satellite extension in Vatican City. Then, lighting another cigarette, she gave the anonymous caller the reporter's number.	Младший редактор записала номер телефона спутниковой связи, закурила очередную сигарету и лишь затем сообщила номер анонимному информатору.
45	Глава 45
"It won't work," Vittoria said, pacing the Pope's office. She looked up at the camerlegno.	- Ничего из этого не выйдет, - расхаживая по папскому кабинету и глядя на камерария, говорила Виттория.

"Even if a Swiss Guard team can filter electronic interference, they will have to be practically on top of the canister before they detect any signal.	- Даже если швейцарским гвардейцам и удастся отфильтровать все электронные помехи, им, для того чтобы обнаружить сигнал, надо быть над самой ловушкой.

And that's if the canister is even accessible... unenclosed by other barriers.	При этом ловушка должна быть доступной... Не укрытой сверху.

What if it's buried in a metal box somewhere on your grounds? Or up in a metal ventilating duct.	А что, если она находится в металлической, зарытой в землю коробке?
There's no way they'll trace it.	В таком случае обнаружить ее не удастся.
And what if the Swiss Guards have been infiltrated?	А как быть, если в среду гвардейцев проник агент иллюминатов?!
Who's to say the search will be clean?"	Разве мы можем быть уверены в том, что поиск будет вестись с максимальной тщательностью?

The camerlegno looked drained. "What are you proposing, Ms. Vetra?"	- И что же вы предлагаете, мисс Ветра? - спросил камерарий. Молодой клирик выглядел совершенно опустошенным.
Vittoria felt flustered. Isn't it obvious?	Но это же совершенно очевидно, раздраженно подумала Виттория, а вслух произнесла:
"I am proposing, sir, that you take other precautions immediately.	- Я предлагаю, синьор, чтобы вы незамедлительно приняли все меры предосторожности.
We can hope against all hope that the commander's search is successful.	Будем вопреки всему надеяться, что предпринятые коммандером поиски окажутся успешными.
At the same time, look out the window.	Но взгляните в окно.

Do you see those people?	Вы видите этих людей?
Those buildings across the piazza?	Эти здания за площадью?
Those media vans? The tourists?	Автобусы прессы?
They are quite possibly within range of the blast.	Все они скорее всего окажутся в радиусе действия взрыва.
You need to act now."	Поэтому вы должны действовать немедленно.
The camerlegno nodded vacantly.	Камерарий кивнул с отрешенным видом.
Vittoria felt frustrated.	Собственная беспомощность приводила Витторию в отчаяние.

Olivetti had convinced everyone there was plenty of time.	Оливетти сумел убедить всех в том, что до взрыва остается масса времени.
But Vittoria knew if news of the Vatican predicament leaked out, the entire area could fill with onlookers in a matter of minutes.	Но девушка знала: если известие об угрозе Ватикану просочится в средства массовой информации, то площадь Святого Петра уже через несколько минут будет забита зеваками.
She had seen it once outside the Swiss Parliament building.	Виттория видела, как это происходило у здания швейцарского парламента, когда в нем были захвачены заложники, а террористы грозили взорвать мощную бомбу.

During a hostage situation involving a bomb, thousands had congregated outside the building to witness the outcome.	Тогда на площади перед зданием собрались тысячи людей, чтобы своими глазами увидеть, как все произойдет.

Despite police warnings that they were in danger, the crowd packed in closer and closer.	Несмотря на предупреждения полиции, толпа зевак только увеличивалась.
Nothing captured human interest like human tragedy.	Ничто не вызывает у людей большего интереса, чем человеческая трагедия.
"Signore," Vittoria urged, "the man who killed my father is out there somewhere.	- Синьор, - продолжала Виттория, - человек, убивший моего отца, находится где-то в городе.

Every cell in this body wants to run from here and hunt him down.	Каждая клеточка моего тела требует, чтобы я немедленно бросилась на поиски негодяя.
But I am standing in your office... because I have a responsibility to you.	Но я остаюсь в вашем кабинете... поскольку чувствую свою ответственность перед вами.
To you and others.	Перед вами и перед всеми остальными.
Lives are in danger, signore.	В опасности жизнь многих людей.
Do you hear me?"	Вы слушаете меня, синьор?
The camerlegno did not answer.	Камерарий ничего не ответил.
Vittoria could hear her own heart racing.	Виттория чувствовала, как бешено колотится ее сердце.

Why couldn't the Swiss Guard trace that damn caller?	Почему швейцарские гвардейцы не смогли установить место, откуда был звонок?!
The Illuminati assassin is the key!	Этот убийца - ключевая фигура в решении всей проблемы!
He knows where the antimatter is... hell, he knows where the cardinals are!	Ему известно, где спрятана ловушка... он, черт побери, знает местонахождение кардиналов!
Catch the killer, and everything is solved.	Схватите этого человека, и все проблемы будут решены!

Vittoria sensed she was starting to come unhinged, an alien distress she recalled only faintly from childhood, the orphanage years, frustration with no tools to handle it.	Виттория понимала, что находится на грани нервного срыва. Подобное чувство бессильного отчаяния она испытывала лишь в далеком детстве, еще в то время, когда была сиротой. Тогда у нее не было способа с ним справиться.
You have tools, she told herself, you always have tools.	Неужели и сейчас она не сумеет его преодолеть? У тебя есть возможности, убеждала она себя.
But it was no use.	Возможности имеются всегда, их надо лишь увидеть. Но все эти рассуждения оказывались бесполезными.
Her thoughts intruded, strangling her.	Ее мысли продолжали путаться.

She was a researcher and problem solver.	Виттория была научным работником и умела решать сложные проблемы.
But this was a problem with no solution.	Но на сей раз она, видимо, столкнулась с проблемой, не имеющей решения.
What data do you require?	"Какие данные тебе нужны?
What do you want? She told herself to breathe deeply, but for the first time in her life, she could not.	Какую цель ты себе ставишь?" - такие вопросы задавала она себе, и впервые за все время своей взрослой жизни не находила на них ответа.

She was suffocating.	Дыхание ее стало каким-то прерывистым. Кажется, она начинала задыхаться.

Langdon's head ached, and he felt like he was skirting the edges of rationality.	Голова Лэнгдона раскалывалась от боли, и ему казалось, что он находится на краю пропасти, отделяющей реальный мир от мира безумия.
He watched Vittoria and the camerlegno, but his vision was blurred by hideous images: explosions, press swarming, cameras rolling, four branded humans.	Американец смотрел на Витторию и камерария, но видел вовсе не их. Перед его мысленным взором проносились какие-то отвратительные картины: взрывы, толпящиеся газетчики, наезжающие камеры, четыре заклейменных человеческих тела...
Shaitan... Lucifer... Bringer of light... Satan...	Шайтан... Люцифер... Носитель света... Сата...

He shook the fiendish images from his mind.	Усилием воли ему удалось прогнать эти дьявольские образы.
Calculated terrorism, he reminded himself, grasping at reality.	Мы имеем дело с хорошо подготовленным террористическим актом, напомнил он себе, вернувшись к реальности.
Planned chaos.	С запланированным хаосом.
He thought back to a Radcliffe seminar he had once audited while researching praetorian symbolism.	В его памяти неожиданно всплыла лекция курса, который он прослушал, занимаясь исследованием символики древнеримских преторов.
He had never seen terrorists the same way since.	После нее Лэнгдон стал видеть терроризм совсем в ином свете.

"Terrorism," the professor had lectured, "has a singular goal.	- Терроризм... - говорил тогда профессор, - всегда ставит перед собой одну-единственную цель.
What is it?"	В чем она заключается?
"Killing innocent people?" a student ventured.	- В убийстве невинных людей, - предположил один из студентов.
"Incorrect.	- Неверно.
Death is only a byproduct of terrorism."	Смерть является всего лишь побочным продуктом терроризма.
"A show of strength?"	- Чтобы продемонстрировать силу, - высказался другой слушатель.
"No.	- Нет.
A weaker persuasion does not exist."	Более яркого проявления слабости, чем террор, в мире не существует.

"To cause terror?"	- Чтобы вызвать страх, - произнес чей-то голос.
"Concisely put.	- Именно. Это исчерпывающий ответ.
Quite simply, the goal of terrorism is to create terror and fear.	Говоря простым языком, цель терроризма -вызвать страх и ужас.
Fear undermines faith in the establishment. It weakens the enemy from within... causing unrest in the masses.	Эти чувства подтачивают силы врага изнутри... вызывают волнение в массах.

Write this down.	А теперь запишите...
Terrorism is not an expression of rage.	"Терроризм не есть проявление ярости.

Terrorism is a political weapon.	Терроризм - политическое оружие.
Remove a government's fa?ade of infallibility, and you remove its people's faith."	Когда люди видят, что их правительство бессильно, они утрачивают веру в своих лидеров".
Loss of faith...	Утрачивают веру...
Is that what this was all about?	Так вот, значит, для чего вся эта затея?
Langdon wondered how Christians of the world would react to cardinals being laid out like mutilated dogs.	Лэнгдона мучил вопрос, как отреагируют христиане всего мира, увидев, что их кардиналы валяются на улице, словно дохлые собаки.

If the faith of a canonized priest did not protect him from the evils of Satan, what hope was there for the rest of us?	Если вера не смогла защитить высших священнослужителей от происков сатаны, то на что же надеяться им - простым смертным?
Langdon's head was pounding louder now... tiny voices playing tug of war.	Лэнгдону казалось, что в его голове стучит тяжелый молот... а какие-то негромкие голоса распевают военный гимн.
Faith does not protect you.	"Вера тебя не спасет...
Medicine and airbags... those are things that protect you.	Тебя спасут медицина и надувные мешки в автомобиле.

God does not protect you.	Бог тебя не защитит...
Intelligence protects you.	Тебя сможет защитить только разум.
Enlightenment.	Только просвещение...
Put your faith in something with tangible results.	Верь лишь в то, что при- носит ощутимые резуль- таты.
How long has it been since someone walked on water?	Сколько лет прошло с тех пор, когда кто-то расхажи- вал по воде аки посуху?
Modern miracles belong to science... computers, vaccines, space stations... even the divine miracle of creation.	В наше время чудеса спо- собна творить только на- ука... компьютеры, вак- цины, космические стан- ции... а теперь даже и бо- жественное чудо творе- ния.

Matter from nothing... in a lab.	Вещество из ничего получено в лаборатории...
Who needs God?	Кому нужен этот Бог?
No!	Никому!
Science is God.	Наука - вот наше божество!"
The killer's voice resonated in Langdon's mind.	В ушах Лэнгдона зазвучал голос убийцы.
Midnight... mathematical progression of death... sacrifici vergini nell' altare di scienza."	Полночь... Математическая прогрессия смерти... невинные агнцы, возложенные на алтарь науки.

Then suddenly, like a crowd dispersed by a single gunshot, the voices were gone.	Затем навязчивые голоса вдруг исчезли.
Robert Langdon bolted to his feet.	Призраки разбежались так, как разбегается толпа при звуках первого выстрела.

His chair fell backward and crashed on the marble floor.	Роберт Лэнгдон вскочил на ноги настолько резко, что его стул откинулся назад и со стуком свалился на пол.
Vittoria and the camerlegno jumped.	Виттория и камерарий едва не подпрыгнули от неожиданности.
"I missed it," Langdon whispered, spellbound.	- Как я мог этого не увидеть? - прошептал Лэнгдон словно завороженный.

"It was right in front of me..."	- Ведь это было совершенно очевидно...
"Missed what?" Vittoria demanded.	- Не увидеть что? - спросила Виттория.
Langdon turned to the priest.	Не ответив на вопрос девушки, Лэнгдон повернулся к священнику и сказал:
"Father, for three years I have petitioned this office for access to the Vatican Archives.	- Святой отец, в течение трех лет я бомбардировал кабинет его преосвященства просьбами открыть для меня доступ к архивам Ватикана.
I have been denied seven times."	И семь раз я получил отказ.

"Mr. Langdon, I am sorry, but this hardly seems the moment to raise such complaints."	- Простите, мистер Лэнгдон, но боюсь, что сейчас не время выступать с подобными жалобами.
"I need access immediately.	- Мне нужен немедленный доступ в архивы.
The four missing cardinals.	Это касается четырех исчезнувших кардиналов.
I may be able to figure out where they're going to be killed."	Не исключено, что я смогу узнать те места, где их собираются убить.
Vittoria stared, looking certain she had misunderstood.	Виттория бросила на него изумленный, непонимающий взгляд.

The camerlegno looked troubled, as if he were the brunt of a cruel joke.	Камерарий явно растерялся и выглядел так, словно стал мишенью какой-то грубой шутки.
"You expect me to believe this information is in our archives?"	- Не могу поверить в то, что подобная информация содержится в наших архивах.
"I can't promise I can locate it in time, but if you let me in..."	- Не стану обещать, что добуду нужные сведения вовремя, но если вы допустите меня...
"Mr. Langdon, I am due in the Sistine Chapel in four minutes.	- Мистер Лэнгдон, через четыре минуты я обязан появиться в Сикстинской капелле.
The archives are across Vatican City."	А архив расположен в противоположном конце Ватикана.

"You're serious aren't you?"	- Вы ведь не шутите? - спросила Виттория, заглядывая Лэнгдону в глаза.
Vittoria interrupted, staring deep into Langdon's eyes, seeming to sense his earnestness.	Казалось, в их глубине она хотела увидеть, насколько серьезны его намерения.
"Hardly a joking time," Langdon said.	- Сейчас не время для шуток! - бросил Лэнгдон.
"Father," Vittoria said, turning to the camerlegno, "if there's a chance... any at all of finding where these killings are going to happen, we could stake out the locations and-"	- Святой отец, - сказала Виттория, оборачиваясь к камерарию, - если имеется хотя бы малейший шанс... узнать, где намечены убийства, мы могли бы устроить там засады и...

"But the archives?" the camerlegno insisted.	- Но при чем здесь архивы? - недоуменно спросил клирик.
"How could they possibly contain any clue?"	- Каким образом в них может оказаться подобная информация?
"Explaining it," Langdon said, "will take longer than you've got.	- На объяснение уйдет гораздо больше времени, чем у нас есть.
But if I'm right, we can use the information to catch the Hassassin."	Но если я прав, эта информация поможет нам схватить ассасина.
The camerlegno looked as though he wanted to believe but somehow could not.	Камерарий, судя по его виду, очень хотел поверить словам американца и почему-то не мог.

"Christianity's most sacred codices are in that archive.	- Но в этих архивах хранятся величайшие тайны христианства.
Treasures I myself am not privileged enough to see."	Сокровища, на которые даже я не имею права взглянуть.
"I am aware of that."	- Мне это известно.
"Access is permitted only by written decree of the curator and the Board of Vatican Librarians."	- Пользоваться архивами можно, лишь имея письменное разрешение главного хранителя или Библиотечного совета Ватикана.
"Or," Langdon declared, "by papal mandate.	- Или прямое согласие папы, - добавил Лэнгдон.
It says so in every rejection letter your curator ever sent me."	- Об этом сказано во всех отказах, которые направил мне ваш главный хранитель.

The camerlegno nodded.	Камерарий кивнул, подтверждая слова американца.
"Not to be rude," Langdon urged, "but if I'm not mistaken a papal mandate comes from this office.	- Не хочу показаться чрезмерно настойчивым, -продолжал Лэнгдон, - но если я не ошибаюсь, то папское разрешение исходит именно из этого кабинета.
As far as I can tell, tonight you hold the trust of his station.	И, как нам всем известно, в настоящее время вы являетесь его хозяином.
Considering the circumstances..."	Учитывая обстоятельства...
The camerlegno pulled a pocket watch from his cassock and looked at it.	Камерарий извлек из кармана сутаны часы и посмотрел на циферблат.

"Mr. Langdon, I am prepared to give my life tonight, quite literally, to save this church."	- Мистер Лэнгдон, для того чтобы спасти церковь, я в буквальном смысле слова готов пожертвовать своей жизнью.
Langdon sensed nothing but truth in the man's eyes.	По выражению глаз прелата Лэнгдон понял, что тот говорит правду.
"This document," the camerlegno said, "do you truly believe it is here?	- Вы действительно уверены, что этот документ хранится в наших архивах?
And that it can help us locate these four churches?"	И вы действительно верите в то, что он способен помочь нам установить, где расположены эти четыре церкви?

"I would not have made countless solicitations for access if I were not convinced.	- Если бы я не был в этом уверен, то не стал бы столько раз просить разрешения на доступ в архивы.
Italy is a bit far to come on a lark when you make a teacher's salary.	Италия слишком далека от Соединенных Штатов, чтобы лететь туда без уверенности его получить. Подобные вещи чересчур обременительны для скромного профессорского жалованья.
The document you have is an ancient-"	Документ этот является старинной...
"Please," the camerlegno interrupted.	- Умоляю... - прервал его камерарий.

"Forgive me. My mind cannot process any more details at the moment.	- Простите меня, но мой мозг уже отказывается воспринимать какие-либо дополнительные сведения.
Do you know where the secret archives are located?"	Вам известно, где находится секретный архив?
Langdon felt a rush of excitement. "Just behind the Santa Ana Gate."	- Около ворот Святой Анны, - почему-то волнуясь, ответил Лэнгдон.
"Impressive.	- Впечатляюще! - заметил камерарий.
Most scholars believe it is through the secret door behind St. Peter's Throne."	- Большинство ученых полагают, что в архивы ведет потайная дверь за троном Святого Петра.
"No.	- Весьма распространенное заблуждение в научных кругах.

That would be the Archivio della Reverenda di Fabbrica di S.	Та дверь ведет в Archivio della Reverenda di Fabbrica di S.
Pietro. A common misconception."	Pietro , - ответил Лэнгдон.
"A librarian docent accompanies every entrant at all times. Tonight, the docents are gone.	- Обычно всех посетителей архива сопровождает ассистент библиотекаря, но сейчас в архивах никого нет.
What you are requesting is carte blanche access.	Таким образом, вы получаете от меня карт-бланш.
Not even our cardinals enter alone."	Учтите, что даже кардиналы не имеют права входить в архив без сопровождения.

"I will treat your treasures with the utmost respect and care.	- Заверяю вас, что буду обращаться с вашими сокровищами предельно осторожно.
Your librarians will find not a trace that I was there."	Главный хранитель даже не заподозрит, что я побывал в его владениях.
Overhead the bells of St. Peter's began to toll.	Где-то высоко над их головами зазвонили колокола собора Святого Петра.
The camerlegno checked his pocket watch.	Камерарий еще раз взглянул на свои карманные часы.
"I must go."	- Мне пора, - сказал он.

He paused a taut moment and looked up at Langdon. "I will have a Swiss Guard meet you at the archives.	А затем после недолгой паузы добавил, глядя в глаза Лэнгдона: - Я рас- поряжусь, чтобы у архи- ва вас встретил один из швейцарских гвардей- цев.
I am giving you my trust, Mr. Langdon.	Я верю вам, мистер Лэн- гдон.
Go now."	Отправляйтесь.

Langdon was speechless.	Лэнгдон был настолько взволнован, что некото- рое время не мог гово- рить.
The young priest now seemed to possess an eerie poise.	А молодой служитель церкви, казалось, напро- тив, вновь обрел душев- ное равновесие. Камера- рий был так спокоен, что это даже пугало.

Reaching over, he squeezed Langdon's shoulder with surprising strength.	Протянув руку, он крепко сжал плечо Лэнгдона и произнес решительно:
"I want you to find what you are looking for.	- Желаю вам обрести то, что вы ищете.
And find it quickly."	И как можно скорее.
46	Глава 46
The Secret Vatican Archives are located at the far end of the Borgia Courtyard directly up a hill from the Gate of Santa Ana.	Секретные архивы Ватикана расположены на возвышении в самом дальнем конце двора Борджиа за воротами Святой Анны.

They contain over 20,000 volumes and are rumored to hold such treasures as Leonardo da Vinci's missing diaries and even unpublished books of the Holy Bible.	Архивы насчитывают 20 000 единиц хранения, среди которых, по слухам, имеются такие сокровища, как пропавшие дневники Леонардо да Винчи и не увидевшие свет варианты Священного Писания.
Langdon strode powerfully up the deserted Via della Fondamenta toward the archives, his mind barely able to accept that he was about to be granted access.	Лэнгдон энергично шагал по пустынной виа делла Фондаменто в направлении архива. Он не мог до конца поверить в то, что получил доступ в это заповедное место.
Vittoria was at his side, keeping pace effortlessly.	Виттория шла рядом с американцем, без труда выдерживая взятый им темп.

Her almond scented hair tossed lightly in the breeze, and Langdon breathed it in. He felt his thoughts straying and reeled himself back.	Ее пахнущие миндалем волосы развевались на легком ветру, и Лэнгдон с удовольствием впитывал этот запах, чувствуя, как мысли, помимо воли, уводят его куда-то в далекое прошлое.
Vittoria said, "You going to tell me what we're looking for?"	- Вы скажете мне, что мы собираемся искать? -спросила Виттория.
"A little book written by a guy named Galileo."	- Небольшую книжку, написанную парнем по имени Галилей.
She sounded surprised. "You don't mess around.	- Похоже, вы не намерены зря тратить время, -несколько удивленно произнесла девушка.
What's in it?"	- И что же написано в этой книге?

"It is supposed to contain something called il segno."	- В ней должно находиться нечто такое, что называют il segno.
"The sign?"	- Знак?
"Sign, clue, signal... depends on your translation."	- Знак, ключ, сигнал, указание... в зависимости от перевода.
"Sign to what?"	- Указание на что?
Langdon picked up the pace. "A secret location.	- На местонахождение тайного убежища.

Galileo's Illuminati needed to protect themselves from the Vatican, so they founded an ultrasecret Illuminati meeting place here in Rome.	Во времена Галилея иллюминаты должны были остерегаться Ватикана, и поэтому они устраивали свои собрания в одном сверхсекретном месте.

They called it The Church of Illumination."	Иллюминаты называли его Храм Света.
"Pretty bold calling a satanic lair a church."	- Довольно нагло с их стороны величать храмом логово сатанистов.
Langdon shook his head.	- Во времена Галилея братство
"Galileo's Illuminati were not the least bit satanic.	"Иллюминати" отнюдь не было сборищем сатанистов.
They were scientists who revered enlightenment.	Это были ученые люди, преклонявшиеся перед просвещением.

Their meeting place was simply where they could safely congregate and discuss topics forbidden by the Vatican.	А их убежище служило лишь местом, где они могли собираться и свободно обсуждать вопросы, поставленные под запрет Ватиканом.
Although we know the secret lair existed, to this day nobody has ever located it."	Хотя мы точно знаем, что такое убежище существовало, его никто до сих пор не нашел.
"Sounds like the Illuminati know how to keep a secret."	- Похоже, иллюминаты умели хранить свои тайны.
"Absolutely.	- Совершенно верно.
In fact, they never revealed the location of their hideaway to anyone outside the brotherhood.	Они так и не открыли свое убежище никому из посторонних.

This secrecy protected them, but it also posed a problem when it came to recruiting new members."	Такая секретность защищала их, но в то же время являлась преградой для набора новых членов.
"They couldn't grow if they couldn't advertise," Vittoria said, her legs and mind keeping perfect pace.	- Рост братства "Иллюминати" был затруднен отсутствием соответствующей рекламы, -перевела на современный язык проблему древнего ордена Виттория, легко двигаясь рядом с быстро идущим американцем.
"Exactly.	- Да, если хотите.

Word of Galileo's brotherhood started to spread in the 1630s, and scientists from around the world made secret pilgrimages to Rome hoping to join the Illuminati... eager for a chance to look through Galileo's telescope and hear the master's ideas.	Слухи о созданном Галилеем сообществе начали циркулировать где-то в тридцатых годах семнадцатого века, и многие ученые мужи из разных стран Европы совершали тайные паломничества в Рим в надежде вступить в братство "Иллюминати". Им не терпелось взглянуть в телескоп Галилея и услышать идеи великого мыслителя.
Unfortunately, though, because of the Illuminati's secrecy, scientists arriving in Rome never knew where to go for the meetings or to whom they could safely speak.	Но к сожалению, по прибытии в Рим ученые не знали, куда идти или к кому обращаться.

The Illuminati wanted new blood, but they could not afford to risk their secrecy by making their whereabouts known."	Иллюминаты нуждались в притоке свежей крови, но они не могли позволить себе открыть местонахождение своего храма.
Vittoria frowned. "Sounds like a situazione senza soluzione."	- Похоже, они попали в situazione senza soluzione ,- заметила Виттория.

"Exactly.	- Именно.
A catch 22, as we would say."	В заколдованный круг, как говорится.
"So what did they do?"	- И что же они предприняли, чтобы этот круг разорвать?
"They were scientists.	- Не забывайте, что это были ученые.

They examined the problem and found a solution.	Они всесторонне изучили проблему и нашли решение.
A brilliant one, actually.	Блестящее решение, надо сказать.
The Illuminati created a kind of ingenious map directing scientists to their sanctuary."	Иллюминаты создали нечто вроде весьма хитроумной карты, указывающей путь к их убежищу.
Vittoria looked suddenly skeptical and slowed.	Виттория настолько изумилась, что даже замедлила шаг.
"A map?	- Карты? - не скрывая удивления, переспросила она.

Sounds careless.	- Мне это кажется весьма опрометчивым поступком.
If a copy fell into the wrong hands..."	Если бы копия карты попала в чужие руки, то...
"It couldn't," Langdon said.	- Этого произойти не могло, - прервал ее Лэнгдон.
"No copies existed anywhere.	- Никаких копий просто не существовало.
It was not the kind of map that fit on paper.	Эта карта не изображалась на бумаге.
It was enormous.	Ее размеры были огромны.
A blazed trail of sorts across the city."	Это была своего рода тропа с вехами по всему городу.

Vittoria slowed even further. "Arrows painted on sidewalks?"	- Нечто вроде стрелок на тротуаре? - спросила Виттория, еще более замедляя шаг.
"In a sense, yes, but much more subtle.	- В некотором смысле да. Но знаки, ведущие к убежищу братства, были несколько более замысловатыми.
The map consisted of a series of carefully concealed symbolic markers placed in public locations around the city.	Карта состояла из символов, размещенных в общественных местах города и в то же время невидимых постороннему взгляду.
One marker led to the next... and the next... a trail... eventually leading to the Illuminati lair."	Первый знак указывал путь к следующему, тот к очередному и так далее вплоть до самого убежища братства "Иллюминати".

Vittoria eyed him askance. "Sounds like a treasure hunt."	- По-моему, это очень похоже на игру в поиски клада, - сказала девушка, подняв на него вопросительный взгляд.
Langdon chuckled. "In a manner of speaking, it is.	- В некотором роде именно так, - усмехнулся Лэнгдон.
The Illuminati called their string of markers	- Путь просвещения - так иллюминаты называли эту тропу.

'The Path of Illumination,' and anyone who wanted to join the brotherhood had to follow it all the way to the end.	Каждый, кто желал встать в ряды братства, должен был пройти ее от начала до конца.
A kind of test."	Это являлось своего рода испытанием.

"But if the Vatican wanted to find the Illuminati," Vittoria argued, "couldn't they simply follow the markers?"	- Но если церковь так хотела обнаружить иллюминатов, то почему она не направила по ней своих агентов? - спросила Виттория.
"No.	- Ватикан не мог этого сделать, - ответил Лэнгдон.
The path was hidden.	- Тропа была хорошо замаскирована.
A puzzle, constructed in such a way that only certain people would have the ability to track the markers and figure out where the Illuminati church was hidden.	Это была головоломка, сконструированная таким образом, что лишь немногие люди могли обнаружить вехи и понять, где находится Храм Света.

The Illuminati intended it as a kind of initiation, functioning not only as a security measure but also as a screening process to ensure that only the brightest scientists arrived at their door."	Братство "Иллюминати" рассматривало эту тропу не только как средство защиты, но и как своего рода интеллектуальный тест. Это был способ сделать так, чтобы лишь самые светлые умы появлялись на пороге храма. Если хотите, это было первым шагом посвящения в иллюминаты.
"I don't buy it.	- Не могу с этим согласиться, - сказала девушка.
In the 1600s the clergy were some of the most educated men in the world.	- В начале семнадцатого века самыми образованными людьми в мире были служители церкви.

If these markers were in public locations, certainly there existed members of the Vatican who could have figured it out."	Если эти вехи были размещены в общественных местах, в Ватикане наверняка имелись люди, способные расшифровать их значение.
"Sure," Langdon said, "if they had known about the markers.	- Естественно, - согласился Лэнгдон, - но только в том случае, если им вообще было известно об их существовании.
But they didn't.	Но в Ватикане о вехах ничего не знали.
And they never noticed them because the Illuminati designed them in such a way that clerics would never suspect what they were.	Иллюминаты создали такие указатели, что, даже глядя на них, клирики ничего не замечали.

They used a method known in symbology as dissimulation."	Братство "Иллюминати" использовало метод, определяемый в науке, изучающей символы, термином "диссимуляция", или по-другому -сокрытие.
"Camouflage."	- Камуфляж.
Langdon was impressed. "You know the term."	- Вы знакомы с этим термином? - изумился Лэнгдон.
"Dissimulacione," she said.	- Dissimulazione. Или "мимикрия".
"Nature's best defense.	Лучший способ защиты в природе.
Try spotting a trumpet fish floating vertically in seagrass."	Попробуйте-ка обнаружить рыбу-трубу, плавающую вертикально в колыхающихся водорослях.

"Okay," Langdon said. "The Illuminati used the same concept.	- Именно этой идеей и воспользовались иллюминаты.
They created markers that faded into the backdrop of ancient Rome.	Они создали знаки, которые совершенно не выделялись на общем фоне Древнего Рима.

They couldn't use ambigrams or scientific symbology because it would be far too conspicuous, so they called on an Illuminati artist-the same anonymous prodigy who had created their ambigrammatic symbol 'Illuminati'-and they commissioned him to carve four sculptures."	Использовать амбиграммы или научную символику иллюминаты не могли, поскольку это сразу же бросилось бы в глаза. Поэтому братство призвало художников из числа своих членов - тех безымянных гениев, которые создали амбиграмматический символ "ILLUMINATI", - и поручило им изваять четыре скульптуры.
"Illuminati sculptures?"	- Скульптуры "Иллюминати"?
"Yes, sculptures with two strict guidelines.	- Да. Изваяния, отвечающие двум жестким требованиям.

First, the sculptures had to look like the rest of the artwork in Rome... artwork that the Vatican would never suspect belonged to the Illuminati."	Во-первых, они не должны были выделяться среди других произведений искусства... Ватикан не должен был даже подозревать, что эти шедевры есть дело рук братства "Иллюминати".
"Religious art."	- Религиозное искусство, - подхватила Виттория.
Langdon nodded, feeling a tinge of excitement, talking faster now.	Лэнгдон утвердительно кивнул и, чувствуя необыкновенное возбуждение, заговорил быстрее:
"And the second guideline was that the four sculptures had to have very specific themes.	- Второе требование состояло в том, чтобы каждая из скульптур отвечала определенной, четко обозначенной теме.

Each piece needed to be a subtle tribute to one of the four elements of science."	Изваяния должны были прославлять один из четырех основных элементов природы.
"Four elements?" Vittoria said.	- Почему только четырех? - удивилась Виттория.
"There are over a hundred."	- Ведь элементов больше сотни.
"Not in the 1600s," Langdon reminded her.	- Но только не в начале семнадцатого века, -сказал Лэнгдон.
"Early alchemists believed the entire universe was made up of only four substances: Earth, Air, Fire, and Water."	- Алхимики считали, что вся вселенная состоит из четырех элементов, или "стихий", если хотите. Это земля, огонь, воздух и вода.

The early cross, Langdon knew, was the most common symbol of the four elements-four arms representing Earth, Air, Fire, and Water.	Лэнгдон знал, что первые изображения креста были не чем иным, как символом четырех стихий. Четыре конца креста обозначали землю, огонь, воздух и воду.

Beyond that, though, there existed literally dozens of symbolic occurrences of Earth, Air, Fire, and Water throughout history-the Pythagorean cycles of life, the Chinese Hong Fan, the Jungian male and female rudiments, the quadrants of the Zodiac, even the Muslims revered the four ancient elements... although in Islam they were known as "squares, clouds, lightning, and waves."	Кроме креста, в истории существовали десятки иных символических изображений земли, огня, воздуха и воды. Циклы жизни по Пифагору, китайский хонфан, мужские и женские рудименты Юнга, квадранты Зодиака... Даже мусульмане обожествляли четыре древних элемента, хотя в исламе они были известны как "квадраты, облака, молнии и волны".

For Langdon, though, it was a more modern usage that always gave him chills- the Mason's four mystic grades of Absolute Initiation: Earth, Air, Fire, and Water.	Но что производило на Лэнгдона самое большое впечатление, что всегда вгоняло его в дрожь, так это современное четырехчленное деление мистических степеней масонства на пути к Абсолютной Инициации. Эти степени именовались: Земля, Воздух, Огонь и Вода.
Vittoria seemed mystified.	Виттория казалась озадаченной.
"So this Illuminati artist created four pieces of art that looked religious, but were actually tributes to Earth, Air, Fire, and Water?"	- Значит, этот художник-иллюминат создал четыре произведения искусства, которые лишь казались религиозными, а на самом деле обозначали землю, воздух, огонь и воду?

"Exactly," Langdon said, quickly turning up Via Sentinel toward the archives.	- Именно, - продолжил тему Лэнгдон, сворачивая на ведущую к архивам виа Сентинель.
"The pieces blended into the sea of religious artwork all over Rome.	- Эти скульптуры влились в бесконечный ряд украшающих Рим религиозных произведений искусства.
By donating the artwork anonymously to specific churches and then using their political influence, the brotherhood facilitated placement of these four pieces in carefully chosen churches in Rome.	Анонимно жертвуя статуи церкви, ваятели, используя свое политическое влияние, помещали скульптуры в заранее намеченном ими храме.

Each piece of course was a marker... subtly pointing to the next church... where the next marker awaited.	Каждое из этих изваяний и служило вехой... неза- метно указывающей на следующую церковь... где страждущего поджидал другой указатель.
It functioned as a trail of clues disguised as religious art.	Таким образом создавалась система вех или тайных знаков, замаскированных под произведения религи- озного искусства.
If an Illuminati candidate could find the first church and the marker for Earth, he could follow it to Air... and then to Fire... and then to Water... and finally to the Church of Illumination."	Если кандидат на вступ- ление в орден находил первую церковь с симво- лом земли, то он мог сле- довать далее к знаку воз- духа... затем огня и, нако- нец, воды. И лишь там ему открывался путь к Храму Просвещения.

Vittoria was looking less and less clear. "And this has something to do with catching the Illuminati assassin?"	- И какое отношение все это имеет к поимке убийцы? - спросила вконец запутавшаяся в четырех стихиях Виттория.
Langdon smiled as he played his ace. "Oh, yes.	- Ах да! - Лэнгдон улыбнулся и извлек из рукава свой главный козырь.
The Illuminati called these four churches by a very special name.	- Иллюминаты дали этим четырем церквям весьма специфическое название.
The Altars of Science."	Они именовали их "алтарями науки".

Vittoria frowned. "I'm sorry, that means noth-" She stopped short.	- Но это же ничего не зна... - начала было Виттория, но тут же умолкла. -
"L'altare di scienza?" she exclaimed.	"L'altare di scienza"! - воскликнула она после небольшой паузы.
"The Illuminati assassin.	Эти слова произнес убийца.
He warned that the cardinals would be virgin sacrifices on the altars of science!"	Он сказал, что кардиналы станут жертвенными агнцами на алтаре науки!

Langdon gave her a smile.	Лэнгдон одобрительно улыбнулся девушке и сказал:
"Four cardinals.	- Четыре кардинала.

Four churches.	Четыре церкви.
The four altars of science."	Четыре алтаря науки.
She looked stunned. "You're saying the four churches where the cardinals will be sacrificed are the same four churches that mark the ancient Path of Illumination?"	- Неужели вы хотите сказать, что те четыре храма, в которых должны быть принесены в жертву кардиналы, являются вехами на древней тропе к Храму Света? - изумленно спросила Виттория.
"I believe so, yes."	- Думаю, что это именно так.
"But why would the killer have given us that clue?"	- Но почему убийца дал нам в руки ключ к разгадке?
"Why not?" Langdon replied.	- А почему бы ему этого не сделать? - ответил вопросом на вопрос Лэнгдон.

"Very few historians know about these sculptures.	- Мало кому из историков известно об этих скульптурах.
Even fewer believe they exist.	А из тех, кто о них слышал, очень немногие верят в их существование.
And their locations have remained secret for four hundred years.	Местонахождение статуй оставалось тайной четыреста лет.
No doubt the Illuminati trusted the secret for another five hours.	Иллюминаты уверены, что их секрет вполне продержится еще пять часов.
Besides, the Illuminati don't need their Path of Illumination anymore.	Кроме того, им теперь не нужен этот Путь просвещения.

Their secret lair is probably long gone anyway.	Их тайное убежище скорее всего давным-давно перестало существовать.
They live in the modern world.	Иллюминаты ныне живут в реальном мире.
They meet in bank boardrooms, eating clubs, private golf courses.	Теперь они встречаются на заседаниях советов директоров банков, в фешенебельных клубах и на частных полях для игры в гольф.
Tonight they want to make their secrets public.	Этим вечером они намерены раскрыть свои тайны.
This is their moment.	Наступает их звездный час.
Their grand unveiling."	Они открыто появляются на мировой сцене.

Langdon feared the Illuminati unveiling would have a special symmetry to it that he had not yet mentioned.	Лэнгдон не упомянул о том, что драматическое появление иллюминатов на сцене может сопровождаться демонстрацией специфической симметрии их мировоззрения.
The four brands.	Четыре клейма.
The killer had sworn each cardinal would be branded with a different symbol.	Убийца поклялся, что каждый из кардиналов будет заклеймен особым символом.
Proof the ancient legends are true, the killer had said.	Это докажет, что древние легенды соответствуют истине, - так, кажется, сказал убийца.

The legend of the four ambigrammatic brands was as old as the Illuminati itself: earth, air, fire, water-four words crafted in perfect symmetry. Just like the word Illuminati.	Легенда о четырех клеймах с амбиграммами была столь же древней, как и рассказы о самом братстве "Иллюминати". Четыре слова - "земля", "воздух", "огонь" и "вода" - были изображены на клеймах абсолютно симметрично, так же как слово "Иллюминати", выжженное на груди Леонардо Ветра.
Each cardinal was to be branded with one of the ancient elements of science.	Каждый кардинал будет заклеймен знаком одного из древних элементов науки.
The rumor that the four brands were in English rather than Italian remained a point of debate among historians.	Слухи о том, что слова на клеймах были на английском, а не итальянском языке, вызвали в среде историков ожесточенные споры.

English seemed a random deviation from their natural tongue... and the Illuminati did nothing randomly.	Появление английских слов могло показаться случайным отклонением от нормы... Но Лэнгдон, как и другие исследователи, прекрасно знал, что иллюминаты ничего не делают случайно.
Langdon turned up the brick pathway before the archive building.	Лэнгдон свернул на вымощенную кирпичом дорожку, ведущую к зданию архива.
Ghastly images thrashed in his mind.	Ученого одолевали мрачные мысли.
The overall Illuminati plot was starting to reveal its patient grandeur.	Замысел иллюминатов, их заговор против церкви начал представать перед ним во всей грандиозности.

The brotherhood had vowed to stay silent as long as it took, amassing enough influence and power that they could resurface without fear, make their stand, fight their cause in broad daylight.	Братство поклялось хранить молчание ровно столько времени, сколько нужно, и следовало этой клятве с удивительным терпением. И вот настал час открыто провозгласить свои цели. Иллюминаты накопили такие силы и пользуются таким влиянием, что готовы без страха выйти на авансцену мировых событий.
The Illuminati were no longer about hiding.	Им больше не надо скрываться.
They were about flaunting their power, confirming the conspiratorial myths as fact.	Они готовы продемонстрировать свое могущество, чтобы мир узнал о том, что все мифы и легенды о них полностью соответствуют реальности.

Tonight was a global publicity stunt.	Сегодня они готовились осуществить пиаровскую акцию поистине глобального масштаба.
Vittoria said, "Here comes our escort."	- А вот и наше сопровождение, - сказала Виттория.
Langdon looked up to see a Swiss Guard hurrying across an adjacent lawn toward the front door.	Лэнгдон увидел швейцарского гвардейца, торопливо шагающего по лужайке к главному входу в архив.
When the guard saw them, he stopped in his tracks.	Увидев их, гвардеец замер.
He stared at them, as though he thought he was hallucinating.	У него был вид человека, которого внезапно начали преследовать галлюцинации.

Without a word he turned away and pulled out his walkie talkie.	Не говоря ни слова, он отвернулся, извлек портативную рацию и начал что-то лихорадочно говорить в микрофон.

Apparently incredulous at what he was being asked to do, the guard spoke urgently to the person on the other end.	Добропорядочный католик, видимо, требовал подтверждения полученного ранее приказа. Настолько поразил его вид американца в твидовом пиджаке и девицы в коротеньких шортах.
The angry bark coming back was indecipherable to Langdon, but its message was clear.	Из динамика послышалось нечто похожее на лай. Слов Лэнгдон не расслышал, но смысл сказанного не оставлял места для сомнения.

The guard slumped, put away the walkie talkie, and turned to them with a look of discontent.	Швейцарец сник, спрятал рацию и повернулся к ним с выражением крайнего недовольства на лице.
Not a word was spoken as the guard guided them into the building.	За все время, пока гвардеец вел их к зданию, никто не проронил ни слова.
They passed through four steel doors, two passkey entries, down a long stairwell, and into a foyer with two combination keypads.	Они прошли через четыре закрытые на ключ стальные двери, два изолированных тамбура, спустились вниз по длинной лестнице и оказались в вестибюле с двумя цифровыми панелями на стене.

Passing through a high tech series of electronic gates, they arrived at the end of a long hallway outside a set of wide oak double doors.	Г вардеец набрал код, и, миновав сложную систему электронных детекторов, они наконец оказались в длинном коридоре, заканчивающемся двустворчатыми дубовыми дверями.
The guard stopped, looked them over again and, mumbling under his breath, walked to a metal box on the wall.	Швейцарец остановился, еще раз с головы до пят оглядел своих спутников и, что-то пробормотав себе под нос, подошел к укрепленному на стене металлическому коробу.
He unlocked it, reached inside, and pressed a code. The doors before them buzzed, and the deadbolt fell open.	Открыв тяжелую дверцу, он сунул руку в коробку и набрал очередной код.

The guard turned, speaking to them for the first time.	Повернувшись к ним лицом, швейцарец впервые открыл рот:
"The archives are beyond that door.	- Архив находится за дверью.
I have been instructed to escort you this far and return for briefing on another matter."	Я получил приказ сопровождать вас до этой точки и вернуться для получения дальнейших указаний.
"You're leaving?" Vittoria demanded.	- Значит, вы уходите? - спросила Виттория.
"Swiss Guards are not cleared for access to the Secret Archives.	- Швейцарские гвардейцы в тайный архив не допускаются.

You are here only because my commander received a direct order from the camerlegno."	Вы находитесь здесь только потому, что коммандер получил на этот счет прямое указание от камерария.
"But how do we get out?"	- Но как мы отсюда выйдем?
"Monodirectional security.	- Система безопасности действует только на вход.
You will have no difficulties."	При выходе никаких сложностей не возникнет.
That being the entirety of the conversation, the guard spun on his heel and marched off down the hall.	На этом беседа завершилась. Бравый гвардеец развернулся на каблуках и зашагал по коридору.

Vittoria made some comment, but Langdon did not hear.	Виттория что-то сказала, но Лэнгдон ее не слышал.
His mind was fixed on the double doors before him, wondering what mysteries lay beyond.	Все его внимание было обращено на тяжелые двустворчатые двери, находящиеся перед ним, и на тайны, которые за ними скрываются.
47	Глава 47
Although he knew time was short, Camerlegno Carlo Ventresca walked slowly.	Камерарий Карло Вентреска знал, что времени у него в обрез, но тем не менее шел очень медленно.

He needed the time alone to gather his thoughts before facing opening prayer.	Ему хотелось побыть одному, чтобы хоть немного собраться с мыслями перед молитвой открытия, которую ему предстояло произнести.
So much was happening.	За последние дни произошло столько событий...
As he moved in dim solitude down the Northern Wing, the challenge of the past fifteen days weighed heavy in his bones.	Заботы этих пятнадцати дней тяжким бременем легли на его плечи и теперь отдавались болью во всем теле.
He had followed his holy duties to the letter.	Он скрупулезно, до последней буквы, выполнял все возложенные на него священные обязанности.

As was Vatican tradition, following the Pope's death the camerlegno had personally confirmed expiration by placing his fingers on the Pope's carotid artery, listening for breath, and then calling the Pope's name three times.	Согласно традиции, именно камерарий должен официально подтвердить смерть папы. Ближайший помощник покойного был обязан приложить пальцы к сонной артерии своего шефа и, убедившись, что пульса нет, трижды провозгласить имя усопшего.
By law there was no autopsy.	Закон запрещал проводить вскрытие.
Then he had sealed the Pope's bedroom, destroyed the papal fisherman's ring, shattered the die used to make lead seals, and arranged for the funeral.	После этого камерарий опечатывал спальню папы, уничтожал папское "кольцо рыбака" , разбивал формы для изготовления свинцовых печатей и приступал к организации похорон.

That done, he began preparations for the conclave.	После завершения печального обряда камерарий начинал готовить конклав.
Conclave, he thought. The final hurdle.	Конклав, думал он, последнее испытание.
It was one of the oldest traditions in Christendom.	Одна из древнейших традиций христианства.
Nowadays, because the outcome of conclave was usually known before it began, the process was criticized as obsolete-more of a burlesque than an election.	Правда, в дни, когда исход голосования известен заранее, этот ритуал часто критикуют, называя устаревшим и заявляя, что это скорее дешевое шоу, а не подлинные выборы.
The camerlegno knew, however, this was only a lack of understanding.	Однако камерарий знал, что подобные заявления -результат недостаточного понимания сути события.

Conclave was not an election.	Конклав не сводился к выборам.
It was an ancient, mystic transference of power.	Это был старинный, исполненный мистики ритуал передачи власти.

The tradition was timeless... the secrecy, the folded slips of paper, the burning of the ballots, the mixing of ancient chemicals, the smoke signals.	Эта традиция уходила в глубь веков... соблюдение тайны, тщательно сложенные листки бумаги, сжигание бюллетеней, смешивание старинных химикалий, дымовые сигналы...
As the camerlegno approached through the Loggias of Gregory XIII, he wondered if Cardinal Mortati was in a panic yet.	Интересно, как себя чувствует кардинал Мортати, думал камерарий, подходя к лоджиям Григория XIII.

Certainly Mortati had noticed the preferiti were missing.	Во всяком случае, он не мог не заметить отсутствия preferiti.
Without them, the voting would go on all night.	Без них голосование затянется до утра.
Mortati's appointment as the Great Elector, the camerlegno assured himself, was a good one.	Назначение Мортати великим выборщиком было удачным шагом, убеждал себя камерарий.
The man was a freethinker and could speak his mind.	Кардинал славится широтой взглядов и всегда говорит то, что думает.
The conclave would need a leader tonight more than ever.	В эту ночь конклав будет как никогда нуждаться в сильном лидере.

As the camerlegno arrived at the top of the Royal Staircase, he felt as though he were standing on the precipice of his life.	Когда камерарий достиг верхней ступени Королевской лестницы, ему вдруг показалось, что он оказался на вершине своей жизни.
Even from up here he could hear the rumble of activity in the Sistine Chapel below-the uneasy chatter of 165 cardinals.	Отзвуки происходящего в Сикстинской капелле доносились даже сюда. Служитель Бога слышал шелест голосов ста шестидесяти пяти кардиналов.
One hundred sixty one cardinals, he corrected.	Ста шестидесяти одного кардинала, поправил он себя.

For an instant the camerlegno was falling, plummeting toward hell, people screaming, flames engulfing him, stones and blood raining from the sky.	На какое-то мгновение ему вновь почудилось, что он, объятый пламенем, падает вниз, устремляясь в преисподнюю, а вокруг него неистово кричат люди, и с небес идет дождь из камней и крови.
And then silence.	После этого воцарилась тишина.
When the child awoke, he was in heaven.	*** Проснувшись, ребенок увидел, что находится на небесах.
Everything around him was white.	Со всех сторон его окружала белизна.
The light was blinding and pure.	Свет был ослепительно ярким и каким-то бесконечно чистым.

Although some would say a ten year old could not possibly understand heaven, the young Carlo Ventresca understood heaven very well.	Скептики могли сказать, что десятилетний мальчуган не в силах понять, что такое небо. Однако юный Карло Вентреска прекрасно знал, где находится.
He was in heaven right now.	Он оказался на небесах.
Where else would he be?	А где еще он мог быть?
Even in his short decade on earth Carlo had felt the majesty of God- the thundering pipe organs, the towering domes, the voices raised in song, the stained glass, shimmering bronze and gold.	Пробыв на земле всего одно десятилетие, он всей душой ощущал величие Бога, проявлявшееся в громовых звуках органа, гигантских куполах соборов, ангельских голосах церковных хоров, ярких витражах, в золоте и бронзе.

Carlo's mother, Maria, brought him to Mass every day. The church was Carlo's home.	Мама Мария ежедневно водила сына к мессе, и церковь стала его домом.
"Why do we come to Mass every single day?" Carlo asked, not that he minded at all.	- Почему мы ходим сюда каждый день? - спросил как-то Карло из любопытства, а не потому, что это ему не нравилось.
"Because I promised God I would," she replied.	- Потому, что я дала такой обет Богу, - ответила мама.
"And a promise to God is the most important promise of all.	- А обещание, данное Творцу, является самым важным из всех обещаний.
Never break a promise to God."	Никогда не нарушай своих обетов Богу.

Carlo promised her he would never break a promise to God.	Карло пообещал, что всегда останется верным данному Богу слову.
He loved his mother more than anything in the world.	Маму он любил больше всех на свете.
She was his holy angel.	Она была его ангелом.
Sometimes he called her Maria benedetta-the Blessed Mary-although she did not like that at all.	Иногда он даже называл ее Maria benedetta - Мария Благословенная, хотя ей это не нравилось.
He knelt with her as she prayed, smelling the sweet scent of her flesh and listening to the murmur of her voice as she counted the rosary.	Мальчик стоял рядом с ней на коленях, вдыхая аромат ее волос, прислушиваясь к тихому шепоту и следя за тем, как она перебирает четки.

Hail Mary, Mother of God... pray for us sinners... now and at the hour of our death.	"Святая Дева Мария, Матерь Божия... помолись за нас, грешных... как сегодня, так и в час нашей смерти..."
"Where is my father?" Carlo asked, already knowing his father had died before he was born.	- А где мой папа? - иногда спрашивал Карло, прекрасно зная, что отец умер еще до его рождения.
"God is your father, now," she would always reply.	- Теперь лишь Бог твой отец, - всегда отвечала мать.
"You are a child of the church."	- Ты - дитя церкви.
Carlo loved that.	Карло этот ответ доставлял удовольствие.

"Whenever you feel frightened," she said, "remember that God is your father now.	- Когда тебя что-то напугает, вспомни, что твой отец сам Бог.
He will watch over you and protect you forever.	Он постоянно следит за своим сыном и защищает его.
God has big plans for you, Carlo." The boy knew she was right.	Бог уготовил для тебя блестящее будущее, Карло, - говорила мама, и мальчик знал, что она права.
He could already feel God in his blood.	Юный Карло Вентреска постоянно чувствовал присутствие Бога в своей крови.
Blood...	Кровь...
Blood raining from the sky!	Кровавый дождь!
Silence.	Затем тишина.

Then heaven.	И после этого - небо.

His heaven, Carlo learned as the blinding lights were turned off, was actually the Intensive Care Unit in Santa Clara Hospital outside of Palermo.	Оказалось, что его небеса были потолком реанимационного отделения лечебницы Святой Клары под Палермо. Об этом Карло узнал, когда погас ослепляющий свет хирургической лампы.
Carlo had been the sole survivor of a terrorist bombing that had collapsed a chapel where he and his mother had been attending Mass while on vacation.	Мальчик оказался единственным, кто выжил после того, как от взрыва бомбы террористов рухнула часовня, в которую они с мамой ходили молиться во время вакаций.

Thirty seven people had died, including Carlo's mother.	Погибли тридцать семь человек, включая мать Карло.
The papers called Carlo's survival The Miracle of St. Francis.	То, что мальчик выжил, газеты назвали чудом святого Франциска.
Carlo had, for some unknown reason, only moments before the blast, left his mother's side and ventured into a protected alcove to ponder a tapestry depicting the story of St. Francis.	За несколько секунд до взрыва Карло по каким-то даже ему не ясным причинам отошел от матери и уединился в глубокой нише, чтобы полюбоваться гобеленом, на котором были изображены подвиги этого святого.
God called me there, he decided.	"Туда меня позвал Бог, - решил он.

He wanted to save me.	- Творец захотел меня спасти".
Carlo was delirious with pain.	От боли у мальчика начались галлюцинации.
He could still see his mother, kneeling at the pew, blowing him a kiss, and then with a concussive roar, her sweet smelling flesh was torn apart.	Он видел, как стоявшая на коленях мама посылает ему воздушный поцелуй и как через долю секунды после этого ее так чудно пахнущее тело разлетается на куски.
He could still taste man's evil.	Камерарий всем своим существом ощущал зло, которое совершили те люди.
Blood showered down.	Именно тогда с неба и полил кровавый дождь.
His mother's blood!	Кровь его матери.
The blessed Maria!	Кровь Марии Благословенной!

God will watch over you and protect you forever, his mother had told him.	Бог постоянно следит за своим сыном и защищает его, говорила мама.
But where was God now!	Но в таком случае где же Он сейчас?!
Then, like a worldly manifestation of his mother's truth, a clergyman had come to the hospital.	А тогда, словно подтверждая истинность слов матери, в клинике появился священнослужитель.
He was not any clergyman. He was a bishop.	Навестить мальчика пришел не простой патер, а епископ.
He prayed over Carlo.	Он прочел над Карло молитву.
The Miracle of St. Francis.	Чудо святого Франциска!

When Carlo recovered, the bishop arranged for him to live in a small monastery attached to the cathedral over which the bishop presided.	Когда больной поправился, его поселили в небольшом монастыре при соборе, в котором служил сам епископ.
Carlo lived and tutored with the monks. He even became an altar boy for his new protector.	Карло жил и учился вместе с монахами, а одно время даже прислуживал в алтаре своему новому покровителю.

The bishop suggested Carlo enter public school, but Carlo refused.	Епископ советовал Карло поступить в светскую школу, но мальчик отказался.

He could not have been more happy with his new home.	Он был счастлив в своей новой обители.
He now truly lived in the house of God.	Наконец-то он жил в Доме Божьем.
Every night Carlo prayed for his mother.	Каждый вечер Карло молился за свою мать.
God saved me for a reason, he thought.	"Бог сохранил меня с какой-то целью, - думал он.
What is the reason?	- Какова же Его цель?"
When Carlo turned sixteen, he was obliged by Italian law to serve two years of reserve military training.	Когда ему минуло шестнадцать, он, согласно итальянским законам, должен был пройти двухлетнюю военную службу.

The bishop told Carlo that if he entered seminary he would be exempt from this duty.	Епископ сказал, что если молодой человек поступит в семинарию, то его освободят от воинской обязанности.
Carlo told the priest that he planned to enter seminary but that first he needed to understand evil.	На это Карло ответил, что мечтает стать семинаристом, однако прежде хочет лично познать, что есть зло.
The bishop did not understand.	Епископ его не понял.
Carlo told him that if he was going to spend his life in the church fighting evil, first he had to understand it. He could not think of any better place to understand evil than in the army.	Тогда Карло объяснил ему, что, поскольку он намерен посвятить свою жизнь борьбе со злом, ему надо понять зло и лучшего места, нежели армия, для этого не найти.

The army used guns and bombs.	Армия использует пушки и бомбы.
A bomb killed my Blessed mother!	А его мать - Мария Благословенная - погибла именно от бомбы!
The bishop tried to dissuade him, but Carlo's mind was made up.	Епископ пытался его переубедить, но Карло твердо стоял на своем.
"Be careful, my son," the bishop had said.	- Береги себя, сын мой, - наконец сказал прелат.
"And remember the church awaits you when you return."	- И помни, что церковь ждет твоего возвращения.
Carlo's two years of military service had been dreadful.	Два года армейской службы оказались для Карло кошмаром.
Carlo's youth had been one of silence and reflection.	Его юность прошла в покое и глубоких раздумьях.

But in the army there was no quiet for reflection.	Но в армии времени для размышлений не было.
Endless noise. Huge machines everywhere.	Постоянный шум, движение огромных машин.
Not a moment of peace.	Ни секунды покоя.
Although the soldiers went to Mass once a week at the barracks, Carlo did not sense God's presence in any of his fellow soldiers.	Хотя солдат раз в неделю водили к мессе, Карло совершенно не чувствовал присутствия Бога в душах своих товарищей.
Their minds were too filled with chaos to see God.	В их головах и сердцах царил хаос, который не позволял увидеть Творца.

Carlo hated his new life and wanted to go home.	Карло ненавидел свою новую жизнь и мечтал о возвращении домой.
But he was determined to stick it out.	Но в то же время он был полон решимости пройти через это испытание до самого конца.
He had yet to understand evil.	Ему еще предстояло узнать, что есть зло.
He refused to fire a gun, so the military taught him how to fly a medical helicopter.	Молодой человек отказался стрелять, и военные научили его управлять вертолетом медицинской службы.
Carlo hated the noise and the smell, but at least it let him fly up in the sky and be closer to his mother in heaven.	Карло терпеть не мог шума винтов и запаха топлива, и его утешало лишь то, что, поднимаясь в небо, он оказывался ближе к маме.

When he was informed his pilot's training included learning how to parachute, Carlo was terrified.	Когда ему сообщили, что курс подготовки пилота включает прыжки с парашютом, он пришел в ужас.
Still, he had no choice.	Но выбора у него не было.
God will protect me, he told himself.	"Бог защитит меня", - сказал он себе.
Carlo's first parachute jump was the most exhilarating physical experience of his life.	Первый прыжок оказался самым значительным событием во всей его жизни.
It was like flying with God.	Это было похоже на полет рядом с самим Богом.

Carlo could not get enough... the silence... the floating... seeing his mother's face in the billowing white clouds as he soared to earth.	Карло хотел прыгать снова и снова... Тишина... парение... и лицо мамы в белых облаках.
God has plans for you, Carlo.	У Бога были грандиозные планы для Карло.
When he returned from the military, Carlo entered the seminary.	Окончив военную службу, он поступил в семинарию.
That had been twenty three years ago.	Это было двадцать три года назад. ***

Now, as Camerlegno Carlo Ventresca descended the Royal Staircase, he tried to comprehend the chain of events that had delivered him to this extraordinary crossroads.	И вот теперь, спускаясь по Королевской лестнице, камерарий Карло Вентреска пытался осмыслить цепь событий, приведших его на этот перекресток истории.
Abandon all fear, he told himself, and give this night over to God.	"Оставь все страхи, - сказал он себе, - и посвяти эту ночь Богу".
He could see the great bronze door of the Sistine Chapel now, dutifully protected by four Swiss Guards.	Он уже видел бронзовые двери Сикстинской капеллы и охранявших их четырех швейцарских гвардейцев.
The guards unbolted the door and pulled it open.	Солдаты открыли замок и распахнули тяжелые створки.

Inside, every head turned.	Все присутствующие повернули головы в сторону камерария.
The camerlegno gazed out at the black robes and red sashes before him.	Тот, в свою очередь, обежал взором черные мантии и красные кардинальские кушаки.
He understood what God's plans for him were.	Он понял наконец, какие грандиозные планы строил для него Бог.

The fate of the church had been placed in his hands.	Он возложил на него ответственность за судьбу церкви.
The camerlegno crossed himself and stepped over the threshold.	Карло Вентреска осенил себя крестным знаменем и шагнул через порог.
48	Глава 48

BBC journalist Gunther Glick sat sweating in the BBC network van parked on the eastern edge of St. Peter's Square and cursed his assignment editor.	Корреспондент Би-би-си Гюнтер Глик обливался потом в припаркованном у восточной границы площади Святого Петра микроавтобусе, проклиная свое задание и редактора, который ему это задание подсунул.
Although Glick's first monthly review had come back filled with superlatives-resourceful, sharp, dependable-here he was in Vatican City on "Pope Watch."	Несмотря на то что письменная оценка первого месяца деятельности Глика пестрела превосходными степенями - находчивый, надежный, толковый, - его сослали в этот паршивый Ватикан на "Папскую вахту".

He reminded himself that reporting for the BBC carried a hell of a lot more credibility than fabricating fodder for the British Tattler, but still, this was not his idea of reporting.	Он, конечно, понимал, что работа на Би-би- си -нечто большее, чем написание чтива для "Британского сплетника", но тем не менее подобные репортажи были ему не по вкусу.
Glick's assignment was simple.	Глик получил простое задание.
Insultingly simple.	Оскорбительно простое.

He was to sit here waiting for a bunch of old farts to elect their next chief old fart, then he was to step outside and record a fifteen second "live" spot with the Vatican as a backdrop.	Он должен был торчать здесь до тех пор, пока команда старых пердунов не изберет своего нового вожака - такого же престарелого пердуна, как и они сами. Как только это случится, он появится на пятнадцать секунд в прямом эфире, дабы сообщить об этом сногсшибательном событии.
Brilliant.	Великолепно.
Glick couldn't believe the BBC still sent reporters into the field to cover this schlock.	Глик не мог поверить в то, что Би-би-си до сих пор направляет специальных корреспондентов освещать подобное дерьмо.

You don't see the American networks here tonight.	Ведущих американских компаний здесь что-то не видно.
Hell no! That was because the big boys did it right.	И все потому, что эти "большие парни" вовсе не дураки.
They watched CNN, synopsized it, and then filmed their "live" report in front of a blue screen, superimposing stock video for a realistic backdrop. MSNBC even used in studio wind and rain machines to give that on the scene authenticity.	Они делают выжимки из передачи Си-эн-эн и затем дают в эфир свою "живую" картинку на украденном фоне. "Нэшнл бродкастинг систем", например, для того чтобы придать своей "прямой" передаче достоверность, стала использовать в студии машины, имитирующие ветер и дождь.

Viewers didn't want truth anymore; they wanted entertainment.	Теперешнему зрителю правдивая информация не требуется. Ему подавай развлекуху.
Glick gazed out through the windshield and felt more and more depressed by the minute.	Глик смотрел через ветровое стекло, и его тоска с каждой минутой нарастала.

The imperial mountain of Vatican City rose before him as a dismal reminder of what men could accomplish when they put their minds to it.	Перед ним высилась мрачная имперская громада собора, напоминавшая о том, чего могут достичь люди, приложив к делу голову и руки.

"What have I accomplished in my life?" he wondered aloud. "Nothing."	- А чего я добился в своей жизни? - вопрошал он вслух и тут же отвечал: - Ничего.
"So give up," a woman's voice said from behind him.	- Ну и бросай все к дья-волу, - раздался за его спиной женский голос.
Glick jumped.	Это было настолько неожиданно, что Глик подпрыгнул.
He had almost forgotten he was not alone.	Как можно было забыть, что он здесь не один?

He turned to the back seat, where his camerawoman, Chinita Macri, sat silently polishing her glasses.	Репортер оглянулся. На заднем сиденье расположилась кинооператор Чинита Макри.
She was always polishing her glasses.	Дама молча полировала стекла своих очков.
Chinita was black, although she preferred African American, a little heavy, and smart as hell.	Чинита была чернокожей, однако предпочитала именовать себя афро-американкой и требовала, чтобы так же ее называли и все остальные. Она была чуть-чуть полновата и при этом дьявольски умна.
She wouldn't let you forget it either.	Проблема заключалась в том, что она никому не позволяла об этом забыть.

She was an odd bird, but Glick liked her.	Это была странная особа, но Глику она тем не менее нравилась.
And Glick could sure as hell use the company.	А в данный момент он был просто счастлив, что торчит здесь не в одиночестве.
"What's the problem, Gunth?" Chinita asked.	- Что тебя гложет, Гюнт? - спросила она.
"What are we doing here?"	- Я не понимаю, что мы здесь делаем.
She kept polishing. "Witnessing an exciting event."	- Наблюдаем за волнующим событием, -невозмутимо ответила она, продолжая протирать линзы.

"Old men locked in the dark is exciting?"	- Несколько десятков старцев, запертых в темном помещении, - зрелище, на мой взгляд, не шибко волнующее.
"You do know you're going to hell, don't you?"	- Ты хотя бы понимаешь, что за эти слова можешь отправиться в ад?
"Already there."	- А разве я уже не там?
"Talk to me." She sounded like his mother.	- Поделись со мной своими тревогами, - сказала она совсем по-матерински.
"I just feel like I want to leave my mark."	- Мне очень хочется оставить след в жизни.
"You wrote for the British Tattler."	- Но разве ты не оставил его, работая в "Британском сплетнике"?

"Yeah, but nothing with any resonance."	- Ни один из моих материалов почему-то не вызвал отклика в обществе.

"Oh, come on, I heard you did a groundbreaking article on the queen's secret sex life with aliens."	- Брось. Я слышала, ты произвел фурор своей статьей о сексуальных связях королевы с иностранцами.
"Thanks."	- Спасибо и на этом.
"Hey, things are looking up.	- Выше нос!
Tonight you make your first fifteen seconds of TV history."	Этой ночью ты появишься на экране. Это будут твои первые пятнадцать секунд на телевидении.

Glick groaned. He could hear the news anchor already. "Thanks Gunther, great report."	Глик застонал, он уже сейчас слышал слова ведущего: "Спасибо, Гюнтер, отличный репортаж".
Then the anchor would roll his eyes and move on to the weather.	После чего тот закатит глаза и перейдет к сообщению о погоде.
"I should have tried for an anchor spot."	- Мне надо было принять участие в конкурсе на должность ведущего.
Macri laughed. "With no experience?	- Это при твоем-то жалком опыте? - рассмеялась Макри.
And that beard? Forget it."	- И с такой бородищей?
Glick ran his hands through the reddish gob of hair on his chin.	Глик поскреб рыжую поросль на подбородке и сказал:

"I think it makes me look clever."	- С бородой я кажусь умнее.
The van's cell phone rang, mercifully interrupting yet another one of Glick's failures.	В микроавтобусе зазвонил сотовый телефон, прервав страдания Глика.
"Maybe that's editorial," he said, suddenly hopeful.	- Может быть, это из редакции? - произнес он с внезапно пробудившейся надеждой.
"You think they want a live update?"	- Вдруг они захотели дать в прямом эфире информацию о текущем положении дел?
"On this story?" Macri laughed. "You keep dreaming."	- Ты, наверное, бредишь, - сказала Чинита. - Кого может интересовать подобная лабуда?

Glick answered the phone in his best anchorman voice.	Глик поднял трубку и произнес тоном популярного телевизионного ведущего:
"Gunther Glick, BBC, Live in Vatican City."	- Гюнтер Глик, Би-би-си, прямо из Ватикана.
The man on the line had a thick Arabic accent.	Мужчина на другом конце линии говорил с явным арабским акцентом.
"Listen carefully," he said.	- Слушайте меня внимательно, - произнес он.
"I am about to change your life."	- То, что я вам сейчас скажу, полностью изменит вашу жизнь.
49	Глава 49

Langdon and Vittoria stood alone now outside the double doors that led to the inner sanctum of the Secret Archives.	Лэнгдон и Виттория остались одни перед двустворчатой дубовой дверью, ведущей в святая святых секретных архивов Ватикана.

The decor in the colonnade was an incongruous mix of wall to wall carpets over marble floors and wireless security cameras gazing down from beside carved cherubs in the ceiling.	Колоннада, в которой они находились, производила странное впечатление. Покрывающие мраморный пол роскошные ковры откровенно диссонировали с электронными камерами слежения, вмонтированными в потолок среди резных деревянных херувимов.
Langdon dubbed it Sterile Renaissance.	Лэнгдон назвал про себя этот стиль стерильным ренессансом.

Beside the arched ingress hung a small bronze plaque.	На стене рядом с дверями висела небольшая бронзовая табличка, на которой было написано:
ARCHIVIO VATICANO Curatore: Padre Jaqui Tomaso	АРХИВЫ ВАТИКАНА Смотритель падре Жаки Томазо
Father Jaqui Tomaso.	Святой отец Жаки Томазо.
Langdon recognized the curator's name from the rejection letters at home in his desk.	Это имя Лэнгдон знал по письмам с отказом, которые копились на его рабочем столе.
Dear Mr. Langdon, It is with regret that I am writing to deny...	"Дорогой мистер Лэнгдон, с великим сожалением я вынужден вам отказать..."
Regret.	С сожалением.
Bullshit.	Полная чушь.

Since Jaqui Tomaso's reign had begun, Langdon had never met a single non Catholic American scholar who had been given access to the Secret Vatican Archives.	После того как здесь появился этот Жаки Томазо, Лэнгдон не слышал ни об одном американце некатолического вероисповедания, получившем допуск к секретным ватиканским архивам.
Il gaurdiano, historians called him.	Историки называли его "жандармом".
Jaqui Tomaso was the toughest librarian on earth.	Жаки Томазо слыл самым непреклонным библиотекарем на земле.

As Langdon pushed the doors open and stepped through the vaulted portal into the inner sanctum, he half expected to see Father Jaqui in full military fatigues and helmet standing guard with a bazooka.	Лэнгдон не очень бы удивился, если бы, открыв дверь, вдруг увидел Томазо в камуфляже с каской на голове и с базукой в руках.
The space, however, was deserted.	Но подобное было все же из области фантастики. За дверью, естественно, никого не оказалось.
Silence. Soft lighting.	Лишь тишина и мягкий свет.
Archivio Vaticano.	Archivio Vaticano.
One of his life dreams.	Мечта всей его жизни.

As Langdon's eyes took in the sacred chamber, his first reaction was one of embarrassment.	Оглядевшись по сторонам, Лэнгдон вначале ощутил некоторое смущение.
He realized what a callow romantic he was.	Ученый понял, каким безнадежным романтиком он в душе оставался.
The images he had held for so many years of this room could not have been more inaccurate.	Оказалось, что его представление о том, как выглядит архив, было страшно далеко от реальности.

He had imagined dusty bookshelves piled high with tattered volumes, priests cataloging by the light of candles and stained glass windows, monks poring over scrolls...	Он не увидел здесь ни запыленных деревянных полок, уставленных потертыми томами, ни монахов, составляющих каталоги при свете свечей, ни витражей, ни прелатов со свитками в руках...
Not even close.	Здесь не было ничего даже отдаленно напоминающего эту воображаемую картину.
At first glance the room appeared to be a darkened airline hangar in which someone had built a dozen free standing racquetball courts.	С первого взгляда помещение казалось затемненным авиационным ангаром, в котором кто-то соорудил десяток стоящих отдельно друг от друга кабинок для игры в ракетбол.

Langdon knew of course what the glass walled enclosures were.	Лэнгдон знал о существовании в архивах герметичных стеклянных кубов и не очень удивился, увидев их здесь.
He was not surprised to see them; humidity and heat eroded ancient vellums and parchments, and proper preservation required hermitic vaults like these-airtight cubicles that kept out humidity and natural acids in the air.	Влажность и смена температуры наносили непоправимый ущерб старинным книгам и рукописям. Для того чтобы обеспечить их сохранность, требовались специальные помещения, обеспечивающие оптимальную влажность и предохраняющие книги от воздействия содержащихся в воздухе природных кислот.

Langdon had been inside hermetic vaults many times, but it was always an unsettling experience... something about entering an airtight container where the oxygen was regulated by a reference librarian.	Лэнгдону приходилось сиживать в таких хранилищах, и он всегда нервничал, входя в герметичный куб, подача кислорода в который зависела от дежурного библиотекаря.
The vaults were dark, ghostly even, faintly outlined by tiny dome lights at the end of each stack.	В стеклянных ячейках царила какая-то призрачная полутьма. Единственным источником света в них была небольшая скрытая под колпаком лампа в дальнем конце каждого стеллажа.

In the blackness of each cell, Langdon sensed the phantom giants, row upon row of towering stacks, laden with history.	Глаз Лэнгдона едва улавливал бесконечные ряды полок, каждая из которых была заполнена историей.
This was one hell of a collection.	Да, это был поистине бесценный кладезь сведений.
Vittoria also seemed dazzled.	Виттория, судя по ее виду, тоже была потрясена.
She stood beside him staring mutely at the giant transparent cubes.	Она стояла рядом с ним и молча смотрела на прозрачные стеклянные кабины.

Time was short, and Langdon wasted none of it scanning the dimly lit room for a book catalog-a bound encyclopedia that cataloged the library's collection.	Поскольку времени у них не было, Лэнгдон решил не искать в полутемном помещении библиотечный каталог, представлявший собой огромный том, в котором были указаны все находящиеся в хранении материалы.
All he saw was the glow of a handful of computer terminals dotting the room.	В глаза ему бросились несколько компьютерных терминалов, установленных в разных концах зала.
"Looks like they've got a Biblion.	- Похоже, мы имеем дело с системой "Библион".
Their index is computerized."	Индекс архивов компьютеризован.

Vittoria looked hopeful. "That should speed things up."	- Это облегчит нашу задачу? - с надеждой спросила Виттория.
Langdon wished he shared her enthusiasm, but he sensed this was bad news.	Лэнгдон очень хотел бы разделить надежду девушки, но он чувствовал, что это плохая новость.
He walked to a terminal and began typing. His fears were instantly confirmed.	Подойдя к терминалу, он нажал несколько клавиш, и его опасения тут же подтвердились.
"The old fashioned method would have been better."	- Старый добрый метод, - сказал американец, - был бы для нас гораздо полезнее.
"Why?"	- Почему?

He stepped back from the monitor. "Because real books don't have password protection.	- Да потому, что обычный каталог не защищен паролем.
I don't suppose physicists are natural born hackers?"	Может быть, талантливые физики являются прирожденными хакерами? - спросил он с улыбкой.
Vittoria shook her head. "I can open oysters, that's about it."	- Я могу вскрывать устрицы, и это, пожалуй, все, -улыбнулась она в ответ.
Langdon took a deep breath and turned to face the eerie collection of diaphanous vaults.	Лэнгдон глубоко вздохнул и повернулся к прозрачным фантомам хранилищ.
He walked to the nearest one and squinted into the dim interior.	Подойдя к одному из стеклянных кубов, он вгляделся в его затемненное нутро.

Inside the glass were amorphous shapes Langdon recognized as the usual bookshelves, parchment bins, and examination tables.	Ученый напряг зрение и увидел обычные уставленные книгами стеллажи, ячейки для хранения свитков и несколько столов для работы с архивными материалами.
He looked up at the indicator tabs glowing at the end of each stack.	Поскольку его глаза несколько адаптировались к полумраку архива, он сумел, хотя и с трудом, прочитать светящиеся таблички, прикрепленные к торцу каждого из стеллажей.
As in all libraries, the tabs indicated the contents of that row.	Как и в обычных библиотеках, на табличках указывалось содержимое каждого стеллажа.
He read the headings as he moved down the transparent barrier.	Медленно двигаясь вдоль прозрачной преграды, он читал:

Pietro Il Erimito... Le Crociate... Urbano II... Levant...	ПЕТР ОТШЕЛЬНИК... КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ... УРБАН II... ЛЕВАНТ...
"They're labeled," he said, still walking. "But it's not alpha author."	- Здесь все обозначено, но не по алфавиту, -сказал он, продолжая вглядываться в стеллажи.
He wasn't surprised.	Подобный подход к каталогизации Лэнгдона нисколько не удивил.
Ancient archives were almost never cataloged alphabetically because so many of the authors were unknown.	Древние архивисты почти никогда не составляли алфавитных каталогов, поскольку имена многих авторов не были известны.

Titles didn't work either because many historical documents were untitled letters or parchment fragments.	Упорядочить по названиям собрание книг тоже было нельзя, так как многие из них не имели заголовков, а некоторые представляли собой лишь отдельные фрагменты пергамента.
Most cataloging was done chronologically.	Поэтому большая часть каталогов велась в хронологическом порядке.
Disconcertingly, however, this arrangement did not appear to be chronological.	Однако библиографы Ватикана, похоже, не придерживались и хронологии.
Langdon felt precious time already slipping away. "Looks like the Vatican has its own system."	- Судя по всему, здесь разработали свою систему,- сказал Лэнгдон, всем своим существом ощущая, как бегут драгоценные минуты.

"What a surprise."	- Неприятный сюрприз.
He examined the labels again.	Лэнгдон снова всмотрелся в таблички.
The documents spanned centuries, but all the keywords, he realized, were interrelated.	Указанные на них документы охватывали столетия, но все они, как ему показалось, имели какую-то смысловую связь. Многие ключевые слова были общими.
"I think it's a thematic classification."	- Думаю, что мы имеем дело с тематическим каталогом.
"Thematic?" Vittoria said, sounding like a disapproving scientist.	- Тематическим? - неодобрительно произнесла Виттория.
"Sounds inefficient."	- Но он очень неудобен...

Actually... Langdon thought, considering it more closely. This may be the shrewdest cataloging I've ever seen.	"Вообще-то, - подумал Лэнгдон, продолжая вглядываться в надписи, - это может быть самый толковый каталог из всех, с которыми мне приходилось иметь дело".
He had always urged his students to understand the overall tones and motifs of an artistic period rather than getting lost in the minutia of dates and specific works.	Он сам всегда учил своих студентов понимать общие тенденции различных периодов истории искусств, не зацикливаясь на анализе отдельных произведений и запоминании дат.

The Vatican Archives, it seemed, were cataloged on a similar philosophy.	Систематизаторы ватиканских архивов, видимо, придерживались тех же принципов, что и он.
Broad strokes...	Широкие мазки...
"Everything in this vault," Langdon said, feeling more confident now, "centuries of material, has to do with the Crusades. That's this vault's theme."	- Находящиеся в этом хранилище документы охватывают несколько столетий, - сказал Лэнгдон, начиная ощущать некоторую уверенность, - и все они имеют отношение к крестовым походам.

It was all here, he realized. Historical accounts, letters, artwork, socio political data, modern analyses.	В этом стеклянном кубе, думал он, можно найти исторические отчеты, письма, произведения искусства, социально-политические данные, современный анализ последствий крестовых походов.
All in one place... encouraging a deeper understanding of a topic.	Все в одном месте... Это позволяет лучше понять тему.
Brilliant.	Блестящий подход.

Vittoria frowned. "But data can relate to multiple themes simultaneously."	- Но документ может иметь отношение ко многим темам, - не скрывая скептицизма, сказала Виттория.

"Which is why they cross reference with proxy markers."	- Для этого существует система перекрестных отсылок и указателей.
Langdon pointed through the glass to the colorful plastic tabs inserted among the documents.	- Лэнгдон показал на цветные пластиковые разделители, размещенные между документами.
"Those indicate secondary documents located elsewhere with their primary themes."	- Они указывают местонахождение всех второстепенных материалов, имеющих какое-либо отношение к данной теме.

"Sure," she said, apparently letting it go. She put her hands on her hips and surveyed the enormous space. Then she looked at Langdon. "So, Professor, what's the name of this Galileo thing we're looking for?"	- Ясно, - сказала Виттория и, окинув взглядом огромный ангар архива, спросила: - Итак, профессор, где могут храниться документы, имеющие отношение к Галилею? Где нам их искать?
Langdon couldn't help but smile.	Это было произнесено столь воинственным тоном, что Лэнгдон позволил себе улыбнуться.
He still couldn't fathom that he was standing in this room.	Ученый до сих пор не мог до конца поверить, что оказался в архивах Ватикана.
It's in here, he thought.	"Они где-то здесь, - подумал он.

Somewhere in the dark, it's waiting.	- Затаившись в темноте, они ждут нашего прихода".
"Follow me," Langdon said. He started briskly down the first aisle, examining the indicator tabs of each vault.	- Следуйте за мной, - сказал Лэнгдон и двинулся по первому проходу между кубами, вглядываясь в таблички рубрикатора.
"Remember how I told you about the Path of Illumination? How the Illuminati recruited new members using an elaborate test?"	- Помните, что я вам говорил о Пути просвещения и о том, к какому сложному испытанию прибегали иллюминаты, принимая в общество новых членов?
"The treasure hunt," Vittoria said, following closely.	- Поиски клада, - ответила Виттория, шагая рядом с ученым.

"The challenge the Illuminati had was that after they placed the markers, they needed some way to tell the scientific community the path existed."	- После того как братство "Иллюминати" разместило в городе вехи и указатели, оно должно было изыскать способ доложить научному сообществу о том, что этот путь действительно существует.
"Logical," Vittoria said.	- Логично, - согласилась Виттория.
"Otherwise nobody would know to look for it."	- В противном случае никому не пришло бы в голову его искать.
"Yes, and even if they knew the path existed, scientists would have no way of knowing where the path began.	- Да. Но даже зная в принципе о существовании Пути, они не имели понятия о том, где он начинается.
Rome is huge."	Рим - огромный город.
"Okay."	- Согласна.

Langdon proceeded down the next aisle, scanning the tabs as he talked.	Лэнгдон перешел в другой проход и, не переставая говорить, продолжил изучение табличек.
"About fifteen years ago, some historians at the Sorbonne and I uncovered a series of Illuminati letters filled with references to the segno."	- Примерно пятнадцать лет назад некоторые историки из Сорбонны, так же как и я, обнаружили несколько писем иллюминатов, в которых содержались упоминания о segno.
"The sign.	- О знаке?
The announcement about the path and where it began."	О том, что Путь просвещения существует, и о месте, где он берет начало?
"Yes.	- Именно.

And since then, plenty of Illuminati academics, myself included, have uncovered other references to the segno.	С тех пор некоторые из тех, кто изучает историю ордена, включая меня, нашли и другие ссылки на segno.
It is accepted theory now that the clue exists and that Galileo mass distributed it to the scientific community without the Vatican ever knowing."	Согласно некой теории, ключ к поиску начала Пути есть, и Галилей изыскал такой способ сообщить о нем коллегам-ученым, что Ватикан так ничего и не узнал.
"How?"	- Ну и где же находится этот ключ?
"We're not sure, but most likely printed publications.	- Мы до конца не уверены, но скорее всего указание на то, где его искать, появилось в одном из печатных изданий.

He published many books and newsletters over the years."	Галилей за долгие годы опубликовал множество книг и научных бюллетеней.
"That the Vatican no doubt saw.	- И их, вне всякого сомнения, внимательно изучал Ватикан.
Sounds dangerous."	Разве это не опасно?
"True.	- Согласен, что опасно.
Nonetheless the segno was distributed."	Тем не менее информация о segno получила распространение.
"But nobody has ever actually found it?"	- И никто из врагов иллюминатов эту информацию так и не смог расшифровать?
"No.	- Не смог.

Oddly though, wherever allusions to the segno appear-Masonic diaries, ancient scientific journals, Illuminati letters-it is often referred to by a number."	Любопытно, что, где бы ни упоминался знак, будь то в дневниках масонов, письмах иллюминатов или в старинных научных журналах, речь шла преимущественно о цифрах.
"666?"	- 666?
Langdon smiled.	- Нет, - улыбнулся Лэнгдон.
"Actually it's 503."	- Там говорится о числе 503.
"Meaning?"	- И что же оно должно означать?
"None of us could ever figure it out.	- Никто из исследователей так и не смог дать внятного объяснения.

I became fascinated with 503, trying everything to find meaning in the number-numerology, map references, latitudes."	Я, зачарованный этими цифрами, крутил их так и сяк, пытаясь определить, что может означать число 503. Я примерял его к науке, именуемой "нумерология", сверял с географическими картами, широтой и долготой...
Langdon reached the end of the aisle, turned the corner, and hurried to scan the next row of tabs as he spoke.	- Лэнгдон, продолжая говорить, дошел до конца прохода и свернул за угол.
"For many years the only clue seemed to be that 503 began with the number five... one of the sacred Illuminati digits."	- Единственным ключом к пониманию, как мне казалось, могло быть то, что число начиналось с цифры 5 - одной из священных цифр сообщества "Иллюминати".

He paused. "Something tells me you recently figured it out, and that's why we're here."	- Сдается мне, что недавно вы догадались о ее значении. Поэтому мы здесь?
"Correct," Langdon said, allowing himself a rare moment of pride in his work.	- Верно, - ответил Лэнгдон, испытывая редкое и на сей раз вполне законное чувство гордости за свое открытие.
"Are you familiar with a book by Galileo called Di?logo?"	- Вы что-нибудь слышали о книге Галилея под названием "Диалог"?
"Of course.	- Естественно.
Famous among scientists as the ultimate scientific sellout."	Ученые считают эту работу великолепным образчиком измены научным принципам.

Sellout wasn't quite the word Langdon would have used, but he knew what Vittoria meant.	Тем она и знаменита. Сам Лэнгдон ни за что не стал бы употреблять слово "измена", но он прекрасно понимал, что хотела сказать Виттория.
In the early 1630s, Galileo had wanted to publish a book endorsing the Copernican heliocentric model of the solar system, but the Vatican would not permit the book's release unless Galileo included equally persuasive evidence for the church's geo centric model-a model Galileo knew to be dead wrong.	В самом начале 30-х годов XVII столетия Галилей хотел опубликовать труд о гелиоцентрической модели Солнечной системы, предложенной Коперником. Но Ватикан не разрешил выход книги, требуя, чтобы автор включил в нее столь же убедительные доказательства истинности принятой церковью геоцентрической модели.

Galileo had no choice but to acquiesce to the church's demands and publish a book giving equal time to both the accurate and inaccurate models.	Эту модель Галилей считал абсолютно неверной, но выбора у него не было, и он выполнил требование церковников, написав книгу, в которой истинной и ложной моделям Солнечной системы было уделено одинаковое внимание.
"As you probably know," Langdon said, "despite Galileo's compromise, Di?logo was still seen as heretical, and the Vatican placed him under house arrest."	- Вам должно быть известно и то, что, несмотря на этот компромисс, "Диалог" был признан ересью и Ватикан поместил ученого под домашний арест.
"No good deed goes unpunished."	- Ни одно доброе дело, как известно, не остается безнаказанным.

Langdon smiled. "So true.	- Верно, - улыбнулся Лэнгдон.
And yet Galileo was persistent.	- Но Галилей был человеком упорным.

While under house arrest, he secretly wrote a lesser known manuscript that scholars often confuse with Di?logo.	Сидя дома под арестом, он тайно создал еще один, гораздо менее известный труд, который ученые частенько путают с "Диалогом".
That book is called Discorsi."	Эта книга называется "Discorsi", что в данном случае означает "Трактат".
Vittoria nodded. "I've heard of it.	- Я слышала о ней, - кивнула Виттория.
Discourses on the Tides."	- Ее полное название - "Трактат о приливах".

Langdon stopped short, amazed she had heard of the obscure publication about planetary motion and its effect on the tides.	Лэнгдон даже остановился, настолько поразило его то, что девушка знакома с малоизвестной публикацией о движении планет и его влиянии на морские приливы.
"Hey," she said, "you're talking to an Italian marine physicist whose father worshiped Galileo."	- Хочу сообщить вам, - увидев его изумление, сказала Виттория, - что вы, беседуя со мной, имеете дело с экспертом по физике моря. И кроме того, мой отец боготворил Галилея.
Langdon laughed.	Лэнгдон рассмеялся.
Discorsi however was not what they were looking for.	Однако искали они вовсе не этот трактат.

Langdon explained that Discorsi had not been Galileo's only work while under house arrest.	Лэнгдон сказал, что Галилей, находясь под домашним арестом, написал не только "Трактат".
Historians believed he had also written an obscure booklet called Diagramma.	Историки считают, что за это время из-под его пера вышла и небольшая брошюра под названием "Диаграмма".
"Diagramma della Verit?," Langdon said.	- Полностью труд называется "Diagramma della Verita", - уточнил Лэнгдон. -
"Diagram of Truth."	"Диаграмма истины".
"Never heard of it."	- Никогда о ней не слышала.
"I'm not surprised.	- И неудивительно.

Diagramma was Galileo's most secretive work-supposedly some sort of treatise on scientific facts he held to be true but was not allowed to share.	"Diagramma" была одним из самых секретных трудов Галилея - своего рода обзором научных фактов, которые он считал истинными, но о которых не мог писать открыто.
Like some of Galileo's previous manuscripts, Diagramma was smuggled out of Rome by a friend and quietly published in Holland.	Рукопись, как и некоторые другие до этого, была тайком вывезена из Рима друзьями ученого и без всякого шума опубликована в Голландии.
The booklet became wildly popular in the European scientific underground. Then the Vatican caught wind of it and went on a book burning campaign."	Брошюра стала страшно популярной в тайных научных обществах Европы, а Ватикан, прослышав о ней, развернул кампанию по ее сожжению.

Vittoria now looked intrigued. "And you think Diagramma contained the clue? The segno.	- И вы полагаете, что эта книга содержит ключ к разгадке? - спросила Виттория, у которой рассказ ученого вызвал неподдельный интерес.
The information about the Path of Illumination."	- Ответ на то, где искать segno, информацию о Пути просвещения?
"Diagramma is how Galileo got the word out.	- Думаю, что это именно так.

That I'm sure of."	Более того, я в этом практически уверен.
Langdon entered the third row of vaults and continued surveying the indicator tabs.	- Лэнгдон зашагал вдоль стеклянной стены третьего хранилища, по-прежнему вглядываясь в таблички на полках.

"Archivists have been looking for a copy of Diagramma for years.	- Архивисты, - продолжал он, - искали книгу многие годы.
But between the Vatican burnings and the booklet's low permanence rating, the booklet has disappeared off the face of the earth."	Но, учитывая проведенную Ватиканом кампанию по ее уничтожению и низкий уровень сохранности, можно предположить, что труд Галилея исчез с лица земли.
"Permanence rating?"	- Уровень сохранности? - переспросила девушка.
"Durability.	- Говоря по-простому - прочности.
Archivists rate documents one through ten for their structural integrity.	Архивисты делят прочность и, таким образом, возможность сохранности всех документов на десять степеней.

Diagramma was printed on sedge papyrus. It's like tissue paper.	"Диаграмма" была напечатана на рыхлом папирусе, похожем по структуре на современную туалетную бумагу или бумажные салфетки, если хотите.
Life span of no more than a century."	Такой материал мог просуществовать максимум сто лет.
"Why not something stronger?"	- Но почему они не использовали более прочный материал?
"Galileo's behest.	- Так велел Галилей.
To protect his followers.	Он хотел таким образом защитить своих сторонников от возможной опасности.

This way any scientists caught with a copy could simply drop it in water and the booklet would dissolve.	В случае обыска ученому достаточно было бросить брошюру в ведро с водой, чтобы она превратилась в бесформенную массу.
It was great for destruction of evidence, but terrible for archivists.	Для уничтожения улик это была превосходная идея, но для архивистов она оказалась просто катастрофой.
It is believed that only one copy of Diagramma survived beyond the eighteenth century."	Считается, что только один экземпляр книги смог пережить XVIII век.

"One?" Vittoria looked momentarily starstruck as she glanced around the room.	- Всего один? - переспросила сраженная его словами Виттория.
"And it's here?"	- И неужели этот единственный экземпляр где-то здесь?
"Confiscated from the Netherlands by the Vatican shortly after Galileo's death.	- Он был конфискован в Голландии вскоре после смерти Галилея.
I've been petitioning to see it for years now.	Я в течение многих лет умолял Ватикан разрешить мне на него взглянуть.
Ever since I realized what was in it."	Я начал слать сюда письма сразу, как только догадался, что в нем содержится.

As if reading Langdon's mind, Vittoria moved across the aisle and began scanning the adjacent bay of vaults, doubling their pace.	Виттория, словно прочитав мысли Лэнгдона, принялась изучать надписи на полках другого хранилища, что вдвое ускорило процесс поиска.
"Thanks," he said.	- Спасибо, - сказал американец.
"Look for reference tabs that have anything to do with Galileo, science, scientists.	- Ищите указатели с упоминанием о Галилее, ученых или науке.
You'll know it when you see it."	Вы поймете, что нам нужно, едва увидев соответствующие рубрики.

"Okay, but you still haven't told me how you figured out Diagramma contained the clue.	- Хорошо, но вы мне так и не сказали, как вам удалось установить, что "Диаграмма" содержит ключ.
It had something to do with the number you kept seeing in Illuminati letters? 503?"	Имеет ли ваше открытие какое-нибудь отношение к числу, которое вы постоянно встречали в письмах иллюминатов? Пятьсот три, кажется?
Langdon smiled. "Yes.	- Да, - улыбнулся Лэнгдон.
It took some time, but I finally figured out that 503 is a simple code. It clearly points to Diagramma."	- Однако прошло довольно много времени, прежде чем я сообразил, что 503 есть не что иное, как простейший код, ясно указывающий на "Диаграмму".

For an instant Langdon relived his moment of unexpected revelation: August 16. Two years ago. He was standing lakeside at the wedding of the son of a colleague.	Он вспомнил, как на него снизошло озарение. Два года назад, шестнадцатого августа, он стоял на берегу озера. Это было на свадьбе сына одного из его коллег.
Bagpipes droned on the water as the wedding party made their unique entrance... across the lake on a barge.	Звуки волынок отражались от поверхности воды, а жених и невеста в сопровождении шафера, подруг и друзей плыли к берегу на барке.
The craft was festooned with flowers and wreaths.	Судно было украшено яркими цветочными фестонами и венками.

It carried a Roman numeral painted proudly on the hull- DCII.	На борту баржи красовались цифры - DCII.
Puzzled by the marking Langdon asked the father of the bride, "What's with 602?"	- Что значит это 602? - спросил у отца невесты заинтригованный Лэнгдон.
"602?"	- Шестьсот два?
Langdon pointed to the barge. "DCII is the Roman numeral for 602."	- DCII римскими цифрами означает 602, - пояснил Лэнгдон, показывая на барку.
The man laughed. "That's not a Roman numeral.	- Это вовсе не римские цифры, - рассмеялся коллега.
That's the name of the barge."	- Это название барки.

"The DCII?"	- DCII?
The man nodded.	- Именно.
"The Dick and Connie II."	"Dick and Connie II".
Langdon felt sheepish.	Лэнгдон почувствовал себя полным ослом.

Dick and Connie were the wedding couple.	Диком и Конни звали сочетающихся браком молодых людей.
The barge obviously had been named in their honor.	Барка получила название в их честь.
"What happened to the DCI?"	- А что же случилось с DCI? - спросил Лэнгдон.
The man groaned. "It sank yesterday during the rehearsal luncheon."	- Затонула вчера во время репетиции, - простонал папаша невесты.

Langdon laughed. "Sorry to hear that."	- Примите мои соболезнования, - рассмеялся Лэнгдон.
He looked back out at the barge. The DCII, he thought. Like a miniature QEII.	Он посмотрел на баркку и подумал: DCII - как миниатюрный QEII .
A second later, it had hit him.	И в этот момент на него снизошло озарение.
Now Langdon turned to Vittoria. "503," he said, "as I mentioned, is a code.	- Число 503, как я уже сказал, является кодом.
It's an Illuminati trick for concealing what was actually intended as a Roman numeral. The number 503 in Roman numerals is-"	Сообщество "Иллюминати" просто хотело скрыть за этим числом римские цифры, - пояснил Лэнгдон. - И это будет...
"DIII."	- DIII, - подхватила девушка.

Langdon glanced up. "That was fast.	- Быстро сообразили, - усмехнулся американец.
Please don't tell me you're an Illuminata."	- Только не говорите мне, что вы состоите в "Иллюминати".
She laughed.	- Нет, я не иллюминатка, - рассмеялась Виттория.
"I use Roman numerals to codify pelagic strata."	- А римские цифры я использую для кодификации различных уровней при составлении перечней.
Of course, Langdon thought.	"Ну конечно, - подумал Лэнгдон.
Don't we all.	- Ведь мы все так поступаем".

Vittoria looked over. "So what is the meaning of DIII?"	- Так что же означает это DIII? - спросила она.
"DI and DII and DIII are very old abbreviations. They were used by ancient scientists to distinguish between the three Galilean documents most commonly confused.	- DI, DII и DIII - очень старые сокращения, которыми ученые обозначали три труда Г алилея -с ними довольно часто возникала путаница.
Vittoria drew a quick breath. "Di?logo... Discorsi... Diagramma."	- Dialogo... Discorsi... Diagramma... - прошептала девушка.
"D one. D two. D three.	- Д-1, Д-2, Д-3.

All scientific. All controversial.	Три научных труда. Все три вызвали ожесточенные споры.
503 is DIII.	503 - это DIII.
Diagramma. The third of his books."	Третья из работ Галилея.
Vittoria looked troubled. "But one thing still doesn't make sense.	- Но я все же не понимаю одного, - сказала Виттория.

If this segno, this clue, this advertisement about the Path of Illumination was really in Galileo's Diagramma, why didn't the Vatican see it when they repossessed all the copies?"	- Если этот ключ, или segno, содержится в книге Галилея, то почему Ватикан не смог обнаружить Путь просвещения после того, как завладел всеми экземплярами?

"They may have seen it and not noticed.	- Они наверняка видели указание, но не обратили на него внимания.
Remember the Illuminati markers?	Припомните, как иллюминаты разместили свои вехи?
Hiding things in plain view?	Они спрятали их на самом виду.
Dissimulation?	Мимикрия.
The segno apparently was hidden the same way-in plain view.	Segno, очевидно, скрыт точно таким же образом.
Invisible to those who were not looking for it.	Он невидим для тех, кто его не ищет.
And also invisible to those who didn't understand it."	Равно как и для тех, кто не способен его понять.

"Meaning?"	- Понять?
"Meaning Galileo hid it well.	- Галилей его хорошо спрятал.
According to historic record, the segno was revealed in a mode the Illuminati called lingua pura."	Если верить историкам, segno записан на языке, который иллюминаты называли "чистым". На lingua pura.
"The pure language?"	- Чистый язык?
"Yes."	- Да.
"Mathematics?"	- Язык математики?
"That's my guess.	- Думаю, что именно так.
Seems pretty obvious.	Это достаточно очевидно.
Galileo was a scientist after all, and he was writing for scientists.	Галилей был ученым и писал для ученых.

Math would be a logical language in which to lay out the clue.	Математика была вполне логичным выбором для сокрытия ключа.
The booklet is called Diagramma, so mathematical diagrams may also be part of the code."	Брошюра называется "Диаграмма", и математические диаграммы сами по себе могли быть частью кода.
Vittoria sounded only slightly more hopeful. "I suppose Galileo could have created some sort of mathematical code that went unnoticed by the clergy."	- Остается надеяться лишь на то, что Галилей создал такой математический код, расшифровать который оказалось не под силу клирикам.

"You don't sound sold," Langdon said, moving down the row.	- Судя по тону, которым были произнесены эти слова, девушка все еще не до конца избавилась от своих сомнений. - Итак, насколько я понимаю, мне не удалось вас убедить? - сказал Лэнгдон.
"I'm not. Mainly because you aren't.	- Не удалось, - ответила она, - но только потому, что вы сами до конца не уверены в своей правоте.

If you were so sure about DIII, why didn't you publish?	Вы наверняка опубликовали бы свое открытие, если бы были абсолютно уверены в правильности своих умозаключений.

Then someone who did have access to the Vatican Archives could have come in here and checked out Diagramma a long time ago."	Если бы вы это сделали, люди, которые имеют доступ к архивам, смогли бы подтвердить или опровергнуть ваше открытие, обратившись к подлиннику.
"I didn't want to publish," Langdon said.	- Я не хотел публиковаться раньше времени, -сказал Лэнгдон.
"I had worked hard to find the information and-" He stopped himself, embarrassed.	- Я изо всех сил пытался самостоятельно добыть подтверждение. Я не хотел... - начал было он, но тут же смущенно умолк.
"You wanted the glory."	- Вы жаждали славы, - закончила она вместо него.
Langdon felt himself flush. "In a manner of speaking.	- В некотором роде, - сказал Лэнгдон, заливаясь краской стыда.

It's just that-"	- Но это всего лишь...
"Don't look so embarrassed.	- Не смущайтесь.
You're talking to a scientist.	Ведь вы говорите с ученым.
Publish or perish.	Опубликуй или погибни.
At CERN we call it	В ЦЕРНе мы обычно говорим:
'Substantiate or suffocate.' "	"Докажи или сдохни".
"It wasn't only wanting to be the first.	- Дело не только в моем желании быть первым.

I was also concerned that if the wrong people found out about the information in Diagramma, it might disappear."	Я опасался, что если о segno узнают не те, кому следует, знак может навсегда исчезнуть вместе с брошюрой.
"The wrong people being the Vatican?"	- Г оворя о не тех, кому следует, вы имеете в виду Ватикан?
"Not that they are wrong, per se, but the church has always downplayed the Illuminati threat.	- Я не хочу сказать, что здешние обитатели как таковые являются плохими людьми. Но церковь в целом постоянно пыталась отрицать значение ордена "Иллюминати".
In the early 1900s the Vatican went so far as to say the Illuminati were a figment of overactive imaginations.	В начале 1900-х годов Ватикан дошел до того, что объявил сообщество плодом больного воображения.

The clergy felt, and perhaps rightly so, that the last thing Christians needed to know was that there was a very powerful anti Christian movement infiltrating their banks, politics, and universities."	Клир полагал и, видимо, не без основания, что простым христианам вовсе не следует знать о том, что существовала могущественная антихристианская организация, члены которой сумели проникнуть в банковскую систему, политические круги и университеты.
Present tense, Robert, he reminded himself.	"Употребляй настоящее время, Роберт, - сказал он себе.

There IS a powerful anti Christian force infiltrating their banks, politics, and universities.	- Надо говорить: существует антихристианская организация, члены которой действуют в банковской системе, политических кругах и университетах".

"So you think the Vatican would have buried any evidence corroborating the Illuminati threat?"	- Значит, вы считаете, что Ватикан мог навеки похоронить любое доказательство существования угрозы церкви со стороны иллюминатов?
"Quite possibly.	- Не исключено.
Any threat, real or imagined, weakens faith in the church's power."	При этом речь может идти о любой опасности -действительной или воображаемой. Если люди узнают о ней, это подорвет их веру в могущество церкви.
"One more question." Vittoria stopped short and looked at him like he was an alien. "Are you serious?"	- И последний вопрос, - глядя на него, как на марсианина, сказала Виттория, - вы действительно во все это верите?

Langdon stopped. "What do you mean?"	- Во что? - спросил Лэнгдон. От неожиданности он даже остановился.
"I mean is this really your plan to save the day?"	- Вы действительно верите, что вам все это удастся?
Langdon wasn't sure whether he saw amused pity or sheer terror in her eyes.	Лэнгдон так и не понял, что прозвучало в ее словах - ирония, жалость или страх?
"You mean finding Diagramma?"	- Вы сомневаетесь, что я найду "Диаграмму"? - в свою очередь, спросил он.

"No, I mean finding Diagramma, locating a four hundred year old segno, deciphering some mathematical code, and following an ancient trail of art that only the most brilliant scientists in history have ever been able to follow... all in the next four hours."	- Нет, дело не только в "Диаграмме". Ведь речь идет о том, что нам следует найти книгу, обнаружить в ней segno, которому исполнилось четыре сотни лет, расшифровать какой-то математический код и пройти по древней тропе искусства, которую способен заметить лишь самый изощренный ум... И на все это нам отпущено лишь четыре часа.
Langdon shrugged. "I'm open to other suggestions."	- Я готов выслушать любые альтернативные предложения, - пожал плечами Лэнгдон.
50	Глава 50

Robert Langdon stood outside Archive Vault 9 and read the labels on the stacks. Brahe... Clavius... Copernicus... Kepler... Newton... As he read the names again, he felt a sudden uneasiness.	Роберт Лэнгдон стоял у архивного хранилища номер 9 и читал прикрепленные к полкам ярлыки: БРАГЕ ... КОПЕРНИК... КЕПЛЕР ... НЬЮТОН...
Here are the scientists... but where is Galileo? He turned to Vittoria, who was checking the contents of a nearby vault.	Повернувшись к Витторию, изучавшей содержимое соседнего хранилища, Лэнгдон сказал:
"I found the right theme, but Galileo's missing."	- Я нашел нужную рубрику, но Галилея в ней нет.

"No he isn't," she said, frowning as she motioned to the next vault.	- Его там нет, - сказала она, переходя к следующему стеклянному кубу, - но не огорчайтесь.
"He's over here.	Он здесь.

But I hope you brought your reading glasses, because this entire vault is his."	Надеюсь, вы не забыли прихватить очки? Они вам понадобятся, поскольку все это хранилище посвящено нашему герою.
Langdon ran over. Vittoria was right.	Лэнгдон подбежал к девушке и убедился, что та права.
Every indictor tab in Vault 10 carried the same keyword. Il Proceso Galileano	Все указатели хранилища номер 10 содержали лишь два слова: IL PROCESSO GALILEANO

Langdon let out a low whistle, now realizing why Galileo had his own vault.	Лэнгдон даже присвистнул, увидев, что Галилею отведен целый блок.
"The Galileo Affair," he marveled, peering through the glass at the dark outlines of the stacks.	- "Дело Галилея"! - восхитился он, вглядываясь сквозь стекло в темные ряды полок.
"The longest and most expensive legal proceeding in Vatican history.	- Самый продолжительный и самый дорогой судебный процесс в истории Ватикана.
Fourteen years and six hundred million lire.	Четырнадцать лет и шестьсот миллионов лир.
It's all here."	И все это собрано здесь.

"Have a few legal documents."	- То еще собрание юридических документов!
"I guess lawyers haven't evolved much over the centuries."	- Похоже, что юристы за последние четыреста лет не очень изменились.
"Neither have sharks."	- Не больше, чем акулы.
Langdon strode to a large yellow button on the side of the vault. He pressed it, and a bank of overhead lights hummed on inside. The lights were deep red, turning the cube into a glowing crimson cell... a maze of towering shelves.	Лэнгдон надавил на большую желтую кнопку, и за стеклом под самым потолком вспыхнула батарея темно-красных ламп, превратив хранилище в светящийся багровый куб с темным лабиринтом полок.

"My God," Vittoria said, looking spooked. "Are we tanning or working?"	- Бог мой, - произнесла Виттория, - так мы будем загорать или работать?
"Parchment and vellum fades, so vault lighting is always done with dark lights."	- Пергамент под воздействием света обесцвечивается, поэтому все хранилища имеют приглушенное освещение.
"You could go mad in here."	- Да мы там просто свихнемся.
Or worse, Langdon thought, moving toward the vault's sole entrance.	Или даже хуже того, подумал Лэнгдон, подходя к единственному входу в стеклянный куб.
"A quick word of warning.	- Хочу вас предупредить.

Oxygen is an oxidant, so hermetic vaults contain very little of it.	Поскольку кислород является окислителем, его содержание в атмосфере хранилища существенно снижено.
It's a partial vacuum inside. Your breathing will feel strained."	В кубе соблюдается частичный вакуум, и ваше дыхание будет затруднено.
"Hey, if old cardinals can survive it."	- Не волнуйтесь. Если даже старцы кардиналы выдерживают эту атмосферу...
True, Langdon thought.	"Верно, - подумал Лэнгдон.
May we be as lucky.	- Может, и нам повезет".

The vault entrance was a single electronic revolving door.	В хранилище вела единственная вращающаяся дверь.

Langdon noted the common arrangement of four access buttons on the door's inner shaft, one accessible from each compartment.	В шахте двери ученый заметил четыре кнопки, по одной в каждом отсеке. Когда нажимали на кнопку, управляемая электроникой дверь приходила в движение.
When a button was pressed, the motorized door would kick into gear and make the conventional half rotation before grinding to a halt-a standard procedure to preserve the integrity of the inner atmosphere.	Совершив пол-оборота, она останавливалась в соответствии со стандартной процедурой сохранения постоянного атмосферного давления в помещении.

"After I'm in," Langdon said, "just press the button and follow me through.	- После того как я войду, - продолжал Лэнгдон, -нажмите на кнопку и следуйте за мной.
There's only eight percent humidity inside, so be prepared to feel some dry mouth."	Учтите, что влажность там не превышает восьми процентов, поэтому будьте готовы к появлению сухости во рту и горле.
Langdon stepped into the rotating compartment and pressed the button.	Лэнгдон зашел в открытую секцию и надавил на кнопку.
The door buzzed loudly and began to rotate.	Дверь издала громкий сигнал и начала вращаться.

As he followed its motion, Langdon prepared his body for the physical shock that always accompanied the first few seconds in a hermetic vault.	Следуя за двигающейся панелью, Лэнгдон готовил себя к шоку, который он всегда испытывал, оказываясь в помещении с пониженным атмосферным давлением.
Entering a sealed archive was like going from sea level to 20,000 feet in an instant.	Такое ощущение может испытать человек, мгновенно оказавшийся на высоте 20 000 футов.
Nausea and light headedness were not uncommon.	Столь резкий перепад давления довольно часто сопровождается легкой тошнотой и головокружением.

Double vision, double over, he reminded himself, quoting the archivist's mantra. Langdon felt his ears p°p.	"В глазах двоится, в ушах шумит", - вспомнил он присказку архивистов, ощутив хлопок в ушах.
There was a hiss of air, and the door spun to a stop.	Послышалось шипение, и дверь замерла.
He was in.	Он был в архиве.
Langdon's first realization was that the air inside was thinner than he had anticipated.	Воздух в кубе оказался даже более разреженным, чем он предполагал.

The Vatican, it seemed, took their archives a bit more seriously than most.	Похоже, что в Ватикане относились к своим архивам несколько бережнее, чем в большинстве других учреждений.
Langdon fought the gag reflex and relaxed his chest while his pulmonary capillaries dilated.	Лэнгдон поборол рефлекторное желание вдохнуть как можно глубже и замер.
The tightness passed quickly.	Капилляры его легких вскоре расширились, и напряжение сразу спало.
Enter the Dolphin, he mused, gratified his fifty laps a day were good for something.	"Превращаемся в дельфина", - сказал он себе, с благодарностью вспоминая те пятьдесят дистанций, которые он каждый день проплывал в бассейне. Выходит, он напрягался не зря.

Breathing more normally now, he looked around the vault.	Когда дыхание почти полностью восстановилось, Лэнгдон огляделся по сторонам.
Despite the transparent outer walls, he felt a familiar anxiety.	Несмотря на то что стены помещения были стеклянными, к нему вернулось привычное чувство тревоги.
I'm in a box, he thought.	"Я заперт в ящике, - думал он.
A blood red box.	- В кровавой красной коробке".
The door buzzed behind him, and Langdon turned to watch Vittoria enter.	За его спиной снова раздался сигнал, и Лэнгдон обернулся. В хранилище вошла Виттория.

When she arrived inside, her eyes immediately began watering, and she started breathing heavily.	Ее глаза сразу же начали слезиться, а дыхание стало тяжелым.
"Give it a minute," Langdon said. "If you get light headed, bend over."	- Потерпите минутку, - сказал Лэнгдон, - а если кружится голова, слегка наклонитесь.
"I... feel..." Vittoria choked, "like I'm... scuba diving... with the wrong... mixture."	- У... меня... - задыхаясь, начала Виттория, - у меня такое ощущение... что я ныряю с аквалангом... а баллоны заполнили не той газовой смесью.
Langdon waited for her to acclimatize.	Лэнгдон подождал, пока девушка придет в себя.
He knew she would be fine.	Он знал, что с ней все будет в полном порядке.

Vittoria Vetra was obviously in terrific shape, nothing like the doddering ancient Radcliffe alumnae Langdon had once squired through Widener Library's hermetic vault.	Виттория Ветра находилась в потрясающей физической форме и являла собой полную противоположность той престарелой выпускнице Редклифа, которую Лэнгдону пришлось спасать, делая ей искусственное дыхание методом "изо рта в рот".
The tour had ended with Langdon giving mouth to mouth to an old woman who'd almost aspirated her false teeth.	Случилось это, когда он знакомил старушку с архивным хранилищем Гарвардской библиотеки. Бедняга тогда едва не погибла, подавившись своей искусственной челюстью.
"Feeling better?" he asked.	- Ну как? - спросил американец. - Вам уже лучше?
Vittoria nodded.	Виттория утвердительно кивнула.

"I rode your damn space plane, so I thought I owed you."	- Мне пришлось лететь на вашем проклятом стратоплане, а долг, как известно, платежом красен.
This brought a smile. "Touch?."	- Сдаюсь, - с трудом выдавив улыбку, произнесла она.
Langdon reached into the box beside the door and extracted some white cotton gloves.	Лэнгдон запустил руку в стоящий у дверей ящик и извлек оттуда пару белых нитяных перчаток.
"Formal affair?" Vittoria asked.	- Разве нас ждет светский раут? - спросила Виттория.
"Finger acid.	- Все дело в кислоте, которая образуется на пальцах.

We can't handle the documents without them. You'll need a pair."	Мы не можем работать с документами без перчаток.

Vittoria donned some gloves. "How long do we have?"	- Сколько времени в нашем распоряжении? - спросила Виттория, также доставая из ящика перчатки.
Langdon checked his Mickey Mouse watch. "It's just past seven."	- Начало восьмого, - ответил Лэнгдон, взглянув на Микки-Мауса.
"We have to find this thing within the hour."	- Нам надо управиться здесь меньше чем за час.
"Actually," Langdon said, "we don't have that kind of time." He pointed overhead to a filtered duct.	- Честно говоря, даже этого времени у нас нет, - сказал Лэнгдон, указывая на прикрытый фильтром вентиляционный люк.

"Normally the curator would turn on a reoxygenation system when someone is inside the vault.	- Когда внутри куба находятся люди, смотритель обычно увеличивает подачу кислорода.
Not today.	Но сегодня этого не случится.
Twenty minutes, we'll both be sucking wind."	Через двадцать минут мы начнем задыхаться.
Vittoria blanched noticeably in the reddish glow.	Даже в красном свете было видно, как побледнела Виттория.
Langdon smiled and smoothed his gloves. "Substantiate or suffocate, Ms. Vetra.	- Итак, докажи или сдохни. Так, кажется, говорят у вас в ЦЕРНе, мисс Ветра? - усмехнулся Лэнгдон, разглаживая перчатки. - Поторопимся.

Mickey's ticking."	Микки-Маус продолжает тикать.
51	Глава 51
BBC reporter Gunther Glick stared at the cell phone in his hand for ten seconds before he finally hung up.	Прежде чем отключить связь, корреспондент Би-би-си Гюнтер Глик секунд десять тупо смотрел на зажатый в руке сотовый телефон.
Chinita Macri studied him from the back of the van.	Чинита Макри, сидя на заднем сиденье микроавтобуса, в свою очередь, внимательно изучала коллегу.
"What happened?	- Что случилось? - наконец спросила она.
Who was that?"	- Кто это был?

Glick turned, feeling like a child who had just received a Christmas gift he feared was not really for him.	Глик обернулся. Он ощущал себя ребенком, получившим такой рождественский подарок, на который совсем не рассчитывал.
"I just got a tip.	- Мне только что передали сногсшибательную информацию.
Something's going on inside the Vatican."	В Ватикане что-то происходит.
"It's called conclave," Chinita said.	- Эта штука называется конклав, - язвительно произнесла Чинита.
"Helluva tip."	- Разве до тебя еще не дошло?
"No, something else."	- Нет. Там творится что-то еще.
Something big.	Что-то очень необычное, думал он.

He wondered if the story the caller had just told him could possibly be true.	Неужели все то, что ему только что сообщил неизвестный, правда?

Glick felt ashamed when he realized he was praying it was.	Глик устыдился, осознав, что молится о том, чтобы слова информатора оказались правдой.
"What if I told you four cardinals have been kidnapped and are going to be murdered at different churches tonight."	- А что ты скажешь, если я тебе сообщу, что похищены четыре кардинала и что их сегодня вечером убьют в четырех различных церквях? -продолжил он.
"I'd say you're being hazed by someone at the office with a sick sense of humor."	- Я скажу, что тебе сумел заморочить голову какой-то придурок с извращенным чувством юмора.

"What if I told you we were going to be given the exact location of the first murder?"	- А как ты отреагируешь, если я скажу, что нам каждый раз будут сообщать точное место очередного убийства?
"I'd want to know who the hell you just talked to."	- Прежде я хочу знать, с кем ты, дьявол тебя побери, говорил?
"He didn't say."	- Он не представился.
"Perhaps because he's full of shit?"	- Возможно, потому, что вся его информация всего лишь воз дерьма.
Glick had come to expect Macri's cynicism, but what she was forgetting was that liars and lunatics had been Glick's business for almost a decade at the British Tattler.	Г лик нисколько не удивился столь резкой реакции со стороны коллеги. Но Чинита не учла, что, работая в "Британском сплетнике", он почти десять лет профессионально общался с врунами и психами.

This caller had been neither.	Звонивший сегодня, похоже, не относился ни к одной из этих категорий.
This man had been coldly sane. Logical.	Он говорил холодным голосом с заметным средиземноморским акцентом.
I will call you just before eight, the man had said, and tell you where the first killing will occur.	- Я позвоню вам около восьми, - сказал этот человек, - и сообщу, где произойдет первое убийство.
The images you record will make you famous.	Сцены, которые вы сможете запечатлеть, сделают вас знаменитым.

When Glick had demanded why the caller was giving him this information, the answer had been as icy as the man's Mideastern accent.	Когда Глик поинтересовался, почему с ним делятся этой информацией, он получил произнесенный ледяным тоном ответ:
The media is the right arm of anarchy.	- Средства массовой информации есть не что иное, как пособники анархии.
"He told me something else too," Glick said.	- Он мне еще кое-что сказал, - продолжал Глик.
"What?	- Что именно?
That Elvis Presley was just elected Pope?"	Неужели Элвиса Пресли только что избрали папой римским?

"Dial into the BBC database, will you?" Glick's adrenaline was pumping now.	- Тебя не затруднит связаться с электронной базой данных Би-би-си? - спросил он, чувствуя, как в кровь мощной струей поступает адреналин.
"I want to see what other stories we've run on these guys."	- Надо узнать, какой материал мы уже давали об этих парнях.

"What guys?"	- О каких парнях?
"Indulge me."	- Сделай, что я прошу.
Macri sighed and pulled up the connection to the BBC database.	Макри вздохнула и начала подключаться к базе данных.
"This'll take a minute."	- Это займет пару минут, - сказала она.

Glick's mind was swimming. "The caller was very intent to know if I had a cameraman."	- Звонивший очень хотел знать, есть ли у меня оператор, - сказал Глик. Голова у него шла кругом.
"Videographer."	- Человек с видеокамерой?
"And if we could transmit live."	- Да. И еще он спросил, сможем ли мы вести прямую передачу с места событий.
"One point five three seven megahertz.	- Сколько угодно. На частоте 1,537 МГц.
What is this about?"	Но в чем дело?
The database beeped.	- База данных дала сигнал о соединении.
"Okay, we're in.	- Готово.
Who is it you're looking for?"	Кого будем искать?

Glick gave her the keyword.	Глик назвал ей ключевое слово.
Macri turned and stared.	Макри внимательно посмотрела ему в глаза и пробормотала:
"I sure as hell hope you're kidding."	- Остается надеяться, что это всего лишь идиотская шутка.
52	Глава 52
The internal organization of Archival Vault 10 was not as intuitive as Langdon had hoped, and the Diagramma manuscript did not appear to be located with other similar Galilean publications.	Внутренняя организация хранилища №10 оказалась не столь упорядоченной, как надеялся Лэнгдон. "Диаграммы" среди других работ Галилея не оказалось.

Without access to the computerized Biblion and a reference locator, Langdon and Vittoria were stuck.	Без доступа к электронному каталогу "Библион" и не зная системы отсылок, Лэнгдон и Виттория оказались в тупике.
"You're sure Diagramma is in here?" Vittoria asked.	- Вы уверены, что "Диаграмма" должна находиться здесь? - спросила девушка.
"Positive.	- Абсолютно.
It's a confirmed listing in both the Uficcio della Propaganda delle Fede-"	Это подтверждают все письменные источники, включая Ufficcio della Propaganda delle Fede ...
"Fine.	- Ясно, - прервала его Виттория.
As long as you're sure."	- Будем искать, поскольку вы уверены...

She headed left, while he went right.	- С этими словами она двинулась налево, а Лэнгдон взял на себя правую сторону храни-лища.
Langdon began his manual search.	Ручной поиск оказал-ся страшно долгим де-лом.

He needed every bit of self restraint not to stop and read every treasure he passed. The collection was staggering.	Лэнгдону лишь с огром-ным трудом удавалось преодолевать соблазн углубиться в чтение со-кровищ, которые то и дело оказывались У него под рукой.

The Assay er... The Starry Messenger... The Sunspot Letters... Letter to the Grand Duchess Christina... Apologia pro Galileo... On and on.	"Опыты"... "Звездный вестник"... "Пробирщик"... "Письма о солнечных пятнах"... "Письмо великой герцогине Кристине"... "Апология Галилея"... И так далее и тому подобное...
It was Vittoria who finally struck gold near the back of the vault.	Удача досталась Виттории.
Her throaty voice called out, "Diagramma della Verit?!"	- "Diagramma della verita"! - услышал Лэнгдон взволнованный голос девушки.
Langdon dashed through the crimson haze to join her. "Where?"	- Г де? - спросил он и со всех ног бросился бежать через багровый полумрак.

Vittoria pointed, and Langdon immediately realized why they had not found it earlier.	Виттория показала на небольшой столик, и Лэнгдон понял, почему не смог найти книгу раньше.
The manuscript was in a folio bin, not on the shelves. Folio bins were a common means of storing unbound pages.	Она находилась не на полке, а лежала в нише, в так называемой folio bin - специальной твердой папке для хранения непереплетенных листов.
The label on the front of the container left no doubt about the contents.	Наклейка на корешке не оставляла никаких сомнений.
Diagramma Della Verit? Galileo Galilei, 1639	На ней значилось: DIAGRAMMA DELLA VERITA Galileo Galilei, 1639

Langdon dropped to his knees, his heart pounding.	Лэнгдон упал на колени, чувствуя, как бешено колотится сердце.
"Diagramma."	"Diagramma".
He gave her a grin. "Nice work.	- Отлично сработано, - сказал он, широко улыбаясь девушке.
Help me pull out this bin."	- Теперь помогите мне извлечь манускрипт из контейнера.
Vittoria knelt beside him, and they heaved.	Виттория опустилась рядом с ним на колени, и они вдвоем потянули за две выступающие рукоятки.
The metal tray on which the bin was sitting rolled toward them on castors, revealing the top of the container.	Металлический лоток, на котором покоился контейнер, был снабжен роликами и выкатился безо всяких усилий с их стороны.

"No lock?" Vittoria said, sounding surprised at the simple latch.	- Никакого замка? - удивилась Виттория.
"Never.	- Ценные архивные материалы никогда не запираются на ключ.
Documents sometimes need to be evacuated quickly.	В любой момент может возникнуть необходимость в экстренной эвакуации.
Floods and fires."	В случае пожара или наводнения, например.
"So open it."	- Тогда открывайте.

Langdon didn't need any encouragement.	Лэнгдону не надо было повторять дважды.

With his academic life's dream right in front of him and the thinning air in the chamber, he was in no mood to dawdle.	Всю свою жизнь ученого он мечтал о том, чтобы взглянуть на этот манускрипт. Разреженная атмосфера хранилища тоже заставляла спешить.
He unsnapped the latch and lifted the lid.	Лэнгдон расстегнул защелку и поднял крышку.
Inside, flat on the floor of the bin, lay a black, duck cloth pouch.	На дне контейнера лежала весьма простого вида сумка из черной парусины.
The cloth's breathability was critical to the preservation of its contents.	Способность этой грубой ткани пропускать воздух была жизненно необходима для сохранности материалов.

Reaching in with both hands and keeping the pouch horizontal, Langdon lifted it out of the bin.	Лэнгдон подсунул обе руки под сумку и поднял ее, стараясь держать горизонтально.
"I expected a treasure chest," Vittoria said.	- А я-то думала, что увижу по меньшей мере ларец для хранения сокровищ, - заметила Виттория.
"Looks more like a pillowcase."	- А эта штука, по-моему, больше всего смахивает на чехол для подушки.
"Follow me," he said. Holding the bag before him like a sacred offering, Langdon walked to the center of the vault where he found the customary glass topped archival exam table.	- Идите за мной, - сказал Лэнгдон и направился к центру хранилища, где находился стандартный архивный стол со стеклянной столешницей.

Although the central location was intended to minimize in vault travel of documents, researchers appreciated the privacy the surrounding stacks afforded.	Расположение стола до минимума сокращало расстояние, на которое перемещались документы, и, кроме того, обеспечивало исследователям возможность уединения.
Career making discoveries were uncovered in the top vaults of the world, and most academics did not like rivals peering through the glass as they worked.	Жаждавшим новых открытий ученым не нравилось, когда соперники имели возможность смотреть на их работу сквозь стеклянные стены куба.

Langdon lay the pouch on the table and unbuttoned the opening.	А стоящий в центре помещения стол не был виден снаружи, так как со всех сторон его окружали стеллажи с документами. Держа сумку перед собой, словно бесценную реликвию, Лэнгдон подошел к столу, положил драгоценный груз на блестящую поверхность и расстегнул пуговицы клапана.
Vittoria stood by.	Виттория стояла рядом и наблюдала за священнодействиями американца.

Rummaging through a tray of archivist tools, Langdon found the felt pad pincers archivists called finger cymbals- oversized tweezers with flattened disks on each arm.	Порывшись в металлической корзине с архивными принадлежностями, Лэнгдон извлек из нее нечто похожее на плоскогубцы с губами в форме больших, подбитых фетром дисков. Архивисты именуют эти щипцы-переростки "тарелочками для пальцев".

As his excitement mounted, Langdon feared at any moment he might awake back in Cambridge with a pile of test papers to grade.	Волнение Лэнгдона нарастало с каждым моментом. Ему казалось, что это всего лишь сон и он вот-вот проснется в Кембридже, чтобы приступить к проверке горы экзаменационных работ.

Inhaling deeply, he opened the bag. Fingers trembling in their cotton gloves, he reached in with his tongs.	Лэнгдон набрал полную грудь воздуха, открыл сумку и затянутыми в белые перчатки дрожащими пальцами потянулся к щипцам.
"Relax," Vittoria said.	- Успокойтесь, - сказала Виттория.
"It's paper, not plutonium."	- Это же всего лишь бумага, а не плутоний.
Langdon slid the tongs around the stack of documents inside and was careful to apply even pressure.	Тщательно рассчитывая силу захвата, он зажал пачку листков между покрытыми фетром дисками и извлек их из сумки.

Then, rather than pulling out the documents, he held them in place while he slid off the bag-an archivist's procedure for minimizing torque on the artifact.	Действовал он при этом, как опытный архивист. Чтобы снизить до минимума возможность повреждения документа, ученый, вместо того чтобы вынуть листы из сумки, осторожно стянул с них сумку, удерживая драгоценную пачку на месте.
Not until the bag was removed and Langdon had turned on the exam darklight beneath the table did he begin breathing again.	Лишь после того, как манускрипт полностью был извлечен и загорелась расположенная под столом неяркая подсветка, Лэнгдон снова позволил себе дышать.
Vittoria looked like a specter now, lit from below by the lamp beneath the glass.	В этом необычном освещении Виттория была похожа на призрак.

"Small sheets," she said, her voice reverent.	- Совсем небольшие листки, - произнесла она с благоговейным трепетом в голосе.
Langdon nodded.	Лэнгдон лишь кивнул в ответ.
The stack of folios before them looked like loose pages from a small paperback novel.	Пачка лежащих перед ним страниц внешне напоминала сильно потрепанный детективный роман в бумажной обложке.
Langdon could see that the top sheet was an ornate pen and ink cover sheet with the title, the date, and Galileo's name in his own hand.	Титульный лист манускрипта служил своеобразной обложкой. На нем располагались нарисованный тушью сложный орнамент, название труда, дата и имя автора. Последнее было начертано рукой самого Галилея.

In that instant, Langdon forgot the cramped quarters, forgot his exhaustion, forgot the horrifying situation that had brought him here.	В этот миг Лэнгдон забыл обо всем: тесноте лишенного кислорода помещения, об усталости и о тех ужасающих обстоятельствах, которые привели его сюда.
He simply stared in wonder.	Он в немом восхищении смотрел на рукопись.
Close encounters with history always left Langdon numbed with reverence... like seeing the brushstrokes on the Mona Lisa.	В те моменты, когда ему выпадало счастье прикоснуться к живой истории, ученый всегда терял дар речи. Наверное, он испытал бы такое же чувство, следя за тем, как гений наносит последние мазки на портрет Моны Лизы.

The muted, yellow papyrus left no doubt in Langdon's mind as to its age and authenticity, but excluding the inevitable fading, the document was in superb condition.	Вид пожелтевшего, слегка выцветшего папируса не оставлял сомнений в его древности и подлинности. Но если исключить признаки неизбежного старения, то документ находился в превосходном состоянии.
Slight bleaching of the pigment. Minor sundering and cohesion of the papyrus. But all in all... in damn fine condition.	Легкое обесцвечивание пигмента... небольшая потертость папируса... но в целом... чертовски хорошее состояние, отметил про себя Лэнгдон.
He studied the ornate hand etching of the cover, his vision blurring in the lack of humidity.	Когда он принялся внимательно изучать надписи на титульном листе, его глаза от недостатка влажности стали слезиться.

Vittoria was silent.	Все это время Виттория хранила молчание.
"Hand me a spatula, please." Langdon motioned beside Vittoria to a tray filled with stainless steel archival tools.	- Передайте, пожалуйста, лопаточку, - сказал Лэнгдон, махнув рукой в сторону находящегося рядом с девушкой лотка с архивными инструментами.
She handed it to him. Langdon took the tool in his hand.	Виттория нашла и протянула ему лопатку из нержавеющей стали.
It was a good one.	Инструмент оказался первоклассным.

He ran his fingers across the face to remove any static charge and then, ever so carefully, slid the blade beneath the cover. Then, lifting the spatula, he turned over the cover sheet.	Лэнгдон провел по нему пальцами, чтобы снять остатки статического электричества, а затем с чрезвычайной осторожностью подвел плоскость лопатки под заглавный лист.
The first page was written in longhand, the tiny, stylized calligraphy almost impossible to read.	Первая страница была написана от руки мелким каллиграфическим почерком, разобрать который было почти невозможно.
Langdon immediately noticed that there were no diagrams or numbers on the page.	Лэнгдон сразу заметил, что ни диаграмм, ни цифр в тексте не было.
It was an essay.	Перед ним находилось самое обычное эссе.

"Heliocentricity," Vittoria said, translating the heading on folio one. She scanned the text. "Looks like Galileo renouncing the geocentric model once and for all.	- Гелиоцентризм, - перевела Виттория заголовок на первой странице и, пробежав глазами текст, добавила: - Похоже, что Галилей здесь окончательно отказывается от геоцентрической модели.
Ancient Italian, though, so no promises on the translation."	Но все это на старом итальянском, и у меня могут возникнуть сложности с переводом.
"Forget it," Langdon said.	- Забудьте о переводе, - сказал Лэнгдон.
"We're looking for math.	- Нам нужны цифры.
The pure language."	Нужен "чистый язык".
He used the spatula tool to flip the next page. Another essay.	Он перевернул первую страницу и увидел еще одно эссе.

No math or diagrams.	Ни цифр, ни диаграмм.
Langdon's hands began to sweat inside his gloves.	Американец почувствовал, как под перчатками начали потеть руки.

"Movement of the Planets," Vittoria said, translating the title.	- Эссе называется "Движение планет", - сказала Виттория.
Langdon frowned.	Лэнгдон недовольно поморщился.
On any other day, he would have been fascinated to read it; incredibly NASA's current model of planetary orbits, observed through high powered telescopes, was supposedly almost identical to Galileo's original predictions.	В иных обстоятельствах он с восторгом прочитал бы это сочинение, в котором Г алилей приходил к заключениям, которые мало чем отличались от расчетов НАСА, сделанных в наше время с помощью новейших телескопов.

"No math," Vittoria said.	- Никакой математики, - сокрушенно заметила Виттория.
"He's talking about retrograde motions and elliptical orbits or something."	- Автор толкует об обратном движении, эллиптических орбитах и о чем-то еще в таком же духе.
Elliptical orbits.	Эллиптические орбиты.
Langdon recalled that much of Galileo's legal trouble had begun when he described planetary motion as elliptical.	Лэнгдон вспомнил, что самые большие неприятности у Галилея начались после того, как он заявил, что планеты совершают движение по эллипсу.

The Vatican exalted the perfection of the circle and insisted heavenly motion must be only circular.	Ватикан, считая совершенством лишь круг, настаивал на том, что небесные сферы могут вращаться только строго по циркулю.
Galileo's Illuminati, however, saw perfection in the ellipse as well, revering the mathematical duality of its twin foci.	Иллюминаты видели совершенство также и в эллипсе, преклоняясь перед математическим дуализмом двух его фокусов.
The Illuminati's ellipse was prominent even today in modern Masonic tracing boards and footing inlays.	Отголосок этого и сейчас можно встретить в некоторых символах масонов.
"Next," Vittoria said.	- Давайте следующую, - сказала Виттория.

Langdon flipped.	Лэнгдон перевернул страницу.
"Lunar phases and tidal motion," she said. "No numbers. No diagrams."	- Лунные фазы и движение приливов, - перевела девушка и добавила: - Снова ни цифр, ни диаграмм.
Langdon flipped again.	Лэнгдон перевернул еще страницу.
Nothing.	Опять ничего.
He kept flipping through a dozen or so pages.	Стал листать страницы без остановки.
Nothing.	Ничего.
Nothing.	Ничего.
Nothing.	Ничего.

"I thought this guy was a mathematician," Vittoria said. "This is all text."	- Я считала этого парня математиком, - заметила Виттория, - а здесь ни единой цифры.
Langdon felt the air in his lungs beginning to thin.	Лэнгдон уже начинал ощущать нехватку кислорода.
His hopes were thinning too.	Надежды его тоже постепенно сходили на нет.

The pile was waning.	Количество непросмотренных страниц катастрофически уменьшалось.
"Nothing here," Vittoria said.	- Итак, ничего, - сказала Виттория, когда осталась одна страница.
"No math.	- Никакой математики.

A few dates, a few standard figures, but nothing that looks like it could be a clue."	Несколько дат. Парастройка обычных цифр и никакого намека на ключ к загадке.
Langdon flipped over the last folio and sighed.	Лэнгдон посмотрел на листок и вздохнул.
It, too, was an essay.	Это было очередное эссе.
"Short book," Vittoria said, frowning.	- Ужасно короткая книга, - заметила девушка.
Langdon nodded.	Лэнгдон кивнул, соглашаясь.
"Merda, as we say in Rome."	- Merda, как говорят в Риме.
Shit is right, Langdon thought.	Да, действительно, дело - полное дерьмо, подумал Лэнгдон.

His reflection in the glass seemed mocking, like the image staring back at him this morning from his bay window.	Ему показалось, что его отражение состроило издевательскую гримасу, примерно такую, какую он увидел сегодня утром в окне своего дома.
An aging ghost.	Какой-то престарелый призрак, сказал он про себя, а вслух произнес:
"There's got to be something," he said, the hoarse desperation in his voice surprising him.	- Нет. Здесь обязательно должно что-то быть.
"The segno is here somewhere.	В тексте должен находиться segno.
I know it!"	- Голос его звучал хрипло, и в нем слышались нотки отчаяния. - Указание где-то здесь. Я в этом уверен.

"Maybe you were wrong about DIII?"	- Может быть, ваши умозаключения по поводу DIII оказались ошибочными?
Langdon turned and stared at her.	Лэнгдон медленно повернулся и окинул ее весьма суровым взглядом.
"Okay," she agreed, "DIII makes perfect sense.	- О'кей, - поправилась девушка. - Ваш вывод о DIII имеет смысл.
But maybe the clue isn't mathematical?"	Но может быть, ключ не имеет отношения к математике?
"Lingua pura.	- Lingua pura.
What else would it be?"	Чем еще это может быть?
"Art?"	- Это может относиться к искусству, например.

"Except there are no diagrams or pictures in the book."	- С этим можно было бы согласиться, если бы в книге были иллюстрации. Но их, увы, здесь нет.
"All I know is that lingua pura refers to something other than Italian.	- Я уверена лишь в том, что термин lingua pura не имеет отношения к итальянскому языку.
Math just seems logical."	Математика представляется наиболее логичной.

"I agree."	- Согласен.
Langdon refused to accept defeat so quickly. "The numbers must be written longhand. The math must be in words rather than equations."	И числа могут быть записаны не уравнениями, а словами. Сдаваться так просто он не хотел.

"It'll take some time to read all the pages."	- Но на то, чтобы прочитать все страницы, уйдет много времени.
"Time's something we don't have.	- Времени, которого у нас нет.
We'll have to split the work."	Нам следует разделить манускрипт.
Langdon flipped the stack back over to the beginning.	- Лэнгдон вернул пачку листков в первоначальное положение.
"I know enough Italian to spot numbers."	- Для того чтобы заметить числа, моих познаний в итальянском вполне достаточно.
Using his spatula, he cut the stack like a deck of cards and lay the first half dozen pages in front of Vittoria.	- При помощи лопатки он разделил страницы, словно колоду карт, и положил десяток листков перед Витторией.

"It's in here somewhere.	- Указание где-то здесь.
I'm sure."	Я в этом уверен.
Vittoria reached down and flipped her first page by hand.	Виттория взяла в руки первую страницу.
"Spatula!" Langdon said, grabbing her an extra tool from the tray.	- Лопатка! - возопил Лэн- гдон, хватая с лотка вто- рой инструмент.
"Use the spatula."	- Используйте лопатку.
"I'm wearing gloves," she grumbled.	- Я же в перчатках, - про- ворчала девушка.
"How much damage could I cause?"	- Как, по-вашему, я могу испортить рукопись?
"Just use it."	- Ну пожалуйста...
Vittoria picked up the spatula.	Виттория взяла у него лопатку и спросила:

"You feeling what I'm feeling?"	- Интересно, испытываете ли вы те же ощущения, что и я?
"Tense?"	- Напряжение и волнение?
"No.	- Нет.
Short of breath."	Всего лишь нехватку воздуха.
Langdon was definitely starting to feel it too.	У Лэнгдона тоже совершенно определенно начиналось кислородное голодание.
The air was thinning faster than he had imagined.	Воздух стал непригодным для дыхания гораздо скорее, чем он ожидал.
He knew they had to hurry.	Следовало торопиться.

Archival conundrums were nothing new for him, but usually he had more than a few minutes to work them out.	Ему и прежде не раз приходилось сталкиваться с архивными загадками, но тогда для их решения в его распоряжении было значительно больше времени, чем несколько минут.

Without another word, Langdon bowed his head and began translating the first page in his stack.	Не говоря ни слова, Лэнгдон склонился над манускриптом и жадно впился глазами в текст в поисках знака.
Show yourself, damn it!	Ну покажись же.
Show yourself!	Покажись, будь ты проклят!
53	Глава 53

Somewhere beneath Rome the dark figure prowled down a stone ramp into the underground tunnel.	А в это время в один из подземных тоннелей Рима по каменной лестнице спускалась темная фигура.
The ancient passageway was lit only by torches, making the air hot and thick.	Древний коридор освещали лишь факелы, отчего воздух в нем стал горячим и плотным.
Up ahead the frightened voices of grown men called out in vain, echoing in the cramped spaces.	В тоннеле слышались испуганные голоса. Это были отчаянные, полные ужаса призывы о помощи. Отражаясь эхом от стен, они заполняли все тесное подземное пространство.

As he rounded the corner he saw them, exactly as he had left them-four old men, terrified, sealed behind rusted iron bars in a stone cubicle.	Завернув за угол, он увидел их. Увидел точно в таком же положении, в котором незадолго до этого оставил. Четырех умирающих от ужаса старцев в крошечной каменной камере за решеткой из ржавых металлических прутьев.
"Qui ?tes vous?" one of the men demanded in French.	- Qui etes-vous ? - спросил один из них по-французски.
"What do you want with us?"	- Чего вы от нас хотите?
"Hilfe!" another said in German.	- Hilfe ! - выкрикнул другой по-немецки.
"Let us go!"	- Освободите нас!

"Are you aware who we are?" one asked in English, his accent Spanish.	- Вам известно, кто мы такие? - спросил третий по-английски с заметным испанским акцентом.
"Silence," the raspy voice commanded. There was a finality about the word.	- Молчать! - скомандовал скрипучий голос, и в этом слове можно было услышать последний, не подлежащий обжалованию приговор.
The fourth prisoner, an Italian, quiet and thoughtful, looked into the inky void of his captor's eyes and swore he saw hell itself.	Четвертый пленник, итальянец, молча смотрел в черную пустоту глаз тюремщика, и ему казалось, что в них ему открывается сам ад.
God help us, he thought.	"Да хранит нас Господь", - подумал он.

The killer checked his watch and then returned his gaze to the prisoners.	Убийца посмотрел на часы, а затем перевел взгляд на пленников.
"Now then," he said. "Who will be first?"	- Итак, - сказал он, - кто же из вас будет первым?
54	Глава 54
Inside Archive Vault 10 Robert Langdon recited Italian numbers as he scanned the calligraphy before him.	А в недрах хранилища №10 Роберт Лэнгдон повторял в уме итальянские числительные, вглядываясь в почти неразборчивый текст.
Mille... centi... uno, duo, tre... cincuanta.	Mille... cento... uno, duo, tre... cinquanta .
I need a numerical reference!	Надо найти хоть какое-нибудь число.

Anything, damnit!	Любое, будь оно проклято!

When he reached the end of his current folio, he lifted the spatula to flip the page.	Закончив просмотр, Лэнгдон взял лопатку, чтобы перевернуть страницу.
As he aligned the blade with the next page, he fumbled, having difficulty holding the tool steady.	Поднося инструмент к пачке листков, он почувствовал, как дрожат его пальцы.
Minutes later, he looked down and realized he had abandoned his spatula and was turning pages by hand.	Еще через минуту он вдруг увидел, что перелистывает страницы руками.

Oops, he thought, feeling vaguely criminal. The lack of oxygen was affecting his inhibitions.	Недостаток кислорода начинал влиять на его поведение. "Вот это да, - подумал он, ощущая себя преступником.
Looks like I'll burn in archivist's hell.	- Гореть мне в аду для архивистов!"
"About damn time," Vittoria choked when she saw Langdon turning pages by hand. She dropped her spatula and followed suit.	- Давно пора, - сказала Виттория и, увидев, что ее спутник перешел к ручной обработке рукописи, отложила в сторону лопатку.
"Any luck?" Vittoria shook her head.	- Есть что-нибудь? - с надеждой спросил Лэнгдон.
"Nothing that looks purely mathematical.	- Ничего похожего на математику, - покачала головой Виттория.

I'm skimming... but none of this reads like a clue."	- Я понимаю, что скольжу по поверхности, не вникая в текст, но ничего даже отдаленно похожего на ключ не вижу.
Langdon continued translating his folios with increasing difficulty.	Перевод каждой очередной страницы давался со все большим трудом.
His Italian skills were rocky at best, and the tiny penmanship and archaic language was making it slow going.	Степень его владения итальянским языком, мягко говоря, оставляла желать лучшего, а мелкий шрифт и архаичные обороты речи сильно осложняли работу.

Vittoria reached the end of her stack before Langdon and looked disheartened as she flipped the pages back over. She hunkered down for another more intense inspection.	Виттория, справившись со своей порцией листков значительно раньше Лэнгдона, печально следила за тем, как тот переворачивает страницы.
When Langdon finished his final page, he cursed under his breath and looked over at Vittoria. She was scowling, squinting at something on one of her folios.	Покончив с последней страницей, американец выругался себе под нос и посмотрел на девушку, которая в тот момент внимательно изучала листок, держа его перед самыми глазами.
"What is it?" he asked.	- Что вы там увидели? - поинтересовался он.

Vittoria did not look up. "Did you have any footnotes on your pages?"	- А вам не попадались сноски? - в свою очередь, спросила та, не отрывая взгляда от рукописи.
"Not that I noticed.	- Не замечал.
Why?"	Почему это вас интересует?
"This page has a footnote.	- На этой странице есть одна.
It's obscured in a crease."	Сноска едва заметна, так как оказалась на самом сгибе.
Langdon tried to see what she was looking at, but all he could make out was the page number in the upper right hand corner of the sheet.	Лэнгдон вытянул шею, чтобы посмотреть, о чем говорит Виттория, но не увидел ничего, кроме номера страницы в правом верхнем углу листка.

Folio 5.	"Том №5" - было начертано там.
It took a moment for the coincidence to register, and even when it did the connection seemed vague.	На то, чтобы заметить совпадение, ученому потребовалось несколько секунд. Но, даже уловив его, он решил, что догадка выглядит притянутой за уши.
Folio Five.	Том № 5.
Five, Pythagoras, pentagrams, Illuminati.	Пять. Пентаграмма. Сообщество "Иллюминати".
Langdon wondered if the Illuminati would have chosen page five on which to hide their clue.	"Неужели иллюминаты решили поместить ключ на пятой странице?" - думал американец.

Through the reddish fog surrounding them, Langdon sensed a tiny ray of hope.	В окружающем их красном тумане, казалось, мелькнул слабый лучик надежды.
"Is the footnote mathematical?"	- Есть ли в сноске какие-нибудь цифры?
Vittoria shook her head. "Text.	- Нет. Только текст.
One line.	Одна строка.
Very small printing.	Очень мелкая печать.
Almost illegible."	Почти неразличимая.
His hopes faded.	Вспыхнувшая было надежда сразу погасла.
"It's supposed to be math.	- Это должна быть математика, - упавшим голосом сказал он.
Lingua pura."	- Lingua pura.

"Yeah, I know." She hesitated.	- Знаю, - неуверенно согласилась она.
"I think you'll want to hear this, though."	- Однако думаю, что вам следует это услышать.
Langdon sensed excitement in her voice.	Теперь в ее голосе слышалось волнение.
"Go ahead."	- Давайте.
Squinting at the folio, Vittoria read the line.	Вглядываясь в листок, Виттория прочитала:
"The path of light is laid, the sacred test."	- Уже сияет свет; сомненья позабудь...
The words were nothing like what Langdon had imagined.	Таких слов Лэнгдон совсем не ждал.
"I'm sorry?"	- Простите, что?

Vittoria repeated the line. "The path of light is laid, the sacred test."	- Уже сияет свет; сомненья позабудь... - повторила Виттория.
"Path of light?" Langdon felt his posture straightening.	- Уже сияет свет? - вдруг выпрямившись во весь рост, спросил Лэнгдон.
"That's what it says.	- Да, здесь так и сказано:
Path of light."	"Уже сияет свет..."
As the words sank in, Langdon felt his delirium pierced by an instant of clarity.	Значение этих слов наконец дошло до него.
The path of light is laid, the sacred test.	Уже сияет свет...

He had no idea how it helped them, but the line was as direct a reference to the Path of Illumination as he could imagine.	Это прямо указывает на Путь просвещения, на Тропу света, подумал он.
Path of light. Sacred test. His head felt like an engine revving on bad fuel.	Мысли сбивались, и ему казалось, что его голова работает как двигатель на плохом бензине.
"Are you sure of the translation?"	- А вы уверены в точности перевода?
Vittoria hesitated. "Actually..." She glanced over at him with a strange look. "It's not technically a translation.	- Вообще-то, - сказала Виттория, глядя на него как-то странно, - это, строго говоря, вовсе не перевод.

The line is written in English."	Строка написана по-английски.
For an instant, Langdon thought the acoustics in the chamber had affected his hearing.	На какую-то долю секунду Лэнгдону показалось, что акустика хранилища повлияла на его слух.
"English?"	- По-английски?
Vittoria pushed the document over to him, and Langdon read the minuscule printing at the bottom of the page.	Виттория поднесла листок к его глазам, и в самой нижней его части Лэнгдон увидел строку:
"The path of light is laid, the sacred test.	- Уже сияет свет; сомненья позабудь...
English?	Английский?!

What is English doing in an Italian book?"	Как могла попасть написанная по-английски фраза в итальянскую книгу?
Vittoria shrugged.	Виттория в ответ лишь пожала плечами.
She too was looking tipsy.	От недостатка кислорода она тоже начинала чувствовать нечто похожее на опьянение.
"Maybe English is what they meant by the lingua pura?	- Может быть, они считали английский язык этим самым lingua pura?
It's considered the international language of science.	Английский считается интернациональным языком науки.
It's all we speak at CERN."	Во всяком случае, в ЦЕРНе все общаются между собой только по-английски.

"But this was in the 1600s," Langdon argued.	- Но в семнадцатом веке дело обстояло совсем по-иному, - не согласился с ней Лэнгдон.
"Nobody spoke English in Italy, not even-" He stopped short, realizing what he was about to say. "Not even... the clergy."	- В Италии на этом языке не говорил никто, даже... - он замер, осознав смысл того, что собирается произнести, - ...даже служители церкви.
Langdon's academic mind hummed in high gear.	- Теперь его мозг ученого работал на полных оборотах.
"In the 1600s," he said, talking faster now, "English was one language the Vatican had not yet embraced.	- В 1600-х годах, - Лэнгдон стал говорить гораздо быстрее, - английский был единственным языком, который оставался вне интересов Ватикана.

They dealt in Italian, Latin, German, even Spanish and French, but English was totally foreign inside the Vatican.	Клир общался на итальянском, немецком, испанском и даже французском, однако английский оставался Ватикану абсолютно чуждым.

They considered English a polluted, free thinkers language for profane men like Chaucer and Shakespeare."	Церковники считали его испорченным языком вольнодумцев и таких нечестивцев, как Чосер и Шекспир.
Langdon flashed suddenly on the Illuminati brands of Earth, Air, Fire, Water.	Лэнгдон неожиданно вспомнил о четырех клеймах братства "Иллюминати".

The legend that the brands were in English now made a bizarre kind of sense.	Леген- да о том, что клейма представляли собой отлитые из металла английские слова "Земля", "Огонь", "Воздух" и "Вода", наполнялась новым и совершенно неожиданным смыслом.
"So you're saying maybe Galileo considered English la lingua pura because it was the one language the Vatican did not control?"	- Значит, вы полагаете, что Галилей мог считать английский язык lingua pura потому, что им не владели в Ватикане?
"Yes.	- Да.

Or maybe by putting the clue in English, Galileo was subtly restricting the readership away from the Vatican."	Или, может быть, Галилей таким образом просто хотел ограничить число читателей.
"But it's not even a clue," Vittoria argued.	- Но я не вижу здесь никакого ключа, - возразила Виттория.
"The path of light is laid, the sacred test?	- Уже сияет свет, сомненья позабудь...
What the hell does that mean?"	Что, черт побери, это должно означать?
She's right, Langdon thought. The line didn't help in any way.	"Она права, - подумал Лэнгдон, - эта строка нам ничем не помогла".
But as he spoke the phrase again in his mind, a strange fact hit him.	Но, повторив фразу в уме, он вдруг заметил в ней нечто необычное.

Now that's odd, he thought.	Любопытно, подумал он.
What are the chances of that?	Неужели это правда?
"We need to get out of here," Vittoria said, sounding hoarse.	- Нам надо уходить отсюда, - хриплым голосом произнесла Виттория.
Langdon wasn't listening.	Но Лэнгдон ее не слышал.
The path of light is laid, the sacred test.	"Уже сияет свет; сомненья позабудь", - снова и снова повторял он про себя.
"It's a damn line of iambic pentameter," he said suddenly, counting the syllables again.	- Но это же чистый ямб, черт побери! -воскликнул он, еще раз подсчитав ударения.

"Five couplets of alternating stressed and unstressed syllables." Vittoria looked lost. "Iambic who?" For an instant Langdon was back at Phillips Exeter Academy sitting in a Saturday morning English class.	На какой-то миг Лэнгдон словно оказался на уроке английского языка в Академии Филипс Экзетер.
Hell on earth. The school baseball star, Peter Greer, was having trouble remembering the number of couplets necessary for a line of Shakespearean iambic pentameter.	Этот урок запомнился ему страданиями звезды школьной бейсбольной команды Питера Креера. Парень потел, пытаясь назвать количество ударных слогов в пентаметре Шекспира.

Their professor, an animated schoolmaster named Bissell, leapt onto the table and bellowed,	Учитель, он же директор школы, по имени Бассел, вскочив от негодования на стол, ревел:
"Penta meter, Greer!	- Пентаметр, Креер! Пен-та-метр!!!

Think of home plate!	Припомни форму домашней базы на бейсбольном поле!
A penta gon!	Сколько углов у Пентагона?! Не помнишь? Так я тебе подскажу.
Five sides!	У Пентагона пять углов!
Penta!	Пента!
Penta!	Пента!!
Penta!	Пента!!!

Jeeeesh!"	Боже мой...
Five couplets, Langdon thought.	Пять двустиший, думал Лэнгдон.
Each couplet, by definition, having two syllables.	Каждое из двустиший, по определению, имеет два слога.
He could not believe in his entire career he had never made the connection. Iambic pentameter was a symmetrical meter based on the sacred Illuminati numbers of 5 and 2!	Как он за всю свою многолетнюю карьеру ученого не мог догадаться, что пятистопный ямб скрывает в себе священное число иллюминатов? Пять и два!
You're reaching!	"Ты выдаешь желаемое за действительное, -убеждал себя Лэнгдон.

Langdon told himself, trying to push it from his mind.	- Пытаешься совместить несовместимое.
A meaningless coincidence!	Это всего лишь совпадение".
But the thought stuck. Five... for Pythagoras and the pentagram. Two... for the duality of all things.	Однако в мозгу продолжали крутиться слова: пять... пентаграмма... два... двойственная природа вещей.
A moment later, another realization sent a numbing sensation down his legs.	Но уже через миг ему на ум пришло еще одно соображение.
Iambic pentameter, on account of its simplicity, was often called "pure verse" or "pure meter."	Он вспомнил, что ямб в силу его простоты часто именуют "чистым стихом" или "чистым размером".

La lingua pura?	Неужели это и есть та lingua pura, которую они безуспешно ищут?
Could this have been the pure language the Illuminati had been referring to?	Может быть, это и есть тот чистый язык, о котором говорили иллюминаты?
The path of light is laid, the sacred test...	Уже сияет свет; сомненья позабудь...
"Uh oh," Vittoria said.	- Ого... - услышал он за своей спиной.
Langdon wheeled to see her rotating the folio upside down.	Лэнгдон обернулся и увидел, что Виттория вертит в руках листок, пытаясь рассмотреть его с разных сторон.
He felt a knot in his gut.	У него снова похолодело сердце.
Not again.	Неужели еще что-то?

"There's no way that line is an ambigram!"	- Амбиграммой это быть никак не может, - сказал он.

"No, it's not an ambigram... but it's..." She kept turning the document, 90 degrees at every turn.	- Нет... Это вовсе не амбиграмма, но здесь... - Девушка продолжала крутить листок.
"It's what?"	- Что еще?
Vittoria looked up. "It's not the only line."	- Это не единственная строка.
"There's another?"	- Неужели есть и другие?
"There's a different line on every margin.	- По одной на каждом поле.

Top, bottom, left, and right. I think it's a poem." "Four lines?" Langdon bristled with excitement. Galileo was a poet? "Let me see!" Vittoria did not relinquish the page. She kept turning the page in quarter turns.	На верхнем, нижнем, правом и левом, - говорила она, поворачивая каждый раз листок на девяносто градусов.
"I didn't see the lines before because they're on the edges."	- Я их вначале не заметила, поскольку они расположены у самого края.
She cocked her head over the last line.	Она склонила голову, прочитала последнюю строку и сказала:
"Huh. You know what? Galileo didn't even write this."	- А вы знаете, это написано не Галилеем.
"What!"	- Что?!

"The poem is signed John Milton."	- Здесь стоит подпись: "Джон Мильтон" .
"John Milton?"	- Джон Мильтон?!
The influential English poet who wrote Paradise Lost was a contemporary of Galileo's and a savant who conspiracy buffs put at the top of their list of Illuminati suspects.	Этот знаменитый английский поэт и ученый был современником Галилея, и многие исследователи считали, что он в то время принадлежал к высшему эшелону ордена "Иллюминати".
Milton's alleged affiliation with Galileo's Illuminati was one legend Langdon suspected was true.	Лэнгдон разделял точку зрения тех, кто считал эту легенду о Мильтоне правдой.

Not only had Milton made a well documented 1638 pilgrimage to Rome to "commune with enlightened men," but he had held meetings with Galileo during the scientist's house arrest, meetings portrayed in many Renaissance paintings, including Annibale Gatti's famous Galileo and Milton, which hung even now in the IMSS Museum in Florence.	Паломничество поэта в Рим в 1638 году с целью "встречи с просвещенными людьми" имело документальное подтверждение. Он встречался с Галилеем, когда тот находился под домашним арестом, и об этой встрече свидетельствует находящаяся сейчас во Флоренции картина позднего Ренессанса. Этот шедевр кисти Аннибала Гатти носит название "Галилей и Мильтон".
"Milton knew Galileo, didn't he?" Vittoria said, finally pushing the folio over to Langdon.	- Ведь Мильтон был знаком с Галилеем, не так ли? - спросила Виттория.

"Maybe he wrote the poem as a favor?"	- Может быть, он и сочинил этот стих по просьбе ученого?
Langdon clenched his teeth as he took the sheathed document. Leaving it flat on the table, he read the line at the top.	Лэнгдон, стиснув зубы, взял документ из рук девушки, положил его на стол и впился взглядом в верхнюю кромку страницы.
Then he rotated the page 90 degrees, reading the line in the right margin.	Затем он повернул его на девяносто градусов и прочитал строку на правом поле.

Another twist, and he read the bottom. Another twist, the left.	Следующий поворот - и он увидел фразу, расположенную внизу страницы. Еще четверть круга, и Лэнгдон смог разобрать слова на левом поле.

A final twist completed the circle.	Последний поворот на девяносто градусов завершил цикл.
There were four lines in all.	Всего в тексте было четыре строки.
The first line Vittoria had found was actually the third line of the poem.	Фраза, которую Виттория прочитала первой, в четверостишии оказалась третьей.
Utterly agape, he read the four lines again, clockwise in sequence: top, right, bottom, left.	Не веря своим глазам, Лэнгдон снова перечитал четыре строки по часовой стрелке. Верхнюю, правую, нижнюю и левую.
When he was done, he exhaled.	Сомнений не осталось.
There was no doubt in his mind.	Он судорожно вздохнул и произнес:

"You found it, Ms. Vetra."	- Вы нашли ключ, мисс Ветра.
She smiled tightly. "Good, now can we get the hell out of here?"	- Ну и хорошо. Теперь мы уж точно можем отсюда убраться, - ответила девушка с вымученной улыбкой.
"I have to copy these lines down.	- Необходимо скопировать четверостишие.
I need to find a pencil and paper."	Мне нужны карандаш и бумага.
Vittoria shook her head. "Forget it, professor. No time to play scribe.	- Выбросите это из головы, профессор. У нас нет времени на то, чтобы изображать из себя древних писцов.
Mickey's ticking."	Микки, как вы изволили заметить, продолжает тикать!

She took the page from him and headed for the door.	- С этими словами она взяла из его рук листок и направилась к выходу.
Langdon stood up. "You can't take that outside!	- Вы не можете выносить документ!
It's a-"	Это запре...
But Vittoria was already gone.	Но Виттория уже успела выйти из хранилища.
55	Глава 55
Langdon and Vittoria exploded onto the courtyard outside the Secret Archives.	Лэнгдон и Виттория выбежали из здания секретных архивов.

The fresh air felt like a drug as it flowed into Langdon's lungs.	Свежий воздух подействовал на Лэнгдона как сильное лекарство.
The purple spots in his vision quickly faded.	Его мышцы обрели упругость, а плавающие перед глазами кроваво-красные пятна исчезли.
The guilt, however, did not.	Однако чувство вины, которую он испытывал, осталось.
He had just been accomplice to stealing a priceless relic from the world's most private vault.	Только что он выступил в качестве соучастника похищения бесценной реликвии из самого секретного архива в мире.

The camerlegno had said, I am giving you my trust.	А ведь камерарий сказал: "Я вам доверяю".

"Hurry," Vittoria said, still holding the folio in her hand and striding at a half jog across Via Borgia in the direction of Olivetti's office.	- Поторопимся, - сказала Виттория и затрусила по виа Борджиа в направлении штаба швейцарской гвардии. Драгоценный листок она по-прежнему держала в руке.
"If any water gets on that papyrus-"	- Если хотя бы капля воды попадет на папирус...
"Calm down.	- Успокойтесь.
When we decipher this thing, we can return their sacred Folio 5."	Как только мы до конца расшифруем текст, мы сразу же вернем на место этот священный лист №5.
Langdon accelerated to keep up.	Лэнгдон прибавил шаг и поравнялся с девушкой.

Beyond feeling like a criminal, he was still dazed over the document's spellbinding implications.	Ощущая себя преступником, он тем не менее продолжал восхищаться находкой и предвкушал тот шум, который поднимется после обнародования документа.
John Milton was an Illuminatus.	Итак, Мильтон был членом братства "Иллюминати".
He composed the poem for Galileo to publish in Folio 5... far from the eyes of the Vatican.	Он сочинил для Галилея четверостишие, которое было помещено на пятой странице... и которое ускользнуло от внимания Ватикана.
As they left the courtyard, Vittoria held out the folio for Langdon. "You think you can decipher this thing?	- Вы уверены, что можете расшифровать смысл стиха? - спросила Виттория, протягивая листок Лэнгдону.

Or did we just kill all those brain cells for kicks?"	- Или от восторга все серые клеточки вашего мозга уже погибли?
Langdon took the document carefully in his hands. Without hesitation he slipped it into one of the breast pockets of his tweed jacket, out of the sunlight and dangers of moisture.	Лэнгдон взял документ и без малейшего колебания положил его во внутренний карман твидового пиджака, где ему не грозили ни яркий свет, ни влажность.
"I deciphered it already."	- Я его уже расшифровал.
Vittoria stopped short. "You what?"	- Что? - спросила Виттория и от изумления даже остановилась.
Langdon kept moving.	Лэнгдон продолжал идти.

Vittoria hustled to catch up. "You read it once!	- Но вы же прочитали его только один раз! - продолжала девушка, догнав американца.
I thought it was supposed to be hard!"	- А я-то думала, что дешифровка займет у нас много времени.
Langdon knew she was right, and yet he had deciphered the segno in a single reading.	Лэнгдон знал, что она права, обычно так и бывает, но ему тем не менее удалось обнаружить segno, прочитав текст всего один раз.
A perfect stanza of iambic pentameter, and the first altar of science had revealed itself in pristine clarity.	Первый алтарь науки предстал перед ним со всей ясностью.

Admittedly, the ease with which he had accomplished the task left him with a nagging disquietude.	Легкость, с которой ему удалось этого достичь, несколько его тревожила.

He was a child of the Puritan work ethic. He could still hear his father speaking the old New England aphorism: If it wasn't painfully difficult, you did it wrong.	Являясь продуктом пуританского воспитания, он до сих пор частенько слышал голос отца, произносящего старый афоризм, и сегодня популярный в Новой Англии. "Если ты что-то сделал без труда, ты сделал это неправильно", -говаривал отец.

Langdon hoped the saying was false. "I deciphered it," he said, moving faster now. "I know where the first killing is going to happen.	- Я расшифровал его, - продолжал он, ускоряя шаг, - и теперь знаю, где произойдет первое убийство.
We need to warn Olivetti."	Следует как можно скорее предупредить Оливетти.
Vittoria closed in on him. "How could you already know?	- Откуда вам это известно? - спросила Виттория, снова догнав Лэнгдона.
Let me see that thing again."	- Дайте-ка взглянуть!
With the sleight of a boxer, she slipped a lissome hand into his pocket and pulled out the folio again.	С этими словами она ловко запустила руку в карман американца и извлекла из него листок.

"Careful!" Langdon said.	- Осторожно! - завопил Лэнгдон.
"You can't-"	- Вы можете...
Vittoria ignored him. Folio in hand, she floated beside him, holding the document up to the evening light, examining the margins.	Не обращая на него внимания и не замедляя шага, Виттория поднесла листок к глазам и принялась изучать его при пока еще достаточно ярком свете вечернего солнца.
As she began reading aloud, Langdon moved to retrieve the folio but instead found himself bewitched by Vittoria's accented alto speaking the syllables in perfect rhythm with her gait.	Как только она начала читать вслух, Лэнгдон попытался вернуть листок себе, но то, что он услышал, настолько его очаровало, что он не смог этого сделать.

For a moment, hearing the verse aloud, Langdon felt transported in time... as though he were one of Galileo's contemporaries, listening to the poem for the first time... knowing it was a test, a map, a clue unveiling the four altars of science... the four markers that blazed a secret path across Rome.	Ему казалось, что произносимые вслух стихи перенесли его в далекое прошлое... что он стал вдруг современником Галилея, слушающим это только что созданное четверостишие и знающим, что это испытание, своего рода тест... карта и ключ, указывающие путь к четырем алтарям науки... четырем вехам пути по лабиринтам Рима.
The verse flowed from Vittoria's lips like a song.	В устах Виттории это четверостишие звучало словно песня.
From Santi's earthly tomb with demon's hole,	Найди гробницу Санти с дьявольской дырою...

' Cross Rome the mystic elements unfold.	Таинственных стихий четверка жаждет боя.
The path of light is laid, the sacred test,	Уже сияет свет; сомненья позабудь,
Let angels guide you on your lofty quest.	И ангелы чрез Рим тебе укажут путь.
Vittoria read it twice and then fell silent, as if letting the ancient words resonate on their own.	Виттория прочитала четверостишие дважды и замолчала, словно оставляя старинным словам возможность звучать самим по себе.
From Santi's earthly tomb, Langdon repeated in his mind.	"Найди гробницу Санти с дьявольской дырою", -повторил про себя Лэнгдон.
The poem was crystal clear about that.	Четверостишие не оставляло никаких сомнений.

The Path of Illumination began at Santi's tomb.	Путь просвещения начинался от могилы Санти.
From there, across Rome, the markers blazed the trail.	Там и следует начинать искать вехи.
From Santi's earthly tomb with demon's hole,	Найди гробницу Санти с дьявольской дырою...
' Cross Rome the mystic elements unfold.	Таинственных стихий четверка жаждет боя.
Mystic elements.	Итак, четыре таинственные стихии.
Also clear.	С этим тоже ясно.
Earth, Air, Fire, Water.	Земля, воздух, огонь и вода.

Elements of science, the four Illuminati markers disguised as religious sculpture.	Четыре элемента науки, представленные иллюминатами в виде религиозных скульптур и призванные служить вехами на Пути просвещения.
"The first marker," Vittoria said, "sounds like it's at Santi's tomb."	- Наш путь, похоже, начинается от гробницы Санти, - заметила Виттория.
Langdon smiled. "I told you it wasn't that tough."	- Я же сказал вам, что сообразить это совсем не сложно, - улыбнулся Лэнгдон.
"So who is Santi?" she asked, sounding suddenly excited.	- Да, но кто такой Санти? - явно волнуясь, спросила Виттория.
"And where's his tomb?"	- И где находится его гробница?

Langdon chuckled to himself.	Лэнгдон сдержал смех.
He was amazed how few people knew Santi, the last name of one of the most famous Renaissance artists ever to live.	Его всегда удивляло, насколько мало людей знают фамилию одного из величайших художников Ренессанса.
His first name was world renowned... the child prodigy who at the age of twenty five was already doing commissions for Pope Julius II, and when he died at only thirty eight, left behind the greatest collection of frescoes the world had ever seen.	Его имя, напротив, было известно всему миру. Человек, чья одаренность проявилась в раннем детстве, который в двадцать три года выполнял заказы папы Юлия II, а в тридцать восемь лет умер, оставив после себя собрание фресок, какого не видел свет.

Santi was a behemoth in the art world, and being known solely by one's first name was a level of fame achieved only by an elite few... people like Napoleon, Galileo, and Jesus... and, of course, the demigods Langdon now heard blaring from Harvard dormitories- Sting, Madonna, Jewel, and the artist formerly known as Prince, who had changed his name to the symbol	Санти был гигантом в мире искусства и прославился не меньше, чем такие великие люди, как Наполеон, Галилей или... Иисус. В наше время его известность можно сравнить лишь с известностью современных полубогов, имена которых Лэнгдон слышал в общежитии Г арварда. Санти может потягаться славой с такими гигантами, как Стинг, Мадонна или человек, который когда-то именовал себя Принцем, а затем сменил это имя на символ ,
causing Langdon to dub him	который Лэнгдон как специалист по символике назвал

"The Tau Cross With Intersecting Hermaphroditic Ankh."	"Крестом Святого Антония, пересекающимся с гермафродитским египетским крестом".
"Santi," Langdon said, "is the last name of the great Renaissance master, Raphael."	- Санти, - произнес он вслух, - это фамилия Рафаэля - величайшего художника эпохи Возрождения.

Vittoria looked surprised. "Raphael?	- Рафаэля? - изумленно переспросила Виттория.
As in the Raphael?"	- Неужели того самого Рафаэля?
"The one and only." Langdon pushed on toward the Office of the Swiss Guard.	- Единственного и неповторимого, - сказал Лэнгдон, быстро шагая в направлении штаб-квартиры швейцарской гвардии.

"So the path starts at Raphael's tomb?"	- Следовательно, Путь начинается от его гробницы?
"It actually makes perfect sense," Langdon said as they rushed on.	- В этом скрыт большой смысл, - ответил ученый.
"The Illuminati often considered great artists and sculptors honorary brothers in enlightenment. The Illuminati could have chosen Raphael's tomb as a kind of tribute."	- Иллюминаты считали великих художников и скульпторов своими почетными собратьями в деле просвещения, и гробницу Рафаэля они могли избрать в знак признательности.

Langdon also knew that Raphael, like many other religious artists, was a suspected closet atheist.	Кроме того, Лэнгдону было известно, что Рафаэля, как и многих других великих художников, пишущих на религиозные темы, подозревали в тайном безбожии.
Vittoria slipped the folio carefully back in Langdon's pocket.	Виттория осторожно положила листок в карман пиджака своего спутника и спросила:
"So where is he buried?"	- И где же он похоронен?
Langdon took a deep breath. "Believe it or not, Raphael's buried in the Pantheon."	- Хотите верьте, хотите нет, - с глубоким вздохом ответил ученый, - но Рафаэль покоится в Пантеоне.
Vittoria looked skeptical. "The Pantheon?"	- В том самом Пантеоне? - с сомнением спросила Виттория.

"The Raphael at the Pantheon."	- Да. Тот самый Рафаэль в том самом Пантеоне.
Langdon had to admit, the Pantheon was not what he had expected for the placement of the first marker.	Лэнгдон был вынужден признать, что он совсем не ожидал того, что начальной вехой на Пути просвещения может оказаться Пантеон.
He would have guessed the first altar of science to be at some quiet, out of the way church, something subtle.	Он предполагал, что первый алтарь науки будет находиться в какой-нибудь скромной, неприметной церкви.

Even in the 1600s, the Pantheon, with its tremendous, holed dome, was one of the best known sites in Rome.	Что же касается Пантеона, то это грандиозное сооружение с отверстием в куполе даже в первой половине XVII века было одним из самых людных мест в Риме.
"Is the Pantheon even a church?" Vittoria asked.	- Но разве Пантеон - церковь? - спросила Виттория.
"Oldest Catholic church in Rome."	- Это древнейший католический храм Рима.
Vittoria shook her head. "But do you really think the first cardinal could be killed at the Pantheon?	- Неужели вы верите в то, что первый кардинал может быть убит в Пантеоне? - с сомнением в голосе спросила Виттория.

That's got to be one of the busiest tourist spots in Rome."	- Ведь это одна из главнейших достопримечательностей Рима, и там постоянно кишат туристы.

Langdon shrugged. "The Illuminati said they wanted the whole world watching.	- Иллюминаты, по их словам, хотят, чтобы весь мир следил за экзекуцией.
Killing a cardinal at the Pantheon would certainly open some eyes."	Убийство кардинала в Пантеоне наверняка привлечет всеобщее внимание.
"But how does this guy expect to kill someone at the Pantheon and get away unnoticed?	- Не могу поверить, что этот парень рассчитывает скрыться, совершив преступление на глазах многочисленной публики.
It would be impossible."	Такое просто невозможно!

"As impossible as kidnapping four cardinals from Vatican City?	- Похищение четырех кардиналов из Ватикана тоже представлялось делом совершенно немыслимым. Однако это произошло.
The poem is precise."	Четверостишие прямо указывает на Пантеон.
"And you're certain Raphael is buried inside the Pantheon?"	- А вы уверены, что Рафаэль похоронен в его стенах?
"I've seen his tomb many times."	- Я много раз видел его гробницу.
Vittoria nodded, still looking troubled.	Виттория кивнула, хотя, судя по всему, сомнения ее до конца не оставили.

"What time is it?"	- Сколько сейчас времени? - спросила она.
Langdon checked. "Seven thirty."	- Семь тридцать, - бросив взгляд на Микки-Мауса, ответил Лэнгдон.
"Is the Pantheon far?"	- Как далеко отсюда до Пантеона?
"A mile maybe.	- Не более мили.
We've got time."	Мы вполне успеваем.
"The poem said Santi's earthly tomb. Does that mean anything to you?"	- А что значит "с дьявольской дырою"?

Langdon hastened diagonally across the Courtyard of the Sentinel. "Earthly? Actually, there's probably no more earthly place in Rome than the Pantheon.	- Для ранних христиан, - сказал он, - видимо, не было более дьявольского места, чем это сооружение.
It got its name from the original religion practiced there-Pantheism-the worship of all gods, specifically the pagan gods of Mother Earth."	Ведь оно получило свое название от более ранней религии, именуемой пантеизмом. Адепты этой веры поклонялись всем богам, и в первую очередь матери Земле.

As a student of architecture, Langdon had been amazed to learn that the dimensions of the Pantheon's main chamber were a tribute to Gaea-the goddess of the Earth.	Еще будучи студентом, Лэнгдон удивлялся тому, что огромный центральный зал Пантеона был посвящен Гее - богине Земли.
The proportions were so exact that a giant spherical globe could fit perfectly inside the building with less than a millimeter to spare.	Пропорции зала были настолько совершенны, что переход от стек к гигантскому куполу был абсолютно незаметен для глаза.
"Okay," Vittoria said, sounding more convinced. "And demon's hole? From Santi's earthly tomb with demon's hole?"	- Но почему все же с "дьявольской"? - не унималась Виттория.

Langdon was not quite as sure about this.	Точного ответа на этот вопрос у Лэнгдона не имелось.

"Demon's hole must mean the oculus," he said, making a logical guess. "The famous circular opening in the Pantheon's roof."	- "Дьявольской дырою" Мильтон, видимо, называет oculus, - высказал логичное предположение американец, - знаменитое круглое отверстие в центре свода.
"But it's a church," Vittoria said, moving effortlessly beside him.	- Но это же церковь, - продолжала Виттория, легко шагая рядом с ним.
"Why would they call the opening a demon's hole?"	- Почему они назвали отверстие дьявольским?
Langdon had actually been wondering that himself.	Лэнгдон этого не знал, тем более что выражение "дьявольская дыра" он слышал впервые.

He had never heard the term "demon's hole," but he did recall a famous sixth century critique of the Pantheon whose words seemed oddly appropriate now.	Но сейчас он припомнил то, что говорили в VI-VII веках о Пантеоне теологи.
The Venerable Bede had once written that the hole in the Pantheon's roof had been bored by demons trying to escape the building when it was consecrated by Boniface IV.	Беда Достопочтенный утверждал, например, что отверстие в куполе пробили демоны, спасаясь бегством из языческого храма в тот момент, когда его освящал папа Бонифаций IV. Теперь эти слова приобрели для Лэнгдона новый смысл.

"And why," Vittoria added as they entered a smaller courtyard, "why would the Illuminati use the name Santi if he was really known as Raphael?"	- И почему братство "Иллюминати" использовало фамилию "Санти", вместо того чтобы сказать просто: "Рафаэль"? - спросила Виттория, когда они вошли в маленький дворик перед зданием штаба швейцарской гвардии.
"You ask a lot of questions."	- Вы задаете слишком много вопросов.
"My dad used to say that."	- Папа мне постоянно об этом говорил.
"Two possible reasons.	- Я вижу две возможные причины.
One, the word Raphael has too many syllables.	Одна из них заключается в том, что в слове

It would have destroyed the poem's iambic pentameter."	"Рафаэль" слишком много слогов, что могло нарушить ямбический строй стиха.
"Sounds like a stretch."	- Выглядит не очень убедительно, - заметила девушка.
Langdon agreed. "Okay, then maybe using 'Santi' was to make the clue more obscure, so only very enlightened men would recognize the reference to Raphael."	- И во-вторых, - продолжал Лэнгдон, - слово "Санти" делало четверостишие менее понятным, так как только самые образованные люди знали фамилию Рафаэля.
Vittoria didn't appear to buy this either.	И эта версия, похоже, Витторию не удовлетворила.

"I'm sure Raphael's last name was very well known when he was alive."	- Не сомневаюсь, что при жизни художника его фамилия была хорошо известна, - сказала она.
"Surprisingly not.	- Как ни удивительно, но это вовсе не так.
Single name recognition was a status symbol.	Известность по имени символизировала тогда всеобщее признание.
Raphael shunned his last name much like pop stars do today.	Рафаэль избегал использовать свою фамилию, точно так же, как это делают современные поп-идолы.

Take Madonna, for example. She never uses her surname, Ciccone."	Мадонна, например, бежит от своей фамилии Чикконе как от чумы.

Vittoria looked amused. "You know Madonna's last name?"	- Неужели вы знаете фамилию Мадонны? -изумленно спросила Виттория.
Langdon regretted the example.	Лэнгдон уже успел пожалеть о своем примере.
It was amazing the kind of garbage a mind picked up living with 10,000 adolescents.	Удивительно, какая чепуха лезет в голову, когда живешь среди десяти тысяч подростков.
As he and Vittoria passed the final gate toward the Office of the Swiss Guard, their progress was halted without warning.	Когда Лэнгдон и Виттория подходили к дверям штаба, их остановил грозный окрик:
"Para!" a voice bellowed behind them.	- Стоять!

Langdon and Vittoria wheeled to find themselves looking into the barrel of a rifle.	Обернувшись, они увидели, что на них обращен ствол автомата.
"Attento!" Vittoria exclaimed, jumping back.	- Эй! - крикнула Виттория.
"Watch it with-"	- Поосторожнее с оружием, оно может...
"Non sportarti!" the guard snapped, cocking the weapon.	- Никаких шортов! - рявкнул часовой, не опуская ствола.
"Soldato!" a voice commanded from across the courtyard. Olivetti was emerging from the security center.	- Soldato! - прогремел за их спиной голос возникшего на пороге Оливетти.

"Let them go!"	- Немедленно пропустить!
The guard looked bewildered. "Ma, signore, ? una donna-"	- Но, синьор, на даме... - начал потрясенный этим приказом швейцарец.
"Inside!" he yelled at the guard.	- В помещение! - проревел коммандер.
"Signore, non posso-"	- Но, синьор, я на посту...
"Now!	- Немедленно!
You have new orders.	Там ты получишь новый приказ.
Captain Rocher will be briefing the corps in two minutes.	Через две минуты капитан Рошер приступит к инструктированию персонала.
We will be organizing a search."	Мы организуем новый поиск.

Looking bewildered, the guard hurried into the security center. Olivetti marched toward Langdon, rigid and steaming.	Так и не пришедший в себя часовой нырнул в здание, а дымящийся от злости Оливетти подошел к Лэнгдону и Виттории.
"Our most secret archives?	- Итак, вы побывали в наших секретных архивах.
I'll want an explanation."	Я жду информации.
"We have good news," Langdon said.	- У нас хорошие новости, - сказал Лэнгдон.
Olivetti's eyes narrowed. "It better be damn good."	- Остается надеяться, что это будут чертовски хорошие новости! - прищурившись, бросил коммандер.
56	Глава 56

The four unmarked Alpha Romeo 155 T Sparks roared down Via dei Coronari like fighter jets off a runway.	Четыре ничем не примечательные машины "Альфа-Ромео 155 Ти-Спаркс" мчались по виа деи Коронари с шумом, напоминающим рев двигателей взлетающего реактивного истребителя.
The vehicles carried twelve plainclothed Swiss Guards armed with Cherchi Pardini semiautomatics, local radius nerve gas canisters, and long range stun guns.	В них находились двенадцать переодетых в штатское швейцарских гвардейцев. Все они были вооружены полуавтоматами Пардини и баллончиками с нервно-паралитическим газом.

The three sharpshooters carried laser sighted rifles.	Кроме того, группа имела на вооружении три дальнобойные винтовки с парализующими зарядами, и к тому же в ее состав входили три снайпера, вооруженные оружием с лазерным прицелом.
Sitting in the passenger seat of the lead car, Olivetti turned backward toward Langdon and Vittoria.	Оливетти сидел на пассажирском месте головной машины. Полуобернувшись назад, он смотрел на Лэнгдона и Витторию.
His eyes were filled with rage.	Глаза коммандера пылали яростью.
"You assured me a sound explanation, and this is what I get?"	- Вы уверяли, что представите серьезные доказательства, но вместо них я получил эту чушь!

Langdon felt cramped in the small car.	В замкнутом пространстве небольшого автомобиля Лэнгдон чувствовал себя страшно неуютно, но тем не менее он нашел силы сказать:
"I understand your-"	- Я понимаю вашу...
"No, you don't understand!" Olivetti never raised his voice, but his intensity tripled.	- Нет, вы ничего не понимаете, - прервал его Оливетти Голоса он не повысил, но нажим, с которым командер произнес эти слова, по меньшей мере утроился.
"I have just removed a dozen of my best men from Vatican City on the eve of conclave.	- Мне пришлось забрать из Ватикана дюжину моих лучших людей.

And I have done this to stake out the Pantheon based on the testimony of some American I have never met who has just interpreted a four hundred year old poem.	И это перед самым открытием конклава. Я сделал это для того, чтобы устроить засаду у Пантеона, полагаясь на слова американца, которого до этого никогда не видел и который якобы расшифровал смысл какого-то нелепого стишка четырехсотлетней давности.
I have also just left the search for this antimatter weapon in the hands of secondary officers."	Вы понимаете, что из-за вас мне пришлось поручить поиск сосуда с антивеществом не самым компетентным людям?
Langdon resisted the urge to pull Folio 5 from his pocket and wave it in Olivetti's face.	Поборов искушение достать из кармана пятую страницу труда Галилея и помахать ею перед носом Оливетти, Лэнгдон сказал:

"All I know is that the information we found refers to Raphael's tomb, and Raphael's tomb is inside the Pantheon."	- Мне известно лишь, что обнаруженная нами информация указывает на гробницу Рафаэля, а его гробница, насколько мне известно, находится в Пантеоне.

The officer behind the wheel nodded.	Сидевший за рулем швейцарец радостно закивал и произнес:
"He's right, commander. My wife and I-"	- Он прав, Коммандант-те, мы с женой...

"Drive," Olivetti snapped. He turned back to Langdon. "How could a killer accomplish an assassination in such a crowded place and escape unseen?"	- Ведите машину! - бросил Оливетти и, повернувшись к Лэнгдону, спросил: - Как, по-вашему, убийца может справиться со своей миссией в кишащем людьми месте и при этом уйти незамеченным?
"I don't know," Langdon said.	- Понятия не имею, - ответил американец.
"But the Illuminati are obviously highly resourceful.	- Но братство "Иллюминати", видимо, располагает огромными возможностями.
They've broken into both CERN and Vatican City.	Иллюминатам удалось проникнуть в ЦЕРН и Ватикан.

It's only by luck that we know where the first kill zone is.	И о том, где может произойти убийство, мы узнали по чистой случайности. Нам страшно повезло.
The Pantheon is your one chance to catch this guy."	Поэтому Пантеон остается нашей единственной надеждой.
"More contradictions," Olivetti said.	- Вы опять противоречите себе, - сказал Оливетти.
"One chance?	- Единственной надеждой... Как прикажете это понимать?
I thought you said there was some sort of pathway. A series of markers.	Мне показалось, что вы толковали о каком-то пути, о серии указателей.

If the Pantheon is the right spot, we can follow the pathway to the other markers. We will have four chances to catch this guy."	Если Пантеон действительно окажется тем местом, которое нам нужно, то мы можем продолжить поиск, следуя этим вехам.
"I had hoped so," Langdon said.	- Я надеялся на это, - ответил Лэнгдон.
"And we would have... a century ago."	- И мы могли бы следовать этим указателям... лет сто назад.
Langdon's realization that the Pantheon was the first altar of science had been a bittersweet moment.	К чувству радости, которое испытывал ученый в связи с обнаружением первого алтаря науки, примешивалась изрядная доля горечи.

History had a way of playing cruel tricks on those who chased it.	История часто жестоко издевается над теми, кто начинает шагать по ее следам.
It was a long shot that the Path of Illumination would be intact after all of these years, with all of its statues in place, but part of Langdon had fantasized about following the path all the way to the end and coming face to face with the sacred Illuminati lair.	Лэнгдон прекрасно об этом знал, но тем не менее надеялся, что все указатели остались на своих местах и что, следуя им, он доберется до тайного убежища иллюминатов.
Alas, he realized, it was not to be.	Теперь он понимал, что это, к несчастью, невозможно.

"The Vatican had all the statues in the Pantheon removed and destroyed in the late 1800s."	- В конце девятнадцатого века все статуи по приказу Ватикана были изъяты из Пантеона и уничтожены.
Vittoria looked shocked. "Why?"	- Но почему? - спросила потрясенная Виттория.

"The statues were pagan Olympian Gods.	- Статуи изображали языческих олимпийских богов.
Unfortunately, that means the first marker is gone... and with it-"	И это, к сожалению, означает, что указатели исчезли... а вместе с ними...
"Any hope," Vittoria said, "of finding the Path of Illumination and additional markers?"	- Неужели нет никакой надежды найти Путь просвещения, используя другие указатели?

Langdon shook his head.	- Нет, - печально покачал головой Лэнгдон.
"We have one shot.	- Нам предоставляется единственная попытка.
The Pantheon. After that, the path disappears."	И это - Пантеон.
Olivetti stared at them both a long moment and then turned and faced front.	Оливетти довольно долго молча смотрел на них, затем, резко повернувшись лицом к водителю, бросил:
"Pull over," he barked to the driver.	- Тормози!
The driver swerved the car toward the curb and put on the brakes.	Водитель, почти не снижая скорости, подкатил к тротуару и ударил по тормозам.

Three other Alpha Romeos skidded in behind them.	Через миг до Лэнгдона долетел визг шин идущих сзади машин.
The Swiss Guard convoy screeched to a halt.	Весь конвой скоростных автомобилей замер у тротуара.
"What are you doing!" Vittoria demanded.	- Что вы делаете?! - воскликнула Виттория.
"My job," Olivetti said, turning in his seat, his voice like stone.	- Я выполняю свою работу, - ответил Оливетти ледяным тоном.
"Mr. Langdon, when you told me you would explain the situation en route, I assumed I would be approaching the Pantheon with a clear idea of why my men are here.	- Когда вы сказали мне, мистер Лэнгдон, что внесете ясность в ситуацию по дороге, я решил, что ко времени прибытия на место операции мне удастся понять, почему я и мои люди оказались у Пантеона.

That is not the case.	Но этого не произошло.
Because I am abandoning critical duties by being here, and because I have found very little that makes sense in this theory of yours about virgin sacrifices and ancient poetry, I cannot in good conscience continue.	Ради того, чтобы прибыть сюда, мне пришлось бросить дела исключительной важности, и теперь, не обнаружив смысла в ваших гипотезах о приносимых в жертву невинных агнцах и рассуждениях о древней поэзии, я решил прекратить операцию.
I am recalling this mission immediately."	Продолжать ее мне не позволяет совесть.
He pulled out his walkie talkie and clicked it on.	- С этими словами командер взял в руки рацию и щелкнул тумблером переключателя.

Vittoria reached across the seat and grabbed his arm. "You can't!"	- Вы не имеете права так поступить! - крикнула Виттория, хватая офицера за руку.
Olivetti slammed down the walkie talkie and fixed her with a red hot stare.	Оливетти выключил радио и, глядя в глаза девушки, процедил:
"Have you been to the Pantheon, Ms. Vetra?"	- Вам доводилось когда-нибудь бывать в Пантеоне, мисс Ветра?

"No, but I-"	- Нет, но я...
"Let me tell you something about it.	- В таком случае позвольте мне вам о нем кое-что сказать.

The Pantheon is a single room. A circular cell made of stone and cement.	Пантеон являет собой один зал - своего рода круглую камеру из камня и цемента.
It has one entrance. No windows. One narrow entrance. That entrance is flanked at all times by no less than four armed Roman policemen who protect this shrine from art defacers, anti Christian terrorists, and gypsy tourist scams."	В нем нет ни одного окна, и там единственная, очень узкая дверь, которую круглые сутки охраняют четверо вооруженных римских полицейских. Это делается для того, чтобы защитить святыню от вандалов, безбожников-террористов и дурачащих туристов цыган-мошенников.

"Your point?" she said coolly.	- И что вы хотите этим сказать? - холодно спросила Виттория.
"My point?" Olivetti's knuckles gripped the seat.	- Вам интересно, что я хочу этим сказать, мисс Ветра? - произнес Оливетти, упершись кулаками в сиденье.
"My point is that what you have just told me is going to happen is utterly impossible!	- Отвечаю. Я хочу сказать, что все то, чем вы меня пугали, осуществлено быть не может!

Can you give me one plausible scenario of how someone could kill a cardinal inside the Pantheon?	Назовите мне хотя бы один способ убийства кардинала внутри Пантеона.
How does one even get a hostage past the guards into the Pantheon in the first place?	Скажите, как убийца может провести заложника мимо четырех бдительных полицейских?
Much less actually kill him and get away?"	Как он может не только убить заложника, но и скрыться с места преступления?

Olivetti leaned over the seat, his coffee breath now in Langdon's face. "How, Mr. Langdon? One plausible scenario."	- Оливетти перегнулся через спинку сиденья и, дыша в лицо Лэнгдона запахом кофе, продолжил:- Итак, мистер Лэнгдон, мне хотелось бы услышать хоть один правдоподобный сценарий.
Langdon felt the tiny car shrink around him.	Лэнгдону показалось, что замкнутое пространство вокруг него стало еще уже.
I have no idea!	"Мне нечего ему сказать, - думал американец.
I'm not an assassin! I don't know how he will do it!	- Я не убийца и понятия не имею, как можно убить кардинала!
I only know-	Мне известно лишь, что..."

"One scenario?" Vittoria quipped, her voice unruffled.	- Всего один сценарий? - невозмутимым тоном произнесла Виттория.
"How about this?	- Как вам, например, понравится этот?
The killer flies over in a helicopter and drops a screaming, branded cardinal down through the hole in the roof.	Убийца прилетает на вертолете и бросает вопящего от ужаса заклейменного кардинала в отверстие в крыше.
The cardinal hits the marble floor and dies."	Бедняга падает на мраморный пол и умирает.

Everyone in the car turned and stared at Vittoria. Langdon didn't know what to think.	Все находящиеся в машине обратили на Витторию изумленные взгляды, а Лэнгдон не знал что и думать.

You've got one sick imagination, lady, but you are quick.	"Вы, кажется, наделены нездоровым воображением, леди, - подумал он. - И вдобавок очень быстро соображаете".
Olivetti frowned. "Possible, I admit... but hardly-"	- Подобное, конечно, возможно, - нахмурился Оливетти, - однако сомнительно, чтобы...

"Or the killer drugs the cardinal," Vittoria said, "brings him to the Pantheon in a wheelchair like some old tourist.	- Есть и другой сценарий, - продолжала Виттория.- Допустим, убийца накачивает кардинала наркотиком и провозит его в Пантеон на инвалидной коляске под видом престарелого туриста.
He wheels him inside, quietly slits his throat, and then walks out."	Оказавшись в Пантеоне, убийца перерезает ему горло и спокойно удаляется.
This seemed to wake up Olivetti a bit.	Второй сценарий, судя по всему, не оставил Оливетти равнодушным.
Not bad! Langdon thought.	Совсем неплохо, подумал Лэнгдон.
"Or," she said, "the killer could-"	- Или еще... - продолжила Виттория.

"I heard you," Olivetti said.	- Я все слышал, - оборвал ее Оливетти.
"Enough."	- Хватит!
He took a deep breath and blew it out.	Он набрал полную грудь воздуха и медленно его выдохнул.
Someone rapped sharply on the window, and everyone jumped.	В этот момент кто-то постучал в стекло машины, и этот неожиданный звук заставил всех вздрогнуть.
It was a soldier from one of the other cars.	За окном стоял солдат из машины сопровождения.
Olivetti rolled down the window.	Оливетти опустил стекло.
"Everything all right, commander?" The soldier was dressed in street clothes.	- У вас все в порядке, коммандер? - спросил одетый в штатское швейцарец.

He pulled back the sleeve of his denim shirt to reveal a black chronograph military watch. "Seven forty, commander.	Приподняв рукав джинсовой куртки, он взглянул на черные армейские часы и сказал: - Семь сорок.
We'll need time to get in position."	Для того чтобы занять исходный рубеж, нам потребуется некоторое время.
Olivetti nodded vaguely but said nothing for many moments.	Оливетти согласно кивнул, но ответил не сразу.

He ran a finger back and forth across the dash, making a line in the dust. He studied Langdon in the side view mirror, and Langdon felt himself being measured and weighed.	Некоторое время он машинально водил пальцем по приборному щитку, оставляя след в слое пыли, и смотрел на отражение Лэнгдона в зеркале заднего вида.
Finally Olivetti turned back to the guard. There was reluctance in his voice.	Затем он повернулся к швейцарцу за окном и с явной неохотой произнес:
"I'll want separate approaches.	- Я хочу, чтобы подход осуществлялся с разных направлений.
Cars to Piazza della Rotunda, Via delgi Orfani, Piazza Sant'Ignacio, and Sant'Eustachio.	Со стороны площади Ротунда, улицы Орфани и площадей Святого Игнацио и Святого Евстахия.

No closer than two blocks.	Ближе чем на два квартала к Пантеону не приближаться.
Once you're parked, gear up and await my orders.	Оказавшись на исходных рубежах, оставайтесь начеку в ожидании дальнейших распоряжений.
Three minutes."	На все - три минуты. Выполняйте.
"Very good, sir." The soldier returned to his car.	- Слушаюсь, синьор! - ответил солдат и двинулся к своей машине.
Langdon gave Vittoria an impressed nod.	Лэнгдон бросил на Витторию восхищенный взгляд и многозначительно кивнул.

She smiled back, and for an instant Langdon felt an unexpected connection... a thread of magnetism between them.	Девушка ответила улыбкой, и американцу показалось, что в этот миг между ними возник какой-то новый контакт... протянулись невидимые линии магнетической связи.
The commander turned in his seat and locked eyes with Langdon.	Коммандер повернулся на сиденье и, внимательно глядя в глаза ученому, сказал:
"Mr. Langdon, this had better not blow up in our faces."	- Остается надеяться, мистер Лэнгдон, что ваша затея не обернется для нас полным крахом.
Langdon smiled uneasily. How could it?	Лэнгдон слабо улыбнулся в ответ и подумал: этого не будет.
57	Глава 57

The director of CERN, Maximilian Kohler, opened his eyes to the cool rush of cromolyn and leukotriene in his body, dilating his bronchial tubes and pulmonary capillaries.	Введенные в кровь директора ЦЕРНа лекарства, расширив бронхи и капилляры легких, позволили ему открыть глаза.
He was breathing normally again.	К нему снова вернулось нормальное дыхание.
He found himself lying in a private room in the CERN infirmary, his wheelchair beside the bed.	Оглядевшись, Колер увидел, что лежит в отдельной палате медпункта, а его инвалидное кресло стоит рядом с кроватью.

He took stock, examining the paper robe they had put him in.	Попытавшись оценить ситуацию, он внимательно изучил рубашку из хлопка, в которую медики всунули его тело, и поискал глазами свою одежду.
His clothing was folded on the chair beside the bed.	Оказалось, что костюм аккуратно висит на стоящем рядом с кроватью стуле.
Outside he could hear a nurse making the rounds.	За дверью раздавались шаги совершающей обход медсестры.
He lay there a long minute listening.	Три бесконечно долгие минуты он выжидал, вслушиваясь в звуки за дверями палаты.

Then, as quietly as possible, he pulled himself to the edge of the bed and retrieved his clothing.	Затем, стараясь действовать как можно тише, подтянулся к краю кровати и достал свою одежду.
Struggling with his dead legs, he dressed himself. Then he dragged his body onto his wheelchair.	Проклиная безжизненные ноги, он оделся и после непродолжительного отдыха перетащил плохо повинующееся тело в кресло.
Muffling a cough, he wheeled himself to the door.	Пытаясь подавить приступ кашля, директор подкатил к двери.

He moved manually, careful not to engage the motor.	Колер передвигался с помощью рук, опасаясь включать мотор.

When he arrived at the door he peered out.	Затем он приоткрыл дверь и выглянул в коридор.
The hall was empty.	Там никого не было.
Silently, Maximilian Kohler slipped out of the infirmary.	Максимилиан Колер выехал из дверей и покатил прочь от медицинского пункта.
58	Глава 58
"Seven forty six and thirty... mark."	- Сверим часы. Сейчас семь часов сорок шесть минут и тридцать...
Even speaking into his walkie talkie, Olivetti's voice never seemed to rise above a whisper.	Даже говоря по радиотелефону, Оливетти не повышал голоса. Создавалось впечатление, что коммандер почти всегда предпочитает объясняться шепотом.

Langdon felt himself sweating now in his Harris tweed in the backseat of the Alpha Romeo, which was idling in Piazza de la Concorde, three blocks from the Pantheon.	Лэнгдон потел в своем твидовом пиджаке, оставаясь в "альфа-ромео". Двигатель стоящей в трех кварталах от Пантеона машины работал на холостом ходу.
Vittoria sat beside him, looking engrossed by Olivetti, who was transmitting his final orders.	Виттория сидела рядом с коммандером, отдающим последние приказания, и казалось, была заворожена его видом.
"Deployment will be an eight point hem," the commander said. "Full perimeter with a bias on the entry.	- Размещение по всему периметру, с особым упором на вход, - продолжал командир швейцарской гвардии.

Target may know you visually, so you will be pas visible.	- Объект, возможно, способен вас распознать, поэтому вы должны оставаться невидимыми.
Nonmortal force only.	Применение огнестрельного оружия исключается.
We'll need someone to spot the roof. Target is primary.	Поставьте человека для наблюдения за крышей и помните: главное для нас - объект.
Asset secondary."	Субъект имеет второстепенное значение.
Jesus, Langdon thought, chilled by the efficiency with which Olivetti had just told his men the cardinal was expendable.	Боже, подумал Лэнгдон, услышав, насколько элегантно и в то же время четко Оливетти дал понять своим людям, что кардиналом можно пожертвовать.

Asset secondary.	Субъект имеет вторичное значение.
"I repeat.	- Повторяю.
Nonmortal procurement.	Огнестрельное оружие не использовать.
We need the target alive.	Объект нужен нам живым.
Go."	Вперед!
Olivetti snapped off his walkie talkie.	- С этими словами Оливетти выключил телефон.
Vittoria looked stunned, almost angry. "Commander, isn't anyone going inside?"	- Коммандер, - сказала Виттория, которую приказ офицера изумил и разозлил, - неужели внутри здания не будет никого из ваших людей?
Olivetti turned. "Inside?"	- Внутри? - переспросил Оливетти.

"Inside the Pantheon!	- В Пантеоне.
Where this is supposed to happen?"	Там, где все должно произойти.
"Attento," Olivetti said, his eyes fossilizing. "If my ranks have been infiltrated, my men may be known by sight.	- Послушайте, - проскрипел командир швейцарцев, - если противнику удалось внедрить в наши ряды "крота", то он знает всех моих людей.
Your colleague has just finished warning me that this will be our sole chance to catch the target.	Ваш коллега только что сообщил мне, что это будет нашим единственным шансом захватить объект.
I have no intention of scaring anyone off by marching my men inside."	Мы не можем позволить себе спугнуть противника, посылая людей в здание.

"But what if the killer is already inside?"	- Но что, если убийца уже внутри?
Olivetti checked his watch. "The target was specific.	- Объект выразился весьма точно, - взглянув на часы, сказал Оливетти.
Eight o'clock.	- Акт намечен на восемь часов.
We have fifteen minutes."	В нашем распоряжении еще пятнадцать минут.
"He said he would kill the cardinal at eight o'clock. But he may already have gotten the victim inside somehow.	- Убийца сказал, что в восемь прикончит кардинала, но это вовсе не означает, что он уже не сумел каким-то образом доставить свою жертву на место преступления.

What if your men see the target come out but don't know who he is?	Ваши люди могли увидеть объект входящим в Пантеон, но они не имели понятия, что это тот человек, который нам нужен.
Someone needs to make sure the inside is clean."	Необходимо убедиться, что внутри здания все чисто. Разве не так?
"Too risky at this point."	- В данный момент это слишком рискованно.
"Not if the person going in was unrecognizable."	- Никакого риска, если разведчика невозможно будет узнать.
"Disguising operatives is time consuming and-"	- На грим у нас нет времени, и...
"I meant me," Vittoria said.	- Я говорю о себе.

Langdon turned and stared at her.	Лэнгдон изумленно уставился на девушку.
Olivetti shook his head. "Absolutely not."	- Категорически невозможно, - покачал головой Оливетти.
"He killed my father."	- Он убил моего отца.
"Exactly, so he may know who you are."	- Именно поэтому ваше участие недопустимо. Они могут знать, кто вы.
"You heard him on the phone.	- Но вы же слышали, что убийца сказал по телефону.
He had no idea Leonardo Vetra even had a daughter.	Он понятия не имел, что у Леонардо Ветра есть дочь.

He sure as hell doesn't know what I look like.	Откуда же ему знать, как эта дочь выглядит?
I could walk in like a tourist.	Я могу войти в Пантеон под видом туристки.

If I see anything suspicious, I could walk into the square and signal your men to move in."	Если мне удастся заметить что-то подозрительное, я выйду на площадь и подам сигнал вашим людям.
"I'm sorry, I cannot allow that."	- Простите, но я не могу этого позволить.
"Comandante?" Olivetti's receiver crackled.	Рация Оливетти начала подавать признаки жизни, и мужской голос прохрипел:
"We've got a situation from the north point.	- Коммандante, в северной точке возникли кое-какие проблемы.

The fountain is blocking our line of sight.	Обзору мешает фонтан.
We can't see the entrance unless we move into plain view on the piazza.	Вход можно увидеть только в том случае, если мы выдвинемся на площадь, на всеобщее обозрение.
What's your call?	Какие будут распоряжения?
Do you want us blind or vulnerable?"	Что вы предпочитаете - нашу слепоту или уязвимость?
Vittoria apparently had endured enough.	Эти слова оказались решающими. Терпение Виттории лопнуло окончательно.
"That's it.	- Все!
I'm going."	Я иду!

She opened her door and got out.	- Она распахнула дверцу и вылезла из машины.
Olivetti dropped his walkie talkie and jumped out of the car, circling in front of Vittoria.	Оливетти выронил рацию и, выскочив из автомобиля, стал на пути девушки.
Langdon got out too.	Лэнгдон тоже вышел из машины.
What the hell is she doing!	Что, дьявол ее побери, она делает?!
Olivetti blocked Vittoria's way. "Ms. Vetra, your instincts are good, but I cannot let a civilian interfere."	- Мисс Ветра, - преграждая путь Виттории, сказал Оливетти, - я понимаю все благородство ваших намерений, но вмешательства гражданского лица в ход операции не допущу.
"Interfere?	- Вмешательства?

You're flying blind.	Вы же действуете вслепую!
Let me help."	Разрешите мне вам помочь.
"I would love to have a recon point inside, but..."	- Я хотел бы разместить наблюдательный пост внутри, но...
"But what?" Vittoria demanded. "But I'm a woman?"	- Но не можете этого сделать, потому что я женщина. Не так ли?
Olivetti said nothing.	Оливетти промолчал.
"That had better not be what you were going to say, Commander, because you know damn well this is a good idea, and if you let some archaic macho bullshit-"	- И правильно делаете, что молчите, коммандер, -продолжала Виттория, - потому что вы понимаете, что это отличная идея, и если ваши замшелые взгляды не позволяют вам ее реализовать, то можете валить к...

"Let us do our job."	- Позвольте нам заниматься своей работой.
"Let me help."	- А вы позвольте мне вам помочь.

"Too dangerous.	- Поймите, мисс Ветра, это чрезвычайно опасно.
We would have no lines of communication with you. I can't let you carry a walkie talkie, it would give you away."	Между нами не будет связи, а взять с собой портативное радио я вам не позволю. Это сразу выдаст вас с головой.
Vittoria reached in her shirt pocket and produced her cell phone.	Виттория порылась в кармане рубашки и извлекла оттуда сотовый телефон.
"Plenty of tourists carry phones."	- Многие туристы пользуются мобильниками.

Olivetti frowned.	Оливетти помрачнел, видимо, не зная, что на это ответить.
Vittoria unsnapped the phone and mimicked a call.	Виттория открыла трубку и изобразила разговор:
"Hi, honey, I'm standing in the Pantheon.	- Привет, милый. Я сейчас стою в Пантеоне.
You should see this place!"	Тебе обязательно надо побывать в этом месте!
She snapped the phone shut and glared at Olivetti. "Who the hell is going to know?	- С этими словами она щелкнула трубкой и, глядя в глаза Оливетти, сказала: - Кто, к дьяволу, это поймет?
It is a no risk situation.	Здесь нет ни малейшего риска.
Let me be your eyes!"	Разрешите мне стать вашими глазами.

She motioned to the cell phone on Olivetti's belt. "What's your number?"	Дайте мне ваш номер, - закончила она и бросила взгляд в направлении висящего на поясе коммандера мобильника.
Olivetti did not reply.	Оливетти снова промолчал.
The driver had been looking on and seemed to have some thoughts of his own.	Водитель вдруг вылез из машины и подошел к ним. Видимо, у него возникли какие-то свои идеи.
He got out of the car and took the commander aside. They spoke in hushed tones for ten seconds.	Швейцарец отвел Оливетти в сторону, и некоторое время они что-то негромко обсуждали.

Finally Olivetti nodded and returned.	Беседа закончилась тем, что Оливетти кивнул и, подойдя к Виттории, сказал:
"Program this number." He began dictating digits.	- Введите этот номер.
Vittoria programmed her phone.	Виттория набрала цифры на своем аппарате.
"Now call the number."	- А теперь позвоните.
Vittoria pressed the auto dial. The phone on Olivetti's belt began ringing.	Девушка нажала кнопку автоматического набора, и телефон на поясе сразу же отозвался.
He picked it up and spoke into the receiver.	Офицер поднес аппарат к уху и сказал в микрофон:

"Go into the building, Ms. Vetra, look around, exit the building, then call and tell me what you see."	- Отправляйтесь в здание, мисс Ветра. Хорошенько все осмотрите и незамедлительно выходите на улицу, чтобы доложить обстановку.
Vittoria snapped the phone shut. "Thank you, sir."	- Есть, сэр! - бросила Виттория, щелкнула трубкой и добавила: - Благодарю вас, сэр!
Langdon felt a sudden, unexpected surge of protective instinct.	Лэнгдона охватило беспокойство. Он вдруг решил, что девушка нуждается в защите.

"Wait a minute," he said to Olivetti.	- Постойте, - сказал он, обращаясь к Оливетти.
"You're sending her in there alone."	- Неужели вы посылаете ее одну?

Vittoria scowled at him. "Robert, I'll be fine."	- Со мной, Роберт, ничего не случится, - бросила Виттория, явно недовольная вмешательством американца.
The Swiss Guard driver was talking to Olivetti again. "It's dangerous," Langdon said to Vittoria.	- Это опасно, - сказал Лэнгдон девушке.
"He's right," Olivetti said.	- Он прав, - подхватил Оливетти.
"Even my best men don't work alone.	- Даже мои лучшие люди не работают по одному.
My lieutenant has just pointed out that the masquerade will be more convincing with both of you anyway."	Лейтенант только что сказал мне, что маскарад будет выглядеть более убедительным, если вы пойдете вдвоем.

Both of us? Langdon hesitated.	"Вдвоем? - ощущая некоторую неуверенность, подумал Лэнгдон.
Actually, what I meant-	- А я-то хотел..."
"Both of you entering together," Olivetti said, "will look like a couple on holiday.	- Вы войдете вдвоем, - продолжал Оливетти. - У вас такой вид, что вы вполне сойдете за путешествующую парочку.
You can also back each other up. I'm more comfortable with that."	Кроме того, в случае необходимости вы можете друг другу помочь, да и я буду чувствовать себя спокойнее.
Vittoria shrugged. "Fine, but we'll need to go fast."	- Согласна, - пожала плечами Виттория. - Но действовать нам надо быстро.

Langdon groaned. Nice move, cowboy.	"Отличный ход, ковбой!.." - простонал про себя Лэнгдон.
Olivetti pointed down the street. "First street you hit will be Via degli Orfani.	- Вначале вы окажетесь на улице Орфани, - сказал Оливетти, указывая в пространство.
Go left.	- Сворачивайте налево.
It takes you directly to the Pantheon.	Улица приведет вас к Пантеону.
Two minute walk, tops.	Ходьбы максимум две минуты.
I'll be here, directing my men and waiting for your call.	Я останусь здесь - руководить своими людьми и ждать вашего звонка.
I'd like you to have protection."	Мне бы хотелось, чтобы вы могли себя защитить.
He pulled out his pistol.	- Он вынул из кобуры пистолет.

"Do either of you know how to use a gun?"	- Кто-нибудь из вас знает, как пользоваться этой штукой?
Langdon's heart skipped.	Лэнгдон почувствовал, как затрепетало его сердце.
We don't need a gun!	"На кой дьявол нам пистолет?" - подумал он.
Vittoria held her hand out.	Виттория, не говоря ни слова, протянула руку и взяла оружие.

"I can tag a breaching porpoise from forty meters off the bow of a rocking ship."	- Я могу с сорока метров попасть в выскакивающего из воды дельфина, стоя на носу раскачивающегося судна, - заявила она.
"Good." Olivetti handed the gun to her.	- Вот и отлично, - сказал Оливетти, вручая ей пистолет.

"You'll have to conceal it."	- Спрячьте его куда-нибудь.
Vittoria glanced down at her shorts. Then she looked at Langdon.	Виттория с сомнением посмотрела на свои узкие шорты, а затем перевела взгляд на Лэнгдона.
Oh no you don't! Langdon thought, but Vittoria was too fast.	"Боже мой! Только не это!.." - взмолился мысленно Лэнгдон. Но Виттория действовала быстро.
She opened his jacket, and inserted the weapon into one of his breast pockets.	Она распахнула полы его пиджака и сунула пистолет в один из внутренних карманов.

It felt like a rock dropping into his coat, his only consolation being that Diagramma was in the other pocket.	Американцу показалось, что в его карман опустили тяжелый булыжник. Утешало ученого лишь то, что страничка из "Диаграммы" находилась в другом кармане.
"We look harmless," Vittoria said.	- Мы смотримся вполне безобидно, - заключила Виттория.
"We're leaving."	- Поэтому - в путь!
She took Langdon's arm and headed down the street.	- С этими словами девушка взяла Лэнгдона за руку и потянула в сторону улицы.
The driver called out, "Arm in arm is good.	- Рука в руке - это прекрасно, - заметил водитель.
Remember, you're tourists.	- Запомните: вы туристы.

Newlyweds even.	Не исключено, что даже молодожены.
Perhaps if you held hands?"	Так что если вы сплетете руки...
As they turned the corner Langdon could have sworn he saw on Vittoria's face the hint of a smile.	Когда они свернули за угол, Лэнгдон был готов поклясться, что увидел на лице Виттории нечто похожее на улыбку.
59	Глава 59

The Swiss Guard "staging room" is located adjacent to the Corpo di Vigilanza barracks and is used primarily for planning the security surrounding papal appearances and public Vatican events.	Помещение, именуемое "Установочным центром" швейцарской гвардии, располагалось рядом с так называемым корпусом бдительности, или, попросту говоря, казармами гвардейцев. "Центр" был местом, где разрабатывались охранные меры на случай выхода папы на публику или каких-либо иных происходящих в Ватикане событий с большим скоплением людей.
Today, however, it was being used for something else.	Однако на сей раз "Установочный центр" служил совсем иным целям.

The man addressing the assembled task force was the second in command of the Swiss Guard, Captain Elias Rocher.	Группу солдат напутствовал второй по рангу офицер швейцарской гвардии капитан Илия Рошер.
Rocher was a barrel chested man with soft, puttylike features.	Это был крупный мужчина с широченной, как бочка, грудью и мягким, тестообразным лицом.

He wore the traditional blue captain's uniform with his own personal flair- a red beret cocked sideways on his head.	На нем был обычный синий капитанский мундир персональным отличием Рошера служил лишь красный, лихо надетый набекрень берет.

His voice was surprisingly crystalline for such a large man, and when he spoke, his tone had the clarity of a musical instrument.	У капитана был на удивление музыкальный голос, и когда он говорил, казалось, что звучит какой-то редкий инструмент.
Despite the precision of his inflection, Rocher's eyes were cloudy like those of some nocturnal mammal. His men called him "orso"-grizzly bear.	У столь могучих людей такой голос является большой редкостью. Несмотря на четкость речи, глаза капитана были слегка затуманены. Такие глаза частенько можно встретить у ночных млекопитающих. Солдаты называли его "орсо", что значит медведь-гризли.

They sometimes joked that Rocher was "the bear who walked in the viper's shadow."	Иногда они шутя говорили, что Рошер - "медведь, который ходит в тени гадюки".
Commander Olivetti was the viper.	Гадюкой, естественно, был коммандер Оливетти.
Rocher was just as deadly as the viper, but at least you could see him coming.	Медведь столь же опасен, как и гадюка, но вы по крайней мере знаете, когда он готовится напасть.

Rocher's men stood at sharp attention, nobody moving a muscle, although the information they had just received had increased their aggregate blood pressure by a few thousand points.	Солдаты стояли по стойке "смирно", не шевеля ни единым мускулом, хотя информация, которую они только что получили, подняла их суммарное кровяное давление на несколько тысяч пунктов.
Rookie Lieutenant Chartrand stood in the back of the room wishing he had been among the 99 percent of applicants who had not qualified to be here.	Лейтенант-стажер по имени Шартран, стоя в глубине комнаты, жалел о том, что не оказался в числе тех 99 процентов претендентов на доставшийся ему пост, чьи кандидатуры были отвергнуты.
At twenty years old, Chartrand was the youngest guard on the force.	В свои двадцать лет Шартран стал самым молодым офицером швейцарской гвардии.

He had been in Vatican City only three months.	В Ватикане он успел пробыть всего три месяца.
Like every man there, Chartrand was Swiss Army trained and had endured two years of additional ausbilding in Bern before qualifying for the grueling Vatican pr?va held in a secret barracks outside of Rome.	Как и каждый гвардеец, Шартран прошел подготовку в швейцарской армии и еще три трудных года подвергался муштре в секретных казармах под Берном.
Nothing in his training, however, had prepared him for a crisis like this.	Однако вся эта выучка в данном случае оказалась бесполезной. К катастрофе, подобной той, что случилась в Ватикане, его не готовили.

At first Chartrand thought the briefing was some sort of bizarre training exercise.	Поначалу Шартрану показалось, что этот брифинг является всего лишь разновидностью странного учения.
Futuristic weapons?	Оружие будущего?
Ancient cults?	Древние культы?
Kidnapped cardinals?	Похищенные кардиналы?
Then Rocher had shown them the live video feed of the weapon in question. Apparently this was no exercise.	Полная чушь! Но когда Рошер продемонстрировал им на экране эту тикающую футуристическую бомбу, он понял, что учением здесь и не пахнет.

"We will be killing power in selected areas," Rocher was saying, "to eradicate extraneous magnetic interference.	- В некоторых местах вверенной нам территории будет полностью отключено электричество, -продолжал Рошер. - Это будет сделано для того, чтобы полностью исключить влияние магнитных полей.
We will move in teams of four.	Работать будем командами по четыре человека.
We will wear infrared goggles for vision.	Все получат приборы ночного видения.
Reconnaissance will be done with traditional bug sweepers, recalibrated for sub three ohm flux fields.	Поиск будет проходить с применением стандартного набора инструментов, калиброванных на поиск специфического излучения.

Any questions?"	Вопросы?
None.	Вопросов не последовало.
Chartrand's mind was on overload.	Лишь лейтенант Шартран, мозг которого уже закипал от перегрузки, спросил:
"What if we don't find it in time?" he asked, immediately wishing he had not.	- А что случится, если к установленному сроку мы ничего не найдем?
The grizzly bear gazed out at him from beneath his red beret.	В ответ Медведь одарил его таким взглядом из-под красного берета, что лейтенант тут же пожалел о своей чрезмерной любознательности.
Then he dismissed the group with a somber salute. "Godspeed, men."	- Да поможет вам Бог, солдаты, - мрачно закончил капитан, приложив руку к виску в салюте.

60	Глава 60
Two blocks from the Pantheon, Langdon and Vittoria approached on foot past a line of taxis, their drivers sleeping in the front seats.	Последние два квартала, оставшиеся до Пантеона, Лэнгдон и Виттория шли вдоль ряда припаркованных у тротуара такси. Водители машин спали, примостившись на передних сиденьях.
Nap time was eternal in the Eternal City-the ubiquitous public dozing a perfected extension of the afternoon siestas born of ancient Spain.	Тяга ко сну является вечной чертой Вечного города. Повсеместная дрема в предвечернем Риме была лишь естественным продолжением рожденной в древней Испании традиции послеполуденной сиесты.

Langdon fought to focus his thoughts, but the situation was too bizarre to grasp rationally.	Лэнгдон пытался привести в порядок свои мысли. Однако ситуация казалась ученому настолько странной и нелепой, что сосредоточиться он никак не мог.
Six hours ago he had been sound asleep in Cambridge.	Всего шесть часов назад он тихо и мирно спал в Кембридже.
Now he was in Europe, caught up in a surreal battle of ancient titans, packing a semiautomatic in his Harris tweed, and holding hands with a woman he had only just met.	И вот менее чем через четверть суток он оказался в Европе, чтобы принять участие в сюрреалистической битве древних титанов. Он, известный ученый, шагает по улицам Рима с полуавтоматическим пистолетом в кармане твидового пиджака, волоча при этом за собой какую-то малознакомую девицу.

He looked at Vittoria. She was focused straight ahead.	Лэнгдон покосился на девушку, которая, казалось, была преисполнена решимости.
There was a strength in her grasp-that of an independent and determined woman. Her fingers wrapped around his with the comfort of innate acceptance.	Она крепко, как будто это было само собой разумеющимсясобой разумеющимся, держала его за руку.
No hesitation.	Ни малейших признаков колебания. В ней присутствовала какая-то врожденная уверенность в себе.
Langdon felt a growing attraction.	Лэнгдон начинал проникаться к ней все большей и большей симпатией.

Get real, he told himself.	"Держитесь ближе к земле, профессор", - сказал он самому себе.
Vittoria seemed to sense his uneasiness.	Виттория заметила его внутреннее напряжение.
"Relax," she said, without turning her head.	- Расслабьтесь! - не поворачивая головы, бросила она.
"We're supposed to look like newlyweds."	- Не забывайте, мы должны казаться молодоженами.
"I'm relaxed."	- Я вполне спокоен.
"You're crushing my hand."	- Тогда почему вы раздавили мне руку?
Langdon flushed and loosened up.	Лэнгдон покраснел и ослабил захват.
"Breathe through your eyes," she said.	- Дышите глазами.

"I'm sorry?"	- Простите, не понял...
"It relaxes the muscles. It's called pranayama."	- Этот прием расслабляет мускулатуру и называется праньяма.
"Piranha?"	- Пиранья?
"Not the fish.	- Нет. К рыбе это не имеет никакого отношения.
Pranayama.	Праньяма!
Never mind."	Впрочем, забудьте.
As they rounded the corner into Piazza della Rotunda, the Pantheon rose before them.	Выйдя на пьяцца делла Ротунда, они оказались прямо перед Пантеоном.
Langdon admired it, as always, with awe.	Это сооружение всегда восхищало Лэнгдона, ученый относился к нему с огромным почтением.

The Pantheon.	Пантеон.
Temple to all gods.	Храм всех богов.
Pagan gods.	Языческих божеств.
Gods of Nature and Earth.	Божеств природы и земли.
The structure seemed boxier from the outside than he remembered.	Строение оказалось более угловатым, чем он себе представлял.

The vertical pillars and triangular pronaus all but obscured the circular dome behind it.	Вертикальные колонны и треугольный фронтон скрывали находящиеся за ними купол и круглое тело здания.

Still, the bold and immodest inscription over the entrance assured him they were in the right spot.	Латинская надпись над входом гласила:
M AGRIPPA L F COS TERTIUM FECIT. Langdon translated it, as always, with amusement. Marcus Agrippa, Consul for the third time, built this.	"M. AGRIPPA L F COS TERTIUM FECIT" ("Марк Агриппа , избранный консулом в третий раз, воздвиг это").
So much for humility, he thought, turning his eyes to the surrounding area.	Да, скромностью этот Марк не отличался, подумал Лэнгдон, осматриваясь по сторонам.

A scattering of tourists with video cameras wandered the area.	По площади бродило множество вооруженных видеокамерами туристов.
Others sat enjoying Rome's best iced coffee at La Tazza di Oro's outdoor cafe.	Некоторые из них наслаждались лучшим в Риме кофе со льдом в знаменитом уличном кафе "La Tazza di Oro" .
Outside the entrance to the Pantheon, four armed Roman policemen stood at attention just as Olivetti had predicted.	У входа в Пантеон, как и предсказывал Оливетти, виднелись четверо вооруженных полицейских.
"Looks pretty quiet," Vittoria said.	- Все выглядит довольно спокойным, - заметила Виттория.
Langdon nodded, but he felt troubled.	Лэнгдон согласно кивнул, однако его не оставляла тревога.

Now that he was standing here in person, the whole scenario seemed surreal.	Теперь, когда он стоял у входа в Пантеон, весь разработанный им сценарий казался ему самому абсолютно фантастичным.
Despite Vittoria's apparent faith that he was right, Langdon realized he had put everyone on the line here.	Виттория верила в то, что он прав, но самого его начинали одолевать сомнения. Ставка была слишком большой. Не надо волноваться, убеждал он себя.
The Illuminati poem lingered.	В четверостишии четко сказано:
From Santi's earthly tomb with demon's hole. YES, he told himself.	"Найди гробницу Санти с дьявольской дырою".
This was the spot.	И вот он на месте.
Santi's tomb.	Именно здесь находится гробница Санти.

He had been here many times beneath the Pantheon's oculus and stood before the grave of the great Raphael.	Ему не раз приходилось стоять под отверстием в крыше храма перед могилой великого художника.
"What time is it?" Vittoria asked.	- Который час? - поинтересовалась Виттория.
Langdon checked his watch. "Seven fifty.	- Семь пятьдесят, - ответил Лэнгдон, бросив взгляд на часы.
Ten minutes till show time."	- До начала спектакля осталось десять минут.
"Hope these guys are good," Vittoria said, eyeing the scattered tourists entering the Pantheon.	- Надеюсь, что все это добропорядочные граждане, - сказала Виттория, окинув взглядом глазеющих на Пантеон туристов.

"If anything happens inside that dome, we'll all be in the crossfire."	- Если это не так, а в Пантеоне что-то случится, мы можем оказаться под перекрестным огнем.
Langdon exhaled heavily as they moved toward the entrance.	Лэнгдон тяжело вздохнул, и они двинулись ко входу в храм.
The gun felt heavy in his pocket.	Пистолет оттягивал карман пиджака.
He wondered what would happen if the policemen frisked him and found the weapon, but the officers did not give them a second look.	Интересно, что произойдет, если полицейские решат его обыскать и найдут оружие? Но тревоги американца оказались напрасными: полицейские едва удостоили их взглядом.
Apparently the disguise was convincing.	Видимо, их мимикрия оказалась убедительной.

Langdon whispered to Vittoria. "Ever fire anything other than a tranquilizer gun?"	- Вам приходилось стрелять из чего-нибудь, кроме ружья с усыпляющими зарядами? -прошептал Лэнгдон, склонившись к Виттории.
"Don't you trust me?"	- Неужели вы в меня не верите?
"Trust you?	- С какой стати я должен в вас верить?
I barely know you."	Ведь мы едва знакомы.
Vittoria frowned. "And here I thought we were newlyweds."	- А я-то полагала, что мы - молодожены, -улыбнулась девушка.
61	Глава 61
The air inside the Pantheon was cool and damp, heavy with history.	Воздух в Пантеоне был прохладным, чуть влажным и насквозь пропитанным историей.

The sprawling ceiling hovered overhead as though weightless-the 141 foot unsupported span larger even than the cupola at St. Peter's.	Куполообразный, с пятью рядами кессонов потолок возносился на высоту более сорока трех метров. Лишенный каких-либо опор купол казался невесомым, хотя диаметром превосходил купол собора Святого Петра.
As always, Langdon felt a chill as he entered the cavernous room. It was a remarkable fusion of engineering and art.	Входя в этот грандиозный сплав инженерного мастерства и высокого искусства, Лэнгдон всегда холодел от восторга.
Above them the famous circular hole in the roof glowed with a narrow shaft of evening sun.	Из находящегося над их головой отверстия узкой полосой лился свет вечернего солнца.

The oculus, Langdon thought.	"Oculus, - подумал Лэнгдон.
The demon's hole.	- Дьявольская дыра".
They had arrived.	Итак, они на месте.
Langdon's eyes traced the arch of the ceiling sloping outward to the columned walls and finally down to the polished marble floor beneath their feet.	Лэнгдон посмотрел на потолок, на украшенные колоннами стены и на мраморный пол под ногами.
The faint echo of footfalls and tourist murmurs reverberated around the dome.	От свода храма едва слышно отражалось эхо шагов и почтительного шепота туристов.
Langdon scanned the dozen or so tourists wandering aimlessly in the shadows.	Американец обежал взглядом дюжину зевак, бесцельно шляющихся в тени вдоль стен.

Are you here?	Кто эти люди? И есть ли среди них тот, кого они ищут?

"Looks pretty quiet," Vittoria said, still holding his hand.	- Все очень спокойно, - заметила Виттория.
Langdon nodded.	Лэнгдон кивнул, соглашаясь.
"Where's Raphael's tomb?"	- А где могила Рафаэля?
Langdon thought for a moment, trying to get his bearings.	Лэнгдон ответил не сразу, пытаясь сообразить, где находится гробница.
He surveyed the circumference of the room.	Он обвел глазами круглый зал.
Tombs.	Надгробия.
Altars.	Алтари.

Pillars.	Колонны.
Niches.	Ниши.
He motioned to a particularly ornate funerary across the dome and to the left.	Подумав немного, он показал на группу изысканных надгробий в левой части противоположной стороны зала.
"I think that's Raphael's over there."	- Думаю, что гробница Санти там.
Vittoria scanned the rest of the room. "I don't see anyone who looks like an assassin about to kill a cardinal. Shall we look around?"	- Я не вижу никого, кто хотя бы отдаленно смахивал на убийцу, - сказала Виттория, еще раз внимательно оглядев помещение.

Langdon nodded. "There's only one spot in here where anyone could be hiding.	- Здесь не много мест, где можно было бы укрыться, - заметил Лэнгдон.
We better check the rientranze."	- Прежде всего нам следует осмотреть reintranze.
"The recesses?"	- Ниши? - уточнила Виттория.
"Yes." Langdon pointed.	- Да, - сказал американец.
"The recesses in the wall."	- Ниши в стене.
Around the perimeter, interspersed with the tombs, a series of semicircular niches were hewn in the wall.	По всему периметру зала в стенах, перемежаясь с гробницами, находились углубления.

The niches, although not enormous, were big enough to hide someone in the shadows.	Эти обрамленные колоннами ниши были неглубокими, но царившая в них тень все же могла служить убежищем.
Sadly, Langdon knew they once contained statues of the Olympian gods, but the pagan sculptures had been destroyed when the Vatican converted the Pantheon to a Christian church.	В свое время там стояли статуи богов-олимпийцев, но все языческие скульптуры уничтожили, когда античный храм был превращен в христианскую церковь.
He felt a pang of frustration to know he was standing at the first altar of science, and the marker was gone.	Этот факт очень огорчал Лэнгдона, и он чувствовал бессилие отчаяния, понимая, что стоит у первого алтаря науки, а все вехи, указывающие дальнейший путь, разрушены.

He wondered which statue it had been, and where it had pointed.	Интересно, кому из олимпийцев была посвящена та статуя и в каком направлении она указывала?
Langdon could imagine no greater thrill than finding an Illuminati marker-a statue that surreptitiously pointed the way down the Path of Illumination.	Ученый понимал, какой восторг он мог бы почувствовать, увидев первую веху на Пути просвещения. Но вехи, увы, не было.

Again he wondered who the anonymous Illuminati sculptor had been.	Интересно, думал он, кто мог быть тем скульптором, трудом которого воспользовалось братство "Иллюминати"?

"I'll take the left arc," Vittoria said, indicating the left half of the circumference.	- Я беру на себя левое полукружие, - сказала Виттория, обводя рукой одну сторону зала.
"You go right.	- А вам оставляю правое.
See you in a hundred and eighty degrees."	Встретимся через сто восемьдесят градусов.
Langdon smiled grimly. As Vittoria moved off, Langdon felt the eerie horror of the situation seeping back into his mind.	Виттория двинулась влево, и Лэнгдон, с новой силой ощутив весь ужас своего положения, невесело улыбнулся.
As he turned and made his way to the right, the killer's voice seemed to whisper in the dead space around him.	Он пошел направо, и ему казалось, что вслед ему раздался шепот:

Eight o'clock.	"Спектакль начнется в восемь часов.
Virgin sacrifices on the altars of science.	Невинные жертвы на алтаре науки.
A mathematical progression of death.	Один кардинал каждый час. Математическая прогрессия смерти.
Eight, nine, ten, eleven... and at midnight.	В восемь, девять, десять, одиннадцать... и в полночь".
Langdon checked his watch: 7:52.	Лэнгдон снова посмотрел на часы. 7:52.
Eight minutes.	Осталось всего восемь минут.
As Langdon moved toward the first recess, he passed the tomb of one of Italy's Catholic kings.	На пути к первой нише Лэнгдон прошел мимо гробницы одного из католических правителей Италии.

The sarcophagus, like many in Rome, was askew with the wall, positioned awkwardly.	Его саркофаг, как это часто бывает в Риме, стоял под углом к стене.
A group of visitors seemed confused by this.	Группа иностранных туристов с недоумением взирала на эту, с их точки зрения, нелепость.
Langdon did not stop to explain.	Лэнгдон не стал тратить время на то, чтобы разъяснять причины.
Formal Christian tombs were often misaligned with the architecture so they could lie facing east.	Дело в том, что по христианскому обычаю все захоронения должны быть ориентированы так, чтобы покойники смотрели на восток, и обычай частенько вступал в противоречие с требованиями архитектуры.

It was an ancient superstition that Langdon's Symbology 212 class had discussed just last month.	Американец улыбнулся, вспомнив, как этот предрассудок совсем недавно обсуждался на его семинаре по проблемам религиозной символики.
"That's totally incongruous!" a female student in the front had blurted when Langdon explained the reason for east facing tombs.	- Но это же полная нелепость! - громко возмущалась одна из студенток.
"Why would Christians want their tombs to face the rising sun?	- Почему церковь хочет, чтобы мертвецы смотрели на восходящее солнце?

We're talking about Christianity... not sun worship!"	Ведь мы же говорим о христианах, а не... о солнцепоклонниках!

Langdon smiled, pacing before the blackboard, chewing an apple. "Mr. Hitzrot!" he shouted.	- Мистер Хитцрот! - воскликнул Лэнгдон, который в этот момент расхаживал у доски, жуя яблоко.
A young man dozing in back sat up with a start.	Дремлющий в последнем ряду студент даже подпрыгнул от неожиданности.
"What!	- Кто?
Me?"	Я?
Langdon pointed to a Renaissance art poster on the wall. "Who is that man kneeling before God?"	- Вы, вы, - подтвердил Лэнгдон и, указывая на прикрепленную к стене репродукцию какой-то картины периода Ренессанса, продолжил: - Кто, по вашему мнению, человек, преклонивший колени перед Творцом?

"Um... some saint?"	- Хм-м... Какой-то святой, видимо.
"Brilliant.	- Превосходно.
And how do you know he's a saint?"	А откуда вам стало известно, что это - святой?
"He's got a halo?"	- У него над головой нимб.
"Excellent, and does that golden halo remind you of anything?"	- Прекрасно. И этот золотой нимб вам ничего не напоминает?
Hitzrot broke into a smile. "Yeah!	- Напоминает, - расплылся в широкой улыбке Хитцрот.
Those Egyptian things we studied last term.	- Это похоже на те египетские штуки, которые мы изучали в прошлом семестре.
Those... um... sun disks!"	Как их там?.. Ах да! Солнечные диски!

"Thank you, Hitzrot.	- Благодарю вас, Хитцрот.
Go back to sleep." Langdon turned back to the class. "Halos, like much of Christian symbology, were borrowed from the ancient Egyptian religion of sun worship.	Можете спать дальше, - милостиво произнес Лэнгдон и, поворачиваясь к классу, продолжил: -Нимбы, как и многие иные символы христианства, позаимствованы у древних египтян, которые поклонялись солнцу.
Christianity is filled with examples of sun worship."	В христианстве можно найти массу отголосков этой старинной религии.
"Excuse me?" the girl in front said. "I go to church all the time, and I don't see much sun worshiping going on!"	- Простите, - не сдавалась девица в первом ряду, -я регулярно хожу в церковь и не вижу, чтобы там поклонялись солнцу.

"Really?	- Неужели?
What do you celebrate on December twenty fifth?"	Скажите, какое событие вы отмечаете двадцать пятого декабря?
"Christmas.	- Рождество.
The birth of Jesus Christ."	Рождение Иисуса Христа.

"And yet according to the Bible, Christ was born in March, so what are we doing celebrating in late December?"	- Однако, согласно Библии, Спаситель был рожден в марте. С какой стати мы отмечаем день его появления на свет в декабре?
Silence.	В аудитории воцарилось молчание.

Langdon smiled. "December twenty fifth, my friends, is the ancient pagan holiday of sol invictus- Unconquered Sun-coinciding with the winter solstice.	- На двадцать пятое декабря, друзья мои, -улыбнулся Лэнгдон, - приходился древний языческий праздник, именовавшийся sol invictus, что на нашем языке означает "непобедимое солнце".
It's that wonderful time of year when the sun returns, and the days start getting longer."	И это, как вам, видимо, известно, - день зимнего солнцеворота, тот замечательный момент, когда солнце возвращается к нам и дни становятся длиннее.

Langdon took another bite of apple. "Conquering religions," he continued, "often adopt existing holidays to make conversion less shocking.	- Лэнгдон откусил от яблока кусок, прожевал его и продолжил: - Конкурирующие религии частенько присваивают существующие у противной стороны праздники, дабы облегчить переход к новой вере.
It's called transmutation. It helps people acclimatize to the new faith.	Этот процесс, именуемый transmutatum, позволяет людям избежать потрясений при адаптации к новой для них религии.

Worshipers keep the same holy dates, pray in the same sacred locations, use a similar symbology... and they simply substitute a different god."	Верующие продолжают отмечать прежние праздники, возносить молитвы в знакомых местах и пользоваться привычными символами... они просто замещают одного бога другим.
Now the girl in front looked furious.	Эти слова привели девицу в первом ряду в полную ярость.
"You're implying Christianity is just some kind of... repackaged sun worship!"	- Вы хотите сказать, что христианство есть не что иное, как солнцепоклонство, но только в иной упаковке?!
"Not at all.	- Вовсе нет.

Christianity did not borrow only from sun worship.	Христианство позаимствовало свои ритуалы не только у солнцепоклонников.
The ritual of Christian canonization is taken from the ancient 'god making' rite of Euhemerus.	Канонизация, например, отражает обряд рождения "новых богов", описанный древними авторами.
The practice of 'god eating'-that is, Holy Communion-was borrowed from the Aztecs.	Практика "съедения божества" - наше Святое причастие - встречается у ацтеков.

Even the concept of Christ dying for our sins is arguably not exclusively Christian; the self sacrifice of a young man to absolve the sins of his people appears in the earliest tradition of the Quetzalcoatl."	Даже умирающий на кресте за наши грехи Христос - концепция, как утверждают некоторые исследователи, не только христианская. Согласно традициям ранних адептов Кецалькоатля , юноша приносил себя в жертву, искупая грехи других членов общества.
The girl glared. "So, is anything in Christianity original?"	- Но хоть что-нибудь в христианстве является оригинальным? - испепеляя профессора взглядом, спросила девица.

"Very little in any organized faith is truly original.	- В любой организованной религии оригинального крайне мало.

Religions are not born from scratch.	Религии не рождаются на пустом месте.
They grow from one another.	Они произрастают одна из другой.
Modern religion is a collage... an assimilated historical record of man's quest to understand the divine."	Современные верования являют собой своего рода коллаж... вобравший в себя все попытки человечества постичь суть божественного.
"Um... hold on," Hitzrot ventured, sounding awake now.	- Постойте, постойте! - возник окончательно проснувшийся мистер Хитцрот.
"I know something Christian that's original.	- Я обнаружил в христианстве то, что является совершенно оригинальным.
How about our image of God?	Как насчет изображения Бога?

Christian art never portrays God as the hawk sun god, or as an Aztec, or as anything weird.	Христиане никогда не представляли Творца в виде ястреба или чудища, какими изображали своих божеств ацтеки. Одним словом, наш Создатель никогда не имел облика странного или ужасного.
It always shows God as an old man with a white beard.	Напротив, он всегда представлялся благообразным старцем с седой бородой.
So our image of God is original, right?"	Итак, образ нашего Бога есть явление оригинальное, не так ли?

Langdon smiled. "When the early Christian converts abandoned their former deities- pagan gods, Roman gods, Greek, sun, Mithraic, whatever-they asked the church what their new Christian God looked like.	- Когда недавно обращенные христиане отказывались от своих богов - языческих, греческих, римских или иных, - они постоянно задавали вопрос, как выглядит их новое верховное божество, - с улыбкой произнес Лэнгдон.
Wisely, the church chose the most feared, powerful... and familiar face in all of recorded history."	- Церковь, со свойственной ей мудростью, избрала на эту роль одну из самых могущественных и почитаемых фигур... наиболее узнаваемое лицо в истории человечества.

Hitzrot looked skeptical. "An old man with a white, flowing beard?"	- Старика с белой развевающейся бородой? -скептически спросил Хитцрот.
Langdon pointed to a hierarchy of ancient gods on the wall.	Лэнгдон показал на сонм древних богов, изображенных на прикрепленном к стене плакате.
At the top sat an old man with a white, flowing beard.	Во главе их восседал старец с белой, развевающейся по ветру бородой.
"Does Zeus look familiar?"	- А Зевс вам никого не напоминает? - спросил Лэнгдон.
The class ended right on cue.	Прозвучал звонок, и занятия на этом закончились.

"Good evening," a man's voice said.	- Добрый вечер, - произнес за его спиной мужской голос.
Langdon jumped.	От неожиданности Лэнгдон едва не подпрыгнул.
He was back in the Pantheon.	Голос вернул его назад в Пантеон.

He turned to face an elderly man in a blue cape with a red cross on the chest.	Оглянувшись, он увидел пожилого человека в синей сутане с красным крестом на груди.
The man gave him a gray toothed smile.	Продемонстрировав в улыбке не совсем здоровые зубы, человек спросил с сильным тосканским акцентом:

"You're English, right?" The man's accent was thick Tuscan.	- Ведь вы же англичанин? Не так ли?
Langdon blinked, confused. "Actually, no.	- Вообще-то нет, - почему-то смущенно ответил Лэнгдон.
I'm American."	- Я американец.
The man looked embarrassed.	Настала очередь смущаться незнакомцу.
"Oh heavens, forgive me.	- Простите меня ради Бога, - сказал он.
You were so nicely dressed, I just figured... my apologies."	- Вы так хорошо одеты, что я решил... Примите мои извинения.
"Can I help you?"	- Чем могу вам помочь? - спросил Лэнгдон.

Langdon asked, his heart beating wildly.	Неожиданное появление служки испугало американца, и сердце его колотилось, никак не желая успокаиваться.
"Actually I thought perhaps I could help you.	- Я надеялся, что это мне удастся вам помочь.
I am the cicerone here."	Я выступаю здесь в качестве чичероне.
The man pointed proudly to his city issued badge. "It is my job to make your visit to Rome more interesting."	- С гордостью указав на выданный городом официальный значок, он добавил: - Мой долг сделать так, чтобы ваше пребывание в Риме доставило вам максимальное удовольствие.
More interesting?	"Максимальное удовольствие?

Langdon was certain this particular visit to Rome was plenty interesting.	Такого удовольствия, находясь в Риме, я не испытывал никогда, - подумал американец, - и, надеюсь, не испытаю впредь".
"You look like a man of distinction," the guide fawned, "no doubt more interested in culture than most.	- Вы кажетесь мне весьма достойным человеком, -льстиво произнес гид, - и вопросы культуры вас интересуют значительно больше, чем остальных туристов.
Perhaps I can give you some history on this fascinating building."	Если желаете, я мог бы рассказать вам об истории этого восхитительного сооружения.
Langdon smiled politely. "Kind of you, but I'm actually an art historian myself, and-"	- Это очень мило с вашей стороны, - вежливо улыбнулся Лэнгдон, - но поскольку я сам профессионально занимаюсь историей культуры...

"Superb!"	- Замечательно!
The man's eyes lit up like he'd hit the jackpot.	- Глаза чичероне засияли так, словно он только что выиграл главный приз в лотерее.
"Then you will no doubt find this delightful!" "I think I'd prefer to-"	- В таком случае вы наверняка получите удовольствие от моего рассказа!

"The Pantheon," the man declared, launching into his memorized spiel, "was built by Marcus Agrippa in 27 B.C."	Пантеон, - начал свою заученную речь гид, - был сооружен Марком Агриппой в 27 году до Рождества Христова...

"Yes," Langdon interjected, "and rebuilt by Hadrian in 119 A.D."	- И перестроен императором Адрианом в 120 году нашей эры, - перебил тосканца Лэнгдон.
"It was the world's largest free standing dome until 1960 when it was eclipsed by the Superdome in New Orleans!"	- Купол Пантеона оставался самым большим безопорным сооружением подобного рода до тех пор, пока в 1960 году в Новом Орлеане не был построен стадион, известный под названием "Супердоум".
Langdon groaned.	Лэнгдон застонал.
The man was unstoppable.	Этого человека невозможно было остановить.

"And a fifth century theologian once called the Pantheon the House of the Devil, warning that the hole in the roof was an entrance for demons!"	- ...а в пятом веке один теолог назвал Пантеон Домом дьявола. Он считал, что отверстие в крыше является вратами для демонов.
Langdon blocked him out.	Лэнгдон отключил слух и обратил взор на круглое окно в куполе.
His eyes climbed skyward to the oculus, and the memory of Vittoria's suggested plot flashed a bone numbing image in his mind... a branded cardinal falling through the hole and hitting the marble floor.	Вспомнив предположение Виттории о возможном способе убийства, он представил, как из дыры над его головой вываливается заклейменный кардинал и с глухим стуком падает на мраморный пол.

Now that would be a media event.	И это событие должно привлечь внимание прессы.
Langdon found himself scanning the Pantheon for reporters.	Кажется, так выразился убийца. Лэнгдон огляделся в поисках репортеров.
None.	Таковых в Пантеоне не оказалось.
He inhaled deeply. It was an absurd idea. The logistics of pulling off a stunt like that would be ridiculous.	Поняв, что теория Виттории не выдерживает критики и что подобный трюк является полным абсурдом, американец тяжело вздохнул.

As Langdon moved off to continue his inspection, the babbling docent followed like a love starved puppy.	Лэнгдон продолжил осмотр, а лектор, не прекращая бубнить, тащился за ним по пятам, словно преданный пес.
Remind me, Langdon thought to himself, there's nothing worse than a gung ho art historian.	Это еще раз подтверждает, подумал американец, что в мире нет ничего хуже, чем влюбленный в свое дело специалист по истории искусств.
Across the room, Vittoria was immersed in her own search.	На противоположной стороне зала Виттория с головой ушла в собственное расследование.

Standing all alone for the first time since she had heard the news of her father, she felt the stark reality of the last eight hours closing in around her.	Девушка впервые осталась одна с того момента, когда услышала о смерти отца. Только сейчас до нее наконец полностью дошла страшная реальность последних восьми часов ее жизни.
Her father had been murdered-cruelly and abruptly.	Отца убили. Убили неожиданно и жестоко.
Almost equally painful was that her father's creation had been corrupted-now a tool of terrorists.	Почти такую же боль причиняло ей и то, что труд всей жизни отца оказался осквернен-ным, став оружием в руках террористов.

Vittoria was plagued with guilt to think that it was her invention that had enabled the antimatter to be transported... her canister that was now counting down inside the Vatican.	Виттория чувствовала себя виноватой в том, что именно она изобрела способ хранения антивещества и это изобретение позволило доставить разрушительную материю в Ватикан.
In an effort to serve her father's quest for the simplicity of truth... she had become a conspirator of chaos.	Пытаясь помочь отцу в его поисках истины, она невольно стала соучастницей страшного, сеющего хаос заговора.
Oddly, the only thing that felt right in her life at the moment was the presence of a total stranger.	Как ни странно, но единственным ее утешением стало присутствие в ее жизни практически незнакомого ей иностранца.

Robert Langdon.	Роберта Лэнгдона.
She found an inexplicable refuge in his eyes... like the harmony of the oceans she had left behind early that morning.	Его взгляд вселял в ее душу необъяснимый покой... так же, как гармония океана, на берегах которого она находилась еще этим утром.
She was glad he was there.	Девушку радовало, что этот человек оказался рядом с ней.
Not only had he been a source of strength and hope for her, Langdon had used his quick mind to render this one chance to catch her father's killer.	И дело было не только в том, что он внушал ей надежду и придавал дополнительную силу. Тренированный и быстрый ум этого человека повышал шансы на то, что убийцу отца удастся схватить.

Vittoria breathed deeply as she continued her search, moving around the perimeter.	Виттория продолжала поиски, передвигаясь по окружности зала.
She was overwhelmed by the unexpected images of personal revenge that had dominated her thoughts all day.	Все ее помыслы теперь были направлены на месть.
Even as a sworn lover of all life... she wanted this executioner dead.	Являясь исследователем всех форм жизни на Земле, она хотела видеть убийцу отца мертвым.
No amount of good karma could make her turn the other cheek today.	Никакой поток доброй кармы не мог сегодня заставить ее подставить для удара другую щеку.

Alarmed and electrified, she sensed something coursing through her Italian blood that she had never felt before... the whispers of Sicilian ancestors defending family honor with brutal justice.	Ее итальянская кровь закипала чувствами, которые ранее девушка никогда не испытывала, и это ее тревожило. Виттории казалось, что сицилийские предки нашептывают ей на ухо одно-единственное слово...
Vendetta, Vittoria thought, and for the first time in her life understood.	Вендетта. Впервые в жизни Виттория поняла, что такое желание кровной мести.
Visions of reprisal spurred her on. She approached the tomb of Raphael Santi.	Невольно ускорив шаги под влиянием обуревавших ее чувств, она подошла к гробнице Рафаэля Санти.

Even from a distance she could tell this guy was special.	Даже на расстоянии она заметила, что к этому человеку здесь относились особенно тепло.
His casket, unlike the others, was protected by a Plexiglas shield and recessed into the wall.	Его саркофаг был встроен в стену, и надгробие в отличие от всех других закрывал щит из плексигласа.
Through the barrier she could see the front of the sarcophagus.	За этим прозрачным экраном находилась надпись:

Raphael Santi 1483 1520	Рафаэль Санти 1483-1520

Vittoria studied the grave and then read the one sentence descriptive plaque beside Raphael's tomb.	Виттория внимательно изучила захоронение, а затем прочитала то, что было написано на табличке, прикрепленной к стене рядом с гробницей.
Then she read it again.	Не веря своим глазам, она снова перечитала единственную содержащуюся в ней фразу.
Then... she read it again.	Затем еще раз. И еще.
A moment later, she was dashing in horror across the floor.	Через мгновение она уже мчалась по мраморному полу, выкрикивая на бегу:
"Robert!	- Роберт!
Robert!"	Роберт!!!
62	Глава 62

Langdon's progress around his side of the Pantheon was being hampered somewhat by the guide on his heels, now continuing his tireless narration as Langdon prepared to check the final alcove.	Продвижению Лэнгдона вдоль стены Пантеона мешал тащившийся за ним по пятам и не перестававший болтать чичероне. Когда американец собрался обследовать очередную нишу, гид восторженно воскликнул:
"You certainly seem to be enjoying those niches!" the docent said, looking delighted.	- Я вижу, что вы восхищены этими углублениями в стенах!
"Were you aware that the tapering thickness of the walls is the reason the dome appears weightless?"	А вам известно, что купол кажется невесомым потому, что толщина стен к потолку постепенно уменьшается?

Langdon nodded, not hearing a word as he prepared to examine another niche.	Лэнгдон кивнул, хотя и не слышал ни слова, так как уже приготовился осматривать следующую нишу.
Suddenly someone grabbed him from behind.	Неожиданно он почувствовал, что кто-то сзади схватил его за руку.
It was Vittoria.	Это была Виттория.
She was breathless and tugging at his arm.	Задыхаясь от волнения, девушка молча тянула его за рукав.
From the look of terror on her face, Langdon could only imagine one thing. She found a body.	Она обнаружила тело, подумал Лэнгдон, увидев на ее лице выражение ужаса.
He felt an upswelling of dread.	В этот миг он и сам ощутил страх.

"Ah, your wife!" the docent exclaimed, clearly thrilled to have another guest.	- О, ваша супруга! - воскликнул чичероне, безмерно обрадовавшись появлению еще одного слушателя.
He motioned to her short pants and hiking boots. "Now you I can tell are American!"	Указав на короткие шорты в обтяжку и на альпийские ботинки, он произнес: - Теперь я могу с уверенностью сказать, что передо мной американка.
Vittoria's eyes narrowed. "I'm Italian."	- Я итальянка, - бросила Виттория.
The guide's smile dimmed. "Oh, dear."	- О Боже! - Появившаяся на губах гида улыбка почему-то сразу потухла.

"Robert," Vittoria whispered, trying to turn her back on the guide.	- Роберт, - прошепта- ла девушка, стараясь держаться спиной к экскурсоводу, - где
"Galileo's Diagramma.	"Диаграмма" Галилея?
I need to see it."	Я должна ее увидеть.
"Diagramma?" the docent said, wheedling back in.	- О, "Diagramma"! - вступил чичероне, ви- димо, не желая упус- кать нить разговора.
"My!	- Великий Боже!
You two certainly know your history!	Вы, друзья мои, похо- же, блестяще знаете историю.
Unfortunately that document is not viewable.	Однако, к сожалению, этот документ для обо- зрения закрыт.

It is under secret preservation in the Vatican Arc-"	Он хранится в секретном архи...
"Could you excuse us?" Langdon said.	- Извините, - прервал его Лэнгдон.
He was confused by Vittoria's panic.	Паническое состояние Виттории и его выбило из колеи.
He took her aside and reached in his pocket, carefully extracting the Diagramma folio.	Ученый отвел девушку чуть в сторону и осторожно вытащил "Диаграмму" из внутреннего кармана пиджака.
"What's going on?"	- В чем дело? - спросил он.

"What's the date on this thing?"	- Когда была напечатана эта работа? - спросила Виттория, пробегая глазами листок.
Vittoria demanded, scanning the sheet.	Гид снова оказался с ними рядом.
The docent was on them again, staring at the folio, mouth agape.	Он с широко открытым ртом взирал на документ.
"That's not... really..."	- Не может быть... Это же не...
"Tourist reproduction," Langdon quipped.	- Репродукция для туристов, - бросил Лэнгдон.
"Thank you for your help.	- Благодарю вас за интересный рассказ.
Please, my wife and I would like a moment alone."	А теперь мне и моей жене надо несколько минут побыть одним.

The docent backed off, eyes never leaving the paper.	Чичероне попятился назад, не сводя глаз с листка.
"Date," Vittoria repeated to Langdon.	- Мне нужна дата, - повторила Виттория.
"When did Galileo publish..."	- Когда "Диаграмма" увидела свет?
Langdon pointed to the Roman numeral in the lower liner.	Лэнгдон указал на римские цифры внизу страницы и сказал:
"That's the pub date.	- Это дата публикации.
What's going on?"	Так в чем все же дело?
Vittoria deciphered the number. "1639?"	- 1639 год, - прошептала Виттория.
"Yes.	- Да.
What's wrong?"	И что же из этого следует? Что здесь не так?

Vittoria's eyes filled with foreboding. "We're in trouble, Robert. Big trouble.	- Мы, Роберт, попали в беду - беду очень серьезную, - сказала девушка, и Лэнгдон увидел в ее глазах настоящую тревогу.
The dates don't match."	- Даты не сходятся.
"What dates don't match?"	- Какие даты?
"Raphael's tomb.	- Даты на гробнице Рафаэля.
He wasn't buried here until 1759.	До 1759 года его прах покоился в другом месте.
A century after Diagramma was published."	Прошло более ста лет со времени публикации "Диаграммы"!

Langdon stared at her, trying to make sense of the words.	Лэнгдон смотрел на нее, пытаясь понять, что она хочет сказать.
"No," he replied.	- Этого не может быть, - ответил он.
"Raphael died in 1520, long before Diagramma."	- Рафаэль умер в 1520 году, задолго до появления "Диаграммы".
"Yes, but he wasn't buried here until much later."	- Да. Но похоронили его здесь значительно позднее.
Langdon was lost. "What are you talking about?"	- Не понимаю, о чем вы, - сказал Лэнгдон. Он никак не мог взять в толк слова девушки.
"I just read it. Raphael's body was relocated to the Pantheon in 1758. It was part of some historic tribute to eminent Italians."	- Я только что прочитала, что тело Рафаэля как одного из наиболее выдающихся итальянцев было перенесено в Пантеон в 1759 году.

As the words settled in, Langdon felt like a rug had just been yanked out from under him.	Когда эти слова полностью дошли до сознания Лэнгдона, ему показалось, что из-под его ног неожиданно выдернули ковер.
"When that poem was written," Vittoria declared, "Raphael's tomb was somewhere else.	- В то время, когда были написаны стихи, могила Рафаэля находилась в каком-то ином месте.
Back then, the Pantheon had nothing at all to do with Raphael!"	В то время Пантеон не имел никакого отношения к художнику!
Langdon could not breathe. "But that... means..."	- Но это... означает... - едва сумел выдохнуть Лэнгдон.
"Yes!	- Именно!

It means we're in the wrong place!"	Это означает, что мы находимся не в том месте!
Langdon felt himself sway.	У Лэнгдона так сильно закружилась голова, что он даже пошатнулся.
Impossible... I was certain...	- Невозможно... Я был уверен...
Vittoria ran over and grabbed the docent, pulling him back.	Виттория подбежала к гиду и, схватив его за рукав, подвела к американцу со словами:
"Signore, excuse us.	- Простите, синьор.
Where was Raphael's body in the 1600s?"	Где находилось тело Рафаэля в XVII веке?
"Urb... Urbino," he stammered, now looking bewildered.	- Урб... в Урбино, - заикаясь, выдавил потрясенный чичероне.

"His birthplace."	- На его родине.

"Impossible!" Langdon cursed to himself.	- Невозможно! - выругавшись про себя, произнес Лэнгдон.
"The Illuminati altars of science were here in Rome.	- Алтари науки братства "Иллюминати" находились в Риме!
I'm certain of it!"	Я в этом уверен!
"Illuminati?" The docent gasped, looking again at the document in Langdon's hand.	- "Иллюминати"? - едва слышно выдохнул итальянец, глядя на документ в руках Лэнгдона.
"Who are you people?"	- Кто вы такие?
Vittoria took charge.	Виттория взяла инициативу в свои руки.

"We're looking for something called Santi's earthly tomb.	- Мы ищем то, что может называться гробницей Санти.
In Rome.	Она должна находиться здесь, в Риме.
Can you tell us what that might be?"	Вы не знаете, что это может быть?
The docent looked unsettled. "This was Raphael's only tomb in Rome."	- В Риме имеется только одна гробница Рафаэля, -растерянно ответил гид.
Langdon tried to think, but his mind refused to engage.	Лэнгдон попытался привести в порядок свои мысли, но разум отказывался ему повиноваться.
If Raphael's tomb wasn't in Rome in 1655, then what was the poem referring to?	Если в 1655 году могилы Рафаэля в Риме не было, то что имел в виду поэт, говоря:

Santi's earthly tomb with demon's hole?	"Найди гробницу Санти..."?
What the hell is it?	Что, черт побери, это может быть?
Think!	Думай! Думай!
"Was there another artist called Santi?" Vittoria asked.	- Может быть, существовали и другие художники по фамилии Санти? - спросила Виттория.
The docent shrugged. "Not that I know of."	- Я, во всяком случае, о таких не слышал, - пожал плечами гид.
"How about anyone famous at all? Maybe a scientist or a poet or an astronomer named Santi?"	- Может быть, были другие известные люди с такой же фамилией?

The docent now looked like he wanted to leave.	Итальянец, судя по его виду, был уже готов бежать от них как можно дальше.
"No, ma'am.	- Нет, мадам.
The only Santi I've ever heard of is Raphael the architect."	Я знаю лишь одного Рафаэля Санти, и он был архитектором.
"Architect?" Vittoria said.	- Архитектором? - удивилась Виттория.
"I thought he was a painter!"	- А я-то думала, что Рафаэль был художником.
"He was both, of course.	- Он был и тем и другим, естественно.
They all were.	Они все были разносторонними людьми.
Michelangelo, da Vinci, Raphael."	Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль...

Langdon didn't know whether it was the docent's words or the ornate tombs around them that brought the revelation to mind, but it didn't matter.	Лэнгдон не знал, что натолкнуло его на эту мысль - слова гида или изысканный вид гробниц у стен. Впрочем, это не важно.
The thought occurred.	Главное, что он понял.
Santi was an architect.	Санти был архитектором.
From there the progression of thoughts fell like dominoes.	Эти слова, видимо, послужили катализатором, и мысли посыпались одна за другой, как падающие кости домино.

Renaissance architects lived for only two reasons- to glorify God with big churches, and to glorify dignitaries with lavish tombs.	Архитекторы Ренессанса либо творили для больших храмов, славя Бога, либо увековечивали выдающихся людей, ваяя для них роскошные гробницы.
Santi's tomb.	Гробница Санти?
Could it be?	Неужели правда?
The images came faster now...	Перед его мысленным взором быстро, как в калейдоскопе, сменяя друг друга, возникали различные образы...
da Vinci's Mona Lisa.	"Мона Лиза" да Винчи.
Monet's Water Lilies.	"Кувшинки" Моне.
Michelangelo's David.	"Давид" Микеланджело.
Santi's earthly tomb...	Гробница Санти...

"Santi designed the tomb," Langdon said.	- Санти построил гробницу, - произнес он.
Vittoria turned. "What?"	- Что? - обернулась к нему Виттория.
"It's not a reference to where Raphael is buried, it's referring to a tomb he designed."	- В четверостишии говорится не о том месте, где похоронен Рафаэль, а о гробнице, которую он построил.
"What are you talking about?"	- Не понимаю, о чем вы...
"I misunderstood the clue.	- Я неправильно интерпретировал ключ.
It's not Raphael's burial site we're looking for, it's a tomb Raphael designed for someone else.	Мы должны искать не могилу Рафаэля, а гробницу, которую он соорудил для другого человека.

I can't believe I missed it.	Не понимаю, как я об этом не подумал.
Half of the sculpting done in Renaissance and Baroque Rome was for the funeraries."	Ведь добрая половина скульптур Ренессанса и барокко была изваяна для надгробий.
Langdon smiled with the revelation. "Raphael must have designed hundreds of tombs!"	Рафаэль наверняка спроектировал и соорудил сотни гробниц, - закончил ученый с печальной улыбкой.
Vittoria did not look happy. "Hundreds?"	- Сотни? - с невеселым видом переспросила Виттория.
Langdon's smile faded. "Oh."	- Да.
"Any of them earthly, professor?"	- И как же, профессор, мы найдем ту, которая нам нужна?

Langdon felt suddenly inadequate.	Лэнгдон в полной мере ощутил свою неполноценность.
He knew embarrassingly little about Raphael's work.	О деятельности Рафаэля он знал постыдно мало.
Michelangelo he could have helped with, but Raphael's work had never captivated him.	Все было бы гораздо проще, если бы речь шла о Микеланджело. Искусство же Санти никогда особенно не впечатляло американца.
Langdon could only name a couple of Raphael's more famous tombs, but he wasn't sure what they looked like.	Он мог назвать всего пару самых знаменитых гробниц, сооруженных по проекту Рафаэля, но как они выглядят, Лэнгдон не знал.

Apparently sensing Langdon's stymie, Vittoria turned to the docent, who was now inching away.	Почувствовав смятение американца, девушка повернулась к гиду, который потихоньку отодвигался от странной парочки.
She grabbed his arm and reeled him in.	Она схватила его за рукав и, притянув к себе, сказала:
"I need a tomb. Designed by Raphael. A tomb that could be considered earthly."	- Мне нужно найти гробницу, спроектированную и сооруженную Рафаэлем.
The docent now looked distressed. "A tomb of Raphael's? I don't know. He designed so many.	- Но он построил их великое множество, - ответил уже пребывавший в явном отчаянии чичероне.

And you probably would mean a chapel by Raphael, not a tomb.	- Кроме того, вы, наверное, имеете в виду не гробницу, а часовню, построенную им.
Architects always designed the chapels in conjunction with the tomb."	Над захоронением или рядом с ним архитекторы всегда сооружали часовню.
Langdon realized the man was right.	Лэнгдон понял, что гид прав.
"Are any of Raphael's tombs or chapels considered earthly?"	- Не могли бы вы назвать одну-две самые известные в Риме часовни, воздвигнутые по проекту Рафаэля?

The man shrugged. "I'm sorry. I don't know what you mean. Earthly really doesn't describe anything I know of. I should be going."	- Их в Риме очень много, синьор, - пожал плечами гид.
Vittoria held his arm and read from the top line of the folio. "From Santi's earthly tomb with demon's hole. Does that mean anything to you?"	- "Найди гробницу Санти с дьявольской дырою", -прочитала Виттория первую строку четверостишия и спросила: - Это вам о чем-нибудь говорит?
"Not a thing."	- Абсолютно ни о чем.
Langdon looked up suddenly.	Лэнгдон поднял голову.
He had momentarily forgotten the second part of the line.	Как он мог забыть!

Demon's hole?"Yes!" he said to the docent.	Ведь ключевые слова в этой строке - "дьявольская дыра"!
"That's it! Do any of Raphael's chapels have an oculus in them?"	- Припомните, - сказал он, - не было ли отверстия в крыше одной из часовен, сооруженных по проекту Санти?
The docent shook his head. "To my knowledge the Pantheon is unique."	- Насколько я понимаю, Пантеон в этом отношении уникален.

He paused. "But..."	Впрочем...
"But what!" Vittoria and Langdon said in unison.	- Что "впрочем"? - в унисон произнесли Виттория и Лэнгдон.

Now the docent cocked his head, stepping toward them again.	Гид склонил голову набок и переспросил:
"A demon's hole?"	- С дьявольской дырою?
He muttered to himself and picked at his teeth. "Demon's hole... that is... buco diavolo?"	Как это будет по-итальянски... buco diavolo?
Vittoria nodded. "Literally, yes."	- Именно так, - кивнула Виттория.
The docent smiled faintly. "Now there's a term I have not heard in a while.	- Давненько я не слышал этого термина, - слабо улыбнулся гид.

If I'm not mistaken, a buco diavolo refers to an undercroft."	- Если мне не изменяет память, так называли церковное подземелье. Своего рода подземный крипт.
"An undercroft?" Langdon asked.	- Крипт? - переспросил Лэнгдон.
"As in a crypt?" "Yes, but a specific kind of crypt.	- Да, крипт, но весьма специфический.
I believe a demon's hole is an ancient term for a massive burial cavity located in a chapel... underneath another tomb."	Насколько я помню, "дьявольской дырою" называли подземный склеп для массовых захоронений. Склеп обычно находился в часовне... под первоначальной гробницей.

"An ossuary annex?" Langdon demanded, immediately recognizing what the man was describing.	- Ossuary annex, или "хранилище костей", -вставил Лэнгдон, сразу сообразив, о чем говорит гид.
The docent looked impressed. "Yes!	- Да.
That is the term I was looking for!"	Именно этот термин я и пытался вспомнить, - с почтением в голосе произнес итальянец.
Langdon considered it.	Лэнгдон задумался.
Ossuary annexes were a cheap ecclesiastic fix to an awkward dilemma.	"Хранилище костей" было дешевым и довольно прагматичным способом решения непростой и деликатной задачи.

When churches honored their most distinguished members with ornate tombs inside the sanctuary, surviving family members often demanded the family be buried together... thus ensuring they too would have a coveted burial spot inside the church.	Когда церковь хоронила своих наиболее выдающихся прихожан в красивых гробницах внутри храмов, не столь известные члены семей усопших желали быть похороненными рядом со своими знаменитыми родственниками. Это означало, что им следовало предоставить место под церковными сводами.

However, if the church did not have space or funds to create tombs for an entire family, they sometimes dug an ossuary annex-a hole in the floor near the tomb where they buried the less worthy family members.	Однако в церкви не было места для всего многочисленного семейства, и, чтобы выйти из положения, в земле рядом с гробницей достойных рыли глубокую яму, куда и сваливали останки родичей.

The hole was then covered with the Renaissance equivalent of a manhole cover.	Отверстие в земле, именовавшееся "дьявольской дырою", прикрывали крышкой, похожей на ту, которой в наше время закрывают канализационные или телефонные люки.

Although convenient, the ossuary annex went out of style quickly because of the stench that often wafted up into the cathedral.	Несмотря на все их удобство, "хранилища костей" очень скоро вышли из моды, поскольку вонь от разлагающихся тел частенько проникала в помещение собора.
Demon's hole, Langdon thought.	Дьявольская дыра, подумал Лэнгдон.
He had never heard the term. It seemed eerily fitting.	В подобной связи ученый этого термина никогда не слышал, но он тем не менее показался ему весьма удачным.
Langdon's heart was now pounding fiercely. From Santi's earthly tomb with demon's hole.	"Найди гробницу Санти с дьявольской дырою", - снова и снова повторял он про себя.

There seemed to be only one question left to ask.	Вслух же осталось задать всего один вопрос.
"Did Raphael design any tombs that had one of these demon's holes?"	- Проектировал ли Рафаэль гробницы или часовни с Ossuary annex? - спросил он.
The docent scratched his head.	Чичероне поскреб в затылке и после недолгого раздумья произнес:
"Actually. I'm sorry... I can only think of one."	- Вообще-то... вообще-то мне на память приходит только одна.
Only one?	Только одна, подумал Лэнгдон.
Langdon could not have dreamed of a better response.	О лучшем ответе он не смел и мечтать.
"Where!" Vittoria almost shouted.	- Где?! - чуть ли не выкрикнула Виттория.

The docent eyed them strangely.	Гид окинул их каким-то странным взглядом и произнес:
"It's called the Chigi Chapel.	- Называется она капелла Киджи.
Tomb of Agostino Chigi and his brother, wealthy patrons of the arts and sciences."	Это гробницы Агостино Киджи и его брата -богатых покровителей искусства и науки.
"Sciences?" Langdon said, exchanging looks with Vittoria.	- Науки? - переспросил Лэнгдон, многозначительно взглянув на Витторию.
"Where?" Vittoria asked again.	- Где? - снова спросила Виттория.

The docent ignored the question, seeming enthusiastic again to be of service.	Чичероне проигнорировал вопрос и, вновь воспылав энтузиазмом, пустился в пространные объяснения.
"As for whether or not the tomb is earthly, I don't know, but certainly it is... shall we say differ?nte."	- Надо сказать, что эта гробница весьма странным образом отличается от всех других, - сказал он. -Гробница эта... совсем... можно сказать, differente.
"Different?" Langdon said.	- Иная? - переспросил Лэнгдон.
"How?"	- Как прикажете это понимать?
"Incoherent with the architecture. Raphael was only the architect.	- Будучи не в ладах со скульптурой, Рафаэль проектировал лишь внешний вид.

Some other sculptor did the interior adornments.	Интерьером занимался другой художник.

I can't remember who."	Имени его я не помню.
Langdon was now all ears. The anonymous Illuminati master, perhaps?	Лэнгдон превратился в слух, поскольку речь зашла об анонимном скульпторе иллюминатов.
"Whoever did the interior monuments lacked taste," the docent said.	- У того, кто работал над интерьером, был отвратительный вкус, - продолжал гид.
"Dio mio!	- Dia mio!
Atrocitas!	Atrocita!
Who would want to be buried beneath pir?mides?"	Кому хочется быть похороненным под пирамидами?

Langdon could scarcely believe his ears.	- Пирамидами?
"Pyramids?	- Лэнгдон не мог поверить своим ушам.
The chapel contains pyramids?"	- Неужели в часовне находятся пирамиды?
"I know," the docent scoffed. "Terrible, isn't it?"	- Ужасно, - сказал чичероне, - вижу, что вам это не нравится.
Vittoria grabbed the docent's arm. "Signore, where is this Chigi Chapel?"	- Синьор, где расположена эта самая капелла Киджи? - дернула экскурсовода за рукав Виттория.
"About a mile north.	- Примерно в миле отсюда.
In the church of Santa Maria del Popolo."	В церкви Санта-Мария дель Пополо.

Vittoria exhaled. "Thank you.	- Благодарю вас! - выдохнула Виттория.
Let's-"	- А теперь...
"Hey," the docent said,	- Постойте, - сказал итальянец.
"I just thought of something.	- Я кое-что забыл сказать.
What a fool I am."	Ну и глупец же я!
Vittoria stopped short. "Please don't tell me you made a mistake."	- Только не говорите, что вы ошиблись! -взмолилась Виттория.
He shook his head.	- Нет, я не ошибся.
"No, but it should have dawned on me earlier.	Просто забыл сказать - сразу не вспомнил, что капеллу Киджи раньше так не называли.

The Chigi Chapel was not always known as the Chigi.	Фамилия Киджи в названии появилась позже.
It used to be called Capella della Terra."	Первоначально она именовалась капелла делла Терра.

"Chapel of the Land?" Langdon
asked. "No," Vittoria said, heading for the door. "Chapel of the Earth." Vittoria Vetra whipped
out her cell phone as she dashed into Piazza della Rotunda. "Commander Olivetti,"
she said. "This is the wrong place!" Olivetti sounded bewildered. "Wrong? What do you mean?" "The first altar of science is at the Chigi Chapel!" "Where?"
Now Olivetti sounded angry.
"But Mr. Langdon said-" "Santa Maria del Popolo! One mile north.
Get your men over there now! We've

- Часовня земли, - маши-

63	Глава 63
Gunther Glick had assumed control of the computer from Chinita Macri, who now stood hunched in the back of the cramped BBC van staring in confusion over Glick's shoulder.	Гюнтер Глик сменил у компьютера Чиниту Макри, и женщине ничего не оставалось делать, кроме как стоять, пригнувшись, за его спиной, с недоумением наблюдая за действиями коллеги.
"I told you," Glick said, typing some more keys. "The British Tattler isn't the only paper that runs stories on these guys."	- Я же говорил тебе, - немного постучав по клавиатуре, сказал Глик, - что "Британский сплетник" - не единственная газета, которая помещала материалы на эту тему.
Macri peered closer.	Чтобы лучше видеть, Макри перегнулась через спинку переднего сиденья.

Glick was right.	Глик был прав.
The BBC database showed their distinguished network as having picked up and run six stories in the past ten years on the brotherhood called the Illuminati.	В базе данных их почтенной фирмы, известной во всем мире как Би-би-си, находились шесть статей, опубликованных журналистами компании за десять последних лет.
Well, paint me purple, she thought.	"Чтоб мне сдохнуть!" - подумала она, а вслух произнесла:
"Who are the journalists who ran the stories," Macri asked.	- И кто эти, с позволения сказать, журналисты, которые публикуют подобную чушь?
"Schlock jocks?"	Рвань какая-нибудь?

"BBC doesn't hire schlock jocks."	- Би-би-си не принимает на службу всякую рвань,- произнес Гюнтер.
"They hired you."	- Но тебя-то они взяли.
Glick scowled. "I don't know why you're such a skeptic.	- Не понимаю твоего скепсиса, - недовольно сказал Глик.

The Illuminati are well documented throughout history."	- Существование братства "Иллюминати" подтверждено множеством документов.
"So are witches, UFOs, and the Loch Ness Monster."	- Так же, как существование ведьм, неопознанных летающих объектов и Лохнесского чудовища.
Glick read the list of stories.	Глик пробежал глазами названия статей и спросил:

"You ever heard of a guy called Winston Churchill?"	- Ты что-нибудь слышала о парне по имени Уинстон Черчилль?
"Rings a bell."	- Звучит довольно знакомо.
"BBC did a historical a while back on Churchill's life.	- Так вот. Би-би-си давала биографический материал об этом человеке.
Staunch Catholic by the way.	Черчилль, между прочим, был глубоко верующим католиком.

Did you know that in 1920 Churchill published a statement condemning the Illuminati and warning Brits of a worldwide conspiracy against morality?"	Тебе известно, что в 1920 году этот достойный член общества опубликовал заявление, в котором клеймил иллюминатов и предупреждал британцев о существовании всемирного заговора, направленного против моральных устоев общества?
Macri was dubious. "Where did it run?	- И где же это было опубликовано? - с сомнением в голосе спросила Макри.
In the British Tattler?"	- Не иначе как в "Британском сплетнике"...
Glick smiled.	- А вот и нет! - торжествующе произнес Глик.
"London Herald.	- В "Лондон геральд".

February 8, 1920."	Номер от 8 февраля 1920 года.
"No way."	- Не может быть!
"Feast your eyes."	- В таком случае смотри сама.
Macri looked closer at the clip.	Макри всмотрелась в экран.
London Herald. Feb. 8, 1920.	"Лондон геральд" от 8 февраля 1920 года.
I had no idea.	"А я и представления не имела".
"Well, Churchill was a paranoid."	- Черчилль был параноиком, - заявила она.
"He wasn't alone," Glick said, reading further.	- Он был не одинок, - сказал Глик, продолжая читать.

"Looks like Woodrow Wilson gave three radio broadcasts in 1921 warning of growing Illuminati control over the U.S. banking system.	- В 1921 году Вудро Вильсон трижды выступал по радио, предупреждая о постоянном усилении контроля иллюминатов над банковской системой Соединенных Штатов.
You want a direct quote from the radio transcript?"	Хочешь услышать прямую цитату из стенограммы передачи?
"Not really."	- По правде говоря, не очень.
Glick gave her one anyway.	- Нет, послушай.
"He said,	Президент США сказал:

'There is a power so organized, so subtle, so complete, so pervasive, that none had better speak above their breath when they speak in condemnation of it.' "	"Существует сила, столь организованная, столь неуловимая, столь всеохватывающая и столь порочная, что тому, кто захочет выступить против нее с критикой, лучше делать это шепотом".
"I've never heard anything about this."	- Никогда об этом не слышала.
"Maybe because in 1921 you were just a kid."	- Наверное, потому, что в 1921 году ты была еще ребенком.
"Charming." Macri took the jab in stride.	- Очень тонко, - заметила Макри, стоически выдержав удар.

She knew her years were showing. At forty three, her bushy black curls were streaked with gray.	Ей уже исполнилось сорок три года, и в ее буйной кудрявой шевелюре начали появляться седые пряди.
She was too proud for dye.	Чинита была слишком горда для того, чтобы их закрашивать.
Her mom, a Southern Baptist, had taught Chinita contentedness and self respect.	Ее мать, принадлежавшая к Конвенции южных баптистов, приучила дочь к самоуважению и терпимости.
When you're a black woman, her mother said, ain't no hiding what you are.	"Если ты родилась черной, то упаси тебя Г осподь отказываться от своих корней, - говорила мама.
Day you try, is the day you die.	- Если ты попытаешься сделать это, можешь считать себя мертвой.

Stand tall, smile bright, and let 'em wonder what secret's making you laugh.	Шагай гордо, улыбайся широко и весело, и пусть они недоумевают, чему ты так радуешься".
"Ever heard of Cecil Rhodes?" Glick asked.	- А о Сесиле Родсе ты что-нибудь слышала?
Macri looked up. "The British financier?"	- Об английском финансисте?
"Yeah.	- Да.
Founded the Rhodes Scholarships."	Об основателе стипендии Родса.
"Don't tell me-"	- Только не говори, что и он...
"Illuminatus."	- ...иллюминат.
"BS."	- Дерьмо собачье!

"BBC, actually. November 16, 1984."	- Не дерьмо собачье, а Британская вещательная корпорация, 16 ноября 1984 года.
"We wrote that Cecil Rhodes was Illuminati?"	- Мы написали о том, что Сесил Родс был иллюминатом?!
"Sure did.	- Представь себе.
And according to our network, the Rhodes Scholarships were funds set up centuries ago to recruit the world's brightest young minds into the Illuminati."	Если верить нашей достойной компании, то стипендия Родса была создана более ста лет назад для привлечения наиболее способных молодых людей со всего мира в ряды братства "Иллюминати".
"That's ridiculous!	- Но это же просто смешно!

My uncle was a Rhodes Scholar!"	Мой дядя получал стипендию Сесила Родса.

Glick winked. "So was Bill Clinton."	- Так же, как и Билл Клинтон, - ухмыльнулся Глик.
Macri was getting mad now.	Макри начинала злиться.
She had never had tolerance for shoddy, alarmist reporting. Still, she knew enough about the BBC to know that every story they ran was carefully researched and confirmed.	Она терпеть не могла дешевой алармистской журналистики, но в то же время ей было известно, что Би-би-си досконально проверяет все, что выходит в свет от ее имени.

"Here's one you'll remember," Glick said. "BBC, March 5, 1998.	- А вот сообщение, которое ты наверняка помнишь, - продолжал Глик. - Би-би-си, 5 марта 1998 года.
Parliament Committee Chair, Chris Mullin, required all members of British Parliament who were Masons to declare their affiliation."	Председатель парламентского комитета Кристофор Маллин требует от всех членов парламента - масонов публично признаться в принадлежности к этой организации.
Macri remembered it. The decree had eventually extended to include policemen and judges as well.	Макри помнила этот материал: проект закона в конечном итоге охватил, помимо парламентариев, полицейских и судей.
"Why was it again?"	- Напомни, почему это потребовалось? - сказала она.

Glick read. "... concern that secret factions within the Masons exerted considerable control over political and financial systems."	- Маллин посчитал, что некие тайные фракции, входящие в сообщество масонов, оказывают чрезмерное влияние на политическую и финансовую жизнь британского общества.
"That's right."	- Он прав.
"Caused quite a bustle.	- Законопроект вызвал большой переполох.
The Masons in parliament were furious.	Парламентские масоны были вне себя от ярости.
Had a right to be.	И я их понимаю.

The vast majority turned out to be innocent men who joined the Masons for networking and charity work. They had no clue about the brotherhood's past affiliations."	Подавляющее большинство людей вступили в общество с самыми благими намерениями и не имели понятия о прежних связях масонских лож.
"Alleged affiliations."	- Предполагаемых связях, - поправила его Макри.
"Whatever." Glick scanned the articles. "Look at this stuff.	- Пусть так, - согласился Глик и тут же добавил: -Взгляни-ка на это.

Accounts tracing the Illuminati back to Galileo, the Guerenets of France, the Alumbrados of Spain.	Если верить отчетам, то орден "Иллюминати" родился во времена Галилея и имел прямое отношение к французским и испанским сообществам подобного типа.
Even Karl Marx and the Russian Revolution."	Карл Маркс был связан с иллюминатами, а кроме того, они оказали влияние даже на революцию в России.
"History has a way of rewriting itself."	- Людям свойственно переписывать историю.
"Fine, you want something current?	- Тебе хочется чего-нибудь более свежего?
Have a look at this.	Что ж, получай.

Here's an Illuminati reference from a recent Wall Street Journal."	Сообщество "Иллюмина-ти" упоминается в одном из последних номеров "Уолл-стрит джорнэл".
This caught Macri's ear.	Макри навострила уши.
"The Journal?"	Это издание она очень уважала.
"Guess what the most popular Internet computer game in America is right now?"	- Угадай с трех раз, какая игра пользуется сейчас наибольшей популярно-стью в Интернете?
"Pin the tail on Pamela Anderson."	- "Приколи хвост Памеле Андерсон".
"Close.	- Почти в точку, но все же не совсем.

It's called, Illuminati: New World Order."	Американцы без ума от интернет-игры, именуемой "Иллюминаты: Новый мировой порядок".
Macri looked over his shoulder at the blurb.	Макри перегнулась через его плечо и прочитала:
"Steve Jackson Games has a runaway hit... a quasi historical adventure in which an ancient satanic brotherhood from Bavaria sets out to take over the world.	"Компания "Игры Стива Джексона" создала новый хит. Игра являет собой квазиисторические приключения, в ходе которых некое баварское общество сатанистов пытается захватить мир.
You can find them on line at..." Macri looked up, feeling ill.	Вы можете найти игру в Сети на..."

"What do these Illuminati guys have against Christianity?"	- И за что же эти ребята из братства "Иллюминати" так ополчились на христианство? -чувствуя себя совсем разбитой, спросила Макри.
"Not just Christianity," Glick said.	- Не только на христианство, - поправил коллегу Глик.
"Religion in general."	- На религию в целом.
Glick cocked his head and grinned. "Although from the phone call we just got, it appears they do have a special spot in their hearts for the Vatican."	- Склонив голову набок и широко ухмыльнувшись, он добавил: - Но судя по тому, что мы только что услышали, на Ватикан они имеют особый зуб.
"Oh, come on.	- Перестань!

You don't really think that guy who called is who he claims to be, do you?"	Неужели ты серьезно веришь, что звонивший человек является тем, за кого себя выдает?
"A messenger of the Illuminati?	- За посланца братства
Preparing to kill four cardinals?" Glick smiled.	"Иллюминати", готовящегося прикончить четырех кардиналов? - улыбнулся Глик.
"I sure hope so."	- Очень надеюсь, что это соответствует истине.
64	Глава 64

Langdon and Vittoria's taxi completed the one mile sprint up the wide Via della Scrofa in just over a minute.	Такси, в котором ехали Лэнгдон и Виттория, покрыло расстояние в одну милю чуть больше чем за минуту - благо ширина виа делла Скорфа позволяла развить сумасшедшую скорость.
They skidded to a stop on the south side of the Piazza del Popolo just before eight.	Когда машина, заскрипев тормозами, замерла у южного края пьяцца дель Пополо, до восьми оставалась еще пара минут.

Not having any lire, Langdon overpaid the driver in U.S. dollars.	Поскольку лир у Лэнгдона не было, за поездку пришлось переплатить, сунув таксисту несколько долларов.

He and Vittoria jumped out. The piazza was quiet except for the laughter of a handful of locals seated outside the popular Rosati Caf?-a hot spot of the Italian literati.	Выскочив из автомобиля, Лэнгдон и Виттория увидели, что площадь пуста и на ней царит полная тишина, если не считать смеха нескольких аборигенов, сидящих за столиками, выставленными на тротуар рядом с популярным в Риме кафе "Розати". В этом кафе почему-то обожали собираться римские литераторы.
The breeze smelled of espresso and pastry.	Воздух был наполнен ароматом кофе и свежей выпечки.
Langdon was still in shock over his mistake at the Pantheon.	Лэнгдон никак не мог оправиться от шока, вызванного его ошибкой.

With a cursory glance at this square, however, his sixth sense was already tingling. The piazza seemed subtly filled with Illuminati significance.	Он обвел площадь взглядом и шестым чувством ученого ощутил, что пространство вокруг изобилует символами иллюминатов - наполнено их духом.
Not only was it laid out in a perfectly elliptical shape, but dead center stood a towering Egyptian obelisk-a square pillar of stone with a distinctively pyramidal tip.	Во-первых, сама площадь имела форму эллипса. И во-вторых, что было самым главным, в ее центре высился египетский обелиск. Четырехгранный столб с пирамидальной верхушкой.

Spoils of Rome's imperial plundering, obelisks were scattered across Rome and referred to by symbologists as "Lofty Pyramids"-skyward extensions of the sacred pyramidal form.	Вывезенные римлянами из Египта в качестве военных трофеев обелиски были расставлены по всему городу, и специалисты по символике именовали их "пирамидами высокомерия", полагая, что древние считали эти камни продолжением земных святынь, обращенным в небо.
As Langdon's eyes moved up the monolith, though, his sight was suddenly drawn to something else in the background.	Когда Лэнгдон смотрел на монолит, его взгляд случайно уловил в глубине еще один знак.
Something even more remarkable.	Знак гораздо более важный.

"We're in the right place," he said quietly, feeling a sudden exposed wariness.	- Мы в нужном месте, - тихо сказал он, ощутив вдруг сильную усталость.
"Have a look at that." Langdon pointed to the imposing Porta del Popolo-the high stone archway at the far end of the piazza.	- Взгляните-ка вот на это, - продолжил Лэнгдон, показывая на внушительного вида каменную арку на противоположной стороне площади.
The vaulted structure had been overlooking the piazza for centuries.	Арка, именуемая Порто дель Пополо, возвышалась на площади много сотен лет.
Dead center of the archway's highest point was a symbolic engraving.	В верхней точке дуги в камне было вырублено символическое изображение.
"Look familiar?"	- Вам это знакомо? - спросил Лэнгдон.

Vittoria looked up at the huge carving.	Виттория вгляделась в большой барельеф и сказала:

"A shining star over a triangular pile of stones?"	- Сверкающая звезда над сложенными пирамидой камнями.
Langdon shook his head. "A source of Illumination over a pyramid."	- Источник света над пирамидой, если быть точным, - произнес ученый.
Vittoria turned, her eyes suddenly wide. "Like... the Great Seal of the United States?"	- Совсем как на Большой печати Соединенных Штатов? - с округлившимися от изумления глазами, едва слышно спросила девушка.
"Exactly.	- Именно.
The Masonic symbol on the one dollar bill."	Масонский символ на долларовой банкноте.

Vittoria took a deep breath and scanned the piazza.	Виттория глубоко вздохнула, обвела взглядом площадь и спросила:
"So where's this damn church?"	- Ну и где же эта проклятая церковь?
The Church of Santa Maria del Popolo stood out like a misplaced battleship, askew at the base of a hill on the southeast corner of the piazza.	*** Церковь Санта-Мария дель Пополо находилась у подножия холма на южной стороне площади.
The eleventh century stone aerie was made even more clumsy by the tower of scaffolding covering the fa?ade.	Храм стоял косо и чем-то напоминал неумело и не в том месте ошвартованный линкор. Прикрывающие фасад строительные леса придавали зданию еще более странный вид.

Langdon's thoughts were a blur as they raced toward the edifice.	В голове Лэнгдона царил хаос, и ученый изо всех сил старался привести в порядок свои мысли.
He stared up at the church in wonder.	Он изумленно смотрел на церковь.
Could a murder really be about to take place inside?	Неужели где-то в ее недрах вот-вот должно произойти убийство?
He wished Olivetti would hurry. The gun felt awkward in his pocket.	Американец молил Бога о том, чтобы Оливетти прибыл на место как можно скорее.

The church's front stairs were ventaglio- a welcoming, curved fan-ironic in this case because they were blocked with scaffolding, construction equipment, and a sign warning:	Ведущая ко входу в храм лестница имела форму закругленного веера - ventaglio. Подобная архитектура, по замыслу строителей, должна была как бы заключать прихожан в объятие, что в данный момент выглядело несколько комично, поскольку ступени были заблокированы лесами и разнообразными механизмами.
Construzzione. Non Entrare	Довольно внушительных размеров знак предупреждал: "СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ. ВХОД ВОСПРЕЩЕН".

Langdon realized that a church closed for renovation meant total privacy for a killer.	Лэнгдон сообразил, что закрытая на реконструкцию церковь является идеальным местом для убийства - там ему никто не мог помешать.
Not like the Pantheon.	Совсем не то, что Пантеон.
No fancy tricks needed here.	Никаких особых ухищрений со стороны убийцы это место не требовало.
Only to find a way in.	Нужно было только найти способ проникнуть внутрь.

Vittoria slipped without hesitation between the sawhorses and headed up the staircase.	Виттория, ни секунды не колеблясь, проскользнула между двумя деревянными козлами и начала подниматься по ступеням.

"Vittoria," Langdon cautioned. "If he's still in there..."	- Виттория, - негромко позвал Лэнгдон, - если он все еще там...
Vittoria did not seem to hear.	Виттория, похоже, ничего не слышала.
She ascended the main portico to the church's sole wooden door.	Она прошла через центральный портик к единственной деревянной двери церкви.
Langdon hurried up the stairs behind her.	Лэнгдон поспешил за ней.
Before he could say a word she had grasped the handle and pulled. Langdon held his breath.	Прежде чем он успел произнести хотя бы слово, девушка взялась за ручку двери и потянула ее на себя.

The door did not budge.	Тяжелая створка даже не дрогнула.
"There must be another entrance," Vittoria said.	- Должен быть другой вход, - сказала Виттория.
"Probably," Langdon said, exhaling, "but Olivetti will be here in a minute.	- Вероятно, - облегченно вздохнув, согласился Лэнгдон. - С минуты на минуту должен прибыть Оливетти.
It's too dangerous to go in.	Входить внутрь крайне опасно.
We should cover the church from out here until-"	Мы будем наблюдать за церковью до тех пор, пока...

Vittoria turned, her eyes blazing. "If there's another way in, there's another way out.	- Если имеется другой вход, то, очевидно, имеется и другой выход! - бросила девушка, обжигая его гневным взглядом.
If this guy disappears, we're fungito."	- Если этому парню удастся скрыться, мы будем полным fungito.
Langdon knew enough Italian to know she was right.	Лэнгдон достаточно владел итальянским, чтобы понять, что она права. Да, в этом случае они действительно окажутся полным дерьмом.
The alley on the right side of the church was pinched and dark, with high walls on both sides.	В расположенном справа от церкви и зажатом высоченными стенами проходе было темно.

It smelled of urine- a common aroma in a city where bars outnumbered public rest rooms twenty to one.	Там пахло мочой - типичный запах для города, где число баров превосходит число общественных туалетов в соотношении двадцать к одному.
Langdon and Vittoria hurried into the fetid dimness.	Виттория и Лэнгдон старались как можно быстрее выбраться из этого смердящего полумрака.
They had gone about fifteen yards down when Vittoria tugged Langdon's arm and pointed.	Когда они пробежали почти пятнадцать ярдов, девушка схватила американца за руку и молча на что-то показала.
Langdon saw it too. Up ahead was an unassuming wooden door with heavy hinges.	Лэнгдон вгляделся и чуть впереди увидел неприметную деревянную дверь на массивных петлях.

Langdon recognized it as the standard porta sacra-a private entrance for clergy.	Он сразу сообразил, что перед ними porta sacra -вход, предназначенный исключительно для священнослужителей.

Most of these entrances had gone out of use years ago as encroaching buildings and limited real estate relegated side entrances to inconvenient alleyways.	В большей части церквей эти двери давно не использовались, поскольку соседние здания, приближаясь к стенам храмов, превращали подходы к porta sacra в дурно пахнущие узкие щели.
Vittoria hurried to the door. She arrived and stared down at the doorknob, apparently perplexed.	Виттория подскочила к двери и с изумлением уставилась на ручку.

Langdon arrived behind her and eyed the peculiar donut shaped hoop hanging where the doorknob should have been. "An annulus," he whispered.	Лэнгдон подошел к девушке, взглянул на дверь и увидел, что в том месте, где должна находиться ручка, свисает какое-то очень похожее на бублик кольцо.
Langdon reached out and quietly lifted the ring in his hand. He pulled the ring toward him.	Ученый взялся за кольцо и потянул его на себя.
The fixture clicked.	За дверью послышался щелчок.
Vittoria shifted, looking suddenly uneasy.	Виттория, переминаясь с ноги на ногу, стояла рядом. Она явно волновалась.

Quietly, Langdon twisted the ring clockwise. It spun loosely 360 degrees, not engaging.	Лэнгдон неторопливо повернул кольцо по часовой стрелке на триста шестьдесят градусов, однако ничего не случилось. Запор не открылся.
Langdon frowned and tried the other direction with the same result.	Американец нахмурился и повторил попытку в другом направлении. Результат оказался тем же самым.
Vittoria looked down the remainder of the alley.	Виттория посмотрела вдоль узкого прохода и спросила:
"You think there's another entrance?"	- Может, есть еще один вход?
Langdon doubted it.	Лэнгдон серьезно сомневался в возможности его существования.

Most Renaissance cathedrals were designed as makeshift fortresses in the event a city was stormed.	В эпоху Ренессанса церкви строили с таким расчетом, чтобы в случае неожиданного штурма города они могли служить укрытием.
They had as few entrances as possible.	Поэтому дверей делали как можно меньше.
"If there is another way in," he said, "it's probably recessed in the rear bastion-more of an escape route than an entrance."	- Если и есть другой вход в здание, - задумчиво произнес он, - то он скорее всего расположен где-то в заднем бастионе и наверняка служит не как вход, а как потайной выход.
Vittoria was already on the move.	Не успел он закончить фразу, как Виттория двинулась по узкому проходу.

Langdon followed deeper into the alley.	Лэнгдон последовал за ней.
The walls shot skyward on both sides of him.	По обе стороны проулка к небу поднимались высокие стены.
Somewhere a bell began ringing eight o'clock...	Где-то зазвонил колокол. Восемь часов вечера...
Robert Langdon did not hear Vittoria the first time she called to him.	*** Лэнгдон не сразу услышал, что Виттория его зовет.

He had slowed at a stained glass window covered with bars and was trying to peer inside the church.	Он остановился у окна и прильнул к цветному стеклу, чтобы увидеть, что происходит внутри собора.
"Robert!" Her voice was a loud whisper.	- Роберт! - донесся до него громкий шепот девушки.

Langdon looked up.	Лэнгдон посмотрел в ее сторону.
Vittoria was at the end of the alley.	Виттория уже находилась в конце проулка.
She was pointing around the back of the church and waving to him.	Показывая на тыльную сторону церкви, она знаками подзывала его к себе.
Langdon jogged reluctantly toward her.	Лэнгдон неохотно затрусил к девушке.
At the base of the rear wall, a stone bulwark jutted out concealing a narrow grotto-a kind of compressed passageway cutting directly into the foundation of the church.	У основания задней стены храма был сооружен небольшой каменный бастион, а за бастионом скрывался грот, из которого в фундамент церкви уходил узкий лаз.

"An entrance?" Vittoria asked.	- Вход? - спросила Виттория.
Langdon nodded.	Вообще-то скорее выход, подумал Лэнгдон, утвердительно кивая.
Actually an exit, but we won't get technical.	В этот момент технические детали не имели никакого значения.
Vittoria knelt and peered into the tunnel.	Виттория встала на колени и заглянула в тоннель.
"Let's check the door.	- Давайте проверим, - прошептала девушка.
See if it's open."	- Может быть, там есть дверь и она не заперта.

Langdon opened his mouth to object, but Vittoria took his hand and pulled him into the opening.	Лэнгдон открыл было рот, чтобы выразить протест, но Виттория взяла его за руку и потянула вслед за собой в грот.
"Wait," Langdon said.	- Постойте, - сказал он.
She turned impatiently toward him.	Виттория обернулась, всем своим видом выражая нетерпение.
Langdon sighed. "I'll go first."	- Я пойду первым, - со вздохом продолжил Лэнгдон.
Vittoria looked surprised. "More chivalry?"	- Очередное проявление рыцарства? - удивленно спросила Виттория.
"Age before beauty."	- Красота обязана уважать возраст.

"Was that a compliment?"	- Видимо, это должно служить комплиментом?
Langdon smiled and moved past her into the dark.	Лэнгдон молча улыбнулся и проскользнул мимо нее в темноту.
"Careful on the stairs."	- Осторожно! Здесь ступени, - через мгновение произнес он.
He inched slowly into the darkness, keeping one hand on the wall.	Ученый двигался чрезвычайно медленно, касаясь рукой стены.
The stone felt sharp on his fingertips.	Острые камни царапали кончики его пальцев.

For an instant Langdon recalled the ancient myth of Daedelus, how the boy kept one hand on the wall as he moved through the Minotaur's labyrinth, knowing he was guaranteed to find the end if he never broke contact with the wall.	Лэнгдон вдруг вспомнил старинный греческий миф, согласно которому юноша точно таким же образом пробирался по лабиринту Минотавра, зная, что если ни разу не оторвет руку от стены, то обязательно придет к выходу.
Langdon moved forward, not entirely certain he wanted to find the end.	Лэнгдон осторожно продвигался вперед, не будучи уверенным в том, хочет ли он добраться до этого выхода.

The tunnel narrowed slightly, and Langdon slowed his pace.	Тоннель сузился, и Лэнгдон еще больше замедлил шаги.
He sensed Vittoria close behind him.	За спиной он чувствовал дыхание Виттории.
As the wall curved left, the tunnel opened into a semicircular alcove. Oddly, there was faint light here.	Стена из-под руки ушла вправо, и они оказались в небольшой полусферической камере, в которую, как ни странно, откуда-то пробивался свет.
In the dimness Langdon saw the outline of a heavy wooden door.	В этом почти полном мраке Лэнгдону каким-то чудом удалось увидеть очертания двери.
"Uh oh," he said.	- Ого... - произнес американец.

"Locked?"	- Заперта?
"It was."	- Была заперта.
"Was?" Vittoria arrived at his side.	- Была? - переспросила Виттория и встала с ним рядом.
Langdon pointed.	- Взгляните, - сказал Лэнгдон.
Lit by a shaft of light coming from within, the door hung ajar... its hinges splintered by a wrecking bar still lodged in the wood.	В пробивающемся из-под косо висевшей двери свете было видно, что удерживающие массивную деревянную панель петли вырваны из гнезд. Орудие взлома - металлическая фомка все еще торчала из щели.
They stood a moment in silence.	Некоторое время они стояли молча.

Then, in the dark, Langdon felt Vittoria's hands on his chest, groping, sliding beneath his jacket.	Затем Лэнгдон почувствовал, как к его груди прикоснулась девичья ладонь. Рука скользнула куда-то под пиджак, и он услышал:
"Relax, professor," she said.	- Не волнуйтесь, профессор.
"I'm just getting the gun."	Я всего лишь пытаюсь достать пистолет.
At that moment, inside the Vatican Museums, a task force of Swiss Guards spread out in all directions.	*** А в этот момент швейцарские гвардейцы, рассредоточившись по всему музею Ватикана, вели поиск.

The museum was dark, and the guards wore U.S. Marine issue infrared goggles.	В музее было темно, и каждый солдат имел в своем распоряжении прибор ночного видения - из тех, что использовались морской пехотой США.
The goggles made everything appear an eerie shade of green.	Через эти большие, очень похожие на мотоциклетные очки весь окружающий мир представал в зеленоватых тонах.

Every guard wore headphones connected to an antennalike detector that he waved rhythmically in front of him-the same devices they used twice a week to sweep for electronic bugs inside the Vatican.	Кроме того, у каждого швейцарца были наушники, соединенные с гибкими, очень смахивающими на антенны детекторами. Эти детекторы они использовали, дважды в неделю проводя рутинные поиски подслушивающих приборов.
They moved methodically, checking behind statues, inside niches, closets, under furniture.	Г вардейцы двигались неторопливо, ритмично водя перед собой гибкими стержнями. Опытные ищейки методично проверяли пространство за статуями, осматривали ниши и открывали шкафы. Они даже не ленились заглядывать под мебель.

The antennae would sound if they detected even the tiniest magnetic field.	Если в помещении окажется самое слабое магнитное поле, в наушниках должен раздаться писк.
Tonight, however, they were getting no readings at all.	Однако в этот вечер все приборы молчали.
65	Глава 65
The interior of Santa Maria del Popolo was a murky cave in the dimming light. It looked more like a half finished subway station than a cathedral.	Интерьер церкви Санта-Мария дель Пополо в неярком вечернем освещении походил на рельеф какой-то огромной пещеры или, скорее, на недостроенную станцию подземки. Здесь мало что осталось от храма.

The main sanctuary was an obstacle course of torn up flooring, brick pallets, mounds of dirt, wheelbarrows, and even a rusty backhoe.	Главный неф являл собой полосу препятствий, состоящую из вывернутых из пола плит, штабелей кирпича, гор песка, доброго десятка тачек и даже одной небольшой, но очень ржавой бетономешалки.
Mammoth columns rose through the floor, supporting a vaulted roof.	Из пола, поддерживая сводчатую крышу, поднимались гигантские колонны.
In the air, silt drifted lazily in the muted glow of the stained glass.	В воздухе лениво плавали пылинки, едва заметные в приглушенном свете, проникающем через витражи.

Langdon stood with Vittoria beneath a sprawling Pinturicchio fresco and scanned the gutted shrine.	Виттория и Лэнгдон стояли под фресками Пинтуриккьо и внимательно изучали разоренный храм.
Nothing moved.	Никакого движения.
Dead silence.	Мертвая тишина.
Vittoria held the gun out in front of her with both hands.	Виттория держала пистолет перед собой, сжав рукоятку обеими руками.
Langdon checked his watch: 8:04 P.M. We're crazy to be in here, he thought.	Лэнгдон взглянул на часы. 8:04. Надо быть безумцем, чтобы торчать здесь в эти минуты, думал он.
It's too dangerous.	Это же смертельно опасно.

Still he knew if the killer were inside, the man could leave through any door he wanted, making a one gun outside stakeout totally fruitless.	В то же время он понимал, что если убийца все еще оставался в церкви, то он мог выйти из нее через любую дверь, поэтому засада на улице с одним пистолетом была бесполезной затеей.

Catching him inside was the only way... that was, if he was even still here.	Захватить преступника можно только в помещении... если, конечно, он там еще находился.
Langdon felt guilt ridden over the blunder that had cost everyone their chance at the Pantheon.	Лэнгдон корил себя за чудовищную ошибку, которую он совершил, направив все силы в Пантеон.

He was in no position to insist on precaution now; he was the one who had backed them into this corner.	Теперь он не имел права настаивать на каких-либо предосторожностях, поскольку сам поставил всех в безвыходное положение.
Vittoria looked harrowed as she scanned the church. "So," she whispered. "Where is this Chigi Chapel?"	- Итак, где же часовня Киджи? - тревожно прошептала Виттория, осмотрев церковь.
Langdon gazed through the dusky ghostliness toward the back of the cathedral and studied the outer walls.	Лэнгдон, вглядевшись в сумеречное и казавшееся призрачным пространство, обвел взглядом стены храма.

Contrary to common perception, Renaissance cathedrals invariably contained multiple chapels, huge cathedrals like Notre Dame having dozens.	В церквях периода Ренессанса, как правило, имелось несколько часовен, а в больших храмах наподобие собора Парижской Богоматери их насчитывался не один десяток.
Chapels were less rooms than they were hollows-semicircular niches holding tombs around a church's perimeter wall.	Эти часовни были не закрытыми помещениями, а всего лишь нишами - полукруглыми углублениями по периметру стен церкви. В этих углублениях и располагались гробницы великих людей прошлого.
Bad news, Langdon thought, seeing the four recesses on each side wall.	"Плохо дело", - подумал Лэнгдон, увидев на каждой из боковых стен по четыре ниши.

There were eight chapels in all.	В храме было восемь часовен.
Although eight was not a particularly overwhelming number, all eight openings were covered with huge sheets of clear polyurethane due to the construction, the translucent curtains apparently intended to keep dust off the tombs inside the alcoves.	Хотя число захоронений нельзя было назвать большим, положение осложнялось тем, что каждое из углублений в стене было занавешено большими полотнищами из прозрачного полиуретана. Это, видимо, было сделано для того, чтобы защитить гробницы от строительной пыли.
"It could be any of those draped recesses," Langdon said.	- Часовней Киджи может быть любая из закрытых ниш, - ответил Лэнгдон.

"No way to know which is the Chigi without looking inside every one.	- И найти ее мы можем, лишь заглянув за занавес.
Could be a good reason to wait for Oliv-"	По-моему, это достаточная причина ждать появления Оливе...
"Which is the secondary left apse?" she asked.	- Что такое второй левый придел? И где он расположен? - неожиданно спросила Виттория.
Langdon studied her, surprised by her command of architectural terminology.	Лэнгдон посмотрел на нее с изумлением: он и понятия не имел, что Виттория настолько хорошо знакома с церковной архитектурой.
"Secondary left apse?"	- Второй левый придел? - переспросил он.

Vittoria pointed at the wall behind him.	Девушка молча показала на стену за его спиной.

A decorative tile was embedded in the stone.	Лэнгдон оглянулся и увидел вделанную в камень декоративную плиту.
It was engraved with the same symbol they had seen outside-a pyramid beneath a shining star.	На плите был вырезан тот же символ, который они видели на площади, - пирамида под сверкающей звездой.
The grime covered plaque beside it read:	Рядом с плитой на стене была размещена современная пластина довольно унылого вида. На пластине значилось:

Coat of arms of Alexander Chigi whose tomb is located in the secondary left apse of this Cathedral	ГЕРБ АЛЕКСАНДРА КИДЖИ, ГРОБНИЦА КОТОРОГО НАХОДИТСЯ ВО ВТОРОМ ЛЕВОМ ПРИДЕЛЕ ХРАМА
Langdon nodded. Chigi's coat of arms was a pyramid and star?	Итак, герб Киджи являл собой изображение пирамиды под звездой.
He suddenly found himself wondering if the wealthy patron Chigi had been an Illuminatus.	Все как нельзя лучше становилось на свои места. Интересно, подумал Лэнгдон, неужели этот богатый покровитель искусств тоже был иллюминатом?
He nodded to Vittoria.	Вслух же он произнес:
"Nice work, Nancy Drew."	- Отличная работа, Никита.

"What?"	- Что?
"Never mind.	- Ничего, забудьте.
I-"	Я...
A piece of metal clattered to the floor only yards away.	В этот момент в нескольких ярдах от них на пол с характерным стуком упал какой-то металлический предмет.
The clang echoed through the entire church.	Под сводами собора прокатилось эхо.
Langdon pulled Vittoria behind a pillar as she whipped the gun toward the sound and held it there.	Лэнгдон мгновенно толкнул Витторию за колонну и встал рядом с ней. Девушка направила пистолет в сторону звука. Американец напряг слух.
Silence.	Тишина. Полная тишина.

They waited.	Лэнгдон и Виттория замерли, выжидая дальнейшего развития событий.
Again there was sound, this time a rustling.	Через некоторое время звук повторился. Но на сей раз это был лишь шорох.
Langdon held his breath.	Лэнгдон затаил дыхание.
I never should have let us come in here!	"Нам не следовало приходить сюда, - думал он. -Как я мог это допустить?"
The sound moved closer, an intermittent scuffling, like a man with a limp.	Звук приближался. Теперь он напоминал неровное шарканье. Создавалось впечатление, что к ним идет хромой.

Suddenly around the base of the pillar, an object came into view.	Еще миг, и из-за колонны возник источник этого звука.

"Figlio di puttana!" Vittoria cursed under her breath, jumping back.	- Ах ты, дрянь! - отпрыгнув назад, негромко выругалась Виттория.
Langdon fell back with her.	Лэнгдон тоже отпрянул, при этом едва не упав.
Beside the pillar, dragging a half eaten sandwich in paper, was an enormous rat.	Рядом с колонной появилась гигантских размеров крыса.

The creature paused when it saw them, staring a long moment down the barrel of Vittoria's weapon, and then, apparently unmoved, continued dragging its prize off to the recesses of the church.	Животное волокло завернутый в бумагу недоеденный сандвич. Увидев их, грызун замер, внимательно посмотрел на ствол пистолета и, видимо, поняв, что ему ничего не грозит, спокойно поволок свою добычу в одному ему известное место.
"Son of a..." Langdon gasped, his heart racing.	- Что за сукина... - выдохнул Лэнгдон, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.
Vittoria lowered the gun, quickly regaining her composure.	Виттория пришла в себя первой и опустила пистолет.

Langdon peered around the side of the column to see a workman's lunchbox splayed on the floor, apparently knocked off a sawhorse by the resourceful rodent.	Лэнгдон выглянул из-за колонны и увидел открытую металлическую коробку, в каких рабочие обычно носят обеды. До этого коробка лежала на козлах, однако находчивый грызун, видимо, столкнул ее на пол, и от удара она открылась.
Langdon scanned the basilica for movement and whispered,	Лэнгдон обежал взглядом базилику в надежде уловить хоть какое-нибудь движение. Ничего не заметив, он прошептал:
"If this guy's here, he sure as hell heard that.	- Если этот парень здесь, то он наверняка все слышал.

You sure you don't want to wait for Olivetti?"	Вы действительно не хотите подождать прибытия Оливетти?
"Secondary left apse," Vittoria repeated.	- Второй левый придел, - повторила Виттория.
"Where is it?"	- Так где же он?
Reluctantly Langdon turned and tried to get his bearings.	Лэнгдон неохотно повернулся к Виттории и попытался привести в порядок свои мысли.
Cathedral terminology was like stage directions-totally counterintuitive.	Терминология церковной архитектуры, так же как и театральной режиссуры, не оставляла места для свободного толкования или интуиции.
He faced the main altar.	Ученый встал лицом к главному алтарю.

Stage center. Then he pointed with his thumb backward over his shoulder.	Центр сцены, подумал он и ткнул большим пальцем руки назад, через плечо. - Там.
They both turned and looked where he was pointing.	После этого оба они обернулись, чтобы посмотреть, на что указывал палец.
It seemed the Chigi Chapel was located in the third of four recessed alcoves to their right.	Похоже, что гробница Киджи находилась в третьей из четырех ниш справа от них.
The good news was that Langdon and Vittoria were on the correct side of the church.	Лэнгдону и Виттории повезло, и они оказались на той стороне церкви, где была часовня.

The bad news was that they were at the wrong end.	Но на этом везение заканчивалось, поскольку они стояли в дальнем от нее конце нефа.
They would have to traverse the length of the cathedral, passing three other chapels, each of them, like the Chigi Chapel, covered with translucent plastic shrouds.	Для того чтобы добраться до нужного места, им предстояло пройти вдоль всего собора, мимо трех других занавешенных прозрачным пластиком часовен.
"Wait," Langdon said. "I'll go first."	- Постойте, - сказал Лэнгдон, - я пойду первым.
"Forget it."	- Оставьте.
"I'm the one who screwed up at the Pantheon."	- Я тот, кто все испортил, назвав местом убийства Пантеон.

She turned. "But I'm the one with the gun."	- Но зато у меня имеется пистолет, - улыбнулась она.
In her eyes Langdon could see what she was really thinking... I'm the one who lost my father.	Однако по выражению глаз девушки Лэнгдон понял, о чем она думает на самом деле. "...Они убили моего отца.
I'm the one who helped build a weapon of mass destruction.	Я помогла создать оружие массового уничтожения.
This guy's kneecaps are mine...	И труп этого парня должен принадлежать мне..."

Langdon sensed the futility and let her go.	Осознав всю бесполезность попыток остановить Витторию, Лэнгдон позволил ей идти первой, в то же время стараясь держаться к ней как можно ближе.
He moved beside her, cautiously, down the east side of the basilica.	Они осторожно двигались вдоль восточной стены базилики.
As they passed the first shrouded alcove, Langdon felt taut, like a contestant on some surreal game show.	На подходе к первой нише Лэнгдону вдруг показалось, что он участвует в какой-то сюрреалистической игре, и нервы его напряглись до предела.
I'll take curtain number three, he thought.	"Итак, я ставлю на занавес номер три", - подумал он.

The church was quiet, the thick stone walls blocking out all hints of the outside world.	В соборе царила тишина. Толстые каменные стены поглощали малейшие намеки на существование внешнего мира.
As they hurried past one chapel after the other, pale humanoid forms wavered like ghosts behind the rustling plastic.	За пластиковыми занавесами, мимо которых они проходили, виднелись бледные формы человеческих тел. Создавалось впечатление, что белые фигуры колеблются, и это делало их похожими на призраки.
Carved marble, Langdon told himself, hoping he was right.	Это всего лишь мрамор, убеждал себя Лэнгдон, надеясь, что не ошибается.

It was 8:06 P.M. Had the killer been punctual and slipped out before Langdon and Vittoria had entered?	Часы показывали 8:06. Неужели убийца оказался настолько пунктуальным, что успел выскользнуть из базилики до того, как в нее вошли Лэнгдон и Виттория?
Or was he still here?	Или он все еще находится в церкви?

Langdon was unsure which scenario he preferred.	Американец не знал, какой вариант он предпочитает.
They passed the second apse, ominous in the slowly darkening cathedral.	Они подошли ко второму приделу, который в неторопливо угасающем свете дня выглядел чрезвычайно зловеще.

Night seemed to be falling quickly now, accentuated by the musty tint of the stained glass windows.	В Риме наступала ночь, и темноту в помещении храма усиливали цветные стекла витражей.
As they pressed on, the plastic curtain beside them billowed suddenly, as if caught in a draft.	В этот миг пластиковый занавес, мимо которого они проходили, качнулся так, будто попал под струю ветра.
Langdon wondered if someone somewhere had opened a door.	"Неужели кто-то открыл дверь?" - подумал Лэнгдон.
Vittoria slowed as the third niche loomed before them.	На подходе к третьей нише Виттория замедлила шаг.
She held the gun before her, motioning with her head to the stele beside the apse.	Держа пистолет наготове, она всматривалась в стоящую у стены стелу.

Carved in the granite block were two words:	На гранитной глыбе была выбита надпись:
Capella Chigi	КАПЕЛЛА КИДЖИ
Langdon nodded.	Лэнгдон кивнул.
Without a sound they moved to the corner of the opening, positioning themselves behind a wide pillar.	Соблюдая абсолютную тишину, они подошли к краю занавеса и укрылись за широкой колонной.
Vittoria leveled the gun around a corner at the plastic.	Не выходя из укрытия, Виттория поднесла пистолет к краю пластика и дала Лэнгдону знак приоткрыть его.

Then she signaled for Langdon to pull back the shroud. A good time to start praying, he thought. Reluctantly, he reached over her shoulder. As carefully as possible, he began to pull the plastic aside.	Самое время приступать к молитве, подумал он и, неохотно вытянув руку из-за ее плеча, начал осторожно отодвигать пластик в сторону.
It moved an inch and then crinkled loudly.	Полиуретан бесшумно подался на дюйм, а затем ему это, видимо, надоело, и он громко зашелестел.
They both froze.	Лэнгдон и Виттория замерли.
Silence.	Тишина.

After a moment, moving in slow motion, Vittoria leaned forward and peered through the narrow slit.	Немного выждав, Виттория наклонилась и, вытянув шею, загляну-ла в узкую щель.
Langdon looked over her shoulder.	Лэнгдон пытался что-нибудь увидеть, глядя через плечо девушки.
For a moment, neither one of them breathed.	На некоторое время они оба затаили дыхание.
"Empty," Vittoria finally said, lowering the gun.	- Никого, - наконец про-шептала Виттория.
"We're too late."	- Мы опоздали.
Langdon did not hear.	Лэнгдон ничего не слы-шал.

He was in awe, transported for an instant to another world.	В один миг он как будто перенесся в иной мир.

In his life, he had never imagined a chapel that looked like this.	Ни разу в жизни ему не доводилось видеть подобной часовни.
Finished entirely in chestnut marble, the Chigi Chapel was breathtaking.	От вида этого сооружения, целиком выполненного из коричневого мрамора, захватывало дух.
Langdon's trained eye devoured it in gulps.	Ученый замер в восхищении, пожирая взглядом открывшуюся ему картину.

It was as earthly a chapel as Langdon could fathom, almost as if Galileo and the Illuminati had designed it themselves.	Теперь он понял, почему этот шедевр первоначально называли капелла делла Терра -часовня Земли. Создавалось впечатление, что ее соорудил сам Г алилей и близкие к нему иллюминаты.
Overhead, the domed cupola shone with a field of illuminated stars and the seven astronomical planets.	Куполообразный потолок часовни был усыпан сверкающими звездами, меж которыми сияли семь планет, известных в то время астрономам.
Below that the twelve signs of the zodiac-pagan, earthly symbols rooted in astronomy.	Ниже на своеобразном поясе разместились двенадцать знаков Зодиака. Двенадцать укоренившихся в астрономии языческих символов.

The zodiac was also tied directly to Earth, Air, Fire, Water... the quadrants representing power, intellect, ardor, emotion.	Зодиак был напрямую связан с землей, воздухом, огнем и водой... квадрантами, представляющими власть, разум, страсть и чувства.
Earth is for power, Langdon recalled.	Земля есть власть, припомнил Лэнгдон.
Farther down the wall, Langdon saw tributes to the Earth's four temporal seasons-primavera, estate, autunno, inv?rno.	Еще ниже на стене располагались знаки четырех времен года - весны, лета, осени и зимы.
But far more incredible than any of this were the two huge structures dominating the room.	Но больше всего воображение ученого потрясли четыре занимавших главенствующее положение в часовне сооружения.

Langdon stared at them in silent wonder.	Он в немом восхищении взирал на символы братства "Иллюминати".
It can't be, he thought. It just can't be! But it was.	Этого не может быть, думал он, но это все-таки существует!
On either side of the chapel, in perfect symmetry, were two ten foot high marble pyramids.	В капелле Киджи архитекторы воздвигли четыре десятифутовые мраморные пирамиды. Пирамиды стояли абсолютно симметрично - по две с каждой стороны.
"I don't see a cardinal," Vittoria whispered.	- Я не вижу кардинала, - прошептала Виттория.
"Or an assassin."	- Да и убийцы тоже.

She pulled aside the plastic and stepped in.	С этими словами она отодвинула пластик и шагнула в часовню.
Langdon's eyes were transfixed on the pyramids.	Лэнгдон не сводил глаз с пирамид.
What are pyramids doing inside a Christian chapel?	Что делают они внутри христианской часовни?
And incredibly, there was more.	Но и это еще было не все.

Dead center of each pyramid, embedded in their anterior fa?ades, were gold medallions... medallions like few Langdon had ever seen... perfect ellipses. The burnished disks glimmered in the setting sun as it sifted through the cupola.	Точно в центре тыльной стороны каждой пирамиды поблескивали золотые медальоны... Медальоны подобной формы Лэнгдон встречал лишь несколько раз в жизни. Это были правильные эллипсы.
Galileo's ellipses?	Эллипсы Галилея?
Pyramids?	Пирамиды?
A cupola of stars?	Звездный купол?

The room had more Illuminati significance than any room Langdon could have fabricated in his mind.	Даже в самых смелых в своих мечтах он не мог представить, что окажется в помещении, в котором присутствовало бы такое количество символов братства "Иллюминати".
"Robert," Vittoria blurted, her voice cracking. "Look!"	- Роберт, - произнесла Виттория срывающимся голосом, - посмотрите!
Langdon wheeled, reality returning as his eyes dropped to where she was pointing.	Лэнгдон резко повернулся и, возвратившись в реальный мир, бросил взгляд себе под ноги - туда, куда показывала девушка.
"Bloody hell!" he shouted, jumping backward.	- Что за дьявольщина?! - воскликнул американец, отскакивая в сторону.

Sneering up at them from the floor was the image of a skeleton-an intricately detailed, marble mosaic depicting "death in flight."	С пола на него с насмешливой ухмылкой смотрел череп. Это была всего лишь часть весьма натуралистично выполненного мозаичного скелета, призванного изображать "смерть в полете".
The skeleton was carrying a tablet portraying the same pyramid and stars they had seen outside.	Скелет держал в руках картон с изображением пирамид и звезд - точно таких же, как те, что находились в часовне.
It was not the image, however, that had turned Langdon's blood cold.	Но содрогнуться Лэнгдона заставило вовсе не это изображение, а то, что основой мозаики служил камень, по форме очень напоминавший крышку канализационного люка.

It was the fact that the mosaic was mounted on a circular stone-a cupermento-that had been lifted out of the floor like a manhole cover and was now sitting off to one side of a dark opening in the floor.	Камень, именуемый cupermento, был сдвинут в сторону и лишь частично прикрывал темное отверстие в полу.
"Demon's hole," Langdon gasped.	- Дьявольская дыра, - едва слышно выдавил Лэнгдон.
He had been so taken with the ceiling he had not even seen it.	Он настолько увлекся изучением потолка, что совершенно не заметил отверстия.
Tentatively he moved toward the pit.	Американец неохотно приблизился к яме.
The stench coming up was overwhelming.	От нее разило так, что захватывало дух.

Vittoria put a hand over her mouth. "Che puzzo."	- Что это так воняет? - спросила Виттория, прикрывая ладонью рот и нос.
"Effluvium," Langdon said.	- Миазмы, - ответил Лэнгдон.
"Vapors from decaying bone."	- Пары гниющих костей.

He breathed through his sleeve as he leaned out over the hole, peering down. Blackness. "I can't see a thing."	- Дыша через рукав пиджака, он присел на корточки перед отверстием и, заглянув в темноту, сказал: - Ничего не видно.
"You think anybody's down there?"	- Думаете, там кто-нибудь есть?
"No way to know."	- Откуда мне знать?

Vittoria motioned to the far side of the hole where a rotting, wooden ladder descended into the depths.	Виттория показала на ведущую в черноту полусгнившую деревянную лестницу.
Langdon shook his head.	- Ни черта не видно, - покачал головой Лэнгдон.
"Like hell."	- Это то же самое, что спускаться в ад.
"Maybe there's a flashlight outside in those tools."	- Может быть, среди оставленных инструментов найдется фонарь?
She sounded eager for an excuse to escape the smell.	- Американцу показалась, что девушка ищет любой предлог, чтобы сбежать от этого тошнотворного аромата.

"I'll look."	- Я пойду взгляну.
"Careful!" Langdon warned.	- Осторожнее, - предупредил ее Лэнгдон.
"We don't know for sure that the Hassassin-"	- Мы не знаем, где находится ассасин и...
But Vittoria was already gone.	Но Виттория уже ушла.
One strong willed woman, Langdon thought.	Женщина с сильным характером, подумал он.
As he turned back to the pit, he felt light headed from the fumes.	Лэнгдон повернулся лицом к колодцу, ощущая легкое головокружение - так на него подействовали испарения смерти.

Holding his breath, he dropped his head below the rim and peered deep into the darkness.	Он задержал дыхание, сунул голову в отверстие и, напрягая зрение, вгляделся во тьму.
Slowly, as his eyes adjusted, he began to see faint shapes below.	Когда его глаза немного привыкли к темноте, он начал различать внизу какие-то смутные тени.
The pit appeared to open into a small chamber.	Оказалось, что колодец вел в небольшую камеру.
Demon's hole.	Дьявольская дыра.
He wondered how many generations of Chigis had been unceremoniously dumped in.	Интересно, думал он, сколько поколений семейства Киджи было бесцеремонно свалено в эту шахту?

Langdon closed his eyes and waited, forcing his pupils to dilate so he could see better in the dark.	Лэнгдон опустил веки, давая глазам возможность лучше приспособиться к темноте.
When he opened his eyes again, a pale muted figure hovered below in the darkness.	Открыв их снова, ученый увидел какую-то бледную, расплывчатую, плавающую в темноте фигуру.
Langdon shivered but fought the instinct to pull out.	Он сумел подавить инстинктивное желание вскочить, несмотря на то, что его начала бить дрожь.
Am I seeing things?	Неужели у него начались галлюцинации?
Is that a body?	А может быть, это чье-то тело?
The figure faded.	Фигура исчезла.

Langdon closed his eyes again and waited, longer this time, so his eyes would pick up the faintest light.	Лэнгдон снова закрыл глаза и не открывал их довольно долго.
Dizziness started to set in, and his thoughts wandered in the blackness.	Голова начала кружиться, а мысли путаться.
Just a few more seconds.	Еще несколько секунд, убеждал он себя.
He wasn't sure if it was breathing the fumes or holding his head at a low inclination, but Langdon was definitely starting to feel squeamish.	Он не знал, что именно было причиной головокружения - исходящие из ямы миазмы или неудобная поза.

When he finally opened his eyes again, the image before him was totally inexplicable.	Когда он наконец открыл глаза, представший перед его взором образ остался для него столь же непонятным, как и до того.
He was now staring at a crypt bathed in an eerie bluish light.	Теперь ему казалось, что весь склеп наполнен призрачным голубоватым свечением.
A faint hissing sound reverberated in his ears. Light flickered on the steep walls of the shaft.	Через миг он услышал странное шипение, и на отвесных стенах шахты запрыгали пятна света.
Suddenly, a long shadow materialized over him.	Еще миг - и над ним возникла какая-то огромная тень.
Startled, Langdon scrambled up.	Лэнгдон вскочил на ноги.

"Look out!" someone exclaimed behind him.	- Осторожнее! - раздался крик за его спиной.
Before Langdon could turn, he felt a sharp pain on the back of his neck.	Ученый, не успев повернуться, почувствовал острую боль в шее.
He spun to see Vittoria twisting a lit blowtorch away from him, the hissing flame throwing blue light around the chapel.	Когда ему все-таки удалось посмотреть назад, он увидел, как Виттория отводит в сторону паяльную лампу, из которой с шипением вырывалось синеватое пламя, озаряя зловещим светом часовню.
Langdon grabbed his neck. "What the hell are you doing?"	- Что, дьявол вас побери, вы затеяли?! - возопил Лэнгдон, схватившись за шею.

"I was giving you some light," she said.	- Я всего лишь хотела вам посветить, - ответила девушка.
"You backed right into me."	- Вы отпрянули прямо на огонь.
Langdon glared at the portable blowtorch in her hand.	Лэнгдон бросил взгляд на необычный осветительный прибор.
"Best I could do," she said. "No flashlights."	- Никаких фонарей, - сказала Виттория. - Это -лучшее, что я смогла найти.
Langdon rubbed his neck. "I didn't hear you come in."	- Я не слышал, как вы подошли, - пробормотал американец, потирая обожженное место.
Vittoria handed him the torch, wincing again at the stench of the crypt.	Виттория вручила ему лампу, поморщившись от исходящей из склепа вони.

"You think those fumes are combustible?"	- Как вы считаете, эти испарения могут воспламениться? - спросила она.
"Let's hope not."	- Надеюсь, что нет.

He took the torch and moved slowly toward the hole. Cautiously, he advanced to the rim and pointed the flame down into the hole, lighting the side wall.	Он взял паяльную лампу и, осторожно наклонившись к краю "дьявольской дыры", осветил стенку склепа.
As he directed the light, his eyes traced the outline of the wall downward. The crypt was circular and about twenty feet across.	Оказалось, что подземная камера имела форму круга диаметром в двадцать футов.

Thirty feet down, the glow found the floor.	Примерно на глубине тридцати футов паяльная лампа высветила дно подземелья.
The ground was dark and mottled.	Оно было темным и неровным.
Earthy.	Земля, подумал американец.
Then Langdon saw the body.	Потом он увидел тело.
His instinct was to recoil. "He's here," Langdon said, forcing himself not to turn away.	- Он здесь, - сказал Лэнгдон, подавив желание отвернуться.
The figure was a pallid outline against the earthen floor.	На темном фоне земли виднелся лишь бледный силуэт человека.

"I think he's been stripped naked." Langdon flashed on the nude corpse of Leonardo Vetra.	- Кажется, он раздет догола, - продолжил ученый, и перед его мысленным взором вновь замаячил обнаженный труп Леонардо Ветра.
"Is it one of the cardinals?"	- Один из кардиналов?
Langdon had no idea, but he couldn't imagine who the hell else it would be.	Лэнгдон не был уверен, но не мог представить, что в склепе может находиться кто-то еще.
He stared down at the pale blob.	Он напряженно вглядывался в светлое пятно...
Unmoving.	Неподвижное.
Lifeless.	Безжизненное.
And yet... Langdon hesitated.	Но все же... Его охватили сомнения.

There was something very strange about the way the figure was positioned.	В положении фигуры было что-то странное.
He seemed to be...	Создавалось впечатление, что...
Langdon called out. "Hello?"	- Эй! - позвал Лэнгдон.
"You think he's alive?"	- Вы полагаете, что он жив?
There was no response from below.	Отклика снизу не последовало.
"He's not moving," Langdon said.	- Он не двигается, - ответил Лэнгдон.
"But he looks..." No, impossible.	- Но он выглядит...
"He looks what?"	Нет.

Vittoria was peering over the edge now too.	Это решительно невозможно.
Langdon squinted into the darkness.	- Так как же он выглядит?
"He looks like he's standing up."	- Создается впечатление, что он стоит... - сказал ученый.
Vittoria held her breath and lowered her face over the edge for a better look.	Виттория затаила дыхание и приникла к краю колодца, чтобы увидеть все своими глазами.

After a moment, she pulled back.	Через несколько секунд она выпрямилась и сказала:
"You're right.	- Вы правы.
He's standing up!	Он стоит вертикально!

Maybe he's alive and needs help!"	Может быть, кардинал еще жив и нуждается в помощи?
She called into the hole. "Hello?! Mi pu? sentire?"	Хэлло!!! - крикнула она, вновь склонившись к колодцу.
There was no echo off the mossy interior.	Ответом ей было молчание.
Only silence.	Склеп не ответил Виттории даже намеком на эхо.
Vittoria headed for the rickety ladder.	Девушка молча двинулась к рахитичной лестнице.
"I'm going down."	- Я спускаюсь.
Langdon caught her arm. "No.	- Нет.
It's dangerous.	Это слишком опасно, - взяв ее за руку, сказал Лэнгдон.

I'll go."	- Вниз пойду я.
This time Vittoria didn't argue.	На сей раз Виттория протестовать не стала.
66	Глава 66
Chinita Macri was mad.	Чинита Макри была вне себя от ярости.
She sat in the passenger's seat of the BBC van as it idled at a corner on Via Tomacelli.	Она сидела на пассажирском сиденье микроавтобуса Би-би-си, стоявшего на углу виа Томачелли.
Gunther Glick was checking his map of Rome, apparently lost.	Мотор автомобиля работал на холостом ходу, а Гюнтер внимательно изучал карту Рима. Не оставалось сомнения в том, что этот идиот заблудился.

As she had feared, his mystery caller had phoned back, this time with information.	Таинственный незнакомец, как опасалась Макри, позвонил снова. На сей раз он сообщил им новую информацию.
"Piazza del Popolo," Glick insisted.	- Пьяцца дель Пополо, - бормотал Гюнтер.
"That's what we're looking for. There's a church there.	- Там есть какая-то церковь.
And inside is proof."	Ее мы и ищем, поскольку именно в этой церкви находятся все нужные нам доказательства.
"Proof."	- Доказательства чего?
Chinita stopped polishing the lens in her hand and turned to him. "Proof that a cardinal has been murdered?"	- Чинита прекратила протирать стекла очков, внимательно посмотрела на Глика и закончила: -Того, что этого кардинала прикончили?

"That's what he said."	- Это все, что он сказал.
"You believe everything you hear?" Chinita wished, as she often did, that she was the one in charge.	- Неужели ты веришь всему, что слышишь? - язвительно произнесла Чинита, в который раз сожалея о том, что не она здесь главная.

Videographers, however, were at the whim of the crazy reporters for whom they shot footage. If Gunther Glick wanted to follow a feeble phone tip, Macri was his dog on a leash.	Видеооператоры были отданы на милость полоумных репортеров, и если у Гюнтера Глика возникла безумная идея откликнуться на анонимный звонок, Макри не оставалось ничего, кроме как следовать за этим идиотом. Как собака на поводке.

She looked at him, sitting there in the driver's seat, his jaw set intently.	Она смотрела, как он восседал на водительском месте, решительно выдвинув вперед подбородок.
The man's parents, she decided, must have been frustrated comedians to have given him a name like Gunther Glick.	Родители этого парня были скорее всего неудачниками, ущербными комедиантами, думала она. Иначе они не наградили бы своего сынка таким дурацким именем. Гюнтер Глик!
No wonder the guy felt like he had something to prove.	Неудивительно, что он постоянно стремится кому-то что-то доказать.

Nonetheless, despite his unfortunate appellative and annoying eagerness to make a mark, Glick was sweet... charming in a pasty, Briddish, unstrung sort of way.	Тем не менее, несмотря на нелепое имя и неуемное стремление прославиться, в парне есть что-то привлекательное, есть шарм... есть какая-то раскованность.
Like Hugh Grant on lithium.	Одним словом, он похож на Хью Гранта, принимающего "колеса".
"Shouldn't we be back at St. Peter's?" Macri said as patiently as possible.	- Может быть, нам следует вернуться к Святому Петру? - как можно более миролюбиво произнесла Макри.
"We can check this mystery church out later.	- Эту таинственную церковь мы можем осмотреть позже.

Conclave started an hour ago.	Конклав открылся час назад.
What if the cardinals come to a decision while we're gone?"	Ты представляешь, что с нами будет, если кардиналы примут решение без нас?
Glick did not seem to hear.	Глик, казалось, не слышал ее слов.
"I think we go to the right, here." He tilted the map and studied it again.	- Думаю, что нам нужно свернуть направо, -сказал он, слегка повернул карту и снова углубился в ее изучение.
"Yes, if I take a right... and then an immediate left."	- Да, если я сверну направо... а потом сразу налево...
He began to pull out onto the narrow street before them.	Машина двинулась и начала поворачивать в узкую улочку.

"Look out!" Macri yelled. She was a video technician, and her eyes were sharp.	- Осторожнее! - крикнула Макри, которая, как человек, работающий с видеокамерой, обладала более острым зрением.
Fortunately, Glick was pretty fast too.	У Глика, по счастью, была хорошая реакция.
He slammed on the brakes and avoided entering the intersection just as a line of four Alpha Romeos appeared out of nowhere and tore by in a blur.	Он ударил по тормозам и остановился перед самым перекрестком как раз в тот момент, когда там практически из ниоткуда возникли четыре "альфа-ромео".

Once past, the cars skidded, decelerating, and cut sharply left one block ahead, taking the exact route Glick had intended to take.	Мелькнувшие словно молнии машины резко свернули, так что взвизгнули тормоза, и мгновенно скрылись за углом идущей влево улицы. Они промчались тем же путем, который наметил для себя Глик.
"Maniacs!" Macri shouted.	- Маньяки! - заорала им вслед Макри.
Glick looked shaken. "Did you see that?"	- Ты видела? - спросил потрясенный Глик.
"Yeah, I saw that!	- Еще бы!
They almost killed us!"	Они нас чуть не убили!
"No, I mean the cars," Glick said, his voice suddenly excited.	- Нет. Я имею в виду машины, - сказал репортер, и по его голосу было слышно, что он страшно разволновался.

"They were all the same."	- Все машины были совершенно одинаковыми.
"So they were maniacs with no imagination."	- Ну и что? Это означает лишь, что маньяки, чуть нас не прикончившие, начисто лишены воображения.
"The cars were also full."	- Во всех машинах было полно людей.
"So what?"	- Что из того?
"Four identical cars, all with four passengers?"	- Четыре одинаковые машины, в каждой из которых четыре пассажира?
"You ever heard of carpooling?"	- Неужели ты ничего не слышал об автомобильных пулах?
"In Italy?"	- Где, в Италии?

Glick checked the intersection. "They haven't even heard of unleaded gas."	- Глик внимательно осмотрел перекресток и добавил: - Они здесь понятия не имеют даже о неэтилированном бензине, а ты толкуешь о совместном пользовании машинами.
He hit the accelerator and peeled out after the cars.	С этими словами он резко нажал на педаль газа, и машина рванулась в том же направлении, куда помчалась четверка "альфа-ромео".
Macri was thrown back in her seat. "What the hell are you doing?"	- Что, черт возьми, ты делаешь?! - воскликнула Макри, которую отбросило на спинку сиденья.

Glick accelerated down the street and hung a left after the Alpha Romeos.	Глик на максимально возможной скорости проскочил квартал и свернул на улицу, за углом которой скрылись странные машины.
"Something tells me you and I are not the only ones going to church right now."	- Что-то подсказывает мне, что мы с тобой не единственные, кто в данный момент торопится к этой церкви.
67	Глава 67
The descent was slow.	Спуск проходил мучительно медленно.
Langdon dropped rung by rung down the creaking ladder... deeper and deeper beneath the floor of the Chigi Chapel.	Лэнгдон осторожно, ступенька за ступенькой сползал по скрипящей деревянной лестнице в подземелье под капеллой Киджи.

Into the Demon's hole, he thought.	"И с какой стати я полез в эту дьявольскую дыру?" - думал он, не видя ничего, кроме каменной стены перед глазами.
He was facing the side wall, his back to the chamber, and he wondered how many more dark, cramped spaces one day could provide.	Уже в который раз за день ему пришлось оказаться в замкнутом пространстве и испытать очередной приступ клаустрофобии.
The ladder groaned with every step, and the pungent smell of rotting flesh and dampness was almost asphyxiating.	Лестница при каждом движении жалобно стонала, а отвратительный запах и высокая влажность вызывали удушье.
Langdon wondered where the hell Olivetti was.	"Куда подевался этот Оливетти?" - думал американец.

Vittoria's outline was still visible above, holding the blowtorch inside the hole, lighting Langdon's way.	Поднимая голову, он еще мог видеть силуэт светившей путь паяльной лампой Виттории.
As he lowered himself deeper into the darkness, the bluish glow from above got fainter.	Голубоватое свечение по мере его погружения в склеп становилось все слабее и слабее.
The only thing that got stronger was the stench.	Вонь же, напротив, только усиливалась.
Twelve rungs down, it happened.	Это произошло на двенадцатой ступеньке.
Langdon's foot hit a spot that was slippery with decay, and he faltered.	Его нога попала на влажное от плесени место и соскользнула с рахитичной планки.

Lunging forward, he caught the ladder with his forearms to avoid plummeting to the bottom.	По счастью, он избежал падения на дно, поскольку, упав на лестницу грудью, сумел схватиться за древнее сооружение обеими руками.
Cursing the bruises now throbbing on his arms, he dragged his body back onto the ladder and began his descent again.	Проклиная все на свете, ученый нащупал ногой очередную предательскую перекладину и продолжил спуск.
Three rungs deeper, he almost fell again, but this time it was not a rung that caused the mishap.	Предплечья, которыми он обнимал лестницу, болели. Синяков, видимо, избежать не удастся, подумал он. Через три ступени он чуть было снова не сорвался.

It was a bolt of fear.	Но на сей раз причиной этого была не дефектная перекладина, а приступ самого банального ужаса.
He had descended past a hollowed niche in the wall before him and suddenly found himself face to face with a collection of skulls.	Двигаясь мимо углубления в стене, он вдруг оказался лицом к лицу с черепом. Лэнгдон посмотрел внимательнее и увидел, что на него пялится целое сборище мертвых голов.
As he caught his breath and looked around him, he realized the wall at this level was honeycombed with shelflike openings-burial niches-all filled with skeletons.	Несколько придя в себя, он сообразил, что на этом уровне в стене вырублены погребальные ниши, каждая из которых была заполнена скелетом.

In the phosphorescent light, it made for an eerie collage of empty sockets and decaying rib cages flickering around him.	В синеватом мерцающем свете пустые глазницы и разложившиеся грудные клетки являли собой ужасающее зрелище.
Skeletons by firelight, he grimaced wryly, realizing he had quite coincidentally endured a similar evening just last month.	Скелеты в свете факелов, криво усмехнулся он, припомнив, что всего лишь месяц назад пережил такой же вечер.
An evening of bones and flames.	Вечер костей и огня.

The New York Museum of Archeology's candlelight benefit dinner-salmon flamb? in the shadow of a brontosaurus skeleton.	Это был благотворительный ужин нью-йоркского Музея археологии - лосось flambe при свечах в тени скелета бронтозавра.

He had attended at the invitation of Rebecca Strauss- one time fashion model now art critic from the Times, a whirlwind of black velvet, cigarettes, and not so subtly enhanced breasts.	Он попал туда по приглашению Ребекки Штросс -бывшей модели, а ныне ведущего эксперта по проблемам культуры журнала "Тайм". Ребекка являла собой торнадо из черного бархата, сигаретного дыма и больших силиконовых грудей.
She'd called him twice since. Langdon had not returned her calls.	После ужина она звонила ему дважды, но Лэнгдон на звонки не ответил.
Most ungentlemanly, he chided, wondering how long Rebecca Strauss would last in a stink pit like this.	Совсем не по-джентльменски, ухмыльнулся он, и в голову ему пришла нелепая мысль: интересно, сколько минут смогла бы продержаться Ребекка Штросс в подобной вони?

Langdon was relieved to feel the final rung give way to the spongy earth at the bottom. The ground beneath his shoes felt damp.	Лэнгдон почувствовал огромное облегчение, когда вместо ступени под его ногой оказалась мягкая, как губка, и вдобавок влажная почва дна склепа.
Assuring himself the walls were not going to close in on him, he turned into the crypt.	Убедив себя в том, что стены в ближайшее время не рухнут, он повернулся лицом к центру каменной камеры.
It was circular, about twenty feet across. Breathing through his sleeve again, Langdon turned his eyes to the body.	Снова дыша сквозь рукав, Лэнгдон посмотрел на тело.
In the gloom, the image was hazy.	В полумраке подземелья оно было едва заметно.

A white, fleshy outline. Facing the other direction.	Светлый силуэт человека, обращенный лицом в противоположную сторону.
Motionless. Silent.	Силуэт неподвижный и молчаливый.
Advancing through the murkiness of the crypt, Langdon tried to make sense of what he was looking at.	Лэнгдон вглядывался в темноту склепа и пытался понять, что же он видит.
The man had his back to Langdon, and Langdon could not see his face, but he did indeed seem to be standing.	Человек располагался спиной к американцу, и лица его не было видно. Но тело его совершенно определенно находилось в вертикальном положении.
"Hello?" Langdon choked through his sleeve.	- Хэлло... - прогудел Лэнгдон сквозь ткань рукава.

Nothing.	Ответа не последовало.
As he drew nearer, he realized the man was very short.	Лэнгдон двинулся по направлению к бледной фигуре.
Too short...	Стоящий в темноте человек показался ему поразительно низкорослым...
"What's happening?" Vittoria called from above, shifting the light.	- Что случилось? - донесся до него сверху голос Виттории.
Langdon did not answer.	Лэнгдон не ответил.

He was now close enough to see it all. With a tremor of repulsion, he understood.	Теперь он увидел все и все понял.

The chamber seemed to contract around him.	Его охватило чувство глубокого отвращения, ему показалось, что стены угрожающе сдвинулись, а склеп резко уменьшился в размерах.
Emerging like a demon from the earthen floor was an old man... or at least half of him.	Над почвой возвышалось похожее на какого-то демона подземелья обнаженное старческое тело... или, вернее, половина тела.
He was buried up to his waist in the earth.	Старец был до пояса зарыт в землю.
Standing upright with half of him below ground.	Он держался вертикально только потому, что вся нижняя часть тела находилась под землей.
Stripped naked. His hands tied behind his back with a red cardinal's sash.	Руки трупа были стянуты за спиной красным кардинальским поясом.

He was propped limply upward, spine arched backward like some sort of hideous punching bag.	Сутулая спина чем-то напоминала боксерскую грушу, а голова покойного была откинута назад.
The man's head lay backward, eyes toward the heavens as if pleading for help from God himself.	Глаза трупа были открыты, и казалось, что он смотрит в небеса, умоляя Бога о помощи.
"Is he dead?" Vittoria called.	- Он мертв? - крикнула сверху Виттория.
Langdon moved toward the body. I hope so, for his sake.	"Надеюсь, - подумал Лэнгдон, - ради его же блага".

As he drew to within a few feet, he looked down at the upturned eyes.	Подойдя к трупу вплотную, американец заглянул в мертвое лицо.
They bulged outward, blue and bloodshot.	Глаза покойного налились кровью и вылезли из орбит.
Langdon leaned down to listen for breath but immediately recoiled.	Лэнгдон наклонился еще ниже, пытаясь уловить дыхание, но тут же отпрянул.
"For Christ's sake!"	- Боже мой!
"What!"	- Что случилось?
Langdon almost gagged.	Лэнгдон почти утратил дар речи.
"He's dead all right.	- Он мертв, - ответил ученый, немного придя в себя.
I just saw the cause of death."	- Просто я понял причину смерти.

The sight was gruesome.	То, что он увидел, его потрясло.
The man's mouth had been jammed open and packed solid with dirt.	Открытый рот покойника был забит землей.
"Somebody stuffed a fistful of dirt down his throat.	- Кто-то затолкал землю в его дыхательные пути, -продолжил Лэнгдон.
He suffocated."	- Кардинал умер от удушья.
"Dirt?" Vittoria said.	- Землю? - переспросила Виттория.
"As in... earth?"	- Одну из четырех стихий?
Langdon did a double take.	У Лэнгдона перехватило дыхание.

Earth.	Земля.

He had almost forgotten.	Как он мог об этом забыть?
The brands.	Клейма.
Earth, Air, Fire, Water.	Земля. Воздух. Огонь. Вода.
The killer had threatened to brand each victim with one of the ancient elements of science.	Убийца пообещал клеймить каждую из своих жертв одним из древних элементов науки.
The first element was Earth. From Santi's earthly tomb.	Первым элементом была земля.
Dizzy from the fumes, Langdon circled to the front of the body.	Задыхаясь от невыносимого смрада, Лэнгдон обошел тело.

As he did, the symbologist within him loudly reasserted the artistic challenge of creating the mythical ambigram.	Специалист по символике боролся в его душе с его же представлениями о пределах художественных возможностей.
Earth? How?	Каким образом можно создать амбиграмму из слова "земля", учитывая, что все клейма сделаны на английском языке?
And yet, an instant later, it was before him.	Но уже через секунду перед его взором предстала эта таинственная амбиграмма.
Centuries of Illuminati legend whirled in his mind.	Он сразу вспомнил все старинные легенды о братстве "Иллюминати".

The marking on the cardinal's chest was charred and oozing.	На груди мертвого кардинала виднелся ожог.
The flesh was seared black.	Плоть на этом месте почернела и запеклась.
La lingua pura...	La lingua pura...
Langdon stared at the brand as the room began to spin.	Лэнгдон смотрел на клеймо, и ему казалось, что стены склепа начали медленно вращаться.
"Earth," he whispered, tilting his head to see the symbol upside down.	- Земля, - прошептал он, наклоняя голову, чтобы прочитать символ с другой стороны.
"Earth." Then, in a wave of horror, he had one final cognition.	Лэнгдон содрогнулся от ужаса, до конца осознав, что здесь произошло.

There are three more.	Остаются еще трое, подумал он.
68	Глава 68
Despite the soft glow of candlelight in the Sistine Chapel, Cardinal Mortati was on edge.	В Сикстинской капелле горели свечи. Несмотря на это мягкое, навевающее покой освещение, нервы кардинала Мортати были напряжены до предела.
Conclave had officially begun. And it had begun in a most inauspicious fashion.	Конклав был официально объявлен открытым, и его начало ознаменовалось весьма зловещими событиями.
Half an hour ago, at the appointed hour, Camerlegno Carlo Ventresca had entered the chapel.	Полчаса назад, в точно установленное время, в капеллу вошел камерарий Карло Вентреска.

He walked to the front altar and gave opening prayer.	Подойдя к главному алтарю, он произнес вступительную молитву.

Then, he unfolded his hands and spoke to them in a tone as direct as anything Mortati had ever heard from the altar of the Sistine.	После этого он развел руки в стороны и обратился к собравшимся с кратким словом. Столь прямого, искреннего выступления с алтаря Сикстинской капеллы кардиналу Мортати слышать еще не доводилось.
"You are well aware," the camerlegno said, "that our four preferiti are not present in conclave at this moment.	- Как вам всем известно, - сказал камерарий, -четверо наших preferiti в данный момент на конклаве отсутствуют.

I ask, in the name of his late Holiness, that you proceed as you must... with faith and purpose.	От имени его покойного святейшества я прошу вас действовать так, как вы призваны действовать... С верой в сердце и стремлением к достижению желанной цели.
May you have only God before your eyes."	И пусть в вашем выборе вами руководит только Бог.
Then he turned to go.	С этими словами он повернулся, чтобы удалиться.
"But," one cardinal blurted out, "where are they?"	- Но, - не выдержал один из кардиналов, - где же они?
The camerlegno paused. "That I cannot honestly say."	- Этого я сказать вам, увы, не могу, - выдержав паузу, ответил камерарий.

"When will they return?"	- Когда вернутся?
"That I cannot honestly say."	- И на этот вопрос мне нечего ответить.
"Are they okay?"	- Но с ними все в порядке?
"That I cannot honestly say."	- И об этом я тоже лучше промолчу.
"Will they return?"	- Но они вернутся?
There was a long pause.	За этим вопросом последовала длительная пауза.
"Have faith," the camerlegno said. Then he walked out of the room.	- Не теряйте веры, - наконец произнес камерарий и вышел из капеллы.

The doors to the Sistine Chapel had been sealed, as was the custom, with two heavy chains on the outside.	*** Двери Сикстинской капеллы, как того требовал обычай, были замкнуты с внешней стороны двумя тяжелыми цепями.
Four Swiss Guards stood watch in the hallway beyond.	У дверей расположились четыре швейцарских гвардейца.
Mortati knew the only way the doors could be opened now, prior to electing a Pope, was if someone inside fell deathly ill, or if the preferiti arrived.	Мортати знал, что двери до момента избрания папы откроются лишь в том случае, если вдруг серьезно заболеет один из находящихся в капелле кардиналов или вернутся preferiti.

Mortati prayed it would be the latter, although from the knot in his stomach he was not so sure.	Он молил Бога, чтобы случилось последнее, но внутренний голос почему-то подсказывал ему, что это вряд ли произойдет.
Proceed as we must, Mortati decided, taking his lead from the resolve in the camerlegno's voice.	"Будем действовать, как мы призваны действовать", - решил Мортати, повторив про себя слова камерария.
So he had called for a vote.	После этого он предложил кардиналам приступить к голосованию.

What else could he do?	Иного выбора у него все равно не было.

It had taken thirty minutes to complete the preparatory rituals leading up to this first vote.	На все ритуалы, предшествующие первому туру голосования, ушло около получаса.
Mortati had waited patiently at the main altar as each cardinal, in order of seniority, had approached and performed the specific balloting procedure.	Затем Мортати встал у главного алтаря и принялся терпеливо ждать, когда все кардиналы, один за другим, завершат весьма специфическую процедуру подачи голосов.
Now, at last, the final cardinal had arrived at the altar and was kneeling before him.	И вот настал момент, когда последний кардинал опустился перед ним на колени и, следуя примеру своих коллег, произнес сакраментальную фразу:

"I call as my witness," the cardinal declared, exactly as those before him, "Christ the Lord, who will be my judge that my vote is given to the one who before God I think should be elected."	- Я призываю в свидетели Христа нашего Спасителя, и пусть Он явится судьей чистоты моих помыслов. Пусть Он увидит, что перед лицом Господа нашего я отдаю свой голос тому, кого считаю наиболее достойным.
The cardinal stood up. He held his ballot high over his head for everyone to see.	Затем кардинал встал с колен и поднял над головой свой бюллетень так, чтобы каждый мог его видеть.
Then he lowered the ballot to the altar, where a plate sat atop a large chalice. He placed the ballot on the plate.	После этого он положил листок на блюдо, прикрывающее большой стоящий на алтаре потир

Next he picked up the plate and used it to drop the ballot into the chalice.	Совершив это, кардинал поднял блюдо и стряхнул бюллетень в сосуд.
Use of the plate was to ensure no one secretly dropped multiple ballots.	Блюдо использовалось для того, чтобы ни у кого не возникло искушения опустить в потир несколько бюллетеней.
After he had submitted his ballot, he replaced the plate over the chalice, bowed to the cross, and returned to his seat.	После того как листок скрылся в сосуде, кардинал поставил блюдо на место, поклонился кресту и возвратился к своему креслу.
The final ballot had been cast. Now it was time for Mortati to go to work.	Теперь к работе мог приступать Мортати.

Leaving the plate on top of the chalice, Mortati shook the ballots to mix them.	Оставив блюдо на потире, старец потряс сосуд, дабы перемешать все бюллетени.
Then he removed the plate and extracted a ballot at random.	Затем он снял блюдо и начал в случайном порядке извлекать заполненные листки.
He unfolded it. The ballot was exactly two inches wide. He read aloud for everyone to hear.	Разворачивая бюллетени - каждый из них был размером в два дюйма, - Мортати громко зачитывал то, что в них было написано.
"Eligo in summum pontificem..." he declared, reading the text that was embossed at the top of every ballot.	- Eligo in summum pontificen... - торжественно произносил он напечатанные во всех бюллетенях слова, означавшие:

I elect as Supreme Pontiff... Then he announced the nominee's name that had been written beneath it.	"Избираю в качестве Верховного понтифика..." - и затем зачитывал вписанное под ними имя.
After he read the name, he raised a threaded needle and pierced the ballot through the word Eligo, carefully sliding the ballot onto the thread.	Назвав имя претендента, Мортати брал иглу с ниткой, протыкал бюллетень на слове "Eligo" и осторожно нанизывал его на нить.

Then he made note of the vote in a logbook.	Лишь после этого он делал запись в журнале.
Next, he repeated the entire procedure.	Затем вся процедура повторялась с самого начала.

He chose a ballot from the chalice, read it aloud, threaded it onto the line, and made note in his log.	Он брал бюллетень из потира, громко его зачитывал, нанизывал на нить и делал запись.
Almost immediately, Mortati sensed this first vote would be failed.	Мортати почти сразу понял, что в первом туре избрания не произойдет.
No consensus.	У кардиналов не было никаких признаков консенсуса.
After only seven ballots, already seven different cardinals had been named.	В семи первых бюллетенях было семь разных имен.

As was normal, the handwriting on each ballot was disguised by block printing or flamboyant script.	Для сохранения тайны голосования имена, согласно традиции, вписывались печатными буквами или размашистым неузнаваемым почерком.
The concealment was ironic in this case because the cardinals were obviously submitting votes for themselves. This apparent conceit, Mortati knew, had nothing to do with self centered ambition.	В данном случае тайна голосования могла вызвать лишь усмешку, поскольку каждый кардинал, опять же по традиции, подал голос за самого себя, что, как было известно Мортати, не имело отношения к честолюбивым амбициям кардиналов.

It was a holding pattern. A defensive maneuver.	Это был своего рода оборонительный маневр, целью которого было протянуть время, чтобы никто не добился выигрыша в первом туре.
A stall tactic to ensure no cardinal received enough votes to win... and another vote would be forced.	Тем более что в данном случае каждый из кардиналов в глубине души надеялся на возвращение preferiti...
The cardinals were waiting for their preferiti...	Итак, конклаву предстоял следующий тур голосования.
When the last of the ballots had been tallied, Mortati declared the vote "failed."	*** Когда был зачитан последний бюллетень, Мортати провозгласил: - Выбор не состоялся.

He took the thread carrying all the ballots and tied the ends together to create a ring. Then he lay the ring of ballots on a silver tray.	После этого он связал концы нити и уложил бюллетени кольцом в серебряное блюдо.
He added the proper chemicals and carried the tray to a small chimney behind him.	Добавив необходимые химикаты, он отнес блюдо к находящемуся за его спиной небольшому дымоходу.
Here he lit the ballots.	Поставив его под вытяжку, он зажег бюллетени.
As the ballots burned, the chemicals he'd added created black smoke.	Бумага горела обычным пламенем, однако химикаты окрашивали дым в черный цвет.

The smoke flowed up a pipe to a hole in the roof where it rose above the chapel for all to see.	Эти черные клубы, проследовав по изгибам дымохода, появлялись для всеобщего обозрения над крышей капеллы.
Cardinal Mortati had just sent his first communication to the outside world.	Кардинал Мортати послал миру свое первое сообщение.

One balloting.	Первый тур голосования прошел.
No Pope.	Выбор не был сделан.
69	Глава 69
Nearly asphyxiated by fumes, Langdon struggled up the ladder toward the light at the top of the pit.	Задыхаясь от миазмов, Лэнгдон взбирался по ступеням к свету над колодцем.

Above him he heard voices, but nothing was making sense.	Над его головой звучали голоса множества людей, но значения слов он понять не мог.
His head was spinning with images of the branded cardinal.	Перед его мысленным взором снова и снова возникал образ заклейменного кардинала.
Earth... Earth...	Земля... Земля...
As he pushed upward, his vision narrowed and he feared consciousness would slip away.	По мере того как Лэнгдон продвигался наверх, в его глазах темнело все сильнее, и он опасался что вот-вот потеряет сознание.
Two rungs from the top, his balance faltered.	Когда ему осталось преодолеть всего лишь две ступени, он потерял равновесие.

He lunged upward trying to find the lip, but it was too far.	Американец рванулся вверх, пытаясь ухватиться за край колодца. Но расстояние оказалось слишком большим.
He lost his grip on the ladder and almost tumbled backward into the dark.	Попытки зацепиться за лестницу тоже ни к чему не привели, и он почувствовал, что заваливается на спину, начиная падение в темную глубину.
There was a sharp pain under his arms, and suddenly Langdon was airborne, legs swinging wildly out over the chasm.	В тот же миг он ощутил острую боль под мышками и взмыл в воздух, беспомощно болтая ногами в пустоте над пропастью.

The strong hands of two Swiss Guards hooked him under the armpits and dragged him skyward.	Крепкие руки двух швейцарских гвардейцев схватили его и потянули вверх.
A moment later Langdon's head emerged from the Demon's hole, choking and gasping for air.	Спустя мгновение из "дьявольской дыры" показалась его голова.
The guards dragged him over the lip of the opening, across the floor, and lay him down, back against the cold marble floor.	Лэнгдон задыхался, хватая воздух широко открытым ртом. Гвардейцы оттащили его подальше от ямы и положили спиной на холодный мраморный пол.

For a moment, Langdon was unsure where he was.	Некоторое время Лэнгдон не мог понять, где находится.
Overhead he saw stars... orbiting planets.	Над его головой сверкали звезды... двигались по своим орбитам планеты.
Hazy figures raced past him. People were shouting.	Над ним мелькали какие-то неясные фигуры и раздавались крики.
He tried to sit up.	Американец попытался сесть.
He was lying at the base of a stone pyramid.	Оказалось, что он лежит у подножия каменной пирамиды.
The familiar bite of an angry tongue echoed inside the chapel, and then Langdon knew.	Когда под звездным сводом прозвучал знакомый сердитый голос, Лэнгдон сообразил, где он.

Olivetti was screaming at Vittoria. "Why the hell didn't you figure that out in the first place!"	- Какого дьявола вы не смогли определить это с первого раза?! - произнес голос, обращаясь к Виттории.
Vittoria was trying to explain the situation.	Девушка попыталась что-то объяснить разъяренному коммандеру.
Olivetti cut her off midsentence and turned to bark orders to his men.	Оливетти оборвал ее на половине фразы и принялся раздавать приказания своим людям:
"Get that body out of there!	- Достаньте тело!
Search the rest of the building!"	Обыщите все здание!
Langdon tried to sit up.	Лэнгдон попытался принять сидячее положение.

The Chigi Chapel was packed with Swiss Guards.	Капелла Киджи кишела швейцарскими гвардейцами.
The plastic curtain over the chapel opening had been torn off the entryway, and fresh air filled Langdon's lungs.	Прикрывающий вход в часовню пластиковый занавес был сорван, и легкие Лэнгдона наполнил свежий воздух.
As his senses slowly returned, Langdon saw Vittoria coming toward him.	К нему медленно возвращалось сознание.

She knelt down, her face like an angel. "You okay?" Vittoria took his arm and felt his pulse. Her hands were tender on his skin.	Виттория подошла к американцу и присела рядом с ним на корточки. - С вами все в порядке? -спросила она, нежно взяла его за руку и нащупала пульс. Лэнгдону показалось, что девушка похожа на ангела.
"Thanks." Langdon sat up fully.	- Все хорошо, - ответил ученый, наконец сумев сесть.
"Olivetti's mad." Vittoria nodded.	- А Оливетги, похоже, вне себя.
"He has a right to be.	- У него есть на это полное право.
We blew it."	Мы провалили дело.
"You mean I blew it."	- Вы хотите сказать, я провалил дело.
"So redeem yourself.	- У вас есть возможность реабилитироваться.

Get him next time."	В следующий раз попадите в точку.
Next time?	В следующий раз?
Langdon thought it was a cruel comment.	Это было жестокое в своей точности замечание.
There is no next time!	Следующего раза не будет.
We missed our shot!	Они использовали свой единственный патрон!
Vittoria checked Langdon's watch.	Виттория бросила взгляд на часы Лэнгдона и сказала:
"Mickey says we've got forty minutes.	- Микки говорит, что в нашем распоряжении еще сорок минут.
Get your head together and help me find the next marker."	Соберитесь с мыслями и помогите мне найти следующий указатель.

"I told you, Vittoria, the sculptures are gone.	- Я же сказал вам, Виттория... скульптуры уничтожены.

The Path of Illumination is-" Langdon halted.	Путь просвещения... - Фраза так и осталась незаконченной.
Vittoria smiled softly.	Виттория смотрела на него с легкой улыбкой.
Suddenly Langdon was staggering to his feet.	Неожиданно для себя Лэнгдон попытался подняться на ноги.
He turned dizzying circles, staring at the artwork around him.	Когда это ему удалось, он обвел еще слегка затуманенным взглядом окружающие его произведения искусства.
Pyramids, stars, planets, ellipses.	Пирамиды, звезды, планеты, эллипсы.

Suddenly everything came back.	И все вдруг встало на свое место.
This is the first altar of science!	Ведь это же и есть первый алтарь науки!
Not the Pantheon!	Пантеон к Пути просвещения не имеет никакого отношения!
It dawned on him now how perfectly Illuminati the chapel was, far more subtle and selective than the world famous Pantheon.	Ему стало ясно, что скромная часовня отвечала целям иллюминатов гораздо лучше, чем находящийся в центре всеобщего внимания Пантеон.

The Chigi was an out of the way alcove, a literal hole in the wall, a tribute to a great patron of science, decorated with earthly symbology.	Капелла Киджи была всего лишь незаметной нишей в стене - данью уважения знаменитому покровителю науки. В силу последнего обстоятельства все находящиеся в ней символы не привлекали внимания.
Perfect.	Идеальное прикрытие!
Langdon steadied himself against the wall and gazed up at the enormous pyramid sculptures.	Лэнгдон оперся спиной о стену и посмотрел на огромную пирамиду.
Vittoria was dead right.	Виттория была абсолютно права.

If this chapel was the first altar of science, it might still contain the Illuminati sculpture that served as the first marker.	Если эта часовня являлась первым алтарем науки, в ней все еще могли находиться служившие начальным указателем скульптуры.
Langdon felt an electrifying rush of hope to realize there was still a chance.	Лэнгдон вдруг ощутил, как в нем загорелась искра надежды.
If the marker were indeed here, and they could follow it to the next altar of science, they might have another chance to catch the killer.	Если указатель находился здесь, то они могли добраться до следующего алтаря и схватить убийцу.
Vittoria moved closer.	Одним словом, у них еще оставались шансы на успех.

"I found out who the unknown Illuminati sculptor was."	- Мне удалось узнать, кто был этим самым неизвестным скульптором братства
Langdon's head whipped around.	"Иллюминати", - сказала, подходя к нему Виттория.
"You what?"	- Удалось что? - изумленно поднял голову Лэнгдон.

"Now we just need to figure out which sculpture in here is the-"	- Теперь нам остается установить, какая из находящихся здесь скульптур выступает в качестве...
"Wait a minute!	- Постойте!
You know who the Illuminati sculptor was?"	Вы хотите сказать, что знаете, кто был скульптором у иллюминатов?

He had spent years trying to find that information.	- Он сам потратил годы на то, чтобы узнать имя этого человека.
Vittoria smiled. "It was Bernini." She paused.	- Это был Бернини, - улыбнулась она и, выдержав паузу, добавила: - Да, да.
"The Bernini."	Тот самый Бернини.
Langdon immediately knew she was mistaken.	Лэнгдон сразу же понял, что девушка ошибается.
Bernini was an impossibility. Gianlorenzo Bernini was the second most famous sculptor of all time, his fame eclipsed only by Michelangelo himself.	Лоренцо Бернини был вторым по известности скульптором всех времен, и его слава уступала лишь славе самого Микеланджело.

During the 1600s Bernini created more sculptures than any other artist.	В семнадцатом веке Бернини изваял скульптур больше, чем любой другой мастер того времени.
Unfortunately, the man they were looking for was supposedly an unknown, a nobody.	Человек же, которого они искали, был предположительно неизвестным, по существу -никем.
Vittoria frowned. "You don't look excited."	- Судя по вашему виду, мое открытие вас не взволновало, - сказала Виттория.
"Bernini is impossible."	- Бернини в этой роли выступать не мог.
"Why?	- Но почему?

Bernini was a contemporary of Galileo. He was a brilliant sculptor."	Он был современником Галилея и к тому же блестящим скульптором.
"He was a very famous man and a Catholic."	- Бернини пользовался большой славой и был ревностным католиком.
"Yes," Vittoria said.	- Да, - согласилась Виттория.
"Exactly like Galileo."	- Так же, как и сам Галилей.
"No," Langdon argued.	- Нет, - возразил Лэнгдон.
"Nothing like Galileo.	- Вовсе не так, как Галилей.
Galileo was a thorn in the Vatican's side.	Ученый всегда оставался занозой в заднице Ватикана.

Bernini was the Vatican's wonder boy. The church loved Bernini.	Что же касается Бернини, то он был любимцем духовенства - своего рода гордостью Святого престола.
He was elected the Vatican's overall artistic authority.	Он был главным авторитетом Ватикана по части искусства.
He practically lived inside Vatican City his entire life!"	Более того, Лоренцо Бернини практически всю свою жизнь провел за стенами папской обители.
"A perfect cover.	- Прекрасное прикрытие.

Illuminati infiltration."	"Крот" иллюминатов в стане врага.

Langdon felt flustered. "Vittoria, the Illuminati members referred to their secret artist as il maestro ignoto-the unknown master."	- Виттория, - чувствуя свое бессилие, устало произнес Лэнгдон, - иллюминаты называли своего скульптора il maestro ignoto - то есть неизвестным мастером.
"Yes, unknown to them.	- Да. Неизвестным им.
Think of the secrecy of the Masons-only the upper echelon members knew the whole truth.	Вспомните о масонах. Ведь в их среде только самые верхние эшелоны посвящены во все тайны.
Galileo could have kept Bernini's true identity secret from most members... for Bernini's own safety.	Галилей мог скрывать подлинную роль Бернини от большинства членов братства... ради безопасности самого скульптора.

That way, the Vatican would never find out."	Поэтому Ватикан так и не сумел ничего узнать.
Langdon was unconvinced but had to admit Vittoria's logic made strange sense.	Слова девушки Лэнгдона не убедили, но как ученый он был вынужден признать, что в них есть определенная логика.
The Illuminati were famous for keeping secret information compartmentalized, only revealing the truth to upper level members.	Братство "Иллюминати" славилось умением хранить тайны, и все секреты были известны лишь очень узкому кругу его членов.

It was the cornerstone of their ability to stay secret... very few knew the whole story.	Ограничение доступа к информации служило краеугольным камнем их системы безопасности... лишь немногие высокопоставленные иллюминаты знали все от начала и до конца.
"And Bernini's affiliation with the Illuminati," Vittoria added with a smile, "explains why he designed those two pyramids."	- И членство Бернини в братстве "Иллюминати" объясняет тот факт, что он создал эти пирамиды, -улыбнулась Виттория.
Langdon turned to the huge sculpted pyramids and shook his head.	Лэнгдон посмотрел на пару громадных пирамид и покачал головой:
"Bernini was a religious sculptor.	- Бернини был религиозным скульптором и никоим образом не мог соорудить пирамиды.

There's no way he carved those pyramids."	- Скажите это табличке у вас за спиной.
Vittoria shrugged.	Лэнгдон обернулся и увидел прикрепленную к стене бронзовую пластину.
"Tell that to the sign behind you."	На пластине было написано:
Langdon turned to the plaque: ART OF THE CHIGI CHAPEL	КАПЕЛЛА КИДЖИ Сооружена по проекту Рафаэля
While the architecture is Raphael's, all interior adornments are those of Gianlorenzo Bernini.	Все внутреннее убранство создано Лоренцо Бернини

Langdon read the plaque twice, and still he was not convinced.	Лэнгдон дважды перечитал надпись, но его по-прежнему грыз червь сомнения.
Gianlorenzo Bernini was celebrated for his intricate, holy sculptures of the Virgin Mary, angels, prophets, Popes.	Лоренцо Бернини прославился созданием изящных скульптур Девы Марии, ангелов, пророков и пап.
What was he doing carving pyramids?	С какой стати он вдруг принялся сооружать пирамиды?

Langdon looked up at the towering monuments and felt totally disoriented.	Лэнгдон смотрел на возвышающиеся над ним монументы и чувствовал, что окончательно теряет ориентацию.

Two pyramids, each with a shining, elliptical medallion.	Две пирамиды, на каждой из которых сиял медальон эллиптической формы.
They were about as un Christian as sculpture could get.	Более далекой от христианства скульптуры невозможно было себе представить.
The pyramids, the stars above, the signs of the Zodiac.	Пирамиды, звезды над ними, знаки Зодиака.
All interior adornments are those of Gianlorenzo Bernini.	Все внутреннее убранство создано Лоренцо Бернини.
If that were true, Langdon realized, it meant Vittoria had to be right.	Если это действительно так, то Виттория права, думал Лэнгдон.

By default, Bernini was the Illuminati's unknown master; nobody else had contributed artwork to this chapel!	В таком случае Бернини, по определению, был "неизвестным мастером" иллюминатов. Ведь никто, кроме него, не принимал участия в создании интерьера часовни!
The implications came almost too fast for Langdon to process.	Все произошло так быстро, что осмыслить возможные последствия этого открытия Лэнгдон был просто не в состоянии.
Bernini was an Illuminatus.	Бернини был иллюминатом.
Bernini designed the Illuminati ambigrams.	Бернини создал амбиграммы иллюминатов.
Bernini laid out the path of Illumination.	Бернини проложил Путь просвещения.

Langdon could barely speak.	Лэнгдон так разволновался, что почти потерял дар речи.
Could it be that here in this tiny Chigi Chapel, the world renowned Bernini had placed a sculpture that pointed across Rome toward the next altar of science?	Неужели в этой крошечной капелле Киджи Бернини поместил скульптуру, указывающую путь через Рим к следующему алтарю науки?
"Bernini," he said.	Если так, то где же она? - Значит, Бернини, -задумчиво произнес он.
"I never would have guessed."	- Я бы ни за что не догадался.

"Who other than a famous Vatican artist would have had the clout to put his artwork in specific Catholic chapels around Rome and create the Path of Illumination?	- Кто, кроме этого великого скульптора Ватикана, обладал достаточным влиянием, чтобы поставить свои творения в заранее намеченных католических храмах и проложить тем самым Путь просвещения?
Certainly not an unknown."	Какому-то неизвестному художнику это было бы не под силу.
Langdon considered it.	Лэнгдон задумался.
He looked at the pyramids, wondering if one of them could somehow be the marker.	Он посмотрел на пирамиды, размышляя о том, не могла бы одна из них служить указателем.
Maybe both of them?	Или, может быть, обе?

"The pyramids face opposite directions," Langdon said, not sure what to make of them.	- Пирамиды обращены в разные стороны, - сказал он.

"They are also identical, so I don't know which..."	- Кроме того, они совершенно идентичны, и я не понимаю, как...
"I don't think the pyramids are what we're looking for."	- Думаю, что нам нужны вовсе не пирамиды.
"But they're the only sculptures here."	- Но, кроме них, здесь нет ни одной скульптуры...
Vittoria cut him off by pointing toward Olivetti and some of his guards who were gathered near the demon's hole.	Виттория не позволила ему продолжить, указав в сторону Оливетти и нескольких гвардейцев, толпившихся у края "дьявольской дыры".

Langdon followed the line of her hand to the far wall.	Лэнгдон посмотрел в том направлении, куда показывала девушка, и ничего не заметил.
At first he saw nothing. Then someone moved and he caught a glimpse.	Однако когда его взгляд уперся в противоположную стену, среди гвардейцев произошло какое-то перемещение, и он увидел.
White marble.	Белый мрамор.
An arm.	Руку.
A torso.	Торс.
And then a sculpted face.	А затем и лицо.
Partially hidden in its niche. Two life size human figures intertwined.	В глубокой нише скрывались две фигуры в рост человека.

Langdon's pulse accelerated.	Сердце Лэнгдона учащенно забилось.
He had been so taken with the pyramids and demon's hole, he had not even seen this sculpture.	Его внимание было настолько поглощено пирамидами и "дьявольской дырой", что он даже не заметил этой скульптуры.

He moved across the room, through the crowd. As he drew near, Langdon recognized the work was pure Bernini- the intensity of the artistic composition, the intricate faces and flowing clothing, all from the purest white marble Vatican money could buy.	Пробравшись через толпу гвардейцев к стене и приблизившись к изваянию, ученый сразу узнал в нем руку великого Бернини. Скульптуру отличала свойственная мастеру энергичная композиция. Лица и драпировки в характерном для Бернини стиле были проработаны очень детально, а вся скульптура была изваяна из самого лучшего белого мрамора, который можно было купить на деньги Ватикана.
It was not until he was almost directly in front of it that Langdon recognized the sculpture itself.	Лишь подойдя к изваянию совсем близко, Лэнгдон узнал скульптуру.

He stared up at the two faces and gasped.	С немым восхищением он взирал на два беломраморных лица.
"Who are they?" Vittoria urged, arriving behind him.	- Кто здесь изображен? - спросила Виттория.
Langdon stood astonished.	- Эта работа называется
"Habakkuk and the Angel," he said, his voice almost inaudible.	"Аввакум и ангел", - едва слышно произнес он.
The piece was a fairly well known Bernini work that was included in some art history texts.	Скульптура была довольно известной, и упоминания о ней встречались во многих учебниках по истории искусств.

Langdon had forgotten it was here.	Лэнгдон просто забыл, что она находилась в этой церкви.
"Habakkuk?"	- Аввакум? - переспросила девушка.
"Yes.	- Да.
The prophet who predicted the annihilation of the earth."	Библейский пророк, предсказывавший гибель Земли.
Vittoria looked uneasy. "You think this is the marker?"	- Думаете, это и есть первая веха?
Langdon nodded in amazement.	Лэнгдон в изумлении смотрел на скульптуру.

Never in his life had he been so sure of anything. This was the first Illuminati marker. No doubt.	У него не было ни малейших сомнений в том, что перед ним находится первый маркер на Пути просвещения.
Although Langdon had fully expected the sculpture to somehow "point" to the next altar of science, he did not expect it to be literal.	Американец рассчитывал на то, что веха каким-то образом будет указывать на следующий алтарь науки, но не мог себе представить, что это будет сделано настолько буквально.
Both the angel and Habakkuk had their arms outstretched and were pointing into the distance.	И ангел, и Аввакум, подняв руки, указывали куда-то вдаль.

Langdon found himself suddenly smiling. "Not too subtle, is it?"	- Довольно прямолинейно, не так ли? - улыбнулся ученый.
Vittoria looked excited but confused. "I see them pointing, but they are contradicting each other. The angel is pointing one way, and the prophet the other."	- Я вижу, что они на что-то показывают, -взволнованно и в то же время с сомнением в голосе произнесла Виттория. - Но эти парни противоречат друг другу.
Langdon chuckled.	Лэнгдон негромко фыркнул.
It was true.	Девушка была права.

Although both figures were pointing into the distance, they were pointing in totally opposite directions.	Указующие персты фигур были направлены в диаметрально противоположные стороны.
Langdon, however, had already solved that problem.	Но Лэнгдон уже успел решить эту загадку.
With a burst of energy he headed for the door.	Ощутив новый прилив энергии, он направился к дверям.
"Where are you going?" Vittoria called.	- Куда вы? - спросила Виттория.
"Outside the building!"	- На улицу!
Langdon's legs felt light again as he ran toward the door.	- Ноги сами несли Лэнгдона к выходу.

"I need to see what direction that sculpture is pointing!"	- Я хочу взглянуть, на что указывает эта скульптура.
"Wait!	- Постойте!
How do you know which finger to follow?"	Откуда вам известно, какому указанию надо следовать?
"The poem," he called over his shoulder.	- Четверостишие, - бросил он через плечо.
"The last line!"	- Последняя строка.

" 'Let angels guide you on your lofty quest?' " She gazed upward at the outstretched finger of the angel.	- "И ангелы чрез Рим тебе укажут путь"? -произнесла она, глядя на поднятую руку ангела.

Her eyes misted unexpectedly. "Well I'll be damned!"	- Вот это да, будь я проклята!
70	Глава 70
Gunther Glick and Chinita Macri sat parked in the BBC van in the shadows at the far end of Piazza del Popolo.	Гюнтер Глик и Чинита Макри сидели в микроавтобусе Би-би-си, запаркованном в дальнем от церкви углу пьяцца дель Пополо.
They had arrived shortly after the four Alpha Romeos, just in time to witness an inconceivable chain of events.	Они прибыли на площадь следом за четверкой "альфа-ромео" и успели увидеть цепь весьма странных событий.
Chinita still had no idea what it all meant, but she'd made sure the camera was rolling.	Чинита, правда, не совсем понимала, что они могут означать, но все же проверила, насколько хорошо работает камера.

As soon as they'd arrived, Chinita and Glick had seen a veritable army of young men pour out of the Alpha Romeos and surround the church.	Сразу по прибытии Г юнтер и Чинита увидели, как из четырех автомобилей высыпали молодые люди и мгновенно оцепили церковь.
Some had weapons drawn.	Некоторые из них держали наготове оружие.
One of them, a stiff older man, led a team up the front steps of the church.	Высокий худощавый человек - по виду несколько старше всех остальных - повел часть отряда по ступеням ко входу в собор.
The soldiers drew guns and blew the locks off the front doors.	Солдаты выстрелами разбили замки на тяжелых дверях.

Macri heard nothing and figured they must have had silencers.	Макри выстрелов не слышала и решила, что оружие снабжено глушителями.
Then the soldiers entered.	После этого солдаты скрылись в церкви.
Chinita had recommended they sit tight and film from the shadows.	Чинита предложила сидеть тихо и вести съемку в темноте.
After all, guns were guns, and they had a clear view of the action from the van.	Ведь пистолеты есть пистолеты, а из микроавтобуса открывался неплохой вид на площадь и на все то, что происходит у собора.
Glick had not argued.	Глик не стал спорить.

Now, across the piazza, men moved in and out of the church. They yelled to each other.	На противоположной стороне площади солдаты то вбегали в церковь, то выбегали из нее, что-то крича друг другу.
Chinita adjusted her camera to follow a team as they searched the surrounding area.	Чинита навела камеру на отряд, отправившийся, видимо, на осмотр прилегающей к собору местности.
All of them, though dressed in civilian clothes, seemed to move with military precision. "Who do you think they are?" she asked.	- Кто, по-твоему, эти люди? - спросила она.
"Hell if I know." Glick looked riveted.	- Откуда мне знать, черт возьми? - ответил Глик, не отрывая глаз от открывающейся перед ним сцены.

"You getting all this?" "Every frame." Glick sounded smug. "Still think we should go back to Pope Watch?"	- Все в кадре. - Ты по-прежнему считаешь, что нам следует вернуться на папскую вахту? -насмешливо спросил репортер.
Chinita wasn't sure what to say.	Чинита не знала, что на это ответить.
There was obviously something going on here, but she had been in journalism long enough to know that there was often a very dull explanation for interesting events.	Здесь определенно что-то происходило, но она, проработав на ниве журналистики много лет, знала, что даже самые захватывающие события часто имеют весьма прозаические объяснения.
"This could be nothing," she said.	- Не исключено, что это пустышка, - произнесла она.

"These guys could have gotten the same tip you got and are just checking it out.	- Эти парни получили такой же сигнал, как и ты, и решили его проверить.
Could be a false alarm."	Тревога может оказаться ложной.
Glick grabbed her arm. "Over there!	- Скорее туда! - схватил ее за руку Глик.
Focus." He pointed back to the church.	- Давай фокус! - добавил он, показывая на церковь.
Chinita swung the camera back to the top of the stairs.	Чинита обратила объектив камеры на ступени собора.
"Hello there," she said, training on the man now emerging from the church.	- Привет, - пробормотала она, сконцентрировав внимание на появившемся из дверей мужчине.
"Who's the dapper?"	- Кто этот тип?

Chinita moved in for a close up. "Haven't seen him before."	- Никогда раньше с ним не встречалась, - ответила Чинита, взяв более крупный план.
She tightened in on the man's face and smiled. "But I wouldn't mind seeing him again."	Вглядевшись в лицо мужчины, она со смехом добавила: - Но против продолжения знакомства возражать бы не стала.
Robert Langdon dashed down the stairs outside the church and into the middle of the piazza.	*** Роберт Лэнгдон сбежал по ступеням церкви и помчался к центру площади.
It was getting dark now, the springtime sun setting late in southern Rome.	Наступал вечер, и весеннее солнце клонилось к закату где-то в южной части Рима.

The sun had dropped below the surrounding buildings, and shadows streaked the square.	Дневное светило уже опустилось за крыши окружающих зданий, и на площадь ложились тени.
"Okay, Bernini," he said aloud to himself. "Where the hell is your angel pointing?"	- Ну хорошо, Бернини, - сказал он самому себе, - куда, дьявол тебя побери, показывает твой ангел?
He turned and examined the orientation of the church from which he had just come. He pictured the Chigi Chapel inside, and the sculpture of the angel inside that.	Лэнгдон обернулся и проверил ориентацию церкви, из которой он только что вышел, затем представил расположение капеллы Киджи в соборе и местонахождение в ней скульптуры.

Without hesitation he turned due west, into the glow of the impending sunset.	После этого он без малейшего колебания обратился лицом на запад, туда, куда неумолимо спускалось вечернее солнце.
Time was evaporating.	Времени в их распоряжении оставалось все меньше и меньше.

"Southwest," he said, scowling at the shops and apartments blocking his view.	- Ангел указывает на юго-запад, - сказал он, недовольно глядя на магазины и дома, закрывающие вид на город.
"The next marker is out there."	- Следующий указатель надо искать в этом направлении.
Racking his brain, Langdon pictured page after page of Italian art history.	Напрягая память, Лэнгдон листал в уме страницы истории искусств Италии.

Although very familiar with Bernini's work, Langdon knew the sculptor had been far too prolific for any nonspecialist to know all of it.	Он был достаточно хорошо знаком с творчеством Бернини и понимал, что, не являясь специалистом в этой области, не может знать всех его творений.
Still, considering the relative fame of the first marker-Habakkuk and the Angel-Langdon hoped the second marker was a work he might know from memory.	Однако, принимая во внимание сравнительную известность "Аввакума и ангела". Ученый надеялся, что следующая веха будет столь же знаменита и он сможет ее вспомнить.
Earth, Air, Fire, Water, he thought.	Земля, воздух, огонь, вода, размышлял он.

Earth they had found-inside the Chapel of the Earth-Habakkuk, the prophet who predicted the earth's annihilation.	Землю они нашли внутри часовни. Кроме того, пророк Аввакум предсказывал гибель Земли.
Air is next.	Следующим должен быть воздух.
Langdon urged himself to think.	Лэнгдон изо всех сил заставлял работать свой мозг.
A Bernini sculpture that has something to do with Air!	Итак, надо вспомнить известную скульптуру Бернини, которая имела бы отношение к воздуху.
He was drawing a total blank.	На ум абсолютно ничего не приходило.

Still he felt energized.	Тем не менее он чувствовал себя готовым к действиям.
I'm on the path of Illumination!	"Я уже вступил на Путь просвещения, - думал он.
It is still intact!	- И Путь этот пока еще сохранился в неприкосновенности!"
Looking southwest, Langdon strained to see a spire or cathedral tower jutting up over the obstacles. He saw nothing.	Лэнгдон, напрягая зрение, смотрел на юго-запад в надежде увидеть над крышами домов шпиль католического храма, но так ничего и не рассмотрел.
He needed a map.	Для того чтобы найти следующий указатель, ему нужен был план Рима.

If they could figure out what churches were southwest of here, maybe one of them would spark Langdon's memory.	Если удастся установить, какие церкви стоят к юго-западу от этого места, одна из них, может быть, даст толчок его памяти.
Air, he pressed.	"Воздух, - повторял он мысленно.
Air.	- Воздух.
Bernini.	Бернини.
Sculpture.	Скульптура.
Air.	Воздух.

Think!	Думай!"
Langdon turned and headed back up the cathedral stairs.	Лэнгдон развернулся и направился назад, к ступеням собора.

He was met beneath the scaffolding by Vittoria and Olivetti.	У входа, под строительными лесами, его встретили Оливетти и Виттория.
"Southwest," Langdon said, panting.	- Юго-запад, - сказал Лэнгдон.
"The next church is southwest of here."	- Следующая церковь находится к юго-западу отсюда.
Olivetti's whisper was cold. "You sure this time?"	- На сей раз вы, надеюсь, в этом уверены? -прошипел Оливетти.
Langdon didn't bite. "We need a map.	- Мне нужна карта, - не поддавшись на провокацию, продолжил ученый.
One that shows all the churches in Rome."	- Карта, на которой обозначены все римские церкви.

The commander studied him a moment, his expression never changing. Langdon checked his watch.	Командующий вооруженными силами Ватикана с каменным выражением лица смотрел на американца.
"We only have half an hour."	- В нашем распоряжении всего полчаса, - бросив взгляд на часы, произнес тот.
Olivetti moved past Langdon down the stairs toward his car, parked directly in front of the cathedral.	Не сказав больше ни слова, Оливетти прошел мимо Лэнгдона и направился к машине, припаркованной перед фасадом церкви.
Langdon hoped he was going for a map.	Американец надеялся, что коммандер пошел за картой.

Vittoria looked excited. "So the angel's pointing southwest?	- Итак, ангел показывает на юго-запад.
No idea which churches are southwest?"	Вы не знаете, какие там могут быть церкви?
"I can't see past the damn buildings." Langdon turned and faced the square again.	- За этими проклятыми домами ничего не видно, -снова поворачиваясь лицом к площади, произнес Лэнгдон.
"And I don't know Rome's churches well enou-" He stopped.	- А с церквями Рима я не очень хорошо зна...
Vittoria looked startled.	- Он умолк, не закончив фразы.
"What?"	- Что случилось? - изумленно спросила Виттория.

Langdon looked out at the piazza again.	Лэнгдон опять посмотрел на площадь.
Having ascended the church stairs, he was now higher, and his view was better.	После того как он поднялся по ступеням церкви, обзор заметно улучшился.
He still couldn't see anything, but he realized he was moving in the right direction.	Ученый по-прежнему почти ничего не видел, но он понял, что движется в правильном направлении.
His eyes climbed the tower of rickety scaffolding above him.	Он смотрел на довольно хилые, но поднимающиеся высоко к небу строительные леса.

It rose six stories, almost to the top of the church's rose window, far higher than the other buildings in the square.	Они тянулись вверх на шесть этажей, чуть ли не до верхнего ряда церковных окон, значительно превосходя по высоте окружающие площадь здания.
He knew in an instant where he was headed.	Через секунду Лэнгдон понял, куда направляется.
Across the square, Chinita Macri and Gunther Glick sat glued to the windshield of the BBC van.	На противоположной стороне площади Чинита Макри и Гюнтер Глик буквально прилипли к ветровому стеклу микроавтобуса Би-би-си.
"You getting this?" Gunther asked.	- Ты что-нибудь понимаешь? - спросил Гюнтер.

Macri tightened her shot on the man now climbing the scaffolding.	Макри не сводила объектива камеры с мужчины, который теперь взбирался вверх по строительным лесам.
"He's a little well dressed to be playing Spiderman if you ask me."	- Должна заметить, что парень слишком хорошо одет для того, чтобы изображать Человека-паука.
"And who's Ms. Spidey?"	- А кто эта мадам Паучиха?
Chinita glanced at the attractive woman beneath the scaffolding.	Чинита перевела видоискатель камеры на стоящую под лесами привлекательную женщину.
"Bet you'd like to find out."	- Держу пари, что ты не возражал бы против того, чтобы узнать ее поближе.

"Think I should call editorial?"	- Может быть, уже пора позвонить в редакцию?
"Not yet. Let's watch.	- Пока подождем и посмотрим.
Better to have something in the can before we admit we abandoned conclave."	Прежде чем сообщать, что мы сбежали с конклава, надо хоть что-то иметь за пазухой.
"You think somebody really killed one of the old farts in there?"	- Как ты думаешь, один из этих старых пердунов действительно убит?
Chinita clucked. "You're definitely going to hell."	- Гореть тебе в геенне огненной! - фыркнула Чинита.

"And I'll be taking the Pulitzer with me."	- Я прихвачу туда с собой Пулитцеровскую премию.
71	Глава 71
The scaffolding seemed less stable the higher Langdon climbed.	Чем выше взбирался Лэнгдон, тем менее устойчивыми казались ему леса.
His view of Rome, however, got better with every step. He continued upward.	Однако с каждым новым шагом Рим открывался перед ним все шире, и американец продолжал восхождение.
He was breathing harder than he expected when he reached the upper tier.	Когда он добрался до верхнего уровня, то задыхался гораздо сильнее, чем можно было ожидать.

He pulled himself onto the last platform, brushed off the plaster, and stood up.	Выбравшись на платформу, ученый стряхнул с себя известь и выпрямился.
The height did not bother him at all.	Страха высоты он не испытывал.
In fact, it was invigorating.	Совсем напротив, она заряжала его бодростью.
The view was staggering.	С платформы открывался захватывающий вид.

Like an ocean on fire, the red tiled rooftops of Rome spread out before him, glowing in the scarlet sunset.	Лэнгдон видел под собой океан огня - красные черепичные крыши Рима пылали в багрянце заката.

From that spot, for the first time in his life, Langdon saw beyond the pollution and traffic of Rome to its ancient roots-Citta di Dio-The city of God.	Оказавшись в верхней точке строительных лесов, Лэнгдон первый раз в жизни вознесся над гарью и дымом уличного движения, а Рим впервые предстал перед ним древним Citta di Dio -Городом Бога.
Squinting into the sunset, Langdon scanned the rooftops for a church steeple or bell tower.	Щурясь на закат, ученый искал взглядом шпиль или колокольню церкви.
But as he looked farther and farther toward the horizon, he saw nothing.	Но на юго-западе вплоть до самого горизонта не было видно ни одного собора.
There are hundreds of churches in Rome, he thought.	"В Риме сотни церквей, - думал он.

There must be one southwest of here!	- И в нужном нам направлении должна находиться хотя бы одна из них!
If the church is even visible, he reminded himself.	Если церковь, конечно, видна.
Hell, if the church is even still standing!	Или еще существует в наши дни", - напомнил он себе.
Forcing his eyes to trace the line slowly, he attempted the search again.	Лэнгдон еще раз, уже значительно медленнее, осмотрел море крыш.
He knew, of course, that not all churches would have visible spires, especially smaller, out of the way sanctuaries.	Он знал, что далеко не все церкви имеют высокие шпили. В первую очередь это относится к небольшим, стоящим в стороне от главных улиц, молельням.

Not to mention, Rome had changed dramatically since the 1600s when churches were by law the tallest buildings allowed.	Но и Рим, конечно, изменился до неузнаваемости с далекого семнадцатого века, когда, согласно закону, соборы должны были быть самыми высокими зданиями в городе.
Now, as Langdon looked out, he saw apartment buildings, high rises, TV towers.	Теперь же взгляд Лэнгдона то и дело натыкался на высотные дома и телевизионные вышки.
For the second time, Langdon's eye reached the horizon without seeing anything.	Он еще раз внимательно изучил крыши вплоть до самого горизонта и опять ничего не увидел.
Not one single spire.	Ни единого шпиля.

In the distance, on the very edge of Rome, Michelangelo's massive dome blotted the setting sun. St. Peter's Basilica.	Лишь вдали, где-то на самом краю Рима, расплывчатым пятном на фоне заката темнело грандиозное творение Микеланджело - купол собора Святого Петра.
Vatican City.	Собор, строго говоря, находился в черте города-государства Ватикан, а вовсе не на территории Рима.
Langdon found himself wondering how the cardinals were faring, and if the Swiss Guards' search had turned up the antimatter.	Интересно, как чувствует себя коллегия кардиналов и как идут поиски антивещества, подумал Лэнгдон.

Something told him it hadn't... and wouldn't.	Внутренний голос подсказывал ему, что поиски ничего не дали... и не дадут.

The poem was rattling through his head again. He considered it, carefully, line by line.	В голове его снова зазвучало четверостишие, и он еще раз внимательно, строка за строкой, его проанализировал.
From Santi's earthly tomb with demon's hole.	"Найди гробницу Санти с дьявольской дырою".
They had found Santi's tomb.	Гробницу Санти они нашли.
'Cross Rome the mystic elements unfold.	"Таинственных стихий четверка жаждет боя". Здесь тоже все ясно.

The mystic elements were Earth, Air, Fire, Water.	Четверка таинственных стихий - это земля, воздух, огонь и вода.
The path of light is laid, the sacred test.	"Сияет свет, сомненья позабудь..."
The path of Illumination formed by Bernini's sculptures.	Свет - не что иное, как Путь просвещения, проложенный Бернини.
Let angels guide you on your lofty quest.	"И ангелы чрез Рим тебе укажут путь".
The angel was pointing southwest...	Этот ангел показывает на юго-запад... ***
"Front stairs!" Glick exclaimed, pointing wildly through the windshield of the BBC van.	- Ступени, быстро! - выкрикнул Глик, тыча пальцем в ветровое стекло микроавтобуса.

"Something's going on!"	- У входа в церковь что-то происходит!
Macri dropped her shot back down to the main entrance.	Макри направила объектив камеры на фасад собора.
Something was definitely going on.	Да, там действительно что-то происходило.
At the bottom of the stairs, the military looking man had pulled one of the Alpha Romeos close to the stairs and opened the trunk.	Худой, похожий на военного человек уже успел подвести машину к самому основанию лестницы и открыть багажник.
Now he was scanning the square as if checking for onlookers.	Теперь он, видимо, опасаясь любопытных взглядов, внимательно осматривал площадь.

For a moment, Macri thought the man had spotted them, but his eyes kept moving.	На какой-то момент Макри показалось, что мужчина их заметил. Однако тревога оказалась ложной. Офицер продолжал обводить площадь взглядом.
Apparently satisfied, he pulled out a walkie talkie and spoke into it.	Так ничего и не заметив, он извлек портативное радио и произнес несколько слов в микрофон.
Almost instantly, it seemed an army emerged from the church.	Почти в тот же момент у выхода из собора появилась чуть ли не армия.

Like an American football team breaking from a huddle, the soldiers formed a straight line across the top of the stairs.	Выбежав из дверей, молодые люди, словно готовящиеся к схватке игроки в американский футбол, выстроились стеной на верхней ступени.
Moving like a human wall, they began to descend.	Затем, по-прежнему стоя плечом к плечу, они начали спускаться по лестнице.
Behind them, almost entirely hidden by the wall, four soldiers seemed to be carrying something.	А скрытая за ними четверка солдат несла какой-то предмет.
Something heavy. Awkward.	Тяжелый и неудобный.

Glick leaned forward on the dashboard. "Are they stealing something from the church?"	- Неужели они что-то украли в церкви? -прижавшись лбом к ветровому стеклу, спросил Глик.
Chinita tightened her shot even more, using the telephoto to probe the wall of men, looking for an opening.	Чинита лихорадочно искала брешь в людской стене.
One split second, she willed.	Всего один кадр, молила она.
A single frame. That's all I need.	Единственный, малюсенький кадрик.
But the men moved as one.	Но солдаты двигались как один человек.
Come on!	Ну давайте же!

Macri stayed with them, and it paid off.	Макри не сводила с молодых людей объектива камеры и наконец дождалась своего.
When the soldiers tried to lift the object into the trunk, Macri found her opening.	Когда солдаты начали помещать груз в багажник, в человеческой стене возникла брешь.
Ironically, it was the older man who faltered.	По какому-то капризу судьбы строй нарушил именно их пожилой командир.
Only for an instant, but long enough.	Просвет возник всего на миг, но этого было достаточно.
Macri had her frame.	Макри успела сделать свой кадр.
Actually, it was more like ten frames.	Или, вернее, кадры. Их оказалось более десятка.

"Call editorial," Chinita said.	- Звони в редакцию, - сказала она.
"We've got a dead body."	- У нас труп. ***
Far away, at CERN, Maximilian Kohler maneuvered his wheelchair into Leonardo Vetra's study.	А в это время далеко от Рима, в ЦЕРНе, Максимилиан Колер въехал на своем кресле в кабинет Леонардо Ветра и принялся просматривать файлы ученого.
With mechanical efficiency, he began sifting through Vetra's files.	Делал он это быстро и весьма профессионально.
Not finding what he was after, Kohler moved to Vetra's bedroom.	Не обнаружив того, что искал, директор покатил в спальню своего друга.

The top drawer of his bedside table was locked.	Верхний ящик прикроватной тумбочки был заперт на ключ.
Kohler pried it open with a knife from the kitchen.	Колер съездил на кухню, взял там нож и с его помощью взломал замок.
Inside Kohler found exactly what he was looking for.	Выдвинув ящик, он увидел в нем именно то, что искал.
72	Глава 72
Langdon swung off the scaffolding and dropped back to the ground. He brushed the plaster dust from his clothes.	Лэнгдон спустился с лесов и стряхнул попавшую на одежду известь.
Vittoria was there to greet him. "No luck?" she said.	- Ничего? - спросила, подойдя к нему, Виттория.

He shook his head.	Лэнгдон отрицательно покачал головой.

"They put the cardinal in the trunk."	- Они засунули тело кардинала в багажник.
Langdon looked over to the parked car where Olivetti and a group of soldiers now had a map spread out on the hood.	Лэнгдон взглянул на "альфа-ромео". Оливетти и еще несколько солдат разглядывали лежащую на капоте машины карту.
"Are they looking southwest?"	- Они смотрят, что находится на юго-западе?
She nodded.	- Да.
"No churches.	Но никаких церквей в том направлении нет.

From here the first one you hit is St. Peter's."	Самый близкий от этого места храм - собор Святого Петра.
Langdon grunted.	Лэнгдон удовлетворенно крякнул.
At least they were in agreement.	По крайней мере по этому пункту он и главнокомандующий пришли к согласию.
He moved toward Olivetti. The soldiers parted to let him through.	Он направился к Оливетти, и солдаты расступились, давая ему пройти.
Olivetti looked up. "Nothing.	- Ничего, - поднял глаза коммандер.
But this doesn't show every last church.	- Но на плане обозначены не все церкви.
Just the big ones.	Здесь указаны только самые крупные.

About fifty of them."	Всего около пятидесяти.
"Where are we?" Langdon asked.	- Где мы сейчас находимся? - спросил Лэнгдон.
Olivetti pointed to Piazza del Popolo and traced a straight line exactly southwest.	Оливетти показал на пьяцца дель Пополо и провел от нее линию точно на юго-запад.
The line missed, by a substantial margin, the cluster of black squares indicating Rome's major churches.	Линия проходила на довольно значительном расстоянии от скопления черных квадратов, обозначавших большие соборы или церкви.

Unfortunately, Rome's major churches were also Rome's older churches... those that would have been around in the 1600s.	К сожалению, самые значительные церкви Рима были и самыми старыми... теми, которые уже должны были существовать в начале семнадцатого века.
"I've got some decisions to make," Olivetti said.	- Я должен принимать решение, - сказал Оливетти.
"Are you certain of the direction?"	- В направлении вы уверены?
Langdon pictured the angel's outstretched finger, the urgency rising in him again.	Лэнгдон представил ангела, указывающего перстом на юго-запад, еще раз подумал, что времени у них остается в обрез, и произнес:
"Yes, sir.	- Да.

Positive."	Вне всякого сомнения.
Olivetti shrugged and traced the straight line again.	Оливетти пожал плечами и еще раз провел пальцем по воображаемой линии на карте.
The path intersected the Margherita Bridge, Via Cola di Riezo, and passed through Piazza del Risorgimento, hitting no churches at all until it dead ended abruptly at the center of St. Peter's Square.	Линия пересекала мост Маргариты, виа Кола ди Рьенцо и, миновав пьяцца Рисорджименто, упиралась прямо в центр площади Святого Петра. Других церквей на ее пути не имелось.

"What's wrong with St. Peter's?" one of the soldiers said.	- Но чем вас не устраивает Святой Петр? -спросил один из солдат.

He had a deep scar under his left eye.	Под левым глазом швейцарца виднелся глубокий шрам.
"It's a church."	- Ведь это тоже церковь.
Langdon shook his head. "Needs to be a public place.	- Это место должно быть доступно публике, -вздохнул Лэнгдон.
Hardly seems public at the moment."	- Вряд ли собор сейчас открыт для посетителей.
"But the line goes through St. Peter's Square," Vittoria added, looking over Langdon's shoulder.	- Но линия проходит через площадь Святого Петра, - вмешалась Виттория, заглядывая через плечо Лэнгдона.
"The square is public."	- Площадь бесспорно доступна публике.

Langdon had already considered it.	Лэнгдон уже успел все взвесить и, не раздумывая, ответил:
"No statues, though."	- Там нет никаких статуй.
"Isn't there a monolith in the middle?"	- Но по-моему, в центре площади стоит обелиск.
She was right.	Она была права.
There was an Egyptian monolith in St. Peter's Square.	В самом центре площади находился монолит, привезенный из Египта.
Langdon looked out at the monolith in the piazza in front of them. The lofty pyramid.	Высокая пирамида.

An odd coincidence, he thought. He shook it off.	Какое странное совпадение, подумал он, а вслух, с сомнением покачав головой, произнес:
"The Vatican's monolith is not by Bernini.	- Этот обелиск не имеет никакого отношения к Бернини.
It was brought in by Caligula.	В Рим его привез Калигула.
And it has nothing to do with Air."	И с воздухом он никоим образом не связан.
There was another problem as well.	Кроме того, здесь возникает еще одно противоречие, - продолжил он.
"Besides, the poem says the elements are spread across Rome. St. Peter's Square is in Vatican City. Not Rome."	- В четверостишии говорится, что ангелы указывают путь через Рим, площадь же Святого Петра находится не в Риме, а в Ватикане.

"Depends who you ask," a guard interjected.	- Это зависит от того, кого вы спросите, - снова вмешался солдат со шрамом.
Langdon looked up. "What?"	- Не совсем вас понял, - сказал Лэнгдон.
"Always a bone of contention.	- Вопрос о принадлежности площади постоянно служит яблоком раздора, - продолжил швейцарец.
Most maps show St. Peter's Square as part of Vatican City, but because it's outside the walled city, Roman officials for centuries have claimed it as part of Rome."	- Большинство карт показывают площадь Святого Петра в пределах границ Ватикана. Но поскольку она находится за чертой стен города-государства, римские чиновники уже много веков утверждают, что площадь является частью Рима.

"You're kidding," Langdon said. He had never known that.	- Вы, наверное, шутите? - спросил Лэнгдон, никогда не слышавший об этом вековом споре.
"I only mention it," the guard continued, "because Commander Olivetti and Ms. Vetra were asking about a sculpture that had to do with Air."	- Я упомянул о площади только потому, что коммандер Оливетти и мисс Ветра говорили о скульптуре, имеющей отношение к воздуху.
Langdon was wide eyed. "And you know of one in St. Peter's Square?"	- И вам известна такая на площади Святого Петра? - не скрывая скептицизма, спросил Лэнгдон.
"Not exactly.	- Не совсем.
It's not really a sculpture. Probably not relevant."	Вообще-то это вовсе не скульптура и к делу, видимо, отношения не имеет.

"Let's hear it," Olivetti pressed.	- Но мы все же хотим тебя выслушать, - сказал Оливетти.
The guard shrugged. "The only reason I know about it is because I'm usually on piazza duty. I know every corner of St. Peter's Square."	- Я знаю о существовании этого изображения потому, что обычно несу службу на площади и знаком с каждым ее уголком.
"The sculpture," Langdon urged.	- Говорите о скульптуре, - остановил его Лэнгдон.
"What does it look like?"	- Как она выглядит?

Langdon was starting to wonder if the Illuminati could really have been gutsy enough to position their second marker right outside St. Peter's Church.	"Неужели у иллюминатов хватило духу поставить второй указатель в самом центре площади, рядом с собором Святого Петра?" - думал он. Ему почему-то начало казаться, что это вполне возможно.
"I patrol past it every day," the guard said.	- Я прохожу мимо нее каждый день, - продолжил солдат.
"It's in the center, directly where that line is pointing.	- Она находится в центре площади, как раз в том месте, куда указывает линия.
That's what made me think of it.	Именно поэтому я о ней и подумал.
As I said, it's not really a sculpture.	Но, как я сказал, это... не совсем скульптура.

It's more of a... block."	Это скорее мраморный блок.
Olivetti looked mad. "A block?"	- Блок? - переспросил Оливетти.
"Yes, sir.	- Да, синьор.
A marble block embedded in the square.	Мраморный блок, вделанный в мостовую.
At the base of the monolith.	В основании монолита.
But the block is not a rectangle. It's an ellipse.	Он не похож на другие мраморные основания, поскольку имеет форму эллипса, а не квадрата, как бывает обычно.

And the block is carved with the image of a billowing gust of wind."	И на этом мраморе вырезано изображение существа, выдыхающего ветер.
He paused. "Air, I suppose, if you wanted to get scientific about it."	- Швейцарец подумал немного и добавил: -Выдыхающего воздух, если использовать более научный термин.

Langdon stared at the young soldier in amazement. "A relief!" he exclaimed suddenly.	- Рельефное изображение?! - изумленно глядя на солдата, чуть ли не выкрикнул Лэнгдон.
Everyone looked at him.	Взгляды всех присутствующих обратились на американца.

"Relief," Langdon said, "is the other half of sculpture!"	- Рельеф, - пояснил ученый, - является одной из разновидностей скульптуры.
Sculpture is the art of shaping figures in the round and also in relief.	Скульптура есть искусство изображения фигур в их полном объеме, а также в форме рельефа...
He had written the definition on chalkboards for years.	Ему десятки раз приходилось писать на классной доске это определение.
Reliefs were essentially two dimensional sculptures, like Abraham Lincoln's profile on the penny.	Рельеф являет собой двухмерное изображение, хорошим примером которого был профиль Авраама Линкольна на одноцентовой монете.

Bernini's Chigi Chapel medallions were another perfect example.	Медальоны Бернини в капелле Киджи могли служить еще одним образчиком этой разновидности ваяния.
"Bassorelievo?" the guard asked, using the Italian art term.	- Bassorelivo? - спросил швейцарец, используя итальянский термин.
"Yes!	- Да, да!
Bas relief!" Langdon rapped his knuckles on the hood. "I wasn't thinking in those terms!	Барельеф! - подхватил Лэнгдон и, стукнув кулаком по капоту машины, добавил: - Я просто не думал в этом направлении.
That tile you're talking about in St. Peter's Square is called the West Ponente-the West Wind.	Эта пластина в мраморном блоке, о которой вы говорите, называется West Ponente, что означает "Западный ветер".

It's also known as Respiro di Dio."	Кроме того, она известна под названием Respiro di Dio.
"Breath of God?"	- Дыхание Бога?
"Yes!	- Да.
Air!	Воздух!
And it was carved and put there by the original architect!"	И он был изваян в мраморе архитектором, создавшим эту площадь.
Vittoria looked confused. "But I thought Michelangelo designed St. Peter's."	- Но я всегда полагала, что Святого Петра спроектировал Микеланджело, - неуверенно произнесла Виттория.
"Yes, the basilica!" Langdon exclaimed, triumph in his voice.	- Да, собор! - воскликнул Лэнгдон.
"But St. Peter's Square was designed by Bernini!"	- Но площадь Святого Петра создал Бернини!

As the caravan of Alpha Romeos tore out of Piazza del Popolo, everyone was in too much of a hurry to notice the BBC van pulling out behind them.	Кавалькада из четырех "альфа-ромео" покинула пьяцца дель Пополо с такой скоростью, что сидящие в них люди не заметили, как стоящий у края площади микроавтобус Би-би-си двинулся следом за ними.
73	Глава 73

Gunther Glick floored the BBC van's accelerator and swerved through traffic as he tailed the four speeding Alpha Romeos across the Tiber River on Ponte Margherita.	Гюнтер Глик чуть ли не вдавил педаль акселератора в пол микроавтобуса, пытаясь не отстать от четырех "альфа-ромео", с бешеной скоростью прокладывавших себе путь в сумасшедшем уличном движении Рима.

Normally Glick would have made an effort to maintain an inconspicuous distance, but today he could barely keep up. These guys were flying.	Микроавтобусу еле-еле удавалось держаться в хвосте таинственных машин, которые, казалось, летели по воздуху.
Macri sat in her work area in the back of the van finishing a phone call with London.	Макри сидела на своем рабочем месте в задней части автомобиля, ведя телефонную беседу с Лондоном.
She hung up and yelled to Glick over the sound of the traffic.	Когда разговор закончился, она прокричала, пытаясь перекрыть шум уличного движения:
"You want the good news or bad news?"	- Что желаешь услышать вначале? Хорошую новость или плохую?
Glick frowned.	Глик нахмурился.

Nothing was ever simple when dealing with the home office.	По собственному опыту он знал, что после контакта с начальством все дела почему-то начинают осложняться.
"Bad news."	- Давай плохую.
"Editorial is burned we abandoned our post."	- Редакторы писают кипятком из-за того, что мы уехали с площади.
"Surprise."	- Удивила!
"They also think your tipster is a fraud."	- Кроме того, они полагают, что твой информатор- просто жулик.
"Of course."	- Естественно.
"And the boss just warned me that you're a few crumpets short of a proper tea."	- А босс предупредил меня, что от полноценной взбучки тебя отделяет всего ничего.

Glick scowled. "Great.	- Здорово, - скривился Глик.
And the good news?"	- Выкладывай хорошую новость.
"They agreed to look at the footage we just shot."	- Они согласились просмотреть наш материал.
Glick felt his scowl soften into a grin.	Глик почувствовал, как гримаса недовольства перерастает в довольную ухмылку.
I guess we'll see who's short a few crumpets.	Похоже, что полноценную взбучку получит кто-то другой, подумал он.
"So fire it off."	- Ну так валяй, отсылай картинку.

"Can't transmit until we stop and get a fixed cell read."	- На ходу ничего не выйдет. Передам, когда остановимся и сможем выйти на станцию сотовой связи.
Glick gunned the van onto Via Cola di Rienzo.	В этот момент Г лик со скоростью пушечного ядра летел по виа Кола ди Рьенцо.

"Can't stop now." He tailed the Alpha Romeos through a hard left swerve around Piazza Risorgimento.	- Сейчас остановиться не могу, - заявил он и, выезжая на пьяцца Рисорджименто, резко бросил микроавтобус влево.
Macri held on to her computer gear in back as everything slid.	Поворот был таким резким, что все сложное хозяйство Макри едва не соскользнуло с сиденья.

"Break my transmitter," she warned, "and we'll have to walk this footage to London."	- Если ты раздолбаешь мой компьютер, - сказала она, с трудом поймав аппаратуру, - то нам придется доставлять материал в Лондон самим.
"Sit tight, love.	- Держись крепче, любовь моя.
Something tells me we're almost there."	Что-то мне подсказывает, что мы почти на месте.
Macri looked up. "Where?"	- Где?
Glick gazed out at the familiar dome now looming directly in front of them.	Глик посмотрел на занимающий полнеба и уже такой знакомый купол, улыбнулся и произнес:
He smiled. "Right back where we started."	- Мы вернулись в то место, откуда начали.

The four Alpha Romeos slipped deftly into traffic surrounding St. Peter's Square. They split up and spread out along the piazza perimeter, quietly unloading men at select points.	Четыре "альфа-ромео", умело вписавшись в движение машин вокруг площади Святого Петра, разъехались по ее периметру, и гвардейцы спокойно, не привлекая лишнего внимания, высадились в заранее намеченных местах.
The debarking guards moved into the throng of tourists and media vans on the edge of the square and instantly became invisible.	Швейцарцы сразу стали невидимыми, растворившись в толпе туристов или затерявшись среди машин прессы, припаркованных у края площади.
Some of the guards entered the forest of pillars encompassing the colonnade.	Часть гвардейцев скрылись в частоколе окружающих площадь колонн.

They too seemed to evaporate into the surroundings.	Создавалось впечатление, что они просто испарились.
As Langdon watched through the windshield, he sensed a noose tightening around St. Peter's.	Глядя сквозь ветровое стекло, Лэнгдон почти физически ощущал, как вокруг площади стягивается кольцо охраны.
In addition to the men Olivetti had just dispatched, the commander had radioed ahead to the Vatican and sent additional undercover guards to the center where Bernini's West Ponente was located.	Оливетти по радиотелефону дал команду в Ватикан, и оттуда к обелиску выслали несколько агентов в штатском.

As Langdon looked out at the wide open spaces of St. Peter's Square, a familiar question nagged. How does the Illuminati assassin plan to get away with this?	Лэнгдон смотрел на совершенно открытую площадь и задавал себе один и тот же вопрос: каким образом нанятый иллюминатами убийца рассчитывает скрыться отсюда?
How will he get a cardinal through all these people and kill him in plain view?	Как он сможет протащить кардинала через толпу туристов, мимо швейцарских гвардейцев и убить его у всех на глазах?
Langdon checked his Mickey Mouse watch.	Лэнгдон посмотрел на своего Микки-Мауса.
It was 8:54 P.M. Six minutes.	Лапки мышонка показывали 8:54. Оставалось шесть минут.

In the front seat, Olivetti turned and faced Langdon and Vittoria.	Сидящий впереди Оливетти обернулся и, глядя в упор на Лэнгдона и Витторию, сказал:
"I want you two right on top of this Bernini brick or block or whatever the hell it is.	- Я хочу, чтобы вы оба встали рядом с этим булыжником... или как там его... мраморным блоком Бернини.
Same drill.	Спектакль тот же.
You're tourists.	Вы - парочка влюбленных туристов.
Use the phone if you see anything."	Ясно?
Before Langdon could respond, Vittoria had his hand and was pulling him out of the car.	Лэнгдон еще не успел открыть рта, чтобы ответить, как Виттория, распахнув дверцу, потянула его из машины.

The springtime sun was setting behind St. Peter's Basilica, and a massive shadow spread, engulfing the piazza.	Весеннее солнце опускалось за горизонт прямо за базиликой, и на площадь, постепенно поглощая ее, наползала огромная тень.
Langdon felt an ominous chill as he and Vittoria moved into the cool, black umbra.	Как только они вступили в эту прохладную темноту, американца начала бить дрожь - явно не от холода. Ему было просто-напросто страшно.
Snaking through the crowd, Langdon found himself searching every face they passed, wondering if the killer was among them.	Петляя между туристами, Лэнгдон вглядывался в лица людей: ведь среди них мог находиться убийца.

Vittoria's hand felt warm.	Виттория держала его за руку. Ладонь девушки казалась ему очень теплой.
As they crossed the open expanse of St. Peter's Square, Langdon sensed Bernini's sprawling piazza having the exact effect the artist had been commissioned to create-that of "humbling all those who entered."	Проходя по огромной площади, Лэнгдон подумал о том, что Бернини сумел добиться того эффекта, которого требовал от него Ватикан, поручив ему эту работу. Великому художнику вполне удалось заставить каждого, кто вступал на площадь, "ощутить свое ничтожество".

Langdon certainly felt humbled at the moment. Humbled and hungry, he realized, surprised such a mundane thought could enter his head at a moment like this.	Лэнгдон, во всяком случае, чувствовал себя в этот момент существом совсем крошечным.
"To the obelisk?" Vittoria asked.	- Теперь к обелиску? - спросила Виттория.
Langdon nodded, arching left across the piazza.	Лэнгдон кивнул и двинулся через площадь налево.
"Time?"	- Сколько времени? - спросила девушка.
Vittoria asked, walking briskly, but casually.	Она шагала быстро, но в то же время расслабленно, так, как ходят туристы.

"Five of."	- Без пяти...
Vittoria said nothing, but Langdon felt her grip tighten.	Виттория ничего не сказала, но Лэнгдон почувствовал, как вдруг сжались пальцы, держащие его руку.
He was still carrying the gun. He hoped Vittoria would not decide she needed it.	Пистолет по-прежнему оттягивал карман, и ученый надеялся, что Виттория не захочет им воспользоваться.

He could not imagine her whipping out a weapon in St. Peter's Square and blowing away the kneecaps of some killer while the global media looked on.	Он не мог себе представить, как можно достать оружие в центре площади Святого Петра и на глазах всей мировой прессы прострелить коленную чашечку убийцы.

Then again, an incident like that would be nothing compared to the branding and murder of a cardinal out here.	Впрочем, инцидент, подобный этому, явился бы сущей мелочью по сравнению с публичным клеймением и убийством кардинала.
Air, Langdon thought.	Воздух, думал Лэнгдон.
The second element of science.	Второй элемент науки.
He tried to picture the brand. The method of murder.	Он пытался представить себе способ убийства и то, как может выглядеть клеймо.

Again he scanned the sprawling expanse of granite beneath his feet-St. Peter's Square-an open desert surrounded by Swiss Guard.	Ученый еще раз осмотрел гранитный простор площади, и она показалась ему пустыней, окруженной со всех сторон швейцарскими гвардейцами.
If the Hassassin really dared attempt this, Langdon could not imagine how he would escape.	Лэнгдон не видел, как может скрыться отсюда ассасин, если действительно решится осуществить задуманное.
In the center of the piazza rose Caligula's 350 ton Egyptian obelisk.	В центре площади высился привезенный Калигулой из Египта обелиск весом в триста пятьдесят тонн.

It stretched eighty one feet skyward to the pyramidal apex onto which was affixed a hollow iron cross.	Монолит поднимался к небу на восемьдесят один фут, и его имеющую вид пирамиды вершину украшал пустотелый металлический крест.
Sufficiently high to catch the last of the evening sun, the cross shone as if magic... purportedly containing relics of the cross on which Christ was crucified.	На крест еще не упала тень, и он сверкал в лучах заходящего солнца. Это казалось чудом... Считалось, что внутри его хранится частица того самого креста, на котором был распят Христос.
Two fountains flanked the obelisk in perfect symmetry.	По обе стороны от обелиска, соблюдая полную симметрию, красовались два фонтана.

Art historians knew the fountains marked the exact geometric focal points of Bernini's elliptical piazza, but it was an architectural oddity Langdon had never really considered until today.	Бернини придал площади форму эллипса, и историки искусства утверждали, что фонтаны находятся в фокусах этой геометрической фигуры. Лэнгдон всегда считал подобное расположение всего лишь причудой архитектора и до этого дня о ней не задумывался.
It seemed Rome was suddenly filled with ellipses, pyramids, and startling geometry.	Теперь вдруг оказалось, что весь Рим заполнен эллипсами, пирамидами и иными удивительными геометрическими формами.
As they neared the obelisk, Vittoria slowed.	На подходе к обелиску Виттория замедлила шаг.

She exhaled heavily, as if coaxing Langdon to relax along with her.	Она с силой выдохнула воздух, как бы приглашая Лэнгдона успокоиться вместе с ней.
Langdon made the effort, lowering his shoulders and loosening his clenched jaw.	Лэнгдон попытался сделать это, опустив плечи и несколько расслабив решительно выставленную вперед нижнюю челюсть.

Somewhere around the obelisk, boldly positioned outside the largest church in the world, was the second altar of science-Bernini's West Ponente-an elliptical block in St. Peter's Square.	Где-то здесь, на площади Святого Петра, рядом с тянущимся к небу обелиском и в сени самого большого в мире собора, находился вделанный в гранит мостовой белый мраморный эллипс, созданный гением Бернини, - второй алтарь науки.

Gunther Glick watched from the shadows of the pillars surrounding St. Peter's Square.	Гюнтер Глик вел наблюдение за площадью, находясь в тени окружающей ее колоннады.
On any other day the man in the tweed jacket and the woman in khaki shorts would not have interested him in the least.	В любой другой день он ни за что бы не обратил внимания на мужчину в твидовом пиджаке и девушку в шортах цвета хаки.
They appeared to be nothing but tourists enjoying the square.	Парочка ничем не отличалась от всех остальных любующихся площадью туристов.
But today was not any other day.	Но этот день никак нельзя было назвать обычным.

Today had been a day of phone tips, corpses, unmarked cars racing through Rome, and men in tweed jackets climbing scaffolding in search of God only knew what.	Это был день таинственных телефонных звонков, мертвых тел, с ревом носящихся по Риму машин и мужчин в твидовых пиджаках, взбирающихся на строительные леса безо всякой видимой причины.
Glick would stay with them.	Глик решил проследить за этой парочкой повнимательнее.
He looked out across the square and saw Macri.	Гюнтер посмотрел на другую сторону площади и увидел там Макри.
She was exactly where he had told her to go, on the far side of the couple, hovering on their flank.	Он направил ее наблюдать за мужчиной в твиде и девицей в шортах с противоположного фланга, и Макри точно последовала его указаниям.

Macri carried her video camera casually, but despite her imitation of a bored member of the press, she stood out more than Glick would have liked.	Чинита вальяжно шагала, небрежно неся в руках камеру, но, несмотря на попытку изобразить скучающую представительницу прессы, она, как с сожалением отметил Глик, привлекала к себе больше внимания, чем они рассчитывали.
No other reporters were in this far corner of the square, and the acronym "BBC" stenciled on her camera was drawing some looks from tourists.	В этом углу площади других репортеров не было, и туристы то и дело косились на камеру со знакомым всему миру сокращением Би-би-си.

The tape Macri had shot earlier of the naked body dumped in the trunk was playing at this very moment on the VCR transmitter back in the van.	Материал, на котором им удалось запечатлеть загрузку голого мертвого тела в багажник "альфа-ромео", передавался в этот момент из микроавтобуса в Лондон.
Glick knew the images were sailing over his head right now en route to London. He wondered what editorial would say.	Гюнтер знал, что над его головой сейчас летят электронные сигналы, и его очень интересовало, что скажут редакторы, увидев полученные кадры.
He wished he and Macri had reached the body sooner, before the army of plainclothed soldiers had intervened.	Он сожалел о том, что им с Макри не удалось добраться до трупа раньше, чем в дело вступили военные в штатском.

The same army, he knew, had now fanned out and surrounded this piazza.	Он знал, что сейчас та же самая армия, веером рассыпавшись по площади, ведет за ней наблюдение.

Something big was about to happen.	Видимо, ожидались какие-то очень серьезные события.
The media is the right arm of anarchy, the killer had said.	Средства массовой информации есть не что иное, как пособники анархии, припомнил он слова убийцы.
Glick wondered if he had missed his chance for a big scoop.	Глик опасался, что упустил свой шанс совершить прорыв в карьере.

He looked out at the other media vans in the distance and watched Macri tailing the mysterious couple across the piazza.	Он бросил взгляд на автомобили прессы в другом конце площади, а затем возобновил наблюдение за Макри, шагавшей по площади неподалеку от таинственной парочки.
Something told Glick he was still in the game...	Что-то подсказало Глику, что опасаться нечего и он все еще в игре...
74	Глава 74
Langdon saw what he was looking for a good ten yards before they reached it.	Объект своего поиска Лэнгдон разглядел, не дойдя до него добрых десять ярдов.

Through the scattered tourists, the white marble ellipse of Bernini's West Ponente stood out against the gray granite cubes that made up the rest of the piazza.	Белый мраморный эллипс Бернини, известный как West Ponente, выделялся на фоне серого гранита площади, несмотря на то что его то и дело заслоняли фигуры туристов.
Vittoria apparently saw it too. Her hand tensed.	Виттория тоже увидела эллипс и сильнее сжала руку Лэнгдона.
"Relax," Langdon whispered.	- Расслабьтесь, - прошептал американец.
"Do your piranha thing."	- Проделайте ваше упражнение, именуемое "пиранья".
Vittoria loosened her grip.	Виттория тут же ослабила захват.

As they drew nearer, everything seemed forbiddingly normal.	Вокруг них шла совершенно обычная жизнь.
Tourists wandered, nuns chatted along the perimeter of the piazza, a girl fed pigeons at the base of the obelisk.	По площади слонялись туристы, монахини болтали, стоя в тени колонн, а у подножия обелиска какая-то девчушка кормила голубей.
Langdon refrained from checking his watch. He knew it was almost time.	Лэнгдон не стал смотреть на часы, он и без того знал, что назначенный час почти наступил.

The elliptical stone arrived beneath their feet, and Langdon and Vittoria slowed to a stop-not overeagerly-just two tourists pausing dutifully at a point of mild interest.	Каменный эллипс вскоре оказался у их ног, они остановились, не демонстрируя внешне никакой озабоченности. Пара обычных туристов, изучающих не очень известное и не очень их интересующее произведение искусства.
"West Ponente," Vittoria said, reading the inscription on the stone.	- West Ponente, - прочитала вслух Виттория надпись на белом камне.
Langdon gazed down at the marble relief and felt suddenly naive.	Лэнгдон посмотрел на барельеф и неожиданно осознал всю степень своей невежественности.

Not in his art books, not in his numerous trips to Rome, not ever had West Ponente's significance jumped out at him.	До него только сейчас дошло значение этого творения Бернини, несмотря на то что он много раз видел West Ponente как в книгах по искусству, так и во время своих многочисленных посещений Рима.
Not until now.	Теперь он все понял.
The relief was elliptical, about three feet long, and carved with a rudimentary face-a depiction of the West Wind as an angel like countenance.	Блок из белого мрамора имел форму эллипса примерно трех футов в длину, а рельефное изображение Западного ветра было представлено в виде головы ангела.

Gusting from the angel's mouth, Bernini had drawn a powerful breath of air blowing outward away from the Vatican... the breath of God.	Ангел надувал щеки, и с его губ срывались порывы ветра, устремляющегося прочь от Ватикана... Дыхание Бога.
This was Bernini's tribute to the second element... Air... an ethereal zephyr blown from angel's lips.	Со стороны Бернини это была дань уважения второму элементу. Воздух... Дуновение зефира из ангельских уст.
As Langdon stared, he realized the significance of the relief went deeper still.	Чем дольше Лэнгдон смотрел на барельеф, тем лучше понимал значение этого произведения искусства.

Bernini had carved the air in five distinct gusts... five!	Бернини изваял ветер в виде пяти отдельных клубов... Пяти!
What was more, flanking the medallion were two shining stars.	Но и это еще не все. По обеим сторонам головы ангела, ближе к оконечностям эллипса, были изображены сверкающие звезды.
Langdon thought of Galileo.	Лэнгдон тут же вспомнил о Галилее.
Two stars, five gusts, ellipses, symmetry... He felt hollow.	Две звезды. Пять порывов ветра, эллипсы, симметрия... Он чувствовал себя опустошенным.
His head hurt.	В голове стоял гул.

Vittoria began walking again almost immediately, leading Langdon away from the relief.	Виттория неожиданно пошла дальше, увлекая за собой Лэнгдона.
"I think someone's following us," she said.	- Мне кажется, за нами следят, - сказала она.
Langdon looked up. "Where?"	- Кто?
Vittoria moved a good thirty yards before speaking. She pointed up at the Vatican as if showing Langdon something on the dome. "The same person has been behind us all the way across the square."	- Одна и та же личность следовала за нами, пока мы шли через площадь, - сказала девушка лишь после того, как они отошли от барельефа на добрых тридцать ярдов.

Casually, Vittoria glanced over her shoulder. "Still on us.	Бросив будто бы случайный взгляд через плечо, она продолжила: - И все еще продолжает идти.
Keep moving."	Так что двигаемся дальше.
"You think it's the Hassassin?"	- Вы полагаете, это ассасин?
Vittoria shook her head. "Not unless the Illuminati hires women with BBC cameras."	- Не думаю, - покачала головой Виттория, - если, конечно, иллюминаты не наняли для убийства сотрудницу Би-би-си. ***

When the bells of St. Peter's began their deafening clamor, both Langdon and Vittoria jumped.	Когда над площадью прокатился оглушительный звон колоколов собора Святого Петра, Лэнгдон и Виттория чуть не подпрыгнули.
It was time.	Время.

They had circled away from West Ponente in an attempt to lose the reporter but were now moving back toward the relief.	В надежде отвязаться от репортера с камерой они успели отойти от барельефа Бернини на довольно большое расстояние и теперь повернули назад.
Despite the clanging bells, the area seemed perfectly calm.	Несмотря на колокольный звон, на площади царил полнейший покой.
Tourists wandered. A homeless drunk dozed awkwardly at the base of the obelisk.	По-прежнему неторопливо бродили туристы, а какой-то бездомный пьяница дремал, неловко сидя на ступенях у основания обелиска.
A little girl fed pigeons.	Маленькая девочка продолжала кормить голубей.

Langdon wondered if the reporter had scared the killer off.	"Неужели присутствие репортера спугнуло убийцу?" - подумал было Лэнгдон, но тут же отмел это предположение.
Doubtful, he decided, recalling the killer's promise. I will make your cardinals media luminaries.	Он помнил, что ассасин обещал сделать кардиналов звездами мировой прессы.
As the echo of the ninth bell faded away, a peaceful silence descended across the square.	Как только смолк девятый удар колокола, на площади воцарилась полнейшая тишина.
Then... the little girl began to scream.	И в этот момент... И в этот момент страшно закричала девочка.
75	Глава 75

Langdon was the first to reach the screaming girl.	Первым к кричащей девчушке подоспел Лэнгдон.
The terrified youngster stood frozen, pointing at the base of the obelisk where a shabby, decrepit drunk sat slumped on the stairs.	Окаменевшая от ужаса малышка показывала на основание обелиска, рядом с которым на ступенях устроился пьяный оборванец.
The man was a miserable sight... apparently one of Rome's homeless.	Бродяга - видимо, один из многочисленных римских бездомных - имел жалкий вид.
His gray hair hung in greasy strands in front of his face, and his entire body was wrapped in some sort of dirty cloth.	Его седые волосы падали на лицо немытыми жирными космами, а тело было укутано в грязную ткань.

The girl kept screaming as she scampered off into the crowd.	Продолжая кричать, девочка нырнула в начинающую собираться толпу.
Langdon felt an upsurge of dread as he dashed toward the invalid. There was a dark, widening stain spreading across the man's rags.	Лэнгдон подскочил к несчастному и с ужасом увидел, как по лохмотьям бродяги растекается темное пятно.
Fresh, flowing blood.	Присмотревшись, он понял, что это свежая кровь.
Then, it was as if everything happened at once. The old man seemed to crumple in the middle, tottering forward.	Затем сидящий старик, словно сломавшись в поясе, наклонился и начал заваливаться вперед.

Langdon lunged, but he was too late.	Лэнгдон бросился к нему, но опоздал.

The man pitched forward, toppled off the stairs, and hit the pavement facedown. Motionless.	Бродяга, наклоняясь все сильнее, рухнул со ступеней, уткнулся лицом в гранит мостовой и затих.
Langdon dropped to his knees.	Американцу показалось, что все это произошло за какие-то доли секунды. Лэнгдон склонился над старцем.
Vittoria arrived beside him. A crowd was gathering. Vittoria put her fingers on the man's throat from behind.	Подбежала Виттория и прикоснулась пальцами к сонной артерии бродяги.
"There's a pulse," she declared.	- Есть пульс, - сказала она.

"Roll him."	- Переверните его. Толпа зевак вокруг них все увеличивалась.
Langdon was already in motion.	Лэнгдон начал действовать, не дожидаясь дальнейших указаний.
Grasping the man's shoulders, he rolled the body.	Взяв старика за плечи, он стал поворачивать его лицом вверх.
As he did, the loose rags seemed to slough away like dead flesh. The man flopped limp onto his back. Dead center of his naked chest was a wide area of charred flesh.	Грязная ткань, в которую было завернуто тело, соскользнула, и когда бродяга оказался лежащим на спине, американец увидел в самом центре его груди большое черное пятно сгоревшей плоти.
Vittoria gasped and pulled back.	Виттория отпрянула, судорожно вздохнув.

Langdon felt paralyzed, pinned somewhere between nausea and awe.	Лэнгдон замер, словно парализованный, ощутив одновременно восхищение и отвращение.
The symbol had a terrifying simplicity to it.	Символ, который он увидел, был очень прост и в то же время ужасен.
"Air," Vittoria choked.	- Воздух, - задыхаясь от волнения, выдавила Виттория.
"It's... him."	- Это... он.
Swiss Guards appeared from out of nowhere, shouting orders, racing after an unseen assassin.	В этот миг рядом с ними практически из ниоткуда появились швейцарские гвардейцы. Раздались громкие команды, и солдаты бросились на поиски невидимого убийцы.

Nearby, a tourist explained that only minutes ago, a dark skinned man had been kind enough to help this poor, wheezing, homeless man across the square... even sitting a moment on the stairs with the invalid before disappearing back into the crowd.	Один из зевак-туристов рассказал, что всего несколько минут назад какой-то смуглый и, видимо, очень хороший человек не только помог этому несчастному перейти через площадь, но даже некоторое время посидел рядом с ним на ступенях. Затем этот добрый христианин растворился среди туристов.
Vittoria ripped the rest of the rags off the man's abdomen. He had two deep puncture wounds, one on either side of the brand, just below his rib cage.	Виттория сорвала остатки лохмотьев с торса "бродяги", и по обе стороны от клейма, чуть ниже грудной клетки, они увидели две большие проникающие раны.

She cocked the man's head back and began to administer mouth to mouth.	Девушка откинула голову кардинала назад и принялась делать искусственное дыхание по системе "изо рта в рот".

Langdon was not prepared for what happened next.	Лэнгдон был совершенно не готов к тому, что случилось после этого.
As Vittoria blew, the wounds on either side of the man's midsection hissed and sprayed blood into the air like blowholes on a whale.	Как только Виттория сделала первый выдох, в ранах раздалось шипение, и из них брызнула кровь. Это было похоже на фонтан, возникающий при дыхании кита, но значительно меньших размеров.
The salty liquid hit Langdon in the face.	Солоноватая жидкость ударила Лэнгдону в лицо.

Vittoria stopped short, looking horrified.	Виттория подняла голову и с ужасом прошептала:
"His lungs..." she stammered. "They're... punctured."	- Его легкие... пробиты.
Langdon wiped his eyes as he looked down at the two perforations.	Лэнгдон протер глаза и посмотрел на раны.
The holes gurgled.	В них раздавалось бульканье.
The cardinal's lungs were destroyed.	Легкие кардинала были разрушены.
He was gone.	Он находился в агонии.
Vittoria covered the body as the Swiss Guards moved in.	Виттория прикрыла тело, и в дело вступили швейцарские гвардейцы.

Langdon stood, disoriented. As he did, he saw her.	И в этот момент вконец растерявшийся Лэнгдон увидел ее.
The woman who had been following them earlier was crouched nearby.	Преследовавшая их в последнее время женщина находилась рядом.
Her BBC video camera was shouldered, aimed, and running.	Она стояла чуть пригнувшись, а на ее плече висела работающая, направленная прямо на него видеокамера с логотипом Би-би-си.
She and Langdon locked eyes, and he knew she'd gotten it all.	Женщина и Лэнгдон встретились взглядами, и американец понял, что она успела снять все.

Then, like a cat, she bolted.	Он хотел было крикнуть, но женщина исчезла в толпе с ловкостью кошки.
76	Глава 76
Chinita Macri was on the run. She had the story of her life.	Чинита Макри бежала, спасая самый сенсационный материал, который ей удалось снять за всю свою репортерскую жизнь.
Her video camera felt like an anchor as she lumbered across St. Peter's Square, pushing through the gathering crowd.	Тяжелая камера казалась ей якорем, мешавшим лавировать в толпе.

Everyone seemed to be moving in the opposite direction than her... toward the commotion. Macri was trying to get as far away as possible.	Макри пришлось двигаться против людского потока, поскольку все туристы устремились к месту происшествия и лишь одна она мчалась в противоположном направлении.
The man in the tweed jacket had seen her, and now she sensed others were after her, men she could not see, closing in from all sides.	Мужчина в твидовом пиджаке заметил ее, и, чтобы спасти материал, нужно было убежать как можно дальше. Ей стало казаться, что ее преследуют и что кольцо преследователей сжимается со всех сторон.

Macri was still aghast from the images she had just recorded.	Макри была в ужасе от того, что ей удалось запечатлеть своей камерой.

She wondered if the dead man was really who she feared he was.	Неужели мертвец был одним из тех?
Glick's mysterious phone contact suddenly seemed a little less crazy.	Телефонный звонок, который получил Глик, теперь не казался ей таким безумным.
As she hurried in the direction of the BBC van, a young man with a decidedly militaristic air emerged from the crowd before her.	Когда она была уже неподалеку от своего микроавтобуса, перед ней из толпы возник решительного вида молодой человек.
Their eyes met, and they both stopped.	Увидев друг друга, они оба замерли.

Like lightning, he raised a walkie talkie and spoke into it.	Молодой человек молниеносно извлек из кармана портативную рацию и произнес в микрофон несколько слов.
Then he moved toward her. Macri wheeled and doubled back into the crowd, her heart pounding.	Затем он направился к Макри, но та, не став его дожидаться, нырнула в толпу и понеслась с удвоенной скоростью.
As she stumbled through the mass of arms and legs, she removed the spent video cassette from her camera.	Лавируя между телами, она извлекла кассету из камеры и, сунув ее за пояс, передвинула к спине так, чтобы ее не было видно.

Cellulose gold, she thought, tucking the tape under her belt flush to her backside and letting her coat tails cover it. For once she was glad she carried some extra weight.	Золотая пленка, подумала она, первый раз в жизни порадовавшись тому, что имеет избыточный вес.
Glick, where the hell are you!	Где же ты, Глик? Куда, к дьяволу, подевался?!
Another soldier appeared to her left, closing in.	Слева от нее возник еще один солдат.
Macri knew she had little time. She banked into the crowd again.	Макри, понимая, что в ее распоряжении совсем мало времени, снова нырнула в толпу.

Yanking a blank cartridge from her case, she slapped it into the camera.	Она выхватила из кофра чистую пленку и сунула ее в камеру.
Then she prayed.	Теперь ей оставалось только молиться.
She was thirty yards from the BBC van when the two men materialized directly in front of her, arms folded.	Когда она находилась в каких-то тридцати ярдах от своего микроавтобуса, перед ней словно из-под земли выросли два человека со скрещенными на груди руками.
She was going nowhere.	Бежать ей было некуда.
"Film," one snapped.	- Пленку! - сказал один, протягивая руку.
"Now."	- Живо!

Macri recoiled, wrapping her arms protectively around her camera.	Макри отшатнулась и прикрыла руками камеру.
"No chance."	- Ни за что!
One of the men pulled aside his jacket, revealing a sidearm.	Второй мужчина распахнул полы пиджака, демонстрируя пистолет.

"So shoot me," Macri said, amazed by the boldness of her voice.	- Ну и стреляйте! - крикнула Макри, сама удивляясь смелости, с которой была произнесена эта фраза.
"Film," the first one repeated.	- Пленку! - повторил первый.
Where the devil is Glick?	Куда, к дьяволу, подевался этот проклятый Глик?

Macri stamped her foot and yelled as loudly as possible,	Макри топнула ногой и что есть мочи заорала:
"I am a professional videographer with the BBC!	- Я - профессиональный оператор всемирно известной компании Би-би-си!
By Article 12 of the Free Press Act, this film is property of the British Broadcast Corporation!"	Согласно двенадцатой статье Акта о свободе прессы, этот фильм является собственностью Британской вещательной корпорации!
The men did not flinch.	Мужчины и ухом не повели.
The one with the gun took a step toward her.	Тот, который демонстрировал пистолет, сделал шаг по направлению к ней.

"I am a lieutenant with the Swiss Guard, and by the Holy Doctrine governing the property on which you are now standing, you are subject to search and seizure."	- Я лейтенант швейцарской гвардии и, согласно Святому уложению, конфискую собственность, которую вы прячете. Соответственно вы подлежите обыску и аресту.
A crowd had started to gather now around them.	Вокруг них постепенно начала собираться толпа.
Macri yelled, "I will not under any circumstances give you the film in this camera without speaking to my editor in London.	- Я ни при каких обстоятельствах не отдам вам кассету из этой камеры, не поговорив предварительно со своим редактором в Лондоне.

I suggest you-"	Я предлагаю вам...
The guards ended it.	Гвардейцы решили не продолжать дискуссию.
One yanked the camera out of her hands. The other forcibly grabbed her by the arm and twisted her in the direction of the Vatican. "Grazie," he said, leading her through a jostling crowd.	Один из них вырвал у нее из рук камеру, а второй схватил ее за плечи, развернул лицом в сторону Ватикана и повел через толпу.
Macri prayed they would not search her and find the tape.	Макри молила Бога о том, чтобы Он не позволил швейцарцам ее обыскать и отнять отснятый материал.

If she could somehow protect the film long enough to-	Если она сможет скрывать кассету достаточно долго...
Suddenly, the unthinkable happened.	И в этот миг произошло нечто совершенно невообразимое.
Someone in the crowd was groping under her coat. Macri felt the video yanked away from her.	Кто-то из толпы сунул сзади руку ей под жакет, и Макри почувствовала, как кассета выскользнула из-за пояса.
She wheeled, but swallowed her words.	Она резко обернулась и, к счастью, успела проглотить готовые сорваться с языка слова.

Behind her, a breathless Gunther Glick gave her a wink and dissolved back into the crowd.	Сзади нее стоял, затаив дыхание, Гюнтер Глик. Затем Гюнтер подмигнул ей и, ухмыляясь, растворился в толпе.

77	Глава 77
Robert Langdon staggered into the private bathroom adjoining the Office of the Pope. He dabbed the blood from his face and lips.	Лэнгдон, пошатываясь, вошел в туалетную комнату рядом с кабинетом папы и смыл кровь с лица и губ.
The blood was not his own.	Это была не его кровь.

It was that of Cardinal Lamass?, who had just died horribly in the crowded square outside the Vatican.	Это была кровь кардинала Ламассэ, который только что умер ужасной смертью на полной людей площади вблизи Ватикана.
Virgin sacrifices on the altars of science.	Невинный агнец, принесенный в жертву на алтарь науки.
So far, the Hassassin had made good on his threat.	Пока ассасин выполнял свои угрозы.
Langdon felt powerless as he gazed into the mirror.	Лэнгдон с ощущением полной беспомощности смотрел на себя в зеркало.
His eyes were drawn, and stubble had begun to darken his cheeks.	Глаза ввалились, их взгляд был каким-то отрешенным и щеки начали темнеть от прораставшей на них щетины.

The room around him was immaculate and lavish-black marble with gold fixtures, cotton towels, and scented hand soaps.	Туалетная комната сияла ослепительной чистотой: черный мрамор, золотая фурнитура, мягкие полотенца и ароматное мыло для рук.
Langdon tried to rid his mind of the bloody brand he had just seen.	Лэнгдон попытался выкинуть из головы кровавое клеймо, которое только что видел.
Air.	Воздух.
The image stuck.	Но видение не исчезало.
He had witnessed three ambigrams since waking up this morning... and he knew there were two more coming.	С момента пробуждения этим утром он уже видел три амбиграммы... и знал, что предстоит увидеть еще две.

Outside the door, it sounded as if Olivetti, the camerlegno, and Captain Rocher were debating what to do next.	Из-за закрытых дверей до него доносились громкие голоса. Оливетти, камерарий и капитан Рошер обсуждали план дальнейших действий.
Apparently, the antimatter search had turned up nothing so far.	Поиск антивещества пока, видимо, успехом не увенчался.
Either the guards had missed the canister, or the intruder had gotten deeper inside the Vatican than Commander Olivetti had been willing to entertain.	Швейцарцы либо проморгали ловушку, либо врагам удалось проникнуть в сердце Ватикана гораздо глубже, чем желал признать Оливетти.

Langdon dried his hands and face. Then he turned and looked for a urinal. No urinal. Just a bowl.	Лэнгдон вытер руки и лицо и поискал взглядом писсуар. Писсуара в туалетной комнате не оказалось, там имелся лишь один унитаз.
He lifted the lid.	Он поднял крышку и замер.
As he stood there, tension ebbing from his body, a giddy wave of exhaustion shuddered through his core.	Все тело его напряглось, и по нему прокатилась волна нечеловеческой усталости.
The emotions knotting his chest were so many, so incongruous.	В его груди теснились совершенно противоречивые чувства.

He was fatigued, running on no food or sleep, walking the Path of Illumination, traumatized by two brutal murders.	Он обессилел, бегая без сна и еды. Двигаясь по Пути просвещения, он пережил душевную травму, став свидетелем двух жестоких убийств.
Langdon felt a deepening horror over the possible outcome of this drama.	А мысли о возможном исходе этой драмы приводили его в ужас.
Think, he told himself.	"Думай!" - приказал он себе.
His mind was blank.	Но в голове не было ни единой здравой мысли.
As he flushed, an unexpected realization hit him.	После того как Лэнгдон спустил воду, ему на ум вдруг пришла забавная мысль.

This is the Pope's toilet, he thought.	"Ведь это же туалет папы, - подумал он.
I just took a leak in the Pope's toilet.	- Я только что помочился в унитаз папы.
He had to chuckle. The Holy Throne.	В его Святой трон".
78	Глава 78
In London, a BBC technician ejected a video cassette from a satellite receiver unit and dashed across the control room floor. She burst into the office of the editor in chief, slammed the video into his VCR, and pressed play.	А в Лондоне тем временем дежурная редакторша выхватила из приемника спутниковой связи записанную кассет ту промчалась через аппаратную, ворвалась в кабинет главного редактора, вставила кассету в видеомагнитофон и, ни слова не говоря, нажала кнопку воспроизведения.

As the tape rolled, she told him about the conversation she had just had with Gunther Glick in Vatican City.	Пока шел материал, она рассказала шефу о своем разговоре с Понтером Гликом, находящимся в данный момент в Ватикане.
In addition, BBC photo archives had just given her a positive ID on the victim in St. Peter's Square.	Девица была способной журналисткой и, пока шла запись, успела получить из архивов Би-би-си подтверждение личности человека, только что убитого на площади Святого Петра в Риме.
When the editor in chief emerged from his office, he was ringing a cowbell. Everything in editorial stopped.	Выскочив из кабинета, главный редактор заорал так, что все немедленно бросили работу.
"Live in five!" the man boomed.	- Прямой эфир через пять минут! - выкрикнул он.

"On air talent to prep!	- Самого талантливого ведущего к камере!
Media coordinators, I want your contacts on line!	Ответственных за связь со средствами массовой информации прошу немедленно вступить в переговоры в режиме онлайн.
We've got a story we're selling!	У нас есть материал на продажу.
And we've got film!"	Кроме того, мы имеем фильм!
The market coordinators grabbed their Rolodexes.	Все координаторы коммерческой деятельности немедленно включили свои системы связи.
"Film specs!" one of them yelled.	- Продолжительность фильма? - громко спросил один из них.

"Thirty second trim," the chief replied.	- Тридцать секунд, - ответил главный.
"Content?"	- Содержание?

"Live homicide."	- Убийство, снятое в натуре!
The coordinators looked encouraged.	Глаза координаторов загорелись энтузиазмом.
"Usage and licensing price?"	- Стоимость лицензионного показа?
"A million U.S. per."	- Миллион долларов США.
Heads shot up. "What!"	- Что? - спросили все, недоверчиво повернув головы.
"You heard me!	- Вы меня слышали!

I want top of the food chain. CNN, MSNBC, then the big three!	Я хочу, чтобы вы начали с самых крутых. Си-эн-эн, Эм-эс-эн-би-си. А также с "большой тройки".
Offer a dial in preview.	Разрешаю сокращенный предварительный просмотр.
Give them five minutes to piggyback before BBC runs it."	Дайте им пять минут на размышления, после чего Би-би-си выйдет в эфир.
"What the hell happened?" someone demanded.	- Что, черт побери, произошло? - спросил один из сотрудников.
"The prime minister get skinned alive?"	- Неужели с нашего премьера живьем содрали шкуру?
The chief shook his head. "Better."	- Лучше, - покачал головой шеф. - Все гораздо лучше. ***

At that exact instant, somewhere in Rome, the Hassassin enjoyed a fleeting moment of repose in a comfortable chair.	А где-то в Риме как раз в этот момент ассасин наслаждался коротким и вполне заслуженным отдыхом.
He admired the legendary chamber around him.	Развалясь в удобном кресле, он с восхищением рассматривал легендарное помещение.
I am sitting in the Church of Illumination, he thought.	"Я сижу в Храме Света, - думал он.
The Illuminati lair.	- В тайном убежище иллюминатов".
He could not believe it was still here after all of these centuries.	Он не мог поверить в то, что оказался здесь по прошествии стольких веков.

Dutifully, he dialed the BBC reporter to whom he had spoken earlier.	Немного выждав, он набрал номер репортера Би-би-си, с которым говорил раньше.
It was time.	Время.
The world had yet to hear the most shocking news of all.	Однако самую страшную новость мир должен услышать позже.
79	Глава 79
Vittoria Vetra sipped a glass of water and nibbled absently at some tea scones just set out by one of the Swiss Guards.	Виттория Ветра отпила из стакана чай и машинально принялась за булочку, предложенную ей одним из швейцарских гвардейцев.
She knew she should eat, but she had no appetite.	Она знала, что поесть обязательно надо, но аппетита не было.

The Office of the Pope was bustling now, echoing with tense conversations.	В кабинете папы кипела жизнь, в нем шла оживленная дискуссия.
Captain Rocher, Commander Olivetti, and half a dozen guards assessed the damage and debated the next move.	Капитан Рошер, командер Оливетти и еще с полдюжины гвардейцев пытались оценить понесенный урон и обдумывали следующий шаг.
Robert Langdon stood nearby staring out at St. Peter's Square.	Роберт Лэнгдон стоял у окна и смотрел на площадь Святого Петра.
He looked dejected.	Казалось, что он пребывал в каком-то ином мире.
Vittoria walked over.	К нему подошла Виттория.
"Ideas?"	- Новые идеи?

He shook his head.	Лэнгдон молча покачал головой.
"Scone?"	- Булочку желаете?
His mood seemed to brighten at the sight of food.	При виде еды его настроение несколько улучшилось.
"Hell yes.	- Еще как!
Thanks." He ate voraciously.	Спасибо, - ответил американец и принялся яростно жевать.
The conversation behind them went quiet suddenly when two Swiss Guards escorted Camerlegno Ventresca through the door.	Шумная дискуссия за их спинами внезапно оборвалась; в сопровождении двух гвардейцев в кабинет вошел камерарий.

If the chamberlain had looked drained before, Vittoria thought, now he looked empty.	Если до этого клирик казался утомленным, то теперь он выглядел совершенно опустошенным.
"What happened?" the camerlegno said to Olivetti.	- Что случилось? - спросил камерарий, обращаясь к Оливетти.
From the look on the camerlegno's face, he appeared to have already been told the worst of it.	Судя по выражению его лица, самое худшее он уже успел услышать.
Olivetti's official update sounded like a battlefield casualty report.	Формальный доклад Оливетти звучал как отчет о потерях на поле боя.
He gave the facts with flat efficacy.	Он излагал факты кратко и четко:

"Cardinal Ebner was found dead in the church of Santa Maria del Popolo just after eight o'clock.	- Вскоре после восьми часов в церкви Санта-Мария дель Пополо было обнаружено тело кардинала Эбнера.
He had been suffocated and branded with the ambigrammatic word	Кардинал задохнулся, а на его теле имелось клеймо в виде амбиграммы слова
' Earth.'	"Земля".
Cardinal Lamass? was murdered in St. Peter's Square ten minutes ago.	Кардинал Ламассэ был убит на площади Святого Петра десять минут назад.
He died of perforations to the chest.	Он скончался от проникающих ранений в грудь.
He was branded with the word	На теле обнаружено клеймо.

'Air,' also ambigrammatic.	Это слово "Воздух", также начертанное в виде амбиграммы.

The killer escaped in both instances."	И в том, и в другом случае убийце удалось скрыться.
The camerlegno crossed the room and sat heavily behind the Pope's desk. He bowed his head.	Камерарий пересек комнату и, тяжело опустившись в папское кресло у письменного стола, сгорбился.
"Cardinals Guidera and Baggia, however, are still alive."	- Однако кардиналы Баджиа и Гуидера еще живы.
The camerlegno's head shot up, his expression pained.	Камерарий вскинул голову, и по выражению его лица было видно, как он страдает.

"This is our consolation?	- И это, по вашему мнению, должно служить нам утешением?
Two cardinals have been murdered, commander. And the other two will obviously not be alive much longer unless you find them."	Два кардинала убиты, и двум другим осталось жить не долго, если вы их не отыщете.
"We will find them," Olivetti assured.	- Мы обязательно их найдем, - заверил камерария Оливетти.
"I am encouraged."	- Я в этом не сомневаюсь.
"Encouraged?	- Не сомневаетесь?
We've had nothing but failure."	Пока у вас были сплошные провалы.
"Untrue.	- Это не так.

We've lost two battles, signore, but we're winning the war.	Мы проиграли два сражения, синьор, но выигрываем войну.
The Illuminati had intended to turn this evening into a media circus.	Иллюминаты обещали превратить эти события во всемирное шоу.
So far we have thwarted their plan.	Пока нам удавалось срывать их планы.
Both cardinals' bodies have been recovered without incident.	Оба тела были эвакуированы без каких-либо инцидентов.
In addition," Olivetti continued, "Captain Rocher tells me he is making excellent headway on the antimatter search."	Кроме того, - продолжал Оливетти, - капитан Рошер докладывает, что в поисках антивещества наметился серьезный успех.

Captain Rocher stepped forward in his red beret.	Капитан Рошер поправил свой красный берет и выступил вперед.
Vittoria thought he looked more human somehow than the other guards-stern but not so rigid.	Виттория подумала, что Рошер выглядит намного человечнее, чем остальные гвардейцы. Да, он казался суровым воякой, но все же не был так зажат и сух, как другие.
Rocher's voice was emotional and crystalline, like a violin.	Его голос был наполнен эмоциями и звучал чисто, словно скрипка.
"I am hopeful we will have the canister for you within an hour, signore."	- Полагаю, не позже чем через час, синьор, мы сможем представить вам сосуд.

"Captain," the camerlegno said, "excuse me if I seem less than hopeful, but I was under the impression that a search of Vatican City would take far more time than we have."	- Простите меня, капитан, за то, что я настроен менее оптимистично, нежели вы, - устало произнес камерарий. - Мне кажется, что тщательный осмотр всего Ватикана потребует гораздо больше времени, чем то, каким мы располагаем.
"A full search, yes.	- Всего Ватикана - да.
However, after assessing the situation, I am confident the antimatter canister is located in one of our white zones- those Vatican sectors accessible to public tours-the museums and St. Peter's Basilica, for example.	Однако, оценив ситуацию, я пришел к выводу, что ловушка антивещества находится в одной из белых зон, или, иными словами, в одном из мест, куда допускается публика. Это в первую очередь музеи и собор Святого Петра.

We have already killed power in those zones and are conducting our scan."	Мы отключили подачу энергии в эти зоны и проводим там тщательное сканирование.
"You intend to search only a small percentage of Vatican City?"	- Следовательно, вы планируете обследовать весьма малую часть Ватикана. Я вас правильно понял?
"Yes, signore.	- Так точно, синьор.
It is highly unlikely that an intruder gained access to the inner zones of Vatican City.	Вероятность того, что злоумышленнику удалось проникнуть во внутренние помещения Ватикана, ничтожна.

The fact that the missing security camera was stolen from a public access area-a stairwell in one of the museums-clearly implies that the intruder had limited access.	Тот факт, что камера слежения была похищена из белой зоны - лестничной клетки одного из музеев, говорит о том, что преступник имел весьма ограниченный доступ.
Therefore he would only have been able to relocate the camera and antimatter in another public access area. It is these areas on which we are focusing our search."	Именно там мы и ведем интенсивный поиск.

"But the intruder kidnapped four cardinals. That certainly implies deeper infiltration than we thought."	- Но преступник похитил четырех кардиналов, и это, бесспорно, говорит о более глубоком проникновении в Ватикан, чем мы думали.
"Not necessarily.	- Совершенно не обязательно.
We must remember that the cardinals spent much of today in the Vatican museums and St. Peter's Basilica, enjoying those areas without the crowds.	Мы не должны забывать, что большую часть этого дня кардиналы провели в музеях и соборе Святого Петра, наслаждаясь произведениями искусства без обычной там толпы.
It is probable that the missing cardinals were taken in one of these areas."	Нельзя исключать, что кардиналов похитили в одном из этих мест.

"But how were they removed from our walls?"	- Но каким образом их вывели наружу?
"We are still assessing that."	- Мы все еще пытаемся это установить.
"I see." The camerlegno exhaled and stood up. He walked over to Olivetti. "Commander, I would like to hear your contingency plan for evacuation."	- Понимаю... - протянул камерарий, поднялся из-за стола и, обращаясь к Оливетти, сказал: -Коммандер, теперь мне хотелось бы выслушать ваш план эвакуации.
"We are still formalizing that, signore.	- Мы пока еще работаем в этом направлении, синьор.

In the meantime, I am faithful Captain Rocher will find the canister."	План предстоит формализовать, но я уверен, что капитан Рошер найдет сосуд с антивеществом.

Rocher clicked his boots as if in appreciation of the vote of confidence.	В ответ Рошер, как бы ценя высокую оценку командования, щелкнул каблуками и произнес:
"My men have already scanned two thirds of the white zones.	- К данному моменту мои люди отсканировали две трети всех белых зон.
Confidence is high."	Мы убеждены в успехе.
The camerlegno did not appear to share that confidence.	Однако любому беспристрастному наблюдателю могло показаться, что камерарий вовсе не разделяет оптимизма гвардейцев.

At that moment the guard with a scar beneath one eye came through the door carrying a clipboard and a map.	В кабинете появился швейцарец со шрамом под глазом. В руках он держал план Рима.
He strode toward Langdon.	Подойдя прямо к Лэнгдону, гвардеец доложил по-военному четко:
"Mr. Langdon? I have the information you requested on the West Ponente."	- Мистер Лэнгдон, я получил нужную вам информацию о West Ponente.
Langdon swallowed his scone.	Лэнгдон поспешно дожевал булочку и сказал:
"Good. Let's have a look."	- Отлично, давайте взглянем.

The others kept talking while Vittoria joined Robert and the guard as they spread out the map on the Pope's desk.	Гвардеец расстелил план на письменном столе папы, и в этот момент к ним подошла Виттория.
The soldier pointed to St. Peter's Square.	Остальные, не обращая на них ни малейшего внимания, продолжали дискуссию.
"This is where we are.	- Мы находимся здесь, - сказал солдат, показывая на площадь Святого Петра.
The central line of West Ponente's breath points due east, directly away from Vatican City."	- Центральная линия через West Ponente идет точно на восток в противоположном от Ватикана направлении...

The guard traced a line with his finger from St. Peter's Square across the Tiber River and up into the heart of old Rome.	- С этими словами швейцарец провел пальцем черту от площади Святого Петра через Тибр к самому сердцу старого Рима.
"As you can see, the line passes through almost all of Rome. There are about twenty Catholic churches that fall near this line."	- Как видите, линия проходит почти через весь город, и рядом с ней расположено около двадцати католических храмов.
Langdon slumped. "Twenty?"	- Двадцати? - упавшим голосом переспросил Лэнгдон.
"Maybe more."	- Может, даже больше.

"Do any of the churches fall directly on the line?"	- Стоит ли хотя бы одна церковь непосредственно на линии?
"Some look closer than others," the guard said, "but translating the exact bearing of the West Ponente onto a map leaves margin for error."	- Некоторые находятся к ней ближе, чем другие, - ответил швейцарец, - но воспроизведение направления дыхания на карте оставляет возможность для ошибки.

Langdon looked out at St. Peter's Square a moment. Then he scowled, stroking his chin.	Лэнгдон взглянул через окно на площадь, нахмурился, задумчиво потер подбородок и спросил:
"How about fire?	- А как насчет огня?

Any of them have Bernini artwork that has to do with fire?"	Есть ли хотя бы в одной из них работа Бернини, имеющая отношение к огню?
Silence.	Молчание.
"How about obelisks?" he demanded.	- А обелиски? - продолжал допрос американец.
"Are any of the churches located near obelisks?"	- Имеются ли на линии церкви, вблизи которых стоит обелиск?
The guard began checking the map.	Гвардеец начал изучать карту.
Vittoria saw a glimmer of hope in Langdon's eyes and realized what he was thinking. He's right!	Виттория увидела проблеск надежды в глазах Лэнгдона и подумала, что ученый прав.

The first two markers had been located on or near piazzas that contained obelisks!	Две первые вехи находились на площадях, в центре которых возвышались обелиски.
Maybe obelisks were a theme?	Может быть, обелиски были главной темой?
Soaring pyramids marking the Illuminati path?	Тянущиеся к небу пирамиды, указывающие Путь просвещения.
The more Vittoria thought about it, the more perfect it seemed... four towering beacons rising over Rome to mark the altars of science.	Чем больше Виттория думала об этом, тем более совершенной представлялась ей эта схема... Четыре возвышающихся над Римом маяка указывают на четыре алтаря науки.

"It's a long shot," Langdon said, "but I know that many of Rome's obelisks were erected or moved during Bernini's reign.	- Это может не иметь прямого отношения к нашим поискам, однако мне известно, что многие обелиски были воздвигнуты или перемещены в другое место именно во времена Бернини, - сказал Лэнгдон.
He was no doubt involved in their placement."	- Думаю, Бернини не мог не принимать участия в их размещении.
"Or," Vittoria added, "Bernini could have placed his markers near existing obelisks."	- Или, - вмешалась Виттория, - он разместил указатели рядом с уже имеющимися обелисками.
Langdon nodded. "True."	- Верно, - кивнул Лэнгдон.
"Bad news," the guard said.	- Скверная шутка, - сказал гвардеец.

"No obelisks on the line."	- Рядом с линией нет ни одного обелиска.
He traced his finger across the map. "None even remotely close. Nothing."	- Он провел пальцем по воображаемой линии и добавил: - Даже на некотором отдалении нет ничего подобного.
Langdon sighed.	Лэнгдон встретил эту информацию тяжелым вздохом.
Vittoria's shoulders slumped.	Виттория тоже сникла.
She'd thought it was a promising idea.	Ей эта идея казалась весьма многообещающей.
Apparently, this was not going to be as easy as they'd hoped.	Видимо, все будет гораздо сложнее, чем им представлялось вначале.

She tried to stay positive.	Но все же, стараясь мыслить позитивно, она сказала:
"Robert, think.	- Думайте, Роберт.
You must know of a Bernini statue relating to fire.	Постарайтесь вспомнить, какая из работ Бернини может иметь отношение к огню.
Anything at all."	В любой связи.
"Believe me, I've been thinking.	- Я уже думал об этом.
Bernini was incredibly prolific.	Бернини был невероятно плодовит.
Hundreds of works.	У него сотни работ.
I was hoping West Ponente would point to a single church.	Я очень надеялся, что West Ponente укажет нам на какую-то конкретную церковь.

Something that would ring a bell."	В таком случае я мог бы припомнить.
"Fu?co," she pressed.	- Fuoco, - не сдавалась Виттория.
"Fire.	- Огонь.
No Bernini titles jump out?"	Неужели это слово не ассоциируется у вас хоть с каким-нибудь творением Бернини?
Langdon shrugged. "There's his famous sketches of Fireworks, but they're not sculpture, and they're in Leipzig, Germany."	- Он создал знаменитые зарисовки фейерверка, -пожал плечами Лэнгдон, - но это не скульптура, и работа хранится в Германии, в Лейпциге.

Vittoria frowned. "And you're sure the breath is what indicates the direction?"	- А вы уверены, что ветер на втором указателе дует именно в этом направлении? - задумчиво спросила Виттория.
"You saw the relief, Vittoria.	- Вы видели барельеф собственными глазами.
The design was totally symmetrical.	Он абсолютно симметричен.
The only indication of bearing was the breath."	За исключением дыхания, естественно. И только оно может служить указателем направления.
Vittoria knew he was right.	Виттория знала, что Лэнгдон прав.

"Not to mention," he added, "because the West Ponente signifies Air, following the breath seems symbolically appropriate."	- Я уж не говорю о том, - продолжал ученый, - что West Ponente означает одну из стихий, а именно воздух. Поэтому вполне логично следовать в том направлении, которое указывает дыхание.
Vittoria nodded.	Виттория кивнула, соглашаясь.
So we follow the breath. But where?	Итак, нужно следовать в направлении дыхания, думала она, но куда именно?
Olivetti came over. "What have you got?"	- Ну и что у вас получается? - спросил, подойдя к ним, Оливетти.
"Too many churches," the soldier said.	- Слишком много церквей, - ответил гвардеец.

"Two dozen or so.	- Десятка два или даже больше.
I suppose we could put four men on each church-"	Думаю, если мы направим по четыре человека к каждой...
"Forget it," Olivetti said.	- Забудьте, - прервал его Оливетти.

"We missed this guy twice when we knew exactly where he was going to be.	- Мы дважды упустили этого парня, хотя точно знали, где он должен находиться.
A mass stakeout means leaving Vatican City unprotected and canceling the search."	Организовав массовый рейд, мы оставим Ватикан без охраны и будем вынуждены прекратить поиски антивещества.

"We need a reference book," Vittoria said. "An index of Bernini's work.	- Нам нужен справочник, - сказала Виттория, - с указателем всех работ Бернини.
If we can scan titles, maybe something will jump out."	Если удастся просмотреть названия, то вы, возможно, что-то и вспомните.
"I don't know," Langdon said.	- Не знаю, - ответил Лэнгдон.
"If it's a work Bernini created specifically for the Illuminati, it may be very obscure. It probably won't be listed in a book."	- Если работа создана специально для ордена "Иллюминати", то она скорее всего малоизвестна и в указателе ее может не быть.
Vittoria refused to believe it.	Виттория его сомнений не разделяла.

"The other two sculptures were fairly well known.	- Первые две скульптуры были достаточно известны.
You'd heard of them both."	Во всяком случае, вы слышали об обеих.
Langdon shrugged. "Yeah."	- Это верно... - протянул Лэнгдон.
"If we scan titles for references to the word 'fire,' maybe we'll find a statue that's listed as being in the right direction."	- Если мы просмотрим названия и наткнемся на слово "огонь", то, возможно, обнаружим статую, которая находится в нужном для нас направлении.
Langdon seemed convinced it was worth a shot. He turned to Olivetti.	Попытаться, во всяком случае, стоит, подумал Лэнгдон и, обращаясь к Оливетти, сказал:
"I need a list of all Bernini's work.	- Мне нужен перечень всех работ Бернини.

You guys probably don't have a coffee table Bernini book around here, do you?"	У вас, парни, случайно, не найдется здесь настольной книги о великом мастере?
"Coffee table book?"	- Настольной?
Olivetti seemed unfamiliar with the term.	- Оливетти, судя по его тону, очень удивился.
"Never mind.	- Не обращайте внимания...
Any list.	Мне нужен любой список.
How about the Vatican Museum?	Как насчет музея?
They must have Bernini references."	Там наверняка есть справочники по Бернини.

The guard with the scar frowned.	- Электричество во всех музеях отключено, - мрачно произнес гвардеец со шрамом.
"Power in the museum is out, and the records room is enormous.	- Кроме того, справочный зал очень велик.
Without the staff there to help- "	Без помощи персонала...
"The Bernini work in question," Olivetti interrupted. "Would it have been created while Bernini was employed here at the Vatican?"	- Скажите, - вмешался Оливетти, - указанная работа Бернини была создана, когда скульптор работал здесь, в Ватикане?
"Almost definitely," Langdon said.	- Почти наверняка, - ответил Лэнгдон.

"He was here almost his entire career.	- Он провел здесь почти всю свою творческую жизнь.
And certainly during the time period of the Galileo conflict."	А во время конфликта церкви с Галилеем уж точно находился в Ватикане.
Olivetti nodded. "Then there's another reference."	- В таком случае может существовать еще один справочник, - удовлетворенно кивнув, сказал Оливетти.
Vittoria felt a flicker of optimism. "Where?"	- Где? - с надеждой спросила Виттория, в которой снова проснулся оптимизм.
The commander did not reply.	Коммандер не ответил.

He took his guard aside and spoke in hushed tones.	Он отвел гвардейца в сторону и о чем-то заговорил с ним, понизив голос.
The guard seemed uncertain but nodded obediently.	Швейцарец, судя по его виду, был не очень уверен в успехе, но тем не менее утвердительно кивал.
When Olivetti was finished talking, the guard turned to Langdon.	Когда Оливетти замолчал, солдат повернулся к Лэнгдону и сказал:
"This way please, Mr. Langdon.	- Следуйте, пожалуйста, за мной, мистер Лэнгдон.
It's nine fifteen.	Сейчас девять пятнадцать.
We'll have to hurry."	Нам следует поторопиться.

Langdon and the guard headed for the door.	Лэнгдон и швейцарец двинулись к дверям.
Vittoria started after them. "I'll help."	- Я помогу! - рванулась следом за ними Виттория.
Olivetti caught her by the arm.	Оливетти поймал ее за руку и сказал:
"No, Ms. Vetra.	- Нет, мисс Ветра.
I need a word with you."	Мне необходимо с вами кое-что обсудить.
His grasp was authoritative.	Произнесены эти слова были весьма внушительно, а хватка оказалась очень крепкой.
Langdon and the guard left.	Лэнгдон и гвардеец ушли.

Olivetti's face was wooden as he took Vittoria aside.	Оливетти с каменным выражением лица отвел Витторию в сторону.
But whatever it was Olivetti had intended to say to her, he never got the chance.	Но девушка так и не узнала, что он хотел ей сказать. Командер просто не получил возможности это сделать.
His walkie talkie crackled loudly.	Его портативная рация громко прохрипела:
"Commandante?"	- Коммандante?
Everyone in the room turned.	Все повернулись к Оливетти.
The voice on the transmitter was grim. "I think you better turn on the television."	- Думаю, вам стоит включить телевизор, -прозвучал в крошечном динамике мрачный голос.

80	Глава 80
When Langdon had left the Vatican Secret Archives only two hours ago, he had never imagined he would see them again.	Когда два часа назад Лэнгдон выходил из секретных архивов Ватикана, он и мечтать не мог о том, что когда-нибудь туда вернется.

Now, winded from having jogged the entire way with his Swiss Guard escort, Langdon found himself back at the archives once again.	Однако, пробежав рысцой вместе с гвардейцем весь путь, он, слегка задыхаясь, вошел в уже знакомое здание.
His escort, the guard with the scar, now led Langdon through the rows of translucent cubicles.	Солдат со шрамом на лице провел его мимо прозрачных кубов хранилищ.

The silence of the archives felt somehow more forbidding now, and Langdon was thankful when the guard broke it.	Тишина архива на сей раз действовала на Лэнгдона угнетающе, и он был очень благодарен швейцарцу, когда тот нарушил молчание.
"Over here, I think," he said, escorting Langdon to the back of the chamber where a series of smaller vaults lined the wall.	- Мне кажется, сюда, - сказал гвардеец, приглашая Лэнгдона пройти в конец зала, где вдоль стены размещались стеклянные кубы, но только меньшего размера.
The guard scanned the titles on the vaults and motioned to one of them.	Швейцарец обежал взглядом надписи на хранилищах и указал на одно из них.
"Yes, here it is.	- Да, это как раз то, что нам надо.

Right where the commander said it would be."	Коммандер сказал, что интересующие вас сведения вы, возможно, найдете здесь.
Langdon read the title. Attivi Vaticani.	Лэнгдон прочитал надпись. ATTIVI VATICANI.
Vatican assets?	Имущество Ватикана?
He scanned the list of contents.	Он просмотрел рубрикатор.
Real estate... currency... Vatican Bank... antiquities... The list went on.	Недвижимость... Валюта... Банк Ватикана... Антиквариат... Список казался бесконечным.
"Paperwork of all Vatican assets," the guard said.	- Полный перечень всей собственности, - сказал швейцарец.
Langdon looked at the cubicle. Jesus.	Боже!

Even in the dark, he could tell it was packed.	Несмотря на полумрак, Лэнгдон видел, что хранилище забито до отказа.
"My commander said that whatever Bernini created while under Vatican patronage would be listed here as an asset."	- Коммандер сказал, что все созданное Бернини под патронажем Ватикана внесено в соответствующие перечни активов.
Langdon nodded, realizing the commander's instincts just might pay off.	Лэнгдон кивнул, осознав, что предположения Оливетти могут действительно оказаться верными.
In Bernini's day, everything an artist created while under the patronage of the Pope became, by law, property of the Vatican.	В то время, когда творил Бернини, все, что он сделал под покровительством папы, становилось по закону собственностью Святого престола.

It was more like feudalism than patronage, but top artists lived well and seldom complained.	Правда, Это было не покровительство, а скорее феодализм, но крупные мастера тогда жили неплохо и жаловались крайне редко.
"Including works placed in churches outside Vatican City?"	- Включая те работы, которые находятся вне Ватикана?
The soldier gave him an odd look.	Солдат бросил на него удивленный взгляд и сказал:
"Of course.	- Естественно.

All Catholic churches in Rome are property of the Vatican."	Все католические храмы Рима являются собственностью Ватикана.
Langdon looked at the list in his hand.	Лэнгдон посмотрел на список, который держал в руках.

It contained the names of the twenty or so churches that were located on a direct line with West Ponente's breath.	В нем значилось примерно двадцать церквей, стоящих вдоль линии, берущей начало у West Ponente.
The third altar of science was one of them, and Langdon hoped he had time to figure out which it was.	Третий алтарь науки находился в одной из них, и Лэнгдон надеялся, что ему хватит времени определить, в какой именно.
Under other circumstances, he would gladly have explored each church in person.	В иных обстоятельствах он с удовольствием лично обследовал бы все эти храмы один за другим.

Today, however, he had about twenty minutes to find what he was looking for-the one church containing a Bernini tribute to fire.	Однако сегодня ему было отпущено всего двадцать минут, чтобы найти ту единственную церковь, в которой находится работа Бернини, имеющая какое-либо отношение к огню.
Langdon walked to the vault's electronic revolving door. The guard did not follow.	Лэнгдон подошел к вращающимся, контролируемым электроникой дверям хранилища, а швейцарец остался стоять на месте.
Langdon sensed an uncertain hesitation. He smiled.	Ощутив какую-то странную неуверенность, американец произнес с улыбкой:
"The air's fine.	- С воздухом все в порядке.
Thin, but breathable."	Дышать можно, хотя кислорода и маловато.

"My orders are to escort you here and then return immediately to the security center."	- Мне приказано сопроводить вас до этого места, а затем немедленно вернуться в штабную комнату.
"You're leaving?"	- Значит, вы меня покидаете?
"Yes.	- Да, синьор.
The Swiss Guard are not allowed inside the archives.	Швейцарские гвардейцы в архив не допускаются.
I am breaching protocol by escorting you this far.	Проводив вас до этого места, я уже нарушил протокол.
The commander reminded me of that."	Коммандер не преминул мне об этом напомнить.
"Breaching protocol?"	- Нарушили протокол?

Do you have any idea what is going on here tonight?	- Неужели этот человек не понимает, что происходит?
"Whose side is your damn commander on!"	- На чьей стороне ваш коммандер, черт бы его побрал?!
All friendliness disappeared from the guard's face. The scar under his eye twitched. The guard stared, looking suddenly a lot like Olivetti himself.	Выражение дружелюбия мгновенно исчезло с лица гвардейца, шрам под глазом начал нервно подергиваться, а взгляд напомнил взгляд самого Оливетти.
"I apologize," Langdon said, regretting the comment.	- Прошу прощения, - сказал Лэнгдон, сожалея о сказанном.

"It's just... I could use some help."	- Это всего лишь... Я просто очень нуждаюсь в помощи.

The guard did not blink.	Гвардеец остался непоколебим.
"I am trained to follow orders. Not debate them.	- Я обучен следовать приказам, а не обсуждать их.
When you find what you are looking for, contact the commander immediately."	Когда вы обнаружите то, что ищете, немедленно свяжитесь с командером.
Langdon was flustered. "But where will he be?"	- Но как же я его найду? - разволновался Лэнгдон.
The guard removed his walkie talkie and set it on a nearby table.	Швейцарец молча снял с пояса и положил на ближайший столик портативную рацию.
"Channel one." Then he disappeared into the dark.	- Первый канал, - бросил он и растворился в темноте.

81	Глава 81
The television in the Office of the Pope was an oversized Hitachi hidden in a recessed cabinet opposite his desk.	Телевизор скрывался в специальном шкафу, стоящем прямо напротив письменного стола понтифика. Это был самый современный "Хитачи" с огромным экраном.
The doors to the cabinet were now open, and everyone gathered around.	После того как его включили, все столпились вокруг.
Vittoria moved in close.	Виттория тоже подошла поближе.

As the screen warmed up, a young female reporter came into view. She was a doe eyed brunette.	Некоторое время, как и положено, экран оставался темным, а затем на нем возникла ведущая - молодая брюнетка с красивыми глазами.
"For MSNBC news," she announced, "this is Kelly Horan Jones, live from Vatican City."	- Я Келли Хорн-Джонс из Эн-би-си, передача ведется прямо из Ватикана.
The image behind her was a night shot of St. Peter's Basilica with all its lights blazing.	За ее спиной возникла площадь Святого Петра.
"You're not live," Rocher snapped.	- Она врет! - выпалил Рошер.
"That's stock footage!	- Нам подсовывают картинки из архива.

The lights in the basilica are out."	Освещение в соборе в данный момент отключено.
Olivetti silenced him with a hiss.	Оливетти остановил разоблачителя сердитым шипением.
The reporter continued, sounding tense. "Shocking developments in the Vatican elections this evening.	- В ходе выборов папы произошли шокирующие события.
We have reports that two members of the College of Cardinals have been brutally murdered in Rome."	- В голосе брюнетки зазвучали тревожные нотки.- Нам только что сообщили, что два члена коллегии кардиналов были сегодня зверски убиты.

Olivetti swore under his breath.	Оливетти едва слышно выругался.
As the reporter continued, a guard appeared at the door, breathless.	В этот миг в кабинет ворвался какой-то гвардеец.

"Commander, the central switchboard reports every line lit.	- Коммандер, - задыхаясь, выдавил он, - с центрального коммутатора сообщают, что телефоны просто взбесились.
They're requesting our official position on-"	Все хотят узнать официальную позицию Ватикана...
"Disconnect it," Olivetti said, never taking his eyes from the TV.	- Немедленно отключить телефонную связь! -приказал Оливетти, не отрывая глаз от экрана, с которого продолжала вещать телеведущая.

The guard looked uncertain. "But, commander-"	- Но, синьор... - неуверенно произнес гвардеец.
"Go!"	- Выполняйте!
The guard ran off.	Гвардеец убежал.
Vittoria sensed the camerlegno had wanted to say something but had stopped himself.	Виттории казалось, что камерарий хочет что-то сказать, но сдерживается.
Instead, the man stared long and hard at Olivetti before turning back to the television.	Клирик долго и мрачно смотрел на Оливетти, а затем вновь обратил взгляд на экран.
MSNBC was now running tape.	Эн-би-си теперь демонстрировала видеоматериал.

The Swiss Guards carried the body of Cardinal Ebner down the stairs outside Santa Maria del Popolo and lifted him into an Alpha Romeo.	Швейцарцы вынесли тело кардинала Эбнера из церкви Санта-Мария дель Пополо и погрузили его в багажник "альфа-ромео".
The tape froze and zoomed in as the cardinal's naked body became visible just before they deposited him in the trunk of the car.	Затем последовал стоп-кадр, на котором крупным планом показалось обнаженное тело. Оно было видно лишь те несколько секунд, когда его клали в багажник.
"Who the hell shot this footage?" Olivetti demanded.	- Какой мерзавец все это снимал?! - выкрикнул Оливетти.
The MSNBC reporter kept talking.	Ведущая Эн-би-си продолжала рассказ:

"This is believed to be the body of Cardinal Ebner of Frankfurt, Germany. The men removing his body from the church are believed to be Vatican Swiss Guard."	- Как полагают наши эксперты, это тело кардинала Эбнера из Франкфурта, а люди, которые выносят его из церкви, судя по всему, швейцарские гвардейцы Ватикана.
The reporter looked like she was making every effort to appear appropriately moved.	Девица всем своим видом пыталась выразить охватившую ее печаль.
They closed in on her face, and she became even more somber.	Оператор дал ее лицо крупным планом, и ведущая загрустила еще сильнее.

"At this time, MSNBC would like to issue our viewers a discretionary warning. The images we are about to show are exceptionally vivid and may not be suitable for all audiences."	- В данный момент Эн-би-си хочет предупредить зрителей, что кадры, которые они сейчас увидят, настолько страшны и выразительны, что не все смогут их выдержать. Мы просим отойти от телевизоров детей и людей со слабой психикой.
Vittoria grunted at the station's feigned concern for viewer sensibility, recognizing the warning as exactly what it was-the ultimate media "teaser line."	Виттория фыркнула, настолько ее рассмешила забота телекомпании о своих зрителях. Она прекрасно знала, что такое предупреждение у телевизионщиков называется дразнилкой.

Nobody ever changed channels after a promise like that.	Она не слышала, чтобы кто-нибудь уходил или переключал канал, услышав подобные слова.

The reporter drove it home. "Again, this footage may be shocking to some viewers."	- Повторяю, - сказала ведущая, - следующие кадры могут показаться некоторым зрителям шокирующими.
"What footage?" Olivetti demanded.	- Какие еще кадры? - спросил Оливетти, обращаясь к экрану.
"You just showed-"	- Ведь вы только что показали...
The shot that filled the screen was of a couple in St. Peter's Square, moving through the crowd.	На экране возникла пробирающаяся в толпе по площади Святого Петра парочка.

Vittoria instantly recognized the two people as Robert and herself.	Виттория мгновенно узнала в этих людях Роберта и себя.
In the corner of the screen was a text overlay: Courtesy of the BBC.	В самом углу изображения видна была надпись мелким шрифтом: "Материал предоставлен компанией Би-би-си".
A bell was tolling.	Сокращение Би-би-си ей о чем-то говорило.
"Oh, no," Vittoria said aloud.	- О Боже, - прошептала она.
"Oh... no."	- Только не это...
The camerlegno looked confused. He turned to Olivetti.	Камерарий недоуменно посмотрел на Оливетти и сказал:

"I thought you said you confiscated this tape!"	- Вы, кажется, сообщили, что пленку удалось изъять. Или это мне показалось?
Suddenly, on television, a child was screaming. The image panned to find a little girl pointing at what appeared to be a bloody homeless man.	Тут раздался пронзительный крик ребенка, затем на экране появилась крошечная девчушка, тычущая пальчиком в сторону человека, больше всего похожего на залитого кровью бродягу.
Robert Langdon entered abruptly into the frame, trying to help the little girl.	В кадре неожиданно возник Роберт Лэнгдон и попытался успокоить плачущую девочку.

The shot tightened. Everyone in the Pope's office stared in horrified silence as the drama unfolded before them.	Все, кто находился в кабинете папы, затаив дыхание, следили за разворачивающейся на их глазах драмой.
The cardinal's body fell face first onto the pavement.	Кардинал (они-то знали, что это кардинал) упал. Упал, уткнувшись лицом в камни мостовой.
Vittoria appeared and called orders.	Появилась Виттория и призвала всех к порядку.
There was blood. A brand.	В кадре видна была лужа крови, следом за ней показали клеймо.
A ghastly, failed attempt to administer CPR.	Затем камера сосредоточилась на отчаянных попытках Виттории сделать искусственное дыхание методом "изо рта в рот".

"This astonishing footage," the reporter was saying, "was shot only minutes ago outside the Vatican.	- Эта разрывающая сердце сцена была снята всего несколько минут назад на площади Святого Петра, за стенами Ватикана.
Our sources tell us this is the body of Cardinal Lamass? from France.	Достоверные источники сообщают, что это тело кардинала Ламассэ из Франции.
How he came to be dressed this way and why he was not in conclave remain a mystery.	Почему он так одет и по какой причине оказался не на конклаве, остается для всех тайной.

So far, the Vatican has refused to comment."	Ватикан пока отказывается от каких-либо комментариев.

The tape began to roll again.	Пленка опять пошла с самого начала.
"Refused comment?" Rocher said.	- Отказывается от комментариев? - возмутился Рошер.
"Give us a damn minute!"	- Да нам и минуты для этого не дали!
The reporter was still talking, her eyebrows furrowing with intensity.	Девица тем временем продолжала вещать, а сцена смерти кардинала служила ей фоном.

"Although MSNBC has yet to confirm a motive for the attack, our sources tell us that responsibility for the murders has been claimed by a group calling themselves the Illuminati."	- Эн-би-си не может с достоверностью назвать мотивы этих убийств, наши источники сообщают, что ответственность за них взяла на себя группа, называющаяся "Иллюминати".
Olivetti exploded. "What!"	- Что?! - взорвался Оливетти.
"... find out more about the Illuminati by visiting our website at-"	- ...узнать подробности об этой организации вы можете, посетив наш сайт по адресу...
"Non ? posibile!" Olivetti declared.	- Non e posibile! - взревел Оливетти и повторил: -Это невозможно!!!

He switched channels.	- Выразив таким образом свое отношение к сообщению, он переключил телевизор на другой канал.
This station had a Hispanic male reporter. "-a satanic cult known as the Illuminati, who some historians believe-"	На этом канале передачу вел мужчина латиноамериканского типа. - ...культ сатанистов, известных под названием "Иллюминати", по мнению некоторых историков...
Olivetti began pressing the remote wildly.	Оливетти принялся поочередно нажимать кнопки пульта дистанционного управления.
Every channel was in the middle of a live update. Most were in English.	Все каналы вели прямые трансляции, многие шли на английском языке.

"-Swiss Guards removing a body from a church earlier this evening.	- ...несколько ранее этим же вечером швейцарские гвардейцы извлекли из церкви тело.
The body is believed to be that of Cardinal- "	Как считают, это был труп кардинала...
"-lights in the basilica and museums are extinguished leaving speculation-"	- ...свет в базилике и музеях погашен, что оставляет место для всякого рода спекуляций...
"-will be speaking with conspiracy theorist Tyler Tingley, about this shocking resurgence-"	- ...мы беседуем со специалистом по теории заговоров Тайлером Тингли о шокирующем возрождении...

"-rumors of two more assassinations planned for later this evening-"	- ...ходят слухи, что этим вечером произойдут еще два убийства...
"-questioning now whether papal hopeful Cardinal Baggia is among the missing-"	- ...возникает вопрос, не находится ли среди похищенных основной претендент на папский престол кардинал Баджиа...
Vittoria turned away.	Виттория отвернулась от экрана.
Everything was happening so fast.	События развивались с немыслимой скоростью.

Outside the window, in the settling dark, the raw magnetism of human tragedy seemed to be sucking people toward Vatican City.	За окном становилось совсем темно, а человеческая трагедия словно магнит притягивала на площадь все новых и новых зевак.
The crowd in the square thickened almost by the instant.	Людская толпа под окнами папского дворца разрасталась чуть ли не с каждой секундой.
Pedestrians streamed toward them while a new batch of media personnel unloaded vans and staked their claim in St. Peter's Square.	В нее непрерывно вливались потоки пешеходов, а журналисты поспешно выгружались из мини-автобусов, чтобы успеть занять на площади лучшие места.
Olivetti set down the remote control and turned to the camerlegno.	Оливетти отложил пульт дистанционного управления и, обращаясь к камерарию, произнес:

"Signore, I cannot imagine how this could happen.	- Не могу представить, синьор, как такое могло произойти.
We took the tape that was in that camera!"	Ведь мы действительно изъяли кассету из камеры.
The camerlegno looked momentarily too stunned to speak.	Камерарий был слишком потрясен, чтобы говорить.
Nobody said a word.	Никто не проронил ни слова.
The Swiss Guards stood rigid at attention.	Швейцарские гвардейцы замерли по стойке "смирно".

"It appears," the camerlegno said finally, sounding too devastated to be angry, "that we have not contained this crisis as well as I was led to believe."	- Создается впечатление, - наконец произнес камерарий (он был настолько опустошен, что даже не мог сердиться), - что нам не удалось сдержать развитие кризиса. На что, по правде говоря, я очень рассчитывал.
He looked out the window at the gathering masses. "I need to make an address."	- Клирик посмотрел на толпу людей за окном и добавил: - Я должен выступить с обращением.
Olivetti shook his head. "No, signore.	- Ни в коем случае, синьор, - покачал головой Оливетти.

That is exactly what the Illuminati want you to do-confirm them, empower them.	- Это именно то, чего ждут от вас иллюминаты. Официально подтвердив их существование, вы придадите им новые силы.
We must remain silent."	Нам следует молчать.
"And these people?" The camerlegno pointed out the window.	- А как быть с этими людьми? - спросил камерарий, показывая на площадь.
"There will be tens of thousands shortly. Then hundreds of thousands.	- Очень скоро здесь соберутся десятки, а затем и сотни тысяч.
Continuing this charade only puts them in danger. I need to warn them.	Они могут оказаться в опасности, и я обязан их предупредить.

Then we need to evacuate our College of Cardinals."	Помимо этого, следует эвакуировать коллегию кардиналов.
"There is still time.	- У нас еще есть время.
Let Captain Rocher find the antimatter."	Кроме того, капитан Рошер найдет антивещество; я в этом не сомневаюсь.

The camerlegno turned. "Are you attempting to give me an order?"	- У меня создается впечатление, что вы начинаете мне приказывать! - резко повернувшись к Оливетти, бросил камерарий.
"No, I am giving you advice.	- Ничего подобного, синьор, я всего лишь даю вам совет.

If you are concerned about the people outside, we can announce a gas leak and clear the area, but admitting we are hostage is dangerous."	Если вас беспокоит судьба людей на площади, мы можем объявить об утечке газа и очистить территорию. Заявлять же о том, что мы стали чьими-то заложниками, просто опасно.
"Commander, I will only say this once. I will not use this office as a pulpit to lie to the world.	- Коммандер, я хочу, чтобы вы, да и все остальные поняли раз и навсегда - я никогда не использую этот кабинет для того, чтобы лгать миру.
If I announce anything at all, it will be the truth."	Если я решу что-то заявить, то в моих словах будет только правда.
"The truth?	- Правда?

That Vatican City is threatened to be destroyed by satanic terrorists?	Правда о том, что сатанисты угрожают уничтожить Ватикан?
It only weakens our position."	Такая правда лишь ослабит наши позиции.
The camerlegno glared. "How much weaker could our position be?"	- И насколько, по-вашему, они ухудшатся по сравнению с тем, что мы уже имеем? - обжигая офицера взглядом, спросил клирик.
Rocher shouted suddenly, grabbing the remote and increasing the volume on the television.	Рошер неожиданно вскрикнул и, схватив пульт дистанционного управления, прибавил звук.
Everyone turned.	Все взоры обратились на экран.

On air, the woman from MSNBC now looked genuinely unnerved.	Ведущая Эн-би-си, судя по ее виду, разволновалась по-настоящему.
Superimposed beside her was a photo of the late Pope. "... breaking information.	Рядом с ней на экране была фотография покойного папы. - ...экстренное сообщение.
This just in from the BBC..." She glanced off camera as if to confirm she was really supposed to make this announcement.	Его источником является Би-би-си. - Она взглянула мимо камеры, как бы ожидая команды продолжать.
Apparently getting confirmation, she turned and grimly faced the viewers.	Видимо, получив ее, она мрачно посмотрела в камеру.
"The Illuminati have just claimed responsibility for..." She hesitated.	- Сообщество "Иллюминати" только что взяло на себя ответственность...

"They have claimed responsibility for the death of the Pope fifteen days ago."	- Немного помявшись, она повторила: -Иллюминаты взяли на себя ответственность за смерть папы имевшую место пятнадцать дней назад.
The camerlegno's jaw fell.	У камерария от неожиданности отвисла челюсть.
Rocher dropped the remote control. Vittoria could barely process the information.	До Виттории смысл услышанного дошел не сразу.

"By Vatican law," the woman continued, "no formal autopsy is ever performed on a Pope, so the Illuminati claim of murder cannot be confirmed.	- Согласно традициям Ватикана, - продолжала ведущая, - вскрытие покойного папы не производится, поэтому нет никакой возможности подтвердить или опровергнуть заявление иллюминатов.
Nonetheless, the Illuminati hold that the cause of the late Pope's death was not a stroke as the Vatican reported, but poisoning."	Тем не менее представители братства "Иллюминати" утверждают, что причиной смерти папы был не инсульт, а яд.
The room went totally silent again.	В комнате повисла гробовая тишина.
Olivetti erupted.	Первым не выдержал Оливетти.
"Madness!	- Безумие!

A bold faced lie!"	Наглая ложь! - взорвался коммандер.
Rocher began flipping channels again.	Рошер принялся переключать каналы.
The bulletin seemed to spread like a plague from station to station.	Экстренное сообщение, подобно эпидемии чумы, передавалось от станции к станции.
Everyone had the same story. Headlines competed for optimal sensationalism.	Все долдонили одно и то же, различались лишь заголовки, соревнующиеся в сенсационности подачи материала:
Murder at the Vatican Pope Poisoned Satan Touches House of God	УБИЙСТВО В ВАТИКАНЕ ПАПА ПАЛ ЖЕРТВОЙ ОТРАВЛЕНИЯ САТАНА ОСКВЕРНЯЕТ ДОМ БОГА

The camerlegno looked away. "God help us."	- Да поможет нам Бог, - глядя в сторону, прошептал камерарий.
As Rocher flipped, he passed a BBC station. "-tipped me off about the killing at Santa Maria de Popolo-"	Рошер на мгновение задержался на Би-би-си: -...сообщил мне об убийстве в церкви Санта-Мария дель Пополо... - и переключил на другой канал.
"Wait!" the camerlegno said.	- Стоп, - сказал камерарий.
"Back."	- Назад...
Rocher went back.	Рошер вернулся назад.

On screen, a prim looking man sat at a BBC news desk. Superimposed over his shoulder was a still snapshot of an odd looking man with a red beard.	На экране возник ведущий новостей Би-би-си, рядом с ним находилась фотография довольно странного молодого человека с рыжей бородкой.
Underneath his photo, it said:	Подпись под снимком гласила:
Gunther Glick-Live in Vatican City	ГЮНТЕР ГЛИК, ПРЯМО ИЗ ВАТИКАНА.
Reporter Glick was apparently reporting by phone, the connection scratchy. "... my videographer got the footage of the cardinal being removed from the Chigi Chapel."	Глик, видимо, вел репортаж по телефону, и слышимость была довольно скверной. - ...мой оператор сумел снять вынос тела кардинала из капеллы Киджи.

"Let me reiterate for our viewers," the anchorman in London was saying, "BBC reporter Gunther Glick is the man who first broke this story.	- Хочу напомнить нашим зрителям, - произнес ведущий, - что репортер Би-би-си Гюнтер Глик был первым, кто сообщил эту сенсационную новость.

He has been in phone contact twice now with the alleged Illuminati assassin.	Он дважды вступал в телефонный контакт с предполагаемым убийцей, направленным иллюминатами.
Gunther, you say the assassin phoned only moments ago to pass along a message from the Illuminati?"	Гюнтер, вы сказали, что убийца несколько минут назад позвонил вам и передал послание братства "Иллюминати"?
"He did."	- Да, это так.

"And their message was that the Illuminati were somehow responsible for the Pope's death?"	- И в этом послании говорится, что иллюминаты каким-то образом несут ответственность за смерть папы?
The anchorman sounded incredulous. "Correct.	- Совершенно верно.
The caller told me that the Pope's death was not a stroke, as the Vatican had thought, but rather that the Pope had been poisoned by the Illuminati."	Звонивший сказал, что причиной смерти понтифика был вовсе не удар. Папа был отравлен иллюминатами.
Everyone in the Pope's office froze.	Все находящиеся в кабинете окаменели.
"Poisoned?" the anchorman demanded.	- Отравлен? - удивился ведущий.

"But... but how!"	- Но... но каким образом?
"They gave no specifics," Glick replied, "except to say that they killed him with a drug known as..."-there was a rustling of papers on the line-"something known as Heparin."	- Подробностей они не сообщают, - ответил Г лик,- но говорят, что умертвили его с помощью лекарства, известного как... - послышался шорох бумаги, - как гепарин.
The camerlegno, Olivetti, and Rocher all exchanged confused looks.	Камерарий, Оливетти и Рошер обменялись смущенными взглядами.
"Heparin?" Rocher demanded, looking unnerved.	- Гепарин? - переспросил Рошер - он был явно взволнован.
"But isn't that...?"	- Но ведь это же...

The camerlegno blanched. "The Pope's medication."	- Лекарство, которое давали папе, - побелевшими губами прошептал камерарий.
Vittoria was stunned. "The Pope was on Heparin?"	- Папа принимал гепарин? - спросила потрясенная Виттория.
"He had thrombophlebitis," the camerlegno said. "He took an injection once a day."	- Он страдал от тромбофлебита, - ответил камерарий, - и раз в день ему делали инъекцию.
Rocher looked flabbergasted. "But Heparin isn't a poison. Why would the Illuminati claim-"	Почему иллюминаты заявляют...
"Heparin is lethal in the wrong dosages," Vittoria offered.	- В больших дозах гепарин смертелен, - вмешалась Виттория.

"It's a powerful anticoagulant.	- Это мощный препарат, препятствующий свертыванию крови.
An overdose would cause massive internal bleeding and brain hemorrhages."	Его передозировка вызывает массивное внутреннее кровоизлияние и кровоизлияние в мозг.
Olivetti eyed her suspiciously. "How would you know that?"	- Откуда вам все это известно? - удивленно подняв брови, спросил Оливетти.

"Marine biologists use it on sea mammals in captivity to prevent blood clotting from decreased activity.	- Биологи используют его при изучении морских млекопитающих, чтобы воспрепятствовать появлению тромбов в результате снижения активности животных.

Animals have died from improper administration of the drug."	В тех случаях, когда препарат применялся неправильно, животные погибали.
She paused. "A Heparin overdose in a human would cause symptoms easily mistaken for a stroke... especially in the absence of a proper autopsy."	- Выдержав короткую паузу, девушка продолжила: - У людей передозировка гепарина вызывает симптомы, схожие с теми, которые бывают при инсульте... без вскрытия их очень трудно различить.
The camerlegno now looked deeply troubled.	Камерарий казался крайне обеспокоенным.
"Signore," Olivetti said, "this is obviously an Illuminati ploy for publicity.	- Синьор, - сказал Оливетти, - нет сомнения, что мы имеем дело с очередным рекламным трюком иллюминатов.

Someone overdosing the Pope would be impossible.	Передозировка лекарства в случае с папой просто невозможна.
Nobody had access.	К нему не было доступа.
And even if we take the bait and try to refute their claim, how could we?	Но даже если проглотить наживку и выступить с опровержением, нам все равно не удастся опровергнуть заявление негодяев.
Papal law prohibits autopsy.	Законы Ватикана запрещают вскрытие усопших понтификов.
Even with an autopsy, we would learn nothing. We would find traces of Heparin in his body from his daily injections."	И даже в том случае, если мы решимся на нарушение этого правила, то все равно обнаружим следы гепарина от ежедневных инъекций.
"True."	- Верно!

The camerlegno's voice sharpened.	- Голос камерария звучал решительно и резко.
"And yet something else troubles me.	- Но меня беспокоит даже не это.
No one on the outside knew His Holiness was taking this medication."	Никто за стенами Ватикана не знал, что его святейшество принимает это лекарство.
There was a silence.	Все умолкли, обдумывая возможный смысл услышанного.
"If he overdosed with Heparin," Vittoria said, "his body would show signs."	- Если имела место передозировка гепарина, -первой нарушила молчание Виттория, - то признаки этого в теле можно обнаружить.

Olivetti spun toward her. "Ms. Vetra, in case you didn't hear me, papal autopsies are prohibited by Vatican Law.	- Мисс Ветра, - бросил, повернувшись к ней Оливетти, - повторяю, если вы пропустили это мимо ушей: законы Ватикана запрещают вскрытие усопшего понтифика.
We are not about to defile His Holiness's body by cutting him open just because an enemy makes a taunting claim!"	Мы не намерены осквернять тело его святейшества только потому, что враг сделал это возмутительное заявление.

Vittoria felt shamed. "I was not implying..." She had not meant to seem disrespectful.	- Я вовсе не предлагаю... - смущенно произнесла Виттория, которая отнюдь не желала проявить неуважение к телу покойного папы.

"I certainly was not suggesting you exhume the Pope..." She hesitated, though.	- Я вовсе не предлагаю, чтобы вы эксгумировали тело...
Something Robert told her in the Chigi passed like a ghost through her mind.	- Она умолкла, и в ее памяти вдруг всплыли слова, сказанные Лэнгдоном в капелле Киджи.
He had mentioned that papal sarcophagi were above ground and never cemented shut, a throwback to the days of the pharaohs when sealing and burying a casket was believed to trap the deceased's soul inside.	Он тогда мимоходом заметил, что саркофаги, в которых покоятся останки пап, находятся на поверхности земли и никогда не цементируются. Этот обычай корнями уходит во времена фараонов, когда считалось, что захоронение гроба в землю навсегда заточает душу усопшего.

Gravity had become the mortar of choice, with coffin lids often weighing hundreds of pounds.	Вместо захоронения стали использовать тяжелые, иногда весящие сотни фунтов каменные крышки.
Technically, she realized, it would be possible to-	"Следовательно, технически возможно..." -подумала девушка.
"What sort of signs?" the camerlegno said suddenly.	- Какого рода признаки? - неожиданно спросил камерарий.
Vittoria felt her heart flutter with fear.	Виттория почувствовала, как ее сердце затрепетало от страха.
"Overdoses can cause bleeding of the oral mucosa."	Подавив волнение, она сказала: - Чрезмерно большая доза гепарина вызывает кровотечение слизистой оболочки рта.
"Oral what?"	- Чего, простите?

"The victim's gums would bleed.	- Десны жертвы начинают сильно кровоточить.
Post mortem, the blood congeals and turns the inside of the mouth black."	После смерти кровь запекается, и ротовая полость умершего чернеет.
Vittoria had once seen a photo taken at an aquarium in London where a pair of killer whales had been mistakenly overdosed by their trainer.	Виттория как-то видела фотографию, сделанную в лондонском аквариуме, после того как пара касаток в результате ошибки дрессировщика получила слишком большую дозу гепарина.
The whales floated lifeless in the tank, their mouths hanging open and their tongues black as soot.	Безжизненные тела касаток плавали на поверхности бассейна, их пасти были открыты, и из них вываливались черные как сажа языки.

The camerlegno made no reply. He turned and stared out the window.	Камерарий, не проронив ни слова, уставился в окно.
Rocher's voice had lost its optimism. "Signore, if this claim about poisoning is true..."	- Синьор, если заявление об отравлении окажется правдой... - начал Рошер, и в тоне капитана на сей раз полностью отсутствовал присущий ему оптимизм.
"It's not true," Olivetti declared.	- Это не может быть правдой, - перебил его Оливетти.
"Access to the Pope by an outsider is utterly impossible."	- Доступ посторонних к папе был полностью исключен.

"If this claim is true," Rocher repeated, "and our Holy Father was poisoned, then that has profound implications for our antimatter search.	- Если это заявление окажется правдой, - повторил Рошер, - и наш святой отец был отравлен, то это может серьезно осложнить ход поисков антивещества.
The alleged assassination implies a much deeper infiltration of Vatican City than we had imagined.	Убийство понтифика говорит о том, что враг проник в самое сердце Ватикана.
Searching the white zones may be inadequate.	В этом случае нельзя ограничиваться осмотром белых зон.

If we are compromised to such a deep extent, we may not find the canister in time."	Поскольку нашей системе безопасности нанесен такой сокрушительный удар, мы скорее всего не сможем обнаружить заряд вовремя.
Olivetti leveled his captain with a cold stare.	Оливетти одарил подчиненного ледяным взглядом и произнес:
"Captain, I will tell you what is going to happen."	- Капитан, если хотите, я могу сказать вам, что произойдет...
"No," the camerlegno said, turning suddenly.	- Нет, - неожиданно повернувшись, перебил камерарий.
"I will tell you what is going to happen."	- Это я скажу вам, что произойдет в ближайшее время.

He looked directly at Olivetti. "This has gone far enough.	- Клирик посмотрел в глаза Оливетти и продолжил: - Все зашло слишком далеко.
In twenty minutes I will be making a decision whether or not to cancel conclave and evacuate Vatican City.	Через двадцать минут я приму решение о том, приступать или не приступать к эвакуации Ватикана. Одновременно это будет решением о дальнейшей судьбе конклава.
My decision will be final.	Это окончательно.
Is that clear?"	Ясно?
Olivetti did not blink. Nor did he respond.	Оливетти даже бровью не повел, но ничего не ответил.

The camerlegno spoke forcefully now, as though tapping a hidden reserve of power.	Камерарий стал говорить напористо, так, словно открыл в себе новый источник энергии:
"Captain Rocher, you will complete your search of the white zones and report directly to me when you are finished."	- Капитан Рошер, завершайте осмотр белых зон. Об окончании немедленно доложите.
Rocher nodded, throwing Olivetti an uneasy glance.	Рошер кивнул и окинул Оливетти тяжелым взглядом.
The camerlegno then singled out two guards.	Камерарий подозвал к себе двух гвардейцев и сказал:

"I want the BBC reporter, Mr. Glick, in this office immediately.	- Я хочу, чтобы репортер Би-би-си Гюнтер Глик был немедленно доставлен в этот кабинет.
If the Illuminati have been communicating with him, he may be able to help us.	Если иллюминаты выходили с ним на связь, он сможет нам помочь.
Go."	Ступайте.
The two soldiers disappeared.	Солдаты скрылись за дверью.

Now the camerlegno turned and addressed the remaining guards.	Затем камерарий обратился ко всем задержавшимся в кабинете швейцарским гвардейцам.

"Gentlemen, I will not permit any more loss of life this evening.	- Господа, я не могу допустить новых жертв.
By ten o'clock you will locate the remaining two cardinals and capture the monster responsible for these murders.	К десяти часам вечера вы должны найти двух оставшихся кардиналов и захватить чудовище, ответственное за эти убийства.
Do I make myself understood?"	Вам все ясно?
"But, signore," Olivetti argued, "we have no idea where-"	- Но, синьор, - возразил Оливетти, - мы не имеем представления, где...
"Mr. Langdon is working on that.	- В этом направлении работает мистер Лэнгдон.
He seems capable. I have faith."	Он кажется мне человеком способным, и я верю в его успех.

With that, the camerlegno strode for the door, a new determination in his step. On his way out, he pointed to three guards.	С этими словами камерарий решительно направился к дверям, на ходу указав на трех гвардейцев.
"You three, come with me. Now."	- Вы, вы и вы пойдете со мной.
The guards followed.	Гвардейцы двинулись следом за ним.
In the doorway, the camerlegno stopped. He turned to Vittoria.	У самых дверей камерарий задержался и, повернувшись к Витто-рии, бросил:
"Ms. Vetra. You too.	- Мисс Ветра, вы тоже...

Please come with me." Vittoria hesitated. "Where are we going?" He headed out the door. "To see an old friend."	Прошу вас следовать за мной.
82	Глава 82
At CERN, secretary Sylvie Baudeloque was hungry, wishing she could go home.	Секретарша Сильвия Боделок проголодалась, и ей очень хотелось домой.
To her dismay, Kohler had apparently survived his trip to the infirmary; he had phoned and demanded-not asked, demanded-that Sylvie stay late this evening.	Однако, к ее огорчению, директор ЦЕРНа Колер, видимо, оправившись после визита в медицинский центр, позвонил ей и потребовал -не попросил, а именно потребовал, - чтобы она задержалась на работе.

No explanation.	Никаких объяснений, естественно, не последовало.
Over the years, Sylvie had programmed herself to ignore Kohler's bizarre mood swings and eccentricities-his silent treatments, his unnerving propensity to secretly film meetings with his wheelchair's porta video.	Сильвия уже давно научилась не обращать внимания на нелепые перепады в настроении шефа и его эксцентричные выходки. Она привыкла к его молчанию, и ее перестала трогать его раздражающая манера тайно смотреть фильмы на вмонтированном в инвалидное кресло видео.

She secretly hoped one day he would shoot himself during his weekly visit to CERN's recreational pistol range, but apparently he was a pretty good shot.	В душе Сильвия питала надежду, что во время одного из еженедельных посещений тира Колер случайно застрелится. Но босс, видимо, был неплохим стрелком.

Now, sitting alone at her desk, Sylvie heard her stomach growling.	И вот, сидя в одиночестве на своем рабочем месте, Сильвия Боделок прислушивалась к тому, как бурчит у нее в желудке.
Kohler had not yet returned, nor had he given her any additional work for the evening.	Колер еще не вернулся и при этом не удосужился дать ей какое-либо задание на вечер.

To hell with sitting here bored and starving, she decided. She left Kohler a note and headed for the staff dining commons to grab a quick bite.	"Какого дьявола я торчу здесь, погибая голодной смертью?" - подумала она и, оставив шефу записку, отправилась в закусочную для персонала, чтобы быстро подзаправиться.
She never made it.	Но добраться до вожделенной цели ей так и не удалось.

As she passed CERN's recreational "suites de loisir"-a long hallway of lounges with televisions-she noticed the rooms were overflowing with employees who had apparently abandoned dinner to watch the news.	Когда Сильвия проходила через зону отдыха ЦЕРНа - ряд комнат с мягкими креслами и телевизорами, - она обратила внимание на то, что все помещения забиты людьми. Сотрудники учреждения, видимо, пожертвовали ужином ради того, чтобы посмотреть новости.
Something big was going on. Sylvie entered the first suite. It was packed with byte heads-wild young computer programmers.	Решив, что произошло нечто весьма значительное, Сильвия зашла в ближайшую комнату, заполненную горластыми молодыми программистами, носившими коллективную кличку "байтоголовые".

When she saw the headlines on the TV, she gasped.	Увидев на экране телевизора заголовок, она в изумлении открыла рот.
Terror at the Vatican	ТЕРРОР В ВАТИКАНЕ
Sylvie listened to the report, unable to believe her ears.	Сильвия слушала сообщение и не верила своим ушам.
Some ancient brotherhood killing cardinals?	Неужели какое-то древнее сообщество действительно убивает кардиналов?
What did that prove?	Что это должно продемонстрировать?
Their hatred?	Ненависть?
Their dominance?	Стремление к господству?
Their ignorance?	Невежественность?

And yet, incredibly, the mood in this suite seemed anything but somber.	Но, как ни странно, настроение в комнате было отнюдь не похоронным.
Two young techies ran by waving T shirts that bore a picture of Bill Gates and the message:	Двое молодых техников размахивали футболками с изображением Билла Гейтса и многообещающим слоганом
And the Geekshall inherit the Earth!	"ДЕГЕНЕРАТ УНАСЛЕДУЕТ ЗЕМЛЮ!".
"Illuminati!" one shouted.	- Иллюминаты!!! - орал один из них.
"I told you these guys were real!" "Incredible! I thought it was just a game!"	- Я же говорил тебе что эти парни существуют!
"They killed the Pope, man!	- Они прикончили папу, старики!

The Pope!" "Jeez!	Самого папу! - вопил кто-то из "байтоголовых".

I wonder how many points you get for that?"	- Интересно, сколько очков можно получить за это в игре?
They ran off laughing.	Вопрос был встречен одобрительным хохотом.
Sylvie stood in stunned amazement.	Сильвия в немом недоумении наблюдала за этой вакханалией.

As a Catholic working among scientists, she occasionally endured the antireligious whisperings, but the party these kids seemed to be having was all out euphoria over the church's loss.	Добрая католичка, работавшая среди ученых, она время от времени слышала антирелигиозные высказывания, но тот восторг, который испытывали эти мальчишки от понесенной церковью невосполнимой потери, находился за пределами ее понимания.
How could they be so callous?	Как они могут так себя вести?
Why the hatred?	Откуда эта ненависть?

For Sylvie, the church had always been an innocuous entity... a place of fellowship and introspection... sometimes just a place to sing out loud without people staring at her.	Сильвии церковь всегда казалась безобидным местом... местом единения и самопознания... Ей нравилось, что там можно громко петь, без того чтобы люди пялились на тебя с изумлением.
The church recorded the benchmarks of her life-funerals, weddings, baptisms, holidays-and it asked for nothing in return.	В церкви отмечались все важные события ее жизни - похороны, крещения, бракосочетания, празднества, а церковь ничего не требовала от нее взамен.
Even the monetary dues were voluntary.	Даже денежные взносы оставались добровольными.

Her children emerged from Sunday School every week uplifted, filled with ideas about helping others and being kinder.	Ее дети всегда возвращались из воскресной школы одухотворенными, с желанием стать добрее и помогать ближним.
What could possibly be wrong with that?	Что же в этом плохого?
It never ceased to amaze her that so many of CERN's so called "brilliant minds" failed to comprehend the importance of the church.	Ее всегда изумляло, что так много "блестящих умов" ЦЕРНа отказывались понимать значение церкви.

Did they really believe quarks and mesons inspired the average human being?	Неужели они действительно верили в то, что их кварки и мезоны способны вселять высокие чувства в души простых людей?
Or that equations could replace someone's need for faith in the divine?	Или в то, что математические уравнения могут удовлетворить вечную потребность человека в вере?
Dazed, Sylvie moved down the hallway past the other lounges.	С кружащейся головой Сильвия, пошатываясь, брела по коридору мимо других комнат отдыха.
All the TV rooms were packed.	Везде толпились люди.
She began wondering now about the call Kohler had gotten from the Vatican earlier.	Она вспомнила о телефонном звонке Колеру из Ватикана.

Coincidence?	Простое совпадение?
Perhaps.	Скорее всего именно так.

The Vatican called CERN from time to time as a "courtesy" before issuing scathing statements condemning CERN's research-most recently for CERN's breakthroughs in nanotechnology, a field the church denounced because of its implications for genetic engineering. CERN never cared.	Время от времени Ватикан обращался в ЦЕРН с так называемыми звонками вежливости. Это обычно случалось перед тем, как церковь выступала с осуждением научных программ ЦЕРНа. Совсем недавно резкой критике со стороны церкви подвергся прорыв в одной из областей знания, имеющий важные последствия для развития генной инженерии. ЦЕРН никогда не обращал внимания на вопли церковников.

Invariably, within minutes after a Vatican salvo, Kohler's phone would ring off the hook with tech investment companies wanting to license the new discovery.	В какой-то степени подобная реакция церкви радовала ученых, поскольку после массированных залпов Ватикана телефон директора надрывался от звонков президентов компаний, работающих в области высоких технологий.
"No such thing as bad press," Kohler would always say.	- Плохой прессы не существует, - любил говорить Колер.
Sylvie wondered if she should page Kohler, wherever the hell he was, and tell him to turn on the news.	Интересно, думала Сильвия, не стоит ли кинуть сообщение на пейджер босса, где бы тот ни находился, и порекомендовать ему посмотреть новости?
Did he care?	Но насколько это ему интересно?

Had he heard?	Может быть, он об этом уже слышал?
Of course, he'd heard. He was probably videotaping the entire report with his freaky little camcorder, smiling for the first time in a year.	Ну естественно, слышал и сейчас, видимо, записывает сообщение на портативный видеомагнитофон, улыбаясь первый раз за год.
As Sylvie continued down the hall, she finally found a lounge where the mood was subdued... almost melancholy.	Двигаясь по коридору, Сильвия наконец добрела до комнаты, в которой царило сдержанное настроение... почти меланхоличное.
Here the scientists watching the report were some of CERN's oldest and most respected.	Здесь смотрели новости наиболее пожилые и самые уважаемые ученые.

They did not even look up as Sylvie slipped in and took a seat.	Они даже не взглянули на Сильвию, когда таскользнула в помещение и опустилась в кресло.***
On the other side of CERN, in Leonardo Vetra's frigid apartment, Maximilian Kohler had finished reading the leather bound journal he'd taken from Vetra's bedside table. Now he was watching the television reports.	А в другом конце ЦЕРНа, в промерзшей насквозь квартире Леонардо Ветра, Максимилиан Колер, закончив чтение переплетенного в кожу рабочего журнала, взятого им в спальне погибшего ученого, смотрел по телевизору новости.
After a few minutes, he replaced Vetra's journal, turned off the television, and left the apartment.	Через несколько минут он вернул журнал на место, выключил телевизор и покинул квартиру.***

Far away, in Vatican City, Cardinal Mortati carried another tray of ballots to the Sistine Chapel chimney.	А еще дальше, в Ватикане, кардинал Мортати положил связку листков в очаг Сикстинской капеллы и поднес к ней свечу.
He burned them, and the smoke was black.	Из хорошо видимой с площади трубы повалил черный дым.
Two ballotings.	Второй тур выборов завершился.

No Pope.	Избрание нового папы не состоялось.
83	Глава 83
Flashlights were no match for the voluminous blackness of St. Peter's Basilica.	Ручные фонари были бессильны против величественной темноты собора Святого Петра.

The void overhead pressed down like a starless night, and Vittoria felt the emptiness spread out around her like a desolate ocean.	Черная бесконечность над головой давила на людей, словно беззвездная ночь, и Виттории казалось, что она целиком погрузилась в пустоту, похожую на темный безжизненный океан.
She stayed close as the Swiss Guards and the camerlegno pushed on.	Девушка старалась держаться поближе к спешащему камерарию и не отстающим от него швейцарским гвардейцам.
High above, a dove cooed and fluttered away. As if sensing her discomfort, the camerlegno dropped back and lay a hand on her shoulder.	Словно ощутив ее беспокойство, камерарий на миг задержался и положил руку ей на плечо.

A tangible strength transferred in the touch, as if the man were magically infusing her with the calm she needed to do what they were about to do.	В этом прикосновении чувствовалась внутренняя сила, и Виттории показалось, что клирик каким-то магическим способом поделился с ней спокойствием, необходимым для той миссии, которую им предстояло выполнить.
What are we about to do? she thought.	"И что же мы собираемся сделать? - думала она.
This is madness!	- Если я правильно понимаю, то это просто безумие!"
And yet, Vittoria knew, for all its impiety and inevitable horror, the task at hand was inescapable.	И все же она знала, что, несмотря на то что их миссия ужасна и граничит с надругательством над мертвыми, избежать ее невозможно.

The grave decisions facing the camerlegno required information... information entombed in a sarcophagus in the Vatican Grottoes.	Для того чтобы принять историческое решение, камерарий нуждался в достоверной информации... информации, спрятанной под крышкой саркофага в пещерах Ватикана.
She wondered what they would find.	"Что мы там обнаружим? - думала она.
Did the Illuminati murder the Pope?	- Неужели иллюминаты действительно умертвили папу?
Did their power really reach so far?	Неужели их могущество простирается столь далеко?
Am I really about to perform the first papal autopsy?	Неужели мне придется участвовать в первом за всю историю папства вскрытии тела понтифика?"

Vittoria found it ironic that she felt more apprehensive in this unlit church than she would swimming at night with barracuda.	Виттория усмехнулась про себя, осознав, что боится этой темной базилики гораздо больше, чем купания в ночном океане в обществе барракуды.
Nature was her refuge.	Природа всегда служила ей убежищем.
She understood nature. But it was matters of man and spirit that left her mystified.	Природу она понимала, и лишь проблемы человека и его души неизменно ставили ее в тупик.

Killer fish gathering in the dark conjured images of the press gathering outside. TV footage of branded bodies reminded her of her father's corpse... and the killer's harsh laugh.	Кружащие в темноте рыбы-убийцы были похожи на собравшихся под окнами папского дворца репортеров. Изображения заклейменных раскаленным железом тел снова напомнили девушке о смерти отца. Она опять услышала хриплый смех убийцы.
The killer was out there somewhere. Vittoria felt the anger drowning her fear.	Этот негодяй был где-то рядом, и Виттория почувствовала, как закипающий в ней гнев вытесняет страх.

As they circled past a pillar-thicker in girth than any redwood she could imagine-Vittoria saw an orange glow up ahead.	Когда они обогнули колонну, которая, как показалась девушке, была толще, чем самая толстая секвойя, впереди возникло какое-то оранжевое свечение.
The light seemed to emanate from beneath the floor in the center of the basilica.	Свет, казалось, исходил из пола в самом центре базилики.
As they came closer, she realized what she was seeing.	Когда они подошли ближе, Виттория поняла, что именно открылось ее взору.

It was the famous sunken sanctuary beneath the main altar-the sumptuous underground chamber that held the Vatican's most sacred relics.	Это была знаменитая святыня под главным алтарем - пышная подземная камера, в которой хранилась самая главная реликвия Ватикана.
As they drew even with the gate surrounding the hollow, Vittoria gazed down at the golden coffer surrounded by scores of glowing oil lamps.	Когда они приблизились к вратам, за которыми скрывалось углубление, девушка взглянула вниз и увидела золотой ларец, окруженный десятками горящих лампад.
"St. Peter's bones?" she asked, knowing full well that they were.	- Мощи святого Петра? - спросила она, прекрасно зная, что находилось в ларце.

Everyone who came to St. Peter's knew what was in the golden casket.	Каждый, кто когда-либо посещал базилику, знал о содержимом драгоценного хранилища.
"Actually, no," the camerlegno said.	- По правде говоря, нет, - неожиданно ответил камерарий.
"A common misconception.	- Вы разделяете всеобщее заблуждение.
That's not a reliquary.	Это вовсе не реликварий.
The box holds palliums-woven sashes that the Pope gives to newly elected cardinals."	В ларце хранятся так называемые palliums -плетеные кушаки, которые папа вручает вновь избранным кардиналам.
"But I thought-"	- Но я думала...

"As does everyone.	- Так думает большинство.
The guidebooks label this as St. Peter's tomb, but his true grave is two stories beneath us, buried in the earth.	В путеводителях это место именуется могилой святого Петра, в то время как истинное захоронение находится двумя этажами ниже и прах Петра покоится в земле.
The Vatican excavated it in the forties. Nobody is allowed down there."	В сороковых годах Ватикан производил там раскопки, и с тех пор туда никого не допускают.
Vittoria was shocked.	Виттория была потрясена. Откровение камерария шокировало девушку.

As they moved away from the glowing recession into the darkness again, she thought of the stories she'd heard of pilgrims traveling thousands of miles to look at that golden box, thinking they were in the presence of St. Peter.	Когда они, отойдя от островка света, вновь погрузились во тьму, она вспомнила рассказы паломников, проехавших тысячи миль, чтобы взглянуть на золотой ларец. Эти люди были уверены, что побывали в обществе самого святого Петра.
"Shouldn't the Vatican tell people?"	- Но почему Ватикан не скажет об этом людям?
"We all benefit from a sense of contact with divinity... even if it is only imagined."	- Мы все получаем пользу от приобщения к чему-то божественному... пусть даже и воображаемому.

Vittoria, as a scientist, could not argue the logic.	Виттория как ученый ничего не могла возразить против подобной логики.
She had read countless studies of the placebo effect-aspirins curing cancer in people who believed they were using a miracle drug.	Она прочитала бесконечное число работ о так называемом эффекте плацебо, когда аспирин излечивал рак у людей, веривших в то, что они принимают чудодейственное лекарство.
What was faith, after all?	Разве не такую же роль играет вера в Бога?
"Change," the camerlegno said, "is not something we do well within Vatican City.	- Все изменения, - продолжал камерарий, - даются Ватикану очень нелегко.

Admitting our past faults, modernization, are things we historically eschew.	Мы всегда старались избегать признания наших прошлых ошибок и обходились без всякого рода модернизаций.
His Holiness was trying to change that."	Его святейшество пытался изменить исторически сложившийся порядок.
He paused. "Reaching to the modern world. Searching for new paths to God."	- Он помолчал немного и продолжил: - Покойный понтифик тянулся к современности и искал новые пути к Богу.
Vittoria nodded in the dark. "Like science?"	- Такие, как наука? - спросила, понимающе кивнув в темноте, Виттория.

"To be honest, science seems irrelevant."	- Честно говоря, само понятие "наука" мне ничего не говорит. Оно представляется мне ирелевантным.
"Irrelevant?"	- Иррелевантным? - недоуменно переспросила Виттория.
Vittoria could think of a lot of words to describe science, but in the modern world "irrelevant" did not seem like one of them.	Она знала множество слов, характеризующих такое явление, как "наука", но современное слово "иррелевантный" в их число не входило.
"Science can heal, or science can kill.	- Наука способна исцелять, но наука может и убивать.
It depends on the soul of the man using the science.	Это целиком зависит от души прибегающего к помощи науки человека.

It is the soul that interests me."	Меня интересует душа, и в этом смысле наука иррелевантна - то есть не имеет отношения к душе.
"When did you hear your call?"	- Когда вы узнали о своем призвании?

"Before I was born."	- Еще до рождения.
Vittoria looked at him.	Виттория бросила на него удивленный взгляд.
"I'm sorry, that always seems like a strange question.	- Простите, но подобный вопрос мне всегда представляется несколько странным.
What I mean is that I've always known I would serve God.	Я хочу сказать, что с самого начала знал о своем призвании, о том, что стану служить Богу.

From the moment I could first think.	С того момента, когда впервые начал думать.
It wasn't until I was a young man, though, in the military, that I truly understood my purpose."	Однако окончательно уверовал в свое предназначение я гораздо позже - когда служил в армии.
Vittoria was surprised. "You were in the military?"	- Вы служили в армии? - не смогла скрыть своего изумления Виттория.
"Two years.	- Два года.
I refused to fire a weapon, so they made me fly instead.	Я отказался стрелять, и поэтому меня заставили летать.
Medevac helicopters.	На вертолетах медицинской эвакуационной службы.

In fact, I still fly from time to time."	Если честно, то я и сейчас иногда летаю.
Vittoria tried to picture the young priest flying a helicopter.	Виттория попыталась представить священника в кабине вертолета.
Oddly, she could see him perfectly behind the controls.	Как ни странно, но ей это вполне удалось.
Camerlegno Ventresca possessed a grit that seemed to accentuate his conviction rather than cloud it.	Камерарий Вентреска обладал той силой, которая не только не умаляла его убеждений, а, напротив, подчеркивала их.
"Did you ever fly the Pope?"	- Вам приходилось поднимать в воздух папу?
"Heavens no.	- Слава Богу, нет.

We left that precious cargo to the professionals.	Этот драгоценный груз мы доверяли только профессиональным пилотам.
His Holiness let me take the helicopter to our retreat in Gandolfo sometimes."	Его святейшество иногда позволял мне пользоваться машиной, в то время когда мы бывали в его летней резиденции в Гандольфо.
He paused, looking at her. "Ms. Vetra, thank you for your help here today.	- Камерарий помолчал немного, а затем сказал: -Мисс Ветра, я хочу поблагодарить вас за ту помощь, которую вы мне сегодня оказали.
I am very sorry about your father.	И позвольте мне выразить соболезнования в связи с кончиной вашего отца.
Truly."	Я вам искренне сочувствую.

"Thank you."	- Благодарю.
"I never knew my father.	- Я никогда не знал своего отца.
He died before I was born.	Он умер еще до моего рождения.
I lost my mother when I was ten."	А маму я потерял, когда мне было десять лет.

Vittoria looked up. "You were orphaned?"	- Вы остались круглым сиротой? - сказала Виттория, поднимая глаза на клирика.
She felt a sudden kinship.	В этот момент она ощутила к нему особую близость.
"I survived an accident. An accident that took my mother."	- Я выжил в катастрофе, которая унесла жизнь мамы.

"Who took care of you?"	- И кто же позаботился о вас?
"God," the camerlegno said.	- Бог, - просто ответил камерарий.
"He quite literally sent me another father.	- Он в буквальном смысле подарил мне нового отца.
A bishop from Palermo appeared at my hospital bed and took me in.	У моей больничной койки появился епископ из Палермо и забрал меня к себе.
At the time I was not surprised.	В то время это меня нисколько не удивило.
I had sensed God's watchful hand over me even as a boy.	Еще мальчишкой я всегда чувствовал добрую руку Бога на своем плече.

The bishop's appearance simply confirmed what I had already suspected, that God had somehow chosen me to serve him."	Появление епископа только подтвердило то, о чем я уже подозревал. То, что Господь избрал меня для служения Ему.
"You believed God chose you?"	- Вы верили в то, что избраны Богом?
"I did.	- Да, верил.
And I do."	И сейчас верю.
There was no trace of conceit in the camerlegno's voice, only gratitude.	- В голосе камерария не было ни намека на тщеславие, в нем звучала лишь благодарность.
"I worked under the bishop's tutelage for many years.	- Я много лет трудился под руководством епископа.

He eventually became a cardinal.	В конечном итоге мой наставник стал кардиналом.
Still, he never forgot me.	Но меня он никогда не забывал.
He is the father I remember."	И это тот отец, которого я помню.
A beam of a flashlight caught the camerlegno's face, and Vittoria sensed a loneliness in his eyes.	Свет от фонаря упал на лицо камерария, и по выражению глаз клирика Виттория поняла, насколько тот одинок.
The group arrived beneath a towering pillar, and their lights converged on an opening in the floor.	Они подошли к высокой колонне, и лучи всех фонарей были направлены на люк в полу.

Vittoria looked down at the staircase descending into the void and suddenly wanted to turn back.	Виттория взглянула на ведущую в темную пустоту лестницу, и ей вдруг захотелось вернуться назад.
The guards were already helping the camerlegno onto the stairs.	Гвардейцы уже помогали камерарию нащупать первую ступеньку.
They helped her next.	Затем они поддержали ее.
"What became of him?" she asked, descending, trying to keep her voice steady.	- Что с ним стало потом? - спросила девушка.

"The cardinal who took you in?"	- С тем кардиналом, который заботился о вас?

"He left the College of Cardinals for another position."	- Он оставил коллегию кардиналов, поскольку получил другой пост.
Vittoria was surprised.	Витторию ответ удивил.
"And then, I'm sorry to say, he passed on."	- А затем, - продолжил камерарий, - он, к несчастью скончался.
"Le mie condoglianze," Vittoria said.	- Примите мои соболезнования, - сказала Виттория.
"Recently?"	- Давно?
The camerlegno turned, shadows accentuating the pain on his face.	Камерарий повернулся к Виттории. Резкие тени подчеркивали страдальческое выражение лица клирика.
"Exactly fifteen days ago.	- Ровно пятнадцать дней назад.

We are going to see him right now."	И сейчас мы его увидим.
84	Глава 84
The dark lights glowed hot inside the archival vault.	Несколько тусклых ламп едва освещали стеклянный куб изнутри.
This vault was much smaller than the previous one Langdon had been in.	Это хранилище было гораздо меньше того, в котором Лэнгдон побывал раньше.
Less air. Less time.	Меньше воздуха, а значит, меньше времени.
He wished he'd asked Olivetti to turn on the recirculating fans.	Он пожалел, что не попросил Оливетти включить вентиляцию.

Langdon quickly located the section of assets containing the ledgers cataloging Belle Arti.	Среди гроссбухов, в которых перечислялась собственность Ватикана, Лэнгдон быстро нашел те, на которых значилось "Belle arte" -
The section was impossible to miss.	"Изящное искусство".
It occupied almost eight full stacks.	Пропустить эту секцию было просто невозможно, поскольку она занимала восемь стеллажей.
The Catholic church owned millions of individual pieces worldwide.	Католическая церковь владела миллионами шедевров во всех концах земли.
Langdon scanned the shelves searching for Gianlorenzo Bernini.	Лэнгдон быстро пробежал взглядом полки в поисках каталога работ Бернини.

He began his search about midway down the first stack, at about the spot he thought the B's would begin.	Он начал с середины первого стеллажа, примерно там, где, по его расчетам, должна была находиться буква "Б".
After a moment of panic fearing the ledger was missing, he realized, to his greater dismay, that the ledgers were not arranged alphabetically. Why am I not surprised?	Когда ученый увидел, что каталога Бернини нет, его охватило отчаяние. Однако, сообразив, что материалы размещены не в алфавитном порядке, он несколько успокоился.

It was not until Langdon circled back to the beginning of the collection and climbed a rolling ladder to the top shelf that he understood the vault's organization.	Лишь вернувшись к входу в хранилище и забравшись по передвижной лестнице к верхней полке, Лэнгдон понял, в каком порядке организовано хранение документов.

Perched precariously on the upper stacks he found the fattest ledgers of all-those belonging to the masters of the Renaissance-Michelangelo, Raphael, da Vinci, Botticelli.	Примостившись на верхней ступеньке лестницы, он нашел самые увесистые тома с перечнем работ великих мастеров Ренессанса - Микеланджело, Рафаэля, Боттичелли.

Langdon now realized, appropriate to a vault called "Vatican Assets," the ledgers were arranged by the overall monetary value of each artist's collection.	Теперь он знал, что списки "собственности Ватикана" расположены в соответствии со стоимостью шедевров каждого художника.
Sandwiched between Raphael and Michelangelo, Langdon found the ledger marked Bernini.	Между Рафаэлем и Микеланджело американец обнаружил гроссбух с каталогом работ Бернини.
It was over five inches thick.	Толщина гроссбуха на вид превышала пять дюймов.
Already short of breath and struggling with the cumbersome volume, Langdon descended the ladder.	Задыхаясь от нехватки кислорода и стараясь удержать увесистую книгу в руках, Лэнгдон сполз по лестнице.

Then, like a kid with a comic book, he spread himself out on the floor and opened the cover. The book was cloth bound and very solid.	Затем он, как разглядывающий комиксы мальчишка, положил ее на пол и открыл первую страницу.
The ledger was handwritten in Italian.	Каталог был написан от руки на итальянском языке.
Each page cataloged a single work, including a short description, date, location, cost of materials, and sometimes a rough sketch of the piece.	Каждая страница посвящалась одной-единственной работе и содержала ее краткое описание, дату создания, местонахождение и оценочную стоимость. В некоторых случаях присутствовало ее схематическое изображение.

Langdon fanned through the pages... over eight hundred in all.	Лэнгдон пролистал все страницы - в общей сложности более восьмисот.
Bernini had been a busy man.	Да, Бернини был трудолюбивым парнем.
As a young student of art, Langdon had wondered how single artists could create so much work in their lifetimes.	Еще будучи студентом, Лэнгдон недоумевал, как один человек может сотворить такое количество шедевров.
Later he learned, much to his disappointment, that famous artists actually created very little of their own work.	Позже он испытал огромное разочарование, узнав, что великие художники на самом деле крайне редко прикладывали руку к работам, подписанным их именами.

They ran studios where they trained young artists to carry out their designs.	Они возглавляли студии, в которых учили молодых художников воплощать в жизнь свои идеи.
Sculptors like Bernini created miniatures in clay and hired others to enlarge them into marble.	Такие скульпторы, как Бернини, лепили глиняные миниатюры и нанимали других ваять их в увеличенном виде из мрамора.
Langdon knew that if Bernini had been required to personally complete all of his commissions, he would still be working today.	Лэнгдон понимал, что если бы Бернини пришлось самому доводить до ума все свои замыслы, то он трудился бы и по сию пору.
"Index," he said aloud, trying to ward off the mental cobwebs.	- Указатель, - произнес он, пытаясь прорваться через опутывающую мозг паутину.

He flipped to the back of the book, intending to look under the letter F for titles containing the word fu?co-fire- but the F's were not together.	Он открыл последние страницы, чтобы просмотреть работы, значившиеся под буквой "F" - fuoco, или "огонь". Но буквы "F", впрочем, как и всех остальных букв, в каталоге вообще не оказалось.
Langdon swore under his breath. What the hell do these people have against alphabetizing?	Что они, дьявол их побери, имеют против алфавитного порядка?!
The entries had apparently been logged chronologically, one by one, as Bernini created each new work.	Все работы были размещены в хронологическом порядке.

Everything was listed by date.	Только по датам их создания.
No help at all.	От такого указателя не было никакого толку.
As Langdon stared at the list, another disheartening thought occurred to him.	Пока Лэнгдон тупо смотрел на бесполезную страницу, ему на ум пришло еще одно обескураживающее соображение.
The title of the sculpture he was looking for might not even contain the word Fire.	Название нужной ему работы вообще могло не содержать слова "огонь".

The previous two works-Habakkuk and the Angel and West Ponente-had not contained specific references to Earth or Air.	В двух предыдущих работах - "Аввакум и ангел" и West Ponente - никак не упоминались "земля" или "воздух".
He spent a minute or two flipping randomly through the ledger in hopes that an illustration might jump out at him.	Он провел пару минут, открывая случайные страницы, в надежде, что иллюстрации ему что-нибудь подскажут.
Nothing did.	Но этого не случилось.

He saw dozens of obscure works he had never heard of, but he also saw plenty he recognized... Daniel and the Lion, Apollo and Daphne, as well as a half dozen fountains.	Лэнгдон увидел десятки малоизвестных работ, о которых никогда не слышал, но было и немало таких, которые он узнал сразу... "Даниил и лев", "Аполлон и Дафна", с полдюжины фонтанов.
When he saw the fountains, his thoughts skipped momentarily ahead.	Когда он увидел фонтаны, его мозг заработал четче.
Water.	Вода.
He wondered if the fourth altar of science was a fountain.	Неужели четвертый алтарь науки был фонтаном?
A fountain seemed a perfect tribute to water.	Фонтан представлялся ему самой лучшей данью четвертой стихии.

Langdon hoped they could catch the killer before he had to consider Water-Bernini had carved dozens of fountains in Rome, most of them in front of churches.	Лэнгдон надеялся на то, что схватить убийцу удастся еще до того, когда тот примется за свою последнюю жертву. Найти нужный фонтан будет сложно. Бернини создал их десятки, и все они находились рядом с церквями.
Langdon turned back to the matter at hand.	Лэнгдон вернулся к задаче, которую ему предстояло решить немедленно.
Fire.	Огонь.
As he looked through the book, Vittoria's words encouraged him.	Листая страницы, он припомнил слова, сказанные Витторией:

You were familiar with the first two sculptures... you probably know this one too.	"Первые две скульптуры были достаточно известны.
As he turned to the index again, he scanned for titles he knew. Some were familiar, but none jumped out. Langdon now realized he would never complete his search before passing out, so he decided, against his better judgment, that he would have to take the book outside the vault. It's only a ledger, he told himself.	Во всяком случае, вы слышали об обеих". Это вселяло надежду.

It's not like I'm removing an original Galilean folio. Langdon recalled the folio in his breast pocket and reminded himself to return it before leaving.	В его кармане все еще находилась бесценная страница, и Лэнгдон напомнил себе, что прежде, чем уйти из архива, ее следует вернуть.
Hurrying now, he reached down to lift the volume, but as he did, he saw something that gave him pause.	Он уже готовился поставить книгу на место, как вдруг увидел нечто такое, что заставило его задержаться.
Although there were numerous notations throughout the index, the one that had just caught his eye seemed odd.	В индексе было множество сносок, и одна из них, случайно попавшаяся на глаза, показалась ему странной.

The note indicated that the famous Bernini sculpture, The Ecstasy of St. Teresa, shortly after its unveiling, had been moved from its original location inside the Vatican.	В сноске говорилось, что знаменитая скульптурная группа Бернини "Экстаз святой Терезы" вскоре после презентации была перенесена из Ватикана в другое место.
This in itself was not what had caught Langdon's eye. He was already familiar with the sculpture's checkered past.	Лэнгдон уже был знаком с непростым прошлым этой работы.

Though some thought it a masterpiece, Pope Urban VIII had rejected The Ecstasy of St. Teresa as too sexually explicit for the Vatican. He had banished it to some obscure chapel across town.	Несмотря на то что некоторые считали ее шедевром, папа Урбан VIII нашел скульптуру слишком откровенной для Ватикана и отправил ее в какую-то малоизвестную часовню на окраине города.
What had caught Langdon's eye was that the work had apparently been placed in one of the five churches on his list.	Внимание ученого привлекло то, что местом ссылки "Святой Терезы" оказалась одна из пяти церквей, значившихся в его списке.
What was more, the note indicated it had been moved there per suggerimento del artista.	Кроме того, в сноске говорилось, что скульптура была перемещена туда по предложению Бернини -per suggerimento del artista.

By suggestion of the artist?	По предложению художника?
Langdon was confused.	Лэнгдон ничего не мог понять.
It made no sense that Bernini had suggested his masterpiece be hidden in some obscure location.	В этом не было никакого смысла.
All artists wanted their work displayed prominently, not in some remote-	Любой творец желает, чтобы его шедевр могли увидеть как можно больше людей. А здесь вдруг какая-то забытая Богом и людьми церквушка.
Langdon hesitated. Unless...	Если, конечно...
He was fearful even to entertain the notion.	Лэнгдон даже боялся об этом думать.

Was it possible?	Неужели подобное возможно?

Had Bernini intentionally created a work so explicit that it forced the Vatican to hide it in some out of the way spot?	Неужели Бернини сознательно изваял столь откровенную скульптуру только для того, чтобы вынудить Ватикан спрятать ее в каком-то малоизвестном месте?
A location perhaps that Bernini himself could suggest?	В месте, которое он сам бы и мог предложить?
Maybe a remote church on a direct line with West Ponente's breath?	Это вполне мог быть собор, находящийся на одной линии с направлением West Ponente.

As Langdon's excitement mounted, his vague familiarity with the statue intervened, insisting the work had nothing to do with fire.	Чем сильнее волновался Лэнгдон, тем яснее перед его мысленным взором вырисовывалась знаменитая скульптура. В ней не было ничего, имевшего хотя бы отдаленное отношение к огню.
The sculpture, as anyone who had seen it could attest, was anything but scientific-pornographic maybe, but certainly not scientific.	В изваянии отсутствовала какая-либо связь с наукой. От порнографии там, возможно, что-то и было, но от науки - ничего.

An English critic had once condemned The Ecstasy of St. Teresa as "the most unfit ornament ever to be placed in a Christian Church."	Какой-то английский критик однажды назвал "Экстаз святой Терезы" "произведением, совершенно непригодным для украшения христианского храма".
Langdon certainly understood the controversy.	Лэнгдон прекрасно понимал суть этого противоречия.
Though brilliantly rendered, the statue depicted St. Teresa on her back in the throes of a toe curling orgasm.	Превосходно выполненная скульптура изображала святую на пике оргазма. В восторге сладострастия Тереза судорожно поджала пальцы ног.
Hardly Vatican fare.	Да, сюжет явно не для Ватикана.

Langdon hurriedly flipped to the ledger's description of the work.	Лэнгдон торопливо отыскал в каталоге описание скульптуры.
When he saw the sketch, he felt an instantaneous and unexpected tingle of hope.	Лишь увидев схематическое изображение статуи, он вдруг ощутил прилив надежды.
In the sketch, St. Teresa did indeed appear to be enjoying herself, but there was another figure in the statue who Langdon had forgotten was there.	На рисунке святая Тереза, вне всякого сомнения, испытывала наслаждение, но там имелась и другая фигура, о существовании которой Лэнгдон совсем забыл.
An angel.	Ангел.

The sordid legend suddenly came back...	И в его памяти неожиданно всплыла легенда...
St. Teresa was a nun sainted after she claimed an angel had paid her a blissful visit in her sleep.	Святая Тереза была монахиней, которую канонизировали после того, как она заявила, что во сне ее посетил ангел.
Critics later decided her encounter had probably been more sexual than spiritual.	Более поздние критики высказали предположение, что этот визит имел сексуальный, а не духовный характер.

Scrawled at the bottom of the ledger, Langdon saw a familiar excerpt.	Внизу страницы с изображением скульптуры были начертаны принадлежавшие самой святой слова.

St. Teresa's own words left little to the imagination:	Слова эти практически не оставляли места для сомнений.
... his great golden spear... filled with fire... plunged into me several times... penetrated to my entrails... a sweetness so extreme that one could not possibly wish it to stop.	...его огромное золотое копье... наполненное огнем... пронзило меня несколько раз... проникло в мои внутренности... и по моему телу разлилась такая сладость, что мне хотелось, чтобы она никогда не кончалась... ***

Langdon smiled. If that's not a metaphor for some serious sex, I don't know what is.	Если это не метафорическое описание весьма серьезного секса, мысленно улыбнулся Лэнгдон, то ничего иного представить себе невозможно.
He was smiling also because of the ledger's description of the work.	Улыбнуться его заставило и само описание скульптуры.
Although the paragraph was in Italian, the word fu?co appeared a half dozen times:	Оно было сделано на итальянском языке, и слово fuoco присутствовало там по меньшей мере раз пять. ***
... angel's spear tipped with point of fire.....angel'shead emanating rays of fire.....woman inflamed bypassion's fire...	...копье ангела имеет огненный наконечник.....голова ангела источает огонь.....женщинаобъята огнем страсти...

Langdon was not entirely convinced until he glanced up at the sketch again.	Лэнгдон испытывал сомнения до тех пор, пока не взглянул на изображение ангела.
The angel's fiery spear was raised like a beacon, pointing the way.	Ангел поднял свое огненное копье, и его наконечник был похож на указующий луч.
Let angels guide you on your lofty quest.	"И ангелы чрез Рим тебе укажут путь".
Even the type of angel Bernini had selected seemed significant.	Имело значение и то, какого именно ангела изобразил Бернини.
It's a seraphim, Langdon realized.	Да ведь это же серафим, догадался Лэнгдон.
Seraphim literally means "the fiery one."	Серафим в буквальном переводе означает "огненный".

Robert Langdon was not a man who had ever looked for confirmation from above, but when he read the name of the church where the sculpture now resided, he decided he might become a believer after all.	Лэнгдон, будучи ученым, не ждал небесных откровений или подтверждений, но, увидев название церкви, в которой стояла скульптура, он решил, что, пожалуй, наступила пора пересмотреть свои взгляды.
Santa Maria della Vittoria.	Церковь Санта-Мария делла Виттория.
Vittoria, he thought, grinning. Perfect.	Виттория, подумал он, усмехаясь, лучше не придумаешь.
Staggering to his feet, Langdon felt a rush of dizziness. He glanced up the ladder, wondering if he should replace the book.	Едва устояв на ногах от внезапного приступа головокружения, Лэнгдон взглянул на лестницу, прикидывая, сможет ли вернуть увесистый том на место.

The hell with it, he thought. Father Jaqui can do it.	А, к дьяволу, подумал он, пусть об этом позаботится отец Жаки.
He closed the book and left it neatly at the bottom of the shelf.	Американец закрыл книгу и аккуратно положил ее на пол у подножия полки.

As he made his way toward the glowing button on the vault's electronic exit, he was breathing in shallow gasps.	Направляясь к светящейся кнопке, контролирующей выход из хранилища, Лэнгдон уже хватал воздух широко открытым ртом.
Nonetheless, he felt rejuvenated by his good fortune.	Он дышал часто и неглубоко и тем не менее чувствовал себя на седьмом небе.

His good fortune, however, ran out before he reached the exit.	На такую удачу рассчитывать было трудно.
Without warning, the vault let out a pained sigh.	Но везение закончилось еще до того, как он достиг выхода.
The lights dimmed, and the exit button went dead.	В хранилище раздался болезненный вздох, свет померк, кнопка выхода погасла.
Then, like an enormous expiring beast, the archival complex went totally black.	Затем весь архивный комплекс погрузился во тьму. Это было похоже на смерть какого-то огромного зверя.
Someone had just killed power.	Кто-то отключил подачу энергии.
85	Глава 85

The Holy Vatican Grottoes are located beneath the main floor of St. Peter's Basilica. They are the burial place of deceased Popes.	Священные гроты Ватикана находятся под полом собора Святого Петра и служат местом захоронения покинувших этот мир пап.
Vittoria reached the bottom of the spiral staircase and entered the grotto.	Виттория добралась до последней ступеньки винтовой лестницы и вошла в пещеру.
The darkened tunnel reminded her of CERN's Large Hadron Collider-black and cold.	Затемненный тоннель напомнил ей Большой адроновый коллайдер в ЦЕРНе. Там было так же темно и прохладно.
Lit now only by the flashlights of the Swiss Guards, the tunnel carried a distinctly incorporeal feel.	В свете ручных фонарей швейцарских гвардейцев тоннель представлялся чем-то совершенно нематериальным.

On both sides, hollow niches lined the walls. Recessed in the alcoves, as far as the lights let them see, the hulking shadows of sarcophagi loomed.	В стенах по обеим сторонам грота темнели ниши, и в каждой из них, едва заметный в неярком свете фонарей, виднелся массивный саркофаг.
An iciness raked her flesh.	По ее телу побежали мурашки.
It's the cold, she told herself, knowing that was only partially true.	Это от холода, внушала она себе, прекрасно понимая, что дело не только в прохладном воздухе пещеры.
She had the sense they were being watched, not by anyone in the flesh, but by specters in the dark.	Ей казалось, что за ними наблюдают и что наблюдатели эти вовсе не из плоти и крови. Из тьмы на них смотрели призраки столетий.

On top of each tomb, in full papal vestments, lay life sized semblances of each Pope, shown in death, arms folded across their chests.	На крышке каждого саркофага находилось скульптурное изображение покойного в полный рост. Мраморный понтифик лежал на спине со скрещенными на груди руками.
The prostrate bodies seemed to emerge from within the tombs, pressing upward against the marble lids as if trying to escape their mortal restraints.	Создавалось впечатление, что распростертое тело, пытаясь восстать из гроба, выдавливало изнутри мраморную крышку, чтобы разорвать опутывающие его земные узы.

The flashlight procession moved on, and the papal silhouettes rose and fell against the walls, stretching and vanishing in a macabre shadowbox dance.	В свете фонарей группа продвигалась вперед, и все новые и новые силуэты давно умерших пап возникали и исчезали вдоль стен, словно принимая участие в каком-то ужасном танце потустороннего театра теней.
A silence had fallen across the group, and Vittoria couldn't tell whether it was one of respect or apprehension.	Все идущие хранили молчание, и Виттория не могла до конца понять, чем это вызвано -почтением к умершим или предчувствием чего-то страшного.
She sensed both.	Видимо, и тем, и другим, решила девушка.

The camerlegno moved with his eyes closed, as if he knew every step by heart.	Камерарий шел с закрытыми глазами, словно видел каждый свой шаг сердцем.
Vittoria suspected he had made this eerie promenade many times since the Pope's death... perhaps to pray at his tomb for guidance.	Виттория подозревала, что клирик после смерти папы не раз проделал этот внушающий суеверный страх путь... возможно, для того, чтобы попросить усопшего наставить его на нужный путь.
I worked under the cardinal's tutelage for many years, the camerlegno had said.	"Я много лет трудился под руководством епископа...
He was like a father to me.	И это тот отец, которого я помню", - чуть раньше сказал ей камерарий.

Vittoria recalled the camerlegno speaking those words in reference to the cardinal who had "saved" him from the army.	Виттория припомнила, что эти слова относились к кардиналу, который "спас" молодого человека от службы в армии.
Now, however, Vittoria understood the rest of the story.	И вот теперь девушка знала, чем закончилась вся та история.
That very cardinal who had taken the camerlegno under his wing had apparently later risen to the papacy and brought with him his young prot?g? to serve as chamberlain.	Кардинал, взявший юношу под свое крыло, стал понтификом и сделал молодого клирика своим камерарием.
That explains a lot, Vittoria thought.	Это многое объясняет, думала Виттория.

She had always possessed a well tuned perception for others' inner emotions, and something about the camerlegno had been nagging her all day.	Она обладала способностью тонко чувствовать душевное состояние других людей, и эмоции, которые испытывал камерарий, не давали ей покоя вот уже несколько часов.
Since meeting him, she had sensed an anguish more soulful and private than the overwhelming crisis he now faced.	С первого момента встречи с ним девушке показалось, что страдание и душевная боль, которые он испытывает, носят очень личный характер и не могли быть лишь результатом разразившегося в Ватикане кризиса.
Behind his pious calm, she saw a man tormented by personal demons.	За маской спокойствия скрывался человек, чью душу разрывали на части его собственные демоны.

Now she knew her instincts had been correct.	Теперь она знала, что интуиция ее не подвела и на сей раз.

Not only was he facing the most devastating threat in Vatican history, but he was doing it without his mentor and friend... flying solo.	Этот человек не только оказался лицом к лицу с серьезнейшей угрозой за всю историю Ватикана, он был вынужден противостоять этой угрозе в одиночку, без поддержки друга и наставника... Это был ночной полет без штурмана.
The guards slowed now, as if unsure where exactly in the darkness the most recent Pope was buried.	Швейцарские гвардейцы замедлили шаг, словно не могли точно определить в темноте, где покоится тело последнего папы.

The camerlegno continued assuredly and stopped before a marble tomb that seemed to glisten brighter than the others.	Что касается камерария, то он уверенно сделал еще несколько шагов и остановился у мраморной гробницы, казавшейся более светлой, нежели другие.
Lying atop was a carved figure of the late Pope.	На крышке саркофага находилось мраморное изваяние усопшего.
When Vittoria recognized his face from television, a shot of fear gripped her.	Виттория узнала показанное по телевизору лицо, и ее начала бить дрожь.
What are we doing?	"Что мы делаем?!"

"I realize we do not have much time," the camerlegno said. "I still ask we take a moment of prayer."	- Насколько я понимаю, у нас очень мало времени, - ровным голосом произнес камерарий, - но тем не менее я все же попрошу всех произнести молитву.
The Swiss Guard all bowed their heads where they were standing.	Швейцарские гвардейцы, оставаясь на местах, склонили головы.
Vittoria followed suit, her heart pounding in the silence.	Виттория сделала то же самое, но девушке казалось, что громкий стук ее сердца нарушает торжественную тишину усыпальницы.
The camerlegno knelt before the tomb and prayed in Italian.	Камерарий опустился на колени перед саркофагом и начал молиться на итальянском языке.

As Vittoria listened to his words, an unexpected grief surfaced as tears... tears for her own mentor... her own holy father. The camerlegno's words seemed as appropriate for her father as they did for the Pope.	Вслушиваясь в его слова, Виттория неожиданно ощутила огромную скорбь... по щекам ее покатились слезы... она оплакивала своего наставника... своего святого отца.

"Supreme father, counselor, friend." The camerlegno's voice echoed dully around the ring. "You told me when I was young that the voice in my heart was that of God. You told me I must follow it no matter what painful places it leads.	- Отец мой, друг и наставник, - глухо прозвучали в погребальной нише слова камерария, - когда я был еще совсем юным, ты говорил мне, что голос моего сердца - это голос Бога, и повторял, что я должен следовать его зову до конца, к какому бы страшному месту он меня ни вел.
I hear that voice now, asking of me impossible tasks.	Я слышу, как этот голос требует от меня невозможного.
Give me strength. Bestow on me forgiveness.	Дай мне силу и даруй прощение.
What I do... I do in the name of everything you believe.	То, что я делаю... я делаю во имя всего того, во что ты верил.

Amen."	Аминь.
"Amen," the guards whispered.	- Аминь, - прошептали гвардейцы.

Amen, Father. Vittoria wiped her eyes.	"Аминь, отец..." - мысленно произнесла Виттория, вытирая глаза.
The camerlegno stood slowly and stepped away from the tomb.	Камерарий медленно поднялся с колен и, отступив чуть в сторону, произнес:
"Push the covering aside."	- Сдвиньте крышку.
The Swiss Guards hesitated.	Швейцарцы колебались, не зная, как поступить.
"Signore," one said, "by law we are at your command."	- Синьор, - сказал один из них, - по закону мы находимся в вашем подчинении...

He paused. "We will do as you say..."	Мы, конечно, сделаем все, как вы скажете... -закончил солдат после короткой паузы.
The camerlegno seemed to read the young man's mind. "Someday I will ask your forgiveness for placing you in this position.	- Друзья, - ответил камерарий, словно прочитав, что творится в душах молодых людей, - придет день, когда я буду просить прощения за то, что поставил вас в подобное положение.
Today I ask for your obedience.	Но сегодня я требую беспрекословного повиновения.
Vatican laws are established to protect this church.	Законы Ватикана существуют для того, чтобы защищать церковь.

It is in that very spirit that I command you to break them now."	И во имя духа этих законов я повелеваю вам нарушить их букву.
There was a moment of silence and then the lead guard gave the order.	Некоторое время стояла тишина, а затем старший по званию гвардеец отдал приказ.
The three men set down their flashlights on the floor, and their shadows leapt overhead.	Трое солдат поставили фонари на пол, и огромные человеческие тени прыгнули на потолок.
Lit now from beneath, the men advanced toward the tomb.	Освещенные снизу люди двинулись к гробнице.

Bracing their hands against the marble covering near the head of the tomb, they planted their feet and prepared to push.	Упершись руками в крышку саркофага со стороны изголовья, они приготовились толкать мраморную глыбу.
On signal, they all thrust, straining against the enormous slab.	Старший подал сигнал, и гвардейцы что есть сил навалились на камень.
When the lid did not move at all, Vittoria found herself almost hoping it was too heavy.	Крышка не шевельнулась, и Виттория вдруг почувствовала какое-то странное облегчение. Она надеялась, что камень окажется слишком тяжелым.
She was suddenly fearful of what they would find inside.	Ей было заранее страшно от того, что она может увидеть под гробовой доской.

The men pushed harder, and still the stone did not move.	Солдаты навалились сильнее, но камень по-прежнему отказывался двигаться.
"Ancora," the camerlegno said, rolling up the sleeves of his cassock and preparing to push along with them.	- Ancora , - сказал камерарий, закатывая рукава сутаны и готовясь помочь гвардейцам.
"Ora!"	- Ora!
Everyone heaved.	Теперь в камень упирались четыре пары рук.

Vittoria was about to offer her own help, but just then, the lid began to slide.	Когда Виттория уже собиралась прийти им на помощь, крышка начала двигаться.

The men dug in again, and with an almost primal growl of stone on stone, the lid rotated off the top of the tomb and came to rest at an angle-the Pope's carved head now pushed back into the niche and his feet extended out into the hallway.	Мужчины, удвоили усилия, и каменная глыба с каким-то первобытным скрипом повернулась и легла под углом к остальной части гробницы.
Everyone stepped back.	Мраморная голова папы теперь была направлена в глубину ниши, а ноги выступали в коридор.
Tentatively, a guard bent and retrieved his flashlight.	Все отошли от саркофага.

Then he aimed it into the tomb.	Один из швейцарских гвардейцев неохотно поднял с пола фонарь и направил луч в глубину каменного гроба.
The beam seemed to tremble a moment, and then the guard held it steady.	Некоторое время луч дрожал, но затем солдат справился со своими нервами, и полоса света замерла на месте.
The other guards gathered one by one.	Остальные швейцарцы стали по одному подходить к гробнице.
Even in the darkness Vittoria sensed them recoil.	Даже в полутьме Виттория видела, насколько неохотно делали это правоверные католики.
In succession, they crossed themselves.	Каждый из них, прежде чем приблизиться к гробу, осенял себя крестом.

The camerlegno shuddered when he looked into the tomb, his shoulders dropping like weights.	Камерарий, заглянув внутрь, содрогнулся всем телом, а его плечи, словно не выдержав навалившегося на них груза, опустились.
He stood a long moment before turning away.	Прежде чем отвернуться, он долго вглядывался в покойника.
Vittoria had feared the corpse's mouth might be clenched tight with rigor mortis and that she would have to suggest breaking the jaw to see the tongue.	Виттория опасалась, что челюсти мертвеца в результате трупного окоченения будут крепко стиснуты и, чтобы увидеть язык, их придется разжимать.
She now saw it would be unnecessary.	Но, заглянув под крышку, она поняла, что в этом нет нужды.

The cheeks had collapsed, and the Pope's mouth gaped wide.	Щеки покойного папы ввалились, а рот широко открылся.
His tongue was black as death.	Язык трупа был черным, как сама смерть.
86	Глава 86
No light.	Полная темнота.
No sound.	Абсолютная тишина.
The Secret Archives were black.	Секретные архивы Ватикана погрузились во тьму.
Fear, Langdon now realized, was an intense motivator.	В этот момент Лэнгдон понял, что страх является сильнейшим стимулятором.

Short of breath, he fumbled through the blackness toward the revolving door.	Судорожно хватая ртом разреженный воздух, он побрел через темноту к вращающимся дверям.

He found the button on the wall and rammed his palm against it.	Нащупав на стене кнопку, американец надавил на нее всей ладонью.
Nothing happened.	Однако ничего не произошло.
He tried again.	Он повторил попытку.
The door was dead.	Управляющая дверью электроника была мертва.
Spinning blind, he called out, but his voice emerged strangled.	Лэнгдон попробовал звать на помощь, но его голос звучал приглушенно.

The peril of his predicament suddenly closed in around him.	Положение, в которое он попал, было смертельно опасным.
His lungs strained for oxygen as the adrenaline doubled his heart rate.	Легкие требовали кислорода, а избыток адреналина в крови заставлял сердце биться с удвоенной частотой.
He felt like someone had just punched him in the gut.	Он чувствовал себя так, словно кто-то нанес ему удар в солнечное сплетение.
When he threw his weight into the door, for an instant he thought he felt the door start to turn.	Когда Лэнгдон навалился на дверь всем своим весом, ему показалось, что она начала вращаться.
He pushed again, seeing stars.	Он толкнул дверь еще раз.

Now he realized it was the entire room turning, not the door.	Удар был настолько сильный, что перед глазами у него замелькали искры.
Staggering away, Langdon tripped over the base of a rolling ladder and fell hard.	Только после этого он понял, что вращается не дверь, а вся комната.
He tore his knee against the edge of a book stack.	Американец попятился назад, споткнулся об основание стремянки и со всей силы рухнул на пол. При падении он зацепился за край стеллажа и порвал на колене брюки.
Swearing, he got up and groped for the ladder.	Проклиная все на свете, профессор поднялся на ноги и принялся нащупывать лестницу.

He found it.	Нашел ее Лэнгдон не сразу. А когда нашел, его охватило разочарование.
He had hoped it would be heavy wood or iron, but it was aluminum.	Ученый надеялся, что стремянка будет сделана из тяжелого дерева, а она оказалась алюминиевой.
He grabbed the ladder and held it like a battering ram. Then he ran through the dark at the glass wall.	Лэнгдон взял лестницу наперевес и, держа ее, как таран, ринулся сквозь тьму на стеклянную стену.
It was closer than he thought.	Стена оказалась ближе, чем он рассчитывал.

The ladder hit head on, bouncing off. From the feeble sound of the collision, Langdon knew he was going to need a hell of a lot more than an aluminum ladder to break this glass.	Конец лестницы ударил в стекло, и по характеру звука профессор понял, что для создания бреши в стене требуется нечто более тяжелое, чем алюминиевая стремянка, которая просто отскочила от мощного стекла, не причинив ему вреда.
When he flashed on the semiautomatic, his hopes surged and then instantly fell.	У него снова вспыхнула надежда, когда он вспомнил о полуавтоматическом пистолете. Вспыхнула и тотчас погасла.
The weapon was gone.	Пистолета не было.

Olivetti had relieved him of it in the Pope's office, saying he did not want loaded weapons around with the camerlegno present.	Оливетти отобрал его еще в кабинете папы, заявив, что не хочет, чтобы заряженное оружие находилось в помещении, где присутствует камерарий.
It made sense at the time.	Тогда ему показалось что в словах комманде-ра есть определенный смысл.
Langdon called out again, making less sound than the last time.	Лэнгдон снова позвал на помощь, но его при-зыв прозвучал даже слабее, чем в первый раз.
Next he remembered the walkie talkie the guard had left on the table outside the vault.	Затем он вспомнил о рации, оставленной гвардейцем на столике у входа.

Why the hell didn't I bring it in!	"Какого дьявола я не догадался взять ее с собой?!"
As the purple stars began to dance before his eyes, Langdon forced himself to think.	Когда перед его глазами начали танцевать красные искры, Лэнгдон заставил себя думать.
You've been trapped before, he told himself.	"Ты попадал в ловушку и раньше, - внушал он себе.
You survived worse.	- Ты выбирался из более трудного положения.
You were just a kid and you figured it out.	Тогда ты был ребенком и все же сумел найти выход.
The crushing darkness came flooding in.	- Темнота давила на него тяжким грузом.
Think!	- Думай!"

Langdon lowered himself onto the floor. He rolled over on his back and laid his hands at his sides.	Ученый опустился на пол, перекатился на спину и вытянул руки вдоль туловища.
The first step was to gain control.	Прежде всего следовало восстановить контроль над собой.
Relax.	"Успокойся.
Conserve.	Соберись".
No longer fighting gravity to pump blood, Langdon's heart began to slow.	Сердце стало биться чуть реже - чтобы перекачивать кровь, ему не надо было преодолевать силу тяготения.

It was a trick swimmers used to re oxygenate their blood between tightly scheduled races.	Этот трюк используют пловцы, для того чтобы насытить кровь кислородом между двумя следующими один за другим заплывами.
There is plenty of air in here, he told himself.	"Здесь вполне достаточно воздуха, - убеждал он себя.
Plenty.	- Более чем достаточно.
Now think.	Теперь думай".
He waited, half expecting the lights to come back on at any moment. They did not.	Лэнгдон все еще питал слабую надежду на то, что огни снова вспыхнут, но этого не происходило.
As he lay there, able to breathe better now, an eerie resignation came across him. He felt peaceful.	Пока он лежал, дышать было легче, и им начало овладевать какое-то странное чувство отрешенности и покоя.

He fought it.	Лэнгдон изо всех сил боролся с этим опасным состоянием.

You will move, damn it!	"Надо двигаться, будь ты проклят!
But where...	Но куда?.."
On Langdon's wrist, Mickey Mouse glowed happily as if enjoying the dark: 9:33 P.M. Half an hour until Fire.	Микки-Маус, словно радуясь темноте, ярко светился на его запястье. Его ручки показывали 9:33. Полчаса до... огня.
Langdon thought it felt a whole hell of a lot later. His mind, instead of coming up with a plan for escape, was suddenly demanding an explanation.	Его мозг, вместо того чтобы искать пути к спасению, стал вдруг требовать объяснений.

Who turned off the power?	"Кто отключил электричество?
Was Rocher expanding his search?	Может быть, это Рошер расширил круг поиска?
Wouldn't Olivetti have warned Rocher that I'm in here!	Неужели Оливетти не предупредил его, что я нахожусь здесь?"
Langdon knew at this point it made no difference.	Впрочем, Лэнгдон понимал, что в данный момент это уже не имеет никакого значения.
Opening his mouth wide and tipping back his head, Langdon pulled the deepest breaths he could manage.	Широко открыв рот и откинув назад голову, Лэнгдон сделал максимально глубокий вдох.

Each breath burned a little less than the last.	В каждой новой порции воздуха кислорода было меньше, чем в предыдущей.
His head cleared. He reeled his thoughts in and forced the gears into motion.	Однако голова все же немного прояснилась, и, отбросив все посторонние мысли, он стал искать путь к спасению.
Glass walls, he told himself.	Стеклянные стены, сказал он себе.
But damn thick glass.	Но из чертовски толстого стекла.
He wondered if any of the books in here were stored in heavy, steel, fireproof file cabinets.	Он попытался вспомнить, не попадались ли ему здесь на глаза тяжелые огнеупорные металлические шкафы, в выдвижных ящиках которых хранились наиболее ценные книги.

Langdon had seen them from time to time in other archives but had seen none here.	В других архивах такие шкафы имелись, но здесь, насколько он успел заметить, их не было.
Besides, finding one in the dark could prove time consuming.	Даже если бы они и были, на их поиски в абсолютной темноте ушло бы слишком много времени.
Not that he could lift one anyway, particularly in his present state.	И самое главное, ему все равно не удалось бы их поднять. Особенно в том состоянии, в котором он сейчас находился.
How about the examination table?	А как насчет просмотрового стола?

Langdon knew this vault, like the other, had an examination table in the center of the stacks.	Лэнгдон знал, что в центре этого хранилища, как и во всех других, расположен стол для просмотра документов.
So what?	Ну и что из того?
He knew he couldn't lift it.	Он понимал, что не сможет поднять его.

Not to mention, even if he could drag it, he wouldn't get it far. The stacks were closely packed, the aisles between them far too narrow.	Но даже если он сможет волочить его по полу, далеко ему не продвинуться.
The aisles are too narrow...	Проходы между стеллажами слишком узкие...

Suddenly, Langdon knew.	И в этот момент Лэнгдон вдруг понял, что нужно делать.
With a burst of confidence, he jumped to his feet far too fast.	Ощущая необыкновенную уверенность в себе, он вскочил на ноги, но сделал это излишне поспешно.
Swaying in the fog of a head rush, he reached out in the dark for support.	Перед глазами у него поплыл красный туман, он пошатнулся и стал искать в темноте точку опоры.
His hand found a stack.	Его рука наткнулась на стеллаж.
Waiting a moment, he forced himself to conserve.	Выждав несколько секунд, он заставил себя сконцентрироваться.
He would need all of his strength to do this.	Для того чтобы совершить задуманное, ему потребуются все силы.

Positioning himself against the book stack like a football player against a training sled, he planted his feet and pushed.	Упершись грудью и руками в стеллаж, подобно тому как игрок в американский футбол упирается в тренировочный щит, Лэнгдон изо всех сил навалился на высокую полку.
If I can somehow tip the shelf.	Если ему удастся ее свалить...
But it barely moved.	Однако стеллаж едва качнулся.
He realigned and pushed again.	Профессор вновь принял исходное положение и снова навалился на препятствие.
His feet slipped backward on the floor. The stack creaked but did not move.	На сей раз его ноги заскользили по полу, а стеллаж слегка заскрипел, но не шевельнулся.

He needed leverage.	Ему нужен был какой-нибудь рычаг.
Finding the glass wall again, he placed one hand on it to guide him as he raced in the dark toward the far end of the vault.	Нащупав в кромешной тьме стеклянную стену и не отрывая от нее руки, он двинулся в дальний конец хранилища.
The back wall loomed suddenly, and he collided with it, crushing his shoulder.	Торцовая стена возникла настолько неожиданно, что он столкнулся с ней, слегка повредив плечо.
Cursing, Langdon circled the shelf and grabbed the stack at about eye level.	Проклиная все на свете, Лэнгдон обошел край стеллажа и вцепился в него где-то на уровне глаз.

Then, propping one leg on the glass behind him and another on the lower shelves, he started to climb.	Затем, упершись одной ногой в стеклянную стену, а другой в нижнюю полку, он начал восхождение.
Books fell around him, fluttering into the darkness.	На него сыпались книги, шелестя в темноте страницами.
He didn't care.	Но ему было плевать.
Instinct for survival had long since overridden archival decorum.	Инстинкт самосохранения заставил его нарушить все правила поведения в архивах.

He sensed his equilibrium was hampered by the total darkness and closed his eyes, coaxing his brain to ignore visual input.	Темнота плохо отражалась на его чувстве равновесия, поэтому он закрыл глаза, чтобы мозг вообще перестал получать визуальные сигналы.
He moved faster now.	Теперь Лэнгдон стал двигаться быстрее.
The air felt leaner the higher he went.	Чем выше он поднимался, тем более разреженным становился воздух.
He scrambled toward the upper shelves, stepping on books, trying to gain purchase, heaving himself upward.	Он карабкался на верхние полки, наступая на книги и подтягиваясь на руках.

Then, like a rock climber conquering a rock face, Langdon grasped the top shelf.	И вот настал миг, когда он - наподобие скалолаза -достиг вершины, в данном случае - верхней полки.
Stretching his legs out behind him, he walked his feet up the glass wall until he was almost horizontal.	Он уселся или, скорее, улегся на полку и стал осторожно вытягивать ноги, нащупывая ими стеклянную стену. Теперь он принял почти горизонтальное положение.
Now or never, Robert, a voice urged.	"Сейчас или никогда, Роберт, - услышал он свой внутренний голос.

Just like the leg press in the Harvard gym.	- Не волнуйся, ведь это, по существу, ничем не отличается от тех упражнений по укреплению ножных мышц, которые ты так часто выполняешь в тренажерном зале Гарварда".
With dizzying exertion, he planted his feet against the wall behind him, braced his arms and chest against the stack, and pushed.	С усилием, от которого у него закружилась голова, он надавил обеими ногами на стеклянную стену.
Nothing happened.	Никакого результата.
Fighting for air, he repositioned and tried again, extending his legs.	Жадно хватая ртом воздух, Лэнгдон слегка изменил позу и снова до отказа выпрямил ноги.

Ever so slightly, the stack moved.	Стеллаж едва заметно качнулся.
He pushed again, and the stack rocked forward an inch or so and then back.	Он толкнул еще раз, и стеллаж, подавшись примерно на дюйм, вернулся в первоначальное положение.
Langdon took advantage of the motion, inhaling what felt like an oxygenless breath and heaving again.	Американцу показалось, что он поймал ритм движения.
The shelf rocked farther.	Амплитуда колебаний становилась все шире и шире.
Like a swing set, he told himself. Keep the rhythm.	Это похоже на качели, сказал он себе, здесь главное - выдерживать ритм.

A little more. Langdon rocked the shelf, extending his legs farther with each push.	Лэнгдон раскачивал полку, с каждым толчком все больше и больше вытягивая ноги.
His quadriceps burned now, and he blocked the pain.	Мышцы горели огнем, но он приказал себе не обращать внимания на боль.
The pendulum was in motion.	Маятник пришел в движение.
Three more pushes, he urged himself.	Еще три толчка, убеждал он себя.

It only took two.	Хватило всего двух.
There was an instant of weightless uncertainty.	На мгновение Лэнгдон ощутил невесомость.

Then, with a thundering of books sliding off the shelves, Langdon and the shelf were falling forward.	Затем, сопровождаемый шумом падающих книг, он вместе со стеллажом рухнул вперед.
Halfway to the ground, the shelf hit the stack next to it. Langdon hung on, throwing his weight forward, urging the second shelf to topple.	Где-то на полпути к полу стеллаж уперся в соседнюю батарею полок, и американец помог ему ногами.
There was a moment of motionless panic, and then, creaking under the weight, the second stack began to tip.	На какое-то мгновение стеллаж замер, а затем продолжил падение.
Langdon was falling again.	Лэнгдон также возобновил движение вниз.

Like enormous dominoes, the stacks began to topple, one after another.	Стеллажи, словно огромные кости домино, стали падать один за другим.
Metal on metal, books tumbling everywhere.	Металл скрежетал о металл, толстенные книги с тяжелым стуком хлопались на пол.
Langdon held on as his inclined stack bounced downward like a ratchet on a jack. He wondered how many stacks there were in all.	"Интересно, сколько здесь рядов? - думал Лэнгдон, болтаясь, словно маятник, на косо стоящем стеллаже.
How much would they weigh?	- И сколько они могут весить?
The glass at the far end was thick...	Ведь стекло такое толстое..."

Langdon's stack had fallen almost to the horizontal when he heard what he was waiting for-a different kind of collision.	Лэнгдон ожидал чего угодно, но только не этого.
Far off. At the end of the vault. The sharp smack of metal on glass. The vault around him shook, and Langdon knew the final stack, weighted down by the others, had hit the glass hard. The sound that followed was the most unwelcome sound Langdon had ever heard. Silence.	Стеллажи прекратили падать, и в хранилище воцарилась тишина, нарушаемая лишь легким потрескиванием стен, принявших на себя вес упавших полок.

There was no crashing of glass, only the resounding thud as the wall accepted the weight of the stacks now propped against it. He lay wide eyed on the pile of books. Somewhere in the distance there was a creaking. Langdon would have held his breath to listen, but he had none left to hold.	Он лежал на куче книг и, затаив дыхание, прислушивался к обнадеживавшему треску в самой дальней от него стене.
One second.	Одна секунда.
Two...	Две...

Then, as he teetered on the brink of unconsciousness, Langdon heard a distant yielding... a ripple spidering outward through the glass.	Затем, почти теряя сознание, Лэнгдон услышал звук, похожий на вздох. Какая-то полка, видимо, все же продавила стекло.
Suddenly, like a cannon, the glass exploded.	В тот же миг хранилище словно взорвалось.
The stack beneath Langdon collapsed to the floor. Like welcome rain on a desert, shards of glass tinkled downward in the dark.	Косо стоявший стеллаж опустился на пол, а из темноты на Лэнгдона посыпались осколки стекла, которые показались ему спасительным дождем в опаленной солнцем пустыне.

With a great sucking hiss, the air gushed in.	В лишенное кислорода помещение с шипением ворвался воздух. ***
Thirty seconds later, in the Vatican Grottoes, Vittoria was standing before a corpse when the electronic squawk of a walkie talkie broke the silence.	А тридцать секунд спустя тишину гротов Ватикана нарушил сигнал рации. Стоящая у гроба убитого понтифика Виттория вздрогнула, услышав электронный писк.
The voice blaring out sounded short of breath.	Затем из динамика прозвучал задыхающийся голос:
"This is Robert Langdon!	- Говорит Роберт Лэнгдон!
Can anyone hear me?"	Меня слышит кто-нибудь?
Vittoria looked up. Robert!	Виттория сразу поняла: Роберт!

She could not believe how much she suddenly wished he were there.	Ей вдруг страшно захотелось, чтобы этот человек оказался рядом.
The guards exchanged puzzled looks. One took a radio off his belt.	Гвардейцы обменялись удивленными взглядами, и один из них, нажав кнопку передатчика, произнес в микрофон:
"Mr. Langdon?	- Мистер Лэнгдон!
You are on channel three.	Вы в данный момент на канале номер три.
The commander is waiting to hear from you on channel one."	Коммандер ждет вашего сообщения на первом канале.
"I know he's on channel one, damn it!	- Мне известно, что коммандер, будь он проклят, на первом канале!

I don't want to speak to him.	Но разговаривать с ним я не буду.
I want the camerlegno.	Мне нужен камерарий.
Now!	Немедленно!
Somebody find him for me."	Найдите его для меня!!! ***
In the obscurity of the Secret Archives, Langdon stood amidst shattered glass and tried to catch his breath.	Лэнгдон стоял в затемненном архиве на куче битого стекла и пытался восстановить дыхание.
He felt a warm liquid on his left hand and knew he was bleeding.	С его левой руки стекала какая-то теплая жидкость, и он знал, что это кровь.

The camerlegno's voice spoke at once, startling Langdon.	Когда из динамика без всякой задержки раздался голос камерария, он очень удивился.
"This is Camerlegno Ventresca.	- Говорит камерарий Вентреска.
What's going on?"	Что там у вас?
Langdon pressed the button, his heart still pounding.	Лэнгдон с бешено колотящимся сердцем нажал кнопку передатчика.
"I think somebody just tried to kill me!"	- Мне кажется, что меня только что хотели убить!
There was a silence on the line.	На линии воцарилось молчание.
Langdon tried to calm himself.	Заставив себя немного успокоиться, американец продолжил:

"I also know where the next killing is going to be."	- Кроме того, мне известно, где должно произойти очередное преступление.
The voice that came back was not the camerlegno's.	Г олос, который он услышал в ответ, принадлежал вовсе не камерарию.
It was Commander Olivetti's:	Это был голос Оливетти.
"Mr. Langdon. Do not speak another word."	- Больше ни слова, мистер Лэнгдон! - бросил командер.
87	Глава 87

Langdon's watch, now smeared with blood, read 9:41 P.M. as he ran across the Courtyard of the Belvedere and approached the fountain outside the Swiss Guard security center.	Пробежав через двор перед бельведером и приблизившись к фонтану напротив штаба швейцарской гвардии, Лэнгдон взглянул на измазанные кровью часы.
His hand had stopped bleeding and now felt worse than it looked.	9:41. Рука перестала кровоточить, но ее вид совершенно ни о чем не говорил. Она болела сильнее, чем до этого.
As he arrived, it seemed everyone convened at once- Olivetti, Rocher, the camerlegno, Vittoria, and a handful of guards.	Когда профессор был уже у входа, из здания навстречу ему мгновенно высыпали все -Оливетти, Рошер, камерарий, Виттория и горстка гвардейцев.

Vittoria hurried toward him immediately.	Первой рядом с ним оказалась Виттория.
"Robert, you're hurt."	- Вы ранены, Роберт?
Before Langdon could answer, Olivetti was before him.	Лэнгдон еще не успел ответить, как перед ним возник Оливетти.
"Mr. Langdon, I'm relieved you're okay.	- Мистер Лэнгдон, я испытываю огромное облегчение, видя, что с вами не случилось ничего серьезного.
I'm sorry about the crossed signals in the archives."	Прошу извинить за то, что произошло в архивах. Это называется "наложение сигналов".
"Crossed signals?" Langdon demanded.	- Наложение сигналов?! - возмутился Лэнгдон.

"You knew damn well-"	- Но вы же, дьявол вас побери, прекрасно зна...
"It was my fault," Rocher said, stepping forward, sounding contrite.	- Это моя вина, - смущенно сказал, выступив вперед, Рошер.
"I had no idea you were in the archives.	- Я представления не имел о том, что вы находитесь в архивах.
Portions of our white zones are cross wired with that building.	Система электроснабжения нашей белой зоны в какой-то своей части объединена с системой архивов.
We were extending our search. I'm the one who killed power.	Мы расширяли круг поисков, и я отключил электроснабжение.
If I had known..."	Если бы я знал...

"Robert," Vittoria said, taking his wounded hand in hers and looking it over, "the Pope was poisoned.	- Роберт... - начала Виттория, взяв руку Лэнгдона в свои ладони и осматривая рану. - Роберт, -повторила она, - папа был отравлен.

The Illuminati killed him."	Его убили иллюминаты.
Langdon heard the words, but they barely registered.	Лэнгдон слышал слова, но их смысл скользнул мимо его сознания.
He was saturated.	Слишком много ему пришлось пережить за последние минуты.
All he could feel was the warmth of Vittoria's hands.	В этот момент он был способен ощущать лишь тепло ее рук.

The camerlegno pulled a silk handkerchief from his cassock and handed it to Langdon so he could clean himself.	Камерарий извлек из кармана сутаны шелковый носовой платок и передал его американцу, чтобы тот мог вытереть руку.
The man said nothing. His green eyes seemed filled with a new fire.	Клирик ничего не сказал, но его глаза, казалось, зажглись каким-то новым огнем.
"Robert," Vittoria pressed, "you said you found where the next cardinal is going to be killed?"	- Роберт, - продолжала Виттория, - вы сказали, что знаете место, где должно произойти очередное убийство.
Langdon felt flighty. "I do, it's at the-"	- Да, знаю, - чуть ли не радостно начал ученый, - это...

"No," Olivetti interrupted.	- Молчите! - оборвал его Оливетти.
"Mr. Langdon, when I asked you not to speak another word on the walkie talkie, it was for a reason."	- Мистер Лэнгдон, когда я просил вас не произносить ни слова по радио, у меня были на то веские основания.
He turned to the handful of assembled Swiss Guards. "Excuse us, gentlemen."	- Он повернулся лицом к солдатам швейцарской гвардии и произнес: - Простите нас, господа.
The soldiers disappeared into the security center. No indignity.	Солдаты, не выразив никакого протеста, скрылись в здании штаба.
Only compliance.	Абсолютное подчинение, подумал Лэнгдон.

Olivetti turned back to the remaining group. "As much as it pains me to say this, the murder of our Pope is an act that could only have been accomplished with help from within these walls.	- Как мне ни больно это признавать, - продолжал Оливетти, обращаясь к оставшимся, - но убийство папы могло произойти лишь с участием человека, находящегося в этих стенах.
For the good of all, we can trust no one.	Из соображений собственной безопасности мы теперь никому не должны доверять.
Including our guards."	Включая наших гвардейцев.
He seemed to be suffering as he spoke the words.	Было заметно, с какой душевной болью произносит Оливетти эти слова.

Rocher looked anxious. "Inside collusion implies-"	- Но это означает, что... - встревоженно начал Рошер.
"Yes," Olivetti said.	- Именно, - не дал ему закончить коммандер.
"The integrity of your search is compromised.	- Результаты ваших поисков серьезно скомпрометированы.
And yet it is a gamble we must take. Keep looking."	Но ставки слишком высоки, и мы не имеем права прекращать обследование белой зоны.

Rocher looked like he was about to say something, thought better of it, and left.	У Рошера был такой вид, словно он хотел что-то сказать. Но затем, видимо, решив этого не делать, он молча удалился.

The camerlegno inhaled deeply.	Камерарий глубоко вздохнул.
He had not said a word yet, and Langdon sensed a new rigor in the man, as if a turning point had been reached.	До сих пор он не проронил ни слова. Но Лэнгдону казалось, что решение уже принято. У него создалось впечатление, что священнослужитель переступил линию, из-за которой уже не может быть возврата назад.
"Commander?" The camerlegno's tone was impermeable. "I am going to break conclave."	- Коммандер, - произнес камерарий не терпящим возражений тоном, - я принял решение прекратить работу конклава.
Olivetti pursed his lips, looking dour.	Оливетти с кислым видом принялся жевать нижнюю губу.
"I advise against it.	Закончив этот процесс, он сказал: - Я бы не советовал этого делать.

We still have two hours and twenty minutes."	В нашем распоряжении еще двадцать минут.
"A heartbeat."	- Всего лишь миг.
Olivetti's tone was now challenging "What do you intend to do?	- Ну и что же вы намерены предпринять?
Evacuate the cardinals single handedly?"	- Голос Оливетти теперь звучал вызывающе. -Хотите в одиночку эвакуировать всех кардиналов?
"I intend to save this church with whatever power God has given me.	- Я хочу использовать всю данную мне Богом власть, чтобы спасти нашу церковь.
How I proceed is no longer your concern."	Как я это сделаю, вас заботить не должно.

Olivetti straightened. "Whatever you intend to do..." He paused. "I do not have the authority to restrain you.	- Что бы вы стали делать... - выпятил было грудь коммандер, но, тут же сменив тон, продолжил: - У меня нет права вам мешать.
Particularly in light of my apparent failure as head of security.	Особенно в свете моей несостоятельности как главы службы безопасности.
I ask only that you wait.	Но я прошу вас всего лишь подождать.
Wait twenty minutes... until after ten o'clock.	Каких-то двадцать минут... До десяти часов.

If Mr. Langdon's information is correct, I may still have a chance to catch this assassin.	Если информация мистера Лэнгдона соответствует действительности, у меня пока еще сохраняются некоторые шансы схватить убийцу.
There is still a chance to preserve protocol and decorum."	У нас остается возможность следовать протоколу, сохраняя декорум.
"Decorum?" The camerlegno let out a choked laugh.	- Декорум? - приглушенно рассмеялся камерарий.
"We have long since passed propriety, commander.	- Мы уже давно переступили черту приличия, коммандер.
In case you hadn't noticed, this is war."	Неужели вы до сих пор не поняли, что мы находимся в состоянии войны?

A guard emerged from the security center and called out to the camerlegno,	Из здания штаба вышел швейцарский гвардеец и, обращаясь к камерарию, сказал:
"Signore, I just got word we have detained the BBC reporter, Mr. Glick."	- Синьор, я только что получил сообщение, что нам удалось задержать репортера Би-би-си по фамилии Глик.
The camerlegno nodded. "Have both he and his camerawoman meet me outside the Sistine Chapel."	- Приведите его и женщину-оператора ко входу в Сикстинскую капеллу для встречи со мной, -удовлетворенно кивнув, сказал камерарий.
Olivetti's eyes widened. "What are you doing?" "Twenty minutes, commander. That's all I'm giving you." Then he was gone.	- Итак, что вы намерены предпринять? - спросил Оливетти. ***

When Olivetti's Alpha Romeo tore out of Vatican City, this time there was no line of unmarked cars following him.	"Альфа-ромео" Оливетти вылетел из ворот Ватикана, но на сей раз за ним следом не мчалась колонна других автомобилей.
In the back seat, Vittoria bandaged Langdon's hand with a first aid kit she'd found in the glove box.	Сидя на заднем сиденье, Виттория перевязывала руку Лэнгдона бинтом из аптечки, которую нашла в отделении для перчаток.
Olivetti stared straight ahead. "Okay, Mr. Langdon. Where are we going?"	- Итак, мистер Лэнгдон, куда мы теперь направляемся? - спросил Оливетти, глядя прямо перед собой через ветровое стекло.
88	Глава 88

Even with its siren now affixed and blaring, Olivetti's Alpha Romeo seemed to go unnoticed as it rocketed across the bridge into the heart of old Rome.	Несмотря на то что на крыше машины мигал проблесковый маячок, а сирена ревела на полную мощность, у Лэнгдона создалось впечатление, что их мчавшийся в самом сердце старого Рима автомобиль никто не замечал.
All the traffic was moving in the other direction, toward the Vatican, as if the Holy See had suddenly become the hottest entertainment in Rome.	Все римляне, казалось, катили в противоположном направлении - в сторону Ватикана. Святой престол, похоже, становился главным местом развлечения у обитателей древнего города.
Langdon sat in the backseat, the questions whipping through his mind.	Лэнгдон сидел рядом с Витторией, и в его голове один за другим возникали вопросы, на которые у него не было ответа.

He wondered about the killer, if they would catch him this time, if he would tell them what they needed to know, if it was already too late.	Как быть с убийцей, если его удастся схватить? Скажет ли он, что им так нужно узнать? А если скажет, то хватит ли времени на то, чтобы устранить опасность?
How long before the camerlegno told the crowd in St. Peter's Square they were in danger?	Когда камерарий сообщит собравшимся на площади Святого Петра людям о грозящей им смертельной опасности?
The incident in the vault still nagged.	Его продолжал беспокоить и инцидент в хранилище.
A mistake.	Действительно ли это простая ошибка?

Olivetti never touched the brakes as he snaked the howling Alpha Romeo toward the Church of Santa Maria della Vittoria.	На всем пути к церкви Санта-Мария делла Виттория Оливетти ни разу не притронулся к тормозам.

Langdon knew on any other day his knuckles would have been white.	Лэнгдон знал, что при других обстоятельствах он сам так крепко вцепился бы в ремень безопасности, что костяшки его пальцев побелели бы от напряжения.
At the moment, however, he felt anesthetized.	Но в данный момент он словно пребывал под наркозом.
Only the throbbing in his hand reminded him where he was.	Лишь боль в руке напоминала ему о том, где он находится.

Overhead, the siren wailed.	Над его головой, не умолкая, выла сирена.
Nothing like telling him we're coming, Langdon thought.	"Но это же предупредит его о нашем появлении", - думал Лэнгдон.
And yet they were making incredible time.	Однако, как бы то ни было, они мчались с невероятной скоростью.
He guessed Olivetti would kill the siren as they drew nearer.	Оливетти, видимо, вырубит сирену, когда они будут ближе к цели, предположил американец.

Now with a moment to sit and reflect, Langdon felt a tinge of amazement as the news of the Pope's murder finally registered in his mind.	Сейчас же ему не оставалось ничего иного, кроме как сидеть и предаваться размышлениям. Потрясающая новость об убийстве папы наконец полностью дошла до его сознания.
The thought was inconceivable, and yet somehow it seemed a perfectly logical event.	Это было невероятное, но в то же время вполне логичное событие.
Infiltration had always been the Illuminati powerbase-rearrangements of power from within.	Внедрение в стан врага всегда оставалось для иллюминатов основным оружием. Внедрившись, они могли изнутри перераспределять власть.
And it was not as if Popes had never been murdered.	И папам не раз приходилось умирать насильственной смертью.

Countless rumors of treachery abounded, although with no autopsy, none was ever confirmed.	Но это была лишь череда слухов, не подтвержденных вскрытием тел.
Until recently.	Лишь совсем недавно произошло событие, свидетельствовавшее о том, что убийство действительно имело место.
Academics not long ago had gotten permission to X ray the tomb of Pope Celestine V, who had allegedly died at the hands of his overeager successor, Boniface VIII.	Ученые добились разрешения провести рентгеноскопическое обследование гробницы папы Целестина V, который, по слухам, умер от руки своего чрезмерно честолюбивого наследника Бонифация VIIl.

The researchers had hoped the X ray might reveal some small hint of foul play-a broken bone perhaps.	Исследователи надеялись, что рентгеноскопия укажет им хотя бы на такие признаки грязной игры, как сломанные кости.
Incredibly, the X ray had revealed a ten inch nail driven into the Pope's skull.	Каково же было изумление ученых, когда рентген показал, что в череп папы был вколочен здоровенный десятидюймовый гвоздь!
Langdon now recalled a series of news clippings fellow Illuminati buffs had sent him years ago.	Лэнгдон припомнил о тех перепечатках газетных статей, которые прислал ему несколько лет назад такой же, как и он, чудак, увлеченный историей братства "Иллюминати".

At first he had thought the clippings were a prank, so he'd gone to the Harvard microfiche collection to confirm the articles were authentic.	Решив поначалу, что все эти перепечатки -фальшивки, он отправился в зал микрофильмов библиотеки Гарварда, где, к своему изумлению, обнаружил, что статьи действительно существуют.
Incredibly, they were.	Теперь он постоянно держал их фотокопии перед собой, приколотыми к классной доске.

He now kept them on his bulletin board as examples of how even respectable news organizations sometimes got carried away with Illuminati paranoia.	Они были призваны служить ярким примером того, что даже вполне респектабельные средства массовой информации могут стать жертвой массовой параноийи.
Suddenly, the media's suspicions seemed a lot less paranoid. Langdon could see the articles clearly in his mind...	И вот теперь все эти высказанные прессой подозрения перестали казаться ему продуктом больного воображения...

The British Broadcasting Corporation	БРИТАНСКАЯ РАДИОВЕЩАТЕЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ
June 14, 1998	14 июня 1998 года
Pope John Paul I, who died in 1978, fell victim to a plot by the P2 Masonic Lodge... The secret society P2 decided to murder John Paul I when it saw he was determined to dismiss the American Archbishop Paul Marcinkus as President of the Vatican Bank.	Папа Иоанн Павел I, скончавшийся в 1978 году, стал жертвой заговора масонской ложи "Пи-2"... Тайное общество "Пи-2" решило умертвить Иоанна Павла I после того, как стало известно о решительном намерении понтифика снять американского архиепископа Пола Марчинкуса с поста президента Банка Ватикана.

The Bank had been implicated in shady financial deals with the Masonic Lodge...	Банк подозревался в теневых финансовых операциях с масонской ложей...
The New York Times	"НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС"
August 24, 1998	24 августа 1998 года
Why was the late John Paul I wearing his day shirt in bed?	...Почему покойный Иоанн Павел 1 был найден в постели одетым в свою дневную рубашку?
Why was it torn?	Почему рубашка была разорвана?
The questions don't stop there.	И на этом вопросы не заканчиваются.

No medical investigations were made.	Медицинского обследования проведено не было.
Cardinal Villot forbade an autopsy on the grounds that no Pope was ever given a postmortem.	Кардинал Вилло категорически запретил патолого-анатомическое исследование, сославшись на то, что за всю историю церкви вскрытия тел скончавшихся понтификов не проводилось.
And John Paul's medicines mysteriously vanished from his bedside, as did his glasses, slippers and his last will and testament.	Все лекарства, которые в то время принимал Иоанн Павел, самым таинственным образом исчезли со стоящей рядом с постелью тумбочки. Так же как и стаканы, из которых он пил, ночные туфли и завещание.
London Daily Mail August 27, 1998	"ДЕЙЛИ МЕЙЛ" 27 августа 1998 года

... a plot including a powerful, ruthless and illegal Masonic lodge with tentacles stretching into the Vatican.	...За этим заговором стояла могущественная и безжалостная масонская ложа, щупальца которой дотянулись и до Ватикана. ***
The cellular in Vittoria's pocket rang, thankfully erasing the memories from Langdon's mind.	В кармане Виттории зазвонил сотовый телефон. Резкий звук прогнал малоприятные воспоминания из памяти Лэнгдона.
Vittoria answered, looking confused as to who might be calling her.	Девушка поднесла телефон к уху, и американцу стало ясно, что, поняв, кто звонит, она несколько растерялась.
Even from a few feet away, Langdon recognized the laserlike voice on the phone.	Даже со своего места, с расстояния нескольких футов, ученый узнал этот резкий, как луч лазера, голос:

"Vittoria?	- Виттория?
This is Maximilian Kohler.	Говорит Максимилиан Колер.
Have you found the antimatter yet?"	Вам уже удалось найти антивещество?
"Max?	- Макс!
You're okay?"	С вами все в порядке?
"I saw the news.	- Я видел выпуск новостей.
There was no mention of CERN or the antimatter.	Там не было никаких упоминаний о ЦЕРНе или об антиматерии.
This is good.	Это хорошо.
What is happening?"	Так что там у вас происходит?
"We haven't located the canister yet.	- Ловушку пока обнаружить не удалось.

The situation is complex.	Положение продолжает оставаться очень сложным.
Robert Langdon has been quite an asset.	Роберт Лэнгдон принес огромную пользу.
We have a lead on catching the man assassinating cardinals.	У нас есть возможность захватить убивающего кардиналов человека.
Right now we are headed-"	В данный момент мы направляемся...
"Ms. Vetra," Olivetti interrupted. "You've said enough."	- Мисс Ветра, - остановил ее Оливетти, - вы уже сказали больше чем достаточно.
She covered the receiver, clearly annoyed.	Виттория прикрыла трубку рукой и произнесла раздраженно:

"Commander, this is the president of CERN.	- Это директор ЦЕРНа, коммандер, и он имеет право...
Certainly he has a right to-"	- Он имеет право быть здесь, чтобы лично разобраться с проблемой.
"He has a right," Olivetti snapped, "to be here handling this situation. You're on an open cellular line. You've said enough."	Вы используете незащищенную сотовую линию и уже сказали, повторяю, более чем достаточно.
Vittoria took a deep breath. "Max?"	- Макс? - процедила Виттория сквозь зубы.

"I may have some information for you," Max said.	- У меня есть для тебя информация, - сказал Колер.

"About your father... I may know who he told about the antimatter."	- О твоем отце... Я, кажется, знаю, кому он рассказывал об антивеществе.
Vittoria's expression clouded. "Max, my father said he told no one."	- Макс, отец никому ничего не говорил, - хмуро ответила девушка.
"I'm afraid, Vittoria, your father did tell someone.	- Боюсь, что твой отец все же не удержался и поделился сведениями о своем выдающемся открытии.
I need to check some security records.	Для полной ясности мне надо проверить кое-какие материалы нашей службы безопасности.
I will be in touch soon."	Я скоро с тобой свяжусь.
The line went dead.	И он отключился.

Vittoria looked waxen as she returned the phone to her pocket.	Когда Виттория засовывала аппарат в карман, ее лицо напоминало восковую маску.
"You okay?" Langdon asked.	- С вами все в порядке? - участливо спросил Лэнгдон.
Vittoria nodded, her trembling fingers revealing the lie.	Девушка утвердительно кивнула, но дрожащие пальцы ее рук говорили, что это далеко не так.
"The church is on Piazza Barberini," Olivetti said, killing the siren and checking his watch.	- Церковь расположена на пьяцца Барберини, - сказал Оливетти.
"We have nine minutes."	Выключив сирену и посмотрев на часы, он добавил: - У нас еще девять минут.

When Langdon had first realized the location of the third marker, the position of the church had rung some distant bell for him.	Местонахождение третьей вехи и церкви вызвало у Лэнгдона какие-то отдаленные ассоциации.
Piazza Barberini.	Пьяцца Барберини...
Something about the name was familiar... something he could not place.	Это название было ему знакомо, однако в какой связи, он сразу вспомнить не мог.
Now Langdon realized what it was.	Но затем он вдруг все вспомнил.
The piazza was the sight of a controversial subway stop.	Сооружение на этой площади станции метро вызвало в обществе большие споры, и это случилось лет двадцать назад.

Twenty years ago, construction of the subway terminal had created a stir among art historians who feared digging beneath Piazza Barberini might topple the multiton obelisk that stood in the center.	Историки опасались, что строительство большого транспортного узла под площадью может разрушить стоящий в ее центре многотонный обелиск.
City planners had removed the obelisk and replaced it with a small fountain called the Triton.	Городским властям пришлось перенести обелиск в другое место, а на площади установили фонтан под названием "Тритон".
In Bernini's day, Langdon now realized, Piazza Barberini had contained an obelisk!	Во времена Бернини на площади стоял обелиск!

Whatever doubts Langdon had felt that this was the location of the third marker now totally evaporated.	И если у Лэнгдона до сих пор продолжали оставаться какие-то сомнения, то сейчас они полностью исчезли.
A block from the piazza, Olivetti turned into an alley, gunned the car halfway down, and skidded to a stop.	В одном квартале от площади Оливетти свернул в переулок и, проехав еще немного, заглушил двигатель.
He pulled off his suit jacket, rolled up his sleeves, and loaded his weapon.	Коммандер снял пиджак, закатал рукава рубахи и вогнал обойму в рукоятку пистолета.
"We can't risk your being recognized," he said.	- Мы не можем допустить, чтобы нас заметили, -сказал он.

"You two were on television. I want you across the piazza, out of sight, watching the front entrance.	- Вас двоих показывали по телевизору, поэтому прошу оставаться на противоположной стороне площади и наблюдать за входом.
I'm going in the back."	Я зайду со стороны задней стены.
He produced a familiar pistol and handed it to Langdon. "Just in case."	А вот это вам на всякий случай, - закончил Оливетти и протянул Лэнгдону уже знакомый пистолет.
Langdon frowned.	Профессору все это не очень нравилось.
It was the second time today he had been handed the gun.	Вот уже второй раз за день ему вручают оружие.

He slid it into his breast pocket. As he did, he realized he was still carrying the folio from Diagramma.	Опуская пистолет в карман, он вспомнил, что до сих пор носит с собой прихваченный в архиве листок из "Диаграммы".
He couldn't believe he had forgotten to leave it behind.	Как он мог забыть о нем? Его следовало оставить в помещении архива.
He pictured the Vatican Curator collapsing in spasms of outrage at the thought of this priceless artifact being packed around Rome like some tourist map.	Американец без труда представил, в какую ярость впадет хранитель, когда узнает, что бесценная реликвия странствовала по всему Риму, выполняя роль простого путеводителя.

Then Langdon thought of the mess of shattered glass and strewn documents that he'd left behind in the archives. The curator had other problems.	Но, вспомнив о груде битого стекла и рассыпанных по полу документах, Лэнгдон решил, что у хранителя и без путешествующей страницы забот будет по самое горло.
If the archives even survive the night...	Если архивы вообще переживут эту ночь...
Olivetti got out of the car and motioned back up the alley.	Оливетти вылез из машины и поманил их за собой по проулку.
"The piazza is that way.	- Площадь там, - сказал он.
Keep your eyes open and don't let yourselves be seen."	- Смотрите в оба, а сами постарайтесь остаться невидимыми.

He tapped the phone on his belt. "Ms. Vetra, let's retest our auto dial."	- Постучав пальцем по висящему на поясе мобильному телефону, командер добавил: - А вас, мисс Ветра, я попрошу настроиться на автоматический набор.

Vittoria removed her phone and hit the auto dial number she and Olivetti had programmed at the Pantheon.	Виттория достала мобильник и нажала кнопку автонабора номера, который она и Оливетти запрограммировали еще в Пантеоне.
Olivetti's phone vibrated in silent ring mode on his belt.	Аппарат на поясе офицера завибрировал, так как работал в режиме беззвучного вызова.

The commander nodded. "Good. If you see anything, I want to know." He cocked his weapon. "I'll be inside waiting.	- Отлично, - удовлетворенно кивнул командер, передернул затвор своего пистолета и добавил: -Я буду ждать внутри.
This heathen is mine."	Считайте, что этот негодяй уже мой. ***
At that moment, very nearby, another cellular phone was ringing.	В тот же момент совсем рядом с ними раздался сигнал еще одного сотового телефона.
The Hassassin answered. "Speak."	- Говорите, - произнес в трубку ассасин.
"It is I," the voice said. "Janus."	- Это я, - услышал он, - Янус.
The Hassassin smiled. "Hello, master."	- Приветствую вас, хозяин, - улыбнулся убийца.

"Your position may be known.	- Ваше местонахождение может быть известно.
Someone is coming to stop you."	Не исключено, что будут предприняты попытки вам помешать.
"They are too late.	- Они опоздали.
I have already made the arrangements here."	Я успел закончить все приготовления.
"Good.	- Отлично.
Make sure you escape alive.	Сделайте все, чтобы уйти живым.
There is work yet to be done."	Нам еще предстоит боль-шая работа.
"Those who stand in my way will die."	- Тем, кто встанет на моем пути, придется умереть.

"Those who stand in your way are knowledgeable."	- Тем, кто станет на вашем пути, очень многое известно.
"You speak of an American scholar?"	- Вы имеете в виду ученого-американца?
"You are aware of him?"	- Следовательно, вы знаете о его существовании?
The Hassassin chuckled. "Cool tempered but naive.	- Хладнокровен, но чрезвычайно наивен, -презрительно фыркнул ассасин.
He spoke to me on the phone earlier.	- Он недавно говорил со мной по телефону.
He is with a female who seems quite the opposite."	Его сопровождает какая-то женщина с полностью противоположным характером.

The killer felt a stirring of arousal as he recalled the fiery temperament of Leonardo Vetra's daughter.	Убийца почувствовал легкое возбуждение, припомнив огненный темперамент дочери Леонардо Ветра.
There was a momentary silence on the line, the first hesitation the Hassassin had ever sensed from his Illuminati master.	Повисла пауза, а когда собеседник снова заговорил, убийца впервые за все время их знакомства уловил в голосе лидера ордена "Иллюминати" некоторую неуверенность.
Finally, Janus spoke. "Eliminate them if need be."	- Устраните всех, - сказал Янус.

The killer smiled. "Consider it done."	- Считайте, что это уже сделано, - улыбнулся убийца.

He felt a warm anticipation spreading through his body.	В предвкушении предстоящего наслаждения по всему его телу прокатилась горячая волна.
Although the woman I may keep as a prize.	Хотя женщину можно оставить себе как приз.
89	Глава 89
War had broken out in St. Peter's Square.	На площади Святого Петра развернулись настоящие военные действия.
The piazza had exploded into a frenzy of aggression.	Все вдруг начали проявлять невероятную агрессивность.
Media trucks skidded into place like assault vehicles claiming beachheads.	Микроавтобусы прессы, словно штурмовые машины, стремились захватить самый удобный плацдарм.

Reporters unfurled high tech electronics like soldiers arming for battle.	Репортеры готовили к работе сложную электронику так, как солдаты готовят к бою оружие.
All around the perimeter of the square, networks jockeyed for position as they raced to erect the newest weapon in media wars-flat screen displays.	Они метались по всему периметру площади, отыскивая места для новейшего оружия медийных войн - дисплеев с плоским экраном.
Flat screen displays were enormous video screens that could be assembled on top of trucks or portable scaffolding.	Плоские дисплеи являли собой гигантских размеров экраны, которые можно разместить на крышах автобусов или на легких сборных площадках.

The screens served as a kind of billboard advertisement for the network, broadcasting that network's coverage and corporate logo like a drive in movie.	Эти экраны служат своего рода уличной рекламой для передающих новости телевизионных сетей. Во все время передачи на таком экране обязательно присутствовал логотип сети; Площадь стала походить на летний кинотеатр под открытым небом.
If a screen were well situated-in front of the action, for example- a competing network could not shoot the story without including an advertisement for their competitor.	Если экран был расположен удачно - например, перед местом, где развертывались события, - ни одна сеть не могла вести съемки, не рекламируя при этом своего конкурента.

The square was quickly becoming not only a multimedia extravaganza, but a frenzied public vigil.	Площадь в мгновение ока превратилась не только в поле битвы средств массовой информации, но и в место вечернего бдения обычной публики.
Onlookers poured in from all directions.	Зеваки текли на площадь со всех сторон.
Open space in the usually limitless square was fast becoming a valuable commodity.	Незанятое место на всегда свободном огромном пространстве стало большой редкостью.
People clustered around the towering flat screen displays, listening to live reports in stunned excitement.	Обыватели собирались в густые толпы перед гигантскими экранами. Потрясенные люди внимательно вслушивались в слова ведущих прямую трансляцию репортеров. ***

Only a hundred yards away, inside the thick walls of St. Peter's Basilica, the world was serene.	А в какой-то сотне ярдов от этого столпотворения, за могучими стенами собора Святого Петра царили темнота и полная тишина.

Lieutenant Chartrand and three other guards moved through the darkness.	В этой темноте медленно и бесшумно передвигались вооруженные приборами ночного видения лейтенант Шартран и еще три швейцарских гвардейца.
Wearing their infrared goggles, they fanned out across the nave, swinging their detectors before them.	Они шли по нефу, размеренно водя перед собой похожими на миноискатели приборами.

The search of Vatican City's public access areas so far had yielded nothing.	Осмотр белых зон Ватикана пока не принес никаких результатов.
"Better remove your goggles up here," the senior guard said.	- Пожалуй, стоит снять очки, - сказал старший.
Chartrand was already doing it.	Шартран и без его совета уже успел это сделать.
They were nearing the Niche of the Palliums- the sunken area in the center of the basilica.	Группа приближалась к так называемой нише паллиума - углубленной площадке в самом центре базилики.

It was lit by ninety nine oil lamps, and the amplified infrared would have seared their eyes.	Нишу заливал свет девяноста девяти лампад, и инфракрасное излучение было настолько сильным, что могло повредить глаза.
Chartrand enjoyed being out of the heavy goggles, and he stretched his neck as they descended into the sunken niche to scan the area.	Освободившись от тяжелого прибора, Шартран почувствовал огромное облегчение. Наконец-то можно было размять шею. Что он и сделал, пока группа спускалась вниз, чтобы осмотреть все углубление.
The room was beautiful... golden and glowing.	Помещение оказалось на удивление красивым, золотым и сверкающим.
He had not been down here yet.	Молодому человеку еще не приходилось в него спускаться.

It seemed every day since Chartrand had arrived in Vatican City he had learned some new Vatican mystery.	Лейтенанту казалось, что после прибытия в Ватикан ему каждый день открывались все новые и новые тайны Святого города.
These oil lamps were one of them.	И эти лампады были одной из них.
There were exactly ninety nine lamps burning at all times.	Девяносто девять лампад горели день и ночь.
It was tradition.	Такова была традиция.
The clergy vigilantly refilled the lamps with sacred oils such that no lamp ever burned out.	Священнослужители аккуратно заполняли их священным маслом, так что ни одна не успевала выгореть до конца.

It was said they would burn until the end of time.	Многие утверждали, что лампады будут гореть до самого конца света.
Or at least until midnight, Chartrand thought, feeling his mouth go dry again.	Или в крайнем случае до полуночи, подумал Шартран, ощутив, как у него вдруг вновь пересохло в горле.
Chartrand swung his detector over the oil lamps.	Он провел детектором вдоль лампад.
Nothing hidden in here.	Там ничего не оказалось.

He was not surprised; the canister, according to the video feed, was hidden in a dark area.	Это нисколько его не удивило. Ловушка, если верить картинке на экране монитора, была укрыта в затемненном помещении.

As he moved across the niche, he came to a bulkhead grate covering a hole in the floor.	Двигаясь по нише, он приблизился к металлической решетке, прикрывающей отверстие в полу.
The hole led to a steep and narrow stairway that went straight down.	В отверстии были видны ведущие в глубину узкие и крутые ступени.
He had heard stories about what lay down there. Thankfully, they would not have to descend.	Слава Богу, что туда не надо спускаться.
Rocher's orders were clear.	Приказ Рошера был предельно ясен.
Search only the public access areas; ignore the white zones.	Осматривать лишь открытые для публики помещения и игнорировать все зоны, куда посторонние не имеют доступа.

"What's that smell?" he asked, turning away from the grate.	- Чем это пахнет? - спросил он, отходя от решетки.
The niche smelled intoxicatingly sweet.	В нише стоял сладкий до умопомрачения аромат.
"Fumes from the lamps," one of them replied.	- Это запах от пламени лампад, - ответил один из швейцарцев.
Chartrand was surprised. "Smells more like cologne than kerosene."	- Пахнет скорее одеколоном, а не керосином, -изумился Шартран.
"It's not kerosene.	- Никакого керосина там нет.
These lamps are close to the papal altar, so they take a special, ambiental mixture-ethanol, sugar, butane, and perfume."	Лампады расположены неподалеку от папского алтаря и поэтому наполняются сложной смесью спирта, сахара, бутана и духов.

"Butane?" Chartrand eyed the lamps uneasily.	- Бутана? - с опаской глядя на лампады, переспросил Шартран.
The guard nodded. "Don't spill any.	- Смотри не пролей, - утвердительно кивнув, ответил гвардеец.
Smells like heaven, but burns like hell."	- Благоухает как в раю, а пламенем пылает адским.
The guards had completed searching the Niche of the Palliums and were moving across the basilica again when their walkie talkies went off.	Когда гвардейцы, закончив осмотр ниши паллиума, вновь двинулись по темному собору, их портативная радиостанция подала признаки жизни.
It was an update. The guards listened in shock.	Потрясенные гвардейцы внимательно выслушали сообщение о развитии ситуации.

Apparently there were troubling new developments, which could not be shared on air, but the camerlegno had decided to break tradition and enter conclave to address the cardinals.	Судя по этой информации, возникли новые тревожные обстоятельства, о которых нельзя было говорить по рации.
Never before in history had this been done.	Тем не менее начальство сообщало, что камерарий решил нарушить традицию и войти в Сикстинскую капеллу, чтобы обратиться к конклаву.

Then again, Chartrand realized, never before in history had the Vatican been sitting on what amounted to some sort of neoteric nuclear warhead.	За всю историю Ватикана подобного не случалось. Но в то же время, как понимал Шартран, еще ни разу за всю свою историю Ватикану не приходилось сидеть на ядерной бомбе.
Chartrand felt comforted to know the camerlegno was taking control.	Шартрана радовало, что дело в свои руки взял камерарий.
The camerlegno was the person inside Vatican City for whom Chartrand held the most respect.	Во всем Ватикане не было другого человека, которого лейтенант уважал бы так, как этого клирика.

Some of the guards thought of the camerlegno as a beato-a religious zealot whose love of God bordered on obsession-but even they agreed... when it came to fighting the enemies of God, the camerlegno was the one man who would stand up and play hardball.	Некоторые гвардейцы считали камерария beato -религиозным фанатиком, чья любовь к Богу граничила с одержимостью. Но даже они соглашались, что, когда дело доходило до схватки с врагами Г оспода, камерарий был тем человеком, который мог принять на себя самый тяжелый удар.

The Swiss Guards had seen a lot of the camerlegno this week in preparation for conclave, and everyone had commented that the man seemed a bit rough around the edges, his verdant eyes a bit more intense than usual.	Швейцарским гвардейцам за последнюю неделю приходилось часто встречаться с камерарием, и все обратили внимание на то, что временный шеф Ватикана стал жестче, а взгляд его зеленых глаз приобрел несвойственную ему ранее суровость.

Not surprisingly, they had all commented; not only was the camerlegno responsible for planning the sacred conclave, but he had to do it immediately on the heels of the loss of his mentor, the Pope.	И неудивительно, говорили швейцарцы, ибо на плечи камерария легла вся ответственность за подготовку священного конклава и он должен был заниматься ею сразу же после кончины своего наставника папы.
Chartrand had only been at the Vatican a few months when he heard the story of the bomb that blew up the camerlegno's mother before the kid's very eyes.	Шартран находился в Ватикане всего пару месяцев, когда ему рассказали о том, что мать будущего камерария погибла от взрыва бомбы на глазах у маленького сына.

A bomb in church... and now it's happening all over again.	Бомба в церкви... и сейчас все повторяется.
Sadly, the authorities never caught the bastards who planted the bomb... probably some anti Christian hate group they said, and the case faded away.	Жаль, что не удалось схватить мерзавцев, которые установили ту первую бомбу... говорили, что это была какая-то воинствующая антихристианская секта. Преступники скрылись, и дело не получило развития.
No wonder the camerlegno despised apathy.	Неудивительно, что камерария возмущает любое проявление равнодушия.

A couple months back, on a peaceful afternoon inside Vatican City, Chartrand had bumped into the camerlegno coming across the grounds.	Пару месяцев назад, в тихое послеполуденное время Шартран едва не столкнулся с шагающим по неширокой дорожке камерарием.
The camerlegno had apparently recognized Chartrand as a new guard and invited him to accompany him on a stroll.	Камерарий, видимо, узнав в нем нового гвардейца, предложил лейтенанту прогуляться вместе.
They had talked about nothing in particular, and the camerlegno made Chartrand feel immediately at home.	Они беседовали на самые разные темы, и уже очень скоро Шартран почувствовал внутреннюю свободу и раскованность.

"Father," Chartrand said, "may I ask you a strange question?"	- Святой отец, - сказал он, - вы разрешите мне задать вам странный вопрос?
The camerlegno smiled. "Only if I may give you a strange answer."	- Только в том случае, если получу право дать на него столь же странный ответ, - улыбнулся камерарий.
Chartrand laughed. "I have asked every priest I know, and I still don't understand."	- Я спрашивал об этом у всех знакомых мне духовных лиц, - со смехом пояснил лейтенант, -но так до конца и не понял.
"What troubles you?"	- Что же вас тревожит?

The camerlegno led the way in short, quick strides, his frock kicking out in front of him as he walked.	- Камерарий энергично шагал впереди гвардейца, и полы его сутаны при ходьбе слегка распахивались, открывая черные туфли на каучуковой подошве.
His black, crepe sole shoes seemed befitting, Chartrand thought, like reflections of the man's essence... modern but humble, and showing signs of wear.	Обувь полностью соответствует его облику, думал Шартран, модная, но скромная, со следами износа.
Chartrand took a deep breath.	Лейтенант набрал полную грудь воздуха и выпалил:

"I don't understand this omnipotent benevolent thing."	- Я не понимаю, как соотносится Его всемогущество с Его милостью!
The camerlegno smiled. "You've been reading Scripture."	- Вы изучаете Священное Писание? - улыбнулся камерарий.
"I try."	- Пытаюсь.
"You are confused because the Bible describes God as an omnipotent and benevolent deity."	- И вы находитесь в растерянности, поскольку Библия называет Творца одновременно всемогущим и всемилостивым, не так ли?
"Exactly."	- Именно.
"Omnipotent benevolent simply means that God is all powerful and well meaning."	- Понятие всемогущества и милости трактуется очень просто - Бог может все и всегда нацелен на добро.

"I understand the concept.	- Да, эту концепцию я понимаю.
It's just... there seems to be a contradiction."	Но мне кажется... что здесь скрыто противоречие.
"Yes.	- Ясно.
The contradiction is pain.	Противоречие вы видите в том, что в мире существуют страдания.
Man's starvation, war, sickness..."	Голод, войны, болезни...
"Exactly!"	- Точно!
Chartrand knew the camerlegno would understand.	- Шартран был уверен, что камерарий его поймет.
"Terrible things happen in this world.	- В мире происходят ужасные вещи.

Human tragedy seems like proof that God could not possibly be both all powerful and well meaning.	И многочисленные человеческие трагедии говорят о том, что Бог не может быть одновременно и всемогущим, и милостивым.

If He loves us and has the power to change our situation, He would prevent our pain, wouldn't He?"	Если Он нас любит и в Его власти изменить ситуацию, то почему Он этого не делает? Ведь Он способен предотвратить страдания, не так ли?
The camerlegno frowned. "Would He?"	- Вы полагаете? - строго спросил камерарий.
Chartrand felt uneasy.	Шартран ощутил некоторую неловкость.

Had he overstepped his bounds? Was this one of those religious questions you just didn't ask?	Неужели он задал вопрос, который задавать не принято?
"Well... if God loves us, and He can protect us, He would have to.	- Не знаю, как это лучше выразить... Если Бог нас любит, то Он может нас защитить. Он должен сделать это.
It seems He is either omnipotent and uncaring, or benevolent and powerless to help."	Поэтому складывается впечатление, что Он всемогущ, но равнодушен или милостив, но бессилен.
"Do you have children, Lieutenant?"	- У вас есть дети, лейтенант?
Chartrand flushed. "No, signore."	- Нет, - заливаясь краской, ответил гвардеец.

"Imagine you had an eight year old son... would you love him?"	- Представьте, что у вас есть восьмилетний сын... Вы бы его любили?
"Of course."	- Конечно.
"Would you do everything in your power to prevent pain in his life?"	- И вы были бы готовы сделать все, что в ваших силах, дабы он избежал боли и страданий?
"Of course."	- Естественно.
"Would you let him skateboard?"	- Вы позволили бы ему кататься на скейтборде?
Chartrand did a double take.	Шартран задумался.
The camerlegno always seemed oddly "in touch" for a clergyman.	Несмотря на свои сан, камерарий часто казался очень приземленным. Или слишком земным.

"Yeah, I guess," Chartrand said. "Sure, I'd let him skateboard, but I'd tell him to be careful."	- Да, позволил бы, - протянул лейтенант, - но в то же время предупредил бы его о необходимости соблюдать осторожность.
"So as this child's father, you would give him some basic, good advice and then let him go off and make his own mistakes?"	- Итак, являясь отцом ребенка, вы дали бы ему добрый совет, а затем отпустили бы его учиться на собственных ошибках.
"I wouldn't run behind him and mollycoddle him if that's what you mean."	Не так ли? - Я определенно не побежал бы рядом, чтобы с ним нянчиться. Если вы это имеете в виду.
"But what if he fell and skinned his knee?"	- А если он вдруг упадет и оцарапает колено?

"He would learn to be more careful."	- Это научит его впредь быть более осторожным.
The camerlegno smiled. "So although you have the power to interfere and prevent your child's pain, you would choose to show your love by letting him learn his own lessons?"	- Итак, несмотря на то что вы имеете власть вмешаться в ход событий, чтобы предотвратить ту боль, которую может испытать ваш сын, вы проявляете свою любовь к нему тем, что позволяете учиться на собственных ошибках?
"Of course.	- Конечно.
Pain is part of growing up.	Боль - неотъемлемая часть взросления.

It's how we learn."	Именно так мы учимся.

The camerlegno nodded. "Exactly."	- Вот именно, - кивнул камерарий.
90	Глава 90
Langdon and Vittoria observed Piazza Barberini from the shadows of a small alleyway on the western corner.	Лэнгдон и Виттория наблюдали за пьяцца Барберини из темного проулка между двумя домами в западном углу площади.
The church was opposite them, a hazy cupola emerging from a faint cluster of buildings across the square.	Церковь находилась прямо напротив - едва заметный в темноте купол лишь немного возвышался над окружающими храм домами.

The night had brought with it a welcome cool, and Langdon was surprised to find the square deserted.	Ночь принесла с собой столь желанную прохладу, и Лэнгдон был удивлен тем, что площадь оставалась пустынной.
Above them, through open windows, blaring televisions reminded Langdon where everyone had disappeared to.	Из открытых окон над их головами доносились звуки работающих телевизоров, и это напомнило американцу, куда подевались люди.
"... no comment yet from the Vatican... Illuminati murders of two cardinals... satanic presence in Rome... speculation about further infiltration..."	"...Ватикан до сих пор не дает комментариев... Иллюминаты убили двух кардиналов... присутствие сатанистов в Риме означает... спекуляции о проникновении агентов тайного общества..."

The news had spread like Nero's fire.	Новость распространялась по Риму с такой же скоростью, как в свое время пламя устроенного Нероном пожара.
Rome sat riveted, as did the rest of the world.	Древний город, как и весь остальной мир, затаил дыхание.
Langdon wondered if they would really be able to stop this runaway train.	"Сумеем ли мы остановить сорвавшийся с тормозов поезд?" - думал Лэнгдон.
As he scanned the piazza and waited, Langdon realized that despite the encroachment of modern buildings, the piazza still looked remarkably elliptical.	Оглядывая площадь, ученый вдруг понял, что, несмотря на окружающие ее современные здания, пьяцца Барберини сохранила эллипсовидную форму.

High above, like some sort of modern shrine to a bygone hero, an enormous neon sign blinked on the roof of a luxurious hotel.	Высоко над его головой на крыше роскошной гостиницы сияла огромная неоновая реклама. Ему вдруг показалось, что это сияние есть не что иное, как святилище древнего героя.
Vittoria had already pointed it out to Langdon.	Первой на это обратила внимание Виттория.
The sign seemed eerily befitting.	Светящиеся слова необъяснимым образом соответствовали ситуации.
HOTEL BERNINI	ОТЕЛЬ "БЕРНИНИ"
"Five of ten," Vittoria said, cat eyes darting around the square.	- Без пяти десять... - начала Виттория, оглядывая площадь.

No sooner had she spoken the words than she grabbed Langdon's arm and pulled him back into the shadows. She motioned into the center of the square.	Не закончив фразы, она схватила Лэнгдона за локоть и, потянув глубже в тень, показала на центр площади.

Langdon followed her gaze. When he saw it, he stiffened.	Лэнгдон посмотрел в указанном направлении и окаменел.
Crossing in front of them, beneath a street lamp, two dark figures appeared.	Там в свете уличного фонаря двигались две темные, закутанные в плащи фигуры.
Both were cloaked, their heads covered with dark mantles, the traditional black covering of Catholic widows.	Лица этих людей были скрыты под черными mantles - традиционным головным убором вдовствующих дам католического вероисповедания.

Langdon would have guessed they were women, but he couldn't be sure in the dark.	Лэнгдону показалось, что по площади идут женщины, но с уверенностью он этого сказать не мог. Света уличных фонарей для этого было явно недостаточно.
One looked elderly and moved as if in pain, hunched over.	Одна из "женщин" была, видимо, постарше. Она горбилась и двигалась с заметным трудом.
The other, larger and stronger, was helping.	Ее поддерживала та, которая со стороны выглядела значительно выше и крепче.
"Give me the gun," Vittoria said.	- Дайте мне пистолет, - сказала Виттория.
"You can't just-"	- Но не можете же вы просто взять и...

Fluid as a cat, Vittoria was in and out of his pocket once again.	Девушка неуловимо быстрым движением запустила руку в карман его пиджака.
The gun glinted in her hand.	Когда она через мгновение вынула руку, в ней уже блестел пистолет.
Then, in absolute silence, as if her feet never touched the cobblestone, she was circling left in the shadows, arching across the square to approach the couple from the rear.	Затем, не производя ни малейшего шума, -создавалось впечатление, что ее ноги вообще не касаются брусчатки мостовой, - она двинулась за парой с таким расчетом, чтобы зайти с тыла.
Langdon stood transfixed as Vittoria disappeared. Then, swearing to himself, he hurried after her.	Некоторое время Лэнгдон пребывал в растерянности, но затем, кляня про себя все на свете поспешил вслед за девушкой.

The couple was moving slowly, and it was only a matter of half a minute before Langdon and Vittoria were positioned behind them, closing in from the rear.	Пара передвигалась очень медленно, и уже через тридцать секунд Виттория и Лэнгдон оказались за спинами закутанных в плащи фигур.
Vittoria concealed the gun beneath casually crossed arms in front of her, out of sight but accessible in a flash.	Виттория небрежно скрестила на груди руки, скрыв под ними оружие, так что пистолет можно было пустить в ход за какие-то доли секунды.
She seemed to float faster and faster as the gap lessened, and Langdon battled to keep up.	По мере того как расстояние между ними и парочкой сокращалось, девушка шагала все быстрее и быстрее.

When his shoes scuffed a stone and sent it skittering, Vittoria shot him a sideways glare.	Лэнгдону, чтобы не отставать, приходилось напрягаться. Когда он, споткнувшись о выступающий камень, поскользнулся, Виттория метнула на него сердитый взгляд.
But the couple did not seem to hear. They were talking.	Но увлеченная разговором пара, кажется, ничего не услышала.
At thirty feet, Langdon could start to hear voices.	С расстояния тридцати футов Лэнгдон начал различать их голоса.

No words.	Отдельных слов он не слышал.
Just faint murmurings.	До него доносилось лишь невнятное бормотание.

Beside him, Vittoria moved faster with every step. Her arms loosened before her, the gun starting to peek out. Twenty feet.	Виттория продолжала преследование.
The voices were clearer- one much louder than the other.	Теперь голоса слышались яснее. Один из них звучал заметно громче другого.
Angry. Ranting.	В нем слышалось недовольство.
Langdon sensed it was the voice of an old woman.	Лэнгдон уловил, что этот голос принадлежит старшей даме.
Gruff. Androgynous.	Теперь он не сомневался, что перед ним женщины, хотя голос был грубоватым и довольно низким.

He strained to hear what she was saying, but another voice cut the night.	Американец напряг слух, чтобы услышать, о чем идет речь, но в этот миг относительную тишину прорезал другой голос.
"Mi scusi!" Vittoria's friendly tone lit the square like a torch.	- Mi scusi! - произнесла Виттория как можно более дружелюбно.
Langdon tensed as the cloaked couple stopped short and began to turn.	Лэнгдон замер, когда закрытые длинными плащами и черными накидками фигуры начали медленно поворачиваться лицом к девушке.
Vittoria kept striding toward them, even faster now, on a collision course.	Виттория ускорила шаг. Теперь она двигалась прямо навстречу им.

They would have no time to react.	Она делала это для того, чтобы противник не успел отреагировать.
Langdon realized his own feet had stopped moving.	Когда ученый это понял, ноги почему-то отказались ему служить.
From behind, he saw Vittoria's arms loosening, her hand coming free, the gun swinging forward.	Он видел, как она отнимает руки от груди. В одной руке блеснул пистолет.
Then, over her shoulder, he saw a face, lit now in the street lamp. The panic surged to his legs, and he lunged forward.	И в тот же миг через ее плечо он увидел лицо, на которое упал свет уличного фонаря.
"Vittoria, no!"	- Не надо!!! - крикнул он, бросаясь к Виттории.

Vittoria, however, seemed to exist a split second ahead of him.	Но реакция у девушки оказалась лучше, чем у американца.
In a motion as swift as it was casual, Vittoria's arms were raised again, the gun disappearing as she clutched herself like a woman on a chilly night.	На долю секунды опередив его безумный вопль, она быстрым, но в то же время небрежным движением подняла руки.
Langdon stumbled to her side, almost colliding with the cloaked couple before them.	Пистолет исчез из поля зрения, когда она обняла себя за плечи так, как часто делают женщины прохладными вечерами. Лэнгдон подбежал к ней, едва не сбив с ног завернутую в плащи парочку.

"Buona sera," Vittoria blurted, her voice startled with retreat.	- Добрый вечер! - выпалила Виттория, пытаясь скрыть свою растерянность.

Langdon exhaled in relief.	Лэнгдон облегченно вздохнул.
Two elderly women stood before them scowling out from beneath their mantles.	Перед ними, мрачно глядя из-под черных шалей, стояли две немолодые дамы.
One was so old she could barely stand.	Одна из них была настолько стара, что едва держалась на ногах.
The other was helping her.	Другая, тоже далеко не юная, держала ее подруку.
Both clutched rosaries.	У обеих в руках были четки.

They seemed confused by the sudden interruption.	Неожиданное появление Лэнгдона и Виттории привело их в полное замешательство.
Vittoria smiled, although she looked shaken.	Виттория, несмотря на испытанное потрясение, изобразила улыбку и спросила:
"Dov'? la chiesa Santa Maria della Vittoria?	- Dov'e la chiesa Santa Maria della Vittoria?
Where is the Church of-"	Где здесь церковь?..
The two women motioned in unison to a bulky silhouette of a building on an inclined street from the direction they had come.	Обе женщины одновременно ткнули пальцами в силуэт массивного здания, стоящего на углу улицы, по которой они сюда прибыли.
"? l?."	- E 1a.

"Grazie," Langdon said, putting his hands on Vittoria's shoulders and gently pulling her back.	- Grazie, - произнес Лэнгдон и, обняв девушку за плечи, мягко увлек ее в сторону.
He couldn't believe they'd almost attacked a pair of old ladies.	Американец никак не мог прийти в себя из-за того, что они едва не прикончили двух престарелых дам.
"Non si pu? entrare," one woman warned.	- Non si puo entrare, - сказала одна из дам.
"? chiusa temprano."	- E chiusa temprano.
"Closed early?"	- Нет входа? - изумилась Виттория.
Vittoria looked surprised.	- Церковь закрыта?
"Perch??"	Perche?

Both women explained at once.	Обе женщины заговорили одновременно.
They sounded irate.	И заговорили очень сердито.
Langdon understood only parts of the grumbling Italian.	Несмотря на слабое владение итальянским языком, Лэнгдон многое понял.
Apparently, the women had been inside the church fifteen minutes ago praying for the Vatican in its time of need, when some man had appeared and told them the church was closing early.	Пятнадцать минут назад они были в церкви и возносили там молитвы о спасении Ватикана в столь трудное для него время. Затем в храме появился человек, который объявил, что церковь сегодня закрывается раньше, чем обычно.

"Hanno conosciuto l'uomo?" Vittoria demanded, sounding tense.	- Hanno conosciuto l'uomo? - напряженно спросила Виттория.
"Did you know the man?"	- Вы знали этого человека?

The women shook their heads. The man was a straniero crudo, they explained, and he had forcibly made everyone inside leave, even the young priest and janitor, who said they were calling the police.	Женщины отрицательно покачали головами и сказали, что человек был "неотесанным иностранцем", который насильно заставил всех, включая молодого клирика и уборщика, покинуть церковь. Священник сказал, что вызовет полицию.

But the intruder had only laughed, telling them to be sure the police brought cameras.	Грубиян рассмеялся и сказал, что не возражает, при условии, что полицейские не забудут прихватить с собой видеокамеру.
Cameras? Langdon wondered.	- Видеокамеру? - переспросил Лэнгдон.
The women clucked angrily and called the man a bar arabo. Then, grumbling, they continued on their way.	Дамы сердито фыркнули и, назвав негодяя "bar-arabo", продолжили свой путь.
"Bar arabo?"Langdon asked Vittoria.	- Bar-arabo? - снова переспросил Лэнгдон.
"A barbarian?"	- Наверное, это должно означать "варвар"?

Vittoria looked suddenly taut. "Not quite.	- Не совсем, - ответила Виттория (теперь она была взволнована). -
Bar arabo is derogatory wordplay.	"Bar-arabo" - это оскорбительная игра слов.
It means Arabo... Arab."	Так называют арабов, давая понять, что все они -варвары. Это означает... араб.
Langdon felt a shiver and turned toward the outline of the church.	Лэнгдон, вдруг ощутив леденящий душу ужас, посмотрел на церковь.
As he did, his eyes glimpsed something in the church's stained glass windows. The image shot dread through his body.	За цветными витражами окон, как ему показалось, что-то происходило.

Unaware, Vittoria removed her cell phone and pressed the auto dial.	Виттория неуверенно извлекла сотовый телефон и нажала на кнопку автоматического набора.
"I'm warning Olivetti."	- Надо предупредить Оливетти, - сказала она.
Speechless, Langdon reached out and touched her arm. With a tremulous hand, he pointed to the church.	Потерявший дар речи Лэнгдон прикоснулся к ее руке и дрожащим пальцем показал на церковь.
Vittoria let out a gasp.	Виттория, не в силах что-нибудь сказать, шумно втянула в себя воздух.

Inside the building, glowing like evil eyes through the stained glass windows... shone the growing flash of flames.	Цветные стекла окон храма вдруг стали похожи на злобные светящиеся глаза... Глаза сверкали все ярче, и за витражами очень скоро стали видны языки пламени.
91	Глава 91
Langdon and Vittoria dashed to the main entrance of the church of Santa Maria della Vittoria and found the wooden door locked.	Лэнгдон и Виттория подбежали к главному входу в церковь Санта-Мария делла Виттория и обнаружили, что дверь заперта.
Vittoria fired three shots from Olivetti's semi automatic into the ancient bolt, and it shattered.	Виттория трижды выстрелила из полуавтоматического пистолета Оливетти в замок, и древний механизм развалился.

The church had no anteroom, so the entirety of the sanctuary spread out in one gasping sweep as Langdon and Vittoria threw open the main door.	Как только тяжелая деревянная дверь распахнулась, их взору открылось все просторное помещение святыни.
The scene before them was so unexpected, so bizarre, that Langdon had to close his eyes and reopen them before his mind could take it all in.	Представшая перед ними картина оказалась столь неожиданной и такой чудовищно нелепой, что Лэнгдон закрыл глаза, не сумев осмыслить все увиденное.
The church was lavish baroque... gilded walls and altars.	Интерьер был выполнен в стиле роскошного барокко с золочеными стенами и сверкающим золотом алтарем.

Dead center of the sanctuary, beneath the main cupola, wooden pews had been stacked high and were now ablaze in some sort of epic funeral pyre.	А точно в центре храма, прямо под главным куполом высилась высоченная гора, сложенная из деревянных скамей.
A bonfire shooting high into the dome.	Г ора пылала ярким пламенем, являя собой погребальный костер невероятных размеров. Снопы искр взмывали вверх, исчезая где-то под куполом.
As Langdon's eyes followed the inferno upward, the true horror of the scene descended like a bird of prey.	Лэнгдон поднял глаза и словно окаменел: настолько ужасным было то, что он увидел.

High overhead, from the left and right sides of the ceiling, hung two incensor cables-lines used for swinging frankincense vessels above the congregation.	Высоко над этим адским пламенем с левой и с правой стороны потолка свисали две цепи, на которых во время богослужения поднимали кадила с благовонным ладаном.
These lines, however, carried no incensors now.	На сей раз никаких кадил на цепях не было.
Nor were they swinging.	Но они все же не свисали свободно.
They had been used for something else...	Их использовали совсем для другой цели...
Suspended from the cables was a human being.	На цепях висело человеческое существо.
A naked man.	Это был обнаженный мужчина.

Each wrist had been connected to an opposing cable, and he had been hoisted almost to the point of being torn apart.	Кисти его рук были накрепко привязаны к цепям, а сами цепи натянуты настолько, что почти разрывали несчастного.
His arms were outstretched in a spread eagle as if he were nailed to some sort of invisible crucifix hovering within the house of God.	Его руки были раскинуты в стороны почти горизонтально, и создавалось впечатление, что в пустоте Дома Божьего парит невидимый крест с распятым на нем мучеником.
Langdon felt paralyzed as he stared upward.	Лэнгдон, стоя неподвижно, словно в параличе, неотрывно смотрел вверх.

A moment later, he witnessed the final abomination.	Через несколько мгновений он испытал еще одно, на сей раз окончательное потрясение.
The old man was alive, and he raised his head.	Висящий над огнем старик был еще жив.
A pair of terrified eyes gazed down in a silent plea for help.	Вот он поднял голову, и пара полных ужаса глаз обратилась на Лэнгдона с немой мольбой о помощи.
On the man's chest was a scorched emblem.	На груди старика виднелся черный ожог.
He had been branded.	Это был след от раскаленного клейма.

Langdon could not see it clearly, but he had little doubt what the marking said.	Прочитать слово Лэнгдон не мог, но он и без этого знал, что выжжено на груди страдальца.

As the flames climbed higher, lapping at the man's feet, the victim let out a cry of pain, his body trembling.	Пламя поднималось все выше и уже начинало лизать ступни кардинала, заставляя того вскрикивать от боли. Тело старика сотрясалось от бесплодных попыток сбросить оковы.
As if ignited by some unseen force, Langdon felt his body suddenly in motion, dashing down the main aisle toward the conflagration.	Какая-то невидимая сила привела Лэнгдона в движение, и он бросился по центральному проходу к огромному костру.
His lungs filled with smoke as he closed in.	От дыма перехватывало дыхание.

Ten feet from the inferno, at a full sprint, Langdon hit a wall of heat.	Когда он находился не более чем в десяти футах от адского пламени, ему вдруг показалось, что он на всем ходу натолкнулся на стену.
The skin on his face singed, and he fell back, shielding his eyes and landing hard on the marble floor.	Это была стена нестерпимого жара, мгновенно опалившего кожу лица.
Staggering upright, he pressed forward again, hands raised in protection.	Ученый прикрыл глаза ладонью и рухнул на мраморный пол.
Instantly he knew. The fire was far too hot.	С трудом поднявшись на ноги, он попытался продвинуться вперед, но тут же понял, что эту горячую стену ему преодолеть не удастся.

Moving back again, he scanned the chapel walls.	Отступив назад, Лэнгдон обозрел стены храма.
A heavy tapestry, he thought.	Плотные шпалеры, думал он.
If I can somehow smother the... But he knew a tapestry was not to be found.	Если удастся хотя бы чуть-чуть приглушить пламя... Но он знал, что шпалер здесь не найти.
This is a baroque chapel, Robert, not some damn German castle!	"Ведь это же церковь в стиле барокко, Роберт, а не какой-нибудь проклятый немецкий замок!
Think!	Думай!"
He forced his eyes back to the suspended man.	Он заставил себя снова взглянуть на подвешенного над огнем человека.

High above, smoke and flames swirled in the cupola.	Дым и пламя, закручиваясь спиралью, поднимались к потолку.
The incensor cables stretched outward from the man's wrists, rising to the ceiling where they passed through pulleys, and descended again to metal cleats on either side of the church.	Цепи, к которым были прикреплены руки кардинала, шли к потолку и, проходя через шкивы, вновь спускались вниз вдоль противоположных стен. Там они крепились при помощи металлических зажимов.
Langdon looked over at one of the cleats.	Лэнгдон посмотрел на один из зажимов.

It was high on the wall, but he knew if he could get to it and loosen one of the lines, the tension would slacken and the man would swing wide of the fire.	Тот находился высоко на стене, однако ученому было ясно: если он сумеет добраться до кронштейна и освободить цепь, то кардинал качнется в сторону и окажется в стороне от огня.
A sudden surge of flames crackled higher, and Langdon heard a piercing scream from above.	В этот миг языки пламени неожиданно взметнулись вверх, и Лэнгдон услышал страшный, разрывающий душу вопль.

The skin on the man's feet was starting to blister.	Кожа на ногах страдальца начала вздуваться пузырями.
The cardinal was being roasted alive.	Кардинала поджаривали заживо.

Langdon fixed his sights on the cleat and ran for it.	Лэнгдон сконцентрировал все свое внимание на зажиме и побежал к стене. ***
In the rear of the church, Vittoria clutched the back of a pew, trying to gather her senses.	А в глубине церкви Виттория, вцепившись обеими руками в спинку скамьи, пыталась привести в порядок свои чувства.
The image overhead was horrid.	Открывающаяся перед ее глазами картина ужасала.
She forced her eyes away.	Она заставила себя отвести взгляд в сторону.
Do something!	"Делай же хоть что-нибудь!"
She wondered where Olivetti was.	Интересно, где Оливетти?
Had he seen the Hassassin?	Видел ли он ассасина?

Had he caught him?	Сумел ли арестовать его?
Where were they now?	Где они теперь?
Vittoria moved forward to help Langdon, but as she did, a sound stopped her.	Виттория двинулась вперед, чтобы помочь Лэнгдону, но тут же замерла, услышав какой-то звук.
The crackling of the flames was getting louder by the instant, but a second sound also cut the air.	Треск огня с каждой секундой становился все громче, но другой звук тоже был отлично слышен.
A metallic vibration. Nearby.	Звук вибрировал где-то очень близко.
The repetitive pulse seemed to emanate from the end of the pews to her left.	Источник повторяющегося пульсирующего звука находился за рядом скамей слева от нее.

It was a stark rattle, like the ringing of a phone, but stony and hard.	Звук напоминал телефонный сигнал, но ему сопутствовал стук. Казалось, что какой-то предмет колотится о камень.
She clutched the gun firmly and moved down the row of pews.	Девушка крепко сжала пистолет и двинулась вдоль скамей.
The sound grew louder.	Звук стал громче.
On. Off.	Включился, выключился.
A recurrent vibration.	Включился, выключился.
As she approached the end of the aisle, she sensed the sound was coming from the floor just around the corner at the end of the pews.	Подойдя к краю скамей, Виттория поняла, что он доносится с пола из-за угла последнего ряда.

As she moved forward, gun outstretched in her right hand, she realized she was also holding something in her left hand-her cell phone.	Вытянув вперед руку с зажатым в ней пистолетом, она двинулась на звук, но тут же остановилась, осознав, что и в левой руке держит какой-то предмет. Это был ее сотовый телефон.

In her panic she had forgotten that outside she had used it to dial the commander... setting off his phone's silent vibration feature as a warning.	В панике она совсем забыла, что перед тем, как войти в церковь, нажала на кнопку вызова. Вызов должен был служить предупреждающим сигналом, и аппарат коммандера был настроен на почти бесшумную вибрацию.
Vittoria raised her phone to her ear. It was still ringing.	Виттория поднесла свой мобильник к уху и услышала тихие гудки.

The commander had never answered.	Коммандер не отвечал.
Suddenly, with rising fear, Vittoria sensed she knew what was making the sound.	Девушку охватил ужас, она поняла, что именно может являться источником странного звука.
She stepped forward, trembling.	Дрожа всем телом, Виттория двинулась вперед.
The entire church seemed to sink beneath her feet as her eyes met the lifeless form on the floor.	Когда она увидела неподвижное, безжизненное тело, ей показалось, что мраморный пол церкви поплыл у нее под ногами.

No stream of liquid flowed from the body. No signs of violence tattooed the flesh.	На теле не было следов крови, оно не было обезображено насилием.
There was only the fearful geometry of the commander's head... torqued backward, twisted 180 degrees in the wrong direction.	Лишь повернутая на сто восемьдесят градусов голова офицера смотрела в обратном направлении.
Vittoria fought the images of her own father's mangled body.	Перед мысленным взором Виттории предстал обезображенный труп ее отца, и лишь огромным усилием воли ей удалось отогнать от себя ужасное видение.

The phone on the commander's belt lay against the floor, vibrating over and over against the cold marble.	Сотовый телефон на поясе гвардейца касался пола и начинал постукивать о мрамор каждый раз, когда раздавался очередной вибрирующий сигнал.
Vittoria hung up her own phone, and the ringing stopped.	Виттория отключила свой телефон, и стук тут же прекратился.
In the silence, Vittoria heard a new sound.	В наступившей тишине она услышала еще один звук.
A breathing in the dark directly behind her.	У нее за спиной раздавалось чье-то тяжелое дыхание.
She started to spin, gun raised, but she knew she was too late.	Она начала поворачиваться, подняв пистолет, но, еще не закончив движения, поняла, что опоздала.

A laser beam of heat screamed from the top of her skull to the soles of her feet as the killer's elbow crashed down on the back of her neck.	Локоть убийцы врезался в основание шеи девушки, и Виттории показалось, что все ее тело с головы до пят пронзил мощный лазерный луч.
"Now you are mine," a voice said. Then, everything went black.	- Теперь ты моя, - услышала она и погрузилась во тьму. ***
Across the sanctuary, on the left lateral wall, Langdon balanced atop a pew and scraped upward on the wall trying to reach the cleat.	В противоположном конце церкви Лэнгдон, балансируя на спинке скамьи и царапая стену, пытался дотянуться до зажима.
The cable was still six feet above his head.	Однако до удерживающего цепь запора оставалось добрых шесть футов.

Cleats like these were common in churches and were placed high to prevent tampering.	Зажимы специально ставились высоко, чтобы никто не вздумал помешать службе.
Langdon knew priests used wooden ladders called piu?li to access the cleats.	Лэнгдон знал, что священнослужители, чтобы добраться до них, пользовались специальной деревянной лестницей, именуемой piuoli.
The killer had obviously used the church's ladder to hoist his victim. So where the hell is the ladder now!	Где сейчас эта чертова лестница?!
Langdon looked down, searching the floor around him.	Лэнгдон с отчаянием огляделся по сторонам.

He had a faint recollection of seeing a ladder in here somewhere.	Он припомнил, что где-то видел эту проклятую лестницу.
But where?	Но где?
A moment later his heart sank. He realized where he had seen it.	Через мгновение он вспомнил, и его сердце оборвалось.
He turned toward the raging fire.	Лэнгдон повернулся лицом к бушующему огню.
Sure enough, the ladder was high atop the blaze, engulfed in flames.	Лестница находилась на самой вершине деревянной кучи и сейчас благополучно догорала.

Filled now with desperation, Langdon scanned the entire church from his raised platform, looking for anything at all that could help him reach the cleat. As his eyes probed the church, he had a sudden realization.	Американец внимательно оглядел всю церковь в надежде увидеть нечто такое, что могло бы помочь ему добраться до зажима.
Where the hell is Vittoria? She had disappeared.	Куда исчезла Виттория?
Did she go for help?	Может быть, побежала за помощью?
Langdon screamed out her name, but there was no response.	Лэнгдон громко позвал девушку, но ответа не последовало.

And where is Olivetti?	И куда, к дьяволу, подевался Оливетти?!
There was a howl of pain from above, and Langdon sensed he was already too late.	Сверху донесся вой. Кардинал испытывал нечеловеческие страдания. Лэнгдон понял, что опоздал.
As his eyes went skyward again and saw the slowly roasting victim, Langdon had thoughts for only one thing.	Он поднял глаза на заживо поджаривающегося князя церкви.
Water.	Нужно достать воды, думал он.
Lots of it.	Много воды.
Put out the fire.	Чтобы хотя бы немного сбить пламя.

At least lower the flames."I need water, damn it!" he yelled out loud.	- Нужна вода, будь она проклята! - во всю силу своих легких выкрикнул он.
"That's next," a voice growled from the back of the church.	- Вода будет следующим номером! - прогремел голос из глубины церкви.
Langdon wheeled, almost falling off the pews.	Лэнгдон резко повернулся и чуть было не свалился со своей платформы.

Striding up the side aisle directly toward him came a dark monster of a man.	По боковому проходу прямо к нему двигался похожий на чудовище человек.

Even in the glow of the fire, his eyes burned black. Langdon recognized the gun in his hand as the one from his own jacket pocket... the one Vittoria had been carrying when they came in.	В отблесках огня его глаза пылали черным пламенем, а в руке человек держал пистолет, и Лэнгдон сразу узнал оружие, которое носил в своем кармане... тот самый пистолет, который у него взяла Виттория.
The sudden wave of panic that rose in Langdon was a frenzy of disjunct fears.	Охватившая Лэнгдона паника была смесью самых разных страхов.
His initial instinct was for Vittoria.	Его первые мысли были о Виттории.
What had this animal done to her?	Что это животное с ней сделало?
Was she hurt?	Он ее ранил?
Or worse?	Или, может быть, даже...

In the same instant, Langdon realized the man overhead was screaming louder.	В тот же момент ученый осознал, что отчаянные крики над его головой звучат все громче и громче.
The cardinal would die.	Кардинал умирал.
Helping him now was impossible.	Ему уже ничем нельзя было помочь.
Then, as the Hassassin leveled the gun at Langdon's chest, Langdon's panic turned inward, his senses on overload.	Затем, когда ассасин опустил ствол, направив его в грудь Лэнгдона, ужас, который испытывал американец, обратился внутрь.
He reacted on instinct as the shot went off. Launching off the bench, Langdon sailed arms first over the sea of church pews.	Он успел прореагировать за долю секунды до того, как прогремел выстрел, прыгнув со скамьи и, словно пловец, вытянув вперед руки.

When he hit the pews, he hit harder than he had imagined, immediately rolling to the floor.	Ударившись о край скамьи (удар оказался сильнее, чем можно было ожидать), он скатился на пол.
The marble cushioned his fall with all the grace of cold steel.	Мрамор принял его тело с нежностью холодной стали.
Footsteps closed to his right.	Шаги слышались справа.
Langdon turned his body toward the front of the church and began scrambling for his life beneath the pews.	Лэнгдон развернулся головой к выходу из церкви и, отчаянно борясь за жизнь, пополз под скамьями. ***

High above the chapel floor, Cardinal Guidera endured his last torturous moments of consciousness.	Высоко над полом базилики кардинал Гуидера доживал последние, самые мучительные секунды своей жизни. Он еще был в сознании.
As he looked down the length of his naked body, he saw the skin on his legs begin to blister and peel away.	Опустив глаза и посмотрев вдоль своего обнаженного тела, он увидел, как пузырится и слезает с плоти кожа его ног.
I am in hell, he decided.	"Я уже в аду, - решил он.
God, why hast thou forsaken me?	- Господи, почему Ты меня оставил?"

He knew this must be hell because he was looking at the brand on his chest upside down... and yet, as if by the devil's magic, the word made perfect sense.	Кардинал точно знал, что это ад, потому что он смотрел на клеймо на груди сверху... и, несмотря на это, видел его в правильном положении. В силу какой-то сатанинской магии слово имело смысл и читалось:
92	Глава 92
Three ballotings.	Третий тур голосования.
No Pope.	Избрание папы снова не состоялось.
Inside the Sistine Chapel, Cardinal Mortati had begun praying for a miracle.	Кардинал Мортати начал молиться о чуде.

Send us the candidates!	Боже, пришли же кандидатов!
The delay had gone long enough.	Куда они подевались?
A single missing candidate, Mortati could understand.	Отсутствие одного кандидата Мортати мог бы понять.
But all four?	Но чтобы все четверо?
It left no options.	Выбора не было.
Under these conditions, achieving a two thirds majority would take an act of God Himself.	Для того чтобы кто-то из присутствующих получил большинство в две трети, требовалось вмешательство самого Творца.

When the bolts on the outer door began to grind open, Mortati and the entire College of Cardinals wheeled in unison toward the entrance.	Когда загремели запоры, Мортати и все остальные кардиналы одновременно повернулись, чтобы взглянуть на входную дверь.
Mortati knew this unsealing could mean only one thing. By law, the chapel door could only be unsealed for two reasons-to remove the very ill, or to admit late cardinals.	Мортати знал, что, согласно закону, дверь Сикстинской капеллы открывается лишь в двух случаях - чтобы забрать внезапно заболевшего члена конклава или впустить опоздавших кардиналов.
The preferiti are coming!	Слава Богу, нашлись preferiti!
Mortati's heart soared.	Старый кардинал возрадовался всем сердцем.
Conclave had been saved.	Конклав спасен.

But when the door opened, the gasp that echoed through the chapel was not one of joy.	Но когда открылась дверь, по Сикстинской капелле пронесся вздох.
Mortati stared in incredulous shock as the man walked in.	И это не было вздохом радости или облегчения.
For the first time in Vatican history, a camerlegno had just crossed the sacred threshold of conclave after sealing the doors.	Увидев, кто вошел в капеллу, Мортати испытал настоящий шок. Впервые за всю историю Ватикана священный порог во время конклава переступил камерарий. И это было сделано после того, как двери были опечатаны!
What is he thinking!	Невероятно! Неужели этого человека оставил разум?

The camerlegno strode to the altar and turned to address the thunderstruck audience.	Камерарий тихо приблизился к алтарю, повернулся лицом к буквально сраженной его появлением аудитории и произнес:

"Signori," he said, "I have waited as long as I can.	- Синьоры, я выжидал до последней возможности.
There is something you have a right to know."	Наступил момент, когда вы должны узнать обо всем.
93	Глава 93
Langdon had no idea where he was going.	Лэнгдон не имел ни малейшего представления о том, куда двигается.

Reflex was his only compass, driving him away from danger.	Рефлексы и интуиция служили ему компасом, который уводил его от смертельной опасности.
His elbows and knees burned as he clambered beneath the pews. Still he clawed on.	Локти и колени от передвижения под скамьями нещадно болели, однако американец продолжал упорно ползти.
Somewhere a voice was telling him to move left.	Внутренний голос подсказывал ему, что надо двигаться влево.
If you can get to the main aisle, you can dash for the exit.	Если удастся добраться до центрального прохода, то можно будет коротким броском достичь выхода, думал он.

He knew it was impossible.	Однако еще через миг ученый осознал, что это невозможно.
There's a wall of flames blocking the main aisle!	Центральный проход перекрывала огненная стена.
His mind hunting for options, Langdon scrambled blindly on.	Пока его мозг лихора- дочно искал возмож- ные пути спасения, Лэнгдон продолжал ползти.
The footsteps closed faster now to his right.	Справа, совсем близ- ко от него раздавались шаги убийцы.
When it happened, Langdon was unprepared.	К тому, что произошло через несколько мгно- вений, Лэнгдон был со- вершенно не готов.

He had guessed he had another ten feet of pews until he reached the front of the church.	Он рассчитывал, что до того, как он окажется на открытом пространстве, ему еще предстоит проползти по меньшей мере десять футов.
He had guessed wrong.	Однако ученый просчитался.
Without warning, the cover above him ran out. He froze for an instant, half exposed at the front of the church.	Неожиданно укрытие над его головой исчезло, и он на миг замер, высунувшись чуть ли не до пояса из-под последнего ряда скамей.

Rising in the recess to his left, gargantuan from this vantage point, was the very thing that had brought him here. He had entirely forgotten.	До дверей церкви было рукой подать. Справа от него высилась скульптура, которая и привела его сюда и о которой он совершенно забыл. С точки, в которой находился Лэнгдон, изваяние казалось гигантским.
Bernini's Ecstasy of St. Teresa rose up like some sort of pornographic still life... the saint on her back, arched in pleasure, mouth open in a moan, and over her, an angel pointing his spear of fire.	Творение Бернини "Экстаз святой Терезы" действительно здорово смахивало на порнографию. Полулежащая на спине святая изогнулась в пароксизме страсти. Рот Терезы был искривлен, и казалось, что из него вот-вот вырвется стон оргазма. Над святой возвышался ангел, указывая вдаль своим огненным копьем.

A bullet exploded in the pew over Langdon's head.	В скамью над самой головой Лэнгдона ударила пуля.
He felt his body rise like a sprinter out of a gate.	Ученый неожиданно для себя резко сорвался с места - так, как уходит на дистанцию спринтер.
Fueled only by adrenaline, and barely conscious of his actions, he was suddenly running, hunched, head down, pounding across the front of the church to his right.	Не осознавая до конца своих действий и движимый только адреналином, он, слегка пригнувшись, зигзагами помчался вправо.

As the bullets erupted behind him, Langdon dove yet again, sliding out of control across the marble floor before crashing in a heap against the railing of a niche on the right hand wall.	Когда позади него прогремел очередной выстрел, Лэнгдон снова нырнул на пол головой вперед. Проскользив несколько футов по мраморному полу, он ударился об ограждение ниши в правой стене храма.
It was then that he saw her.	В этот момент он увидел ее.
A crumpled heap near the back of the church. Vittoria! Her bare legs were twisted beneath her, but Langdon sensed somehow that she was breathing.	Виттория! Ее обнаженные ноги были неестественно подогнуты, но каким-то шестым чувством американец смог уловить, что девушка еще дышит.
He had no time to help her.	Однако помочь ей он не мог. На это у него не было времени.

Immediately, the killer rounded the pews on the far left of the church and bore relentlessly down.	Убийца обошел ряды скамей в левом дальнем углу церкви и двинулся в направлении Лэнгдона.
Langdon knew in a heartbeat it was over.	Ученый понимал, что через несколько мгновений все будет кончено.
The killer raised the weapon, and Langdon did the only thing he could do.	Убийца поднял пистолет, и Лэнгдон сделал то единственное, что еще мог сделать.
He rolled his body over the banister into the niche.	Он броском преодолел ограждение и оказался в нише.

As he hit the floor on the other side, the marble columns of the balustrade exploded in a storm of bullets.	В тот момент, когда его тело коснулось мраморного пола, с колонны невысокой балюстрады брызнула мраморная крошка: в колонну, рядом с которой он только что находился, угодила пуля.
Langdon felt like a cornered animal as he scrambled deeper into the semicircular niche.	Продвигаясь ползком в глубину ниши, Лэнгдон чувствовал себя загнанным зверем.
Rising before him, the niche's sole contents seemed ironically apropos-a single sarcophagus.	Находившийся в углублении стены предмет по какой-то странной иронии полностью соответствовал ситуации. Это был массивный саркофаг.

Mine perhaps, Langdon thought.	"Теперь, возможно, мой", - подумал ученый.
Even the casket itself seemed fitting.	Даже по размеру каменный гроб был ему впору.
It was a scatola-a small, unadorned, marble box.	Подобного рода саркофаги - простые, без всяких украшений мраморные ящики - назывались scatola.
Burial on a budget.	Экономичная гробница.

The casket was raised off the floor on two marble blocks, and Langdon eyed the opening beneath it, wondering if he could slide through.	Саркофаг стоял на двух мраморных плитах, чуть возвышаясь над полом. Лэнгдон прикинул ширину зазора, размышляя, нельзя ли в него забиться.

Footsteps echoed behind him.	Звук шагов раздался совсем рядом.
With no other option in sight, Langdon pressed himself to the floor and slithered toward the casket.	Не видя иных вариантов, Лэнгдон прижался к полу и подполз к саркофагу.
Grabbing the two marble supports, one with each hand, he pulled like a breaststroker, dragging his torso into the opening beneath the tomb.	Упершись руками в каменные подставки, он, подобно пловцу брассом, сильным рывком задвинул торс в пространство между саркофагом и полом.
The gun went off.	Грянул выстрел.

Accompanying the roar of the gun, Langdon felt a sensation he had never felt in his life... a bullet sailing past his flesh.	Лэнгдон испытал то, что никогда раньше ему испытывать не приходилось... он услышал незнакомый звук и ощутил легкое дуновение ветра у щеки. Пуля пролетела совсем рядом.
There was a hiss of wind, like the backlash of a whip, as the bullet just missed him and exploded in the marble with a puff of dust.	Ее свист, как ему показалось, больше всего напоминал звук, который возникает в тот момент, когда для удара заносится длинный кнут.
Blood surging, Langdon heaved his body the rest of the way beneath the casket.	С мрамора снова брызнули крошки, и Лэнгдон почувствовал, как по лицу полилась кровь.

Scrambling across the marble floor, he pulled himself out from beneath the casket and to the other side.	Собрав последние силы, он очередным рывком скрыл все тело в зазоре между полом и каменным гробом. Ломая ногти о пол и обдирая спину о мрамор гроба, американец сумел вылезти из-под саркофага с другой стороны.
Dead end.	Все. Дальше тупик.
Langdon was now face to face with the rear wall of the niche.	Перед его лицом была дальняя стена полукруглой ниши.
He had no doubt that this tiny space behind the tomb would become his grave.	Теперь он не сомневался в том, что это узкое место за каменным гробом станет его могилой.

And soon, he realized, as he saw the barrel of the gun appear in the opening beneath the sarcophagus.	И очень скоро, промелькнула мысль, когда он увидел направленный на него ствол пистолета.
The Hassassin held the weapon parallel with the floor, pointing directly at Langdon's midsection.	Ассасин держал оружие параллельно полу, и дуло смотрело прямо в грудь Лэнгдона.
Impossible to miss.	Промахнуться было невозможно.
Langdon felt a trace of self preservation grip his unconscious mind. He twisted his body onto his stomach, parallel with the casket.	Повинуясь инстинкту самосохранения, Лэнгдон улегся на живот лицом вниз и растянулся вдоль саркофага.

Facedown, he planted his hands flat on the floor, the glass cut from the archives pinching open with a stab.	Затем он уперся руками в пол и отжался. Из полученных от осколков стекла ран на руках полилась кровь.
Ignoring the pain, he pushed.	Однако ученый, превозмогая боль, сумел оторвать тело от пола.

Driving his body upward in an awkward push up, Langdon arched his stomach off the floor just as the gun went off.	Прогремела серия выстрелов, и Лэнгдон почувствовал удар пороховых газов.

He could feel the shock wave of the bullets as they sailed beneath him and pulverized the porous travertine behind.	Пули пролетели под ним, превратив в пыль изрядный кусок стены из пористого итальянского известняка травертина.
Closing his eyes and straining against exhaustion, Langdon prayed for the thunder to stop.	С трудом удерживаясь на руках и закрыв глаза, Лэнгдон молил о том, чтобы выстрелы прекратились.
And then it did.	И его молитва была услышана.
The roar of gunfire was replaced with the cold click of an empty chamber.	Вместо грома выстрела раздался лишь сухой щелчок бойка. Обойма была пуста.

Langdon opened his eyes slowly, almost fearful his eyelids would make a sound.	Лэнгдон очень медленно открыл глаза, словно опасаясь, что движение век произведет слишком много шума.
Fighting the trembling pain, he held his position, arched like a cat.	Преодолевая боль и усталость, он, изогнувшись словно кошка, удерживал свое тело в противоестественной позе.
He didn't even dare breathe. His eardrums numbed by gunfire, Langdon listened for any hint of the killer's departure.	Американец даже боялся дышать и лишь напрягал слух в надежде услышать удаляющиеся шаги убийцы.
Silence.	Тишина.

He thought of Vittoria and ached to help her.	Он подумал о Виттории и едва не заскрипел зубами, страдая от того, что не в силах ей помочь.
The sound that followed was deafening.	Нарушивший тишину звук показался Лэнгдону оглушающим.
Barely human. A guttural bellow of exertion.	Это было почти нечеловеческое рычание, вызванное предельным напряжением сил.
The sarcophagus over Langdon's head suddenly seemed to rise on its side.	Саркофаг над головой Лэнгдона вдруг стал опрокидываться набок.
Langdon collapsed on the floor as hundreds of pounds teetered toward him.	Ученый рухнул на пол в тот момент, когда на него начали валиться сотни фунтов мрамора.

Gravity overcame friction, and the lid was the first to go, sliding off the tomb and crashing to the floor beside him.	Сила тяжести одолела силу трения. Крышка гроба, соскользнув первой, вдребезги разлетелась от удара о пол совсем рядом с ним.
The casket came next, rolling off its supports and toppling upside down toward Langdon.	Мраморный гроб скатился со своих опор и начал падать вверх дном на Лэнгдона.
As the box rolled, Langdon knew he would either be entombed in the hollow beneath it or crushed by one of the edges.	Пока саркофаг, теряя равновесие, падал, ученый понял, что он либо окажется погребенным под полой мраморной глыбой, либо его раздавят ее края.

Pulling in his legs and head, Langdon compacted his body and yanked his arms to his sides.	Лэнгдон втянул голову, поджал ноги и вытянул руки вдоль тела.
Then he closed his eyes and awaited the sickening crush.	После этого он закрыл глаза и стал ждать удара.

When it came, the entire floor shook beneath him.	Когда это произошло, земля под ним задрожала.

The upper rim landed only millimeters from the top of his head, rattling his teeth in their sockets. His right arm, which Langdon had been certain would be crushed, miraculously still felt intact.	Верхний край саркофага ударился о пол в каких-то миллиметрах от его головы, и даже его правая рука, которая, как считал американец, неминуемо будет раздавлена, каким-то чудом осталась цела.
He opened his eyes to see a shaft of light.	Он открыл глаза и увидел полоску света.
The right rim of the casket had not fallen all the way to the floor and was still propped partially on its supports.	Правая сторона гроба не упала на пол и еще держалась на краях опор.

Directly overhead, though, Langdon found himself staring quite literally into the face of death.	Теперь Лэнгдон смотрел в лицо смерти. Причем -буквально.
The original occupant of the tomb was suspended above him, having adhered, as decaying bodies often did, to the bottom of the casket.	Сверху на него пустыми глазницами смотрел первоначальный обитатель гробницы.
The skeleton hovered a moment, like a tentative lover, and then with a sticky crackling, it succumbed to gravity and peeled away.	Мертвое тело, как часто случается в период разложения, прилипло спиной ко дну гроба.

The carcass rushed down to embrace him, raining putrid bones and dust into Langdon's eyes and mouth.	Скелет несколько мгновений нависал над ним, словно нерешительный любовник, а затем с сухим треском рухнул вниз, чтобы заключить американца в свои объятия. В глаза и рот Лэнгдона посыпались прах и мелкие фрагменты костей.
Before Langdon could react, a blind arm was slithering through the opening beneath the casket, sifting through the carcass like a hungry python.	Лэнгдон еще ничего толком не успел понять, как в просвете между полом и краем саркофага появилась чья-то рука и принялась скользить по полу, словно голодный питон.

It groped until it found Langdon's neck and clamped down.	Рука продолжала извиваться до тех пор, пока пальцы не нащупали шею Лэнгдона и не сомкнулись на его горле.
Langdon tried to fight back against the iron fist now crushing his larynx, but he found his left sleeve pinched beneath the edge of the coffin.	Американец пытался сопротивляться, но стальная рука продолжала сдавливать его адамово яблоко.
He had only one arm free, and the fight was a losing battle.	Борьба была безнадежной, поскольку обшлаг левого рукава пиджака был прижат к полу краем гроба и действовать приходилось только одной рукой.

Langdon's legs bent in the only open space he had, his feet searching for the casket floor above him.	Используя все свободное пространство, Лэнгдон согнул ноги в попытке нащупать дно гроба.
He found it. Coiling, he planted his feet. Then, as the hand around his neck squeezed tighter, Langdon closed his eyes and extended his legs like a ram.	Наконец это ему удалось, и в тот миг, когда захват на горле стал нестерпимым, он что было сил ударил в дно саркофага обеими ногами.
The casket shifted, ever so slightly, but enough. With a raw grinding, the sarcophagus slid off the supports and landed on the floor.	Саркофаг сдвинулся едва заметно, но и этого оказалось достаточно, чтобы чудом державшийся на краях опор каменный ящик окончательно упал на пол.

The casket rim crashed onto the killer's arm, and there was a muffled scream of pain.	Край гроба придавил руку убийцы, и до Лэнгдона донесся приглушенный крик боли.
The hand released Langdon's neck, twisting and jerking away into the dark.	Пальцы на горле профессора разжались, и рука исчезла во тьме.
When the killer finally pulled his arm free, the casket fell with a conclusive thud against the flat marble floor.	Когда убийце удалось высвободиться, край тяжеленного каменного ящика со стуком упал на совершенно гладкий мраморный пол.
Complete darkness.	Мир погрузился в полную тьму.
Again. And silence.	И в тишину.

There was no frustrated pounding outside the overturned sarcophagus.	В лежащий вверх дном саркофаг никто не стучал.
No prying to get in.	Никто не пытался под него заглянуть.
Nothing.	Полная темнота и мертвая тишина.
As Langdon lay in the dark amidst a pile of bones, he fought the closing darkness and turned his thoughts to her.	Лежа в куче костей, Лэнгдон пытался прогнать охвативший его ужас мыслями о девушке.
Vittoria.	Где ты, Виттория?
Are you alive?	Жива ли ты?

If Langdon had known the truth-the horror to which Vittoria would soon awake-he would have wished for her sake that she were dead.	Если бы ему была известна вся правда - весь тот ужас, в котором вскоре предстояло очнуться девушке, он пожелал бы ей быстрой и легкой смерти. Ради ее же блага.
94	Глава 94
Sitting in the Sistine Chapel among his stunned colleagues, Cardinal Mortati tried to comprehend the words he was hearing.	А тем временем в Сикстинской капелле кардинал Мортати (так же, как и все остальные участники конклава) пытался вникнуть в смысл того, что сказал камерарий.

Before him, lit only by the candlelight, the camerlegno had just told a tale of such hatred and treachery that Mortati found himself trembling.	Молодой клирик поведал им такую страшную историю ненависти, вероломства и коварства, что старого кардинала начала бить дрожь.
The camerlegno spoke of kidnapped cardinals, branded cardinals, murdered cardinals.	Залитый светом свечей камерарий рассказал о похищенных и заклейменных кардиналах. Об убитых кардиналах.
He spoke of the ancient Illuminati-a name that dredged up forgotten fears-and of their resurgence and vow of revenge against the church.	Он говорил о древнем ордене "Иллюминати" -одно упоминание о котором пробуждало дремлющий в их душах страх. О возвращении этого сатанинского сообщества из небытия и о его обете отомстить церкви.

With pain in his voice, the camerlegno spoke of his late Pope... the victim of an Illuminati poisoning.	Камерарий с болью в голосе вспомнил покойного папу... ставшего жертвой яда.
And finally, his words almost a whisper, he spoke of a deadly new technology, antimatter, which in less than two hours threatened to destroy all of Vatican City.	И наконец, перейдя почти на шепот, он поведал собравшимся о новом смертельно опасном открытии - так называемом антивеществе, которое менее чем через два часа могло уничтожить весь Ватикан.

When he was through, it was as if Satan himself had sucked the air from the room.	Когда камерарий закончил, Мортати показалось, что сам сатана высосал весь кислород из Сикстинской капеллы.

Nobody could move.	Кардиналы едва дышали. Ни у кого из них не осталось сил, чтобы пошевелиться.
The camerlegno's words hung in the darkness.	Слова камерария все еще продолжали звучать во тьме.
The only sound Mortati could now hear was the anomalous hum of a television camera in back-an electronic presence no conclave in history had ever endured-but a presence demanded by the camerlegno.	Единственным звуком, доносившимся до слуха кардинала Мортати, было противоестественное для этого места гудение видеокамеры за спиной. Это было первое появление электроники в стенах Сикстинской капеллы за всю историю Ватикана. Присутствия журналистов потребовал камерарий.

To the utter astonishment of the cardinals, the camerlegno had entered the Sistine Chapel with two BBC reporters-a man and a woman-and announced that they would be transmitting his solemn statement, live to the world.	К величайшему изумлению членов конклава, молодой Вентреска вошел в капеллу в сопровождении двух репортеров Би-би-си -мужчины и женщины. Войдя, камерарий объявил, что его официальное заявление будет транслироваться в прямом эфире по всему миру.
Now, speaking directly to the camera, the camerlegno stepped forward.	И вот, повернувшись лицом к камере, камерарий произнес:

"To the Illuminati," he said, his voice deepening, "and to those of science, let me say this." He paused. "You have won the war."	- А теперь, обращаясь к иллюминатам, так же как и ко всему научному сообществу, я должен сказать, - голос его приобрел несвойственную клирику глубину и твердость, - вы выиграли эту войну.
The silence spread now to the deepest corners of the chapel.	В Сикстинской капелле повисла мертвая тишина. Казалось, в помещении мгновенно вымерло все живое.
Mortati could hear the desperate thumping of his own heart.	Стало настолько тихо, что Мортати явственно слышал удары своего сердца.
"The wheels have been in motion for a long time," the camerlegno said.	- Машина находилась в движении многие сотни лет.

"Your victory has been inevitable. Never before has it been as obvious as it is at this moment. Science is the new God."	Но только сейчас, как никогда раньше, все осознали, что наука стала новым Богом.
What is he saying? Mortati thought.	"Что он говорит?! - думал Мортати.
Has he gone mad?	- Неужели его оставил разум?
The entire world is hearing this!	Ведь эти слова слышит весь мир!"
"Medicine, electronic communications, space travel, genetic manipulation... these are the miracles about which we now tell our children.	- Медицина, электронные системы связи, полеты в космос, манипуляции с генами... те чудеса, которыми сейчас восхищаются наши дети.

These are the miracles we herald as proof that science will bring us the answers. The ancient stories of immaculate conceptions, burning bushes, and parting seas are no longer relevant.	Это те чудеса, которые, как утверждают многие, служат доказательством того, что наука несет нам ответы на все наши вопросы и что все древние россказни о непорочном зачатии, неопалимой купине, расступающихся морях утратили всякое значение.
God has become obsolete.	Бог безнадежно устарел.
Science has won the battle.	Наука победила.
We concede."	Мы признаем свое поражение.
A rustle of confusion and bewilderment swept through the chapel.	По Сикстинской капелле пронесся смущенный и недоумевающий ропот.

"But science's victory," the camerlegno added, his voice intensifying, "has cost every one of us.	- Но торжество науки, - продолжил камерарий, возвышая голос, - далось каждому из нас огромной ценой.
And it has cost us deeply."	Оно стоило нам очень дорого.
Silence.	В темном помещении снова воцарилась тишина.

"Science may have alleviated the miseries of disease and drudgery and provided an array of gadgetry for our entertainment and convenience, but it has left us in a world without wonder.	- Возможно, наука и смягчила наши страдания от болезней и от мук изнурительного труда. Нельзя отрицать и того, что она создала массу машин и аппаратов, обеспечивающих наш комфорт и предлагающих нам развлечения. Однако та же наука оставила нас в мире, который не способен вызывать ни удивления, ни душевного волнения.
Our sunsets have been reduced to wavelengths and frequencies.	Наши великолепные солнечные лучи низведены до длин волн и частоты колебаний.

The complexities of the universe have been shredded into mathematical equations.	Бесконечно и бесконечно сложная Вселенная изодрана в клочья, превратившись в систему математических уравнений.
Even our self worth as human beings has been destroyed.	И даже наше самоуважение к себе, как к представителям человеческого рода, подверглось уничтожению.
Science proclaims that Planet Earth and its inhabitants are a meaningless speck in the grand scheme.	Наука заявила, что планета Земля со всеми ее обитателями - всего лишь ничтожная, не играющая никакой роли песчинка в грандиозной системе.
A cosmic accident."	Своего рода космическое недоразумение.

He paused. "Even the technology that promises to unite us, divides us.	- Камерарий выдержал паузу и продолжил: - Даже те технические достижения, которые призваны нас объединять, выступают средством разобщения.
Each of us is now electronically connected to the globe, and yet we feel utterly alone.	Каждый из нас с помощью электроники связан со всем земным шаром, и в то же время все мы ощущаем себя в полном одиночестве.
We are bombarded with violence, division, fracture, and betrayal.	Нас преследуют насилие и расколы общества. Мы становимся жертвами предательства.
Skepticism has become a virtue.	Скептицизм считается достоинством.

Cynicism and demand for proof has become enlightened thought.	Цинизм и требование доказательств стали главной чертой просвещенного мышления.
Is it any wonder that humans now feel more depressed and defeated than they have at any point in human history?	В свете всего этого не приходится удивляться, что никогда в истории люди не чувствовали себя столь беспомощными и подавленными, как в наше время.
Does science hold anything sacred?	Наука не оставила нам ничего святого.
Science looks for answers by probing our unborn fetuses.	Наука ищет ответы, исследуя еще не рожденные человеческие зародыши.

Science even presumes to rearrange our own DNA.	Наука претендует на то, чтобы изменить нашу ДНК.
It shatters God's world into smaller and smaller pieces in quest of meaning... and all it finds is more questions."	Пытаясь познать мир, она дробит мир Божий на все более мелкие и мелкие Фрагменты... и в результате порождает все больше и больше вопросов.
Mortati watched in awe.	Мортати с благоговением внимал словам камерария.
The camerlegno was almost hypnotic now.	Священник оказывал на него почти гипнотическое воздействие.
He had a physical strength in his movements and voice that Mortati had never witnessed on a Vatican altar.	В его движениях и голосе ощущалась такая мощь, которой старый кардинал не встречал у алтарей Ватикана за всю свою жизнь.

The man's voice was wrought with conviction and sadness.	Г олос этого человека был проникнут бесконечной убежденностью и глубочайшей печалью.
"The ancient war between science and religion is over," the camerlegno said.	- Древняя война между религией и наукой закончена, - продолжил Вентреска.
"You have won.	- Вы победили.
But you have not won fairly.	Но победили не в честной борьбе.
You have not won by providing answers.	Вы одержали победу, не дав ответов на волнующие людей вопросы.

You have won by so radically reorienting our society that the truths we once saw as signposts now seem inapplicable.	Вместо этого вы сумели настолько изменить систему человеческих ценностей, что те истины, которые столько лет служили нашими ориентирами, стали просто неприменимы.
Religion cannot keep up. Scientific growth is exponential.	Религия не смогла угнаться за наукой, которая росла по экспоненте.
It feeds on itself like a virus.	Наука, подобно вирусу, питается собой.
Every new breakthrough opens doors for new breakthroughs.	Каждый новый научный прорыв распахивает врата для очередного прорыва.

Mankind took thousands of years to progress from the wheel to the car.	Для того чтобы пройти путь от колеса до автомобиля человечеству потребовалась не одна тысяча лет.
Yet only decades from the car into space.	А от автомобиля до космических полетов - всего лишь несколько десятилетий.

Now we measure scientific progress in weeks.	Теперь же темпы научного прогресса измеряются неделями.
We are spinning out of control.	События выходят из-под контроля.

The rift between us grows deeper and deeper, and as religion is left behind, people find themselves in a spiritual void.	И пропасть между нами становится все шире и глубже. Однако по мере того, как религия отстает от науки, человечество оказывается во все более глубоком духовном вакууме.
We cry out for meaning. And believe me, we do cry out.	Мы вопием, желая познать суть вещей и свое место в мире, и верим, что можем достичь результата нашими воплями.

We see UFOs, engage in channeling, spirit contact, out of body experiences, mindquests-all these eccentric ideas have a scientific veneer, but they are unashamedly irrational.	Мы видим НЛО, устанавливаем связи с потусторонним миром, вызываем духов, испытываем разного рода экстрасенсорные ощущения, прибегаем к телепатии. Вся эта, мягко говоря, эксцентрическая деятельность якобы носит научный оттенок, не имея на самом деле никакого рационального наполнения.
They are the desperate cry of the modern soul, lonely and tormented, crippled by its own enlightenment and its inability to accept meaning in anything removed from technology."	В этом проявляется отчаянный крик современных душ, душ одиноких и страдающих, душ, изувеченных знаниями и неспособных понять ничего, что лежит за границами техники и технологии.

Mortati could feel himself leaning forward in his seat.	Мортати не замечал, что, сидя в своем кресле, всем телом подался вперед, чтобы не пропустить ни единого слова камерария.
He and the other cardinals and people around the world were hanging on this priest's every utterance.	Причем так вел себя не он один. Все остальные кардиналы, и с ними весь мир, ловили каждый звук вдохновенной речи пастыря.
The camerlegno spoke with no rhetoric or vitriol.	Камерарий говорил просто, без риторических изысков или сарказма.
No references to scripture or Jesus Christ.	Он не обращался к Священному Писанию и не цитировал Спасителя.

He spoke in modern terms, unadorned and pure. Somehow, as though the words were flowing from God himself, he spoke the modern language... delivering the ancient message.	Камерарий использовал современный язык, однако казалось, что эти простые слова льются из уст самого Бога, доводящего до сознания своих детей древние истины.
In that moment, Mortati saw one of the reasons the late Pope held this young man so dear.	В этот момент Мортати наконец понял, почему покойный понтифик так ценил этого человека.

In a world of apathy, cynicism, and technological deification, men like the camerlegno, realists who could speak to our souls like this man just had, were the church's only hope.	В циничном и апатичном мире, где объектом обожествления является техника, люди, способные пробиться к заблудшим душам так, как этот камерарий, остаются единственной надеждой церкви.
The camerlegno was talking more forcefully now. "Science, you say, will save us.	- Вы утверждаете, что нас спасет наука, -продолжал камерарий более напористо, чем раньше.
Science, I say, has destroyed us.	- А я утверждаю, что наука нас уже уничтожила.

Since the days of Galileo, the church has tried to slow the relentless march of science, sometimes with misguided means, but always with benevolent intention.	Со времен Галилея церковь пыталась замедлить безостановочную поступь науки. Иногда, увы, она делала это негодными средствами, но ее помыслы всегда были обращены во благо.
Even so, the temptations are too great for man to resist.	Запомните, люди постоянно испытывают неодолимую тягу к сопротивлению.
I warn you, look around yourselves.	И я прошу вас, оглядитесь вокруг. Я прошу и предупреждаю одновременно.
The promises of science have not been kept.	Наука оказалась неспособной выполнить свои обещания.

Promises of efficiency and simplicity have bred nothing but pollution and chaos.	Обещания повышения эффективности и упрощения производства не привели ни к чему, кроме засорения окружающей среды и всеобщего хаоса.
We are a fractured and frantic species... moving down a path of destruction."	Взгляните, ведь мы являем собой отчаявшийся и разобщенный вид... быстро приближающийся к гибели.
The camerlegno paused a long moment and then sharpened his eyes on the camera.	Камерарий выдержал длительную паузу, а затем, глядя прямо в объектив камеры, продолжил:
"Who is this God science?	- Кто таков этот бог, именующий себя наукой?

Who is the God who offers his people power but no moral framework to tell you how to use that power?	Кто таков этот бог, который влагает в руки людей огромную силу, оставляя их без моральных вех, указывающих, как этим могуществом пользоваться?
What kind of God gives a child fire but does not warn the child of its dangers?	Что это за божество, которое вручает своим чадам огонь, но не предупреждает чад о той опасности, которую этот огонь в себе таит?
The language of science comes with no signposts about good and bad.	В языке науки не существует указаний на понятия добра и зла.

Science textbooks tell us how to create a nuclear reaction, and yet they contain no chapter asking us if it is a good or a bad idea.	В научных учебниках сказано о том, как получить ядерную реакцию, но там нет главы, где бы ставился вопрос, является ли эта реакция добром или злом.
"To science, I say this. The church is tired.	Обращаясь к науке, я хочу заявить: церковь устала.
We are exhausted from trying to be your signposts.	У нее не осталось сил на то, чтобы освещать людям путь.

Our resources are drying up from our campaign to be the voice of balance as you plow blindly on in your quest for smaller chips and larger profits.	Постоянные усилия церкви возвысить голос для сохранения всемирного равновесия привели лишь к тому, что силы ее истощились. А вы тем временем слепо рыхлили почву, чтобы взрастить на ней все более и более миниатюрные чипы и увеличить доходы их производителей.
We ask not why you will not govern yourselves, but how can you?	Мы не задаем вопрос, почему вы не управляете собой. Мы спрашиваем: способны ли вы в принципе на это? Уверяю, что нет.

Your world moves so fast that if you stop even for an instant to consider the implications of your actions, someone more efficient will whip past you in a blur.	Ваш мир движется настолько быстро, что, если вы хоть на мгновение задержитесь, чтобы осмыслить последствия своих действий, кто-то другой промчится мимо вас со своим новым научным достижением.
So you move on.	Вы этого боитесь и потому не смеете задержаться.
You proliferate weapons of mass destruction, but it is the Pope who travels the world beseeching leaders to use restraint.	Вы делаете все, чтобы распространить по земному шару оружие массового уничтожения, в то время как понтифик странствует по миру, умоляя политических лидеров не поддаваться этому безумию.

You clone living creatures, but it is the church reminding us to consider the moral implications of our actions.	Вы клонируете живые существа, а церковь убеждает вас оценить нравственные последствия подобных действий.
You encourage people to interact on phones, video screens, and computers, but it is the church who opens its doors and reminds us to commune in person as we were meant to do.	Вы поощряете людей к общению по телефону, на видеоэкранах и с помощью компьютеров, а церковь широко распахивает свои двери, напоминая о том, какое значение имеет личное общение.

You even murder unborn babies in the name of research that will save lives.	Вы идете даже на то, что ради исследовательских целей убиваете в утробе матери еще не родившихся детишек. Вы утверждаете, что делаете это ради спасения других жизней.
Again, it is the church who points out the fallacy of this reasoning.	А церковь не устает указывать вам на фундаментальную порочность подобных рассуждений.
"And all the while, you proclaim the church is ignorant.	А вы тем временем продолжаете обвинять церковь в невежестве.
But who is more ignorant?	Но кто является большим невеждой?

The man who cannot define lightning, or the man who does not respect its awesome power?	Тот, кто не может объяснить происхождения молнии, или тот, кто не преклоняется перед мощью этого явления?
This church is reaching out to you. Reaching out to everyone.	Церковь протягивает вам руку так же, как и всем остальным людям.
And yet the more we reach, the more you push us away.	Но чем сильнее мы к вам тянемся, тем резче вы нас отталкиваете.
Show me proof there is a God, you say.	Предъявите нам доказательства существования Бога, говорите вы.

I say use your telescopes to look to the heavens, and tell me how there could not be a God!"	А я вам отвечу: возьмите свои телескопы, взгляните на небо и скажите мне, как все это могло возникнуть без вмешательства свыше!
The camerlegno had tears in his eyes now.	- На глазах камерария появились слезы.
"You ask what does God look like.	- Вы спрашиваете, как выглядит Бог.
I say, where did that question come from? The answers are one and the same.	Мой ответ останется прежним.
Do you not see God in your science?	Неужели вы не видите Бога в вашей науке?

How can you miss Him!	Как же вы можете его там не видеть?
You proclaim that even the slightest change in the force of gravity or the weight of an atom would have rendered our universe a lifeless mist rather than our magnificent sea of heavenly bodies, and yet you fail to see God's hand in this?	Вы не устаете заявлять, что малейшее изменение гравитации или веса атомов превратит великолепные тела в безжизненную туманность. Неужели вы не замечаете во всем этом руки Творца?
Is it really so much easier to believe that we simply chose the right card from a deck of billions?	Неужели вы предпочитаете верить в то, что на нашу долю просто выпала удачная карта? Одна из многих миллиардов?

Have we become so spiritually bankrupt that we would rather believe in mathematical impossibility than in a power greater than us?	Неужели мы достигли такого уровня нравственного банкротства, что предпочитаем верить в математическую невозможность, отрицая саму вероятность существования превосходящей нас Силы.
"Whether or not you believe in God," the camerlegno said, his voice deepening with deliberation, "you must believe this. When we as a species abandon our trust in the power greater than us, we abandon our sense of accountability.	Верите вы в Бога или нет, - теперь камерарий как бы рассуждал вслух, - но вы должны понять, что, если мы как вид отбрасываем веру в Верховную силу, мы неизбежно перестаем ощущать свою ответственность.

Faith... all faiths... are admonitions that there is something we cannot understand, something to which we are accountable... With faith we are accountable to each other, to ourselves, and to a higher truth.	Вера... любая вера... учит, что существует нечто такое, что мы понять не в состоянии и перед чем мы обязаны отчитываться. Имея веру, мы несем ответственность друг перед другом, перед собой и перед высшей истиной.
Religion is flawed, but only because man is flawed.	Религия не безгрешна, но только потому, что не безгрешен и сам человек.

If the outside world could see this church as I do... looking beyond the ritual of these walls... they would see a modern miracle... a brotherhood of imperfect, simple souls wanting only to be a voice of compassion in a world spinning out of control."	Если мир сможет увидеть церковь такой, какой ее вижу я... то есть за пределами ритуалов или этих стен... он узрит современное чудо... братство несовершенных, непритязательных душ, желающих всего лишь быть гласом сострадания в нашем ускользающем из-под контроля мире.
The camerlegno motioned out over the College of Cardinals, and the BBC camerawoman instinctively followed, panning the crowd.	Пастырь повел рукой в сторону коллегии кардиналов, и оператор Би-би-си инстинктивно направила камеру на безмолвную аудиторию.

"Are we obsolete?" the camerlegno asked.	- Неужели мы действительно устарели? - спросил камерарий.
"Are these men dino saurs?	- Неужели мы выглядим динозаврами человеческого общества?
Am I?	Неужели я кажусь вам таковым?
Does the world really need a voice for the poor, the weak, the oppressed, the unborn child?	Я спрашиваю вас: нужен ли миру голос, выступающий в защиту бедных, слабых, угнетенных? В защиту нерожденного дитя, наконец?

Do we really need souls like these who, though imperfect, spend their lives imploring each of us to read the signposts of morality and not lose our way?"	Нужны ли миру души - пусть и несовершенные, -которые посвящают всю свою земную жизнь тому, чтобы научить всех нас находить в тумане те моральные вехи, которые не позволяют нам окончательно сбиться с пути?
Mortati now realized that the camerlegno, whether consciously or not, was making a brilliant move.	В этот момент Мортати понял, насколько блестящий ход, сознательно или нет, сделал камерарий.
By showing the cardinals, he was personalizing the church.	Показав миру кардиналов, он как бы персонифицировал церковь.

Vatican City was no longer a building, it was people-people like the camerlegno who had spent their lives in the service of goodness.	Ватикан в этот момент, перестав быть конгломератом зданий, превратился в место обитания людей - тех людей, которые, подобно камерарию, посвятили свою жизнь служению силам добра.
"Tonight we are perched on a precipice," the camerlegno said.	- Сейчас мы стоим на самом краю пропасти, -сказал камерарий.
"None of us can afford to be apathetic.	- Ни один из нас не может позволить себе остаться равнодушным.
Whether you see this evil as Satan, corruption, or immorality... the dark force is alive and growing every day.	В чем бы вы ни видели зло - в сатане, коррупции или безнравственности... вы должны понять, что силы зла живы и с каждым днем становятся все более могущественными.

Do not ignore it."	Не проходите мимо них...
The camerlegno lowered his voice to a whisper, and the camera moved in.	- Священнослужитель понизил голос почти до шепота, а камера взяла его лицо крупным планом.
"The force, though mighty, is not invincible.	- Злые силы сколь бы могущественными они ни были, отнюдь не непобедимы.
Goodness can prevail.	Добро восторжествует.
Listen to your hearts.	Прислушайтесь к своим сердцам.
Listen to God.	Услышьте Бога.
Together we can step back from this abyss."	Все вместе, взявшись за руки, мы сможем отойти от края бездны.
Now Mortati understood.	Теперь Мортати понял все.

This was the reason.	Порядок проведения конклава был нарушен.
Conclave had been violated, but this was the only way.	Но на это имелась веская причина.
It was a dramatic and desperate plea for help.	Это был единственный способ обратиться с отчаянной мольбой о помощи.
The camerlegno was speaking to both his enemy and his friends now.	Камерарий одновременно обращался и к врагам, и к друзьям.
He was entreating anyone, friend or foe, to see the light and stop this madness.	Он умолял как недругов церкви, так и ее сторонников узреть свет и положить конец сумасшествию.

Certainly someone listening would realize the insanity of this plot and come forward.	Кто-то из услышавших слова клирика, без сомнения, поймет все безумие этого заговора и возвысит свой голос.
The camerlegno knelt at the altar.	Камерарий опустился на колени рядом с алтарем Сикстинской капеллы и сказал:
"Pray with me."	- Молитесь вместе со мной.
The College of Cardinals dropped to their knees to join him in prayer.	Все члены коллегии кардиналов упали на колени и присоединились к нему в молитве.

Outside in St. Peter's Square and around the globe... a stunned world knelt with them.	А на площади Святого Петра, так же как и по всему земному шару, потрясенные люди преклонили колени вместе с ними.
95	Глава 95
The Hassassin lay his unconscious trophy in the rear of the van and took a moment to admire her sprawled body.	Ассасин разместил свой находящийся без сознания трофей в задней части микроавтобуса и задержался на несколько мгновений, чтобы полюбоваться телом жертвы.

She was not as beautiful as the women he bought, and yet she had an animal strength that excited him. Her body was radiant, dewy with perspiration. She smelled of musk.	Девица была не так красива, как те женщины, которых он покупал за деньги, но в ней присутствовала какая-то возбуждающая его животная сила.На ее теле поблескивали капельки пота, и оно пахло мускусом.
As the Hassasin stood there savoring his prize, he ignored the throb in his arm.	Убийца смотрел на свою добычу, забыв о боли в руке.
The bruise from the falling sarcophagus, although painful, was insignificant... well worth the compensation that lay before him.	Ушиб от упавшего саркофага оказался болезненным, но это не имело никакого значения... во всяком случае, распростертый перед ним трофей вполне компенсировал это временное неудобство.

He took consolation in knowing the American who had done this to him was probably dead by now.	Етешало его и то, что сделавший это американец скорее всего уже мертв.
Gazing down at his incapacitated prisoner, the Hassassin visualized what lay ahead.	Глядя на неподвижную пленницу, ассасин рисовал себе картины того, что его ждет впереди.
He ran a palm up beneath her shirt.	Он провел ладонью по телу девушки под блузкой.
Her breasts felt perfect beneath her bra.	Скрытые под бюстгальтером груди были само совершенство.
Yes, he smiled.	"Да, - улыбнулся он.

You are more than worthy.	- Ты - гораздо больше, чем простая компенсация".
Fighting the urge to take her right there, he closed the door and drove off into the night.	Превозмогая желание овладеть ею сразу, он захлопнул дверцу машины и направился в ночь.
There was no need to alert the press about this killing... the flames would do that for him.	Предупреждать прессу об очередном убийстве небыло необходимости. За него это сделает пламя.***
At CERN, Sylvie sat stunned by the camerlegno's address.	Обращение камерария потрясло Сильвию.

Never before had she felt so proud to be a Catholic and so ashamed to work at CERN.	Никогда раньше она так не гордилась своей принадлежностью к католической вере и никогда так не стыдилась своей работы в ЦЕРНе.
As she left the recreational wing, the mood in every single viewing room was dazed and somber.	Когда она покидала зону отдыха, во всех комнатах стояла тишина и царило мрачное настроение.
When she got back to Kohler's office, all seven phone lines were ringing.	В приемной Колера одновременно надрывались все семь телефонов.

Media inquiries were never routed to Kohler's office, so the incoming calls could only be one thing.	Звонки прессы никогда не пересылались на номера директора, и все это могло означать лишь одно.
Geld.	Деньги.
Money calls.	Денежные предложения.
Antimatter technology already had some takers.	Технология производства антивещества уже нашла своих покупателей. ***
Inside the Vatican, Gunther Glick was walking on air as he followed the camerlegno from the Sistine Chapel.	А в это время за стенами Ватикана Гюнтер Глик буквально парил в воздухе, выходя следом за камерарием из Сикстинской капеллы.
Glick and Macri had just made the live transmission of the decade.	Глик и Макри только что выдали в прямом эфире репортаж десятилетия.

And what a transmission it had been.	Ну и передача!
The camerlegno had been spellbinding.	Камерарий выглядел просто очаровательно!
Now out in the hallway, the camerlegno turned to Glick and Macri.	Оказавшись в коридоре, священнослужитель повернулся лицом к журналистам и сказал:
"I have asked the Swiss Guard to assemble photos for you-photos of the branded cardinals as well as one of His late Holiness.	- Я распорядился, чтобы швейцарские гвардейцы подобрали для вас фотографии. Эту будут снимки заклейменных кардиналов и одно фото покойного папы.

I must warn you, these are not pleasant pictures.	Должен предупредить, что изображения весьма неприятные.
Ghastly burns.	Отвратительные ожоги.
Blackened tongues.	Почерневшие языки.
But I would like you to broadcast them to the world."	Но мне хотелось бы, чтобы вы показали их миру.
Glick decided it must be perpetual Christmas inside Vatican City.	Глик в душе пожелал Ватикану вечного праздника Рождества.
He wants me to broadcast an exclusive photo of the dead Pope?	Неужели камерарий хочет, чтобы они передали в эфир эксклюзивное фото мертвого папы?

"Are you sure?" Glick asked, trying to keep the excitement from his voice.	- Вы в этом уверены? - спросил Глик, всеми силами пытаясь скрыть охватившее его волнение.
The camerlegno nodded.	Камерарий утвердительно кивнул и добавил:

"The Swiss Guard will also provide you a live video feed of the antimatter canister as it counts down."	- Швейцарские гвардейцы предоставят вам возможность переслать в эфир изображение ловушки антиматерии и показать в режиме реального времени отсчет часов и минут до взрыва.
Glick stared. Christmas.	"Рождество!
Christmas.	Рождество!

Christmas!	Рождество!" - повторял Глик про себя.
"The Illuminati are about to find out," the camerlegno declared, "that they have grossly overplayed their hand."	- Иллюминаты очень скоро поймут, что сильно перегнули палку, - закончил камерарий.
96	Глава 96
Like a recurring theme in some demonic symphony, the suffocating darkness had returned.	Удушающая тьма вернулась к нему, словно повторяющаяся тема какой-то демонической симфонии.
No light.	Без света.
No air.	Без воздуха.
No exit.	Без выхода.

Langdon lay trapped beneath the overturned sarcophagus and felt his mind careening dangerously close to the brink.	Лэнгдон лежал под перевернутым саркофагом, понимая, что находится в опасной близости к безумию.
Trying to drive his thoughts in any direction other than the crushing space around him, Langdon urged his mind toward some logical process... mathematics, music, anything.	Стараясь заставить себя думать о чем угодно, только не об окружающем его замкнутом пространстве, он пытался занять ум решением логических задач, математикой, музыкой... одним словом, всем, чем можно.
But there was no room for calming thoughts.	Но оказалось, что для успокоительных мыслей места в мозгу не осталось.

I can't move!	"Я не в силах двигаться!
I can't breathe!	Я не могу дышать!"
The pinched sleeve of his jacket had thankfully come free when the casket fell, leaving Langdon now with two mobile arms.	Защемленный рукав пиджака в момент падения саркофага каким-то чудом освободился, и в распоряжении Лэнгдона были уже две свободные руки.
Even so, as he pressed upward on the ceiling of his tiny cell, he found it immovable.	Но даже после того, как он что было сил надавил на потолок ловушки, каменный гроб остался неподвижным.
Oddly, he wished his sleeve were still caught.	Теперь, как ни странно, он жалел, что рукав выскользнул из-под края камня.

At least it might create a crack for some air.	Если бы этого не случилось, то осталась бы щель, через которую мог просачиваться воздух.
As Langdon pushed against the roof above, his sleeve fell back to reveal the faint glow of an old friend. Mickey.	Когда Лэнгдон предпринял очередную попытку приподнять мраморный ящик, край рукава задрался, и американец увидел слабое свечение своего старого друга Микки.

The greenish cartoon face seemed mocking now.	Однако теперь ему казалось, что знакомое личико из мультфильма кривится в издевательской ухмылке.

Langdon probed the blackness for any other sign of light, but the casket rim was flush against the floor.	Лэнгдон осмотрел гроб в надежде увидеть хоть какой-нибудь источник света, однако края саркофага по всему периметру плотно прилегали к полу.
Goddamn Italian perfectionists, he cursed, now imperiled by the same artistic excellence he taught his students to revere... impeccable edges, faultless parallels, and of course, use only of the most seamless and resilient Carrara marble.	Проклятые итальянские любители совершенства, выругался он про себя. То, чему он учил восхищаться своих студентов - точность обработки камня, строгай параллелизм и бесшовное соединение монолитов каррарского мрамора, - превратилось для него в смертельную угрозу.
Precision can be suffocating.	Совершенство, оказывается, может быть удушающим.

"Lift the damn thing," he said aloud, pressing harder through the tangle of bones.	- Да поднимись же ты наконец, проклятый ящик! -произнес он, в очередной раз упираясь в потолок, который столько лет служил днищем гроба.
The box shifted slightly.	Саркофаг на сей раз слегка шевельнулся.
Setting his jaw, he heaved again.	Лэнгдон стиснул зубы и предпринял еще одно усилие.
The box felt like a boulder, but this time it raised a quarter of an inch.	Каменная глыба приподнялась на четверть дюйма.
A fleeting glimmer of light surrounded him, and then the casket thudded back down.	В гроб пробился свет, но уже через мгновение каменный ящик с глухим стуком снова опустился на пол.

Langdon lay panting in the dark.	Лэнгдон, тяжело дыша, остался лежать во тьме.
He tried to use his legs to lift as he had before, but now that the sarcophagus had fallen flat, there was no room even to straighten his knees.	Затем он попытался приподнять мраморную глыбу с помощью ног - так, как уже сделал однажды. Но поскольку саркофаг теперь лежал на полу, у узника не осталось пространства даже для того, чтобы согнуть ноги в коленях.
As the claustrophobic panic closed in, Langdon was overcome by images of the sarcophagus shrinking around him.	По мере того как усиливался приступ клаустрофобии, Лэнгдону начинало казаться, что стены каменной гробницы стали сужаться.

Squeezed by delirium, he fought the illusion with every logical shred of intellect he had.	Чтобы окончательно не поддаться панике, он попытался прогнать это ощущение, пустив в ход последние остатки разума.
"Sarcophagus," he stated aloud, with as much academic sterility as he could muster.	- Саркофаги, - начал он вслух тоном читающего лекцию профессора, но тут же замолчал.
But even erudition seemed to be his enemy today.	Даже эрудиция ученого стала для него в этот миг врагом.
Sarcophagus is from the Greek "sarx"meaning "flesh," and "phagein" meaning "to eat."	Слово "саркофаг" происходит от греческих слов "sarx", что значит "плоть", и "phagein", что в переводе означает "пожирать".

I'm trapped in a box literally designed to "eat flesh."	Таким образом, он находился в каменном ящике, предназначенном буквально для того, чтобы пожирать плоть.
Images of flesh eaten from bone only served as a grim reminder that Langdon lay covered in human remains.	Мысленно Лэнгдон представил слезающую с костей разлагающуюся плоть, и это напомнило ему о том, что он лежит, засыпанный с ног до головы человеческими останками.
The notion brought nausea and chills.	При мысли об этом его затошнило, а тело покрылось холодным потом.
But it also brought an idea.	Но в то же время это натолкнуло его еще на одну идею.

Fumbling blindly around the coffin, Langdon found a shard of bone.	Лихорадочно пошарив вокруг себя руками, Лэнгдон нащупал твердый обломок какой-то крупной кости.
A rib maybe?	Скорее всего это была часть ребра.
He didn't care.	Впрочем, времени на анатомические изыскания у него не оставалось.
All he wanted was a wedge.	Ему всего лишь нужен был клин.
If he could lift the box, even a crack, and slide the bone fragment beneath the rim, then maybe enough air could...	Если удастся приподнять гроб хотя бы на долю дюйма и сунуть в щель кость, то воздух, возможно...

Reaching across his body and wedging the tapered end of the bone into the crack between the floor and the coffin, Langdon reached up with his other hand and heaved skyward.	Протянув руку к противоположному плечу и приставив заостренный конец кости к месту, где край гроба соединялся с полом, он попытался свободной рукой приподнять саркофаг.
The box did not move.	Тот, естественно, не шелохнулся.
Not even slightly.	Ни на йоту.
He tried again.	Лэнгдон предпринял еще одну попытку.
For a moment, it seemed to tremble slightly, but that was all.	В какой-то момент ему показалось, что камень дрогнул. Но это было все.

With the fetid stench and lack of oxygen choking the strength from his body, Langdon realized he only had time for one more effort.	Отвратительный запах человеческих останков и недостаток кислорода лишали его последних сил. Лэнгдон понимал, что в лучшем случае у него осталась одна попытка.
He also knew he would need both arms.	Кроме того, он знал, что для того чтобы ею воспользоваться, ему понадобятся обе руки.
Regrouping, he placed the tapered edge of the bone against the crack, and shifting his body, he wedged the bone against his shoulder, pinning it in place.	Чуть изменив позу, он оставил острый конец ребра на месте соприкосновения гроба с полом и, чуть приподняв тело, прижал плечом тупой конец кости.

Careful not to dislodge it, he raised both hands above him.	Стараясь не сдвинуть спасительный клин с места, он поднял обе руки над головой и уперся в днище гроба.

As the stifling confine began to smother him, he felt a welling of intensified panic.	Вызванная боязнью замкнутого пространства паника начинала все сильнее действовать на его психику.
It was the second time today he had been trapped with no air.	Второй раз за день он оказался в лишенном кислорода пространстве.
Hollering aloud, Langdon thrust upward in one explosive motion. The casket jostled off the floor for an instant.	Громко вскрикнув, он одним мощным движением надавил на дно саркофага, и каменный ящик на мгновение приподнялся над полом.

But long enough. The bone shard he had braced against his shoulder slipped outward into the widening crack.	Этого мига оказалось достаточно для того, чтобы обломок кости скользнул в образовавшуюся щель.
When the casket fell again, the bone shattered. But this time Langdon could see the casket was propped up. A tiny slit of light showed beneath the rim.	Когда гроб снова опустился, кость затрещала, но Лэнгдон увидел, что между саркофагом и полом остался зазор, сквозь который пробивался крошечный лучик света.
Exhausted, Langdon collapsed.	Лишившись остатков сил, Лэнгдон расслабленно растянулся на полу.

Hoping the strangling sensation in his throat would pass, he waited. But it only worsened as the seconds passed.	Ученому казалось, что его горло сжимает сильная рука, и он ждал, когда пройдет чувство удушья.
Whatever air was coming through the slit seemed imperceptible.	Если через образовавшуюся щель и просачивался воздух, то это было совершенно незаметно.
Langdon wondered if it would be enough to keep him alive.	Американец не был уверен, что этого притока хватит на то, чтобы поддерживать его существование.
And if so, for how long?	А если к хватит, то насколько долго?

If he passed out, who would know he was even in there?	Если он потеряет сознание, то как появившиеся здесь люди узнают, что под перевернутым саркофагом находится человек?
With arms like lead, Langdon raised his watch again: 10:12 P.M. Fighting trembling fingers, he fumbled with the watch and made his final play. He twisted one of the tiny dials and pressed a button.	Лэнгдон поднял руку с часами. Рука, казалось, была налита свинцом. Пытаясь справиться с непослушными, дрожащими пальцами, он разыграл свою последнюю карту, повернув крошечный диск и нажав на кнопку.
As consciousness faded, and the walls squeezed closer, Langdon felt the old fears sweep over him.	По мере того как стены его темницы продолжали сдвигаться, а сознание затуманиваться, им овладевали старые страхи.

He tried to imagine, as he had so many times, that he was in an open field. The image he conjured, however, was no help.	Он, как и много раз до этого, попытался представить, что находится в открытом пространстве, но из этого ничего не вышло.
The nightmare that had haunted him since his youth came crashing back...	Кошмар, преследовавший Лэнгдона с юных лет, ворвался в его сознание с новой силой. ***
The flowers here are like paintings, the child thought, laughing as he ran across the meadow.	Цветы здесь похожи на картинки, думал ребенок, со смехом носясь по лугу.
He wished his parents had come along.	Ему очень хотелось, чтобы его радость разделили папа и мама.

But his parents were busy pitching camp.	Но родители были заняты разбивкой лагеря.
"Don't explore too far," his mother had said.	- Не очень увлекайся исследованиями, - сказала мама.
He had pretended not to hear as he bounded off into the woods.	Притворившись, что он ничего не слышал, мальчик направился в сторону леса.
Now, traversing this glorious field, the boy came across a pile of fieldstones. He figured it must be the foundation of an old homestead.	Пересекая замечательное поле, он увидел кучу известняка и решил, что это был фундамент когда-то стоявшего здесь дома.
He would not go near it.	Нет, приближаться к нему он не станет.
He knew better.	Ведь он только что заметил кое-что еще более интересное.

Besides, his eyes had been drawn to something else-a brilliant lady's slipper- the rarest and most beautiful flower in New Hampshire.	Это был превосходный экземпляр "венерина башмачка" - самого красивого и наиболее редкого цветка в Нью-Гэмпшире.
He had only ever seen them in books.	До этого он видел его только на картинках в книжках.
Excited, the boy moved toward the flower. He knelt down.	Мальчишка в радостном возбуждении подошел к цветку и опустился на колени.
The ground beneath him felt mulchy and hollow. He realized his flower had found an extra fertile spot.	Почва под ним была рыхлой и пористой, из чего следовало, что его цветок выбрал для себя самое лодородное местечко.

It was growing from a patch of rotting wood.	Он рос на стволе сгнившего дерева.
Thrilled by the thought of taking home his prize, the boy reached out... fingers extending toward the stem.	Предвкушая с восторгом, как доставит домой бесценный трофей, мальчик протянул руку...
He never reached it.	Но до стебля он так и не дотянулся.
With a sickening crack, the earth gave way.	С устрашающим треском земля под ним разверзлась.
In the three seconds of dizzying terror as he fell, the boy knew he would die.	Падение длилось всего три секунды, но мальчик понял, что сейчас умрет.

Plummeting downward, he braced for the bone crushing collision. When it came, there was no pain.	Он со страхом ожидал столкновения, но, когда это произошло, никакой боли не почувствовал.
Only softness.	Он упал на что-то очень мягкое.
And cold.	И холодное.
He hit the deep liquid face first, plunging into a narrow blackness.	Мальчик лицом вниз упал в темную, до краев заполненную жидкостью, яму.
Spinning disoriented somersaults, he groped the sheer walls thatenclosed him on all sides.	Вращаясь и пытаясь сделать сальто, чтобы оказаться головой вверх, он отчаянно царапал окружающие его со всех сторон стены.

Somehow, as if by instinct, he sputtered to the surface.	Каким-то образом ему все же удалось всплыть на поверхность.
Light.	Свет.
Faint. Above him.	Слабый свет над головой.

Miles above him, it seemed.	Во многих милях от него. Во всяком случае, так ему казалось.
His arms clawed at the water, searching the walls of the hollow for something to grab onto.	Его руки отчаянно колотили по воде в попытке добраться до стены и схватиться за что-то твердое.
Only smooth stone.	Но вокруг него был только гладкий камень.

He had fallen through an abandoned well covering.	Он провалился сквозь сгнившую крышку заброшенного колодца.
He screamed for help, but his cries reverberated in the tight shaft.	Мальчик звал на помощь, но его крики тонули в узкой глубокой шахте.
He called out again and again.	Он звал снова и снова.
Above him, the tattered hole grew dim.	Свет в дыре над головой начинал меркнуть.
Night fell.	Приближалась ночь.
Time seemed to contort in the darkness.	Время в темноте остановилось.
Numbness set in as he treaded water in the depths of the chasm, calling, crying out.	Находящееся в воде тело начинало неметь, но он продолжал кричать.

He was tormented by visions of the walls collapsing in, burying him alive.	Ему казалось, что каменные стены рушатся, чтобы похоронить его под собой.
His arms ached with fatigue.	Руки от усталости болели.
A few times he thought he heard voices.	Несколько раз ему казалось, что он слышит голоса.
He shouted out, but his own voice was muted... like a dream.	Он кричал снова, но голос его уже звучал совсем глухо.
As the night wore on, the shaft deepened. The walls inched quietly inward.	Когда наступила ночь, шахта стала глубже, а ее стены сблизились.
The boy pressed out against the enclosure, pushing it away.	Мальчик упирался в камень, чтобы не дать им сомкнуться окончательно.

Exhausted, he wanted to give up.	Он устал так, что готов был сдаться.
And yet he felt the water buoy him, cooling his burning fears until he was numb.	В то же время ему казалось, что сама вода, словно буй, выталкивает его на поверхность. Через некоторое время все его чувства притупились настолько, что он вообще перестал бояться.
When the rescue team arrived, they found the boy barely conscious.	Когда прибыла спасательная команда, его сознание едва теплилось.
He had been treading water for five hours.	Он пробыл в воде пять часов.
Two days later, the Boston Globe ran a front page story called	Двумя днями позже на первой полосе "Бостон глоб" появилась статья:

"The Little Swimmer That Could."	"Маленький пловец, который все-таки смог выплыть".
97	Глава 97

The Hassassin smiled as he pulled his van into the mammoth stone structure overlooking the Tiber River.	Ассасин, улыбаясь, остановил микроавтобус в проезде, ведущем к гигантскому каменному зданию на берегу Тибра.
He carried his prize up and up... spiraling higher in the stone tunnel, grateful his load was slender.	Далее он понес свою добычу на себе, взбираясь все выше и выше по идущему спиралью каменному тоннелю и радуясь, что груз не очень тяжел.
He arrived at the door.	Наконец он добрался до двери.

The Church of Illumination, he gloated.	"Храм Света! - с восторгом подумал он.
The ancient Illuminati meeting room.	- Место, где в далеком прошлом собирались иллюминаты.
Who would have imagined it to be here?	И кто бы мог подумать, что храм находится именно здесь?"
Inside, he lay her on a plush divan. Then he expertly bound her arms behind her back and tied her feet.	Он вошел в помещение и, положив девушку на бархатный диван, умело стянул ее руки за спиной и связал ноги.
He knew that what he longed for would have to wait until his final task was finished.	Убийца знал, что вознаграждение должно подождать до тех пор, пока он не завершит начатое. Пока не выполнит последнее задание.

Water.	Вода.
Still, he thought, he had a moment for indulgence. Kneeling beside her, he ran his hand along her thigh.	Однако, решив, что у него еще есть время на то, чтобы немного развлечься, он опустился рядом с ней на колени и провел ладонью по ее бедру.
It was smooth.	Какая гладкая кожа!
Higher.	Теперь чуть выше.
His dark fingers snaked beneath the cuff of her shorts.	Темные пальцы скользнули под край шортов.
Higher.	Еще выше.
He stopped. Patience, he told himself, feeling aroused.	"Терпение! - сказал он себе, ощутив похоть.

There is work to be done.	- Дело прежде всего".
He walked for a moment out onto the chamber's high stone balcony.	Чтобы немного успокоиться, ассасин вышел на каменный балкон.
The evening breeze slowly cooled his ardor.	Прохладный ночной ветерок постепенно погасил его страсть.
Far below the Tiber raged.	Далеко внизу шумели воды Тибра.
He raised his eyes to the dome of St. Peter's, three quarters of a mile away, naked under the glare of hundreds of press lights.	Он устремил взгляд на находящийся в трех четвертях мили от него купол собора Святого Петра. В свете сотен юпитеров прессы тот показался ему обнаженным живым существом.

"Your final hour," he said aloud, picturing the thousands of Muslims slaughtered during the Crusades.	- Наступает ваш последний час, - сказал он, вспомнив тысячи погибших во время крестовых походов мусульман.
"At midnight you will meet your God."	- В полночь вы все встретитесь со своим Богом.

Behind him, the woman stirred. The Hassassin turned.	Ассасин услышал за спиной какой-то звук и обернулся.
He considered letting her wake up.	Его пленница чуть изменила позу. Он подумал, не стоит ли привести девицу в чувство.
Seeing terror in a woman's eyes was his ultimate aphrodisiac.	Для него не было средства более возбуждающего, чем ужас в глазах женщины.

He opted for prudence.	Однако, подумав, ассасин решил не рисковать.
It would be better if she remained unconscious while he was gone.	Будет лучше, если на время его отсутствия она останется без сознания.
Although she was tied and would never escape, the Hassassin did not want to return and find her exhausted from struggling.	Она, конечно, была связана и убежать не могла, но убийце не хотелось по возвращении застать ее обессилевшей в бесплодной борьбе с путами.
I want your strength preserved... for me.	"Я хочу, чтобы ты сохранила силы... для меня".

Lifting her head slightly, he placed his palm beneath her neck and found the hollow directly beneath her skull.	Слегка приподняв голову Виттории, он нащупал углубление на шее сразу под черепом.
The crown/meridian pressure point was one he had used countless times.	Убийца давно потерял счет тому, сколько раз пользовался этим приемом.
With crushing force, he drove his thumb into the soft cartilage and felt it depress.	С огромной силой он вдавил большой палец в мягкий хрящ и продержал его в этом положении несколько секунд.
The woman slumped instantly.	Тело девушки мгновенно обмякло.
Twenty minutes, he thought.	Двадцать минут, подумал ассасин.

She would be a tantalizing end to a perfect day.	Это будет достойным завершением превосходного дня.
After she had served him and died doing it, he would stand on the balcony and watch the midnight Vatican fireworks.	После того как она удовлетворит его страсть и умрет, он выйдет на балкон, чтобы полюбоваться полуночным фейерверком в Ватикане.
Leaving his prize unconscious on the couch, the Hassassin went downstairs into a torchlit dungeon.	Оставив свою добычу на диване, ассасин спустился в залитую светом факелов темницу.
The final task.	Последнее задание.

He walked to the table and revered the sacred, metal forms that had been left there for him.	Он подошел к столу и с благоговением посмотрел на оставленные для него священные металлические литые формы.
Water.	Вода.
It was his last.	Это был последний знак.
Removing a torch from the wall as he had done three times already, he began heating the end.	Сняв со стены факел, как делал это уже трижды, ассасин стал нагревать один конец стержня.
When the end of the object was white hot, he carried it to the cell.	Когда металл раскалился добела, он прошел в камеру.
Inside, a single man stood in silence. Old and alone.	Там, стоя, его ждал человек.

"Cardinal Baggia," the killer hissed. "Have you prayed yet?"	- Вы уже помолились, кардинал Баджиа? - прошипел он.

The Italian's eyes were fearless. "Only for your soul."	- Только за спасение твоей души, - бесстрашно глядя в глаза убийцы, ответил итальянец.
98	Глава 98
The six pompieri firemen who responded to the fire at the Church of Santa Maria Della Vittoria extinguished the bonfire with blasts of Halon gas.	Шестеро пожарных - поитальянски pompieri, -первыми прибывшие в церковь Санта-Мария делла Виттория, потушили погребальный костер с помощью углекислого газа.

Water was cheaper, but the steam it created would have ruined the frescoes in the chapel, and the Vatican paid Roman pompieri a healthy stipend for swift and prudent service in all Vatican owned buildings.	Залив- ка водой обошлась бы значительно дешевле, но образующийся при этом пар мог серьез-но повредить фрески. Ватикан выплачивал римским pompieri щед-рое вознаграждение за бережное отношение к его собственности.
Pompieri, by the nature of their work, witnessed tragedy almost daily, but the execution in this church was something none of them would ever forget.	Пожарным по роду их деятельности чуть ли не ежедневно приходи-лось выступать свиде-телями самых различ-ных трагедий. Но то, что они увидели в церк-ви, сохранится в их па-мяти до конца дней.

Part crucifixion, part hanging, part burning at the stake, the scene was something dredged from a Gothic nightmare.	Распятие, повешение и одновременно сожжение на костре можно было увидеть только в готических кошмарах.
Unfortunately, the press, as usual, had arrived before the fire department. They'd shot plenty of video before the pompieri cleared the church.	К сожалению, представители прессы, как это часто случается, появились на месте трагедии раньше борцов с огнем и успели потратить огромное количество видеопленки еще до того, как pompieri сумели очистить помещение.
When the firemen finally cut the victim down and lay him on the floor, there was no doubt who the man was.	Когда пожарные наконец освободили жертву от цепей и положили на пол, у них не осталось никаких сомнений в том, кто перед ними.

"Cardinale Guidera," one whispered.	- Кардинал Гуидера, - прошептал один из них.
"Di Barcellona."	- Из Барселоны.
The victim was nude.	Кардинал был обнажен.
The lower half of his body was crimson black, blood oozing through gaping cracks in his thighs.	Нижняя часть его тела почернела, из зияющих на бедрах ран сочилась кровь.
His shinbones were exposed.	Берцовые кости кардинала были почти полностью открыты взгляду.
One fireman vomited.	Одного из пожарных стошнило.
Another went outside to breathe.	Другой выбежал на площадь глотнуть свежего воздуха.

The true horror, though, was the symbol seared on the cardinal's chest.	Но самый большой ужас вызвало то, что они увидели на груди кардинала.
The squad chief circled the corpse in awestruck dread.	Начальник команды старался держаться от тела как можно дальше.
Lavoro del diavolo, he said to himself.	"Lavoro del diavolo, - бормотал он себе под нос.
Satan himself did this.	- Сам сатана сделал это".

He crossed himself for the first time since childhood.	Пожарный осенил себя крестным знамением. Последний раз он делал это в глубоком детстве.
"Un' altro corpo!" someone yelled.	- Un' altro corpo! - раздался чей-то вопль.

One of the firemen had found another body.	Какой-то пожарный нашел еще один труп.
The second victim was a man the chief recognized immediately.	Вторую жертву брандмейстер опознал сразу.
The austere commander of the Swiss Guard was a man for whom few public law enforcement officials had any affection.	Слывший аскетом шеф швейцарской гвардии не пользовался популярностью среди членов правоохранительного сообщества Рима.
The chief called the Vatican, but all the circuits were busy.	Тем не менее начальник команды позвонил в Ватикан, но все линии оказались заняты.

He knew it didn't matter.	Впрочем, он знал, что это не имеет никакого значения.
The Swiss Guard would hear about this on television in a matter of minutes.	Через несколько минут гвардейцы узнают обо всем из экстренного выпуска новостей.
As the chief surveyed the damage, trying to recreate what possibly could have gone on here, he saw a niche riddled with bullet holes.	Пытаясь оценить нанесенный огнем ущерб и как-то реконструировать ход событий, брандмейстер увидел, что стена одной из ниш изрешечена пулями.
A coffin had been rolled off its supports and fallen upside down in an apparent struggle.	Приглядевшись внимательнее, он увидел, что гроб свалился с опор и теперь лежал на полу вверх дном.

It was a mess.	Это явно было результатом какой-то борьбы.
That's for the police and Holy See to deal with, the chief thought, turning away.	Пусть в этом деле разбираются полиция и Святой престол, подумал пожарный.
As he turned, though, he stopped. Coming from the coffin he heard a sound.	Однако в тот момент, когда он повернулся, чтобы уйти, ему показалось, что из-под саркофага доносится какой-то звук.
It was not a sound any fireman ever liked to hear.	И это был звук, который не хотел бы услышать ни один пожарный.
"Bomba!" he cried out.	- Бомба! - закричал он.
"Tutti fuori!"	- Все наружу!

When the bomb squad rolled the coffin over, they discovered the source of the electronic beeping.	Саперная команда, перевернув каменный гроб, недоуменно и несколько растерянно уставилась на источник электронного сигнала.
They stared, confused.	Однако пауза длилась не долго.
"M?dico!" one finally screamed.	- Medico! - выкрикнул один из саперов.
"M?dico!"	- Medico!
99	Глава 99

"Any word from Olivetti?" the camerlegno asked, looking drained as Rocher escorted him back from the Sistine Chapel to the Pope's office.	- Что слышно от Оливетти? - спросил камерарий у Рошера, когда они вышли из Сикстинской капеллы, чтобы направиться в кабинет папы. Клирик выглядел смертельно уставшим.

"No, signore.	- Ничего, синьор.
I am fearing the worst."	Я опасаюсь самого худшего.
When they reached the Pope's office, the camerlegno's voice was heavy.	Когда они достигли цели, камерарий тяжело вздохнул:
"Captain, there is nothing more I can do here tonight.	- Капитан, больше я ничего сделать не могу.

I fear I have done too much already.	Боюсь, что за этот вечер я и так сделал чересчур много.
I am going into this office to pray. I do not wish to be disturbed.	Сейчас я стану молиться и не хочу, чтобы меня беспокоили.
The rest is in God's hands."	Мы передаем дело в руки Господа.
"Yes, signore."	- Хорошо, синьор.
"The hour is late, Captain.	- Время на исходе, капитан.
Find that canister."	Найдите ловушку.
"Our search continues." Rocher hesitated.	- Поиски продолжаются, - не слишком уверенно произнес офицер.
"The weapon proves to be too well hidden."	- Но оружие спрятано очень хорошо.

The camerlegno winced, as if he could not think of it.	Камерарий недовольно поморщился. Казалось, у него не осталось сил выслушивать объяснения.
"Yes.	- Понимаю.
At exactly 11:15 P.M., if the church is still in peril, I want you to evacuate the cardinals.	Ровно в одиннадцать пятнадцать, если угроза к тому времени не будет устранена, я прошу вас приступить к эвакуации кардиналов.
I am putting their safety in your hands. I ask only one thing.	Я вручаю их судьбу в ваши руки и прошу лишь об одном.
Let these men proceed from this place with dignity.	Сделайте так, чтобы они с достоинством покинули это место.

Let them exit into St. Peter's Square and stand side by side with the rest of the world.	Пусть они выйдут на площадь Святого Петра и окажутся среди людей.
I do not want the last image of this church to be frightened old men sneaking out a back door."	Я не хочу, чтобы последние мгновения существования церкви были омрачены видом ее верховных служителей, улепетывающих через черный ход.
"Very good, signore.	- Будет исполнено, синьор.
And you?	А как же вы?
Shall I come for you at 11:15 as well?"	Должен ли я зайти и за вами в одиннадцать пятнадцать?
"There will be no need."	- В этом нет необходимости.

"Signore?"	- Но, синьор...
"I will leave when the spirit moves me."	- Я покину Ватикан, только повинуясь приказу своей души.

Rocher wondered if the camerlegno intended to go down with the ship.	"Неужели он решил отправиться на дно вместе с кораблем?" - подумал Рошер.
The camerlegno opened the door to the Pope's office and entered. "Actually..." he said, turning.	Камерарий открыл дверь папского кабинета, но, прежде чем переступить порог, оглянулся и сказал: - Да.
"There is one thing."	Еще вот что...
"Signore?"	- Слушаю, синьор?

"There seems to be a chill in this office tonight.	- В кабинете сегодня почему-то очень холодно.
I am trembling."	Я весь дрожу.
"The electric heat is out.	- Электрическое отопление отключено.
Let me lay you a fire."	Позвольте мне растопить для вас камин.
The camerlegno smiled tiredly. "Thank you.	- Спасибо, - устало улыбнулся камерарий.
Thank you, very much."	- Огромное вам спасибо.

Rocher exited the Pope's office where he had left the camerlegno praying by firelight in front of a small statue of the Blessed Mother Mary.	Рошер вышел из папского кабинета, оставив камерария молящимся в свете камина перед небольшим изваянием Святой Девы Марии.
It was an eerie sight.	Это была странная, внушающая суеверный страх картина.
A black shadow kneeling in the flickering glow.	Черная коленопреклоненная тень в мерцающем красноватом свете.
As Rocher headed down the hall, a guard appeared, running toward him.	Едва выйдя в коридор, Рошер увидел бегущего к нему швейцарского гвардейца.

Even by candlelight Rocher recognized Lieutenant Chartrand. Young, green, and eager.	Даже в свете свечей Рошер узнал лейтенанта Шартрана - молодого, зеленого и очень ретивого.
"Captain," Chartrand called, holding out a cellular phone. "I think the camerlegno's address may have worked.	- Капитан, - сказал Шартран, протягивая начальнику сотовый телефон, - мне кажется, что обращение камерария подействовало.
We've got a caller here who says he has information that can help us.	Звонит человек, который считает, что, возможно способен нам помочь.
He phoned on one of the Vatican's private extensions.	Неизвестный звонит по одной из частных линий Ватикана.

I have no idea how he got the number."	Не знаю, как он сумел раздобыть номер.
Rocher stopped. "What?"	- Что дальше? - спросил Рошер.
"He will only speak to the ranking officer."	- Человек сказал, что будет говорить со старшим по званию офицером.
"Any word from Olivetti?"	- От Оливетти что-нибудь слышно?
"No, sir."	- Никак нет, сэр.
He took the receiver. "This is Captain Rocher. I am ranking officer here."	- Г оворит капитан Рошер, и я старший по званию,- произнес в трубку офицер.
"Rocher," the voice said.	- Рошер! - раздался голос на другом конце линии.

"I will explain to you who I am. Then I will tell you what you are going to do next."	- Вначале я скажу, кто я, а затем разъясню, что вам следует делать.
When the caller stopped talking and hung up, Rocher stood stunned.	Когда звонивший, закончив разговор, отключился, Рошер от изумления долго не мог прийти в себя.
He now knew from whom he was taking orders.	Теперь он знал, кто отдает ему приказы. ***
Back at CERN, Sylvie Baudeloque was frantically trying to keep track of all the licensing inquiries coming in on Kohler's voice mail.	А тем временем в ЦЕРНе Сильвия Боделок отчаянно пыталась как-то упорядочить огромное количество просьб о предоставлении лицензий, поступающих по голосовой почте Колера.

When the private line on the director's desk began to ring, Sylvie jumped.	Но когда зазвонил личный телефон директора, Сильвия подпрыгнула на стуле.
Nobody had that number.	Этого номера не знал никто.
She answered. "Yes?"	- Да? - сказала она, подняв трубку.
"Ms. Baudeloque?	- Мисс Боделок?
This is Director Kohler.	Говорит директор Колер.
Contact my pilot.	Немедленно свяжитесь с пилотом.
My jet is to be ready in five minutes."	Мой самолет должен быть готов через пять минут.
100	Глава 100

Robert Langdon had no idea where he was or how long he had been unconscious when he opened his eyes and found himself staring up at the underside of a baroque, frescoed cupola.	Когда Роберт Лэнгдон открыл глаза и обнаружил, что видит над собой расписанный фресками купол в стиле барокко, он не мог понять, где находится и сколько времени провалялся без сознания.
Smoke drifted overhead.	Высоко над головой плавал дымок.
Something was covering his mouth.	Какой-то предмет закрывал его рот и нос.
An oxygen mask.	Кислородная маска.
He pulled it off.	Ученый содрал с лица прибор, и в тот же миг ему в ноздри ударил ужасный запах.

There was a terrible smell in the room-like burning flesh.	Запах сгоревшей плоти.
Langdon winced at the pounding in his head.	Стучащая в висках боль заставила его скривить-ся.
He tried to sit up. A man in white was kneeling beside him.	Когда он предпринял попытку сесть, рядом с ним присел человек в белом халате.
"Riposati!" the man said, easing Langdon onto his back again.	- Riposati! - сказал че-ловек в белом. - Sono il paramedico.
"Sono il param?dico."	"Лежите! - машиналь-но перевел Лэнгдон. - Я -фельдшер".
Langdon succumbed, his head spiraling like the smoke overhead.	Затем он снова едва не потерял сознание. Голо-ва кружилась, как ды-мок под куполом.

What the hell happened?	Что, черт побери, произошло?
Wispy feelings of panic sifted through his mind.	Им снова стала овладевать паника.

"S?rcio salvatore," the paramedic said.	- Sorcio salvatore, - сказал человек, представившийся фельдшером.
"Mouse... savior."	- Мышонок... спаситель.
Langdon felt even more lost.	Лэнгдон вообще отказывался что-либо понимать.
Mouse savior?	Мышонок-спаситель?

The man motioned to the Mickey Mouse watch on Langdon's wrist. Langdon's thoughts began to clear.	Человек ткнул пальцем в Микки-Мауса на руке профессора, и мысли Лэнгдона начали постепенно проясняться.
He remembered setting the alarm.	Он вспомнил, что включил будильник.
As he stared absently at the watch face, Langdon also noted the hour.	Бросив взгляд на циферблат, ученый отметил время.
10:28 P.M.	Десять двадцать восемь.
He sat bolt upright.	В тот же миг он вскочил на ноги.

Then, it all came back.	Все события последних часов снова всплыли в его памяти. ***
Langdon stood near the main altar with the fire chief and a few of his men.	Через пару минут Лэнгдон уже находился у главного алтаря в компании брандмейстера и его людей.
They had been rattling him with questions. Langdon wasn't listening.	Пожарные засыпали его вопросами, но американец их не слушал.
He had questions of his own.	Ему самому было о чем спросить.
His whole body ached, but he knew he needed to act immediately.	По всему телу была разлита боль, но ученый знал, что надо действовать немедленно.

A pompiero approached Langdon across the church.	К нему подошел один из пожарных и сказал:
"I checked again, sir.	- Я еще раз осмотрел всю церковь, сэр.
The only bodies we found are Cardinal Guidera and the Swiss Guard commander.	Мы обнаружили лишь тела командира швейцарцев и кардинала Гуидера.
There's no sign of a woman here."	Никаких следов девушки.
"Grazie," Langdon said, unsure whether he was relieved or horrified.	- Grazie, - ответил Лэнгдон, не зная, радоваться ему или ужасаться.

He knew he had seen Vittoria unconscious on the floor.	Он был уверен, что видел Витторию на полу без сознания.
Now she was gone.	Теперь девушка исчезла.
The only explanation he came up with was not a comforting one.	Причина исчезновения, которая сразу пришла ему на ум, была неутешительной.
The killer had not been subtle on the phone.	Убийца, говоря по телефону, не скрывал своих намерений.
A woman of spirit.	"Сильная духом женщина, - сказал он.
I am aroused.	- Такие меня всегда возбуждали.

Perhaps before this night is over, I will find you.	Не исключено, что я найду тебя еще до того, как кончится эта ночь.

And when I do..."	А уж когда найду, то..."
Langdon looked around. "Where is the Swiss Guard?"	- Где швейцарские гвардейцы? - спросил Лэнгдон, оглядываясь по сторонам.
"Still no contact.	- Контакт установить не удалось.
Vatican lines are jammed."	Все линии Ватикана заблокированы.
Langdon felt overwhelmed and alone.	В этот момент ученый до конца ощутил свое одиночество и беспомощность.
Olivetti was dead.	Оливетти погиб.

The cardinal was dead.	Кардинал умер.
Vittoria was missing.	Виттория исчезла.
A half hour of his life had disappeared in a blink.	И полчаса его жизни канули в небытие в мгновение ока.
Outside, Langdon could hear the press swarming.	За стенами церкви шумела пресса, и Лэнгдон не сомневался, что информация об ужасной смерти кардинала скоро пойдет в эфир.
He suspected footage of the third cardinal's horrific death would no doubt air soon, if it hadn't already.	Если уже не пошла.

Langdon hoped the camerlegno had long since assumed the worst and taken action.	Американец надеялся на то, что камерарий, давно рассчитывая на самый худший вариант развития событий, принял все необходимые меры.
Evacuate the damn Vatican!	"Эвакуируй свой проклятый Ватикан!
Enough games!	Пора выходить из игры!
We lose!	Мы уже проиграли!"

Langdon suddenly realized that all of the catalysts that had been driving him-helping to save Vatican City, rescuing the four cardinals, coming face to face with the brotherhood he had studied for years-all of these things had evaporated from his mind.	Лэнгдон вдруг осознал, что все, что толкало его к действиям, - стремление спасти Ватикан, желание выручить из беды четырех кардиналов и жажда встретиться лицом к лицу с членами братства, которое он изучал так много лет, - все эти мотивы куда-то исчезли.
The war was lost.	Сражение проиграно.
A new compulsion had ignited within him.	Теперь его заставляло действовать лишь одно неистовое желание.
It was simple. Stark. Primal.	Желание древнее и примитивное.
Find Vittoria.	Он хотел найти Витторию.

He felt an unexpected emptiness inside.	Вместе с исчезновением девушки к нему пришла полная душевная опустошенность.
Langdon had often heard that intense situations could unite two people in ways that decades together often did not.	Лэнгдону часто приходилось слышать, что несколько часов, проведенных вместе в экстремальной ситуации, сближают людей больше, чем десятилетия простого знакомства.
He now believed it.	Теперь он в это поверил.

In Vittoria's absence he felt something he had not felt in years.	Чувств, подобных тем, которые бурлили в нем сейчас, он не испытывал много лет.
Loneliness.	И господствующим среди них было чувство одиночества.

The pain gave him strength.	Страдание придало ему новые силы.
Pushing all else from his mind, Langdon mustered his concentration.	Выбросив из головы все посторонние мысли, Лэнгдон сосредоточился на самом главном.
He prayed that the Hassassin would take care of business before pleasure.	Ученый надеялся, что ассасин поставит дело выше удовольствия.
Otherwise, Langdon knew he was already too late.	Если это не так, то он опоздал со спасением.
No, he told himself, you have time.	"Нет, - сказал он себе, - у тебя еще есть время.

Vittoria's captor still had work to do. He had to surface one last time before disappearing forever.	Убийца должен завершить то, что начал, и поэтому, прежде чем исчезнуть навсегда, еще раз вынырнет на поверхность".
The last altar of science, Langdon thought.	Последний алтарь науки, размышлял Лэнгдон.
The killer had one final task.	Финальный удар убийцы. Последняя задача.
Earth.	Земля.
Air.	Воздух.
Fire.	Огонь.
Water.	Вода.
He looked at his watch.	Он посмотрел на часы.
Thirty minutes.	Еще тридцать минут.

Langdon moved past the firemen toward Bernini's Ecstasy of St. Teresa.	Ученый чуть ли не бегом помчался мимо пожарных к "Экстазу святой Терезы".
This time, as he stared at Bernini's marker, Langdon had no doubt what he was looking for.	На сей раз, глядя на этот шедевр Бернини, Лэнгдон точно знал, что ему необходимо увидеть.
Let angels guide you on your lofty quest...	"И ангелы чрез Рим тебе укажут путь..."
Directly over the recumbent saint, against a backdrop of gilded flame, hovered Bernini's angel.	Прямо над откинувшейся на спину святой на фоне золотого пламени парил изваянный Бернини ангел.
The angel's hand clutched a pointed spear of fire.	В одной руке этот посланец небес сжимал остроконечное огненное копье.

Langdon's eyes followed the direction of the shaft, arching toward the right side of the church. His eyes hit the wall.	Лэнгдон перевел взгляд на то место, куда примерно указывал наконечник копья, и не увидел ничего, кроме стены храма.
He scanned the spot where the spear was pointing. There was nothing there.	В точке, на которую указывал ангел, не было ничего особенного.
Langdon knew, of course, the spear was pointing far beyond the wall, into the night, somewhere across Rome.	Но ученого это не смутило, поскольку он точно знал, что ангел указывает в ночь - на место, расположенное далеко за стеной церкви.
"What direction is that?" Langdon asked, turning and addressing the chief with a newfound determination.	- В каком направлении от меня находится эта точка? - спросил Лэнгдон у шефа пожарных.

"Direction?" The chief glanced where Langdon was pointing. He sounded confused. "I don't know... west, I think."	- В каком направлении? - переспросил тот, глядя в ту сторону, куда показывал американец, и несколько растерянно ответил: - Не знаю... на западе, как мне кажется.
"What churches are in that direction?"	- Какие церкви расположены на этой линии? -задал свой следующий вопрос вновь обретший решительность Лэнгдон.
The chief's puzzlement seemed to deepen.	Изумление шефа, казалось, не имело границ, и он протянул:
"Dozens.	- Их там не меньше десятка.
Why?"	Но почему вас это интересует?

Langdon frowned. Of course there were dozens.	"Я и сам мог это сообразить", - мрачно подумал американец, не отвечая на вопрос. Вслух же он произнес:
"I need a city map.	- Мне нужна карта Рима.
Right away."	И быстро.
The chief sent someone running out to the fire truck for a map.	Брандмейстер отправил одного из своих подчиненных к пожарной машине за картой.
Langdon turned back to the statue.	А Лэнгдон снова повернулся лицом к скульптуре.
Earth... Air... Fire... VITTORIA.	Земля... Воздух... Огонь... ВИТТОРИЯ.
The final marker is Water, he told himself.	Последней вехой является вода, сказал он себе.

Bernini's Water.	Вода, изваянная Бернини.
It was in a church out there somewhere.	Скорее всего она должна находиться где-то в одной из церквей.
A needle in a haystack.	Иголка в стоге сена.
He spurred his mind through all the Bernini works he could recall.	Он перебрал в уме все работы Бернини, которые помнил.
I need a tribute to Water!	Ему нужна та, в которой ок отдает дань воде...
Langdon flashed on Bernini's statue of Triton-the Greek God of the sea.	Первым на ум Лэнгдону пришло изваяние из фонтана

Then he realized it was located in the square outside this very church, in entirely the wrong direction.	"Тритон", но ученый тут же сообразил, что эта скульптура стоит перед той церковью, в которой он сейчас находится, и вдобавок в направлении, противоположном тому, куда указывает ангел.
He forced himself to think.	Он делал все, чтобы заставить свой мозг работать на полную мощность.
What figure would Bernini have carved as a glorification of water?	Какую фигуру мог изваять Бернини для прославления стихии воды?
Neptune and Apollo?	"Нептун и Аполлон"?
Unfortunately that statue was in London's Victoria & Albert Museum.	Но к сожалению, эта скульптура находится в музее Виктории и Альберта в Лондоне.

"Signore?"	- Синьор!..

A fireman ran in with a map.	Это прибежал пожарный с картой.
Langdon thanked him and spread it out on the altar.	Лэнгдон поблагодарил молодого человека и развернул карту на алтаре.
He immediately realized he had asked the right people; the fire department's map of Rome was as detailed as any Langdon had ever seen.	Ему сразу стало ясно, что на сей раз он обратился к тем людям, к которым следовало. Такой подробной карты Рима профессор еще не видел.
"Where are we now?"	- Где мы сейчас?
The man pointed.	Пожарный ткнул пальцем в точку на карте и произнес:

"Next to Piazza Barberini."	- Рядом с пьяцца Барберини.
Langdon looked at the angel's spear again to get his bearings.	Лэнгдон, чтобы еще лучше сориентироваться, снова взглянул на огненное копье ангела.
The chief had estimated correctly. According to the map, the spear was pointing west.	Начальник пожарной команды правильно оценил направление: копье ангела смотрело на запад.
Langdon traced a line from his current location west across the map. Almost instantly his hopes began to sink.	Ученый провел на карте прямую линию, начав с точки, в которой находился в данный момент, и его надежда сразу же начала угасать.

It seemed that with every inch his finger traveled, he passed yet another building marked by a tiny black cross.	Почти на каждом дюйме линии, по которой двигался его палец, имелся маленький черный крестик.
Churches.	Церкви.
The city was riddled with them.	Город просто усеян ими.
Finally, Langdon's finger ran out of churches and trailed off into the suburbs of Rome.	Когда цепь церковных сооружений закончилась, палец Лэнгдона уже оказался в пригороде Рима.
He exhaled and stepped back from the map.	Американец глубоко вздохнул и на шаг отошел от карты.
Damn.	Проклятие!

Surveying the whole of Rome, Langdon's eyes touched down on the three churches where the first three cardinals had been killed.	Окидывая взглядом общую картину города, он задержал внимание на трех храмах, в которых были убиты три первых кардинала.
The Chigi Chapel... St. Peter's... here...	Капелла Киджи... Площадь Святого Петра... Это место...
Seeing them all laid out before him now, Langdon noted an oddity in their locations.	Глядя одновременно на все три точки, Лэнгдон заметил в их расположении некоторую странность.
Somehow he had imagined the churches would be scattered randomly across Rome.	Вначале он думал, что церкви разбросаны по Риму случайно, без какой-либо закономерности.

But they most definitely were not.	Но теперь он видел, что это определенно не так.
Improbably, the three churches seemed to be separated systematically, in an enormous city wide triangle.	Как ни странно, церкви были расположены по определенной схеме, и связывающие их линии образовывали гигантский, включающий в себя почти весь город, треугольник.

Langdon double checked. He was not imagining things.	Лэнгдон еще раз проверил свое предположение и убедился, что это вовсе не плод его разыгравшегося воображения.
"Penna," he said suddenly, without looking up.	- Penna, - неожиданно произнес он, не отрывая взгляда от карты.

Someone handed him a ballpoint pen.	Кто-то протянул ему шариковую ручку.
Langdon circled the three churches.	Лэнгдон обвел кружками три церкви и проверил свой вывод в третий раз.
His pulse quickened.	Сомнений не оставалось.
He triple checked his markings. A symmetrical triangle!	Перед ним был треугольник!
Langdon's first thought was for the Great Seal on the one dollar bill-the triangle containing the all seeing eye.	Ученый первым делом вспомнил большую печать на долларовой купюре - треугольник с заключенным в нем всевидящим оком.
But it didn't make sense.	Но во всех этих умозаключениях, увы, было мало смысла.

He had marked only three points. There were supposed to be four in all.	Ведь он отметил лишь три точки, в то время как их должно было быть четыре.
So where the hell is Water?	Где же, дьявол ее побери, находится эта вода?!
Langdon knew that anywhere he placed the fourth point, the triangle would be destroyed.	Лэнгдон понимал, что, где бы он ни поместил четвертую точку, треугольник будет разрушен.
The only option to retain the symmetry was to place the fourth marker inside the triangle, at the center.	Сохранить симметричность можно лишь в том случае, если поместить эту четвертую точку в центре треугольника.
He looked at the spot on the map.	Американец взглянул на это гипотетическое место.

Nothing.	Ничего.
The idea bothered him anyway.	Однако он не оставлял этой мысли.
The four elements of science were considered equal.	Все четыре элемента науки считались равными.
Water was not special; Water would not be at the center of the others.	В воде не было ничего специфического, и, следовательно, вода не могла находиться в центре.
Still, his instinct told him the systematic arrangement could not possibly be accidental.	Тем не менее интуиция подсказывала ему, что симметричное расположение не было случайным.
I'm not yet seeing the whole picture.	"Я, видимо, не представляю себе всей картины", -подумал он.

There was only one alternative.	Оставалась лишь одна альтернатива.
The four points did not make a triangle; they made some other shape.	Если четыре точки не могли образовать треугольник, то какую-то другую геометрическую фигуру - бесспорно.
Langdon looked at the map. A square, perhaps?	Может быть, квадрат? Лэнгдон снова взглянул на карту.

Although a square made no symbolic sense, squares were symmetrical at least.	Но ведь квадрат не несет никакой символической нагрузки... Однако в нем по крайней мере сохранялась симметрия.

Langdon put his finger on the map at one of the points that would turn the triangle into a square.	Лэнгдон ткнул кончиком пальца в точку, которая превращала треугольник в квадрат, и сразу увидел, что совершенного квадрата получиться не может.
He saw immediately that a perfect square was impossible. The angles of the original triangle were oblique and created more of a distorted quadrilateral.	Первоначальный треугольник был неправильным, и образовавшаяся фигура была похожа на неровный четырехугольник.

As he studied the other possible points around the triangle, something unexpected happened. He noticed that the line he had drawn earlier to indicate the direction of the angel's spear passed perfectly through one of the possibilities.	Размышляя над другими вариантами размещения четвертой точки, Лэнгдон вдруг увидел, что та линия, которую он провел следуя указанию ангельского копья, проходит через одну из возможных четвертых точек.
Stupefied, Langdon circled that point.	Пораженный ученый немедленно обвел это место кружком.
He was now looking at four ink marks on the map, arranged in somewhat of an awkward, kitelike diamond.	Если соединить эти четыре точки между собой, то на карте получался неправильный ромб, напоминающий формой воздушного змея.

He frowned.	Лэнгдон задумался.
Diamonds were not an Illuminati symbol either.	Ромбы никоим образом не считались символом иллюминатов.
He paused.	И в то же время...
Then again...	Ученый вспомнил о знаменитом
For an instant Langdon flashed on the famed Illuminati Diamond.	"Ромбе иллюминатов".
The thought, of course, was ridiculous. He dismissed it.	Мысль была совершенно нелепой, и Лэнгдон с негодованием ее отверг.

Besides, this diamond was oblong-like a kite- hardly an example of the flawless symmetry for which the Illuminati Diamond was revered.	Помимо всего прочего, ромб был похож на воз- душного змея, в то время как во всех трудах гово- рилось о вызывавшей восхищение безукориз- ненной симметрии ал- маза.
When he leaned in to examine where he had placed the final mark, Langdon was surprised to find that the fourth point lay dead center of Rome's famed Piazza Navona.	Когда он склонился над картой, чтобы поближе рассмотреть, где нахо- дится четвертая точка, его ожидал еще один сюрприз. Точка оказа- лась в самом центре зна- менитой римской пьяц- ца Навона.

He knew the piazza contained a major church, but he had already traced his finger through that piazza and considered the church there.	Он знал, что на краю площади расположена большая церковь, и поэтому, минуя саму пьяццу, провел пальцем черту к церкви.
To the best of his knowledge it contained no Bernini works.	Насколько он помнил, в этом храме работ Бернини не было.
The church was called Saint Agnes in Agony, named for St. Agnes, a ravishing teenage virgin banished to a life of sexual slavery for refusing to renounce her faith.	Храм назывался "Церковь Святой Агнессы на Арене" - молодой невинной девушки, отданной в пожизненное сексуальное рабство за нежелание отказаться от веры в Христа.

There must be something in that church!	В церкви обязательно должно что-то находиться, убеждал себя Лэнгдон.
Langdon racked his brain, picturing the inside of the church. He could think of no Bernini works at all inside, much less anything to do with water.	Он напрягал воображение, пытаясь представить интерьер церкви, но никаких работ Бернини вспомнить не мог, не говоря уж об убранстве, имевшем хотя бы отдаленное отношение к воде.
The arrangement on the map was bothering him too.	Получившаяся на карте фигура также вызывала у него беспокойство.
A diamond.	Ромб.
It was far too accurate to be coincidence, but it was not accurate enough to make any sense.	Это не могло быть простым совпадением, и в то же время фигура не имела никакого внутреннего смысла.

A kite?	Воздушный змей?
Langdon wondered if he had chosen the wrong point.	Может быть, он выбрал не ту точку?
What am I missing!	Может быть, он что-то упустил из виду?
The answer took another thirty seconds to hit him, but when it did, Langdon felt an exhilaration like nothing he had ever experienced in his academic career.	Озарение пришло к нему через тридцать секунд. За всю свою научную карьеру Лэнгдон не испытывал подобного счастья, получив ответ на мучивший его вопрос.
The Illuminati genius, it seemed, would never cease.	Гениальность иллюминатов, казалось, не имела пределов.

The shape he was looking at was not intended as a diamond at all.	Фигура, которую он искал, вовсе не должна была походить на ромб.
The four points only formed a diamond because Langdon had connected adjacent points.	Ромб образовывался лишь в том случае, когда соединялись смежные точки.
The Illuminati believe in opposites!	Иллюминаты же верили в противоположность!
Connecting opposite vertices with his pen, Langdon's fingers were trembling.	Когда Лэнгдон проводил линии между противолежащими точками, пальцы его дрожали.

There before him on the map was a giant cruciform.	Теперь на карте появилась крестообразная фигура.
It's a cross!	Так, значит, это крест!
The four elements of science unfolded before his eyes... sprawled across Rome in an enormous, city wide cross.	Четыре элемента стихии предстали перед его взором... образовав огромный, простирающийся через весь город крест.
As he stared in wonder, a line of poetry rang in his mind... like an old friend with a new face.	Он в изумлении смотрел на карту, а в его памяти снова всплыла строка:
'Cross Rome the mystic elements unfold...	"И ангелы чрез Рим тебе укажут путь..."
' Cross Rome...	...Чрез Рим...

The fog began to clear.	Туман наконец начал рассеиваться.
Langdon saw that the answer had been in front of him all night!	Теперь он знал, как расположены все алтари науки.
The Illuminati poem had been telling him how the altars were laid out.	В форме креста!

A cross! 'Cross Rome the mystic elements unfold!	Один против другого - через весь Рим.
It was cunning wordplay.	И в этом был еще один тайный ключ к разгадке.

Langdon had originally read the word'Cross as an abbreviation of Across. He assumed it was poetic license intended to retain the meter of the poem. But it was so much more than that!	Крестообразное расположение вех на Пути просвещения отражало важную черту иллюминатов.
Another hidden clue.	А именно их дуализм.
The cruciform on the map, Langdon realized, was the ultimate Illuminati duality. It was a religious symbol formed by elements of science.	Это был религиозный символ, созданный из элементов науки.

Galileo's path of Illumination was a tribute to both science and God!	Путь просвещения Галилея был данью почтения как науке, так и Богу.
The rest of the puzzle fell into place almost immediately.	После этого все остальные детали головоломки встали на свои места.
Piazza Navona.	Пьяцца Навона.
Dead center of Piazza Navona, outside the church of St. Agnes in Agony, Bernini had forged one of his most celebrated sculptures.	В самом центре площади, неподалеку от церкви Святой Агнессы на Арене, Бернини создал один из самых знаменитых своих шедевров.
Everyone who came to Rome went to see it.	Каждый, кто приезжал в Рим, считал своим долгом его увидеть.

The Fountain of the Four Rivers!	Фонтан "Четыре реки"!
A flawless tribute to water, Bernini's Fountain of the Four Rivers glorified the four major rivers of the Old World-The Nile, Ganges, Danube, and Rio Plata.	Творение Бернини было абсолютным проявлением почтения к воде. Скульптор прославлял четыре самые крупные реки известного в то время мира - Нил, Ганг, Дунай и Ла-Плату .
Water, Langdon thought.	"Вода, - думал Лэнгдон, - последняя веха.
The final marker. It was perfect.	И эта веха - само совершенство".

And even more perfect, Langdon realized, the cherry on the cake, was that high atop Bernini's fountain stood a towering obelisk.	Кроме того, шедевр Бернини украшал высокий обелиск подобно тому как вишенка украшает пышный сливочный торт. ***
Leaving confused firemen in his wake, Langdon ran across the church in the direction of Olivetti's lifeless body.	Лэнгдон через всю церковь побежал к безжизненному телу Оливетти. Ничего не понимающие пожарные потянулись за ним следом.
10:31 P.M., he thought.	"Десять тридцать одна, - думал он.
Plenty of time.	- У меня еще масса времени".

It was the first instant all day that Langdon felt ahead of the game.	Лэнгдон понимал, что первый раз за день играет на опережение.
Kneeling beside Olivetti, out of sight behind some pews, Langdon discreetly took possession of the commander's semiautomatic and walkie talkie.	Присев рядом с телом (от посторонних взглядов его скрывал ряд скамей), он изъял у покойника полуавтоматический пистолет и портативную рацию.

Langdon knew he would call for help, but this was not the place to do it.	Ученый понимал, что ему придется вызывать подмогу, но церковь была для этого неподходящим местом.
The final altar of science needed to remain a secret for now.	Местонахождение последнего алтаря науки пока должно оставаться тайной.

The media and fire department racing with sirens blaring to Piazza Navona would be no help at all.	Автомобили прессы и ревущие сирены пожарных машин, мчащихся к пьяцца Навона, делу не помогут.
Without a word, Langdon slipped out the door and skirted the press, who were now entering the church in droves.	Не говоря ни слова, Лэнгдон выскользнул из церкви и обошел стороной журналистов, пытавшихся всем гуртом проникнуть в храм.
He crossed Piazza Barberini. In the shadows he turned on the walkie talkie.	Перейдя на противоположную сторону площади, в тень домов, он включил рацию, чтобы связаться с Ватиканом.
He tried to hail Vatican City but heard nothing but static.	Ничего, кроме шума помех, американец не услышал.

He was either out of range or the transmitter needed some kind of authorization code.	Это означало, что он или оказался вне зоны приема, или для того, чтобы включить рацию, следовало набрать специальный код.
Langdon adjusted the complex dials and buttons to no avail. Abruptly, he realized his plan to get help was not going to work.	Лэнгдон покрутил какие-то диски, надавил на какие-то кнопки, но ничего путного из этого не вышло.
He spun, looking for a pay phone.	Он огляделся по сторонам в поисках уличного таксофона.
None.	Такового поблизости не оказалось. Впрочем, это не имело значения.
Vatican circuits were jammed anyway.	Связи с Ватиканом все равно не было.

He was alone.	Он остался совсем один.
Feeling his initial surge of confidence decay, Langdon stood a moment and took stock of his pitiful state-covered in bone dust, cut, deliriously exhausted, and hungry.	Ощущая, как постепенно исчезает его уверенность, Лэнгдон задержался на миг, чтобы оценить свое жалкое состояние. С головы до ног его покрывала костная пыль. Руки и лицо были в порезах. Сил не осталось. И кроме того, ему страшно хотелось есть.
Langdon glanced back at the church.	Ученый оглянулся на церковь.
Smoke spiraled over the cupola, lit by the media lights and fire trucks.	Над куполом храма в свете юпитеров журналистов и пожарных машин вился легкий дымок.

He wondered if he should go back and get help. Instinct warned him however that extra help, especially untrained help, would be nothing but a liability.	Он подумал, не стоит ли вернуться, чтобы попросить помощи, но интуиция подсказывала ему, что помощь людей без специальной подготовки может оказаться лишь дополнительной обузой.
If the Hassassin sees us coming... He thought of Vittoria and knew this would be his final chance to face her captor.	Если ассасин увидит их на подходе... Он подумал о Виттории, зная, что это будет его последняя возможность встретиться лицом к лицу с ее похитителем.

Piazza Navona, he thought, knowing he could get there in plenty of time and stake it out.	Пьяцца Навона. У него еще оставалась масса времени, чтобы добраться туда и организовать засаду.

He scanned the area for a taxi, but the streets were almost entirely deserted.	Он поискал глазами такси, но площадь и все прилегающие к ней улицы были практически пусты.
Even the taxi drivers, it seemed, had dropped everything to find a television.	Даже водители такси, похоже, бросили дела, чтобы уткнуться в телевизор.
Piazza Navona was only about a mile away, but Langdon had no intention of wasting precious energy on foot.	От пьяцца Навона Лэнгдона отделяла всего лишь миля, но у ученого не было ни малейшего желания тратить драгоценную энергию, добираясь туда пешком.
He glanced back at the church, wondering if he could borrow a vehicle from someone.	Он снова посмотрел на церковь, размышляя, нельзя ли позаимствовать у кого-нибудь средство передвижения.

A fire truck?	"Пожарный автомобиль?
A press van?	Микроавтобус прессы?
Be serious.	Кончай шутить, Роберт!"
Sensing options and minutes slipping away, Langdon made his decision.	Время терять было нельзя. Поскольку выбора у него не оставалось, он принял решение.
Pulling the gun from his pocket, he committed an act so out of character that he suspected his soul must now be possessed. Running over to a lone Citro?n sedan idling at a stoplight, Langdon pointed the weapon through the driver's open window.	Вытащив пистолет из кармана, он подбежал к остановившемуся перед светофором одинокому "ситроену" и, сунув ствол в открытое окно водителя, заорал:

"Fuori!" he yelled.	- Fuori!
The trembling man got out.	Смертельно испуганный человек выскочил из машины словно ошпаренный.
Langdon jumped behind the wheel and hit the gas.	Этот полностью противоречащий характеру ученого поступок, бесспорно, говорил о том, что душа Лэнгдона угодила в лапы дьявола. Профессор мгновенно занял место за баранкой и нажал на газ.
101	Глава 101
Gunther Glick sat on a bench in a holding tank inside the office of the Swiss Guard.	Гюнтер Глик находился в штабе швейцарской гвардии.

He prayed to every god he could think of.	Он сидел на жесткой скамье в помещении для временно задержанных и молился всем богам, которых мог вспомнить.
Please let this NOT be a dream.	Пусть это не окажется сном.
It had been the scoop of his life.	Сегодня он послал в эфир самую сенсационную новость всей своей жизни.
The scoop of anyone's life.	Подобная информация была бы главным событием в жизни любого репортера.

Every reporter on earth wished he were Glick right now.	Все журналисты мира мечтали о том, чтобы оказаться сейчас на месте Глика.
You are awake, he told himself.	"Ты не спишь, - убеждал он себя.

And you are a star.	- Ты - звезда.
Dan Rather is crying right now.	Дэн Разер в данный момент заливается горючими слезами".
Macri was beside him, looking a little bit stunned.	Макри сидела рядом с ним. Дама выглядела так, словно ее слегка стукнули по голове.
Glick didn't blame her.	Но Глик ее не осуждал.

In addition to exclusively broadcasting the camerlegno's address, she and Glick had provided the world with gruesome photos of the cardinals and of the Pope-that tongue!-as well as a live video feed of the antimatter canister counting down.	Помимо эксклюзивной трансляции обращения камерария, она и Глик продемонстрировали миру отвратительные фотографии кардиналов и папы. Гюнтер до сих пор содрогался, вспоминая черный язык покойного понтифика. Но и это еще не все. Они показали в прямом эфире ловушку антивещества и счетчик, отсчитывающий последние минуты существования Ватикана.
Incredible!	Невероятно! ***

Of course, all of that had all been at the camerlegno's behest, so that was not the reason Glick and Macri were now locked in a Swiss Guard holding tank.	Все это было, естественно, сделано с благословения камерария и не могло быть причиной того, что Макри и Глик сидели в "обезьяннике" швейцарской гвардии.
It had been Glick's daring addendum to their coverage that the guards had not appreciated.	Их нахождение здесь было следствием смелого комментария Глика в эфире - добавления, которое пришлось не по вкусу швейцарским гвардейцам.
Glick knew the conversation on which he had just reported was not intended for his ears, but this was his moment in the sun.	Журналист знал, что разговор, о котором он сообщил в эфир, для его ушей не предназначался. Но это был его звездный час.

Another Glick scoop!	Еще одна сенсация!
"The 11th Hour Samaritan?" Macri groaned on the bench beside him, clearly unimpressed. Glick smiled.	- Значит, "самаритянин последнего часа"? -простонала сидящая рядом с ним Макри, на которую подвиг напарника явно не произвел должного впечатления.
"Brilliant, wasn't it?"	- Классно, правда? - улыбнулся Глик.
"Brilliantly dumb."	- Классная тупость.
She's just jealous, Glick knew.	"Она мне просто завидует", - решил репортер.
Shortly after the camerlegno's address, Glick had again, by chance, been in the right place at the right time.	А произошло следующее. Вскоре после того, как обращение камерария пошло в эфир, Глик снова случайно оказался в нужном месте в нужное время.

He'd overheard Rocher giving new orders to his men.	Он слышал, как Рошер отдавал новые приказы своим людям.

Apparently Rocher had received a phone call from a mysterious individual who Rocher claimed had critical information regarding the current crisis.	Судя по всему, Рошер беседовал по телефону с каким-то таинственным типом, который, как утверждал капитан, располагал важной информацией в связи с текущим кризисом.
Rocher was talking as if this man could help them and was advising his guards to prepare for the guest's arrival.	Рошер сказал своим людям, что этот человек может оказать им существенную помощь, и приказал готовиться к встрече.

Although the information was clearly private, Glick had acted as any dedicated reporter would-without honor.	Хотя информация имела сугубо служебный характер, Глик, как всякий порядочный репортер, не имел понятия о чести.
He'd found a dark corner, ordered Macri to fire up her remote camera, and he'd reported the news.	Он нашел темный уголок, велел Макри включить камеру и сообщил миру эту новость.
"Shocking new developments in God's city," he had announced, squinting his eyes for added intensity.	- События в Святом городе принимают новый потрясающий оборот, - заявил он, выпучив для вящей убедительности глаза.

Then he'd gone on to say that a mystery guest was coming to Vatican City to save the day.	После этого он сообщил, что в Ватикан должен прибыть таинственный гость, чтобы спасти церковь.
The 11th Hour Samaritan, Glick had called him-a perfect name for the faceless man appearing at the last moment to do a good deed.	Глик окрестил его "самаритянином последнего часа" - прекрасное название для неизвестного человека, явившегося в последний момент, чтобы свершить доброе дело.
The other networks had picked up the catchy sound bite, and Glick was yet again immortalized.	Другим телевизионным каналам осталось лишь повторить это сообщение, а Глик еще раз обессмертил свое имя.
I'm brilliant, he mused.	"Я - гений, - подумал он.

Peter Jennings just jumped off a bridge.	- А Питер Дженнингс может прыгать с моста".
Of course Glick had not stopped there.	Но и на этом Глик не успокоился.
While he had the world's attention, he had thrown in a little of his own conspiracy theory for good measure.	Пока внимание мира было обращено на него, он поделился с аудиториями своими личными соображениями о теории заговоров.
Brilliant.	Блеск!
Utterly brilliant.	Просто блеск!
"You screwed us," Macri said.	- Ты нас просто подставил!
"You totally blew it."	Полный идиотизм!
"What do you mean?	- Что ты хочешь этим сказать?
I was great!"	Я выступил как гений.

Macri stared disbelievingly. "Former President George Bush? An Illuminatus?"	- Бывший президент Соединенных Штатов Джордж Буш, по-твоему, иллюминат? Полная чушь!
Glick smiled.	Глик в ответ лишь улыбнулся.
How much more obvious could it be?	Неужели это не очевидно?

George Bush was a well documented, 33 rd degree Mason, and he was the head of the CIA when the agency closed their Illuminati investigation for lack of evidence.	Деятельность Джорджа Буша прекрасно документирована. Масон тридцать третьей степени и директор ЦРУ как раз в то время, когда агентство прекратило расследование деятельности братства "Иллюминати" якобы за отсутствием доказательств.
And all those speeches about "a thousand points of light" and a	А чего стоят все его речи о "тысячах световых точек" или
"New World Order"... Bush was obviously Illuminati.	"Новом мировом порядке"? Нет, Буш определенно был иллюминатом.
"And that bit about CERN?" Macri chided.	- А эти фразы насчет ЦЕРНа? - продолжала зудеть Макри.

"You are going to have a very big line of lawyers outside your door tomorrow."	- Завтра у твоих дверей будет толпиться целая банда адвокатов.
"CERN?	- ЦЕРН?
Oh come on! It's so obvious!	Но это же совершенно очевидно!
Think about it!	Пораскинь мозгами.
The Illuminati disappear off the face of the earth in the 1950s at about the same time CERN is founded. CERN is a haven for the most enlightened people on earth. Tons of private funding.	Иллюминаты исчезли с лица земли в пятидесятых годах. Примерно в то время, когда был основан ЦЕРН. ЦЕРН - прекрасное место, за вывеской которого они могли спрятаться.

They build a weapon that can destroy the church, and oops!... they lose it!" "So you tell the world that CERN is the new home base of the Illuminati?" "Obviously! Brotherhoods don't just disappear. The Illuminati had to go somewhere. CERN is a perfect place for them to hide. I'm not saying everyone at CERN is Illuminati. It's probably like a huge Masonic lodge, where most people are innocent, but the upper echelons-"	Я не утверждаю, что все сотрудники этой организации иллюминаты. Она похожа на крупную масонскую ложу, большинство членов которой абсолютно невинные люди. Но что касается ее верхних эшелонов...

"Have you ever heard of slander, Glick? Liability?"	- Гюнтер Глик, ты слышал что-нибудь о клевете? И о судебной ответственности за нее?
"Have you ever heard of real journalism!" "Journalism?	- А ты когда-нибудь слышала о настоящей журналистике?
You were pulling bullshit out of thin air!	- Ты извлекаешь дерьмо из воздуха и смеешь называть это журналистикой?
I should have turned off the camera!	Мне следовало выключить камеру.
And what the hell was that crap about CERN's corporate logo?	И что за чертовщину ты нес о корпоративной эмблеме ЦЕРНа?
Satanic symbology?	Символ сатанистов?!

Have you lost your mind?"	У тебя что, крыша поехала?
Glick smiled. Macri's jealousy was definitely showing.	Глик самодовольно ухмыльнулся.
The CERN logo had been the most brilliant coup of all.	Логотип ЦЕРНа был его самой удачной находкой.

Ever since the camerlegno's address, all the networks were talking about CERN and antimatter.	После обращения камерария все крупные телевизионные сети бубнили только о ЦЕРНе и его антивеществе.

Some stations were showing the CERN corporate logo as a backdrop.	Некоторые станции делали это на фоне эмблемы института.
The logo seemed standard enough-two intersecting circles representing two particle accelerators, and five tangential lines representing particle injection tubes.	Эмблема была достаточно стандартной: пара пересекающихся колец, символизирующих два ускорителя, и пять расположенных по касательной к ним линий, обозначающих инжекторные трубки.

The whole world was staring at this logo, but it had been Glick, a bit of a symbologist himself, who had first seen the Illuminati symbology hidden in it.	Весь мир пялился на эту эмблему, но лишь Глик, который немного увлекался символикой, узрел в схематическом изображении символ иллюминатов.
"You're not a symbologist," Macri chided, "you're just one lucky ass reporter. You should have left the symbology to the Harvard guy."	- Ты не специалист по символике, - заявила Макри, - и тебе следовало оставить все это дело парню из Гарварда.
"The Harvard guy missed it," Glick said.	Парень из Гарварда это дело проморгал.

The Illuminati significance in this logo is so obvious!	Несмотря на то что связь этой эмблемы с братством "Иллюминати" просто бросалась в глаза!
He was beaming inside.	Сердце его пело от счастья.
Although CERN had lots of accelerators, their logo showed only two.	В ЦЕРНе было множество ускорителей, но на эмблеме обозначили только два.
Two is the Illuminati number of duality.	Число "2" отражает дуализм иллюминатов.
Although most accelerators had only one injection tube, the logo showed five.	Несмотря на то что большинство ускорителей имеет по одному инжектору, на логотипе их оказалось пять.

Five is the number of the Illuminati pentagram.	Пять есть не что иное, как пентаграмма братства.
Then had come the coup-the most brilliant point of all. Glick pointed out that the logo contained a large numeral	А за этим следовала его главная находка и самый блестящий журналистский ход - Глик обратил внимание зрителей на то, что эмблема содержит в себе большую цифру "б".
"6-clearly formed by one of the lines and circles-and when the logo was rotated, another six appeared... and then another.	Ее образовывали пересекающиеся линии окружностей. Если эмблему вращать, то появлялась еще одна шестерка... затем еще одна.
The logo contained three sixes!	Три шестерки!
666!	6б6!
The devil's number!	Число дьявола.

The mark of the beast!	Знак зверя!
Glick was a genius.	Нет, Глик положительно был гением.
Macri looked ready to slug him.	Макри была готова его удавить.
The jealousy would pass, Glick knew, his mind now wandering to another thought.	Глик знал, что чувство зависти пройдет, и его сейчас занимала совсем иная мысль.

If CERN was Illuminati headquarters, was CERN where the Illuminati kept their infamous Illuminati Diamond?	Если ЦЕРН был штаб-квартирой сообщества, то не там ли должен храниться знаменитый алмаз, известный под названием "Ромб иллюминатов"?

Glick had read about it on the Internet-" a flawless diamond, born of the ancient elements with such perfection that all those who saw it could only stand in wonder."	Глик выудил сведения об алмазе из Интерне- та... "безукоризненный ромб, рожденный древни- ми стихиями природы, - столь совершенный, что люди замирали перед ним в немом восхищении".
Glick wondered if the secret whereabouts of the Illuminati Diamond might be yet another mystery he could unveil tonight.	Теперь Глик мечтал о том, чтобы этим вечером раз- решить еще одну старин- ную тайну - узнать точное местонахождение алмаза.
102	Глава 102
Piazza Navona.	Пьяцца Навона.

Fountain of the Four Rivers.	Фонтан "Четыре реки".
Nights in Rome, like those in the desert, can be surprisingly cool, even after a warm day.	Ночи в Риме, подобно ночам в пустыне, бывают, несмотря на теплые дни, на удивление холодными.
Langdon was huddled now on the fringes of Piazza Navona, pulling his jacket around him.	Лэнгдон ежился от холода в тени на краю площади, запахнув поплотнее свой твидовый пиджак.
Like the distant white noise of traffic, a cacophony of news reports echoed across the city.	Откуда-то издалека до него доносились шум уличного движения и приглушенный звук работающих в домах телевизоров. Весь Рим припал к экранам, упиваясь самыми свежими новостями.

He checked his watch.	Ученый взглянул на часы.
Fifteen minutes.	Без четверти одиннадцать.
He was grateful for a few moments of rest.	Он порадовался этим пятнадцати минутам незапланированного отдыха.
The piazza was deserted.	Площадь словно вымерла.
Bernini's masterful fountain sizzled before him with a fearful sorcery.	Возвышающийся перед Лэнгдоном шедевр Бернини внушал мистический страх.
The foaming pool sent a magical mist upward, lit from beneath by underwater floodlights.	Над пенящейся чащей клубилась водяная пыль, освещенная снизу расположенными под водой яркими лампами.

Langdon sensed a cool electricity in the air.	Все это казалось каким-то волшебством. Воздух вокруг фонтана был насыщен электричеством.
The fountain's most arresting quality was its height.	Больше всего в фонтане изумляла его высота.
The central core alone was over twenty feet tall-a rugged mountain of travertine marble riddled with caves and grottoes through which the water churned.	Только центральная часть сооружения - бугристая глыба белого итальянского известняка - имела высоту двадцать футов. Из пронизывающих ее многочисленных отверстий и гротов изливалась вода.
The entire mound was draped with pagan figures.	Эту глыбу со всех сторон окружали четыре явно языческого вида фигуры.

Atop this stood an obelisk that climbed another forty feet.	А всю композицию венчал обелиск, поднимающийся к небу еще на добрых сорок футов.
Langdon let his eyes climb. On the obelisk's tip, a faint shadow blotted the sky, a lone pigeon perched silently.	На вершине обелиска нашел себе приют на ночь одинокий белый голубь.
A cross, Langdon thought, still amazed by the arrangement of the markers across Rome.	Крест, подумал Лэнгдон, вспомнив о расположении вех, указующих Путь просвещения.
Bernini's Fountain of the Four Rivers was the last altar of science.	Фонтан Бернини на пьяцца Навона служил последним алтарем науки на этом Пути.

Only hours ago Langdon had been standing in the Pantheon convinced the Path of Illumination had been broken and he would never get this far.	Лишь три часа назад Лэнгдон стоял в Пантеоне, пребывая в полной уверенности, что Путь просвещения разрушен и безнадежно потерян.
It had been a foolish blunder.	Оказалось, что он тогда чудовищно глупо заблуждался.
In fact, the entire path was intact.	На самом деле весь Путь остался в неприкосновенности.
Earth, Air, Fire, Water.	Земля. Воздух. Огонь. Вода.
And Langdon had followed it... from beginning to end.	И Лэнгдон прошел весь этот путь от начала до конца.

Not quite to the end, he reminded himself.	Не совсем до конца, тут же поправил он себя.
The path had five stops, not four.	На Пути было не четыре, а пять остановок.
This fourth marker fountain somehow pointed to the ultimate destiny-the Illuminati's sacred lair-the Church of Illumination.	Последняя веха - фонтан - каким-то образом указывала на конечный пункт - Храм Света, священное убежище иллюминатов.
Langdon wondered if the lair were still standing. He wondered if that was where the Hassassin had taken Vittoria.	Интересно, сохранилось ли это убежище, думал Лэнгдон, и не туда ли ассасин увез Витторию?

Langdon found his eyes probing the figures in the fountain, looking for any clue as to the direction of the lair.	Он поймал себя на том, что вглядывается в фигуры на фонтане, чтобы узнать, не указывает ли хотя бы одна из них направление местонахождения убежища.
Let angels guide you on your lofty quest.	"И ангелы чрез Рим тебе укажут путь..."
Almost immediately, though, he was overcome by an unsettling awareness.	Почти сразу ему все стало ясно.
This fountain contained no angels whatsoever.	На фонтане не было ни одного ангела.

It certainly contained none Langdon could see from where he was standing... and none he had ever seen in the past.	Во всяком случае, ангелов не было видно с того места, где мерз Лэнгдон... Он не помнил, чтобы в прошлом видел на фонтане изваяния, имеющие отношение к христианству.
The Fountain of the Four Rivers was a pagan work.	Фонтан "Четыре реки" являл собой образчик языческого искусства.
The carvings were all profane-humans, animals, even an awkward armadillo.	Человеческие фигуры и все животные, включая броненосца, не имели никакого отношения к религии.

An angel here would stick out like a sore thumb.	Ангел в их окружении торчал бы как одинокий палец.

Is this the wrong place? He considered the cruciform arrangement of the four obelisks.	"Неужели я ошибся в выборе места? -лихорадочно думал Лэнгдон, припоминая изображение креста на карте.
He clenched his fists.	- Нет! - решил он, сжимая кулаки.
This fountain is perfect.	- Фонтан "Четыре реки" идеально вписывается в общую картину". ***
It was only 10:46 P.M. when a black van emerged from the alleyway on the far side of the piazza.	В десять часов сорок шесть минут из проулка в дальнем конце площади вынырнул черный микроавтобус.
Langdon would not have given it a second look except that the van drove with no headlights.	Лэнгдон не обратил бы на него внимания, если бы автобус не двигался с выключенными фарами.

Like a shark patrolling a moonlit bay, the vehicle circled the perimeter of the piazza.	Подобно акуле, патрулирующей залив, автомобиль проехал по всему периметру площади.
Langdon hunkered lower, crouched in the shadows beside the huge stairway leading up to the Church of St. Agnes in Agony.	Лэнгдон пригнулся, укрывшись за огромными ступенями, ведущими к церкви Святой Агнессы на Арене.
He gazed out at the piazza, his pulse climbing.	Теперь он следил за микроавтобусом, осторожно выглядывая из-за камня.
After making two complete circuits, the van banked inward toward Bernini's fountain.	Автобус сделал по площади два полных круга, а затем направился к ее центру, в направлении фонтана Бернини.

It pulled abreast of the basin, moving laterally along the rim until its side was flush with the fountain. Then it parked, its sliding door positioned only inches above the churning water.	Когда машина остановилась, ее скользящие в пазах дверцы оказались в нескольких дюймах от кипящей воды.
Mist billowed.	Водяная пыль над чашей фонтана начала закручиваться спиралью.
Langdon felt an uneasy premonition.	У Лэнгдона появилось нехорошее предчувствие.
Had the Hassassin arrived early?	Не слишком ли рано явился ассасин?
Had he come in a van?	Он ли прибыл в микроавтобусе?

Langdon had imagined the killer escorting his last victim across the piazza on foot, like he had at St. Peter's, giving Langdon an open shot.	Ученый думал, что убийца поведет свою жертву через всю площадь, подобно тому как сделал это у собора Святого Петра, и тем самым даст возможность выстрелить в себя без помех.
But if the Hassassin had arrived in a van, the rules had just changed.	Однако, поскольку ассасин прибыл на микроавтобусе, правила игры коренным образом менялись.
Suddenly, the van's side door slid open.	Дверь машины неожиданно скользнула в сторону.
On the floor of the van, contorted in agony, lay a naked man.	На полу машины корчился в муках обнаженный человек.

The man was wrapped in yards of heavy chains.	Он был обмотан многими ярдами тяжелой цепи.

He thrashed against the iron links, but the chains were too heavy.	Пытаясь освободиться, человек метался в своих оковах. Но цепь была слишком тяжелой.
One of the links bisected the man's mouth like a horse's bit, stifling his cries for help.	Одно из звеньев попало в рот жертвы наподобие лошадиных удил и заглушало крики о помощи.
It was then that Langdon saw the second figure, moving around behind the prisoner in the dark, as though making final preparations.	Почти сразу Лэнгдон увидел и фигуру второго человека. Тот передвигался в темной глубине автобуса позади своей жертвы, видимо, заканчивая приготовление к последнему акту трагедии.

Langdon knew he had only seconds to act.	Лэнгдон знал, что в его распоряжении остаются считанные секунды.
Taking the gun, he slipped off his jacket and dropped it on the ground.	Он вынул пистолет и снял пиджак, оставив его валяться на камнях площади.
He didn't want the added encumbrance of a tweed jacket, nor did he have any intention of taking Galileo's Diagramma anywhere near the water.	Пиджак сковывал движения, кроме того, ученый не хотел, чтобы бесценный листок из "Диаграммы" Галилея оказался вблизи воды.
The document would stay here where it was safe and dry.	При любом исходе схватки документ должен остаться в безопасном сухом месте.
Langdon scrambled to his right.	Американец осторожно двинулся вправо.

Circling the perimeter of the fountain, he positioned himself directly opposite the van.	Обойдя фонтан по периметру, он остановился прямо напротив микроавтобуса.
The fountain's massive centerpiece obscured his view.	Массивное ядро фонтана не позволяло ему видеть, что происходит с другой стороны.
Standing, he ran directly toward the basin. He hoped the thundering water was drowning his footsteps.	Ученый выждал пару секунд и помчался прямиком к чаше, надеясь, что шум воды заглушит его шаги.
When he reached the fountain, he climbed over the rim and dropped into the foaming pool.	Добежав до цели, он перебрался через край бассейна и спрыгнул в пенящуюся жидкость.

The water was waist deep and like ice.	Оказавшаяся ледяной вода доходила ему до пояса.
Langdon grit his teeth and plowed through the water.	Лэнгдон заскрипел зубами и, преодолевая сопротивление, зашагал по скользкому дну.
The bottom was slippery, made doubly treacherous by a stratum of coins thrown for good luck.	Особую опасность представлял покрывавший дно слой монет, брошенных на счастье туристами.
Langdon sensed he would need more than good luck.	Ноги разъезжались, и американец понял, что ему потребуется нечто большее, нежели простое везение.

As the mist rose all around him, he wondered if it was the cold or the fear that was causing the gun in his hand to shake.	Вокруг него клубилась водяная пыль, а он пытался понять, почему так дрожит пистолет в его руке - от страха или от холода?..
He reached the interior of the fountain and circled back to his left.	Добравшись до центральной части фонтана, Лэнгдон двинулся влево.
He waded hard, clinging to the cover of the marble forms.	Он шел пригнувшись, стараясь держаться как можно ближе к мраморным фигурам.

Hiding himself behind the huge carved form of a horse, Langdon peered out. The van was only fifteen feet away.	Когда ему удалось укрыться за изваянием лошади, он позволил себе выглянуть, чтобы узнать, что происходит в микроавтобусе, от которого его теперь отделяло не более пятнадцати футов.
The Hassassin was crouched on the floor of the van, hands planted on the cardinal's chain clad body, preparing to roll him out the open door into the fountain.	Ассасин присел на корточки, положив руки на стягивающие тело кардинала цепи. Убийца, видимо, готовился скатить несчастного через открытую дверь в фонтан.

Waist deep in water, Robert Langdon raised his gun and stepped out of the mist, feeling like some sort of aquatic cowboy making a final stand.	Стоя по пояс в воде, Лэнгдон поднял пистолет и выступил из тумана. Он казался себе каким-то водяным ковбоем, вступившим в последнюю схватку.
"Don't move."	- Не двигаться!
His voice was steadier than the gun.	- Г олос его был тверже, чем рука с зажатым в ней пистолетом.
The Hassassin looked up.	Ассасин посмотрел на Лэнгдона.
For a moment he seemed confused, as though he had seen a ghost.	Несколько мгновений он казался растерянным, напоминая человека, увидевшего привидение.

Then his lips curled into an evil smile. He raised his arms in submission.	Но затем губы убийцы изогнулись в злобной ухмылке, и он поднял руки.
"And so it goes."	- Вот, значит, как...
"Get out of the van."	- Выходите из машины!
"You look wet."	- А вы, кажется, сильно промокли.
"You're early."	- Вы явились раньше назначенного срока.
"I am eager to return to my prize."	- Это потому, что мне не терпится вернуться к своей добыче.
Langdon leveled the gun. "I won't hesitate to shoot."	- Я буду стрелять без всякого колебания, -поднимая пистолет, произнес Лэнгдон.
"You've already hesitated."	- Бросьте! Вы уже колеблетесь.

Langdon felt his finger tighten on the trigger.	Американец почувствовал, как на спусковом крючке напрягся его палец.
The cardinal lay motionless now.	Кардинал лежал неподвижно.
He looked exhausted, moribund.	Старик обессилел. Казалось, что он умирает.
"Untie him."	- Развяжите его!
"Forget him.	- Забудьте о старце.
You've come for the woman.	Ведь вы же явились за женщиной.
Do not pretend otherwise."	Только не надо прикидываться, что это не так.
Langdon fought the urge to end it right there.	Лэнгдон боролся с желанием покончить со всем этим, нажав на спусковой крючок.

"Where is she?"	- Где она?
"Somewhere safe.	- В безопасном месте.

Awaiting my return."	Ожидает моего возвращения.
She's alive.	Она жива.
Langdon felt a ray of hope.	Перед Лэнгдоном вспыхнул лучик надежды.
"At the Church of Illumination?"	- В Храме Света?
The killer smiled. "You will never find its location."	- Вам никогда его не найти, - усмехнулся убийца.
Langdon was incredulous.	Ученый не верил своим ушам.
The lair is still standing. He aimed the gun.	Так, значит, храм еще стоит, подумал Лэнгдон и спросил:

"Where?"	- Где он?
"The location has remained secret for centuries.	- Это место много веков оставалось тайной.
Even to me it was only revealed recently.	Даже мне его открыли совсем недавно.
I would die before I break that trust."	Я скорее умру, чем нарушу это доверие.
"I can find it without you."	- Я найду его и без вас.
"An arrogant thought."	- Самоуверенное заявление.
Langdon motioned to the fountain. "I've come this far."	- Я же сумел дойти до этого места, - сказал Лэнгдон, указывая на фонтан.
"So have many.	- Вы не единственный.
The final step is the hardest."	Последний этап - самый трудный.

Langdon stepped closer, his footing tentative beneath the water.	Лэнгдон сделал пару шагов вперед. Ноги предательски скользили на россыпи монет.
The Hassassin looked remarkably calm, squatting there in the back of the van with his arms raised over his head.	Ассасин сохранял изумительное спокойствие. Он стоял в глубине микроавтобуса, подняв руки над головой.
Langdon aimed at his chest, wondering if he should simply shoot and be done with it.	Лэнгдон направил ствол в грудь убийцы, размышляя, не стоит ли покончить со всем этим одним выстрелом.
No.	"Нет.
He knows where Vittoria is.	Этого делать нельзя. Он знает, где Виттория.
He knows where the antimatter is.	Ему известно, в каком месте спрятано антивещество.

I need information!	Мне нужна информация!" ***
From the darkness of the van the Hassassin gazed out at his aggressor and couldn't help but feel an amusedp[it]y.	Ассасин смотрел на Лэнгдона из глубины микроавтобуса, испытывая к американцу даже некоторое подобие жалости.
The American was brave, that he had proven.	Этот человек уже успел доказать свою смелость.
But he was also untrained.	Но он - безнадежный дилетант.
That he had also proven.	И это он тоже смог доказать.
Valor without expertise was suicide.	Отвага без должного опыта самоубийственна.

There were rules of survival.	Существуют незыблемые правила выживания.

Ancient rules.	Очень древние правила.
And the American was breaking all of them.	И американец нарушил их все.
You had the advantage-the element of surprise.	"У тебя было преимущество неожиданности.
You squandered it.	И ты им так глупо не воспользовался".

The American was indecisive... hoping for backup most likely... or perhaps a slip of the tongue that would reveal critical information.	Американец продемонстрировал нерешительность... впрочем, не исключено, что он рассчитывает на прибытие помощи... или на то, что ему удастся получить важную информацию...
Never interrogate before you disable your prey.	Никогда не приступайте к допросу, не лишив жертву возможности сопротивления.
A cornered enemy is a deadly enemy.	Загнанный в угол враг смертельно опасен.
The American was talking again.	Американец снова заговорил.
Probing. Maneuvering.	Он маневрировал, пытаясь нащупать болевые точки.
The killer almost laughed aloud.	Убийца с трудом сдерживал смех.

This is not one of your Hollywood movies... there will be no long discussions at gunpoint before the final shoot out.	Это тебе не голливудский фильм, в котором последняя перестрелка предваряется длительным диспутом перед стволом пистолета.
This is the end.	Здесь конец наступает сразу.
Now.	Немедленно.
Without breaking eye contact, the killer inched his hands across the ceiling of the van until he found what he was looking for.	Стараясь не потерять зрительного контакта, убийца очень медленно поднял руки к крыше автобуса и нащупал там предмет, который ему был нужен.
Staring dead ahead, he grasped it.	Г лядя прямо в глаза Лэнгдону, ассасин вцепился в этот предмет обеими руками.

Then he made his play.	Теперь оставалось лишь разыграть последнюю карту. ***
The motion was utterly unexpected.	Его движение оказалось совершенно неожиданным.
For an instant, Langdon thought the laws of physics had ceased to exist.	Лэнгдону на миг показалось, что законы физики прекратили свое существование.
The killer seemed to hang weightless in the air as his legs shot out from beneath him, his boots driving into the cardinal's side and launching the chain laden body out the door.	Убийца, казалось, взлетел в невесомости, а обе его ноги со страшной силой ударили в распростертого на полу кардинала.

The cardinal splashed down, sending up a sheet of spray.	Князь церкви выкатился из дверей и, подняв тучу брызг, рухнул в воду.
Water dousing his face, Langdon realized too late what had happened.	Фонтан воды ударил Лэнгдону в лицо, и он слишком поздно понял, что произошло.

The killer had grasped one of the van's roll bars and used it to swing outward.	А произошло вот что. Убийца схватился за металлический желоб, по которому скользила дверь, и, использовав его как гимнастическую перекладину, широко качнулся.
Now the Hassassin was sailing toward him, feet first through the spray.	Теперь он летел на американца ногами вперед.

Langdon pulled the trigger, and the silencer spat.	Лэнгдон нажал на спусковой крючок, и пистолет плюнул огнем.
The bullet exploded through the toe of the Hassassin's left boot.	Пуля пробила подошву левого ботинка убийцы в том месте, где должен был находиться большой палец.
Instantly Langdon felt the soles of the Hassassin's boots connect with his chest, driving him back with a crushing kick. The two men splashed down in a spray of blood and water.	Но в тот же миг каблуки с силой врезались в грудь Лэнгдона, и оба противника рухнули в окрасившуюся кровью воду.

As the icy liquid engulfed Langdon's body, his first cognition was pain.	Погрузившись в фонтан с головой, Лэнгдон прежде всего ощутил боль.
Survival instinct came next.	Затем в дело вступил инстинкт самосохранения.
He realized he was no longer holding his weapon.	Американец понял, что в его руке нет пистолета.
It had been knocked away.	Ассасин сумел выбить его одним ударом.
Diving deep, he groped along the slimy bottom. His hand gripped metal.	Задержав дыхание, Лэнгдон принялся шарить по скользкому дну, и вскоре в его руке оказалось что-то металлическое.
A handful of coins. He dropped them.	Но это была всего лишь пригоршня монет.

Opening his eyes, Langdon scanned the glowing basin.	Он открыл глаза и обежал взглядом освещенный бассейн.
The water churned around him like a frigid Jacuzzi.	Вода вокруг него бурлила, словно в ледяном джакузи.
Despite the instinct to breathe, fear kept him on the bottom.	Несмотря на нехватку воздуха, страх удерживал его на дне.
Always moving.	Главное - не задерживаться на месте.
He did not know from where the next assault would come.	Он не знал, откуда мог последовать очередной удар.
He needed to find the gun!	Надо найти пистолет!
His hands groped desperately in front of him.	Руки продолжали отчаянно шарить по дну.

You have the advantage, he told himself. You are in your element.	"У тебя есть преимущество, - внушал он себе, - ты находишься в своей среде".
Even in a soaked turtleneck Langdon was an agile swimmer.	Даже в пропитанной водой одежде Лэнгдон оставался отличным пловцом.
Water is your element.	Вода была его стихией.
When Langdon's fingers found metal a second time, he was certain his luck had changed.	Когда пальцы Лэнгдона вторично нащупали металл, он решил, что фортуна наконец повернулась к нему лицом.

The object in his hand was no handful of coins.	Предмет в его руках пригоршней монет определенно не был.

He gripped it and tried to pull it toward him, but when he did, he found himself gliding through the water.	Он крепко схватил находку и потянул к себе. Но вместо того чтобы приблизить ее, он сам подтянулся к ней.
The object was stationary.	Неизвестный предмет остался неподвижным.
Langdon realized even before he coasted over the cardinal's writhing body that he had grasped part of the metal chain that was weighing the man down.	Еще не проплыв над извивающимся в агонии телом, Лэнгдон понял, что схватился за цепь, удерживающую кардинала на дне бассейна.

Langdon hovered a moment, immobilized by the sight of the terrified face staring up at him from the floor of the fountain.	Лэнгдон замер на мгновение, увидев прямо под собой искаженное ужасом старческое лицо. Кардинал смотрел прямо ему в глаза со дна бассейна.
Jolted by the life in the man's eyes, Langdon reached down and grabbed the chains, trying to heave him toward the surface.	Лэнгдон схватился обеими руками за цепь и попытался поднять несчастного на поверхность.
The body came slowly... like an anchor.	Тело медленно двинулось вверх... совсем так, как поднимается тяжелый якорь.

Langdon pulled harder. When the cardinal's head broke the surface, the old man gasped a few sucking, desperate breaths.	Лэнгдон потянул сильнее, и, как только голова кардинала возникла над поверхностью, старик несколько раз судорожно схватил воздух широко открытым ртом.
Then, violently, his body rolled, causing Langdon to lose his grip on the slippery chains.	Но затем тело старика резко дернулось, и Лэнгдон не удержал скользкую цепь.
Like a stone, Baggia went down again and disappeared beneath the foaming water.	Кардинал Баджиа камнем пошел ко дну, скрывшись в бурлящих пузырьках пены.
Langdon dove, eyes wide in the liquid murkiness. He found the cardinal.	Лэнгдон нырнул с широко раскрытыми глазами и вскоре нашел кардинала.

This time, when Langdon grabbed on, the chains across Baggia's chest shifted... parting to reveal a further wickedness... a word stamped in seared flesh.	На сей раз, когда он схватился за цепь, металлические оковы на груди Баджиа слегка разошлись, явив взору ученого страшные письмена. На груди несчастного было выжжено слово:
An instant later, two boots strode into view.	Через мгновение в поле его зрения возникла пара ботинок.
One was gushing blood.	Из мыска одного из них текла кровь.
103	Глава 103
As a water polo player, Robert Langdon had endured more than his fair share of underwater battles.	На долю Лэнгдона, как ватерполиста, выпало гораздо больше подводных битв, чем выпадает на долю обычного человека.

The competitive savagery that raged beneath the surface of a water polo pool, away from the eyes of the referees, could rival even the ugliest wrestling match.	Яростные схватки под водой, скрытые от глаз судьи, по своему накалу ничуть не уступали самым жестоким соревнованиям по рестлингу.

Langdon had been kicked, scratched, held, and even bitten once by a frustrated defenseman from whom Langdon had continuously twisted away.	Лэнгдона били ногами и кулаками, царапали ногтями и удерживали под водой. А один отчаявшийся защитник, от которого ему всегда удавалось уходить, как-то даже его укусил.

Now, though, thrashing in the frigid water of Bernini's fountain, Langdon knew he was a long way from the Harvard pool.	Но американец понимал, что битва в ледяной воде чаши фонтана Бернини не идет ни в какое сравнение с самой грязной подводной возней в бассейне Гарвар-да.
He was fighting not for a game, but for his life.	Здесь он не играл, а боролся за жизнь.
This was the second time they had battled. No referees here. No rematches.	Это был второй раунд их схватки - схватки без судьи и без права на реванш.

The arms driving his face toward the bottom of the basin thrust with a force that left no doubt that it intended to kill.	Сила, с которой чужие руки придавливали Лэнгдона ко дну, не оставляла никаких сомнений: противник намерен его убить.
Langdon instinctively spun like a torpedo.	Американец инстинктивно рванулся вперед, словно торпеда.
Break the hold!	Главное - освободиться от захвата!
But the grip torqued him back, his attacker enjoying an advantage no water polo defenseman ever had-two feet on solid ground.	Но убийца потянул его назад, полностью используя преимущество, которым не обладал ни один ватерполист-защитник. Обе его ноги твердо стояли на дне.

Langdon contorted, trying to get his own feet beneath him.	Лэнгдон сложился пополам, пытаясь нащупать ногами дно.
The Hassassin seemed to be favoring one arm... but nonetheless, his grip held firm.	Ассасин, как показалось американцу, ослабил хватку... но тем не менее продолжал удерживать его под водой.
It was then that Langdon knew he was not coming up. He did the only thing he could think of to do.	В этот момент Лэнгдон понял, что на поверхность ему не выбраться, и сделал единственное, что пришло ему в голову.
He stopped trying to surface.	Он перестал рваться наверх.
If you can't go north, go east.	Если не можешь двигаться к северу, сворачивай на восток!

Marshalling the last of his strength, Langdon dolphin kicked his legs and pulled his arms beneath him in an awkward butterfly stroke.	Собрав последние силы, он обеими ногами ударил по воде и сделал гребок руками, изобразив нечто похожее на плавание стилем баттерфляй.
His body lurched forward.	Тело профессора резко рванулось вперед.
The sudden switch in direction seemed to take the Hassassin off guard.	Смена направления, похоже, застала ассасина врасплох.
Langdon's lateral motion dragged his captor's arms sideways, compromising his balance.	Неожиданный рывок в другую сторону вывел его из равновесия.

The man's grip faltered, and Langdon kicked again.	Захват ослабел. Лэнгдон еще раз ударил ногами.
The sensation felt like a towline had snapped.	Ему показалось, что лопнул буксирный трос.
Suddenly Langdon was free.	Он был свободен.

Blowing the stale air from his lungs, Langdon clawed for the surface.	Ученый сделал резкий выдох и поднял голову над поверхностью воды.
A single breath was all he got.	Но времени ему хватило лишь на единственный вдох.

With crashing force the Hassassin was on top of him again, palms on his shoulders, all of his weight bearing down.	Убийца, снова оказавшись над ним, схватил его за плечи обеими руками и с нечеловеческой силой стал прижимать ко дну.
Langdon scrambled to plant his feet beneath him but the Hassassin's leg swung out, cutting Langdon down.	Лэнгдон пытался встать на ноги, но ассасин навалился на него всем своим весом и, дав подножку, свалил на дно.
He went under again.	Лэнгдон боролся изо всех сил.
Langdon's muscles burned as he twisted beneath the water. This time his maneuvers were in vain.	От страшного напряжения все его мышцы налились болью.

Through the bubbling water, Langdon scanned the bottom, looking for the gun.	Он вглядывался в дно бассейна через завесу воздушных пузырьков, пытаясь увидеть пистолет.
Everything was blurred. The bubbles were denser here.	Но аэрация в этом месте была сильнее, чем где-либо, и вода вокруг него просто кипела.
A blinding light flashed in his face as the killer wrestled him deeper, toward a submerged spotlight bolted on the floor of the fountain.	Он видел все хуже и хуже по мере того, как его лицо приближалось к прикрепленному ко дну фонтана ослепительно яркому фонарю.
Langdon reached out, grabbing the canister.	Лэнгдон протянул руку и схватился за фонарь.
It was hot.	Стекло было нестерпимо горячим.

Langdon tried to pull himself free, but the contraption was mounted on hinges and pivoted in his hand.	Несмотря на это, ученый не отпустил руку, а, напротив, попытался подтянуться к фонарю, чтобы встать на ноги.
His leverage was instantly lost.	Но оказалось, что стойка фонаря крепилась на шарнирах. Она повернулась, и Лэнгдон тут же потерял последнюю опору.
The Hassassin drove him deeper still.	Ассасин все сильнее придавливал его ко дну.
It was then Langdon saw it.	И в этот момент Лэнгдон увидел его.
Poking out from under the coins directly beneath his face.	Из слоя монет на дне высовывался тонкий черный цилиндр.

A narrow, black cylinder.	Глушитель пистолета!
The silencer of Olivetti's gun! Langdon reached out, but as his fingers wrapped around the cylinder, he did not feel metal, he felt plastic.	Лэнгдон вытянул руку, но как только его пальцы коснулись цилиндра, он понял, что это не металл. Это была пластмасса.
When he pulled, the flexible rubber hose came flopping toward him like a flimsy snake.	Когда он потянул за непонятный предмет, из-под слоя монет появилась похожая на змею гибкая резиновая трубка.
It was about two feet long with a jet of bubbles surging from the end.	Трубка имела в длину два фута, и из нее вырывался поток воздушных пузырьков.

Langdon had not found the gun at all. It was one of the fountain's many harmless spumanti... bubble makers.	Под руку ему попался вовсе не пистолет Оливетти, а один из многочисленных sputanti -аэраторов. Совершенно безопасных предметов, способных лишь генерировать воздушные пузырьки. ***
Only a few feet away, Cardinal Baggia felt his soul straining to leave his body.	А находящийся в нескольких футах от него кардинал Баджиа чувствовал, как его душа покидает тело.
Although he had prepared for this moment his entire life, he had never imagined the end would be like this.	Хотя священнослужитель готовил себя к этому моменту всю свою жизнь, он и представить не мог, что его конец будет таким.

His physical shell was in agony... burned, bruised, and held underwater by an immovable weight.	Его телесная оболочка пребывала в страданиях... Она была обожжена, покрыта кровоподтеками, а теперь лежала на дне, придавленная огромной железной цепью.
He reminded himself that this suffering was nothing compared to what Jesus had endured.	Кардиналу пришлось напомнить себе, что его страдания не идут ни в какое сравнение с тем, что пришлось испытать Христу.
He died for my sins...	"Он умер за мои грехи..."
Baggia could hear the thrashing of a battle raging nearby.	До Баджиа доносились звуки развернувшейся рядом с ним схватки.
He could not bear the thought of it.	Этот звук лишь усугублял страдания старика.

His captor was about to extinguish yet another life... the man with kind eyes, the man who had tried to help.	Его похититель готовился отнять еще одну жизнь... жизнь человека с добрыми глазами, человека, который пытался протянуть ему руку помощи.
As the pain mounted, Baggia lay on his back and stared up through the water at the black sky above him.	Страдающий кардинал лежал на спине и смотрел сквозь слой воды на черное небо над ним.
For a moment he thought he saw stars.	На миг ему даже показалось, что он видит звезды.
It was time.	Время.

Releasing all fear and doubt, Baggia opened his mouth and expelled what he knew would be his final breath.	Оставив все страхи, кардинал Баджиа открыл рот и выдохнул из груди воздух.
He watched his spirit gurgle heavenward in a burst of transparent bubbles.	Он знал, что это было его последнее дыхание, и спокойно наблюдал за тем, как дух его возносится к поверхности через станку мелких воздушных пузырьков.
Then, reflexively, he gasped. The water poured in like icy daggers to his sides.	Затем он рефлекторно вздохнул, и вместе с водой в его легкие впилась тысяча ледяных кинжалов.
The pain lasted only a few seconds.	Боль продолжалась всего несколько мгновений.

Then... peace.	После этого... наступил покой. ***
The Hassassin ignored the burning in his foot and focused on the drowning American, whom he now held pinned beneath him in the churning water.	Не обращая внимания на боль в раненой ноге, ассасин сосредоточил все свое внимание на американце, который теперь был плотно прижат ко дну под слоем бурлящей воды.

Finish it fully.	Пора заканчивать.
He tightened his grip, knowing this time Robert Langdon would not survive.	Он усилил давление, понимая, что теперь Роберту Лэнгдону не удастся ускользнуть от смерти.

As he predicted, his victim's struggling became weaker and weaker.	Как он и рассчитывал, сопротивление жертвы постепенно ослабевало.
Suddenly Langdon's body went rigid. He began to shake wildly.	Неожиданно тело американца напряглось, а затем его начала бить сильнейшая дрожь.
Yes, the Hassassin mused.	Вот оно, подумал убийца.
The rigors.	Озноб.
When the water first hits the lungs.	Так бывает, когда вода проникает в легкие.
The rigors, he knew, would last about five seconds.	Ассасин знал, что озноб продолжается не более пяти секунд.
They lasted six.	На этот раз он продолжался шесть.

Then, exactly as the Hassassin expected, his victim went suddenly flaccid. Like a great deflating balloon, Robert Langdon fell limp.	Затем, как и ожидал убийца, тело обмякло, как надувной шар, из которого выпустили воздух.
It was over.	Все кончено.
The Hassassin held him down for another thirty seconds to let the water flood all of his pulmonary tissue.	Ассасин выждал еще тридцать секунд, чтобы дать воде пропитать всю ткань дыхательных органов.
Gradually, he felt Langdon's body sink, on its own accord, to the bottom.	Теперь он чувствовал, как тело Лэнгдона удерживается на дне самостоятельно, без каких-либо усилий с его стороны.

Finally, the Hassassin let go.	Убийца отпустил труп, ухмыльнувшись при мысли о том, что в фонтане
The media would find a double surprise in the Fountain of the Four Rivers.	"Четыре реки" прессу ждет двойной сюрприз.
"Tabban!" the Hassassin swore, clambering out of the fountain and looking at his bleeding toe.	- Мерзавец! - выругался ассасин, выбравшись из фонтана и взглянув на кровоточащую ногу.
The tip of his boot was shredded, and the front of his big toe had been sheared off.	Носок ботинка оказался разорванным, а кончик большого пальца был, видимо, оторван пулей.

Angry at his own carelessness, he tore the cuff from his pant leg and rammed the fabric into the toe of his boot.	Проклиная себя за невнимательность, он оторвал обшлаг брюк и затолкал ткань в дыру в ботинке.
Pain shot up his leg.	Боль усилилась.
"Ibn al kalb!" He clenched his fists and rammed the cloth deeper.	- Чтоб ты сдох, - пробормотал убийца и, скрипя зубами, протолкнул тряпку как можно глубже.
The bleeding slowed until it was only a trickle.	Кровотечение уменьшилось, а через несколько секунд и вообще прекратилось.
Turning his thoughts from pain to pleasure, the Hassassin got into his van.	Ассасин перестал думать о боли и сосредоточил все свои мысли на предстоящем удовольствии.

His work in Rome was done. He knew exactly what would soothe his discomfort.	Его работа в Риме завершена, и он прекрасно знал, что теперь может вознаградить себя за все вызванные ею неприятности.
Vittoria Vetra was bound and waiting.	Надежно связанная Виттория Ветра ожидает его возвращения.
The Hassassin, even cold and wet, felt himself stiffen.	Его вожделение не могли охладить ни ледяная вода, ни насквозь промокшая одежда.
I have earned my reward.	"Я заслужил свою награду", - думал он, влезая в микроавтобус. ***
Across town Vittoria awoke in pain.	А в другом конце Рима Виттория наконец пришла в себя. Очнулась она от боли.

She was on her back. All of her muscles felt like stone. Tight. Brittle.	Боль сосредоточилась в позвоночнике, а все мышцы словно окаменели.
Her arms hurt.	Руки болели.
When she tried to move, she felt spasms in her shoulders.	Когда девушка попыталась пошевелиться, ее плечи свела судорога.
It took her a moment to comprehend her hands were tied behind her back.	Виттория не сразу догадалась, что ее руки связаны за спиной.
Her initial reaction was confusion.	Вначале она ничего не могла понять.
Am I dreaming?	Неужели она спит?

But when she tried to lift her head, the pain at the base of her skull informed her of her wakefulness.	Но боль в основании черепа, которую ощутила девушка, попытавшись поднять голову, говорила о том, что это вовсе не сон.
Confusion transforming to fear, she scanned her surroundings.	Когда ей удалось оглядеться по сторонам, ее растерянность переросла в страх.
She was in a crude, stone room-large and well furnished, lit by torches.	Она находилась в помещении со стенами из неотесанного камня.
Some kind of ancient meeting hall.	Большая, залитая светом факелов комната была обставлена прекрасной мебелью и очень напоминала какой-то странный конференц-зал.

Old fashioned benches sat in a circle nearby.	Такой вид помещению придавали стоявшие полукругом старинные скамьи.
Vittoria felt a breeze, cold now on her skin.	Виттория вдруг ощутила, что ее кожу ласкает прохладный ветерок.
Nearby, a set of double doors stood open, beyond them a balcony.	Двустворчатая дверь неподалеку была раскрыта настежь, а за ней находился балкон.
Through the slits in the balustrade, Vittoria could have sworn she saw the Vatican.	Девушка была готова поклясться, что через щели в балюстраде ей виден Ватикан.
104	Глава 104

Robert Langdon lay on a bed of coins at the bottom of the Fountain of the Four Rivers.	Роберт Лэнгдон лежал на монетах, толстым слоем устилающих дно фонтана "Четыре реки".
His mouth was still wrapped around the plastic hose.	В его зубах все еще был зажат пластмассовый наконечник.

The air being pumped through the spumanti tube to froth the fountain had been polluted by the pump, and his throat burned.	Воздух, который поднимался от аэратора к поверхности воды, был пропитан запахом моторного масла, и горло болело.
He was not complaining, though.	Но Лэнгдон не жаловался.

He was alive.	Главное, что он остался жив.
He was not sure how accurate his imitation of a drowning man had been, but having been around water his entire life, Langdon had certainly heard accounts.	Ученый не знал, насколько точно имитировал утопление, но проведя рядом с водой всю жизнь, не раз слышал, как это происходит.
He had done his best.	Одним словом, он старался изо всех сил.
Near the end, he had even blown all the air from his lungs and stopped breathing so that his muscle mass would carry his body to the floor.	Перед самым концом он даже выдохнул из себя весь воздух и перестал дышать, чтобы тело пошло ко дну под собственной тяжестью.

Thankfully, the Hassassin had bought it and let go.	Ассасин, слава Богу, поддался на уловку и отпустил свою жертву.
Now, resting on the bottom of the fountain, Langdon had waited as long as he could wait.	Оставаясь на дне фонтана, Лэнгдон выжидал до последнего.
He was about to start choking.	Он чувствовал, что его вот-вот начнет душить кашель.
He wondered if the Hassassin was still out there.	Интересно, уехал ли убийца или все еще торчит у фонтана?

Taking an acrid breath from the tube, Langdon let go and swam across the bottom of the fountain until he found the smooth swell of the central core.	Набрав полную грудь вонючего воздуха, Лэнгдон выплюнул трубку и проплыл под водой до скользкого основания центрального ядра творения Бернини.
Silently, he followed it upward, surfacing out of sight, in the shadows beneath the huge marble figures.	Соблюдая крайнюю осторожность и оставаясь в тени величественного сооружения, он поднялся на ноги и выглянул из-за мраморной фигуры, символизирующей одну из рек.
The van was gone.	Микроавтобус исчез.
That was all Langdon needed to see.	Это было все, что ему требовалось увидеть.

Pulling a long breath of fresh air back into his lungs, he scrambled back toward where Cardinal Baggia had gone down.	Набрав полную грудь свежего воздуха, он тяжело побрел к тому месту, где ушел под воду кардинал Баджиа.
Langdon knew the man would be unconscious now, and chances of revival were slim, but he had to try.	Лэнгдон знал, что старик к этому времени давно находится без сознания и шансов вернуть его к жизни практически нет. Но попытаться все равно стоило.
When Langdon found the body, he planted his feet on either side, reached down, and grabbed the chains wrapped around the cardinal. Then Langdon pulled.	Найдя тело, он встал над ним, широко расставив ноги, нагнулся и обеими руками взялся за опутывающую кардинала цепь.

When the cardinal broke water, Langdon could see the eyes were already rolled upward, bulging.	Когда голова Баджиа показалась на поверхности, Лэнгдон увидел, что глаза старика закатились кверху, а глазные яблоки вывалились из орбит.
Not a good sign.	Это был очень плохой знак.

There was no breath or pulse.	Пульса и дыхания, естественно, не было.
Knowing he could never get the body up and over the fountain rim, Langdon lugged Cardinal Baggia through the water and into the hollow beneath the central mound of marble.	Профессор понимал, что для того, чтобы перетащить через край фонтана обмотанное тяжелыми цепями тело, его сил не хватит.

Here the water became shallow, and there was an inclined ledge.	Поэтому он оттащил кардинала к мелкому месту у центрального ядра фонтана, где камень изваяния спускался к воде пологим скатом.
Langdon dragged the naked body up onto the ledge as far as he could. Not far. Then he went to work.	Ученый вытянул тело из воды, подняв его по скату как можно выше, и приступил к работе.
Compressing the cardinal's chain clad chest, Langdon pumped the water from his lungs.	Надавливая на закованную в цепь грудь кардинала, Лэнгдон первым делом откачал воду из легких.
Then he began CPR.	После этого он приступил к искусственному дыханию изо рта в рот.

Counting carefully. Deliberately. Resisting the instinct to blow too hard and too fast.	Каждый выдох он сопровождал тщательным отсчетом секунд, борясь с искушением дуть слишком сильно и слишком быстро.
For three minutes Langdon tried to revive the old man.	Прошло три минуты, но сознание к старику не возвращалось.
After five minutes, Langdon knew it was over.	Через пять минут Лэнгдон уже знал, что все кончено.
Il preferito.	Il preferito.
The man who would be Pope.	Человек, которому предстояло стать папой, лежал перед ним.
Lying dead before him.	Он был мертв.

Somehow, even now, prostrate in the shadows on the semisubmerged ledge, Cardinal Baggia retained an air of quiet dignity.	Даже лежа на пологом склоне и находясь наполовину в воде, покойный кардинал Баджиа являл собой воплощение спокойного достоинства.
The water lapped softly across his chest, seeming almost remorseful... as if asking forgiveness for being the man's ultimate killer... as if trying to cleanse the scalded wound that bore its name.	Вода плескалась у его груди. Казалось, что она оплакивает кардинала... молит о прощении за то, что оказалась его убийцей... и пытается смыть свое имя, выжженное на груди старца.

Gently, Langdon ran a hand across the man's face and closed his upturned eyes. As he did, he felt an exhausted shudder of tears well from within.	Лэнгдон тихо положил руку на его лицо и прикрыл веки над закатившимися глазами, с изумлением почувствовав, что больше не в силах сдерживать слез.
It startled him.	Еще миг, и ученый зарыдал.
Then, for the first time in years, Langdon cried.	Впервые за много-много лет.
105	Глава 105
The fog of weary emotion lifted slowly as Langdon waded away from the dead cardinal, back into deep water.	Туман усталости начал постепенно рассеиваться, когда Лэнгдон отошел от кардинала в более глубокое место.

Depleted and alone in the fountain, Langdon half expected to collapse.	Он чувствовал себя одиноким и совершенно опустошенным. Поначалу ему казалось, что от утомления он вот-вот рухнет в воду.
But instead, he felt a new compulsion rising within him. Undeniable. Frantic.	Но американец, к немалому своему изумлению, вдруг ощутил новый прилив энергии.
He sensed his muscles hardening with an unexpected grit. His mind, as though ignoring the pain in his heart, forced aside the past and brought into focus the single, desperate task ahead.	Он почувствовал, как его мускулы неожиданно налились силой, а мозг, не обращая внимания на душевные страдания, вычеркнул на время из сознания все, что случилось раньше, и сосредоточился на решении единственной и жизненно важной задачи.

Find the Illuminati lair.	Надо найти убежище.
Help Vittoria.	Необходимо помочь Виттории.
Turning now to the mountainous core of Bernini's fountain, Langdon summoned hope and launched himself into his quest for the final Illuminati marker.	Повернувшись к центральному ядру творения Бернини, Лэнгдон принялся искать глазами последний указатель иллюминатов.
He knew somewhere on this gnarled mass of figures was a clue that pointed to the lair.	Он знал, что одна из фигур, окружающих эту каменную глыбу, должна указывать на убежище.
As Langdon scanned the fountain, though, his hope withered quickly.	Но его надежды быстро угасли.

The words of the segno seemed to gurgle mockingly all around him.	Ему казалось, что даже журчание воды вокруг него звучит издевкой.
Let angels guide you on your lofty quest.	"И ангелы чрез Рим тебе укажут путь..."
Langdon glared at the carved forms before him.	Лэнгдон отчаянно вглядывался в окружающие его фигуры.
The fountain is pagan!	Этот фонтан - целиком языческий!
It has no damn angels anywhere!	На нем нет никаких ангелов!
When Langdon completed his fruitless search of the core, his eyes instinctively climbed the towering stone pillar.	Когда ученый закончил бесполезный поиск, его взгляд вдруг скользнул вверх, на венчающую сооружение каменную колонну.

Four markers, he thought, spread across Rome in a giant cross.	Четвертая веха, думал он, должна быть здесь. На одной из оконечностей гигантского креста.
Scanning the hieroglyphics covering the obelisk, he wondered if perhaps there were a clue hidden in the Egyptian symbology.	Изучая покрывающие обелиск иероглифы, он размышлял о том, не стоит ли поискать ключ к разгадке в египетских символах.
He immediately dismissed the idea. The hieroglyphs predated Bernini by centuries, and hieroglyphs had not even been decipherable until the Rosetta Stone was discovered.	Но тут же отверг эту идею, сообразив, что обелиск на много столетий старше творения Бернини, а иероглифы расшифровали лишь после того, как был найден Розеттский камень .

Still, Langdon ventured, maybe Bernini had carved an additional symbol?	Но не мог ли Бернини вырезать на обелиске дополнительный символ?
One that would go unnoticed among all the hieroglyphs?	Такой, который затерялся бы среди других иероглифов?

Feeling a shimmer of hope, Langdon circumnavigated the fountain one more time and studied all four fa?ades of the obelisk.	В нем вновь вспыхнул лучик надежды, и он еще раз обошел скульптуру, вглядываясь во все четыре грани каменного столба.
It took him two minutes, and when he reached the end of the final face, his hopes sank.	На это ушло две минуты. А когда он вернулся на то место, с которого начал осмотр, надежда погасла окончательно.

Nothing in the hieroglyphs stood out as any kind of addition. Certainly no angels.	Среди иероглифов не было более поздних добавлений, а уж ангелов и подавно.
Langdon checked his watch.	Лэнгдон взглянул на часы.
It was eleven on the dot.	Стрелки показывали ровно одиннадцать.
He couldn't tell whether time was flying or crawling.	Он не мог сказать, летит время или ползет.

Images of Vittoria and the Hassassin started to swirl hauntingly as Langdon clambered his way around the fountain, the frustration mounting as he frantically completed yet another fruitless circle. Beaten and exhausted, Langdon felt ready to collapse.	Его неотступно преследовали образы Виттории и ассасина. Еще раз обойдя вокруг обелиска, ученый впал в полное отчаяние.
He threw back his head to scream into the night. The sound jammed in his throat.	Он поднял голову, чтобы излить свое бессилие в крике, но уже готовый вырваться горестный вопль застрял в его горле.
Langdon was staring straight up the obelisk.	Лэнгдон смотрел на обелиск.

The object perched at the very top was one he had seen earlier and ignored.	То, что находилось на его вершине, он уже видел раньше, но тогда не обратил на это особого внимания.
Now, however, it stopped him short.	Теперь же вид этого предмета заставил его замереть.
It was not an angel.	Это не был ангел.
Far from it.	Вовсе нет.
In fact, he had not even perceived it as part of Bernini's fountain.	Ведь вначале Лэнгдон решил, что предмет этот вообще не является частью творения Бернини.
He thought it was a living creature, another one of the city's scavengers perched on a lofty tower.	Он тогда подумал, что на вершине камня сидело живое существо - одно из тех, что питаются отбросами громадного города.

A pigeon.	Обыкновенный голубь.
Langdon squinted skyward at the object, his vision blurred by the glowing mist around him.	Ученый внимательно взглянул на птицу.
It was a pigeon, wasn't it? He could clearly see the head and beak silhouetted against a cluster of stars.	"Неужели это голубь?" - спрашивал он себя, вглядываясь вверх сквозь застилающую взор водяную пыль.
And yet the bird had not budged since Langdon's arrival, even with the battle below.	Да, голубь. На фоне звезд был виден силуэт головки и клюва.
The bird sat now exactly as it had been when Langdon entered the square.	С момента появления американца у фонтана птица не изменила положения, несмотря на то что под ней только что кипела битва.

It was perched high atop the obelisk, gazing calmly westward.	Она сидела на верхушке обелиска, обратив взгляд на запад.
Langdon stared at it a moment and then plunged his hand into the fountain and grabbed a fistful of coins.	Лэнгдон несколько секунд неподвижно смотрел на голубя, а затем запустил руку в фонтан и сгреб несколько монет.
He hurled the coins skyward. They clattered across the upper levels of the granite obelisk.	После этого он швырнул всю пригоршню к небу.
The bird did not budge.	Птица не пошевелилась.
He tried again.	Ученый повторил попытку.
This time, one of the coins hit the mark.	На этот раз одна монета попала в цель.

A faint sound of metal on metal clanged across the square.	Над площадью раздался негромкий звук удара металла о металл.
The damned pigeon was bronze.	Проклятый голубь оказался бронзовым!
You're looking for an angel, not a pigeon, a voice reminded him.	"Мы ищем ангела, а не голубя", - напомнил ему внутренний голос.
But it was too late. Langdon had made the connection.	Но было поздно, Лэнгдон уже успел уловить связь.
He realized the bird was not a pigeon at all.	Он понял, что скульптор изваял вовсе не голубя.
It was a dove.	Это была голубка.

Barely aware of his own actions, Langdon splashed toward the center of the fountain and began scrambling up the travertine mountain, clambering over huge arms and heads, pulling himself higher.	Слабо осознавая, что он делает, Лэнгдон, поднимая брызги, заспешил к центру фонтана, а добравшись до цели, принялся карабкаться вверх, наступая на громадные руки и головы изваяний.
Halfway to the base of the obelisk, he emerged from the mist and could see the head of the bird more clearly.	Преодолев половину пути до основания обелиска, он выбрался из водяного тумана, и голова птицы стала видна намного лучше.
There was no doubt.	Сомнений не было.
It was a dove.	Перед ним была голубка.

The bird's deceptively dark color was the result of Rome's pollution tarnishing the original bronze.	Обманчиво темный силуэт птицы был результатом городских испарений, за много веков заставивших почернеть некогда блестящую бронзу.
Then the significance hit him.	В тот момент он окончательно понял значение изваяния...
He had seen a pair of doves earlier today at the Pantheon.	Незадолго до этого он видел в Пантеоне изображение пары голубок.
A pair of doves carried no meaning.	Пара голубок не таила в себе никакого скрытого смысла.
This dove, however, was alone.	Но эта голубка была одинокой.
The lone dove is the pagan symbol for the Angel of Peace.	Одинокая голубка в языческих представлениях была ангелом мира.

The truth almost lifted Langdon the rest of the way to the obelisk. Bernini had chosen the pagan symbol for the angel so he could disguise it in a pagan fountain.	Итак, Бернини избрал для своего ангела языческий символ, чтобы скрыть его среди других изваяний фонтана.
Let angels guide you on your lofty quest.	"И ангелы через Рим тебе укажут путь".
The dove is the angel!	Эта голубка выступает в роли ангела!
Langdon could think of no more lofty perch for the Illuminati's final marker than atop this obelisk.	Лэнгдон не мог представить себе более удачного места для последней вехи иллюминатов, чем вершина обелиска.
The bird was looking west.	Птица смотрела на запад.

Langdon tried to follow its gaze, but he could not see over the buildings.	Лэнгдон попытался проследить за ее взглядом, но не увидел ничего, кроме окружающих площадь домов.
He climbed higher.	Он пополз выше.
A quote from St. Gregory of Nyssa emerged from his memory most unexpectedly.	В его памяти совершенно неожиданно всплыла цитата из святого Григория Нисского :
As the soul becomes enlightened... it takes the beautiful shape of the dove.	"Когда душа достигает просветления... она принимает форму прекрасной голубки".
Langdon rose heavenward.	Лэнгдон продолжал свое восхождение к небу.
Toward the dove. He was almost flying now.	Поближе к птице.

He reached the platform from which the obelisk rose and could climb no higher.	Добравшись до платформы, на которой стоял обелиск, он решил лезть дальше.
With one look around, though, he knew he didn't have to.	Однако, оглядевшись, ученый понял, что в этом нет никакой необходимости.
All of Rome spread out before him. The view was stunning.	Его взору открылся весь Рим, и это зрелище было потрясающим.
To his left, the chaotic media lights surrounding St. Peter's.	Слева от него сияло хаотическое скопление прожекторов осаждавших собор Святого Петра журналистов.
To his right, the smoking cupola of Santa Maria della Vittoria.	Справа виднелся дымящийся купол церкви Санта-Мария делла Виттория.

In front of him in the distance, Piazza del Popolo.	Непосредственно перед ним на порядочном удалении находилась пьяцца дель Пополо.
Beneath him, the fourth and final point.	А прямо под ним была последняя точка.
A giant cross of obelisks.	Гигантский крест, каждую оконечность которого венчал обелиск.
Trembling, Langdon looked to the dove overhead.	Лэнгдона, когда он взглянул вверх на голубку, начала бить дрожь.
He turned and faced the proper direction, and then he lowered his eyes to the skyline.	Он посмотрел в ту сторону, куда был обращен взор бронзовой птицы, и тотчас увидел это.
In an instant he saw it.	Все было очень просто.

So obvious.	Очень ясно.
So clear. So deviously simple.	И абсолютно очевидно.

Staring at it now, Langdon could not believe the Illuminati lair had stayed hidden for so many years.	Глядя вдаль, Лэнгдон не мог понять, почему местонахождение убежища иллюминатов так долго оставалось тайной.
The entire city seemed to fade away as he looked out at the monstrous stone structure across the river in front of him.	Он смотрел на гигантское здание на берегу реки, и ему казалось, что город перестал существовать... полностью растворился во тьме.
The building was as famous as any in Rome.	Это здание было одним из самых знаменитых сооружений Рима.

It stood on the banks of the Tiber River diagonally adjacent to the Vatican.	Оно возвышалось на берегу Тибра, одним углом почти примыкая к Ватикану.
The building's geometry was stark-a circular castle, within a square fortress, and then, outside its walls, surrounding the entire structure, a park in the shape of a pentagram.	Здание имело округлую форму и было окружено крепостной стеной в форме квадрата. Вокруг нее был разбит парк, имеющий форму пятиугольника.
The ancient stone ramparts before him were dramatically lit by soft floodlights. High atop the castle stood the mammoth bronze angel.	Древняя каменная стена перед замком была залита мягким светом, а на самом верху величественного сооружения красовался гигантский бронзовый ангел.

The angel pointed his sword downward at the exact center of the castle.	Ангел указывал мечом вниз в самый центр замка.
And as if that were not enough, leading solely and directly to the castle's main entrance stood the famous Bridge of Angels... a dramatic approachway adorned by twelve towering angels carved by none other than Bernini himself.	Картину довершал ведущий к главному входу в замок знаменитый мост Ангелов, который украшали фигуры двенадцати посланцев небес, изваянных самим Бернини, по шесть с каждой стороны.

In a final breathtaking revelation, Langdon realized Bernini's city wide cross of obelisks marked the fortress in perfect Illuminati fashion; the cross's central arm passed directly through the center of the castle's bridge, dividing it into two equal halves.	Лэнгдон сделал еще одно потрясающее открытие. Вертикальная линия креста, образованного четырьмя алтарями науки, проходила точно по центру замкового моста, деля его на две равные части. Указатель совсем в духе иллюминатов!
Langdon retrieved his tweed coat, holding it away from his dripping body.	Лэнгдон поднял с мостовой твидовый пиджак, стараясь держать его подальше от мокрого тела.
Then he jumped into the stolen sedan and rammed his soggy shoe into the accelerator, speeding off into the night.	Затем он впрыгнул в украденный автомобиль и, нажав пропитанным водой ботинком на педаль акселератора, устремился в ночь.

106	Глава 106
It was 11:07 P.M. Langdon's car raced through the Roman night. Speeding down Lungotevere Tor Di Nona, parallel with the river, Langdon could now see his destination rising like a mountain to his right.	В 11:07 машина Лэнгдона мчалась вдоль Тибра по набережной Тор ди Нона. Американец уже видел сквозь темноту конечный пункт этой гонки. Впереди и чуть справа возвышалось громадное, похожее на гору сооружение.
Castel Sant' Angelo. Castle of the Angel.	Castel Sanf Angelo - замок Святого ангела.
Without warning, the turnoff to the narrow Bridge of Angels-Ponte Sant' Angelo-appeared suddenly.	Неожиданно, без всякого указателя, перед ним возник поворот на мост Ангелов.

Langdon slammed on his brakes and swerved.	Лэнгдон ударил по тормозам и резко бросил машину вправо.

He turned in time, but the bridge was barricaded.	В поворот он вписался, но мост оказался закрытым.
He skidded ten feet and collided with a series of short cement pillars blocking his way.	Машина проскользила юзом с десяток футов и остановилась, столкнувшись с одной из блокирующих путь невысоких цементных тумб.
Langdon lurched forward as the vehicle stalled, wheezing and shuddering.	Остановка была настолько резкой, что Лэнгдон ударился грудью о руль.

He had forgotten the Bridge of Angels, in order to preserve it, was now zoned pedestrians only.	Он совсем забыл, что мост Ангелов в целях сохранности был полностью отдан в распоряжение пешеходов.
Shaken, Langdon staggered from the crumpled car, wishing now he had chosen one of the other routes.	Оправившись от удара, Лэнгдон заковылял прочь от разбитой машины, сожалея о том, что не избрал другой путь.
He felt chilled, shivering from the fountain.	Он страшно замерз, и всю дорогу от фонтана его била дрожь.
He donned his Harris tweed over his damp shirt, grateful for Harris's trademark double lining.	Профессор накинул пиджак на мокрую рубашку, мысленно поблагодарив компанию "Харрис" за двойную фирменную подкладку.

The Diagramma folio would remain dry.	Лист из "Диаграммы" Галилея должен остаться сухим.
Before him, across the bridge, the stone fortress rose like a mountain.	Прямо перед ним, за мостом, закрывая полнеба, возвышалась каменная твердыня.
Aching and depleted, Langdon broke into a loping run.	Страдая от боли и ощущая неимоверную усталость во всем теле, Лэнгдон перешел на неровную, судорожную рысцу.
On both sides of him now, like a gauntlet of escorts, a procession of Bernini angels whipped past, funneling him toward his final destination.	По обеим сторонам моста, словно белые часовые, стояли ангелы работы Бернини. Лэнгдону казалось, что посланцы небес указывают ему дорогу.

Let angels guide you on your lofty quest.	"И ангелы чрез Рим тебе укажут путь..."
The castle seemed to rise as he advanced, an unscalable peak, more intimidating to him even than St. Peter's.	По мере того как Лэнгдон приближался к замку, тот все больше и больше напоминал неприступную скалу. С близкого расстояния это сооружение казалось даже более величественным, чем собор Святого Петра.
He sprinted toward the bastion, running on fumes, gazing upward at the citadel's circular core as it shot skyward to a gargantuan, sword wielding angel.	Собрав последние силы и не сводя глаз с массивной цитадели, на самой вершине которой стоял гигантский ангел с мечом в руках, Лэнгдон сделал бросок по направлению к бастиону.
The castle appeared deserted.	В замке, казалось, никого не было.

Langdon knew through the centuries the building had been used by the Vatican as a tomb, a fortress, a papal hideout, a prison for enemies of the church, and a museum.	Лэнгдон знал, что Ватикан в течение многих веков использовал это сооружение как усыпальницу, крепость и убежище для пап во время осад, а также как узилище для врагов церкви.

Apparently, the castle had other tenants as well-the Illuminati.	За свою длительную историю оно, видимо, знавало и других обитателей. Иллюминатов, например.
Somehow it made eerie sense.	И за этим ученый видел какой-то таинственный смысл.

Although the castle was property of the Vatican, it was used only sporadically, and Bernini had made numerous renovations to it over the years.	Хотя замок был собственностью Ватикана, церковь пользовалась им лишь время от времени, а Бернини в течение многих лет занимался его обновлением.
The building was now rumored to be honeycombed with secret entries, passageways, and hidden chambers.	Если верить слухам, в нем имелось множество секретных ходов и потайных комнат, а его стены и подземелья были пронизаны тайными коридорами и тоннелями.
Langdon had little doubt that the angel and surrounding pentagonal park were Bernini's doing as well.	Лэнгдон не сомневался, что фигура ангела на крыше и окружающий крепость парк также были творениями Бернини.

Arriving at the castle's elephantine double doors, Langdon shoved them hard.	Американец подбежал к чудовищно большим двустворчатым дверям замка и навалился на них всем телом.
Not surprisingly, they were immovable.	Двери, что, впрочем, было неудивительно, даже не шелохнулись.
Two iron knockers hung at eye level.	На уровне глаз Лэнгдон увидел два огромных железных дверных молотка.
Langdon didn't bother.	Но стучать он не стал, понимая, что это бесполезно.

He stepped back, his eyes climbing the sheer outer wall. These ramparts had fended off armies of Berbers, heathens, and Moors.	Ученый отошел от дверей и окинул взглядом всю наружную стену, которой за свою долгую историю приходилось выдерживать осады берберов, мавров и других язычников.
Somehow he sensed his chances of breaking in were slim.	Он начал опасаться, что шансов проникнуть в цитадель у него ничуть не больше чем у этих древних варваров.
Vittoria, Langdon thought. Are you in there?	"Виттория, - подумал Лэнгдон, - там ли ты?"
Langdon hurried around the outer wall. There must be another entrance!	Здесь обязательно должен быть другой вход, решил он и двинулся вдоль стены.

Rounding the second bulwark to the west, Langdon arrived breathless in a small parking area off Lungotere Angelo.	Свернув за угол, он оказался на набережной Ангелов. Здесь стена была обращена на запад. На набережной напротив стены находилась небольшая парковка.
On this wall he found a second castle entrance, a drawbridge type ingress, raised and sealed shut.	Вскоре он увидел другой вход. Но и этот вход оказался недоступным, поскольку ведущий к нему подъемный мост находился в вертикальном положении.
Langdon gazed upward again.	Лэнгдон снова поднял глаза на цитадель.
The only lights on the castle were exterior floods illuminating the fa?ade. All the tiny windows inside seemed black.	Фасад замка освещался декоративной подсветкой, а все крошечные окна сооружения оставались черными.

Langdon's eyes climbed higher. At the very peak of the central tower, a hundred feet above, directly beneath the angel's sword, a single balcony protruded.	Лэнгдон посмотрел чуть выше и увидел балкон. Единственный во всей цитадели балкон выступал из стены центральной башни в сотне футов над землей, чуть ли не под тем самым местом, куда указывал меч ангела.
The marble parapet seemed to shimmer slightly, as if the room beyond it were aglow with torchlight.	Лэнгдону показалось, что мраморный парапет балкона озаряется каким-то слабым мерцающим светом, так, словно в комнате горит факел.
Langdon paused, his soaked body shivering suddenly.	Ученый замер, и его снова начала бить дрожь.
A shadow?	Чья-то тень?
He waited, straining.	Он напряженно ждал.

Then he saw it again. His spine prickled.	Через некоторое время тень промелькнула снова, и его сердце забилось сильнее.
Someone is up there!	В комнате кто-то есть!
"Vittoria!" he called out, unable to help himself, but his voice was swallowed by the raging Tiber behind him.	- Виттория! - крикнул он, будучи не в силах сдержаться. Однако шум бурлящего за спиной Тибра заглушил его голос.
He wheeled in circles, wondering where the hell the Swiss Guard were.	Он огляделся вокруг, безуспешно пытаясь отыскать взглядом швейцарских гвардейцев.
Had they even heard his transmission?	Может быть, они все же слышали его сообщение?

Across the lot a large media truck was parked. Langdon ran toward it.	На парковке у реки стоял большой фургон прессы, и Лэнгдон побежал к нему.
A paunchy man in headphones sat in the cabin adjusting levers.	В кабине машины какой-то пузатый мужчина в наушниках крутил ручки настройки.
Langdon rapped on the side of the truck.	Профессор постучал по дверце.
The man jumped, saw Langdon's dripping clothes, and yanked off his headset.	Пузан вздрогнул от неожиданности, взглянул на мокрую одежда Лэнгдона и, стянув с головы наушники, спросил:
"What's the worry, mate?"	- Что случилось, приятель?

His accent was Australian.	Журналист говорил с заметным австралийским акцентом.
"I need your phone." Langdon was frenzied.	- Мне нужен ваш телефон.
The man shrugged. "No dial tone.	- Вызов не проходит, - пожал плечам австралиец.
Been trying all night.	- Сам весь вечер пытаюсь пробиться.
Circuits are packed."	Линии переполнены.
Langdon swore aloud. "Have you seen anyone go in there?" He pointed to the drawbridge.	- Вы, случайно, не видели, не входил ли кто-нибудь туда? - спросил Лэнгдон, кивнув в сторону подъемного моста.
"Actually, yeah.	- Вообще-то видел.

A black van's been going in and out all night."	Какой-то черный микроавтобус весь вечер шнырял туда-сюда.

Langdon felt a brick hit the bottom of his stomach.	Лэнгдону показалось, что он получил сильнейший удар в солнечное сплетение.
"Lucky bastard," the Aussie said, gazing up at the tower, and then frowning at his obstructed view of the Vatican.	- Повезло мерзавцу, - продолжал австралиец, ткнув пальцем в башню. Ему явно не нравилось, что с его места плохо виден Ватикан.
"I bet the view from up there is perfect.	- Держу пари, что оттуда открывается классный вид.

I couldn't get through the traffic in St. Peter's, so I'm shooting from here."	Я не смог пробиться к Святому Петру, и мне приходится вести передачу с этого места.
Langdon wasn't listening.	Лэнгдон не слушал.
He was looking for options.	Его мозг лихорадочно искал варианты спасения.
"What do you say?" the Australian said.	- Что скажете? - продолжал журналист.
"This 11th Hour Samaritan for real?"	- Как вы относитесь к сообщению о "самаритянине последнего часа"?
Langdon turned. "The what?"	- К чему, простите? - спросил Лэнгдон.
"You didn't hear?	- Неужели вы не слышали?

The Captain of the Swiss Guard got a call from somebody who claims to have some primo info.	Капитану швейцарской гвардии позвонил какой-то тип и сказал, что располагает первоклассной информацией.
The guy's flying in right now.	Сейчас этот парень летит сюда.
All I know is if he saves the day... there go the ratings!" The man laughed.	Уверен, что, если он разрядит обстановку... наши рейтинги взлетят до небес.
Langdon was suddenly confused.	Лэнгдон ничего не понимал.
A good Samaritan flying in to help?	Какой-то добрый самаритянин...
Did the person somehow know where the antimatter was?	Может быть, этот человек знает, где спрятано антивещество?

Then why didn't he just tell the Swiss Guard?	Если так, то почему он просто не назвал это место швейцарским гвардейцам?
Why was he coming in person?	Почему прибывает лично?
Something was odd, but Langdon didn't have time to figure out what.	Здесь явно было что-то не так, но на размышления у Лэнгдона времени не было.
"Hey," the Aussie said, studying Langdon more closely. "Ain't you that guy I saw on TV?	- Эй, - сказал австралиец, внимательно вглядываясь в лицо американца, - а вы не тот парень, которого я видел по ящику?
Trying to save that cardinal in St. Peter's Square?"	Ведь это вы пытались спасти кардинала на площади Святого Петра. Не так ли?

Langdon did not answer.	Лэнгдон не ответил.
His eyes had suddenly locked on a contraption attached to the top of the truck-a satellite dish on a collapsible appendage.	На глаза ему попалось хитроумное приспособление, установленное на крыше фургона. Это была укрепленная на телескопической опоре телевизионная тарелка.
Langdon looked at the castle again.	Лэнгдон перевел взгляд на замок.

The outer rampart was fifty feet tall.	Высота внешней стены, как ему казалось, не превышала пятидесяти футов.
The inner fortress climbed farther still.	Стены цитадели были значительно выше.
A shelled defense.	Глубоко эшелонированная оборона, подумал он.

The top was impossibly high from here, but maybe if he could clear the first wall...	До самого верха отсюда добраться невозможно, но если удастся преодолеть внешнюю стену...
Langdon spun to the newsman and pointed to the satellite arm.	Лэнгдон повернулся лицом к журналисту и, показывая на антенну, спросил:
"How high does that go?"	- Насколько высоко выдвигается эта штука?
"Huh?" The man looked confused.	- Спутниковая антенна? - растерянно переспросил австралиец.
"Fifteen meters.	- Метров на пятнадцать, наверное.
Why?"	Почему вас это интересует?

"Move the truck. Park next to the wall.	- Запускайте двигатель и подгоняйте машину к стене.
I need help."	Мне нужна ваша помощь.
"What are you talking about?"	- О чем это вы?
Langdon explained.	Лэнгдон разъяснил журналисту свои намерения.
The Aussie's eyes went wide. "Are you insane?	- Вы что, с ума сошли? - спросил тот с округлившимися от возмущения глазами.
That's a two hundred thousand dollar telescoping extension.	- Телескопическая опора стоит двести тысяч долларов.
Not a ladder!"	И это вам не лестница!

"You want ratings?	- Вы хотите, чтобы ваш персональный рейтинг взлетел до небес?
I've got information that will make your day." Langdon was desperate.	Я располагаю информацией, которая прославит вас на весь мир.
"Information worth two hundred grand?"	- Информацией, которая стоит двести тысяч штук?!
Langdon told him what he would reveal in exchange for the favor.	Профессор поведал ему, что может сообщить в обмен на услугу.

Ninety seconds later, Robert Langdon was gripping the top of the satellite arm wavering in the breeze fifty feet off the ground.	Уже через девяносто секунд Роберт Лэнгдон, крепко вцепившись в какой-то штырь, стоял на диске покачивающейся на ветру антенны. От земли его отделяли пятьдесят футов.
Leaning out, he grabbed the top of the first bulwark, dragged himself onto the wall, and dropped onto the castle's lower bastion.	Вытянув руку, он схватился за край стены и с некоторым трудом переполз на более устойчивую опору.
"Now keep your bargain!" the Aussie called up.	- А теперь выкладывайте! - крикнул снизу австралиец.
"Where is he?"	- Итак, где же он?

Langdon felt guilt ridden for revealing this information, but a deal was a deal.	Лэнгдон чувствовал себя очень винова-тым - но договор есть договор.
Besides, the Hassassin would probably call the press anyway.	Тем более что ассасин в любом случае все расскажет прессе.
"Piazza Navona," Langdon shouted.	- Пьяцца Навона! - крикнул ученый.
"He's in the fountain."	- В фонтане!
The Aussie lowered his satellite dish and peeled out after the scoop of his career.	Житель Зеленого кон-тинента опустил ан-тенну и рванул в по-гоню за славой. ***

In a stone chamber high above the city, the Hassassin removed his soaking boots and bandaged his wounded toe.	А в каменной палате высоко над городом ассасин стянул с ног мокрые ботинки и наложил повязку на раненый палец.
There was pain, but not so much that he couldn't enjoy himself.	Палец болел, но не настолько, чтобы помешать долгожданному удовольствию.
He turned to his prize.	Он повернулся лицом к своей добыче.
She was in the corner of the room, on her back on a rudimentary divan, hands tied behind her, mouth gagged.	Девушка лежала на спине на стоящем в углу комнаты диване. Ее руки были стянуты за спиной, а изо рта торчал кляп.
The Hassassin moved toward her. She was awake now.	Виттория находилась в сознании, и ассасин направился к ней.

This pleased him.	Она ему очень нравилась.
Surprisingly, in her eyes, he saw fire instead of fear.	В ее взгляде он увидел не ужас, а ненависть.
The fear will come.	Что ж. Ужас придет позже.
107	Глава 107
Robert Langdon dashed around the outer bulwark of the castle, grateful for the glow of the floodlights.	Роберт Лэнгдон бежал по внешней стене замка, благодаря власти Рима за то, что они подсвечивают сооружения.

As he circled the wall, the courtyard beneath him looked like a museum of ancient warfare-catapults, stacks of marble cannonballs, and an arsenal of fearful contraptions.	Внутренний двор крепости был похож на музей старинного оружия - катапульты, пирамиды мраморных пушечных ядер и целый арсенал иных устрашающего вида орудий убийства.
Parts of the castle were open to tourists during the day, and the courtyard had been partially restored to its original state.	Днем замок был частично открыт для туристов, и реставраторы привели двор в его первоначальное состояние.
Langdon's eyes crossed the courtyard to the central core of the fortress.	Лэнгдон посмотрел на цитадель.

The circular citadel shot skyward 107 feet to the bronze angel above.	Массивная круглая башня поднималась к небу на сто семь футов. В центре крыши на возвышении стоял бронзовый ангел.
The balcony at the top still glowed from within.	В комнате за балконом все еще мерцал свет.
Langdon wanted to call out but knew better.	Лэнгдон хотел было крикнуть, но вовремя передумал.
He would have to find a way in.	Необходимо найти вход в замок.
He checked his watch.	Он посмотрел на часы.

11:12 P.M.	11 часов 12 минут.

Dashing down the stone ramp that hugged the inside of the wall, Langdon descended to the courtyard. Back on ground level, he ran through shadows, clockwise around the fort.	Сбежав вниз по проходящему внутри стены пандусу и оказавшись во внутреннем дворе, американец помчался по часовой стрелке вокруг цитадели.

He passed three porticos, but all of them were permanently sealed. How did the Hassassin get in? Langdon pushed on. He passed two modern entrances, but they were padlocked from the outside. Not here. He kept running.	"Как ассасин проник внутрь?" - думал он, миновав три наглухо замурованных портика. На двух вполне современного вида дверях висели тяжелые замки. Во всяком случае, не здесь, решил он, продолжая бег.
Langdon had circled almost the entire building when he saw a gravel drive cutting across the courtyard in front of him.	Лэнгдон сделал почти полный круг, прежде чем увидел пересекающую двор засыпанную гравием дорогу.

At one end, on the outer wall of the castle, he saw the back of the gated drawbridge leading back outside. At the other end, the drive disappeared into the fortress.	Одним концом эта подъездная аллея упиралась в подъемный мост, который Лэнгдон уже видел с внешней стороны стены, а другой ее конец исчезал в чреве крепости.
The drive seemed to enter a kind of tunnel-a gaping entry in the central core.	Дорога уходила в своего рода тоннель - зияющую темную пасть цитадели.
Il traforo!	Il traforo!

Langdon had read about this castle's traforo, a giant spiral ramp that circled up inside the fort, used by commanders on horseback to ride from top to bottom rapidly.	Лэнгдону приходилось читать о проходящих внутри крепостей спиральных пандусах. Пандусы были настолько широкими и высокими, что тяжеловооруженные рыцари могли быстро добраться по ним до верхних этажей сооружения.
The Hassassin drove up!	Вот путь, по которому проследовал ассасин.
The gate blocking the tunnel was raised, ushering Langdon in. He felt almost exuberant as he ran toward the tunnel.	Закрывающая въезд железная решетка была поднята, и Лэнгдон вбежал в тоннель.

But as he reached the opening, his excitement disappeared.	Но как только он оказался под сенью свода, его радость сменилась разочарованием.
The tunnel spiraled down.	Спираль вела вниз.
The wrong way. This section of the traforo apparently descended to the dungeons, not to the top.	Видимо, он избрал неверный путь, и эта часть il traforo вела не вверх, к ангелу, а вниз, в подземелье.
Standing at the mouth of a dark bore that seemed to twist endlessly deeper into the earth, Langdon hesitated, looking up again at the balcony.	Лэнгдон стоял в зеве темной дыры, которая, как ему казалось, вела к центру Земли, и размышлял, что делать дальше.

He could swear he saw motion up there.	Выйдя во двор, ученый снова взглянул на балкон, и ему показалось, что он видит там какое-то движение.
Decide!	"Решай!"
With no other options, he dashed down into the tunnel.	Поскольку иного выхода у него не было, он побежал вниз, в темноту тоннеля. ***
High overhead, the Hassassin stood over his prey.	А высоко над ним ассасин стоял над своей жертвой.

He ran a hand across her arm.	Вначале он погладил ее руку.
Her skin was like cream.	Кожа девушки была похожа на шелк.

The anticipation of exploring her bodily treasures was inebriating.	Ассасин затрепетал, предвкушая, как через несколько минут будет ласкать ее тело.
How many ways could he violate her?	Интересно, сколько способов он сможет найти, чтобы испытать всю полноту наслаждения?
The Hassassin knew he deserved this woman.	Ассасин не сомневался, что заслужил эту женщину.
He had served Janus well.	Он отлично сделал все, что хотел от него Янус, и эта девка была его боевым трофеем.
She was a spoil of war, and when he was finished with her, he would pull her from the divan and force her to her knees.	Когда он с ней закончит, то стащит ее с дивана и поставит перед собой на колени.

She would service him again.	Она снова его обслужит.
The ultimate submission.	И это станет символом ее полного подчинения.
Then, at the moment of his own climax, he would slit her throat.	А затем, в момент оргазма, он перережет ей горло.
Ghayat assa'adah, they called it. The ultimate pleasure.	На его языке этот акт назывался ghayat assa'adah, что можно перевести как "момент высшего наслаждения".
Afterward, basking in his glory, he would stand on the balcony and savor the culmination of the Illuminati triumph... a revenge desired by so many for so long.	После этого он выйдет на балкон, чтобы увидеть финальный триумф иллюминатов... акт мщения, о котором в течение многих столетий мечтало множество людей.***

The tunnel grew darker.	В идущем вниз тоннеле было темно.
Langdon descended. After one complete turn into the earth, the light was all but gone.	А как только Лэнгдон завершил полный круг, в нем воцарилась абсолютная тьма.
The tunnel leveled out, and Langdon slowed, sensing by the echo of his footfalls that he had just entered a larger chamber.	Когда спуск закончился и дно тоннеля стало горизонтальным, Лэнгдон замедлил шаг. Изменившееся эхо говорило о том, что он находится в каком-то обширном помещении.
Before him in the murkiness, he thought he saw glimmers of light... fuzzy reflections in the ambient gleam.	Ему показалось, что перед ним в темноте что-то едва заметно поблескивает...

He moved forward, reaching out his hand. He found smooth surfaces.	Он сделал еще пару шагов, и его вытянутая рука наткнулась на гладкую поверхность.
Chrome and glass.	Хром и стекло.
It was a vehicle.	Это был автомобиль.
He groped the surface, found a door, and opened it.	Проведя ладонью по машине, он открыл дверцу.
The vehicle's interior dome light flashed on.	Под крышей автомобиля вспыхнул плафон.
He stepped back and recognized the black van immediately.	Лэнгдон отступил на шаг и мигом узнал черный микроавтобус.

Feeling a surge of loathing, he stared a moment, then he dove in, rooting around in hopes of finding a weapon to replace the one he'd lost in the fountain.	Испытывая радостное возбуждение, он нырнул в машину и стал осматривать салон в надежде найти оружие, которое могло бы заменить ему утопленный в фонтане пистолет.
He found none.	Оружия он не нашел.
He did, however, find Vittoria's cell phone.	Но зато наткнулся на мобильный телефон Виттории.
It was shattered and useless.	Трубка аппарата была разбита, и от него не было никакой пользы.
The sight of it filled Langdon with fear. He prayed he was not too late.	Вид мобильника смертельно напугал Лэнгдона, и американец молил небеса о том, чтобы не опоздать.

He reached up and turned on the van's headlights.	Протянув руку, он включил фары, и его взору открылось все помещение.
The room around him blazed into existence, harsh shadows in a simple chamber.	Резкие тени на голых каменных стенах.
Langdon guessed the room was once used for horses and ammunition.	Ученый сразу понял, что в свое время здесь держали лошадей и хранили амуницию.
It was also a dead end.	Кроме того, комната оказалась тупиком.
No exit.	"Второго выхода здесь нет.
I came the wrong way!	Я выбрал неправильный путь!"

At the end of his rope, Langdon jumped from the van and scanned the walls around him.	Лэнгдон выпрыгнул из микроавтобуса и еще раз внимательно изучил помещение.
No doorways.	Никаких дверей.
No gates.	Никаких решеток.
He thought of the angel over the tunnel entrance and wondered if it had been a coincidence.	В его памяти всплыло изображение ангела над входом в тоннель. Неужели это всего лишь совпадение?
No!	Нет!
He thought of the killer's words at the fountain.	Ученый вспомнил и те слова, которые убийца произнес у фонтана:
She is in the Church of Illumination... awaiting my return.	"Она в Храме Света... ожидает моего возвращения".

Langdon had come too far to fail now.	Лэнгдон продвинулся слишком далеко, чтобы сейчас потерпеть фиаско.
His heart was pounding.	Его сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди.
Frustration and hatred were starting to cripple his senses.	Бессилие отчаяния и ненависть мешали ему мыслить четко.
When he saw the blood on the floor, Langdon's first thought was for Vittoria.	Увидев на полу пятна крови, он решил, что это кровь Виттории.
But as his eyes followed the stains, he realized they were bloody footprints.	Однако, проследив взглядом за расположением пятен, он понял, что это следы от ног.

The strides were long. The splotches of blood were only on the left foot.	Шаги были очень широкими, и кровоточила лишь левая нога.
The Hassassin!	Ассасин!
Langdon followed the footprints toward the corner of the room, his sprawling shadow growing fainter.	Лэнгдон двинулся по кровавому следу, его тень плясала на стене, с каждым шагом становясь все бледнее.
He felt more and more puzzled with every step. The bloody prints looked as though they walked directly into the corner of the room and then disappeared.	Создавалось впечатление, что кровавый путь ведет в глухой угол комнаты и там исчезает, и это приводило его в недоумение.

When Langdon arrived in the corner, he could not believe his eyes.	Дойдя до темного угла помещения, Лэнгдон не поверил своим глазам.
The granite block in the floor here was not a square like the others. He was looking at another signpost.	Гранитная плита в полу здесь оказалась не квадратной, как все другие, а пятиугольной.
The block was carved into a perfect pentagram, arranged with the tip pointing into the corner.	Вершина безукоризненной по форме пентаграммы была обращена в самый угол комнаты.

Ingeniously concealed by overlapping walls, a narrow slit in the stone served as an exit.	Там, за хитроумно перекрывающими друг друга стенами, обнаружилась щель.
Langdon slid through. He was in a passage.	Лэнгдон протиснулся в узкое пространство между стенами и оказался в подземном переходе.
In front of him were the remains of a wooden barrier that had once been blocking this tunnel.	Прямо перед ним были остатки деревянной решетки, некогда перегораживавшей этот проход.
Beyond it there was light.	За решеткой в глубине тоннеля был виден свет.
Langdon was running now.	Лэнгдон перешел на бег.

He clambered over the wood and headed for the light. The passage quickly opened into another, larger chamber.	Перебравшись через обломки гнилого дерева, он помчался в направлении светового пятна и очень скоро оказался в другом, гораздо большем, чем первое, помещении.
Here a single torch flickered on the wall.	Здесь на стене мерцал одинокий факел.
Langdon was in a section of the castle that had no electricity... a section no tourists would ever see. The room would have been frightful in daylight, but the torch made it even more gruesome.	Ученый находился в той части замка, куда не было проведено электричество... и куда никогда не заходили туристы.
Il prigione.	Темница.

There were a dozen tiny jail cells, the iron bars on most eroded away.	Помещение было разбито на десяток крошечных тюремных камер.
One of the larger cells, however, remained intact, and on the floor Langdon saw something that almost stopped his heart.	Большинство закрывающих их железных решеток давно проржавели насквозь. Лишь на одной, самой большой камере решетка сохранилась. На каменном полу узилища валялись предметы, вид которых поверг Лэнгдона в ужас.
Black robes and red sashes on the floor.	Черные сутаны и красные пояса.
This is where he held the cardinals!	В этом месте он держал кардиналов!
Near the cell was an iron doorway in the wall.	В стене рядом с этой камерой находилась распахнутая настежь небольшая железная дверь.

The door was ajar and beyond it Langdon could see some sort of passage.	За дверью открывался какой-то проход.
He ran toward it. But Langdon stopped before he got there.	Лэнгдон помчался к нему, но, не добежав до двери несколько шагов, замер.
The trail of blood did not enter the passage.	Кровавый след не вел в этот подземный переход.
When Langdon saw the words carved over the archway, he knew why.	Лишь переведя дух, ученый увидел вырубленное в камне над дверью слово.
Il Passetto.	Il Passetto.
He was stunned.	И он снова не поверил своим глазам.

He had heard of this tunnel many times, never knowing where exactly the entrance was.	Ему много раз доводилось слышать и читать об этом тоннеле, но никто не знал, где находится вход в него.
Il Passetto-The Little Passage- was a slender, three quarter mile tunnel built between Castle St. Angelo and the Vatican.	Il Passetto, или Малый переход, был узким, длиной примерно в три четверти мили тоннелем, прорубленным между замком Святого ангела и Ватиканом.
It had been used by various Popes to escape to safety during sieges of the Vatican... as well as by a few less pious Popes to secretly visit mistresses or oversee the torture of their enemies.	Именно по этому потайному лазу папы убегали во время осады... тайком пробирались к своим любовницам или отправлялись в замок Ангела, чтобы там насладиться видом мучений своих недругов.

Nowadays both ends of the tunnel were supposedly sealed with impenetrable locks whose keys were kept in some Vatican vault.	Считалось, что в наши дни оба входа в тоннель надежно закрыты, а ключи от замков хранятся в одном из сейфов города-государства.
Langdon suddenly feared he knew how the Illuminati had been moving in and out of the Vatican.	Лэнгдон с ужасом понял, каким образом иллюминаты попадают в Ватикан и выходят из него.
He found himself wondering who on the inside had betrayed the church and coughed up the keys.	Он спрашивал себя, кто из находящихся за святыми стенами оказался предателем и смог завладеть ключами.
Olivetti?	Оливетти?
One of the Swiss Guard?	Кто-то другой из числа швейцарских гвардейцев?

None of it mattered anymore.	Впрочем, теперь это уже не имело значения.
The blood on the floor led to the opposite end of the prison.	Кровавые следы на полу вели к другому концу темницы.
Langdon followed.	Лэнгдон двинулся в том же направлении.
Here, a rusty gate hung draped with chains.	С этой стороны вход в тюрьму закрывала ржавая металлическая дверь, с которой свисали служившие запором металлические цепи.
The lock had been removed and the gate stood ajar.	Скреплявший цепи замок валялся на полу, и дверь стояла распахнутой.
Beyond the gate was a steep ascension of spiral stairs.	За ней виднелась уходящая круто вверх винтовая лестница.

The floor here was also marked with a pentagramal block.	Плита пола перед дверью также имела форму пентаграммы.
Langdon stared at the block, trembling, wondering if Bernini himself had held the chisel that had shaped these chunks.	Лэнгдон, дрожа, смотрел на каменный пятиугольник. Неужели эта каменная глыба помнит прикосновение резца самого Бернини?
Overhead, the archway was adorned with a tiny carved cherub.	На арке двери, в самой верхней ее точке были вырублены крошечные херувимы.
This was it.	Перед ним, вне всяких сомнений, был вход в Храм Света!
The trail of blood curved up the stairs.	Кровавые следы вели вверх по ступеням.

Before ascending, Langdon knew he needed a weapon, any weapon.	Лэнгдон понимал, что ему необходимо обзавестись хоть каким-нибудь оружием. Любым предметом, который мог бы помочь в неизбежной схватке.
He found a four foot section of iron bar near one of the cells.	В одной из камер Лэнгдон нашел четырехфутовый металлический прут с заостренным концом.
It had a sharp, splintered end. Although absurdly heavy, it was the best he could do.	Прут оказался страшно тяжелым, но лучшего оружия под рукой не было.

He hoped the element of surprise, combined with the Hassassin's wound, would be enough to tip the scales in his advantage.	Американец надеялся, что фактора неожиданности и поврежденной ноги противника будет достаточно, чтобы склонить чашу весов в его пользу.
Most of all, though, he hoped he was not too late.	А еще он очень надеялся на то, что не явится со своей помощью слишком поздно.
The staircase's spiral treads were worn and twisted steeply upward.	Ступени винтовой лестницы настолько истерлись, что стали наклонными.
Langdon ascended, listening for sounds. None.	Лэнгдон поднимался, напрягая слух и опасаясь поскользнуться на стесанных камнях.

As he climbed, the light from the prison area faded away. He ascended into the total darkness, keeping one hand on the wall. Higher.	По мере того как он поднимался, свет тюремного факела становился все более слабым и вскоре исчез совсем. Теперь американец шел в полной темноте.
In the blackness, Langdon sensed the ghost of Galileo, climbing these very stairs, eager to share his visions of heaven with other men of science and faith.	Перед его мысленным взором предстал призрак Галя-лея, поднимающегося по этим ступеням, чтобы поделиться своим видением мира с другими учеными мужами, разделяющими его веру в науку.
Langdon was still in a state of shock over the location of the lair.	Узнав о местонахождении убежища иллюминатов, Лэнгдон испытал сильнейшее потрясение, и этот шок никак не проходил.

The Illuminati meeting hall was in a building owned by the Vatican.	Встречи ученых проходили в принадлежащем Ватикану здании.
No doubt while the Vatican guards were out searching basements and homes of well known scientists, the Illuminati were meeting here... right under the Vatican's nose.	В то время как швейцарские гвардейцы обыскивали подвалы и дома известных представителей науки, иллюминаты собирались здесь... прямо под носом у церковников.

It suddenly seemed so perfect.	И такое решение проблемы теперь казалось Лэнгдону наилучшим.

Bernini, as head architect of renovations here, would have had unlimited access to this structure... remodeling it to his own specifications with no questions asked.	Бернини, как глава проводивших здесь реставрационные работы архитекторов, имел доступ ко всем без исключения помещениям замка Ангела. Он мог вести перестройку по собственному усмотрению, ни перед кем не отчитываясь в своих действиях.
How many secret entries had Bernini added?	Интересно, сколько еще тайных входов соорудил Бернини?
How many subtle embellishments pointing the way?	И какое число незаметных вех на них указывает?
The Church of Illumination.	Храм Света.
Langdon knew he was close.	Лэнгдон знал, что находится рядом с ним.

As the stairs began narrowing, Langdon felt the passage closing around him.	По мере того как ступени винтовой лестницы становились все уже, сужались и окружающие ее стены.
The shadows of history were whispering in the dark, but he moved on.	Лэнгдону чудилось, что за его спиной шепчутся тени людей, принадлежащих истории, но он продолжал восхождение.
When he saw the horizontal shaft of light before him, he realized he was standing a few steps beneath a landing, where the glow of torchlight spilled out beneath the threshold of a door in front of him.	Увидев перед собой горизонтальный луч света, ученый понял, что от верхней площадки его отделяют всего несколько ступеней. Свет шел из находящейся на уровне его глаз щели под дверью.

Silently he moved up.	Стараясь ступать абсолютно бесшумно, он продолжил подъем.
Langdon had no idea where in the castle he was right now, but he knew he had climbed far enough to be near the peak.	Лэнгдон не имел ни малейшего представления о том, в какой части замка сейчас находится. Но он знал, что поднялся достаточно высоко, чтобы оказаться где-то у его верхней точки.
He pictured the mammoth angel atop the castle and suspected it was directly overhead.	Он представил венчающего крышу гигантского ангела и решил, что скульптура должна находиться прямо над его головой.
Watch over me, angel, he thought, gripping the bar. Then, silently, he reached for the door.	"Храни меня, ангел!" - подумал он и, сжав крепче металлический прут, протянул руку к двери.***

On the divan, Vittoria's arms ached.	Виттория лежала на диване. Руки у нее страшно болели.
When she had first awoken to find them tied behind her back, she'd thought she might be able to relax and work her hands free.	Придя в себя и поняв, что запястья связаны за спиной, она попробовала освободиться. Для этого следовало максимально расслабить все мышцы.
But time had run out.	Но времени на это ей не хватило.
The beast had returned.	Животное вернулось в свое логово.
Now he was standing over her, his chest bare and powerful, scarred from battles he had endured.	Теперь он стоял над ней с обнаженной могучей грудью. На его торсе были видны оставленные многочисленными битвами шрамы.

His eyes looked like two black slits as he stared down at her body.	Глаза, которые он не сводил с ее тела, были похожи на две черные щели.
Vittoria sensed he was imagining the deeds he was about to perform.	Виттория понимала, что ассасин рисует в своем воображении то, что ему предстоит совершить.
Slowly, as if to taunt her, the Hassassin removed his soaking belt and dropped it on the floor.	Неторопливо, словно дразня свою жертву, ассасин расстегнул свой пропитанный водой пояс и бросил его на пол.
Vittoria felt a loathing horror. She closed her eyes.	Ощутив, что на нее накатывает волна столь презираемого ею страха, девушка закрыла глаза.

When she opened them again, the Hassassin had produced a switchblade knife. He snapped it open directly in front of her face.	Открыв их снова, она увидела, как убийца достал нож с выкидным лезвием и поднес клинок прямо к ее глазам.
Vittoria saw her own terrified reflection in the steel.	В блестевшей как зеркало стали Виттория увидела отражение своего искаженного ужасом лица.
The Hassassin turned the blade over and ran the back of it across her belly.	Ассасин слегка развернул нож и провел тупой стороной лезвия по ее животу.
The icy metal gave her chills.	Ощутив прикосновение металла, девушка задрожала, словно от холода.

With a contemptuous stare, he slipped the blade below the waistline of her shorts.	Убийца с презрительной ухмылкой завел острие клинка под пояс ее шортов.
She inhaled.	Виттория глубоко вздохнула и снова закрыла глаза.
He moved back and forth, slowly, dangerously... lower.	Ассасин медленно продвигал лезвие все глубже и глубже.
Then he leaned forward, his hot breath whispering in her ear.	Затем он наклонился и, обжигая ее дыханием, прошептал:
"This blade cut out your father's eye."	- Этот клинок вырезал глаз твоего отца.

Vittoria knew in that instant that she was capable of killing.	Виттория открыла глаза, поняв вдруг, что сама способна на убийство.
The Hassassin turned the blade again and began sawing upward through the fabric of her khaki shorts.	Ассасин повернул нож, и острие клинка, проткнув изнутри ткань шортов, снова возникло перед ее взором.
Suddenly, he stopped, looking up.	Затем убийца вдруг прервал свое занятие и оглянулся.
Someone was in the room.	В комнату кто-то вошел.
"Get away from her," a deep voice growled from the doorway.	- Отойди от нее! - прорычал голос от двери.
Vittoria could not see who had spoken, but she recognized the voice.	Виттория не видела говорящего, но голос узнала сразу.

Robert!	Роберт!
He's alive!	Значит, он жив!
The Hassassin looked as if he had seen a ghost.	У ассасина был такой вид, словно перед ним вдруг возникло привидение.

"Mr. Langdon, you must have a guardian angel."	- У вас весьма могущественный ангел-хранитель, мистер Лэнгдон, - сказал он.
108	Глава 108
In the split second it took Langdon to take in his surroundings, he realized he was in a sacred place.	За ту ничтожную долю секунды, которая была у него для осмотра помещения, Лэнгдон успел понять, что находится в священном месте.

The embellishments in the oblong room, though old and faded, were replete with familiar symbology.	Украшения этой слегка вытянутой комнаты, несколько поблекшие от старости, воспроизводили знакомые ему символы.
Pentagram tiles.	Декоративная плитка в форме пятиугольников.
Planet frescoes.	Фрески с изображением планет.
Doves.	Голубки.
Pyramids.	Пирамиды.
The Church of Illumination.	Храм Света.
Simple and pure.	Простой и чистый.
He had arrived.	Он у цели.

Directly in front of him, framed in the opening of the balcony, stood the Hassassin.	Прямо перед ним в ведущем на балкон проеме стены стоял ассасин.
He was bare chested, standing over Vittoria, who lay bound but very much alive.	Неподалеку от него на диване лежала связанная, но вполне живая Виттория.
Langdon felt a wave of relief to see her.	Увидев девушку, Лэнгдон ощутил несказанное облегчение.
For an instant, their eyes met, and a torrent of emotions flowed-gratitude, desperation, and regret.	На какой-то миг их взгляды встретились, и ученый увидел в ее глазах ураган эмоций -благодарность, отчаяние, жалость.

"So we meet yet again," the Hassassin said. He looked at the bar in Langdon's hand and laughed out loud. "And this time you come for me with that?"	- Итак, нам довелось встретиться снова, - сказал ассасин, взглянул на металлический прут в руках Лэнгдона и, громко рассмеявшись, закончил: - И на этот раз вы пришли ко мне, вооружившись этим?
"Untie her."	- Развяжите ее.
The Hassassin put the knife to Vittoria's throat. "I will kill her."	- Я ее зарежу, - ответил ассасин, поднося нож к горлу Виттории.
Langdon had no doubt the Hassassin was capable of such an act.	Лэнгдон ни секунды не сомневался, что этот человек пойдет на убийство.
He forced a calm into his voice.	И это заставило его снизить тон:

"I imagine she would welcome it... considering the alternative."	- Я думаю, что она предпочтет именно этот исход... принимая во внимание другой возможный вариант.
The Hassassin smiled at the insult.	В ответ на оскорбление ассасин улыбнулся и сказал:
"You're right.	- Пожалуй, вы правы.

She has much to offer.	У нее есть чем меня одарить.
It would be a waste."	Ее смерть явилась бы лишь бесполезной растратой ценного материала.

Langdon stepped forward, grasping the rusted bar, and aimed the splintered end directly at the Hassassin. The cut on his hand bit sharply.	Лэнгдон шагнул вперед и, преодолевая резкую боль в поврежденной руке, направил острый конец железного прута в грудь ассасина.
"Let her go."	- Освободите ее.
The Hassassin seemed for a moment to be considering it.	На мгновение Лэнгдону показалось, что убийца обдумывает этот вариант.
Exhaling, he dropped his shoulders.	Плечи ассасина обвисли, он глубоко вздохнул.

It was a clear motion of surrender, and yet at that exact instant the Hassassin's arm seemed to accelerate unexpectedly.	И то и другое могло быть признаком капитуляции.
There was a blur of dark muscle, and a blade suddenly came tearing through the air toward Langdon's chest.	Но в тот же миг рука убийцы с невообразимой скоростью взметнулась вверх, и в воздухе блеснул клинок.

Whether it was instinct or exhaustion that buckled Langdon's knees at that moment, he didn't know, but the knife sailed past his left ear and clattered to the floor behind him.	Бросок был направлен в грудь профессора, но Лэнгдон то ли инстинктивно, то ли от чрезмерного напряжения и усталости упал на колени, и нож, пролетев над ухом, со стуком упал на пол за его спиной.
The Hassassin seemed unfazed.	Промах нисколько не обескуражил убийцу.
He smiled at Langdon, who was kneeling now, holding the metal bar.	Он улыбнулся Лэнгдону, который стоял на коленях, зажав в руках свое оружие.

The killer stepped away from Vittoria and moved toward Langdon like a stalking lion.	Ассасин двинулся на американца, чем-то напоминая льва, крадущегося к своей жертве.
As Langdon scrambled to his feet, lifting the bar again, his wet turtleneck and pants felt suddenly more restrictive.	Лэнгдон с трудом поднялся на ноги и снова направил прут в грудь противника. Мокрые рубашка и брюки вдруг показались ему страшно тяжелыми. Они сильно затрудняли его движения.
The Hassassin, half clothed, seemed to move much faster, the wound on his foot apparently not slowing him at all. Langdon sensed this was a man accustomed to pain.	Полуобнаженный ассасин значительно превосходил американца скоростью. Рана на ноге совершенно не замедляла его движений, и Лэнгдон понял, что этот человек привык превозмогать боль.

For the first time in his life, Langdon wished he were holding a very big gun.	Первый раз в жизни ученый пожалел, что у него с собой нет крупнокалиберного револьвера.
The Hassassin circled slowly, as if enjoying himself, always just out of reach, moving toward the knife on the floor.	Ассасин неторопливо перемещался по дуге, словно радуясь предстоящей игре. Держась все время вне зоны досягаемости, он пытался приблизиться к валяющемуся на полу ножу.
Langdon cut him off.	Лэнгдон всеми силами старался этого не допустить.
Then the killer moved back toward Vittoria. Again Langdon cut him off.	Убийца двинулся к Витторрии, но Лэнгдону удалось пресечь и эту попытку.

"There's still time," Langdon ventured.	- Еще есть время, - рискнул начать переговоры Лэнгдон.
"Tell me where the canister is. The Vatican will pay more than the Illuminati ever could."	- Скажите, где скрыта ловушка с антивеществом, и Ватикан заплатит вам во много раз больше, чем иллюминаты.
"You are naive."	- Ваша наивность, профессор, меня поражает.
Langdon jabbed with the bar.	Лэнгдон сделал выпад.
The Hassassin dodged.	Ассасин уклонился от удара.
He navigated around a bench, holding the weapon in front of him, trying to corner the Hassassin in the oval room.	Ученый двинулся вокруг скамьи, держа оружие перед собой. Ему хотелось загнать противника в угол.

This damn room has no corners!	Но он тут же опомнился, сообразив, что помещение Храма Света имеет овальную форму. "Я, видимо, совсем утратил разум! Здесь же нет никаких углов..."
Oddly, the Hassassin did not seem interested in attacking or fleeing.	Как ни странно, но ассасин не пытался ни атаковать, ни бежать.
He was simply playing Langdon's game. Coolly waiting.	Он просто играл в предложенную Лэнгдоном игру, хладнокровно чего-то выжидая.
Waiting for what?	Чего именно?
The killer kept circling, a master at positioning himself.	Убийца продолжал двигаться кругами, удерживая американца в постоянном напряжении.

It was like an endless game of chess.	Все это начинало походить на бесконечную шахматную партию.
The weapon in Langdon's hand was getting heavy, and he suddenly sensed he knew what the Hassassin was waiting for.	Железная палка в руках Лэнгдона с каждой минутой становилась все тяжелее, и он вдруг понял, чего ждет убийца:
He's tiring me out.	"Он хочет, чтобы я обессилел".
It was working, too.	И этот план работал.
Langdon was hit by a surge of weariness, the adrenaline alone no longer enough to keep him alert.	Лэнгдону казалось, что на его плечи навалилась огромная тяжесть. Адреналин, который до этого поддерживал его силы, был на исходе.

He knew he had to make a move.	Ученый понял, что необходимо переходить к решительным действиям.
The Hassassin seemed to read Langdon's mind, shifting again, as if intentionally leading Langdon toward a table in the middle of the room.	Словно прочитав мысли профессора, ассасин, как показалось Лэнгдону, намеренно повел его по направлению к стоящему в центре комнаты столу.
Langdon could tell there was something on the table. Something glinted in the torchlight.	Лэнгдон краем глаза увидел, что на столе в неровном свете факела поблескивает какой-то предмет.
A weapon?	Оружие?

Langdon kept his eyes focused on the Hassassin and maneuvered himself closer to the table.	Американец, не сводя глаз с противника, совершил маневр, позволивший ему оказаться рядом со столом.

When the Hassassin cast a long, guileless glance at the table, Langdon tried to fight the obvious bait.	Когда ассасин внимательно посмотрел на столешницу, Лэнгдон сделал все, чтобы не последовать его примеру и не заглотить совершенно очевидную наживку.
But instinct overruled. He stole a glance. The damage was done.	Но инстинкт пересилил, и он покосился на стол.
It was not a weapon at all.	Там было вовсе не оружие.

The sight momentarily riveted him. On the table lay a rudimentary copper chest, crusted with ancient patina. The chest was a pentagon. The lid lay open.	Однако находившийся на столе предмет приковал внимание ученого, вынудив его потерять еще несколько секунд драгоценного времени. В центре стола находился простой медный ларец, покрытый древней патиной. Ларец имел пятиугольную форму, и его крышка была открыта.
Arranged inside in five padded compartments were five brands.	Внутри ларца в пяти подбитых бархатом отделениях покоились пять клейм.

The brands were forged of iron-large embossing tools with stout handles of wood.	Клейма были выкованы из железа - большие рельефные наконечники с толстыми деревянными рукоятками.
Langdon had no doubt what they said. Illuminati, Earth, Air, Fire, Water.	Лэнгдон не сомневался, что рельефные буквы образуют слова: ИЛЛЮМИНАТИ, ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ, ВОДА.
Langdon snapped his head back up, fearing the Hassassin would lunge.	Американец резко оглянулся, опасаясь, что ассасин, воспользовавшись временной потерей его внимания, совершит нападение.
He did not.	Но тот и не думал этого делать.

The killer was waiting, almost as if he were refreshed by the game.	Создавалось впечатление, что эта игра его не только позабавила, но даже несколько освежила.
Langdon fought to recover his focus, locking eyes again with his quarry, thrusting with the pipe.	Лэнгдон с трудом заставил себя сосредоточить внимание на противнике.
But the image of the box hung in his mind.	Но ларец по-прежнему не выходил у него из головы.

Although the brands themselves were mesmerizing- artifacts few Illuminati scholars even believed existed-Langdon suddenly realized there had been something else about the box that had ignited a wave of foreboding within.	И не только потому, что вид клейм оказал на него гипнотическое воздействие: лишь немногие ученые верили в существование этих предметов, не говоря уже о том, чтобы их увидеть. До Лэнгдона вдруг дошло, что в ларце присутствовало нечто такое, что вызвало у него неосознанную тревогу.
As the Hassassin maneuvered again, Langdon stole another glance downward.	Пока ассасин совершал очередной маневр, ученый ухитрился бросить еще один взгляд на медную шкатулку.
My God!	Боже!

In the chest, the five brands sat in compartments around the outer edge.	Пять клейм помещались в ларце в пяти отделениях, расположенных вдоль каждой из сторон пентаграммы.

But in the center, there was another compartment.	Но в центре шкатулки имелось еще одно отделение.
This partition was empty, but it clearly was intended to hold another brand... a brand much larger than the others, and perfectly square.	Оно было пустым, однако явно предназначалось для еще одного клейма... гораздо большего, чем остальные, и при этом с квадратной головкой.
The attack was a blur.	Последовавшая атака была молниеносной.

The Hassassin swooped toward him like a bird of prey.	Ассасин обрушился на него, как хищная птица.
Langdon, his concentration having been masterfully diverted, tried to counter, but the pipe felt like a tree trunk in his hands. His parry was too slow.	Лэнгдон, чье внимание противнику все же удалось отвлечь, попытался остановить нападение, но железный прут в его руке стал тяжелым, словно ствол дерева, и ответный удар оказался слишком медленным.
The Hassassin dodged. As Langdon tried to retract the bar, the Hassassin's hands shot out and grabbed it.	Ассасин сумел увернуться, а когда Лэнгдон возвращал свое оружие в исходное положение, убийца мгновенно выбросил вперед руку и схватился за прут.

The man's grip was strong, his injured arm seeming no longer to affect him.	Захват оказался на редкость сильным, ушиб руки от падения саркофага никак не давал о себе знать.
Violently, the two men struggled.	Противники молча тянули ржавую железку каждый в свою сторону.
Langdon felt the bar ripped away, and a searing pain shot through his palm.	Лэнгдон почувствовал, как железо скользит в его руках, и его ладони обожгла нестерпимая боль.
An instant later, Langdon was staring into the splintered point of the weapon.	Еще через несколько секунд Лэнгдон понял, что заостренный конец прута уже направлен на него.
The hunter had become the hunted.	Охотник превратился в добычу.

Langdon felt like he'd been hit by a cyclone.	Лэнгдону показалось, что на него обрушился тайфун.
The Hassassin circled, smiling now, backing Langdon against the wall.	Ассасин с улыбкой нанес серию ложных ударов, пытаясь прижать противника к стене.
"What is your American ad?gio?" he chided.	- Помните вашу американскую поговорку? -ухмыляясь, спросил убийца.
"Something about curiosity and the cat?"	- О кошке, которую сгубило любопытство?
Langdon could barely focus. He cursed his carelessness as the Hassassin moved in.	Он двигался настолько быстро, что Лэнгдону с трудом удавалось следить за его перемещениями.

Nothing was making sense.	Он проклинал себя за совершенно непростительное легкомыслие. Тем не менее мысли об увиденном никак его не оставляли.
A sixth Illuminati brand?	Шестое клеймо иллюминатов?
In frustration he blurted, "I've never read anything about a sixth Illuminati brand!"	- Я никогда ничего не читал о шестом клейме братства "Иллюминати", - машинально пробормотал он себе под нос. Оказалось, что эти слова были произнесены достаточно громко, и ассасин их услышал.

"I think you probably have." The killer chuckled as he herded Langdon around the oval wall.	- Думаю, все же читали, - ухмыльнулся убийца, вынуждая Лэнгдона отступать вдоль овальной стены.

Langdon was lost.	Ученый же пребывал в полной растерянности.
He most certainly had not.	Он был уверен, что ничего не слышал о шестом клейме.
There were five Illuminati brands.	У иллюминатов их было всего пять.
He backed up, searching the room for any weapon at all.	Он пятился назад, оглядывая комнату в поисках хоть какого-нибудь оружия.
"A perfect union of the ancient elements," the Hassassin said.	- Абсолютный союз четырех древних элементов природы, - сказал ассасин, не прекращая наступления.
"The final brand is the most brilliant of all.	- Последнее клеймо по своему совершенству превосходит все остальные.

I'm afraid you will never see it, though."	Однако боюсь, что увидеть его вам все же не удастся.
Langdon sensed he would not be seeing much of anything in a moment.	Лэнгдон в этот момент вообще мало что видел.
He kept backing up, searching the room for an option.	Он продолжал пятиться, лихорадочно пытаясь найти путь к спасению.
"And you've seen this final brand?" Langdon demanded, trying to buy time.	- А вы его видели? - спросил он, пытаясь выиграть время.
"Someday perhaps they will honor me. As I prove myself."	- Возможно, когда-нибудь я удостоюсь этой чести. Если сумею себя проявить.

He jabbed at Langdon, as if enjoying a game.	- Ассасин сделал выпад в сторону Лэнгдона, явно наслаждаясь этой игрой.
Langdon slid backward again.	Лэнгдон снова успел отскочить назад.
He had the feeling the Hassassin was directing him around the wall toward some unseen destination.	Ему казалось, что противник гонит его вдоль стены в какое-то заранее намеченное место.
Where?	Но куда?
Langdon could not afford to look behind him.	Американец не мог позволить себе оглянуться.
"The brand?" he demanded. "Where is it?"	- Клеймо... - выдавил он, - ...где оно?
"Not here.	- Не здесь.

Janus is apparently the only one who holds it."	Оно может находиться только у Януса.
"Janus?" Langdon did not recognize the name.	- Януса? - переспросил Лэнгдон, который не знал человека с таким именем.
"The Illuminati leader.	- Вождь братства "Иллюминати".
He is arriving shortly."	Он скоро должен прибыть в Ватикан.
"The Illuminati leader is coming here?"	- Глава иллюминатов должен появиться здесь?
"To perform the final branding."	- Для того, чтобы осуществить последнее клеймение.

Langdon shot a frightened glance to Vittoria.	Лэнгдон бросил испуганный взгляд на Витторию.
She looked strangely calm, her eyes closed to the world around her, her lungs pulling slowly... deeply.	Девушка выглядела на удивление спокойной. Закрыв глаза, она дышала размеренно и глубоко. Создавалось впечатление, что Виттория полностью отгородилась от окружающего ее мира.
Was she the final victim?	Неужели ей предстоит стать последней жертвой?
Was he?	Или, может быть, это будет он сам?
"Such conceit," the Hassassin sneered, watching Langdon's eyes.	- Какая самоуверенность! - презрительно фыркнул ассасин, вновь прочитав мысли ученого.

"The two of you are nothing.	- И вы, и она - ничто.
You will die, of course, that is for certain.	Вы оба, вне сомнения, умрете.
But the final victim of whom I speak is a truly dangerous enemy."	В отличие от вас последняя жертва, которую я имею в виду, является по-настоящему серьезным противником.
Langdon tried to make sense of the Hassassin's words.	Лэнгдон попытался сообразить, о ком может говорить ассасин.
A dangerous enemy?	Опасный противник?
The top cardinals were all dead.	Все наиболее влиятельные кардиналы умерщвлены.
The Pope was dead.	Папа мертв.

The Illuminati had wiped them all out.	Иллюминаты всех их уничтожили.
Langdon found the answer in the vacuum of the Hassassin's eyes.	Лэнгдон прочитал ответ в глазах ассасина.
The camerlegno.	Камерарий.
Camerlegno Ventresca was the one man who had been a beacon of hope for the world through this entire tribulation.	В течение всего времени, пока разыгрывалась эта трагедия, камерарий Карло Вентреска оставался для мира единственным лучом надежды.
The camerlegno had done more to condemn the Illuminati tonight than decades of conspiracy theorists.	Камерарий за один вечер сделал для разоблачения иллюминатов больше, чем все специалисты по теории заговоров за десятилетия.

Apparently he would pay the price.	За это, видимо, ему и придется заплатить жизнью.
He was the Illuminati's final target.	Братство "Иллюминати" избрало его своей последней жертвой.
"You'll never get to him," Langdon challenged.	- Вам до него никогда не добраться, - с вызовом бросил Лэнгдон.
"Not I," the Hassassin replied, forcing Langdon farther back around the wall.	- Это сделаю не я, - ответил ассасин, вынуждая противника продвинуться чуть дальше вдоль стены.
"That honor is reserved for Janus himself."	- Эта честь принадлежит самому Янусу.

"The Illuminati leader himself intends to brand the camerlegno?"	- Неужели вождь иллюминатов намерен лично заклеймить камерария?

"Power has its privileges."	- Власть имеет право на привилегии.
"But no one could possibly get into Vatican City right now!"	- Но сейчас никто не может проникнуть в Ватикан!
The Hassassin looked smug. "Not unless he had an appointment."	- Только в том случае, если не имеет приглашения, - самодовольно ухмыльнулся ассасин.
Langdon was confused.	Лэнгдон перестал что-либо понимать.

The only person expected at the Vatican right now was the person the press was calling the 11th Hour Samaritan-the person Rocher said had information that could save-	Единственным человеком, чьего появления в данный момент ждали в стенах Ватикана, был неизвестный, которого пресса успела окрестить "самаритянином последнего часа".
Langdon stopped short.	Человек, который, по словам Рошера, обладал информацией, способной спасти...
Good God!	О Боже!
The Hassassin smirked, clearly enjoying Langdon's sickening cognition.	Ассасин, увидев замешательство Лэнгдона, радостно фыркнул.

"I too wondered how Janus would gain entrance.	- Меня тоже занимал вопрос, каким образом Янус сможет попасть в Ватикан.
Then in the van I heard the radio-a report about an 11th hour Samaritan."	Но затем в машине я услышал по радио сообщение о "самаритянине последнего часа".
He smiled. "The Vatican will welcome Janus with open arms."	Ватикан примет его с распростертыми объятиями, - с улыбкой закончил ассасин.
Langdon almost stumbled backward.	Лэнгдон от неожиданности пошатнулся и едва не упал.
Janus is the Samaritan!	Янус - "самаритянин последнего часа"!
It was an unthinkable deception.	Какой чудовищный обман!

The Illuminati leader would get a royal escort directly to the camerlegno's chambers.	Вожак иллюминатов с королевскими почестями будет доставлен прямиком в палаты камерария.
But how did Janus fool Rocher?	Но каким образом Янусу удалось ввести в заблуждение капитана Рошера?
Or was Rocher somehow involved?	Или Рошер с самого начала был замешан в заговоре?
Langdon felt a chill.	При этой мысли Лэнгдон похолодел.
Ever since he had almost suffocated in the secret archives, Langdon had not entirely trusted Rocher.	Надо сказать, что с того момента, когда он чуть не задохнулся в секретном архиве Ватикана, он перестал доверять этому швейцарцу.

The Hassassin jabbed suddenly, nicking Langdon in the side.	Ассасин сделал резкий выпад и слегка зацепил бок Лэнгдона.
Langdon jumped back, his temper flaring.	Американец отпрыгнул назад и яростно выдохнул:
"Janus will never get out alive!"	- Янусу ни за что не удастся вернуться оттуда живым!

The Hassassin shrugged. "Some causes are worth dying for."	- Есть идеи, ради которых стоит пожертвовать жизнью, - пожав плечами, ответил ассасин.
Langdon sensed the killer was serious.	Лэнгдон понял, что убийца говорит серьезно.

Janus coming to Vatican City on a suicide mission?	Янус прибывает в Ватикан с самоубийственной миссией.
A question of honor?	Неужели для него это вопрос чести?
For an instant, Langdon's mind took in the entire terrifying cycle.	За какую-то долю секунды мозг Лэнгдона воссоздал всю цепь ужасных событий.
The Illuminati plot had come full circle.	Заговор иллюминатов приблизился к логической развязке.

The priest whom the Illuminati had inadvertently brought to power by killing the Pope had emerged as a worthy adversary. In a final act of defiance, the Illuminati leader would destroy him.	Клирик, которого они, убив папу, непроизвольно привели к власти, оказался весьма достойным соперником, и вот теперь в последнем акте исторической драмы лидер сообщества "Иллюминати" решил лично его уничтожить.
Suddenly, Langdon felt the wall behind him disappear.	Лэнгдон вдруг ощутил, что стена за его спиной исчезла.
There was a rush of cool air, and he staggered backward into the night.	Он сделал шаг назад, куда-то в ночь, и тотчас почувствовал дуновение ветра.
The balcony!	Балкон!

He now realized what the Hassassin had in mind.	Теперь он понял, куда направлял его ассасин.
Langdon immediately sensed the precipice behind him-a hundred foot drop to the courtyard below.	За его спиной открывался обрыв высотой в сто футов. Внизу, у основания цитадели, находился мощенный камнем внутренний двор.
He had seen it on his way in.	Лэнгдон видел его по пути к Храму Света.
The Hassassin wasted no time. With a violent surge, he lunged.	Не теряя ни секунды, ассасин резко бросился вперед и сделал глубокий выпад.

The spear sliced toward Langdon's midsection.	Острие его импровизированного копья было направлено точно в грудь американца.
Langdon skidded back, and the point came up short, catching only his shirt.	Лэнгдон все же успел отскочить, и металл, пробив рубашку, едва коснулся тела.
Again the point came at him.	Ассасин отвел металлический прут немного назад, готовясь нанести последний решающий удар.
Langdon slid farther back, feeling the banister right behind him.	Лэнгдон отступил еще на шаг и уперся в балюстраду балкона.
Certain the next jab would kill him, Langdon attempted the absurd.	Понимая, что следующий удар будет смертельным, ученый совершил абсолютно нелепое действие.

Spinning to one side, he reached out and grabbed the shaft, sending a jolt of pain through his palm.	Обернувшись, он исхитрился схватиться за металлический прут.
Langdon held on.	Ладонь обожгла острая боль, но он не отпустил ржавое железо.

The Hassassin seemed unfazed.	На ассасина отчаянный поступок ученого, казалось, не произвел никакого впечатления.
They strained for a moment against one another, face to face, the Hassassin's breath fetid in Langdon's nostrils.	Каждый из них тянул обломок металла в свою сторону. Их лица сблизились настолько, что Лэнгдон в полной мере ощущал зловонное дыхание убийцы.

The bar began to slip.	Прут начал постепенно выскальзывать из его руки.
The Hassassin was too strong.	Ассасин существенно превосходил американца силой.
In a final act of desperation, Langdon stretched out his leg, dangerously off balance as he tried to ram his foot down on the Hassassin's injured toe.	В последнем отчаянном акте самообороны, рискуя потерять равновесие, Лэнгдон вытянул ногу, чтобы ударить по поврежденному пальцу убийцы.
But the man was a professional and adjusted to protect his weakness.	Но его противник был профессионалом и умело защищал свое слабое место.

Langdon had just played his final card. And he knew he had lost the hand.	Неудачно разыграв свой последний козырь, Лэнгдон осознал, что проиграл всю партию.
The Hassassin's arms exploded upward, driving Langdon back against the railing.	Ассасин вдруг перестал тянуть прут на себя. Вместо этого он резко толкнул Лэнгдона назад и тем самым окончательно прижал его к перилам.
Langdon sensed nothing but empty space behind him as the railing hit just beneath his buttocks. The Hassassin held the bar crosswise and drove it into Langdon's chest.	Затем убийца схватил свое оружие за концы и надавил прутом на грудь противника. Ограждение балкона оказалось слишком низким. Оно не доходило даже до ягодиц Лэнгдона.

Langdon's back arched over the chasm.	Ассасин продолжал давить, и тело ученого прогнулось назад над зияющей пустотой.
"Ma'assalamah," the Hassassin sneered.	- Ma'assalamah, - произнес убийца.
"Good bye."	- Прощайте.
With a merciless glare, the Hassassin gave a final shove.	С этими словами он в последний раз надавил железным прутом на грудь профессора.
Langdon's center of gravity shifted, and his feet swung up off the floor.	Центр тяжести тела Лэнгдона сместился назад, и его ступни оторвались от пола.
With only one hope of survival, Langdon grabbed on to the railing as he went over.	Повинуясь инстинкту самосохранения, ученый схватился за ограждение и вывалился в пустоту.

His left hand slipped, but his right hand held on.	Левая его рука соскользнула, но правой он держался крепко.
He ended up hanging upside down by his legs and one hand... straining to hold on.	Все кончилось тем, что он повис вниз головой, зацепившись за ограждение одной рукой и согнутыми в коленях ногами.
Looming over him, the Hassassin raised the bar overhead, preparing to bring it crashing down.	Над ним нависала темная фигура ассасина, готового нанести решающий удар.
As the bar began to accelerate, Langdon saw a vision.	Когда прут пришел в движение, перед Лэнгдоном возникло удивительное видение.

Perhaps it was the imminence of death or simply blind fear, but in that moment, he sensed a sudden aura surrounding the Hassassin.	Возможно, это был предвестник неотвратимой смерти или просто результат слепого ужаса, но позади темной фигуры убийцы он увидел какое-то необычное сияние.
A glowing effulgence seemed to swell out of nothing behind him... like an incoming fireball.	Казалось, что буквально из ничего вокруг ассасина вдруг возникла светящаяся аура... а еще через миг Лэнгдон увидел быстро приближающийся огненный шар.
Halfway through his swing, the Hassassin dropped the bar and screamed in agony.	Убийца вдруг выронил свое оружие и издал страшный вопль.
The iron bar clattered past Langdon out into the night.	Железный прут, звякнув рядом с ученым об ограду балкона, полетел вниз.

The Hassassin spun away from him, and Langdon saw a blistering torch burn on the killer's back.	Ассасин повернулся к Лэнгдону спиной, и в этот миг американец увидел ярко пылающий факел.
Langdon pulled himself up to see Vittoria, eyes flaring, now facing the Hassassin.	Лэнгдон подтянулся повыше, и перед его взором предстала Виттория.
Vittoria waved a torch in front of her, the vengeance in her face resplendent in the flames.	Глаза девушки горели ненавистью и жаждой мести. Она, размахивая факелом, стояла лицом к лицу с убийцей.
How she had escaped, Langdon did not know or care.	Лэнгдон не мог понять, как ей удалось освободиться. Впрочем, это не имело никакого значения.

He began scrambling back up over the banister.	Ученый начал перебираться через барьер назад на балкон.
The battle would be short.	Схватка не должна затягиваться.
The Hassassin was a deadly match.	Ассасин по-прежнему оставался смертельно опасным противником.
Screaming with rage, the killer lunged for her.	Хрипя от ярости, убийца бросился на Витторию.
She tried to dodge, but the man was on her, holding the torch and about to wrestle it away.	Девушка попыталась уклониться, но ассасин успел схватить факел и теперь пытался вырвать его из ее рук.

Langdon did not wait. Leaping off the banister, Langdon jabbed his clenched fist into the blistered burn on the Hassassin's back.	Не теряя ни мгновения, Лэнгдон перебросил тело через барьер и ударил кулаком в черный пузырь ожога на обнаженной спине убийца. В этот удар он вложил все свои силы.
The scream seemed to echo all the way to the Vatican.	Вопль, вырвавшийся из горла ассасина, наверняка был слышен в Ватикане.
The Hassassin froze a moment, his back arched in anguish.	Убийца на мгновение замер, выгнувшись назад и выпустив из рук факел.
He let go of the torch, and Vittoria thrust it hard into his face.	Виттория ткнула клубком огня прямо ему в лицо.
There was a hiss of flesh as his left eye sizzled.	Послышалось шипение горящей плоти, и убийца лишился левого глаза.

He screamed again, raising his hands to his face.	Ассасин снова вскрикнул и закрыл лицо руками.

"Eye for an eye," Vittoria hissed. This time she swung the torch like a bat, and when it connected, the Hassassin stumbled back against the railing.	- Око за око! - прошипела Виттория и, взмахнув факелом, словно бейсбольной битой, нанесла еще один удар. Ассасин, едва удержавшись на ногах, отступил к ограде балкона.
Langdon and Vittoria went for him at the same instant, both heaving and pushing.	Лэнгдон и Виттория одновременно бросились к нему и толкнули его в грудь.
The Hassassin's body sailed backward over the banister into the night.	Убийца перевалился через ограждение и полетел в темноту.

There was no scream.	На этот раз он даже не вскрикнул.
The only sound was the crack of his spine as he landed spread eagle on a pile of cannonballs far below.	Они услышали лишь звук глухого удара и хруст ломающегося позвоночника. Ассасин рухнул спиной на сложенную под самым балконом пирамиду из мраморных ядер.
Langdon turned and stared at Vittoria in bewilderment.	Лэнгдон обернулся и в немом изумлении посмотрел на Витторию.
Slackened ropes hung off her midsection and shoulders. Her eyes blazed like an inferno.	Глаза девушки горели адским пламенем, а с ее плеч свободно свисали недавно стягивающие ее путы.
"Houdini knew yoga."	- Гудини тоже был знаком с системой йогов, -сказала она.

109	Глава 109
Meanwhile, in St. Peter's Square, the wall of Swiss Guards yelled orders and fanned outward, trying to push the crowds back to a safer distance.	А тем временем на площади Святого Петра швейцарские гвардейцы выкрикивали приказы и размахивали руками, пытаясь удалить зевак на безопасное расстояние.
It was no use.	Успех в этом благородном деле гвардейцам явно не сопутствовал.
The crowd was too dense and seemed far more interested in the Vatican's impending doom than in their own safety.	Толпа была слишком плотной, а предстоящая гибель Ватикана, похоже, интересовала зрителей гораздо больше, чем их собственная безопасность.

The towering media screens in the square were now transmitting a live countdown of the antimatter canister- a direct feed from the Swiss Guard security monitor-compliments of the camerlegno.	На установленных по периметру площади гигантских экранах в прямом эфире демонстрировалась ловушка антивещества с дисплеем, ведущим отсчет оставшегося до взрыва времени. Это делалось по прямому указанию камерария.
Unfortunately, the image of the canister counting down was doing nothing to repel the crowds.	К сожалению, даже изображение сосуда с быстро меняющимися на дисплее цифрами оказалось неспособным отпугнуть любопытствующих.

The people in the square apparently looked at the tiny droplet of liquid suspended in the canister and decided it was not as menacing as they had thought.	Видя перед собой каплю антивещества, зеваки решили, что эта кроха не столь опасна, как им пытаются внушить.
They could also see the countdown clock now-a little under forty five minutes until detonation. Plenty of time to stay and watch.	Кроме того, для спасения у них, как им казалось, оставалась еще уйма времени - почти сорок пять минут. ***

Nonetheless, the Swiss Guards unanimously agreed that the camerlegno's bold decision to address the world with the truth and then provide the media with actual visuals of Illuminati treachery had been a savvy maneuver.	Тем не менее, швейцарские гвардейцы единодушно решили, что отважный шаг камерария, решившего поведать миру правду и привести зримые доказательства преступного заговора иллюминатов, явился гениальным политическим маневром.
The Illuminati had no doubt expected the Vatican to be their usual reticent selves in the face of adversity. Not tonight.	Сообщество "Иллюминати", вне всякого сомнения, рассчитывало на то, что Ватикан проявит свою обычную скрытность. Однако заговорщики обманулись в своих ожиданиях.

Camerlegno Carlo Ventresca had proven himself a commanding foe.	Камерарий Карло Вентреска проявил себя подлинным стратегом.
Inside the Sistine Chapel, Cardinal Mortati was getting restless.	*** В Сикстинской капелле кардинал Мортати не находил себе места.
It was past 11:15 P.M. Many of the cardinals were continuing to pray, but others had clustered around the exit, clearly unsettled by the hour.	Стрелки часов миновали четверть двенадцатого. Многие коллеги кардинала продолжали молиться, но остальные топтались рядом с дверями, не скрывая своей тревоги в связи с приближением назначенного часа.
Some of the cardinals began pounding on the door with their fists.	Некоторые из них, утратив контроль над собой, принялись молотить кулаками в запертые двери.

Outside the door Lieutenant Chartrand heard the pounding and didn't know what to do.	Стоящий с другой стороны лейтенант Шартран прислушивался к этому отчаянному стуку, не зная, как поступить.
He checked his watch.	Он посмотрел на часы.
It was time.	Стрелки давно перевалили за одиннадцать.
Captain Rocher had given strict orders that the cardinals were not to be let out until he gave the word.	Но капитан Рошер дал точный приказ - не выпускать кардиналов без его особого распоряжения.
The pounding on the door became more intense, and Chartrand felt uneasy.	Стук в дверь становился все более настойчивым, и Шартран начал беспокоиться по-настоящему.

He wondered if the captain had simply forgotten.	Может быть, капитан просто забыл отдать приказ?
The captain had been acting very erratic since his mysterious phone call.	После таинственного телефонного звонка все его действия стали казаться лейтенанту, мягко говоря, странными.
Chartrand pulled out his walkie talkie.	Шартран достал портативную рацию.
"Captain?	- Капитан! - сказал он после того, как произошло соединение.
Chartrand here.	- Говорит Шартран.
It is past time.	Назначенное время прошло.
Should I open the Sistine?"	Не следует ли мне открыть Сикстинскую капеллу?

"That door stays shut.	- Дверь должна оставаться на запоре.

I believe I already gave you that order."	Мне кажется, я дал вам прямые указания на этот счет.
"Yes, sir, I just-"	- Так точно, сэр, я просто...
"Our guest is arriving shortly.	- С минуты на минуту прибывает наш гость.
Take a few men upstairs, and guard the door of the Pope's office.	Возьмите несколько человек и выставьте караул у дверей папского кабинета.
The camerlegno is not to go anywhere."	Камерарий ни при каких обстоятельствах не должен его покидать.
"I'm sorry, sir?"	- Простите, сэр, я не...

"What is it that you don't understand, Lieutenant?"	- Чего вы не понимаете, лейтенант? Я неясно выразился?
"Nothing, sir.	- Я все понял, сэр.
I am on my way."	Приступаю.
Upstairs in the Office of the Pope, the camerlegno stared in quiet meditation at the fire.	Несколькими этажами выше, в папском кабинете, камерарий, стоя на коленях рядом с камином, возносил молитву:
Give me strength, God. Bring us a miracle.	"Придай мне силы, Творец, сотвори чудо".
He poked at the coals, wondering if he would survive the night.	Закончив молиться, камерарий машинально пошевелил уголь в очаге, размышляя о том, сможет ли он пережить эту ночь.

110	Глава 110
Eleven twenty three P.M.	Одиннадцать часов двадцать три минуты. Тридцать семь минут до полуночи.
Vittoria stood trembling on the balcony of Castle St. Angelo, staring out across Rome, her eyes moist with tears.	Виттория, содрогаясь всем телом, стояла на балконе замка Святого ангела. Девушка смотрела на ночной Рим полными слез глазами.
She wanted badly to embrace Robert Langdon, but she could not.	Ей страшно хотелось обнять Роберта Лэнгдона. Но сделать это она была не в состоянии.
Her body felt anesthetized. Readjusting. Taking stock.	Ее тело словно онемело, так, как бывает при наркозе. Она медленно приходила в себя после пережитого шока.

The man who had killed her father lay far below, dead, and she had almost been a victim as well.	Человек, убивший ее отца, лежал мертвый в темном дворе замка, и она сама едва не стала его жертвой.
When Langdon's hand touched her shoulder, the infusion of warmth seemed to magically shatter the ice.	Когда Лэнгдон прикоснулся к ее плечу, она вдруг ощутила тепло, которое мгновенно растопило лед.
Her body shuddered back to life.	Ее тело вернулось к жизни.
The fog lifted, and she turned.	Туман рассеялся, и она повернулась лицом к своему спасителю.

Robert looked like hell- wet and matted-he had obviously been through purgatory to come rescue her.	Роберт выглядел просто ужасно. Казалось, что для того, чтобы спасти ее, он прошел сквозь ад. Ну если и не через ад, то через чистилище - точно.

"Thank you..." she whispered.	- Спасибо... - прошептала она.
Langdon gave an exhausted smile and reminded her that it was she who deserved thanks-her ability to practically dislocate her shoulders had just saved them both.	Лэнгдон послал ей вымученную улыбку и напомнил, что это она заслуживает благодарности, ее умение выворачивать суставы спасло им жизнь.
Vittoria wiped her eyes.	Виттория вытерла глаза.

She could have stood there forever with him, but the reprieve was short lived.	Ей казалось, что она может оставаться рядом с ним вечно, однако передышка оказалась очень короткой.
"We need to get out of here," Langdon said.	- Нам надо выбираться отсюда, - сказал он.
Vittoria's mind was elsewhere.	Мысли Виттории были обращены в другую сторону.
She was staring out toward the Vatican.	Она смотрела на Ватикан.
The world's smallest country looked unsettlingly close, glowing white under a barrage of media lights.	Самое маленькое в мире государство находилось совсем рядом. Сейчас оно было залито ослепительным светом многочисленных прожекторов прессы.

To her shock, much of St. Peter's Square was still packed with people!	К своему ужасу, она увидела, что площадь Святого Петра все еще кишит людьми.
The Swiss Guard had apparently been able to clear only about a hundred and fifty feet back-the area directly in front of the basilica-less than one third of the square.	Швейцарским гвардейцам удалось отогнать толпу на каких-то полтораста футов, и лишь небольшая площадка перед самой базиликой была свободна от зевак. Меньше чем треть площади.
The shell of congestion encompassing the square was compacted now, those at the safer distances pressing for a closer look, trapping the others inside.	Все прилегающие улицы были забиты машинами и людьми. Те, кто находился на безопасном расстоянии, всеми силами пытались протиснуться поближе к центру событий, блокируя путь тем, кого швейцарцы стремились удалить с площади.

They are too close! Vittoria thought. Much too close!	Люди находятся слишком близко! Очень близко!!!
"I'm going back in," Langdon said flatly.	- Я иду туда! - бросил Лэнгдон.
Vittoria turned, incredulous. "Into the Vatican?"	- В Ватикан? - не веря своим ушам, обернулась к нему Виттория.
Langdon told her about the Samaritan, and how it was a ploy.	Лэнгдон сказал ей о "самаритянине" и о его уловке.
The Illuminati leader, a man named Janus, was actually coming himself to brand the camerlegno.	Предводитель сообщества "Иллюминати" по имени Янус должен прибыть в Ватикан, чтобы заклеймить камерария.

A final Illuminati act of domination.	Этот акт был призван символизировать окончательную победу иллюминатов.
"Nobody in Vatican City knows," Langdon said. "I have no way to contact them, and this guy is arriving any minute. I have to warn the guards before they let him in."	- Никто в Ватикане об этом не знает, - пояснил Лэнгдон, - и у меня нет возможности связаться со Святым престолом. Поскольку этот парень может прибыть в любую минуту, надо предупредить гвардейцев до того, как они его пропустят.

"But you'll never get through the crowd!"	- Но тебе ни за что не пробиться сквозь толпу.
Langdon's voice was confident. "There's a way. Trust me."	- Путь туда существует, - без тени сомнения заявил ученый. - Можешь мне поверить.

Vittoria sensed once again that the historian knew something she did not.	Виттория догадалась, что Лэнгдон знает нечто такое, что ей неизвестно.
"I'm coming."	- Я иду с тобой.
"No.	- Нет.
Why risk both-"	Зачем идти на риск нам обоим, если...
"I have to find a way to get those people out of there!	- Я найду способ убрать людей с площади!
They're in incredible dange-"	Им грозит страшная опас...
Just then, the balcony they were standing on began to shake.	Закончить фразу ей не удалось.

A deafening rumble shook the whole castle.	Балкон, на котором они стояли, задрожал, а от оглушительного звука над головой содрогнулся весь замок.
Then a white light from the direction of St. Peter's blinded them.	И в тот же миг им в глаза ударил поток ослепительно белого света, вспыхнувшего над площадью Святого Петра.
Vittoria had only one thought. Oh my God! The antimatter annihilated early!	"Боже мой, - подумала Виттория, - аннигиляция произошла раньше времени!"
But instead of an explosion, a huge cheer went up from the crowd.	Но вместо раскатов взрыва до них донесся приветственный рев толпы.
Vittoria squinted into the light.	Виттория, прищурившись, пыталась установить источник слепящего света.

It was a barrage of media lights from the square, now trained, it seemed, on them!	Оказалось, что это были лучи прожекторов прессы, направленные, как показалось Виттории, прямо на них.
Everyone was turned their way, hollering and pointing.	Люди на площади, радостно вопя и показывая на что-то пальцами, тоже смотрели в их сторону.
The rumble grew louder. The air in the square seemed suddenly joyous.	Грохот в небе нарастал, а атмосфера на площади становилась все более радостной.
Langdon looked baffled. "What the devil-"	- Что за дьявол... - начал было Лэнгдон, но тут же умолк.

The sky overhead roared. Emerging from behind the tower, without warning, came the papal helicopter.	Небо над их головой взорвалось громовым раскатом, и из-за башни неожиданно вынырнул папский вертолет.
It thundered fifty feet above them, on a beeline for Vatican City.	Он летел в каких-то пятидесяти футах над их головами, держа курс на Ватикан.
As it passed overhead, radiant in the media lights, the castle trembled.	Когда сверкающая в лучах прожекторов машина находилась прямо над ними, замок Святого ангела задрожал.

The lights followed the helicopter as it passed by, and Langdon and Vittoria were suddenly again in the dark.	Прожектора неотрывно держали вертолет в своих щупальцах, а когда он пролетел, Лэнгдон и Виттория снова оказались в темноте.
Vittoria had the uneasy feeling they were too late as they watched the mammoth machine slow to a stop over St. Peter's Square.	Г игантская машина зависла над площадью Святого Петра, и Виттория с тревогой подумала, что у них не осталось времени на то, чтобы предупредить камерария.

Kicking up a cloud of dust, the chopper dropped onto the open portion of the square between the crowd and the basilica, touching down at the bottom of the basilica's staircase.	Подняв клубы пыли, вертолет опустился на очищенный от людей участок площади у самого подножия ведущих к собору ступеней.
"Talk about an entrance," Vittoria said. Against the white marble, she could see a tiny speck of a person emerge from the Vatican and move toward the chopper.	- А мы гадали, как он прибудет, - сказала Виттория, увидев, как к вертолету побежал какой-то человек.

She would never have recognized the figure except for the bright red beret on his head.	Она ни за что бы его не узнала, если бы на нем не было красного берета.
"Red carpet greeting.	- Прием по первому разряду.
That's Rocher."	Это капитан Рошер.
Langdon pounded his fist on the banister. "Somebody's got to warn them!" He turned to go.	- Кто-то должен их предупредить! - бросил Лэнгдон и, стукнув кулаком по балюстраде балкона, повернулся, чтобы уйти.
Vittoria caught his arm. "Wait!"	- Постой! - схватила его за рукав девушка.
She had just seen something else, something her eyes refused to believe.	Виттория увидела нечто такое, во что отказывалась поверить.

Fingers trembling, she pointed toward the chopper.	Дрожащей рукой она показала на вертолет.
Even from this distance, there was no mistaking.	Нет. Ошибки быть не могло. Даже на таком расстоянии.
Descending the gangplank was another figure... a figure who moved so uniquely that it could only be one man.	По наклонному трапу на площадь спускался еще один человек. Облик этого человека был настолько специфическим, что ошибиться было просто невозможно.
Although the figure was seated, he accelerated across the open square with effortless control and startling speed.	Человек сидел в кресле. Оказавшись на ровном месте, он покатил его без видимых усилий и с удивительной скоростью.
A king on an electric throne.	Кайзер на своем электрическом троне.

It was Maximilian Kohler.	Максимилиан Колер.
111	Глава 111
Kohler was sickened by the opulence of the Hallway of the Belvedere.	Колер в сопровождении Рошера катился по специальному подиуму для инвалидов в направлении Апостольского дворца.

The gold leaf in the ceiling alone probably could have funded a year's worth of cancer research. Rocher led Kohler up a handicapped ramp on a circuitous route into the Apostolic Palace.	Роскошь коридоров бельведера вызвала у директора ЦЕРНа отвращение. Золота, пошедшего на отделку потолка, вполне хватило бы на финансирование всех онкологических исследований в течение целого года.

"No elevator?" Kohler demanded.	- Неужели здесь нет лифта?
"No power." Rocher motioned to the candles burning around them in the darkened building.	- Лифт имеется, но нет электричества, - ответил Рошер, показывая на освещающие темное здание свечи.
"Part of our search tactic."	- Составляющий элемент нашей стратегии поиска.
"Tactics which no doubt failed."	- И эта стратегия, как я полагаю, оказалась безрезультатной?
Rocher nodded.	Рошер утвердительно кивнул.

Kohler broke into another coughing fit and knew it might be one of his last.	У Колера начался приступ кашля. Директор подумал, что приступ, видимо, будет одним из последних, если не последним.
It was not an entirely unwelcome thought.	И эта мысль доставила ему удовольствие.
When they reached the top floor and started down the hallway toward the Pope's office, four Swiss Guards ran toward them, looking troubled.	Когда они, добравшись до верхнего этажа, направились к кабинету папы, им навстречу выступили четыре швейцарских гвардейца. Они были явно удивлены.
"Captain, what are you doing up here?	- Почему вы здесь, капитан? - спросил один из них.

I thought this man had information that-"	- Я думал, что этот человек располагает информацией, которая позволит...
"He will only speak to the camerlegno."	- Он готов поделиться ею только с камерарием.
The guards recoiled, looking suspicious.	Швейцарцы были явно изумлены и даже не пытались этого скрыть.
"Tell the camerlegno," Rocher said forcefully, "that the director of CERN, Maximilian Kohler, is here to see him.	- Скажите камерарию, - с напором произнес Рошер, - что его желает видеть директор ЦЕРНа Максимилиан Колер.
Immediately."	Причем немедленно.
"Yes, sir!" One of the guards ran off in the direction of the camerlegno's office.	- Слушаюсь, синьор! - ответил один из гвардейцев и побежал к дверям кабинета.

The others stood their ground.	Трое других остались на месте, преграждая путь посетителю.
They studied Rocher, looking uneasy.	На Рошера они смотрели как-то странно. Можно было даже сказать, что в их взглядах сквозило подозрение.
"Just one moment, captain. We will announce your guest."	- Придется подождать, капитан, пока мы не узнаем, желает ли камерарий видеть этого человека, - сказал один из швейцарцев.
Kohler, however, did not stop.	Колер, однако, не хотел ждать.

He turned sharply and maneuvered his chair around the sentinels.	Он резко развернул свое транспортное средство и попытался объехать кордон.

The guards spun and broke into a jog beside him.	Гвардейцы бросились наперерез.
"Fermati!	- Fermati!
Sir!	Туда нельзя, синьор!
Stop!"	Остановитесь!!!
Kohler felt repugnance for them.	Эти люди вызывали у Колера презрение.
Not even the most elite security force in the world was immune to the pity everyone felt for cripples.	Оказывается, служащие даже элитарных подразделений безопасности испытывают жалость к калекам.
Had Kohler been a healthy man, the guards would have tackled him.	Директор понимал, что будь он человеком здоровым, то уже находился бы в наручниках.
Cripples are powerless, Kohler thought.	Но калеки столь беспомощны.

Or so the world believes.	Во всяком случае, так считает весь мир.
Kohler knew he had very little time to accomplish what he had come for.	Директор знал, что, для того чтобы свершить задуманное, у него крайне мало времени.
He also knew he might die here tonight.	Он также знал, что может скоро умереть.
He was surprised how little he cared.	Колера даже удивляло, насколько мало его беспокоит перспектива собственной гибели.
Death was a price he was ready to pay.	Смерть была той ценой, которую он был готов заплатить.

He had endured too much in his life to have his work destroyed by someone like Camerlegno Ventresca.	Он уже слишком много сделал для того, чтобы позволить какому-то ничтожному камерарию по имени Карло Вентреска уничтожить дело всей его жизни.
"Signore!" the guards shouted, running ahead and forming a line across the hallway.	- Синьор! - кричали гвардейцы на бегу.
"You must stop!"	- Остановитесь синьор!
One of them pulled a sidearm and aimed it at Kohler. Kohler stopped.	Когда один из них выхватил пистолет и направил его на Колера, тому не оставалось ничего, кроме как затормозить.
Rocher stepped in, looking contrite.	В дело вмешался Рошер. Капитан выглядел очень виноватым.

"Mr. Kohler, please. It will only be a moment.	- Простите, мистер Колер, - смущенно сказал он, -но вам все же придется подождать. Всего несколько секунд.
No one enters the Office of the Pope unannounced."	Никто не смеет вступить в кабинет папы без специального разрешения. Или приглашения, если хотите.
Kohler could see in Rocher's eyes that he had no choice but to wait.	По выражению глаз капитана директор понял, что у него нет иного выбора, кроме как ждать.
Fine, Kohler thought.	"Ну что же, - подумал Колер.

We wait.	- Подождем".

The guards, cruelly it seemed, had stopped Kohler next to a full length gilded mirror.	Со стороны гвардейцев было жестоко остановить его кресло напротив высокого зеркала в позолоченной раме.
The sight of his own twisted form repulsed Kohler. The ancient rage brimmed yet again to the surface.	Вид собственного изуродованного тела вызвал у Колера отвращение, и с давних пор таящаяся в его сердце ярость закипела с новой силой.
It empowered him.	Как ни странно, но это его успокоило.
He was among the enemy now. These were the people who had robbed him of his dignity. These were the people.	Он находился в стане врагов - людей, которые отняли у него человеческий облик. Лишили достоинства.

Because of them he had never felt the touch of a woman... had never stood tall to accept an award.	По их вине ему ни разу не пришлось испытать прикосновения женщины... Из-за них он не мог гордо выпрямиться, чтобы с честью принять очередную награду за научные достижения.
What truth do these people possess?	Какой, черт побери, истиной владеют эти люди?
What proof, damn it!	Какими, к дьяволу, доказательствами они располагают?
A book of ancient fables?	Книгой древних басен?
Promises of miracles to come?	Обещанием новых чудес?
Science creates miracles every day!	Наука творит чудеса ежедневно!

Kohler stared a moment into his own stony eyes.	Колер несколько секунд вглядывался в свое отражение в зеркале. В окаменевшие глаза.
Tonight I may die at the hands of religion, he thought. But it will not be the first time.	"Сегодня я могу погибнуть от руки религии, -думал он, - но это будет уже не в первый раз".
For a moment, he was eleven years old again, lying in his bed in his parents' Frankfurt mansion.	На какой-то момент он вдруг снова увидел себя одиннадцатилетним мальчишкой в доме своих родителей во Франкфурте.
The sheets beneath him were Europe's finest linen, but they were soaked with sweat.	Он лежит в своей постели на тончайших льняных простынях, насквозь пропитанных его потом.

Young Max felt like he was on fire, the pain wracking his body unimaginable.	Юному Максу казалось, что его бросили в огонь. Тело мальчика раздирала дикая боль.
Kneeling beside his bed, where they had been for two days, were his mother and father. They were praying.	Рядом с кроватью на коленях стояли его отец и мать. Они истово молились вот уже двое суток.
In the shadows stood three of Frankfurt's best doctors.	В тени в углу комнаты стояли три лучших медика города Франкфурта.
"I urge you to reconsider!" one of the doctors said.	- Умоляю вас пересмотреть свое решение! -воскликнул один из врачей.
"Look at the boy!	- Взгляните на мальчика!

His fever is increasing.	Лихорадка усиливается.
He is in terrible pain.	Он страдает от боли.
And danger!"	Ему грозит смертельная опасность!

But Max knew his mother's reply before she even said it.	Но Макс, еще не слыша ответа, знал, что скажет мама.
"Gott wird ihn beschuetzen."	Gott wird ihn beschuetzen.
Yes, Max thought. God will protect me.	"Да, - подумал Макс, - Бог меня защитит.
The conviction in his mother's voice gave him strength.	- Вера в правоту мамы придавала ему силы.
God will protect me.	- Бог меня защитит".

An hour later, Max felt like his whole body was being crushed beneath a car.	Час спустя Максу стало казаться, что по его телу взад-вперед ездит грузовик.
He could not even breathe to cry.	Мальчик был не в силах вдохнуть воздух, чтобы заплакать.
"Your son is in great suffering," another doctor said.	- Ваш ребенок ужасно страдает, - произнес другой врач.
"Let me at least ease his pain. I have in my bag a simple injection of-"	- У меня в саквояже есть лекарство, единственная инъекция которого...
"Ruhe, bitte!" Max's father silenced the doctor without ever opening his eyes.	- Ruhe, bitte! - не открывая глаз, оборвал врача отец Макса.
He simply kept praying.	Он продолжал возносить молитвы к Богу.

"Father, please!" Max wanted to scream.	"Папа, ну пожалуйста! - хотелось крикнуть Максу.
"Let them stop the pain!"	- Разреши им остановить боль!"
But his words were lost in a spasm of coughing.	Но его мольба утонула в приступе кашля.
An hour later, the pain had worsened.	Через час боль стала еще сильнее.
"Your son could become paralyzed," one of the doctors scolded.	- Ваш сын может стать паралитиком, - не сдавался один из медиков.
"Or even die!	- Или даже умереть!
We have medicines that will help!"	В нашем распоряжении имеется лекарство, способное ему помочь!

Frau and Herr Kohler would not allow it.	Фрау и герр Колер не позволили врачам начать лечение.
They did not believe in medicine.	Они не верили в медицину и медиков.
Who were they to interfere with God's master plan?	Кто они такие, чтобы вмешиваться в великие замыслы самого Господа?
They prayed harder.	Родители считали, что надо молиться еще усерднее.
After all, God had blessed them with this boy, why would God take the child away?	Ведь если Бог благословил их этим ребенком, то почему Он вдруг станет отнимать его у них?
His mother whispered to Max to be strong.	Мама шептала на ухо сыну, чтобы тот крепился.

She explained that God was testing him... like the Bible story of Abraham... a test of his faith.	Она сказала, что Бог испытывает его... так же, как испытывал Авраама... проверяет крепость веры.

Max tried to have faith, but the pain was excruciating.	Макс пытался укрепиться в вере, но невыносимая боль мешала ему это сделать.
"I cannot watch this!" one of the doctors finally said, running from the room.	- Я больше не в силах на это смотреть! - крикнул один из врачей и выбежал из комнаты.
By dawn, Max was barely conscious.	К рассвету в Максе сознание едва теплилось.
Every muscle in his body spasmed in agony.	Все его мышцы напряглись в болевой судороге.

Where is Jesus? he wondered.	"Где же Ты, Спаситель? - спрашивал мальчик в полубреду.
Doesn't he love me?	- Неужели Ты меня не любишь?!"
Max felt the life slipping from his body.	Ему казалось, что жизнь уходит из его тела.
His mother had fallen asleep at the bedside, her hands still clasped over him.	Мама так и уснула, стоя на коленях рядом с постелью и обнимая сына.
Max's father stood across the room at the window staring out at the dawn.	Отец Макса стоял у окна и невидящими глазами смотрел в розовеющее небо.
He seemed to be in a trance.	Казалось, он находится в трансе.

Max could hear the low mumble of his ceaseless prayers for mercy.	Макс слышал его ровное бормотание. Отец продолжал молить Всевышнего о ниспослании исцеления его сыну.
It was then that Max sensed the figure hovering over him.	Именно в этот миг Макс заметил парящую над ним фигуру.
An angel?	Неужели ангел?
Max could barely see. His eyes were swollen shut.	Мир перед ним был словно в тумане, и он почти ничего не видел.
The figure whispered in his ear, but it was not the voice of an angel.	Фигура что-то прошептала ему на ухо, но это не было голосом посланца небес.

Max recognized it as one of the doctors... the one who had sat in the corner for two days, never leaving, begging Max's parents to let him administer some new drug from England.	Макс узнал одного из врачей... того, который вот уже более двух дней сидел в углу комнаты, не переставая умолять родителей мальчика разрешить ему использовать новейшее английское лекарство.
"I will never forgive myself," the doctor whispered, "if I do not do this." Then the doctor gently took Max's frail arm.	- Я никогда не прощу себе, если не сделаю этого, -прошептал доктор, осторожно поднимая исхудавшую ручонку ребенка.
"I wish I had done it sooner."	- Это надо было сделать давно.
Max felt a tiny prick in his arm-barely discernible through the pain.	Макс почувствовал легкий укол. За раздирающей тело болью он был почти незаметен.

Then the doctor quietly packed his things.	После этого доктор быстро собрал свои вещи.
Before he left, he put a hand on Max's forehead.	Но прежде чем уйти, он положил ладонь на лоб мальчика и сказал:
"This will save your life.	- Это должно спасти тебе жизнь.
I have great faith in the power of medicine."	Я верю в великую силу медицины.

Within minutes, Max felt as if some sort of magic spirit were flowing through his veins.	Через несколько минут Максу показалось, что его жилы наполняются какой-то волшебной жидкостью.
The warmth spread through his body numbing his pain.	По всему его телу, гася боль, начало разливаться тепло.

Finally, for the first time in days, Max slept.	И наконец он уснул. В первый раз за несколько дней.
When the fever broke, his mother and father proclaimed a miracle of God.	Когда жар прекратился, родители возвестили об очередном чуде.
But when it became evident that their son was crippled, they became despondent. They wheeled their son into the church and begged the priest for counseling.	Но когда выяснилось, что их сын навсегда останется калекой, они пали духом и, усадив сына в инвалидное кресло, покатили его в церковь за советом.
"It was only by the grace of God," the priest told them, "that this boy survived."	- Ваш сын выжил лишь Божьей милостью, -сказал им священник.

Max listened, saying nothing.	Макс молча слушал слова патера.
"But our son cannot walk!" Frau Kohler was weeping.	- Но он же не может ходить! - рыдала фрау Колер.
The priest nodded sadly.	- Да, - печально кивнул священнослужитель.
"Yes. It seems God has punished him for not having enough faith."	- Думаю, что Господь наказал его за недостаток веры. ***
"Mr. Kohler?"	- Мистер Колер!
It was the Swiss Guard who had run ahead.	- Это был швейцарский гвардеец, который заходил в кабинет папы.
"The camerlegno says he will grant you audience."	- Камерарий сказал, что согласен дать вам аудиенцию.

Kohler grunted, accelerating again down the hall.	Колер пробурчал что-то невнятное и покатил по залу.
"He is surprised by your visit," the guard said.	- Ваш визит вызвал у него удивление, - продолжал швейцарец.
"I'm sure." Kohler rolled on.	- Не сомневаюсь, - ответил Колер, не прекращая движения.
"I would like to see him alone."	- Но я хотел бы встретиться с ним тет-а-тет.
"Impossible," the guard said.	- Это невозможно.
"No one-"	Никто...
"Lieutenant," Rocher barked.	- Лейтенант! - пролаял Рошер.
"The meeting will be as Mr. Kohler wishes."	- Встреча произойдет так, как того желает мистер Колер.

The guard stared in obvious disbelief.	Швейцарец, казалось, не поверил своим ушам.
Outside the door to the Pope's office, Rocher allowed his guards to take standard precautions before letting Kohler in.	Однако у самых дверей кабинета Рошер разрешил своим швейцарцам провести стандартную процедуру досмотра.

Their handheld metal detector was rendered worthless by the myriad of electronic devices on Kohler's wheelchair.	Но в кресло Колера было вмонтировано такое количество разнообразной электроники, что их ручные детекторы оказались абсолютно бесполезными.

The guards frisked him but were obviously too ashamed of his disability to do it properly.	Швейцарцы обыскали и директора, но, поскольку перед ними был калека, сделали это довольно небрежно.
They never found the revolver affixed beneath his chair.	Револьвера, скрытого под сиденьем инвалидного кресла Они не обнаружили.
Nor did they relieve him of the other object... the one that Kohler knew would bring unforgettable closure to this evening's chain of events.	Не нашли они и еще одного предмета... той вещи, которая должна была поставить финальную точку в событиях этого затянувшегося вечера.

When Kohler entered the Pope's office, Camerlegno Ventresca was alone, kneeling in prayer beside a dying fire.	Когда Колер вкатился в кабинет, он увидел, что камерарий стоит в одиночестве на коленях перед угасающим камином.
He did not open his eyes.	При появлении посетителя клирик даже не открыл глаза.
"Mr. Kohler," the camerlegno said. "Have you come to make me a martyr?"	- Признайтесь, мистер Колер, - произнес он, - ведь вы явились сюда для того, чтобы сделать из меня мученика. Не так ли?
112	Глава 112

All the while, the narrow tunnel called Il Passetto stretched out before Langdon and Vittoria as they dashed toward Vatican City.	А в это время Лэнгдон и Виттория бежали по узкому, ведущему в Ватикан тоннелю, именуемому Il Passetto.
The torch in Langdon's hand threw only enough light to see a few yards ahead.	Факел в руках Лэнгдона выхватывал из тьмы лишь несколько ярдов пространства перед ними.
The walls were close on either side, and the ceiling low. The air smelled dank.	Расстояние между стенами подземного хода едва позволяло пройти одному человеку, потолок был низким, а воздух - промозглым.
Langdon raced on into the darkness with Vittoria close at his heels.	Лэнгдон бежал в темноту, Виттория мчалась следом.

The tunnel inclined steeply as it left the Castle St. Angelo, proceeding upward into the underside of a stone bastion that looked like a Roman aqueduct.	После того как они покинули замок Святого ангела, тоннель пошел резко вверх и, врезавшись в стену бастиона, стал напоминать древнеримский акведук.
There, the tunnel leveled out and began its secret course toward Vatican City.	Далее он тянулся горизонтально до самого Ватикана.
As Langdon ran, his thoughts turned over and over in a kaleidoscope of confounding images-Kohler, Janus, the Hassassin, Rocher... a sixth brand?	Пока Лэнгдон бежал, перед его мысленным взором, как в калейдоскопе, мелькали какие-то смутные образы: Колер, Янус, ассасин, Рошер... шестое клеймо...

I'm sure you've heard about the sixth brand, the killer had said. The most brilliant of all.	"Уверен, что вы читали о шестом клейме, - сказал убийца и добавил: - Последнее клеймо по своему совершенству превосходит все остальные".
Langdon was quite certain he had not.	Лэнгдон был уверен, что не только не читал, но и не слышал о существовании шестого клейма.

Even in conspiracy theory lore, Langdon could think of no references to any sixth brand. Real or imagined.	Даже в рассказе крупнейших знатоков теории заговоров не было никаких указаний, намеков или домыслов относительно существования подобного артефакта.

There were rumors of a gold bullion and a flawless Illuminati Diamond but never any mention of a sixth brand.	При этом ходили упорные слухи о многочисленных золотых слитках и об уникальном, безукоризненном по форме алмазе, получившем название "Ромб иллюминати". Одним словом, о шестом клейме никаких упоминаний не имелось.
"Kohler can't be Janus!" Vittoria declared as they ran down the interior of the dike.	- Колер не может быть Янусом, - объявила Виттория, не снижая темпа.
"It's impossible!"	- Это невозможно!
Impossible was one word Langdon had stopped using tonight.	"Невозможно" было как раз тем словом, которое Лэнгдон на этот день вообще выбросил из своего лексикона.

"I don't know," Langdon yelled as they ran.	- Не уверен! - крикнул он через плечо.
"Kohler has a serious grudge, and he also has some serious influence."	- У Колера есть серьезные причины быть недовольным церковью, и, кроме того, он пользуется колоссальным влиянием.
"This crisis has made CERN look like monsters!	- В глазах людей этот кризис превращает ЦЕРН в какое-то чудовище!
Max would never do anything to damage CERN's reputation!"	Макс никогда не пойдет на то, чтобы бросить тень на репутацию заведения.

On one count, Langdon knew CERN had taken a public beating tonight, all because of the Illuminati's insistence on making this a public spectacle.	Как бы то ни было, думал Лэнгдон, но ЦЕРН этим вечером получил серьезную взбучку. И этот удар по репутации учреждения стал прямым следствием той публичности, которую иллюминаты постарались придать своим действиям.
And yet, he wondered how much CERN had really been damaged.	Однако он не мог решить, какой реальный ущерб понес этот всемирно известный научный центр.

Criticism from the church was nothing new for CERN. In fact, the more Langdon thought about it, the more he wondered if this crisis might actually benefit CERN.	Критика со стороны церкви была для ЦЕРНа явлением вполне привычным, и чем больше Лэнгдон думал о происходящем, тем тверже укреплялся во мнении, что этот кризис скорее всего пойдет институту на пользу.
If publicity were the game, then antimatter was the jackpot winner tonight.	Если целью заговора была реклама учреждения, то антивещество - это тот джекпот, получить который захотят многие страны и десятки, если не сотни самых влиятельных фирм.
The entire planet was talking about it.	Вся планета говорила сейчас только о ЦЕРНе и о созданном им антивеществе.

"You know what promoter P. T. Barnum said," Langdon called over his shoulder. "'I don't care what you say about me, just spell my name right!'	- Ты знаешь, что сказал однажды Пи-Ти Барнум ?- спросил Лэнгдон. - Он сказал: "Мне плевать, что вы обо мне говорите, но только произносите мое имя без ошибок!"

I bet people are already secretly lining up to license antimatter technology. And after they see its true power at midnight tonight..."	Держу пари, что сейчас под покровом тайны выстраивается очередь из желающих приобрести лицензию на производство антивещества. А после того как в полночь они увидят истинную мощь...
"Illogical," Vittoria said.	- Ты не прав, - прервала она его.

"Publicizing scientific breakthroughs is not about showing destructive power!	- Демонстрация деструктивной силы достижений науки не может служить рекламой.
This is terrible for antimatter, trust me!"	А что касается антивещества, то его разрушительная мощь, поверь мне, просто ужасна!
Langdon's torch was fading now. "Then maybe it's all much simpler than that.	- В таком случае все может быть гораздо проще, -сказал Лэнгдон, бросив тревожный взгляд на постепенно гаснущее пламя факела.

Maybe Kohler gambled that the Vatican would keep the antimatter a secret-refusing to empower the Illuminati by confirming the weapon's existence. Kohler expected the Vatican to be their usual tight lipped selves about the threat, but the camerlegno changed the rules."	- Колер мог сделать ставку на то, что Ватикан в своей обычной манере сохранит все в тайне и вообще не станет упоминать об антивеществе, чтобы не повышать авторитета братства "Иллюминати". Ведь до последнего времени церковь упорно твердила, что сообщество давно перестало существовать. Однако камерарий кардинально изменил правила игры.
Vittoria was silent as they dashed down the tunnel.	Некоторое время они бежали молча.
Suddenly the scenario was making more sense to Langdon.	И вдруг подлинная картина событий предстала перед Лэнгдоном во всей своей полноте.

"Yes!	- Точно!
Kohler never counted on the camerlegno's reaction.	Колер никак не рассчитывал на подобную реакцию камерария.
The camerlegno broke the Vatican tradition of secrecy and went public about the crisis. He was dead honest.	Вентреска нарушил многовековую традицию Ватикана не сообщать внешнему миру о возникающих в его стенах кризисах и повел себя с предельной откровенностью.
He put the antimatter on TV, for God's sake.	Во имя Бога он позволил показать по телевизору ловушку с антивеществом.
It was a brilliant response, and Kohler never expected it.	Это был блестящий ход, которого Колер совершенно не ожидал.

And the irony of the whole thing is that the Illuminati attack backfired.	И по иронии судьбы удар, который нанесли иллюминаты, обрушился на них самих.
It inadvertently produced a new church leader in the camerlegno.	Сами того не желая, они сделали из камерария нового и очень авторитетного вождя церкви.
And now Kohler is coming to kill him!"	Колер явился, чтобы его ликвидировать!
"Max is a bastard," Vittoria declared, "but he is not a murderer. And he would never have been involved in my father's assassination."	- Макс, конечно, мерзавец, - сказала Виттория, -но он не убийца и никоим образом не мог быть замешан в смерти папы.

In Langdon's mind, it was Kohler's voice that answered.	В памяти Лэнгдона прозвучали слова Колера, произнесенные им тысячу лет назад в ЦЕРНе:

Leonardo was considered dangerous by many purists at CERN. Fusing science and God is the ultimate scientific blasphemy.	"В научных кругах у Ветра было множество врагов. Его ненавидели ревнители чистоты науки. Они утверждали, что использование аналитической физики для утверждения религиозных принципов представляет собой вероломное предательство науки".

"Maybe Kohler found out about the antimatter project weeks ago and didn't like the religious implications."	- Не исключено, что Колер узнал об антивеществе несколько недель назад, и ему не понравилось, что это открытие может содействовать укреплению религии.
"So he killed my father over it?	- И из-за этого он убил моего отца?
Ridiculous!	Чушь!
Besides, Max Kohler would never have known the project existed."	Кроме того, Макс Колер не знал о существовании нашего проекта.
"While you were gone, maybe your father broke down and consulted Kohler, asking for guidance.	- Вполне вероятно, что, пока ты отсутствовала, твой отец не выдержал и решил посоветоваться с директором о том, как поступить дальше.

You yourself said your father was concerned about the moral implications of creating such a deadly substance."	Ты же сама говорила, что отца беспокоили моральные последствия открытия субстанции, обладающей столь разрушительной силой.
"Asking moral guidance from Maximilian Kohler?" Vittoria snorted.	- Просить нравственной поддержки у Максимилиана Колера? - презрительно фыркнула Виттория.
"I don't think so!"	- Не думаю, что папа мог это сделать!
The tunnel banked slightly westward.	Тоннель поворачивал на запад.
The faster they ran, the dimmer Langdon's torch became.	Чем быстрее они бежали, тем более тусклым становился свет факела в руках Лэнгдона.

He began to fear what the place would look like if the light went out. Black.	Он опасался, что, когда тот погаснет окончательно, они окажутся в полной темноте.
"Besides," Vittoria argued, "why would Kohler have bothered to call you in this morning and ask for help if he is behind the whole thing?"	- Кроме того, - продолжала приводить свои аргументы Виттория, - с какой стати Колер стал звонить тебе рано утром и просить о помощи, если сам стоял у истоков заговора?
Langdon had already considered it.	Лэнгдон уже задумывался об этом и поэтому ответил без задержки:
"By calling me, Kohler covered his bases.	- Обращением ко мне он прикрыл свои тылы.
He made sure no one would accuse him of nonaction in the face of crisis.	После этого никто не мог обвинить его в бездействии в условиях разразившегося кризиса.

He probably never expected us to get this far."	Скорее всего Колер не ожидал, что нам удастся продвинуться так далеко.
The thought of being used by Kohler incensed Langdon.	Мысль о том, что он стал объектом манипуляций со стороны директора ЦЕРНа, выводила Лэнгдона из себя.
Langdon's involvement had given the Illuminati a level of credibility.	Участие известного ученого в решении кризиса повышало авторитет иллюминатов.

His credentials and publications had been quoted all night by the media, and as ridiculous as it was, the presence of a Harvard professor in Vatican City had somehow raised the whole emergency beyond the scope of paranoid delusion and convinced skeptics around the world that the Illuminati brotherhood was not only a historical fact, but a force to be reckoned with.	Пресса весь вечер цитировала выдержки из его публикаций, а присутствие в Ватикане профессора Гарварда убеждало скептиков в том, что сообщество "Иллюминати" - не давно канувший в Лету факт истории, а современная сила, с которой следует считаться.

"That BBC reporter," Langdon said, "thinks CERN is the new Illuminati lair."	- Репортер Би-би-си уверен, - продолжал американец, - что ЦЕРН стал новым убежищем иллюминатов.
"What!" Vittoria stumbled behind him. She pulled herself up and ran on.	- Что?! - едва не споткнувшись от изумления, воскликнула Виттория.
"He said that!?"	- Он это сказал?
"On air.	- Да. В прямом эфире.

He likened CERN to the Masonic lodges-an innocent organization unknowingly harboring the Illuminati brotherhood within."	Он сравнил ЦЕРН с масонской ложей -безвредной организацией, послужившей иллюминатам своеобразной крышей.
"My God, this is going to destroy CERN." Langdon was not so sure.	Подавляющему большинству членов организации об этом, естественно, неизвестно.
Either way, the theory suddenly seemed less far fetched. CERN was the ultimate scientific haven.	- Бог мой! Это же приведет к гибели института!

It was home to scientists from over a dozen countries. They seemed to have endless private funding.	Лэнгдон не был уверен в столь плачевном для центра исходе, однако высказанная тем репортером гипотеза перестала казаться ему притянутой за уши. ЦЕРН служил домом для сотен ученых из десятков стран мира и имел множество источников частного финансирования.
And Maximilian Kohler was their director.	А Максимилиан Колер был директором этого могущественного учреждения.
Kohler is Janus.	Да, Янус - это Колер.
"If Kohler's not involved," Langdon challenged, "then what is he doing here?"	- Если Колер не имеет к этому никакого отношения, - сказал Лэнгдон, как ему самому показалось, с вызовом, - то с какой стати он здесь?

"Probably trying to stop this madness.	- Видимо, для того, чтобы положить конец этому безумию.
Show support.	Чтобы продемонстрировать свою поддержку.
Maybe he really is acting as the Samaritan!	В конце концов он может оказаться настоящим самаритянином!
He could have found out who knew about the antimatter project and has come to share information."	Не исключено что директору стало известно, кто знал об антивеществе, и он явился, чтобы поделиться этой информацией.
"The killer said he was coming to brand the camerlegno."	- Убийца сказал, что Янус прибывает, чтобы заклеймить камерария.

"Listen to yourself!	- Ты понимаешь, что говоришь?

It would be a suicide mission.	Это же самоубийство!
Max would never get out alive."	Максу не выбраться оттуда живым.
Langdon considered it. Maybe that was the point.	"Может быть, как раз в этом еще одна цель его-миссии", - подумал Лэнгдон, но ничего не сказал.***
The outline of a steel gate loomed ahead, blocking their progress down the tunnel. Langdon's heart almost stopped.	Сердце Лэнгдона едва не оборвалось, когда немного впереди в полутьме возникли очертания перегораживающей тоннель металлической двери.

When they approached, however, they found the ancient lock hanging open.	Однако, приблизившись к преграде, они увидели, что старинный замок висит в петлях открытым.
The gate swung freely.	Дверь отворилась безо всякого усилия.
Langdon breathed a sigh of relief, realizing as he had suspected, that the ancient tunnel was in use.	Лэнгдон облегченно вздохнул, убедившись в правильности своей догадки о том, что древним тоннелем пользовались.
Recently.	Совсем недавно.
As in today.	А если быть абсолютно точным, то сегодня.

He now had little doubt that four terrified cardinals had been secreted through here earlier.	Он не сомневался, что четверо дрожащих от ужаса кардиналов были тайно доставлены в узилище именно этим путем.
They ran on.	Они возобновили бег.
Langdon could now hear the sounds of chaos to his left.	Откуда-то слева до Лэнгдона доносилась какофония звуков.
It was St. Peter's Square.	Это шумела площадь Святого Петра.
They were getting close.	До цели было рукой подать.
They hit another gate, this one heavier. It too was unlocked.	Вскоре они уперлись в еще одну дверь. Она была более массивной, чем первая, но тоже оказалась незапертой.

The sound of St. Peter's Square faded behind them now, and Langdon sensed they had passed through the outer wall of Vatican City.	Как только они прошли через нее, звуки на площади замерли где-то у них за спиной, и Лэнгдон понял, что они вступили в пределы Ватикана.
He wondered where inside the Vatican this ancient passage would conclude.	Лэнгдона занимал вопрос, в каком месте заканчивается этот древний проход.
In the gardens?	В садах?
In the basilica?	В базилике?
In the papal residence?	В папской резиденции?

Then, without warning, the tunnel ended.	Затем тоннель вдруг кончился.
The cumbrous door blocking their way was a thick wall of riveted iron.	Тяжеленная дверь, в которую они уперлись, являла собой стену из клепаного железа.
Even by the last flickers of his torch, Langdon could see that the portal was perfectly smooth-no handles, no knobs, no keyholes, no hinges.	Даже в умирающем свете факела Лэнгдон смог увидеть, что поверхность двери была совершенно ровной. На ней не было ни ручек, ни петель, ни замочных скважин.

No entry.	Возможность входа с их стороны исключалась.

He felt a surge of panic.	Лэнгдон вдруг ощутил, что на него накатывает очередная волна паники.
In architect speak, this rare kind of door was called a senza chiave-a one way portal, used for security, and only operable from one side-the other side.	На жаргоне архитекторов эта весьма редкая разновидность дверей именовалась senza chiave, или односторонним порталом. Подобные двери создавали в целях безопасности и открыть их можно было лишь с одной стороны. С той, противоположной им, стороны.
Langdon's hope dimmed to black... along with the torch in his hand.	Надежды Лэнгдона и факел в его руке угасли почти одновременно.
He looked at his watch.	Он посмотрел на часы.

Mickey glowed.	Микки на циферблате, слава Богу, продолжал светиться.
11:29 P.M.	Одиннадцать двадцать девять.
With a scream of frustration, Langdon swung the torch and started pounding on the door.	Издав вопль, в котором звучало отчаяние бессилия, Лэнгдон отбросил факел и принялся колотить в дверь.
113	Глава 113
Something was wrong.	Нет, здесь явно что-то не так.

Lieutenant Chartrand stood outside the Pope's office and sensed in the uneasy stance of the soldier standing with him that they shared the same anxiety.	Лейтенант Шартран стоял на часах у дверей папского кабинета, ощущая то же напряжение, которое испытывали находящиеся рядом с ним гвардейцы. Похоже, они полностью разделяли беспокойство офицера.
The private meeting they were shielding, Rocher had said, could save the Vatican from destruction.	Встреча, конфиденциальность которой они охраняли, была призвана спасти Ватикан от гибели. Во всяком случае, так утверждал Рошер.
So Chartrand wondered why his protective instincts were tingling.	В свете этих слов капитана Шартран совершенно не понимал, почему инстинктивно он чувствовал опасность.

And why was Rocher acting so strangely?	Почему так странно ведет себя Рошер?
Something definitely was awry.	Нет, определенно здесь что-то не так.
Captain Rocher stood to Chartrand's right, staring dead ahead, his sharp gaze uncharacteristically distant. Chartrand barely recognized the captain.	Капитан Рошер стоял справа от Шартрана, глядя прямо перед собой. Взгляд начальника казался лейтенанту каким-то отрешенным, что капитану было совершенно несвойственно.
Rocher had not been himself in the last hour. His decisions made no sense.	Весь последний час Рошер вел себя очень подозрительно, принимая абсолютно нелепые решения.

Someone should be present inside this meeting! Chartrand thought. He had heard Maximilian Kohler bolt the door after he entered.	"Кто-то из нас обязан присутствовать на встрече, -подумал Шартран, услышав, как Колер запирает за собой дверь.
Why had Rocher permitted this?	- Почему Рошер позволяет ему это делать?!"

But there was so much more bothering Chartrand.	Но было во всем этом и нечто такое, что тревожило лейтенанта еще сильнее.
The cardinals.	Кардиналы.
The cardinals were still locked in the Sistine Chapel.	Они по-прежнему оставались в Сикстинской капелле.

This was absolute insanity.	Но это же безумие!
The camerlegno had wanted them evacuated fifteen minutes ago!	Камерарий хотел, чтобы их эвакуировали еще пятнадцать минут назад!
Rocher had overruled the decision and not informed the camerlegno.	Рошер отменил это распоряжение, не поставив в известность камерария.
Chartrand had expressed concern, and Rocher had almost taken off his head.	Когда Шартран выразил свое беспокойство, капитан едва не оторвал ему голову.

Chain of command was never questioned in the Swiss Guard, and Rocher was now top dog.	Приказы старших по званию в швейцарской гвардии обсуждению не подлежали, а Рошер в данный момент был командиром.
Half an hour, Rocher thought, discreetly checking his Swiss chronometer in the dim light of the candelabra lighting the hall.	"Осталось всего полчаса, - подумал Рошер, взглянув на свой хронометр швейцарского производства.
Please hurry.	- Поторопись же ты, ради Бога!"
Chartrand wished he could hear what was happening on the other side of the doors.	Шартран жалел, что не слышит, о чем говорят по ту сторону двери.

Still, he knew there was no one he would rather have handling this crisis than the camerlegno.	Он понимал, что никто не сможет справиться с кризисом лучше, чем камерарий.
The man had been tested beyond reason tonight, and he had not flinched.	На этого человека сегодня обрушились тяжелые испытания, но он не дрогнул.
He had confronted the problem head on... truthful, candid, shining like an example to all.	Камерарий встретил врага с открытым забралом...
Chartrand felt proud right now to be a Catholic.	Честный и искренний, он служил для всех яркой путеводной звездой и образцом поведения.

The Illuminati had made a mistake when they challenged Camerlegno Ventresca.	Шартран гордился тем, что принадлежит к католической вере, Бросив вызов камерарию Вентреска, иллюминаты совершили большую ошибку.
At that moment, however, Chartrand's thoughts were jolted by an unexpected sound. A banging. It was coming from down the hall. The pounding was distant and muffled, but incessant.	Но размышления лейтенанта прервал какой-то странный звук, донесшийся из коридора. Это был стук - приглушенный, но очень настойчивый.

Rocher looked up. The captain turned to Chartrand and motioned down the hall. Chartrand understood. He turned on his flashlight and took off to investigate. The banging was more desperate now.	Рошер повернулся к Шартрану и молча показал в сторону коридора. Лейтенант кивнул, включил фонарь и отправился искать источник шума. Стук становился все более отчаянным.
Chartrand ran thirty yards down the corridor to an intersection.	Шартран пробежал тридцать ярдов до пересечения с другим коридором.
The noise seemed to be coming from around the corner, beyond the Sala Clementina.	Шум доносился из-за угла за залом Клементина.

Chartrand felt perplexed.	Шартран ничего не понимал.

There was only one room back there- the Pope's private library.	Там находилась всего лишь одна комната - личная библиотека папы.
His Holiness's private library had been locked since the Pope's death.	Библиотека его святейшества не открывалась со дня кончины последнего понтифика.
Nobody could possibly be in there!	Там никого не могло быть!
Chartrand hurried down the second corridor, turned another corner, and rushed to the library door.	Шартран пробежал по другому коридору, снова завернул за угол и бросился к библиотеке.

The wooden portico was diminutive, but it stood in the dark like a dour sentinel.	Нельзя сказать, что деревянная дверь была очень внушительной, но в темноте даже она была похожа на угрюмого и непреклонного часового.
The banging was coming from somewhere inside.	Звук ударов определенно доносился оттуда.
Chartrand hesitated.	Шартран не знал, как поступить.
He had never been inside the private library.	Ему еще не приходилось бывать в личной библиотеке папы.
Few had.	Но по правде говоря, там вообще мало кто бывал.
No one was allowed in without an escort by the Pope himself.	В эту комнату можно было войти лишь в сопровождении его святейшества.

Tentatively, Chartrand reached for the doorknob and turned.	Шартран неохотно надавил на ручку двери.
As he had imagined, the door was locked.	Как он и предполагал, дверь оказалась на замке.
He put his ear to the door.	Лейтенант приложил ухо к деревянной панели.
The banging was louder.	Стук стал более явственным.
Then he heard something else.	Затем он расслышал еще кое-что.
Voices!	Голоса!
Someone calling out!	Там кто-то кричит!
He could not make out the words, but he could hear the panic in their shouts.	Слов различить офицер не мог, но в криках явно звучали панические ноты.

Was someone trapped in the library?	Неужели кто-то остался в библиотеке?
Had the Swiss Guard not properly evacuated the building?	Неужели швейцарские гвардейцы проявили несвойственную им небрежность, эвакуируя обитателей здания?
Chartrand hesitated, wondering if he should go back and consult Rocher.	Шартран не знал, как поступить: то ли бежать назад к Рошеру за указаниями, то ли действовать самостоятельно?
The hell with that.	К дьяволу Рошера!
Chartrand had been trained to make decisions, and he would make one now.	Шартран был офицером, и его учили принимать решения самостоятельно. Что лейтенант и сделал.

He pulled out his side arm and fired a single shot into the door latch.	Он вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в то место, где должен был находиться язычок замка.

The wood exploded, and the door swung open.	Расчет оказался точным. Древесные щепки полетели в разные стороны, дверь распахнулась.
Beyond the threshold Chartrand saw nothing but blackness.	За порогом Шартрана встретила полнейшая тьма.
He shone his flashlight. The room was rectangular-oriental carpets, high oak shelves packed with books, a stitched leather couch, and a marble fireplace.	Лейтенант прибавил яркость фонаря и увидел прямоугольную комнату, восточные ковры, высокие книжные шкафы из дуба, мягкий кожаный диван и мраморный камин.

Chartrand had heard stories of this place-three thousand ancient volumes side by side with hundreds of current magazines and periodicals, anything His Holiness requested.	Ему доводилось слышать рассказы о папской библиотеке, насчитывающей три тысячи старинных томов и несметное число современных журналов и газет. Его святейшеству немедленно доставлялись все издания, которые он запрашивал.
The coffee table was covered with journals of science and politics.	На кофейном столике рядом с диваном лежали научные и политические журналы. Они оставались нетронутыми со дня смерти папы.
The banging was clearer now.	Удары здесь слышались совершенно явственно.

Chartrand shone his light across the room toward the sound.	Шартран направил луч фонаря на противоположную от него стену, откуда доносился шум.
On the far wall, beyond the sitting area, was a huge door made of iron. It looked impenetrable as a vault. It had four mammoth locks.	Там в стене, рядом с парой кресел, он увидел массивную и казавшуюся несокрушимой металлическую дверь.
The tiny etched letters dead center of the door took Chartrand's breath away.	В самом центре ее Шартран увидел крошечную надпись, и у него перехватило дыхание...
IL PASSETTO	IL PASSETTO
Chartrand stared.	*** Шартран смотрел и не верил своим глазам.

The Pope's secret escape route!	Тайный путь спасения!
Chartrand had certainly heard of Il Passetto, and he had even heard rumors that it had once had an entrance here in the library, but the tunnel had not been used in ages!	Молодой офицер, конечно, слышал об Il Passetto, и до него даже доходили слухи, что вход в него находится в библиотеке. Но все при этом утверждали, что тоннелем не пользовались вот уже несколько столетий!
Who could be banging on the other side?	Кто же может ломиться в дверь с другой стороны?!
Chartrand took his flashlight and rapped on the door.	Шартран постучал фонарем по панели.

There was a muffled exultation from the other side.	В ответ раздался взрыв приглушенных звуков.
The banging stopped, and the voices yelled louder. Chartrand could barely make out their words through the barricade.	На смену стуку пришли голоса. Теперь они звучали громче, но все равно швейцарец лишь с огромным трудом разбирал обрывки фраз. Преграда между ним и людьми в тоннеле была слишком массивной.
"... Kohler... lie... camerlegno..."	- ...Колер... ложь... камерарий...

"Who is that?" Chartrand yelled.	- Кто вы? - во всю силу легких гаркнул Шартран.

"... ert Langdon... Vittoria Ve..."	- ...ерт Лэнгдон... Виттория Вет...
Chartrand understood enough to be confused.	Шартран расслышал достаточно для того, чтобы испытать замешательство.
I thought you were dead!	Он же не сомневался, что они погибли!
"... the door," the voices yelled. "Open...!"	- ...дверь... Откройте!
Chartrand looked at the iron barrier and knew he would need dynamite to get through there.	Шартран посмотрел на массивную дверь и решил, что без динамита ее не открыть.
"Impossible!" he yelled.	- Невозможно! - прокричал он в ответ.
"Too thick!"	- Слишком прочная!

"... meeting... stop... erlegno... danger..."	- ...встреча... остановите... мерарий... опасность...
Despite his training on the hazards of panic, Chartrand felt a sudden rush of fear at the last few words.	Несмотря на то что его специально готовили к подобного рода экстремальным ситуациям, Шартран по-настоящему испугался.
Had he understood correctly?	Может быть, он что-то не так понял?
Heart pounding, he turned to run back to the office.	Сердце было готово выскочить из груди лейтенанта.
As he turned, though, he stalled.	Он повернулся, чтобы помчаться за помощью, но тут же окаменел.

His gaze had fallen to something on the door... something more shocking even than the message coming from beyond it.	Взгляд его за что-то зацепился. Лейтенант присмотрелся получше и увидел нечто такое, что потрясло его даже больше, чем крики в потайном ходе.
Emerging from the keyholes of each of the door's massive locks were keys.	Из четырех замочных скважин двери торчали четыре ключа.
Chartrand stared.	Шартран снова не поверил своим глазам.
The keys were here?	Ключи?
He blinked in disbelief.	Как они здесь оказались?
The keys to this door were supposed to be in a vault someplace!	Ключам от этой двери положено храниться в одном из сейфов Ватикана!

This passage was never used-not for centuries!	Ведь потайным ходом не пользовались несколько столетий!
Chartrand dropped his flashlight on the floor. He grabbed the first key and turned.	Шартран бросил фонарь на пол и обеими руками схватился за головку ключа.
The mechanism was rusted and stiff, but it still worked.	Механизм заржавел и поддавался с трудом, но все же сработал.
Someone had opened it recently.	Кто-то пользовался дверью совсем недавно.
Chartrand worked the next lock.	Шартран открыл второй замок.
And the next.	Затем третий.
When the last bolt slid aside, Chartrand pulled.	Когда сработал механизм последнего запора, лейтенант потянул дверь на себя.

The slab of iron creaked open.	Металлическая глыба медленно со скрипом отворилась.
He grabbed his light and shone it into the passage.	Офицер поднял с пола фонарь и направил луч света в темный проход за дверью.
Robert Langdon and Vittoria Vetra looked like apparitions as they staggered into the library.	Роберт Лэнгдон и Виттория Ветра, едва держась на ногах, ввалились в библиотеку.
Both were ragged and tired, but they were very much alive.	Их одежда была изодрана, и они были настолько измождены, что смахивали на привидения. Но тем не менее и ученый, и девушка были живы на все сто процентов.
"What is this!" Chartrand demanded.	- Как это прикажете понимать? - спросил Шартран.

"What's going on!	- Что происходит?
Where did you come from?"	Откуда вы взялись?
"Where's Max Kohler?" Langdon demanded.	- Где Колер?! - не отвечая на вопросы лейтенанта, крикнул Лэнгдон.
Chartrand pointed. "In a private meeting with the camer-"	- На встрече с камер...
Langdon and Vittoria pushed past him and ran down the darkened hall.	Лэнгдон и Виттория собрали остаток сил и бросились мимо него в темный коридор.
Chartrand turned, instinctively raising his gun at their backs.	Шартран развернулся и инстинктивно направил ствол пистолета им в спину.

He quickly lowered it and ran after them.	Но затем он опустил оружие и побежал следом за ними.
Rocher apparently heard them coming, because as they arrived outside the Pope's office, Rocher had spread his legs in a protective stance and was leveling his gun at them.	Рошер, очевидно, услышал топот ног и, когда они появились в холле перед кабинетом, успел занять позицию у двери.
"Alt!"	- Стоять! - взревел Рошер, направляя пистолет на Лэнгдона.
"The camerlegno is in danger!" Langdon yelled, raising his arms in surrender as he slid to a stop.	- Камерарий в опасности! - выкрикнул ученый, поднимая руки.
"Open the door!	- Откройте дверь!

Max Kohler is going to kill the camerlegno!"	Макс Колер собирается убить камерария!
Rocher looked angry.	Лицо Рошера исказила гримаса ярости.
"Open the door!" Vittoria said.	- Откройте дверь! - крик-нула Виттория.
"Hurry!"	- Быстрее!
But it was too late.	Но они опоздали.
From inside the Pope's office came a bloodcurdling scream.	Из кабинета папы до них донесся душераздираю-щий вопль.
It was the camerlegno.	Это кричал камерарий.
114	Глава 114

The confrontation lasted only seconds.	Замешательство длилось всего несколько секунд.
Camerlegno Ventresca was still screaming when Chartrand stepped past Rocher and blew open the door of the Pope's office.	Камерарий Вентреска все еще заходился в крике, когда лейтенант Шартран, оттолкнув Рошера, выстрелом разбил замок в дверях кабинета.
The guards dashed in.	Гвардейцы ворвались в помещение.
Langdon and Vittoria ran in behind them.	Лэнгдон и Виттория вбежали следом за ними.
The scene before them was staggering.	Их взорам открылось ужасающее зрелище.
The chamber was lit only by candlelight and a dying fire.	Кабинет освещали лишь свечи и умирающее пламя очага.

Kohler was near the fireplace, standing awkwardly in front of his wheelchair.	Колер, опираясь о кресло, стоял на непослушных ногах рядом с камином.
He brandished a pistol, aimed at the camerlegno, who lay on the floor at his feet, writhing in agony.	Он направил пистолет на камерария, который, страдая от невыносимой боли, извивался на полу у его ног.
The camerlegno's cassock was torn open, and his bare chest was seared black.	Сутана камерария была разодрана, и на обнаженной груди виднелось угольно-черное пятно.
Langdon could not make out the symbol from across the room, but a large, square brand lay on the floor near Kohler.	Лэнгдон не мог разобрать изображение, но увидел что на полу рядом с Колером валяется большое квадратное клеймо.

The metal still glowed red.	Металл все еще светился темно-вишневым светом.
Two of the Swiss Guards acted without hesitation.	Два швейцарских гвардейца открыли огонь мгновенно, без малейших колебаний.
They opened fire. The bullets smashed into Kohler's chest, driving him backward. Kohler collapsed into his wheelchair, his chest gurgling blood.	Пули ударили в грудь Колера, и тот рухнул в свое кресло-коляску. Из ран на его груди с бульканьем хлынула кровь.
His gun went skittering across the floor.	Пистолет, вывалившись из руки директора, заскользил по полу.
Langdon stood stunned in the doorway.	Потрясенный увиденным, Лэнгдон замер у дверей.

Vittoria seemed paralyzed.	Виттория окаменела.
"Max..." she whispered.	- Макс... - прошептала девушка.
The camerlegno, still twisting on the floor, rolled toward Rocher, and with the trancelike terror of the early witch hunts, pointed his index finger at Rocher and yelled a single word. "ILLUMINATUS!"	Камерарий, все еще извиваясь на полу, подкатился к ногам Рошера и, показав пальцем на капитана, прохрипел единственное слово: -ИЛЛЮМИНАТ! На лице камерария читались боль и ужас, и Лэнгдону показалось, что он является свидетелем средневековой сцены охоты на ведьм. Но жертвой пыток в данном случае был служитель церкви.
"You bastard," Rocher said, running at him.	- Ублюдок! - взревел Рошер, наваливаясь на несчастного.

"You sanctimonious bas-"	- Лицемерный свято...

This time it was Chartrand who reacted on instinct, putting three bullets in Rocher's back.	Шартран, действуя чисто инстинктивно, всадил три пули в спину начальника.
The captain fell face first on the tile floor and slid lifeless through his own blood.	Тот рухнул лицом на пол и замер в луже собственной крови.
Chartrand and the guards dashed immediately to the camerlegno, who lay clutching himself, convulsing in pain.	После этого лейтенант и гвардейцы подбежали к священнослужителю, продолжавшему биться в конвульсиях от невыносимой боли.

Both guards let out exclamations of horror when they saw the symbol seared on the camerlegno's chest.	Оба гвардейца, увидев выжженный на груди камерария символ, непроизвольно вскрикнули. И в этом крике слышался ужас.
The second guard saw the brand upside down and immediately staggered backward with fear in his eyes.	Тот из швейцарцев, который смотрел на клеймо со стороны головы камерария, в страхе отскочил назад.
Chartrand, looking equally overwhelmed by the symbol, pulled the camerlegno's torn cassock up over the burn, shielding it from view.	Шартрана вид клейма также поразил, однако лейтенант не потерял присутствия духа и прикрыл страшный ожог на груди клирика краем разодранной сутаны.

Langdon felt delirious as he moved across the room.	Лэнгдон шел через комнату, и ему казалось, что все это страшный сон.
Through a mist of insanity and violence, he tried to make sense of what he was seeing.	Стараясь не думать об открывающейся его взору картине безумного насилия, он пытался осмыслить происходящее.
A crippled scientist, in a final act of symbolic dominance, had flown into Vatican City and branded the church's highest official.	Калека ученый прилетает в Ватикан, чтобы, заклеймив высшего иерарха церкви, символически продемонстрировать господство науки.
Some things are worth dying for, the Hassassin had said.	"Есть идеи, ради которых стоит пожертвовать жизнью", - сказал ассасин.

Langdon wondered how a handicapped man could possibly have overpowered the camerlegno.	Лэнгдон не мог понять, каким образом калека смог справиться с камерарием.
Then again, Kohler had a gun.	Однако не стоит забывать, что у него был пистолет.
It doesn't matter how he did it!	Впрочем, теперь это не имеет никакого значения!
Kohler accomplished his mission!	Колер завершил свою миссию!

Langdon moved toward the gruesome scene. The camerlegno was being attended, and Langdon felt himself drawn toward the smoking brand on the floor near Kohler's wheelchair.	Поскольку камерарию уже оказывали помощь, профессор обратил все свое внимание на дымящийся предмет, лежащий на полу рядом с креслом-коляской Колера.
The sixth brand?	Шестое клеймо?
The closer Langdon got, the more confused he became.	Чем ближе подходил ученый к этому предмету, тем меньше понимал, что находится перед ним.

The brand seemed to be a perfect square, quite large, and had obviously come from the sacred center compartment of the chest in the Illuminati Lair.	Клеймо имело форму довольно большого квадрата или, может быть, ромба. Лэнгдону показалось, что как по форме, так и по размеру оно точно соответствовало центральному отделению ларца, увиденного им в Храме Света.

A sixth and final brand, the Hassassin had said. The most brilliant of all.	"Последнее клеймо - абсолютный союз четырех древних элементов природы, и по своему совершенству оно превосходит все остальные", -сказал тогда ассасин.

Langdon knelt beside Kohler and reached for the object. The metal still radiated heat. Grasping the wooden handle, Langdon picked it up. He was not sure what he expected to see, but it most certainly was not this.	Ученый опустился на колени рядом с Колером и за деревянную рукоятку поднял с пола все еще излучавший тепло предмет, поднес его к глазам и увидел совсем не то, что ожидал увидеть.
Langdon stared a long, confused moment. Nothing was making sense.	Лэнгдон долго всматривался в рельеф и ничего не понимал.
Why had the guards cried out in horror when they saw this?	Почему гвардейцы в ужасе закричали, увидев клеймо на груди камерария?

It was a square of meaningless squiggles.	Ведь это всего лишь квадрат, составленный из каких-то бессмысленных значков.
The most brilliant of all?	Самое совершенное из всех?
It was symmetrical, Langdon could tell as he rotated it in his hand, but it was gibberish.	Симметрия, надо признать, здесь присутствует, рассуждал ученый, вращая клеймо. Однако во всем остальном он видел какую-то абракадабру.
When he felt a hand on his shoulder, Langdon looked up, expecting Vittoria.	Почувствовав, как кто-то дотронулся до его плеча, он обернулся, рассчитывая увидеть Витторию.
The hand, however, was covered with blood.	Однако лежащая на его плече рука была залита кровью.

It belonged to Maximilian Kohler, who was reaching out from his wheelchair.	Она принадлежала Максимилиану Колеру, тянущемуся к нему из своего кресла.
Langdon dropped the brand and staggered to his feet.	Лэнгдон выронил клеймо и вскочил на ноги.
Kohler's still alive!	Этот человек жив!
Slumped in his wheelchair, the dying director was still breathing, albeit barely, sucking in sputtering gasps.	Обмякший в своем кресле директор все еще дышал. Но он явно умирал. Дыхание было прерывистым и неглубоким, хотя Колер судорожно хватал воздух открытым ртом.

Kohler's eyes met Langdon's, and it was the same stony gaze that had greeted Langdon at CERN earlier that day.	Их глаза встретились, и Лэнгдон увидел в них то же ледяное выражение, с каким Колер встретил его этим утром в ЦЕРНе.
The eyes looked even harder in death, the loathing and enmity rising to the surface.	Но теперь его глаза смотрели более холодно. Вся ненависть и злоба, которые скрывал в себе ученый, выплеснулись на поверхность.
The scientist's body quivered, and Langdon sensed he was trying to move.	Но тут тело Колера содрогнулось, и Лэнгдону показалось, что директор хочет подняться.
Everyone else in the room was focused on the camerlegno, and Langdon wanted to call out, but he could not react.	Все остальные оказывали помощь камерарию, и рядом с умирающим был лишь американец.

He was transfixed by the intensity radiating from Kohler in these final seconds of his life. The director, with tremulous effort, lifted his arm and pulled a small device off the arm of his wheelchair. It was the size of a matchbox.	Он хотел крикнуть, но волна энергии, исходящая от калеки в последние секунды его жизни, оказалась настолько мощной, что Лэнгдон от изумления лишился дара речи. Ценой нечеловеческих усилий директор поднял руку и извлек из подлокотника кресла вмонтированный в него прибор размером со спичечную коробку.
He held it out, quivering. For an instant, Langdon feared Kohler had a weapon.	Трясущейся рукой он протянул прибор Лэнгдону, и тот отпрянул, решив, что это какое-то оружие.
But it was something else.	Но оказалось, что это было нечто совсем иное.

"G give..." Kohler's final words were a gurgling whisper. "G give this... to the m media."	- Передайте... - свои последние слова Колер произносил сопровождаемым бульканьем хриплым шепотом, - передайте... прессе.
Kohler collapsed motionless, and the device fell in his lap.	Сказав это, директор обмяк в кресле, и прибор упал ему на колени.
Shocked, Langdon stared at the device. It was electronic.	Лэнгдон посмотрел на коробку, которая явно имела какое-то отношение к электронике.
The words SONY RUVI were printed across the front.	На ее крышке были начертаны слова "СОНИ РУВИ".
Langdon recognized it as one of those new ultraminiature, palm held camcorders.	Лэнгдон понял, что перед ним новейшая, размером меньше ладони, видеокамера.

The balls on this guy! he thought.	"Ну и характер у этого парня!" - помимо воли восхитился Лэнгдон.
Kohler had apparently recorded some sort of final suicide message he wanted the media to broadcast... no doubt some sermon about the importance of science and the evils of religion.	Колер, судя по всему, успел записать свое предсмертное послание и хотел, чтобы его получили средства массовой информации. Лэнгдон не сомневался, что это была своего рода проповедь, восхваляющая науку и клеймящая то зло, которое несет людям религия.
Langdon decided he had done enough for this man's cause tonight. Before Chartrand saw Kohler's camcorder, Langdon slipped it into his deepest jacket pocket.	Лэнгдон решил, что за день уже успел достаточно поработать на этого типа, и поспешил сунуть камеру в самый глубокий карман пиджака до того, как ее увидел Шартран.

Kohler's final message can rot in hell!	"Твое предсмертное послание отправится в преисподнюю вместе с тобой!"
It was the voice of the camerlegno that broke the silence.	Общую тишину нарушил голос камерария.
He was trying to sit up. "The cardinals," he gasped to Chartrand.	- Кардиналы... - выдохнул он, пытаясь принять сидячее положение.
"Still in the Sistine Chapel!" Chartrand exclaimed.	- Все еще в Сикстинской капелле, - ответил Шартран.
"Captain Rocher ordered-" "Evacuate... now. Everyone."	- Эвакуировать... немедленно. Всех...

Chartrand sent one of the other guards running off to let the cardinals out.	Лейтенант дал приказ одному из гвардейцев, и тот со всех ног помчался в капеллу.

The camerlegno grimaced in pain.	- Вертолет... - продолжил камерарий, кривясь от боли.
"Helicopter... out front... get me to a hospital."	- Вертолет... на площади... срочно в госпиталь...
115	Глава 115
In St. Peter's Square, the Swiss Guard pilot sat in the cockpit of the parked Vatican helicopter and rubbed his temples.	Пилот находящегося у ступеней базилики папского вертолета сидел в кабине и энергично растирал виски.

The chaos in the square around him was so loud that it drowned out the sound of his idling rotors.	Какофония звуков на площади не уступала шуму вращающегося на холостом ходу пропеллера.
This was no solemn candlelight vigil.	Поведение толпы ничем не напоминало торжественное бдение со свечами.
He was amazed a riot had not broken out yet.	Пилот не переставал удивляться тому, что протест все еще не превратился в полномасштабный бунт.

With less than twenty five minutes left until midnight, the people were still packed together, some praying, some weeping for the church, others screaming obscenities and proclaiming that this was what the church deserved, still others chanting apocalyptic Bible verses.	За двадцать пять минут до полуночи площадь Святого Петра по-прежнему была заполнена стоящими плечом к плечу людьми. Некоторые из них молились, другие рыдали, оплакивая церковь, третьи выкрикивали непристойности в адрес религии. "Попы получили то, что заслужили!" - вопили они. Но таких было явное меньшинство. Значительная часть собравшихся на площади во весь голос распевала отрывки из Апокалипсиса.

The pilot's head pounded as the media lights glinted off his windshield.	Голова пилота раскалывалась не только от шума, но и от слепящих лучей прожекторов прессы, бивших прямо в стекло кабины.
He squinted out at the clamorous masses.	Пилот прищурился и посмотрел на клокочущую массу.
Banners waved over the crowd.	Над головами людей он увидел лозунги:
Antimatter is the Antichrist! Scientist=Satanist Where is your God now?	АНТИВЕЩЕСТВО - АНТИХРИСТУ! ВСЕ УЧЕНЫЕ - САТАНИСТЫ НУ И ГДЕ ЖЕ СЕЙЧАС ВАШ БОГ?
The pilot groaned, his headache worsening.	Головная боль усилилась, и пилот застонал.

He half considered grabbing the windshield's vinyl covering and putting it up so he wouldn't have to watch, but he knew he would be airborne in a matter of minutes.	Ему захотелось натянуть на стекло кабины виниловый чехол, чтобы не видеть этой вакханалии, но он знал, что этого делать нельзя, так как в любой момент могла последовать команда на взлет.
Lieutenant Chartrand had just radioed with terrible news.	Лейтенант Шартран только что передал ему по радио ужасное сообщение.
The camerlegno had been attacked by Maximilian Kohler and seriously injured.	Камерарий подвергся нападению со стороны Максимилиана Колера и получил серьезное ранение.

Chartrand, the American, and the woman were carrying the camerlegno out now so he could be evacuated to a hospital.	Шартран, американец и женщина в шортах выносят камерария, чтобы доставить его на вертолете в госпиталь.

The pilot felt personally responsible for the attack.	Пилот чувствовал свою личную вину за это нападение.
He reprimanded himself for not acting on his gut.	Он клял себя за то, что не решился предпринять действия, на которые толкала его интуиция.
Earlier, when he had picked up Kohler at the airport, he had sensed something in the scientist's dead eyes.	Забирая Колера в аэропорту, он увидел в помертвевших глазах ученого нечто странное.

He couldn't place it, but he didn't like it.	Что именно, пилот определить не мог. Но выражение глаз ему совсем не понравилось.
Not that it mattered.	Впрочем, это вряд ли имело какое-нибудь значение.
Rocher was running the show, and Rocher insisted this was the guy.	Все шоу срежиссировал сам капитан Рошер, и именно он настаивал на том, что этот парень спасет церковь.
Rocher had apparently been wrong.	Видимо, капитан, ошибся.

A new clamor arose from the crowd, and the pilot looked over to see a line of cardinals processing solemnly out of the Vatican onto St. Peter's Square.	Над толпой прокатилась очередная волна шума, и пилот увидел цепочку кардиналов, торжественно выходящих из Ватикана на площадь Святого Петра.
The cardinals' relief to be leaving ground zero seemed to be quickly overcome by looks of bewilderment at the spectacle now going on outside the church.	Чувство облегчения, которое испытали высокопоставленные священнослужители, оказавшись на свободе, быстро сменилось изумлением. Кардиналов потрясло то, что они увидели на площади.
The crowd noise intensified yet again.	Толпа шумела не переставая.

The pilot's head pounded.	Голова пилота раскалывалась от боли.
He needed an aspirin.	Ему срочно требовалась таблетка аспирина.
Maybe three.	Может быть, лаже три таблетки.
He didn't like to fly on medication, but a few aspirin would certainly be less debilitating than this raging headache.	Ему очень не хотелось отправляться в полет, напичкавшись лекарствами, но это было все-таки лучше, чем лететь с разламывающейся от боли головой.
He reached for the first aid kit, kept with assorted maps and manuals in a cargo box bolted between the two front seats.	Пилот достал аптечку первой помощи, хранившуюся среди карт и справочников в коробке между двумя сиденьями.

When he tried to open the box, though, he found it locked.	Он попытался открыть коробку, но та оказалась закрыта на замок.
He looked around for the key and then finally gave up.	Пилот огляделся по сторонам в поисках ключа и, не увидев его, отказался от своей идеи.
Tonight was clearly not his lucky night. He went back to massaging his temples.	"Это явно не мой вечер", - подумал он и возобновил массаж головы. ***
Inside the darkened basilica, Langdon, Vittoria, and the two guards strained breathlessly toward the main exit.	А в это время в темной базилике Лэнгдон, Виттория и двое швейцарских гвардейцев, напрягая все силы, пробирались к главному выходу.

Unable to find anything more suitable, the four of them were transporting the wounded camerlegno on a narrow table, balancing the inert body between them as though on a stretcher.	Не найдя ничего более подходящего, они вчетвером несли камерария на узком столе. Чтобы удерживать неподвижное тело в равновесии, им постоянно приходилось балансировать этими импровизированными носилками.
Outside the doors, the faint roar of human chaos was now audible.	Из-за дверей до них доносился глухой ропот толпы.
The camerlegno teetered on the brink of unconsciousness.	Камерарий пребывал в полубессознательном состоянии.
Time was running out.	Отпущенное им время стремительно истекало.

116	Глава 116
It was 11:39 P.M. when Langdon stepped with the others from St. Peter's Basilica.	В одиннадцать часов тридцать девять минут они вышли из базилики.
The glare that hit his eyes was searing.	От ослепительного света направленных на них прожекторов на глазах Лэнгдона выступили слезы.
The media lights shone off the white marble like sunlight off a snowy tundra.	Белый мрамор собора сверкал так, как сверкает под ярким солнцем девственно-чистый снег тундры.
Langdon squinted, trying to find refuge behind the fa?ade's enormous columns, but the light came from all directions.	Лэнгдон прищурился и попытался укрыться за гигантскими колоннами портика.

In front of him, a collage of massive video screens rose above the crowd.	Но свет лился со всех сторон, и спасения от него не было.
Standing there atop the magnificent stairs that spilled down to the piazza below, Langdon felt like a reluctant player on the world's biggest stage.	Над толпой перед ним высился коллаж из огромных телевизионных экранов. Лэнгдон стоял на верхней ступени величественной лестницы, чувствуя себя актером на самой большой в мире сцене. Актером не добровольным, а ставшим таковым в силу стечения обстоятельств.
Somewhere beyond the glaring lights, Langdon heard an idling helicopter and the roar of a hundred thousand voices.	Из-за стены слепящего света до него долетал шум двигателя вертолета и рев сотни тысяч голосов.

To their left, a procession of cardinals was now evacuating onto the square.	Слева по направлению к площади двигалась группа кардиналов.
They all stopped in apparent distress to see the scene now unfolding on the staircase.	Служители церкви замерли в отчаянии, увидев разворачивающуюся на ступенях драму.
"Careful now," Chartrand urged, sounding focused as the group began descending the stairs toward the helicopter.	- Осторожнее, осторожнее, - приговаривал Шартран, когда группа начала спускаться в направлении вертолета. Все внимание лейтенанта было сосредоточено на столе с лежащим на нем камерарием.
Langdon felt like they were moving underwater.	Лэнгдону казалось, что они двигаются под водой.

His arms ached from the weight of the camerlegno and the table.	Его руки болели под тяжестью камерария и стола.

He wondered how the moment could get much less dignified.	Профессор думал, что более унизительной картины, чем эта, быть просто не может.
Then he saw the answer.	Но уже через несколько секунд он убедился в обратном.
The two BBC reporters had apparently been crossing the open square on their way back to the press area.	Два репортера Би-би-си пересекали открытое пространство, чтобы присоединиться к своим собратьям.

But now, with the roar of the crowd, they had turned. Glick and Macri were now running back toward them.	Но, услышав усилившийся рев толпы, они обернулись и помчались назад.
Macri's camera was raised and rolling.	Камера Макри уже работала.
Here come the vultures, Langdon thought.	Стервятники, подумал Лэнгдон.
"Alt!" Chartrand yelled.	- Стоять! - крикнул Шартран.
"Get back!"	- Назад!
But the reporters kept coming.	Но репортеры не остановились.

Langdon guessed the other networks would take about six seconds to pick up this live BBC feed again.	Через шесть секунд все остальные каналы начнут транслировать прямую передачу Би-би-си, подумал Лэнгдон.
He was wrong.	Но он ошибся.
They took two.	Трансляция началась уже через две секунды.

As if connected by some sort of universal consciousness, every last media screen in the piazza cut away from their countdown clocks and their Vatican experts and began transmitting the same picture-a jiggling action footage swooping up the Vatican stairs.	Словно по команде со всех экранов на площади исчезли бегущие цифры обратного отсчета и бодро лопочущие эксперты. Вместо них начался прямой показ того, что происходило на ступенях собора Святого Петра.
Now, everywhere Langdon looked, he saw the camerlegno's limp body in a Technicolor close up.	В какую бы сторону ни смотрел Лэнгдон, его взору открывалось цветное изображение неподвижного тела камерария. Картинка давалась крупным планом.

This is wrong! Langdon thought.	Так нельзя, подумал Лэнгдон.
He wanted to run down the stairs and interfere, but he could not.	Ему хотелось сбежать по лестнице, чтобы прекратить издевательство, но сделать это он не мог.
It wouldn't have helped anyway.	Кроме того, его вмешательство все равно оказалось бы бесполезным.
Whether it was the roar of the crowd or the cool night air that caused it, Langdon would never know, but at that moment, the inconceivable occurred.	Лэнгдон не знал, что послужило причиной последующих событий - рев толпы или прохлада ночи, но произошло нечто совершенно невероятное.

Like a man awakening from a nightmare, the camerlegno's eyes shot open and he sat bolt upright.	Подобно человеку, пробуждающемуся от кошмарного сна, камерарий открыл глаза и резко поднялся.
Taken entirely by surprise, Langdon and the others fumbled with the shifting weight.	Центр тяжести стола переместился, чего никак не могли ожидать носильщики.

The front of the table dipped. The camerlegno began to slide.	Стол наклонился вперед, и камерарий начал скользить по наклонной плоскости.
They tried to recover by setting the table down, but it was too late.	Лэнгдон и другие попытались восстановить равновесие, опустив стол вниз. Но они опоздали.

The camerlegno slid off the front.	Камерарий соскользнул со стола.
Incredibly, he did not fall.	В это невозможно было поверить, но он не упал.
His feet hit the marble, and he swayed upright.	Ноги священника коснулись мрамора ступени, и он выпрямился во весь рост.
He stood a moment, looking disoriented, and then, before anyone could stop him, he lurched forward, staggering down the stairs toward Macri.	Некоторое время он, потеряв ориентацию, стоял неподвижно, а затем заплетающиеся ноги понесли его вниз по ступеням прямо на Макри.
"No!" Langdon screamed.	- Не надо! - закричал Лэнгдон.

Chartrand rushed forward, trying to reign in the camerlegno.	Шартран бросился следом за камерарием, чтобы помочь тому удержаться на ногах.
But the camerlegno turned on him, wild eyed, crazed.	Но клирик вдруг повернулся к лейтенанту -Лэнгдона поразил безумный взгляд округлившихся глаз священника - и крикнул:
"Leave me!"	- Оставьте меня!
Chartrand jumped back.	Шартран мгновенно отпрянул от него.
The scene went from bad to worse.	Дальнейшие события развивались с ужасающей быстротой.

The camerlegno's torn cassock, having been only laid over his chest by Chartrand, began to slip lower.	Разодранная сутана камерария, которая была лишь наброшена на его тело, начала сползать.
For a moment, Langdon thought the garment might hold, but that moment passed.	На какой-то миг Лэнгдону показалось, что одежда все же удержится, но он ошибся.
The cassock let go, sliding off his shoulders down around his waist.	Сутана соскользнула с плеч клирика, обнажив тело до пояса.

The gasp that went up from the crowd seemed to travel around the globe and back in an instant.	Вздох толпы на площади, казалось, облетел весь земной шар и мгновенно вернулся назад.
Cameras rolled, flashbulbs exploded.	Заработали десятки видеокамер, и сверкнули сотни фотовспышек.
On media screens everywhere, the image of the camerlegno's branded chest was projected, towering and in grisly detail.	На всех экранах возникло изображение груди камерария с черным клеймом в центре.
Some screens were even freezing the image and rotating it 180 degrees.	Некоторые каналы даже повернули изображение на сто восемьдесят градусов, чтобы продемонстрировать страшный ожог во всех деталях.

The ultimate Illuminati victory.	Окончательная победа иллюминатов.
Langdon stared at the brand on the screens. Although it was the imprint of the square brand he had held earlier, the symbol now made sense. Perfect sense. The marking's awesome power hit Langdon like a train.	Лэнгдон вгляделся в клеймо на экране, и символы, которые он до этого видел отлитыми в металле, наконец обрели для него смысл.

Orientation.	Ориентация.
Langdon had forgotten the first rule of symbology.	Лэнгдон забыл первое правило науки о символах.

When is a square not a square?	Когда квадрат не является квадратом?
He had also forgotten that iron brands, just like rubber stamps, never looked like their imprints.	Он также совсем упустил из виду, что клеймо, отлитое из железа, не похоже на его отпечаток. Точно так же, как и обычная резиновая печать.
They were in reverse.	Изображение на них является зеркальным.
Langdon had been looking at the brand's negative!	Когда он смотрел на клеймо, перед ним был негатив!
As the chaos grew, an old Illuminati quote echoed with new meaning:	Старинные слова, когда-то написанные кем-то из первых иллюминатов, приобрели для Лэнгдона новый смысл:

"A flawless diamond, born of the ancient elements with such perfection that all those who saw it could only stare in wonder."	"Безукоризненный ромб, рожденный древними стихиями природы, - столь совершенный, что люди замирали перед ним в немом восхищении".
Langdon knew now the myth was true.	Теперь Лэнгдон знал, что миф оказался правдой.
Earth, Air, Fire, Water.	Земля, воздух, огонь, вода.
The Illuminati Diamond.	Знаменитый "Ромб иллюминати".
117	Глава 117

Robert Langdon had little doubt that the chaos and hysteria coursing through St. Peter's Square at this very instant exceeded anything Vatican Hill had ever witnessed.	Лэнгдон не сомневался, что такой истерии и хаоса, которые воцарились на площади Святого Петра, Ватикан не видывал за все две тысячи лет своей истории.
No battle, no crucifixion, no pilgrimage, no mystical vision... nothing in the shrine's 2,000 year history could possibly match the scope and drama of this very moment.	Ни сражения, ни казни, ни толпы пилигримов, ни мистические видения... ничто не могло сравниться с той драмой, которая в этот момент разворачивалась у подножия собора Святого Петра.

As the tragedy unfolded, Langdon felt oddly separate, as if hovering there beside Vittoria at the top of the stairs.	По мере того как разыгрывалась эта трагедия, Лэнгдону все больше казалось, что он смотрит на нее как бы со стороны.
The action seemed to distend, as if in a time warp, all the insanity slowing to a crawl...	Ему чудилось, что он парит рядом с Витторией над ступенями, а время словно остановило свой бег...
The branded camerlegno... raving for the world to see...	Заклейменный камерарий... неистовствует, и его видит весь мир...
The Illuminati Diamond... unveiled in its diabolical genius...	Созданный дьявольским гением... "Ромб иллюминати"...

The countdown clock registering the final twenty minutes of Vatican history...	Ведущий обратный отсчет времени секундомер отмеряет последние двадцать минут двухтысячелетней истории Ватикана.
The drama, however, had only just begun.	Но это было лишь началом.

The camerlegno, as if in some sort of post traumatic trance, seemed suddenly puissant, possessed by demons.	Казалось, что в находящемся в своего рода посттравматическом трансе клирике проснулись новые силы или что им овладели демоны.

He began babbling, whispering to unseen spirits, looking up at the sky and raising his arms to God. "Speak!" the camerlegno yelled to the heavens.	Вначале камерарий принялся что-то шептать, обращаясь к невидимым духам. Затем, подняв глаза вверх, он вскинул руки к небу и выкрикнул: - Ну говори же!
"Yes, I hear you!"	Я Тебя слышу!
In that moment, Langdon understood.	Это восклицание явно было обращено к самому Творцу.
His heart dropped like a rock.	Лэнгдон все понял, и сердце его упало, словно камень.
Vittoria apparently understood too.	Виттория, видимо, тоже поняла.
She went white. "He's in shock," she said.	- Он в шоке, - прошептала она с побелевшим лицом.

"He's hallucinating.	- Камерарий галлюцинирует.
He thinks he's talking to God!"	Ему кажется, что он беседует с Богом.
Somebody's got to stop this, Langdon thought.	"Этому надо положить конец, - подумал Лэнгдон.
It was a wretched and embarrassing end. Get this man to a hospital!	- Его нужно доставить в госпиталь".
Below them on the stairs, Chinita Macri was poised and filming, apparently having located her ideal vantage point.	Подобный конец блестящего ума поверг ученого в смущение и уныние. Чуть ниже на ступенях Чинита Макри, видимо, найдя идеальный ракурс для съемки, припала глазом к видоискателю камеры...

The images she filmed appeared instantly across the square behind her on media screens... like endless drive in movies all playing the same grisly tragedy.	Снятая ею картинка мгновенно возникала на больших экранах на площади. Площадь Святого Петра чем-то напомнила Лэнгдону не так давно модные кинотеатры под открытым небом, где фильмы смотрели, не выходя из машин. Отличие состояло лишь в том, что экранов было множество и на всех показывали один и тот же бесконечный фильм ужасов.
The whole scene felt epic.	Сцена начала обретать поистине эпический размах.

The camerlegno, in his torn cassock, with the scorched brand on his chest, looked like some sort of battered champion who had overcome the rings of hell for this one moment of revelation.	Камерарий, в разодранной сутане, с выжженным на груди черным клеймом, походил на только что прошедшего через адское пламя древнего рыцаря, получившего право напрямую общаться с Богом.
He bellowed to the heavens.	Он кричал, обращаясь к небесам:
"Ti sento, Dio!	- Ti sento, Dio!
I hear you, God!"	Я слышу Тебя, Боже!
Chartrand backed off, a look of awe on his face.	Шартран, с выражением благоговейного ужаса на лице, еще на несколько шагов отступил от камерария.

The hush that fell across the crowd was instant and absolute.	Над толпой вдруг повисла абсолютная тишина.
For a moment it was as if the silence had fallen across the entire planet... everyone in front of their TVs rigid, a communal holding of breath.	Казалось, что она объяла не только Рим, но и всю планету. В этот момент все сидящие перед телевизионными экранами люди затаили дыхание.
The camerlegno stood on the stairs, before the world, and held out his arms.	За стоящим с воздетыми к небу руками священнослужителем молча следил весь земной шар.
He looked almost Christlike, bare and wounded before the world.	Страдающий от ран полуобнаженный камерарий чем-то походил на Христа.

He raised his arms to the heavens and, looking up, exclaimed, "Grazie! Grazie, Dio!" The silence of the masses never broke.	- Grazie, Dio! - воскликнул камерарий, и по его лицу раз-лилась радость.
"Grazie, Dio!" the camerlegno cried out again. Like the sun breaking through a stormy sky, a look of joy spread across his face. "Grazie, Dio!"	Казалось, что сквозь мрач-ные грозовые тучи про-глянуло солнце. - Grazie, Dio! - повторил священ-ник.
Thank you, God? Langdon stared in wonder.	"Благодарю Тебя, Боже!" - машинально перевел Лэнгдон.

The camerlegno was radiant now, his eerie transformation complete.	Камерарий совершенно преобразился. Теперь он светился счастьем.
He looked up at the sky, still nodding furiously.	Он смотрел в небо, отчаянно кивая.
He shouted to the heavens, "Upon this rock I will build my church!"	- И на сем камне я создам церковь мою! -выкрикнул он в небеса.
Langdon knew the words, but he had no idea why the camerlegno could possibly be shouting them.	Лэнгдону эта фраза показалась знакомой, но он не мог понять, в какой связи употребил ее камерарий.

The camerlegno turned back to the crowd and bellowed again into the night.	Священник повернулся спиной к толпе и снова воскликнул:
"Upon this rock I will build my church!"	- И на сем камне я создам церковь мою!
Then he raised his hands to the sky and laughed out loud. "Grazie, Dio! Grazie!"	- Затем он поднял руки к небу и со счастливым смехом крикнул: - Grazie! Dio! Grazie!
The man had clearly gone mad.	Этот человек, вне всякого сомнения, утратил разум.
The world watched, spellbound.	Весь мир следил за ним словно завороженный.

The culmination, however, was something no one expected.	Но той развязки, которая наступила, не ждал никто.
With a final joyous exultation, the camerlegno turned and dashed back into St. Peter's Basilica.	Издав радостный вопль, камерарий заспешил назад в собор Святого Петра.
118	Глава 118
Eleven forty two P.M.	Одиннадцать часов сорок две минуты.

The frenzied convoy that plunged back into the basilica to retrieve the camerlegno was not one Langdon had ever imagined he would be part of... much less leading.	Лэнгдон даже в самом кошмарном сне не мог себе представить, что окажется во главе группы людей, помчавшихся в базилику, чтобы вернуть камерария.

But he had been closest to the door and had acted on instinct.	Но он стоял к дверям ближе всех и действовал чисто рефлекторно.
He'll die in here, Langdon thought, sprinting over the threshold into the darkened void.	"Здесь он умрет", - думал Лэнгдон, вбегая через порог в черную пустоту.
"Camerlegno!	- Камерарий!

Stop!"	Остановитесь!
The wall of blackness that hit Langdon was absolute.	Тьма, в которую погрузился Лэнгдон, оказалась абсолютной.
His pupils were contracted from the glare outside, and his field of vision now extended no farther than a few feet before his face.	От яркого света прожекторов на площади зрачки сузились, и поле зрения ученого ограничивалось лишь несколькими футами перед самым носом.
He skidded to a stop. Somewhere in the blackness ahead, he heard the camerlegno's cassock rustle as the priest ran blindly into the abyss.	Лэнгдон остановился, и до него донесся топот ног слепо мчавшегося в черный провал камерария.

Vittoria and the guards arrived immediately.	Следом за американцем в собор вбежали швейцарцы и Виттория.
Flashlights came on, but the lights were almost dead now and did not even begin to probe the depths of the basilica before them. The beams swept back and forth, revealing only columns and bare floor. The camerlegno was nowhere to be seen.	Загорелись фонари, но батарейки к этому времени сели, и вялые лучи были не в силах пробиться в глубь базилики, выхватывая из темноты лишь колонны да пол под ногами.
"Camerlegno!" Chartrand yelled, fear in his voice.	- Камерарий! - крикнул Шартран.
"Wait! Signore!"	- Синьор, подождите!

A commotion in the doorway behind them caused everyone to turn.	Шум у дверей собора заставил всех обернуться.
Chinita Macri's large frame lurched through the entry.	На светлом фоне возникла массивная фигура Макри с камерой на плече.
Her camera was shouldered, and the glowing red light on top revealed that it was still transmitting.	Красный огонек говорил о том, что передача все еще идет.
Glick was running behind her, microphone in hand, yelling for her to slow down.	Следом за ней появился Глик. В руке он держал микрофон. Репортер орал благим матом, требуя, чтобы партнерша его подождала.

Langdon could not believe these two. This is not the time!	"Эти снова здесь! - возмущенно подумал Лэнгдон. - Неужели они не понимают, что сейчас не время?"
"Out!" Chartrand snapped.	- Вон отсюда! - выкрикнул Шартран, хватаясь за кобуру.
"This is not for your eyes!"	- Все это не для ваших глаз!
But Macri and Glick kept coming. "Chinita!" Glick sounded fearful now. "This is suicide!	- Чинита! - взмолился Глик. - Это самоубийство! Бежим отсюда.
I'm not coming!" Macri ignored him. She threw a switch on her camera. The spotlight on top glared to life, blinding everyone.	Макри, игнорируя призывы репортера, нажала на какую-то кнопку на камере, и всех присутствующих ослепил яркий луч света.

Langdon shielded his face and turned away in pain. Damn it!	Лэнгдон прикрыл глаза и, крепко выругавшись, отвернулся.
When he looked up, though, the church around them was illuminated for thirty yards.	Когда он отнял ладони от лица, то увидел, что фонарь на камере журналистки бросает луч по меньшей мере на тридцать ярдов.
At that moment the camerlegno's voice echoed somewhere in the distance.	В этот момент до них издали долетел голос камерария:
"Upon this rock I will build my church!"	- И на сем камне я создам церковь мою!
Macri wheeled her camera toward the sound.	Макри направила камеру в сторону источника звука.

Far off, in the grayness at the end of the spotlight's reach, black fabric billowed, revealing a familiar form running down the main aisle of the basilica.	В сероватой мгле в самом конце луча виднелось черное пятно. Это камерарий с диким криком мчался по центральному нефу собора.
There was a fleeting instant of hesitation as everyone's eyes took in the bizarre image.	На какой-то миг все растерялись, не зная, как поступить, - такое впечатление произвела на них эта странная и страшная картина.
Then the dam broke.	Но потом словно прорвало плотину.
Chartrand pushed past Langdon and sprinted after the camerlegno.	Шартран, оттолкнув Лэнгдона, помчался к камерарию.
Langdon took off next.	Американец бросился следом за ним.

Then the guards and Vittoria.	Виттория и швейцарские гвардейцы последовали их примеру.
Macri brought up the rear, lighting everyone's way and transmitting the sepulchral chase to the world.	Макри замыкала группу, освещая всем путь и одновременно передавая картину этой мрачной погони всему миру.
An unwilling Glick cursed aloud as he tagged along, fumbling through a terrified blow by blow commentary.	Глик, проклиная все последними словами, неохотно трусил сзади и комментировал события, время от времени включая микрофон. ***

The main aisle of St. Peter's Basilica, Lieutenant Chartrand had once figured out, was longer than an Olympic soccer field.	Главный неф собора Святого Петра (как где-то вычитал Шартран) по длине немного превосходил футбольное поле олимпийского стадиона.
Tonight, however, it felt like twice that.	Однако сейчас лейтенанту казалось, что неф длиннее поля по меньшей мере раза в два.
As the guard sprinted after the camerlegno, he wondered where the man was headed.	Не снижая темпа, он на бегу пытался сообразить, куда мог направиться камерарий.

The camerlegno was clearly in shock, delirious no doubt from his physical trauma and bearing witness to the horrific massacre in the Pope's office.	Священник был в шоке, он явно бредил, получив во время кровавого побоища в папском кабинете сильнейшую физическую и моральную травму.
Somewhere up ahead, beyond the reach of the BBC spotlight, the camerlegno's voice rang out joyously.	Откуда-то издали, из-за пределов зоны, освещаемой фонарем камеры Би-би-си, доносился счастливый вопль камерария:
"Upon this rock I will build my church!"	- И на камне сем я создам церковь мою!
Chartrand knew the man was shouting Scripture- Matthew 16:18, if Chartrand recalled correctly. Upon this rock I will build my church.	Шартран знал, какие слова выкрикивает священник. Это была цитата из Евангелия от Матфея, а именно - глава 16, стих 18.

It was an almost cruelly inapt inspiration-the church was about to be destroyed.	Сейчас, когда до гибели церкви оставалось всего несколько коротких минут, эти слова казались лейтенанту абсолютно неуместными.
Surely the camerlegno had gone mad.	Камерарий, несомненно, лишился рассудка.
Or had he?	А может быть, это все же не так?

For a fleeting instant, Chartrand's soul fluttered. Holy visions and divine messages had always seemed like wishful delusions to him-the product of overzealous minds hearing what they wanted to hear-God did not interact directly!	Шартран всегда был убежден, что Бог никогда не вступает в прямые контакты со своими чадами, а все чудесные события, пережитые когда-либо людьми, есть не что иное, как плод воображения фанатично настроенного человека, видящего и слышащего то, что он желает увидеть и услышать.
A moment later, though, as if the Holy Spirit Himself had descended to persuade Chartrand of His power, Chartrand had a vision.	Но в этот миг у Шартрана возникло видение, ему показалось, что сам Господь явился перед ним, чтобы продемонстрировать свое беспредельное могущество.

Fifty yards ahead, in the center of the church, a ghost appeared... a diaphanous, glowing outline. The pale shape was that of the half naked camerlegno. The specter seemed transparent, radiating light.	Впереди, в пятидесяти ярдах от него, вдруг появился призрак, привидение... прозрачный, светящийся силуэт полуобнаженного камерария.
Chartrand staggered to a stop, feeling a knot tighten in his chest.	Изумленный Шартран остановился, сердце его замерло.
The camerlegno is glowing!	Камерарий воссиял!
The body seemed to shine brighter now.	Лейтенанту казалось, что тело клирика с каждым мгновением светится все ярче.

Then, it began to sink... deeper and deeper, until it disappeared as if by magic into the blackness of the floor.	Затем оно стало погружаться в пол собора - все глубже и глубже. Еще несколько секунд, и камерарий, словно под влиянием какой-то магической силы, полностью скрылся под землей.
Langdon had seen the phantom also.	*** Лэнгдон тоже увидел этот фантом.
For a moment, he too thought he had witnessed a magical vision.	И ему на миг показалось, что он стал свидетелем чуда.
But as he passed the stunned Chartrand and ran toward the spot where the camerlegno had disappeared, he realized what had just happened.	Но останавливаться в отличие от Шартрана ученый не стал. Пробежав мимо потрясенного лейтенанта, он устремился к месту, где исчез в полу камерарий. Ему стало ясно, что произошло.

The camerlegno had arrived at the Niche of the Palliums-the sunken chamber lit by ninety nine oil lamps.	Камерарий добежал до ниши паллиума -освещаемого девяноста девятью лампадами углубления в полу собора.
The lamps in the niche shone up from beneath, illuminating him like a ghost.	Лампады бросали свет снизу, что и придало камерарию вид призрака.
Then, as the camerlegno descended the stairs into the light, he had seemed to disappear beneath the floor.	Когда священнослужитель начал спускаться по ступеням, создалась полная иллюзия того, что он погружается в пол.

Langdon arrived breathless at the rim overlooking the sunken room. He peered down the stairs. At the bottom, lit by the golden glow of oil lamps, the camerlegno dashed across the marble chamber toward the set of glass doors that led to the room holding the famous golden box.	Лэнгдон, задыхаясь, подбежал к углублению и, перегнувшись через ограду, заглянул вниз, в залитое светом лампад пространство. Он успел увидеть камерария, бегущего по мраморному полу к стеклянным дверям, за которыми хранился знаменитый золотой ларец.
What is he doing? Langdon wondered.	Что он делает?
Certainly he can't think the golden box- The camerlegno yanked open the doors and ran inside.	Не думает же он, что золотой ларец... Камерарий распахнул дверь и вбежал в комнату с ларцом.

Oddly though, he totally ignored the golden box, rushing right past it. Five feet beyond the box, he dropped to his knees and began struggling to lift an iron grate embedded in the floor.	Промчавшись мимо постамента, на котором стоял ларец, он упал на колени и принялся тянуть на себя вделанную в пол железную решетку.
Langdon watched in horror, now realizing where the camerlegno was headed.	Лэнгдон в ужасе наблюдал за действиями священника. Он понял наконец, куда намерен проникнуть обезумевший клирик.
Good God, no!	О Боже!
He dashed down the stairs after him. "Father! Don't!"	- Не надо, святой отец! Не надо! - закричал Лэнгдон, бросившись к ведущим вниз ступеням.

As Langdon opened the glass doors and ran toward the camerlegno, he saw the camerlegno heave on the grate.	Открыв стеклянные двери, ученый увидел, что камерарий сумел поднять металлическую решетку.
The hinged, iron bulkhead fell open with a deafening crash, revealing a narrow shaft and a steep stairway that dropped into nothingness.	Крепящаяся на петлях крышка люка упала на пол с оглушительным грохотом, явив взору узкий колодец и крутую, ведущую в темноту лестницу.
As the camerlegno moved toward the hole, Langdon grabbed his bare shoulders and pulled him back.	Когда камерарий начал спускаться, Лэнгдон схватил его за голые плечи и попытался поднять наверх.

The man's skin was slippery with sweat, but Langdon held on.	Покрытая потом кожа священника оказалась скользкой, однако Лэнгдон держал крепко.
The camerlegno wheeled, obviously startled.	Камерарий резко поднял голову и спросил с искренним изумлением:
"What are you doing!"	- Что вы делаете?
Langdon was surprised when their eyes met.	Их глаза встретились, и Лэнгдон вдруг понял, что обладатель такого взгляда не может находиться в трансе.

The camerlegno no longer had the glazed look of a man in a trance. His eyes were keen, glistening with a lucid determination. The brand on his chest looked excruciating.	Это был полный решимости взгляд человека, до конца контролирующего свои действия -контролирующего, несмотря на то что выжженное на груди клеймо причиняло ему немыслимые страдания.
"Father," Langdon urged, as calmly as possible, "you can't go down there.	- Святой отец, - сказал Лэнгдон спокойно, но в то же время настойчиво, - вам не следует туда спускаться.
We need to evacuate."	Нам всем необходимо покинуть собор.

"My son," the camerlegno said, his voice eerily sane. "I have just had a message.	- Сын мой, - ответил камерарий до странности нормальным тоном, - я только что получил послание свыше.
I know-"	Мне известно...
"Camerlegno!"	- Камерарий!!!
It was Chartrand and the others. They came dashing down the stairs into the room, lit by Macri's camera.	Это кричал Шартран, скатываясь по лестнице в залитое светом фонаря видеокамеры подземелье.
When Chartrand saw the open grate in the floor, his eyes filled with dread.	Когда лейтенант увидел открытую железную решетку; его глаза наполнились ужасом.

He crossed himself and shot Langdon a thankful look for having stopped the camerlegno.	Он подбежал к люку, осенил себя крестным знамением и бросил на Лэнгдона благодарный взгляд за то, что тот остановил камерария.
Langdon understood; had read enough about Vatican architecture to know what lay beneath that grate.	Лэнгдон понял лейтенанта, поскольку много читал об архитектуре Ватикана и ему было известно, что скрывается за этой решеткой.
It was the most sacred place in all of Christendom.	Там находилась величайшая святыня христианского мира.
Terra Santa.	Terra Santa.
Holy Ground.	Святая земля.

Some called it the Necropolis. Some called it the Catacombs.	Некоторые называли это место Некрополем, а иные - Катакомбами.
According to accounts from the select few clergy who had descended over the years, the Necropolis was a dark maze of subterranean crypts that could swallow a visitor whole if he lost his way.	По отчетам немногих избранных церковников, спускавшихся по этим ступеням, Некрополь являл собой бесконечный лабиринт темных переходов и склепов, способный навеки поглотить того, кто потеряет в нем ориентацию.
It was not the kind of place through which they wanted to be chasing the camerlegno.	Это было совсем не то место, в котором можно было успешно вести погоню за камерарием.

"Signore," Chartrand pleaded. "You're in shock. We need to leave this place.	- Синьор, - умоляющим тоном произнес Шартран,- вы в шоке.
You cannot go down there.	Вам не следует туда спускаться.
It's suicide."	Это равносильно самоубийству.
The camerlegno seemed suddenly stoic.	Камерарий проявил удивительную выдержку.
He reached out and put a quiet hand on Chartrand's shoulder.	Он поднял голову и спокойно положил руку на плечо Шартрана.
"Thank you for your concern and service.	- Благодарю вас за заботу обо мне. Мне было откровение.

I cannot tell you how.	Я не могу сказать вам какое.
I cannot tell you I understand.	И я не могу сказать вам, как я его понял.
But I have had a revelation.	Но откровение действительно было.
I know where the antimatter is."	Мне стало известно где находится антиматерия.
Everyone stared.	Все изумленно смотрели на священнослужителя.

The camerlegno turned to the group. "Upon this rock I will build my church.	- И на камне сем я создам церковь мою! - еще раз произнес он, обращаясь ко всей группе.
That was the message. The meaning is clear."	- Так звучало послание, и его смысл мне предельно ясен.

Langdon was still unable to comprehend the camerlegno's conviction that he had spoken to God, much less that he had deciphered the message.	Лэнгдон был по-прежнему не способен серьезно отнестись к словам камерария о том, что он не только общался с самим Богом, но и смог расшифровать послание небес.
Upon this rock I will build my church?	И на сем камне я создам церковь мою?
They were the words spoken by Jesus when he chose Peter as his first apostle. What did they have to do with anything?	Эти слова Христос обратил к Петру, своему первому апостолу, и полностью они звучали так: "И Я говорю тебе: ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют его".
Macri moved in for a closer shot.	Макри подошла ближе, чтобы взять камерария крупным планом.

Glick was mute, as if shell shocked.	Глик же от изумления практически утратил дар речи.
The camerlegno spoke quickly now. "The Illuminati have placed their tool of destruction on the very cornerstone of this church. At the foundation."	- Иллюминаты подложили свой инструмент разрушения, - теперь камерарий говорил быстро, -под краеугольный камень нашей церкви. В ее фундамент.
He motioned down the stairs.	- Он показал вниз на ступени.
"On the very rock upon which this church was built.	- Ловушка антиматерии находится на камне, на котором выстроен этот собор.
And I know where that rock is."	И мне известно, где этот камень расположен.

Langdon was certain the time had come to overpower the camerlegno and carry him off.	Лэнгдон наконец окончательно решил, что надо преодолеть сопротивление камерария и вытащить его на поверхность.
As lucid as he seemed, the priest was talking nonsense.	Хотя речь священника лилась гладко, он нес полнейшую чепуху.
A rock?	Камень?
The cornerstone in the foundation?	Краеугольный камень? Фундамент?
The stairway before them didn't lead to the foundation, it led to the necropolis!	Эти ступени не ведут ни к какому фундаменту. Они ведут в Некрополь.
"The quote is a metaphor, Father!	- Этот стих всего лишь метафора, святой отец!

There is no actual rock!"	Там нет никакого камня!
The camerlegno looked strangely sad. "There is a rock, my son."	- Там есть камень, сын мой, - печально произнес камерарий.
He pointed into the hole. "Pietro ? la pietra."	Он повернулся лицом к колодцу и сказал: - Pietro e la Pietra.
Langdon froze.	Лэнгдон мгновенно окаменел.
In an instant it all came clear.	Ему все стало ясно.

The austere simplicity of it gave him chills.	Простота решения бросила его в холод.

As Langdon stood there with the others, staring down the long staircase, he realized that there was indeed a rock buried in the darkness beneath this church.	Стоя вместе с остальными на краю спуска и глядя вниз, он понял, что там во тьме под церковью действительно находится камень.
Pietro ? la pietra.	Pietro ё la pietra.
Peter is the rock.	Этот камень - Петр.
Peter's faith in God was so steadfast that Jesus called Peter "the rock"-the unwavering disciple on whose shoulders Jesus would build his church.	Вера Петра была настолько твердой, что Христос называл его Камнем. Это был преданный ученик, на плечах которого Спаситель намеревался воздвигнуть свою церковь.

On this very location, Langdon realized-Vatican Hill-Peter had been crucified and buried.	Лэнгдон вдруг вспомнил, что именно здесь, на Ватиканском холме был распят и похоронен апостол Петр.
The early Christians built a small shrine over his tomb.	Ранние христиане воздвигли над его могилой крошечное святилище.
As Christianity spread, the shrine got bigger, layer upon layer, culminating in this colossal basilica.	По мере распространения христианства святилище становилось все больше и больше, превратившись в конце концов в гигантскую базилику.
The entire Catholic faith had been built, quite literally, upon St. Peter.	Католическая вера была в буквальном смысле построена на святом Петре.
The rock.	На камне.

"The antimatter is on St. Peter's tomb," the camerlegno said, his voice crystalline.	- Антивещество спрятано в могиле святого Петра,- сказал камерарий, и его голос звучал кристально чисто.
Despite the seemingly supernatural origin of the information, Langdon sensed a stark logic in it.	Несмотря на сверхъестественное происхождение информации, Лэнгдон почувствовал в ней определенную логику.
Placing the antimatter on St. Peter's tomb seemed painfully obvious now.	Он вдруг с болезненной ясностью понял, что могила святого Петра является, с точки зрения иллюминатов, лучшим местом для размещения заряда.

The Illuminati, in an act of symbolic defiance, had located the antimatter at the core of Christendom, both literally and figuratively. The ultimate infiltration.	Они поместили инструмент уничтожения церкви в самое ее сердце - как в прямом, так и в переносном смысле. Это был весьма символичный акт, призванный продемонстрировать, что могуществу братства "Иллюминати" нет пределов. Полное проникновение.
"And if you all need worldly proof," the camerlegno said, sounding impatient now, "I just found that grate unlocked."	- А если вам нужны более веские доказательства, -в речи камерария теперь звучало нетерпение, - то я увидел, что решетка не заперта.
He pointed to the open bulkhead in the floor.	- Он показал на металлическую крышку.
"It is never unlocked.	- Она всегда была на запоре.

Someone has been down there... recently."	Кто-то недавно спускался вниз...

Everyone stared into the hole.	Все молча посмотрели в колодец.
An instant later, with deceptive agility, the camerlegno spun, grabbed an oil lamp, and headed for the opening.	Спустя секунду камерарий вытянул руку, схватил одну из лампад и с вводящей в заблуждение легкостью начал спуск.
119	Глава 119
The stone steps declined steeply into the earth.	Крутые каменные ступени вели в глубь земли.

I'm going to die down here, Vittoria thought, gripping the heavy rope banister as she bounded down the cramped passageway behind the others.	"Там я и умру", - думала Виттория. Хватаясь за крепкие веревочные перила, она осторожно спускалась вниз позади остальных.
Although Langdon had made a move to stop the camerlegno from entering the shaft, Chartrand had intervened, grabbing Langdon and holding on.	Когда Лэнгдон предпринял очередную попытку остановить камерария, Шартран не позволил ему это сделать, схватив за плечи.
Apparently, the young guard was now convinced the camerlegno knew what he was doing.	Молодой офицер уже, видимо не сомневался в разумности действий священнослужителя.

After a brief scuffle, Langdon had freed himself and pursued the camerlegno with Chartrand close on his heels.	После короткой борьбы Лэнгдон сумел освободиться и пустился вдогонку за камерарием. Лейтенант держался с ним рядом.
Instinctively, Vittoria had dashed after them.	Виттория торопливо следовала за ними.
Now she was racing headlong down a precipitous grade where any misplaced step could mean a deadly fall.	Спуск был таким крутым, что любой неверный шаг мог обернуться смертельным падением.
Far below, she could see the golden glow of the camerlegno's oil lamp.	Далеко внизу девушка видела сияние лампады камерария.

Behind her, Vittoria could hear the BBC reporters hurrying to keep up.	У нее за спиной слышались торопливые шаги журналистов Би-би-си.
The camera spotlight threw gnarled shadows beyond her down the shaft, illuminating Chartrand and Langdon.	На камере по-прежнему ярко горел фонарь, бросая свет на идущих впереди Лэнгдона и Шартрана. По стенам колодца плясали огромные тени.
Vittoria could scarcely believe the world was bearing witness to this insanity.	Девушке не хотелось верить в то, что весь мир является свидетелем этого безумия.

Turn off the damn camera! Then again, she knew the light was the only reason any of them could see where they were going.	"Да выключи ты этот проклятый фонарь!" -думала она, хотя понимала, что только благодаря его свету она могла видеть, куда ставить ногу.
As the bizarre chase continued, Vittoria's thoughts whipped like a tempest.	Эта странная и нелепая погоня продолжалась, а мысли Виттории тем временем кружились в каком-то безумном вихре.
What could the camerlegno possibly do down here?	Что сможет сделать камерарий?
Even if he found the antimatter? There was no time!	Ведь даже если он найдет антивещество, времени у них нет!

Vittoria was surprised to find her intuition now telling her the camerlegno was probably right.	Интуиция подсказывала ей, что камерарий скорее всего прав, и это ее безмерно удивляло.
Placing the antimatter three stories beneath the earth seemed an almost noble and merciful choice.	Размещение антивещества под землей, на глубине трех этажей, представлялось ей чуть ли не благородным и человеколюбивым актом.

Deep underground-much as in Z lab-an antimatter annihilation would be partially contained. There would be no heat blast, no flying shrapnel to injure onlookers, just a biblical opening of the earth and a towering basilica crumbling into a crater.	Примерно на такой же глубине находилось и хранилище "Оп-Мат". Теперь она знала, что последствия взрыва будут менее разрушительными, чем она думала. Не будет ни теплового удара, ни летающих обломков, способных поразить людей. Все ограничится тем, что разверзнется земля и в образовавшийся кратер провалится собор Святого Петра. Что само по себе будет вполне апокалиптически, зрелищем.
Was this Kohler's one act of decency? Sparing lives?	Неужели Колер все же проявил человеколюбие?

Vittoria still could not fathom the director's involvement.	Виттория до сих пор не могла до конца поверить в его участие в этом страшном заговоре.
She could accept his hatred of religion... but this awesome conspiracy seemed beyond him.	Да, она могла понять его ненависть к религии... но столь ужасный поступок был совсем не в его духе.
Was Kohler's loathing really this profound? Destruction of the Vatican? Hiring an assassin?	Неужели его озлобленность была столь чудовищной? Неужели он мог нанять убийцу? Неужели он действительно хотел уничтожить Ватикан?
The murders of her father, the Pope, and four cardinals?	Неужели директор ЦЕРНа организовал убийство ее отца, четверых кардиналов и самого папы?

It seemed unthinkable.	Все это казалось ей абсолютно неправдоподобным.
And how had Kohler managed all this treachery within the Vatican walls?	И каким образом Колер ухитрился внедрить своего агента в самое сердце города-государства?
Rocher was Kohler's inside man, Vittoria told herself.	Рошер был человеком Колера, сказала себе Виттория.
Rocher was an Illuminatus.	Он был иллюминатом.
No doubt Captain Rocher had keys to everything-the Pope's chambers, Il Passetto, the Necropolis, St. Peter's tomb, all of it.	Капитан, вне всякого сомнения, имел ключи от всех помещений Ватикана - кабинета папы, дверей, ведущих в Il Passetto, Некрополя, гробницы святого Петра.

He could have placed the antimatter on St. Peter's tomb-a highly restricted locale-and then commanded his guards not to waste time searching the Vatican's restricted areas.	Он вполне мог поместить ловушку с антивеществом в гробницу апостола (вход туда был практически для всех запрещен) и дать команду гвардейцам обыскивать только доступную для публики территорию.
Rocher knew nobody would ever find the canister.	Рошер был уверен, что никто не сможет найти антиматерию.
But Rocher never counted on the camerlegno's message from above.	Но Рошер никак не мог рассчитывать на то, что камерарий получит откровение свыше.
The message.	Откровение.

This was the leap of faith Vittoria was still struggling to accept.	Вера Виттории была не настолько глубокой, чтобы девушка могла вот так сразу поверить в подобное чудо.
Had God actually communicated with the camerlegno?	Неужели Бог напрямую беседовал с камерарием?

Vittoria's gut said no, and yet hers was the science of entanglement physics-the study of interconnectedness.	Все ее существо протестовало против подобной возможности, но в то же время она знала, что существует отрасль науки, занимающаяся проблемами различных неявных связей.

She witnessed miraculous communications every day-twin sea turtle eggs separated and placed in labs thousands of miles apart hatching at the same instant... acres of jellyfish pulsating in perfect rhythm as if of a single mind.	Ей самой чуть ли не каждый день прихо- дилось встречаться с примерами подобно- го общения. Морские черепашки одновре- менно вылуплялись из пары яиц одной и той же кладки, хотя яйца были развезе- ны на тысячи миль друг от друга... скоп- ления медуз площа- дью в несколько ак- ров пульсировали в такт, словно ими ру- ководил один выс- ший разум.
There are invisible lines of communication everywhere, she thought.	Весь мир пронизан невидимыми линия- ми связи, думала она.

But between God and man?	Но связь между Богом и человеком?..
Vittoria wished her father were there to give her faith.	Виттория жалела, что рядом нет ее любимого отца, который мог бы поделиться с дочерью своей верой.
He had once explained divine communication to her in scientific terms, and he had made her believe.	Однажды он уже объяснял ей в научных терминах возможность божественных контактов, но убедить дочь в их существовании Леонардо Ветра тогда не сумел.
She still remembered the day she had seen him praying and asked him,	Она все еще помнила тот день, когда, увидев отца молящимся, спросила:
"Father, why do you bother to pray?	- Папа, зачем ты зря тратишь время?

God cannot answer you."	Ведь Бог тебя все равно не слышит.
Leonardo Vetra had looked up from his meditations with a paternal smile.	Леонардо Ветра поднял на нее глаза и ответил с отеческой улыбкой:
"My daughter the skeptic.	- Я знаю, что моя дочь - известный скептик.
So you don't believe God speaks to man?	Значит, ты не веришь, что Бог говорит с человеком?
Let me put it in your language."	Если так, то позволь мне рассказать об этом на твоем языке.
He took a model of the human brain down from a shelf and set it in front of her.	- Он снял с полки муляж человеческого мозга и поставил его перед ней на стол.

"As you probably know, Vittoria, human beings normally use a very small percentage of their brain power.	- Как тебе, видимо, известно, Виттория, человеческие существа, как правило, используют крайне незначительную часть клеток мозга.
However, if you put them in emotionally charged situations-like physical trauma, extreme joy or fear, deep meditation-all of a sudden their neurons start firing like crazy, resulting in massively enhanced mental clarity."	Однако если поместить человека в экстремальную ситуацию, вызванную физической травмой, чрезмерной радостью, страхом или глубоким погружением в молитву, то все нейроны мозга начинают работать словно безумные, порождая необыкновенную ясность мысли.
"So what?" Vittoria said.	- Ну и что из того? - не согласилась Виттория.

"Just because you think clearly doesn't mean you talk to God."	- Ясность мысли вовсе не означает возможности бесед с Богом.
"Aha!" Vetra exclaimed.	- А вот и нет! - воскликнул отец.
"And yet remarkable solutions to seemingly impossible problems often occur in these moments of clarity.	- Ты же знаешь, что в подобные моменты просветления люди находят решение казавшихся ранее неразрешимыми проблем.

It's what gurus call higher consciousness. Biologists call it altered states. Psychologists call it super sentience."	Гуру называют подобное состояние высшим сознанием, биологи - измененным состоянием, психологи - сверхчувствительностью.
He paused. "And Christians call it answered prayer."	- Отец выдержал паузу и продолжил: - А мы, христиане, называем это ответом на наши молитвы.
Smiling broadly, he added, "Sometimes, divine revelation simply means adjusting your brain to hear what your heart already knows."	Иногда божественное откровение означает лишь, что твой ум распахивается так, что слышит в твоем же сердце то, что ему уже давно известно, -закончил Леонардо Ветра с широкой улыбкой.

Now, as she dashed down, headlong into the dark, Vittoria sensed perhaps her father was right.	Сейчас, торопливо спускаясь по ступеням в темную глубину, Виттория думала, что отец, возможно, был прав.
Was it so hard to believe that the camerlegno's trauma had put his mind in a state where he had simply "realized" the antimatter's location?	Вполне можно поверить в то, что полученная камерарием травма повлияла на мозг таким образом, что священнослужитель просто "понял", где может быть спрятано антивещество.
Each of us is a God, Buddha had said.	"Каждый из нас есть Бог, - сказал когда-то Будда.
Each of us knows all.	- Каждому из нас известно все.

We need only open our minds to hear our own wisdom.	И нам следует всего лишь распахнуть свой ум, чтобы прислушаться к своей же мудрости".
It was in that moment of clarity, as Vittoria plunged deeper into the earth, that she felt her own mind open... her own wisdom surface.	И в те минуты, когда Виттория спускалась все глубже и глубже под землю, она вдруг почувствовала, что ее ум полностью распахнулся... выпустив на волю всю ее мудрость.
She sensed now without a doubt what the camerlegno's intentions were.	Перед девушкой с предельной ясностью открылось то, что вознамерился совершить камерарий.

Her awareness brought with it a fear like nothing she had ever known.	И эта ясность породила в ней такой страх, которого никогда раньше ей испытывать не приходилось.
"Camerlegno, no!" she shouted down the passage.	- Не надо, камерарий! Не надо! - закричала она в глубь колодца.
"You don't understand!"	- Вы не понимаете!
Vittoria pictured the multitudes of people surrounding Vatican City, and her blood ran cold.	- Она представила толпу людей на площади, и ее сердце похолодело.

"If you bring the antimatter up... everyone will die!"	- Если вы вынесете антивещество наверх... все умрут!

Langdon was leaping three steps at a time now, gaining ground.	*** Лэнгдон с риском для жизни прыгал через две ступеньки, сокращая расстояние между собой и камерарием.
The passage was cramped, but he felt no claustrophobia.	Проход был очень узким, но никакой клаустрофобии ученый не ощущал.
His once debilitating fear was overshadowed by a far deeper dread.	Новый ужас вытеснил из его сознания все старые страхи.
"Camerlegno!" Langdon felt himself closing the gap on the lantern's glow.	- Камерарий! - кричал Лэнгдон, постепенно приближаясь к световому пятну лампады.

"You must leave the antimatter where it is!	- Антивещество следует оставить на месте!
There's no other choice!"	Иного выбора у нас нет!
Even as Langdon spoke the words, he could not believe them.	Еще выкрикивая эти слова, Лэнгдон понял, что здесь что-то не так.
Not only had he accepted the camerlegno's divine revelation of the antimatter's location, but he was lobbying for the destruction of St. Peter's Basilica- one of the greatest architectural feats on earth... as well as all of the art inside.	Получалось, что он, поверив в божественное откровение камерария, выступает за то, чтобы собор Святого Петра, одно из величайших архитектурных достижений человечества, был разрушен.

But the people outside... it's the only way.	Но люди на площади... Иного выбора нет.
It seemed a cruel irony that the only way to save the people now was to destroy the church.	Жестокая ирония ситуации заключалась в том, что ради спасения людей требовалось уничтожить церковь.
Langdon figured the Illuminati were amused by the symbolism.	Лэнгдон подумал, что подобная символическая альтернатива могла изрядно позабавить иллюминатов.
The air coming up from the bottom of the tunnel was cool and dank.	Воздух в тоннеле был влажным и прохладным.

Somewhere down here was the sacred necropolis... burial place of St. Peter and countless other early Christians.	Где-то там, в глубине, находился священный necropolis... место последнего упокоения святого Петра и бесчисленного множества ранних христиан.
Langdon felt a chill, hoping this was not a suicide mission.	Лэнгдон дрожал словно от холода. Оставалось надеяться, что их миссия не окажется самоубийственной.
Suddenly, the camerlegno's lantern seemed to halt. Langdon closed on him fast.	Лампада камерария вдруг перестала двигаться, и расстояние между ученым и клириком начало стремительно сокращаться.
The end of the stairs loomed abruptly from out of the shadows.	Из тени неожиданно возникла последняя ступенька лестницы.

A wrought iron gate with three embossed skulls blocked the bottom of the stairs.	Дальнейший путь преграждала металлическая решетка с тремя укрепленными на ней черепами.
The camerlegno was there, pulling the gate open.	Камерарий из последних сил тянул на себя решетчатую дверь.
Langdon leapt, pushing the gate shut, blocking the camerlegno's way.	Лэнгдон прыжком преградил ему путь.

The others came thundering down the stairs, everyone ghostly white in the BBC spotlight... especially Glick, who was looking more pasty with every step.	Через несколько секунд на ступенях появились и остальные преследователи. В белом свете фонаря они походили на призраки. Больше всех на привидение смахивал Глик. С каждым шагом он бледнел все сильнее.
Chartrand grabbed Langdon. "Let the camerlegno pass!"	- Пропустите камерария! - крикнул Шартран, хватая Лэнгдона за плечи.
"No!" Vittoria said from above, breathless.	- Ни в коем случае! - прозвучал откуда-то сверху голос Виттории.
"We must evacuate right now!	- Нам нужно немедленно уходить!
You cannot take the antimatter out of here!	Антивещество отсюда выносить нельзя!

If you bring it up, everyone outside will die!"	Если поднять его на площадь, все находящиеся там погибнут!
The camerlegno's voice was remarkably calm. "All of you... we must trust.	- Вы все должны мне доверять, - неожиданно спокойно произнес камерарий.
We have little time."	- У нас мало времени.
"You don't understand," Vittoria said.	- Вы не понимаете! - не унималась Виттория.
"An explosion at ground level will be much worse than one down here!"	- Взрыв на поверхности земли будет гораздо опаснее, чем здесь, внизу!

The camerlegno looked at her, his green eyes resplendently sane. "Who said anything about an explosion at ground level?"	- Кто сказал, что взрыв произойдет на поверхности? - спросил он, глядя на девушку удивительно ясными глазами.
Vittoria stared. "You're leaving it down here?"	- Выходит, вы решили оставить ловушку здесь? -изумилась Виттория.
The camerlegno's certitude was hypnotic. "There will be no more death tonight."	- Смертей больше не будет, - сказал священник, и уверенность, с которой были произнесены эти слова, оказала на всех чуть ли не гипнотическое воздействие.
"Father, but-"	- Но, святой отец...
"Please... some faith."	- Умоляю, проявите хотя бы немного... веры.

The camerlegno's voice plunged to a compelling hush. "I am not asking anyone to join me.	Я никого не прошу идти со мной, - торопливо говорил камерарий.
You are all free to go.	- Вы все можете удалиться.
All I am asking is that you not interfere with His bidding.	Я прошу лишь о том, чтобы вы не препятствовали Его воле.
Let me do what I have been called to do."	Позвольте мне завершить то, что я призван сделать.
The camerlegno's stare intensified. "I am to save this church.	- Взгляд камерария приобрел несвойственную ему жесткость, и он закончил: - Я должен спасти церковь.
And I can.	И я могу это сделать.
I swear on my life."	Клянусь жизнью!

The silence that followed might as well have been thunder.	Тишину, которая последовала за этими словами, вполне можно было назвать громовой.
120	Глава 120
Eleven fifty one P.M.	Одиннадцать часов пятьдесят одна минута.
Necropolis literally means City of the Dead.	Слово "некрополь" в буквальном переводе означает "город мертвых".
Nothing Robert Langdon had ever read about this place prepared him for the sight of it.	Несмотря на то что Роберт Лэнгдон много читал об этом месте, к открывшейся перед ним картине он оказался совершенно неготовым.

The colossal subterranean hollow was filled with crumbling mausoleums, like small houses on the floor of a cave.	Колоссальных размеров подземная пустота была заполнена рассыпающимися надгробиями. Крошечные мавзолеи напоминали сооруженные на дне пещеры дома.
The air smelled lifeless.	Даже воздух казался Лэнгдону каким-то безжизненным.
An awkward grid of narrow walkways wound between the decaying memorials, most of which were fractured brick with marble platings.	Узкие металлические подмостки для посетителей зигзагами шли между памятниками. Большая часть древних мемориалов была сложена из кирпича, покрытого мраморными пластинами.

Like columns of dust, countless pillars of unexcavated earth rose up, supporting a dirt sky, which hung low over the penumbral hamlet.	Кирпич от старости давно начал рассыпаться. Бесчисленные кучи невывезенной земли, словно тяжелые колонны, подпирали низкое каменное небо, распростершееся над этим мрачным поселением мертвых.
City of the dead, Langdon thought, feeling trapped between academic wonder and raw fear.	Город мертвых, думал Лэнгдон. Американец ощущал странное, двойственное чувство. С одной стороны, он испытывал любопытство ученого, а с другой - ему было просто страшно.
He and the others dashed deeper down the winding passages. Did I make the wrong choice?	"Может быть, я принял неверное решение?" -думал он, шагая вместе с остальными по извилистым мосткам.

Chartrand had been the first to fall under the camerlegno's spell, yanking open the gate and declaring his faith in the camerlegno.	Шартран первым попал под гипнотическое влияние камерария, и именно он заставил Лэнгдона открыть металлические ворота в Город мертвых.
Glick and Macri, at the camerlegno's suggestion, had nobly agreed to provide light to the quest, although considering what accolades awaited them if they got out of here alive, their motivations were certainly suspect.	Глик и Макри совершили благородный поступок, откликнувшись на просьбу клирика освещать путь. Впрочем, учитывая ту славу, которая ждала журналистов (если они выберутся отсюда живыми), благородная чистота их помыслов вызывала некоторые сомнения.

Vittoria had been the least eager of all, and Langdon had seen in her eyes a wariness that looked, unsettlingly, a lot like female intuition.	Виттория меньше всех остальных хотела спускаться в подземелье, и в ее взгляде ученый видел какую-то безысходность, что, несомненно, было результатом развитой женской интуиции.
It's too late now, he thought, he and Vittoria dashing after the others. We're committed.	"Однако теперь мои сомнения не имеют значения, - думал Лэнгдон, шагая чуть впереди девушки. -Слишком поздно. Обратного пути у нас нет".

Vittoria was silent, but Langdon knew they were thinking the same thing.	Виттория молчала, но Лэнгдон знал, что оба они думают об одном и том же.

Nine minutes is not enough time to get the hell out of Vatican City if the camerlegno is wrong.	Девяти минут явно не хватит для того, чтобы убраться из Ватикана, если окажется, что камерарий заблуждался.
As they ran on through the mausoleums, Langdon felt his legs tiring, noting to his surprise that the group was ascending a steady incline.	Проходя мимо рассыпающихся в прах мавзолеев, Лэнгдон вдруг почувствовал, что идти стало труднее, и с удивлением обнаружил, что они уже не спускаются вниз, а поднимаются в гору.
The explanation, when it dawned on him, sent shivers to his core.	Когда ученый понял, в чем дело, он похолодел.

The topography beneath his feet was that of Christ's time.	Рельеф места, в котором они находились, сохранился в том же виде, каким он был во времена Христа.
He was running up the original Vatican Hill!	Он идет по первозданному Ватиканскому холму!
Langdon had heard Vatican scholars claim that St. Peter's tomb was near the top of Vatican Hill, and he had always wondered how they knew.	Вблизи его вершины, как утверждают историки, находится могила святого Петра. Лэнгдон всегда удивлялся: откуда им это известно?
Now he understood. The damn hill is still here!	Теперь он получил ответ: проклятый холм по-прежнему оставался на своем месте!

Langdon felt like he was running through the pages of history.	Лэнгдону казалось, что он бежит по страницам самой истории.
Somewhere ahead was St. Peter's tomb-the Christian relic.	Где-то чуть впереди находилась могила апостола Петра - самая священная реликвия христианства.
It was hard to imagine that the original grave had been marked only with a modest shrine.	Трудно поверить, что могила апостола когда-то была обозначена одним скромным алтарем-святилищем.
Not any more.	То время давно кануло в Лету.

As Peter's eminence spread, new shrines were built on top of the old, and now, the homage stretched 440 feet overhead to the top of Michelangelo's dome, the apex positioned directly over the original tomb within a fraction of an inch.	По мере возвышения Петра в глазах христианского мира над первым алтарем возводились все более внушительные храмы. Это продолжалось до тех пор, пока Микеланджело не воздвиг величественный собор Святого Петра, центр купола которого находится точно над захоронением апостола. Как говорят знатоки, отклонение составляет лишь какую-то долю дюйма.
They continued ascending the sinuous passages.	Они продолжали восхождение, лавируя между могил.
Langdon checked his watch.	Лэнгдон в очередной раз бросил взгляд на часы.
Eight minutes.	Восемь минут.

He was beginning to wonder if he and Vittoria would be joining the deceased here permanently.	Ученый стал всерьез опасаться, что по прошествии этих минут Виттория, он сам и все остальные безвременно присоединятся к нашедшим здесь последний покой ранним христианам.

"Look out!" Glick yelled from behind them.	- Осторожно! - послышался вопль Глика.
"Snake holes!"	- Змеиные норы!
Langdon saw it in time.	Лэнгдон уже увидел то, что испугало репортера.
A series of small holes riddled the path before them.	В тропе, по которой они теперь шли, виднелось множество небольших отверстий.

He leapt, just clearing them.	Лэнгдон старался шагать так, чтобы не наступать на эти дыры в земле.
Vittoria jumped too, barely avoiding the narrow hollows.	Виттория, едва не споткнувшись об одну из нор, последовала его примеру.
She looked uneasy as they ran on. "Snake holes?"	- Змеиные норы? - испуганно косясь на тропу, переспросила девушка.
"Snack holes, actually," Langdon corrected.	- Скорее закусочные, - улыбнулся Лэнгдон.
"Trust me, you don't want to know."	- Объяснять я вам ничего не буду. Поверьте на слово.

The holes, he had just realized, were libation tubes. The early Christians had believed in the resurrection of the flesh, and they'd used the holes to literally "feed the dead" by pouring milk and honey into crypts beneath the floor.	Он вспомнил, что эти отверстия назывались "трубками возлияния" и ранние христиане, верившие в воскресение тела, использовали их для того, чтобы в буквальном смысле подкармливать мертвецов, регулярно наливая молоко и мед в находящиеся внизу могилы.
The camerlegno felt weak.	*** Камерарий чувствовал, как слабеет с каждым шагом.
He dashed onward, his legs finding strength in his duty to God and man.	Однако он упрямо шел вперед: долг перед Богом и людьми заставлял его ноги двигаться.

Almost there. He was in incredible pain.	"Мы почти на месте", - думал он, страдая от невыносимой боли.
The mind can bring so much more pain than the body. Still he felt tired.	Мысли иногда причиняют больше страданий, чем тело, сказал себе клирик, ускоряя шаг.
He knew he had precious little time.	Он знал, что времени у него почти не осталось.
"I will save your church, Father. I swear it."	- Я спасу Твою церковь, Создатель, - шептал Карло Вентреска. - Клянусь жизнью!
Despite the BBC lights behind him, for which he was grateful, the camerlegno carried his oil lamp high.	Несмотря на фонарь телевизионщиков -камерарий был им искренне благодарен, - он по-прежнему держал лампаду в высоко поднятой руке.

I am a beacon in the darkness.	"Я - луч света во тьме.
I am the light.	Я - свет".
The lamp sloshed as he ran, and for an instant he feared the flammable oil might spill and burn him.	Лампада на ходу колебалась, и временами у него возникало опасение, что масло из нее выплеснется и обожжет его. Камерарию этого не хотелось.
He had experienced enough burned flesh for one evening.	За сегодняшний вечер ему и без того пришлось увидеть слишком много опаленной плоти. Включая свою собственную.

As he approached the top of the hill, he was drenched in sweat, barely able to breathe.	По телу камерария струился пот, священник задыхался, напрягая последние силы.

But when he emerged over the crest, he felt reborn.	Однако, оказавшись на вершине, он почувствовал себя возрожденным.
He staggered onto the flat piece of earth where he had stood many times.	Клирик стоял на ровном участке холма, в том месте, где ему столько раз приходилось бывать.
Here the path ended. The necropolis came to an abrupt halt at a wall of earth.	Здесь тропа кончалась, упираясь в высокую земляную стену.
A tiny marker read: Mausoleum S.	На стене виднелась крошечная надпись: "Mausoleum S".
La tomba di San Pietro.	Могила святого Петра.

Before him, at waist level, was an opening in the wall.	В стене, где-то на уровне груди камерария, имелось отверстие.
There was no gilded plaque here. No fanfare.	Рядом с отверстием не было золоченой таблички или какого-либо иного знака почтения.
Just a simple hole in the wall, beyond which lay a small grotto and a meager, crumbling sarcophagus.	Была всего лишь дыра в стене, ведущая в небольшой грот с нищенским, рассыпающимся от древности саркофагом.
The camerlegno gazed into the hole and smiled in exhaustion.	Камерарий заглянул в грот и устало улыбнулся.

He could hear the others coming up the hill behind him.	Он слышал топот ног шагавших следом за ним людей.
He set down his oil lamp and knelt to pray. Thank you, God. It is almost over.	Поставив лампаду на землю, священник преклонил колени и вознес краткую молитву: "Благодарю Тебя, Боже. Я почти исполнил свой долг".
Outside in the square, surrounded by astounded cardinals, Cardinal Mortati stared up at the media screen and watched the drama unfold in the crypt below.	*** Потрясенный кардинал Мортати, стоя на площади Святого Петра в окружении священнослужителей, следил за драмой, разворачивающейся перед ним на огромных телевизионных экранах.
He no longer knew what to believe.	Он уже не знал, чему верить.

Had the entire world just witnessed what he had seen?	Неужели весь мир был свидетелем того, что видел он сам?
Had God truly spoken to the camerlegno?	Неужели Г осподь действительно говорил с камерарием?
Was the antimatter really going to appear on St. Peter's-	Неужели антивещество на самом деле спрятано в могиле святого Пе...
"Look!" A gasp went up from the throngs.	- Посмотрите! - выдохнула окружающая его толпа.
"There!"	- Там, там!

Everyone was suddenly pointing at the screen.	- Все люди, как один человек, показывали на экран.
"It's a miracle!"	- Чудо! Чудо!

Mortati looked up.	Мортати поднял глаза.
The camera angle was unsteady, but it was clear enough.	Качающаяся камера плохо удерживала угол изображения, но в остальном картинка была совершенно четкой.
The image was unforgettable.	Образ, который узрел весь мир, был поистине незабываем.

Filmed from behind, the camerlegno was kneeling in prayer on the earthen floor. In front of him was a rough hewn hole in the wall. Inside the hollow, among the rubble of ancient stone, was a terra cotta casket.	Камерарий стоял на коленях спиной к зрителям, а перед ним находилось неровное отверстие в стене, через которое можно было увидеть коричневый глиняный гроб.
Although Mortati had seen the coffin only once in his life, he knew beyond a doubt what it contained.	Хотя Мортати видел этот стоящий среди обломков камней гроб лишь раз в жизни, он сразу его узнал. Ему было известно, кто в нем покоится.
San Pietro.	San Pietro.

Mortati was not naive enough to think that the shouts of joy and amazement now thundering through the crowd were exaltations from bearing witness to one of Christianity's most sacred relics.	Мортати был не настолько наивен, чтобы думать, что причиной вопля, вырвавшегося из груди сотен тысяч людей, был восторг от лицезрения самой священной реликвии христианского мира -могилы святого Петра.
St. Peter's tomb was not what had people falling to their knees in spontaneous prayer and thanksgiving.	Люди упали на колени вовсе не из почтения к апостолу.

It was the object on top of his tomb. The antimatter canister.	Их привел в экстаз предмет, стоящий на крышке гроба, и именно этот предмет заставил их вознести благодарственную молитву Господу. Ловушка с антивеществом.
It was there... where it had been all day... hiding in the darkness of the Necropolis.	Она была спрятана в темноте Некрополя. Именно там она простояла весь день.
Sleek.	Современнейший прибор.
Relentless.	Смертельно опасный.
Deadly.	Неумолимо отсчитывающий время.
The camerlegno's revelation was correct.	Откровение камерария оказалось Истиной.

Mortati stared in wonder at the transparent cylinder. The globule of liquid still hovered at its core.	Мортати с изумлением смотрел на прозрачный цилиндр с парящим в его центре мерцающим шариком.
The grotto around the canister blinked red as the LED counted down into its final five minutes of life.	В гроте ритмично мерцал свет - электронный дисплей отсчитывал последние пять минут своего существования.
Also sitting on the tomb, inches away from the canister, was the wireless Swiss Guard security camera that had been pointed at the canister and transmitting all along.	На крышке саркофага, всего в нескольких дюймах от ловушки, находилась беспроводная камера наблюдения швейцарской гвардии.

Mortati crossed himself, certain this was the most frightful image he had seen in his entire life.	Мортати перекрестился. Более пугающего изображения ему не доводилось видеть за всю свою долгую жизнь.

He realized, a moment later, however, that it was about to get worse.	До него не сразу дошло, что вскоре положение станет еще страшнее.
The camerlegno stood suddenly. He grabbed the antimatter in his hands and wheeled toward the others.	Камерарий поднялся с колен, схватил прибор и повернулся лицом ко всем остальным.
His face showing total focus.	Было видно, что священник предельно сосредоточен.

He pushed past the others and began descending the Necropolis the way he had come, running down the hill.	Не обращая ни на кого внимания, он начал спускаться с холма тем же путем, которым на него поднялся.
The camera caught Vittoria Vetra, frozen in terror.	Камера выхватила из темноты искаженное ужасом лицо Виттории Ветра.
"Where are you going!	- Куда вы?!
Camerlegno!	Камерарий!
I thought you said-"	Я думала, что вы...

"Have faith!" he exclaimed as he ran off. Vittoria spun toward Langdon. "What do we do?"	- Имей веру, дочь моя! - воскликнул священник, не замедляя шага.
Robert Langdon tried to stop the camerlegno, but Chartrand was running interference now, apparently trusting the camerlegno's conviction.	Роберт Лэнгдон попытался остановить камерария, но ему помешал Шартран, который, видимо, полностью разделял веру клирика.
The picture coming from the BBC camera was like a roller coaster ride now, winding, twisting.	После этого на экранах появилось такое изображение, какое бывает, когда съемка ведется из кабинки американских горок. На картинке возникали вращающиеся силуэты.

Fleeting freeze frames of confusion and terror as the chaotic cortege stumbled through the shadows back toward the Necropolis entrance.	Вместо лиц крупным планом неожиданно появились бегущие ноги, несколько раз изображение вообще исчезало. Вся группа, спотыкаясь в полутьме, мчалась к выходу из Некрополя.
Out in the square, Mortati let out a fearful gasp. "Is he bringing that up here?"	- Неужели он несет прибор сюда? - не веря своим глазам, в ужасе прошептал Мортати.
On televisions all over the world, larger than life, the camerlegno raced upward out of the Necropolis with the antimatter before him.	Весь мир, сидя перед телевизорами, с замирающим сердцем следил за тем, как камерарий мчится к выходу из Некрополя, неся перед собой ловушку с антивеществом.

"There will be no more death tonight!"	"Смертей этой ночью больше не будет!" - твердил про себя священник.
But the camerlegno was wrong.	Но он ошибался.
121	Глава 121
The camerlegno erupted through the doors of St. Peter's Basilica at exactly 11:56 P.M. He staggered into the dazzling glare of the world spotlight, carrying the antimatter before him like some sort of numinous offering.	Карло Вентреска вырвался из дверей собора Святого Петра в одиннадцать часов пятьдесят шесть минут. Ловушка антивещества, которую он держал перед собой в вытянутых руках, напоминала таинственный сосуд для сбора церковных подаяний.

Through burning eyes he could see his own form, half naked and wounded, towering like a giant on the media screens around the square.	Его глаза слезились от яркого света, но он все же смог увидеть на экранах свое изображение. Обнаженный по пояс и страдающий от боли, он возвышался над площадью подобно древнему гиганту.
The roar that went up from the crowd in St. Peter's Square was like none the camerlegno had ever heard-crying, screaming, chanting, praying... a mix of veneration and terror.	Такого звука, который прокатился над толпой, камерарий не слышал ни разу в жизни. В этом многоголосом крике было все: рыдания, визг, пение, молитвы...
Deliver us from evil, he whispered.	- Избавь нас от зла, - прошептал он.

He felt totally depleted from his race out of the Necropolis.	Г онка от Некрополя до выхода из собора окончательно лишила его сил.
It had almost ended in disaster.	И это едва не кончилось катастрофой.
Robert Langdon and Vittoria Vetra had wanted to intercept him, to throw the canister back into its subterranean hiding place, to run outside for cover.	В последний момент Роберт Лэнгдон и Виттория Ветра попытались его остановить. Они хотели отнять ловушку и швырнуть ее назад, в подземелье Некрополя, чтобы все остальные могли спастись, выбежав из собора.
Blind fools!	Слепые глупцы!

The camerlegno realized now, with fearful clarity, that on any other night, he would never have won the race. Tonight, however, God again had been with him.	Карло Вентреска вдруг с ужасающей ясностью понял, что ни за что не выиграл бы этой гонки, не окажись на его стороне сам Бог.
Robert Langdon, on the verge of overtaking the camerlegno, had been grabbed by Chartrand, ever trusting and dutiful to the camerlegno's demands for faith.	Когда Роберт Лэнгдон уже почти остановил камерария, на его пути встал лейтенант Шартран, откликнувшийся на призыв священника.

The reporters, of course, were spellbound and lugging too much equipment to interfere.	Что касается репортеров, то те не могли ему помешать, поскольку жаждали славы да к тому же тащили на себе слишком много оборудования.
The Lord works in mysterious ways.	Воистину, неисповедимы пути Господни!
The camerlegno could hear the others behind him now... see them on the screens, closing in.	Камерарий вначале услышал позади себя топот ног... а затем и увидел своих преследователей на огромных экранах.

Mustering the last of his physical strength, he raised the antimatter high over his head. Then, throwing back his bare shoulders in an act of defiance to the Illuminati brand on his chest, he dashed down the stairs.	Собрав последние силы, он воздел руки с ловушкой к небу, а потом, словно бросая вызов иллюминатам, расправил плечи, чтобы весь мир мог увидеть его обожженную клеймом грудь. Через миг он уже бежал вниз по ступеням лестницы.
There was one final act.	Наступал последний акт драмы.
Godspeed, he thought. Godspeed.	"С Богом! - подумал он. - С Богом..."
Four minutes...	*** Четыре минуты...
Langdon could barely see as he burst out of the basilica.	Лэнгдон практически ослеп, выбежав из базилики.

Again the sea of media lights bore into his retinas.	Белые лучи прожекторов обожгли сетчатку.

All he could make out was the murky outline of the camerlegno, directly ahead of him, running down the stairs.	Впрочем, он все же смог различить перед собой, словно в тумане, спину сбегающего по ступеням камерария.
For an instant, refulgent in his halo of media lights, the camerlegno looked celestial, like some kind of modern deity.	Окруженный белым сиянием, как нимбом, священнослужитель походил на какое-то современное божество.

His cassock was at his waist like a shroud. His body was scarred and wounded by the hands of his enemies, and still he endured.	Обрывки сутаны развевались за его спиной, и на обнаженном теле были видны раны и ожоги, нанесенные руками врагов.
The camerlegno ran on, standing tall, calling out to the world to have faith, running toward the masses carrying this weapon of destruction.	Камерарий бежал, гордо расправив плечи и призывая мир к вере в Бога. Клирик мчался к толпе, держа в руках орудие смерти.
Langdon ran down the stairs after him. What is he doing?	"Что он делает? - думал Лэнгдон, возобновляя погоню.
He will kill them all!	- Он же всех убьет!"

"Satan's work," the camerlegno screamed, "has no place in the House of God!" He ran on toward a now terrified crowd.	- Делу рук сатаны нет места в доме Бога! - кричал камерарий, приближаясь к окаменевшей от ужаса толпе.
"Father!" Langdon screamed, behind him.	- Святой отец! - пытался остановить его Лэнгдон.
"There's nowhere to go!"	- Для вас туда нет пути!
"Look to the heavens!	- Обрати свой взор в небеса!
We forget to look to the heavens!"	Мы часто забываем смотреть в небо!

In that moment, as Langdon saw where the camerlegno was headed, the glorious truth came flooding all around him.	И в этот момент Лэнгдон понял, куда бежит камерарий. Ученому наконец открылась вся прекрасная правда.
Although Langdon could not see it on account of the lights, he knew their salvation was directly overhead. A star filled Italian sky. The escape route.	Хотя американец по-прежнему мало что видел, он знал, что спасение рядом. Или, вернее, прямо над головой. Это было полное звезд небо Италии.
The helicopter the camerlegno had summoned to take him to the hospital sat dead ahead, pilot already in the cockpit, blades already humming in neutral.	Вертолет, который камерарий вызвал для доставки его в госпиталь, стоял прямо перед ними. Лопасти винта машины лениво вращались, а пилот уже сидел в кабине.

As the camerlegno ran toward it, Langdon felt a sudden overwhelming exhilaration.	При виде бегущего к вертолету камерария Лэнгдон ощутил необыкновенный подъем духа.
The thoughts that tore through Langdon's mind came as a torrent...	И перед его мысленным взором с калейдоскопической быстротой начали меняться разнообразные картины...
First he pictured the wide open expanse of the Mediterranean Sea.	Вначале он увидел широкие просторы Средиземного моря.
How far was it?	Какое расстояние до его побережья?
Five miles?	Пять миль?
Ten?	Десять?

He knew the beach at Fiumocino was only about seven minutes by train.	Он знал, что поезд до побережья идет примерно семь минут.

But by helicopter, 200 miles an hour, no stops... If they could fly the canister far enough out to sea, and drop it... There were other options too, he realized, feeling almost weightless as he ran.	Скорость вертолета - 200 миль в час. Кроме того, у него нет остановок... Если они сумеют вывезти ловушку в море и там сбросить... Впрочем, имелся и иной вариант.
La Cava Romana!	La Cava Romana!
The marble quarries north of the city were less than three miles away.	От мраморных карьеров, расположенных к северу от города, их отделяло менее трех миль.

How large were they?	Интересно, насколько они велики?
Two square miles?	Две квадратные мили?
Certainly they were deserted at this hour!	В этот поздний час там наверняка нет людей!
Dropping the canister there...	Если сбросить ловушку туда...
"Everyone back!" the camerlegno yelled.	*** - Все назад! - кричал камерарий.
His chest ached as he ran. "Get away!	- Назад!!!
Now!"	Немедленно!
The Swiss Guard standing around the chopper stood slack jawed as the camerlegno approached them.	Стоящие рядом с вертолетом швейцарские гвардейцы в немом изумлении взирали на бегущего священника.

"Back!" the priest screamed.	- Назад! - рявкнул камерарий.
The guards moved back.	Швейцарцы отступили.
With the entire world watching in wonder, the camerlegno ran around the chopper to the pilot's door and yanked it open.	Весь мир наблюдал за тем, как камерарий обежал вертолет, рванул на себя дверцу кабины и крикнул:
"Out, son!	- Вылезай, сын мой!
Now!" The guard jumped out.	Пилот, ни слова не говоря, спрыгнул на землю.
The camerlegno looked at the high cockpit seat and knew that in his exhausted state, he would need both hands to pull himself up.	Камерарий бросил взгляд на высоко расположенное сиденье пилота и понял, что в его состоянии, чтобы добраться туда, ему потребуются обе руки.

He turned to the pilot, trembling beside him, and thrust the canister into his hands.	Повернувшись лицом к трясущемуся рядом с ним пилоту, он сунул ему в руки ловушку и сказал:
"Hold this.	- Подержи, пока я влезу.
Hand it back when I'm in."	Потом отдашь эту штуку мне.
As the camerlegno pulled himself up, he could hear Robert Langdon yelling excitedly, running toward the craft.	Втягивая свое непослушное тело в кабину, камерарий услышал вопль подбегающего к машине Роберта Лэнгдона.
Now you understand, the camerlegno thought.	"Теперь ты все понимаешь, - подумал камерарий.
Now you have faith!	- И ты наконец уверовал".

The camerlegno pulled himself up into the cockpit, adjusted a few familiar levers, and then turned back to his window for the canister.	Камерарий уселся в кресло пилота, притронулся к знакомым рычагам управления и высунулся в окно, чтобы взять ловушку с антивеществом.
But the guard to whom he had given the canister stood empty handed.	Но руки швейцарца были пусты.

"He took it!" the guard yelled.	- Он забрал ее! - крикнул солдат.
The camerlegno felt his heart seize. "Who!"	- Кто он?! - с упавшим сердцем спросил камерарий.
The guard pointed. "Him!"	- Вот он, - ответил швейцарец, показывая пальцем.

Robert Langdon was surprised by how heavy the canister was.	*** Роберт Лэнгдон был чрезвычайно удивлен тяжестью ловушки.
He ran to the other side of the chopper and jumped in the rear compartment where he and Vittoria had sat only hours ago.	Обежав вертолет, ученый взобрался в пассажирский отсек, где ему уже довелось побывать с Виттори-ей всего несколько часов назад.
He left the door open and buckled himself in. Then he yelled to the camerlegno in the front seat.	Оставив дверцу откры-той, он застегнул ремень безопасности и крикнул занявшему переднее сиде-нье камерарию:
"Fly, Father!"	- Летите, святой отец!

The camerlegno craned back at Langdon, his face bloodless with dread.	Священнослужитель повернул искаженное ужасом лицо к непрошеному пассажиру и спросил:
"What are you doing!"	- Что вы делаете?!
"You fly! I'll throw!" Langdon barked.	- Вы поведете вертолет, а я сброшу ловушку! -крикнул Лэнгдон.
"There's no time!	- Времени на споры у нас нет!
Just fly the blessed chopper!"	Поднимайте в воздух эту благословенную машину!

The camerlegno seemed momentarily paralyzed, the media lights glaring through the cockpit darkening the creases in his face.	Казалось, что камерария на секунду парализовало. В белом свете прожекторов стали видны морщины на его лице.
"I can do this alone," he whispered.	- Я могу сделать это и один, - прошептал он.
"I am supposed to do this alone."	- Я должен закончить это дело самостоятельно.
Langdon wasn't listening.	Лэнгдон его не слушал.
Fly! he heard himself screaming.	- Да лети же ты! - услышал он свой собственный крик.
Now!	- Быстрее!

I'm here to help you!	Я здесь для того, чтобы тебе помочь!
Langdon looked down at the canister and felt his breath catch in his throat when he saw the numbers.	Американец взглянул на стоящую у него на коленях ловушку и, задыхаясь, выдавил:
"Three minutes, Father!	- Три минуты, святой отец!
Three!"	Всего три!
The number seemed to stun the camerlegno back to sobriety. Without hesitation, he turned back to the controls.	Эти слова вернули камерария к действительности, и он, не испытывая более колебаний, повернулся лицом к панели управления.

With a grinding roar, the helicopter lifted off.	Двигатель взревел на полную мощность, и вертолет оторвался от земли.
Through a swirl of dust, Langdon could see Vittoria running toward the chopper.	Сквозь поднятый винтом вихрь пыли Лэнгдон увидел бегущую к вертолету Витторию.
Their eyes met, and then she dropped away like a sinking stone.	Их глаза встретились, и через долю секунды девушка осталась далеко внизу.
122	Глава 122
Inside the chopper, the whine of the engines and the gale from the open door assaulted Langdon's senses with a deafening chaos.	Рев двигателя и ураганный ветер, врывающийся в открытую дверь, привели все чувства Лэнгдона в состояние полного хаоса.

He steadied himself against the magnified drag of gravity as the camerlegno accelerated the craft straight up.	Кроме того, ему приходилось бороться с резко возросшей силой тяжести, поскольку камерарий поднимал машину с максимальной скоростью.
The glow of St. Peter's Square shrank beneath them until it was an amorphous glowing ellipse radiating in a sea of city lights.	Залитая огнями площадь Святого Петра очень быстро превратилась в небольшой светлый эллипс, окруженный россыпью уличных фонарей.
The antimatter canister felt like deadweight in Langdon's hands.	Ловушка с антивеществом, словно тяжелая гиря, давила на руки Лэнгдона.

He held tighter, his palms slick now with sweat and blood.	Он старался держать ее как можно крепче, поскольку его покрытые потом и кровью ладони стали очень скользкими.
Inside the trap, the globule of antimatter hovered calmly, pulsing red in the glow of the LED countdown clock.	Внутри ловушки спокойно парила капля антивещества, а монитор пульсировал красным светом, отсчитывая последние минуты.
"Two minutes!" Langdon yelled, wondering where the camerlegno intended to drop the canister.	- Две минуты! - крикнул Лэнгдон, еще не зная, в каком месте камерарий намерен сбросить ловушку.
The city lights beneath them spread out in all directions.	Огни улиц под ними разбегались во всех направлениях.

In the distance to the west, Langdon could see the twinkling delineation of the Mediterranean coast- a jagged border of luminescence beyond which spread an endless dark expanse of nothingness.	Далеко на западе можно было увидеть побережье Средиземного моря - сверкающую линию огней, за которой расстилалась не имеющая конца темнота.
The sea looked farther now than Langdon had imagined.	Море оказалось гораздо дальше, чем думал Лэнгдон.
Moreover, the concentration of lights at the coast was a stark reminder that even far out at sea an explosion might have devastating effects.	Более того, море огней на побережье еще раз напомнило о том, что произведенный даже далеко в море взрыв может иметь разрушительные последствия.

Langdon had not even considered the effects of a ten kiloton tidal wave hitting the coast.	Об уроне, который может нанести жителям побережья поднятое взрывом цунами, Лэнгдону просто не хотелось думать.
When Langdon turned and looked straight ahead through the cockpit window, he was more hopeful.	Вытянув шею и взглянув прямо по курсу через окно кабины, он почувствовал некоторое облегчение.

Directly in front of them, the rolling shadows of the Roman foothills loomed in the night.	Перед ними едва виднелись в ночи пологие склоны римских холмов.

The hills were spotted with lights-the villas of the very wealthy-but a mile or so north, the hills grew dark.	Склоны были усеяны огнями - это были виллы очень богатых людей, - но примерно в миле к северу холмы погружались во мрак.
There were no lights at all-just a huge pocket of blackness.	Никаких огней.
Nothing.	Ничего. Сплошная тьма.
The quarries! Langdon thought.	"Карьеры! - подумал Лэнгдон.
La Cava Romana!	- La Cava Romana!"

Staring intently at the barren pocket of land, Langdon sensed that it was plenty large enough.	Вглядываясь в черное пятно на земле, Лэнгдон решил, что площадь карьера достаточно велика.
It seemed close, too.	Кроме того, он был довольно близко.
Much closer than the ocean.	Во всяком случае, гораздо ближе, чем море.
Excitement surged through him.	Ученый ощутил радостное возбуждение.
This was obviously where the camerlegno planned to take the antimatter!	Именно там камерарий решил избавиться от антивещества!
The chopper was pointing directly toward it!	Ведь нос вертолета обращен в ту сторону!

The quarries!	В сторону карьеров!
Oddly, however, as the engines strained louder and the chopper hurtled through the air, Langdon could see that the quarries were not getting any closer.	Лэнгдона, правда, смущало то, что, несмотря на рев двигателя и ощутимое движение вертолета, карьеры не становились ближе.
Bewildered, he shot a glance out the side door to get his bearings.	Чтобы лучше сориентироваться, он выглянул в открытую дверь, и то, что он там увидел, повергло его в панику.
What he saw doused his excitement in a wave of panic.	От только что пробудившейся радостной надежды не осталось и следа.

Directly beneath them, thousands of feet straight down, glowed the media lights in St. Peter's Square.	В нескольких тысячах футов прямо под ними он увидел залитую огнями прожекторов площадь Святого Петра.
We're still over the Vatican!	Они по-прежнему находились над Ватиканом!
"Camerlegno!" Langdon choked.	- Камерарий! - задыхаясь от волнения, выкрикнул Лэнгдон.
"Go forward!	- Летите вперед!
We're high enough!	Мы уже достаточно высоко!
You've got to start moving forward!	Надо лететь вперед.
We can't drop the canister back over Vatican City!"	Мы не можем сбросить ловушку на Ватикан!

The camerlegno did not reply.	Камерарий не ответил.
He appeared to be concentrating on flying the craft.	Казалось, все его внимание было сосредоточено на управлении машиной.

"We've got less than two minutes!" Langdon shouted, holding up the canister.	- Осталось меньше двух минут! - крикнул американец, поднимая ловушку.
"I can see them!	- Я уже вижу карьеры!
La Cava Romana!	La Cava Romana!
A couple of miles north!	В паре миль к северу!
We don't have-"	Нам нужно...

"No," the camerlegno said.	- Нет, - ответил камерарий.
"It's far too dangerous.	- Это слишком опасно.
I'm sorry." As the chopper continued to claw heavenward, the camerlegno turned and gave Langdon a mournful smile. "I wish you had not come, my friend.	- Пока вертолет продолжал карабкаться в небо, клирик повернулся лицом к ученому и с печальной улыбкой произнес: - Я очень сожалею, мой друг, что вы решили присоединиться ко мне.
You have made the ultimate sacrifice."	Ведь тем самым вы принесли себя в жертву.
Langdon looked in the camerlegno's exhausted eyes and suddenly understood.	Лэнгдон взглянул в бесконечно усталые глаза камерария и все понял.

His blood turned to ice.	Кровь застыла в его жилах.
"But... there must be somewhere we can go!"	- Но... но ведь должны же мы куда-нибудь лететь!
"Up," the camerlegno replied, his voice resigned.	- Только вверх, - отрешенно ответил камерарий.
"It's the only guarantee."	- Только это может гарантировать безопасность.
Langdon could barely think.	Мозг Лэнгдона отказывался ему служить.
He had entirely misinterpreted the camerlegno's plan.	Выходит, он абсолютно неверно истолковал намерения священнослужителя. Так вот что означали его слова:
Look to the heavens!	"Обрати свой взор в небеса!"

Heaven, Langdon now realized, was literally where he was headed.	Небеса, как теперь понимал Лэнгдон, были буквально тем местом, куда они направлялись.
The camerlegno had never intended to drop the antimatter.	Камерарий с самого начала не собирался выбрасывать ловушку.
He was simply getting it as far away from Vatican City as humanly possible.	Он просто хотел увезти ее как можно дальше от Ватикана.
This was a one way trip.	Это был полет в один конец.
123	Глава 123
In St. Peter's Square, Vittoria Vetra stared upward.	Виттория Ветра, стоя на площади Святого Петра, неотрывно смотрела в небо.

The helicopter was a speck now, the media lights no longer reaching it.	Вертолет казался едва заметной точкой, поскольку лучи прожекторов прессы до него уже почти не доставали.
Even the pounding of the rotors had faded to a distant hum.	Даже рев его мотора превратился в отдаленное гудение.

It seemed, in that instant, that the entire world was focused upward, silenced in anticipation, necks craned to the heavens... all peoples, all faiths... all hearts beating as one.	Казалось, что все люди, вне зависимости от их вероисповедания, затаив дыхание, в напряженном ожидании смотрят в небо. Сердца всех жителей земли в этот момент бились в унисон.

Vittoria's emotions were a cyclone of twisting agonies.	В душе девушки бушевал ураган эмоций.
As the helicopter disappeared from sight, she pictured Robert's face, rising above her.	Когда вертолет скрылся из виду, перед ее мысленным взором снова возникло лицо сидящего в кабине Лэнгдона.
What had he been thinking?	О чем он думал в тот момент?
Didn't he understand?	Неужели он так все до конца и не понял?
Around the square, television cameras probed the darkness, waiting.	Все телевизионные камеры на площади смотрели в темное небо.

A sea of faces stared heavenward, united in a silent countdown.	Взоры людей также были обращены в небеса.
The media screens all flickered the same tranquil scene... a Roman sky illuminated with brilliant stars.	И журналисты, и зрители вели про себя обратный отсчет секунд. На всех огромных экранах была одна и та же благостная картинка: ясное римское небо с алмазной россыпью звезд.
Vittoria felt the tears begin to well.	Виттория почувствовала, что ее глаза наполняются слезами.
Behind her on the marble escarpment, 161 cardinals stared up in silent awe.	Позади нее на мраморном возвышении в благоговейном молчании стояли спасенные кардиналы.

Some folded their hands in prayer. Most stood motionless, transfixed.	Взоры священнослужителей были обращены вверх. Некоторые из них соединили ладони в молчаливой молитве, но большинство кардиналов словно пребывали в трансе.
Some wept.	Несколько человек рыдали.
The seconds ticked past.	Число оставшихся до взрыва секунд неумолимо сокращалось.
In homes, bars, businesses, airports, hospitals around the world, souls were joined in universal witness.	Во всех концах земли - в жилых домах, барах, конторах, аэропортах, больницах - люди готовились стать свидетелями трагического события.

Men and women locked hands. Others held their children.	Мужчины и женщины брались за руки, родители поднимали к небу детей.
Time seemed to hover in limbo, souls suspended in unison. Then, cruelly, the bells of St. Peter's began to toll.	Над площадью Святого Петра стояла мертвая тишина. Эту святую тишину взорвали колокола базилики.
Vittoria let the tears come.	Виттория дала волю слезам.
Then... with the whole world watching... time ran out.	Затем... затем мир замер. Время истекло.
The dead silence of the event was the most terrifying of all.	*** Самым страшным в момент взрыва оказалась повисшая над площадью тишина.

High above Vatican City, a pinpoint of light appeared in the sky.	Высоко в небе над Ватиканом возникла искра размером с булавочную головку.
For a fleeting instant, a new heavenly body had been born... a speck of light as pure and white as anyone had ever seen.	Затем на какую-то долю секунды появилось новое небесное тело... Такого белого и чистого света людям Земли видеть еще не доводилось.
Then it happened. A flash. The point billowed, as if feeding on itself, unraveling across the sky in a dilating radius of blinding white.	Еще мгновение, и искра, словно питая саму себя, начала разрастаться в ослепительно белое пятно.
It shot out in all directions, accelerating with incomprehensible speed, gobbling up the dark.	Пятно с невообразимой скоростью расширялось во все стороны.

As the sphere of light grew, it intensified, like a burgeoning fiend preparing to consume the entire sky.	Одновременно усиливалось сияние, и создавалось впечатление, что это море белого огня вот-вот затопит все небо.
It raced downward, toward them, picking up speed.	Стена света, набирая скорость, летела вниз, на людей.
Blinded, the multitudes of starkly lit human faces gasped as one, shielding their eyes, crying out in strangled fear.	Мгновенно потерявшие способность видеть люди закричали и в страхе закрыли глаза руками.
As the light roared out in all directions, the unimaginable occurred.	Но затем произошло нечто совершенно невообразимое.

As if bound by God's own will, the surging radius seemed to hit a wall.	Растекающееся во все стороны море огня, словно повинуясь воле Бога, остановилось, как бы наткнувшись на преграду.
It was as if the explosion were contained somehow in a giant glass sphere.	Казалось сверкающий огненный шар был заключен в гигантскую стеклянную сферу.
The light rebounded inward, sharpening, rippling across itself.	Отразившись от внутренней стенки невидимого сосуда, световые волны обратились внутрь.
The wave appeared to have reached a predetermined diameter and hovered there.	Сияние многократно усилилось. Казалось, что огненный шар, достигнув нужного диаметра, замер.

For that instant, a perfect and silent sphere of light glowed over Rome.	Несколько мгновений над Римом висело новое яркое светило правильной шарообразной формы.
Night had become day.	Ночь превратилась в день.
Then it hit.	Затем сфера взорвалась.
The concussion was deep and hollow-a thunderous shock wave from above.	Над площадью пронесся глухой гул, а затем на землю с адской силой обрушилась взрывная волна.
It descended on them like the wrath of hell, shaking the granite foundation of Vatican City, knocking the breath out of people's lungs, sending others stumbling backward.	Гранит, на котором стоял Ватикан, содрогнулся. Люди потеряли возможность дышать, а некоторых из них просто швырнуло на землю.

The reverberation circled the colonnade, followed by a sudden torrent of warm air.	Окружающая площадь колоннада завибрировала. За ударной волной последовала тепловая.

The wind tore through the square, letting out a sepulchral moan as it whistled through the columns and buffeted the walls.	Г орячий ветер свирепствовал на площади, вздымая тучи пыли и сотрясая стены.
Dust swirled overhead as people huddled... witnesses to Armageddon.	Свидетели этого Армагеддона в ужасе закрыли глаза.

Then, as fast as it appeared, the sphere imploded, sucking back in on itself, crushing inward to the tiny point of light from which it had come.	Затем белая сфера вдруг снова сжалась, превратившись в крошечную световую точку, почти такую же, как та, что за несколько секунд до этого дала ей жизнь.
124	Глава 124
Never before had so many been so silent.	Никогда до этого столько людей одновременно не замирали в полном молчании.
The faces in St. Peter's Square, one by one, averted their eyes from the darkening sky and turned downward, each person in his or her own private moment of wonder.	Обращенные к вновь потемневшему небу взгляды опустились на землю. Каждый человек по-своему переживал чудо, которому только что явился свидетелем.

The media lights followed suit, dropping their beams back to earth as if out of reverence for the blackness now settling upon them.	Лучи прожекторов также склонились к земле, словно в знак почтения к воцарившейся над ними тьме.
It seemed for a moment the entire world was bowing its head in unison.	Казалось, что в этот миг весь мир одновременно склонил голову.
Cardinal Mortati knelt to pray, and the other cardinals joined him.	Кардинал Мортати преклонил колени, чтобы вознести молитву. Остальные кардиналы последовали его примеру.

The Swiss Guard lowered their long swords and stood numb.	Швейцарские гвардейцы в безмолвном салюте опустили к земле свои длинные мечи и тоже склонили головы.
No one spoke.	Все молчали.
No one moved.	Никто не двигался.
Everywhere, hearts shuddered with spontaneous emotion.	Во всех сердцах возникли одни и те же чувства.
Bereavement.	Боль утраты.
Fear.	Страх.
Wonder.	Изумление.
Belief.	Вера.

And a dread filled respect for the new and awesome power they had just witnessed.	И преклонение перед новой могущественной силой, проявление которой они только что наблюдали.
Vittoria Vetra stood trembling at the foot of the basilica's sweeping stairs.	Виттория Ветра, дрожа, стояла у подножия ведущих к базилике ступеней.
She closed her eyes.	Девушка закрыла глаза.
Through the tempest of emotions now coursing through her blood, a single word tolled like a distant bell.	Хотя ураган чувств по-прежнему разрывал ее сердце, в ее ушах, подобно звону далекого колокола, звучало одно-единственное слово.

Pristine. Cruel.	Слово чистое и жестокое.

She forced it away. And yet the word echoed. Again she drove it back.	Девушка гнала его прочь, но оно возвращалось вновь и вновь.
The pain was too great.	Боль, которую испытывала Виттория, казалось, нельзя было вынести.
She tried to lose herself in the images that blazed in other's minds... antimatter's mind boggling power... the Vatican's deliverance... the camerlegno... feats of bravery... miracles... selflessness.	Она пыталась прогнать ее словами, которые заполняли сознание всех других людей... потрясающая мощь антивещества... спасение Ватикана... камерарий... мужество... чудо... самопожертвование...

And still the word echoed... tolling through the chaos with a stinging loneliness.	Но слово не желало уходить. Оно звучало в ее голове нескончаемым эхом, пробиваясь сквозь хаос мыслей и чувств.
Robert.	Роберт.
He had come for her at Castle St. Angelo.	Он примчался к ней в замок Святого ангела.
He had saved her.	Он спас ее.
And now he had been destroyed by her creation.	А она убила его делом своих рук.
As Cardinal Mortati prayed, he wondered if he too would hear God's voice as the camerlegno had.	*** Кардинал Мортати возносил молитву и одновременно думал, не услышит ли он слов Божиих так же, как услышал их камерарий.

Does one need to believe in miracles to experience them?	"Может быть, для того, чтобы испытать чудо, в чуде-са надо просто верить?" - спрашивал он себя.
Mortati was a modern man in an ancient faith. Miracles had never played a part in his belief.	Мортати был современным человеком, и чудеса никогда не были для него важной частью древней религии, приверженцем которой он был.
Certainly his faith spoke of miracles... bleeding palms, ascensions from the dead, imprints on shrouds... and yet, Mortati's rational mind had always justified these accounts as part of the myth.	Церковь, конечно, твердила о разного рода чудесах... кровоточащих ладонях... воскрешении из мертвых... отпечатках на плащанице... но рациональный ум Мортати всегда причислял эти явления к мифам.

They were simply the result of man's greatest weakness- his need for proof.	Все они, по его мнению, были проявлением одной из величайших слабостей человека - стремления всему найти доказательства.
Miracles were nothing but stories we all clung to because we wished they were true.	Чудеса, как он полагал, были всего лишь легендами. А люди верят в них только потому, что хотят верить.
And yet...	И все же...
Am I so modern that I cannot accept what my eyes have just witnessed?	Неужели он настолько осовременился, что не способен принять то, что только что видел собственными глазами?
It was a miracle, was it not?	Ведь это было чудо. Разве не так?
Yes!	Да, именно так!

God, with a few whispered words in the camerlegno's ear, had intervened and saved this church.	Г осподь, прошептав несколько слов в ухо камерария, спас церковь.

Why was this so hard to believe?	Но почему в это так трудно поверить?
What would it say about God if God had done nothing?	Что сказали бы люди о Боге, если бы тот промолчал?
That the Almighty did not care?	Что Всемогущему на все плевать?
That He was powerless to stop it?	Или что у него просто нет сил, чтобы предотвратить несчастье?

A miracle was the only possible response!	Явление чуда с Его стороны было единственным возможным ответом!
As Mortati knelt in wonder, he prayed for the camerlegno's soul.	Стоя на коленях, Мортати молился за душу камерария.
He gave thanks to the young chamberlain who, even in his youthful years, had opened this old man's eyes to the miracles of unquestioning faith.	Он благодарил Карло Вентреску за то, что тот сумел показать ему, старику, чудо, явившееся результатом беззаветной веры.
Incredibly, though, Mortati never suspected the extent to which his faith was about to be tested...	Как ни странно, Мортати не подозревал, какому испытанию еще предстоит подвергнуться его вере...

The silence of St. Peter's Square broke with a ripple at first.	По толпе на площади Святого Петра прокатился какой-то шелест.
The ripple grew to a murmur. And then, suddenly, to a roar. Without warning, the multitudes were crying out as one.	Шелест превратился в негромкий гул голосов, который, в свою очередь, перерос в оглушительный рев. Вся толпа в один голос закричала:
"Look!	- Смотрите!
Look!"	Смотрите!
Mortati opened his eyes and turned to the crowd.	Мортати открыл глаза и посмотрел на людей.
Everyone was pointing behind him, toward the front of St. Peter's Basilica.	Все показывали пальцем в одну расположенную за его спиной точку, в направлении собора Святого Петра.

Their faces were white.	Лица некоторых людей побледнели.
Some fell to their knees.	Многие упали на колени.
Some fainted.	Кое-кто от волнения потерял сознание.
Some burst into uncontrollable sobs.	А часть толпы содрогалась в конвульсивных рыданиях.
"Look!	- Смотрите!
Look!"	Смотрите!
Mortati turned, bewildered, following their outstretched hands.	Ничего не понимающий Мортати обернулся и посмотрел туда, куда показывали воздетые руки.

They were pointing to the uppermost level of the basilica, the rooftop terrace, where huge statues of Christ and his apostles watched over the crowd.	А они показывали на самый верхний уровень здания, на террасу под крышей, откуда на толпу взирали гигантские фигуры Христа и Его апостолов.
There, on the right of Jesus, arms outstretched to the world... stood Camerlegno Carlo Ventresca.	Там, справа от Иисуса, протянув руки к людям Земли... стоял камерарий Карло Вентреска.

125	Глава 125
Robert Langdon was no longer falling.	Роберт Лэнгдон уже не падал.
There was no more terror.	Ощущение ужаса покинуло его.
No pain.	Он не испытывал боли.

Not even the sound of the racing wind.	Даже свист ветра почему-то прекратился.
There was only the soft sound of lapping water, as though he were comfortably asleep on a beach.	Остался лишь нежный шелест волн, который бывает слышен, когда лежишь на пляже.
In a paradox of self awareness, Langdon sensed this was death. He felt glad for it.	Лэнгдон испытывал какую-то странную уверенность в том, что это - смерть, и радовался ее приходу.
He allowed the drifting numbness to possess him entirely.	Ученый позволил этому покою полностью овладеть своим телом.
He let it carry him wherever it was he would go.	Он чувствовал, как ласковый поток несет его туда, куда должен нести.

His pain and fear had been anesthetized, and he did not wish it back at any price.	Боль и страх исчезли, и он не желал их возвращения, чем бы ему это ни грозило.
His final memory had been one that could only have been conjured in hell.	Последнее, что он помнил, был разверзнувшийся под ним ад.
Take me. Please...	"Прими меня в объятия свои, молю Тебя..."
But the lapping that lulled in him a far off sense of peace was also pulling him back.	Но плеск воды не только убаюкивал, порождая ощущение покоя, но и одновременно будил, пытаясь вернуть назад.
It was trying to awaken him from a dream.	Этот звук уводил его из царства грез.
No!	Нет!

Let me be!	Пусть все останется так, как есть!
He did not want to awaken. He sensed demons gathering on the perimeter of his bliss, pounding to shatter his rapture.	Лэнгдон не хотел пробуждения, он чувствовал, что сонмы демонов собрались на границах этого мира, полного счастья, и ждут момента, чтобы лишить его блаженства.
Fuzzy images swirled.	В этот тихий мир ломились какие-то страшные существа.
Voices yelled. Wind churned.	За его стенами слышались дикие крики и вой ветра.
No, please!	"Не надо! Умоляю!!!"
The more he fought, the more the fury filtered through.	Но чем отчаяннее он сопротивлялся, тем наглее вели себя демоны.

Then, harshly, he was living it all again...	А затем он вдруг вернулся к жизни...
The helicopter was in a dizzying dead climb.	*** Вертолет поднимался все выше в своем последнем смертельном полете.
He was trapped inside.	Он оказался в нем, как в ловушке.
Beyond the open door, the lights of Rome looked farther away with every passing second.	Огни Рима внизу, за открытыми дверями кабины, удалялись с каждой секундой.

His survival instinct told him to jettison the canister right now.	Инстинкт самосохранения требовал, чтобы он немедленно выбросил за борт ловушку с антивеществом.

Langdon knew it would take less than twenty seconds for the canister to fall half a mile.	Но Лэнгдон знал, что менее чем за двадцать секунд ловушка успеет пролезть половину мили.
But it would be falling toward a city of people.	И она упадет на город. На людей.
Higher!	Выше!
Higher!	Выше!
Langdon wondered how high they were now.	Интересно, как высоко они сумели забраться, думал Лэнгдон.
Small prop planes, he knew, flew at altitudes of about four miles.	Маленькие винтомоторные самолеты, как ему было известно, имеют потолок в четыре мили.

This helicopter had to be at a good fraction of that by now.	Вертолет успел преодолеть значительную часть этого расстояния.
Two miles up?	Сколько осталось? Две мили?
Three?	Три?
There was still a chance.	У них пока еще есть шансы выжить.
If they timed the drop perfectly, the canister would fall only partway toward earth, exploding a safe distance over the ground and away from the chopper.	Если точно рассчитать время, то ловушка, не достигнув земли, взорвется на безопасном расстоянии как от людей на площади, так и от вертолета.

Langdon looked out at the city sprawling below them.	Он посмотрел вниз, на раскинувшийся под ними город.
"And if you calculate incorrectly?" the camerlegno said.	- А что, если вы ошибетесь в расчетах? - спросил камерарий.
Langdon turned, startled.	Лэнгдон был поражен.
The camerlegno was not even looking at him, apparently having read Langdon's thoughts from the ghostly reflection in the windshield.	Пилот произнес это, даже не взглянув на пассажира. Очевидно, он сумел прочитать его мысли по туманному отражению в лобовом стекле кабины.

Oddly, the camerlegno was no longer engrossed in his controls.	Как ни странно, но камерарий прекратил управление машиной.
His hands were not even on the throttle.	Он убрал руку даже с рычага управления газом.
The chopper, it seemed, was now in some sort of autopilot mode, locked in a climb.	Вертолет, казалось, летел на автопилоте, запрограммированном на подъем.

The camerlegno reached above his head, to the ceiling of the cockpit, fishing behind a cable housing, where he removed a key, taped there out of view.	Священник шарил рукой позади себя под потолком кабины. Через пару секунд он извлек из-за кожуха электрического кабеля спрятанный там ключ.
Langdon watched in bewilderment as the camerlegno quickly unlocked the metal cargo box bolted between the seats.	Лэнгдон с изумлением следил за тем, как камерарий, поспешно открыв металлический ящик, укрепленный между сиденьями, достал оттуда черный нейлоновый ранец довольно внушительных размеров.

He removed some sort of large, black, nylon pack. He lay it on the seat next to him.	Священник положил ранец на пассажирское кресло рядом с собой, повернулся лицом к Лэнгдону и сказал:
Langdon's thoughts churned. The camerlegno's movements seemed composed, as if he had a solution. "Give me the canister," the camerlegno said, his tone serene.	- Давайте сюда антивещество. Уверенность, с которой он действовал, привела ученого в изумление. Священнослужитель, видимо, нашел нужное решение.
Langdon did not know what to think anymore.	Лэнгдон не знал что думать.
He thrust the canister to the camerlegno.	Передавая камерарию ловушку, он сказал:

"Ninety seconds!"	- Девяносто секунд.
What the camerlegno did with the antimatter took Langdon totally by surprise.	То, как поступил с антивеществом клирик, повергло ученого в еще большее изумление.
Holding the canister carefully in his hands, the camerlegno placed it inside the cargo box.	Камерарий осторожно принял из его рук ловушку и так же осторожно перенес ее в грузовой ящик между сиденьями.
Then he closed the heavy lid and used the key to lock it tight.	После этого он закрыл тяжелую крышку и дважды повернул ключ в замке.
"What are you doing!" Langdon demanded.	- Что вы делаете?! - чуть ли не закричал Лэнгдон.

"Leading us from temptation." The camerlegno threw the key out the open window.	- Избавляю нас от искушения, - ответил камерарий и швырнул ключ в темноту за иллюминатором.
As the key tumbled into the night, Langdon felt his soul falling with it.	Лэнгдону показалось, что вслед за ключом во тьму полетела его душа.
The camerlegno then took the nylon pack and slipped his arms through the straps.	После этого Карло Вентреска поднял нейлоновый ранец и продел руки в лямки.

He fastened a waist clamp around his stomach and cinched it all down like a backpack. He turned to a dumbstruck Robert Langdon.	Застегнув на поясе пряжку, он откинул ранец за спину и повернулся лицом к онемевшему от ужаса Лэнгдону.
"I'm sorry," the camerlegno said.	- Простите меня, - сказал он.
"It wasn't supposed to happen this way."	- Я не хотел этого. Все должно было произойти по-другому.
Then he opened his door and hurled himself into the night.	С этими словами он открыл дверцу и вывалился в ночь.

The image burned in Langdon's unconscious mind, and with it came the pain.	*** Эта картина снова возникла в мозгу Лэнгдона, и вместе с ней вернулась боль.
Real pain. Physical pain.	Вполне реальная физическая боль.
Aching. Searing.	Все тело горело огнем.
He begged to be taken, to let it end, but as the water lapped louder in his ears, new images began to flash.	Он снова взмолился о том, чтобы его вернули назад, в покой, чтобы его страдания закончились. Но плеск воды стал сильнее, а перед глазами замелькали новые образы.
His hell had only just begun.	Настоящий ад для него, видимо, только начинался.

He saw bits and pieces. Scattered frames of sheer panic.	В его сознании мелькали какие-то беспорядочные картинки, и к нему снова вернулось чувство ужаса, которое он испытал совсем недавно.
He lay halfway between death and nightmare, begging for deliverance, but the pictures grew brighter in his mind.	Лэнгдон находился на границе между жизнью и смертью, моля об избавлении, но сцены пережитого с каждым мигом становились все яснее и яснее...
The antimatter canister was locked out of reach.	Ловушка с антивеществом была под замком, и добраться до нее он не мог.
It counted relentlessly downward as the chopper shot upward.	Дисплей в железном ящике отсчитывал последние секунды, а вертолет рвался вверх.

Fifty seconds.	Пятьдесят секунд.
Higher.	Выше!
Higher.	Еще выше!
Langdon spun wildly in the cabin, trying to make sense of what he had just seen.	Лэнгдон осмотрел кабину, пытаясь осмыслить то, что увидел.
Forty five seconds.	Сорок пять секунд!
He dug under seats searching for another parachute.	Он порылся под креслом в поисках второго парашюта.
Forty seconds.	Сорок секунд!
There was none!	Парашюта там не было!
There had to be an option!	Но должен же существовать хоть какой-нибудь выход!!!
Thirty five seconds.	Тридцать пять секунд!

He raced to the open doorway of the chopper and stood in the raging wind, gazing down at the lights of Rome below.	Он встал в дверях вертолета и посмотрел вниз, на огни Рима. Ураганный ветер почти валил его с ног.
Thirty two seconds.	Тридцать две секунды!
And then he made the choice.	И в этот миг он сделал свой выбор.
The unbelievable choice...	Выбор совершенно немыслимый...
With no parachute, Robert Langdon had jumped out the door.	*** Роберт Лэнгдон прыгнул вниз, не имея парашюта.

As the night swallowed his tumbling body, the helicopter seemed to rocket off above him, the sound of its rotors evaporating in the deafening rush of his own free fall.	Ночь поглотила его вращающееся тело, а вертолет с новой силой рванулся вверх. Звук двигателя машины утонул в оглушительном реве ветра.
As he plummeted toward earth, Robert Langdon felt something he had not experienced since his years on the high dive-the inexorable pull of gravity during a dead drop.	Такого действия силы тяжести Лэнгдон не испытывал с того времени, когда прыгал в воду с десятиметровой вышки. Но на сей раз это не было падением в глубокий бассейн.
The faster he fell, the harder the earth seemed to pull, sucking him down.	Чем быстрее он падал, тем, казалось, сильнее притягивала его земля.

This time, however, the drop was not fifty feet into a pool. The drop was thousands of feet into a city-an endless expanse of pavement and concrete.	Ему предстояло пролететь не десять метров, а несколько тысяч футов, и под ним была не вода, а бетон и камень.
Somewhere in the torrent of wind and desperation, Kohler's voice echoed from the grave... words he had spoken earlier this morning standing at CERN's free fall tube.	И в этот миг в реве ветра он услышал словно долетевший до него из могилы голос Колера... Эти слова были произнесены утром в ЦЕРНе рядом со стволом свободного падения.
One square yard of drag will slow a falling body almost twenty percent.	Один квадратный ярд поверхности создает такое лобовое сопротивление, что падение тела замедляется на двадцать процентов.

Twenty percent, Langdon now realized, was not even close to what one would need to survive a fall like this.	Лэнгдон понимал, что при таком падении двадцать процентов - ничто. Чтобы выжить, скорость должна быть значительно ниже.
Nonetheless, more out of paralysis than hope, he clenched in his hands the sole object he had grabbed from the chopper on his way out the door.	Тем не менее, скорее машинально, чем с надеждой, он бросил взгляд на единственный предмет, который прихватил в вертолете на пути к дверям.
It was an odd memento, but it was one that for a fleeting instant had given him hope.	Это был весьма странный сувенир, но при виде его у Лэнгдона возникла тень надежды.

The windshield tarp had been lying in the back of the helicopter.	Парусиновый чехол лобового стекла лежал в задней части кабины.
It was a concave rectangle- about four yards by two-like a huge fitted sheet... the crudest approximation of a parachute imaginable.	Он имел форму прямоугольника размером четыре на два ярда. Кроме того, чехол был подшит по краям, наподобие простыни, которая натягивается на матрас. Одним словом... это было грубейшее подобие парашюта.
It had no harness, only bungie loops at either end for fastening it to the curvature of the windshield.	Никаких строп, ремней и лямок на парусине, естественно, не было, но зато с каждой стороны находилось по широкой петле, при помощи которых чехол закрепляли на искривленной поверхности кабины пилота.

Langdon had grabbed it, slid his hands through the loops, held on, and leapt out into the void.	Лэнгдон тогда машинально схватил парусину и, прежде чем шагнуть в пустоту, продел руки в петли.
His last great act of youthful defiance.	Он не мог объяснить себе подобный поступок.
No illusions of life beyond this moment.	Скорее всего это можно было считать последним актом сопротивления. Мальчишеским вызовом судьбе.
Langdon fell like a rock.	Сейчас, камнем падая вниз, он не питал никаких иллюзий. Положение его тела, впрочем, стабилизировалось.
Feet first. Arms raised. His hands gripping the loops.	Теперь он летел ногами вниз, высоко подняв руки.

The tarp billowed like a mushroom overhead.	Напоминавшая шляпку гриба парусина трепыхалась над его головой.
The wind tore past him violently.	Ветер свистел в ушах.
As he plummeted toward earth, there was a deep explosion somewhere above him.	В этот момент где-то над ним прогремел глухой взрыв.

It seemed farther off than he had expected.	Центр взрыва оказался гораздо дальше, чем ожидал Лэнгдон.
Almost instantly, the shock wave hit.	Его почти сразу накрыла взрывная волна.
He felt the breath crushed from his lungs.	Ученый почувствовал, как страшная сила начала сдавливать его легкие.

There was a sudden warmth in the air all around him. He fought to hold on.	Воздух вокруг вначале стал теплым, а затем невыносимо горячим.
A wall of heat raced down from above. The top of the tarp began to smolder... but held.	Верхушка чехла начала тлеть... но парусина все-таки выдержала.
Langdon rocketed downward, on the edge of a billowing shroud of light, feeling like a surfer trying to outrun a thousand foot tidal wave.	Лэнгдон устремился вниз на самом краю световой сферы, ощущая себя серфингистом, пытающимся удержаться на гребне гигантской волны.
Then suddenly, the heat receded. He was falling again through the dark coolness.	Через несколько секунд жар спал, и он продолжил падение в темную прохладу.

For an instant, Langdon felt hope.	На какой-то миг профессор почувствовал надежду на спасение.
A moment later, though, that hope faded like the withdrawing heat above.	Но надежда исчезла так же, как и жара над головой.
Despite his straining arms assuring him that the tarp was slowing his fall, the wind still tore past his body with deafening velocity. Langdon had no doubt he was still moving too fast to survive the fall.	Руки болели, и это свидетельствовало о том, что парусина несколько задерживает падение. Однако, судя по свисту ветра в ушах, он по-прежнему падал с недопустимой скоростью.
He would be crushed when he hit the ground.	Ученый понимал, что удара о землю он не переживет.

Mathematical figures tumbled through his brain, but he was too numb to make sense of them... one square yard of drag... 20 percent reduction of speed.	В его мозгу нескончаемой вереницей проносились какие-то цифры, но понять их значения Лэнгдон не мог... "Один квадратный ярд поверхности создает такое лобовое сопротивление, что падение тела замедляется на двадцать процентов".
All Langdon could figure was that the tarp over his head was big enough to slow him more than 20 percent.	Однако до него все же дошло, что парусина была достаточно большой для того, чтобы замедлить падение более чем на двадцать процентов.
Unfortunately, though, he could tell from the wind whipping past him that whatever good the tarp was doing was not enough.	Но в то же время Лэнгдон понимал, что того снижения скорости, которое давал чехол, для спасения было явно недостаточно.

He was still falling fast... there would be no surviving the impact on the waiting sea of concrete.	Удара о ждущий его внизу бетон ему не избежать.
Beneath him, the lights of Rome spread out in all directions.	Прямо под ним расстилались огни Рима.
The city looked like an enormous starlit sky that Langdon was falling into.	Сверху город был похож на звездное небо, с которого падал Лэнгдон.
The perfect expanse of stars was marred only by a dark strip that split the city in two-a wide, unlit ribbon that wound through the dots of light like a fat snake.	Россыпь огней внизу рассекала на две части темная полоса - широкая, похожая на змею вьющаяся лента.

Langdon stared down at the meandering swatch of black. Suddenly, like the surging crest of an unexpected wave, hope filled him again.	Лэнгдон внимательно посмотрел на черную ленту, и в нем снова затеплилась надежда.
With almost maniacal vigor, Langdon yanked down hard with his right hand on the canopy.	С почти маниакальной силой он правой рукой потянул край парусины вниз.

The tarp suddenly flapped louder, billowing, cutting right to find the path of least resistance. Langdon felt himself drifting sideways.	Ткань издала громкий хлопок, и его импровизированный парашют, выбирая линию наименьшего сопротивления, заскользил вправо.
He pulled again, harder, ignoring the pain in his palm.	Поняв, что направление полета несколько изменилось, ученый, не обращая внимания на боль в ладони, снова рванул парусину.
The tarp flared, and Langdon sensed his body sliding laterally. Not much. But some!	Теперь Лэнгдон видел, что летит не только вниз, но и в сторону.

He looked beneath him again, to the sinuous serpent of black.	Он еще раз взглянул на темную синусоиду под собой и увидел, что река все еще далеко справа.
It was off to the right, but he was still pretty high.	Но и высота оставалась тоже довольно порядочной.
Had he waited too long?	Почему он потерял столько времени?
He pulled with all his might and accepted somehow that it was now in the hands of God.	Он вцепился в ткань и потянул изо всех сил, понимая, что все теперь в руках Божьих.
He focused hard on the widest part of the serpent and... for the first time in his life, prayed for a miracle.	Американец не сводил глаз с самой широкой части темной змеи и первый раз в жизни молил о чуде.

The rest was a blur.	Все последующие события происходили словно в густом тумане.

The darkness rushing up beneath him... the diving instincts coming back... the reflexive locking of his spine and pointing of the toes... the inflating of his lungs to protect his vital organs... the flexing of his legs into a battering ram... and finally... the thankfulness that the winding Tiber River was raging... making its waters frothy and air filled... and three times softer than standing water.	Быстро надвигающаяся снизу темнота... к нему возвращаются старые навыки прыгуна в воду... он напрягает мышцы спины и оттягивает носки... делает глубокий вдох, чтобы защитить внутренние органы... напрягает мышцы ног, превращая их в таран... и, наконец, благодарит Бога за то, что Он создал Тибр таким бурным. Пенящаяся, насыщенная пузырьками воздуха вода оказывает при вхождении в нее сопротивление в три раза меньшее, чем стоячая.

Then there was impact... and blackness.	Затем удар... и полная темнота.
It had been the thundering sound of the flapping canopy that drew the group's eyes away from the fireball in the sky.	*** Громоподобные хлопки парусинового чехла отвлекли внимание зевак от огненного шара в небесах.

The sky above Rome had been filled with sights tonight... a skyrocketing helicopter, an enormous explosion, and now this strange object that had plummeted into the churning waters of the Tiber River, directly off the shore of the river's tiny island, Isola Tiberina.	Да, этой ночью небо над Римом изобиловало необычайными зрелищами... Поднимающийся ввысь вертолет, чудовищной силы взрыв, и вот теперь какой-то странный объект, рухнувший с неба в кипящие воды реки рядом с крошечным Isola Tiberina.

Ever since the island had been used to quarantine the sick during the Roman plague of A.D.	Во всех путеводителях по Риму это место так и называется - Остров на Тибре.

1656, it had been thought to have mystic healing properties. For this reason, the island had later become the site for Rome's Hospital Tiberina.	С 1656 года, когда остров стал местом карантина больных во время эпидемии чумы, ему начали приписывать чудодейственные целительные свойства. Именно по этой причине на острове несколько позже была основана лечебница, получившая название "Оспидале ди Сан-Джованни ди Дио".

The body was battered when they pulled it onto shore.	В извлеченном из воды и изрядно побитом теле, к изумлению спасателей, еще теплилась жизнь.
The man still had a faint pulse, which was amazing, they thought.	Пульс едва прощупывался, но и это слабое биение казалось чудом.
They wondered if it was Isola Tiberina's mythical reputation for healing that had somehow kept his heart pumping.	Еще одним подтверждением мистической репутации этого места.

Minutes later, when the man began coughing and slowly regained consciousness, the group decided the island must indeed be magical.	А через несколько минут, когда спасенный мужчина стал кашлять и к нему начало возвращаться сознание, толпившиеся вокруг него люди окончательно поверили в то, что Остров на Тибре - место, где происходят чудесные исцеления.
126	Глава 126
Cardinal Mortati knew there were no words in any language that could have added to the mystery of this moment.	Кардинал Мортати знал, что ни в одном из языков мира не найдется слов, чтобы описать творящееся на его глазах чудо.

The silence of the vision over St. Peter's Square sang louder than any chorus of angels.	Тишина, воцарившаяся над площадью Святого Петра, была гораздо выразительнее, чем пение целого хора ангелов.
As he stared up at Camerlegno Ventresca, Mortati felt the paralyzing collision of his heart and mind.	Глядя на камерария Карло Вентреска, Мортати всем своим существом ощущал борьбу, которую ведут между собой его сердце и разум.
The vision seemed real, tangible.	Видение казалось реальным и вполне осязаемым.
And yet... how could it be?	Но тем не менее... как он мог там появиться?
Everyone had seen the camerlegno get in the helicopter.	Все видели, что камерарий улетел на вертолете.

They had all witnessed the ball of light in the sky.	Весь мир наблюдал за появлением в небе огненного шара.
And now, somehow, the camerlegno stood high above them on the rooftop terrace.	И вот теперь священник каким-то непостижимым образом оказался высоко над ними на террасе собора, рядом с самим Христом.
Transported by angels?	Неужели его перенесли туда ангелы?
Reincarnated by the hand of God?	Или, может быть, сам Творец воссоздал его из пепла?
This is impossible...	Но подобное невозможно...
Mortati's heart wanted nothing more than to believe, but his mind cried out for reason.	Сердце Мортати хотело верить в чудо, но его разум призывал к реальности.

And yet all around him, the cardinals stared up, obviously seeing what he was seeing, paralyzed with wonder.	Взоры всех кардиналов были обращены в сторону собора, и священнослужители явно видели то же, что видел он. Новое чудо, которое явил Творец, привело их в близкое к параличу состояние.
It was the camerlegno. There was no doubt.	Да, это, вне всякого сомнения, был камерарий.
But he looked different somehow.	Но выглядел он как-то по-иному.
Divine.	В нем ощущалось нечто божественное.
As if he had been purified.	Казалось, что он прошел обряд очищения.
A spirit?	Может быть, это дух?
A man?	Или все-таки человек?

His white flesh shone in the spotlights with an incorporeal weightlessness.	В ослепительно белом свете прожекторов Карло Вентреска казался невесомым.
In the square there was crying, cheering, spontaneous applause.	С площади до Мортати стали доноситься рыдания, приветственные возгласы и даже аплодисменты.
A group of nuns fell to their knees and wailed saetas.	Группа монахинь рухнула на колени и громко запела гимн.
A pulsing grew from in the crowd.	Толпа на площади становилась все более шумной...
Suddenly, the entire square was chanting the camerlegno's name.	Затем последовала короткая пауза, и все люди, не сговариваясь, начали выкрикивать имя камерария.

The cardinals, some with tears rolling down their faces, joined in.	Все кардиналы присоединились к этим крикам, по щекам некоторых из них катились слезы.
Mortati looked around him and tried to comprehend.	Мортати оглядывался по сторонам, пытаясь осмыслить происходящее.
Is this really happening?	Неужели это действительно случилось?
Camerlegno Carlo Ventresca stood on the rooftop terrace of St. Peter's Basilica and looked down over the multitudes of people staring up at him.	*** Камерарий Карло Вентреска стоял на верхней террасе собора и вглядывался в тысячи и тысячи обращенных к нему лиц.

Was he awake or dreaming?	Он не знал до конца, происходит ли это наяву или видится ему во сне.
He felt transformed, otherworldly.	Ему казалось, что он перевоплотился и существует уже в ином мире.
He wondered if it was his body or just his spirit that had floated down from heaven toward the soft, darkened expanse of the Vatican City Gardens... alighting like a silent angel on the deserted lawns, his black parachute shrouded from the madness by the towering shadow of St. Peter's Basilica.	Камерарий задавал себе вопрос: что спустилось с небес на мирные сады Ватикана - его бренное тело или всего лишь нетленная душа? Он снизошел на землю, словно одинокий ангел, а громада собора скрывала от глаз беснующейся на площади толпы его черный парашют.

He wondered if it was his body or his spirit that had possessed the strength to climb the ancient Stairway of Medallions to the rooftop terrace where he now stood.	Камерарий не знал, что сумело вознестись по старинной лестнице на террасу собора - его изможденное тело или неутомимый дух... Он стоял высоко над толпой, и ему казалось, что тело его стало невесомым.

He felt as light as a ghost.	Карло Вентреска казался самому себе призраком.
Although the people below were chanting his name, he knew it was not him they were cheering.	Хотя люди внизу выкрикивали его имя, камерарий твердо знал, что приветствуют они вовсе не его.

They were cheering from impulsive joy, the same kind of joy he felt every day of his life as he pondered the Almighty.	Они кричали потому, что испытывали счастье, которое он сам испытывал каждый день, общаясь с Всемогущим.
They were experiencing what each of them had always longed for... an assurance of the beyond... a substantiation of the power of the Creator.	Люди наконец ощутили те чувства, которые постоянно жаждали ощутить. Они всегда хотели узнать, что находится за гранью... Им необходимо было узреть доказательства всемогущества Создателя.
Camerlegno Ventresca had prayed all his life for this moment, and still, even he could not fathom that God had found a way to make it manifest.	Камерарий Карло Вентреска всю жизнь молил о приходе подобного момента, но даже в самых смелых своих мечтаниях он не мог предположить, что Господь явит себя именно таким образом.

He wanted to cry out to them.	Ему хотелось крикнуть в толпу:
Your God is a living God! Behold the miracles all around you!	"Оглядитесь - и вы увидите вокруг себя чудеса! Бог живет в вас каждую минуту!"
He stood there a while, numb and yet feeling more than he had ever felt.	Некоторое время он стоял молча, испытывая чувства, которых раньше никогда не ведал.
When, at last, the spirit moved him, he bowed his head and stepped back from the edge.	Затем, следуя внутреннему порыву, клирик склонил голову и отступил от края террасы.
Alone now, he knelt on the roof, and prayed.	Оказавшись в одиночестве на крыше, камерарий опустился на колени и приступил к молитве.
127	Глава 127

The images around him blurred, drifting in and out. Langdon's eyes slowly began to focus.	Вокруг него кружились какие-то неясные тени, то совершенно исчезая в тумане, то появляясь вновь.
His legs ached, and his body felt like it had been run over by a truck.	Ноги отчаянно болели, а по телу, как ему казалось, проехал грузовик.
He was lying on his side on the ground.	Он лежал на боку на земле.
Something stunk, like bile.	В ноздри бил острый запах желчи.
He could still hear the incessant sound of lapping water. It no longer sounded peaceful to him.	До слуха по-прежнему долетал шум реки, но этот звук уже не казался ему умиротворяющим.
There were other sounds too-talking close around him.	Он слышал и другие звуки: кто-то говорил совсем рядом с ним.

He saw blurry white forms.	Неясные тени кружились вокруг него в бесконечном хороводе.
Were they all wearing white?	Почему эти фигуры облачены в белые одежды?
Langdon decided he was either in an asylum or heaven.	Видимо, потому, решил Лэнгдон, что он либо в раю, либо в сумасшедшем доме.
From the burning in his throat, Langdon decided it could not be heaven.	Поскольку горло сильно болело (ему казалось, что его обожгли огнем), он решил, что это все же не небеса.

"He's finished vomiting," one man said in Italian.	- Рвота прекратилась, - сказал по-итальянски мужской голос.

"Turn him."	- Переверните его на спину.
The voice was firm and professional.	- Человек говорил профессиональным тоном и при этом весьма властно.
Langdon felt hands slowly rolling him onto his back. His head swam.	Лэнгдон ощутил, как чьи-то руки начали медленно поворачивать его.
He tried to sit up, but the hands gently forced him back down.	Он попытался сесть, но те же руки мягко, но решительно не позволили ему этого сделать.
His body submitted.	Лэнгдон не сопротивлялся.
Then Langdon felt someone going through his pockets, removing items.	После этого ученый почувствовал, что кто-то принялся рыться в его карманах и извлекать их содержимое.

Then he passed out cold.	Затем он снова впал в небытие.
Dr. Jacobus was not a religious man; the science of medicine had bred that from him long ago.	*** Доктор Жакобус не был религиозным человеком. Годы занятия медициной давно лишили его веры в любые потусторонние силы.
And yet, the events in Vatican City tonight had put his systematic logic to the test.	Но то, что случилось этим вечером в Ватикане, подвергло его рациональное мышление весьма серьезному испытанию.
Now bodies are falling from the sky?	Не хватало только того, чтобы с неба начали падать тела, думал он.

Dr. Jacobus felt the pulse of the bedraggled man they had just pulled from the Tiber River. The doctor decided that God himself had hand delivered this one to safety.	Доктор Жакобус пощупал пульс мужчины в мокрой и грязной одежде, которого только что извлекли из вод Тибра, и решил, что этого типа к спасению привел сам Создатель.

The concussion of hitting the water had knocked the victim unconscious, and if it had not been for Jacobus and his crew standing out on the shore watching the spectacle in the sky, this falling soul would surely have gone unnoticed and drowned.	От удара о воду мужчина лишился сознания, и, не окажись доктор Жакобус и его команда на берегу (все они любовались небесным спектаклем), парень наверняка бы утонул.
"? Americano," a nurse said, going through the man's wallet after they pulled him to dry land.	- E Americano, - сказала медсестра, роясь в бумажнике только что извлеченного из воды человека.
American?	Американец?!

Romans often joked that Americans had gotten so abundant in Rome that hamburgers should become the official Italian food.	Коренные обитатели Рима уже давно полушутливо утверждают, что в результате засилья американцев в их городе гамбургеры скоро превратятся в национальное итальянское блюдо.
But Americans falling from the sky?	Но чтобы американцы падали с неба - это уже явный перебор!
Jacobus flicked a penlight in the man's eyes, testing his dilation.	Доктор направил тонкий луч фонарика в глаз мужчины, чтобы проверить реакцию зрачков на свет. Убедившись в том, что зрачки реагируют, он спросил:

"Sir? Can you hear me?	- Вы меня слышите, сэр?

Do you know where you are?"	Вы осознаете, где находитесь?
The man was unconscious again. Jacobus was not surprised.	Человек не ответил.
The man had vomited a lot of water after Jacobus had performed CPR.	Он снова потерял сознание.
"Si chiama Robert Langdon," the nurse said, reading the man's driver's license.	- Si chiama Robert Langdon , - объявила медсестра, изучив водительское удостоверение мужчины.
The group assembled on the dock all stopped short.	Все собравшиеся на берегу медики, услышав имя, буквально окаменели.

"Impossibile!" Jacobus declared.	- Невозможно! - воскликнул Жакобус.
Robert Langdon was the man from the television-the American professor who had been helping the Vatican.	Роберт Лэнгдон был тем человеком, которого показывали по телевизору. Помогавшим Ватикану американским профессором.
Jacobus had seen Mr. Langdon, only minutes ago, getting into a helicopter in St. Peter's Square and flying miles up into the air.	Доктор Жакобус своими глазами видел, как всего несколько минут назад Роберт Лэнгдон сел на площади Святого Петра в вертолет и поднялся в небо.

Jacobus and the others had run out to the dock to witness the antimatter explosion- a tremendous sphere of light like nothing any of them had ever seen.	Жакобус и все остальные выбежали на берег, чтобы посмотреть на взрыв антивещества. Это было грандиозное зрелище. Подобной сферы белого огня никому из них видеть не доводилось.
How could this be the same man!	Это не может быть тот же самый человек!
"It's him!" the nurse exclaimed, brushing his soaked hair back.	- Это точно он! - воскликнула медсестра, отводя назад прилипшие ко лбу мокрые волосы мужчины.
"And I recognize his tweed coat!"	- Кроме того, я узнаю его твидовый пиджак.
Suddenly someone was yelling from the hospital entryway.	Со стороны входа в больницу послышался громкий вопль.

It was one of the patients.	Медики оглянулись и увидели одну из своих пациенток.
She was screaming, going mad, holding her portable radio to the sky and praising God.	Женщина, казалось, обезумела. Воздев к небу руку с зажатым в ней транзисторным приемником, она воздавала громкую хвалу Господу.
Apparently Camerlegno Ventresca had just miraculously appeared on the roof of the Vatican.	Из ее бессвязных слов все поняли, что камерарий Карло Вентреска только что чудесным образом появился на крыше собора.
Dr. Jacobus decided, when his shift got off at 8 A.M., he was going straight to church.	Доктор Жакобус твердо решил, что как только в восемь утра закончится его дежурство, он тут же отправится в церковь.

The lights over Langdon's head were brighter now, sterile.	*** Свет над его головой стал ярче, приобретя какую-то стерильность, а сам он лежал на хирургическом столе.

He was on some kind of examination table.	Воздух был насыщен запахом незнакомых лекарств.
He smelled astringents, strange chemicals. Someone had just given him an injection, and they had removed his clothes.	Ему только что сделали какую-то инъекцию, предварительно освободив от одежды.
Definitely not gypsies, he decided in his semiconscious delirium.	Определенно не цыгане, подумал он в полубреду.
Aliens, perhaps?	Может быть, пришельцы?

Yes, he had heard about things like this.	Да, ему приходилось слышать о подобных вещах.
Fortunately these beings would not harm him.	Но, судя по всему, эти создания не намерены причинить ему вред.
All they wanted were his-	Видимо, они хотят всего лишь...
"Not on your life!" Langdon sat bolt upright, eyes flying open.	- Ни за что! - выкрикнул он, открыл глаза и сел.
"Attento!" one of the creatures yelled, steadying him.	- Attento! - рявкнуло одно из созданий, пытаясь уложить его на стол.
His badge read Dr. Jacobus. He looked remarkably human.	На белом одеянии существа висела картонка с надписью "Д-р Жакобус".

Langdon stammered, "I... thought..."	- Простите... - пробормотал Лэнгдон, - я подумал...
"Easy, Mr. Langdon.	- Успокойтесь, мистер Лэнгдон.
You're in a hospital."	Вы в больнице...
The fog began to lift. Langdon felt a wave of relief.	Туман начал рассеиваться, и ученый ощутил облегчение.
He hated hospitals, but they certainly beat aliens harvesting his testicles.	Он, правда, ненавидел все лечебные учреждения, но эскулапы в любом случае лучше пришельцев, пытающихся завладеть его детородными органами.
"My name is Dr. Jacobus," the man said. He explained what had just happened.	- Меня зовут доктор Жакобус, - представился человек в белом и рассказал пациенту, что произошло.

"You are very lucky to be alive."	- Вы родились в рубашке, молодой человек, -закончил рассказ медик.
Langdon did not feel lucky.	Лэнгдон же себя счастливчиком не чувствовал.
He could barely make sense of his own memories... the helicopter... the camerlegno.	Он с трудом вспоминал, что с ним произошло до этого... вертолет... камерарий.
His body ached everywhere.	На его теле не осталось ни одного живого места. Болело буквально все.
They gave him some water, and he rinsed out his mouth.	Ему дали воду, и он прополоскал рот.

They placed a new gauze on his palm.	После этого они сменили повязку на его ободранной в кровь ладони.
"Where are my clothes?" Langdon asked.	- Где моя одежда? - спросил Лэнгдон.

He was wearing a paper robe.	На нем был хирургический халат из хлопка.
One of the nurses motioned to a dripping wad of shredded khaki and tweed on the counter.	Одна из сестер показала на бесформенную кучу мокрого твида и хаки, лежащую на стойке неподалеку.
"They were soaked. We had to cut them off you."	- Ваша одежда насквозь промокла, и нам пришлось ее с вас срезать.

Langdon looked at his shredded Harris tweed and frowned.	Лэнгдон взглянул на то, что осталось от его твидового пиджака, и нахмурился.
"You had some Kleenex in your pocket," the nurse said.	- Все ценное мы вынули, - продолжала сестра. -Лишь бумажная салфетка, которая была в кармане, совершенно размокла.
It was then that Langdon saw the ravaged shreds of parchment clinging all over the lining of his jacket.	Лэнгдон еще раз посмотрел на пиджак и увидел обрывки пергамента, прилипшие кое-где к подкладке.
The folio from Galileo's Diagramma.	Это было все, что осталось от листка, изъятого из "Диаграммы" Галилея.

The last copy on earth had just dissolved.	Единственная копия, на которой был указан путь к Храму Света, в буквальном смысле растворилась.
He was too numb to know how to react.	У него не было сил как-то отреагировать на эту невосполнимую потерю.
He just stared.	Он просто смотрел и молчал.
"We saved your personal items." She held up a plastic bin.	- Все остальные вещи мы спасли, - повторила сестра.
"Wallet, camcorder, and pen.	- Бумажник, миниатюрную видеокамеру и ручку.
I dried the camcorder off the best I could."	Камеру я, как могла, высушила.

"I don't own a camcorder."	- У меня не было камеры.
The nurse frowned and held out the bin.	Медсестра, не скрывая своего удивления, протянула ему хирургическую кювету с его вещами.
Langdon looked at the contents. Along with his wallet and pen was a tiny Sony RUVI camcorder. He recalled it now.	Увидев рядом с бумажником и ручкой крошечный аппарат фирмы "Сони", Лэнгдон все вспомнил.
Kohler had handed it to him and asked him to give it to the media.	Миниатюрную видеокамеру вручил ему Колер с просьбой передать прессе.
"We found it in your pocket.	- Мы нашли ее у вас в кармане, - повторила сестра.

I think you'll need a new one, though."	- Но думаю, что вам понадобится новый прибор.
The nurse flipped open the two inch screen on the back. "Your viewer is cracked."	- Она открыла крышку двухдюймового экрана и продолжила: - Экран треснул, но зато звук еще есть.
Then she brightened. "The sound still works, though. Barely."	Правда, едва слышно.

She held the device up to her ear. "Keeps playing something over and over." She listened a moment and then scowled, handing it to Langdon.	- Поднеся аппарат к уху, девушка сказала: -Постоянно повторяется одно и то же.

"Two guys arguing, I think."	Похоже, что спорят двое мужчин. С этими словами она передала камеру Лэнгдону.
Puzzled, Langdon took the camcorder and held it to his ear.	Заинтригованный, Лэнгдон взял аппарат и поднес его к уху.
The voices were pinched and metallic, but they were discernible.	Г олоса звучали несколько металлически, но вполне внятно.
One close. One far away.	Один из говоривших был ближе к камере, другой находился чуть поодаль.
Langdon recognized them both.	Лэнгдон без труда узнал обоих собеседников.

Sitting there in his paper gown, Langdon listened in amazement to the conversation.	Сидя в халате на хирургическом столе, ученый со все возрастающим изумлением вслушивался в беседу.
Although he couldn't see what was happening, when he heard the shocking finale, he was thankful he had been spared the visual.	Конец разговора оказался настолько шокирующим, что Лэнгдон возблагодарил судьбу за то, что не имел возможности его увидеть.
My God!	О Боже!

As the conversation began playing again from the beginning, Langdon lowered the camcorder from his ear and sat in appalled mystification.	Когда запись пошла сначала, Лэнгдон отнял аппарат от уха и погрузился в раздумье.
The antimatter... the helicopter... Langdon's mind now kicked into gear.	Антивещество... Вертолет...
But that means...	Но это же означает, что...
He wanted to vomit again.	У него снова началась тошнота.
With a rising fury of disorientation and rage, Langdon got off the table and stood on shaky legs.	Движимый яростью, он в полной растерянности соскочил со стола и замер на дрожащих ногах.

"Mr. Langdon!" the doctor said, trying to stop him.	- Мистер Лэнгдон! - попытался остановить его врач.
"I need some clothes," Langdon demanded, feeling the draft on his rear from the backless gown.	- Мне нужна какая-нибудь одежда, - заявил американец, почувствовав прохладное дуновение; его одеяние оставляло спину неприкрытой.
"But, you need to rest."	- Но вам необходим покой.
"I'm checking out.	- Я выписываюсь.
Now.	Немедленно.
I need some clothes."	И мне нужна одежда.
"But, sir, you-"	- Но, сэр, вы...
"Now!"	- Немедленно!

Everyone exchanged bewildered looks. "We have no clothes," the doctor said.	Медики обменялись недоуменными взглядами, а доктор Жакобус сказал: - У нас здесь нет одежды.

"Perhaps tomorrow a friend could bring you some."	Возможно, утром кто-нибудь из ваших друзей...
Langdon drew a slow patient breath and locked eyes with the doctor.	Лэнгдон, чтобы успокоиться, сделал глубокий вдох и, глядя в глаза эскулапа, медленно произнес:
"Dr. Jacobus, I am walking out your door right now. I need clothes.	- Доктор Жакобус, я должен немедленно уйти, и мне необходима одежда.

I am going to Vatican City.	Я спешу в Ватикан.
One does not go to Vatican City with one's ass hanging out.	Согласитесь, доктор, что вряд ли кто-нибудь появлялся в этом священном месте с голой задницей за все две тысячи лет его существования. Мне не хочется ломать эту традицию.
Do I make myself clear?"	Я ясно выразился?
Dr. Jacobus swallowed hard. "Get this man something to wear."	- Дайте этому человеку какую-нибудь одежду, -нервно сглотнув слюну, распорядился доктор Жакобус.

When Langdon limped out of Hospital Tiberina, he felt like an overgrown Cub Scout.	*** Когда Лэнгдон, хромая на обе ноги, выходил из дверей больницы, он казался себе бойскаутом-переростком.
He was wearing a blue paramedic's jumpsuit that zipped up the front and was adorned with cloth badges that apparently depicted his numerous qualifications.	На нем был голубой комбинезон фельдшера "скорой помощи" с застежкой-молнией от шеи до промежности. Комбинезон украшали многочисленные цветные нашивки, которые, видимо, говорили о высокой квалификации владельца одежды.

The woman accompanying him was heavyset and wore a similar suit.	На сопровождавшей его весьма массивного телосложения женщине был точно такой же наряд.
The doctor had assured Langdon she would get him to the Vatican in record time.	Доктор заверил Лэнгдона, что дама доставит его в Ватикан за рекордно короткое время.
"Molto traffico," Langdon said, reminding her that the area around the Vatican was packed with cars and people.	- Molto traffico , - сказал американец, вспомнив, что все улицы вокруг Ватикана забиты людьми и машинами.

The woman looked unconcerned.	Это предупреждение, видимо, нисколько не обеспокоило даму.
She pointed proudly to one of her patches.	Гордо ткнув пальцем в одну из своих нашивок, она заявила:
"Sono conducente di ambulanza."	- Sono conducente di ambulanza.
"Ambulanza?"	- Ambulanza?
That explained it. Langdon felt like he could use an ambulance ride.	Он понял, что теперь ему, видимо, предстоит поездка в карете "скорой помощи".
The woman led him around the side of the building.	Женщина провела его за угол дома.

On an outcropping over the water was a cement deck where her vehicle sat waiting.	Там, на сооруженной над рекой бетонной площадке, стояло их транспортное средство.

When Langdon saw the vehicle he stopped in his tracks.	Увидев его, Лэнгдон замер.
It was an aging medevac chopper.	Это был видавший виды армейский медицинский вертолет.
The hull read Aero Ambulanza.	На фюзеляже было выведено: "Aero -ambulanza".
He hung his head.	Лэнгдон опустил голову.

The woman smiled. "Fly Vatican City. Very fast."	- Мы летим в Ватикан. Очень быстро, -улыбнулась женщина.
128	Глава 128
The College of Cardinals bristled with ebullience and electricity as they streamed back into the Sistine Chapel.	Кипящие энтузиазмом и энергией кардиналы устремились назад в Сикстинскую капеллу.
In contrast, Mortati felt in himself a rising confusion he thought might lift him off the floor and carry him away.	В отличие от всех остальных членов коллегии Мортати ощущал все возрастающую растерянность. У него даже появилась мысль бросить все и оставить конклав.

He believed in the ancient miracles of the Scriptures, and yet what he had just witnessed in person was something he could not possibly comprehend.	Кардинал верил в древние чудеса из Священного Писания, но то, чему он был свидетелем сегодня, не умещалось в его сознании.
After a lifetime of devotion, seventy nine years, Mortati knew these events should ignite in him a pious exuberance... a fervent and living faith. And yet all he felt was a growing spectral unease.	Казалось бы, после семидесяти девяти лет, прожитых в преданности вере, эти события должны были привести его в религиозный экстаз... а он вместо этого начинал испытывать сильное душевное беспокойство.
Something did not feel right.	Во всех этих чудесах что-то было не так.

"Signore Mortati!" a Swiss Guard yelled, running down the hall.	- Синьор Мортати! - выкрикнул на бегу швейцарский гвардеец.
"We have gone to the roof as you asked.	- Мы, как вы просили, поднялись на крышу.
The camerlegno is... flesh!	Камерарий... во плоти!
He is a true man! He is not a spirit!	Он обычный человек, а не дух!
He is exactly as we knew him!"	Синьор Вентреска такой, каким мы его знали!
"Did he speak to you?"	- Он говорил с вами?
"He kneels in silent prayer!	- Камерарий стоял на коленях в немой молитве.
We are afraid to touch him!"	Мы побоялись его беспокоить.

Mortati was at a loss.	Мортати не знал, как поступить.
"Tell him... his cardinals await."	- Скажите ему... скажите, что кардиналы томятся в ожидании.
"Signore, because he is a man..." the guard hesitated.	- Синьор, поскольку он - человек... - неуверенно произнес гвардеец.
"What is it?"	- И что же?
"His chest... he is burned.	- Его грудь... На ней сильный ожог.

Should we bind his wounds?	Может быть, нам следует вначале перевязать его раны?
He must be in pain."	Думаю, он очень страдает от боли.
Mortati considered it.	Мортати задумался.

Nothing in his lifetime of service to the church had prepared him for this situation.	Долгие годы, посвященные службе церкви, не подготовили его к подобной ситуации.
"He is a man, so serve him as a man.	- Поскольку он человек, то и обращайтесь с ним, как с человеком.
Bathe him. Bind his wounds.	Омойте его.
Dress him in fresh robes.	Облачите в чистые одежды.
We await his arrival in the Sistine Chapel."	Мы будем ждать его в Сикстинской капелле.
The guard ran off.	Швейцарец умчался прочь.
Mortati headed for the chapel.	Мортати направился в капеллу.

The rest of the cardinals were inside now.	Все остальные кардиналы уже находились там.
As he walked down the hall, he saw Vittoria Vetra slumped alone on a bench at the foot of the Royal Staircase.	Выйдя в вестибюль, он увидел Витторию Ветра. Девушка, понурясь, сидела на каменной скамье у подножия Королевской лестницы.
He could see the pain and loneliness of her loss and wanted to go to her, but he knew it would have to wait.	Мортати разделял ее боль и одиночество, но в то же время он знал, что все это может подождать.
He had work to do... although he had no idea what that work could possibly be.	Ему предстоит работа... Однако, положа руку на сердце, Мортати не знал, в чем будет заключаться эта работа.

Mortati entered the chapel. There was a riotous excitement.	Когда он вошел в капеллу, там царил безудержный восторг.
He closed the door. God help me.	"Да поможет мне Бог", - подумал он и закрыл за собой дверь.
Hospital Tiberina's twin rotor Aero Ambulanza circled in behind Vatican City, and Langdon clenched his teeth, swearing to God this was the very last helicopter ride of his life.	* * * Принадлежащий больнице Сан-Джованни ди Дио вертолет кружил за дальней от площади стеной Ватикана, а Лэнгдон стиснув зубы и сжав кулаки, клялся всем известным ему богам что это будет его последний полет на винтокрылой машине.

After convincing the pilot that the rules governing Vatican airspace were the least of the Vatican's concerns right now, he guided her in, unseen, over the rear wall, and landed them on the Vatican's helipad.	Убедив даму-пилота в том, что правила полетов над Ватиканом в данный момент меньше всего заботят правителей этого города-государства, он попросил ее пролететь над стеной и приземлиться на посадочной площадке папской обители.
"Grazie," he said, lowering himself painfully onto the ground.	- Grazie, - сказал он, с трудом спустившись на землю.
She blew him a kiss and quickly took off, disappearing back over the wall and into the night.	Дама послала ему воздушный поцелуй, оторвала машину от земли и мгновенно скрылась в ночи.

Langdon exhaled, trying to clear his head, hoping to make sense of what he was about to do.	Лэнгдон глубоко вздохнул, стараясь привести мысли в порядок и до конца понять суть того, что он собирается предпринять.
With the camcorder in hand, he boarded the same golf cart he had ridden earlier that day.	Не выпуская видеокамеры из рук, он забрался в электрокар, на котором уже ездил днем.
It had not been charged, and the battery meter registered close to empty.	Об аккумуляторах с тех пор никто не позаботился, и стрелка указателя заряда стояла почти на нуле.
Langdon drove without headlights to conserve power.	В целях экономии энергии фары включать он не стал.

He also preferred no one see him coming.	Кроме того, ученый предпочел бы, чтобы его появление осталось незамеченным.
At the back of the Sistine Chapel, Cardinal Mortati stood in a daze as he watched the pandemonium before him.	*** Кардинал Мортати остановился у дверей и ошеломленно наблюдал за тем, что происходило в Сикстинской капелле. А происходило там нечто невообразимое.
"It was a miracle!" one of the cardinals shouted.	- Это подлинное чудо! - кричал один кардинал.
"The work of God!"	- Рука Божия!
"Yes!" others exclaimed.	- Да! - вторил ему другой.
"God has made His will manifest!"	- Господь явил нам Свою волю!

"The camerlegno will be our Pope!" another shouted.	- Камерарий должен стать нашим папой! - вопил третий.
"He is not a cardinal, but God has sent a miraculous sign!"	- Пусть он и не кардинал, но Творец ниспослал нам чудесный знак!
"Yes!" someone agreed.	- Именно так! - с энтузиазмом поддержал его кто-то.
"The laws of conclave are man's laws.	- Законы конклава установлены людьми.
God's will is before us!	И они ничто по сравнению с Божьей волей!
I call for a balloting immediately!"	Призываю всех немедленно приступить к голосованию!

"A balloting?" Mortati demanded, moving toward them.	- К голосованию?! - перекрывая всеобщий шум, рявкнул Мортати.
"I believe that is my job."	- А я-то полагал, что это моя работа!
Everyone turned.	Все повернулись в его сторону.
Mortati could sense the cardinals studying him.	Старик увидел, что кардиналы смотрят на него с явным подозрением. Более того, в некоторых взглядах можно было заметить даже враждебность.

They seemed distant, at a loss, offended by his sobriety. Mortati longed to feel his heart swept up in the miraculous exultation he saw in the faces around him.	Священнослужителей уязвило его равнодушие к явленным только что всему миру чудесам. Трезвый подход ко всем явлениям должен иметь свои границы, считали они.

But he was not.	Мортати очень хотел, чтобы его душа возликовала вместе с остальными, но этого почему-то не случилось.
He felt an inexplicable pain in his soul... an aching sadness he could not explain.	Вместо неземной радости он ощущал... душевную боль и печаль, которым не находил объяснения.

He had vowed to guide these proceedings with purity of soul, and this hesitancy was something he could not deny.	Он поклялся руководить конклавом с чистой душой, но теперь начинал испытывать сомнения. Отрицать это было невозможно.
"My friends," Mortati said, stepping to the altar. His voice did not seem his own.	- Друзья!.. - начал он, выйдя к алтарю (Мортати казалось, что голос, произнесший это, принадлежит вовсе не ему).
"I suspect I will struggle for the rest of my days with the meaning of what I have witnessed tonight.	- Я очень опасаюсь, что весь остаток своих дней проведу в бесплодных попытках понять то, свидетелем чего я был сегодня.

And yet, what you are suggesting regarding the camerlegno... it cannot possibly be God's will."	Вы же немедленно предлагаете избрать папой камерария... хотя нельзя исключать и того, что Бог, возможно, этого не желает.
The room fell silent.	В Сикстинской капелле повисла мертвая тишина.
"How... can you say that?" one of the cardinals finally demanded.	- Как... как вы смеете? - возмутился наконец один из кардиналов.
"The camerlegno saved the church.	- Камерарий спас церковь!
God spoke to the camerlegno directly!	С ним напрямую общался Создатель.

The man survived death itself!	Человек пережил саму смерть!
What sign do we need!"	Какие еще доказательства нам нужны?!
"The camerlegno is coming to us now," Mortati said.	- Камерарий вскоре предстанет перед нами, -сказал Мортати.
"Let us wait. Let us hear him before we have a balloting. There may be an explanation."	- Подождем его появления и, прежде чем приступить к выборам, выслушаем его объяснения.
"An explanation?"	- Объяснения?!
"As your Great Elector, I have vowed to uphold the laws of conclave.	- Когда вы избирали меня на пост "великого выборщика", я дал клятву следовать всем правилам конклава.

You are no doubt aware that by Holy Law the camerlegno is ineligible for election to the papacy. He is not a cardinal.	Вам, вне всякого сомнения, известно, что, согласно Святому уложению, камерарий, не являясь кардиналом, папой быть избран не может.
He is a priest... a chamberlain.	Карло Вентреска простой священник... всего лишь... слуга.
There is also the question of his inadequate age."	Кроме того, он слишком молод для того, чтобы стать понтификом.
Mortati felt the stares hardening.	- Мортати почувствовал, что число обращенных на него враждебных взглядов с каждым его словом возрастает.

"By even allowing a balloting, I would be requesting that you endorse a man who Vatican Law proclaims ineligible.	- Но даже если я и проведу голосование, то потребую, чтобы вы предварительно изменили правила, формально одобрив возможность избрания человека, избранию не подлежащего.
I would be asking each of you to break a sacred oath."	Я попрошу каждого из вас торжественно отречься от данной вами клятвы соблюдать Святое уложение.
"But what happened here tonight," someone stammered, "it certainly transcends our laws!"	- Но то, что мы видели сегодня, - сердито возразил кто-то, - стоит бесспорно выше всех наших законов.

"Does it?" Mortati boomed, not even knowing now where his words were coming from.	- Неужели? - прогремел Мортати, даже не понимая, откуда исходят эти слова.
"Is it God's will that we discard the rules of the church?	- Неужели Бог желает, чтобы мы отказались от законов церкви?!
Is it God's will that we abandon reason and give ourselves over to frenzy?"	Неужели Создатель хочет, чтобы мы, не слушая голоса разума, принимали решения, следуя взрыву эмоций?
"But did you not see what we saw?" another challenged angrily.	- Но разве вы не видели того, что видели мы? - злобно поинтересовался один из кардиналов.
"How can you presume to question that kind of power!"	- Да как вы смеете сомневаться в подобного рода проявлениях Высшей силы?!

Mortati's voice bellowed now with a resonance he had never known. "I am not questioning God's power!	- Я вовсе не сомневаюсь! - Голос Мортати прозвучал с такой силой, которой кардинал в себе и не подозревал.
It is God who gave us reason and circumspection!	- Я не ставлю под сомнение всемогущество нашего Творца.
It is God we serve by exercising prudence!"	Именно Он наградил нас разумом и чувством осторожности. Проявляя благоразумие, мы служим Богу!
129	Глава 129
In the hallway outside the Sistine Chapel, Vittoria Vetra sat benumbed on a bench at the foot of the Royal Staircase.	Виттория Ветра по-прежнему сидела в одиночестве на каменной скамье у подножия Королевской лестницы неподалеку от Сикстинской капеллы.

When she saw the figure coming through the rear door, she wondered if she were seeing another spirit.	Когда через заднюю дверь в помещение проникла какая-то фигура, девушке показалось, что она снова видит призрак.
He was bandaged, limping, and wearing some kind of medical suit.	Призрак был в бинтах, хромал на обе ноги, и на нем был костюм работника "скорой помощи".
She stood... unable to believe the vision.	Не веря своим глазам, она поднялась на ноги и прошептала:
"Ro... bert?"	- Ро... Роберт?
He never answered.	Лэнгдон не ответил.
He strode directly to her and wrapped her in his arms.	Молча проковыляв к ней, он заключил ее в объятия и поцеловал в губы.

When he pressed his lips to hers, it was an impulsive, longing kiss filled with thankfulness.	В этом импульсивном действии девушка ощутила боль и благодарность.
Vittoria felt the tears coming. "Oh, God... oh, thank God..."	- Благодарю тебя, Боже, - прошептала она, не сдерживая слез. - Благодарю!..
He kissed her again, more passionately, and she pressed against him, losing herself in his embrace.	Он поцеловал ее еще раз, и девушка целиком растворилась в этом поцелуе.
Their bodies locked, as if they had known each other for years.	Их тела слились воедино так, словно они знали друг друга уже много лет.

She forgot the fear and pain. She closed her eyes, weightless in the moment.	Забыв боль и страх, Виттория стояла, прижавшись к нему, и на какой-то миг ей показалось, что она стала невесомой.
"It is God's will!" someone was yelling, his voice echoing in the Sistine Chapel.	*** - Это Божья воля! - выкрикнул кто-то, и эхо его голоса прокатилось под сводами Сикстинской капеллы.
"Who but the chosen one could have survived that diabolical explosion?"	- Кто, кроме избранника Божьего, мог пережить дьявольский взрыв?!
"Me," a voice reverberated from the back of the chapel.	- Я, - послышался голос от дверей капеллы.

Mortati and the others turned in wonder at the bedraggled form coming up the center aisle.	Все кардиналы повернулись и с изумлением уставились на плетущегося к ним человека.
"Mr.... Langdon?" Without a word, Langdon walked slowly to the front of the chapel.	- Мистер... Лэнгдон? - не веря своим глазам, спросил Мортати. Не говоря ни слова, ученый прошел к алтарю.
Vittoria Vetra entered too.	Следом за ним шла Виттория Ветра.
Then two guards hurried in, pushing a cart with a large television on it.	Два швейцарских гвардейца вкатили в капеллу тележку с большим телевизором.

Langdon waited while they plugged it in, facing the cardinals. Then Langdon motioned for the guards to leave. They did, closing the door behind them.	Пока гвардейцы размещали телевизор экраном к кардиналам и включали его в сеть, Лэнгдон не двигался.
Now it was only Langdon, Vittoria, and the cardinals. Langdon plugged the Sony RUVI's output into the television. Then he pressed Play.	Как только швейцарцы ушли, ученый вставил кабель камеры "Сони" в гнездо входа на телевизоре и нажал кнопку воспроизведения.
The television blared to life.	Экран ожил.

The scene that materialized before the cardinals revealed the Pope's office.	Перед глазами кардиналов возник папский кабинет.
The video had been awkwardly filmed, as if by hidden camera.	Картинка была не очень четкой. Создавалось впечатление, что снимали скрытой камерой.
Off center on the screen the camerlegno stood in the dimness, in front of a fire.	В правой части изображения находился камерарий. Он стоял рядом с камином, но его лицо оставалось в тени.

Although he appeared to be talking directly to the camera, it quickly became evident that he was speaking to someone else-whoever was making this video.	Хотя клирик говорил прямо в камеру, было ясно, что он обращался к кому-то еще - очевидно, к человеку, который вел съемку.

Langdon told them the video was filmed by Maximilian Kohler, the director of CERN.	Лэнгдон пояснил, что фильм снимал директор ЦЕРНа Максимилиан Колер.

Only an hour ago Kohler had secretly recorded his meeting with the camerlegno by using a tiny camcorder covertly mounted under the arm of his wheelchair.	Всего лишь час назад Колер записал свою беседу с камерарием при помощи крошечной видеокамеры, вмонтированной в подлокотник его инвалидного кресла.
Mortati and the cardinals watched in bewilderment.	Мортати и остальные кардиналы в недоумении взирали на экран.
Although the conversation was already in progress, Langdon did not bother to rewind.	Хотя беседа продолжалась уже некоторое время, Лэнгдон не стал отматывать пленку.

Apparently, whatever Langdon wanted the cardinals to see was coming up...	Видимо, та часть фильма, которую, по мнению ученого, должны были увидеть высокопоставленные священнослужители, только начиналась...
"Leonardo Vetra kept diaries?" the camerlegno was saying.	*** - Неужели Леонардо Ветра вел дневник? - говорил камерарий.
"I suppose that is good news for CERN.	- Если так, то это, я полагаю, прекрасная новость для ЦЕРНа.
If the diaries contain his processes for creating antimatter-"	В том случае, если в дневнике изложена технология получения антивещества...
"They don't," Kohler said.	- Там этого нет, - сказал Колер.

"You will be relieved to know those processes died with Leonardo.	- Вы, видимо, почувствуете облегчение, узнав, что способ получения антиматерии умер вместе с Леонардо.
However, his diaries spoke of something else.	В его дневнике говорится о другом.
You."	А именно - о вас.
The camerlegno looked troubled. "I don't understand."	- Не понимаю, - ответил камерарий. Было заметно, что слова директора его встревожили.
"They described a meeting Leonardo had last month. With you."	- Там имеется запись о его встрече с вами, имевшей место месяц назад.

The camerlegno hesitated, then looked toward the door.	Камерарий помолчал немного, а затем, взглянув на дверь, произнес:
"Rocher should not have granted you access without consulting me.	- Рошер не должен был пускать вас сюда, не заручившись моим согласием.
How did you get in here?"	Каким образом вам удалось проникнуть в кабинет?
"Rocher knows the truth.	- Рошеру все известно.
I called earlier and told him what you have done."	Я предварительно позвонил ему и рассказал о том, что вы сделали.
"What I have done?	- Что я сделал?

Whatever story you told him, Rocher is a Swiss Guard and far too faithful to this church to believe a bitter scientist over his camerlegno."	Что бы вы ему ни наплели, Рошер - швейцарский гвардеец, который слишком предан этой церкви, чтобы поверить словам озлобленного ученого.

"Actually, he is too faithful not to believe.	- Вы правы, он действительно предан церкви.
He is so faithful that despite the evidence that one of his loyal guards had betrayed the church, he refused to accept it.	Предан настолько, что, несмотря на то что все улики указывали на одного из его швейцарцев, отказывался поверить, что его люди способны на предательство.
All day long he has been searching for another explanation."	Он весь день искал другие объяснения.

"So you gave him one."	- И вы ему подобное объяснение обеспечили?
"The truth.	- Да. Я рассказал ему всю правду.
Shocking as it was."	Правду, прямо говоря, шокирующую.
"If Rocher believed you, he would have arrested me."	- Если Рошер вам поверил, он должен был немедленно арестовать меня...
"No.	- Нет.
I wouldn't let him. I offered him my silence in exchange for this meeting."	Я этого не допустил, обещав свое молчание в обмен на встречу с вами.

The camerlegno let out an odd laugh. "You plan to blackmail the church with a story that no one will possibly believe?"	- Неужели вы намерены шантажировать церковь россказнями, в которые скорее всего никто не поверит? - с каким-то странным смешком сказал камерарий.
"I have no need of blackmail.	- Я никого не собираюсь шантажировать.
I simply want to hear the truth from your lips.	Я всего лишь хочу услышать правду из ваших уст.
Leonardo Vetra was a friend."	Леонардо Ветра был моим другом.
The camerlegno said nothing. He simply stared down at Kohler.	Камерарий, не отвечая на эти слова, повернулся лицом к камину.
"Try this," Kohler snapped.	- Что же, в таком случае скажу я, - продолжал Колер.

"About a month ago, Leonardo Vetra contacted you requesting an urgent audience with the Pope-an audience you granted because the Pope was an admirer of Leonardo's work and because Leonardo said it was an emergency."	- Примерно месяц назад Леонардо Ветра вступил с вами в контакт и попросил срочной аудиенции у папы. Вы организовали эту встречу, поскольку понтифик всегда восхищался научными успехами Леонардо. Кроме того, Ветра сказал вам, что возникла чрезвычайная ситуация и дело не терпит отлагательства.
The camerlegno turned to the fire. He said nothing.	Камерарий молча смотрел в огонь.
"Leonardo came to the Vatican in great secrecy.	- Леонардо тайно прибыл в Ватикан.

He was betraying his daughter's confidence by coming here, a fact that troubled him deeply, but he felt he had no choice.	Моего друга очень огорчало то, что он тем самым нарушал данное дочери слово, но иного выбора у него не было.
His research had left him deeply conflicted and in need of spiritual guidance from the church.	Последнее открытие породило в душе Леонардо серьезный конфликт, и он очень нуждался в духовном руководстве.

In a private meeting, he told you and the Pope that he had made a scientific discovery with profound religious implications.	Во время конфиденциальной встречи он сообщил папе и вам, что совершил открытие, которое может иметь самые серьезные религиозные последствия.

He had proved Genesis was physically possible, and that intense sources of energy-what Vetra called God-could duplicate the moment of Creation."	Он доказал физическую возможность акта Творения. Опыты Ветра показали, что с помощью мощного источника энергии - который мой друг именовал Богом - можно воспроизвести момент Творения.
Silence.	Ответом директору было молчание.
"The Pope was stunned," Kohler continued.	- Папа был потрясен, - продолжал Колер.
"He wanted Leonardo to go public.	- Он хотел, чтобы Леонардо публично сообщил о своем достижении.

His Holiness thought this discovery might begin to bridge the gap between science and religion-one of the Pope's life dreams.	Его святейшество полагал, что это открытие сможет проложить мост через пропасть между наукой и религией. А об этом папа мечтал всю свою жизнь.
Then Leonardo explained to you the downside-the reason he required the church's guidance.	Но затем Леонардо рассказал вам о другой стороне эксперимента. О том, что вынудило его обратиться за духовным наставлением.
It seemed his Creation experiment, exactly as your Bible predicts, produced everything in pairs. Opposites.	Дело в том, что в результате акта Творения все создавалось парами (так утверждает ваша Библия), причем парами противоположностей.

Light and dark.	Как свет и тьма, например.
Vetra found himself, in addition to creating matter, creating antimatter.	Ветра обнаружил, что это справедливо и в отношении его эксперимента. Создав вещество, он одновременно создал и его противоположность - антивещество. Это его беспокоило.
Shall I go on?"	Стоит ли мне продолжать?
The camerlegno was silent. He bent down and stoked the coals.	Камерарий вместо ответа наклонился к огню и пошевелил кочергой уголья.
"After Leonardo Vetra came here," Kohler said, "you came to CERN to see his work.	- Через некоторое время вы посетили ЦЕРН, чтобы лично ознакомиться с работой Леонардо.

Leonardo's diaries said you made a personal trip to his lab."	В дневниках доктора Ветра есть упоминание о том, что вы были в его лабораторий.
The camerlegno looked up. Kohler went on.	Камерарий посмотрел на Колера, который сказал:
"The Pope could not travel without attracting media attention, so he sent you.	- Поездка папы неизбежно привлекла бы внимание прессы, поэтому он направил в Женеву вас.
Leonardo gave you a secret tour of his lab.	Леонардо тайно провел вас по своей лаборатории.
He showed you an antimatter annihilation-the Big Bang-the power of Creation.	Он показал вам аннигиляцию. Модель Большого взрыва. Или, если хотите, энергию Творения.

He also showed you a large specimen he kept locked away as proof that his new process could produce antimatter on a large scale.	Более того, Леонардо Ветра провел вас в хранилище опасных материалов, где вы увидели большой образец антивещества. Образец, который был призван доказать, что антиматерию можно производить в значительных количествах.
You were in awe. You returned to Vatican City to report to the Pope what you had witnessed."	Вы выразили Леонардо свое восхищение и, вернувшись в Ватикан, доложили папе обо всем, что видели.
The camerlegno sighed. "And what is it that troubles you?	- И что же, простите, вас так гложет? - со вздохом спросил камерарий.

That I would respect Leonardo's confidentiality by pretending before the world tonight that I knew nothing of antimatter?"	- Неужели то, что, уважая волю Леонардо Ветра, я этим вечером делал вид, что мне ничего не известно об антивеществе?
"No!	- Нет!
It troubles me that Leonardo Vetra practically proved the existence of your God, and you had him murdered!"	Меня гложет то, что вы организовали его убийство, хотя он практически доказал существование вашего Бога!
The camerlegno turned now, his face revealing nothing.	Камерарий смотрел на Колера, и на его лице нельзя было увидеть никаких эмоций.

The only sound was the crackle of the fire.	А потрескивание горящих поленьев было единственным звуком, нарушавшим тишину кабинета.
Suddenly, the camera jiggled, and Kohler's arm appeared in the frame.	Неожиданно камера задрожала, и на экране возникла рука Колера.
He leaned forward, seeming to struggle with something affixed beneath his wheelchair.	Было видно, что директор лихорадочно пытается извлечь из-под кресла какой-то предмет.
When he sat back down, he held a pistol out before him.	Через несколько секунд в его руке появился пистолет.

The camera angle was a chilling one... looking from behind... down the length of the outstretched gun... directly at the camerlegno.	Картинка получилась очень выразительной: смотревшая сзади камера показывала во всю длину руку с зажатым в ней оружием. Ствол пистолета был направлен прямо в грудь камерария.
Kohler said, "Confess your sins, Father. Now."	- Признавайтесь в своих грехах, святой отец. Признавайтесь немедленно!
The camerlegno looked startled. "You will never get out of here alive."	- Вы понимаете, что живым вам отсюда не выбраться? - испуганно произнес камерарий.

"Death would be a welcome relief from the misery your faith has put me through since I was a boy."	- Смерть явится долгожданным избавлением от страданий, которые я благодаря вашей религии вынужден терпеть с раннего детства.
Kohler held the gun with both hands now.	- Колер держал пистолет уже обеими руками.
"I am giving you a choice.	- Я даю вам возможность выбора.
Confess your sins... or die right now."	Признание в преступлениях или немедленная смерть!
The camerlegno glanced toward the door.	Камерарий покосился на дверь.

"Rocher is outside," Kohler challenged.	- Рошер стоит снаружи, - сказал Колер.

"He too is prepared to kill you."	- Он тоже готов вас убить.
"Rocher is a sworn protector of th-"	- Капитан дал торжественную клятву защищать цер...
"Rocher let me in here.	- Он впустил меня сюда.
Armed.	С оружием.
He is sickened by your lies.	Ваша ложь ему отвратительна.
You have a single option.	У вас еще есть выбор.
Confess to me.	Признайтесь в преступлениях.
I have to hear it from your very lips."	Я хочу услышать это признание из ваших уст.
The camerlegno hesitated.	Камерарий явно не знал, как поступить.

Kohler cocked his gun.	Пистолет в руках Колера чуть приподнялся.
"Do you really doubt I will kill you?"	- Неужели вы все еще сомневаетесь в том, что я вас пристрелю? - спросил директор ЦЕРНа.
"No matter what I tell you," the camerlegno said, "a man like you will never understand."	- Что бы я вам ни сказал, - ответил камерарий, -вы не тот человек, который способен понять мои слова.
"Try me."	- А вы все же попытайтесь.
The camerlegno stood still for a moment, a dominant silhouette in the dim light of the fire.	Камерарий несколько секунд стоял неподвижно, его силуэт был четко виден на фоне огня.

When he spoke, his words echoed with a dignity more suited to the glorious recounting of altruism than that of a confession.	Когда он заговорил, его голос зазвучал с таким достоинством, словно речь шла не об убийстве, а об акте великого альтруизма.
"Since the beginning of time," the camerlegno said, "this church has fought the enemies of God.	- С самого начала времен, - начал камерарий, -церковь вела сражение с врагами Бога.
Sometimes with words. Sometimes with swords.	Иногда ее оружием было слово, а иногда - меч.
And we have always survived."	И мы всегда побеждали в этой борьбе.
The camerlegno radiated conviction.	Клирик говорил без тени сомнения, с полной убежденностью в правоте своих слов.

"But the demons of the past," he continued, "were demons of fire and abomination... they were enemies we could fight-enemies who inspired fear.	- Но все демоны прошлого были демонами зла, и они вызывали всеобщий страх и отвращение... Бороться с ними нам было сравнительно легко.
Yet Satan is shrewd.	Но сатана хитер и умен.
As time passed, he cast off his diabolical countenance for a new face... the face of pure reason.	С течением времени его дьявольская личина обрела иную форму... форму чистого разума.
Transparent and insidious, but soulless all the same."	Эта внешне прозрачная форма тем не менее коварна и опасна. Она, как и демоны прошлого, лишена души.

The camerlegno's voice flashed sudden anger- an almost maniacal transition. "Tell me, Mr. Kohler! How can the church condemn that which makes logical sense to our minds!	- В голосе камерария неожиданно вспыхнул гнев, и он продолжил чуть ли не с маниакальным напором: - Подскажите мне, мистер Колер, каким образом церковь может выступить с осуждением того, что придает нашему уму способность логически мыслить?
How can we decry that which is now the very foundation of our society!	Как можем мы открыто осуждать то, что является фундаментом нашего общества?
Each time the church raises its voice in warning, you shout back, calling us ignorant. Paranoid. Controlling!	Стоит нам возвысить голос, чтобы выступить с предупреждением, как вы поднимаете крик, называя нас невеждами и параноиками.

And so your evil grows. Shrouded in a veil of self righteous intellectualism.	Вы возвещаете всему миру, что обскуранты пытаются положить конец прогрессу. И зло, которое вы сеете, постоянно разрастается.
It spreads like a cancer.	Это зло, завернувшееся в мантию самодовольного интеллектуализма, разрастается, как раковая опухоль.
Sanctified by the miracles of its own technology.	Зло обожествляет себя, являя миру все новые и новые чудеса.
Deifying itself!	Чудеса техники и технологии.
Until we no longer suspect you are anything but pure goodness.	И вы делаете это постоянно, внушая всем, что вы есть подлинное Добро.

Science has come to save us from our sickness, hunger, and pain!	Наука, говорите вы, пришла к вам, дабы избавить вас от болезней, голода и страдании!
Behold science-the new God of endless miracles, omnipotent and benevolent!	Преклоняйтесь перед наукой - новым божеством, божеством всемогущим и всемилостивейшим!
Ignore the weapons and the chaos.	Не обращайте внимания на порождаемые ею смертоносное оружие и хаос!
Forget the fractured loneliness and endless peril.	Забудьте о своем хрупком одиночестве и о все новых и новых угрозах!
Science is here!"	Наука всегда с вами!
The camerlegno stepped toward the gun.	- Камерарий сделал несколько шагов вперед к направленному на него пистолету.

"But I have seen Satan's face lurking... I have seen the peril..."	- Но я увидел за всем этим оскал сатаны... узрел скрытую угрозу...
"What are you talking about!	- О чем вы говорите?
Vetra's science practically proved the existence of your God!	Ведь открытие Ветра практически доказало существование Бога!
He was your ally!"	Леонардо был вашим союзником!
"Ally?	- Союзником? Нет!
Science and religion are not in this together!	Наука и религия не могут шагать рука об руку.
We do not seek the same God, you and I!	Вы и я обращаемся к разным богам.

Who is your God?	Кто является вашим божеством?

One of protons, masses, and particle charges?	Протоны, масса и электрический заряд?
How does your God inspire?	Разве способен подобный бог внушить вдохновение?
How does your God reach into the hearts of man and remind him he is accountable to a greater power!	Разве может ваш бог, прикоснувшись к сердцу каждого человека, напомнить ему о его ответственности перед Высшей силой?
Remind him that he is accountable to his fellow man!	Об ответственности перед другими людьми?
Vetra was misguided.	Ветра заблуждался.

His work was not religious, it was sacrilegious! Man cannot put God's Creation in a test tube and wave it around for the world to see!	Человек не имеет права засунуть Божий акт Творения в пробирку и размахивать ею перед всем миром!
This does not glorify God, it demeans God!"	Это не прославляет Бога, это принимает Его!
The camerlegno was clawing at his body now, his voice manic.	Камерарий скрюченными пальцами обеих рук вцепился в ткань сутаны на груди, и в его голосе зазвенели истерические ноты.
"And so you had Leonardo Vetra killed!"	- И поэтому вы его убили?
"For the church!	- Ради блага церкви!
For all mankind!	Ради блага всего человечества!

The madness of it!	Его безумное открытие!
Man is not ready to hold the power of Creation in his hands.	Человек еще не созрел для того, чтобы обладать могуществом Творца.
God in a test tube?	Бог в пробирке?
A droplet of liquid that can vaporize an entire city?	Капля жидкости, способная превратить в пар целый город?
He had to be stopped!"	Его надо было остановить!!!
The camerlegno fell abruptly silent. He looked away, back toward the fire.	Выкрикнув последнюю фразу, камерарий вдруг умолк и взглянул на огонь.
He seemed to be contemplating his options.	Создавалось впечатление, что он взвешивает в уме различные варианты своих дальнейших действий.

Kohler's hands leveled the gun. "You have confessed.	- Вы признались в преступлении, - сказал Колер, поднимая пистолет.
You have no escape."	- Вам не спастись.
The camerlegno laughed sadly. "Don't you see. Confessing your sins is the escape."	- Разве вы не знаете, что признание греха уже есть путь к спасению? - печально рассмеялся камерарий.
He looked toward the door. "When God is on your side, you have options a man like you could never comprehend."	Он посмотрел на дверь и продолжил: - Когда Бог на вашей стороне, перед вами открываются такие возможности, которых вам, дорогой директор, не дано понять.

With his words still hanging in the air, the camerlegno grabbed the neck of his cassock and violently tore it open, revealing his bare chest.	Когда эти слова все еще звучали в воздухе, камерарий взялся обеими руками за ворот сутаны и рывком разорвал на себе одежду, обнажив грудь.
Kohler jolted, obviously startled. "What are you doing!"	- Что вы задумали?! - изумленно спросил Колер.
The camerlegno did not reply.	Камерарий не ответил.
He stepped backward, toward the fireplace, and removed an object from the glowing embers.	Он отступил назад к камину и снял с янтарных углей какой-то предмет.

"Stop!" Kohler demanded, his gun still leveled.	- Прекратите! - закричал, не опуская пистолета, Колер.
"What are you doing!"	- Что вы делаете?
When the camerlegno turned, he was holding a red hot brand.	Когда камерарий обернулся, в его руках было раскаленное докрасна клеймо.
The Illuminati Diamond.	"Ромб иллюминати"!
The man's eyes looked wild suddenly. "I had intended to do this all alone." His voice seethed with a feral intensity.	- Я собирался сделать это в одиночестве... - Голос его дрожал от напряжения, а взгляд стал абсолютно диким.

"But now... I see God meant for you to be here.	- Но теперь... Я вижу, что вас сюда послал Бог.
You are my salvation."	И вы - мое спасение.
Before Kohler could react, the camerlegno closed his eyes, arched his back, and rammed the red hot brand into the center of his own chest.	Прежде чем Колер успел что-то сделать, камерарий закрыл глаза, запрокинул голову и приложил раскаленное клеймо к самому центру груди.
His flesh hissed.	Плоть зашипела, а клирик закричал:
"Mother Mary!	- Мать Мария!
Blessed Mother... Behold your son!" He screamed out in agony.	Мария Благословенная!.. Помоги своему сыну!

Kohler lurched into the frame now... standing awkwardly on his feet, gun wavering wildly before him.	В кадре появился Колер. Он неуклюже стоял на ногах, размахивая рукой с пистолетом.
The camerlegno screamed louder, teetering in shock.	Камерарий кричал, покачиваясь от невыносимой боли.
He threw the brand at Kohler's feet. Then the priest collapsed on the floor, writhing in agony.	Затем, бросив клеймо к ногам Колера, он рухнул на пол и забился в конвульсиях, не переставая вопить.
What happened next was a blur.	Все остальное происходило словно в тумане.
There was a great flurry onscreen as the Swiss Guard burst into the room.	В комнату ворвались швейцарские гвардейцы.

The soundtrack exploded with gunfire.	Звуковая дорожка взорвалась выстрелами.
Kohler clutched his chest, blown backward, bleeding, falling into his wheelchair.	Колер схватился за грудь, сделал шаг назад и упал в кресло.

"No!" Rocher called, trying to stop his guards from firing on Kohler.	- Нет! - закричал Рошер, пытаясь остановить стрелявших в Колера гвардейцев.
The camerlegno, still writhing on the floor, rolled and pointed frantically at Rocher.	Катающийся по полу камерарий яростно ткнул пальцем в сторону капитана и прохрипел:
"Illuminatus!"	- Иллюминат!

"You bastard," Rocher yelled, running at him.	- Ублюдок! - закричал Рошер.
"You sanctimonious bas-"	- Лицемерный свято...
Chartrand cut him down with three bullets. Rocher slid dead across the floor.	Шартран срезал офицера тремя выстрелами.
Then the guards ran to the wounded camerlegno, gathering around him.	После этого гвардейцы столпились вокруг камерария.
As they huddled, the video caught the face of a dazed Robert Langdon, kneeling beside the wheelchair, looking at the brand.	В кадре возникло полубезумное лицо Роберта Лэнгдона. Он стоял на коленях рядом с креслом Колера и разглядывал клеймо.

Then, the entire frame began lurching wildly.	Затем изображение задергалось.
Kohler had regained consciousness and was detaching the tiny camcorder from its holder under the arm of the wheelchair.	К Колеру вернулось сознание, и он попытался извлечь из подлокотника кресла крошечную видеокамеру.
Then he tried to hand the camcorder to Langdon.	Когда ему это наконец удалось, он протянул аппарат Лэнгдону и хрипло прошептал:
"G give..." Kohler gasped. "G give this to the m media."	- Передайте... передайте... прессе.
Then the screen went blank.	На этом запись заканчивалась. Через несколько секунд демонстрация началась сначала.

130	Глава 130
The camerlegno began to feel the fog of wonder and adrenaline dissipating.	Камерарий ощутил, что окутывающий его чудесный туман начинает постепенно рассеиваться, а количество адреналина в крови неуклонно снижаться.
As the Swiss Guard helped him down the Royal Staircase toward the Sistine Chapel, the camerlegno heard singing in St. Peter's Square and he knew that mountains had been moved.	Швейцарские гвардейцы осторожно вели его по Королевской лестнице в сторону Сикстинской капеллы, а он прислушивался к доносящемуся с площади Святого Петра пению. Камерарий понял, что ему все же удалось сдвинуть гору.
Grazie Dio.	Grazie, Dio.

He had prayed for strength, and God had given it to him.	"Благодарю тебя, Боже". Он молил Бога о том, чтобы Он даровал ему силы, и Творец услышал его молитву.
At moments when he had doubted, God had spoken.	А в те моменты, когда в его душе возникало сомнение, к нему обращался сам Творец.
Yours is a Holy mission, God had said.	"На тебя возложена священная миссия, - сказал Господь.
I will give you strength.	- Я дарую тебе силу".

Even with God's strength, the camerlegno had felt fear, questioning the righteousness of his path.	Но несмотря на поддержку самого Создателя, камерарий ощущал страх и часто спрашивал себя, правильный ли путь он избрал.

If not you, God had challenged, then Who?	Если не ты, говорил в ответ на эти сомнения Бог, то кто?
If not now, then When?	Если не сейчас, то когда?
If not this way, then How?	Если не таким образом, то как?
Jesus, God reminded him, had saved them all... saved them from their own apathy.	Иисус, напомнил ему Творец, спас всех людей... спас от их собственной апатии.
With two deeds, Jesus had opened their eyes.	Двумя своими деяниями Иисус открыл людям глаза.
Horror and Hope.	Эти два деяния породили у людей два чувства. Ужас и надежду.
The crucifixion and the resurrection.	А деяния эти были: Распятие Его и Воскрешение.

He had changed the world.	Этим Он изменил мир.
But that was millennia ago.	Но случилось это две тысячи лет назад.
Time had eroded the miracle.	Чудо покрылось патиной времени.
People had forgotten.	Люди стали о нем забывать.
They had turned to false idols-techno deities and miracles of the mind.	Они обратились к ложным идолам - технике и чудесам разума.
What about miracles of the heart!	А где же чудеса сердца?
The camerlegno had often prayed to God to show him how to make the people believe again.	Камерарий часто обращался к Богу с молитвой, чтобы Он подсказал ему, как можно заставить людей снова обратиться к вере.

But God had been silent.	Но Бог хранил молчание.
It was not until the camerlegno's moment of deepest darkness that God had come to him.	Однако в самый мрачный момент его жизни Господь все же посетил его.
Oh, the horror of that night!	Карло Вентреска до сих пор помнил это во всех деталях.
The camerlegno could still remember lying on the floor in tattered nightclothes, clawing at his own flesh, trying to purge his soul of the pain brought on by a vile truth he had just learned.	Он помнил, как катался по земле в разодранной в клочья ночной рубашке и царапал в кровь грудь, пытаясь очистить душу от той скверны, которую принесли ему только что услышанные слова.

It cannot be! he had screamed. And yet he knew it was.	"Не может быть!" - выкрикивал он, зная, что все обстоит именно так.
The deception tore at him like the fires of hell.	Ложь, о которой он узнал, терзала его, словно адское пламя.
The bishop who had taken him in, the man who had been like a father to him, the clergyman whom the camerlegno had stood beside while he rose to the papacy... was a fraud.	Епископ, который взял его к себе, человек, который стал ему отцом, клирик, рядом с которым находился камерарий все время, пока тот шагал к папскому престолу... оказался лжецом.
A common sinner.	Заурядным грешником.

Lying to the world about a deed so traitorous at its core that the camerlegno doubted even God could forgive it.	Он скрывал от людей такое чудовищное деяние, которое, как считал камерарий, ему не смог бы простить даже Бог.
"Your vow!" the camerlegno had screamed at the Pope.	"Вы же давали обет! - кричал камерарий в лицо папе.
"You broke your vow to God!	- Вы нарушили слово, данное Богу!
You, of all men!"	И это вы - первый человек на земле!"
The Pope had tried to explain himself, but the camerlegno could not listen.	Понтифик пытался что-то объяснить, но Карло его не слушал.

He had run out, staggering blindly through the hallways, vomiting, tearing at his own skin, until he found himself bloody and alone, lying on the cold earthen floor before St. Peter's tomb.	Он выбежал из комнаты и, ничего не видя перед собой, помчался по коридорам. Затем у него началась неудержимая рвота. В таком состоянии он находился до тех пор, пока не оказался у могилы святого Петра.
Mother Mary, what do I do?	"Мать Мария, как я должен поступить?"
It was in that moment of pain and betrayal, as the camerlegno lay devastated in the Necropolis, praying for God to take him from this faithless world, that God had come.	И в тот момент, когда, страдая от вызванной предательством душевной боли и раздирая в кровь грудь и лицо, он катался по земле Некрополя и молил Творца забрать его из этого безбожного мира, пред ним предстал сам Господь.

The voice in his head resounded like peals of thunder.	Его мозг разорвал похожий на раскаты грома голос:
"Did you vow to serve your God?"	- Ты давал обет служения Богу?
"Yes!" the camerlegno cried out.	- Да! - выкрикнул камерарий.
"Would you die for your God?"	- Ты готов умереть за Него?
"Yes!	- Да!
Take me now!"	Забери меня к Себе!
"Would you die for your church?"	- Ты готов умереть за свою церковь?
"Yes!	- Да!
Please deliver me!"	Молю Тебя, освободи меня от юдоли земной!

"But would you die for... mankind?"	- Но готов ли ты пожертвовать жизнью за... человечество?
It was in the silence that followed that the camerlegno felt himself falling into the abyss. He tumbled farther, faster, out of control.	После этого воцарилась тишина, и камерарию показалось, что он падает в бездонную пропасть.
And yet he knew the answer.	Но ответ на последний вопрос он знал.
He had always known.	Он знал его всегда.
"Yes!" he shouted into the madness.	- Да! - крикнул он во тьму безумия.
"I would die for man!	- Я готов умереть за людей!

Like your son, I would die for them!"	И я умру ради них так, как это сделал Твой сын!
Hours later, the camerlegno still lay shivering on his floor. He saw his mother's face.	Несколько часов спустя, все еще лежа на земле Некрополя, камерарий увидел лицо матери.

God has plans for you, she was saying.	"У Бога для тебя грандиозные планы", - сказала тогда она.
The camerlegno plunged deeper into madness.	Камерарий все больше и больше погружался в безумие.
It was then God had spoken again.	И вот с ним снова заговорил Бог.
This time with silence. But the camerlegno understood.	На сей раз слов не было, но камерарий все понял.

Restore their faith.	"Восстанови веру!"
If not me... then who?	Если не я... то кто?
If not now... then when?	Если не сейчас... то когда?
As the guards unbolted the door of the Sistine Chapel, Camerlegno Carlo Ventresca felt the power moving in his veins... exactly as it had when he was a boy.	Когда швейцарские гвардейцы начали открывать дверь Сикстинской капеллы, камерарий Карло Вентреска ощутил, как по его жилам стала разливаться новая сила... та самая сила, которую он почувствовал, будучи ребенком.
God had chosen him.	Бог избрал его.
Long ago.	Давным-давно.
His will be done.	И он выполнит Его волю.

The camerlegno felt reborn.	Камерарию казалось, будто он родился заново.
The Swiss Guard had bandaged his chest, bathed him, and dressed him in a fresh white linen robe.	Швейцарские гвардейцы омыли его, перевязали рану на груди и одели в чистейшую белоснежную мантию.
They had also given him an injection of morphine for the burn.	Чтобы снять боль, они сделали ему инъекцию морфина.
The camerlegno wished they had not given him painkillers.	Камерарий сожалел, что они накачали его болеутоляющим раствором.
Jesus endured his pain for three days on the cross!	Иисус целых три дня, вплоть до своего вознесения, страдал от боли!

He could already feel the drug uprooting his senses... a dizzying undertow.	Камерарий чувствовал, как лекарство начинает менять его ощущения... голова немного кружилась.
As he walked into the chapel, he was not at all surprised to see the cardinals staring at him in wonder.	Войдя в капеллу, он совсем не удивился тому, что кардиналы взирают на него с благоговейным восхищением.
They are in awe of God, he reminded himself.	"Они благоговеют перед Богом, - напомнил он себе.
Not of me, but how God works THROUGH me.	- Они преклоняются не передо мной, а перед тем, что Творец ЧЕРЕЗ МЕНЯ явил людям".

As he moved up the center aisle, he saw bewilderment in every face. And yet, with each new face he passed, he sensed something else in their eyes.	Шествуя по центральному проходу и вглядываясь в обращенные к нему лица, он уловил нечто странное.
What was it?	В чем дело?

The camerlegno had tried to imagine how they would receive him tonight.	Камерарий до этого пытался угадать, как его встретят кардиналы.
Joyfully?	С восторгом?
Reverently?	С почтением?

He tried to read their eyes and saw neither emotion.	Однако, заглядывая в глаза священнослужителей, Карло Вентреска видел в них какие угодно эмоции, но только не эти.
It was then the camerlegno looked at the altar and saw Robert Langdon.	В этот момент камерарий посмотрел на алтарь и увидел Роберта Лэнгдона.
131	Глава 131
Camerlegno Carlo Ventresca stood in the aisle of the Sistine Chapel. The cardinals were all standing near the front of the church, turned, staring at him.	Карло Вентреска остановился в центральном проходе Сикстинской капеллы, а кардиналы, столпившись у алтаря, пожирали его глазами.

Robert Langdon was on the altar beside a television that was on endless loop, playing a scene the camerlegno recognized but could not imagine how it had come to be.	Рядом с Робертом Лэнгдоном камерарий увидел большой работающий телевизор. Он сразу понял, что было изображено на экране, но не мог взять в толк, как была сделана запись. Это было просто невозможно.
Vittoria Vetra stood beside him, her face drawn.	Совсем близко к клирику стояла Виттория. Ее лицо искажала гримаса отвращения.

The camerlegno closed his eyes for a moment, hoping the morphine was making him hallucinate and that when he opened them the scene might be different.	Камерарий закрыл глаза в надежде на то, что это морфин вызвал у него галлюцинации и что, когда он снова взглянет на мир, картина будет совершенно иной.
But it was not.	Но когда он открыл глаза, ничто не изменилось.
They knew.	Они все знают.
Oddly, he felt no fear.	Как ни странно, но страха он не ощутил.
Show me the way, Father.	Укажи мне путь, Отец.
Give me the words that I can make them see Your vision.	Подскажи мне слова, которые смогли бы заставить их увидеть события Твоими глазами.

But the camerlegno heard no reply.	Однако ответа камерарий не услышал.
Father, We have come too far together to fail now.	Создатель, я вместе с Тобой проделал слишком большой путь, чтобы теперь отступить.
Silence.	Молчание.
They do not understand what We have done.	Они не понимают, что нам с Тобой удалось свершить.
The camerlegno did not know whose voice he heard in his own mind, but the message was stark.	Камерарий не знал, чей голос прозвучал в его мозгу, но смысл сказанного был совершенно ясен.

And the truth shall set you free...	Только полная правда освободит тебя...
And so it was that Camerlegno Carlo Ventresca held his head high as he walked toward the front of the Sistine Chapel.	*** Камерарий Карло Вентреска, гордо вскинув голову и выпрямившись во весь рост, направился к алтарю Сикстинской капеллы.

As he moved toward the cardinals, not even the diffused light of the candles could soften the eyes boring into him.	Когда он проходил мимо кардиналов, даже теплый свет свечей не мог смягчить сверлившие его взгляды.
Explain yourself, the faces said.	"Объясни все, - говорили ему эти взгляды.
Make sense of this madness.	- Придай смысл этому безумию.

Tell us our fears are wrong!	Скажи, что наши страхи напрасны!"
Truth, the camerlegno told himself.	Правда, сказал себе камерарий.
Only truth.	Только правда.
There were too many secrets in these walls... one so dark it had driven him to madness.	Эти стены скрывают слишком много тайн, и одна из них... настолько мрачна, что лишила его разума.
But from the madness had come the light.	Но это безумие привело к свету.
"If you could give your own soul to save millions," the camerlegno said, as he moved down the aisle, "would you?"	- Вы готовы пожертвовать своей душой, - начал камерарий, подойдя к алтарю, - чтобы спасти миллионы?

The faces in the chapel simply stared. No one moved. No one spoke.	Эти слова не нашли никакого отклика у кардиналов. Они стояли неподвижно, продолжая сверлить его взглядами. Никто не проронил ни слова.
Beyond the walls, the joyous strains of song could be heard in the square.	С площади Святого Петра долетало радостное пение.
The camerlegno walked toward them. "Which is the greater sin?	- Какой грех более велик? - продолжил он, сделав шаг вперед.
Killing one's enemy?	- Убийство врага?
Or standing idle while your true love is strangled?"	Или бездействие в тот момент, когда на ваших глазах душат того, кого вы любите?

They are singing in St. Peter's Square! The camerlegno stopped for a moment and gazed up at the ceiling of the Sistine.	Люди на площади поют, радостно подумал он и возвел глаза к потолку Сикстинской капеллы.
Michelangelo's God was staring down from the darkened vault... and He seemed pleased.	С темного свода на него взирал Бог, созданный кистью Микеланджело. Камерарию показалось, что Творец смотрит на него с одобрением.
"I could no longer stand by," the camerlegno said.	- Я не мог больше оставаться в стороне, -продолжил камерарий.
Still, as he drew nearer, he saw no flicker of understanding in anyone's eyes.	Хотя Карло Вентреска стоял совсем рядом с кардиналами, он не заметил ни малейшей искорки понимания в их глазах.

Didn't they see the radiant simplicity of his deeds?	Неужели они не видят блистательной простоты его деяний?!
Didn't they see the utter necessity!	Неужели не понимают, что эти деяния вызваны необходимостью?!
It had been so pure.	Ведь его замысел был ясен!
The Illuminati.	Иллюминаты.

Science and Satan as one.	Наука и сатана суть одно и то же!
Resurrect the ancient fear. Then crush it.	Необходимо было возродить древние страхи, чтобы потом их сокрушить.
Horror and Hope.	Ужас и надежда.

Make them believe again.	Два этих чувства заставят всех снова уверовать.
Tonight, the power of the Illuminati had been unleashed anew... and with glorious consequence.	Этим вечером былая мощь братства "Иллюминати" снова в полной мере проявила себя... и с великолепным результатом.
The apathy had evaporated.	Всеобщую апатию как рукой сняло.
The fear had shot out across the world like a bolt of lightning, uniting the people.	Ужас с быстротой молнии охватил весь земной шар, объединяя людей.
And then God's majesty had vanquished the darkness.	А затем Бог во всем своем величии разогнал наступившую было тьму.

I could not stand idly by!	"Я не мог оставаться в стороне!"
The inspiration had been God's own-appearing like a beacon in the camerlegno's night of agony.	Вдохновение пришло к камерарию в ночь страданий, и одарил его им сам Творец.
Oh, this faithless world!	О, этот безбожный мир!
Someone must deliver them.	Кто-то должен был принести ему избавление.
You.	Это должен быть ты!
If not you, who?	Если не ты, то кто?
You have been saved for a reason.	Ты был спасен в детстве с высокой целью.
Show them the old demons.	Покажи людям древних демонов.

Remind them of their fear.	Возроди в них старые страхи.
Apathy is death.	Апатия равносильна смерти.
Without darkness, there is no light.	Без тьмы не бывает света.
Without evil, there is no good.	Без зла не может быть добра.
Make them choose.	Вынуди их сделать выбор.
Dark or light.	Свет или тьма.
Where is the fear?	Где страх?
Where are the heroes?	Где герои?
If not now, when?	Если не сейчас, то когда?

The camerlegno walked up the center aisle directly toward the crowd of standing cardinals.	Камерарий двинулся по центральному проходу прямо на толпу кардиналов.
He felt like Moses as the sea of red sashes and caps parted before him, allowing him to pass.	Он почувствовал себя Моисеем, когда красные пояса и шапки начали расступаться перед ним, освобождая ему путь.
On the altar, Robert Langdon switched off the television, took Vittoria's hand, and relinquished the altar.	Роберт Лэнгдон выключил телевизор, взял Витторию за руку и отошел от алтаря.

The fact that Robert Langdon had survived, the camerlegno knew, could only have been God's will.	Камерарий не сомневался в том, что спасение Лэнгдона было делом рук Божьих.

God had saved Robert Langdon. The camerlegno wondered why.	Правда, Карло Вентреска не совсем понимал, с какой целью Создатель так поступил.
The voice that broke the silence was the voice of the only woman in the Sistine Chapel.	Нарушивший тишину голос принадлежал единственной находящейся в Сикстинской капелле женщине.
"You killed my father?" she said, stepping forward.	- Вы убили моего отца, - сказала, выступая вперед, Виттория.
When the camerlegno turned to Vittoria Vetra, the look on her face was one he could not quite understand-pain yes, but anger?	Камерарий посмотрел на девушку, и его очень удивило выражение ее лица. Ее боль и страдание он мог понять. Но откуда такая озлобленность?

Certainly she must understand. Her father's genius was deadly.	Ведь она первой должна была понять, что гений ее отца таит в себе смерть.
He had to be stopped.	Его необходимо было остановить.
For the good of Mankind.	Во имя блага человечества.
"He was doing God's work," Vittoria said.	- А ведь он занимался Божьим делом, - закончила Виттория.
"God's work is not done in a lab.	- Божьи дела не могут вершиться в лаборатории.
It is done in the heart."	Они вершатся в сердцах.
"My father's heart was pure!	- Отец был чист сердцем!
And his research proved-"	И его исследования доказали...

"His research proved yet again that man's mind is progressing faster than his soul!" The camerlegno's voice was sharper than he had expected. He lowered his voice. "If a man as spiritual as your father could create a weapon like the one we saw tonight, imagine what an ordinary man will do with his technology."	- Исследования вашего отца еще раз доказали, что человеческий ум развивается гораздо быстрее, чем его душа! - произнес камерарий несколько более резко, чем ему хотелось, поэтому он снизил тон и продолжил: - Если столь духовная личность, как ваш родитель, способна создать оружие, действие которого мы имели возможность наблюдать этой ночью, то представьте, как может использовать антивещество простой, приземленный человек.
"A man like you?"	- Человек, подобный вам?

The camerlegno took a deep breath.	Камерарий глубоко вздохнул.
Did she not see?	Неужели она по-прежнему ничего не понимает?
Man's morality was not advancing as fast as man's science.	Человеческая мораль совершенствуется медленнее, чем развивается наука.
Mankind was not spiritually evolved enough for the powers he possessed.	Человечество духовно не созрело для того могущества, которым оно уже обладает.
We have never created a weapon we have not used!	Люди никогда не создавали оружия, которого затем не использовали!

And yet he knew that antimatter was nothing-another weapon in man's already burgeoning arsenal.	А антивещество есть не что иное, как новое оружие в и без того огромном арсенале.

Man could already destroy.	Человек способен уничтожить мир.
Man learned to kill long ago.	Человек давным-давно научился убивать.
And his mother's blood rained down.	И кровь его матери дождем лилась вниз.
Leonardo Vetra's genius was dangerous for another reason.	Однако гений Леонардо Ветра таил в себе иную, гораздо более страшную опасность.

"For centuries," the camerlegno said, "the church has stood by while science picked away at religion bit by bit.	- В течение столетий церковь держалась, несмотря на то что наука отгрызала от нее кусок за куском,- сказал камерарий.
Debunking miracles.	- Наука развенчивала чудеса.
Training the mind to overcome the heart.	Учила ум властвовать над сердцем.
Condemning religion as the opiate of the masses.	Осуждала религию как опиум для народа.

They denounce God as a hallucination- a delusional crutch for those too weak to accept that life is meaningless. I could not stand by while science presumed to harness the power of God himself!	Наука считала Бога галлюцинацией -иллюзорными костылями для тех, кто слишком слаб, чтобы признать якобы бессмысленность своего существования. Я не мог остаться в стороне, когда наука взяла на себя смелость поставить под вопрос могущество самого Творца.
Proof, you say?	Доказательство, говорите вы?

Yes, proof of science's ignorance! What is wrong with the admission that something exists beyond our understanding?	Да, бесспорно, - но доказательство не существования Господа, как вы утверждаете, а всего лишь невежественности самой науки! Что плохого видите вы в признании того, что имеются вещи, которые находятся за пределами нашего понимания?
The day science substantiates God in a lab is the day people stop needing faith!"	День, когда ученые воспроизведут сущность Бога в лаборатории, станет днем, после которого люди перестанут нуждаться в вере!
"You mean the day they stop needing the church," Vittoria challenged, moving toward him.	- Вы, видимо, хотите сказать, что после этого люди перестанут нуждаться в церкви? - спросила Виттория, приближаясь к камерарию.

"Doubt is your last shred of control.	- Сомнение есть ваш последний рычаг контроля над людьми.
It is doubt that brings souls to you.	Только сомнение приводит к вам души человеческие.
Our need to know that life has meaning.	Мы все хотим познать смысл жизни.
Man's insecurity and need for an enlightened soul assuring him everything is part of a master plan.	Людям свойственны неуверенность в будущем и тяга к свету познания, которое несет им освобождение.
But the church is not the only enlightened soul on the planet!	Но кто сказал, что церковь является единственным источником света на нашей планете?!
We all seek God in different ways.	Каждый из нас по-своему ищет Бога.

What are you afraid of?	Чего вы так страшитесь?

That God will show himself somewhere other than inside these walls?	Того, что Бог где-то явит себя не так, как являет здесь, за этими стенами?
That people will find him in their own lives and leave your antiquated rituals behind?	Вы боитесь того, что люди найдут его в своих собственных жизнях и отбросят прочь ваши замшелые ритуалы?
Religions evolve!	Религии эволюционируют!
The mind finds answers, the heart grapples with new truths.	Умы находят ответы, в сердцах укореняются новые истины.
My father was on your quest!	Мой отец был вместе с вами!

A parallel path!	Но шагал он по параллельной тропе!
Why couldn't you see that?	Как вы этого не видите?
God is not some omnipotent authority looking down from above, threatening to throw us into a pit of fire if we disobey.	Бог - это не какая-то всемогущая сила, взирающая на нас сверху и угрожающая за неповиновение ввергнуть нас в геенну огненную.
God is the energy that flows through the synapses of our nervous system and the chambers of our hearts!	Бог - это та энергия, которая струится по синапсам нашей нервной системы и которой полнятся наши сердца.
God is in all things!"	Бог во всем!

"Except science," the camerlegno fired back, his eyes showing only pity.	- Во всем, кроме науки! - бросил в ответ камерарий, и во взгляде его все увидели искреннюю жалость.
"Science, by definition, is soulless.	- Наука по определению бездушна!
Divorced from the heart. Intellectual miracles like antimatter arrive in this world with no ethical instructions attached.	К чудесам разума, подобным антивеществу, которые появляются в нашем мире, инструкции по этике их применения, увы, не прилагаются.
This in itself is perilous!	И это само по себе вызывает опасения.

But when science heralds its Godless pursuits as the enlightened path? Promising answers to questions whose beauty is that they have no answers?"	Но становится по-настоящему страшно, когда безбожная наука объявляет свои потуги поиском пути к свету и обещает ответить на вопросы, красота которых состоит как раз в том, что ответа на них нет!
He shook his head. "No."	Камерарий печально покачал головой.
There was a moment of silence.	В Сикстинскую капеллу на время вернулась тишина.
The camerlegno felt suddenly tired as he returned Vittoria's unbending stare.	Заглянув в глаза Витторрии и поймав ее суровый взгляд, камерарий вдруг ощутил безмерную усталость.
This was not how it was supposed to be.	Ведь она должна была все понять!

Is this God's final test?	Неужели Господь еще раз его испытывает?
It was Mortati who broke the spell.	На сей раз молчание нарушил Мортати.
"The preferiti," he said in a horrified whisper.	- I preferiti... - произнес старый кардинал душераздирающим шепотом.
"Baggia and the others.	- Баджиа и другие...

Please tell me you did not..."	Умоляю, скажите нам, что это не вы...
The camerlegno turned to him, surprised by the pain in his voice.	Камерарий посмотрел на него, изумившись той боли, которую почувствовал в голосе старика.

Certainly Mortati could understand.	Кто-кто, а Мортати должен был все понять.
Headlines carried science's miracles every day.	Заголовки газет ежедневно кричали о чудесах науки.
How long had it been for religion?	Сколько лет прошло со времени последнего религиозного чуда?
Centuries?	Сотни!
Religion needed a miracle!	Религия нуждалась в чуде.
Something to awaken a sleeping world. Bring them back to the path of righteousness.	Нуждалась в чем-то таком, что могло пробудить дремлющий мир, вернуть человечество на путь добродетели.

Restore faith.	Возродить веру.
The preferiti were not leaders anyway, they were transformers-liberals prepared to embrace the new world and abandon the old ways!	I preferiti не годились в лидеры. Эти кардиналы были реформатами, либералами, готовыми принять мир таким, каков он есть, отбросив священные традиции.
This was the only way.	Церковь нуждалась в новом вожде.
A new leader.	Молодом.
Young.	Сильном.
Powerful.	Энергичном.
Vibrant. Miraculous.	Порожденном Божественным чудом.

The preferiti served the church far more effectively in death than they ever could alive.	Своей смертью кардиналы принесут церкви гораздо больше пользы, чем если бы они продолжали служить ей живыми.
Horror and Hope.	Ужас и надежда.
Offer four souls to save millions.	Жертва четырех душ во имя спасения миллионов.
The world would remember them forever as martyrs.	Мир будет вечно помнить их как мучеников за веру.
The church would raise glorious tribute to their names.	Церковь прославит их имена.
How many thousands have died for the glory of God?	Сколько тысяч людей пожертвовали своими жизнями во славу Божию?

They are only four.	А сегодня умерли лишь четыре человека.
"The preferiti," Mortati repeated.	- I preferiti, - повторил Мортати.
"I shared their pain," the camerlegno defended, motioning to his chest.	- Я разделил их страдания, - ответил камерарий, показывая на грудь.
"And I too would die for God, but my work is only just begun.	- И я готов умереть за веру, но мое дело только началось.
They are singing in St. Peter's Square!"	Вы слышите пение на площади?

The camerlegno saw the horror in Mortati's eyes and again felt confused.	Увидев, что лицо Мортати исказил ужас, камерарий снова ощутил некоторую растерянность.

Was it the morphine?	Может быть, это все же действует морфин?
Mortati was looking at him as if the camerlegno himself had killed these men with his bare hands.	Мортати смотрел на него так, словно камерарий своими руками убил четверых кардиналов.
I would do even that for God, the camerlegno thought, and yet he had not.	"Я бы сделал это во имя Бога, - подумал он, - но до этого дело не дошло".
The deeds had been carried out by the Hassassin-a heathen soul tricked into thinking he was doing the work of the Illuminati.	Убийство совершил дикарь и язычник ассасин, уверенный в том, что выполняет волю иллюминатов.

I am Janus, the camerlegno had told him.	"Я - Янус, - сказал ему камерарий.
I will prove my power.	- И я докажу свое могущество".
And he had.	И он доказал это.
The Hassassin's hatred had made him God's pawn.	А ненависть ассасина к церкви сделала его пешкой в руках Божьих.
"Listen to the singing," the camerlegno said, smiling, his own heart rejoicing.	- Прислушайтесь к пению, - с улыбкой произнес камерарий, сердце которого было исполнено радости.
"Nothing unites hearts like the presence of evil.	- Ничто не объединяет людей сильнее, чем присутствие зла.

Burn a church and the community rises up, holding hands, singing hymns of defiance as they rebuild.	Сожгите церковь, и вся округа поднимется на ноги, возьмется за руки и, распевая гимны, будет требовать ее немедленного восстановления.
Look how they flock tonight.	Взгляните, как люди этой ночью стремятся держаться вместе.
Fear has brought them home.	Это сделал страх.
Forge modern demons for modern man.	Новый человек нуждается в новых демонах.
Apathy is dead.	Апатия равносильна смерти.

Show them the face of evil-Satanists lurking among us-running our governments, our banks, our schools, threatening to obliterate the very House of God with their misguided science.	Пусть они увидят лицо зла - сатанистов, не только возглавляющих правительства, банки и школы, но и стремящихся с помощью своей безбожной науки стереть с лица земли сам Дом Божий.
Depravity runs deep. Man must be vigilant.	Порок проник во все поры общества, и люди должны постоянно быть начеку.
Seek the goodness.	Ищите добро!
Become the goodness!"	Станьте сами этим добром!
In the silence, the camerlegno hoped they now understood.	Наступила тишина, и в душе камерария зажглась надежда, что они наконец все поняли.

The Illuminati had not resurfaced.	Иллюминаты покинули наш мир.
The Illuminati were long deceased. Only their myth was alive.	Орден "Иллюминати" давно почил, остался лишь миф о нем.

The camerlegno had resurrected the Illuminati as a reminder.	Камерарий вернул его к жизни как напомина-ние.
Those who knew the Illuminati history relived their evil.	Те, кто знал историю со-общества, вспомнили о когда-то творимом им зле.
Those who did not, had learned of it and were amazed how blind they had been.	А те, кто ничего не слы-шал об иллюминатах, узнав о них, изумились своей собственной сле-поте.

The ancient demons had been resurrected to awaken an indifferent world.	Древние демоны верну- лись, чтобы разбудить впавший в летаргию мир.
"But... the brands?"	- Но... но клейма?!
Mortati's voice was stiff with outrage.	- Голос Мортати дрожал от ярости.
The camerlegno did not answer.	Камерарий не ответил.
Mortati had no way of knowing, but the brands had been confiscated by the Vatican over a century ago.	Старому кардиналу не дано было знать, что клейма были конфиско- ваны Ватиканом более века назад.

They had been locked away, forgotten and dust covered, in the Papal Vault- the Pope's private reliquary, deep within his Borgia apartments.	С тех пор они забытыми пылились в папском хра- нилище в палатах Бор- джиа.
The Papal Vault contained those items the church deemed too dangerous for anyone's eyes except the Pope's.	В этом реликварии нахо- дились предметы, кото- рые, по мнению церкви, было опасно показывать кому-либо, кроме самих пап.
Why did they hide that which inspired fear?	Почему они скрывали от людских глаз то, что вну- шает страх?

Fear brought people to God!	Ведь страх приводит людей к Богу!
The vault's key was passed down from Pope to Pope. Camerlegno Carlo Ventresca had purloined the key and ventured inside; the myth of what the vault contained was bewitching-the original manuscript for the fourteen unpublished books of the Bible known as the Apocrypha, the third prophecy of Fatima, the first two having come true and the third so terrifying the church would never reveal it.	Ключ от хранилища переходил от одного папы к другому, однако камерарий Карло Вентреска похитил его и проник в реликварии. Содержимое его завораживало. Там находились рукописи четырнадцати неопубликованных книг Библии -так называемых апокрифов. Он увидел там третье пророчество Фатимы. Первые два пророчества сбылись, а третье было настолько ужасающим, что церковь не осмеливалась его обнародовать.

In addition to these, the camerlegno had found the Illuminati Collection-all the secrets the church had uncovered after banishing the group from Rome... their contemptible Path of Illumination... the cunning deceit of the Vatican's head artist, Bernini... Europe's top scientists mocking religion as they secretly assembled in the Vatican's own Castle St. Angelo.	Помимо этого, камерарий обнаружил в хранилище целую коллекцию предметов, имеющих отношение к братству "Иллюминати". В коллекции хранились ответы на все тайны сообщества. Эти ответы церковь получила, изгнав иллюминатов из Рима. Путь просвещения... Хитроумные уловки главного скульптора Ватикана Бернини... Запись издевательств в адрес церкви, которые допускали ведущие ученые Европы, собираясь в своем Храме Света в замке Святого ангела.

The collection included a pentagon box containing iron brands, one of them the mythical Illuminati Diamond.	В этом собрании находился и пятиугольный ларец с шестью железными клеймами. Одним из этих клейм и был мифический "Ромб иллюминати".

This was a part of Vatican history the ancients thought best forgotten.	Все это было частью древней истории Ватикана, о которой предпочитали забыть.
The camerlegno, however, had disagreed.	Однако камерарий с этим не соглашался.
"But the antimatter..." Vittoria demanded.	- Но антивещество... - сказала Виттория.
"You risked destroying the Vatican!"	- Вы поставили под угрозу само существование Ватикана.

"There is no risk when God is at your side," the camerlegno said.	- Когда Бог на вашей стороне, никакого риска нет,- ответил Карло Вентреска.
"This cause was His."	- А это было Божье дело.
"You're insane!" she seethed.	- Вы - сумасшедший! - воскликнула девушка.
"Millions were saved."	- Миллионы получили спасение.
"People were killed!"	- Погибли люди!
"Souls were saved."	- Но были спасены души!
"Tell that to my father and Max Kohler!"	- Скажите это моему отцу и Максу Колеру!
"CERN's arrogance needed to be revealed.	- Люди должны были увидеть высокомерное бездушие ЦЕРНа.

A droplet of liquid that can vaporize a half mile?	Разве не вы создали каплю, способную превратить в пар несколько городских кварталов?
And you call me mad?"	И вы еще осмеливаетесь называть меня сумасшедшим!
The camerlegno felt a rage rising in him.	- Камерарий почувствовал, как в нем нарастает гнев.
Did they think his was a simple charge? "Those who believe undergo great tests for God!	- Те, кто верит, проходят ради Создателя через великие испытания!
God asked Abraham to sacrifice his child!	Бог потребовал от Авраама принести в жертву свое дитя!
God commanded Jesus to endure crucifixion!	Бог повелел Иисусу пройти через распятие!

And so we hang the symbol of the crucifix before our eyes-bloody, painful, agonizing-to remind us of evil's power!	И теперь, когда мы смотрим на изображение распятого Христа - окровавленного и страдающего, - мы вспоминаем о могуществе сил зла.
To keep our hearts vigilant!	Это заставляет наши сердца быть бдительными!
The scars on Jesus' body are a living reminder of the powers of darkness!	Раны на теле Христовом являются напоминанием о силах тьмы!
My scars are a living reminder!	Раны на моем теле вопиют о том, что зло живо.
Evil lives, but the power of God will overcome!"	Но одновременно они возвещают и о том, что дело Божие восторжествует!

His shouts echoed off the back wall of the Sistine Chapel and then a profound silence fell.	Его крик замер, эхом отразившись от дальней стены Сикстинской капеллы, после чего под ее сводами воцарилась мертвая тишина.
Time seemed to stop.	Казалось, что остановилось само время.

Michelangelo's Last Judgment rose ominously behind him... Jesus casting sinners into hell.	За спиной камерария видна была картина Страшного суда, какой ее представлял себе Микеланджело... Иисус сбрасывал грешников в ад.
Tears brimmed in Mortati's eyes.	На глаза Мортати навернулись слезы.
"What have you done, Carlo?" Mortati asked in a whisper.	- Что же ты натворил, Карло? - шепотом спросил он, закрыв глаза.

He closed his eyes, and a tear rolled.	По щекам старика катились слезы.
"His Holiness?"	- Неужели и его святейшество...
A collective sigh of pain went up, as if everyone in the room had forgotten until that very moment.	Под сводами капеллы раздался вздох многих людей, и во вздохе этом слышалась невыразимая боль.
The Pope. Poisoned.	Все находящиеся в Сикстинской капелле до этого момента старались не думать о смерти понтифика. Да, папа скончался от яда.
"A vile liar," the camerlegno said.	- Гнусный лжец! - бросил камерарий.

Mortati looked shattered. "What do you mean?	- О чем ты? - спросил потрясенный Мортати.
He was honest!	- Он был человеком кристальной честности!
He... loved you."	И он... так тебя любил.
"And I him."	- А я его!
Oh, how I loved him!	О, как я его любил!
But the deceit!	Но он предал мою любовь!
The broken vows to God!	Он нарушил обет, данный Богу!
The camerlegno knew they did not understand right now, but they would. When he told them, they would see!	Камерарий знал, что сейчас они его не понимают, но, когда он им все расскажет, весь ужас содеянного покойным понтификом дойдет до их сознания.

His Holiness was the most nefarious deceiver the church had ever seen.	Они увидят, что его святейшество был одним из самых мерзких лжецов за всю историю церкви.
The camerlegno still remembered that terrible night.	Камерарий помнил все подробности той ужасной ночи.
He had returned from his trip to CERN with news of Vetra's Genesis and of antimatter's horrific power.	Он только что привез из ЦЕРНа новость об акте Творения, совершенном Леонардо Ветра, и об ужасающей мощи антивещества.

The camerlegno was certain the Pope would see the perils, but the Holy Father saw only hope in Vetra's breakthrough. He even suggested the Vatican fund Vetra's work as a gesture of goodwill toward spiritually based scientific research.	Камерарий не сомневался, что понтифик увидит всю опасность, которую несет с собой это открытие, но святой отец не узрел в этом научном прорыве ничего, кроме надежды. Он даже сказал, что Ватикан мог бы финансировать работу Ветра. По мнению понтифика, это было бы жестом доброй воли по отношению к научным исследованиям, обещающим благие духовные последствия.
Madness!	Безумие!

The church investing in research that threatened to make the church obsolete?	Неужели Ватикан будет оплачивать работу, которая превратит церковь в ненужный пережиток?
Work that spawned weapons of mass destruction?	Работу, которая приведет к распространению оружия массового уничтожения?
The bomb that had killed his mother...	Оружия, которое убило маму...
"But... you can't!" the camerlegno had exclaimed.	- Нет... вы не смеете этого допустить! - выкрикнул камерарий.
"I owe a deep debt to science," the Pope had replied.	- Я в неоплатном долгу перед наукой, - ответил папа.
"Something I have hidden my entire life.	- Есть нечто такое, что я скрывал всю свою жизнь.

Science gave me a gift when I was a young man.	Когда я был молодым, наука преподнесла мне замечательный подарок.
A gift I have never forgotten."	И об этом даре я никогда не забывал.
"I don't understand.	- Не понимаю.
What does science have to offer a man of God?"	Чем наука могла одарить человека, посвятившего свою жизнь Богу?
"It is complicated," the Pope had said. "I will need time to make you understand.	- Все очень сложно, - ответил папа, - и для того, чтобы ты меня понял, потребуется время.
But first, there is a simple fact about me that you must know.	Но есть один простой факт, который тебе следует знать.
I have kept it hidden all these years.	Я скрывал его все эти годы.

I believe it is time I told you."	Думаю, настало время поделиться с тобой моей тайной.
Then the Pope had told him the astonishing truth.	После этого понтифик сообщил ему ужасную правду.
132	Глава 132
The camerlegno lay curled in a ball on the dirt floor in front of St. Peter's tomb.	Камерарий, сжавшись и подтянув колени к подбородку, лежал в пыли перед гробницей святого Петра.
The Necropolis was cold, but it helped clot the blood flowing from the wounds he had torn at his own flesh.	В Некрополе было прохладно, но холод ускорял свертывание крови, сочившейся из ран, которые он нанес себе сам.
His Holiness would not find him here.	Его святейшество здесь его не найдет.

Nobody would find him here...	Здесь его никто не сможет найти...
"It is complicated," the Pope's voice echoed in his mind. "I will need time to make you understand..."	"Все очень сложно, - продолжали звучать в его мозгу слова папы, - и для того, чтобы ты меня понял, потребуется время".
But the camerlegno knew no amount of time could make him understand.	Но камерарий знал, что никакое время не поможет ему понять.
Liar!	"Лжец!
I believed in you! GOD believed in you!	А я так верил в тебя! БОГ верил в тебя!"

With a single sentence, the Pope had brought the camerlegno's world crashing down around him.	Понтифик единым словом разрушил тот мир, в котором он жил.
Everything the camerlegno had ever believed about his mentor was shattered before his eyes.	Все то хорошее, что видел камерарий в своем наставнике, в один миг оказалось разбитым вдребезги.
The truth drilled into the camerlegno's heart with such force that he staggered backward out of the Pope's office and vomited in the hallway.	Страшная правда с такой силой пронзила сердце клирика, что, выбежав из папского кабинета, он едва не потерял сознание. В коридоре его стошнило.

"Wait!" the Pope had cried, chasing after him.	- Подожди! - кричал ему вслед понтифик.
"Please let me explain!"	- Дай мне тебе все объяснить!
But the camerlegno ran off.	Но камерарий убежал прочь.
How could His Holiness expect him to endure any more? Oh, the wretched depravity of it!	Да и как мог его святейшество рассчитывать на то, что камерарий как ни в чем не бывало сможет теперь выносить его общество?!
What if someone else found out?	А что, если еще кто-то узнает об этом ужасном грехе?
Imagine the desecration to the church!	Страшно подумать, какой удар это нанесет церкви!

Did the Pope's holy vows mean nothing?	Ведь это означает, что данный папой священный обет ровным счетом ничего не стоит.
The madness came quickly, screaming in his ears, until he awoke before St. Peter's tomb.	Им овладело безумие. Оно гремело в его ушах вплоть до того момента, когда он очнулся у подножия гробницы святого Петра.
It was then that God came to him with an awesome fierceness.	Именно в этот момент к нему впервые явился разгневанный Господь. Гнев Творца был страшен.
Yours is a Vengeful God!	Я ТВОЙ БОГ, И Я ЖАЖДУ МЕСТИ!
Together, they made their plans.	После этого они вдвоем принялись строить планы.

Together they would protect the church. Together they would restore faith to this faithless world.	Вместе им удастся спасти церковь и восстановить веру в этом безбожном мире.
Evil was everywhere.	Зло проникло повсюду.
And yet the world had become immune!	А мир отказывается его замечать!
Together they would unveil the darkness for the world to see... and God would overcome!	Действуя вдвоем, они сумеют сорвать со зла все покровы, и люди прозреют... Бог восторжествует!
Horror and Hope.	Ужас и надежда!
Then the world would believe!	Испытав их, мир снова уверует!

God's first test had been less horrible than the camerlegno imagined.	Первое испытание, предложенное ему Творцом, оказалось не столь страшным, как предполагал камерарий.

Sneaking into the Papal bed chambers... filling his syringe... covering the deceiver's mouth as his body spasmed into death.	Он должен будет всего-навсего проскользнуть в папскую спальню... наполнить шприц... и закрывать ладонью рот лжеца, пока тот будет биться в предсмертных конвульсиях.
In the moonlight, the camerlegno could see in the Pope's wild eyes there was something he wanted to say.	В лунном свете он увидит вылезающие из орбит глаза грешника, пытающегося ему что-то объяснить.
But it was too late.	Но эти объяснения никому не нужны.

The Pope had said enough.	Папа уже сказал более чем достаточно.
133	Глава 133
"The Pope fathered a child." Inside the Sistine Chapel, the camerlegno stood unwavering as he spoke.	- У папы был ребенок, - обличительным тоном произнес камерарий, стоя рядом с алтарем Сикстинской капеллы.
Five solitary words of astonishing disclosure.	Эти три коротких слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы.
The entire assembly seemed to recoil in unison.	Казалось, все кардиналы отреагировали на заявление клирика совершенно одинаково.

The cardinals' accusing miens evaporated into aghast stares, as if every soul in the room were praying the camerlegno was wrong.	В обращенных на камерария взглядах осуждение сменилось чувством глубокого отвращения. Но в глубине души они молили Бога представить доказательства того, что священник ошибается.
The Pope fathered a child.	У папы был ребенок...
Langdon felt the shock wave hit him too.	Лэнгдон испытал такое же потрясение, как и все остальные.
Vittoria's hand, tight in his, jolted, while Langdon's mind, already numb with unanswered questions, wrestled to find a center of gravity.	Он почувствовал, как в его ладони дрогнула рука Виттории, и мозг ученого, уже отупевший от множества не имеющих ответов вопросов, принялся лихорадочно искать для себя точку опоры.

The camerlegno's utterance seemed like it would hang forever in the air above them.	Казалось, что слова камерария продолжали звучать под сводами Сикстинской капеллы.
Even in the camerlegno's frenzied eyes, Langdon could see pure conviction.	В горящих огнем глазах клирика Лэнгдон видел полную уверенность в истинности своего страшного обвинения.
Langdon wanted to disengage, tell himself he was lost in some grotesque nightmare, soon to wake up in a world that made sense.	Ученый попытался убедить себя в том, что все это не более чем ночной кошмар и, проснувшись, он снова окажется в реальном мире.
"This must be a lie!" one of the cardinals yelled.	- Это грязная ложь! - выкрикнул один из кардиналов.
"I will not believe it!" another protested.	- Никогда не поверю! - поддержал его другой.

"His Holiness was as devout a man as ever lived!"	- Его святейшество был предан церкви, как ни один из живущих на земле людей!
It was Mortati who spoke next, his voice thin with devastation.	Затем заговорил Мортати, и в его голосе звучало страдание:
"My friends.	- Друзья мои...

What the camerlegno says is true."	То, что сказал камерарий, - сущая правда.
Every cardinal in the chapel spun as though Mortati had just shouted an obscenity.	Все кардиналы посмотрели на него с таким видом, словно "великий выборщик" только что произнес чудовищную непристойность.
"The Pope indeed fathered a child."	- У его святейшества действительно был ребенок,- сказал Мортати.

The cardinals blanched with dread.	Лица кардиналов побелели от ужаса.
The camerlegno looked stunned.	Камерарий был потрясен.
"You knew?	- Вы знали?
But... how could you possibly know this?"	Но... каким образом вы смогли?..
Mortati sighed. "When His Holiness was elected... I was the Devil's Advocate."	- Во время избрания его святейшества... - со вздохом произнес Мортати, - ...я выступал в роли адвоката дьявола.
There was a communal gasp.	Все присутствующие онемели от изумления.

Langdon understood. This meant the information was probably true.	Лэнгдон понял, что имел в виду старик, и это означало, что обвинение камерария было правдой.
The infamous "Devil's Advocate" was the authority when it came to scandalous information inside the Vatican.	Не слишком почетная должность "адвоката дьявола" предполагала доскональное знание всякого рода скандальных сведений и слухов о кандидате на пост понтифика, распространявшихся в Ватикане.

Skeletons in a Pope's closet were dangerous, and prior to elections, secret inquiries into a candidate's background were carried out by a lone cardinal who served as the	Скелеты в папском шкафу были угрозой церкви, поэтому перед выборами один из кардиналов должен был тайно проверить прошлое кандидата.
"Devil's Advocate"-that individual responsible for unearthing reasons why the eligible cardinals should not become Pope.	Этого кардинала называли "адвокатом дьявола", и только он получал право копаться в грязном белье претендентов, чтобы не допустить к Святому престолу недостойного человека.

The Devil's Advocate was appointed in advance by the reigning Pope in preparation for his own death.	Действующий папа, чувствуя приближение конца, лично выбирал "адвоката дьявола" из своего ближайшего окружения.
The Devil's Advocate was never supposed to reveal his identity. Ever.	Имя этого человека должно было навсегда остаться в тайне.
"I was the Devil's Advocate," Mortati repeated. "That is how I found out."	- Я узнал об этом, потому что был адвокатом дьявола, - повторил Мортати.
Mouths dropped.	По Сикстинской капелле пронесся общий вздох.
Apparently tonight was a night when all the rules were going out the window.	Это была ночь, когда все каноны отправлялись на свалку.

The camerlegno felt his heart filling with rage.	В сердце камерария бушевала ярость.
"And you... told no one?"	- И вы... ничего никому не сказали?
"I confronted His Holiness," Mortati said.	- Я встретился с его святейшеством, - ответил Мортати.

"And he confessed.	- И он во всем признался.
He explained the entire story and asked only that I let my heart guide my decision as to whether or not to reveal his secret."	Святой отец рассказал мне все от начала до конца и попросил об одном. Он попросил, чтобы я, принимая решение, открывать или не открывать его тайну, прислушался к голосу своего сердца.

"And your heart told you to bury the information?"	- И сердце повелело вам навеки похоронить эти сведения?
"He was the runaway favorite for the papacy.	- На предстоящих выборах он был безусловным фаворитом.
People loved him. The scandal would have hurt the church deeply."	Люди его любили, и скандал нанес бы церкви непоправимый ущерб.
"But he fathered a child!	- Но ведь у него был ребенок!
He broke his sacred vow of celibacy!" The camerlegno was screaming now.	Он нарушил священный обет безбрачия! -закричал камерарий.
He could hear his mother's voice.	Он снова услышал слова матери:

A promise to God is the most important promise of all.	"Обещание, данное Творцу, является самым важным из всех обещаний.
Never break a promise to God.	Никогда не нарушай своих обетов Богу".
"The Pope broke his vow!"	- Папа нарушил клятву!
Mortati looked delirious with angst. "Carlo, his love... was chaste.	- Карло, его любовь... - с тоской произнес Мортати, - его любовь была непорочной.
He had broken no vow.	Его святейшество не нарушал обета.
He didn't explain it to you?"	Неужели он тебе этого не объяснил?
"Explain what?"	- Не объяснил чего?!

The camerlegno remembered running out of the Pope's office while the Pope was calling to him.	Камерарий вспомнил, как, выбегая из папского кабинета, он услышал:
Let me explain!	"Подожди! Дай мне тебе все объяснить!"
Slowly, sadly, Mortati let the tale unfold. Many years ago, the Pope, when he was still just a priest, had fallen in love with a young nun.	Мортати неторопливо и печально поведал кардиналам о том, что произошло много лет назад. Папа, который был еще простым священником, полюбил молодую монахиню.
Both of them had taken vows of celibacy and never even considered breaking their covenant with God.	Оба они дали обет безбрачия и даже не помышляли о том, чтобы нарушить свою клятву Богу.

Still, as they fell deeper in love, although they could resist the temptations of the flesh, they both found themselves longing for something they never expected- to participate in God's ultimate miracle of creation-a child.	Их любовь крепла, и хотя молодым людям хватало сил противиться зову плоти, они все время мечтали о наивысшем чуде божественного творения - о ребенке.
Their child.	О своем ребенке.
The yearning, especially in her, became overwhelming.	Эта жажда становилась непреодолимой.

Still, God came first.	Но Творец по-прежнему оставался для них на первом месте.

A year later, when the frustration had reached almost unbearable proportions, she came to him in a whirl of excitement.	Через год, когда их страдания достигли предела, юная монахиня пришла к молодому священнику в большом возбуждении.
She had just read an article about a new miracle of science-a process by which two people, without ever having sexual relations, could have a child.	Оказалось, что она только что прочитала статью об очередном чуде науки, позволяющем двум людям иметь ребенка, не вступая в сексуальные отношения.
She sensed this was a sign from God.	Монахиня решила, что этот знак ниспослан им Богом.
The priest could see the happiness in her eyes and agreed.	Увидев ее лучащиеся счастьем глаза, священник с ней согласился.

A year later she had a child through the miracle of artificial insemination...	Еще через год благодаря чуду искусственного оплодотворения на свет появилось дитя...
"This cannot... be true," the camerlegno said, panicked, hoping it was the morphine washing over his senses. Certainly he was hearing things.	- Это... это неправда, - пролепетал камерарий, которому снова стало казаться, что он находится под действием морфина и что у него начались слуховые галлюцинации.
Mortati now had tears in his eyes. "Carlo, this is why His Holiness has always had an affection for the sciences.	- Именно поэтому, Карло, - со слезами продолжил Мортати, - его святейшество преклонялся перед наукой.
He felt he owed a debt to science.	Он чувствовал себя в долгу перед ней.

Science let him experience the joys of fatherhood without breaking his vow of celibacy.	Наука позволила ему испытать счастье от- цовства, не нарушив обета безбрачия.
His Holiness told me he had no regrets except one-that his advancing stature in the church prohibited him from being with the woman he loved and seeing his infant grow up."	Его святейшество ска- зал мне, что сожалеет лишь о том, что его вос- хождение по ступеням церковной иерархии не позволяет ему оста- ваться рядом с люби- мой и постоянно сле- дить за тем, как растет его дитя.
Camerlegno Carlo Ventresca felt the madness setting in again.	Камерарий Карло Вен- треска снова ощутил, как им начинает овла- девать безумие.
He wanted to claw at his flesh.	Ему хотелось разодрать ногтями свою плоть.

How could I have known?	Откуда я мог это знать?!
"The Pope committed no sin, Carlo.	- Папа не согрешил, Карло.
He was chaste."	Он сохранил невинность.
"But..." The camerlegno searched his anguished mind for any kind of rationale.	- Но... - Камерарий искал в своем воспаленном мозгу хоть какую-нибудь зацепку.
"Think of the jeopardy... of his deeds." His voice felt weak.	- Подумайте о том, какую угрозу церкви мог представлять его поступок!
"What if this whore of his came forward?	Представьте, что могло случиться, если бы его шлюха проболталась?

Or, heaven forbid, his child? Imagine the shame the church would endure."	Или, не дай Бог, объявился бы его ребенок.

Mortati's voice was tremulous. "The child has already come forward."	- Его ребенок уже объявился, - произнес Мортати дрожащим голосом.
Everything stopped.	Все замерли.
"Carlo...?" Mortati crumbled. "His Holiness's child... is you."	- Карло... - прошептал старый кардинал, - ребенок его святейшества - это ты.
At that moment, the camerlegno could feel the fire of faith dim in his heart.	И в этот миг камерарий вдруг ощутил, как в его сердце начало затухать пламя веры.

He stood trembling on the altar, framed by Michelangelo's towering Last Judgment.	Дрожа, он стоял у алтаря Сикстинской капеллы на фоне Страшного суда, изображенного Микеланджело.
He knew he had just glimpsed hell itself.	Он знал, что только что сам увидел ад.
He opened his mouth to speak, but his lips wavered, soundless.	Камерарий открыл рот, чтобы что-то сказать, но губы его затряслись, и он не промолвил ни слова.
"Don't you see?" Mortati choked.	- Неужели ты так ничего и не понял? - задыхаясь, спросил Мортати.
"That is why His Holiness came to you in the hospital in Palermo when you were a boy.	- Именно поэтому его святейшество пришел к тебе в больницу в Палермо, когда ты был еще мальчиком.

That is why he took you in and raised you.	Именно поэтому он взял тебя к себе и растил тебя.
The nun he loved was Maria... your mother.	А монахиню, которую он любил, звали Мария... это твоя мать.
She left the nunnery to raise you, but she never abandoned her strict devotion to God.	Мария оставила монастырь, чтобы целиком посвятить тебе свою жизнь, но она сохранила верность Создателю.
When the Pope heard she had died in an explosion and that you, his son, had miraculously survived... he swore to God he would never leave you alone again.	Когда папа узнал, что его возлюбленная погибла во время взрыва, а ты чудесным образом спасся... он поклялся перед лицом Бога, что никогда более не оставит тебя одного.
Carlo, your parents were both virgins.	Твои родители, Карло, сохранили невинность.

They kept their vows to God.	Они не нарушили обета, данного Богу.
And still they found a way to bring you into the world.	И все же им удалось принести тебя в этот мир.
You were their miraculous child."	Ты - данное им чудом дитя.
The camerlegno covered his ears, trying to block out the words.	Камерарий закрыл уши руками, чтобы не слышать этих слов.
He stood paralyzed on the altar. Then, with his world yanked from beneath him, he fell violently to his knees and let out a wail of anguish.	Он неподвижно, словно разбитый параличом, стоял у алтаря, а затем резко, как будто из-под его ног выдернули опору, упал на колени и горестно завыл.
Seconds.	*** Секунды.

Minutes.	Минуты.
Hours.	Часы.

Time seemed to have lost all meaning inside the four walls of the chapel.	Понятие времени в стенах капеллы, казалось, утратило всякий смысл.
Vittoria felt herself slowly breaking free of the paralysis that seemed to have gripped them all.	Виттория почувствовала, что постепенно начинает освобождаться от паралича, поразившего всех присутствующих.
She let go of Langdon's hand and began moving through the crowd of cardinals.	Она отпустила руку Лэнгдона и начала проталкиваться сквозь толпу кардиналов.

The chapel door seemed miles away, and she felt like she was moving underwater... slow motion.	Ей казалось, что от дверей капеллы ее отделяет несколько миль и что она двигается под водой... медленно и с трудом.
As she maneuvered through the robes, her motion seemed to pull others from their trance.	Ее движение, видимо, вывело из транса всех остальных.
Some of the cardinals began to pray.	Один из кардиналов начал молиться.
Others wept.	Некоторые рыдали.

Some turned to watch her go, their blank expressions turning slowly to a foreboding cognition as she moved toward the door.	Часть священников следили за ее движениями, и по мере того, как девушка приближалась к дверям, отрешенные взгляды кардиналов начали приобретать осмысленное и отнюдь не дружелюбное выражение.
She had almost reached the back of the crowd when a hand caught her arm. The touch was frail but resolute.	Она почти пробилась сквозь толпу, когда кто-то схватил ее за руку.
She turned, face to face with a wizened cardinal.	Виттория обернулась и оказалась лицом к лицу с одним из служителей церкви.

His visage was clouded by fear.	Его морщинистое, похожее на печеное яблоко лицо было искажено страхом.
"No," the man whispered.	- Нет, - прошептал старец.
"You cannot."	- Вы не должны уходить.
Vittoria stared, incredulous.	Виттория замерла, не поверив своим ушам.
Another cardinal was at her side now. "We must think before we act."	- Прежде чем перейти к действиям, нам необходимо все продумать, - сказал второй кардинал, преграждая ей путь.
And another. "The pain this could cause..."	- Это может иметь весьма болезненные последствия для... - вступил третий.
Vittoria was surrounded.	Виттория оказалась в окружении.

She looked at them all, stunned.	Недоуменно оглядывая кардиналов, она сказала:
"But these deeds here today, tonight... certainly the world should know the truth."	- Но все, что сегодня произошло... Мир должен узнать правду.
"My heart agrees," the wizened cardinal said, still holding her arm, "and yet it is a path from which there is no return.	- Сердцем я с вами, - произнес, не отпуская ее руки, морщинистый старец, - однако мы вступили на путь, с которого нет возврата.
We must consider the shattered hopes.	Нам необходимо подумать о разбитых надеждах.
The cynicism.	Я понимаю, что это цинизм.

How could the people ever trust again?"	Но ведь люди после всего этого никогда нам не поверят.
Suddenly, more cardinals seemed to be blocking her way.	Девушке стало казаться, что число преградивших ей путь кардиналов постоянно растет.
There was a wall of black robes before her.	Вскоре перед ней образовалась стена из черных сутан.
"Listen to the people in the square," one said.	- Прислушайтесь к людям на площади, - сказал один из священнослужителей.
"What will this do to their hearts?	- Ведь это может разбить их сердца.
We must exercise prudence."	Необходимо вести себя с максимальным благоразумием.

"We need time to think and pray," another said.	- Нам нужно время, чтобы все обдумать и помолиться, - произнес другой.
"We must act with foresight.	- Кроме того, следует думать о будущем.
The repercussions of this..."	Последствия этого печального...
"He killed my father!" Vittoria said.	- Но он убил моего отца! - воскликнула Виттория.
"He killed his own father!"	- Он убил своего отца!
"I'm certain he will pay for his sins," the cardinal holding her arm said sadly.	- Я уверен, что он заплатит за все свои грехи, -произнес державший ее за руку кардинал.

Vittoria was certain too, and she intended to ensure he paid.	Виттория в этом тоже не сомневалась, но ей хотелось обеспечить неотвратимость расплаты.
She tried to push toward the door again, but the cardinals huddled closer, their faces frightened.	Девушка возобновила попытки протолкнуться к дверям, но кардиналы с испуганным видом лишь теснее сомкнули ряды.
"What are you going to do?" she exclaimed.	- Что вы собираетесь сделать? - спросила она.
"Kill me?"	- Убить меня?
The old men blanched, and Vittoria immediately regretted her words.	Лица кардиналов побелели, и Виттория тут же пожалела о произнесенных сгоряча словах.

She could see these men were gentle souls. They had seen enough violence tonight. They meant no threat.	Она видела, что у всех этих стариков доброе сердце и никакой угрозы ей они не представляют. В эту ночь кардиналы уже насмотрелись на насилие.
They were simply trapped. Scared.	Члены конклава просто оказались в ловушке и смертельно испугались.
Trying to get their bearings.	Им было необходимо собраться с мыслями.
"I want..." the wizened cardinal said, "... to do what is right."	- Я не хочу, - сказал морщинистый кардинал, -чтобы мы совершили ошибку...

"Then you will let her out," a deep voice declared behind her.	- В таком случае дайте ей уйти, - произнес чей-то глубокий голос.
The words were calm but absolute.	Слова прозвучали спокойно, но абсолютно уверенно.

Robert Langdon arrived at her side, and she felt his hand take hers.	К Виттории подошел Роберт Лэнгдон и взял ее руку в свою.
"Ms. Vetra and I are leaving this chapel. Right now."	- Мисс Ветра и я немедленно покидаем капеллу.
Faltering, hesitant, the cardinals began to step aside.	Кардиналы начали неохотно расступаться.
"Wait!"	- Постойте!

It was Mortati. He moved toward them now, down the center aisle, leaving the camerlegno alone and defeated on the altar.	Мортати шел к ним по центральному проходу, оставив камерария в одиночестве у алтаря.
Mortati looked older all of a sudden, wearied beyond his years.	Кардинал, казалось, постарел еще на несколько лет. Он выглядел значительно старше своего и так уже очень преклонного возраста.
His motion was burdened with shame.	Священник шел медленно, сгорбившись под тяжким бременем позора.
He arrived, putting a hand on Langdon's shoulder and one on Vittoria's as well.	Подойдя к ним, он положил одну руку на плечо Лэнгдона, а другую - Виттории.

Vittoria felt sincerity in his touch.	Девушка сразу ощутила искренность этого прикосновения.
The man's eyes were more tearful now.	Глаза старика были наполнены слезами.
"Of course you are free to go," Mortati said.	- Конечно, вы можете уйти, - сказал Мортати.
"Of course." The man paused, his grief almost tangible. "I ask only this..." He stared down at his feet a long moment then back up at Vittoria and Langdon. "Let me do it.	- Конечно... - повторил он и после короткой паузы произнес: - Я прошу лишь об одном... - Кардинал долго смотрел в пол, а затем, снова подняв глаза на Лэнгдона и Витторию, продолжил: - Позвольте мне сделать это.
I will go into the square right now and find a way. I will tell them.	Я сейчас выйду на площадь и найду способ все им сказать.

I don't know how... but I will find a way.	Пока не знаю как... но я все им скажу.
The church's confession should come from within.	Церковь должна сама покаяться в своих прегрешениях.
Our failures should be our own to expose."	Мы сами должны изобличить свои пороки.
Mortati turned sadly back toward the altar.	Поворачиваясь к алтарю, Мортати печально сказал:
"Carlo, you have brought this church to a disastrous juncture."	- Карло, ты поставил нашу церковь в критическое положение...
He paused, looking around.	- Он выдержал паузу, но продолжения не последовало.

The altar was bare. There was a rustle of cloth down the side aisle, and the door clicked shut.	В боковом проходе Сикстинской капеллы послышался шорох, а затем раздался звук захлопнувшейся двери.
The camerlegno was gone.	Камерарий исчез.
134	Глава 134

Camerlegno Ventresca's white robe billowed as he moved down the hallway away from the Sistine Chapel.	Карло Вентреска шагал по коридору, и его белая мантия колыхалась в такт шагам.

The Swiss Guards had seemed perplexed when he emerged all alone from the chapel and told them he needed a moment of solitude.	Швейцарские гвардейцы были безмерно удивлены, когда он, выйдя из Сикстинской капеллы без всякого сопровождения, сказал, что хочет некоторое время побыть в одиночестве.
But they had obeyed, letting him go.	Г вардейцы повиновались и позволили ему удалиться.
Now as he rounded the corner and left their sight, the camerlegno felt a maelstrom of emotions like nothing he thought possible in human experience.	Свернув за угол и оказавшись вне поля зрения швейцарцев, камерарий дал волю чувствам. Вряд ли кому-нибудь из живущих на земле людей довелось испытать то, что испытал он.

He had poisoned the man he called "Holy Father," the man who addressed him as "my son."	Он отравил человека, которого называл "святой отец", человека, который обращался к нему со словами "сын мой".
The camerlegno had always believed the words "father" and "son" were religious tradition, but now he knew the diabolical truth-the words had been literal.	Карло всегда считал, что обращения "отец" и "сын" были всего лишь данью религиозной традиции, но теперь он узнал чудовищную правду.
Like that fateful night weeks ago, the camerlegno now felt himself reeling madly through the darkness.	Слова эти имели буквальный смысл. И сейчас, как и в ту роковую ночь две недели назад, камерарию казалось, что он в безумном бреду мчится сквозь тьму.

It was raining the morning the Vatican staff banged on the camerlegno's door, awakening him from a fitful sleep.	В то утро шел дождь. Кто-то из прислуги барабанил в дверь камерария, забывшегося прерывистым, неспокойным сном.
The Pope, they said, was not answering his door or his phone.	"Папа, - сказал слуга, - не отвечает ни на стук в дверь, ни на телефонные звонки".
The clergy were frightened.	Молодой служка явно был испуган.
The camerlegno was the only one who could enter the Pope's chambers unannounced.	Камерарий был единственным человеком, которому дозволялось входить в покои папы без предварительного уведомления.

The camerlegno entered alone to find the Pope, as he was the night before, twisted and dead in his bed.	Камерарий вошел в спальню и нашел понтифика в том виде, в каком оставил его прошлым вечером.
His Holiness's face looked like that of Satan. His tongue black like death.	Святой отец лежал в постели, и его лицо, искаженное предсмертной судорогой, напоминало личину сатаны, а язык был черен, как сама смерть.
The Devil himself had been sleeping in the Pope's bed.	Одним словом, в папской постели покоился сам дьявол.
The camerlegno felt no remorse.	Камерарий не испытывал никакого раскаяния.
God had spoken.	Он исполнил волю Творца.

Nobody would see the treachery... not yet.	Никто не заметит измены... пока.
That would come later.	Истину все должны узнать позже.

He announced the terrible news-His Holiness was dead of a stroke.	Камерарий объявил страшную новость: его святейшество скончался от кровоизлияния в мозг.
Then the camerlegno prepared for conclave.	После этого Карло Вентреска стал готовиться к проведению конклава.
Mother Maria's voice was whispering in his ear.	*** Мать Мария прошептала ему на ухо:
"Never break a promise to God."	"Никогда не нарушай данного Богу обета".

"I hear you, Mother," he replied.	- Я слышу тебя, мама, - ответил он.
"It is a faithless world.	- Наш мир погряз в безбожии.
They need to be brought back to the path of righteousness.	Человечество надо вернуть на путь веры.
Horror and Hope. It is the only way."	Ужас и надежда - наш единственный выход.
"Yes," she said.	- Да, - сказала мама.
"If not you... then who?	- Если не ты... то кто?
Who will lead the church out of darkness?"	Кто выведет церковь из тьмы?
Certainly not one of the preferiti.	Ни один из preferiti на это не способен.

They were old... walking death... liberals who would follow the Pope, endorsing science in his memory, seeking modern followers by abandoning the ancient ways.	Все они старцы... ходячие покойники... либералы, которые пойдут по стопам покойного папы. Они, подобно ему, обратятся лицом к науке и будут привлекать к себе новых сторонников, отказываясь от древних традиций.
Old men desperately behind the times, pathetically pretending they were not. They would fail, of course.	Эти старцы безнадежно отстали от жизни, но тем не менее делают вид, что шагают в ногу со временем. Эти их потуги вызывали только жалость. Они потерпят крах.
The church's strength was its tradition, not its transience.	Сила церкви не в ее трансформации, а в ее традициях.

The whole world was transitory.	Весь мир меняется, но церковь ни в каких изменениях не нуждается.
The church did not need to change, it simply needed to remind the world it was relevant!	Ее задача - напоминать миру, что перемены не имеют никакого значения.
Evil lives!	Зло по-прежнему существует!
God will overcome!	Бог обязательно восторжествует!
The church needed a leader.	Церкви нужен вождь!
Old men do not inspire!	Старцы не способны зажечь в сердцах пламень веры!

Jesus inspired! Young, vibrant, powerful... Miraculous.	Это был способен сделать Иисус - молодой, полный энергии, сильный и... способный творить ЧУДЕСА.
"Enjoy your tea," the camerlegno told the four preferiti, leaving them in the Pope's private library before conclave.	*** - Спокойно пейте чай, - сказал камерарий четырем кардиналам, выходя из личной библиотеки папы.
"Your guide will be here soon."	- Я скоро пришлю за вами проводника.

The preferiti thanked him, all abuzz that they had been offered a chance to enter the famed Passetto. Most uncommon!	Preferiti рассыпались в благодарностях. Они были в восторге от того, что им выпала редкая честь вступить в знаменитый Passetto.

The camerlegno, before leaving them, had unlocked the door to the Passetto, and exactly on schedule, the door had opened, and a foreign looking priest with a torch had ushered the excited preferiti in.	Прежде чем удалиться, камерарий открыл замки двери, и точно в назначенное время появился восточного вида священнослужитель с факелом в руках. Этот священнослужитель пригласил радостно возбужденных кардиналов войти в тоннель.
The men had never come out.	Из тоннеля они так и не вышли.
They will be the Horror.	"Они будут ужасом.
I will be the Hope.	А я стану надеждой".
No... I am the horror.	Нет... Ужас - это я.

The camerlegno staggered now through the darkness of St. Peter's Basilica.	*** Камерарий, пошатываясь, брел через погруженный в темноту собор Святого Петра.
Somehow, through the insanity and guilt, through the images of his father, through the pain and revelation, even through the pull of the morphine... he had found a brilliant clarity.	Каким-то непостижимым образом, прорвавшись сквозь безумие, сквозь чувство вины и отодвинув в сторону образ мертвого отца, к нему пришло ощущение необыкновенного просветления. Г олова, несмотря на действие морфина, была совершенно ясной.
A sense of destiny.	Это было ощущение собственного высокого предназначения.

I know my purpose, he thought, awed by the lucidity of it.	"Я знаю свою судьбу", - думал он, восторгаясь открывшимся ему видением.
From the beginning, nothing tonight had gone exactly as he had planned.	Этим вечером все с самого начала шло не так, как он задумал.
Unforeseen obstacles had presented themselves, but the camerlegno had adapted, making bold adjustments.	На его пути возникали непредвиденные препятствия, камерарий успешно их преодолевал, внося необходимые поправки в первоначальные планы.

Still, he had never imagined tonight would end this way, and yet now he saw the preordained majesty of it.	Вначале он не мог и предположить, что все так закончится. И лишь теперь узрел величие этого предначертанного для него Богом конца.
It could end no other way.	По-иному закончить свое земное существование он просто не мог.
Oh, what terror he had felt in the Sistine Chapel, wondering if God had forsaken him!	Невозможно представить, какой ужас испытал он в Сикстинской капелле, задавая себе вопрос, не покинул ли его БОГ.
Oh, what deeds He had ordained!	Для каких же деяний он его предназначил?!

He had fallen to his knees, awash with doubt, his ears straining for the voice of God but hearing only silence.	Камерарий упал на колени. Его одолевали сомнения. Клирик напрягал слух, чтобы услышать глас Божий, но слышал только молчание.
He had begged for a sign. Guidance. Direction.	Он молил Бога ниспослать ему знак. Молил о наставлении на путь истинный.

Was this God's will?	Чего желает Господь?
The church destroyed by scandal and abomination?	Неужели скандала и гибели церкви?
No!	Нет!

God was the one who had willed the camerlegno to act!	Ведь не кто иной, как сам Создатель, приказал камерарию действовать.
Hadn't He?	Разве не так?
Then he had seen it.	И затем он увидел его.
Sitting on the altar.	Прямо на алтаре.
A sign.	Знак.
Divine communication-something ordinary seen in an extraordinary light.	Божественное указание. Нечто совершенно обыденное, но представшее теперь в ином свете.
The crucifix.	Распятие.
Humble, wooden.	Убогое, сделанное из дерева.

Jesus on the cross.	Иисус на кресте.
In that moment, it had all come clear... the camerlegno was not alone.	В этот момент для него все стало ясно... он был не одинок.
He would never be alone.	Теперь он никогда не будет одиноким.
This was His will... His meaning.	Это была Его воля... Именно этого Он от него хотел.
God had always asked great sacrifice of those he loved most.	Создатель всегда требовал наибольших жертв от самых любимых своих чад.

Why had the camerlegno been so slow to understand?	Почему камерарию потребовалось столько времени, чтобы это понять?
Was he too fearful?	Может быть, он слишком боялся?
Too humble?	Или чувствовал себя недостойным?
It made no difference.	Впрочем, теперь это не имело значения.
God had found a way.	Господь нашел выход.
The camerlegno even understood now why Robert Langdon had been saved.	Камерарий теперь знал, с какой целью был спасен Роберт Лэнгдон.

It was to bring the truth.	Для того, чтобы открыть правду.
To compel this ending.	Чтобы неизбежно подвести дело к нужному концу.
This was the sole path to the church's salvation!	Это был единственный путь спасения церкви!
The camerlegno felt like he was floating as he descended into the Niche of the Palliums.	Когда камерарий спускался в нишу паллиума, ему казалось, что он плывет по воздуху.
The surge of morphine seemed relentless now, but he knew God was guiding him.	Действие морфина все более усиливалось, но камерарий знал, что его ведет Бог.

In the distance, he could hear the cardinals clamoring in confusion as they poured from the chapel, yelling commands to the Swiss Guard.	Он слышал где-то вдали голоса выбежавших из Сикстинской капеллы и пребывающих в растерянности кардиналов. Кто-то отдавал громкие приказы швейцарским гвардейцам.
But they would never find him.	Они его не найдут.
Not in time.	Просто не успеют.
The camerlegno felt himself drawn... faster... descending the stairs into the sunken area where the ninety nine oil lamps shone brightly.	Камерарий чувствовал, как какая-то сила все быстрее и быстрее увлекает его вниз, туда, в углубление, где вечно сияют девяносто девять наполненных благовониями лампад.

God was returning him to Holy Ground.	Господь возвращает его на Святое место.
The camerlegno moved toward the grate covering the hole that led down to the Necropolis.	Камерарий направился к дверям, закрывающим вход вниз, в Некрополь.
The Necropolis is where this night would end.	Именно в Некрополе должна закончиться для него эта ночь.
In the sacred darkness below.	В священной тьме под землей.
He lifted an oil lamp, preparing to descend.	Он взял одну из лампад и приготовился к спуску.
But as he moved across the Niche, the camerlegno paused.	Но, подойдя к дверям, камерарий замер.

Something about this felt wrong.	Нет, здесь что-то не так.
How did this serve God?	Каким образом его избавление поможет Богу?
A solitary and silent end?	Одинокий и тихий конец?
Jesus had suffered before the eyes of the entire world.	Иисус страдал перед глазами всего мира.
Surely this could not be God's will!	И сейчас Творец должен был желать именно этого. Такова должна быть Его воля!
The camerlegno listened for the voice of his God, but heard only the blurring buzz of drugs.	Камерарий хотел услышать голос Бога, но в ушах был лишь шум, вызванный действием морфина.

"Carlo." It was his mother. "God has plans for you."	"Карло, - вдруг раздался голос матери, - у Бога для тебя грандиозные планы".
Bewildered, the camerlegno kept moving.	Камерарий был потрясен.
Then, without warning, God arrived.	Затем, безо всякого предупреждения, к нему снизошел Господь.
The camerlegno stopped short, staring.	Карло Вентреска стоял и смотрел.
The light of the ninety nine oil lanterns had thrown the camerlegno's shadow on the marble wall beside him.	На мраморной стене рядом с ним двигалась его собственная тень.

Giant and fearful.	Огромная и устрашающая.
A hazy form surrounded by golden light.	Туманный силуэт, казалось, плыл в золотом сиянии.
With flames flickering all around him, the camerlegno looked like an angel ascending to heaven.	Вокруг него мерцало пламя лампад, и камерарий был похож на возносящегося в небо ангела.

He stood a moment, raising his arms to his sides, watching his own image. Then he turned, looking back up the stairs. God's meaning was clear.	Он постоял некоторое время, раскинув руки, а затем повернулся и начал подниматься по ступеням.

Three minutes had passed in the chaotic hallways outside the Sistine Chapel, and still nobody could locate the camerlegno.	*** Суматоха в коридоре у Сикстинской капеллы длилась уже добрых три минуты, но никто так и не смог обнаружить камерария.
It was as if the man had been swallowed up by the night.	Можно было подумать, что этот человек растворился в ночи.
Mortati was about to demand a full scale search of Vatican City when a roar of jubilation erupted outside in St. Peter's Square.	Мортати был готов приказать начать поиски по всему Ватикану, но в этот момент площадь Святого Петра взорвалась восторженным ревом.
The spontaneous celebration of the crowd was tumultuous.	Ликование толпы достигло высшей точки.

The cardinals all exchanged startled looks.	Кардиналы обменялись взглядами.
Mortati closed his eyes.	Мортати закрыл глаза и прошептал:
"God help us."	- Да поможет нам Бог.
For the second time that evening, the College of Cardinals flooded onto St. Peter's Square.	Второй раз за ночь вся коллегия кардиналов высыпала на площадь Святого Петра.
Langdon and Vittoria were swept up in the jostling crowd of cardinals, and they too emerged into the night air.	Поток священников увлек за собой Лэнгдона и Витторию, и те тоже оказались под ночным небом.
The media lights and cameras were all pivoted toward the basilica.	Все прожектора прессы были обращены на базилику.

And there, having just stepped onto the sacred Papal Balcony located in the exact center of the towering fa?ade, Camerlegno Carlo Ventresca stood with his arms raised to the heavens.	А там, на священном папском балконе в самом центре фасада, стоял, воздев к небесам руки, камерарий Карло Вентреска.
Even far away, he looked like purity incarnate.	Даже издали он казался воплощением чистоты.
A figurine. Dressed in white. Flooded with light.	Статуя в белоснежном одеянии, залитая светом.
The energy in the square seemed to grow like a cresting wave, and all at once the Swiss Guard barriers gave way.	Атмосфера на площади продолжала накаляться, и через несколько секунд барьеры, возведенные швейцарскими гвардейцами, рухнули.

The masses streamed toward the basilica in a euphoric torrent of humanity.	Поток восторженных людей устремился к базилике.
The onslaught rushed forward-people crying, singing, media cameras flashing.	Кто-то кричал, кто-то плакал или пел. Сияли прожектора, сверкали вспышки фотокамер.
Pandemonium.	Одним словом, на площади перед собором творился кромешный ад.
As the people flooded in around the front of the basilica, the chaos intensified, until it seemed nothing could stop it.	Хаос усиливался по мере того, как разрасталась толпа у подножия собора. Казалось, никто и ничто не сможет это остановить.
And then something did.	Но все же нашелся человек, которому это удалось.

High above, the camerlegno made the smallest of gestures. He folded his hands before him. Then he bowed his head in silent prayer.	Стоящий на балконе камерарий распростер над беснующейся толпой руки и склонил голову в молчаливой молитве.
One by one, then dozens by dozens, then hundreds by hundreds, the people bowed their heads along with him.	Вначале по одному, потом десятками, а затем сотнями и тысячами люди последовали его примеру.
The square fell silent... as if a spell had been cast.	Над площадью повисла тишина... словно толпу околдовали.

In his mind, swirling and distant now, the camerlegno's prayers were a torrent of hopes and sorrows... forgive me, Father... Mother... full of grace... you are the church... may you understand this sacrifice of your only begotten son.	*** В душе камерария бушевал ураган. В его помутившемся сознании, сменяя одна другую, вихрем проносились молитвы. Мольбы надежды сменялись воплями раскаяния... Простите меня... Отец... Мама... вы преисполнены милости... вы - церковь... умоляю вас понять смысл жертвы, которую приносит рожденный вами сын.
Oh, my Jesus... save us from the fires of hell... take all souls to heaven, especially, those most in need of thy mercy...	О, Иисус... избавь нас от геенны огненной... Прими все души в небесах, и прежде всего души тех, кто более всего нуждается в Твоей милости...

The camerlegno did not open his eyes to see the throngs below him, the television cameras, the whole world watching.	Камерарию не нужно было открывать глаза, чтобы увидеть толпу внизу и телевизионные камеры, показывающие его всему миру.
He could feel it in his soul.	Он душой ощущал их присутствие.
Even in his anguish, the unity of the moment was intoxicating.	Даже испытывая мучения, он чувствовал необыкновенное единство людей, и это его опьяняло.
It was as if a connective web had shot out in all directions around the globe.	Казалось, что от него по всему миру раскинулась объединяющая человечество невидимая сеть.
In front of televisions, at home, and in cars, the world prayed as one.	Перед экранами телевизоров дома и у радиоприемников в автомобилях весь мир молился Богу.

Like synapses of a giant heart all firing in tandem, the people reached for God, in dozens of languages, in hundreds of countries.	Словно повинуясь велению одного огромного сердца, говорящие на сотнях языков жители множества стран одновременно обратились к Творцу.
The words they whispered were newborn and yet as familiar to them as their own voices... ancient truths... imprinted on the soul. The consonance felt eternal.	Слова, которые они шептали, были для них новыми. Но они знали их всегда. Эти древние слова истины хранились в их душах. Казалось, эта гармония будет продолжаться вечно.
As the silence lifted, the joyous strains of singing began to rise again.	Царившая на площади тишина вскоре снова сменилась радостным пением.

He knew the moment had come.	Камерарий понял, что настал нужный момент.
Most Holy Trinity, I offer Thee the most precious Body, Blood, Soul... in reparation for the outrages, sacrileges, and indifferences...	Святая Троица, я отдаю Тебе все самое дорогое -тело, кровь, душу... как плату за насилие, беззаконие, святотатство и невежество.

The camerlegno already felt the physical pain setting in.	Камерарий вновь начал ощущать физическую боль.
It was spreading across his skin like a plague, making him want to claw at his flesh like he had weeks ago when God had first come to him.	Она растекалась по его телу, и ему захотелось сорвать одежду и в кровь ногтями разодрать плоть, как он разодрал ее две недели назад в ту ночь, когда Бог впервые явился к нему.

Do not forget what pain Jesus endured.	Не забывай, какие страдания перенес Христос.
He could taste the fumes now in his throat.	Грудь камерария горела огнем.
Not even the morphine could dull the bite.	Даже морфин был не в силах приглушить боль.
My work here is done.	Моя миссия на земле завершена.
The Horror was his.	Весь ужас достался ему.
The Hope was theirs.	Им оставалась надежда.

In the Niche of the Palliums, the camerlegno had followed God's will and anointed his body.	В нише паллиума, следуя воле Бога, камерарий совершил миропомазание.
His hair. His face. His linen robe. His flesh. He was soaking now with the sacred, vitreous oils from the lamps.	Там он обильно смочил волосы, тело, одежду, лицо и руки и теперь весь был пропитан священными благовонными маслами из лампад.
They smelled sweet like his mother, but they burned.	Масла благоухали так же сладко, как когда-то благоухала мама, и очень хорошо горели.
His would be a merciful ascension.	Это будет благостное вознесение.

Miraculous and swift.	Чудесное и почти мгновенное.
And he would leave behind not scandal... but a new strength and wonder.	И он оставит после себя не постыдный скандал... а новую силу и возрожденную веру в чудеса.
He slipped his hand into the pocket of his robe and fingered the small, golden lighter he had brought with him from the Pallium incendiario.	Сунув руку в карман мантии, он нащупал крохотную золотую зажигалку, которую прихватил в нише паллиума.
He whispered a verse from Judgments.	Затем камерарий прочел стих из Библии:

And when the flame went up toward heaven, the angel of the Lord ascended in the flame.	"И когда огонь поднялся к небесам, ангел Божий вознесся в этом пламени".
He positioned his thumb.	И вот кнопка зажигалки оказалась под его большим пальцем.
They were singing in St. Peter's Square...	На площади Святого Петра звучали гимны.
The vision the world witnessed no one would ever forget.	*** Мир никогда не забудет того, что увидел в тот миг.

High above on the balcony, like a soul tearing free of its corporeal restrains, a luminous pyre of flame erupted from the camerlegno's center.	Из груди стоящего на балконе камерария высоко в небо взметнулся столб пламени. Казалось, что душа священнослужителя освобождалась от своей земной оболочки.
The fire shot upward, engulfing his entire body instantly.	Пламя рванулось вверх, мгновенно охватив все тело клирика.
He did not scream.	Камерарий даже не вскрикнул.

He raised his arms over his head and looked toward heaven.	Он поднял руки над головой и обратил лицо к небесам.

The conflagration roared around him, entirely shrouding his body in a column of light.	Огонь превратил его тело в огненный столп.
It raged for what seemed like an eternity, the whole world bearing witness.	Чудо, как казалось затаившему дыхание миру, продолжалось вечно.
The light flared brighter and brighter. Then, gradually, the flames dissipated.	Пламя полыхало все ярче и ярче, а затем постепенно стало спадать.
The camerlegno was gone.	Камерарий исчез.

Whether he had collapsed behind the balustrade or evaporated into thin air was impossible to tell.	Никто не мог точно сказать, упал ли он за балюстраду или вознесся на небо.
All that was left was a cloud of smoke spiraling skyward over Vatican City.	Толпа теперь видела только облако дыма, спиралью уходящее в небо над Ватиканом.
135	Глава 135
Dawn came late to Rome.	Рассвет пришел в Рим поздно.
An early rainstorm had washed the crowds from St. Peter's Square.	Утренний ливень с грозой смыл толпу с площади Святого Петра.

The media stayed on, huddling under umbrellas and in vans, commentating on the evening's events.	Журналисты остались. Спрятавшись под зонтами или укрывшись в своих машинах, они продолжали комментировать ночные события.
Across the world, churches overflowed.	В церквях по всему миру яблоку было негде упасть.
It was a time of reflection and discussion... in all religions.	Настало время для раздумий и дискуссий представителей всех религий.
Questions abounded, and yet the answers seemed only to bring deeper questions.	Вопросов было много, а ответы на них вызывали лишь недоумение.

Thus far, the Vatican had remained silent, issuing no statement whatsoever.	Ватикан же хранил молчание. Никаких официальных заявлений пока сделано не было.
Deep in the Vatican Grottoes, Cardinal Mortati knelt alone before the open sarcophagus.	*** Глубоко в гротах Ватикана кардинал Мортати стоял на коленях перед открытым саркофагом.
He reached in and closed the old man's blackened mouth. His Holiness looked peaceful now.	Поднявшись на ноги, он опустил руку в гроб и закрыл почерневший рот умершего две недели назад папы.
In quiet repose for eternity.	Его святейшеству теперь предстояло вечно покоиться в мире.
At Mortati's feet was a golden urn, heavy with ashes.	У ног Мортати стояла небольшая золотая урна, до краев наполненная пеплом.

Mortati had gathered the ashes himself and brought them here.	Мортати лично собрал его и принес сюда.
"A chance for forgiveness," he said to His Holiness, laying the urn inside the sarcophagus at the Pope's side.	- Даю тебе возможность прощения, - сказал он покойному понтифику, помещая урну в саркофаг рядом с телом.

"No love is greater than that of a father for His son."	- Ибо нет любви сильнее, чем любовь отца к своему сыну.
Mortati tucked the urn out of sight beneath the papal robes.	С этими словами он прикрыл урну полами папской мантии.

He knew this sacred grotto was reserved exclusively for the relics of Popes, but somehow Mortati sensed this was appropriate.	Он знал, что эти священные гроты предназначены только для останков пап, но ему почему-то казалось, что он поступает правильно.
"Signore?" someone said, entering the grottoes.	- Синьор, - произнес кто-то, входя в гроты, - вас ждут на конклаве.
It was Lieutenant Chartrand.	Это был лейтенант Шартран.
He was accompanied by three Swiss Guards.	Лейтенанта сопровождали три гвардейца.

"They are ready for you in conclave." Mortati nodded. "In a moment." He gazed one last time into the sarcophagus before him, and then stood up.	- Еще одну минуту, - ответил кардинал, в последний раз взглянув в лицо покойного.
He turned to the guards. "It is time for His Holiness to have the peace he has earned."	- Его святейшество наконец получит покой, который он заслужил.
The guards came forward and with enormous effort slid the lid of the Pope's sarcophagus back into place. It thundered shut with finality.	Гвардейцы навалились на крышку саркофага. Тяжелый камень вначале не хотел сдвигаться, но потом с глухим стуком, в котором прозвучала вечность, встал на свое место.

Mortati was alone as he crossed the Borgia Courtyard toward the Sistine Chapel.	*** Мортати направился в Сикстинскую капеллу. По дворику Борджиа он проследовал в полном одиночестве.
A damp breeze tossed his robe.	Влажный ветер играл полами его мантии.
A fellow cardinal emerged from the Apostolic Palace and strode beside him.	Из Апостольского дворца появился его коллега кардинал, и дальше они пошли вместе.
"May I have the honor of escorting you to conclave, signore?"	- Будет ли мне оказана честь сопровождать вас на конклав, синьор? - спросил кардинал.
"The honor is mine."	- Это вы окажете мне честь, сопроводив меня в капеллу, - ответил Мортати.

"Signore," the cardinal said, looking troubled. "The college owes you an apology for last night.	- Синьор, - смущенно продолжил кардинал, -коллегия просит у вас прощения за свои действия прошлым вечером.
We were blinded by-"	Мы были ослеплены...
"Please," Mortati replied.	- Не надо... - сказал Мортати.
"Our minds sometimes see what our hearts wish were true."	- Наш разум иногда ведет себя так, как того хочет сердце. А наши сердца вчера желали, чтобы это оказалось правдой.
The cardinal was silent a long time. Finally he spoke.	Кардинал некоторое время шел молча, а затем произнес:
"Have you been told? You are no longer our Great Elector."	- Вы уже знаете, что перестали быть "великим выборщиком"?

Mortati smiled. "Yes.	- Да, - улыбнулся Мортати.

I thank God for small blessings."	- И я благодарю Создателя за эту небольшую милость.
"The college insisted you be eligible."	- Коллегия кардиналов решила, что вы подлежите выборам.
"It seems charity is not dead in the church."	- Это говорит о том, что способность сострадать в нашей церкви умерла не до конца.
"You are a wise man. You would lead us well."	- Вы мудрый человек и будете хорошо руководить нами.
"I am an old man. I would lead you briefly."	- Я старый человек, и мое руководство долго не продлится. Это меня несколько утешает.

They both laughed.	Оба рассмеялись.
As they reached the end of the Borgia Courtyard, the cardinal hesitated.	Когда они почти миновали дворик Борджиа, кардинал повернулся к Мортати.
He turned to Mortati with a troubled mystification, as if the precarious awe of the night before had slipped back into his heart.	То, что он сказал, было произнесено довольно странным тоном, так, словно удивительные события прошлой ночи не давали кардиналу покоя.
"Were you aware," the cardinal whispered, "that we found no remains on the balcony?"	- Вы знаете, - с таинственным видом прошептал он, - что на балконе мы не обнаружили никаких останков?

Mortati smiled. "Perhaps the rain washed them away."	- Видимо, их смыл ливень, - улыбнулся Мортати.
The man looked to the stormy heavens. "Yes, perhaps..."	- Да, возможно... - протянул кардинал, взглянув в грозовое небо.
136	Глава 136
The midmorning sky still hung heavy with clouds as the Sistine Chapel's chimney gave up its first faint puffs of white smoke.	Ближе к полудню, когда небо над Римом все еще было затянуто тяжелыми тучами, над дымовой трубой Сикстинской капеллы появилось белое облачко.
The pearly wisps curled upward toward the firmament and slowly dissipated.	Жемчужные клубы устремились к небу, медленно рассеиваясь по пути.

Far below, in St. Peter's Square, reporter Gunther Glick watched in reflective silence.	А далеко внизу, на площади Святого Петра, репортер Би-би-си Гюнтер Глик задумчиво следил за движением клубов белого дыма.
The final chapter...	Последняя глава...
Chinita Macri approached him from behind and hoisted her camera onto her shoulder.	Сзади к нему подошла Чинита Макри и, водрузив камеру на плечо, сказала:
"It's time," she said.	- Время.
Glick nodded dolefully. He turned toward her, smoothed his hair, and took a deep breath.	Глик скорбно кивнул, повернулся к ней лицом, пригладил ладонью волосы и глубоко вздохнул.

My last transmission, he thought. A small crowd had gathered around them to watch.	"Моя последняя передача", - подумал он.
"Live in sixty seconds," Macri announced.	- Эфир через пятьдесят секунд, - объявила Макри.

Glick glanced over his shoulder at the roof of the Sistine Chapel behind him.	Глик посмотрел через плечо на крышу Сикстинской капеллы и спросил:
"Can you get the smoke?"	- А дым ты сможешь взять?
Macri patiently nodded. "I know how to frame a shot, Gunther."	- Я умею строить кадр, - спокойно ответила Макри.
Glick felt dumb.	Глик ощущал себя полным тупицей.

Of course she did.	Скорее всего он им и был.
Macri's performance behind the camera last night had probably won her the Pulitzer.	Операторская работа Макри прошлой ночью может принести ей Пулитцеровскую премию.
His performance, on the other hand... he didn't want to think about it.	Его же работа... ему даже не хотелось об этом думать.
He was sure the BBC would let him go; no doubt they would have legal troubles from numerous powerful entities... CERN and George Bush among them.	Он не сомневался, что Би-би-си отправит его на все четыре стороны и начнет разбираться с судебными исками весьма могущественных лиц и организаций... среди которых могут оказаться Джордж Буш и ЦЕРН.

"You look good," Chinita patronized, looking out from behind her camera now with a hint of concern.	- Ты выглядишь отлично, - покровительственно заметила Макри, глядя на него из-за камеры.
"I wonder if I might offer you..." She hesitated, holding her tongue.	Однако в ее голосе можно было уловить и некоторую озабоченность. - Ты не рассердишься, если я дам тебе... - не зная, как закончить, она замолчала.
"Some advice?" Macri sighed.	- Совет? - закончил за нее Глик.
"I was only going to say that there's no need to go out with a bang."	- Я просто хотела сказать, что не стоит уходить с большим шумом, - вздохнула Макри.
"I know," he said.	- Знаю.
"You want a straight wrap."	Я хочу простой и элегантной концовки.

"The straightest in history.	- Самой простой за всю историю журналистики.
I'm trusting you." Glick smiled. A straight wrap?	Простая концовка?
Is she crazy?	У нее, наверное, поехала крыша.
A story like last night's deserved so much more.	То, что случилось прошлой ночью, заслуживало более яркого завершения.
A twist.	Нужен неожиданный ход.
A final bombshell.	Еще одна бомба.
An unforeseen revelation of shocking truth.	Финальный факт. Нечто такое, чего никто не ждет.

Fortunately, Glick had just the ticket waiting in the wings...	И по счастью, подобный факт уже был припрятан в его рукаве.
* * *	***
"You're on in... five... four... three..."	- Ты в эфире через... пять... четыре... три...
As Chinita Macri looked through her camera, she sensed a sly glint in Glick's eye.	Лишь взглянув в визир камеры, Чинита замети-ла хитрый блеск в глазах Глика.

I was insane to let him do this, she thought.	"Я сошла с ума, позволив ему вести репортаж!
What was I thinking?	Каким местом я думала?"

But the moment for second thoughts had passed.	Но времени на то, чтобы принять меры, не оставалось.
They were on.	Они уже были в эфире.
"Live from Vatican City," Glick announced on cue, "this is Gunther Glick reporting." He gave the camera a solemn stare as the white smoke rose behind him from the Sistine Chapel.	- Прямая передача из Ватикана, на ваших экранах Г юнтер Г лик, - произнес журналист и посмотрел в камеру, дав зрителям возможность полюбоваться тем, как к небу за его спиной поднимаются клубы белого дыма.
"Ladies and gentlemen, it is now official.	- Дамы и господа, позвольте начать с официального сообщения.

Cardinal Saverio Mortati, a seventy nine year old progressive, has just been elected the next Pope of Vatican City.	Семидесятидевятилетний кардинал Саверио Мортати был только что избран очередным папой.
Although an unlikely candidate, Mortati was chosen by an unprecedented unanimous vote by the College of Cardinals."	Выборы оказались беспрецедентными. Самый неожиданный кандидат на пост понтифика был избран коллегией кардиналов единогласно!
As Macri watched him, she began to breathe easier.	Макри почувствовала некоторое облегчение.

Glick seemed surprisingly professional today.	Глик сегодня работал на редкость профессионально.
Even austere.	Даже с излишней сухостью.
For the first time in his life, Glick actually looked and sounded somewhat like a newsman.	Первый раз в жизни Г лик выглядел и говорил так, как подобало выглядеть и говорить настоящему репортеру, подавая новости.

"And as we reported earlier," Glick added, his voice intensifying perfectly, "the Vatican has yet to offer any statement whatsoever regarding the miraculous events of last night."	- Как мы упоминали ранее, - сказал Глик, -Ватикану еще предстоит выступить с сообщением о чудесных событиях, имевших место прошлым вечером и ночью.
Good.	Отлично.
Chinita's nervousness waned some more.	Напряжение, которое испы- тывала Макри, еще немного уменьшилось.
So far, so good.	Пока все хорошо.

Glick's expression grew sorrowful now.	По лицу Глика разлилась печаль, и он продолжил:
"And though last night was a night of wonder, it was also a night of tragedy.	- И хотя прошлая ночь была ночью чудес, она оказалась в то же время ночью трагедий.
Four cardinals perished in yesterday's conflict, along with Commander Olivetti and Captain Rocher of the Swiss Guard, both in the line of duty.	Во вчерашнем конфликте погибли четыре кардинала, а также коммандер Оливетти и капитан Рошер из швейцарской гвардии. Оба офицера отдали свои жизни при исполнении служебных обязанностей.

Other casualties include Leonardo Vetra, the renowned CERN physicist and pioneer of antimatter technology, as well as Maximilian Kohler, the director of CERN, who apparently came to Vatican City in an effort to help but reportedly passed away in the process.	Человеческие потери включают Леонардо Ветра -известного физика из ЦЕРНа и пионера новых технологий по получению антивещества, а также его коллегу, директора ЦЕРНа Максимилиана Колера, который прибыл в Ватикан, чтобы помочь разрешить кризис.

No official report has been issued yet on Mr. Kohler's death, but conjecture is that he died due to complications brought on by a long time illness."	В процессе этой деятельности доктор Колер скончался. Ватикан пока еще не сделал официального заявления о причине смерти известного ученого, однако специалисты высказывают предположение, что мистер Колер ушел из жизни в результате обострения хронического заболевания органов дыхания.
Macri nodded.	Макри одобрительно кивнула.
The report was going perfectly. Just as they discussed.	Сообщение пока шло точно по разработанной ими схеме.

"And in the wake of the explosion in the sky over the Vatican last night, CERN's antimatter technology has become the hot topic among scientists, sparking excitement and controversy.	- В свете взрыва, прогремевшего вчера в небе над Ватиканом, проблема антивещества стала темой самых горячих дискуссий в научной среде.

A statement read by Mr. Kohler's assistant in Geneva, Sylvie Baudeloque, announced this morning that CERN's board of directors, although enthusiastic about antimatter's potential, are suspending all research and licensing until further inquiries into its safety can be examined."	Из заявления, зачитанного личной помощницей доктора Колера госпожой Сильвией Боделок, следует, что совет директоров ЦЕРНа приостановил все исследования, связанные с антивеществом, хотя и высказался о потенциальных возможностях последнего с энтузиазмом. Исследования могут быть возобновлены после того, как будут изучены все проблемы, связанные с безопасностью их проведения.
Excellent, Macri thought.	"Отлично! - подумала Макри.
Home stretch.	- Последний рывок, и мы дома".

"Notably absent from our screens tonight," Glick reported, "is the face of Robert Langdon, the Harvard professor who came to Vatican City yesterday to lend his expertise during this Illuminati crisis.	- Не может остаться незамеченным отсутствие сегодня на наших экранах Роберта Лэнгдона, профессора из Гарварда, прибывшего вчера в Ватикан, чтобы оказать помощь в разрешении кризиса, связанного с сообществом "Иллюминати".
Although originally thought to have perished in the antimatter blast, we now have reports that Langdon was spotted in St. Peter's Square after the explosion.	Высказывались обоснованные предположения, что он погиб при взрыве, однако, как утверждают, его видели на площади Святого Петра после него.

How he got there is still speculation, although a spokesman from Hospital Tiberina claims that Mr. Langdon fell out of the sky into the Tiber River shortly after midnight, was treated, and released."	О том, как профессор мог там оказаться, высказываются различные предположения, хотя представитель больницы Сан-Джованни ди Дио утверждает, что вскоре после полуночи мистер Лэнгдон упал с неба в реку Тибр и был выписан из лечебницы после оказания ему первой медицинской помощи.

Glick arched his eyebrows at the camera. "And if that is true... it was indeed a night of miracles."	- Глик вскинул брови и, глядя в камеру, закончил:- Если это действительно так... то прошедшая ночь оказалась воистину ночью чудес.
Perfect ending!	Отличное завершение!

Macri felt herself smiling broadly.	Макри почувствовала, как ее губы против воли растянулись в широкой улыбке.
Flawless wrap!	Безупречная концовка.
Now sign off!	Пора прощаться!
But Glick did not sign off.	Но Глик прощаться не стал.
Instead, he paused a moment and then stepped toward the camera. He had a mysterious smile.	Вместо этого он выдержал паузу и, шагнув в направлении камеры, объявил с таинственной улыбкой на устах:
"But before we sign off..."	- Однако прежде чем попрощаться...
No!	Нет!
"... I would like to invite a guest to join me."	- ...я хотел бы, чтобы перед вами выступил мой гость.

Chinita's hands froze on the camera.	Чинита судорожно сжала камеру.
A guest?	Какой еще гость?
What the hell is he doing?	Что, дьявол его побери, он вытворяет?!
What guest! Sign off!	Он должен убраться из эфира!
But she knew it was too late.	Но она знала, что опоздала.
Glick had committed.	Глик уже сделал объявление.
"The man I am about to introduce," Glick said, "is an American... a renowned scholar."	- Человек, которого я хочу вам представить... -продолжал репортер, - американец... известный ученый.
Chinita hesitated.	Чинита не знала, как поступить.

She held her breath as Glick turned to the small crowd around them and motioned for his guest to step forward.	Она затаила дыхание, когда Г лик, повернувшись к собравшейся вокруг них небольшой толпе, пригласил своего гостя выйти вперед.
Macri said a silent prayer.	Макри взмолилась про себя:
Please tell me he somehow located Robert Langdon... and not some Illuminati conspiracy nutcase.	"Боже, сделай так, чтобы это оказался внезапно обнаружившийся Роберт Лэнгдон... а не очередной псих, свихнувшийся на почве теории заговоров!"
But as Glick's guest stepped out, Macri's heart sank.	Когда Макри увидела гостя, ее сердце провалилось в желудок.

It was not Robert Langdon at all. It was a bald man in blue jeans and a flannel shirt.	Это был вовсе не Роберт Лэнгдон, а какой-то лысый тип в джинсах и ковбойке.
He had a cane and thick glasses.	При ходьбе он опирался на палку, а его глаз не было видно за толстенными стеклами очков.
Macri felt terror. Nutcase!	"Псих!" - с ужасом подумала Макри.

"May I introduce," Glick announced, "the renowned Vatican scholar from De Paul University in Chicago. Dr. Joseph Vanek."	- Позвольте вам представить, - провозгласил Глик,- известного ученого из университета Де Пола в Чикаго доктора Джозефа Ванека, специалиста по истории Ватикана.

Macri now hesitated as the man joined Glick on camera.	Чинита немного успокоилась.
This was no conspiracy buff; Macri had actually heard of this guy.	По крайней мере этот парень не был психом, зациклившимся на теории заговоров. Впрочем, нельзя и исключать, что он был психом, зациклившимся на других столь же жгучих вопросах.
"Dr. Vanek," Glick said. "You have some rather startling information to share with us regarding last night's conclave."	- Доктор Ванек, - продолжал Глик, - насколько мне известно, вы располагаете потрясающей информацией и готовы поделиться ею с нашей аудиторией. Эта информация имеет прямое отношение к вчерашнему конклаву.

"I do indeed," Vanek said.	- Да, конечно, - вступил в дело Ванек.
"After a night of such surprises, it is hard to imagine there are any surprises left... and yet..." He paused.	- После ночи сюрпризов трудно предположить, что остались еще какие-то вызывающие изумление факты... и тем не менее...
Glick smiled.	- Он замолчал, не закончив фразы.
"And yet, there is a strange twist to all this."	- И тем не менее есть нечто такое, что позволяет увидеть эти события в несколько ином свете? -улыбнулся Глик.
Vanek nodded. "Yes.	- Да, - кивнул Ванек.

As perplexing as this will sound, I believe the College of Cardinals unknowingly elected two Popes this weekend."	- Хотя это звучит неправдоподобно, но коллегия кардиналов, сама не ведая того, избрала за этот краткий срок двух пап.
Macri almost dropped the camera.	Макри едва не уронила камеру.
Glick gave a shrewd smile. "Two Popes, you say?"	- Двух пап, вы говорите? - спросил Г лик с тонкой улыбкой.
The scholar nodded. "Yes.	- Именно, - снова кивнул ученый.
I should first say that I have spent my life studying the laws of papal election.	- Но прежде я должен сказать, что всю жизнь занимался правилами избрания пап.

Conclave judicature is extremely complex, and much of it is now forgotten or ignored as obsolete.	Юридические каноны избрания отличаются чрезвычайной сложностью и многие из них в наше время не принимаются во внимание как устаревшие или просто забыты.
Even the Great Elector is probably not aware of what I am about to reveal.	Даже "великому выборщику" скорее всего не известно то, о чем я хочу сейчас сказать.

Nonetheless... according to the ancient forgotten laws put forth in the Romano Pontifici Eligendo, Numero 63... balloting is not the only method by which a Pope can be elected.	Тем не менее, согласно старинному и благополучно забытому закону, стоящему под номером 63 в редком издании "Romano Pontifici Eligendo", или, проще, "Выборы папы римского", голосование с помощью бюллетеней не единственный способ избрания понтифика.

There is another, more divine method. It is called 'Acclamation by Adoration.'" He paused. "And it happened last night."	Имеется еще один способ, именуемый "одобрение, выраженное общим восторгом". - Доктор Ванек выдержал паузу и закончил: -Именно это и произошло прошлой ночью.

Glick gave his guest a riveted look. "Please, go on."	- Прошу вас, продолжайте, - сказал Г лик, не сводя взгляда с собеседника.
"As you may recall," the scholar continued, "last night, when Camerlegno Carlo Ventresca was standing on the roof of the basilica, all of the cardinals below began calling out his name in unison."	- Как вы, наверное, помните, - произнес ученый, -прошлой ночью, когда камерарий Карло Вентреска стоял на крыше базилики, все находящиеся внизу кардиналы принялись в унисон выкрикивать его имя.
"Yes, I recall."	- Да, я это прекрасно помню.
"With that image in mind, allow me to read verbatim from the ancient electoral laws."	- Так вот, держите в уме эту картину, а я тем временем зачитаю вам отрывок из старинного уложения о выборах.

The man pulled some papers from his pocket, cleared his throat, and began to read. "'Election by Adoration occurs when... all the cardinals, as if by inspiration of the Holy Spirit, freely and spontaneously, unanimously and aloud, proclaim one individual's name.'"	- Доктор Ванек вынул из кармана какие-то листки, откашлялся и начал читать: - Избрание методом одобрения, выраженного общим восторгом, имеет место в том случае, если все кардиналы... как бы вдохновленные Духом Святым, спонтанно, без чьего-либо нажима, единодушно и громко провозглашают имя одной-единственной личности.
Glick smiled. "So you're saying that last night, when the cardinals chanted Carlo Ventresca's name together, they actually elected him Pope?"	- Итак, - с улыбкой сказал Г лик, - вы утверждаете, что вчера, когда кардиналы хором выкрикивали имя Карло Вентреска, они на самом деле избрали его папой?

"They did indeed.	- Именно это они и сделали.
Furthermore, the law states that Election by Adoration supercedes the cardinal eligibility requirement and permits any clergyman-ordained priest, bishop, or cardinal-to be elected.	Более того, закон гласит, что подобные выборы имеют преимущество перед выборами с помощью голосования и избранным может быть не только кардинал, но и любой рукоположенный клирик, будь он простым священником, епископом или кардиналом.
So, as you can see, the camerlegno was perfectly qualified for papal election by this procedure."	Поэтому, как вы можете видеть, камерарий был избран на пост папы посредством этой древней процедуры.

Dr. Vanek looked directly into the camera now. "The facts are these... Carlo Ventresca was elected Pope last night.	- Глядя прямо в объектив камеры, доктор Ванек продолжил: - То, что Карло Вентреска был вчера вечером избран папой, является непреложным фактом.
He reigned for just under seventeen minutes.	И его понтификат длился всего семнадцать минут.
And had he not ascended miraculously into a pillar of fire, he would now be buried in the Vatican Grottoes along with the other Popes."	Если бы он чудесным образом не вознесся в небо в столбе пламени, то сейчас был бы похоронен в священных гротах Ватикана наравне со всеми своими предшественниками.

"Thank you, doctor." Glick turned to Macri with a mischievous wink. "Most illuminating..."	- Благодарю вас, доктор, - сказал Глик, хитро подмигнув Макри. - Ваша информация оказалась чрезвычайно интересной...
137	Глава 137
High atop the steps of the Roman Coliseum, Vittoria laughed and called down to him.	Стоя на верхних ступенях римского Колизея, Виттория громко крикнула ему с обворожительной улыбкой:
"Robert, hurry up!	- Пошевеливайся, Роберт!
I knew I should have married a younger man!" Her smile was magic.	Так и знала, что мне следовало искать мужа помоложе!
He struggled to keep up, but his legs felt like stone.	Он заторопился, но его ноги будто налились свинцом.

"Wait," he begged.	- Подожди меня, - окликнул он ее.
"Please..."	- Прошу, пожалуйста...
There was a pounding in his head. Robert Langdon awoke with a start.	Роберт Лэнгдон резко, словно от толчка, проснулся.
Darkness.	Темнота.
He lay still for a long time in the foreign softness of the bed, unable to figure out where he was.	Он лежал в незнакомой мягкой постели, не в силах сообразить, где находится.
The pillows were goose down, oversized and wonderful.	Огромные и удивительно удобные подушки были набиты гусиным пухом.

The air smelled of potpourri.	Воздух являл собой коктейль из приятных запахов.
Across the room, two glass doors stood open to a lavish balcony, where a light breeze played beneath a glistening cloud swept moon.	На противоположной стороне комнаты находилась двустворчатая стеклянная дверь. Обе створки ее были распахнуты, и с роскошного балкона тянуло легким теплым ветерком. В небе в разрывах облаков виднелась луна.
Langdon tried to remember how he had gotten here... and where here was.	Лэнгдон попытался вспомнить, как попал сюда, и сообразить, где находится.
Surreal wisps of memory sifted back into his consciousness...	В его сознании начали возникать какие-то сюрреалистические картины...

A pyre of mystical fire... an angel materializing from out of the crowd... her soft hand taking his and leading him into the night... guiding his exhausted, battered body through the streets... leading him here... to this suite... propping him half sleeping in a scalding hot shower... leading him to this bed... and watching over him as he fell asleep like the dead.	Столб таинственного огня... возникший из толпы ангел... теплые руки обнимают его и уводят в ночь... ангел ведет его лишенное сил побитое тело через незнакомые улицы... приводит сюда... заталкивает его, полусонного, под обжигающе горячие струи душа... ведет в постель и охраняет его после того, как он заснул мертвецким сном.
In the dimness now, Langdon could see a second bed.	Теперь он видел и вторую кровать.

The sheets were tousled, but the bed was empty.	Постель была разобрана, но в ней никого не было.
From one of the adjoining rooms, he could hear the faint, steady stream of a shower.	Откуда-то из-за стены до него слабо доносился шум льющейся воды.

As he gazed at Vittoria's bed, he saw a boldly embroidered seal on her pillowcase.	Разглядывая постель Виттории, он заметил вышитую на наволоч-ке подушки эмблему со словами
It read: HOTEL BERNINI.	"Отель Бернини".
Langdon had to smile.	Лэнгдон улыбнулся.

Vittoria had chosen well.	Виттория сделала прекрасный выбор.
Old World luxury overlooking Bernini's Triton Fountain... there was no more fitting hotel in all of Rome.	Роскошная гостиница старушки Европы над фонтаном "Тритон" работы Бернини... Более подходящего для них отеля в Риме не было.
As Langdon lay there, he heard a pounding and realized what had awoken him. Someone was knocking at the door.	Нежась в постели, ученый услышал стук в дверь и понял, что его разбудило.
It grew louder.	Стук становился все сильнее.
Confused, Langdon got up.	Лэнгдон неохотно выбрался из кровати. Он испытывал легкое недоумение.

Nobody knows we're here, he thought, feeling a trace of uneasiness.	"Никто не знает, что мы здесь", - подумал он и недоумение переросло в беспокойство.
Donning a luxuriant Hotel Bernini robe, he walked out of the bedroom into the suite's foyer.	Он накинул роскошный фирменный гостиничный халат и вышел из спальни в прихожую.
He stood a moment at the heavy oak door, and then pulled it open.	Постояв несколько секунд в раздумье, он распахнул тяжелую дубовую дверь.
A powerful man adorned in lavish purple and yellow regalia stared down at him.	На пороге стоял здоровенный детина в ослепительном сине-золотом наряде.
"I am Lieutenant Chartrand," the man said. "Vatican Swiss Guard."	- Лейтенант Шартран из швейцарской гвардии, -представился посетитель.

Langdon knew full well who he was.	В этом не было никакой необходимости, так как Лэнгдон сразу узнал офицера.
"How... how did you find us?"	- Как... как вы нас нашли?
"I saw you leave the square last night. I followed you.	- Я увидел, как вы уходили ночью с площади, и последовал за вами.
I'm relieved you're still here."	Очень рад, что вы еще здесь.
Langdon felt a sudden anxiety, wondering if the cardinals had sent Chartrand to escort Langdon and Vittoria back to Vatican City.	Лэнгдон ощутил некоторую тревогу. Неужели кардиналы послали лейтенанта для того, чтобы он эскортировал их в Ватикан?

After all, the two of them were the only two people beyond the College of Cardinals who knew the truth.	Ведь Виттория и он были единственными людьми вне коллегии, которые знали всю правду.
They were a liability.	Они таили в себе потенциальную угрозу церкви.
"His Holiness asked me to give this to you," Chartrand said, handing over an envelope sealed with the Vatican signet.	- Его святейшество попросил меня передать вам это, - сказал Шартран и вручил ему пакет с папской печатью.
Langdon opened the envelope and read the handwritten note.	Лэнгдон открыл пакет и прочитал написанное от руки послание:

Mr. Langdon and Ms. Vetra, Although it is my profound desire to request your discretion in the matters of the past 24 hours, I cannot possibly presume to ask more of you than you have already given.	"Мистер Лэнгдон и мисс Ветра! Несмотря на то что мне очень хочется попросить вас хранить в тайне то, что произошло за последние 24 часа, я чувствую, что не имею права требовать от вас чего-либо после того, что вы уже сделали для нас.
I therefore humbly retreat hoping only that you let your hearts guide you in this matter.	Поэтому я скромно отступаю в тень, в надежде, что ваши сердца подскажут вам правильный путь.
The world seems a better place today... maybe the questions are more powerful than the answers.	Мне кажется, что мир сегодня стал немного лучше... не исключено, что вопросы обладают большей силой, нежели ответы на них.

My door is always open,	Мои двери всегда для вас открыты.
His Holiness, Saverio Mortati	Его святейшество Саверио Мортати".
Langdon read the message twice.	*** Лэнгдон перечитал письмо дважды.
The College of Cardinals had obviously chosen a noble and munificent leader.	Коллегия кардиналов определенно избрала благородного и достойного лидера.
Before Langdon could say anything, Chartrand produced a small package.	Прежде чем Лэнгдон успел что-либо сказать, Шартран достал небольшой сверток и, передавая его ученому, сказал:
"A token of thanks from His Holiness."	- В знак благодарности от его святейшества.

Langdon took the package. It was heavy, wrapped in brown paper.	Лэнгдон взял сверток, который оказался на удивление тяжелым.
"By his decree," Chartrand said, "this artifact is on indefinite loan to you from the sacred Papal Vault.	- По указу его святейшества данный артефакт, хранившийся в личном реликварии папы, передается вам в бессрочное пользование.
His Holiness asks only that in your last will and testament you ensure it finds its way home." Langdon opened the package and was struck speechless.	Его святейшество просит вас только о том, чтобы вы, выражая свою последнюю волю в завещании, обеспечили возвращение этого предмета в место его первоначального нахождения. Лэнгдон снял со свертка оберточную бумагу и... потерял дар речи.
It was the brand.	Это было шестое клеймо.

The Illuminati Diamond.	"Ромб иллюминати".
Chartrand smiled. "May peace be with you." He turned to go.	- Желаю вам мира и благополучия, - с улыбкой произнес Шартран и повернулся, чтобы уйти.
"Thank... you," Langdon managed, his hands trembling around the precious gift.	- Благодарю... вас, - едва сумел выдавить Лэнгдон.
The guard hesitated in the hall.	Он так разволновался, что никак не мог унять дрожь в судорожно сжимавших бесценный дар руках. Швейцарский гвардеец, задержавшись в коридоре, спросил:
"Mr. Langdon, may I ask you something?"	- Мистер Лэнгдон, вы позволите задать вам один вопрос?

"Of course."	- Конечно.

"My fellow guards and I are curious.	- Моих товарищей гвардейцев и меня мучает любопытство.
Those last few minutes... what happened up there in the helicopter?"	Что произошло в последние минуты... там, в вертолете?
Langdon felt a rush of anxiety. He knew this moment was coming- the moment of truth.	Лэнгдон знал, что момент истины обязательно наступит.
He and Vittoria had talked about it last night as they stole away from St. Peter's Square.	Они с Витторией говорили об этом, когда тайком уходили с площади Святого Петра.
And they had made their decision.	Уже тогда они приняли решение.

Even before the Pope's note.	Задолго до того, как принесли папское послание.
Vittoria's father had dreamed his antimatter discovery would bring about a spiritual awakening.	Отец девушки верил, что открытие антивещества приведет к духовному возрождению.
Last night's events were no doubt not what he had intended, but the undeniable fact remained... at this moment, around the world, people were considering God in ways they never had before.	События прошлой ночи оказались совсем не тем, на что он рассчитывал, но случилось невероятное... в тот момент люди во всем мире стали смотреть на Бога так, как никогда не смотрели раньше.

How long the magic would last, Langdon and Vittoria had no idea, but they knew they could never shatter the wonderment with scandal and doubt.	Лэнгдон и Виттория не представляли, сколько времени продлится эта магия, но они твердо решили не губить восхищенное изумление скандалом или сомнениями.
The Lord works in strange ways, Langdon told himself, wondering wryly if maybe... just maybe... yesterday had been God's will after all.	"Неисповедимы пути Господни, - говорил себе Лэнгдон и неуверенно спрашивал сам себя: - А что, если... а что, если все, что вчера случилось, было все же проявлением Божьей воли?"
"Mr. Langdon?" Chartrand repeated. "I was asking about the helicopter?"	- Мистер Лэнгдон, - напомнил Шартран, - я спросил вас о вертолете.

Langdon gave a sad smile. "Yes, I know..." He felt the words flow not from his mind but from his heart.	- Да, знаю, - улыбнулся Лэнгдон... ему казалось, что его слова не слетают с губ, а исходят из сердца.
"Perhaps it was the shock of the fall... but my memory... it seems... it's all a blur..."	- Возможно, это вызвано шоком от падения... но что-то случилось с моей памятью... все события как будто в тумане...
Chartrand slumped. "You remember nothing?"	- Неужели вы так ничего и не помните? - упавшим голосом спросил Шартран.
Langdon sighed. "I fear it will remain a mystery forever."	- Боюсь, что это навсегда будет скрыто завесой тайны, - со вздохом ответил ученый.

When Robert Langdon returned to the bedroom, the vision awaiting him stopped him in his tracks.	*** Когда Роберт Лэнгдон вновь переступил порог спальни, открывшаяся ему картина заставила его замереть на месте.
Vittoria stood on the balcony, her back to the railing, her eyes gazing deeply at him.	Виттория стояла на балконе спиной к ограде, и взгляд девушки был обращен на него.
She looked like a heavenly apparition... a radiant silhouette with the moon behind her.	Она показалась ему небесным видением... четкий силуэт на фоне лунного диска.

She could have been a Roman goddess, enshrouded in her white terrycloth robe, the drawstring cinched tight, accentuating her slender curves.	В белоснежном махровом халате она вполне могла сойти за древнеримскую богиню. Туго затянутый пояс подчеркивал ее прекрасные формы.
Behind her, a pale mist hung like a halo over Bernini's Triton Fountain.	А за ней, создавая светящийся нимб, клубился туман, сотканный из мельчайших брызг фонтана "Тритон".
Langdon felt wildly drawn to her... more than to any woman in his life.	Лэнгдон вдруг ощутил такое неодолимое влечение, которого никогда до этого не испытывал ни к одной женщине.
Quietly, he lay the Illuminati Diamond and the Pope's letter on his bedside table.	Он тихонько положил "Ромб иллюминати" и письмо папы на прикроватную тумбочку.

There would be time to explain all of that later.	У него еще будет время для объяснений.
He went to her on the balcony.	После этого он вышел к ней на балкон.
Vittoria looked happy to see him.	Виттория обрадовалась его появлению.
"You're awake," she said, in a coy whisper.	- Ты проснулся, - застенчиво прошептала она.
"Finally."	- Наконец-то!..
Langdon smiled. "Long day."	- Выдался трудный денек, - улыбнулся он.
She ran a hand through her luxuriant hair, the neck of her robe falling open slightly.	Она провела ладонью по своим пышным волосам, и ее халат от движения руки слегка распахнулся.
"And now... I suppose you want your reward."	- А теперь... как я полагаю, ты ждешь своей награды?

The comment took Langdon off guard.	Это замечание застигло Лэнгдона врасплох.
"I'm... sorry?"	- Прости... я не совсем тебя понял.
"We're adults, Robert.	- Мы взрослые люди, Роберт.
You can admit it.	Ты должен это признать.
You feel a longing.	И я вижу в твоих глазах страсть.
I see it in your eyes.	Первобытное желание.
A deep, carnal hunger."	Физический голод.
She smiled. "I feel it too.	- Она улыбнулась и продолжила: - Я испытываю те же чувства.
And that craving is about to be satisfied."	И наше обоюдное желание сейчас получит удовлетворение.

"It is?" He felt emboldened and took a step toward her.	- Неужели? - спросил он, делая шаг по направлению к ней.
"Completely." She held up a room service menu.	- Полное удовлетворение, - сказала она, протягивая ему меню.
"I ordered everything they've got."	- Я позвонила в ресторан и попросила принести в номер все, что у них есть.
The feast was sumptuous.	*** Это было поистине королевское пиршество.

They dined together by moonlight... sitting on their balcony... savoring fris?e, truffles, and risotto. They sipped Dolcetto wine and talked late into the night.	Они ужинали на балконе под луной, жадно поглощая савойскую капусту, трюфели и ризотто, запивая все это первоклассным "Дольчетто". Ужин затянулся глубоко за полночь.
Langdon did not need to be a symbologist to read the signs Vittoria was sending him.	Лэнгдону не нужно было быть специалистом по символам, чтобы понять, какие сигналы посылала ему Виттория.

During dessert of boysenberry cream with savoiardi and steaming Romcaff?, Vittoria pressed her bare legs against his beneath the table and fixed him with a sultry stare.	Во время десерта, состоявшего из бойзеновых ягод со взбитыми сливками, нескольких сортов сыра и дымящегося кофе с ромом, Виттория то и дело прижимала под столом свои обнаженные ноги к нижним конечностям Лэнгдона и бросала на него пылкие взгляды.
She seemed to be willing him to set down his fork and carry her off in his arms.	Казалось, она ждала, когда он отложит вилку и возьмет ее на руки.
But Langdon did nothing. He remained the perfect gentleman.	Но Лэнгдон ничего не предпринимал, оставаясь безукоризненным джентльменом.

Two can play at this game, he thought, hiding a roguish smile.	В эту игру могут играть и двое, думал он, пряча хитрую улыбку.
When all the food was eaten, Langdon retired to the edge of his bed where he sat alone, turning the Illuminati Diamond over and over in his hands, making repeated comments about the miracle of its symmetry.	Когда все было съедено, Лэнгдон ушел с балкона, присел в одиночестве на край кровати и принялся вертеть в руках "Ромб иллюминати". Он внимательно рассматривал его со всех сторон, не переставая восхищаться чудом симметрии.
Vittoria stared at him, her confusion growing to an obvious frustration.	Виттория не сводила с него глаз, и ее замешательство начинало перерастать в сердитое разочарование.

"You find that ambigram terribly interesting, don't you?" she demanded.	- Ты находишь эту амбиграмму ужасно увлекательной, не так ли? - спросила она, когда ее терпение окончательно лопнуло.
Langdon nodded. "Mesmerizing." "Would you say it's the most interesting thing in this room?" Langdon scratched his head, making a show of pondering it. "Well, there is one thing that interests me more."	Лэнгдон поскреб в затылке, сделав вид, что задумался, и сказал: - Вообще-то есть одна вещь, которая интересует меня даже больше, чем это клеймо.
She smiled and took a step toward him. "That being?"	- И что же именно? - спросила Виттория, делая шаг по направлению к нему.

"How you disproved that Einstein theory using tuna fish."	- Меня давно занимает вопрос... каким образом тебе удалось опровергнуть теорию Эйнштейна с помощью тунца?
Vittoria threw up her hands. "Dio m?o!	- Dio mio! - всплеснула руками Виттория.
Enough with the tuna fish! Don't play with me, I'm warning you."	- Я тебя серьезно предупреждаю - кончай эти игры!
Langdon grinned. "Maybe for your next experiment, you could study flounders and prove the earth is flat."	- В следующем эксперименте для доказательства того, что Земля плоская, ты могла бы использовать камбалу. Отличная идея, правда?

Vittoria was steaming now, but the first faint hints of an exasperated smile appeared on her lips.	Хотя Виттория кипела от негодования, на ее губах впервые промелькнуло нечто похожее на улыбку.
"For your information, professor, my next experiment will make scientific history.	- К вашему сведению, дорогой профессор, мой следующий эксперимент будет иметь историческое значение.
I plan to prove neutrinos have mass."	Я намерена доказать, что у нейтрино есть масса.
"Neutrinos have mass?" Langdon shot her a stunned look.	- У нейтрино бывают массы? - продолжал валять дурака Лэнгдон.
"I didn't even know they were Catholic!"	- А я и понятия не имел, что они католики!

With one fluid motion, she was on him, pinning him down.	Одним неуловимо быстрым движением она опрокинула его на спину и прижала к кровати.
"I hope you believe in life after death, Robert Langdon." Vittoria was laughing as she straddled him, her hands holding him down, her eyes ablaze with a mischievous fire.	- Надеюсь, ты веришь в жизнь после смерти, Роберт Лэнгдон? - со смехом сказала Виттория, садясь на него верхом. Она старалась удержать его в горизонтальном положении, а ее глаза озорно блестели.
"Actually," he choked, laughing harder now, "I've always had trouble picturing anything beyond this world."	- Вообще-то, - ответил он, давясь от смеха, - мне всегда было трудно представить нечто такое, что может существовать за пределами нашего грешного мира.
"Really?	- Неужели?

So you've never had a religious experience?	Выходит, ты никогда не испытывал религиозного экстаза?
A perfect moment of glorious rapture?"	Не изведал момента восхитительного откровения?
Langdon shook his head. "No, and I seriously doubt I'm the kind of man who could ever have a religious experience."	- Нет, - покачал головой Лэнгдон. - Боюсь, что я вовсе не тот человек, который может вообще испытать какой-либо экстаз.
Vittoria slipped off her robe. "You've never been to bed with a yoga master, have you?"	- Это означает, - выскальзывая из халата, сказала Виттория, - что тебе еще не приходилось бывать в постели со специалистом по йоге. Не так ли?